U 415/142
II

И 415/142 3 л. плана + 1 карта.

ДВАДЦАТЬ МѢСЯЦЕВЪ

ВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

(1877—1878)

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ ГАЗЕТЫ „ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

отъ ея оффиціальнаго корреспондента,

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ УЛАНСКАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА ШТАБСЪ-РОТМИСТРА

ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ,

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ,

съ планами и картами.

ТОМЪ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1879.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
71560-46
2007052535

ДВАДЦАТЬ МѢСЯЦЕВЪ

ВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

(1877 — 1878)

ТОМЪ ВТОРОЙ

ОГЛАВЛЕНІЕ

XLVIII. Главная квартира въ Чаушкѣ-Махалѣ (стран. 1 — 4).

Осмотръ Главнокомандующимъ войскъ 9-го и 11-го корпусовъ въ мѣстахъ ихъ расположенія. — Нравственное настроеніе солдатъ послѣ второй Плевны. — Солдатская оцѣнка турокъ. — Противъ насъ не одни турки. — День тезоименитства Главнокомандующаго. — Договоръ съ г. Поляковымъ на сооруженіе бендеро-галацкой желѣзной дороги. — Предполагаемая сѣть такихъ же дорогъ въ Болгаріи. — Перенесеніе главной квартиры въ Горный Студень.

XLIX. Пріѣздъ Государя Императора въ Горный Студень (стран. 4 — 9).

Соединеніе обѣихъ главныхъ квартиръ. — Село Горный Студень. — Домъ-Хаджи-Никола. — Типъ болгарскаго чорбаджія-предателя. — Устройство помѣщенія для Государя Императора. — Помѣщеніе Великаго Князя Главнокомандующаго и штаба. — Бивуачная жизнь въ Горномъ Студнѣ. — Встрѣча Государя Императора. — Дѣло 4-го эскадрона Чугуевскаго полка, подъ Сталуицемъ, 25-го іюля.

L. Битвы на Шипкѣ (стран. 10 — 23).

Положеніе Шипкинскаго перевала послѣ отступленія генерала Гурко къ Балканамъ. — Появленіе арміи Сулеймана-паши у дер. Шипки. – Десять турецкихъ атакъ 9-го августа. — Дѣйствія турокъ 10-го числа. — Приступы 11-го числа и прибытіе стрѣлковъ 4-й бригады. — Лунное затмѣніе. — Въ какихъ условіяхъ намъ приходится драться. — Канонада 12-го числа и рана генерала Драгомирова. — Наши потери. — Самоотверженіе раненыхъ. — Ложементъ мертвецовъ. — Генералъ Радецкій. — Разрывныя пули и стрѣльба по Красному Кресту. — Англичане и поляки у турокъ. — 11-е августа — пятый день обороны. — Атака генерала Радецкаго. — Положеніе дѣла 14-го и 15-го августа. — Турки скрылись. — Пріѣздъ генералъ-адъютанта Непокойчицкаго на Шипку. — Общее число нашихъ потерь за семь дней обороны.

LI. Подробности о битвахъ первыхъ трехъ дней на Шипкѣ (стран. 23 — 43).

Описаніе нашихъ позицій на Шипкѣ по прибытіи Брянскаго полка 9-го августа, утромъ. — Дѣйствія турокъ 9-го и 10-го числа на лѣвый флангъ позиціи св. Николая (Стальную батарею). — Назначеніе полковниковъ Липинскаго и графа Толстаго. — Усиленіе нашей правофланговой позиціи. — Атака турокъ 11-го числа на нашъ правый флангъ. — Охватъ кольцомъ всей нашей позиціи на Шипкѣ и мѣры генерала Столѣтова противъ охвата. — Атака капитана Канчіолова и штабсъ-капитана Шнея. — Бой на тыльной и правофланговой нашихъ позиціяхъ. — Отчаянное положеніе и

помощь отъ графа Толстаго. — Перевязочные пункты, раненые и санитары. — Замѣшательство на правомъ флангѣ. — Смерть подполковника Беницкаго. — Встрѣча первой помощи. — Прибытіе генерала Радецкаго. — Наступленіе охотниковъ-стрѣлковъ и 11-й роты Брянскаго полка, съ пѣснями. — Отступленіе турокъ и общее увлеченіе шипкинцевъ. — Необходимость остановить дальнѣйшее наступленіе нашихъ. — Окончаніе трехсуточнаго боя. — Нравственное значеніе этой обороны и убыль наша и непріятельская. — Ночь послѣ боя.

LII. Третья Плевна. День первый, 26-го августа (стран. 44 — 55).

Дѣло 19-го августа у деревень Пелишатъ и Сгалуицъ. — Взятіе Ловчи 22-го августа. — Потери и трофеи ловчинскаго дѣла. — Выступленіе главной квартиры изъ Горнаго Студня подъ Плевну. — Подготовительныя мѣры для атаки Плевны. — Назначеніе князя Карла Румынскаго начальникомъ Западнаго русско-румынскаго отряда. — Настроеніе румынскихъ войскъ. — Прибытіе къ мѣсту дѣйствія румынской арміи, нашей кавалеріи, осадныхъ орудій и отряда князя Имеретинскаго. — 25-е августа въ селеніи Радынцѣ. — Ночное движеніе къ Плевнѣ и устройство позицій. — Планъ дѣйствій и предварительная диспозиція соединенныхъ силъ Западнаго отряда. — Первый залпъ. — Отъ Радынца до плевненскихъ позицій. — Болгарскіе бѣглецы. — Прибытіе Государя Императора на позицію. — Общій видъ поля дѣйствій. — Канонада. — Пожаръ въ турецкомъ лагерѣ. — Государь съ Великимъ княземъ Главнокомандующимъ лично обозрѣваютъ позиціи праваго фланга. — Смерть полковника Гудима. — Дѣйствія перваго дня третьей Плевны. — Расположеніе пѣхоты на позиціяхъ. — Отъѣздъ Государя Императора и Великаго Князя Главнокомандующаго съ позиціи въ Порадимъ.

LII. Третья Плевна. День второй, 27-го августа (стран. 55 — 65).

Ночная канонада съ 26-го на 27-е августа. — Приказанія по Западному отряду на 27-е число. — Дѣйствія артиллеріи 27-го числа. — Дѣйствія крайняго лѣвофлангового отряда. — Причины неудачи этихъ дѣйствій. — Дѣйствія завидскаго отряда генералъ-маіора Лашкарева. — Пребываніе Государя Императора и Великаго Князя Главнокомандующаго на позиціи. — Донесенія этого дня, полученныя Государемъ Императоромъ и Главнокомандующимъ. — Отъѣздъ главныхъ квартиръ съ позиціи. — Ночныя перепалки съ 27-го на 28-е августа и ихъ причины. — Ночныя передвиженія артиллеріи и наши потери за 27-е число.

LIV. Третья Плевна. День третій, 28-го августа (стран. 66 — 70).

Ночная канонада и передвиженіе 8-ми-орудійной осадной батареи. — Атаки турокъ противъ позиціи генерала Скобелева. — Пребываніе Государя Императора на позиціи 28-го августа. — Румынская рекогносцировка Гривицкаго редута. — Смерть артиллерійскихъ офицеровъ Гукова и Иванова. — Дѣйствія генерала Лашкарева за Видомъ. — Ночныя тревоги у турокъ.

LV. Третья Плевна. День четвертый, 29-го августа (стран. 70 — 80).

Турки даютъ намъ предостереженіе. — Умѣніе ихъ укрываться. — Атаковать или бомбардировать? — Задача дѣла, по мысли генерала Зотова. — Приказаніе атаковать 29-го числа третій гребень Зеленыхъ горъ. — Приказъ генерала Скобелева. — Овладѣніе вторымъ гребнемъ. — Канонада 29-го августа. — Великій Князь Главнокомандующій объѣзжаетъ позиціи. — Наблюденія съ Императорскаго холма. — Извѣстіе объ овладѣніи командующею высотою на южномъ фронтѣ. — Телеграмма о томъ же князя Имеретинскаго. — Рѣзкое измѣненіе погоды. — Недостатокъ у насъ артиллерійскихъ снарядовъ и вытекшая изъ этого необходимость безотлагательнаго штурма. — Диспозиція на 30-е августа.

LVI. Третья Плевна. День пятый, 30-го августа (стран. 80 — 96).

Утро 30-го числа. — Приготовленія къ торжеству тезоименитства Государя Императора на Императорскомъ холмѣ. — Молебствіе и салюты боевыми

залпами. — Завтракъ на позиціи и тостъ, провозглашенный Государемъ. — Дѣйствія 30-го августа. — Атака Гривицкаго редута. — Демонстративное движеніе полковника Рыкачева на укрѣпленный лагерь. — Отдѣльные подвиги при взятіи Гривицкаго редута и положеніе его защитниковъ послѣ взятія до слѣдующаго утра. — Дѣйствія сводной дивизіи 4-го корпуса въ центрѣ, противъ Радишевскаго редута. — Преждевременная атака полковника Тихменева и ея послѣдствія. — Громадная убыль центра. — Дѣйствія лѣвофланговаго отряда. — Атака третьяго кряжа Зеленыхъ горъ. — Мнѣнія солдатъ и турокъ о генералѣ Скобелевѣ. — Общая картина поля сраженія, на закатѣ солнца, съ Императорскаго холма. — Иностранные агенты. — Ночлегъ Великаго Князя Главнокомандующаго и князя Карла въ колясках, на позиціи. — Извѣстія изъ отряда генерала Скобелева. — Ночь съ 30-го на 31-е августа.

LVII. Третья Плевна. День шестой, 31-го августа (стран. 97 — 107).

Первая атака турокъ противъ Скобелева. — Просьба его о подкрѣпленіяхъ. — Первый отказъ. — Генералъ Крыловъ, на свой страхъ, отправляетъ къ нему Шуйскій полкъ. — Совѣщаніе на Императорскомъ холмѣ и предложеніе генерала Зотова атаковать Кришинскій редутъ. — Вторичный отказъ Скобелеву въ подкрѣпленіяхъ и данная ему программа дѣйствій на нынѣшній день. — Вторая и третья атаки турокъ противъ Скобелева. — Замѣчательный случай съ капитаномъ Куропаткинымъ. — Отсутствіе резервовъ и сборныя команды. — Четвертая атака турокъ. — Недоброе затишье. — Ужасное положеніе двухъ редутовъ, взятыхъ Скобелевымъ. — Скобелевъ въ редутахъ. — Приготовленія ко встрѣчѣ новой атаки. — Вѣра въ нашъ успѣхъ утрачена. — Пятая атака турокъ. — Приказаніе отступать изъ редутовъ. — Геройская защита подполковника Мосцеваго и доблестная смерть маіора Горталова. — Скобелевъ съ Шуйскимъ полкомъ лично прикрываетъ отступленіе остатковъ своего отряда. — Его потери и общая убыль соединеннаго Западнаго отряда за дни третьей Плевны. — Отзывъ иностранныхъ свидѣтелей объ отступленіи Скобелева. — Прочія дѣйствія 31-го числа. — Государь Императоръ на позиціи. — Представленіе Великому Князю Главнокомандующему знамени, взятаго румынами.

LVIII. Третья Плевна. День седьмой, 1-го сентября (стран. 108—124).

Турки отвѣчаютъ только Скобелеву. — Пріѣздъ главныхъ квартиръ на позицію. — Военный совѣтъ на Императорскомъ холмѣ. — Мнѣнія генерала Зотова, Военнаго Министра и генерала Левицкаго. — Рѣшеніе военнаго совѣта и продолженіе совѣщанія по отъѣздѣ Государя Императора. — Опять Донъ-Карлосъ. — Разборъ причинъ нашей новой неудачи.

LIX. Подъ Плевной до пріѣзда генерала Тотлебена (стран. 125 — 128).

Безотвѣтная канонада 2-го сентября. — Военное совѣщаніе на центральной батареѣ. — Осмотръ Главнокомандующимъ нашихъ и турецкихъ позицій. — Великій Князь намѣчаетъ мѣста для новыхъ батарей. — Атака турокъ на Гривицкій редутъ. — Румыны дерутся молодцами. — Дѣйствія 3-го сентября. — Начало правильной блокады. — Отъѣздъ главныхъ квартиръ въ Горный Студень. — Рекогносцировка графа Штакельберга 8-го сентября за Видомъ. — Рекогносцировка Телиша, произведенная 9-го сентября полковникомъ Тутолминымъ. — Проходъ транспорта и отряда Шефкетъ-паши въ Плевну 10-го сентября. — Пріѣздъ генерала Тотлебена.

LX. Дѣйствія кавалеріи за Видомъ (стран. 128 — 162).

Назначеніе сводно-кавалерійскаго корпуса. — Смѣна съ позицій, ея неудобства и необходимость. — Состояніе кавалерійскихъ полковъ завидскаго отряда. — Цѣль дѣйствій генерала Крылова. — Рекогносцировка 8-го сентября и дѣло графа Штакельберга подъ Телишемъ. — Рекогносцировка полковника Тутолмина на Телишъ 9-го сентября и ея результаты. — Неудобства опорнаго пункта въ Дольнемъ Дубнякѣ. — Дѣло генераловъ Крылова и

Лашкарева 10-го сентября и проходъ транспорта съ 10-ти-тысячнымъ прикрытіемъ въ Плевну. — Расположеніе генерала Крылова въ Семеретъ-Трестеникѣ и письмо къ нему генерала Зотова. — Письмо князя Карла и новое назначеніе завидскаго отряда. — Экспедиція къ городу Рахову. — Отбитіе двухъ транспортовъ митропольскимъ отрядомъ. — Поискъ полковника Левизъ-офъ-Менара съ 18-го по 25-е сентября и его результаты. — Дѣло 20-го сентября подъ Дольнимъ Митропольемъ. — Общіе выводы.

LXI. Дѣйствія сельви-ловчинскихъ партизановъ (стран. 162 —171).

Районъ дѣйствій сельви-ловчинскихъ партизановъ. — Поискъ войсковаго старшины Тарасова на с. Турскій Изворъ 21-го сентября. — Второй поискъ его же на Торосъ, Изворъ и Тетевень 23-го сентября. — Поискъ войсковаго старшины Антонова на Тетевень съ 27-го по 29-е сентября. — Неистовства турокъ надъ болгарскими женщинами и дѣтьми въ Торосѣ. — Третій поискъ Тарасова на Торосъ 28-го сентября. — Эсаулъ Сохрановъ. — Казакъ Буяновъ. — Турчанки-плѣнницы. — Показанія плѣнныхъ турокъ. — Освобожденіе плѣнныхъ болгарскихъ женщинъ и дѣтей. — Нѣчто по этому поводу о русскихъ сердобольницахъ. — Результаты поиска Тарасова.

LXII. Высылка англійскаго корреспондента (стран. 171 — 176).

Условія допущенія корреспондентовъ въ армію. — Г. Фредерикъ Бойль. — Его корреспонденція отъ 24-го августа, изъ Порадима. — Объясненіе полковника Газенкампфа съ г. Бойлемъ. — Высочайшія награды русскимъ и иностраннымъ корреспондентамъ.

LXIII. Преступленія въ арміи (стран. 177 — 188).

Нѣчто о состояніи дисциплины въ дѣйствующей арміи. — Уголовныя преступленія. — Покушеніе, съ цѣлью грабежа, на жизнь корреспондента, г. Поньона. — Поднятіе оружія противъ начальника. — Побѣгъ къ непріятелю, съ принятіемъ участія въ его военныхъ дѣйствіяхъ. — Болгарская разбойничья шайка и ея дѣянія.

LXIV. День на Великокняжеской батареѣ (стран. 188 — 194).

Выступленіе главной квартиры изъ Горного Студня подъ Плевну. — Ночлегъ въ с. Лижанѣ. — Костелъ и церковь. — 11-е октября на позиціи передъ Плевной. — Бивуакъ на Великокняжеской батареѣ. — Юрта Главнокомандующаго. — Принцъ Арнульфъ Баварскій. — Пріѣздъ Великаго Князя на позицію. — Гороховый англичанинъ. — Утренніе и вечерніе залпы. — Видъ на турецкія позиціи. — Картина «прощальнаго» залпа. — Обѣдъ на воздухѣ. — Пріѣздъ генерала Тотлебена. — Что-то будетъ. — Вечеръ на позиціи.

LXV. Бой подъ Горнимъ Дубнякомъ и Телишемъ (стран. 195 — 221).

Ночное движеніе лейбъ-казаковъ къ Каракіою. — Каломанъ Ивановичъ. — Бивуакъ Бугскаго уланскаго полка. — Каракіойское ущелье. — Дорога до Медована. — Волынская позиція. — Медованскій курганъ. — Видъ на завидское плоскогорье и нѣсколько историческихъ воспоминаній. — Характеръ горно-дубняцкой укрѣпленной позиціи. — Диспозиція горно-дубняцкаго боя. — Бой 12-го октября. — Успѣхъ артиллерійскаго и безуспѣшность ружейнаго нашего огня. — Начало атаки и первыя наши потери. — Взятіе восточнаго редута. — Сближеніе артиллеріи къ непріятельской позиціи и призывъ подкрѣпленій. — Потери отъ своихъ гранатъ. — Необходимость окончить дѣло скорѣе. — Несостоявшіяся распоряженія для новаго штурма. — Недоразумѣніе съ тремя условными залпами. — Рядъ неудачныхъ отдѣльныхъ попытокъ штурма. — Недоразумѣніе съ бѣлымъ флагомъ. — Затишье предъ послѣднею попыткой. — Совѣщаніе генерала Гурко съ графомъ Шуваловымъ. — Взятіе главнаго редута. — Восторгъ войскъ. — Павловскій дѣтина. — Рядовой Овчинниковъ. — Ахметъ-Хивза-паша и его начальникъ штаба. — Трофеи и плѣнные. — Позиція предъ Дольнимъ Дуб-

някомъ. — Дѣло подъ Телишемъ и дѣйствія побочныхъ кавалерійскихъ отрядовъ. — Демонстрація противъ Плевны. — Попытка вылазки изъ Плевны на тренинскую позицію. — Отъѣздъ Великаго Князя съ Медованскаго кургана. — Ральевское ущелье. — Наши потери. — Ю. В. Любовицкій.

LXVI. Сдача Телиша и плѣнные въ Боготѣ (стран. 221 — 245).

Великій Князь Главнокомандующій осматриваетъ мѣсто горно-дубняцкаго боя. — Каково было дѣйствіе нашихъ гранатъ. — Признаніе Ахмета-Хивзи-паши. — Тактика турокъ. — Турецкіе плѣнники въ Боготѣ. — Наружность Ахмета-Хивзи-паши и показанія, данныя имъ Главнокомандующему. — Интересный разговоръ Н. Д. Макѣева съ Ахметомъ-Хивзи о мусульманскихъ «добровольцахъ». — Государь Императоръ въ Боготѣ. — Новыя назначенія. — Артиллерійское дѣло 16-го октября подъ Телишемъ. — Сдача Телиша. — Лива Измаилъ-Хакки-паша. — Плѣнные турки и англичане. — Гг. Вечель и Дугласъ. — Неистовства турокъ въ Телишѣ. — Протоколъ на мѣстѣ преступленій. — Показанія гг. Вечеля и Дугласа. — Протоколъ о томъ же, составленный г. Нелидовымъ. — Турецкій имамъ. — Плѣнные офицеры въ Боготѣ. — Еще объ Измаилѣ-Хакки. — Али-эфенди, барашекъ бѣдный.

LXVII. Дальнѣйшія дѣйствія на путяхъ сообщеній Османа (стран. 245 — 258).

Мѣры генерала Тотлебена для полнаго обложенія Плевны. — Бѣгство Шефкета-паши и высылка изъ Плевны жителей, какъ результаты нашихъ успѣховъ 12-го и 16-го октября. — Взятіе Тетевеня 19-го октября. — Занятіе Дольняго Дубняка 20-го октября. — Осмотръ Главнокомандующимъ дольно-дубняцкой позиціи и устройство нашихъ оборонительныхъ линій за Видомъ. — 21-е октября въ главной квартирѣ и рекогносцировка лейбъ-драгунъ на врацской дорогѣ. — Посѣщеніе Государемъ Императоромъ завидскихъ позицій. — Пребываніе Государя въ Медованѣ, въ домѣ Дервишъ-эфенди. — Вѣсти изъ Плевны. — Дѣйствія 24-го октября въ Скобелевскомъ отрядѣ. — Занятіе Яблоницкаго ущелья Кавказскою бригадою и рекогносцировка лейбъ-уланъ на Рахово. — Осмотръ Государемъ Императоромъ и Главнокомандующимъ тренинской и волынской позицій 24-го октября.

LXVIII. Взятіе перваго гребня Зеленыхъ горъ и жизнь въ траншеяхъ (стран. 258 — 268).

Скобелевскій бивуакъ. — Взятіе перваго гребня Зеленыхъ горъ 28-го октября. — Жизнь Скобелева въ траншеѣ. — Отраженіе имъ атаки турокъ въ ночь на 30-е октября. — Уцѣлѣвшій секретъ. — Жизнь въ траншеяхъ. — Невскій проспектъ, Большая Морская и «Belle-vue». — Отношенія Скобелева къ солдатамъ. — Случаи изъ траншейной жизни. — Заложеніе новыхъ траншей. — Цѣль занятія перваго гребня.

LXIX. Взятіе Врацы (стран. 269 — 272).

Рекогносцировка штабсъ-капитана Вилламова. — Движеніе двухъ кавалерійскихъ колоннъ на Врацу. — Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ во Врацѣ. — Атака конно-гренадеръ на городъ и уланъ Его Величества на ложементы. — Вступленіе войскъ въ городъ и добыча, найденная въ немъ.

LXX. Нижне-дунайскій, Рущукскій, Елененскій и Шипкинскій отряды. (Обзоръ дѣйствій за первую половину ноября мѣсяца) (стран. 272 — 287).

Задачи нашихъ силъ на восточномъ, южномъ и западномъ фронтахъ. — Дѣйствія нижне-дунайскаго отряда. — Рекогносцировки на Урумъ-Факи, Хаджи-Оглу-Базарджикъ, Бальчикъ и схватки летучихъ отрядовъ у Орманъ-Куюса, Карасулара, Ирыджи и Герзамлы. — Результатъ этихъ дѣйствій. — Попытки турокъ къ переправѣ на румынскій берегъ. — Канонады подъ

Журжевымъ. — Дѣйствія на восточномъ фронтѣ. — Аванпостныя схватки.— Кавалерійское дѣло 3-го ноября подъ Кацелевымъ и Острицею. — Дѣла 5-го ноября противъ фуражировъ. — Бой 7-го ноября у Пиргоса. — Мелкія дѣла и стычки съ 8-го по 12-е октября. — Наступленіе турокъ 13-го числа и дѣла у деревень Паломарце, Кропче и Ковачицы. — Польская кавалерія у турокъ. — Бой 14-го ноября у Мечки и Трестеника. — Дѣйствія елененскаго отряда. — Дѣла 4-го и 5-го ноября у Новосела и Златарицы. — Сборъ турецкихъ силъ противъ елененскаго отряда. — Положеніе дѣлъ на Шипкѣ.

LXXI. Подъ Плевной. (Обзоръ дѣйствій за первую половину ноября мѣсяца) (стран. 287 — 300).

Раздѣленіе нашихъ плевненскихъ позицій на шесть участковъ. — Протяженіе и количество войскъ каждаго участка. — Обыденныя перепалки у Скобелева. — Извѣстіе о взятіи Карса и распоряженіе по этому поводу Государя Императора. — Молебствіе у Царскаго редута. — Праздникъ въ траншеяхъ. — Скобелевъ извѣщаетъ турокъ о взятіи Карса. — Взятіе Рахова, 7-го ноября. — Доробанцы. — Еще одинъ мониторъ ко дну! — Вѣсти изъ Плевны. — Показаніе одного изъ слугъ Османа-паши. — Посѣщеніе Государемъ Императоромъ румынскаго редута и приказъ князя Карла по сему поводу. — Литовскіе офицеры въ гостяхъ у турокъ.

LXXII. Дѣйствія отдѣльнаго западнаго отряда (стран. 300 — 326).

Назначеніе отдѣльнаго западнаго отряда. — Его составъ и выступленіе изъ-подъ Плевны. — Ближайшая цѣль дѣйствій. — Движеніе на Правецъ. — Обходное движеніе генерала Рауха. — Дѣло 11-го ноября на правецкой позиціи. — Дѣйствія праваго демонстративнаго отряда генерала Клота. — Путь кавалеріи въ горахъ. — Рекогносцировка на селенія Рашково и Радотино. — Ночлегъ въ Рашковѣ. — Выборъ артиллерійской позиціи противъ Лютакова. — Распоряженія генерала Клота. — Непригодность артиллерійской позиціи. — Извѣстія отъ полковника Лихтанскаго. — Встрѣча съ отрядомъ Лихтанскаго и распоряженія по сему поводу генерала Клота. — Дѣйствія полковника Лихтанскаго 10-го ноября противъ новачинскихъ укрѣпленій. — Затрудненія въ пути при его отступленіи и гибель двухъ орудій. — Потери лейбъ-драгунъ. — Дѣйствія лѣваго демонстративнаго отряда генерала Дандевиля. — Цѣль дѣйствій. — Рекогносцировка этропольскихъ позицій. — Дѣйствія 10-го ноября отрядовъ Принца Ольденбургскаго и полковника Рыдзевскаго. — Взятіе редута преображенцами 11-го числа. — Атака преображенскихъ охотниковъ капитана Пищевича 12-го числа на главный редутъ. — Бой на этропольскихъ позиціяхъ. — Занятіе Этрополя. — Потери въ отрядѣ Дандевиля. — Преслѣдованіе турокъ 13-го числа въ Златицкомъ и Скрыгловскомъ ущельяхъ. — Занятіе Орханіэ. — Взятіе высоты Греота. — Турки на араба-конакской позиціи. — Дѣйствія отрядовъ Дандевиля и Эллиса противъ араба-конакской позиціи съ 17-го по 21-е ноября. — Наши потери. — Спускъ генералъ-маіора Курнакова и графа Комаровскаго съ Балканскаго хребта къ Златицѣ, 21-го ноября.

LXXIII. Паденіе Плевны. Бой за Видомъ, 28-го ноября (стран. 326 — 339).

Куда долженъ былъ пробиваться Османъ. — Прекращеніе турецкаго огня. — Показаніе перебѣжчика и экспедиція особыхъ секретовъ. — Распоряженія генерала Тотлебена. — Ночныя донесенія *на слухъ* съ нашихъ аванпостовъ у Вида. — Что̀ обнаружилось на разсвѣтѣ. — Первый огонь. — Сигнальная ракета и бой тревоги на гренадерскихъ линіяхъ. — Первыя распоряженія генерала Данилова. — Наступленіе турокъ и его исключительный характеръ. — Османъ-паша. — Атаки на Сибирскій полкъ и окопы № 3 и № 4. —

Восемь нашихъ орудій въ рукахъ турокъ. — Малороссійцы выручаютъ. — Слова генерала Ганецкаго, обращенныя къ астраханскимъ гренадерамъ. — Генералъ Ганецкій въ боевой линіи. — Прибытіе 2-й бригады 2-й гренадерской дивизіи. — Наша атака и ея трофеи. — Отступленіе турокъ. — Османъ-паша раненъ. — Картина отступленія. — Артиллерія полковника Щеголева. — Бѣлый флагъ и присылка парламентеровъ. — Записка къ Осману-пашѣ. — Побѣдное «ура!»

LXXIV. Паденіе Плевны. Сдача Османа (стран. 339 — 348).

Встрѣча и переговоры генерала Струкова съ Тевфикъ-пашою у каменнаго моста. — Критическая минута послѣ «отбоя». — Генералъ Ганецкій отправляетъ Струкова къ Осману. — У шоссейнаго домика, среди турокъ. — Какъ нашелъ Струковъ Османа, его обстановку и наружность. — Объясненіе между ними. — Фатализмъ Османа. — Свиданіе генерала Ганецкаго съ Османомъ. — Тяжелая минута медлительности. — Османъ отдаетъ приказаніе о сдачѣ арміи и вручаетъ свою саблю Ганецкому. — Нѣмой протестъ турецкаго войска и его обезоруженіе. — Пріѣздъ обоихъ Скобелевыхъ, знакомство и разговоръ ихъ съ Османомъ. — Отправленіе Османа и его свиты въ Плевну.

LXXV. Паденіе Плевны. Главнокомандующій на мѣстѣ дѣйствія (стран. 348 — 361).

Выѣздъ изъ Богота къ Плевнѣ. — Наши радишевскія траншеи. — Мертвецы въ лощинѣ. — Турецкій редутъ и неразорванныя гранаты. — Внутренность редута и турецкія землянки. — Видъ на Плевну. — Остановка Великаго Князя на плоскогорьи и донесенія изъ отрядовъ. — Свиданіе съ плевненскими болгарами и свѣдѣнія сообщенныя ими. — Великій Князь въѣзжаетъ въ Плевну. — Турецкое кладбище. — Жалкій видъ разрушеннаго предмѣстья. — Мертвенность города. — Любовь турокъ къ деревьямъ. — Вѣсть о сдачѣ Османа. — Общая картина позицій и войскъ съ надвидской крутизны. — Спускъ къ Виду. — Великій Князь предъ Видскимъ мостомъ благодаритъ войска. — Раненые и умирающіе. — Дорога отъ моста къ Плевнѣ. — Оружіе, обозы и плѣнные. — Встрѣча Великаго Князя съ Османомъ. — Море красныхъ фесокъ. — Вступленіе Главнокомандующаго и войскъ въ Плевну.

LXXVI. Государь Императоръ въ Плевнѣ (стран. 361 — 368).

Сборъ къ молебствію въ редутѣ № 5. — Зеленогорскія траншеи. — Устройство ихъ у насъ и у турокъ. — Устье Тученицкаго оврага. — Русскіе трупы и кости. — Багажъ Османа-паши. — Прибытіе Великаго Князя и войскъ къ мѣсту укрѣпленнаго лагеря. — Пріѣздъ туда же Государя Императора. — Встрѣча Государя съ Главнокомандующимъ. — Высочайшія награды Главнокомандующему и прочимъ высшимъ чинамъ арміи. — Молебствіе на мѣстѣ ставки Османа. — Въѣздъ Государя въ городъ и встрѣча, сдѣланная духовенствомъ и горожанами. — Царскій завтракъ въ Плевнѣ. — Представленіе Османа-паши Его Величеству и разговоръ съ нимъ Государя Императора. — Возвращеніе Осману его оружія. — Миртовая вѣтка. — Благодарственный приказъ Главнокомандующаго по дѣйствующей арміи.

LXXVII. Османъ и плѣнные паши въ Боготѣ (стран. 369 — 379).

Юрта и почетный караулъ, приготовленные для Османа. — Итоги послѣдняго боя. — Поѣздъ Османа и встрѣча его на дорогѣ съ кришинскими таборами. — Юнусъ-бей, противникъ Скобелева. — Встрѣча Османа въ Боготѣ. — Обѣдъ плѣнныхъ пашей. — Радостная вѣсть изъ Рущукскаго отряда и мнѣніе по этому поводу одного изъ плѣнниковъ. — Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ разговоровъ съ пашами. — Мнѣнія одного изъ пашей о стратегической ошибкѣ Османа. — Стратегическій планъ кампаніи у турокъ. — Мнѣнія плѣнныхъ о самомъ Османѣ. — Посѣщеніе Османа Великимъ Княземъ и ихъ бесѣда. — Визитъ къ нему М. Д. Скобелева и разговоръ о турецкихъ жестокостяхъ. — Письмо Османа по поводу жестокостей къ Реуфу-пашѣ и

телеграмма его къ секретарю верховнаго визиря. — Отъѣздъ Османа въ Россію. — Гуссейнъ-Вассфи-паша — революціонеръ турецкій и г. Оливье Пенъ — революціонеръ французскій. — Маіоръ Сулейманъ-Ага-Дурзіевъ. — Англо-индійскія рупіи.

LXXVIII. Отъѣздъ Государя Императора изъ арміи (стран. 380 — 387).

Прощальный визитъ князя Карла Главнокомандующему и его приказъ по блокадному отряду. — Высочайшій смотръ русско-румынскихъ войскъ 2-го декабря, на мѣстѣ послѣдняго боя. — Наши трофеи и боевой призъ. — Милліарды патроновъ. — Высочайшія награды рядовымъ Карабанову и Егору Жданову. — Возвращеніе Государя въ Плевну. — Море черныхъ бараньихъ шапокъ. — Обѣдъ у Главнокомандующаго въ Плевнѣ. — Привѣтствіе Государю отъ болгарскихъ городскихъ дѣвушекъ и адресъ Его Величеству отъ плевненскихъ гражданъ. — Прощальный приказъ Государя Императора по дѣйствующей арміи.

LXXIX. Жизнь въ Боготѣ (стран. 387 — 397).

Предполагаемое передвиженіе главной квартиры. — Вьюги и морозы. — Жертвы мороза. — Болгарскія «кешты» (хаты), ихъ устройство и обстановка. — Обиходная жизнь болгарскихъ сельчанъ зимою. — Какъ живутъ офицеры въ кештахъ. — Отсутствіе конскаго корма. — Скудость съѣстныхъ припасовъ и здѣшнія цѣны на продукты первѣйшей необходимости. — Лишенія, переносимыя Великимъ Княземъ. — Иллюзіи и дѣйствительность боевой жизни. — Отсутствіе крупныхъ военныхъ новостей. — Одинъ изъ боевыхъ кавалерійскихъ эпизодовъ въ Этропольскомъ Балканѣ. — Письмо къ Великому Князю Главнокомандующему отъ московскихъ каменовскихъ баньщиковъ. — Отсрочка въ выступленіи главной квартиры изъ Богота.

LXXX. Переходъ черезъ Траянъ. Ночная демонстрація на Траянѣ 23-го декабря (стран. 398 — 421).

Назначеніе и составъ траянскаго отряда. — Что̀ такое Траяновъ проходъ. — Невѣроятность успѣха на Траянѣ. — Въ чемъ кроются его опасности. — Необходимость жертвы. — Раздѣленіе отряда на три эшелона. — Задача 1-го эшелона. — Обходный отрядъ подполковника Сухомлинова. — Распоряженія генерала Карцова. — Путь отъ города Траяна до Княжевицкихъ колибъ. — Хлопоты съ артиллеріею. — Отецъ Макарій, Цеко Петковъ и Георгій. — Ночь на бивуакѣ въ Княжевицкихъ колибахъ. — Выступленіе 1-го эшелона въ утро 23-го декабря. — Путь въ Балканахъ и работа при подъемѣ орудій. — Горная тишь и фантастическія картины. — Встрѣча съ болгарами-четниками. — Въ царствѣ облаковъ. — Траянская овчарня — нашъ перевязочный пунктъ. — Необходимость демонстраціи въ ночь съ 23-го на 24-е декабря и соотвѣтственныя распоряженія подполковника Сосновскаго. — Траяновъ черепъ. — Баснословный путь стрѣлковъ 10-го батальона. — Проложеніе пути по черепу. — Движеніе къ турецкимъ укрѣпленіямъ. — Полковникъ Грековъ. — Сигнальный костеръ. — Ночная демонстрація и огонь турокъ. — Сонъ подъ пулями. — Раненые. — Ветеринарный врачъ Котлубай. — Капитанъ Шелеповъ и наши резервы. — Русскій крикъ изъ турецкаго укрѣпленія. — Конецъ демонстраціи. — Спускъ съ черепа. — Мы сбились съ пути. — Ужасы спуска. — 22 градуса мороза.

LXXXI. Переходъ черезъ Траянъ. Сочельникъ и Рождество Христово на Траянѣ (стран. 421 — 428).

Утро въ балканскомъ лѣсу. — Наши вчерашнія потери. — Разрывныя пули. — Прибытіе 2-го эшелона. — Рекогносцировки турецкихъ укрѣпленій и установка нашего орудія на позиціи. — Пробные выстрѣлы. — Демонстрація кострами. — Результаты ночной демонстраціи 23-го декабря и совѣщаніе

между старшими чинами отряда. — Канунъ и праздникъ Рождества Христова на вершинахъ Траяна. — Черты солдатскаго великодушія. — Прибытіе 3-го эшелона съ подполковникомъ Сухомлиновымъ. — Неудавшееся обходное движеніе Сухомлинова. — Подвозъ припасовъ. — Рекогносцировка обходнаго пути на Карнари и установка втораго орудія. — Диспозиція штурма на 26-е декабря.

LXXXII. Переходъ черезъ Траянъ. Бой на Траянѣ 26-го декабря (стран. 429 — 438).

Движеніе обходной колонны полковника Грекова. — Минутный вихрь. — Движеніе колонны графа Татищева. — Канонада. — Штурмъ карнарскихъ укрѣпленій. — Наступленіе противъ главныхъ траянскихъ укрѣпленій. — Охотники. — Общій видъ на Траянѣ и характеръ турецкой позиціи. — Памятная пуля. — Психическій эффектъ пули и гранаты. — Передовой перевязочный пунктъ. — О. Іоаннъ Доброхотовъ. — Смерть штабсъ-капитана Швейбуцкаго. — Штурмъ «Орлинаго гнѣзда». — Нижніе чины, отличившіеся на штурмѣ.

LXXXIII. Переходъ черезъ Траянъ. Занятіе Текке и Карнари (стран. 438 — 452).

Турецкія звѣрства на Траянѣ. — «Орлиное гнѣздо», его внутренность и устройство. — Дьяконы-добровольцы и дѣвушки-войнички. — Характеръ южнаго склона Траянскихъ Балкановъ. — Путь отступленія турокъ и наше преслѣдованіе. — На рубежѣ земли обѣтованной. — Salto mortale. — Вступленіе въ Текке. — Небезопасное положеніе нашего отряда. — Зажиточный турецкій домъ въ Текке. — Переходъ въ Карнари, 27-го декабря, и наши траянскія трофеи. — Показанія плѣнныхъ. — Дѣйствія обходной колонны Грекова 26-го числа, въ «Долинѣ Розъ». — Взятіе съ боя турецкаго обоза. — Атака кургана. — Наши потери. — Заслуга траянскаго отряда.

LXXXIV. Въ Долинѣ Розъ (стран. 453 — 470).

Бѣглый взглядъ на военныя событія послѣдняго періода кампаніи. — Первая ночь по спускѣ съ Траяна. — Горная буря. — Долина Розъ и ея богатства. — Извѣстія, доставленныя нашими развѣдочными партіями 27-го и распоряженія генерала Карцова 28-го декабря. — Задержки артиллеріи на спускѣ. — Сигналъ изъ отряда графа Комаровскаго, 29-го декабря. — Дѣйствія 29-го и 30-го декабря. — Пріѣздъ турецкаго парламентера, Моизъ-эфенди, 31-го декабря. — Разговоръ съ нимъ генерала Карцова. — Извѣстіе о плѣненіи шипкинской арміи и, въ связи съ этимъ, дальнѣйшее движеніе отряда генерала Карцова. — Наши плѣнники. — Мѣропріятія генерала Карцова. — Отъ Карнари до Карлова. — Развалины Сопота. — Сопотскія монахини. — Неистовства и кощунства турокъ въ карловскихъ церквахъ. — Городъ Карлово. — Дѣйствія 1-го января.

LXXXV. Отъ Карлова до Чирпана (стран. 471 — 489).

Движеніе войскъ генерала Карцова, 2-го января, къ Филиппополю. — Распоряженія генерала Карцова въ Карловѣ. — Генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 1-й принимаетъ начальство надъ кавалеріей траянскаго отряда. — Стычка въ Каратопракѣ. — Турецкіе продовольственные склады. — Каратопракъ и его школа. — Причины движенія отряда Карцова на Чирпанъ. — Характеръ мѣстности. — Отголоски боя 5-го января. — Ночлегъ въ Караорманѣ. — Домъ болгарскаго священника. — Извѣстія, полученныя въ ночь на 6-е января. — Необходимость дневки. — Городъ Чирпанъ и встрѣча, сдѣланная его жителями генералу Карцову. — Турецкія депеши на чирпанской телеграфной станціи. — Турецкіе запасы, найденные въ Чирпанѣ. — Гостепріимство чирпанскихъ болгаръ. — Характеристика румелійскихъ болгаръ. — Чирпанское винодѣліе и экономическое положеніе жителей-христіанъ. — Предписаніе о подчиненіи траянскаго отряда генералу Гурко и результаты его дѣйствій.

LXXXVI. Переправа черезъ Марицу у Іени-Магале (стран. 489 — 497).

Разливъ Марицы. — Трагическіе слѣды турецкой переправы. — Устройство переправы 3-ю ротою 6-го сапернаго батальона. — Выступленіе отряда къ переправѣ. — Свиньи, какъ предметъ мщенія турокъ. — Оставленіе колеснаго обоза. — Переправа пѣхоты и артиллеріи. — Поиски брода и случай съ казакомъ-охотникомъ. — Переправа конницы. — Станція Іени-Магале. — Продолженіе переправы вечеромъ, въ метель и бурю. — Мерзкій ночлегъ.

LXXXVII. Отъ Іени-Магале до Адріанополя (стран. 498 — 519).

Мертвые и умирающіе на дорогѣ. — Изумительныя звѣрства. — Городъ Хаскіой и обыватели-турки. — Отпѣваніе мучениковъ. — Ночная перестрѣлка на 10-е января въ д. Фертелю. — Взаимныя жалобы болгаръ на турокъ и турокъ на низамовъ. — Шальныя пули по улицамъ Хаскіоя. — Отъ Хаскіоя до Германлы. — Дорога смерти и крови. — Побоище 8-го января. — Божья кара. — Люди, уцѣлѣвшіе отъ побоища. — Въ ожиданіи смерти. — Ловкій гешефтъ Грегеровскаго агента. — «Артельныя дѣти». — Мѣстечко Германлы. — Пропажа двухъ батальоновъ. — Общій видъ долины рѣки Марицы. — Встрѣчные болгары и турки на дорогѣ. — Турецкая «чугунка». — Городъ Мустафа-Паша-Кепри-Су. — Дорога отъ Мустафа-Паши до Адріанополя. — Гвардейская пѣхота на походѣ.

LXXXVIII. Адріанополь (стран. 519 — 554).

Характеръ мѣстности отъ Мустафа-Паши до Адріанополя. — Панорама Адріанополя издали. — Предмѣстіе Ильдеримъ. — Каменный мостъ. — Главная улица, устройство лавокъ, торговля и промышленность. — Превращеніе лавокъ въ кабачки. — Собаки, мальчишки и нищіе. — Характеръ и пестрота уличнаго населенія. — Кто лучше? — Конакъ. — Женщины христіанки и турчанки. — Улица Хаджи-Шерифъ-бей и ея достопримѣчательности. — Домъ Хаджи-Шерифъ-бея и вообще устройство городскихъ турецкихъ домовъ стараго и новаго пошиба. — Аферы грековъ съ турецкою собственностію. — Въ ожиданіи пріѣзда Великаго Князя. — Почетный караулъ. — Лавочка для обновленія фесокъ. — Пушки и фортъ. — Въѣздъ Великаго Князя въ Адріанополь. — Внутреннее убранство конака. — Адріанопольскіе трактиры и рестораны. — Встрѣча съ соотечественницею. — Цирюльня и анекдотъ съ часами. — Турецкія бани. — Нѣчто о «восточной красотѣ» турецкихъ женщинъ. — Турецкая иллюминація. — Джамія Селима. — Турецкій пѣвецъ-духовный. — Внутренность джаміи Селима и ея освѣщеніе. — Адріанопольскій базаръ и его товары. — Характеристика купцовъ — турокъ, евреевъ, армянъ и грековъ. — Загородная роща и ея назначеніе. — Развалины стараго сераля. — Что̀ уцѣлѣло отъ пороховаго взрыва и слѣды ужаснаго пожара. — Небезопасность загородныхъ и ночныхъ прогулокъ. — Пожаръ въ казармахъ. — Адріанополь пять мѣсяцевъ спустя по занятіи его русскими войсками. — Отношеніе къ намъ мѣстныхъ турокъ. — Армяно-турецкій театръ. — Армянская ода въ честь русскихъ. — Какъ смотрятъ на насъ адріанопольскіе греки. — Общее заключеніе.

LXXXIX. Отъ Адріанополя до моря Эгейскаго (стран. 554 — 578).

Выступленіе изъ Адріанополя. — Пустыня. — Ночлегъ въ Эмирли и нашъ хозяинъ-армянинъ. — Судъ не по турецки. — Отъ Эмирли до Демотики. — Общій видъ Демотики. — «Калимера-сасъ». — Наша квартира. — Архимандритъ Герасимъ, его дѣятельность и разсказы о мѣстныхъ отношеніяхъ. — Какъ была занята Демотика разъѣздомъ корнета Миллера. — Уличная жизнь въ Демотикѣ. — Городская мечеть и приходская церковь. — Прокламація великаго визиря къ болгарамъ. — Подземная тюрьма для государственныхъ преступниковъ. — Занятіе Деде-Агача. — Картинный видъ на Эгейское море.

XC. Набѣгъ генерала Струкова (стран. 579 — 623).

Заслуга кавалеріи. — Составъ летучаго отряда. — Ближайшая цѣль его дѣйствій. — Показанія плѣнныхъ. — Ночная рекогносцировка семенли-трновскаго моста 2-го января. — Занятіе этого моста 3-го числа. — Занятіе Іени-Загры. — Система дѣйствій летучаго отряда генерала Струкова. — Дѣло у Германлы въ ночь съ 4-го на 5-е января. — Встрѣча съ турецкимъ посольствомъ къ Великому Князю. — Укрѣпленіе Германлыйской позиціи. — Занятіе города Мустафа-Паша-Кепри-Су. — Вѣсти изъ Адріанополя и занятіе этого города 8-го января. — Встрѣча со стороны населенія, депутаціи и выходка австрійскаго консула. — Занятіе адріанопольской станціи и находка 28-ми орудій. — Визитъ четырехъ консуловъ. — Прибытіе генерала Скобелева и его войскъ въ Адріанополь. — Занятіе городовъ Гефсу и Баба-Эски. — Казачьи схватки при Люле-Бургасѣ 13-го января. — Занятіе Люле-Бургаса и станціи Павло. — Становища турецкихъ бѣглецовъ у Люле-Бургаса. — Дѣло при Чорлу, 17-го января, и занятіе этого города. — Занятіе Силиври и Чаталджи. — Приказъ генерала Скобелева 2-го и его оцѣнка дѣйствій летучаго отряда.

XCI. Набѣгъ на Гюмурджину (стран. 623 — 643).

Назначеніе двухъ кавалерійскихъ отрядовъ, по разбитіи арміи Сулеймана-паши. — Распоряженія генерала Гурко о партизанскихъ дѣйствіяхъ. — Перестрѣлка казачьяго разъѣзда 19-го января въ д. Карамалы. — Движеніе отряда генерала Чернозубова на Местанлы и занятіе этого города. — Движеніе на Гюмурджину. — Утро въ Родопскихъ горахъ. — Первое появленіе въ Гюмурджинѣ четырехъ русскихъ воиновъ съ подполковникомъ Сухомлиновымъ. — Объясненіе Сухомлинова съ каймакамомъ. — Встрѣча, сдѣланная отряду и его торжественное вступленіе въ городъ. — Телеграфная корреспонденція Сухомлинова съ Галлиполи, Константинополемъ и Чорлу. — Объясненіе его со Скендеръ-пашою. — Переписка мушира Савфета-паши съ генераломъ Чернозубовымъ. — Офиціальное извѣщеніе о перемиріи. — День въ Гюмурджинѣ и окончаніе экспедиціи летучаго отряда.

XCII. Миръ (стран. 644 — 652).

Проволочки турецкихъ дипломатовъ. — Домъ, гдѣ былъ подписанъ мирный договоръ. — Наша военная демонстрація 17-го февраля и толки по этому поводу. — Утро 19-го февраля въ Санъ-Стефано. — Предъ квартирой Главнокомандующаго. — Томительное ожиданіе. — На маячномъ полѣ. — Появленіе Великаго Князя въ виду маячнаго поля и пріѣздъ туда графа Игнатьева. — Первое «ура» этого дня. — Объѣздъ войскъ. — Объявленіе войскамъ о мирѣ. — Молебенъ. — Парадъ въ сумерки. — Обѣдъ у Великаго Князя.

XCIII. Свиданіе Великаго Князя съ Султаномъ (стран. 652—665).

Причины, почему свиданіе откладывалось. — Мнѣнія и толки по поводу свиданія. — Составъ свиты Великаго Князя. — Прибытіе «Ливадіи» и «Константина» къ Долма-Бахче. — Встрѣча и свиданіе Великаго Князя съ Султаномъ. — Дворецъ Бейлербей. — Почетная гвардія Султана. — Внутреннее убранство Бейлербея. — Турецкій десертъ. — Отвѣтный визитъ Султана Великому Князю въ Бейлербеѣ. — Наружность Султана. — Османъ и Реуфъ-паши. — Адъютанты Султана. — Визитъ Великаго Князя къ германскому посланнику. — Русскіе въ Константинополѣ. — Галата, Пера и Стамбулъ. — Политическое настроеніе данной минуты. — Турецкій театръ и Оффенбаховскія оперетки. — Парадный выѣздъ Султана въ мечеть Меджидіе. — Парадъ турецкой гвардіи.

XCIV. Прощальный смотръ Великаго Князя (стран. 665 — 671).

Слухи объ отъѣздѣ Великаго Князя въ Россію. — Пребываніе Его Высочества въ Константинополѣ и два концерта въ пользу турецкихъ бѣглецовъ. — Пріѣздъ генералъ-адъютанта Тотлебена. — Пасхальная заутреня въ Санъ-

Стефано. — Болгарская депутація. — Прощаніе Великаго Князя со штабомъ и войсками. — Смотръ войскъ и объявленіе имъ о Высочайшихъ наградахъ гвардейскимъ частямъ. — Отъѣздъ Великаго Князя изъ Санъ-Стефано. — Перечень нашихъ боевыхъ призовъ за время войны въ Европейской Турціи.

Приложенія ко второму тому:

1) Глазомѣрная съемка Шипкинскаго перевала и окрестностей деревни Зелено Древо.
2) Профили укрѣпленнаго лагеря при городѣ Плевно.
3) Схематическій чертежъ балканскихъ проходовъ у Траяна.
4) Планъ боя на Траянскомъ перевалѣ, 26-го декабря 1877 г.
5) Карта театра Русско-Турецкой войны 1877—78 г. въ Европейской Турціи.

Общій указатель именъ и фамилій лицъ, упоминаемыхъ въ письмахъ обоихъ томовъ, приложенъ въ концѣ перваго тома.

XLVIII

Главная квартира въ Чаушкѣ-Махалѣ

Осмотръ Главнокомандующимъ войскъ 9-го и 11-го корпусовъ въ мѣстахъ ихъ расположенія. — Нравственное настроеніе солдатъ послѣ второй Плевны. — Солдатская оцѣнка турокъ. — Противъ насъ не одни турки. — День тезоименитства Главнокомандующаго. — Договоръ съ г. Поляковымъ на сооруженіе бендеро-галацкой желѣзной дороги.—Предполагаемая сѣть такихъ же дорогъ въ Болгаріи. — Перенесеніе главной квартиры въ Горный Студень.

Горный Студень, 28-го іюля.

Великій Князь Главнокомандующій, по осмотрѣ госпиталя и частей 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи на позиціи у дер. Булгарени, день спустя, отправился для осмотра войскъ 9-го и 11-го армейскихъ корпусовъ и, не смотря на понесенную ими неудачу подъ Плевной, нашелъ ихъ нравственное настроеніе и воинскій духъ въ отличнѣйшемъ состояніи. Солдатъ болѣе всего смущала несоразмѣрная потеря офицеровъ, служившихъ попреимуществу цѣлью для непріятельскихъ стрѣлковъ, которые отлично дѣйствуютъ изъ-за закрытій. Между нашими солдатами и казаками почему-то сложилось убѣжденіе, что «пуля не беретъ турка», что «онъ отъ пули заговоренъ, а надо брать его на пику, на штыкъ, на саблю, и тогда шабашъ!— не устоитъ». Дѣйствительно, натиска холоднымъ оружіемъ турки доселѣ ни разу не выдерживали.—«Надо только поскорѣе доходить до него и брать на уру!» съ убѣжденіемъ говорятъ солдаты. Каждый непріятель въ своихъ свойствахъ познается только изъ практики, послѣ нѣсколькихъ кровавыхъ и не дешево стоющихъ столкновеній, а теперь можно сказать, что солдаты наши вполнѣ познали свойства своего нынѣшняго противника. Такое убѣжденіе было вынесено всѣми, кто сопровождалъ Великаго Князя Главнокомандующаго, при объѣздѣ войскъ 9-го и 11-го корпусовъ. Ме-

жду прочимъ, для нашихъ солдатъ въ послѣднемъ плевненскомъ дѣлѣ воочію обнаружилось, что противъ нихъ дерутся не исключительно одни лишь мусульмане. Между войсками изъ устъ въ уста передаются теперь слѣдующіе два случая: при атакѣ вологодцевъ, они ясно слышали со стороны противника обращенныя къ нимъ ругательства по-русски; а когда у одной роты архангелогородскаго полка не хватило патроновъ и, въ ожиданіи ихъ подвоза, она была вынуждена не отвѣчать нѣкоторое время на непріятельскіе выстрѣлы, то изъ-за заваловъ противника послышался вдругъ голосъ, обратившійся къ нимъ на русскомъ языкѣ: «Что̀, братцы, патроновъ не хватило?.. Идьте до насъ, мы вамъ дадимъ сколько хочете!»

26-го іюля Великій Князь Главнокомандующій, окончивъ осмотръ частей 9-го и 11-го корпусовъ, возвратился въ дер. Чаушка-Махала. На слѣдующее число былъ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества, а также и Великаго Князя Николая Николаевича младшаго. Утромъ, въ половинѣ 9-го часа, къ ставкѣ Его Высочества собрались всѣ наличные члены главной квартиры, штабъ 11-го армейскаго корпуса, офицеры артиллерійскихъ частей, расположенныхъ въ ближайшихъ окрестностяхъ, и часть офицеровъ Чугуевскаго уланскаго Имени Государыни Цесаревны полка. Здѣсь, по выходѣ Великаго Князя изъ палатки, Ихъ Высочествамъ было принесено общее поздравленіе со днемъ Ангела, а затѣмъ, въ началѣ перваго часа, всѣ присутствующіе были приглашены къ Главнокомандующему на завтракъ, происходившій подъ открытымъ небомъ, на походныхъ столахъ и разныхъ приспособленіяхъ, въ родѣ досокъ и колодъ, случайно подвернувшихся подъ руку. Тостъ за здоровье Главнокомандующаго былъ принятъ съ восторгомъ и долго сопровождался криками «ура» офицеровъ, толпою обступившихъ Великаго Князя.

Въ этотъ же день въ главной квартирѣ, во исполненіе послѣдовавшаго предъ тѣмъ Высочайшаго повелѣнія, совершенъ былъ актъ большаго значенія, какъ въ отношеніи нуждъ и потребностей дѣйствующей арміи, такъ и въ отношеніи экономическихъ интересовъ Бессарабской губерніи и бывшей русской территоріи, прилегающей къ устьямъ Дуная.

Актъ этотъ заключается въ подписаніи договора съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Поляковымъ на сооруженіе желѣзно-дорожнаго пути отъ крѣпости Бендеры до Галацкаго порта. Главнѣйшія основанія этого предпріятія слѣдующія:

1) Дорога должна быть построена и открыта для движенія въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня утвержденія договора, т.-е. 27-го октября 1877 года.

2) Во все время до заключенія мира, д. с. с. Поляковъ обязанъ содержать дорогу въ полной исправности для движенія по оной.

3) Правительство уплачиваетъ строителю за постройку дороги не свыше 21,000 руб. за версту.

4) Въ отношеніи румынской территоріи, отъ колоніи Кубей до Галаца, д. с. с. Поляковъ обязанъ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны нашего правительства, пріобрѣсти покупкою необходимую подъ линію и станціонныя строенія полосу земли, по соглашенію съ румынскимъ правительствомъ.

5) Подвижной составъ будетъ употребленъ изъ имѣющагося уже въ движеніи нашего подвижнаго состава на румынскихъ дорогахъ.

Такимъ образомъ, черезъ три мѣсяца армія наша, на случай зимней кампаніи, будетъ обезпечена своимъ собственнымъ и притомъ кратчайшимъ рельсовымъ путемъ. Снабженія дѣйствующей арміи будутъ доставляться къ ней безъ перегрузки и вообще безъ тѣхъ затрудненій, какія сопровождаютъ это дѣло на румынскихъ дорогахъ. Кромѣ того, и Бессарабія получаетъ еще одну новую вѣтвь, соединяющую ее съ Дунаемъ и Чернымъ моремъ.

Въ связи съ этимъ предпріятіемъ находится и еще одно, не менѣе важное предположеніе: перерѣзать тылъ арміи рельсовыми путями, пролагая таковые сначала отъ станціи Журжево до мѣстечка Зимницы, причемъ чрезъ Дунай будетъ учреждено постоянное и правильное пароходное сообщеніе, а потомъ отъ города Систова желѣзные пути пойдутъ на Тырново, и по другимъ направленіямъ; вообще укладка рельсовыхъ путей за Дунаемъ будетъ продолжаться постоянно, смотря по тому, гдѣ укажутъ обстоятельства и потребности арміи. Эти послѣдніе пути, при быстротѣ ихъ сооруженія—

что̀ является наиважнѣйшимъ условіемъ въ виду ихъ спеціальной цѣли,—будутъ, какъ слышно, пролагаться по американскому способу. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что въ случаѣ продленія кампаніи на болѣе продолжительный срокъ, армія наша, благодаря тыльнымъ рельсовымъ путямъ, будетъ обезпечена исправною и своевременною доставкою всѣхъ предметовъ ея снабженія, а также быстрымъ передвиженіемъ резервовъ и удобною эвакуаціею больныхъ и раненыхъ *).

28-го іюля Великій Князь Главнокомандующій, оставивъ дер. Чаушка-Махала, перенесъ свою главную квартиру въ селеніе Горный Студень, куда въ самомъ непродолжительномъ времени ожидается прибытіе Государя Императора.

XLIX

Пріѣздъ Государя Императора въ Горный Студень

Соединеніе обѣихъ главныхъ квартиръ. — Село Горный Студень. — Домъ Хаджи-Никола. — Типъ болгарскаго чорбаджія-предателя. — Устройство помѣщенія для Государя Императора. — Помѣщеніе Великаго Князя Главнокомандующаго и штаба. — Бивуачная жизнь въ Горномъ Студнѣ. — Встрѣча Государя Императора. — Дѣло 4-го эскадрона Чугуевскаго полка, подъ Сгалуицемъ, 25-го іюля.

Горный Студень, 2-го августа.

Сегодня, 2-го августа, главная Императорская квартира перешла изъ Бѣлы въ Горный Студень. Такимъ образомъ, нынѣ соединены въ одномъ мѣстѣ обѣ главныя квартиры.

Село Горный Студень лежитъ среди возвышенной и обнаженной мѣстности, по обѣимъ сторонамъ лощины, на днѣ которой въ разныхъ мѣстахъ бьютъ семь ключей. Отсюда и самое названіе деревни. Ключи эти, стекаясь, даютъ за селеніемъ начало маленькому ручейку, который течетъ на сѣверо-востокъ и впадаетъ, въ 25-ти верстахъ отъ Горнаго

*) Увы!.. Все это были радужныя мечты и неосуществившіяся надежды.

Студня, въ рѣку Янтру. На одномъ скатѣ лощины расположена христіанская часть селенія, на другомъ — магометанская, нынѣ совершенно опустѣлая и даже разрушенная болгарами. Эту послѣднюю съ трехъ сторонъ окружаетъ совершенно голая, открытая мѣстность, на которой уныло торчатъ развалины стѣнъ и дымовыя трубы. Обширное поле вокругъ сплошь заросло колючкой и дрокомъ. Ни одного деревца, ни одного кустика. Нѣсколько ниже, на склонѣ возвышенности, стоитъ обширный дворъ, обнесенный заборомъ изъ глинобитныхъ кирпичей, и двухъ-этажный домъ въ турецкомъ вкусѣ, принадлежащій богатому болгарину Хаджи-Николѣ, большому другу и стороннику турокъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ лютыхъ сборщиковъ податей, на чемъ и нажилъ себѣ состояніе. Имя его извѣстно по всей Болгаріи и произносится съ ненавистью и презрѣніемъ, какъ имя измѣнника, отщепенца отъ своего народа. Поэтому онъ и ушелъ вмѣстѣ съ турками, справедливо опасаясь мщенія своихъ единоплеменниковъ, которые въ разговорѣ прямо сознаются, что не дали бы спуску Хаджи-Николѣ и зарѣзали бы его даже безъ покаянія: пускай, молъ, грѣшная душа за такую великую измѣну идетъ въ самое худшее мѣсто ада! Но, пока до ада, самъ Хаджи-Никола не идетъ, а ѣдитъ теперь гдѣ нибудь за Балканами, на пути къ Константинополю, если уже не совсѣмъ туда пріѣхалъ, и ѣдитъ, надо полагать, не совсѣмъ плохо, потому что въ своемъ отечествѣ, Болгаріи, онъ оставилъ только свои поля, да вотъ этотъ домъ съ его голыми стѣнами, а всѣ пожитки, всю свою роскошь, стада и капиталы забралъ съ собою. Домъ Хаджи-Николы отстроенъ совсѣмъ на турецкій ладъ. Говорятъ даже, что женскую половину своего семейства онъ держалъ совсѣмъ по-турецки, отдѣльно, въ особомъ гаремѣ, и самъ въ домашнемъ обиходѣ принялъ всѣ замашки и обычаи истаго турка. Типъ для беллетриста, можно думать, не совсѣмъ заурядный.

Въ нижнемъ этажѣ у Хаджи-Николы, по турецкому обычаю, помѣщались конюшни и кладовыя. Какъ чорбаджи (богачъ), онъ велъ торговлю и потому тутъ же у него приспособлено помѣщеніе для лавки, которая служила вмѣстѣ съ тѣмъ и корчмою. Въ верхнемъ этажѣ пять комнатъ и просторная галлерея, съ которой открывается видъ на бол-

гарскую сторону Горнаго Студня и вправо на голыя возвышенности. Часть комнатъ, примыкающихъ къ галлереѣ, не имѣетъ потолка и стѣны ихъ не вплотную прилегаютъ къ черепичной крышѣ; между стѣнами и кровлею остается свободное пространство, аршина въ полтора, для болѣе свободнаго протока воздуха. Это помѣщеніе исключительно лѣтнее. Окна, довольно большія, дающія много свѣта, защищены продольными желѣзными прутьями, но не имѣютъ стеколъ, такъ какъ здѣсь стекольчатыя рамы вставляются только на время зимы. Всѣ покои имѣютъ хорошій тесовый полъ, содержанный довольно чисто, и безукоризненно-выбѣленныя стѣны. Въ одной изъ внутреннихъ, т. е. зимнихъ комнатъ устроенъ большой очагъ—нѣчто въ родѣ нашего камина, а смежная съ нею полукруглая комната снабжена невысокимъ, но широкимъ прилавкомъ, идущимъ по стѣнамъ. На этомъ прилавкѣ помѣщались тюфяки, а самая комната служила и диванною, и пріемною гостинною. Съ 28-го іюля по 2-е августа мѣстные болгары и наши солдаты очищали отъ разнаго сора и хлама внутренность этого дома, его дворъ и прилегающую ближайшую мѣстность; въ окна вставили стекольчатыя рамы, сдѣлали разныя поправки и приспособленія, расчистили по сосѣдству небольшой, но тѣнистый садикъ, посыпали въ немъ пескомъ дорожку, настлали черезъ канаву деревянный мостикъ, и такимъ образомъ, по силѣ возможности, приготовили помѣщеніе для Государя Императора.

Великій Князь Главнокомандующій расположился на болгарской сторонѣ селенія, во дворѣ крестьянина Павло. Здѣсь среди двора стоитъ тѣнистая шелковица и подъ ея вѣтвями поставлена палатка Его Высочества, а нѣсколько шаговъ далѣе раскинутъ обширный шатеръ для столовой. Великій Князь Николай Николаевичъ младшій, начальникъ штаба и остальныя лица главной квартиры расположились въ палаткахъ по ближайшимъ дворамъ, садамъ, и огородамъ. Днемъ у ставки Главнокомандующаго вывѣшивается на высокомъ флагштокѣ великокняжескій флагъ, а ночью поднимаются одинъ надъ другимъ два фонаря, по которымъ могутъ направляться лица, пріѣзжающія съ донесеніями. Въ остальныхъ дворахъ и хатахъ селенія размѣстились различныя управленія и отдѣлы штаба дѣйствующей арміи, а лейбъ-казачій дивизьонъ, пѣшій

конвой Главнокомандующаго, жандармская команда и часть штаба раскинулись бивуакомъ на обширномъ открытомъ полѣ. Тутъ же расположились и маркитанты. Въ отдаленіи, тамъ и сямъ, въ разныхъ концахъ окрестныхъ полей виднѣются бивуаки проходящихъ войскъ. Каждый вечеръ здѣсь играется всѣмъ хоромъ заря, «Коль славенъ» и народный гимнъ, а солдаты поютъ молитву, и затѣмъ, послѣ отбоя, никто уже не можетъ свободно пройдти по лагерному мѣсту, или выдти за оное, не зная условнаго «пропуска».

2-го августа войска со всѣхъ окрестныхъ бивуаковъ, съ пѣснями и музыкой, но безъ оружія, сходились на дорогу изъ Горнаго Студня къ покинутой жителями черкесской деревнѣ Мидхадъ-паша, которая, сказать кстати, построена вся болгарскими руками, и построена прекрасно, по повелѣнію бывшаго здѣсь генералъ-губернаторомъ и нынѣ столь знаменитаго Мидхада, для нашихъ кавказскихъ выходцевъ. Войска просторно выстраивались по одной сторонѣ дороги, для встрѣчи Государя Императора. Здѣсь находились полки: Чугуевскій уланскій (близь дер. Мидхада), Курскій и Рыльскій пѣхотные съ ихъ артиллеріею, 9-й, 10-й, 11-й и 12-й стрѣлковые батальоны, жандармская команда, пѣшій конвой и лейбъ-казаки. По полю, въ разныхъ пунктахъ широко протянувшагося фронта войскъ, раздавались звуки веселой музыки и пѣсень. Къ часу по полудни выѣхалъ со свитою Великій Князь Главнокомандующій и прослѣдовалъ на правый флангъ Курскаго полка, гдѣ и остановился въ ожиданіи Государя Императора.

Въ три четверти втораго часа вдали, на высотѣ деревни Мидхадъ-паша, показался головной разъѣздъ, а за нимъ вскорѣ и авангардъ Императорскаго поѣзда. Черезъ нѣсколько минутъ обрисовался на равнинѣ и весь поѣздъ, въ которомъ однако не было замѣтно ни одного экипажа; видна была только многочисленная толпа всадниковъ, за которою слѣдовалъ со штандартомъ, въ колоннѣ справа по шести, эскадронъ кубанцевъ Собственнаго Его Величества конвоя. Спустя около получаса мимо войскъ прошелъ авангардный полуэскадронъ кавказскихъ казаковъ и изъ лощины показалась головная группа всадниковъ. Великій Князь Главнокомандующій съ дежурнымъ ординарцемъ поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу, а вся свита вы-

строилась въ двѣ шеренги на правомъ флангѣ Курскаго пѣхотнаго полка. Государь Императоръ ѣхалъ верхомъ, и поздоровавшись съ Главнокомандующимъ, приблизился къ фронту и привѣтствовалъ войска. Раздались звуки народнаго гимна и безконечное «ура» огласило все широкое поле. Государь Императоръ весь сорокаверстный путь изъ Бѣлы въ Горный Студень совершилъ верхомъ, съ часовою остановкою для завтрака на полдорогѣ, въ селеніи Павло. Проѣзжая по фронту, Его Величество изволилъ милостиво обращаться къ нѣсколькимъ лицамъ, а именно: къ генералъ-маіору Горшкову, къ подполковнику Каменоградскому, къ группѣ офицеровъ 12-го стрѣлковаго батальона, а проѣзжая нѣсколько ранѣе мимо Чугуевскаго уланскаго полка, удостоилъ его командира полковника Рейсига и ротмистра Дзевульскаго разспросами о рубкѣ сего послѣдняго съ партіею черкесовъ.

Предъ ставкою Главнокомандующаго Его Величество сошелъ съ коня и изволилъ пить чай въ столовой Великаго Князя. Отдохнувъ здѣсь около часа времени, Государь Императоръ опять сѣлъ верхомъ и прослѣдовалъ со всею свитою на ту сторону лощины, въ приготовленное для Его Величества помѣщеніе.

Дѣло ротмистра Дзевульскаго, обратившее на себя высокое вниманіе Государя Императора, заключалось въ слѣдующемъ: На разсвѣтѣ 25-го іюля, на 4-й эскадронъ Чугуевскаго полка, находившійся на сторожевой службѣ, напали черкесы въ числѣ двухъ сотень, прорвавшись черезъ цѣпь казачьяго полка въ тылъ съ праваго фланга. Во время этого нападенія уланская цѣпь была на своихъ мѣстахъ, а въ главномъ караулѣ находилось два взвода, изъ которыхъ одинъ былъ на коняхъ, а другой повелъ лошадей къ водопою. Какъ только ротмистръ Дзевульскій, командующій 4-мъ эскадрономъ, замѣтилъ черкесовъ, выходившихъ изъ кукурузы и открывшихъ по уланамъ ружейный огонь — онъ въ тотъ же мигъ повелъ на нихъ готовый взводъ, успѣвъ только крикнуть другому: «Садись и за мной!» Достигнувъ противника, уланы врѣзались въ его кучу и здѣсь завязался бой рукопашный. По словамъ солдатъ, они въ продолженіи десяти минутъ «рубили черкесовъ, какъ капусту», но тѣ держались стойко. Въ это время къ мѣсту

рубки подоспѣлъ корнетъ Рѣшетиловъ съ «заставою», состоявшею изъ 15-ти человѣкъ, и съ крикомъ «ура» бросился во флангъ противнику. Черкесы не устояли при этомъ и дали тылъ, оставивъ до 80-ти тѣлъ на мѣстѣ; остальные же были отогнаны въ село Гривицу. Дальнѣйшее преслѣдованіе было бы неблагоразумно, потому что въ селеніи этомъ показались двѣ группы турецкой пѣхоты, каждая человѣкъ въ 60 или 70, и заняли мѣста за плетнями и между строеніями. Командиру полка дано было знать о нападеніи черкесовъ около шести часовъ утра; въ десять минутъ полкъ былъ уже готовъ и рысью выступилъ на подмогу, но придя на мѣсто схватки, чугуевцы увидѣли, что 4-й эскадронъ и самъ управился съ врагами. Съ нашей стороны убиты пулями два рядовыхъ: Софроній Ященко и Войцехъ Дзендзеловскій, которые и похоронены съ должною воинскою почестію у села Згалинцы (Сгалуицъ) на курганѣ, гдѣ водруженъ надъ ними крестъ. Убиты, сверхъ того, четыре лошади, а пятая ранена въ ляшку, но въ тотъ же день пала. Раненыхъ черкесовъ на полѣ не оказалось, такъ какъ во время схватки всѣ, подвертывавшіеся подъ удары уланскихъ сабель, падали мертвыми. «Тѣ 12 человѣкъ, которыхъ я велѣлъ похоронить — доноситъ командиръ полка — имѣли раны невѣроятныя: черепа или раздвоены, или снесены, головы держались только на кожѣ». Такъ какъ 4-й эскадронъ въ это время уже смѣнялся на аванпостахъ маріупольскими гусарами, то имъ были переданы для преданія землѣ остальные трупы, оставшіеся въ кукурузѣ. Въ схваткѣ особенно отличились, по свидѣтельству ротмистра Дзевульскаго: старшій вахмистръ Дмитрій Фисенко, младшій вахмистръ Кропивянскій и рядовые Кучма и Криворучка. Вообще же, люди дрались молодецки, съ налету и какъ настоящіе кавалеристы, безъ выстрѣла, однимъ холоднымъ оружіемъ; патрона не выпущено ни одного.

I.

Битвы на Шипкѣ

Положеніе Шипкинскаго перевала послѣ отступленія генерала Гурко къ Балканамъ. — Появленіе арміи Сулеймана-паши у дер. Шипки. — Десять турецкихъ атакъ 9-го августа. — Дѣйствія турокъ 10-го числа. — Приступы 11-го числа и прибытіе стрѣлковъ 4-й бригады. — Лунное затмѣніе. — Въ какихъ условіяхъ намъ приходится драться. — Канонада 12-го числа и рана генерала Драгомирова. — Наши потери. — Самоотверженіе раненыхъ. — Ложементъ мертвецовъ. — Генералъ Радецкій. — Разрывныя пули и стрѣльба по Красному Кресту. — Англичане и поляки у турокъ. — 13-е августа — пятый день обороны. — Атака генерала Радецкаго. — Положеніе дѣла 14-го и 15-го августа. — Турки скрылись. — Пріѣздъ генералъ-адъютанта Непокойчицкаго на Шипку. — Общее число нашихъ потерь за семь дней обороны.

Горный Студень, 17-го августа.

Съ семи часовъ утра 9-го августа начался на Шипкинскомъ перевалѣ ожесточенный бой. Офиціальныя донесенія съ Шипки въ главную квартиру приходятъ по нѣскольку разъ въ сутки, но такъ какъ всѣ они направляются телеграфнымъ путемъ, то поэтому, конечно, передаютъ въ самой сжатой формѣ только важнѣйшую сущность дѣла. Подробности еще неизвѣстны, а если и доходятъ нѣкоторыя изъ нихъ, то это происходитъ частнымъ путемъ, посредствомъ устныхъ разсказовъ очевидцевъ, возвращающихся съ мѣста дѣйствія. Въ ожиданіи подробнаго, обстоятельнаго отчета, я передаю пока свѣдѣнія, собранныя какъ изъ офиціальныхъ, такъ и изъ такихъ устныхъ источниковъ, которые заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Послѣ дѣлъ генерала Гурко, 18-го и 19-го іюля, съ отступленіемъ передоваго отряда на Хаинкіойскій перевалъ, наступило почти на три недѣли полное затишье на забалканскомъ театрѣ дѣйствій. Въ это время общее вниманіе главнѣйшимъ образомъ было сосредоточено на Плевнѣ, куда стягивались значительныя русскія силы. Для защиты Шипкинскаго перевала были оставлены остатки 1-го болгарскаго ополченія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Столѣтова, и часть бригады генерала Дерожинскаго. Туда же, для укрѣпленія перевала инженерными сооруженіями полеваго характера, посланъ былъ изъ Тырнова генералъ-лейтенантъ Кренке. По-

зиція на вершинѣ Шипкинскаго перевала была усилена батареями и ложементами для стрѣлковъ, а подступы къ ней ограждены проволочными путами и фугасами. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ рабочихъ рукъ, мы не вырубили, пока еще было время, густой лѣсъ, покрывающій склоны сосѣдней вершины, которымъ нынѣ турки съ успѣхомъ пользуются, какъ прекраснымъ закрытіемъ, при своихъ атакахъ. Впрочемъ, не предполагая столь настойчиваго и стремительнаго напора на Шипку съ южной стороны, наше вниманіе главнѣйшимъ образомъ было устремлено на устройство и расширеніе горнаго пути отъ Габрова до южныхъ склоновъ этого перевала.

Между тѣмъ, 7-го августа, противъ деревни Шипки, въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ Казанлыка, собралось слишкомъ 40 таборовъ арміи Сулеймана-паши, не считая многочисленной конницы, которая расположилась около деревни Шипки и ознаменовала свое появленіе тѣмъ, что въ три часа по полудни, безъ всякой надобности, зажгла это селеніе. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ нашими рекогносцировками и болгарами, бѣжавшими изъ пылавшей окрестности, шесть таборовъ авангарда стали въ четырехъ верстахъ позади дер. Шипки, а въ восьми верстахъ за ними расположились главныя силы пѣхоты и артиллеріи противника. Весь слѣдующій день малочисленные защитники перевала провели въ напряженномъ, но напрасномъ ожиданіи атаки. По видимому, Сулейманъ ждалъ къ себѣ еще какихъ-то подкрѣпленій. И дѣйствительно, послѣдующія наши свѣдѣнія обнаружили, что противъ Шипки за послѣдніе дни стянулась не только вся армія Сулеймана, но и корпусъ Реуфа-паши и вообще всѣ силы, какія можно лишь было стянуть изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ окрестностей, такъ что общая цифра этихъ совокупныхъ силъ простиралась до 100 таборовъ пѣхоты, съ соотвѣтственнымъ числомъ горныхъ и полевыхъ орудій. Есть также свѣдѣніе, что Сулейманъ-паша притянулъ къ себѣ чрезъ Траянъ и Калоферъ бо́льшую часть ловчинскаго гарнизона.

9-го августа, въ 7 часовъ утра, какъ уже сказано, турки повели первую свою атаку на нашу позицію. Будучи отбиты, они тотчасъ же возобновили нападеніе свѣжими войсками. Такихъ атакъ въ этотъ день было десять и для каждой изъ

нихъ, на смѣну отбитымъ частямъ, выступали новые батальоны. Энергія, упорство и настойчивость турокъ изумительны. Противъ колонны, наступавшей по шоссейной дорогѣ, пришлось пустить въ дѣло фугасы, заряженные динамитомъ. Первый фугасъ, какъ говорятъ, былъ взорванъ не совсѣмъ удачно, т. е. нѣсколько преждевременно, такъ что не могъ причинить колоннѣ существеннаго ущерба; но все же нравственный эфектъ его вполнѣ достигъ цѣли: колонна мгновенно шарахнулась назадъ и побѣжала въ величайшей паникѣ, такъ что въ теченіи всего дня съ этой стороны уже не повторялись покушенія къ атакѣ нашей позиціи. Но за то всѣ отчаянныя усилія непріятеля, начиная съ полудня, сосредоточились противъ лѣваго фланга нашей позиціи на горѣ Св. Николая, гдѣ находится «Стальная батарея». Наступленіе было ведено густыми цѣпями въ три линіи, съ барабаннымъ боемъ и криками «Алла». Атаки, постоянно отбиваемыя, слѣдовали одна за другою почти непрерывнымъ рядомъ, такъ что послѣднее наступленіе сомкнутыми частями было сдѣлано уже въ восемь часовъ вечера, при лунномъ освѣщеніи. Наши войска подпускали противника на близкое разстояніе, и тогда осыпали его пулями и картечью. Послѣ отбитія послѣдней атаки, упорный стрѣлковый бой съ обѣихъ сторонъ продолжался и ночью, до заката луны, когда наконецъ вся окрестная мѣстность на столько потонула во мракѣ, что противникамъ уже нельзя было разглядѣть обоюднаго расположенія. Уронъ турокъ мы считаемъ, по меньшей мѣрѣ, въ 5,000 человѣкъ. Наша же потеря ограничилась приблизительно двумя-стами убитыхъ и раненыхъ. Въ этотъ день все распоряженіе обороною слишкомъ не по силамъ растянутой позиціи лежало на одномъ генералѣ Столѣтовѣ, а потомъ подошелъ съ ближайшимъ резервомъ изъ Габрова генералъ Дерожинскій.

На слѣдующій день (10-го августа) турки отчасти стали дѣйствовать уже инымъ способомъ: вмѣсто того, чтобы идти на проломъ и бить, какъ тараномъ, своими батальонами въ неприступную позицію, они задались большимъ обходнымъ движеніемъ противъ обоихъ нашихъ фланговъ и съ этою цѣлью еще ночью устроили двѣ батареи дальняго боя и, подъ покровительствомъ ихъ огня, принялись за рытье траншей; а чтобы наша артиллерія не мѣшала этимъ работамъ, сосре-

доточили на ней весь огонь своихъ батарей и въ теченіи 14-ти часовъ (съ 5-ти утра до 7-ми вечера) поддерживали самую жаркую перестрѣлку. Хотя отвѣтнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи у турокъ и были подбиты три орудія, свалившіяся въ пропасть, и взорваны два снарядные вьюка, тѣмъ не менѣе, по недостатку снарядовъ, которыми приходилось распоряжаться крайне экономно, она не имѣла возможности сосредоточить свой огонь исключительно на траншейныхъ работахъ, которыя къ вечеру того же дня подошли на 615 шаговъ къ горѣ св. Николая. И въ этотъ день девять атакъ были отбиты болгарами, орловцами и брянцами. Положеніе нашего маленькаго отряда становилось труднымъ; всю ночь, не умолкая, длился ружейный огонь турокъ, сопровождаемый время отъ времени артиллерійскими выстрѣлами. Наши, сохраняя заряды, оставляли этотъ огонь безъ отвѣта. На разсвѣтѣ открыла огонь новая турецкая батарея, насыпанная за ночь на Лысой горѣ; въ то же время началась усиленная канонада и съ другой батареи, сооруженной еще наканунѣ на горѣ Малый Бердекъ.

Въ половинѣ пятаго часа утра, 11-го августа, позиція наша была обсыпана съ трехъ сторонъ гранатами, а затѣмъ зачастилъ цѣлый градъ пуль. Отъ фланговаго и тыльнаго ружейнаго огня турокъ, охватывавшихъ полукольцомъ всю нашу позицію, сталъ страдать даже резервъ, расположенный за брустверомъ Стальной батареи, такъ что для его закрытія пришлось вырыть нѣсколько ложементовъ со внутренней стороны Стальной батареи, въ которые резервъ и былъ положенъ. Гулъ непрерывныхъ артиллерійскихъ выстрѣловъ сливался въ одинъ раскатъ безконечнаго грома. Это — какъ разсказываютъ, — по истинѣ, былъ адскій огонь, подъ покровительствомъ котораго въ семь часовъ утра массы турецкихъ колоннъ, получившія за ночь нѣсколько свѣжихъ подкрѣпленій, съ трехъ сторонъ повели на насъ атаку, напирая преимущественно на нашъ правый флангъ. Тутъ было повтореніе безпрестанныхъ бѣшеныхъ приступовъ 9-го числа, но только еще въ большихъ размѣрахъ. Наша артиллерія, сберегая на крайній случай скудные остатки снарядовъ, перестала отвѣчать на выстрѣлы, и хотя утромъ успѣла подбить на Маломъ Бердекѣ четыре орудія, но и сама поплатилась тремя пушками, подбитыми

на Стальной батареѣ. Здѣсь вполнѣ обнаружились природные недостатки нашей позиціи: ея фронтальная узкость и полная открытость со всѣхъ сторонъ, дающая противнику возможность успѣшныхъ обходовъ. Позиціи турокъ со всѣхъ сторонъ господствуютъ надъ нами.

Около четырехъ часовъ дня наступила одна изъ самыхъ критическихъ минутъ. Послѣ цѣлаго ряда отбитыхъ атакъ, турки, казалось, удесятерили энергію нападенія и по грудамъ своихъ тѣлъ шли напроломъ. Наши изнемогали и были вынуждены уступить врагу свою передовую позицію, обращенную фронтомъ къ дер. Шипкѣ. Слышно было, что къ намъ идутъ подкрѣпленія, что они уже близко, что генералъ Столѣтовъ получилъ объ этомъ депешу, и дѣйствительно — ординарецъ за ординарцемъ скакали во весь духъ съ позиціи на габровскую дорогу, по которой плелись, подъ ужаснымъ солнечнымъ зноемъ, поднимаясь въ крутую гору, наши стрѣлки 4-й бригады. «Бога ради, скорѣе! Поспѣшайте, торопитесь — турки уже врываются къ намъ на позицію.... Турки уже ворвались», передавали стрѣлкамъ ординарцы — и тѣ, напрягая усилія и задыхаясь отъ тяжести пути, бѣжали въ гору. Казаки, дравшіеся въ пѣшемъ строю за завалами, послали на встрѣчу стрѣлкамъ своихъ коноводовъ. Это ускорило ихъ прибытіе. По два и по три человѣка, съ ружьями на погонномъ ремнѣ за плечами, взбирались стрѣлки на казачьихъ лошадокъ — одинъ въ сѣдло, другой — назадъ на крупъ, или двое съ боковъ, всунувъ одну ногу въ стремя и держась руками за коновода, и такимъ образомъ двѣсти передовыхъ стрѣлковъ 16-го батальона на рысяхъ добрались наконецъ до позиціи, гдѣ свисталъ градъ перекрестныхъ пуль и ежесекундно взрывались гранаты. Эта первая подмога была встрѣчена живымъ, всеобщимъ восторгомъ изнемогающихъ защитниковъ перевала.

Турки, дѣйствительно, почти уже ворвались къ намъ. На завалахъ кипѣлъ ожесточенный бой; со стороны противника уже раздавались торжествующіе, побѣдные клики, какъ вдругъ наши стрѣлки, едва соскочивъ съ коней на землю, съ крикомъ «ура» стремительно ринулись въ штыки, сбросили турокъ съ заваловъ, и погнали ихъ далѣе, далѣе... Столь неожиданный оборотъ дѣла придалъ энергіи нашимъ. Въ это время на мѣ-

сто боя прибылъ самъ начальникъ 8-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Радецкій. Оглядѣвшись на мѣстѣ и быстрымъ военнымъ глазомѣромъ сообразивъ, откуда грозитъ наибольшая опасность, онъ лично направилъ подошедшія въ это время три роты 16-го стрѣлковаго батальона обходнымъ движеніемъ вправо по ущелью, въ лѣвый флангъ непріятелю. Турки, пораженные неожиданностію появленія этихъ трехъ ротъ, начали отступать, и тогда, увлеченные успѣхомъ стрѣлковъ, бросились впередъ и тѣ наши части, которыя занимали передовые ложементы. Очевидцы передаютъ, что тутъ съ обѣихъ сторонъ совершены были чудеса храбрости. И такъ, на этотъ разъ турки были отброшены въ дальніе свои ложементы на второй горѣ. Что же касается нашихъ людей, то генералъ Радецкій едва успѣлъ остановить ихъ на первой горѣ, съ которой они сбили противника, такъ какъ дальнѣйшее преслѣдованіе, которое необходимо привело бы къ атакѣ второй турецкой позиціи, не могло обѣщать вѣрнаго, несомнѣннаго успѣха, въ виду того, что день уже клонился къ сумеркамъ, а дѣло, судя по предстоявшимъ трудностямъ своей задачи, не могло бы быть окончено до заката солнца. На короткое время наступило нѣкоторое затишье — однѣ только пули жужжали, да продолжалась канонада, не столь уже частая. Бой какъ-бы отдыхалъ, сбираясь съ новыми силами, но не прекращался.

Къ шести часамъ вечера подошли и остальные батальоны 4-й стрѣлковой бригады, выступившіе изъ Габрова въ одиннадцать часовъ утра, не смотря на то, что наканунѣ, послѣ длиннаго форсированнаго перехода, пришли въ Габрово уже далеко за полночь. Тотчасъ же по прибытіи на позицію, не употребивъ на отдыхъ ни единой минуты, батальоны эти были введены въ бой и почти до полуночи, совмѣстно съ первоначальными защитниками Шипки, отбивали возобновившіеся приступы турокъ, а 16-й стрѣлковый батальонъ, какъ уже сказано, сбилъ ихъ съ весьма опасной для насъ высоты, лежащей противъ праваго фланга нашей позиціи. Генералъ Радецкій лично осмотрѣлъ все поле битвы, изучая расположеніе нашихъ и турецкихъ позицій.

Въ началѣ двѣнадцатаго часа ночи, на темносинемъ и совершенно безоблачномъ, прозрачномъ небѣ началось одно

изъ величественныхъ явленій: луна затмѣвалась; ясный, полный дискъ ея, начиная съ лѣвой стороны, скрывался все болѣе и болѣе, и въ полночь затмился окончательно. Но луна не совершенно исчезла изъ глазъ—смутный призракъ ея всетаки былъ видѣнъ высоко на небѣ, почти въ зенитѣ своего теченія, и черезъ нѣсколько минутъ сталъ принимать какой-то странный огненно-кровавый отсвѣтъ. Съ началомъ этого явленія прекратились и турецкія атаки; одна лишь канонада продолжалась еще нѣкоторое время, озаряя своими молніе-подобными вспышками утопавшія въ глубокой тьмѣ сѣрыя скалы,—и наконецъ полная тишина воцарилась на Шипкѣ.

Но не надолго замолкнулъ громъ батарей вокругъ нашей позиціи. Въ половинѣ пятаго часа утра 12-го августа турки опять открыли убійственный огонь. Вскорѣ къ намъ подошли новыя подкрѣпленія, а къ вечеру ждали прибытія еще двухъ полковъ. Это была 1-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи. 2-я бригада оной была направлена къ Шипкинскому перевалу, черезъ Габрово, на разсвѣтѣ 10-го августа, изъ села Шереметъ (къ востоку отъ Тырнова), одновременно съ батальонами 4-й стрѣлковой бригады, находившимися нѣсколько ближе къ мѣсту боя, а именно въ селѣ Присовѣ (къ югу отъ Тырнова); 1-я же бригада (полки Волынскій и Минскій) была двинута на Шипку, черезъ Габрово, изъ Сельви. Всѣмъ этимъ частямъ пришлось сдѣлать усиленные переходы—однимъ въ 40, другимъ въ 56 верстъ, и прямо съ похода, не отдыхая ни минуты, вступить въ горячее дѣло. Первоначальные защитники Шипки доходили уже до крайней степени утомленія; съ вечера 7-го августа не смыкали они глазъ, а съ 9-го числа всѣ вообще оставались безъ горячей пищи. Воды тоже нѣтъ на Шипкѣ. Существуетъ, правда, нѣсколько ниже, на южномъ склонѣ, одинъ фонтанъ; но онъ съ перваго же дня былъ отрѣзанъ турками, такъ что воду для питья и для обмыванія ранъ требовалось доставлять за 17 верстъ, изъ Габрова. Вообще нашимъ войскамъ приходится сражаться здѣсь въ самыхъ тяжкихъ условіяхъ: нѣсколько сутокъ безъ сна и подъ гнетущимъ солнечнымъ зноемъ, который уже съ восьмаго часа утра становится сильно ощутителенъ, а къ одиннадцати часамъ доходитъ до нестерпимой степени и такъ продолжается до самаго заката. Камни накаляются, а отраженіе лучей отъ сѣрыхъ скалъ рѣжетъ

глазъ и усиливаетъ духоту воздуха въ которомъ, по большей части, не ощущается ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка, чтобы освѣжить хоть на мгновеніе воспаленное лицо и измаявшіеся члены. Деревья опустили листья и стоятъ, какъ мертвыя, подъ сорока-градусною жарою. Но бывали часы, когда зной доходилъ до 40 градусовъ въ тѣни, а что же было на солнопекѣ!... И въ этомъ-то недвижномъ, раскаленномъ воздухѣ повсюду стоитъ омерзительный смрадъ гніющихъ труповъ, которыхъ множество валяется впереди нашихъ заваловъ и по оврагамъ. Турки, какъ кажется, нарочно не убираютъ своихъ мертвыхъ, оставляя ихъ предъ нами для заразы воздуха, да и кромѣ того, эти трупы уже не однократно служатъ для нихъ въ качествѣ ближайшихъ къ намъ заваловъ и ложементовъ при атакахъ. Наши видѣли, какъ непріятель складывалъ эти трупы въ кучи и наваливалъ изъ нихъ цѣлые брустверы для своихъ застрѣльщиковъ. Спасибо еще габровскимъ жителямъ: они не оставляютъ нашихъ воиновъ своими заботливыми попеченіями, возятъ на Шипку воду, хлѣбъ, вино и разные припасы, а съ 11-го числа выставили воловьи подводы для отвоза въ Габрово раненыхъ. Мальчики и женщины приносятъ воду даже въ передовые ложементы. И все это дѣлается ими добровольно, съ явною опасностію для собственной жизни, такъ какъ дорога, ведущая изъ Габрова на нашу позицію, усиленно обстрѣливается перекрестнымъ турецкимъ огнемъ. Вотъ гдѣ и когда сказалось кровное славянское братство болгаръ и русскихъ!

12-го августа почти до полудня турки не атаковали, но около половины 12-го часа повели атаку на скалы Св. Николая, гдѣ расположена наша «Малая батарея», но эта атака вскорѣ была отбита четырьмя ротами полковъ Брянскаго, Орловскаго и 15-го стрѣлковаго батальона. Въ теченіи цѣлыхъ сутокъ турки вели непрерывный огонь, буквально обсыпая нашу позицію пулями и снарядами. Въ этотъ же день (12-го), около полудня, былъ раненъ начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Драгомировъ, въ правую ногу на вылетъ, и эта же самая пуля хватила въ бедро стоявшаго за Драгомировымъ генеральнаго штаба капитана Мальцева и сплющилась объ кость. 12-го августа во многихъ частяхъ было перебито значительное число офицеровъ. Такъ, напримѣръ, стрѣлковая бригада потеряла ихъ 24 человѣка, 2-й и 3-й

батальоны Житомірскаго полка почти всѣхъ, Волынскій полкъ—11, Подольскій—7, въ Брянскомъ выбыли изъ строя всѣ штабъ-офицеры. Многія роты остались совсѣмъ безъ офицеровъ, но все-таки дрались геройски, и сами, по своему собственному почину, кидались на врага встрѣчною атакою и опрокидывали его въ овраги. Многіе изъ раненыхъ возвращались во фронтъ немедленно послѣ первой перевязки, и когда кто-либо изъ начальниковъ начиналъ ихъ уговаривать, чтобы отправлялись въ госпиталь (временно помѣщенный въ Габровѣ), то почти общимъ отвѣтомъ въ такихъ случаяхъ бывали слова: «Успѣемъ еще! Госпитали для другихъ, для тяжелыхъ, а мы легкіе, можемъ еще кое-какъ ружьемъ владѣть... Надо постараться... время не такое... Все одно умирать!» И умираютъ... Дѣйствительно, геройски умираютъ. Разсказываютъ, что генералъ Радецкій, въ позднія сумерки, обходя позицію, увидѣлъ семнадцать человѣкъ солдатъ, лежавшихъ въ повалку въ одномъ изъ нашихъ передовыхъ ложементовъ. Надъ этою кучкою одиноко стоялъ офицеръ съ окровавленными лицомъ и ногою, взявшій подъ козырекъ проходившему генералу.

— Что это они у васъ? Спятъ? — спросилъ посѣтитель, указавъ на лежащихъ.

— Да, ваше превосходительство, спятъ, отвѣчалъ офицеръ:—спятъ... и не проснутся: они всѣ убиты.

— А вы что же здѣсь дѣлаете?

— Дожидаю своей очереди,—это была моя команда, отвѣчалъ офицеръ тихо и спокойно.

Вообще, и офицеры, и солдаты соревнуютъ другъ другу въ геройскомъ поведеніи и въ умѣньи умирать стоически и просто. Голодные, измученные, полубольные люди рвутся въ бой, а офицеры, какъ и всегда—впереди. Есть много случаевъ, что люди остаются во фронтѣ съ испортившимися ружьями.

— Зачѣмъ вы здѣсь остаетесь? Вѣдь вы стрѣлять не можете, замѣчаютъ имъ офицеры.

— Такъ точно, ваше благородіе; для того мы и въ особую команду собираемся, чтобы, значитъ, работать штыками.

Такимъ же точно образомъ работали штыками въ первые дни и многіе болгары-ополченцы.

Генералъ Радецкій постоянно воодушевляетъ всѣхъ своимъ личнымъ примѣромъ; онъ всегда тамъ, гдѣ огонь сильнѣе,

гдѣ болѣе угрожаетъ нашей позиціи опасность,—и что̀ это за спокойствіе, что̀ за распорядительность и какое изумительное хладнокровіе при этомъ!..

Противъ насъ дѣйствовали болѣе ста горныхъ орудій, да и ружья у турокъ—надо отдать имъ справедливость—превосходныя: легки, удобно заряжаются и бьютъ на 3,000 шаговъ безъ прицѣла, подъ угломъ 45-ти градусовъ. При такой стрѣльбѣ попадаютъ, конечно, только случайныя или такъ называемыя «шальныя» пули, но такъ какъ турки выпускаютъ массы огня, то и «шальныя» все-таки дѣлаютъ свое кровавое дѣло; большинство ранъ—на вылетъ. Замѣчено много раненій разрывными пулями и, кромѣ того, турки видимо нарочно обстрѣливаютъ гранатами наши перевязочные пункты, не смотря на то, что надъ послѣдними вывѣшены флаги «Краснаго Креста» и что недавно еще главнокомандующій турецкихъ силъ, Мехмедъ-Али-паша, обращался къ нашему Главнокомандующему съ письмомъ объ оказаніи флагу «Красной Луны» тѣхъ же преимуществъ, какія, на основаніи женевской конвенціи, присвоены «Красному Кресту». Великій Князь, какъ извѣстно, отвѣчалъ на это полнымъ согласіемъ, издалъ даже по этому поводу особый приказъ по дѣйствующей арміи *), но тѣмъ не менѣе, все это со стороны турокъ, при первомъ же опытѣ, оказывается только красивыми словами для обмана Европы. Наши солдаты, выходящіе въ ночные секреты за черту шипкинской позиціи, удостовѣряютъ, что они опять видѣли многія тѣла своихъ сотоварищей обезглавленными и поруганными. Это совершалось надъ тѣми ранеными, которые были случайно оставлены, за невозможностію своевременнаго ихъ розыска санитарами, во время атаки генерала Радецкаго на лѣсную возвышенность. Наши раненые офицеры, привезенные изъ Габрова, удостовѣряютъ также, что по свѣдѣніямъ, добытымъ отъ захваченныхъ турокъ, въ рядахъ арміи Сулеймана есть 15 человѣкъ англичанъ, командующихъ отдѣльными частями; участвуетъ также и пресловутый «польскій легіонъ», который былъ узнанъ по особому знамени съ польскимъ бѣлымъ орломъ, въ щитѣ коего изоб-

*) Приказъ Главнокомандующаго отъ 23-го іюля 1877 года, за № 122, въ Чаушъ-Магалѣ.

раженъ орелъ россійскій. Кромѣ того во время атакъ здѣсь ясно слышался польскій и русскій говоръ, но послѣдній не совсѣмъ чистый.

Лѣсная гора командуетъ надъ нашимъ правымъ флангомъ и по своему положенію гораздо опаснѣе, чѣмъ высоты противолежащія лѣвому флангу нашей позиціи. Задача была въ томъ, чтобы выбить непріятеля съ этой горы. Поэтому, 12-го августа, отправивъ въ обходъ лѣваго фланга турокъ одинъ батальонъ Житомірскаго полка, генералъ Радецкій рѣшился самъ атаковать на другой день турокъ и лично вести наступленіе противъ ихъ лѣваго фланга, чтобы сбить двухъорудійную батарею, которая сильно безпокоила нашъ правый флангъ и отчасти тылъ, по габровской дорогѣ.

Съ разсвѣтомъ 13-го августа, на пятый день обороны, мы увидѣли турокъ на высотахъ, командующихъ надъ нашею позиціею, гдѣ они работали надъ окончаніемъ своихъ батарей, особенно противъ праваго нашего фланга. Мало того, чрезъ короткое время оказалось, что всѣ ихъ главныя силы очутились на горахъ, по обѣ стороны нашей позиціи, но главнѣйшая ихъ масса сосредоточивалась по лѣвую нашу сторону. Тотъ фактъ, что на подобныя, почти недоступныя горныя кручи могла взобраться въ такихъ массахъ армія Сулеймана, только и можно объяснить ея предварительною долговременною практикою въ горахъ Герцеговины и Черногоріи. Турки даже ухитрились втащить сюда и свои орудія. Съ 9-ти часовъ утра открылся по насъ сверху внизъ огонь, равный по силѣ вчерашнему. Въ особенности губителенъ былъ огонь съ Лѣсной горы, что противъ праваго нашего фланга, по тылу нашей позиціи и по габровской дорогѣ. Немудрено, впрочемъ, что на насъ сыпался свинцовой дождь: каждый турецкій солдатъ получаетъ на каждый день по 220 патроновъ, изъ которыхъ къ ночи уже ничего не остается—все это разстрѣливается съ руки, почти не цѣлясь, и однимъ изъ такихъ выстрѣловъ 13-го числа убитъ генералъ-маіоръ Дерожинскій, въ то время когда онъ, стоя на одномъ изъ нашихъ укрѣпленій, разговаривалъ съ генераломъ Радецкимъ. Онъ убитъ былъ на повалъ пулею, попавшею подъ сердце. Въ этотъ же день у насъ выбыло изъ строя около 50-ти офицеровъ. Турки—все равно, какъ и подъ Плевною—были въ

изобиліи снабжены патронами и всякими припасами. Забалканскіе болгары изъ ближайшихъ окрестностей вынуждены были таскать для нихъ на ослахъ, а еще болѣе на собственныхъ спинахъ воду, фрукты, продовольствіе, снаряды, патроны и даже горныя орудія.

Генералъ Радецкій, какъ уже сказано, предпринялъ 13-го числа атаку Лѣсной горы, дабы избавить габровскій путь отъ губительнаго огня, который болѣе всего вредилъ транспортамъ нашихъ раненыхъ и габровскимъ горожанамъ, подвозившимъ къ намъ воду и запасы. Житомірскій батальонъ, посланный наканунѣ, подойдя съ разсвѣтомъ къ непріятельской позиціи, завязалъ дѣло. Услышавъ выстрѣлы, генералъ Радецкій приказалъ полковнику Липинскому атаковать укрѣпленіе на Лѣсной горѣ. Четыре съ половиною батальона были пущены съ фронта, а полтора батальона — противъ непріятельскаго лѣваго фланга. Стрѣлки 14-го батальона и брянцы долго и упорно дрались въ долинѣ, все болѣе и болѣе подвигаясь къ противнику, который занималъ вершину и склоны горы, скрываясь въ густой зелени ея лѣса. Къ одиннадцати часамъ наши были уже на склонѣ, и бой, колеблясь то въ ту, то въ другую сторону, шелъ уже въ самомъ лѣсу. Желая во что̀ бы ни стало обезпечить себѣ успѣхъ этого боя, генералъ Радецкій, около полудня, рѣшилъ поддержать фронтальную атаку и пустить въ обходъ фланговъ непріятельской позиціи на Лѣсной горѣ новыя силы. Для этого были пущены въ дѣло остальные два батальона Житомірскаго полка, оставившіе за собою въ резервѣ по одной ротѣ каждый. Въ критическій моментъ боя, во главѣ одной изъ этихъ резервныхъ ротъ становится самъ генералъ Радецкій, другую вручаетъ командиру Житомірскаго полка, полковнику Тяжельникову — и оба они ведутъ эти части въ атаку, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: турки оставили свою укрѣпленную позицію на Лѣсной горѣ и, заблаговременно убравъ свои два орудія, поспѣшно отошли въ ложементы на Лысую гору. Къ сожалѣнію, наши, увлекшись преслѣдованіемъ, что̀ называется, *зарвались* и въ виду новыхъ подкрѣпленій противника, не въ состояніи были удерживаться на занятой позиціи. Пославъ для занятія взятаго у турокъ окопа на Лѣсной горѣ флигель-адъютанта полковника графа А̀длерберга съ батальономъ Волынскаго полка,

генералъ Радецкій приказалъ полковнику Липинскому постепенно отводить войска, которые къ утру 14-го числа окончательно отошли на нашу шипкинскую позицію. Окопъ же, за невозможностью подкрѣпить графа Адлерберга изъ малочисленнаго нашего резерва, тоже пришлось уступить противнику.

Но послѣ этого турки уже не вооружали вновь орудіями батарею Лѣсной горы и въ оба послѣдующіе дня (14-го и 15-го), поддерживая лишь слабую перестрѣлку, занялись возведеніемъ батарей и ложементовъ на дальнихъ высотахъ. Мы, съ своей стороны, ограничились тоже однимъ артиллерійскимъ огнемъ, которымъ старались, по возможности, препятствовать работамъ непріятеля.

Вечеромъ 15-го августа огонь противника окончательно прекратился и на окрестныхъ высотахъ воцарилось полное спокойствіе. То же самое продолжается и по сію минуту, т.-е. до утра 17-го числа. Массы турокъ скрылись гдѣ-то въ окрестныхъ горахъ; но отступаютъ ли они, отдыхаютъ ли, или же замышляютъ какое нибудь обходное движеніе—этого намъ пока не извѣстно. Слышно только, что обозы ихъ потянулись обратно къ Казанлыку. Впрочемъ, на случай обхода, генералъ Радецкій уже принялъ надлежащія мѣры. Начальникъ штаба дѣйствующей арміи, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, выѣхавшій изъ с. Горнаго Студня 15-го числа въ девять часовъ вечера, прибылъ 17-го утромъ на Шипку, чтобы лично осмотрѣть положеніе дѣлъ и условиться съ генераломъ Радецкимъ.

Общее число нашихъ потерь на Шипкѣ пока еще не приведено въ извѣстность: тѣла убитыхъ очень трудно находить на столь пересѣченной мѣстности. Что же касается раненыхъ, то по самымъ точнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ по телеграфу съ Шипки *), къ вечеру 16-го августа значилось: офицеровъ 98, нижнихъ чиновъ 2,633; всѣ они уже вывезены изъ Габрова; число убитыхъ приблизительно можно опредѣ-

*) До вечера 15-го августа извѣстія о ходѣ боя на Шипкѣ доставлялись съ нарочнымъ въ Габрово, а оттуда уже по телеграфу въ главную квартиру; но къ 9-ти часамъ вечера 15-го числа была устроена телеграфная линія далѣе и открыта новая станція «*Шипка*», выдвинутая къ перевалу на 15 верстъ отъ Габрова.

лить въ 1,000 человѣкъ. Въ частныхъ разговорахъ здѣсь считаютъ не малою ошибкой то обстоятельство, что первоначальные защитники перевала были черезъ-чуръ малочисленны сравнительно съ его важностію, тѣмъ болѣе, что ближайшія ихъ поддержки находились не ближе какъ въ Сельви и окрестностяхъ Тырнова, въ разстояніи 45—60 верстъ отъ боевой позиціи. Это, конечно, справедливо; но вопросъ: откуда же было взять войска больше, если его не было достаточно на всемъ здѣшнемъ театрѣ нашихъ военныхъ дѣйствій?

LI

Подробности о битвахъ первыхъ трехъ дней на Шипкѣ

Описаніе нашихъ позицій на Шипкѣ по прибытіи Брянскаго полка 9-го августа, утромъ.—Дѣйствія турокъ 9-го и 10-го числа на лѣвый флангъ позиціи св. Николая (Стальную батарею).—Назначеніе полковниковъ Липинскаго и графа Толстаго.—Усиленіе нашей правофланговой позиціи.—Атака турокъ 11-го числа на нашъ правый флангъ. — Охватъ кольцомъ всей нашей позиціи на Шипкѣ и мѣры генерала Столѣтова противъ охвата.—Атака капитана Канчіолова и штабсъ-капитана Шнея. — Бой на тыльной и правофланговой нашихъ позиціяхъ. — Отчаянное положеніе и помощь отъ графа Толстаго. — Перевязочные пункты, раненые и санитары. — Замѣшательство на правомъ флангѣ. — Смерть подполковника Беницкаго. — Встрѣча первой помощи. — Прибытіе генерала Радецкаго. — Наступленіе охотниковъ-стрѣлковъ и 11-й роты Брянскаго полка, съ пѣснями. — Отступленіе турокъ и общее увлеченіе шипкинцевъ. — Необходимость остановить дальнѣйшее наступленіе нашихъ. — Окончаніе трехсуточнаго боя. — Нравственное значеніе этой обороны и убыль наша и непріятельская. — Ночь послѣ боя.

Горный Студень, 28-го сентября.

Для нашей военной исторіи должна быть драгоцѣнною каждая черта, дополняющая съ той или другой стороны лѣтопись шипкинской обороны, и потому въ настоящемъ сообщеніи предлагается нѣсколько подробностей и отдѣльныхъ эпизодовъ (въ особенности относительно праваго фланга), которые—смѣю думать—надо сохранить для исторіи.

Когда первоначальные защитники Шипкинскаго перевала пришли къ заключенію, что противъ нихъ ведутъ атаку главныя силы арміи Сулеймана-паши, то генералъ Столѣтовъ послалъ 7-го августа телеграмму въ Сельви, прося немедленныхъ подкрѣпленій. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ находился

тогда 35-й пѣхотный Брянскій полкъ *), которому генералъ-маіоръ Дерожинскій немедленно же приказалъ приготовиться къ походу, и 8-го августа утромъ полкъ уже выступилъ на Шипку. Вслѣдъ за нимъ въ самомъ скоромъ времени должны были двинуться туда же и другія подкрѣпленія. Брянцы прибыли на Шипку 9-го августа утромъ. Появленіе ихъ было привѣтствовано громкими «ура» на всемъ протяженіи нашей обширной позиціи, которая оборонялась тогда слишкомъ незначительными силами, и потому-то, въ виду общей готовности скорѣе лечь костьми, чѣмъ покинуть Шипку, оно и встрѣчено общею радостью, какъ первая помощь, поддержавшая нравственный духъ оборонявшихся.

Вотъ въ какомъ видѣ застали два батальона брянцевъ **) общую картину обороны: позиція наша представляла дугу, изогнутую вдоль по шоссе. На лѣвомъ флангѣ этой позиціи возвышается гора, такъ называемая *Сѣверная*, которой восточные и южные склоны защищались нѣсколькими рядами ложементовъ. На вершинѣ Сѣверной горы была поставлена наша батарея на восемь орудій. Для устройства этой батареи мы воспользовались прежними турецкими земляными укрѣпленіями, которыя однако же не были вполнѣ приспособлены нами для обороны противъ непріятеля. Вправо отъ Сѣверной горы, шаговъ на двѣсти, идетъ уступъ, на которомъ находятся— бывшій турецкій ложементъ, обшитый плетнемъ, и турецкая же земляная батарея, въ то время еще не занятая нами. Отъ этого уступа перевалъ поворачиваетъ на югъ, и на немъ, шагахъ въ полутораста впереди, находится небольшой холмъ, гдѣ расположилась такъ называемая *Средняя* батарея ***). Все это пространство носило въ то время названіе нашей главной позиціи. Впереди ея, по направленію къ югу, въ разстояніи одной версты, возвышается гора св. Николая, ко-

---

*) 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Дерожинскаго.

**) Первые батальоны этого полка (1-й и 3-й) прибыли на мѣсто въ половинѣ двѣнадцатаго часа утра, а 2-й батальонъ, по приказанію генерала Дерожинскаго, былъ задержанъ въ пунктѣ развѣтвленія дороги, гдѣ одна вѣтвь ея ведетъ къ горѣ св. Николая, а другая, правѣе, на деревню Зелено-Древо. 2-й батальонъ прибылъ на позицію уже въ часъ по полудни; остальные же два, по прибытіи, немедленно заняли мѣста на передовой и главной позиціи у Сѣверной горы, частью въ ложементахъ, частью въ резервѣ.

***) Четыре 4-хъ-фунтовыхъ орудія.

торую прорѣзываетъ шоссейная дорога почти по самой серединѣ. Эта послѣдняя гора составляла передовой пунктъ нашей оборонительной позиціи. На перевалѣ между св. Николаемъ и Сѣверною горою находятся два домика, гдѣ расположился перевязочный пунктъ, предназначенный для войскъ передоваго отряда и сосѣднихъ ложементовъ, и этотъ перевалъ получилъ у насъ названіе «*перешейка*». На востокъ отъ него, а также и отъ шоссе, въ глубинѣ между отлогостями св. Николая и Сѣверной горы, залегаетъ обширная долина, на днѣ которой находится изобильный ключъ, обложенный тесаннымъ плитнякомъ, какъ и всѣ фонтаны на Востокѣ, и отъ него внизъ по долинѣ струится рѣзвый ручей. Къ западу отъ «перешейка» перевалъ былъ защищенъ «Среднею батареею» и длиннымъ рядомъ ложементовъ. Впереди послѣднихъ, по дорогѣ, которая уходитъ на западъ въ горы, заложены были фугасы, устройствомъ которыхъ мы обязаны подпоручику 7-го сапернаго батальона Романову, тому самому, который весною нынѣшняго года, въ Браиловѣ, удачнымъ выстрѣломъ способствовалъ взрыву въ Мачинскомъ рукавѣ броненосца «Лютфи-Джелиль». На вершинѣ св. Николая (т.-е. передовой нашей позиціи) поставлены были нами шесть орудій. Но этимъ еще не ограничивалась защита передоваго пункта: лѣвѣе этой батареи, на той же горѣ, стояла другая, осьмиорудійная, въ составъ вооруженія которой входили шесть крупповскихъ стальныхъ пушекъ, взятыхъ нами у турокъ при занятіи Шипкинскаго перевала, вслѣдствіе чего и самая батарея получила у насъ названіе «*Стальной*» *). Понятно, что столь обширная позиція не могла быть успѣшно обороняема такими ничтожными силами, какія имѣлись у насъ въ началѣ атакъ арміи Сулеймана: пять слабосильныхъ дружинъ и одинъ пѣхотный (Орловскій) полкъ, тоже пострадавшій въ предшествовавшихъ дѣлахъ, не имѣли даже возможности занять ее сплошь хотя бы и самыми тонкими линіями, а потому-то нѣкоторыя укрѣпленія поневолѣ оставались у насъ не занятыми. Вотъ почему прибытіе Брянскаго полка и было встрѣчено общимъ восторгомъ. Части этого полка заняли покатости Сѣ-

*) Кромѣ того, въ резервѣ оставались у насъ еще четыре орудія горной батареи.

верной горы и ложементы западной стороны, оставивъ четыре роты въ резервѣ, на уступѣ за Среднею батареей.

Первыя атаки турокъ, около десяти часовъ утра, какъ извѣстно, были направлены по шоссе на передовую нашу позицію, но послѣ взрыва нѣсколькихъ фугасовъ противникъ шарахнулся назадъ и только около полудня успѣлъ изготовиться къ новому штурму, направленіе котораго обнаружено было теперь на лѣвомъ флангѣ св. Николая, противъ Стальной батареи: длинныя и густыя цѣпи непріятеля спускались съ ближайшихъ лѣсистыхъ высотъ въ открытую долину у подошвы св. Николая, быстро перебѣгали ее и съ криками «Алла», подъ звуки барабановъ и рожковъ, игравшихъ «атаку», энергически и настойчиво карабкались на кручу. Эта попытка была отбита залпами пѣхоты (между прочимъ и Брянскаго полка) и удачнымъ огнемъ какъ Стальной, такъ и Круглой батарей, изъ которыхъ послѣдняя (подъ начальствомъ полковника Бенецкаго) брала турецкія цѣпи во флангъ. Такъ продолжалось весь день, до глубокой ночи. Турки въ теченіи всего этого времени безпрерывно возобновляли свои нападенія, и послѣдняя ихъ попытка, какъ извѣстно, была уже сдѣлана позднимъ вечеромъ. Въ теченіи ночи съ 9-го на 10-е августа они успѣли исправить свои прежнія и возвести новыя укрѣпленія, а на утро, въ пять часовъ, открыли повсюду сильный ружейный огонь, и наблюдая ихъ дымки, мы тогда же успѣли убѣдиться, что новыя позиціи противника распространились гораздо сѣвернѣе лѣваго фланга нашей главной позиціи. Это показало, что непріятель намѣревается обойдти насъ съ тыла, дабы окружить кольцомъ нашу позицію. Однако же попытки штурма въ этотъ день были уже не такъ энергичны: артиллерія противника замолчала даже ранѣе наступленія вечера, вынужденная къ тому огнемъ нашихъ батарей: Стальной, Средней и Круглой; однѣ только пули почти до 9-ти часовъ не переставали перекрещивать съ четырехъ сторонъ всю площадь нами занимаемой позиціи и хватали далеко позади боевыхъ линій, такъ что даже на перевязочномъ пунктѣ, т. е. почти на версту въ тылу, нѣсколько людей было ранено. Впрочемъ, надо замѣтить, что убыль наша 10-го числа была значительно менѣе вчерашней, и это потому, что люди успѣли болѣе примѣниться къ ложементамъ и лучше укрыться въ

нихъ. Въ восемь часовъ вечера (10-го числа) четыре роты Орловскаго полка на горѣ св. Николая были смѣнены столькими же ротами полка Брянскаго, а командиръ полка, полковникъ Липинскій, по предложенію генерала Дерожинскаго, былъ назначенъ начальникомъ главной позиціи, т. е. на Сѣверной горѣ и на перешейкѣ. Въ то же время флигель-адъютанту полковнику графу Толстому ввѣрена оборона передовой позиціи, или горы св. Николая. Осмотрѣвъ свою позицію, полковникъ Липинскій нашелъ, что силы боковаго отряда на ея правомъ флангѣ, т. е. въ ложементахъ, расположенныхъ противъ фугасовъ, весьма слабы *), тогда какъ самая мѣстность представляетъ здѣсь для наступающаго гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ на остальныхъ пунктахъ; а между тѣмъ прорывъ нашей линіи въ этомъ мѣстѣ совершенно отрѣзалъ бы гору св. Николая отъ главной позиціи. Въ виду этихъ соображеній, число защитниковъ праваго фланга было увеличено **), и все-таки защита главной позиціи, простиравшейся по линіи своихъ ложементовъ почти на версту, не могла назваться вполнѣ обезпеченною. Но дѣлать было нечего: пока, до времени, приходилось ограничиваться тѣмъ что было подъ рукою.

11-го августа, еще чуть брезжилось на востокѣ, какъ у насъ въ ложементахъ праваго фланга уже поднялась оживленная перестрѣлка, къ которой, минутъ пять спустя, присоединился и звукъ артиллерійскихъ выстрѣловъ. Бѣлые дымы поднимались теперь вдали, верстъ за пять отъ нашей правофланговой позиціи, съ западнаго горнаго кряжа, гдѣ турки въ прошлую ночь возвели особую батарею. Наши орудія не замедлили отвѣтомъ — и оживленная канонада, вмѣстѣ съ частою перестрѣлкою, опять загудѣла по всей линіи. Въ пять часовъ утра обнаружилось намѣреніе противника вести атаку противъ нашего праваго фланга, съ котораго было замѣчено движеніе четырехъ большихъ колоннъ по направленію къ ложементамъ боковаго отряда. Въ половинѣ седьмаго часа непріятель уже перешелъ здѣсь въ положительное наступленіе, такъ что съ нашей стороны пришлось ввести въ дѣло всѣ

*) Двѣ линейныя роты и взводъ стрѣлковъ.

**) А именно: прибавлены еще полувзводъ стрѣлковъ и 9-я линейная рота Брянскаго полка.

четыре роты. Полковникъ Липинскій, получивъ донесеніе командующаго боковымъ отрядомъ, маіора Шваба, о положеніи дѣла, которое требуетъ немедленныхъ подкрѣпленій, послалъ ему изъ резерва двѣ роты орловцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ держаться на позиціи во что бы то ни стало, такъ какъ еще съ вечера сдѣлалось уже извѣстно, что на Шипку идутъ 4-я стрѣлковая бригада и два полка 14-й пѣхотной дивизіи. Около этого же времени началась атака горы св. Николая, приступы къ которой, смѣняясь одни другими, длились до самаго вечера.

Въ $7^1/_2$ часовъ утра (11-го числа) полковнику Липинскому было доставлено донесеніе, что боковой отрядъ на правомъ флангѣ, получивъ въ помощь себѣ двѣ орловскія роты, успѣлъ отбить непріятельскій приступъ, что̀ не обошлось однако же безъ самаго упорнаго боя. Преслѣдуемыя правильными залпами, передовыя части противника отступили на вторую высоту Лѣсныхъ или Зеленыхъ горъ, откуда вскорѣ показались новыя колонны турокъ, которыя пропустивъ въ интервалы отступившія толпы, немедленно же повели рѣшительное наступленіе противъ боковаго отряда. Оттуда опять прислали просить подкрѣпленій. Отправивъ изъ резерва еще одну роту, полковникъ Липинскій послалъ къ генералу Столѣтову ординарца съ просьбою пріѣхать лично на правый флангъ, чтобы самому убѣдиться въ важности наступленія, ведущагося противъ этого пункта. Генералъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ позицію, но объявилъ Липинскому, что никакихъ подкрѣпленій дать не можетъ, потому что непріятель обнаружилъ сейчасъ намѣреніе вести атаку и на лѣвый флангъ, противъ котораго уже собираются колонны и двигаются густыя цѣпи. Такимъ образомъ, охватъ кольцомъ всей нашей позиціи развивался все больше и больше. Вслѣдствіе этого обстоятельства генералу Столѣтову пришлось принять непосредственно на себя оборону тыла. Для этого онъ взялъ у Липинскаго двѣ полуроты съ четырьмя горными орудіями и спѣшно повелъ ихъ на дальній курганъ, лежащій позади Сѣверной горы, въ тылу нашей позиціи. Но пока Столѣтовъ, дойдя наконецъ подъ огнемъ и ужасною жарою до вершины тыльнаго кургана, заботился тамъ о скорѣйшемъ устройствѣ батареи и стрѣлковыхъ закрытій, — турецкіе стрѣлки успѣли незамѣтно пробраться

кустами въ тылъ Сѣверной горы. Къ счастію, у насъ успѣли замѣтить это въ то время, когда турки, выйдя изъ кустовъ, перебѣгали къ подошвѣ Сѣверной горы, направляясь на шоссе въ тылъ нашей Круглой батареи. Эта густая цѣпь надвигалась на нашъ тылъ такъ быстро, что полторы роты Брянскаго полка *), стоявшія въ резервѣ, позади Круглой батареи, едва только успѣли развернуться вдоль шоссе, какъ въ нихъ грянулъ непріятельскій залпъ, затѣмъ другой и третій, съ разстоянія не болѣе какъ во сто шаговъ. Тутъ уже некогда было думать о перестрѣлкѣ; оставалось одно: съ разу броситься впередъ, въ штыки, «на ура», сдѣлать послѣднюю, отчаянную попытку и умереть на мѣстѣ, если она не удастся. Такъ и было сдѣлано. Канчіоловъ и Шней, крикнувъ своимъ людямъ: «Не стрѣлять! въ штыки! на руку! Впередъ!» — стремительно бросились на турокъ, и это движеніе, которое, какъ горная лавина, нежданно обрушивалось сверху внизъ, заставило турокъ тотчасъ же дать тылъ... Но, увлекшись дальнѣйшимъ преслѣдованіемъ, горсть нашихъ людей рисковала бы зарваться, попасть въ руки многочисленнаго непріятеля, быть тамъ внизу окруженною и, если не отдаться въ плѣнъ, то подвергнуться поголовному разстрѣлянію. Поэтому полроты были остановлены во-время и спрятаны за мѣстныя закрытія, откуда онѣ открыли огонь по отступающимъ. Отойдя на противолежащую возвышенность, турки болѣе правильно стали отвѣчать на ружейный огонь, и такимъ образомъ завязалась въ этомъ пунктѣ весьма сильная перестрѣлка, которая длилась, пока не подошли къ туркамъ свѣжія силы. Тогда съ ихъ стороны послѣдовала новая атака, а съ нашей — новый отпоръ, сопровождаемый дружными залпами въ грудь, а затѣмъ въ спину туркамъ, и это повторялось нѣсколько разъ, при каждой новой попыткѣ противника. А попытки были упорныя, отчаянныя... Непріятель хорошо понималъ всю важность атаки именно въ этомъ тыловомъ пунктѣ: удайся она, — судьба Шипки, можно сказать навѣрное, была бы рѣшена не въ нашу пользу. Храбрымъ, самоотверженнымъ защитникамъ ея оставалось бы одно изъ двухъ: положить оружіе, или умереть до послѣдняго человѣка, и хотя не можетъ быть ни

*) 5-я линейная, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Шнея, и полурота 6-й роты, подъ начальствомъ капитана Канчіолова.

малѣйшаго сомнѣнія, что изъ двухъ исходовъ они предпочли бы второй, тѣмъ не менѣе, стратегическая побѣда была бы на сторонѣ противника. Къ общему прискорбію, маіоръ Молоствовъ, командовавшій 2-мъ батальономъ Брянскаго полка и распоряжавшійся обороною этого пункта, былъ тяжело раненъ. Между тѣмъ бой, съ замѣчательнымъ ожесточеніемъ распространившійся по всей линіи, разгорѣлся съ особенною силою противъ боковаго правофлангового отряда, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ были заложены фугасы. И вотъ, въ 10 часовъ утра присылаютъ оттуда къ Липинскому настоятельно просить, умолять о подкрѣпленіяхъ. Полковникъ Липинскій отправляетъ изъ резерва послѣднюю, остававшуюся у него роту *), отдѣливъ отъ нея только полувзводъ для прикрытія знаменъ. Но не проходитъ и нѣсколькихъ минутъ, какъ опять летятъ оттуда новыя прискорбныя извѣстія: подполковникъ Швабъ **) сильно контуженъ; ротные командиры переранены, перебиты, выбыли изъ строя; командованіе надъ 3-мъ батальономъ Брянскаго полка принялъ штабсъ-капитанъ Пономаренко; люди гибнутъ, но держатся. Тогда полковникъ Липинскій назначаетъ на мѣсто Шваба маіора Базилевича***) и приказываетъ ему «стараться держать роты, взводы и даже звенья по два въ совокупности», дабы имѣть возможность осаживать непріятельскую цѣпь, не смотря на ея многочисленность, и во что бы ни стало удерживаться на своей позиціи. Въ такомъ положеніи дѣло длится до двухъ часовъ по полудни. Патроновъ уже мало, и особенно на правомъ флангѣ; люди истомлены и нравственными, и физическими усиліями боя; гибнутъ десятками, а подбирать и уносить ихъ некому: здѣсь каждыя лишнія руки теперь нужнѣе всего... Непріятель между тѣмъ напираетъ и напираетъ — все новыя, все свѣжія силы. Солдаты просто понять не могутъ, откуда, наконецъ, это у него берется? Все пространство впереди усѣяно валяющимися тѣлами въ красныхъ фескахъ. «Словно макъ въ огородѣ алѣются», какъ замѣчаютъ солдаты, а между тѣмъ новыя и новыя цѣпи и колонны красныхъ фесокъ лѣзутъ на

*) 5-ю роту Орловскаго полка.

**) Начальникъ боковаго правофлангового отряда.

***) Орловскаго полка.

нихъ отовсюду... Хриплые крики: «Алла!» тамъ и сямъ мѣшаются и сливаются съ нашею русскою «урою».

— «Да это, братцы, самъ дьяволъ плодитъ ихъ столько! Откуда быть имъ тутъ этакой силищѣ?»—опуская отъ отчаянія измаянныя руки, чуть не сквозь слезы, восклицаетъ молодой солдатикъ.

— «А ты, молокососъ, дьявола-то не поминай, а имя Христово призови — и одолѣемъ!» наставительно и съ увѣренностію замѣчаетъ старый «унтеръ», видавшій на своемъ вѣку виды, — и одно подобное замѣчаніе вдругъ ободряетъ цѣлый ложементъ, цѣлую роту.

— «Вѣрно, братцы, вѣрно! Это настоящее слово! проносится между кучками: — нут-ка, съ Богомъ!... Во имя Отца и Сына... пли!» — и новый дружный залпъ треснулъ на встрѣчу противнику.

— «Вишь ты! вонъ оно какъ!... Съ разу тылъ и далъ... Вотъ оно что̀ значитъ, съ Божьимъ-то именемъ!»

А солнечный зной между тѣмъ палитъ и угнетаетъ: и лица, и спины, и грудь, и все тѣло обливаются потомъ; солдатскія рубахи мокры, липнутъ къ тѣлу — мѣшаетъ все это работать... Жажда къ тому же смертная, а воды нѣтъ, и чтобы добыть ее, приходится идти на лѣвый флангъ и подъ ужаснымъ огнемъ осторожно спускаться по головоломной тропинкѣ на самое дно глубокой долины, къ фонтану. А тутъ еще одолѣваютъ миріады мухъ, носящихся надъ мертвыми тѣлами. Все притомилось въ горной природѣ подъ этимъ удушливымъ зноемъ, все примолкло, привяло, поникло, — однѣ лишь тучи мухъ жужжатъ внизу, да балканскіе орлы, испуганные непривычнымъ для нихъ грохотомъ и свистомъ, взвиваются все выше и выше, и плаваютъ въ лазоревомъ пространствѣ, едва досягаемомъ для глаза, да еще несмолкаемая перестрѣлка измученныхъ людей трещитъ, не переставая ни на мгновенье — и мертвая знойная тишина всей природы нарушается не стонами раненыхъ, которыхъ почти не слышно, даже не криками команды, а однимъ лишь грохотомъ выстрѣловъ, свистомъ пуль и шипѣніемъ улетающей или прилетающей гранаты. По истинѣ, это были ужасныя минуты... Ужасна была даже самая противоположность между безучастно спокойною природой

и этою лихорадочною борьбою — борьбою на смерть людей, изнемогающихъ отъ безсонницы, голода и зноя, и умирающихъ молча, безропотно... Турки дрались геройски; русскіе были непреклонны и не уступали ни на шагъ. Но отдавая полную справедливость воинской доблести нашихъ враговъ, умалять которую было бы недостойно насъ (хотя надо сознаться, что мы не ожидали съ ихъ стороны такой упорной настойчивости въ достиженіи своей цѣли), все же должно сказать, что Шипкинскій проходъ обороняла *одна лишь горсть* русскихъ и болгаръ противъ *цѣлой арміи* Сулеймана. Шипка—это въ своемъ родѣ Ѳермопилы *) новѣйшей военной исторіи, которая — кто бы ни писалъ ее, друзья или недруги — обязана воздать должную справедливость героизму защитниковъ этого горнаго прохода.

Въ два часа по полудни, къ полковнику Липинскому былъ присланъ изъ боковаго отряда офицеръ съ донесеніемъ, что мы обременены тамъ громаднымъ (сравнительно) количествомъ раненыхъ, тогда какъ силы непріятеля все прибываютъ и прибываютъ, и что удерживать позицію долѣе нѣтъ никакой возможности, если не будутъ сейчасъ же даны достаточныя подкрѣпленія.

Но у Липинскаго оставался одинъ лишь полувзводъ со знаменами...

А между тѣмъ въ тылу Сѣверной горы кипитъ сильная перестрѣлка, и вдругъ, въ довершеніе всего, Липинскій замѣчаетъ, что большія партіи черкесовъ стремятся въ атаку на горную батарею, не смотря на то, что двѣ роты**) встрѣчаютъ ихъ частыми залпами. Положеніе съ минуты на минуту становилось все болѣе и болѣе критическимъ: вся, какъ есть, позиція кругомъ была уже атакована турками. Пришлось обратиться за помощію на передовую позицію (гора св. Ни-

---

*) Хотя по условіямъ мѣстности Шипкинскій перевалъ вовсе не походитъ на Ѳермопилы, такъ какъ это не тѣснина, не ущелье; напротивъ, онъ потому-то и былъ предпочтенъ Митхадомъ-пашею для проложенія чрезъ него шоссейной дороги, что онъ гораздо ниже, просторнѣе и удобнѣе прочихъ переваловъ.

**) 2-я стрѣлковая Орловскаго полка, подъ начальствомъ поручика Никифорова, и 6-я линейная Брянскаго полка.

колая), которая и сама подверглась въ то же время настойчивымъ приступамъ. Начальникъ этой послѣдней позиціи, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Толстой, какъ ни трудно ему приходилось, все же нашелъ возможность удѣлить изъ своихъ силъ одну роту *) на помощь полковнику Липинскому, и эта рота, поставленная въ резервѣ, успѣла отразить нѣсколькими своими залпами настойчивую атаку черкесовъ на горную батарею. Боковому же (правофланговому) отряду, вмѣсто подкрѣпленія было послано одно лишь подтвержденіе: держаться во что бы ни стало, потому что скоро прибудутъ подкрѣпленія **); если же держаться не хватитъ уже ни малѣйшей возможности, то отступать на «перешеекъ», къ домикамъ перевязочнаго пункта, не заслоняя собою фугасовъ, и при этомъ всѣ, кто не раненъ, должны сейчасъ же занимать новые ложементы — на перешейкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ распоряженіемъ, подпоручику Романову приказано быть вполнѣ готовымъ со своею гальваническою батареей, на случай, если придется взрывать фугасы ***).

Вѣсть о скоромъ прибытіи свѣжихъ войскъ, мигомъ облетѣвшая наши ложементы, нѣсколько оживила духъ изнеможенныхъ защитниковъ Шипки. Въ половинѣ пятаго часа по полудни графъ Толстой привелъ съ собою съ горы св. Николая еще одну брянскую роту (2-ю линейную) и это дало возможность не только заполнить ближайшіе ложементы, но и сохранить нѣкоторую сомкнутую часть въ резервѣ. Графъ Толстой прибылъ къ полковнику Липинскому, какъ къ старшему, чтобы узнать распоряженія, потому что добраться до тыльной позиціи, гдѣ находился генералъ Столѣтовъ, не было уже никакой возможности, и тутъ-то эти два офицера порѣшили между собою — не отступать ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ видомъ, а умирать всѣмъ до послѣдняго человѣка на мѣстѣ.

---

*) 1-ю линейную Брянскаго полка.

**) О скоромъ прибытіи стрѣлковой бригады было уже получено извѣщеніе генералъ-маіора Цвѣцинскаго.

***) Этотъ достойный офицеръ помимо его спеціальнаго дѣла и ежесуточныхъ (въ теченіи цѣлыхъ ночей) работъ по исправленію нашихъ укрѣпленій, поврежденныхъ противникомъ, будучи контуженъ 11-го августа осколкомъ гранаты, не только оставался при гальваническомъ приборѣ, но даже управлялъ обороною того ложемента, при которомъ находился.

И такъ, въ резервѣ, благодаря графу Толстому, очутилась еще одна рота. Тѣмъ не менѣе, положеніе боковаго отряда было отчаянное, невозможное. На передовой перевязочный пунктъ, расположенный на перешейкѣ у бѣлыхъ домиковъ, безпрестанно направлялись большія группы раненыхъ, и уже по одному ихъ числу, сравнительно съ числомъ защитниковъ, можно было судить о тѣхъ грамадныхъ потеряхъ, какія несетъ отдѣльный правофланговый отрядъ. Здѣсь, на перевязочномъ пунктѣ, картина была не менѣе ужасна, чѣмъ и тамъ, на позиціи. Съ каждою минутою прибывали цѣлые десятки раненыхъ и накоплялись цѣлыми сотнями. Врачи не успѣвали накладывать перевязокъ; ползая на колѣняхъ по землѣ, въ пыли и въ крови, подъ палящимъ солнцемъ, они изнемогали. А тутъ еще пули свищутъ вокругъ, то тамъ, то здѣсь падаютъ и рвутся гранаты, обдавая окружающее пространство взметами пыли, комками земли, каменьями и осколками. Но на это уже некогда было обращать вниманіе, надо было торопиться дѣлать свое прямое дѣло. И замѣчательно: стоновъ слышалось очень мало — раненые и умирающіе какъ бы сознавали, что внѣшнее выраженіе ихъ страданій можетъ вліять на упадокъ духа уцѣлѣвшихъ еще товарищей, и молча переносили ужасныя муки. Все пространство около домиковъ было заполнено ранеными, съ изумительнымъ терпѣніемъ ожидавшими своей очереди для перевязки. Легко раненые, послѣ перевязки, просили дозволить имъ возвратиться на свои мѣста, въ ложементы, а многіе дѣлали это даже и самовольно, безъ всякихъ предупрежденій и разрѣшеній. Но тѣ, которые по силѣ и свойству своихъ ранъ не имѣли этой возможности, все-таки должны были оставаться на пунктѣ, такъ какъ днемъ не представлялось никакой возможности отвезти ихъ далѣе — на главный пунктъ (за четыре версты отъ позиціи) и затѣмъ въ Габрово: шоссе, пролегающее въ тылу нашей позиціи, съ двухъ сторонъ обстрѣливалось турками, такъ что нѣкоторые изъ раненыхъ, рискнувшіе отправиться по этой дорогѣ, были на пути или ранены вновь, или въ конецъ перебиты. Понятно, значитъ, каково должно было быть скопленіе раненыхъ подъ непріятельскимъ огнемъ у бѣлыхъ домиковъ!..

Но, слава Богу, къ пяти часамъ по полудни всѣ атаки въ

тылу на шоссе были отбиты и даже перестрѣлка тамъ стала нѣсколько рѣже. Тѣмъ не менѣе, положеніе боковаго отряда было невыносимо: тамъ уже оставались не роты, а одна ничтожная горсть людей, дравшихся *12 часовъ безъ перерыва, безъ малѣйшаго отдыха*, противъ несравненно сильнѣйшаго по числу непріятеля. Въ пять часовъ дня эта горсть, разстрѣлявъ почти всѣ патроны, стала наконецъ отступать отдѣльными маленькими кучками, успѣвъ однако вынести предварительно своихъ раненыхъ и забирая съ собою тѣхъ, кого хватала не смертнымъ ударомъ пуля на пути, во время отступленія, или которые попадались по дорогѣ. Почти всѣ офицеры этого отряда, находившіеся въ боевой линіи, были переранены и перебиты, а то, чтò сегодня утромъ еще называлось ротами — представляло изъ себя теперь небольшія, перемѣшанныя по полкамъ кучки. Достаточно сказать, что во многихъ ротахъ мѣста командировъ, замѣняясь послѣдовательно младшими офицерами, фельдфебелями и унтеръ-офицерами, перешли, наконецъ, по прямой линіи начальствованія, къ ефрейторамъ и даже, за убылью послѣднихъ, къ простымъ рядовымъ солдатамъ.

Порѣшивъ съ полковникомъ Липинскимъ не уступать противнику ни пяди, графъ Толстой принялъ на себя повѣрку правофланговыхъ ложементовъ и управленіе ими. Турки между тѣмъ наступали медленно, но упорно. Полковникъ Липинскій приказалъ открыть по нимъ огонь залпами, поставивъ прицѣлы на тысячу шаговъ, а такъ какъ въ ложементахъ находились преимущественно линейныя роты, у которыхъ maximum прицѣла равняется только шестистамъ шагамъ, то имъ велѣно: поставивъ прицѣлъ на эту крайнюю линію дѣленія, цѣлить въ верхушки деревьевъ, чтò и увеличивало дистанцію полета пуль до тысячи шаговъ. Но кромѣ того и самые залпы наши дѣлались столь дружно, что непріятель, не дойдя до опушки, остановился въ лѣсу на покатости, обращенной къ нашей позиціи.

Время шло, а помощи еще не было видно. Взоры жадно, въ томительномъ, тоскливомъ ожиданіи обращались назадъ, на габровскую дорогу, но тамъ виднѣлась пока только масса раненыхъ, запрудившихъ собою шоссе, не смотря на перекрестный со всѣхъ сторонъ огонь турокъ; эти несчастные тя-

нулись мимо Сѣверной горы, по направленію къ горной батареѣ, и надо сознаться, видъ этой массы окровавленныхъ, изувѣченныхъ страдальцевъ производилъ тяжелое впечатлѣніе на войска, остававшіяся еще на своихъ мѣстахъ и отчаянно дравшіяся весь день подъ градомъ пуль, почти безъ глотка воды и вовсе безъ пищи, тѣмъ болѣе, что всѣ артиллерійскіе снаряды, за исключеніемъ картечи, были у насъ уже разстрѣляны. На всемъ пространствѣ позиціи буквально не было мѣста, которое не поражалось бы пулями и осколками. Обыкновенныя и самыя необходимыя въ каждомъ бою сообщенія линіи съ тыломъ, какъ напримѣръ: привозъ и передача приказаній, подноска патроновъ, посылка за водою и переноска раненыхъ, были не менѣе опасны, чѣмъ нахожденіе въ непосредственно боевыхъ линіяхъ. Санитары, уносившіе съ позиціи какого нибудь *одного* раненаго, достигали перевязочнаго пункта, имѣя на рукахъ уже *двухъ* и *трехъ*, которыхъ они подбирали по дорогѣ, а не рѣдко и сами дѣлались жертвами пули и являлись на пунктъ въ числѣ раненыхъ. Вообще, услуги санитаровъ, при самомъ усердномъ, самоотверженномъ отношеніи ихъ къ своему дѣлу, оказывались недостаточными для удовлетворенія общей потребности, и потому удобствомъ переноски въ носилкахъ могли пользоваться весьма немногіе страдальцы; большую же часть тяжело раненыхъ санитары переносили на плечахъ, на ружьяхъ, на шинеляхъ или же на палаточныхъ холстахъ, а большинство, по необходимости, доползало или допрыгивало само до перевязочныхъ пунктовъ, которыхъ къ 9-ти часамъ 11-го числа образовалось нѣсколько на протяженіи позиціи, а именно, у каждой батареи, у погребовъ и въ резервѣ, около запасныхъ зарядныхъ ящиковъ. На этихъ импровизованныхъ пунктахъ, за недостаткомъ врачей, управлялись фельдшера, а матеріаломъ для перевязки служили палаточныя полотнища и бѣлье, такъ какъ всѣ надлежащіе для этого дѣла припасы были очень скоро израсходованы.

За массою раненыхъ потянулась, наконецъ, съ правофланговой позиціи и горсть отступившаго боковаго отряда. Увидѣвъ это, полковникъ Липинскій бросился на шоссе съ двадцатью человѣками, остававшимися еще около него въ качествѣ резерва.

— Куда вы, братцы? Куда?—раздался здѣсь авторитетный голосъ полковника.—Назадъ! Назадъ въ ложементы, на позицію! Кто вамъ сказалъ отступать? Отступленія нѣтъ, и не будетъ, и быть не можетъ! Сейчасъ придутъ подкрѣпленія, они уже близко... Назадъ!

Тогда смѣшанная толпа брянцевъ, орловцевъ и болгарскихъ дружинниковъ, всего человѣкъ полтораста, повернула назадъ и бросилась къ оставленнымъ ложементамъ. Къ этой горсти примкнули и легко раненые, добровольно прибѣжавшіе съ перевязочнаго пункта. Но тутъ уже въ нѣкоторыхъ ложементахъ, какъ говорятъ, дѣло доходило до того, что наши солдаты, за недостаткомъ патроновъ, швыряли въ наступающихъ турокъ сломанными ружьями, пустыми подсумками, комками земли, камнями и чѣмъ ни попало, а въ это же время другіе ложементы, гдѣ случайно оставалось еще кое-какое количество патроновъ, встрѣчали непріятеля дружными залпами. Люди при этомъ дѣлились патронами между собою, вынимая остатки ихъ изъ подсумковъ убитыхъ и раненыхъ. Между прочимъ здѣсь можно отмѣтить и слѣдующій частный эпизодъ: когда полковнику Липинскому удалось вернуть отступавшихъ людей, онъ оставилъ ихъ на шоссе, по пути къ покинутымъ ложементамъ, подъ командою фельдфебеля, а самъ бросился на Круглую батарею, которая тоже была покинута артиллеристами. Здѣсь онъ встрѣтилъ возвращавшуюся къ орудіямъ прислугу. Оказалось, что командиръ Круглой батареи, подполковникъ Беницкій, увидя отступающихъ съ праваго фланга людей и предположивъ поэтому, будто началось общее отступленіе, счелъ нужнымъ вынуть изъ орудій замки и очистить батарею, такъ какъ у него не оставалось больше снарядовъ. Но замѣтивъ свою ошибку, Беницкій поворотилъ вмѣстѣ съ прислугою назадъ, бѣгомъ бросился на батарею, распорядился тотчасъ же вставить замки и тутъ же былъ убитъ наповалъ пулею въ голову. «Я не считаю себя въ правѣ умолчать объ этомъ фактѣ—доносилъ, между прочимъ, Главнокомандующему полковникъ Липинскій—хотя глубоко убѣжденъ, что это произошло по недоразумѣнію и никогда не можетъ лечь пятномъ на память такого храбраго и распорядительнаго офицера, какимъ былъ подполковникъ Беницкій, съ полнымъ прене-

бреженіемъ къ опасности державшійся въ продолженіи трехъ дней при своихъ орудіяхъ».

Возвратившись съ Круглой батареи въ ложементы, для того чтобы успокоить и ободрить людей, полковникъ Липинскій приказалъ имъ прекратить залпы, такъ какъ турки, отступивъ еще разъ, болѣе не лѣзли на наши позиціи, и онъ вторично объявилъ напрямикъ, что отступленія ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ.

И что же!—Эта горсть измученныхъ героевъ, окончательно рѣшась на смерть, вдругъ отвѣтила ему громкимъ одобреніемъ и русскимъ «ура».

Но въ эту самую минуту блеснулъ лучъ надежды: видятъ они, что по направленію къ ихъ позиціи отъ горной батареи бѣлѣютъ сквозь пыль какія-то рубахи и движется толпа солдатъ человѣкъ въ двѣсти. Слава Богу, это свѣжіе люди, это оно—давно обѣщанное и давно желанное, томительно жданное подкрѣпленіе!

— «Ура!... Наша не пропала!... Наши идутъ! Братцы! Спасители!.. Скорѣе!.. Выручайте!» Такими криками встрѣтили измученные «шипкинцы» охотниковъ 4-й стрѣлковой бригады, опередившихъ свои части и привезенныхъ сюда казаками на стременахъ или на крупахъ лошадей.

«Ура», восторженно раздавшееся при встрѣчѣ подкрѣпленія, первоначально въ одной части, и затѣмъ сейчасъ же подхваченное по сосѣдству другимъ, третьимъ, четвертымъ ложементомъ, перешло послѣдовательно и на всѣ остальные, и вотъ, вся русская оборонительная линія дружно огласилась этимъ радостнымъ, долгимъ крикомъ. Турки услышали и видимо озадачились: они поняли, *что значитъ* этотъ крикъ, поняли, что къ намъ пришли, наконецъ, новыя силы.

Въ это же время прибылъ на Шипку и командиръ 8-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Радецкій. Остановясь пока верстахъ въ двухъ позади, онъ сейчасъ же направилъ по ущелью къ горѣ, на звукъ выстрѣловъ, подоспѣвшія къ мѣсту дѣйствія три роты 16-го стрѣлковаго батальона. Замѣтивъ это, полковникъ Липинскій приказалъ возобновить огонь залпами по всей линіи и предоставилъ первымъ двумъ сотнямъ охотниковъ изъ стрѣлковой бригады занять свободные ложементы, т. е. тѣ, гдѣ всѣ люди были окончательно

уже перебиты. Вновь открытые нами залпы, благодаря доставленнымъ патронамъ, продолжались около получаса, пока три роты стрѣлковъ, направленныя Радецкимъ, успѣли добраться по ущелью до лѣсной опушки, занятой турками, и тамъ, открывъ сильный огонь, двинулись вдругъ въ обхватъ непріятельскаго лѣваго фланга. Движеніе этихъ ротъ заставило вскорѣ совсѣмъ прекратить огонь изъ нашихъ правофланговыхъ ложементовъ, такъ какъ иначе мы рисковали попадать въ своихъ, вмѣсто турокъ. Надо было сейчасъ же поддержать отважный натискъ этихъ ротъ, и потому полковникъ Липинскій приказалъ 11-й ротѣ Брянскаго полка, защищавшей передовой ложементъ, немедленно двинуться впередъ въ атаку.—«Да только смотри, ребята, лихо! молодцами!.. Съ пѣснями! Пой всѣ, кто можетъ!»

И вотъ, высокій фальцетъ ротнаго запѣвалы взвился надъ колонною, подъ акомпаниментъ выстрѣловъ:

«Что подъ дождичкомъ трава,
То солдатска голова».

И вся рота, до послѣдняго человѣка, дружно и быстро идя впередъ, подхватила припѣвъ этой старой солдатской пѣсни.

Турки, пораженные такимъ страннымъ, отнюдь не ожиданнымъ ими оборотомъ дѣла, начали быстро очищать Лѣсную гору, или по-просту, говоря солдатскимъ языкомъ, «задавать драла».

Тутъ уже неудержимо сказалось общее увлеченіе доблестныхъ «шипкинцевъ». Всѣ, кто былъ въ передовыхъ ложементахъ, повыскакивали впередъ, бѣгомъ, на «ура», въ догонку за 11-ю брянскою ротой и охотниками стрѣлковой бригады. «Ура» восторженно шумѣло и орлинымъ кличемъ неслось надъ всею бѣгущею впередъ линіею... Тутъ не было ни ротъ, ни взводовъ, ни отдѣленій: были просто люди, *русскіе люди*, которые неслись гурьбою все дальше и дальше, съ беззавѣтною жаждою «доканать турка» или умереть, гдѣ Богъ укажетъ.

Но «доканать турка» было мудрено съ такими силами, и командиры хорошо это видѣли и сознавали: люди могли бы только «зарваться» безъ пользы и погибнуть подъ ударами

свѣжихъ силъ далеко не равной арміи Сулеймана. Достаточно было и того, что врагъ остается на сегодня безъ всякаго выигрыша и отступаетъ, что успѣхъ *этого* дня пока за нами, а сейчасъ прибудутъ къ намъ новыя значительныя силы, и тогда дальнѣйшее положеніе наше, какъ обороняющихся, до поры до времени обезпечено. Да и кромѣ того, раскаленное солнце уже садилось: сейчасъ наступитъ темнота, а среди потемокъ ка̀къ вести атаку по̀ лѣсу, гдѣ на каждомъ шагу могутъ представиться неожиданныя засады?... Нельзя было рисковать успѣхомъ обороны, тѣмъ болѣе, что вся стратегическая задача нашего отряда ограничивалась только удержаніемъ за собою во что бы то ни стало Шипкинскаго перевала. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, надо было удержать прекрасный, беззавѣтный порывъ нашихъ людей, и должно сказать, что начальники едва успѣли достичь этого, остановивъ солдатъ уже въ лѣсной опушкѣ. Быстрыя сумерки совсѣмъ спустились на землю, непріятель совершенно отступилъ, и отступилъ далеко, на вторую гору. Дальнѣйшее наступленіе было бы безполезно и крайне рискованно. Поэто̀му люди были возвращены въ свои ложементы.

Но что̀ за масса турецкихъ труповъ чернѣлась по всему склону горы!... Эта масса покинутыхъ противникомъ тѣлъ краснорѣчивѣе всего свидѣтельствовала о томъ, какой жестокій бой свирѣпствовалъ здѣсь непрерывно въ теченіи полусуто̀къ.

Только къ восьми часамъ вечера, когда вполнѣ уже стемнѣло и масса искристыхъ звѣздъ усѣяла синее южное небо, стихло̀ все на обѣихъ позиціяхъ—и выстрѣлы, и крики. Одни лишь слабые, глухіе стоны, если прислушаться, доносились порою съ горныхъ скатовъ и изъ глубины темныхъ овраговъ.

Генералъ Радецкій, съ момента своего прибытія на Шипку отдавшій все время осмотру позицій и основательному ознакомленію съ ними, приказалъ занять гору, гдѣ находилась наша боковая правофланговая позиція, 11-ю ротою Брянскаго полка и тремя ротами 16-го стрѣлковаго батальона. Этимъ распоряженіемъ закончилось славное дѣло трех-

суточнаго боя за отстояніе Шипки. И какія же силы самоотверженно обороняли этотъ проходъ, эти—повторяемъ—новыя Ѳермопилы военной исторіи?—Всего лишь два некомплектные полка, съ остатками *) пяти болгарскихъ дружинъ, при 20-ти орудіяхъ **) и при существенной помощи, въ послѣднія минуты, со стороны 16-го стрѣлковаго батальона, обороняли противъ цѣлой арміи Сулеймана-паши, этого—по отзыву всѣхъ его знающихъ—«суроваго, непреклоннаго волею, начитаннаго и талантливаго полководца». 2,000 выбывшихъ изъ строя убитыми и ранеными представляютъ, сравнительно съ общими силами защитниковъ, громадную убыль: у насъ оставались не полки, не батальоны, а горсти, и эти горсти геройски исполнили свое тяжкое дѣло до конца, не уступивъ противнику почти ни пяди. Всѣ лошади тоже были перебиты или изранены. Предвидя, что на сегодня предстоитъ отчаянное дѣло, начальство еще ранѣе семи часовъ утра, вслѣдствіе значительныхъ потерь въ лошадяхъ, распорядилось отправить ихъ въ безопасное мѣсто, за восемь верстъ назадъ, и сюда направлены были не только обозныя, но даже всѣ лошади изъ-подъ зарядныхъ ящиковъ и отъ лазаретныхъ линеекъ; орудійныя же и вообще артиллерійскія запряжки были отправлены еще наканунѣ (10-го августа) вечеромъ. Благодаря лишь этой мѣрѣ, мы успѣли спасти отъ напрасной потери нѣкоторую часть нашей конской перевозочной силы.

Но если наши потери были велики, зато и непріятель разбилъ свою голову объ шипкинскія скалы. Чтобы получить приблизительное понятіе о числѣ лишь оставленныхъ турками труповъ (а извѣстно, что мусульмане, даже въ силу религіознаго закона и исконнаго обычая, обязаны уносить съ собою, по возможности, всѣ тѣла своихъ убитыхъ), генералъ Радецкій, по предложенію полковника Липинскаго, приказалъ пересчитать турецкіе трупы на небольшомъ про-

---

*) Послѣ забалканской экспедиціи генерала Гурко и сраженія при Эски-Загрѣ.

**) Изъ нихъ—одна батарея горныхъ, которыя далеко не могли состязаться съ дальнобойными крупповскими батареями Сулеймана, а оказывали намъ помощь лишь при отраженіи ближайшихъ натисковъ.

Государст

странствѣ—только противъ района дѣйствій 5-й и 6-й ротъ Брянскаго полка, т.-е. противъ восточнаго склона хребта за Сѣверною горою, въ тылу нашей позиціи,—и тутъ оказалось болѣе 500 непріятельскихъ труповъ. А сколько было раненыхъ, которыхъ успѣли заблаговременно убрать съ мѣста, или которые сами кое-какъ выбрались изъ-подъ выстрѣловъ!...

Наибольшее количество турецкихъ труповъ валялось въ этотъ день въ пространствѣ мѣстности, лежащей противъ нашего праваго фланга, гдѣ дѣйствовалъ боковой отрядъ. Намъ, во избѣжаніе заразы, пришлось очищать отъ нихъ не только склоны правофланговыхъ горъ, но и самый лѣсъ, и зарывать ихъ въ могилы въ теченіи нѣсколькихъ дней, до 19-го августа, на что́ ежедневно наряжаемы были по двѣ роты, въ помощь которымъ каждый разъ приходило до четырехсотъ болгаръ изъ окрестностей Габрова. Въ особенности много труповъ валялось по лощинамъ и оврагамъ, гдѣ зловоніе ихъ страшно заражало воздухъ. А вокругъ горы св. Николая, гдѣ мѣстность непосредственно подвергалась обстрѣлу со стороны противника и гдѣ поэтому намъ невозможно было заниматься уборкою мертвыхъ, турки складывали ихъ рядами, одинъ на другаго, затѣмъ засыпали ихъ съ поверхности слоемъ земли, и изъ такого-то матеріала устраивали для себя ложементы. Чтобы убрать непріятельскіе трупы въ опушкѣ и на склонѣ горы противъ правофланговыхъ траншей, потребовался двухсуточный усиленный трудъ цѣлаго батальона, не говоря уже о помощи болгарскихъ жителей. И все это дѣлалось подъ выстрѣлами; турки, очевидно, препятствовали намъ заниматься уборкою ихъ же тѣлъ, для того чтобы въ эти ужасные знойные дни вымаривать насъ на Шипкѣ заразою. Однимъ словомъ, похоронено нами было въ это время болѣе 7,000 турецкихъ труповъ, а если считать раненыхъ, то убыль непріятеля слѣдуетъ опредѣлить, по меньшей мѣрѣ, въ 15,000 человѣкъ.

Люди наши до послѣдней крайности были утомлены 16-ти часовымъ боемъ, и чуть ли не сорока-градусною жарою, но и наступившая теплая ночь не принесла имъ съ собою отдыха: въ воздухѣ все еще стояла духота, а тутъ надо было,

прежде всего, заняться теперь переноскою съ позицій на перевязочный пунктъ массы тяжело раненыхъ; затѣмъ нужно было собрать убитыхъ товарищей, вырыть имъ братскія могилы и похоронить по-христіански; потомъ разобраться и разсчитаться людьми по остаткамъ полковъ, батальоновъ, ротъ и взводовъ, привести все это въ надлежащій порядокъ, для новаго боя; и въ то же время являлась крайняя необходимость возобновить, какъ можно скорѣе, запасъ патроновъ въ своихъ подсумкахъ, и пополнить разстрѣлянное количество снарядовъ на батареяхъ; доставлены же они были на позицію только въ часъ по полуночи; наконецъ, необходимо было исправить поврежденія батарей и возвести новыя закрытія, и медлить всѣми этими работами не представлялось возможности, такъ какъ съ разсвѣтомъ ожидалось повтореніе столь же рѣшительныхъ приступовъ. На все это требовались рабочія руки, а ихъ неоткуда было взять, какъ только изъ рядовъ тѣхъ же сражавшихся людей. Физическое утомленіе и нервное возбужденіе впечатлѣніями ужаснаго боя были столь велики, что когда, въ одиннадцать часовъ вечера, въ изобильномъ количествѣ привезли, наконецъ, на позицію простывшую пищу, то люди почти и не дотронулись до котловъ: пропалъ весь аппетитъ, и когда ихъ понуждали разбирать ее въ свои котелки, они исполняли это медленно, апатически. Едва лишь послѣ двухъ часовъ ночи успѣли кое-какъ управиться со всѣми дѣлами и работами; но и затѣмъ люди все-таки не успокоились: большинство не спало и занималось въ отдѣльныхъ кучкахъ оживленными разсказами и передачею своихъ личныхъ впечатлѣній пережитаго дня, не обращая никакого вниманія на тѣ рѣдкія, одиночныя турецкія пули, которыя и теперь время отъ времени, т. е. ежеминутно, пролетали между ихъ группами, напоминая о себѣ своимъ слабымъ болѣзненно-ноющимъ звукомъ. Говоръ между солдатами не прекращался до самаго утра.

LII

Третья Плевна

День первый, 26 августа

Дѣло 19-го августа у деревень Пелишатъ и Сгалуицъ. — Взятіе Ловчи 22-го августа.—Потери и трофеи ловчинскаго дѣла.—Выступленіе главной квартиры изъ Горнаго Студня подъ Плевну. — Подготовительныя мѣры для атаки Плевны.—Назначеніе князя Карла Румынскаго начальникомъ Западнаго русско-румынскаго отряда. — Настроеніе румынскихъ войскъ. — Прибытіе къ мѣсту дѣйствія румынской арміи, нашей кавалеріи, осадныхъ орудій и отряда князя Имеретинскаго.—25-е августа въ селеніи Радынцѣ.—Ночное движеніе къ Плевнѣ и устройство позицій.—Планъ дѣйствій и предварительная диспозиція соединенныхъ силъ Западнаго отряда.—Первый залпъ. —Отъ Радынца до Плевненскихъ позицій.—Болгарскіе бѣглецы.—Прибытіе Государя Императора на позицію.—Общій видъ поля дѣйствій. —Канонада.—Пожаръ въ турецкомъ лагерѣ.—Государь съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ лично обозрѣваютъ позиціи праваго фланга. — Смерть полковника Гудима. — Дѣйствія перваго дня третьей Плевны. — Расположеніе пѣхоты на позиціяхъ. — Отъѣздъ Государя Императора и Великаго Князя Главнокомандующаго съ позиціи въ Порадимъ.

На позиціи передъ Плевной, 26-го августа.

Зная, что силы Западнаго отряда нашей арміи со дня на день увеличиваются новыми подкрѣпленіями, для рѣшительнаго удара на Плевну, турки вознамѣрились предупредить этотъ ударъ и 19-го августа сами атаковали наши позиціи у деревень Пелишатъ и Сгалуицъ *). Около шести часовъ утра изъ Гривицкой лощины и изъ-подъ Радишева показалась большая пыль, которая все ближе и ближе надвигалась на наши аванпосты. Вскорѣ оказалось, что это — большія массы турецкой кавалеріи, за которыми слѣдовала пѣхота и артиллерія, тоже въ значительныхъ силахъ. Передовые наши посты вынуждены были уступить напору конницы, слишкомъ превосходившей ихъ своею численностью. Съ нашей стороны для встрѣчи противника, оказавшагося приблизительно въ числѣ 25-ти тысячъ, выставлены были полки: Харьковскій уланскій и Маріупольскій гусарскій, пѣхотные: Галичскій, Суздальскій, Угличскій, Серпуховскій и два батальона Шуйскаго съ ихъ артиллеріею. Канонада началась въ 8 часовъ утра, но артиллерійскій бой

*) Она же Сгалинце и Сгалевица.

продолжался недолго. Турки энергически повели атаку на Сгалуицъ и оврагъ, лежащій между этою деревнею и Пелишатомъ, а затѣмъ и на Пелишатъ, но были отбиты на всѣхъ означенныхъ пунктахъ. Генералъ-лейтенантъ Зотовъ, по прибытіи 4-го армейскаго корпуса въ составъ Западнаго отряда, заблаговременно озаботился объ укрѣпленіи нашихъ позицій, и потому обѣ названныя деревни защищаются особыми батареями полеваго профиля, а склонъ и гребень оврага по нашу сторону окаймлены рядами ложементовъ. Первая неудача не охладила однако пыла турокъ: они снова кинулись въ атаку и снова были отбиты. Эти энергическія попытки съ ихъ стороны повторялись четыре раза, все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ остервенѣніемъ, которое доходило до того, что отдѣльные люди, закрывая глаза, съ разбѣгу вскакивали на наши насыпи и сваливались съ нихъ въ траншеи, гдѣ конечно ожидала ихъ смерть подъ русскими штыками. И такихъ было множество. Все ближайшее пространство передъ ложементами сплошь покрылось непріятельскими тѣлами. Пелишатъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Нами потеряно одно подбитое орудіе, у котораго впрочемъ успѣли снять затворъ. Отбивъ на каждомъ пунктѣ всѣ эти атаки, наши войска перешли въ наступленіе и прогнали противника къ Плевнѣ. Бой продолжался до четырехъ часовъ по полудни, причемъ у насъ выбыло изъ строя 40 офицеровъ и 1,020 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Попытка 19-го августа наглядно показала, что турки вовсе не думаютъ ограничиться одною пассивною обороною за брустверами плевненскихъ укрѣпленій, а самая настойчивость ихъ покушеній противъ нашихъ позицій указывала на возможность повторенія подобныхъ попытокъ и въ ближайшемъ будущемъ. Между тѣмъ собранныя нами на своемъ правомъ флангѣ подкрѣпленія и прибытіе румынскаго корпуса позволили нашему Западному отряду снова перейти къ наступательному образу дѣйствій противъ Плевны. Для наибольшаго обезпеченія этихъ дѣйствій отъ возможнаго покушенія арміи Сулеймана-паши изъ-за Балканъ, а также и вслѣдствіе усвоившагося, наконецъ, сознанія, что ключъ плевненской позиціи находится на южной сторонѣ, слѣдовало предварительно атаки плевненскаго лагеря взять городъ Ловчу, лежащій на прямомъ

пути изъ Плевны на Траянъ и Карлово. Исполненіе этого предпріятія было поручено свиты Его Величества генералъ-маіору князю Имеретинскому. Мѣстность вокругъ Ловчи представляетъ уже сама по себѣ весьма серьезныя препятствія атакующему, а искусственныя укрѣпленія, сооруженныя турками, еще болѣе усиливали ея оборонительный характеръ. 22-го августа князь Имеретинскій, устроясь на этой позиціи, началъ бой, продолжавшійся 12 часовъ сряду, и послѣ многихъ настойчивыхъ усилій взялъ наконецъ всѣ турецкія укрѣпленія и вошелъ въ самый городъ. Турки бѣжали. Для преслѣдованія ихъ послана была Кавказская бригада полковника Тутолмина и терскій эскадронъ Собственнаго Его Величества конвоя, бывшій подъ начальствомъ своего командира, штабсъ-ротмистра Кулебякина. Во время этого преслѣдованія наши лихіе линейцы изрубили до 4,000 человѣкъ. Такимъ образомъ Ловча была взята и бригада генералъ-маіора Давыдова *), усиленная еще нѣкоторыми другими частями, оставлена въ ней гарнизономъ. Потери турокъ въ этомъ дѣлѣ весьма значительны: кромѣ 4,000 положенныхъ казаками, генералъ Давыдовъ, уже по выступленіи князя Имеретинскаго къ Плевнѣ, похоронилъ 1,200 непріятельскихъ тѣлъ, валявшихся въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи, да раньше еще, во время нахожденія отряда въ Ловчѣ, похоронено 1,000 тѣлъ, и того, стало быть, убыль противника превышаетъ уже 6,000 человѣкъ; но эту цифру нельзя считать полною и окончательною, потому что много убитыхъ находятъ еще въ кустахъ, въ кукурузѣ, и къ дальнѣйшему розысканію ихъ приняты мѣры. Мы со своей стороны потеряли около 1,000 человѣкъ убитыми и ранеными, въ числѣ послѣднихъ и командира одной изъ бригадъ 2-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Разгильдѣева. Впрочемъ, князю Имеретинскому еще нѣкогда было привести въ точную извѣстность убыль его отряда. Между убитыми поименованы командиры: Псковскаго пѣхотнаго полка — полковникъ Кусовъ и 11-го стрѣлковаго батальона — полковникъ Кирданъ. Во время штурма у турокъ взято нами два знамени; изъ нихъ одно уже представлено Великому Князю Главнокомандующему, а другое остается пока въ Калуж-

---

*) 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи.

скомъ полку. Кромѣ того, захвачены массы патроновъ, покинутыхъ непріятелемъ въ количествѣ до двухъ милліоновъ штукъ, которые уже уничтожены нами; множество брошеннаго турками оружія и одно орудіе, за невозможностію переправить ихъ изъ Ловчи въ другой какой-либо удобный пунктъ, пришлось испортить, изломать и бросить на мѣстѣ; взято также нѣсколько зарядныхъ ящиковъ, полныхъ снарядами, и около ста человѣкъ плѣнныхъ, изъ которыхъ всѣ до одного раненые. Героемъ этого дня, по свидѣтельству начальника отряда, былъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ. Надо замѣтить, что отрядъ нашъ составленъ былъ почти исключительно изъ войскъ, никогда еще не бывавшихъ въ огнѣ, но всѣ его части дрались молодецки. На слѣдующій день (23-го) князю Имеретинскому пришлось отражать попытку наступленія турокъ отъ мѣстечка Микре на Ловчу. Этотъ турецкій отрядъ пришелъ на выручку Ловчи обходнымъ движеніемъ изъ Плевны. Впрочемъ, попытка была отбита послѣ четырехчасовой перестрѣлки и турки отошли къ горамъ. Тотчасъ же послѣ этого дѣла князь Имеретинскій выступилъ къ Плевнѣ, сознавая всю важность своевременнаго прибытія его отряда къ сему послѣднему пункту, и 24-го августа пришелъ въ Боготъ. Онъ успѣлъ прислать Великому Князю только краткое донесеніе, наскоро написанное карандашемъ на двухъ-трехъ листкахъ бумаги, которое было получено Его Высочествомъ уже на позиціи передъ Плевною, во время дѣла. За взятіе Ловчи князю Имеретинскому пожалованъ орденъ св. Георгія 4-й степени, а генералу Скобелеву — Владимірская звѣзда съ мечами. Во время ловчинскаго сраженія турки въ Плевнѣ, по свидѣтельству лазутчиковъ, находились въ явной тревогѣ, но не обнаруживали никакихъ намѣреній противъ нашихъ войскъ, занимавшихъ позиціи передъ Плевной.

Извѣстіе о взятіи Ловчи было получено въ Горномъ Студнѣ 23-го числа утромъ, въ началѣ десятаго часа, а потому лица главной квартиры тотчасъ же стали готовиться къ выступленію подъ Плевну, куда и отправились въ два часа по полудни, имѣя въ этотъ день ночлегъ на бивуакѣ близь деревни Булгарени, на берегу Осмы. 24-го утромъ пришли въ деревню Радынецъ, куда вскорѣ прибылъ въ коляскѣ и Великій Князь Главнокомандующій съ начальникомъ штаба.

Здѣсь въ одномъ изъ дворовъ уже была разбита ставка Его Высочества. Въ Радынцѣ простояли двое сутокъ. Государь Императоръ со Своею квартирою пребывалъ еще въ Горномъ Студнѣ.

Взятіе Ловчи долженствовало служить какъ бы прологомъ къ дѣйствіямъ противъ Плевны, а потому съ прибытіемъ Главнокомандующаго въ Радынецъ приступлено было къ послѣднимъ приготовительнымъ мѣрамъ. Предварительныя же мѣры, согласно распоряженію генералъ-лейтенанта Зотова, заключались:

1) въ изученіи мѣстности, что̀ представляло большія затрудненія, какъ по ея пространству и разнообразію, такъ и потому, что непріятель постоянно мѣшалъ работамъ съемщиковъ, не смотря на что̀, однако, съемка въ масштабѣ 250 саж. была исполнена, планы налитографированы и розданы войскамъ въ достаточномъ количествѣ;

2) въ подготовкѣ туровъ, фашинъ и штурмовыхъ лѣстницъ;

3) въ исправленіи дорогъ, ведущихъ къ непріятельскому лагерю, и поперечныхъ путей, связующихъ эти дороги между собою, а также въ починкѣ и устройствѣ на нихъ мостовъ;

4) въ расчисткѣ и устройствѣ новыхъ колодцевъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, на случай атаки, могли бы быть расположены перевязочные пункты;

5) въ возможно частомъ упражненіи войскъ въ эскаладѣ, и, наконецъ,

6) въ возможномъ усиленіи артиллеріи отряда добавкою къ ней двадцати осадныхъ орудій.

По переходѣ румынской арміи на правый берегъ Дуная, князь Карлъ, въ сопровожденіи немногихъ лицъ своей свиты, вмѣстѣ съ генераломъ Зотовымъ, пріѣхалъ въ Горный Студень и здѣсь, 17-го августа, былъ назначенъ командующимъ надъ соединенными русско-румынскими войсками Западнаго отряда, коего начальникомъ штаба сдѣланъ генералъ Зотовъ *). Настроеніе духа молодой румынской арміи было прекрасное; въ Бресляницѣ, Куприве̇ и Чіековцахъ по вечерамъ раздавались веселые звуки военной музыки и національныя

---

*) Приказъ Главнокомандующаго за № 137, которымъ генералъ-лейтенантъ Крыловъ назначенъ временно-командующимъ 4-мъ армейскимъ корпусомъ, а генеральнаго штаба полковникъ Новицкій — помощникомъ начальника штаба Западнаго отряда.

пѣсни; офицеры разныхъ родовъ оружія дружески сходились за общій столъ, а солдаты, при смѣшанномъ свѣтѣ луны и костровъ, далеко за полночь вытанцовывали цѣлыми батальонами свою народную «хору».

21-го августа къ Западному отряду присоединилась румынская армія, расположившаяся на правомъ флангѣ.

22-го числа прибыли пять полковъ кавалеріи (два драгунскихъ, одинъ гусарскій и два донскихъ казачьихъ).

23-го пришла осадная артиллерія, а 24-го прибылъ изъ Ловчи отрядъ князя Имеретинскаго, расположившійся первоначально въ деревнѣ Боготъ.

25-го августа, около четырехъ часовъ дня, пріѣхалъ въ Радынецъ къ Главнокомандующему князь Карлъ. Онъ сидѣлъ въ открытой коляскѣ, рядомъ съ полковникомъ французской службы Гальяромъ; на козлахъ—ординарецъ и кучеръ, разодѣтый въ цвѣтной народный румынскій костюмъ: яркій широкій поясъ, шляпа съ пестрыми лентами, въ рукахъ бичъ, а лошади съ бубенцами, колокольчиками и розетками въ заплетенныхъ гривахъ. Переговоривъ съ Великимъ Княземъ, князь Карлъ черезъ полчаса уѣхалъ вмѣстѣ съ полковникомъ Гальяромъ назадъ, въ свою главную квартиру, расположенную въ селеніи Порадимѣ. Послѣ обѣденнаго стола, накрытаго подъ навѣсомъ сарая, причемъ играла, по обыкновенію, музыка лейбъ-казаковъ, генералъ Левицкій собралъ адъютантовъ и ординарцевъ Великаго Князя Главнокомандующаго и прочелъ имъ диспозицію, составленную на завтрашній день, а затѣмъ изложилъ словесно особое наставленіе объ обязанностяхъ ординарцевъ во время боя. При этомъ присутствовали военные представители Германіи, Даніи, Швеціи, Черногоріи, Сербіи и Румыніи. Въ это самое время, чуть лишь сгустилась вечерняя темнота, войска всего Западнаго отряда тихо придвинулись къ Плевнѣ и въ строгомъ молчаніи тотчасъ же приступили къ устройству земляныхъ батарей на высотахъ, окружающихъ турецкія укрѣпленія. Турки, по видимому, ничего этого не замѣтили и дали нашимъ войскамъ возможность проработать всю ночь соовершенно безпрепятственно, а къ утру мы уже вполнѣ успѣли окончить свои батареи и установить на нихъ осадныя и 9-ти-фунтовыя орудія.

Планъ дѣйствій противъ Плевны, въ общихъ чертахъ, заключался въ томъ, чтобы предварительно атаки обстрѣливать непріятельскія укрѣпленія артиллерійскимъ огнемъ какъ можно дольше, хотя бы нѣсколько сутокъ сряду, причемъ каждую ночь стараться незамѣтно выдвигать свои батареи все болѣе и болѣе впередъ, ограждая ихъ, гдѣ нужно, новыми окопами, а по мѣрѣ приближенія къ непріятельскимъ позиціямъ, усиливать ихъ обстрѣливаніе, пока наконецъ, судя по ходу дѣла, не настанетъ часъ атаки открытою силою. Вслѣдствіе этого войскамъ была дана диспозиція не для боя, но только для расположенія ихъ на боевыхъ позиціяхъ *).

---

*) По диспозиціи этой, войска Западнаго отряда, выступивъ съ мѣстъ своего расположенія въ 6 часовъ вечера, занимаютъ въ ночь съ 25-го на 26-е августа передъ плевненскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, на разстояніи хорошаго пушечнаго выстрѣла, слѣдующее расположеніе:

1) 9-й армейскій корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Криденера (31-я и три полка 5-й пѣхотной дивизіи съ ихъ артиллеріею), выдѣливъ отъ себя одинъ полкъ съ 4-хъ-фунтовою батареею въ главный резервъ—пространство между гривицко-булгаренскимъ шоссе и дорогою, идущею изъ Пелишата въ Плевну.

2) 4-й армейскій корпусъ, подъ командою генералъ-лейтенанта Крылова (16-я и 30-я пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріею), выдѣливъ изъ себя одну бригаду съ двумя 4-хъ-фунтовыми батареями въ главный резервъ—влѣво отъ 9-го корпуса, занимая Радишевскія высоты.

3) Отрядъ князя Имеретинскаго (2-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею, тремя батареями 3-й артиллерійской бригады, 3-ю стрѣлковою бригадою и четырехъ-орудійною (отбитою у турокъ) дальнобойною батареею—позади лѣваго фланга 4-го корпуса, близь дер. Тученицы.

4) 4-я румынская дивизія, выступивъ изъ дер. Вербицы, располагается сѣвернѣе гривицко-булгаренскаго шоссе, на высотѣ 9-го корпуса, составляя крайній правый флангъ нашего общаго расположенія.

5) Три полка калярашей (румынская иррегулярная кавалерія) охраняютъ пространство между правымъ флангомъ румынъ и рѣкою Видъ.

6) Полки: 8-й Астраханскій и 9-й Казанскій драгунскіе, 9-й уланскій Бугскій и 9-й донской казачій, съ двумя конными батареями, подъ командою генералъ-маіора Лашкарева, становятся на гривицко-булгаренскомъ шоссе, служа связью между 9-мъ корпусомъ и румынами.

7) 1-я бригада 4-й кавалерійской дивизіи, съ конною батареею, подъ командою генералъ-маіора Леонтьева, располагается лѣвѣе Радишева, прикрывая лѣвый флангъ 4-го корпуса и держа связь

8) съ донскою казачьею и Кавказскою бригадами, подъ наблюденіе которыхъ оставляется плевно-ловчинское шоссе, до р. Вида.

9) Главный резервъ, состоящій изъ 2-й бригады 30-й пѣхотной дивизіи, 20-го пѣхотнаго Галичскаго полка, трехъ 4-хъ-фунтовыхъ батарей пѣшей артиллеріи, 4-го Маріупольскаго и 9-го Кіевскаго гусарскихъ полковъ, при одной конной батареѣ, располагается къ западу отъ д. Пелишатъ, у перекрестка дорогъ гривицко-тученицкой и пелишато-плевненской.

26-го августа, въ приснопамятную годовщину бородинской битвы и въ день священнѣйшаго коронованія Государя Императора, главная квартира въ Радынцѣ была поднята отъ сна звуками генералъ-марша, раздавшимися на лейбъ-казачьемъ бивуакѣ въ три четверти шестаго часа. Ровно въ шесть часовъ утра въ Радынцѣ послышался грозный гулъ громаднаго залпа, послѣ котораго на минуту водворилась полная тишина, а затѣмъ начался довольно рѣдкій огонь отдѣльныхъ орудій. Громовый звукъ, услышанный въ Радынцѣ, былъ произведенъ залпомъ нашей 12-ти-орудійной осадной батареи, который возвѣстилъ начало сраженія подъ Плевною. Канонада началась съ обѣихъ сторонъ безъ торопливости, съ выдержкою, какъ подобаетъ серьезной канонадѣ, разсчитывающей на мѣткость своихъ выстрѣловъ.

Въ семь часовъ утра главная квартира выступила изъ Радынца, куда къ этому времени прибыла головная часть Собственнаго Его Величества конвоя и нѣсколько лицъ Императорской квартиры. Великій Князь Главнокомандующій съ начальникомъ штаба оставались пока въ Радынцѣ, въ ожиданіи пріѣзда сюда Государя Императора. Между тѣмъ, сначала были слышны рѣдкіе пушечные выстрѣлы, которые потомъ затихли. Казалось, что турки прекратили огонь, и потому у нѣкоторыхъ, не безъ чувства досады, явилось даже предположеніе—не ушли ли они изъ Плевны; но вскорѣ оказалось, что это вѣтеръ относитъ въ противную сторону звукъ выстрѣловъ. Не доходя Порадима, среди обширнаго ровнаго поля возвышается древній курганъ, на который въѣхали многія лица изъ свиты Великаго Князя, горя нетерпѣніемъ что-либо увидѣть, но горизонтъ впереди закрывался Сгалуицкою возвышенностію, на склонѣ которой виднѣлся только саперный бивуакъ, а на гребнѣ нѣсколько свѣже-насыпанныхъ ложементовъ, да двѣ сигнальныя вѣхи и между ними два намогильные креста, подъ которыми погребены чугуевскіе уланы, павшіе 18-го іюля въ кавалерійской рубкѣ ротмистра Дзевульскаго съ черкесами. Въ продолженіи всей дороги встрѣчались по сторонамъ пути таборы болгаръ, успѣвшихъ бѣжать изъ-подъ Плевны, а не доходя Порадима— все громадное поле было наполнено ихъ убогими пожитками, возами, буйволами, овцами и волами. Мужчинъ было очень

мало — повсюду виднѣлись однѣ лишь женщины и дѣти, сидѣвшія группами у своихъ возовъ, или уныло бродившія около дороги. Эти бѣдняки успѣли на скорую руку захватить съ собою только самое необходимое, да и то не всѣ, и видимо терпѣли теперь во многомъ крайнюю нужду. Мужчины, какъ говорятъ, бо́льшею частію рѣшились остаться дома, въ смутной надеждѣ, что въ виду русскихъ позицій авось-либо удастся имъ сберечь кое-какіе остатки своего хозяйства отъ грабежа черкесовъ, и обрекая самихъ себя на неизвѣстность, озаботились только объ отправкѣ женщинъ и дѣтей въ тылъ нашихъ боевыхъ позицій.

Когда поѣздъ главной квартиры выбрался на высоту за деревнею Сгалуицъ, выстрѣлы опять стали слышны весьма ясно, а вскорѣ изъ Гривицкой лощины — которую надо было пересѣчь, чтобы взобраться на смежную правую возвышенность — открылась нѣкоторая часть нашей и турецкой позицій; но и тамъ, и здѣсь мѣстами видны были только бѣлые клубы нѣскольких дымовъ, медленно подымавшихся въ небо. По этимъ дымамъ можно было приблизительно предполагать о пунктахъ расположенія батарей нашихъ и турецкихъ. Государь Императоръ, въ одной коляскѣ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, изволилъ прибыть въ началѣ одиннадцатаго часа на помянутую высоту, лежащую вправо отъ Гривицкой лощины, которая, составляя нашъ центръ, служитъ линіею раздѣла между нашимъ правымъ и лѣвымъ флангами. Вмѣстѣ съ Его Величествомъ прибыли Великій Князь Алексѣй Александровичъ, министры Двора и Военный, шефъ жандармовъ, свѣтлѣйшій князь Алекс. Арк. Суворовъ и многочисленная свита, въ числѣ которой находились англійскій военный агентъ г. Веллеслей и съ нимъ двое членовъ парламента, воспользовавшіеся каникулярнымъ временемъ для прогулки на театръ военныхъ дѣйствій и замѣтные въ толпѣ по своимъ каучуковымъ или пробковымъ шишакамъ съ бѣлыми повязками. Съ этой высоты открылся широкій видъ на нашъ лѣвый флангъ и на турецкія позиціи, лежащія противъ нашего центра; самый городъ Плевна совершенно скрытъ въ котловинѣ и видны только на вершинахъ холмовъ окружающіе его редуты, а еще далѣе на западъ — часть отлого поднимающихся возвышенностей, уже за рѣкою Видомъ. Кругозоръ всей этой

картины хватаетъ верстъ на тридцать отъ одного края до другаго.

Государь Императоръ помѣстился на одномъ изъ наиболѣе удобныхъ пунктовъ помянутой высоты и, сидя на складномъ деревянномъ стулѣ, наблюдалъ въ бинокль за ходомъ артиллерiйскаго боя. Выстрѣлы раздавались довольно рѣдко — отъ семи до десяти въ минуту — и въ тихомъ воздухѣ отчетливо было слышно то приближающееся, то удаляющееся шипѣнiе гранатъ. Густые, бѣлые клубы отдѣльныхъ дымовъ безпрестанно выкатывались вверхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на всемъ протяженiи широкой картины, лежавшей передъ глазами, и вмѣстѣ съ ними то у противника, то у насъ взвивались желтые столбы дыма и пыли, производимые разрывомъ снарядовъ. У лѣваго ската возвышенности, на которой присутствовалъ Государь Императоръ, пролегаетъ Гривицкая лощина, а за нею на смежной возвышенности и почти на одной высотѣ съ мѣстомъ нахожденiя Его Величества, стрѣляла наша осадная 8-ми орудiйная батарея; разстоянiе отъ того до другаго пункта было около полуторы версты. Правѣе, въ полуверстѣ, на склонѣ той возвышенности, гдѣ былъ Государь, дѣйствовала одна изъ нашихъ полевыхъ 9-ти-фунтовыхъ батарей, отлично маскированная кустарникомъ. Она нимало не страдала отъ непрiятельскаго огня, благодаря тому, что нѣсколько выше ея, на мѣстѣ болѣе открытомъ, оставлено было нѣсколько туровъ, на которые и цѣлилъ противникъ, вѣроятно, принимая ихъ за наше укрѣпленiе.

Впереди, внизу, виднѣлась купа деревьевъ, обозначающихъ собою то мѣсто, гдѣ залегаетъ на склонѣ деревня Гривица, незамѣтная съ вершины. Если брать глазомъ правѣе этой купы, то верстахъ въ трехъ впереди ея замѣтна желто-песчаная лента плевно-рущукскаго шоссе, поднимающагося въ гору, на которой рядомъ съ шоссе, вправо, бѣлѣли палатки укрѣпленнаго турецкаго лагеря. Въ бинокль очень ясно различались тамъ даже отдѣльные люди и всадники, видны были брустверы и ряды ложементовъ. На этотъ-то лагерь направлялись порою выстрѣлы сосѣдней нашей (слѣва) осадной батареи. Рѣдкiй изъ нихъ не былъ удачнымъ; бо́льшая часть снарядовъ ложилась у самаго бруствера или въ ложементахъ, а нѣсколько гранатъ попали въ самый центръ расположенiя

турецкаго лагеря. Пока Государь оставался на высотѣ, наши осадные снаряды произвели въ этомъ лагерѣ одинъ за другимъ три пожара. Видно было большое пламя, замѣчалась страшная суматоха между людьми, а когда дымъ разсѣялся, то оказалось, что турецкія палатки уже убраны, да и людей почти не было видно на всей лагерной площадкѣ.

Послѣ холодной закуски, наскоро приготовленной здѣсь же на полѣ, Государь Императоръ сѣлъ верхомъ и вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ изволилъ отправиться впередъ, къ правому нашему флангу, чтобы ближе разсмотрѣть позицію противника. Прибывшіе не задолго до сего князь Карлъ, генералъ Зотовъ и полковникъ Новицкій также отправились вмѣстѣ съ Его Величествомъ. Остальныя же лица трехъ свитъ, представлявшія собою слишкомъ значительную группу, на которую непріятель непремѣнно обратилъ бы вниманіе, по распоряженію Великаго Князя Главнокомандующаго, остались на мѣстѣ, и Государя Императора, кромѣ помянутыхъ лицъ, сопровождали одни только дежурные адъютанты и ординарцы.

Спустя около часа, Его Величество возвратился на прежнее мѣсто, а къ этому времени на лѣвомъ флангѣ у насъ канонада стала гораздо оживленнѣе и вскорѣ оттуда привезено было печальное извѣстіе, что командиръ одной изъ батарей (четвертой влѣво отъ центра) 16-й артиллерійской бригады, полковникъ Гудимъ убитъ гранатою, осколки которой ранили и двухъ его офицеровъ. Впрочемъ, общая потеря этого дня была у насъ не велика, причемъ отъ гранатнаго огня страдали преимущественно артиллеристы. Всѣ дѣйствія перваго дня ограничились одною оживленною канонадой, на которую турки, отвѣчали весьма энергически и преимущественно шрапнелью, которая лопалась въ воздухѣ надъ нашими батареями; обыкновенныя же гранаты турокъ нерѣдко давали значительный перелетъ и падали далеко за резервами, даже близь перевязочныхъ пунктовъ и парковыхъ бивуаковъ. Расположеніе пѣхотныхъ частей, по возможности, было удобно, т. е. достаточно укрыто отъ взоровъ непріятеля. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по близости находились фонтаны или колодцы, люди преспокойно варили обѣдъ на позиціи. Передъ вечеромъ Государь Импе-

раторъ и Великій Князь Главнокомандующій отправились обратно въ Радынецъ.

LIII

Третья Плевна

День второй, 27-го августа

Ночная канонада съ 26-го на 27-е августа. — Приказанія по Западному отряду на 27-е число. — Дѣйствія артиллеріи 27-го числа. — Дѣйствія крайняго лѣвофлангового отряда. — Причины неудачи этихъ дѣйствій. — Дѣйствія завидскаго отряда генералъ-маіора Лашкарева.—Пребываніе Государя Императора и Великаго Князя Главнокомандующаго на позиціи.—Донесенія этого дня, полученныя Государемъ Императоромъ и Главнокомандующимъ. — Отъѣздъ главныхъ квартиръ съ позиціи. — Ночныя перепалки съ 27-го на 28-е августа и ихъ причины. — Ночныя передвиженія артиллеріи и наши потери за 27-е число.

На позиціи передъ Плевной, 28-го августа.

Рѣдкая канонада съ обѣихъ сторонъ не прекращалась и ночью съ 26-го на 27-е августа, а на разсвѣтѣ этого послѣдняго дня, послѣ часоваго затишья, возобновилась съ нашей стороны весьма энергически, и такимъ образомъ дѣло шло далѣе полудня. Особенно горячо дѣйствовали и наши, и турецкія орудія на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

Приказанія по соединенному Западному отряду, отданныя княземъ Карломъ Румынскимъ на 27-е число, заключались въ слѣдующемъ:

a) Артиллеріи ночью же приблизиться къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ; ввезти на позиціи, если можно, нѣсколько 4-хъ-фунтовыхъ батарей и продолжать сильное обстрѣливаніе намѣченныхъ непріятельскихъ батарей и ложементовъ.

b) 3-й румынской дивизіи, къ разсвѣту 27-го августа, перейдти изъ Рыбина (Рибне) къ правому флангу 4-й румынской дивизіи, на высотѣ которой и занять боевое расположеніе, выдвинувъ на позицію свои батареи; а резервной румынской дивизіи передвинуться изъ Бресляницы къ Вербицѣ, впереди которой и стать въ резервный порядокъ, составляя общій резервъ 3-й и 4-й румынскихъ дивизій.

c) Кавалеріи генералъ-маіора Лашкарева, усилясь двумя полками калярашей (иррегулярная румынская кавалерія) и двумя полками рошіоровъ (гусаровъ), съ одною румынскою

конною батареею,—двинуться черезъ Рыбинъ къ с. Дольнему Дубняку, на софійское шоссе, въ тылъ непріятелю, чтобы смѣлыми и рѣшительными дѣйствіями на его сообщенія затруднить, если не совсѣмъ прервать ихъ, а въ случаѣ, если бы непріятель покинулъ свой укрѣпленный плевненскій лагерь и началъ общее отступленіе, — тѣснить его и преслѣдовать.

d) Для дѣйствія же со стороны плевно-ловчинскаго шоссе, *откуда предполагается нанесеніе рѣшительнаго удара*, — отрядъ князя Имеретинскаго (16 батальоновъ, 76 орудій), имѣя во главѣ сильный авангардъ, подъ командою генерала Скобелева 2-го, въ ночь съ 26-го на 27-е августа, переходитъ отъ Тученицы на плевно-ловчинское шоссе, а 27-го, въ минуту, какую онъ признаетъ за болѣе благопріятную, — попытаться овладѣть вторымъ гребнемъ Зеленыхъ высотъ, лежащихъ къ югу отъ Плевны.

Эти приказанія были исполнены въ точности. Батареи вообще придвинулись къ непріятельскимъ позиціямъ на 800 сажень, такъ что артиллеристы 4-го и 9-го корпусовъ вмѣстѣ съ румынами дѣйствовали по Гривицкому и центральнымъ редутамъ, а также и по прилегающимъ къ нимъ ложементамъ съ разстоянія отъ 600 до 700 сажень. На этотъ разъ, къ гранатамъ мы присоединили и шрапнель, направляя ее преимущественно на мѣста расположенія турецкихъ резервовъ, а также и на Гривицкій редутъ. Надо впрочемъ сказать, что всю работу разрушенія намъ пришлось на сегодня начинать рѣшительно сначала, такъ какъ непріятель за ночь успѣлъ исправить въ своихъ окопахъ всѣ поврежденія, нанесенныя ему наканунѣ, и встрѣтилъ нашу канонаду чрезвычайно бодрымъ, энергическимъ огнемъ, который сталъ нѣсколько ослабѣвать только въ третьемъ часу по полудни, а прекратился къ началу сумерекъ. Въ бой было введено десять новыхъ батарей — пять нашихъ 9-ти-фунтовыхъ и пять румынскихъ 9-ти и 8-ми-сантиметровыхъ.

Задача нашего крайняго лѣвофлангового отряда на нынѣшній день, какъ уже сказано, заключалась въ овладѣніи вторымъ гребнемъ Зеленыхъ высотъ. На разсвѣтѣ, отрядъ князя Имеретинскаго, приблизясь по шоссе къ Рыжей горѣ, занялъ на ней позицію предъ Зелеными высотами. Надо было обез-

печить расположеніе его батарей, размѣщенныхъ на той же горѣ, позади деревни Брестовецъ, а потому 3-му батальону Эстляндскаго полка было приказано занять эту деревню, что̀ и исполнено безъ выстрѣла. Тогда генеральнаго штаба капитанъ Куропаткинъ приступилъ къ укрѣпленію нашей артиллерійской позиціи, подъ сильнымъ огнемъ Кришинскаго редута (Юнусъ-бей-табіе), и въ насыпанныхъ, подъ его руководствомъ, ложементахъ расположилъ четыре дальнобойныя орудія, отбитыя у турокъ, и двѣ батареи (1-ю и 2-ю) 2-й артиллерійской бригады, всего 20 орудій, которыя открыли огонь по Зеленымъ высотамъ и Кришинскому редуту. Такимъ образомъ, артиллерійская подготовка атаки продолжалась до четвертаго часа дня, послѣ чего командиръ Калужскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Эльжановскій получилъ приказаніе атаковать второй гребень Зеленыхъ высотъ. Въ проводники ему былъ данъ художникъ Сергѣй Верещагинъ, еще раньше, въ качествѣ охотника, побывавшій на этихъ мѣстахъ и хорошо съ ними ознакомившійся. Эльжановскому было приказано «дойдти до втораго гребня и ни шагу впередъ». Для этого въ первую линію были выдвинуты два батальона (2-й и 3-й) Калужскаго полка, а одинъ батальонъ (1-й) слѣдовалъ за ними въ видѣ частнаго резерва; въ общій же резервъ атакующихъ частей назначены девять ротъ Эстляндскаго полка *).

Въ началѣ пятаго часа дня полковникъ Эльжановскій донесъ запиской генералу Скобелеву, командовавшему авангардомъ отряда князя Имеретинскаго, что онъ дошелъ до непріятельской цѣпи, которая открыла огонь въ пяти-стахъ шашагахъ отъ нашей, и испрашивалъ дальнѣйшихъ приказаній. Вслѣдствіе этого донесенія, дабы убѣдиться лично въ положеніи дѣла, генералъ Скобелевъ самъ поѣхалъ въ цѣпь, но достигнувъ втораго гребня Зеленыхъ высотъ, уже не засталъ на немъ двухъ атакующихъ батальоновъ. Ему сообщили тамъ, что полковникъ Эльжановскій сильно контуженъ, вслѣдствіе чего былъ вынужденъ оставить строй, а батальоны по почину частныхъ начальниковъ, которому вполнѣ соотвѣтствовалъ порывъ са-

---

*) 1-й батальонъ и четыре роты 2-го батальона, потому что 2-я стрѣлковая рота, вмѣстѣ съ 3-мъ батальономъ Эстляндскаго полка, занимала деревню Брестовецъ.

михъ солдатъ, двинулись впередъ и атакуютъ третій гребень. Хотя эта часть турецкой позиціи была сильно занята непріятельскою пѣхотою, тѣмъ не менѣе калужцы, какъ-то съ разу успѣли овладѣть третьимъ гребнемъ и, преслѣдуя противника сквозь виноградники, дошли почти до подошвы сѣвернаго склона третьей высоты, а нѣсколько десятковъ человѣкъ перебѣжали по мостику лощину, по которой протекаетъ ручей, и взяли турецкіе ложементы, расположенные у подножія противулежащей высоты, на которой возвышаются, соединенные траншеею, два редута (Абдулъ-бей-табіе и Реджи-бей-табіе). Турки какъ бы ошалѣли отъ этой неожиданности, но увы!—не надолго.... Къ нимъ быстро подошли подкрѣпленія, — пѣхота и кавалерія, — которыя, выйдя изъ Кришинскаго редута (Юнусъ - бей - табіе), ударили на лѣвый флангъ калужцевъ. Оба редута открыли страшный, ужасающій ружейный огонь, который очевидцы сравниваютъ со сплошною огненною полосою, такъ что вскорѣ и редуты, и связующая ихъ траншея исчезли въ громадномъ столбѣ бѣлаго дыма, который въ безвѣтренномъ воздухѣ тихо подымался къ небу. Трескотни выстрѣловъ уже не было слышно; между ними не было ни малѣйшихъ промежутковъ, такъ что они уже не напоминали учащенную, мелкую дробь барабановъ, а слились въ одинъ общій, непрерывный ревъ *), и это длилось около двадцати минутъ, послѣ чего калужцы, тѣснимые непріятельскою пѣхотой и кавалеріей со стороны своего лѣваго фланга, оставили взятые ими ложементы какъ по ту сторону лощины, такъ и на третьемъ гребнѣ, гдѣ стоялъ цѣлый лагерь шелашей, покинутыхъ турками вслѣдствіе нашего натиска. Мы пытались было поджечь эти шелаши, но онѣ не загорѣлись. Отойдя къ южному скату третьяго гребня, калужцы временно пріостановились. Въ это время турецкая пѣхота стала выходить изъ редутовъ и изъ связующей ихъ траншеи, занимая группами своихъ стрѣлковъ все пространство, покидаемое калужцами. Равнымъ образомъ, и противъ праваго фланга калужцевъ выдвинулись изъ Плевны турецкія

*) Корреспондентъ газеты «Daily News», наблюдавшій это дѣло съ восточной стороны Тученицкаго оврага, по возможности, въ ближайшемъ къ нему разстояніи, говорилъ, что ревъ этого огня былъ ужасенъ, что онъ не помнитъ ничего подобнаго ни въ одномъ изъ видѣнныхъ имъ сраженій.

пѣхотныя силы, которыя, наступая по ловчинскому шоссе, показывали намѣреніе обойдти правый флангъ нашей передовой линіи. Замѣтивъ неудачу калужцевъ, генералъ Скобелевъ тотчасъ же приказалъ 3-му батальону этого полка развернуться между первымъ и вторымъ гребнями Зеленыхъ высотъ, тыломъ къ шоссе, и двигаться въ направленіи на Кришинскій редутъ, съ цѣлью прикрыть отступленіе товарищей, тѣснимыхъ съ лѣваго своего фланга превосходнымм силами турецкой пѣхоты и конницы. Кромѣ того, генералъ Скобелевъ послалъ и въ общій резервъ атакующаго отряда приказаніе, чтобы девять ротъ Эстляндскаго полка, какъ можно скорѣе, поспѣшили къ мѣсту боя и стали пока на первомъ гребнѣ. Къ счастію, это распоряженіе было исполнено во-время. Помощь эстляндскихъ ротъ подоспѣла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда 3-й батальонъ калужцевъ, пропустивъ предъ тѣмъ за свою линію отступавшихъ товарищей и принявъ на себя напоръ атакующихъ турокъ, долженъ былъ, въ концѣ концовъ, уступая численному превосходству противника, отходить назадъ, гдѣ и присоединился къ девяти ротамъ Эстляндскаго полка. Тогда, совокупнымъ огнемъ всѣхъ этихъ частей, противникъ былъ вынужденъ отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, а эстляндцы, вслѣдъ за нимъ, продвинулись впередъ и заняли второй гребень.

Къ сожалѣнію, наши батареи, расположенныя на Рыжей горѣ, безмолствовали во все продолженіе описаннаго дѣла. Это произошло изъ опасенія попадать снарядами въ свои же войска, но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что усиленный огонь, хотя бы тѣхъ четырехъ дальнобойныхъ орудій, которыя были отбиты у турокъ, будучи направленъ на Юнусъ-бей-табіе и на два южные редута, на много облегчилъ бы положеніе калужцевъ уже тѣмъ, что уменьшилъ бы огонь противника.

Донцы и владикавказцы, въ количествѣ $2^1/_2$ сотень *), успѣли оказать дѣятельную помощь отступавшимъ калужцамъ, въ томъ отношеніи, что не позволяли турецкимъ всадникамъ

---

*) 6-я сотня 26-го Донскаго полка, полусотня 3-й сотни 21-го Донскаго полка и 2-я сотня Владикавказско-Осетинскаго полка, подъ общимъ начальствомъ войсковаго старшины семирѣченскаго казачьяго войска барона Штакельберга.

охватывать ихъ лѣвый флангъ и кидаться на стрѣлковыя кучки; а кромѣ того они же на много помогли санитарамъ при уборкѣ съ поля сраженія раненыхъ.

И такъ, первую линію на второмъ гребнѣ составилъ Эстляндскій полкъ, усиленный двумя стрѣлковыми батальонами (9-мъ и 10-мъ), подъ прикрытіемъ которыхъ получилась возможность подобрать всѣхъ нашихъ раненыхъ. Въ два часа ночи Скобелевъ получилъ увѣдомленіе, что атака Плевны отложена до 30-го августа. Тогда, принявъ во вниманіе крайнюю недостаточность шанцеваго инструмента въ своемъ отрядѣ, вслѣдствіе чего люди не имѣли возможности своевременно и надлежащимъ образомъ окопаться на занятой ими позиціи и были бы вынуждены въ теченіи двухъ сутокъ нести большія и совершенно напрасныя потери, преимущественно отъ огня Кришинскаго редута, генералъ Скобелевъ отвелъ войска передовой линіи на первый гребень Зеленыхъ горъ, гдѣ, на случай перехода непріятеля въ наступленіе, занялъ выгодную позицію, къ востоку отъ плевно-ловчинскаго шоссе, которая простиралась до Тученицкаго оврага. Не смотря на утомленіе войскъ, тотчасъ же было приступлено къ ея укрѣпленію двумя рядами глубокихъ ложементовъ, расположенныхъ такъ, что они могутъ давать хорошій обстрѣлъ впереди-лежащей мѣстности, представляющей собою родъ эспланады. Работы Скобелева въ теченіи этой ночи были окончены, не будучи тревожимы непріятелемъ. Между особенно отличившимися лицами, генералъ Скобелевъ называетъ полковника Эльжановскаго, генеральнаго штаба капитана Куропаткина, оказавшаго, по словамъ генерала, въ этотъ день неоцѣнимыя услуги *) и художника Сергѣя Верещагина, который добровольно принялъ на себя обязанности ординарца.

Этотъ день стоилъ отряду князя Имеретинскаго потери до 900 человѣкъ, изъ коихъ до 700 человѣкъ пришлось на долю одного только Калужскаго полка, который, не смотря на такую убыль, былъ собранъ офицерами штаба генерала Скобелева, приведенъ въ порядокъ еще на передовой позиціи и отведенъ на общую позицію отряда съ пѣснями.

---

*) Капитанъ Куропаткинъ, георгіевскій кавалеръ офицерскаго креста, сподвижникъ генерала Скобелева по туркестанскимъ экспедиціямъ.

Кровавую неудачу Калужскаго полка генералъ Скобелевъ, съ рѣдкимъ прямосердечнымъ сознаніемъ, приписываетъ самому себѣ, т. е. тому именно обстоятельству, что предъ началомъ атаки онъ не вполнѣ ясно сдѣлалъ оцѣнку свойствъ мѣстности и непріятельскаго расположенія, значительно измѣнившагося послѣ боя 18-го іюля, когда на южномъ фронтѣ у турокъ не было ровно никакихъ укрѣпленій, а теперь возникло уже нѣсколько сильныхъ редутовъ, не считая траншей и ложементовъ. Ошибка, по сознанію самого Скобелева, заключалась въ недостаточно сильныхъ резервахъ за лѣвымъ флангомъ наступленія. Кромѣ того, на неудачный исходъ атаки, быть можетъ, повліяло и то, что полковникъ Эльжановскій, столь молодецки ведшій наступленіе своего полка, слишкомъ рано долженъ былъ оставить фронтъ, по причинѣ тяжкой контузіи. Но сверхъ всего этого, надо сказать, что атака, именно въ силу послѣдней случайности, т. е. выбытія изъ строя полковника Эльжановскаго, самовольно перешла за черту указанной ей цѣли: приказано была овладѣть *только вторымъ гребнемъ* Зеленыхъ высотъ, а не третьимъ, и еще менѣе цѣль дѣйствій нынѣшняго дня могла простираться на оба редута. Атака третьяго гребня началась уже въ пять часовъ по полудни, т. е. слишкомъ поздно для того, чтобы можно было серьезно разсчитывать на прочный успѣхъ при штурмѣ редутовъ. Генералъ Скобелевъ въ этомъ не виноватъ, такъ какъ прибывъ на второй гребень Зеленыхъ высотъ, онъ уже не засталъ на немъ двухъ калужскихъ батальоновъ, кинувшихся въ дальнѣйшую атаку только по почину своихъ ближайшихъ частныхъ начальниковъ, такъ что возвращать ихъ назадъ было крайне трудно.

Дабы окружить Плевну со всѣхъ сторонъ и чрезъ то пресѣчь Осману-пашѣ сообщеніе съ Софіею и Раховымъ, былъ посланъ еще 26-го августа на лѣвую сторону Вида, въ тылъ Плевны, особый кавалерійскій отрядъ, составленный изъ войскъ нашихъ и румынскихъ и отданный подъ начальство генералъ-маіору Лашкареву *). Отрядъ этотъ около полудня

---

*) Въ составъ этого отряда вошли полки: Казанскій и Астраханскій драгунскіе, Бугскій уланскій, Донской казачій № 9-го, 16-я конная и 4-я донская

27-го числа прибылъ на софійское шоссе къ деревнѣ Дольнему Дубняку и занялъ боевую позицію фронтомъ къ р. Виду и къ городу Плевнѣ, такимъ образомъ, что его лѣвый флангъ (бригада рошіоровъ) примкнулъ къ деревнѣ Дольнему Митрополью (она же Нетрополь). Аванпосты этого отряда заняли пространство впереди Дольняго Митрополья къ рѣкѣ Виду, и отсюда, вдоль рѣки, протянулись черезъ шоссе къ югу отъ Дольняго Дубняка и по высотамъ до Дубняка Горняго, а къ сторонѣ Софіи и къ Рахову были выставлены особые пикеты и посланы достаточно сильные разъѣзды. Генералъ Лашкаревъ, осмотрѣвъ положеніе непріятеля предъ занятою имъ позиціею, убѣдился, что турки по лѣвую сторону Вида у софійскаго шоссе имѣютъ замостное укрѣпленіе на четыре орудія, въ пространствѣ же между мостомъ и деревнею Плазивасъ (выше по Виду) — еще одну батарею на три орудія, которая можетъ обстрѣливать все пространство вправо *), а около трехъ верстъ ниже по теченію Вида, не доходя другаго моста, что̀ ведетъ къ деревнѣ Опонецъ **), еще одну батарею, въ которой впрочемъ оставалось только одно орудіе. Судить же о количествѣ силъ непріятеля въ данныхъ пунктахъ было невозможно, такъ какъ онъ доселѣ ихъ не обнаруживалъ. Но эта неизвѣстность продолжалась не долго: въ тотъ же день (27-го августа), въ четвертомъ часу по полудни, непріятель выдвинулъ въ поле противъ генерала Лашкарева три батальона пѣхоты съ тремя кавалерійскими полками, гдѣ были черкесы и арнауты, отличавшіеся своимъ бѣлымъ костюмомъ, и подъ покровительствомъ огня, помянутыхъ выше прибрежныхъ батарей, началъ наступленіе на лѣвый флангъ отряда, гдѣ стояли румынскіе рошіоры, и на бугскихъ уланъ, занимавшихъ здѣсь линію аванпостовъ. Уланы и рошіоры открыли огонь, который былъ поддержанъ нашею артиллеріею, и тѣмъ самымъ заставили противника пріостановиться. Пользуясь этимъ моментомъ, уланы въ конномъ строю стремительно ударили на турокъ, положили въ атакѣ до ста турецкихъ всадниковъ и къ шести часамъ вечера

батареи, два полка румынскихъ рошіоровъ и два полка каларашей съ одною конною батареею.

*) Т.-е. вправо отъ праваго фланга отряда ген. Лашкарева.

**) Лежащей на правомъ берегу Вида.

заставили отступить турокъ, которые, впрочемъ, спустя часъ времени, снова начали наступленіе еще въ бо́льшихъ силахъ; но и эта вторая попытка была остановлена удачнымъ огнемъ нашей конной артиллеріи, такъ что къ ночи турки вынуждены были отступить вторично, и затѣмъ въ отрядѣ генерала Лашкарева вся ночь прошла спокойно. Въ русской части этого отряда потери были не велики, а именно: бугскіе уланы потеряли убитыми трехъ нижнихъ чиновъ и 7 лошадей, а ранеными 8 нижнихъ чиновъ и 17 лошадей; у казаковъ № 9-го полка ранены одинъ человѣкъ и одна лошадь, а въ донской батареѣ убита одна и ранено четыре лошади. За весь день выпущено патроновъ: уланами 2,650, у казаковъ 2,720, а въ артиллеріи 40 обыкновенныхъ и 32 картечныя гранаты. Во время этого дѣла генералъ Лашкаревъ получилъ свѣдѣніе, оказавшееся потомъ ложнымъ, будто бы въ тылу у него, со стороны Софіи, показался довольно значительный лагерь — приблизительно на тысячу человѣкъ пѣхоты и двѣ тысячи конницы. Для провѣрки этого свѣдѣнія, вглубь на софійское шоссе были направлены двѣ казачьи сотни, которыя никакого лагеря не нашли, но вмѣсто того наткнулись на отрядъ черкесовъ и баши-бузуковъ и имѣли съ нимъ удачную стычку при деревнѣ Горный Дубнякъ, гдѣ и отбито ими у черкесовъ до трехсотъ головъ рогатаго скота *). Въ этой стычкѣ у насъ убитъ одинъ казакъ, а другой раненъ въ руку.

Около трехъ часовъ по полудни Его Императорское Величество съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ изволили прибыть на ту высоту, гдѣ они присутствовали вчера, и на нынѣшній разъ оставались на ней до начала седьмаго часа вечера, когда въ отрядѣ князя Имеретинскаго шелъ упорный бой на Зеленыхъ высотахъ. Время въ бою летитъ незамѣтно: вниманіе наблюдателя постоянно приковано къ происходящему впереди, гдѣ каждый отдѣльный эпизодъ — на сколько можно слѣдить за нимъ въ общей картинѣ — всегда бываетъ исполненъ живѣйшаго интереса. Въ четвертомъ часу дня съ «Императорскаго холма» (такъ это мѣсто было названо русскими

*) Въ тотъ же день, но еще раньше этой стычки и на томъ же шоссе нашъ развѣдочный отрядъ также отбилъ у баши-бузуковъ до 400 головъ рогатаго скота.

войсками) можно было слѣдить, какъ на лѣвомъ флангѣ, у генерала Скобелева, идетъ стрѣлковое дѣло: сначала линія ружейнаго дыма его цѣпи видимо подвигалась впередъ; порою она пріостанавливалась на нѣкоторое время, а затѣмъ опять впередъ и впередъ, къ высотѣ занятой турками. По видимому, можно было разсчитывать, что бой идетъ тамъ успѣшно, но вотъ, взаимный огонь противниковъ дошелъ до высшей степени напряженнаго развитія, послѣ чего, минутъ двадцать спустя, линія нашихъ дымовъ стала подаваться назадъ, все болѣе и болѣе уступая покидаемыя мѣста туркамъ, наступленіе которыхъ точно также было замѣтно по непрерывной линіи надвигающагося дыма. Въ это же самое время турецкія шрапнели стали лопаться въ воздухѣ правѣе и не вдалекѣ отъ высоты, на которой находился Государь Императоръ; эти снаряды направлялись противъ нашей батареи, маскированной кустами, о чемъ упоминалось выше, и нѣсколько пуль пролетѣло надъ группою Императорской свиты. Вскорѣ послѣ этого Великій Князь Главнокомандующій, сидѣвшій на бугоркѣ рядомъ съ Государемъ и наблюдавшій въ бинокль за ходомъ дѣла, замѣтилъ, что нашимъ снарядомъ взорвало въ турецкомъ редутѣ, лежащемъ лѣвѣе гривицкаго шоссе, либо ящикъ зарядный, либо небольшой погребъ, и дѣйствительно, надъ редутомъ поднялся густой бѣлый дымъ и принялъ ту форму (грибкомъ), которая служитъ обыкновеннымъ признакомъ подобныхъ взрывовъ.

Въ 6 часовъ и 10 минутъ прискакалъ посланный съ порученіемъ флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Мейендорфъ и доложилъ Его Величеству, что батареи 9-го корпуса, выдвинутыя впередъ еще съ утра, продолжаютъ энергически дѣйствовать по редутамъ; что команды, составленныя изъ охотниковъ, пошли уже въ демонстративную атаку, для развлеченія силъ противника, чтобы не дать ему возможности сосредоточиваться противъ отряда князя Имеретинскаго, и что турки начинаютъ убирать изъ редутовъ на волахъ свои орудія, а баронъ Криденеръ стянулъ, на случай надобности, свои войска и готовъ поддержать наступленіе князя Имеретинскаго.

По отъѣздѣ Государя Императора съ позиціи, въ $6^1/_2$ часовъ вечера, прибылъ ординарецъ Главнокомандующаго, штабсъ-капитанъ Андріевскій, съ извѣстіемъ, что деревня

Гривица занята Козловскимъ пѣхотнымъ полкомъ и что маршевая команда, только что прибывшая изъ Россіи на пополненіе сего полка, прямо вошла въ означенную деревню.

Еще позднѣе было получено извѣстіе и отъ князя Имеретинскаго, который доносилъ, что къ концу боя, т.-е. около шести часовъ вечера, занялъ частію своего отряда двѣ высоты, лежащія близь плевно-ловчинскаго шоссе, передъ его фронтомъ, чрезъ что получилась возможность обстрѣливать южныя укрѣпленія Плевны; третья же высота осталась нейтральною *).

Всѣ мѣста, занятыя нашими батареями, предположено было окопать въ эту же ночь.

Въ сумерки Великій Князь отправился на ночлегъ въ деревню Порадимъ. Здѣсь, въ одиннадцать часовъ ночи, вдругъ послышались въ сторонѣ Плевны частые выстрѣлы и дробь ружейной перестрѣлки. На горизонтѣ безпрестанно вспыхивали слабыя молніи артиллерійскаго огня, но минутъ черезъ двадцать ружейная пальба затихла и спокойствіе темной ночи по прежнему сопровождалось только рѣдкими выстрѣлами орудій. На утро разъяснилась причина: турки, занимавшіе Гривицкій редутъ, замѣтили въ румынскихъ войскахъ передвиженіе какой-то колонны и приняли его за атаку, а потому и открыли усиленный артиллерійскій и стрѣлковый огонь со всѣхъ четырехъ фасовъ редута. Съ наступленіемъ темноты, одна изъ нашихъ осадныхъ батарей (осьми-орудійная) была передвинута еще ближе къ турецкой позиціи, спеціально для обстрѣливанія укрѣпленнаго лагеря, который опять выставилъ на прежнемъ мѣстѣ свои палатки, убранныя было послѣ пожара, произведеннаго вчера нашею гранатою. Потери наши за 27-е августа, исключая отрядъ князя Имеретинскаго, оказались не велики: въ 9-мъ корпусѣ убыли почти не было, а въ 4-мъ корпусѣ болѣе другихъ пострадали артиллеристы.

---

*) Какъ уже извѣстно, генералъ Скобелевъ, вслѣдствіе извѣстія, что атака отложена до 30-го числа, отвелъ ночью свою передовую линію со втораго гребня на первый, такъ что весь его бой 27-го августа, собственно говоря, съигранъ въ ничью и по своимъ послѣдствіямъ былъ скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ для насъ, потому что новый успѣхъ турокъ придалъ имъ еще болѣе бодрости и увѣренности въ своихъ силахъ, но это уже не вина Скобелева.

LIV

Третья Плевна

День третій, 28-го августа.

Ночная канонада и передвиженіе 8-ми-орудійной осадной батареи. — Атаки турокъ противъ позиціи генерала Скобелева. — Пребываніе Государя Императора на позиціи 28-го августа. — Румынская рекогносцировка Гривицкаго редута. — Смерть артиллерійскихъ офицеровъ Гукова и Иванова. — Дѣйствія генерала Лашкарева, за Видомъ. — Ночныя тревоги у турокъ.

На позиціи передъ Плевной, 29-го августа.

Ночью непріятель насъ не тревожилъ и не отвѣчалъ на рѣдкіе выстрѣлы нашихъ орудій, изъ которыхъ мы производили пальбу по заранѣе намѣченнымъ прицѣламъ, для того чтобы мѣшать туркамъ исправлять поврежденія въ редутахъ, нанесенныя въ теченіе дня нашими снарядами. Кромѣ того, 8-ми-орудійная осадная батарея, стрѣлявшая преимущественно по Гривицкому редуту, была переведена, ночью же, на другое мѣсто, въ участокъ 4-го корпуса, для дѣйствія по центральнымъ укрѣпленіямъ, такъ какъ Гривицкій редутъ былъ сочтенъ уже достаточно поврежденнымъ, да и орудія его почти совсѣмъ умолкли къ вечеру 27-го.

Непріятель видимо догадывался, откуда мы намѣреваемся нанести ему главный ударъ, и такъ какъ южная его позиція, не смотря на возведенныя на ней укрѣпленія, все же была нѣсколько слабѣе прочихъ, то турки и попытались вырвать у генерала Скобелева занятый имъ первый гребень Зеленыхъ горъ. Съ этою цѣлью, въ пять часовъ утра 28-го августа, они въ значительныхъ массахъ, отъ 6-ти до 10-ти таборовъ, появились на второмъ гребнѣ противъ центра Скобелевскаго расположенія, т. е. противъ Брестовца и той позиціи, чтò протянулась за ночь къ востоку отъ шоссе до Тученицкаго оврага, и стали спускаться съ гребня. Сильный ружейный и артиллерійскій огонь 28-ми орудій *) заставилъ ихъ пріостановиться

*) 1-й, 2-й, 3-й батарей 2-й артиллерійской бригады и дальнобойной стальной (турецкой) полубатареи.

и разсыпать цѣпь, которая начала горячую перепалку съ нашими ложементами. 5-я батарея 2-й артиллерійской бригады вынеслась было на близкое разстояніе къ противнику, но не успѣла сдѣлать ничего существеннаго, такъ какъ въ нѣсколько минутъ у нея было перебито нѣсколько лошадей и часть прислуги, вслѣдствіе чего пришлось отозвать ее назадъ, на позицію. Не смотря на этотъ успѣхъ, противникъ все же долженъ былъ отступить, въ началѣ седьмаго часа утра, вынужденный къ тому огнемъ орудій и двухъ батальоновъ Эстляндскаго полка.

Въ семь часовъ утра турки повторили попытку атаки, избравъ для этого уже правый флангъ расположенія Скобелевскаго отряда. Встрѣченные залпами, они залегли въ виноградникахъ и открыли сильнѣйшій огонь, пока не подошли къ нимъ свѣжія части. Тогда они снова кинулись въ атаку и снова были отбиты залпами эстляндскихъ ротъ. Они уже подходили къ нашимъ ложементамъ на разстояніе не болѣе 60-ти шаговъ и, вообще, вели атаку столь настойчиво, что Скобелеву пришлось, наконецъ, ввести въ дѣло часть своихъ резервовъ. Для этого онъ вызвалъ впередъ двѣ роты 10-го стрѣлковаго батальона. Въ это самое время, позади первой линіи наступающихъ турокъ, въ лощинкѣ, гдѣ стояли ихъ резервы съ патронными ящиками и куда спускалась, подъѣзжавшая какъ разъ въ эту минуту, турецкая полевая батарея, раздался взрывъ, явленіе котораго сопровождалось страшнымъ трескомъ и громаднымъ грибообразнымъ столбомъ дыма. Это было ровно въ 7 часовъ и 20 минутъ утра. Оказалось потомъ, что одна изъ нашихъ гранатъ, направленныхъ въ лощину по турецкимъ резервамъ, попала въ артиллерійскій зарядный ящикъ. Сила взрыва была столь велика, что разбила въ дребезги всѣ сосѣдніе патронные ящики, разметавъ по лощинкѣ громадное количество металлическихъ патроновъ. Наша линія, въ виду этого зрѣлища, крикнула торжествующее «ура», причемъ двѣ роты стрѣлковъ 10-го батальона, подъ начальствомъ капитана Гиберъ-фонъ-Грейфенфельда, съ нашего праваго фланга тотчасъ же бросились впередъ, ударили въ лѣвый флангъ турокъ и быстро отбросили ихъ за второй гребень Зеленыхъ горъ, увлекшись сами преслѣдованіемъ до такой степени, что ихъ едва успѣли съ большимъ трудомъ

оттянуть назадъ со втораго гребня. Возвращаясь въ свои ложементы, стрѣлки видѣли въ лощинкѣ слѣды столь счастливаго для насъ взрыва. Въ десятомъ часу утра все дѣло было уже окончено. Нашими дѣйствiями руководилъ при этомъ командиръ Эстляндскаго полка полковникъ Головинъ, при помощи капитана Куропаткина. Понеся вторичную неудачу, турки въ теченiи дня 28-го августа уже не возобновляли попытокъ противъ позицiи генерала Скобелева, который, однако, въ виду возможности новыхъ атакъ, усилилъ свое расположенiе нѣсколькими частями изъ резерва.

Къ восьми часамъ утра прибыли на позицiю Государь Императоръ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ и расположились на вчерашнемъ мѣстѣ. Прошелъ было слухъ, что батарея № 3-й (изъ числа правофланговыхъ) сильно подвергается ружейному огню, и потому къ ней былъ посланъ свиты Его Величества генералъ-маiоръ Струковъ—узнать, откуда этотъ огонь направляется. Къ девяти часамъ утра Струковъ возвратился и доложилъ, что слухъ о ружейномъ огнѣ неоснователенъ, но что батарея № 3-й выдвинулась впередъ на 300 саженъ и что на крайнемъ правомъ флангѣ, у румынъ, тоже выдвинута впередъ одна батарея, которая и въ настоящую минуту, не взирая на полный дневной свѣтъ, складывается румынами изъ свѣжаго дерна, подъ артиллерiйскими выстрѣлами непрiятеля. Въ это же время было доложено, что Козловскiй пѣхотный полкъ, по распоряженiю начальника 31-й пѣхотной дивизiи, генерала Вельяминова, выведенъ изъ деревни Гривицы, такъ какъ мѣстность въ ней слишкомъ пересѣченная, мѣшающая совокупности дѣйствiй, и поставленъ внизу, въ лощинѣ, гдѣ онъ тѣмъ не менѣе можетъ считать обладанiе Гривицею столь же обезпеченнымъ, какъ если бы стоялъ и въ самой деревнѣ.

Румыны въ этотъ день произвели очень смѣлую и успѣшную рекогносцировку Гривицкаго редута, который встрѣтилъ ихъ горячимъ ружейнымъ и артиллерiйскимъ огнемъ, но вскорѣ вынужденъ былъ замолчать, вслѣдствiе сосредоточеннаго дѣйствiя нашихъ и румынскихъ орудiй, наведенныхъ на него съ разныхъ пунктовъ. Потери наши и на нынѣшнiй день были незначительны. Замѣчательна, между прочимъ,

смерть двухъ офицеровъ 3-й батареи 5-й артиллерійской бригады, штабсъ-капитана Гукова и поручика Иванова, убитыхъ около полудня. Въ обществѣ четырехъ своихъ сотоварищей присѣли они за брустверомъ позавтракать. Трое изъ офицеровъ, окончивъ закуску, отошли отъ этого мѣста прочь, къ своимъ взводамъ, а Гуковъ съ Ивановымъ и еще одинъ офицеръ остались доканчивать холодное мясо. Вдругъ среди ихъ кружка падаетъ и рвется непріятельская граната. Гуковъ и Ивановъ были убиты на мѣстѣ однимъ и тѣмъ же осколкомъ, оба въ голову и почти въ одно и то же мѣсто темени; третій сотоварищъ ихъ отдѣлался весьма счастливо—его только обсыпало землею и контузило.

Въ тылу Плевны, въ кавалерійскомъ отрядѣ генералъ-маіора Лашкарева, 28-е августа тоже не прошло въ бездѣйствіи. Въ четвертомъ часу дня турки, по вчерашнему, начали наступленіе противъ его лѣваго фланга, на румынскихъ рошіоровъ, но на этотъ разъ уже въ значительно бо́льшихъ силахъ пѣхоты и конницы, которымъ и удалось оттѣснить нѣсколько румынскіе эскадроны. Тогда генералъ Лашкаревъ съумѣлъ искусно направить во флангъ непріятелю одинъ эскадронъ астраханскихъ драгунъ съ двумя орудіями, коихъ неожиданное и смѣлое появленіе тотчасъ же заставило турокъ очистить позицію. Но затѣмъ, въ шесть часовъ вечера, они опять начали наступленіе на нашъ правый флангъ, гдѣ теперь стояли бугскіе уланы. Эта вторичная попытка окончилась перестрѣлкою обѣихъ цѣпей по всей линіи, во время чего былъ контуженъ Казанскаго драгунскаго полка прапорщикъ Бакѣевъ и ранено нѣсколько нижнихъ чиновъ и лошадей. Къ закату солнца турки отошли назадъ, и ночь за Видомъ опять прошла совершенно спокойно. Въ эту ночь нѣсколько болгаръ, которымъ удалось пробраться тайкомъ изъ Плевны, сказывали генералу Лашкареву, что нѣкоторыя части регулярныхъ турецкихъ войскъ уходятъ мелкими партіями вверхъ по Виду, къ Балканамъ, и что турки ежедневно собираютъ въ городѣ по пятисотъ болгаръ, которыхъ заставляютъ по ночамъ исправлять поврежденія, наносимыя ихъ укрѣпленіямъ, и хоронить убитыхъ.

Въ ночь на 29-е число снова была сильная канонада и ружейная пальба, поднятыя турками безъ всякаго повода съ

нашей стороны. Эта пальба только показала намъ, въ какомъ напряженномъ состояніи находится нашъ противникъ и какъ онъ боится малѣйшаго, даже воображаемаго намека на ночную атаку. Съ нашей стороны въ теченіи ночи поддерживалась только рѣдкая канонада, съ цѣлію мѣшать туркамъ дѣлать исправленія въ поврежденныхъ нами бруствсрахъ и амбразурахъ.

LV

Третья Плевна

День четвертый, 29-го августа.

Турки даютъ намъ предостереженіе. — Умѣніе ихъ укрываться. — Атаковать или бомбардировать? — Задача дѣла, по мысли генерала Зотова. — Приказаніе атаковать 29-го числа третій гребень Зеленыхъ горъ. — Приказъ генерала Скобелева. — Овладѣніе вторымъ гребнемъ. — Канонада 29-го августа. — Великій Князь Главнокомандующій объѣзжаетъ позиціи. — Наблюденія съ Императорскаго холма. — Извѣстіе объ овладѣніи командующею высотою на южномъ фронтѣ. — Телеграмма о томъ же князя Имеретинскаго. — Рѣзкое измѣненіе погоды. — Недостатокъ у насъ артиллерійскихъ снарядовъ и вытекшая изъ этого необходимость безотлагательнаго штурма. — Диспозиція на 30-е августа.

На позиціи передъ Плевной, 30-го августа.

Упорное сопротивленіе, встрѣченное Скобелевымъ 27-го числа и двукратная атака турокъ на его позицію 28-го, показали уж ене по слухамъ, а на дѣлѣ, что Османъ-паша дѣйствительно обладаетъ весьма и весьма значительными силами, съ которыми, принимая въ соображеніе наличное количество русскихъ силъ и уже доказанную способность турокъ къ оборонѣ за земляными закрытіями, приходится считаться крайне осторожно. На всѣхъ остальныхъ позиціяхъ, кромѣ Скобелевской, въ теченіи всего дня 28-го августа, людямъ, наблюдавшимъ въ бинокли за противникомъ, неоднократно приходилось въ недоумѣніи задаваться вопросомъ: гдѣ же, наконецъ, турки? гдѣ они скрываются? Видны были

одни только артиллеристы, возившіеся около орудій; пѣхота же словно бы вовсе исчезла; лагерь казался опустѣлымъ, въ ложементахъ—ни малѣйшаго признака движенія. Хотя послѣ полудня 28-го числа наша канонада значительно усилилась, но увы!—всѣ мало по малу начинали приходить къ печальному убѣжденію, что вредъ, наносимый ею, пока еще далеко не столь существененъ, какъ думалось въ началѣ. Турки, по видимому, куда-то запрятались, укрылись очень хорошо отъ нашего огня и за ночь отлично исправляютъ все, что̀ мы разрушимъ у нихъ за день. Это обстоятельство весьма многихъ побуждало склоняться въ пользу немедленной атаки. Но съ другой стороны, принимая въ соображеніе, что наступленіе турокъ на Скобелева, хотя и не успѣшное, но совершонное при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Османъ-паша, обойденный кавалеріею съ тыла и тѣснимый съ фронта и фланговъ, указывало на крупную значительность его силъ,— генералъ Зотовъ пришелъ къ заключенію о необходимости неособенно торопиться атакою его укрѣпленнаго лагеря и терпѣливо предоставить работу артиллеріи еще день, два, три. Онъ предполагалъ, что если противникъ и не несетъ отъ артиллерійскаго огня видимо существенныхъ потерь и успѣваетъ по ночамъ исправлять у себя поврежденія, то все же артиллерійскій огонь хотя и медленно, а ведетъ-таки къ цѣли, *поддерживая нравственное истомленіе* и продолжая дѣло постепеннаго матеріальнаго разстройства обороняющагося. Задача предварительнаго дѣла, по мысли генерала Зотова, состояла въ томъ, чтобы съ каждою ночью все болѣе и болѣе сближать наши позиціи съ противникомъ, окапываясь въ нихъ до наступленія разсвѣта, и такимъ образомъ сокращать до наивозможнаго minimum'а то разстояніе, которое неизбѣжно придется открыто перебѣгать подъ огнемъ нашимъ атакующимъ частямъ, до момента штыковой работы. Предполагая нанести главный рѣшительный ударъ съ южной стороны, генералъ Зотовъ, одновременно съ распоряженіемъ о подведеніи батарей, гдѣ позволяла мѣстность, еще ближе къ непріятелю, озабочивался также и сокращеніемъ разстоянія между противниками въ главномъ предполагаемомъ пунктѣ атаки и съ этою цѣлію послалъ князю Имеретинскому приказаніе овладѣть третьимъ кряжемъ Зеленыхъ горъ. Князь

Имеретинскій, въ часъ по полуночи съ 28-го на 29-е августа, извѣстилъ объ этомъ генерала Скобелева слѣдующею запискою: «Генералъ-лейтенантъ Зотовъ приказалъ: сегодня, 29-го августа, овладѣть высотою, командующею Плевною съ южной стороны. Генералъ Зотовъ именуетъ эту высоту третьимъ гребнемъ. Для атаки этой высоты назначаются въ ваше распоряженіе: 2-я бригада 2-й пѣхотной дивизіи, 9-й и 10-й стрѣлковые батальоны, 1-я, 2-я и 3-я батареи 2-й артиллерійской бригады, 3-я батарея 3-й артиллерійской бригады. Для усиленія васъ, въ случаѣ надобности, назначены въ ваше распоряженіе 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи, которой предписано перейдти съ разсвѣтомъ черезъ Тученицкій оврагъ на высотѣ моего праваго фланга. Войска генералъ-маіора Добровольскаго станутъ позади дер. Брестовецъ».

Исполненіе этого предписанія не доставило генералу Скобелеву никакихъ особенныхъ хлопотъ, такъ какъ онъ еще заранѣе, предвидя, что ему каждый часъ можетъ представиться необходимость атаковать Зеленыя высоты, отдалъ по ввѣренному ему отряду надлежащій приказъ *), и утромъ 29-го чи-

---

*) Привожу цѣликомъ этотъ приказъ, не лишенный, между прочимъ, поучительности въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ, до какихъ, по видимому, мелочей (въ сущности, весьма важныхъ, по своей практичности) должна простираться заботливость отряднаго начальника относительно войскъ ему ввѣренныхъ:

«*28-е августа, 8 часовъ утра. Приказъ по боевой линіи отряда свиты Его Величества генералъ-маіора князя Имеретинскаго.*

«Войскамъ: Эстляндскому и Ревельскому полкамъ, 10-му стрѣлковому батальону и всей артиллеріи, выдвинутой на позицію, оставаться на занимаемыхъ ими мѣстахъ.

«Войскамъ 1-й линіи принять относительно непріятеля должныя мѣры охраненія.

«Обращаю вниманіе частей лѣваго фланга на сосредоточеніе значительныхъ силъ непріятельскихъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, за непріятельскимъ редутомъ.

«Разрѣшается 9-му стрѣлковому батальону и расположенному позади Брестовца батальону Ревельскаго полка посылать команды за водою въ Брестовецъ, гдѣ расположены шесть ротъ Эстляндскаго полка, и къ фонтану, гдѣ расположенъ Владикавказскій казачій полкъ.

«Отъ Ревельскаго полка расположить впереди артиллеріи на шоссе дежурную роту, отъ которой разсыпать цѣпь влѣво отъ шоссе, вплоть до дер. Брестовца, гдѣ таковой войдти въ связь съ цѣпью Эстляндскаго полка.

«Полковнику Чернозубову принять мѣры для охраненія войскъ отряда,

сла двинулъ Эстляндскій полкъ, при поддержкѣ его 9-мъ стрѣлковымъ батальономъ, для предварительнаго овладѣнія вторымъ гребнемъ. Такъ какъ второй гребень былъ занятъ турками весьма слабо, то генералъ Скобелевъ занялъ его почти безъ потерь, послѣ незначительной перестрѣлки, и тотчасъ же приступилъ къ усиленію его окопами, выдвинувъ къ сторонѣ Кришинскаго редута батарею на лѣвомъ флангѣ, подъ угломъ къ своему фронту.

29-го августа, въ пять часовъ утра, канонада возобновилась съ прежнею энергіею, и такимъ образомъ въ теченіи цѣлаго дня мы продолжали усиленное обстрѣливаніе позицій противника и въ особенности его южныхъ укрѣпленій, какъ изъ осадныхъ орудій, такъ и полевыми батареями. Великій Князь Главнокомандующій, снявшись съ порадимскаго ночлега въ девять часовъ утра, на этотъ разъ направился къ центральной осадной батереѣ, а оттуда про-

---

со стороны возможнаго наступленія непріятеля на нашъ лѣвый флангъ, влѣво отъ ловче-плевненскаго шоссе.

«Въ случаѣ ночной тревоги, войскамъ второй линіи ни въ какомъ случаѣ огня не открывать, а ожидать на мѣстахъ приказаній.

«Артиллеріи дѣйствовать по усмотрѣнію, на основаніи опыта прицѣлки днемъ.

«Войскамъ къ завтрашнему числу изготовиться къ возможному наступленію, а потому предписываю: 1) всѣмъ начальникамъ частей непремѣнно накормить свои части раннимъ обѣдомъ и имѣть по фунту вареннаго мяса на человѣка съ собою. На всякій случай сотнику Владикавказскаго казачьядо полка Гайтову поручено доставить на кухни: Ревельскаго и Эстляндскаго полковъ, 9-го и 10-го стрѣлковыхъ батальоновъ и артиллеріи боевой линіи, по два быка на полкъ и по одному на батальонъ и 2-ю батарею; быки эти будутъ доставлены на кухни частей сотникомъ Гайтовымъ; 2) подтянуть къ частямъ патронные ящики, лазаретныя фуры, санитарныя команды и, кромѣ того, раздать людямъ нѣсколько пачекъ патроновъ въ карманы и башлыки; 3) заблаговременно озаботиться чтобы части, вступающія въ боевую линію, были снабжены, по возможности, водою, для чего назначить особыхъ людей съ котелками. Для свѣдѣнія войскамъ боевой линіи: лѣвѣе шоссе,—ближайшая вода въ Брестовцѣ, впослѣдствіи въ Кришинѣ; для войскъ вправо отъ шоссе,—въ оврагѣ позади позиціи Эстляндскаго полка; впослѣдствіи будетъ вода на шоссе, у послѣдняго подъема къ Плевнѣ; 4) сегодня, ночью, я нахожусь у шоссе, впереди Боготскаго оврага.

«Дополнительныя приказанія въ случаѣ общей атаки будутъ отданы на мѣстѣ.

«Для свѣдѣнія: 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи ночуетъ на нашемъ правомъ флангѣ, въ оврагѣ».

слѣдовалъ на нашъ лѣвый флангъ со всею своею свитою. При подъемѣ изъ лощины, которую пришлось пересѣчь, предъ Великимъ Княземъ открылась впереди, на склонѣ только что пройденной возвышенности, деревенька Радишево. Турки, замѣтивъ движенiе большой свиты и конвойнаго дивизьона лейбъ-казаковъ, въ тотъ моментъ, когда они, будучи совсѣмъ на виду, спускались въ помянутую лощину, стали пускать въ этомъ направленiи свои снаряды, которые почти всѣ ложились въ серединѣ самой деревни и зажгли ее съ первыхъ же выстрѣловъ. Между тѣмъ Главнокомандующiй, продолжая осмотръ лѣвофланговыхъ позицiй, выбрался изъ лощины и поднялся на противоположную возвышенность, извѣстную у насъ, вмѣстѣ съ сосѣдними ей, подъ общимъ именемъ «Радишевскихъ высотъ». На этой послѣдней возвышенности мѣстность представила совершенно открытое пространство; пѣхотныя части были спрятаны лѣвѣе, по южную сторону ея ската, а вправо открывался широкiй, ничѣмъ незаслоняемый видъ на турецкiя позицiи: батареи, редуты и ложементы противника были видны вполнѣ ясно даже и невооруженнымъ глазомъ. Снова замѣтивъ здѣсь большую толпу всадниковъ, которые медленно тянулись по гребню высоты, турки опять стали пускать гранаты по свитѣ Его Высочества. Три гранаты дали недолетъ, хотя направленiе ихъ было очень вѣрное, и лопнули на правомъ скатѣ возвышенности, шагахъ въ восьмидесяти, четвертая же счастливо пролетѣла между группами всадниковъ въ хвостѣ свиты и разорвалась на самомъ днѣ лѣваго ската, за пѣхотою, не причинивъ никому вреда своими осколками. Великiй Князь, приказавъ свитѣ отойдти изъ сферы огня за пѣхоту, а за собою слѣдовать однимъ только дежурнымъ, отправился далѣе по фронту нашей лѣвофланговой позицiи и проѣхалъ на батарею, гдѣ въ то время находился генералъ Зотовъ и откуда хорошо можно было наблюдать не только расположенiе противника, но и часть города Плевны. Съ того мѣста, гдѣ остановилась свита, была видна часть очень живописнаго, покрытаго лѣскомъ Тученицкаго оврага, отдѣлявшаго отъ войскъ 4-го корпуса отрядъ генерала Скобелева. Было видно, какъ подъ покровительствомъ огня дальнихъ батарей лѣваго фланга, колонны резервовъ этого генера-

ла, придвигались къ лежавшимъ предъ ними высотамъ; видны были и отдѣльные ложементы непріятеля, и его редуты. Проѣзжая шагомъ вдоль позиціи, мимо пѣхотныхъ частей, Великій Князь Главнокомандующій здоровался съ солдатами и, по обыкновенію, перекидывался съ ними нѣсколькими словами. Окончивъ обзоръ на лѣвомъ флангѣ, Его Высочество къ двумъ часамъ дня возвратился на ту центральную возвышенность, съ которой въ предшествовавшіе дни, вмѣстѣ съ Его Величествомъ, наблюдалъ за ходомъ артиллерійскаго боя. Здѣсь Великій Князь засталъ уже Государя Императора, прибывшаго не задолго до сего со своимъ конвоемъ и свитою, и доложилъ Его Императорскому Величеству о результатахъ произведеннаго имъ обзора.

Вечеромъ генералъ Зотовъ получилъ слѣдующую телеграмму, за подписью князя Имеретинскаго.

«Послѣ небольшой перестрѣлки, высоты, командующія надъ плевненскими редутами, заняты нами и войска укрѣпились. Завтра съ разсвѣтомъ, 30-го августа, усиленная канонада, къ полдню штурмъ. Добровольскій будетъ атаковать Кришинскій редутъ» *). Другое донесеніе, тоже вечеромъ, было полу-

*) Эта телеграмма подала поводъ къ нѣкоторому недоразумѣнію. Извѣстно, согласно вышеизложенному, что генералъ Зотовъ приказалъ на 29-е число занять *третій* гребень Зеленыхъ горъ; вечеромъ, присланный съ лѣваго фланга ординарецъ доложилъ, что высоты, командующія надъ городомъ и укрѣпленнымъ лагеремъ заняты. Вскорѣ послѣ этого, генералъ Зотовъ получаетъ отъ князя Имеретинскаго только что приведенную телеграмму, которая подала Великому Князю Главнокомандующему поводъ отправить въ Петербургъ телеграмму отъ 30-го августа въ 5 часовъ утра, слѣдующаго содержанія: «Вчера, 29-го августа, цѣлый день продолжалось обстрѣливаніе Плевны съ нашихъ осадныхъ и полевыхъ батарей. *Поздно вечеромъ*, нашъ лѣвый флангъ, подъ начальствомъ генерала Скобелева, *занялъ еще одну высоту*, съ которой можно дѣйствовать по непріятелю, по укрѣпленному лагерю и городу; непріятель оказалъ лишь слабое сопротивленіе». Такою высотой, съ которой можно дѣйствовать по укрѣпленному лагерю и городу, могъ быть именно *третій* гребень Зеленыхъ горъ. Между тѣмъ генералъ Скобелевъ, въ своемъ донесеніи князю Имеретинскому отъ 3-го сентября, изложивъ о томъ, что Эстляндскому полку съ 9-мъ стрѣлковымъ батальономъ было имъ поручено — *съ разсвѣтомъ* 29-го августа продвинуться впередъ и занять *второй* гребень высотъ и что высота была занята послѣ незначительной перестрѣлки (стало быть, утромъ, а не поздно вечеромъ), говоритъ:

«*Я не рѣшился въ тотъ же день атаковать третій гребень*, чтобы не втянуть въ дѣло всѣ войска и не израсходовать ихъ въ неравномъ бою съ пре-

чено отъ генерала Лашкарева, который извѣщалъ, что его кавалерія удачно отразила конныхъ черкесовъ, выходившихъ противъ нея изъ Плевны.

Къ вечеру 29-го августа погода, до сего времени сухая и теплая, вдругъ измѣнилась. Въ воздухѣ засырѣло, небо подернулось сплошными тучами и пошелъ мелкій, совсѣмъ осенній дождикъ, непрерывавшійся въ теченіи всей ночи и съ разу, въ какіе нибудь два-три часа, испортившій дороги до такой степени, что движеніе повозокъ сдѣлалось крайне затруднительнымъ.

Въ этотъ же вечеръ начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи генералъ-адъютантъ князь Масальскій заявилъ генералу Зотову, что при такой усиленной стрѣльбѣ, какую за всѣ эти

восходными непріятельскими силами до наступленія рѣшительнаго момента общей атаки плевненскихъ укрѣпленій».

При этомъ генералъ Скобелевъ объясняетъ свое рѣшеніе слѣдующими весьма вѣскими доводами, которые, въ свою очередь, даютъ ему поводъ высказать нѣсколько дѣльныхъ замѣтокъ:

«Важнымъ соображеніемъ при отсрочкѣ атаки, — говоритъ онъ,—являлась необходимость усилить занимаемую нами позицію въ фортификаціонномъ отношеніи, что, при прискорбномъ въ эту кампанію отсутствіи шанцеваго инструмента при войскахъ въ достаточномъ количествѣ, представляло не мало затрудненій. Люди рыли себѣ ровики частью крышками отъ манерокъ, частью руками. Для очищенія эспланады, виноградные кусты вырывали руками. По поводу недостатка шанцеваго инструмента, въ виду чрезвычайной важности въ настоящей борьбѣ фортификаціонной подготовки поля сраженія, позволяю себѣ высказать нѣсколько замѣчаній.

«Пѣхотная часть, бывшая въ горячемъ дѣлѣ, большею частью лишается своего шанцеваго инструмента.

«Нашъ солдатъ, наступая по трудно проходимой закрытой мѣстности, особенно въ жару, первое, чѣмъ облегчитъ себя, это бросаетъ свой инструментъ, затѣмъ слѣдуетъ шинель и, наконецъ, мѣшокъ съ сухарями. Поэтому часть, достигнувъ пункта, на которомъ ей надлежитъ остановиться, не имѣетъ возможности прикрыть себя отъ губительнаго огня непріятеля, что постоянно дѣлалось пѣхотою: 1) въ американскую войну, 2) въ кровавую четырехъ-лѣтнюю карлистскую бойню, и 3) наконецъ теперь принято за правило турками.

«Въ виду вышесказаннаго, казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ: или привозить инструментъ вслѣдъ за атакующими, или имѣть при полкахъ особыя команды, на обязанность которыхъ и возлагать укрѣпленіе отбитыхъ у непріятеля позицій.

«Нельзя не упомянуть также и о недостаточности средствъ для устройства полевыхъ укрѣпленій, имѣющихся при отрядѣ. При силѣ болѣе 20,000 чело-

дни вела наша артиллерія, на дальнѣйшее время у насъ, пожалуй, не хватитъ снарядовъ, а на своевременный подвозъ ихъ и вообще на правильное движеніе артиллерійскихъ парковъ разсчитывать трудно, при этой распутицѣ, которая обратила дороги въ глубокое мѣсиво густой и липкой грязи. Кромѣ того, оказалось, что вслѣдствіе усиленной и непрерывной стрѣльбы, нѣкоторые лафеты не только осадныхъ, но и полевыхъ 9-ти-фунтовыхъ орудій начинаютъ приходить въ негодность. При такихъ обстоятельствахъ, продолжать дальнѣйшій артиллерійскій бой было неудобно, такъ какъ съ каждымъ днемъ огонь, по неволѣ, ослабѣвалъ бы все болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, утрачивались бы и всѣ, добытые доселѣ результаты артиллерійскихъ дѣйствій. Приходилось либо отказаться отъ штурма, либо начинать его завтра же. На военномъ совѣщаніи рѣшено было послѣднее, вслѣдствіе чего въ войска и была разослана поздно вечеромъ слѣдующая диспозиція:

вѣкъ, въ отрядѣ вашей свѣтлости имѣется, и то случайно, только одна команда саперъ въ 35 человѣкъ при унтеръ-офицерѣ, и ни одного инженера, не смотря на существованіе инженерной академіи, ежегодно вливающей въ нашу армію десятки спеціалистовъ. Сомнѣнію не подлежитъ теперь для меня, что если бы французская армія втораго періода кампаніи 1870 года, при современномъ вооруженіи пѣхоты и относительной слабости, въ смыслѣ рѣшающемъ, дальнобойной артиллеріи,—строго бы держалась системы неожиданнаго стратегическаго наступленія (преимущественно на пути сообщенія, напр.), соединеннаго съ безусловною тактическою обороною, при помощи полевой фортификаціи, то кампанія кончилась бы выгоднѣе для французовъ».

Вышесказанное недоразумѣніе возникло вслѣдствіе поздняго извѣщенія, присланнаго княземъ Имеретинскимъ, о результатахъ дѣла 29-го числа, причемъ не указывалось точно, что занятъ именно второй гребень, а говорилось о занятіи «высотъ, командующихъ надъ Плевненскими редутами», каковыми, какъ уже сказано, могли быть только высоты третьяго кряжа. Генералъ же Зотовъ предписывалъ на 29-е число атаковать третій гребень потому, что считалъ второй гребень уже въ нашей власти; а считалъ онъ его въ нашей власти потому, что не получилъ донесенія объ оставленіи его генераломъ Скобелевымъ въ ночь съ 27-го на 28-е число; генералъ же Скобелевъ отступилъ на первый гребень только вслѣдствіе извѣщенія объ отсрочкѣ общей атаки до 30-го числа, такъ какъ пребываніе войскъ на второмъ гребнѣ въ теченіи лишнихъ двухъ сутокъ подвергало бы ихъ совершенно безцѣльнымъ и большимъ потерямъ отъ огня Кришинскаго редута, быть можетъ, даже бóльшимъ, чѣмъ потери при новой атакѣ.

Диспозиція по войскамъ Западнаго отряда арміи, 29-го августа 1877 года.

Завтра 30-го августа назначается общая атака укрѣпленнаго плевненскаго лагеря, для чего:

1. Съ разсвѣтомъ со всѣхъ батарей открыть самый усиленный огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и продолжать его до восьми часовъ утра. Въ девять часовъ одновременно и вдругъ прекратить всякую стрѣльбу по непріятелю. Въ одиннадцать часовъ вновь открыть усиленный артиллерійскій огонь и продолжать его до часа по полудни. Съ часа до $2^1/_2$ часовъ опять прекратить огонь на всѣхъ батареяхъ, а въ $2^1/_2$ часа вновь начать усиленную канонаду, прекращая ее только на тѣхъ батареяхъ, дѣйствію которыхъ могутъ препятствовать наступающія войска.

2. Въ три часа по полудни начать движеніе для атаки:

а) Румынская армія атакуетъ сѣверное укрѣпленіе *). Для содѣйствія этой атакѣ должна быть выдвинута бригада пѣхоты 9-го корпуса, съ двумя 4-хъ-фунтовыми батареями, отъ Гривицы, съ тѣмъ, чтобы прикрыть лѣвый флангъ румынской арміи отъ всякихъ попытокъ непріятельскихъ резервовъ. Два батальона этой бригады должны атаковать совмѣстно съ румынами сѣверное укрѣпленіе съ юго-западной стороны его.

б) Изъ остальныхъ войскъ 9-го корпуса, два полка должны прикрывать линію нашихъ батарей по гребню отъ Гривицы до Радишева; а два полка съ тремя 4-хъ-фунтовыми батареями должны составить резервъ и расположиться впереди Радишева, на правомъ берегу оврага. Галичскій пѣхотный полкъ съ одною батареею остается въ главномъ резервѣ.

в) Ингерманландскому полку съ батареею, при немъ состоящею, расположиться на лѣвомъ флангѣ двѣнадцати-орудійной осадной батареи.

г) Командующему 4-мъ корпусомъ, генералъ-лейтенанту Крылову, со 2-ю бригадою 16-й дивизіи, поддержанной 1-ю бригадою 30-й дивизіи, атаковать непріятельскія укрѣпленія, находящіяся впереди батарей его лѣваго фланга. За этою колонною будетъ слѣдовать главный резервъ изъ трехъ полковъ пѣхоты съ тремя батареями.

---

*) Гривицкій редутъ.

д) При этомъ главномъ резервѣ будетъ находиться начальникъ Западнаго отряда.

е) Отряду генерала Скобелева, состоящему изъ 1-й бригады 16-й дивизіи, стрѣлковой бригады генералъ-маіора Добровольскаго и одного полка 2-й пѣхотной дивизіи, съ тремя 9-ти и одною 4-хъ-фунтовою батареями, атаковать укрѣпленный непріятельскій лагерь, прикрывающій городъ Плевно со стороны Ловчинскаго шоссе.

ж) Въ резервѣ колонны генерала Скобелева, съ обязанностію поддерживать его атаку и прикрывать лѣвый флангъ его колонны, слѣдуютъ остальные полки 2-й пѣхотной дивизіи съ ихъ батареями, подъ начальствомъ свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора князя Имеретинскаго.

з) Командиру 1-й бригады 4-й кавалерійской дивизіи, генералъ-маіору Леонтьеву, со ввѣренною ему бригадою и конною батареею, казачьими полками полковника Чернозубова и Кавказскою казачьею бригадою (которые генералъ-маіору Леонтьеву принять подъ свое начальство) прикрывать лѣвый флангъ всего боеваго порядка и дѣйствовать наступательно, по направленію къ софійскому шоссе, на селеніе Дубнякъ, гдѣ войдти въ связь съ кавалеріею генерала Лашкарева.

и) Кавалеріи генерала Лашкарева начать самыя рѣшительныя дѣйствія противъ турецкихъ войскъ, могущихъ появиться на лѣвомъ берегу Вида и войдти въ связь съ кавалеріею генерала Леонтьева.

і) Бригадѣ каларашей полковника Разнована, по прежнему, прикрывать правый флангъ румынской арміи.

Кіевскому гусарскому полку оставаться на булгареноплевненскомъ шоссе, для содержанія связи между 9-мъ корпусомъ и румынскою арміею.

Маріупольскому гусарскому полку съ конною батареею находиться при главномъ резервѣ.

к) Относительно формы одежды, обозовъ, перевязочныхъ пунктовъ, подвижныхъ лазаретовъ и запаса двухдневнаго продовольствія на людяхъ, точно руководствоваться указаніями, данными въ диспозиціи передъ началомъ плевненскаго боя.

Перевязочные пункты для войскъ, дѣйствующихъ по ловчинскому шоссе, учредить по распоряженію генералъ-маіора

князя Имеретинскаго, въ распоряженіе котораго отправленъ подвижной лазаретъ 16-й пѣхотной дивизіи.

Всѣ дальнѣйшія приказанія будутъ отданы на полѣ сраженія.

Отъ каждаго корпуса прислать ко мнѣ по три конныхъ офицера.

Подлинную подписалъ: начальникъ Западнаго отряда арміи, генералъ-лейтенантъ Зотовъ.

LVI

Третья Плевна

День пятый, 30-го августа.

Утро 30-го числа. — Приготовленія къ торжеству тезоименитства Государя Императора на Императорскомъ холмѣ. — Молебствіе и салюты боевыми залпами. — Завтракъ на позиціи и тостъ, провозглашенный Государемъ. — Дѣйствія 30-го августа. — Атака Гривицкаго редута. — Демонстративное движеніе полковника Рыкачева на укрѣпленный лагерь. — Отдѣльные подвиги при взятіи Гривицкаго редута и положеніе его защитниковъ послѣ взятія до слѣдующаго утра. — Дѣйствія сводной дивизіи 4-го корпуса въ центрѣ, противъ Радишевскаго редута. — Преждевременная атака полковника Тихменева и ея послѣдствія. — Громадная убыль центра. — Дѣйствія лѣвофлангового отряда. — Атака третьяго кряжа Зеленыхъ горъ. — Мнѣнія солдатъ и турокъ о генералѣ Скобелевѣ. — Общая картина поля сраженія, на закатѣ солнца, съ Императорскаго холма. — Иностранные агенты. — Ночлегъ Великаго Князя Главнокомандующаго и князя Карла въ колясках, на позиціи. — Извѣстія изъ отряда генерала Скобелева. — Ночь съ 30-го на 31-е августа.

На позиціи передъ Плевной, 3-го сентября.

Утро 30-го августа было холодное и сильно туманное. Моросило. Когда Великій Князь, около десяти часовъ утра, пріѣхалъ на позицію, впереди ничего не было видно: все и повсюду застилалось бѣловато-мглистою пеленою, и сквозь этотъ туманъ даже и пушечные выстрѣлы съ ближайшихъ батарей отдавались глухо, а вдали уже и ровно ничего невозможно было разслышать. Каждый звукъ глохъ и исчезалъ въ этомъ густомъ туманѣ. У «Императорскаго холма» придворные служители спѣшно разбивали палатку, въ которой должно было совершиться молебствіе, по случаю дня

тезоименитства Государя Императора. Нѣсколько человѣкъ солдатъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, находящіеся въ составѣ конвойной гвардейской роты, пріѣхали въ телѣгахъ на позицію, безъ оружія, въ походно-парадной формѣ, для принятія отъ своего Державнаго Шефа поздравленія со днемъ ихъ полковаго праздника. Тутъ же находились и наличные офицеры этого полка, а также и числящіеся въ ономъ флигель-адъютанты. Государь Императоръ прибылъ на холмъ въ половинѣ двѣнадцатаго часа. Принявъ поздравленіе отъ Великаго Князя Главнокомандующаго, генералъ-адъютанта Непокойчицкаго и присутствовавшихъ на мѣстѣ особъ Императорской Фамиліи, а также отъ князя Карла Румынскаго, и поздоровавшись со Своими павловцами, Его Величество спросилъ диспозицію, составленную на нынѣшній день, которая и была подана адъютантомъ Главнокомандующаго, полковникомъ Скалономъ,—прочелъ ее и затѣмъ направился къ палаткѣ, гдѣ уже ожидалъ Августѣйшаго Именинника протоіерей Императорской квартиры въ полномъ облаченіи. Тотчасъ же началось молебствіе. Раздалось стройное пѣніе небольшаго походнаго хора придворныхъ пѣвчихъ. Русская и румынская свиты столпились вокругъ палатки, обнаживъ свои головы. Тутъ же стояли и кучки нашихъ русскихъ солдатъ, кучеровъ, служителей и группы мѣстныхъ болгаръ—бездомныхъ скитальцевъ по милости турокъ. Во время молебна дождь на нѣкоторое время прекратился, и канонада стала гораздо слышнѣе. Когда раздались слова священнодѣйствовавшаго: «преклоньше колѣна, Господу помолимся», всѣ тихо склонились къ землѣ и протоіерей съ глубокимъ чувствомъ, видимо взволнованнымъ голосомъ произнесъ молитву о ниспосланіи Всевышнимъ побѣды русскому воинству. Эти слова какъ бы наэлектризовали всѣхъ присутствующихъ; многіе и многіе изъ нихъ утирали слезы. Видно было, что каждый глубоко почувствовалъ въ сердцѣ своемъ значеніе переживаемой минуты, глубоко проникся смысломъ возносимой къ Богу молитвы и далъ полную волю своему святому чувству... Но тотъ моментъ, когда діаконъ возгласилъ, а пѣвчіе подхватили многолѣтіе Государю, исполненъ былъ особенной торжественности. Въ Петербургѣ въ этотъ моментъ обыкновенно раздаются праздничные салюты

съ бастіоновъ Петропавловской крѣпости, въ Москвѣ—со стѣнъ кремлевской Тайницкой башни; здѣсь же, на боевой позиціи, въ виду непріятеля, подъ этимъ хмурымъ, ненастнымъ небомъ, салютовалъ Русскому Царю перекатный громъ боевыхъ орудій, которому вторило шипѣніе взрывавшихся снарядовъ. Никогда еще русскимъ Государямъ не доводилось встрѣчать день своего Ангела въ подобной обстановкѣ; никогда еще не доводилось Имъ и проводить его съ утра до ночи на боевомъ полѣ. Этотъ день—30-е августа 1877 года—для насъ, русскихъ, долженъ сдѣлаться днемъ незабвеннымъ, историческимъ.

По окончаніи молебствія, Государь пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ къ завтраку. Для Императорской Фамиліи и почетнѣйшихъ лицъ русской и румынской армій накрытъ былъ на холмѣ небольшой столъ; остальные же помѣстились кто какъ могъ. На землѣ были раскинуты скатерти, на скатертяхъ поставлены блюда, тарелки, и вокругъ нихъ размѣстились кое-какъ всѣ наличные офицеры и наскоро принялись за холодный завтракъ. Великій Князь Главнокомандующій провозгласилъ здоровье Державнаго Именинника, и нечего говорить о томъ, какимъ восторженнымъ и задушевнымъ кликомъ былъ встрѣченъ этотъ дорогой каждому тостъ! Затѣмъ поднялся Государь Императоръ и произнесъ слѣдующія слова: «За здоровье нашихъ славныхъ войскъ, которыя въ эту минуту дерутся съ непріятелемъ, и да даруетъ Богъ намъ побѣду!» Потомъ, нѣкоторое время спустя, Его Императорское Величество изволилъ предложить тостъ за здоровье Своихъ павловцевъ.

Не долго длился этотъ скромный, походный завтракъ, по окончаніи котораго всѣ опять отдали все свое вниманіе бою.

Его Величество опять выѣзжалъ впередъ версты на полторы или на двѣ, чтобы ближе слѣдить за ходомъ сраженія.

Диспозиція, составленная на 30-е августа, предписывала начало штурма въ три часа пополудни. До сего часа канонада прекращалась два раза и притомъ одновременно на всѣхъ батареяхъ—въ первый разъ на два часа, отъ 9-ти до 11-ти утра, и вторично на полтора часа, отъ 1 до 2½ по полудни. Сдѣлано это было съ тою цѣлью,

чтобы заставить непріятеля тревожиться напраснымъ ожиданіемъ приступа и утомить его къ тому времени, когда дѣйствительно начнется наше наступленіе. Но... позволительно усомниться, чтобы подобныя пріостановки могли серьезно повліять на нравственное настроеніе противника, слишкомъ достаточно ободреннаго всѣми своими предшествовавшими успѣхами. Штурмъ плевненскихъ позицій, какъ извѣстно, предписано было направить на три пункта: 1) большой Гривицкій редутъ на сѣверо-восточномъ фронтѣ, 2) большой редутъ на юго-восточномъ фронтѣ, къ сѣверо-востоку отъ деревни Радишево, и 3) на линію редутовъ и ложементовъ на ловчинскомъ шоссе, въ особенности, на Кришинскій редутъ, прикрывающіе укрѣпленный турецкій лагерь съ южной и юго-западной стороны Плевны. Атаку Гривицкаго редута должны были произвести румынскія войска, совмѣстно съ 1-ю бригадою 5-й пѣхотной дивизіи *); на Радишевскій редутъ направлены части 4-го корпуса, а кришинскія укрѣпленія предоставлены отряду генерала Скобелева, котораго долженъ былъ поддерживать князь Имеретинскій.

Турки еще съ утра отвѣчали на нашъ огонь вяло и какъ бы нехотя значительно меньшимъ числомъ выстрѣломъ; они видимо приберегали свои снаряды для моментовъ болѣе критическихъ и рѣшительныхъ.

Ровно въ три часа назначенныя для атаки войска перешли въ наступленіе. Въ 4½ часа по полудни Архангелогородскій и Вологодскій полки, выславъ на позицію впереди Гривицы 16 орудій, выдвинулись изъ этой деревни и, построясь въ боевой порядокъ двумя линіями ротныхъ колонъ **), параллельно шоссе и тыломъ къ оному, съ резервомъ изъ двухъ батальоновъ, повели атаку на Гривицкій редутъ со стороны его южнаго фронта, а румынскіе батальоны въ это же самое время ударили на редутъ съ сѣверо-востока. Движеніе войскъ на приступъ было встрѣчено со стороны турокъ на всѣхъ пунктахъ такимъ ужаснымъ огнемъ, который съ первой же минуты слился въ одинъ непрерывный

---

*) Полки: 17-й пѣхотный Архангелогородскій и 18-й пѣхотный Вологодскій.

**) Всего въ первыхъ двухъ линіяхъ четыре батальона, между которыми въ центрѣ расположились 4-я и 6-я батареи 5-й арт. бригады.

гулъ и трескъ, такъ что отдѣльныхъ выстрѣловъ уже невозможно было разслышать. При этомъ въ 6-й батареѣ 5-й артиллерійской бригады взорвало зарядный ящикъ. Первый приступъ къ Гривицкому редуту былъ отбитъ. Румыны отступили въ водомоину, пролегающую, въ видѣ естественнаго рва за Гривицею, въ сѣверо-восточномъ направленіи, а наши заняли позиціи въ разстояніи семи или восьмисотъ шаговъ отъ редута и поддерживали ружейный огонь. Румыны, устроясь въ водомоинѣ, ударили вторично, но не смотря на все ихъ воодушевленіе и энергію, были снова отброшены на прежнее мѣсто; генералъ же Родіоновъ *) со всѣми шестью батальонами своей бригады **) придвинулся еще ближе къ редуту и залегъ отъ него въ полутораста шагахъ. Въ это время 2-й батальонъ румынскихъ егерей (venatori), также назначенный для атаки Гривицкаго редута, сбился съ пути по причинѣ тумана и очутился противъ сосѣдняго редута (Башъ-табіе), лежащаго болѣе на западъ. Замѣтивъ здѣсь свою ошибку, егеря подъ перекрестнымъ огнемъ повернули на Гривицкій редутъ и ударили на него съ сѣверо-запада. Услыхавъ въ той сторонѣ крикъ атаки, генералъ Родіоновъ въ ту же минуту устремилъ на редутъ съ юга и свои батальоны. Перебѣжать разстояніе въ полтораста шаговъ было дѣломъ одной минуты. Огонь противника, усилившійся въ эти мгновенія до высшей степени, былъ ужасенъ, но не остановилъ атакующихъ, и такимъ образомъ наши архангелогородцы и румынскіе егеря одновременно ворвались съ двухъ сторонъ въ укрѣпленіе. Здѣсь уже прекратился ружейный огонь и пошла штыковая работа. Бой холоднымъ оружіемъ внутри редута длился около получаса. Наконецъ турки стали выскакивать за брустверъ и убѣгать, а группы нашихъ и румынъ—въ догонку за ними со штыками и прикладами. Много было при этомъ положено турокъ—измозжено, переколото... Но противникъ не просилъ пощады и умиралъ подъ ударами. Все̂, что̂ оставалось въ редутѣ изъ его защитниковъ, было перебито. Знаменщикъ

---

*) Начальникъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, бывшій командиръ 53-го пѣхотнаго Волынскаго полка

**) Для чего потребовались и ея резервы.

1-го батальона Архангелогородскаго полка водрузилъ знамя на южномъ фасѣ редута. Оно было въ чахлѣ. Батальонный командиръ приказалъ снять чахолъ и перемѣстить распущенное знамя на западный фасъ, обращенный къ туркамъ. Вскорѣ послѣ этого рядомъ съ первымъ водружены были и еще два знамени: Вологодскаго полка и румынскихъ егерей 2-го батальона, а вслѣдъ затѣмъ турки были выбиты штыками и изъ ближайшихъ ложементовъ. Такимъ образомъ къ семи часамъ вечера дѣло съ Гривицкимъ редутомъ было покончено. Еще во время наступленія, Вологодскій полкъ, составлявшій лѣвый флангъ боевой линіи, сталъ подаваться лѣвымъ плечомъ впередъ, чтобы зайдти къ редуту съ западной, т. е. тыльной его стороны, въ то время какъ архангелогородцы атаковали съ фронта южный фасъ. Укрѣпленный турецкій лагерь, отстоящій отъ редута на полверсты къ западу и соединенный съ нимъ траншеею, сильно мѣшалъ своимъ огнемъ нашему наступленію. Тогда командиръ Вологодскаго полка, полковникъ Рыкачевъ, взявъ ружье лично имъ убитаго аскера, повелъ нѣсколько своихъ ротъ на этотъ лагерь съ демонстративною цѣлью и ворвался въ него. Здѣсь онъ оставался до наступленія темноты, когда сильный картечный огонь непріятеля, открытый съ ближайшаго разстоянія, заставилъ его наконецъ покинуть занятую часть лагеря и отойдти въ Гривицкій редутъ, взятію котораго много способствовала эта беззавѣтная рѣшимость Рыкачева броситься на лагерь и тѣмъ лишить его возможности наносить вредъ своимъ огнемъ частямъ ведшимъ атаку противъ Гривицкаго редута. Но не дешево достался намъ этомъ частный успѣхъ 30-го августа: одними лишь ранеными у насъ выбыло изъ строя 25 офицеровъ и около 900 нижнихъ чиновъ *), общая же убыль 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи простирается до 1,305 человѣкъ, не считая офицеровъ. Архангелогородскій полкъ понесъ наиболѣе чувствительную потерю въ лицѣ своего командира, флигель-

---

*) По свѣдѣніямъ уполномоченнаго «Краснаго Креста» графа М. Н. Муравьева, въ утро 31-го августа изъ дивизьоннаго лазарета 5-й пѣхотной дивизіи было эвакуировано 9 офицеровъ и 423 человѣка нижнихъ чиновъ, принадлежащихъ къ 1-й бригадѣ означенной дивизіи, а затѣмъ оставалось еще на пунктѣ около 500 раненыхъ изъ той же бригады, которые были снесены сюда въ ночь послѣ штурма Гривицкаго редута.

адъютанта, полковника Шлиттера, который былъ замертво вынесенъ изъ редута. Этотъ доблестный командиръ во главѣ своего полка первымъ вскочилъ на брустверъ и оттуда во внутрь редута. Рядомъ съ нимъ взбѣжали туда же знакомый его румынскій офицеръ, отправившійся на штурмъ волонтеромъ (имя, къ сожалѣнію, неизвѣстно), адъютантъ командира 9-го корпуса ротмистръ Хвостовъ и маіоръ Квитка, бывшій конно-гвардеецъ. Румынскій офицеръ едва лишь соскочилъ съ бруствера въ редутъ, какъ былъ въ куски изрубленъ ятаганами; маіоръ Квитка, какъ говорятъ, вскочилъ верхомъ на непріятельскую пушку, но отдѣлался лишь легкою огнестрѣльною раною въ подъ-мышку, безъ поврежденія сочлененій; ротмистръ Хвостовъ остался невредимъ, а Шлиттеръ получилъ пулю въ лобъ, на вылетъ [1]). Это уже второй командиръ, котораго теряетъ Архангелогородскій полкъ въ нынѣшнюю кампанію, менѣе чѣмъ въ промежутокъ двухъ мѣсяцевъ, и все въ бою подъ Плевною. Тутъ же былъ раненъ и генералъ Родіоновъ [2]), по отбытіи котораго на перевязочный пунктъ остался главноначальствующимъ въ редутѣ командиръ Вологодскаго полка полковникъ Рыкачевъ. Трофеями этого штурма достались намъ пять орудій, у которыхъ турки не успѣли даже вынуть запирающіе механизмы [3]), и два знамени. Одно изъ послѣднихъ было взято людьми Архангелогородскаго полка, а другое румынскимъ егеремъ Грегоромъ Іованомъ, вмѣстѣ съ сержантомъ Никою Іономъ и капраломъ Никою Васили [4]).

Вскорѣ по взятіи редута наступила полная темнота, которая еще усиливалась туманною и дождливою погодою. Вообще

---

[1]) Скончался на перевязочномъ пунктѣ 5-й пѣхотной дивизіи 31-го августа утромъ и похороненъ тамъ же, рядомъ съ общею могилою.

[2]) Въ пятку, безъ поврежденія кости.

[3]) Два орудія были отданы румынамъ.

[4]) Имя командира 2-го егерскаго румынскаго батальона — маіоръ Александръ Кандіано Попеско. Занимаясь въ мирные дни адвокатурой, онъ предъ войною поступилъ въ ряды по реквизиціи и былъ назначенъ командовать 2-мъ егерскимъ батальономъ только въ утро этого же самаго дня, 30-го августа. «Я тѣмъ болѣе радъ этому назначенію—выразился маіоръ Попеско— что оно для меня служитъ самымъ драгоцѣннымъ имениннымъ подаркомъ, и въ особенности это почетное назначеніе съ разу идти на штурмъ. Надо оправдать такое лестное довѣріе». И оправдалъ.

все наступленіе пришлось вести подъ дождемъ, въ туманѣ, по размякшей скользкой почвѣ, что̀ крайне затрудняло людей, въ особенности, когда пришлось карабкаться на валы, имѣющіе довольно крутой склонъ и высоту до десяти футовъ. Наши поспѣшили утвердиться и устроиться какъ въ редутѣ, такъ и въ прилежащихъ траншеяхъ, ежеминутно ожидая атаки со стороны турокъ. Напряженное состояніе людей усиливалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что одна изъ нашихъ осадныхъ батарей, не зная, взятъ ли редутъ, или нѣтъ, время отъ времени посылала въ направленіи его свои снаряды. Великій Князь точно также не имѣлъ еще свѣдѣній о результатѣ этой атаки и потому, въ ожиданіи какихъ-либо извѣстій, рѣшился оставаться всю ночь на позиціи. Въ десять часовъ вечера свиты Его Величества генералъ-маіоръ Струковъ получилъ приказаніе Его Высочества — узнать какимъ-либо способомъ о дѣлѣ у Гривицкаго редута. Генералъ Струковъ въ густыхъ потемкахъ поѣхалъ впередъ и на пути узналъ отъ кіевскихъ гусаръ, ѣхавшихъ по шоссе для занятія аванпостной линіи, что по ихъ слухамъ — Гривицкій редутъ уже взятъ нашими. Вскорѣ извѣстіе это подтвердилось положительнымъ образомъ. Тогда генералъ Струковъ послалъ на осадную батарею приказаніе не стрѣлять болѣе по редуту и обратился къ командиру Кіевскаго гусарскаго полка съ предложеніемъ вызвать двухъ-трехъ человѣкъ охотниковъ, и въ томъ числѣ офицера, которые взялись бы хоть ползкомъ добраться до редута и предупредить его защитниковъ, что положеніе ихъ будетъ обезпечено достаточно сильною поддержкою, въ случаѣ если бы турки вздумали сдѣлать на редутъ ночное нападеніе. Порученіе это было исполнено корнетомъ Исаковымъ. Оно оказалось далеко не изъ легкихъ, потому что гарнизонъ редута до такой степени былъ на-чеку̀ въ ежеминутномъ ожиданіи внезапной атаки, что открывалъ огонь при малѣйшемъ шорохѣ снаружи бруствера, вслѣдствіе чего, по недоразумѣнію, вышла даже минутная перестрѣлка между русскими и румынами. Къ одиннадцати часамъ вечера генералъ Струковъ возвратился на бивуакъ Главнокомандующаго и доложилъ о дѣлѣ на Гривицкомъ редутѣ и взятіи послѣдняго. Наши вологодцы и архангелогородцы, обратившіеся изъ атакующихъ въ защитниковъ редута, не даромъ ожидали со стороны турокъ попытки

овладѣть имъ снова. Когда генералъ Шильдеръ-Шульднеръ пріѣхалъ въ редутъ, чтобы лично распорядиться устройствомъ его гарнизона, то не прошло и двухъ часовъ, какъ турки, выйдя изъ укрѣпленнаго лагеря и подкравшись по траншеямъ, съ крикомъ бросились на валы, но были отбиты залпами и частію штыками. Послѣ этого, въ теченіи ночи, подобныя же попытки съ ихъ стороны повторялись еще два раза, но не только безуспѣшно, а и съ большимъ урономъ. Съ разсвѣтомъ же они стали бросать изъ лагеря и сосѣдняго укрѣпленія (Башъ-табіе) гранаты въ самый редутъ, и только тутъ оказалось, что этотъ послѣдній далеко не составляетъ ключа позиціи, а всецѣло лежитъ подъ огнемъ командующей надъ нимъ Башъ-табіе [1]).

Атака въ центрѣ на Радишевскій редутъ была неудачна и по числу потерь обошлась намъ дороже, чѣмъ всѣ остальныя. Въ силу общей диспозиціи на 30-е августа, сводной дивизіи 4-го корпуса [2]), подъ начальствомъ генералъ-маіора Шнитникова, предписывалось штурмовать редуты, находившіеся впереди батарей 4-го корпуса. Изъ остальной половины этого корпуса, 1-я бригада 16-й дивизіи [3]) была у Скобелева, а 2-я бригада 30-й дивизіи [4]) въ общемъ резервѣ, состоявшемъ, какъ извѣстно изъ диспозиціи, въ распоряженіи начальника штаба Западнаго отряда, генералъ-лейтенанта Зотова.

Съ утра еще затрещала во мглѣ перестрѣлка по ту сторону Тученицкаго оврага, на нашемъ лѣвомъ флангѣ, и Скобелевъ прислалъ предупредить командующаго 4-мъ корпусомъ генералъ-лейтенанта Крылова, чтобы онъ не принялъ эту стрѣльбу за начало атаки. Дымъ отъ гремѣвшей канонады, слившись съ туманомъ, покрылъ всю мѣстность столь густою пеленою, что въ десяти шагахъ трудно было различить что-либо; послѣ одиннадцати часовъ утра ружейная пальба вдругъ послышалась правѣе, а именно тамъ, гдѣ въ ожиданіи часа

---

[1]) Для противодѣйствія этому огню, 1-го сентября, въ Гривицкій редутъ было поставлено четыре румынскихъ орудія.

[2]) 2-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи (полки: 63-й Углицкій и 64-й Казанскій) и 1-я бригада 30-й дивизіи (полки: 117-й Ярославскій и 118-й Шуйскій).

[3]) Полки: 61-й Владимірскій и 62-й Суздальскій.

[4]) Полки: 119-й Коломенскій и 120-й Серпуховскій.

атаки, залегли полки 4-го корпуса. Сначала рѣдкая, пальба эта стала учащаться и вскорѣ перешла въ сплошной рокотъ сильной ружейной перепалки. Всѣ недоумѣвали, что̀ это значитъ, а болѣе всѣхъ — командующій 4-мъ корпусомъ, къ которому ни откуда не приходило донесенія, объясняющаго столь неожиданное и странное обстоятельство. Туманъ рѣшительно препятствовалъ видѣть — наши ли это атакуютъ турокъ, или турки нашихъ? Сколь ни невѣроятно казалось послѣднее предположеніе, но все же скорѣе можно было допустить его, чѣмъ мысль о преждевременной атакѣ съ нашей стороны, безъ прямаго на то приказанія ближайшихъ начальниковъ, генералъ-лейтенанта Крылова и генералъ-маіора Шнитникова, которые, въ добавокъ, и не имѣли права отдать такое приказаніе, въ виду ясно и точно указаннаго въ диспозиціи часа общей атаки.

Какъ оказалось потомъ, вотъ что̀ произошло въ туманѣ:

Начальнику штаба 16-й дивизіи, полковнику Тихменеву показалось, будто турки закопошились въ ближайшихъ ложементахъ. Онъ почему-то вдругъ принялъ это движеніе за намѣреніе броситься на наши батареи, а потому съ мѣста же, мгновенно, по собственной своей волѣ, повелъ впередъ сначала четыре роты Угличскаго полка, не успѣвъ даже предупредить объ этомъ кого-либо изъ начальствующихъ лицъ, а вслѣдъ за этими ротами поднялся и весь полкъ. Тогда Ярославскій полкъ, лежавшій въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Угличскимъ, увидя это движеніе, тоже сталъ въ ружье и пошелъ впередъ. Остальнымъ же двумъ полкамъ сводной дивизіи за туманомъ ничего этого не было видно и они остались на своихъ мѣстахъ. Полковнику Тихменеву на столько удалось воодушевить словами поднявшіеся батальоны, что турки мигомъ были выбиты изъ всѣхъ ложементовъ; но храбрые полки, отважно предводимые начальникомъ штаба 16-й дивизіи, не остановились во-время: они устремились къ редутамъ и, встрѣченные губительнымъ огнемъ съ укрѣпленія и перекрестнымъ изъ боковыхъ длинныхъ ложементовъ, служившихъ какъ бы продолженіемъ редута, не имѣя за собою никакой поддержки, должны были отступить въ безпорядкѣ, потерявъ совершенно напрасно двѣ трети своего состава и почти всѣхъ

офицеровъ. Такимъ образомъ, изъ общаго состава силъ, предназначенныхъ для общей атаки, далеко еще до урочнаго часа, цѣлая бригада, можно сказать, уже не существовала, ибо по своему крайне разстроенному состоянію не могла быть употреблена ни въ какое дальнѣйшее дѣло.

По донесеніи командующаго 4-мъ корпусомъ объ этой несчастной случайности, которую, къ сожалѣнію, никакъ не возможно было ни предвидѣть заранѣе, ни остановить своевременно, послѣдовало чрезъ начальника штаба Западнаго отряда приказаніе: «въ три часа возобновить атаку двумя остальными полками, съ поддержкою Воронежскаго и Козловскаго полковъ 9-го корпуса, имѣя въ резервѣ Галичскій полкъ».

Тогда генералъ Шнитниковъ, не считая себя въ правѣ не исполнить диспозицію, лично повелъ на штурмъ Казанскій и Шуйскій полки, которые смѣло и быстро подвигались впередъ, но... и вторая атака была только повтореніемъ первой; точно также передовые полки выбили турокъ изъ ложементовъ и точно также съ огромною потерею были отбиты массою свинца, не смотря на высланныя къ нимъ подкрѣпленія (Воронежскій и Козловскій полки).

Въ четыре часа по полудни генералъ-лейтенантъ Криловъ лично повелъ Галичскій полкъ чрезъ оврагъ на поляну предъ редутами, усѣянную тѣлами убитыхъ и раненыхъ храбрецовъ, и разсыпавъ густую цѣпь, прикрылъ ею отступленіе штурмовавшихъ полковъ, которые — надо отдать имъ справедливость — даже послѣ такой жестокой неудачи, отходили вполнѣ спокойно и медленно. Убыль въ шести полкахъ *), штурмовавшихъ Радишевскій редутъ, была громадна: 110 офицеровъ и 5,249 людей, выбывшихъ изъ строя убитыми и ранеными, запечатлѣли своею кровью двукратно неудавшуюся атаку **). «Громадная потеря, превышающая половину всего состава» — говоритъ генералъ Криловъ въ своемъ донесеніи отъ 2-го сен-

---

*) Пѣхотные полки: Угличскій, Казанскій, Ярославскій, Шуйскій, Воронежскій и Козловскій.

**) Изъ этого числа 80 офицеровъ и до 5,000 нижнихъ чиновъ приходится на долю сводной дивизіи 4-го корпуса.

тября — «и потеря почти всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, равно какъ и груды тѣлъ, лежащихъ и по настоящее время передъ непріятельскимъ редутомъ, служатъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что ввѣренныя мнѣ войска исполнили свой долгъ хотя и безуспѣшно, но свято».

Въ десять часовъ вечера перевязочные пункты 4-го корпуса были переполнены ранеными; въ оврагѣ, для прикрытія артиллеріи корпуса, расположились остатки сводной дивизіи: въ Угличскомъ и Казанскомъ полкахъ по два батальона, въ Ярославскомъ одинъ батальонъ, въ Шуйскомъ три, но не болѣе какъ по 400 человѣкъ въ каждомъ.

Полковникъ Тихменевъ въ тотъ же день отчисленъ отъ должности начальника штаба 16-й пѣхотной дивизіи, въ распоряженіе Главнаго Штаба, а на мѣсто его исправляющимъ должность назначенъ генеральнаго штаба капитанъ Куропаткинъ *).

За то на лѣвомъ флангѣ мы имѣли успѣхъ положительный, и будь попытки наши въ центрѣ удачнѣе, то легко могло бы случиться, что на слѣдующій день мы и покончили бы съ Плевной. Съ занятіемъ второй высоты Зеленыхъ горъ 29-го числа, фронтъ генерала Скобелева сблизился теперь съ фронтомъ противника на столько, что отрядъ, хотя и поддерживавшій ружейный и артиллерійскій огонь, не могъ безнаказанно оставаться на этой позиціи въ теченіи долгаго времени, потому что турки буквально обсыпали его и картечью, и пулями. Въ виду столь исключительнаго положенія и чтобы не нести напрасныя потери, генералу Скобелеву было надобно рѣшиться на одно изъ двухъ: либо отступить съ позиціи весьма выгодной для продолженія дальнѣйшей атаки, что̀ значило бы въ сущности, отказаться отъ всѣхъ успѣховъ, достигнутыхъ усиліями предшествовавшихъ дней, а послѣ того въ три часа по полудни, согласно диспозиціи, начинать все дѣло съизнова; либо же, вопреки диспозиціи, не дожидаться урочнаго времени, но атаковать немедленно. Генералъ Скобелевъ рѣшился на послѣднее. Такимъ образомъ

*) Впрочемъ, формальный приказъ объ этомъ состоялся только 13-го сентября 1877 г. за № 157.

активный бой на Зеленыхъ высотахъ загорѣлся уже въ одиннадцать часовъ утра, а къ тремъ часамъ дня перешелъ въ общую атаку. Первая линія у генерала Скобелева была составлена изъ ротныхъ колоннъ, усиленныхъ густыми цѣпями. Здѣсь находились пѣхотные полки Владимірскій, Суздальскій и стрѣлковые батальоны 9-й и 10-й; за этими частями слѣдовалъ Либавскій пѣхотный полкъ и наконецъ резервы, въ составъ которыхъ вошли 11-й и 12-й стрѣлковые батальоны. Полевыя батареи все время слѣдовали на ряду съ пѣхотными частями, и смѣло подъѣзжая къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ на ближайшія дистанціи, осыпали противника картечными гранатами. Генералъ Скобелевъ лично велъ наступленіе своего отряда и все время находился впереди, вмѣстѣ съ цѣпью, на своей бѣлой лошади. Надо замѣтить, что этотъ генералъ иначе не выѣзжаетъ въ сраженіе, какъ только на бѣлой лошади и самъ весь одѣтый въ бѣлое: бѣлый китель и бѣлая фуражка. Въ эту кампанію подъ нимъ убито уже пять лошадей, но самъ онъ, какъ бы играя опасностію и вызывая ее на себя, ко всеобщему удивленію остается до сихъ поръ цѣлъ и невредимъ, такъ что между солдатами пріобрѣлъ себѣ даже легендарную репутацію: солдаты убѣждены, что онъ «заколдованъ», «заговоренъ отъ пули» и смотрятъ на него, какъ на существо сверхъестественное, а офицеры, видя его постоянно впереди, пренебрегающаго всѣми опасностями и въ то же время ласковаго, спокойнаго, простаго въ обхожденіи со всѣми, питаютъ къ нему безграничную любовь и довѣріе. Даже сами турки уже знаютъ Скобелева и, по разсказамъ плѣнныхъ, называютъ его «Акъ-пашою» (бѣлымъ генераломъ). «Это тотъ Акъ-паша, что всегда впереди русскихъ», говорили они, отвѣчая на вопросъ, извѣстенъ ли имъ Скобелевъ: «да, мы знаемъ его, и когда мы видимъ его впереди, тогда нашимъ худо приходится, тогда мы грязи наѣдаемся (т. е. несемъ срамъ пораженія)», и прибавляли съ фаталистическимъ вздохомъ: «Иншаллахъ... Иншаллахъ!» (т. е. божья воля, или такъ Богу угодно).

Послѣ четырехъ часовъ по полудни дождь пересталъ на нѣкоторое время и туманъ мало по малу началъ разсѣяваться. Вмѣстѣ съ этимъ явилась возможность наблюдать поле сраженія. И въ центрѣ, около Радишевскаго редута, и на лѣ-

вомъ флангѣ видны были въ перспективахъ, одни за другими, ряды и линіи бѣлыхъ ружейныхъ дымовъ, надъ которыми тамъ и сямъ поднимались высокіе, плотные клубы дыма, выкатывавшагося изъ орудій, и все это при непрерывномъ трескѣ пушечныхъ выстрѣловъ, шипѣніи гранатъ и рокотѣ неумолкаемой перестрѣлки, которая сливалась въ одинъ непрерывный гулъ. Шрапнели все чаще и чаще красиво лопались въ воздушной высотѣ, на долго оставляя послѣ себя въ небѣ густое маленькое облачко. Около шести часовъ вечера вся эта широкая картина озарилась особеннымъ свѣтомъ заходящаго солнца. На западѣ, тамъ гдѣ грозно дымившіяся и рокотавшія позиціи турокъ скрывали за собою притаившійся городъ, густыя тучи, принявшія снизу свинцовый, а сверху темно-лиловый оттѣнокъ, вдругъ въ одномъ мѣстѣ разорвались и образовали длинную, узкую щель, которая вся горѣла красно-золотистымъ блескомъ, а изъ самой середины ея какъ-то зловѣще глядѣло своимъ багровымъ дискомъ большое солнце, на половину перерѣзанное тучею. Вся картина боя, поля, кусты, холмы, отдаленныя покатости и перспективы линій этихъ дымовъ на нѣкоторое время окрасились и какъ бы прониклись такимъ же багрово-золотистымъ, словно бы кровавымъ, свѣтящимся колоритомъ. На вершинѣ «Императорскаго холма» сидѣлъ Государь и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ вдаль, на битву. У подошвы холма стояла группа высшихъ представителей нашей арміи и нѣсколько лицъ Императорской свиты, а немного въ сторонѣ—группа иностранныхъ военныхъ агентовъ, позади же толпились наши и румынскіе офицеры разныхъ родовъ оружія, ординарцы, адъютанты, конвойные казаки и болгарскіе поселяне. Всѣ эти группы, отчетливо вырисовывались силуэтами своими на фонѣ озареннаго неба, и всѣ устремляли взоры на западъ, туда, гдѣ кипѣло горячее сраженіе... Сколько упованій и какое нетерпѣливое ожиданіе горѣли въ этихъ взорахъ; сколько сердецъ тревожно билось въ чаяніи близкихъ результатовъ дѣла! Только *нѣкоторые* изъ иностранныхъ агентовъ оставались безучастно, равнодушно спокойны. — «Посмотримъ, что-то изъ этого выйдетъ?» какъ бы невольно говорило выраженіе физіономій этихъ господъ, не то сдержанно-злорадныхъ, не то прилично сомнѣвающихся, но во всякомъ случаѣ, далеко намъ

не сочувствующихъ и только старающихся изъ приличія скрыть истинное свое настроеніе.

— Какъ хотѣлось бы этимъ господамъ, чтобы насъ и въ третій разъ поколотили, замѣтилъ при мнѣ одинъ изъ почтенныхъ генераловъ Императорской свиты.

— И именно *сегодня*, добавилъ къ этому замѣчанію другой собесѣдникъ.

Всѣ, безъ исключенія, нетерпѣливо, почти лихорадочно ожидали извѣстій съ пунктовъ атаки, но извѣстій — ни радостныхъ, ни печальныхъ — не приходило еще ни откуда.

Къ семи часамъ солнце скрылось, небо померкло и вновь задернулось густыми тучами, и вновь заморосилъ дождикъ— холодный, скучный, совсѣмъ осенній, и вскорѣ полная ночная темнота смѣнила короткія сумерки.

Государь уѣхалъ съ позиціи въ Радынецъ около восьми часовъ вечера. Великій же Князь, въ ожиданіи извѣстій объ исходѣ штурма, остался на ночлегъ на мѣстѣ. На холмѣ былъ разложенъ изъ соломы большой костеръ, пламя котораго, обозначая мѣсто нахожденія Главнокомандующаго, долженствовало служить маякомъ адъютантамъ и ординарцамъ, ожидаемымъ съ донесеніями. Лейбъ-казаки усердно подкладывали въ костеръ снопъ за снопомъ и въ теченіи всей ночи поддерживали большое пламя, не смотря на дождь. Его Высочество и князь Карлъ помѣстились на ночлегъ въ своихъ колྀскахъ, а свита расположилась гдѣ и какъ возможно: кто у костра, кто подъ экипажами, или въ повозкахъ, а кто и просто на мокрой землѣ, завернувшись въ гуттаперчевый плащъ или въ кавказскую бурку. Но не многимъ спалось въ эту памятную ночь: осенняя сырость и дождь пронизывали до костей; вокругъ ни зги не видно, а тутъ еще томительная неизвѣстность объ исходѣ штурма... Для огражденія бивуачнаго мѣста главной квартиры отъ возможнаго ночнаго нападенія, сюда былъ призванъ одинъ батальонъ Староингерманландскаго пѣхотнаго полка, который и окружилъ всю эту мѣстность цѣпью аванпостовъ.

Было уже за полночь, когда наконецъ къ Великому Князю Главнокомандующему привезли извѣстіе о положеніи дѣлъ на лѣвомъ флангѣ, у генерала Скобелева. Оказалось, что отрядъ

его къ шести часамъ вечера взялъ послѣдовательно одинъ за другимъ два турецкіе редута, причемъ Скобелевъ каждый разъ самъ водилъ въ атаку свои штурмовыя колонны, какъ на парадъ, съ музыкою и развернутыми знаменами, и первымъ вскочилъ верхомъ на брустверъ одного изъ редутовъ. Турки нѣсколько разъ пытались выбить насъ изъ этихъ укрѣпленій, но наши войска отбрасывали ихъ каждый разъ съ большимъ урономъ. Къ ночи въ одинъ изъ этихъ редутовъ было втащено три нашихъ орудія; въ каждый редутъ генералъ Скобелевъ назначилъ особыхъ комендантовъ изъ штабъ-офицеровъ тѣхъ частей, которыя брали эти укрѣпленія. Потери, понесенныя отрядомъ Скобелева при штурмѣ, простирались до 1,500 человѣкъ выбывшими изъ строя, причемъ палъ начальникъ 3-й стрѣлковой бригады, храбрый генералъ-маіоръ Добровольскій *). Впрочемъ, точная цифра потерь въ то время еще не могла быть извѣстна.

Тотчасъ же по полученіи извѣстія о взятіи двухъ редутовъ, Великій Князь, при слабомъ свѣтѣ фонаря, карандашемъ написалъ записку объ этомъ благопріятномъ для нашего оружія событіи, и призвавъ флигель-адъютанта полковника князя Чингисъ-Хана, отправилъ его съ нею въ Радынецъ, къ Государю Императору.

Всю ночь послѣ этого извѣстія слышна была на лѣвомъ флангѣ почти безпрерывная и сильная перестрѣлка, и всю ночь орудія съ нашихъ батарей посылали рѣдкіе выстрѣлы по линіи турецкихъ укрѣпленій.

---

*) Замѣчательно, что у Добровольскаго—какъ говорятъ—было положительное предчувствіе своей смерти. За два или за три дня до нея, въ канцеляріи штаба дѣйствующей арміи былъ полученъ пакетъ съ духовнымъ завѣщаніемъ генерала Добровольскаго, а наканунѣ сраженія, смотря на пару своихъ лошадей и экипажъ, онъ—какъ передаютъ—выразился будто бы такъ: «Слава Богу, успѣлъ обзавестись добрыми конями и экипажемъ надежнымъ; по крайней мѣрѣ, послѣ завтрашняго дня они хотя тѣло мое перевезутъ въ Россію». Когда восемь стрѣлковъ, составлявшихъ личное прикрытіе генерала и исполнявшихъ между прочимъ, вмѣсто ординарцевъ, разныя его приказанія, выносили изъ боя своего умирающаго начальника, генералъ, обратясь къ случившемуся здѣсь художнику Сергѣю Верещагину, просилъ его передать чрезъ Скобелева Великому Князю свою предсмертную просьбу, чтобы эти восемь молодцовъ стрѣлковъ были награждены знаками отличія военнаго ордена. Просьба Добровольскаго была исполнена Его Высочествомъ.

Когда отрядъ генерала Скобелева управился наконецъ съ редутами, то наступила уже такая темнота, что войска, занявшія эти укрѣпленія, потеряли возможность дать себѣ точный отчетъ о положеніи взятыхъ редутовъ относительно тѣхъ верковъ, которые оставались еще въ рукахъ противника. Не смотря на это, всю ночь кипѣла здѣсь безпрерывная перестрѣлка, въ которой мы отвѣчали туркамъ по направленію вспышекъ ихъ выстрѣловъ, и всю ночь истомленные люди приспособляли себѣ закрытія, роя землю, за неимѣніемъ шанцеваго инструмента, крышками отъ котелковъ, штыками, тесаками и даже просто руками.

На разсвѣтѣ 31-го числа положеніе Скобелевцевъ выяснилось. Оба редута были открыты съ горжи и соединены между собою длинною траншеею, которая прокопана по самому гребню высоты. Положеніе защитниковъ этихъ укрѣпленій явилось тѣмъ затруднительнѣе, что оба редута внутри, а равно и траншея на всемъ ея протяженіи отлично обстрѣливались картечными гранатами съ Кришинскаго редута, еще не взятаго нами. Но затрудненія не ограничились только этимъ. Свѣтъ утренней зари показалъ намъ, что мы находимся не далѣе какъ въ полутораста саженяхъ отъ городскихъ садовъ и предмѣстья Плевны; эти сады были сильно заняты теперь стрѣлками противника, который по флангамъ ихъ выставилъ полевыя батареи.

LVII

Третья Плевна

День шестой, 31-го августа.

Первая атака турокъ противъ Скобелева.—Просьба его о подкрѣпленіяхъ.— Первый отказъ. — Генералъ Крыловъ, на свой страхъ, отправляетъ къ нему Шуйскій полкъ. — Совѣщаніе на Императорскомъ холмѣ и предложеніе генерала Зотова атаковать Кришинскій редутъ.—Вторичный отказъ Скобелеву въ подкрѣпленіяхъ и данная ему программа дѣйствій на нынѣшній день. — Вторая и третья атаки турокъ противъ Скобелева. — Замѣчательный случай съ капитаномъ Куропаткинымъ. — Отсутствіе резервовъ и сборныя команды. — Четвертая атака турокъ.—Недоброе затишье. — Ужасное положеніе двухъ редутовъ, взятыхъ Скобелевымъ. — Скобелевъ въ редутахъ. — Приготовленія ко встрѣчѣ новой атаки. — Вѣра въ нашъ успѣхъ утрачена. — Пятая атака турокъ. — Приказаніе отступать изъ редутовъ. — Геройская защита подполковника Мосцеваго и доблестная смерть маіора Горталова.—Скобелевъ съ Шуйскимъ полкомъ лично прикрываетъ отступленіе остатковъ своего отряда.—Его потери и общая убыль соединеннаго Западнаго отряда за дни третьей Плевны. — Отзывъ иностранныхъ свидѣтелей объ отступленіи Скобелева. — Прочія дѣйствія 31-го числа.—Государь Императоръ на позиціи.—Представленіе Великому Князю Главнокомандующему знамени, взятаго румынами.

На позиціи передъ Плевной, 3-го сентября.

Съ разсвѣтомъ 31-го августа вновь началось дѣло по всей линіи канонадою и ружейнымъ огнемъ, который однако вскорѣ смолкъ, будучи направленъ со стороны турокъ по Гривицкому редуту. На нашъ артиллерійскій огонь непріятель отвѣчалъ очень рѣдкими выстрѣлами, сосредоточивъ всѣ свои усилія противъ Скобелевскаго отряда. Расположеніе частей послѣдняго во взятыхъ имъ редутахъ существенно угрожало и укрѣпленному турецкому лагерю, и пути отступленія турокъ на софійскую дорогу, и самому городу Плевнѣ. Сильно обстрѣлявъ войска генерала Скобелева и съ фронта, и съ фланговъ, турки двинулись фронтальною атакой на защитниковъ отбитыхъ у нихъ редутовъ, а въ тылъ имъ выслали около трехъ тысячъ кавалеріи. Въ то самое время, какъ владимірцы и суздальцы отразили атаку пѣхоты, другіе ихъ отрядные сотоварищи нанесли стрѣлковымъ огнемъ значительный вредъ кавалеріи. Послѣ этой удачи, генералъ Скобелевъ, конечно, могъ бы немедленно перейдти въ наступленіе и, быть можетъ, имѣть успѣхъ, но силы его отряда, ослабленныя боями предшествовавшихъ дней, къ сожа-

лѣнію, оказались слишкомъ малочисленными для такого рѣшительнаго предпріятія. Въ ожиданіи подкрѣпленій, о которыхъ посылалъ просить генералъ Скобелевъ, ему оставалось только во что бы то ни стало удерживать за собою выигранную позицію *).

Но, въ сущности, это было совершенно напрасное ожиданіе, такъ какъ еще довольно раннимъ утромъ князь Имеретинскій прислалъ Скобелеву копію со слѣдующей депеши генерала Зотова:

«По приказанію Главнокомандующаго, предписываю вамъ (т. е. князю Имеретинскому) и генералу Скобелеву укрѣпиться и держаться на нынѣ занимаемыхъ позиціяхъ, впредь до особаго приказанія; подкрѣпленій не ждите: ихъ у меня нѣтъ. Ожидаю точныхъ свѣдѣній о потеряхъ 30-го августа. Генералъ-лейтенантъ Зотовъ».

Но не задолго до полученія этой записки, Скобелевъ уже отправилъ особаго ординарца къ командующему 4-мъ корпусомъ генералу Крылову, съ просьбою о присылкѣ хоть какой нибудь подмоги.

Генералъ Крыловъ, выѣхавъ утромъ къ малой осадной батареѣ, встрѣтилъ скакавшаго во весь духъ поручика 11-го стрѣлковаго батальона Карамышева (бывшаго житомірскаго предводителя дворянства), который передалъ ему отъ имени Скобелева, что удержаться въ редутахъ безъ немедленной помощи нѣтъ силъ, а при отступленіи нѣтъ возможности сохранить отрядъ въ виду массы непріятельскихъ войскъ и занятія ими лѣса къ западу отъ редутовъ и Кришина. Тогда генералъ Крыловъ поѣхалъ къ Шуйскому полку, поставилъ его въ ружье и приказалъ двигаться по Радишевской лощинѣ къ

---

*) Въ рапортѣ генералъ-лейтенанту Зотову генералъ Скобелевъ пишетъ слѣдующее:

«Еще 30-го августа, вскорѣ по занятіи редутовъ, я доносилъ о невозможности развить только съ одними ввѣренными мнѣ войсками дальнѣйшій успѣхъ, а именно, занять городъ Плевно, взять непріятельскій лагерь и, такимъ образомъ, рѣшить участь сраженія, и убѣдительно просилъ о присылкѣ подкрѣпленій. Въ ночь съ 30-го на 31-е августа я объяснилъ положеніе дѣлъ адъютанту Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, полковнику Орлову, и снова просилъ подкрѣпленій не только для развитія дальнѣйшихъ успѣховъ, но чтобы имѣть возможность удержать за собою уже занятыя съ такими потерями непріятельскія позиціи».

Тученицкому оврагу и далѣе, за шоссе, въ распоряженіе генерала Скобелева. Но въ то время, какъ Шуйскій полкъ проходилъ въ Тученицкій оврагъ, поручикъ Маріупольскаго гусарскаго полка Аничковъ привезъ генералу Крылову приказаніе вернуть шуйцевъ. Приказаніе это было вынуждено силою обстоятельствъ: вся 4-хъ-фунтовая артиллерія 4-го корпуса висѣла надъ Плевной и всѣ начальствующія лица, находившіяся по сю (восточную) сторону Тученицкаго оврага, были убѣждены въ неизбѣжности атаки на эту артиллерію со стороны турокъ. Что̀ тутъ было дѣлать? Съ одной стороны неисполненіе прямаго приказанія могло повести къ потерѣ корпусной артиллеріи, быть можетъ, именно вслѣдствіе удаленія Шуйскаго полка; съ другой же стороны, сосѣдній Скобелевскій отрядъ, не будучи поддержанъ, могъ погибнуть при отступленіи изъ редутовъ. Генералъ Крыловъ рѣшился взять всю отвѣтственность на себя — и Шуйскій полкъ не былъ остановленъ. Турки же артиллерію не атаковали.

Въ то самое время, какъ Скобелевъ умолялъ о подкрѣпленіяхъ, шло совѣщаніе между Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ и генераломъ Зотовымъ, который предлагалъ—оставивъ на позиціяхъ лишь небольшія части, безусловно необходимыя для прикрытія артиллеріи, собрать все остальное вмѣстѣ съ общимъ резервомъ и бросить всю эту силу на штурмъ Кришинскаго редута, такъ какъ положеніе Скобелева въ двухъ взятыхъ имъ редутахъ, для развитія дальнѣйшихъ успѣховъ, могло быть обезпечено надежнымъ образомъ единственно лишь при томъ условіи, чтобы Кришинскій редутъ былъ вырванъ у турокъ и прочно занятъ нами. Но лица, присутствовавшія на совѣщаніи, нашли эту мѣру черезъ-чуръ рискованною, ибо если бы мы потерпѣли неудачу при штурмѣ Кришинскаго редута, то тогда всѣ силы Западнаго отряда пришлось бы считать несуществующими, до прибытія гвардіи и гренадеръ изъ Россіи. Изъ всѣхъ предлагавшихся мѣръ, остановились пока на медленномъ отступленіи къ булгаренской позиціи, съ тѣмъ чтобы держаться на линіи рѣки Осмы, до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, въ строго оборонительномъ положеніи; гвардію же и гренадеръ предполагалось держать въ стратегическомъ резервѣ около одного изъ центральныхъ пунктовъ, какъ, напримѣръ, Горній Студень и его окрестныя

селенія, для того, чтобы имѣть возможность двигать ихъ, смотря по надобности, въ любую сторону. Послѣ этого рѣшенія, въ $8^1/_2$ часовъ утра къ генералу Скобелеву была отправлена съ адъютантомъ Главнокомандующаго полковникомъ Орловымъ записка слѣдующаго содержанія:

«По приказанію Великаго Князя Главнокомандующаго, если вы не можете удержаться на занятыхъ вами позиціяхъ, то начните по возможности, отнюдь не ранѣе вечера, медленное отступленіе къ Тученицѣ, прикрываясь конницею Леонтьева. Сообщите это приказаніе Его Императорскаго Высочества князю Имеретинскому. Держите же это въ великомъ секретѣ, а въ томъ, что вы съумѣете и поймете какъ сдѣлать должно, сомнѣнія нѣтъ. Гривицкій редутъ у насъ въ рукахъ, но продолжать наступленіе не съ чѣмъ, а потому рѣшено медленное отступленіе. 31-го августа, $8^1/_2$ часовъ утра. Генералъ Зотовъ».

Эта записка была получена Скобелевымъ въ половинѣ одиннадцатаго часа утра, и хотя она совершенно разбивала его надежды на подкрѣпленіе, но онъ все еще не переставалъ гадательно разсчитывать на какой нибудь благопріятный оборотъ дѣла, тѣмъ болѣе, что по ту сторону Тученицкаго оврага, на высотѣ резервовъ его праваго фланга, видны были силы 4-го корпуса, которыя, какъ казалось ему, были еще достаточно грозны. Между тѣмъ турки ударили на него новою атакой съ удвоенными силами и снова были отброшены. За второю атакой послѣдовала третья и каждый разъ все съ бо́льшими и бо́льшими силами. Во время этой послѣдней, въ первомъ изъ занятыхъ нами редутовъ былъ взорванъ турецкою гранатою нашъ зарядный ящикъ. Огнемъ двухъ орудій, изъ числа четырехъ, управлялъ капитанъ Куропаткинъ. Взрывъ произошелъ около него, почти рядомъ.

Всѣ люди, стоявшіе у ящика, и въ томъ числѣ батарейный командиръ полковникъ Рушковскій, взлетѣли на воздухъ, при страшномъ грохотѣ и трескѣ лопавшихся снарядовъ. Капитана Куропаткина тоже подхватило вмѣстѣ съ другими — но, къ счастію, только подбросило, слегка контузило и опалило ему голову. Ни мало не смутясь этимъ ужаснымъ случаемъ, онъ едва лишь успѣлъ стать на ноги, какъ совершенно спо-

койно скомандовалъ: «первое—пли!»—и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, свое дѣло.

У Скобелева еще съ ночи почти уже не было цѣльныхъ частей, даже и въ резервѣ, а существовали только сборныя команды изъ остатковъ людей его отряда, сформированныя тутъ же, на мѣстѣ. Вслѣдъ за третьею атакой, турки повели и четвертую, противъ лѣваго фланга. Наши подпустили ихъ на разстояніе вѣрнаго ружейнаго выстрѣла (500—600 шаговъ) и встрѣтили какъ стрѣлковымъ огнемъ цѣпи, такъ и выстрѣлами хорошо маскированныхъ четырехъ орудій. Послѣ ожесточенной перестрѣлки, продолжавшейся три четверти часа, была наконецъ отбита и четвертая атака, а вслѣдъ за тѣмъ значительно стихъ и ружейный и артиллерійскій огонь противника. Но эта относительная тишина вовсе не радовала Скобелева. Онъ уже имѣлъ свѣдѣнія о неудачѣ вчерашнихъ атакъ 4-го корпуса и предвидѣлъ, что Османъ-паша соберетъ всѣ свои силы противъ его отряда, который врѣзался такимъ угрожающимъ клиномъ въ расположеніе турокъ, а этотъ клинъ между тѣмъ былъ одинаково неудобенъ какъ для Османа, такъ и для самого Скобелева; да для послѣдняго, пожалуй, еще больше, если взять во вниманіе полное отсутствіе подкрѣпленій. Чтобы лично убѣдиться въ средоточеніи непріятельскихъ войскъ, генералъ Скобелевъ, въ половинѣ четвертаго часа дня, самъ отправился въ редуты, которые въ это время представляли уже страшную картину. Массы труповъ нашихъ и турецкихъ лежали грудами; особенно же была переполнена ими внутренность редутовъ. Въ глубокой траншеѣ, связующей эти укрѣпленія, продольные непріятельскіе выстрѣлы производили страшное опустошеніе, поражая съ разу десятки людей. Защитники траншеи стояли одиночками среди грудъ убитыхъ и умирающихъ.

На редутѣ, ближайшемъ къ Плевнѣ, часть бруствера, обращеннаго къ городу, была вся сложена изъ труповъ, а на другомъ редутѣ три наши орудія *) были совершенно исковерканы, прислуга же и лошади всѣ перебиты. Стоявшее рядомъ турецкое орудіе, взятое нами въ этомъ же редутѣ, оказалось тоже подбитымъ. Скобелевъ приказалъ вынуть изъ него

---

*) 5-й батареи 3-й артиллерійской бригады.

кольца, на случай, если оно попадется въ руки турокъ. Именемъ Главнокомандующаго онъ горячо поблагодарилъ защитниковъ редутовъ—маіора Горталова, подполковника Мосцеваго и людей за ихъ геройскую стойкость. Изъ праваго редута можно было видѣть даже простымъ глазомъ, какъ со всѣхъ линій собираются турецкія войска въ лагерь, расположенный между городомъ и восточными укрѣпленіями. Тамъ они строились въ большія массы.

Хотя еще въ половинѣ третьяго часа дня Скобелевъ получилъ извѣстіе о прибытіи къ нему Шуйскаго полка, но онъ не рѣшился ввести его въ дѣло, потому что шуйцы составили теперь единственный резервъ его отряда,—остальные резервы всѣ уже были израсходованы, да и это послѣднее подкрѣпленіе, въ сущности, не могло считаться достаточнымъ, такъ какъ весь Шуйскій полкъ состоялъ изъ 1,300 человѣкъ. Подкрѣпивъ редуты нѣсколькими сотнями людей, съ трудомъ собранныхъ чуть не по одиночкѣ изъ остатковъ разныхъ полковъ, благодаря неутомимой энергіи Куропаткина, — Скобелевъ спокойно сталъ ожидать начала пятой атаки, но уже не вѣря въ возможность отбить ее.

И вотъ, уже въ исходѣ пятаго часа дня, противъ него показались новыя массы турокъ. Впереди ихъ развернулось большое зеленое знамя, долженствовавшее замѣнять собою «священное знамя пророка», и громко раздалось религіозное пѣніе стиховъ: «Алла Аллага иль Алла!» А когда раздается такое пѣніе и развертывается зеленое знамя—это, по историческому опыту всѣхъ армій, воевавшихъ съ мусульманами, значитъ, что мусульмане дѣлаютъ послѣднюю, но самую отчаянную и фанатическую попытку, послѣ которой, въ случаѣ неудачи, наступаетъ у нихъ уже полная паника и деморализація. Вмѣстѣ съ большимъ зеленымъ знаменемъ надъ колоннами атакующихъ таборовъ развернулись и всѣ остальныя, меньшія знамена; грянула военная музыка; религіозный гимнъ былъ подхваченъ всѣмъ фронтомъ турокъ, и подъ его звуки они въ пятый разъ обрушились стремительно на отрядъ Скобелева, ежеминутно между тѣмъ слабѣвшій въ числѣ отъ множества убитыхъ и раненыхъ... Есть невозможное и для героевъ! *Цѣлые тридцать часовъ* одрядъ Скобелева не выходилъ изъ непрерывнаго боя; по овладѣніи же редутами, цѣлыя сутки дер-

жался въ нихъ, въ надеждѣ, что авось-либо пришлютъ подкрѣпленіе, авось-либо не пропадутъ задаромъ всѣ эти нечеловѣческія усилія и самопожертвованіе, которыя проложатъ путь остальнымъ войскамъ къ полной побѣдѣ, — не запоздавшей еще и теперь. Таково было общее убѣжденіе въ редутахъ. Не говоря уже о предшествовавшихъ дняхъ, этотъ отрядъ, ослабленный значительными потерями, измученный перенесенными трудами и лишеніями, голодный и измокшій подъ холоднымъ дождемъ, всю ночь напролетъ поддерживалъ оживленную перестрѣлку съ непріятелемъ, въ ежеминутномъ напряженномъ ожиданіи ночнаго нападенія, и наконецъ сегодня эти пять ужасныхъ, отчаянныхъ атакъ, одна вслѣдъ за другою, почти безъ промежутка, безъ малѣйшей передышки, подъ массою самаго адскаго огня, подъ непрерывнымъ градомъ пуль, отъ которыхъ цѣлыми десятками ежеминутно валились повсюду наши люди,—было наконецъ отчего и сломиться предъ столь неистовымъ и настойчивымъ напоромъ! Для отраженія послѣдней атаки уже не хватило силъ. Видя, что люди отдѣльными кучками все болѣе и болѣе начинаютъ уходить изъ лѣваго редута (Абдулъ-бей-табіе) и убѣдясь въ окончательной невозможности удержаться съ этими горстями противъ столькихъ массъ непріятеля, наступавшаго густыми колоннами въ нѣсколько линій, Скобелевъ послалъ въ оба редута приказаніе отступать и для прикрытія этого отступленія самъ лично повелъ впередъ батарею и Шуйскій полкъ, который и былъ развернутъ имъ въ боевую линію подъ жестокимъ перекрестнымъ огнемъ съ фронта и съ лѣваго фланга *). Суздальскаго полка подполковникъ Мосцевой, котораго Скобелевъ назначилъ комендантомъ праваго редута (Реджи-бей-табіе), отбилъ всѣ пять атакъ, направленныхъ на его укрѣпленіе и, окруженный турками, продолжалъ еще держаться въ немъ и тогда, когда мы вынуждены были уже отступить по всей линіи. Самъ генералъ Скобелевъ, какъ говорятъ, долженъ былъ наконецъ лично подъѣхать на ближайшее разстояніе къ этому

*) Въ шестомъ часу генераломъ Крыловымъ была получена слѣдующая записка:

«Изъ редутовъ выбитъ, но отступаю въ порядкѣ, прикрываясь Вашимъ Шуйскимъ полкомъ. Merci Général!»

«Скобелевъ».

редуту и показать его защитникамъ знаками, а также и крикнуть при этомъ во весь голосъ приказаніе очистить редутъ, и только послѣ этого подполковникъ Мосцевой вышелъ оттуда съ горстью своихъ сподвижниковъ, проложивъ себѣ обратный путь штыками. Но не менѣе замѣчателенъ и еще одинъ подвигъ, совершенный Владимірскаго полка маіоромъ Горталовымъ, который былъ назначенъ комендантомъ лѣваго редута (Абдулъ-бей-табіе). При назначеніи на этотъ постъ, Горталовъ далъ генералу Скобелеву слово, что пока живъ—онъ не сдастъ противнику ввѣренное ему укрѣпленіе. И дѣйствительно, при послѣдней атакѣ, по полученіи приказанія отступить, Горталовъ пропустилъ мимо себя всю сборную часть, защищавшую редутъ, поручилъ ее штабсъ-капитану Абадзіеву, послалъ вслѣдъ уходящимъ людямъ свое благословеніе, перекрестился самъ и спокойно взошелъ на брустверъ, фронтъ котораго былъ обращенъ къ атакующему непріятелю. Этотъ человѣкъ остался теперь среди мертвыхъ и умирающихъ единственнымъ защитникомъ ввѣреннаго ему поста,—онъ твердо держалъ данное слово. Безъ шапки, скрестивъ на груди руки, изъ которыхъ въ правой была опущенная сабля, сталъ онъ твердою ногою на наружномъ краѣ бруствера и ожидалъ турокъ, или смерти, что̀ въ данномъ случаѣ было одно и то же. Не прошло и минуты, какъ онъ былъ поднятъ на штыки непріятельскими солдатами и разорванъ ими на части. Слово было сдержано. Георгіевскій крестъ, присланный ему въ награду за подвиги, совершенные еще въ предшествовавшіе дни и наканунѣ, не засталъ уже въ живыхъ Горталова. Но это имя, безъ сомнѣнія, будетъ на вѣки записано въ исторіи Владимірскаго полка, да не должно быть забыто и вообще въ нашей военной исторіи.

Въ шестомъ часу дня оба редута были уже во власти турокъ, причемъ въ правомъ редутѣ оставлены въ ихъ рукахъ три наши орудія, сильно подбитыя и одно турецкое, взятое нами 30-го августа. Изъ всѣхъ этихъ орудій кольца были вынуты и унесены съ собою отступившими людьми.

Потери въ отрядѣ генерала Скобелева сами по себѣ уже служатъ наилучшимъ свидѣтельствомъ его беззавѣтной храбрости и самоотверженія. Почти всѣ командиры отдѣльныхъ частей этого отряда выбыли изъ строя. Такъ, командиръ 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Тебякинъ

убитъ; командиръ Суздальскаго полка, полковникъ Долотовъ раненъ, а замѣнившій его штабъ-офицеръ убитъ; командиръ 9-го стрѣлковаго батальона, полковникъ Салингре — убитъ; командиръ Либавскаго полка, полковникъ Коль — тяжело раненъ; командиръ Ревельскаго полка, полковникъ Писанко — тяжело раненъ; контужены: командиръ Калужскаго полка полковникъ Эльжановскій, командиръ Эстляндскаго полка полковникъ Головинъ, командиръ 10-го стрѣлковаго батальона полковникъ Бородинъ и командиръ 12-го стрѣлковаго батальона полковникъ Курсель. По одной уже этой убыли можно приблизительно судить, какова была потеря отряда офицерами и нижними чинами.

Когда, по окончаніи дѣла, были пересчитаны люди, то вотъ что̀ осталось изъ 22-хъ почти комплектныхъ батальоновъ:

Въ Калужскомъ полку . . .	11 офиц.	1,066	ниж. чин.
» Либавскомъ » . . .	14 »	1,201	» »
» Ревельскомъ » . . .	7 »	1,015	» »
» Эстляндскомъ » . . .	11 »	827	» »
» Суздальскомъ » . . .	18 »	906	» »
» Шуйскомъ » . . .	25 »	1,149	» »
Во всей 3-й стрѣлковой бригадѣ	30 »	1,028	» »
Итого . .	96 офиц.	7,192	ниж. чин. *)

Стало быть, около 8,000 человѣкъ выбыло изъ строя у одного только Скобелева, а при этомъ въ разсчетъ не введенъ, за неимѣніемъ цифръ, еще Владимірскій пѣхотный полкъ, съ которымъ боевыя силы пѣхоты Скобелевскаго отряда равнялись 25-ти батальонамъ.

Общая цифра потерь Западнаго отряда въ точности не све-

*) Цифры эти, впрочемъ, не выражаютъ собою дѣйствительной потери, такъ какъ онѣ были сведены въ то время, когда не успѣли еще возвратиться въ строй люди легко раненые и контуженные, которые во время дѣла были отправляемы на перевязочные пункты лишь для небольшой перевязки и кратковременнаго отдыха. Равнымъ образомъ, въ этотъ счетъ не вошли и усталые солдаты, выбывшіе изъ строя также для отдыха на короткое время. Мы приводимъ эти цифры только для того, чтобы наглядно показать, въ какомъ наличномъ числѣ людей были нѣкоторыя части отряда въ моментъ отступленія, и можно ли ему было при этомъ держаться долѣе.

дена; приблизительно же полагаютъ, что она выражается слѣдующими данными: убитыхъ офицеровъ около 60, нижнихъ чиновъ свыше 3,000; что же касается раненыхъ, то по свѣдѣніямъ, полученнымъ къ вечеру 2-го сентября, черезъ дивизьонные лазареты ихъ прошло слѣдующее количество:

Черезъ лазаретъ	2-й пѣх. див. . .	63 офиц.	2,878 ниж. чин.
» »	5-й » » . .	31 »	811 » »
» »	16-й » » . .	61 »	2,979 » »
» »	30-й » » . .	56 »	1,614 » »
» »	31-й » » . .	27 »	1,200 » »
	Итого . . .	238 »	9,482 » »

У Румынъ потеря, приблизительно, до 60 офицеровъ и болѣе 3,000 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Полагаютъ, что общая цифра нашей и румынской убыли, можетъ простираться отъ 16-ти до 19-ти тысячъ.

Посторонніе и не русскіе свидѣтели отступленія Скобелевскаго отряда говорятъ, что хотя имъ и неоднократно доводилось на своемъ вѣку присутствовать при разныхъ битвахъ и видѣть многія отступленія, но что до сихъ поръ они не видали ничего подобнаго: въ столь блистательномъ порядкѣ и съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ было оно совершено подъ самымъ убійственнымъ огнемъ, какимъ провожали насъ турки. Отрядъ отошелъ отъ покинутыхъ редутовъ лишь на ружейный выстрѣлъ и, окопавшись на второмъ гребнѣ Зеленыхъ горъ, оставался здѣсь до вечера 1-го сентября, когда, по распоряженію высшаго начальства, велѣно было перевести его на разстояніе дальняго пушечнаго выстрѣла, къ Боготу.

Артиллерійскій огонь нашихъ боевыхъ линій поддерживался противъ турецкихъ позицій въ теченіи всего дня 31-го августа. Результатомъ его были два взрыва внутри непріятельскихъ укрѣпленій и пожаръ въ самомъ городѣ, гдѣ густой дымъ замѣтенъ былъ въ теченіи двухъ-трехъ часовъ времени. Подъ вечеръ, со стороны турокъ была сдѣлана небольшая попытка противъ нашего праваго фланга, гдѣ стояли румыны. Непріятель хотѣлъ было, по видимому, атаковать и Гривицкій редутъ, но все дѣло окончилось лишь одною ружейною перестрѣлкою.

Государь Императоръ и въ этотъ день изволилъ посѣтить плевненскую позицію и около четырехъ часовъ дня выѣзжалъ впередъ, для наблюденія за ходомъ дѣла на лѣвомъ флангѣ, въ отрядѣ генерала Скобелева. Съ того пункта, гдѣ стоялъ Государь Императоръ, ясно были видны двѣ линіи ружейныхъ дымовъ, изъ которыхъ лѣвая (наша) упорно оставалась на мѣстѣ, а правая (турецкая), волнуясь зигзагами, то подвигалась впередъ, то вытягивалась на нѣкоторое время на мѣстѣ, то неправильно подавалась назадъ и вновь подвигалась все ближе и ближе къ дымамъ лѣвой линіи.

Подъ вечеръ Великому Князю Главнокомандующему, въ присутствіи князя Карла, было представлено турецкое знамя, взятое вчера въ Гривицкомъ редутѣ румынскимъ егеремъ Грегоромъ Іованомъ. Представилъ этотъ трофей самъ Іованъ, вмѣстѣ съ двумя помогавшими ему сослуживцами. Великій Князь приказалъ повергнуть взятое знамя къ ногамъ князя Карла, причемъ наши конвойные казаки и роты старо-Ингерманландскаго батальона прокричали троекратное «ура». Князь Карлъ, въ отвѣтъ на эту любезность, замѣтилъ, что «таковая почесть должна быть воздана не ему, а самому Великому Князю, какъ Главнокомандующему соединенными арміями, и прибавилъ, что если онъ не предупредилъ подобнымъ дѣйствіемъ Великаго Князя, то единственно потому, что это еще первое знамя, которое беретъ у непріятеля молодая румынская армія, а поэтому понятно, что ей не былъ еще знакомъ военный обычай, какъ поступать въ такихъ случаяхъ съ непріятельскими трофеями». Отказываясь отъ почести и замѣтивъ еще разъ, что она по всѣмъ правамъ принадлежитъ князю Карлу, Главнокомандующій выразилъ полную увѣренность, что это первое знамя далеко не будетъ послѣднимъ въ числѣ трофеевъ румынской арміи. Румынскіе солдаты, взявшіе знамя, были тутъ же награждены знаками отличія военнаго ордена.

LVIII

Третья Плевна

День седьмой, 1-го сентября.

Турки отвѣчаютъ только Скобелеву. — Пріѣздъ главныхъ квартиръ на позицію. — Военный совѣтъ на Императорскомъ холмѣ. — Мнѣнія генерала Зотова, военнаго министра и генерала Левицкаго. — Рѣшеніе военнаго совѣта и продолженіе совѣщанія по отъѣздѣ Государя Императора. — Опять Донъ-Карлосъ. — Разборъ причинъ нашей новой неудачи.

Булгаренская позиція, 4-го сентября.

1-го сентября турки поддерживали ружейный огонь только противъ отряда генерала Скобелева, на всѣхъ же остальныхъ пунктахъ ни единымъ выстрѣломъ не отвѣчали на нашу канонаду, которая началась, по обыкновенію, въ шестомъ часу утра, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ. Великій Князь Главнокомандующій въ этотъ день выѣхалъ изъ Порадима въ десять часовъ утра и прибылъ на позицію въ началѣ двѣнадцатаго. Не много спустя, пріѣхалъ сюда же и Государь Императоръ. Къ половинѣ третьяго часа наша канонада, весьма впрочемъ не частая, совершенно прекратилась. Въ это время Его Величеству угодно было собрать здѣсь же, на одномъ изъ небольшихъ кургановъ «Императорскаго холма», военный совѣтъ изъ немногихъ высшихъ представителей нашей арміи, расположившихся на складныхъ табуретахъ кружкомъ около Государя. По лѣвую руку Его Величества сидѣлъ Великій Князь Главнокомандующій, а по правую военный министръ Д. А. Милютинъ; подлѣ Главнокомандующаго генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, потомъ генералъ Зотовъ, князь Масальскій и генералъ Левицкій. Государь Императоръ выразилъ желаніе услышать мнѣніе членовъ совѣта о томъ, какъ теперь поступить вообще, въ виду новой постигшей насъ неудачи, и какой образъ дѣйствій относительно Плевны предполагается за наилучшій?

Великій Князь казался погруженнымъ въ глубокую задумчивость; начальникъ штаба арміи, какъ бы удрученный бременемъ своихъ заботъ, столь разностороннихъ и тяжелыхъ, сидѣлъ понуро, вперивъ сосредоточенный взоръ въ землю, видимо отдавшись весь какой-то глубокой думѣ. Государь об-

ведя весь кружокъ вопросительнымъ взглядомъ, остановилъ взоръ на начальникѣ штаба Западнаго отряда. Тогда генералъ Зотовъ, основываясь на рѣшеніяхъ вчерашняго совѣщанія, изъяснилъ мнѣніе за постепенное, медленное отступленіе къ тѣмъ самымъ позиціямъ, какія занималъ Западный отрядъ до 26-го августа. Князь Масальскій подалъ голосъ въ пользу той же мысли, но генералъ-адъютантъ Милютинъ заявилъ свое несогласіе съ этимъ мнѣніемъ и въ обстоятельной, горячо и съ убѣжденіемъ сказанной рѣчи развилъ ту мысль, что отступать теперь, послѣ новаго пораженія, отнюдь не слѣдуетъ ни одной пяди, что отступленіе невозможно ни въ политическомъ смыслѣ, по нашимъ отношеніямъ къ нѣкоторымъ изъ европейскихъ державъ, ни въ смыслѣ нравственномъ, по отношенію къ противнику, къ своей собственной арміи и, наконецъ, къ Россіи; что намъ теперь не отступать, а напротивъ, надо еще тѣснѣе сплотиться вокругъ Плевны, притянуть къ ней изъ Россіи возможно бо̀льшія силы, взять сюда же гвардію и гренадеръ и стянуть вокругъ Османа, такъ сказать, желѣзное кольцо, пресѣчь ему пути сообщенія съ Виддиномъ и Софіей и, такъ или иначе, посредствомъ блокады или осады, вынудить его наконецъ къ безусловной сдачѣ; что это нашъ долгъ, котораго требуетъ отъ насъ не только честь арміи, но и честь государства.

Генералъ Левицкій присоединился къ мнѣнію военнаго министра и сталъ развивать детали этого плана. Тогда Государю Императору угодно было признать правильнымъ взглядъ генералъ-адъютанта Милютина и такимъ образомъ было рѣшено обложеніе Плевны, вмѣстѣ съ правильною осадою оной, причемъ предположено немедленно же вызвать изъ Петербурга генералъ-адъютанта Тотлебена, какъ авторитетнаго и опытнаго спеціалиста по части инженернаго искусства, и вручить ему главное завѣдываніе всѣми вообще операціями противъ Плевны. Въ четвертомъ часу Его Императорское Величество изволилъ вмѣстѣ съ военнымъ министромъ оставить позицію, на которой послѣ этого въ теченіе двухъ часовъ оставался еще Великій Князь Главнокомандующій и, сидя на холмѣ, продолжалъ совѣщаніе съ четырьмя остальными участниками военнаго совѣта. Между прочимъ, было рѣшено — пока, до прибытія гвардіи и гренадеръ, сосредо-

точить за Видомъ сильный корпусъ кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Крылова, для партизанскихъ дѣйствій на путяхъ сообщенія арміи Османа.

Въ это же время прибылъ на позицію Донъ-Карлосъ съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ. Оба они присутствовали здѣсь какъ совершенно частные люди, безъ всякаго оружія, въ коломянковыхъ бѣлыхъ фуражкахъ и такихъ же пиджакахъ партикулярнаго покроя. Нѣкоторые изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ и корреспондентовъ также оставались еще на позиціи, откуда уѣхали одновременно съ Великимъ Княземъ.

Къ вечеру батареи наши возобновили медленный огонь, точно также оставшійся безъ отвѣта; за то въ ночь съ 1-го на 2-е сентября турки безъ всякой причины опять открыли на нѣкоторое время довольно частую ружейную пальбу, не причинившую намъ никакой потери.

И такъ, *третья Плевна* покончилась; остается разобрать причины нашей новой неудачи. Мнѣнія, которыя по этому поводу высказываются теперь свѣдущими людьми и относительно которыхъ я, какъ и прежде, останусь только простымъ излагателемъ, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ *):

1) Недостаточность силъ для атаки. По свѣдѣніямъ генерала Зотова, у Османа паши къ 26-му августа было около 80,000 арміи «сильно фанатизированной и отлично вооруженной» **); мы же для атаки могли выставить, вмѣстѣ съ резервами, только 64 батальона, т. е. около 57,000 штыковъ, если принимать каждый батальонъ въ его полномъ боевомъ составѣ, чего, какъ извѣстно, въ дѣйствительности почти никогда не бываетъ. Такъ точно и на этотъ разъ, по строевымъ рапортамъ, полученнымъ генераломъ Зотовымъ предъ 26-мъ августа, во всей русской пѣхотѣ Западнаго отряда оказалось на лицо только съ небольшимъ 42,000 штыковъ. На румынъ въ этомъ случаѣ не разсчитывалось, потому что они никогда еще, какъ говорится, «не нюхали пороха», не были «обстрѣляны», и вопросъ о томъ, какъ они будутъ драться и на сколько можно положиться на ихъ активную силу и способ-

---

*) Все послѣдующее окончаніе этого письма писано позднѣе 15-го сентября, а именно уже въ ноябрѣ 1877 года.

**) Реляція генералъ-лейтенанта Зотова о Плевненскомъ боѣ съ 26-го по 31-е августа включительно.

ность къ атакѣ—являлся, до начала дѣла, крайне сомнительнымъ, ради чего на лѣвый флангъ румынской арміи была откомандирована даже цѣлая бригада нашей 5-й пѣхотной дивизіи, на тотъ возможный случай, что если бы турки вздумали броситься на румынъ и послѣдніе не выдержали бы натиска, то наша бригада была бы поставлена въ возможность предупредить катастрофу до прибытія резерва, а также и для того, чтобы во время атаки Гривицкаго редута, коей честь была предоставлена румынамъ, поддержать ихъ въ случаѣ неудачи. Вообще же, такъ какъ главный ударъ Осману предполагалось нанести съ юга *), а атака Гривицкаго редута считалась не болѣе, какъ второстепеннымъ, демонстративнымъ дѣйствіемъ, то значитъ, что 1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи, въ сущности, можно считать вычеркнутою изъ счета батальоновъ, предназначавшихся для дѣйствительнаго удара. Стало быть, за вычетомъ этой бригады, а также трехъ полковъ общаго резерва и одного старо-ингерманландскаго батальона, охранявшаго расположеніе главныхъ квартиръ на позиціи (всего 16 батальоновъ), для дѣйствительной атаки оставалось только 48 батальоновъ, или около 43,000 штыковъ комплектныхъ, а въ дѣйствительности, согласно строевымъ рапортамъ, около 31,200, т. е. почти въ два съ половиною раза меньше, чѣмъ у Османа. Не является ли это сполна и даже бо́льшимъ повтореніемъ главной ошибки 18-го іюля, когда мы выставили неполныя 27,000 штыковъ противъ 60,000? Выходитъ, что условія нападенія остались тѣ же, а условія обороны значительно усилились въ пользу противника, такъ какъ къ 26-му августа вокругъ Плевны, особенно же на юго-восточномъ и южномъ фронтахъ возникло уже нѣсколько сильныхъ редутовъ и траншей, которыхъ 18-го іюля еще *вовсе не существовало.*

2) Недостаточность силъ въ главномъ пунктѣ удара. Если

*) Въ реляціи генералъ-лейтенанта Зотова говорится, что «со стороны Ловчи предполагалось нанесеніе рѣшительнаго удара», и далѣе, что «пунктами атаки были избраны: сѣверное укрѣпленіе, иначе называемое Гривицкій редутъ, и лѣвый редутъ, выдающійся изъ системы центральныхъ укрѣпленій. Атака на этотъ редутъ производилась въ видахъ облегченія атаки на главный пунктъ, а именно: на укрѣпленія, прикрывающія Плевну со стороны ловче-плевненскаго шоссе, составляющія по своему положенію стратегическо-тактическій ключъ лагеря».

южныя укрѣпленія были признаны «стратегическо-тактическимъ ключемъ лагеря», такъ что отъ овладѣнія ими зависѣла судьба всего дѣла, то 22 батальона, изъ коихъ собственно для удара предназначалось первоначально только 13, были далеко не достаточны. Въ этомъ пунктѣ нужны были не 22, а по крайней мѣрѣ 40 батальоновъ, дабы князь Имеретинскій получилъ возможность вести одновременно атаку на два малые редута, взятые Скобелевымъ, и на Кришинскій редутъ, который собственно и составляетъ стратегическо-тактическій ключъ не одной лишь южной позиціи, а и всего укрѣпленнаго плевненскаго лагеря, ибо обладаніе Кришинскимъ редутомъ не только облегчило бы Скобелеву атаку двухъ малыхъ редутовъ, составляющихъ, собственно говоря, уже второстепенную цѣль дѣйствій на южномъ фронтѣ, но и позволило бы нашимъ войскамъ (опять же въ количествѣ не 22-хъ, а 40-ка батальоновъ) занять юго-западныя плевненскія возвышенности, которыя прикрываются Кришинскимъ редутомъ и, по господствующему своему положенію надъ всѣми остальными турецкими позиціями, собственно и составляютъ истинный стратегическо-тактическій ключъ ко всей позиціи Османа. Достаточно взглянуть на профили плевненскихъ позицій *), чтобы убѣдиться въ этомъ, а именно: принявъ за средній уровень площадь шоссе у города (0), изъ вертикальнаго сѣченія видно, что Опонецкія высоты, увѣнчанныя укрѣпленіемъ Сулейманъ-паша-табіе, возвышаются надъ среднимъ уровнемъ на 40 сажень, Буковлекскія высоты на 20, а Кришинскій редутъ (Юнусъ-бей-табіе) почти на 70 сажень; тѣ же юго-западныя возвышенности, которыя онъ прикрываетъ собою и которыя тянутся въ направленіи къ Видскому каменному мосту, тоже значительно господствуютъ какъ надъ Буковлекскими, такъ и надъ Опонецкими высотами **); стало быть,

---

*) См. приложеніе «Профили укрѣпленнаго лагеря при городѣ Плевно».

**) На инструментально снятомъ планѣ относительныя вышины высотъ выражены въ слѣдующихъ цифрахъ:

Опонецкія (Сулейманъ-паша-табіе) 139,46.

Высшій пунктъ Буковлекскихъ высотъ 122,9.

Малые редуты, взятые Скобелевымъ—правый 132,6, лѣвый 142,3.

Кришинскій редутъ 166,8.

Прикрываемыя Кришинскимъ редутомъ юго-западныя высоты 160, 156, 152 и ближайшая къ мосту высота 129.

занявъ ихъ, по овладѣніи Кришинскимъ редутомъ *), мы съ разу стали бы въ господствующее положеніе надъ всѣми позиціями Османа, которому, въ добавокъ, легко могъ бы быть отрѣзанъ и самый путь отступленія къ Софіи, такъ какъ юго-западныя высоты прилегаютъ непосредственно къ Видскому мосту; онѣ къ тому же лѣсисты на своемъ темени, такъ что и это обстоятельство было бы для насъ не безвыгодно, позволяя хорошо укрывать наши силы отъ противника; онѣ достаточно пологи на своихъ сѣверныхъ скатахъ, обращенныхъ къ долинѣ Гривицкаго ручья, и потому, на случай атаки турокъ, эти скаты, хотя отчасти и покрытые виноградниками, даютъ полную возможность къ послѣдовательной оборонѣ въ нѣсколько ярусовъ и къ полному развитію настильнаго огня, такъ что во все время атаки противникъ ни одной минуты не былъ бы укрытъ отъ нашихъ выстрѣловъ. Конечно, и съ 22-мя батальонами можно было бы взять Кришинскій редутъ, и что князь Имеретинскій имѣлъ въ виду атаку именно этого укрѣпленія, доказывается его телеграммою на имя генерала Зотова отъ 29-го августа, гдѣ сказано: «Добровольскій будетъ атаковать Кришинскій редутъ». Но такъ какъ, въ силу общей диспозиціи на 30-е августа, цѣлью дѣйствій Скобелевскаго отряда, въ составъ коего, по диспозиціи, вошла и стрѣлковая бригада Добровольскаго, поставлялось «атаковать укрѣпленный лагерь, прикрывающій городъ Плевно со стороны ловчинскаго шоссе», а князю Имеретинскому быть въ резервѣ Скобелева «съ обязанностію поддерживать его атаку и прикрывать лѣвый флангъ его колонны», то и пришлось оставить мысль объ атакѣ Кришинскаго редута, потому что, во-первыхъ, диспозиція вовсе не указывала непосредственно атаку онаго, а во-вторыхъ, невольно возникъ вопросъ: что̀ считать укрѣпленнымъ лагеремъ? Весь ли районъ расположенія арміи Османа, огражденный цѣпью укрѣпленій, или же только лагерь турецкихъ резервовъ, дѣйствительно укрѣпленный въ тѣсномъ значеніи этого слова? Общая диспозиція указывала, или, лучше сказать, *намѣчала* цѣли дѣйствій для каждаго фронта лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, предоставляя вы-

---

*) Во время третьей Плевны юго-западныя высоты почти не были укрѣплены турками.

боръ ближайшихъ цѣлей, развитіе идеи мѣстныхъ атакъ и порядокъ исполненія каждой частной задачи почину частныхъ начальниковъ. Но такъ какъ никакого укрѣпленнаго лагеря, прикрывающаго городъ со стороны ловчинскаго шоссе не было, а были лагери турецкихъ резервовъ по ту сторону Плевны, у гривицкаго шоссе, прикрываемые центральными юго-восточными и восточными укрѣпленіями, а также и Гривицкимъ редутомъ съ сѣверо-востока, и для этихъ-то лагерей, равно какъ и для самаго города, прикрытіемъ съ южной стороны служили два малые редута Абдулъ-бей и Реджи-бей, то генералъ Скобелевъ и пришелъ къ заключенію, что именно они-то и должны стать ближайшею цѣлью дѣйствій южнаго отряда. Предполагая, что по овладѣніи обоими редутами, получится возможность дѣйствовать въ тылъ укрѣпленныхъ лагерей турецкихъ резервовъ, причемъ Кришинскій редутъ останется въ сторонѣ и вполнѣ изолированнымъ, генералъ Скобелевъ поставилъ себѣ цѣлью, «во-первыхъ, овладѣть третьимъ и послѣднимъ гребнемъ Зеленой высоты», и «во-вторыхъ, овладѣть редутами и линіями ложементовъ, защищающими подступы къ лагерю и со стороны Зеленой горы» *). Во всякомъ случаѣ, оставленіе Кришинскаго редута безъ атаки было со стороны Скобелева большою ошибкой, за чтò онъ и поплатился 31-го августа; но не безгрѣшна и диспозиція, которая поставляетъ южному отряду цѣль дѣйствій на столько не ясно, что могло явиться превратное истолкованіе этой цѣли. Вѣрнѣе было бы атаковать сначала Кришинскій редутъ, а потомъ уже малые, или же вести атаку одновременно на тотъ и на другіе, но послѣднее могло бы быть состоятельнымъ только въ томъ случаѣ, если бы на южномъ фронтѣ, какъ въ пунктѣ «рѣшительнаго удара», у насъ было не 22, а 40 батальоновъ. При совершенно правильномъ взглядѣ на мѣсто нахожденія стратегическо-тактическаго ключа непріятельской позиціи, казалось бы, что на гривицкомъ и радишевскомъ фронтахъ слѣдовало ограничиться только демонстративными, преимущественно артиллерійскими дѣйствіями, развивая ихъ силу возможно бóльшимъ образомъ,

*) Рапортъ генералъ-лейтенанта Скобелева помощнику начальника Западнаго отряда арміи.

а главную силу штыковъ перенести на южный фронтъ; между тѣмъ, при атакѣ 30-го августа вышло то, что на демонстративныхъ фронтахъ у насъ, не считая румынской арміи, было собрано 42 батальона, а въ пунктѣ дѣйствительнаго удара 22.

Генералъ Зотовъ, сколько извѣстно, имѣлъ въ виду занять весь восточный фронтъ румынскими войсками, русскія же силы сполна сосредоточить на южномъ фронтѣ; но отъ этой мысли пришлось отказаться, по нежеланію румынъ передвинуться съ занимаемаго ими мѣста, такъ какъ они опасались за свою коммуникаціонную линію съ Никополемъ, вслѣдствіе чего и успѣли уже укрѣпиться на сѣверномъ фронтѣ. Такимъ образомъ, румыны вмѣсто помощи, въ сущности говоря, явились нашимъ бременемъ.

3) Преждевременная атака на радишевскомъ фронтѣ, погубившая совершенно безцѣльно два полка, и чрезъ то повліявшая на неудачный исходъ дѣйствительной атаки этого фронта, не только прискорбна, но и непростительна, даже какъ случайность.

4) Черезъ-чуръ продолжительная, четырехсуточная канонада, приведшая къ истощенію снарядовъ и порчѣ лафетовъ, едва ли могла особенно способствовать успѣху атаки. Нашей арміи, по собственному севастопольскому опыту, извѣстно,—на сколько можно, при продолжительной канонадѣ, притерпѣться къ ней, привыкнуть къ эффекту разрывовъ, которые къ тому же, по большей части, и мало дѣйствительны. Послѣднее мы могли замѣтить и на самихъ себѣ, въ третью Плевну: турецкія орудія считаются лучше нашихъ, а много ли вреда успѣли они нанести намъ за всѣ дни канонады? Жертвы ея считаются чуть не единицами и, во всякомъ случаѣ, не превышаютъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, почти исключительно въ средѣ артиллеристовъ. То же самое, конечно, было и у турокъ; наши снаряды, можно думать, были на столько не губительны, что противникъ уже въ половинѣ втораго дня не счелъ нужнымъ отвѣчать на бо́льшую часть выстрѣловъ нашихъ орудій; матеріальное разрушеніе тоже не достигало цѣли, такъ какъ за ночь болгарскія руки исправляли все, что́ намъ удавалось испортить за день; это была своего рода неблагодарная работа Сизифа, а замѣченное всѣми будто бы отсутствіе турокъ въ укрѣпленіяхъ днемъ доказываетъ только, что

они были хорошо укрыты и, стало быть, эффектъ нравственнаго потрясенія и нервной истомы пересталъ дѣйствовать. Онъ былъ дѣйствителенъ, кажется, только въ первые полтора дня, когда турки обмѣнивались съ нами выстрѣлами, порою даже довольно энергически, когда обезкураженные потерею Ловчи, они могли еще предполагать у насъ громадныя силы, собранныя для штурма Плевны, и если когда-либо мы могли болѣе всего разсчитывать на успѣхъ атаки, то это именно 27-го августа, въ тотъ моментъ, какъ въ виду относительной легкости, съ которою Скобелевъ достигъ чуть не до малыхъ редутовъ, при поддержкѣ демонстративною, въ сущности ничтожною атакою охотниковъ 4-го корпуса, турки—къ удивленію—начали вдругъ увозить свои орудія изъ редутовъ. Этимъ моментомъ и надо было воспользоваться, не давая имъ опомниться отъ очевидной, хотя и кратковременной паники, тѣмъ болѣе, что 27-го числа стояла еще сухая, прекрасная и даже не особенно жаркая погода, тогда какъ 30-го, по словамъ реляціи боя, «почва растворилась до крайности», такъ что «не только по пахатной землѣ, окружающей плевненскій лагерь, но даже по дорогамъ съ трудомъ могли двигаться люди и верховые кони, скользя по грязи и нерѣдко падая». Паника прошла очень скоро и Скобелевъ былъ отбитъ съ немалымъ урономъ, а къ утру 28-го даже отступилъ со втораго гребня на первый. Этотъ новый успѣхъ, безъ сомнѣнія, ободрилъ турокъ, придавъ имъ еще болѣе увѣренности въ своихъ силахъ—«самого-де Акъ-пашу отбили!»—а къ 30-му числу они, конечно, еще больше пообтерпѣлись и поприглядѣлись къ намъ, тѣмъ болѣе, что и въ шпіонахъ у нихъ не могло быть недостатка. Болгары то цѣлыми кучками, то въ одиночку безпрестанно и совершенно безпрепятственно шатались по всѣмъ нашимъ позиціямъ и батареямъ—и это, просто, удивительное дѣло, съ какою легкостію переходили они за черту нашихъ и турецкихъ линій — отъ насъ въ Плевну, изъ Плевны къ намъ, — и ктожъ поручится, что между ними не могло быть шпіоновъ, хотя бы изъ числа помаковъ (потурчившихся болгаръ), которыхъ ни по языку, ни по одеждѣ никакъ не отличишь отъ болгара-христіанина? А помаки несомнѣнно были и есть въ составѣ арміи Османа, и извѣстно, что они, принадлежа по крови къ племени весьма хорошо одаренному ум-

ственно, способному къ развитію и воспріятію науки, нерѣдко достигаютъ въ Турціи весьма видныхъ служебныхъ положеній, какъ въ администраціи, такъ и въ арміи; а принявъ во вниманіе и это обстоятельство, можно ли тѣмъ болѣе поручиться, что среди тѣхъ «братушекъ», которые такъ добродушно торчали всѣ эти дни на Императорскомъ холмѣ и безпрепятственно шныряли между нашими и непріятельскими позиціями, не было переодѣтыхъ помаковъ-офицеровъ, которые легко и незамѣтно могли пересчитать и число нашихъ орудій съ парками, и число батальоновъ, и ихъ расположеніе на всей мѣстности, облегающей Плевну? Стало быть, нѣтъ ничего мудренаго, что Османъ-паша въ нѣсколько дней канонады могъ приблизительно узнать наши силы и успѣть не только приготовиться къ отпору, но и внушить достаточную бодрость и увѣренность въ побѣдѣ своей арміи. Повторяю, что неожиданный успѣхъ, вслѣдъ за кратковременною паникою 27-го числа, необходимо долженъ былъ повліять на подъемъ военнаго духа турокъ. Реляція о боѣ 30-го августа говоритъ: «трудно вообще было и представить себѣ болѣе неблагопріятнаго по погодѣ дня, каковъ былъ день, назначенный нами для атаки; мысль объ отмѣнѣ ея невольно приходила въ голову». — Остается пожалѣть, что эта мысль не была приведена въ исполненіе. «Но — продолжаетъ далѣе реляція — положеніе нашей артиллеріи не допускало такой отмѣны, да и кто бы могъ поручиться, что въ послѣдующіе дни наступитъ лучшая погода». Хотя хорошая погода наступила на слѣдующій же день, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что не слѣдовало ли предпочесть временный недостатокъ снарядовъ напрасной потерѣ столькихъ тысячъ людей изъ состава и безъ того уже немногочисленной арміи, обрекая ихъ на непосильную атаку противъ вдвое сильнѣйшаго и укрытаго за окопами врага, на атаку, въ добавокъ, по пахатной землѣ, растворившейся до крайности, и притомъ сомнѣваясь еще до начала атаки въ возможности ея успѣха?

Но вопросъ: кого же винить въ этомъ?

Большинство обвиняетъ генерала Зотова. И это вполнѣ естественно: каждый неуспѣхъ требуетъ, такъ сказать, своего козла отпущенія. Точно такимъ же образомъ весь «грѣхъ міра» за первыя двѣ Плевны сваливался и на барона Криде-

нера, и на полковника Тутолмина, и на князя Шаховскаго. Изъ фактическихъ, документальныхъ данныхъ, какія сообщены въ моемъ описаніи первыхъ двухъ плевненскихъ сраженій, не трудно видѣть на сколько могли быть виноваты и тотъ, и другой, и третій. Но подобнаго рода документальныя данныя не всегда могутъ являться своевременно; чаще всего, они дѣлаются достояніемъ только исторіи, т. е. уже послѣдующаго времени, а между тѣмъ,—пока-то до исторіи—эти обвиненія, съ легкой руки корреспондентовъ, проникли и во всесвѣтную газетную литературу, далеко за предѣлы не только дѣйствующей арміи, но и Россіи. Въ арміи же обвиняли, слава Богу, еще менѣе чѣмъ гдѣ-либо, потому что армія полна очевидныхъ свидѣтелей, знающихъ и понимающихъ какъ было дѣло. Но, къ прискорбію, даже и въ арміи не всегда обходится безъ увлеченій и пристрастій, и это опять-таки понятно: никому, какъ самой же арміи, прежде всѣхъ остальныхъ, приходится расплачиваться собственною кровью за каждый промахъ или ошибку. Такъ точно и въ данномъ случаѣ. Но прежде чѣмъ обвинять, слѣдовало бы выяснить вопросъ: былъ ли генералъ Зотовъ самостоятельно дѣйствующимъ начальникомъ и *на сколько* онъ могъ быть таковымъ въ данныхъ условіяхъ? На это нѣкоторые отвѣчаютъ, что *de jure*—нѣтъ, *de facto*—былъ, ибо главное начальствованіе надъ соединеннымъ русско-румынскимъ Западнымъ отрядомъ было предоставлено князю Карлу какъ бы номинально, изъ соображеній скорѣе дипломатическаго, чѣмъ военнаго свойства. Въ сущности, если это и такъ, то только отчасти, да и то очень условно. Разъ, что мы нашлись вынужденными прибѣгнуть къ активному содѣйствію арміи союзнаго намъ владѣтеля, то естественно, что этому владѣтелю по праву принадлежало и главное начальствованіе надъ своею арміею, и—на сколько извѣстно,—румыны только подъ этимъ условіемъ и согласились на участіе въ дѣйствіяхъ противъ Плевны. Подчинить князя Карла генералу Зотову, конечно, было неудобно хотя бы уже и потому, что румыны, самолюбивые, какъ извѣстно, до болѣзненности, даже до смѣшнаго, никогда на это не согласились бы. Разъ, что мы прибѣгли къ ихъ содѣйствію, то они имѣли полныя основанія заключить, что мы въ нихъ нуждаемся, а если вы въ насъ нуждаетесь, то мы вамъ поставимъ

свои условія. Главнѣйшимъ изъ этихъ условій и было самостоятельное начальствованіе князя Карла. Какъ принцу Гогенцоллернскаго дома, какъ владѣтельному принцу союзнаго намъ Румынскаго княжества, ему было предоставлено почетное положеніе главноначальствующаго надъ соединеннымъ русско-румынскимъ Западнымъ отрядомъ, а генералъ Зотовъ сдѣланъ его помощникомъ, въ качествѣ начальника штаба этого отряда, но съ сохраненіемъ главнаго начальствованія надъ русскою частію онаго. Изъ диспозиціи видно, что распоряженія генерала Зотова почти нисколько не касались румынской арміи, если не считать откомандированіе къ ней одной русской бригады, которое только ослабляло наши собственныя, и безъ того не великія, силы. Стало быть, для достиженія одной цѣли было двѣ головы, два начальника, изъ которыхъ ни тотъ, ни другой не могли распорядиться всѣми соединенными силами отряда по своему усмотрѣнію, а изъ этого и произошло то, что генералъ Зотовъ, понимая, гдѣ лежитъ стратегическо-тактическій ключъ позиціи и желая нанести главный ударъ съ южнаго фронта, не имѣлъ возможности сосредоточить въ данномъ пунктѣ силы, достаточныя для вѣрнаго, несомнѣнно успѣшнаго рѣшенія задачи. Въ сущности, роль его при князѣ Карлѣ могла быть только исполнительною, въ наилучшемъ случаѣ совѣщательною, какъ и было на самомъ дѣлѣ. Что же касается самого князя Карла, то обладая несомнѣнною и большою личною храбростью, онъ заботился исключительно о румынахъ, блѣднѣлъ при извѣстіяхъ о ихъ первоначальной неудачѣ на штурмѣ Гривицкаго редута, стремился самъ въ ихъ ряды, старался, чтобы его молодые, неокуренные порохомъ солдаты показали себя въ первомъ боевомъ дебютѣ молодцами, достойными союзниками русской арміи, поддержали бы честь румынской націи, и эти вполнѣ естественныя и понятныя заботы на столько поглощали его вниманіе и время, что вопросы общихъ стратегическо - тактическихъ комбинацій дѣла, предоставленнаго рѣшенію соединенныхъ силъ Западнаго отряда, почти совсѣмъ упускались имъ изъ вида. При томъ же, едва ли я ошибусь, если скажу, что онъ видимо стѣснялся своею ролью главноначальствующаго въ присутствіи нашихъ главныхъ квартиръ, какъ бы чувствуя, что эта роль только декоративная, номи-

нальная, что если онъ и начальникъ, то лишь надъ румынами, а не надъ русскими. И генералъ Зотовъ, какъ начальникъ его штаба, по той же самой причинѣ не чувствовалъ себя свободнымъ для самостоятельныхъ распоряженій, не только надъ румынскою, но даже и надъ русскою частію отряда, и потому каждый день раза по два, по три, то былъ призываемъ, то являлся самъ на Императорскій курганъ для совѣщаній съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, который, съ своей стороны, изъ понятной деликатности въ отношеніи князя Карла, ограничивался ролью наблюдательною, иногда совѣщательною, но и только. Такимъ образомъ, выходитъ, что въ третью Плевну, въ сущности, никто не командовалъ, и этотъ недостатокъ полномочнаго единства въ командованіи люди свѣдущіе поставляютъ въ число важнѣйшихъ причинъ нашей неудачи. Положеніе генерала Зотова, говоря по правдѣ, было изъ самыхъ незавидныхъ: въ случаѣ успѣха не его увѣнчали бы побѣдные лавры, въ случаѣ же неудачи вся отвѣтственность за нее и разныя нареканія падали почти исключительно на его голову.

Многіе сѣтуютъ также на то, что Скобелевъ 31-го августа былъ оставленъ безъ достаточной поддержки. Самая настойчивость и упорство турецкихъ атакъ—говорятъ они—должны уже были служить намъ указаніемъ, на сколько важнымъ и опаснымъ считалъ Османъ фактъ взятія нами двухъ малыхъ редутовъ. Впослѣдствіи стало извѣстно, что для послѣдней своей атаки на Скобелева турецкій полководецъ собралъ воедино все, что̀ только можно было собрать со всѣхъ своихъ позицій, оставивъ въ редутахъ лишь самое необходимое число стрѣлковъ, для прикрытія артиллеріи; что этою послѣднею атакой онъ ставилъ на карту всю судьбу своей арміи, и потому для наибольшаго обезпеченія натиска прибѣгнулъ, кромѣ зеленаго знамени и религіозныхъ гимновъ, еще къ самому суровому средству, выставивъ въ тылу атакующихъ колоннъ два полка кавалеріи и батарею, съ приказаніемъ рубить и стрѣлять картечью въ своихъ, если бы они побѣжали, а въ то же время всѣ обозы его арміи уже были вытянуты по дорогѣ къ Видскому мосту, на тотъ случай, что если, не смотря на все, не удастся и эта послѣдняя попытка атаки, то сейчасъ же уходить изъ Плевны съ остатками арміи на Софію. А

что пятая атака могла быть отбита, то доказательство тому подполковникъ Мосцевой, который могъ же удержаться въ правомъ редутѣ, даже со скудными горстями сборныхъ командъ, отразивъ отчаянный натискъ противника; надо было только поддержать Горталова въ лѣвомъ редутѣ и тогда, быть можетъ, еще 31-го августа Плевна была бы наша. Говорятъ,—не знаю, на сколько справедливо—будто у Скобелева съ горечью и со слезами на глазахъ вырвались слова: «Наполеонъ великій былъ признателенъ своимъ маршаламъ, если они въ бою выигрывали ему полчаса времени для одержанія побѣды: я выигралъ цѣлыя сутки и меня не поддержали».

«Зачѣмъ не поддержали»... Конечно, это жаль и досадно, но... если бы возможно было знать заранѣе, что Османъ дѣлаетъ дѣйствительно послѣднюю попытку, что его обозы уже у Вида! Тогда, безъ сомнѣнія, не поддержать Скобелева, было бы не только оплошно, но и преступно. Къ сожалѣнію, войска 4-го корпуса оказались на столько обезсиленными вчерашнимъ штурмомъ, что батальоны штурмовавшихъ частей очутились въ четырехсотенномъ составѣ, а мы къ тому же опасались вылазки на нашъ радишевскій фронтъ, гдѣ корпусная артиллерія оставалась подъ весьма ограниченнымъ прикрытіемъ. Генералъ Крыловъ сдѣлалъ все что̀ могъ, пославъ къ Скобелеву шуйцевъ, на свой страхъ и даже вопреки прямому приказанію. Безъ обладанія Кришинскимъ редутомъ, всякая дальнѣйшая помощь Скобелеву представлялась только напрасною тратою людей, и вотъ почему было рѣшено удержать редутъ Гривицкій и покинуть малые редуты.

Послѣ третьей неудачи, конечно, не оставалось ничего болѣе, какъ обложить Плевну и довести Османа хотя медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ до неизбѣжной сдачи. Но въ военной средѣ существуетъ отчасти мнѣніе, что для успѣшнаго развитія нашихъ военныхъ операцій вовсе не настояло безусловной необходимости атаковать Плевну не только въ третій, а даже и во второй разъ, 18-го іюля. Полагаютъ, что это была излишняя роскошь въ тратѣ силъ, неоправдываемая необходимостію, а ради одного только удовлетворенія чувству военнаго самолюбія (point d'honneur).

Какъ же, однако, можно было поступить, не прибѣгая къ атакѣ?

На это отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ: военное счастіе необычайно благоволило къ намъ до 5-го іюля включительно: 4-го намъ сдался Никополь, 5-го мы, съ ничтожною потерею трехъ казаковъ ранеными, овладѣли Ловчей—въ высшей степени важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Конечно, было бы весьма хорошо, если бы намъ столь же легко досталась и Плевна, которая, однако, уже съ 27-го іюня была занята турками; это послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе обязывало насъ обратить вниманіе на усиленіе Ловчи какъ гарнизономъ, такъ и земляными укрѣпленіями, немедленно послѣ взятія оной. Слова нѣтъ, что владѣй мы при этомъ еще и Плевной, то наша операціонная систово-тырновская линія была бы вполнѣ обезпечена отъ всякихъ Османовъ. Но не менѣе она могла бы быть обезпеченною и безъ взятія Плевны. Для этого стоило только своевременно обратить должное вниманіе на такъ называемую булгаренскую позицію, которая будучи неприступною съ фронта и, кромѣ того, обладая еще другими великими преимуществами, къ сожалѣнію, не была оцѣнена по достоинству. Разъ, что Шильднеръ-Шульднеръ нарвался въ Плевнѣ 7-го іюля на турокъ, ему незачѣмъ было атаковать ее 8-го, а слѣдовало, согласно инструкціи барона Криденера, отойдти, только не къ Бресляницѣ, а къ Булгаренямъ, какъ сдѣлалъ 8-го числа, согласно указанію самаго же Шильдеръ-Шульднера, полковникъ Тутолминъ съ остатками Костромскаго полка и Кавказскою бригадой. Такъ называемая, булгаренская позиція лежитъ на высотахъ деревень Дервишско-Село, Чаушка-Махала и Гяуркіой, на правомъ берегу Осмы, которая омываетъ подошвы этихъ высотъ, изгибаясь широкимъ полукругомъ, вогнутымъ къ сторонѣ Плевны, и въ центрѣ позиціи, т. е. противъ Чаушки-Махалы, течетъ въ очень крутыхъ, отвѣсно обрывистыхъ берегахъ, служа какъ бы естественнымъ рвомъ для естественныхъ бастіоновъ, представляемыхъ этими довольно значительными высотами. При этомъ надо замѣтить, что лѣвый берегъ Осмы низменный, пологій, мѣстами болотистый, ограничиваетъ собою на востокѣ обширную равнину, которая, не имѣя сколько нибудь значительныхъ возвышенностей, тянется

вплоть до Плевненскихъ высотъ и не представляетъ на всемъ пространствѣ плевно-булгаренскаго шоссе ни одной надежной оборонительной позиціи. Правый же берегъ Осмы гористъ и на протяженіи всего ея теченія значительно господствуетъ надъ лѣвымъ, такъ что переправа большихъ военныхъ силъ съ лѣваго берега на правый, при отсутствіи дорогъ и мостовъ, кромѣ каменнаго моста на булгаренскомъ шоссе и другаго у Мисылеу, подъ Никополемъ, никакъ не могла бы совершиться внезапно, тѣмъ болѣе, что Осма очень капризна и послѣ каждаго порядочнаго дождя бурлитъ, переполняясь водою, такъ что и въ броды, вообще довольно рѣдкіе на Осмѣ, нѣтъ никакой переправы. При такихъ условіяхъ мѣстности, линія рѣки Осмы, относительно праваго фланга систово-тырновской операціонной линіи, могла бы играть такую же точно роль какъ и линія рѣки Лома, на лѣвомъ флангѣ, но съ гораздо большими для насъ выгодами, потому что на Осмѣ командующій берегъ былъ бы въ полномъ нашемъ распоряженіи. Обладая такими фланговыми пунктами, какъ Никополь и Ловча и предоставивъ первый изъ нихъ румынамъ, для занятія частію ихъ арміи, а второй занявъ на первое время, до подхода новыхъ силъ изъ Россіи, хотя бы одною бригадою пѣхоты изъ состава 9-го корпуса, намъ было бы совершенно достаточно держать остальныя силы барона Криденера въ центрѣ этой линіи, на укрѣпленной булгаренской позиціи, наблюдая кавалерійскими разъѣздами главныя дороги отъ трехъ названныхъ пунктовъ до Плевны—и Османъ-паша могъ бы себѣ оставаться въ Плевнѣ сколько ему угодно, а мы были бы спокойны, за правый флангъ своей операціонной линіи и безпрепятственно могли бы развивать забалканскія предпріятія, лишь бы только войска хватило! Османъ-паша никуда ни могъ бы двинуться изъ Плевны, какъ только назадъ. Трудно допустить, чтобы онъ безполезно пошелъ разшибать себѣ лобъ о неприступныя съ фронта твердыни булгаренской позиціи, а при движеніи на Никополь или на Ловчу—онъ во всякомъ случаѣ рисковалъ бы подставить тотъ или другой изъ своихъ фланговъ удару булгаренскаго корпуса въ открытомъ полѣ. А намъ, въ сущности, только того и хотѣлось, чтобы выманить, наконецъ, турокъ въ открытое поле, но увы! — они тщательно

избѣгали этого, зная сами полную свою несостоятельность внѣ земляныхъ закрытій. Но мало этого: имѣя, такъ сказать, въ кулакѣ готовый корпусъ на булгаренской позиціи, при условіи обладанія Ловчей, мы могли бы препятствовать правильнымъ сообщеніямъ Османа съ Софіей почти такъ же, какъ если бы стояли въ Горнемъ Дубнякѣ или Телишѣ; для этого можно было дѣйствовать кавалерійскими поисками изъ Ловчи на Торосъ, Турскій Изворъ и Тетевень на Видѣ и на Яблоницу на Искерѣ *), а съ подходомъ изъ Россіи новыхъ подкрѣпленій, даже занять эти пункты (въ особенности же Яблоницу) пѣхотными частями и укрѣпиться въ нихъ **). Горная мѣстность, среди которой лежатъ всѣ эти пункты, позволила бы надежно занять ихъ, сравнительно говоря, даже небольшими частями пѣхоты, которыя тѣмъ не менѣе могли бы вполнѣ преградить сообщенія Османа съ Софіей, а сами, благодаря большой ловче-орханіевской дорогѣ, быть обезпечены и снабженіями, и подкрѣпленіями въ случаѣ надобности. Скажутъ, что для всего этого у насъ не было достаточно войска, но тѣ 22,861 человѣкъ, которыхъ мы потеряли убылыми изъ строя за три сраженія подъ Плевной ***), могли бы съ несравненно большею пользой сдѣлать свое дѣло на высотахъ булгаренской позиціи и въ дефилеяхъ Яблоницы.

---

*) Т. е. дѣлать въ іюлѣ то, что въ сентябрѣ и октябрѣ пытался не безъ успѣха дѣлать генералъ Карцовъ.

**) Тетевень лежитъ на Бѣломъ Видѣ и замыкаетъ собою одинъ изъ балканскихъ проходовъ; Турскій Изворъ—на рѣкѣ Кальчикѣ и на большой дорогѣ изъ Орханіе въ Ловчу; Торосъ — на Видѣ прикрываетъ прибрежную видскую дорогу изъ Орханіе въ Плевну; Яблоница — въ дефилеяхъ Искера на плевно-софійскомъ шоссе. Тетевень, Изворъ и Торосъ служили въ сентябрѣ и октябрѣ 1877 года пунктами постоянныхъ поисковъ партизанскихъ партій сельви-ловчинскаго отряда генерала Карцова, а впослѣдствіи Торосъ и Тетевень были заняты постоянными отрядами, причемъ послѣдній даже пѣхотою.

***) Собственно убыль была значительно больше, такъ какъ въ эту офиціальную цифру убыль убитыми за третью Плевну вошла только приблизительно: *около* 60-ти офицеровъ и *болѣе* 3,000 нижнихъ чиновъ, а убыль пропавшими безъ вѣсти и т. п. не вошла даже вовсе.

LIX

Подъ Плевной до пріѣзда генерала Тотлебена

Безотвѣтная канонада 2-го сентября. — Военное совѣщаніе на центральной батареѣ. — Осмотръ Главнокомандующимъ нашихъ и турецкихъ позицій. — Великій Князь намѣчаетъ мѣста для новыхъ батарей. — Атака турокъ на Гривицкій редутъ. — Румыны дерутся молодцами. — Дѣйствія 3-го сентября. — Начало правильной блокады. — Отъѣздъ главныхъ квартиръ въ Горный Студень. — Рекогносцировка графа Штакельберга 8-го сентября за Видомъ. — Рекогносцировка Телиша, произведенная 9-го сентября полковникомъ Тутолминымъ. — Проходъ транспорта и отряда Шефкетъ-паши въ Плевну 10-го сентября. — Пріѣздъ генерала Тотлебена.

Горный Студень, 15-го сентября.

2-го сентября утромъ мы опять начали канонаду по турецкимъ позиціямъ; но и на этотъ разъ она осталась безъ отвѣта. Турки, по видимому, сберегали снаряды на случай повторенія нашей атаки. Великій Князь Главнокомандующій выѣхалъ на позицію въ девять часовъ утра и направился къ лѣвому флангу. Прибывъ на центральную осадную батарею, Его Высочество снова держалъ военное совѣщаніе, на которомъ присутствовали высшіе чины нашей арміи и князь Карлъ съ военнымъ министромъ Румыніи, генераломъ Чернатомъ, и нѣкоторыми другими лицами. Русская и румынская свиты и конвой оставались въ это время нѣсколько ниже и позади центральной батареи, на спускѣ въ лощину, по дну которой пролегаетъ дорога въ Радишево. По окончаніи совѣщанія, около двухъ часовъ дня, Его Высочество поѣхалъ далѣе, къ лѣвому флангу, для осмотра нашихъ и турецкихъ позицій. Великаго Князя, кромѣ высшихъ лицъ Его штаба и свиты, сопровождали еще генералы Зотовъ, князь Имеретинскій и Скобелевъ 2-й, также присутствовавшіе на совѣщаніи. Наша артиллерія во все это время поддерживала съ батарей огонь, давая одинъ-два выстрѣла въ минуту. Великій Князь весь день провелъ въ объѣздѣ и осмотрѣ позицій, лично указывая и намѣчая мѣста для сооруженія новыхъ батарей, и ѣхалъ все время вдоль расположенія нашихъ передовыхъ войскъ; но турки на этотъ разъ не встрѣчали огнемъ свиту сопровождавшихъ Его всадниковъ, какъ это было 29-го августа на Радишевскихъ высотахъ.

Въ шесть часовъ вечера непріятель совершенно неожиданно открылъ жестокій огонь по Гривицкому редуту. Объѣздъ Ве-

ликаго Князя окончился лишь за нѣсколько минутъ до этого времени, и потому Его Высочество остался на позиціи наблюдать за ходомъ неожиданнаго сраженія. Вскорѣ послѣ начала перестрѣлки, турки вдругъ пошли на редутъ въ атаку, но еще не доходя до цѣли, были отбиты нашими и румынскими войсками и понесли уронъ весьма чувствительный. Бой продолжался всего лишь $^{3}/_{4}$ часа, но молодыя румынскія войска и на этотъ разъ показали себя въ дѣлѣ истинными молодцами: они дрались храбро и въ большомъ порядкѣ. Дабы судить, на сколько они дисциплинированы, достаточно сказать, напримѣръ, что атака противника была встрѣчена съ ихъ стороны совершенно отчетливыми залпами, производившимися по командѣ, какъ на простомъ ученьѣ. Его Высочество Главнокомандующій остался совершенно доволенъ боевымъ поведеніемъ нашихъ союзниковъ.

Съ разсвѣтомъ 3-го сентября началась, рѣшенная на военномъ совѣтѣ, правильная блокада Плевны, сопровождаемая постоянною канонадою. На тѣхъ мѣстахъ, которыя наканунѣ были указаны при объѣздѣ позицій Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, за ночь и въ утро 3-го числа наши саперы вмѣстѣ съ пѣхотинцами успѣли уже возвести всѣ проектированныя батареи, которыя артиллеристы вооружили соотвѣтственнаго калибра орудіями и съ новою энергіею принялись за бомбардированіе турецкихъ позицій.

Въ этотъ же день главная квартира возвратилась на прежній свой бивуакъ, въ деревню Горный Студень, куда наканунѣ еще изволилъ прибыть Государь Императоръ со всѣми сопровождающими Его Величество особами. Наши войска и румынскія еще 2-го сентября успѣли окопаться на занятыхъ ими ближайшихъ къ непріятелю позиціяхъ, а въ тылъ Плевнѣ, на лѣвую сторону рѣки Вида, какъ уже извѣстно, направлялись кавалерійскія части, съ цѣлію отрѣзать непріятелю всякое сообщеніе съ Софіею, Раховымъ и Виддиномъ.

Въ такомъ положеніи дѣла́ подъ Плевною оставались до 8-го сентября, когда въ обсерваціонномъ нашемъ кавалерійскомъ корпусѣ получены были извѣстія, что къ Плевнѣ приближаются довольно сильныя подкрѣпленія. Вслѣдствіе этого, части кавалерійскаго корпуса произвели 8-го и 9-го

сентября двѣ рекогносцировки, а именно: 8-го числа былъ высланъ отрядъ, подъ начальствомъ командира Маріупольскаго гусарскаго полка, флигель-адъютанта, полковника графа Штакельберга, который, не доходя деревни Ракиты, встрѣтилъ и атаковалъ три непріятельскихъ эскадрона. Турецкіе кавалеристы дали тылъ, и во время преслѣдованія ихъ нашъ развѣдочный отрядъ успѣлъ обнаружить, что въ Ракитѣ стоитъ непріятельская пѣхота, встрѣтившая его огнемъ, что̀ и заставило графа Штакельберга отступить, такъ какъ собственно цѣль его рекогносцировки была уже исполнена обнаруженіемъ силъ противника. При этомъ мы потеряли пять человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыми, а въ числѣ раненыхъ — Маріупольскаго гусарскаго полка: подполковника Андрикаева *), корнета Иванова **) и около сорока гусаръ.

9-го сентября командиръ Кавказской бригады, полковникъ Тутолминъ, выступилъ со ввѣренною ему частію по софійскому шоссе и смялъ передовыя войска противника, а не доходя деревни Телишъ открылъ артиллерійскій огонь и тѣмъ заставилъ турокъ развернуться, чрезъ что̀ и были обнаружены ихъ силы. При этомъ оказалось, что двѣ тысячи съ двумя орудіями окопались впереди дер. Телишъ, а позади ея стоятъ на бивуакѣ еще до восьми тысячъ и два полка кавалеріи. Попытка наступленія на лѣвый флангъ отряда полковника Тутолмина, произведенная частію непріятельской пѣхоты, не имѣла успѣха, потому что была встрѣчена съ нашей стороны артиллерійскимъ огнемъ, послѣ чего полковникъ Тутолминъ отошелъ на заранѣе выбранную имъ наблюдательную позицію.

Тѣмъ не менѣе, турецкому отряду удалось 10-го сентября пройдти въ Плевну. Подробности этого обстоятельства пока еще не извѣстны въ точности. Знаютъ только, что непріятельскій отрядъ, прикрывавшій транспортъ (около 2,000 повозокъ) съ продовольствіемъ и снарядами, состоялъ изъ войскъ всѣхъ родовъ оружія, числомъ, какъ говорятъ, до 10,000 человѣкъ, причемъ большинство составляла пѣхота. Прорвавшимся отрядомъ, какъ оказывается теперь, начальствовалъ Шефкетъ-

*) Пулею въ грудь, на вылетъ.

**) Саблею въ голову.

паша, успѣвшій пріобрѣсти себѣ извѣстность не столько военными доблестями, сколько прошлогодними майскими звѣрствами надъ безоружнымъ населеніемъ Болгаріи.

Въ настоящее время турки въ Плевнѣ усиленно занимаются исправленіемъ своихъ прежнихъ укрѣпленій и возведеніемъ новыхъ, производя эти послѣднія работы на возможно дальнемъ разстояніи отъ нашихъ позицій; на огонь же нашей артиллеріи почти не отвѣчаютъ, вѣроятно, съ цѣлію сберегать свои снаряды.

15-го сентября въ Горный Студень прибылъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, который 18-го числа отправляется вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, начальникомъ штаба и генераломъ Левицкимъ подъ Плевну, для осмотра нашихъ и непріятельскихъ позицій.

LX

Дѣйствія кавалеріи за Видомъ

Назначеніе сводно-кавалерійскаго корпуса. — Смѣна съ позицій, ея неудобства и необходимость. — Состояніе кавалерійскихъ полковъ завидскаго отряда. — Цѣль дѣйствій генерала Крылова. — Рекогносцировка 8-го сентября и дѣло графа Штакельберга подъ Телишемъ. — Рекогносцировка полковника Тутолмина на Телишъ 9-го сентября и ея результаты. — Неудобства опорнаго пункта въ Дольнемъ Дубнякѣ. — Дѣло генераловъ Крылова и Лашкарева 10-го сентября и проходъ транспорта съ 10-ти-тысячнымъ прикрытіемъ въ Плевну. — Расположеніе генерала Крылова въ Семеретъ-Трестеникѣ и письмо къ нему генерала Зотова. — Письмо князя Карла и новое назначеніе завидскаго отряда. — Экспедиція къ городу Рахову. — Отбитіе двухъ транспортовъ митропольскимъ отрядомъ. — Поискъ полковника Левизъ-офъ-Менара съ 18-го по 25-е сентября и его результаты. — Дѣло 20-го сентября подъ Дольнимъ Митропольемъ. — Общіе выводы.

Горный Студень, 6-го октября.

Для возможно полнаго обложенія Плевны, въ ожиданіи прибытія изъ Россіи новыхъ силъ, еще на совѣщаніи 1-го сентября было рѣшено направить за Видъ самостоятельный корпусъ кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Крылова, который дѣйствовалъ бы на сообщенія арміи Османа, въ связи съ кавалерійскимъ отрядомъ генерала Лашкарева. Ради этой цѣли, послѣдній долженъ былъ перейдти изъ Дольняго Дубняка къ Боготу, а первый изъ Богота въ Дольній Дубнякъ. Такое военное «chassé croisé» (если можно такъ

выразиться) уже съ самаго начала было неудобно въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, самая смѣна столь значительныхъ частей требовала извѣстнаго времени, которое, стало быть, пропадало непроизводительнымъ образомъ для главной цѣли обоихъ кавалерійскихъ отрядовъ и, во-вторыхъ, оба они, по необходимости, должны были начинать свою дѣятельность съ предварительнаго ознакомленія съ новою мѣстностію, потому что для отряда генерала Лашкарева, стоявшаго уже довольно долгое время въ Дольнемъ Дубнякѣ, богото-медованская позиція была вовсе незнакома, равно какъ и для Кавказской бригады, напримѣръ, освоившейся изъ прежнихъ своихъ рекогносцировокъ съ богото-медованскою мѣстностію, оставалось вполнѣ незнакомымъ все завидское пространство. Стало быть, необходимость предварительнаго ознакомленія съ театромъ предстоящихъ дѣйствій опять-таки отнимала лишнее время, которое съ разу могло бы быть употреблено на преслѣдованіе данной задачи. Хотя, быть можетъ, гораздо цѣлесообразнѣе было бы, не производя смѣны, просто влить новыя части въ составъ отрядовъ, уже прежде успѣвшихъ достаточно ознакомиться съ райономъ своихъ дѣйствій; но смѣна, сдѣланная по настоянію генерала Крылова, желавшаго вмѣсто незнакомыхъ ему частей 9-й кавалерійской дивизіи, имѣть у себя части 4-й дивизіи, которою онъ командовалъ какъ въ мирное время, такъ и на театрѣ военныхъ дѣйствій, до своего назначенія командующимъ 4-мъ корпусомъ, имѣла свои весьма вѣскія основанія, такъ какъ для успѣха какихъ бы то ни было дѣйствій, а партизанскихъ въ особенности, главный начальникъ необходимо долженъ знать характеръ и способности своихъ подчиненныхъ, которые будутъ, по большей части, самостоятельными исполнителями возлагаемыхъ на нихъ порученій.

Надо также замѣтить, что наши кавалерійскіе полки, назначенные къ отправленію за Плевну, находились далеко не въ полномъ комплектѣ: на ихъ долю съ самаго начала кампаніи безпрестанно приходилось выполнять весьма трудныя порученія и потому, естественно, они понесли довольно значительныя потери, въ особенности въ конскомъ составѣ. Но дѣлать было нечего, и до прибытія новыхъ силъ нашей кавалеріи по необходимости оставалось лишь воспользоваться тѣмъ, что на-

шлось подъ рукою *). Начальствованіе надъ завидскимъ русско-румынскимъ кавалерійскимъ отрядомъ было поручено, 2-го сентября, какъ уже сказано, генералъ-лейтенанту Крылову **). Но ожидаемый подходъ маршевыхъ эскадроновъ, пополненіе числа рядовъ до возможно большаго количества, пополненіе боевыхъ запасовъ, сборъ частей и т. п., а также смѣна одного отряда другимъ,—всѣ эти причины въ совокупности сдѣлали то, что генералъ Крыловъ могъ прибыть на мѣсто дѣйствій только 7-го сентября. Такимъ образомъ, пять сутокъ были непроизводительно потеряны для дѣла.

При сформированіи отряда имѣлось въ виду: во-первыхъ, «обратить тщательное вниманіе на пресѣченіе всякой возможности подвоза продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ плевненскому гарнизону», и, во-вторыхъ, «достиженіе этой цѣли, при возможно бóльшемъ сбереженіи силъ корпуса, заключающаго въ себѣ бóльшую часть кавалеріи Западнаго отряда арміи» ***).

---

*) Къ этому времени нѣкоторые регулярные полки, получивъ маршевые эскадроны, пріобрѣли возможность пополниться до десятиряднаго состава взводовъ, а на пополненіе казачьихъ полковъ прибыли съ Дона льготные полки, изъ состава коихъ одна бригада осталась у генерала Лашкарева, но это было уже 10-го сентября. Бригада же полковника Чернозубова (которою временно командовалъ полковникъ Курнаковъ) состояла всего изъ семи сотень (вмѣсто 12-ти), Кавказская бригада находилась только въ восьмирядномъ составѣ, рошіоры въ числѣ шести эскадроновъ, маріупольскіе гусары въ очень слабомъ составѣ, и только астраханскіе драгуны, харьковскіе уланы и кіевскіе гусары, уже получившіе маршевые эскадроны, успѣли пополниться до десятиряднаго состава, вмѣсто шестнадцатиряднаго, который требуется боевымъ комплектомъ.

**) Бывшему командиру лейбъ-гвардіи Уланскаго полка, а впослѣдствіи начальнику дивизій — сперва 7-й, потомъ 4-й кавалерійской, съ которою онъ и прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій.

***) Въ виду этихъ цѣлей была составлена слѣдующая инструкція:

Приказаніе по сводному кавалерійскому корпусу и 9-й кавалерійской дивизіи, сентября 5-го дня 1877 г., № 1.

Для дѣйствій на пути сообщенія, т.-е. для *партизанскихъ* дѣйствій въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, и для держанія такимъ образомъ непріятеля, укрывающагося въ плевненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, въ возможно *строгой и постоянной блокадѣ*, высылаются: сводный кавалерійскій корпусъ на софійское, а 9-я кавалерійская дивизія на плевно-ловчинское шоссе.

Удобнѣйшими пунктами, утвердившись на которыхъ они могутъ начать свои дѣйствія, полагаю: для своднаго кавалерійскаго корпуса—с. Дубнякъ, а 9-й кавалерійской дивизіи—дефиле, находящееся на плевно-ловчинскомъ шоссе, на высотѣ деревень Боготъ, Брестовецъ.

Постоянною цѣлію этихъ дѣйствій должно быть:

1) Уничтоженіе въ ближайшихъ окрестностяхъ Плевны всѣхъ продоволь-

Кромѣ этихъ руководящихъ соображеній, генералъ Крыловъ имѣлъ еще въ виду и другія, а именно, что мы тогда лишь можемъ разсчитывать на успѣхъ захвата транспортовъ или на полное пресѣченіе имъ возможности проникнуть въ Плевну, если сами будемъ находиться и нападать на нихъ въ та-

---

ственныхъ и фуражныхъ запасовъ, которые непріятель не могъ бы добывать себѣ *даже помощію усиленныхъ фуражировокъ.*

2) Порча, и самая *серьезная* порча, *всѣхъ* дорогъ, идущихъ въ Плевну, а особенно *тѣхъ, которыя идутъ между софійскимъ и плевно-ловчинскимъ шоссе* и по которымъ, какъ то *положительно извѣстно*, плевненская турецкая армія, невидимо для нашего Западнаго отряда, получаетъ какъ жизненные и боевые запасы, такъ и подкрѣпленія.

Примѣчаніе. Порча дороги заключается: въ разрушеніи мостовъ всякихъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, въ перерываніи дорогъ *глубокими* канавами, въ заваливаніи ихъ камнями, деревьями и вообще въ приведеніи дорогъ въ *полнѣйшую* негодность для движенія, а особливо для повозокъ и для артиллеріи.

3) Уничтоженіе почтъ и телеграфовъ, если такіе есть, что̀ несомнѣнно.

Примѣчаніе. О томъ, *когда, гдѣ и кѣмъ* именно будутъ уничтожены телеграфы, а также произведена серьезная порча дорогъ, доносить мнѣ непремѣнно, дабы я могъ, чрезъ довѣренныхъ лицъ, провѣрять дѣйствительность дѣйствій такого рода.

4) Нападеніе на команды и транспорты, слѣдующіе по дорогамъ, перехватываніе или уничтоженіе ихъ, захватъ курьеровъ и одиночныхъ людей, всякій разъ подвергаемыхъ тщательному обыску и опросамъ.

Характерическими чертами дѣйствій подобнаго рода должны служить: настойчивая бдительность, самое *неотвязчивое наблюденіе* за непріятелемъ и *за всѣмъ,* что̀ *дѣлается и двигается у него въ тылу,* дерзкая предпріимчивость, а въ то же время хитрость и ловкость.

Большія кавалерійскія силы, представляемыя своднымъ кавалерійскимъ корпусомъ и 9-ю кавалерійскою дивизіею, даютъ, конечно, возможность въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ одновременно и вдругъ употреблять большія массы конницы; но случаи эти въ партизанской войнѣ рѣдки, такъ какъ цѣли ея гораздо чаще и вѣрнѣе достигаются дѣйствіями отдѣльныхъ небольшихъ, различной силы отрядовъ и партій, выдѣляемыхъ главнымъ начальникомъ отъ своихъ главныхъ силъ по разнымъ направленіямъ, предоставляемымъ обыкновенно собственнымъ находчивости и смѣлости.

Надобно ли, послѣ того, добавлять, — до какой степени важны при подобнаго рода дѣйствіяхъ, съ одной стороны — *духъ предпріимчивости*, который старшіе начальники личнымъ примѣромъ должны внушить своимъ подчиненнымъ, а съ другой — правильный *выборъ,* съ ихъ стороны, начальниковъ этихъ небольшихъ отдѣльныхъ отрядовъ.

Примѣчаніе. О гг. офицерахъ, которые окажутъ *дѣйствительно выдающіяся* способности въ партизанскихъ дѣйствіяхъ, прошу мнѣ доносить особо.

Указывать какія-либо подробности или правила для руководства для такихъ большихъ партизанскихъ дѣйствій, для которыхъ отнынѣ предназначаются сводный кавалерійскій корпусъ и 9-я кавалерійская дивизія, считаю невозможнымъ, ибо, по самой сущности своей, дѣйствія подобнаго рода ускользаютъ

комъ разстояніи отъ Плевны, чтобы гарнизонъ этой послѣдней никакъ не могъ подать имъ своевременную помощь *).

Руководствуясь этими соображеніями, генералъ Крыловъ намѣревался сосредоточить важнѣйшія операціи своего кор-

---

отъ всякихъ правилъ, и успѣхъ ихъ основывается, съ одной стороны, на *средствахъ,* находящихся въ рукахъ начальниковъ и на общей *обстановкѣ,* среди которой они производятся, а съ другой — на предпріимчивости начальниковъ, ихъ смѣлости, настойчивости и, главное, *добросовѣстности,* съ какою они поведутъ свое дѣло, исключающее всякую реляціонную вымышленность и пустословіе.

Средства, заключающіяся въ огромномъ числѣ кавалеріи, предоставляемой въ руки начальниковъ своднаго корпуса и 9-й кавалерійской дивизіи, такъ велики, какъ рѣдко въ военной исторіи представляются тому примѣры **).

Обстановка, среди которой они будутъ дѣйствовать — можно сказать безъ преувеличенія, — *благопріятна безпримѣрно:* непріятельская кавалерія малочисленна (?) и вообще труслива, дрянна (?!). Народонаселеніе страны къ намъ дружелюбно. А въ нравственныхъ качествахъ начальниковъ нашей кавалеріи, какъ равно въ кавалеріи самой, я не могу усомниться. Глубоко увѣренъ, что каждый кавалеристъ пойметъ всю важность и великость подвига, на который онъ призывается, будетъ вѣровать и помнить, что *партизанскія дѣйствія*, на которыя онъ идетъ, есть страшный молотъ, который медленно, но вѣрно нанося удары по самымъ чувствительнымъ частямъ противника, можетъ довести его до гибели и до такого отчаянія, до котораго не въ силахъ даже довести его артиллерія, пули и штыки.

Дождевыя капли, падая на камень, пробиваютъ его.

Пусть же каждый изъ кавалеристовъ это знаетъ и помнитъ!

Подлинное подписалъ начальникъ штаба Западнаго отряда генералъ - лейтенантъ Зотовъ.

Приказаніе это командующій корпусомъ приказалъ прочесть по полкамъ, при собраніи всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ.

*) Въ донесеніи о дѣйствіяхъ сводно-кавалерійскаго корпуса говорится: «это соображеніе имѣло еще и то значеніе, что удаленіе значительныхъ силъ изъ Плевны для провода транспортовъ, было бы важно, какъ всякое ослабленіе плевненскаго гарнизона». Нельзя не замѣтить, что это послѣднее соображеніе имѣло бы нѣкоторое значеніе лишь въ томъ только случаѣ, если бы мы рѣшились опять атаковать Плевну; но разъ, что была рѣшена блокада, всякое ослабленіе плевненскаго гарнизона могло быть для насъ только вредно, такъ какъ оно уменьшало количество лишнихъ ртовъ и, стало быть, дѣлая Османупашѣ экономію въ продовольствіи, длило бы время нашей блокады. Съ этой точки зрѣнія пропускъ въ Плевну десяти тысячъ турокъ можно было бы поставить генералу Крылову въ положительную заслугу, если бы вмѣстѣ съ этими силами не прошелъ транспортъ въ двѣ тысячи повозокъ.

**) Средства, предоставленныя генералу Крылову могли казаться великими только номинально (по числу полковъ и эскадроновъ), въ дѣйствительности же они представляли изъ себя силу въ 3,856 человѣкъ, изъ коихъ собственно русскихъ было только 2,868 человѣкъ, при пяти конныхъ батареяхъ (30 орудій), въ томъ числѣ одна румынская, такъ что весь сводный корпусъ со всѣми строевыми и нестроевыми чинами далеко не превышалъ 5.000 человѣкъ.

Примѣчаніе автора.

пуса на софійско-плевненскомъ шоссе, какъ на главной линіи сообщеній противника, начавъ партизанскія дѣйствія за селеніемъ Телишъ, въ томъ предположеніи, что встрѣча и перехватъ транспортовъ въ этомъ районѣ представлялись ему наиболѣе вѣроятными.

7-го сентября корпусъ генерала Крылова прибылъ на бивуакъ къ селенію Дольнему Дубняку и расположился вокругъ этого селенія большимъ каре *). Здѣсь генералъ

---

*) Характеръ расположенія и весь порядокъ службы сводно-кавалерійскаго корпуса видны изъ слѣдующаго приказа генералъ-лейтенанта Крылова по корпусу отъ 8-го сентября, за № 1.

Командуемому мною корпусу расположиться на бивуакѣ у с. Дольній Дубнякъ, образуя каре, слѣдующимъ порядкомъ:

1) 8-й Астраханскій и 4-й Екатеринославскій драгунскіе полки, имѣя между собою 7-ю конную батарею, станутъ фронтомъ къ Плевно, составляя собою восточный фасъ.

2) 4-й уланскій Харьковскій и Кубанскій казачій полки, имѣя между собою донскую № 8-го батарею, образуютъ западный фасъ (фронтъ къ Горнему Дубняку).

3) Бригадѣ полковника Чернозубова и полку каларашей, имѣя между собою донскую № 15-го батарею, образовать сѣверный фасъ.

4) 4-й гусарскій Маріупольскій и Владикавказско-Осетинскій полки, съ 8-ю конною батареею, образуютъ южный фасъ, ставъ тыломъ къ деревнѣ.

5) Тремъ полкамъ каларашей и рошіоръ съ румынскою батареею оставаться въ Дольнемъ Митропольѣ.

Полки и батареи должны стать на бивуакъ по всѣмъ правиламъ бивуачнаго расположенія, выставивъ положенныя по уставу караулы и оцѣпленіе.

Въ деревню Дольній Дубнякъ нижніе чины должны быть отпускаемы не иначе какъ командами, при унтеръ-офицерахъ. На водопой водить части подъ командою офицеровъ.

Для охраненія бивуачнаго расположенія, ежедневно отъ каждаго фаса назначается по два эскадрона (по эскадрону отъ полка, считая бригаду полковника Чернозубова за одинъ полкъ). Сторожевую службу предписываю содержать неуклонно, по всѣмъ правиламъ «Устава о сторожевой службѣ», на полной отвѣтственности полковыхъ командировъ.

Начальникамъ передовыхъ постовъ вмѣняется въ обязанность слѣдить какъ за своевременною смѣною эскадроновъ, такъ и за правильностію отправленія сторожевой службы, во всѣхъ ея подробностяхъ, а также за высылкою дальнихъ разъѣздовъ отъ эскадроновъ, несущихъ сторожевую службу.

Всѣ эскадроны, составляющіе сторожевую цѣпь, должны быть между собою въ непрерывной связи вокругъ всего бивуачнаго расположенія корпуса, не оставляя никакихъ промежутковъ. Начальникамъ передовыхъ постовъ ежедневно, въ 9 часовъ вечера, присылать ко мнѣ подробныя донесенія. Обо всемъ, замѣченномъ въ цѣпи и узнанномъ разъѣздами въ теченіи сутокъ, немедленно доносить записками.

На бивуакѣ каждаго полка должна быть постоянно дежурная часть; остальнымъ быть разсѣдланными.

получилъ донесеніе, что нѣсколько непріятельскихъ колоннъ наступаютъ во флангъ на его бивуакъ съ сѣверо-запада, отъ дер. Магалеты (она же и Магала), расположенной на плевно-раховской дорогѣ. Чтобы провѣрить справедливость донесенія, генералъ распорядился направить въ эту сторону нѣсколько разъѣздовъ, но всѣ они возвратились съ тождественнымъ результатомъ, что никого и ничего въ сторонѣ Магалеты не видѣли. Тѣмъ не менѣе, послѣдующія извѣстія, доставляемыя отчасти болгарами, продолжали настойчиво подтверждать первоначальное показаніе о присутствіи значительныхъ силъ непріятеля въ сторонѣ Магалеты и о его движеніи на корпусъ генерала Крылова. Настойчивость этихъ извѣстій принудила его, ради обезпеченія своего фланга, обратить особенное вниманіе на Магалету и вообще па зарѣчное пространство къ западу отъ рѣки Искера. Для исполненія предположенной цѣли въ Магалету былъ направленъ, для занятія постояннаго поста, дивизьонъ астраханскихъ драгунъ и 2-й эскадронъ рошіоровъ капитана Пондрава. Кромѣ того, 8-го сентября направлены въ разныя стороны пять рекогносцировочныхъ отрядовъ, изъ числа коихъ одному, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника графа Штакельберга, приказано сдѣлать усиленную рекогносцировку въ юго-западномъ направленіи на Телишъ (по софійско-плевненскому шоссе), предназначивъ для сего четыре эскадрона *) и два конныхъ орудія. Рекогносцировка эта имѣла цѣлію освѣтить все пространство между рѣкою Искеромъ, софійскимъ шоссе и лѣвѣе до высоты, на которой лежитъ деревня Ракита **). Графъ Штакельбергъ открылъ непріятеля около Телиша, но опредѣлить количество его силъ не успѣлъ, такъ какъ этому воспрепятствовала турецкая конница, съ которою онъ выдержалъ довольно жаркое кавалерійское дѣло. Хотя непріятельскіе всадники были опрокинуты и частію порублены, но и

Ежедневно наряжать къ моей квартирѣ пѣшій унтеръ-офицерскій караулъ изъ 16-ти нижнихъ чиновъ.

Смѣну эскадроновъ, наряжаемыхъ на службу въ передовые посты, производить неизмѣнно на разсвѣтѣ.

Командующій корпусомъ генералъ-лейтенантъ Крыловъ.

*) Два эскадрона маріупольскихъ гусаръ и дивизьонъ калярашей.

**) Отъ Искера черезъ Телишъ до Ракиты, по прямой линіи, приблизительно верстъ восемнадцать.

намъ обошлось дѣло не дешево: однихъ раненыхъ было до 40-ка человѣкъ и въ томъ числѣ одинъ штабъ и одинъ оберъ-офицеры.

Открытіе непріятеля, сдѣланное графомъ Штакельбергомъ, требовало болѣе точнаго удостовѣренія въ количествѣ его силъ и потому 9-го сентября былъ снова направленъ на Телишъ развѣдочный отрядъ подъ начальствомъ полковника Тутолмина *). Завязавъ съ противникомъ энергическое дѣло, Тутолминъ заставилъ его наконецъ обнаружить свои силы, причемъ, благодаря поручику генеральнаго штаба Сокольскому, который подъ выстрѣлами дѣлалъ снимки непріятельскаго расположенія, обнаружилось, что телишевская позиція уже укрѣплена ложементами для пѣхоты и готовыми батареями для артиллеріи, изъ которыхъ одна была еще не вполнѣ насыпана, и что на этой позиціи находится отъ 10-ти до 12-ти тысячъ турокъ, въ томъ числѣ два полка конницы, при шести орудіяхъ. Непріятель выстроился въ полный боевой порядокъ, что̀ и дало возможность пересчитать его колонны. Дѣйствія полковника Тутолмина на цѣлый день задержали противника въ Телишѣ.

Такъ какъ наступленіе на нашъ корпусъ со стороны Магалеты, о которомъ столь настойчиво получались извѣстія еще 7-го сентября, въ дѣйствительности не состоялось, то̀ остается думать, что непріятель, прикрываясь съ лѣвой своей руки рѣкою Искеромъ, успѣлъ въ теченіи сутокъ передвинуться къ Телишу и укрѣпиться здѣсь на занятой имъ позиціи. Если бы заранѣе было извѣстно о присутствіи непріятельской пѣхоты у Телиша, то конечно вся кавалерія уже 7-го сентября была бы тамъ и начальникъ ея имѣлъ бы возможность послать на Боготъ донесеніе о безотлагательной необходимости прислать къ нему хотя бы нѣсколько батальоновъ, такъ какъ одна кавалерія ничего не могла сдѣлать противъ десяти тысячъ пѣхоты, занимавшей укрѣпленную позицію. Но появленіе турокъ въ Телишѣ было вполнѣ внезапное, такъ какъ разъѣзды 9-й кавалерійской дивизіи, ходившіе подъ Телишъ еще въ самый день своей смѣны изъ-подъ Горняго Дубняка, т. е. 7-го числа утромъ, вовсе не видѣли тамъ непріятеля.

---

*) Шесть сотень Кавказской бригады, два эскадрона Харьковскаго уланскаго, два эскадрона Екатеринославскаго драгунскаго полковъ и 8-я донская батарея.

Генералъ Крыловъ, еще 9-го числа, тотчасъ же по полученіи свѣдѣній отъ Тутолмина, написалъ генералу Зотову слѣдующее письмо:

«Положеніе моего отряда въ Дубнякѣ нахожу ненормальнымъ, потому что впереди меня въ Телишѣ видимыхъ 10 тысячъ пѣхоты; съ фланга у Магалы собрались уже турки; съ другаго, отъ Плевны, въ предмостномъ *) укрѣпленіи на Видѣ 4 батальона и 6 орудій, не говоря о разбросанной вездѣ кавалеріи, что̀ заставляетъ меня расходовать въ день восемь эскадроновъ для аванпостовъ; наступленіемъ съ фланговъ меня отрѣжутъ отъ румынъ, которые въ Митрополѣ, и парализуютъ мои дѣйствія.

«Если найдете удобнымъ, то я желалъ бы разрѣшенія перейдти въ Семеретъ - Трестеникъ, для обезпеченія своего тыла и фланговъ, и изъ этого базиса дѣлать свои поиски. Но не могу этого сдѣлать, покуда не будетъ приказано Лашкареву съ своей стороны высылать отряды по направленію отъ плевноловчинскаго шоссе къ софійскому, для наблюденія хотя бы части этого пространства.

«Продовольствіе мое идетъ черезъ Рыбенъ, летучій паркъ въ Турскомъ - Трестеникѣ, раненыхъ и больныхъ не могу иначе отправлять какъ по этой же дорогѣ,—значитъ, корпусу мѣсто въ Семеретъ-Трестеникѣ; но такъ какъ это шагъ назадъ, то безъ приказанія не могу его сдѣлать.

«Различить болгарскіе запасы отъ турецкихъ невозможно,—или все жечь, или ничего **). Консулъ Кара-Михайловъ при первыхъ выстрѣлахъ отъ меня удралъ ***). Лживыхъ пока-

---

*) Т.-е. замостномъ; предъ мостомъ же по лѣвую сторону Вида, у турокъ не было никакого укрѣпленія.

**) Дабы лишить турокъ возможности фуражировать у болгаръ, генералъ Зотовъ, еще въ первой половинѣ августа мѣсяца, вскорѣ по принятіи командованія надъ Западнымъ отрядомъ, сдѣлалъ распоряженіе, съ оповѣщеніемъ о томъ всѣхъ окрестныхъ болгарскихъ селеній, какъ по сю, такъ и по ту сторону Вида, чтобы поселяне убрали всѣ свои запасы продовольствія и фуража, а равно и скотъ за линію нашего расположенія, на что̀ имъ дается двухнедѣльный срокъ, съ тѣмъ что по прошествіи этого срока, всѣ запасы, какіе найдутся за Видомъ, будутъ считаться за непріятельскую собственность и подвергнутся истребленію. На основаніи этого, генералу Крылову и было дано предписаніе истреблять продовольствіе и фуражъ, какъ бы турецкіе.

***) Бывшій нашъ консулъ Кара - Михайловъ былъ данъ генералу Крылову въ качествѣ переводчика, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ мѣстною страною.

заній получаю много; для дѣла ни одного лазутчика не могу и за золото получить; всѣ свѣдѣнія отъ своихъ разъѣздовъ. Крыловъ».

Въ тотъ же самый день, еще не получивъ отвѣта на свое письмо, генералъ Крыловъ отправилъ генералу Зотову слѣдующее извѣщеніе:

«Необходимость обезпеченія продовольствія, сообщенія съ летучимъ паркомъ, отправленія раненыхъ и больныхъ и, наконецъ, необходимость, вполнѣ выяснившаяся, прочнаго опорнаго пункта для партизанскихъ дѣйствій, не парализованныхъ собственною охраною, заставила меня перейдти въ Семеретъ-Трестеникъ, откуда буду продолжать направлять летучіе отряды, сообразно съ получаемыми свѣдѣніями. Генералъ Крыловъ. 9-е сентября.

«Въ Дольнемъ Дубнякѣ остается казачій полкъ, въ Медованѣ — сотня, а въ Митропольѣ три полка рошіоровъ съ батареею».

10-го сентября утромъ наши аванпосты, выставленные къ Горнему Дубняку, замѣтили, что значительныя силы турокъ всѣхъ трехъ родовъ оружія наступаютъ въ направленіи отъ Горняго Дубняка къ Дубняку Дольнему *). Извѣстіе это, доставленное генералу съ аванпостовъ, вызвало съ его стороны распоряженіе объ отправкѣ въ сторону непріятеля дежурныхъ частей, которыя хотя и завязали перестрѣлку, но подавляемыя превосходствомъ силъ противника, вынуждены были отойдти на позицію, выбранную генераломъ за Дольнимъ Дубнякомъ, въ видахъ задержанія наступающаго непріятеля. Около половины отряда было оставлено въ Горнемъ Митропольѣ, а остальные полки стали полукружіемъ передъ Горнимъ Дубнякомъ. Едва успѣлъ генералъ Крыловъ окончить здѣсь распоряженія, какъ получилъ извѣстіе отъ генералъ-маіора Лашкарева, что этотъ послѣдній отправился съ подвѣдомственною ему частію впередъ, по направленію къ Телишу. Предположивъ, на основаніи этого извѣстія, что генералъ Лашкаревъ неминуемо долженъ зайдти въ тылъ непріятелю за Горнимъ Дубнякомъ, генералъ Крыловъ завязалъ съ наступающимъ противникомъ артилле-

---

*) Разстояніе между этими двумя деревнями около шести верстъ.

рійскій бой съ фронта. Но около трехъ часовъ дня онъ услышалъ, что выстрѣлы изъ отряда Лашкарева раздаются не въ тылу турокъ, а съ фронта, на протяженіи лѣваго фланга нашего кавалерійскаго корпуса [1]). Но еще ранѣе этого онъ получилъ донесеніе, что турецкая пѣхота въ значительныхъ силахъ вышла двумя колоннами изъ Плевны и направляется по лощинѣ въ тылъ нашему кавалерійскому корпусу. Тогда, убѣдясь въ безцѣльности фронтальнаго артиллерійскаго боя, генералъ Крыловъ началъ отходить со своимъ корпусомъ на сѣверо-востокъ, къ селенію Семеретъ-Трестенику, распорядившись, чтобы въ деревнѣ Горнее Митрополье, лежащей на полупути къ Дольнему Дубняку, остался передовой отрядъ [2]), въ видѣ аррієргарда. «Выборъ Семеретъ-Трестеника основнымъ пунктомъ—говоритъ генералъ Крыловъ въ своемъ донесеніи—былъ сдѣланъ въ томъ соображеніи, что при незначительной разницѣ въ удаленіи отъ софійскаго шоссе [3]), въ сравненіи съ Дольнимъ Дубнякомъ, онъ былъ ближе къ нашему коммуникаціонному пути [4]), а расположеніе отряда у Митрополья [5]) давало возможность слѣдить и за тѣмъ, что̀ могло бы выходить изъ Плевны».

На отрядъ генерала Лашкарева, состоявшій изъ трехъ полковъ 9-й кавалерійской дивизіи и 4-го донскаго полка, было возложено прикрытіе лѣваго фланга нашего общаго расположенія у Плевны, съ тѣмъ, чтобы имѣть постоянную связь съ отрядомъ генерала Крылова.

Едва только генералъ Лашкаревъ произвелъ 8-го сентября рекогносцировку всего пространства отъ с. Богота къ Медовану и сдѣлалъ необходимыя распоряженія объ измѣненіи направленія аванпостной линіи, какъ 9-го сентября, въ 10 ча-

---

[1]) По свидѣтельству генерала Лашкарева, онъ открылъ огонь въ половинѣ перваго часа дня.

[2]) Донская бригада полковника Чернозубова и бригада каларашей.

[3]) Семеретъ-Трестеникъ отъ Дольняго Дубняка, лежащаго на софійскомъ шоссе, находится въ разстояніи около 12-ти верстъ.

[4]) Коммуникаціонный путь отряда лежитъ въ тылу его, на селеніе Злокучинъ, а оттуда чрезъ мостъ на Видѣ къ сел. Крета, на правый флангъ румынскаго корпуса.

[5]) Вышесказанный отрядъ полковника Чернозубова.

совъ вечера, получилъ слѣдующее приказаніе отъ начальника штаба Западнаго отряда, генерала Зотова:

«По полученнымъ свѣдѣніямъ, непріятельская колонна, изъ всѣхъ трехъ родовъ войскъ, двигаясь въ Плевно, ночуетъ въ Телишѣ, а потому предписываю—оставивъ бригаду донскихъ казаковъ на ловчинскомъ шоссе, съ цѣлью прикрытія лѣваго фланга отряда и наблюденія за Плевно, съ остальною ввѣренною вамъ кавалеріею направиться черезъ Крушевицу къ Телишу и, войдя въ связь съ генераломъ Крыловымъ, дѣйствовать противу наступающей колонны самымъ рѣшительнымъ образомъ».

Задача, данная кавалеріи генерала Лашкарева, была не изъ легкихъ: ей предстояло, сдѣлавъ переходъ въ 30 верстъ, дѣйствовать противъ пѣхоты, пользовавшейся укрѣпленіями и, вдобавокъ, при такой обстановкѣ, что можно было ежеминутно ожидать появленія турокъ въ тылу (изъ Плевны); къ тому же, по свѣдѣніямъ, имѣвшимся отъ разъѣздовъ, село Чуриково (на р. Видъ) было занято непріятелемъ *), такъ что въ случаѣ наступленія турокъ изъ Плевны и занятія ими переправъ у Медована, кавалеріи генерала Лашкарева нельзя было бы воспользоваться и переправой у Чурикова.

Въ 6 часовъ утра, 10-го сентября, отрядъ, въ составѣ трехъ регулярныхъ и одного донскаго казачьяго № 4-го полка, съ двумя конными батареями, выступилъ подъ командою генерала Лашкарева въ указанномъ направленіи и въ то же время былъ посланъ къ генералу Крылову разъѣздъ, съ увѣдомленіемъ, что отрядъ Лашкарева слѣдуетъ на Крушевицу и далѣе къ Телишу; у Крушевицы же разсчитываетъ получить отъ генерала Крылова какія-либо приказанія относительно предстоящаго дѣла. Отрядъ переправился черезъ р. Видъ у Медована и прибылъ въ Крушевицу къ 12-ти часамъ дня. Въ это время уже слышны были выстрѣлы въ сторонѣ къ Горнему Дубняку.

Не получивъ еще отъ генерала Крылова никакихъ извѣстій, генералъ Лашкаревъ продолжалъ движеніе къ Телишу и прошелъ уже отъ Крушевицы версты три, когда передовые

---

*) Свѣдѣніе это подтвердилось впослѣдствіи сообщеніемъ генерала Крылова, помѣщаемымъ ниже.

разъѣзды дали ему знать, что лѣсъ, находящійся впереди, между Крушевицею и Телишемъ, занятъ непріятельскою пѣхотою. Между тѣмъ артиллерійскіе выстрѣлы въ сторонѣ Горняго Дубняка все учащались. Генералъ Лашкаревъ выслалъ впередъ цѣпь наѣздниковъ, а вскорѣ приказалъ спѣшиться казанскимъ драгунамъ и, выдвинувъ свои батареи на позицію, открылъ огонь. Это было въ половинѣ перваго часа. Такимъ образомъ оказалось, что путь отъ Крушевицы къ Телишу дѣйствительно прегражденъ непріятелемъ.

Турки занимали укрѣпленную позицію на софійскомъ шоссе и на дорогѣ изъ Крушевицы въ Телишъ, къ юго-западу отъ Горняго Дубняка, южнѣе котораго дѣйствовала батарея съ бригадою сводно-кавалерійскаго корпуса генерала Крылова. На правомъ флангѣ турокъ былъ лѣсокъ, тянувшійся версты на двѣ и сильно занятый турецкою пѣхотою. Позиція непріятеля командовала всею впереди лежащею мѣстностью, покрытою кукурузными полями; на крайнемъ правомъ флангѣ этой позиціи, подъ лѣсомъ и южнѣе его, тоже тянулись обширныя поля кукурузы, которая вообще была такъ высока, что закрывала всадника. Мѣстность эта представлялась на столько неблагопріятною для дѣйствій нашей артиллеріи, что батареи первоначально были вынуждены сняться съ передковъ на разстояніи 1,100 сажень отъ непріятеля, частью противъ лѣса, частью же противъ дальнобойныхъ турецкихъ батарей. На такомъ разстояніи наши 4-хъ-фунтовыя орудія не могли дѣйствовать съ особеннымъ успѣхомъ, а потому какъ только была отыскана среди кукурузы другая позиція, они подъѣхали на 600 сажень къ непріятелю и, не смотря на огонь турецкой пѣхоты, начали стрѣлять учащеннымъ огнемъ какъ по батареямъ, такъ и по лѣсу, что прикрывалъ правый флангъ турокъ. По бокамъ, впереди нашихъ батарей, дѣйствовали спѣшенные стрѣлки, а фланги и тылъ къ Плевнѣ наблюдались разъѣздами.

Вступивъ такимъ образомъ въ бой, генералъ Лашкаревъ въ 1 часъ 20 минутъ по полудни получилъ слѣдующее сообщеніе отъ генерала Крылова:

«Положеніе дѣлъ таково: турецкій отрядъ, около 10-ти батальоновъ и два полка кавалеріи, стоявшій у Телиша, сегодня утромъ перешелъ противу Дольняго Дубняка въ на-

ступленіе. Кромѣ того, показались турки со стороны Плевны. Задерживаю ихъ у Дольняго Дубняка. Турки теперь окопались у Горняго Дубняка. Имѣя въ виду обезпечить свой тылъ и сообщеніе съ Рыбнымъ, я съ главными силами отхожу теперь къ Митрополю, оставивъ сильный авангардъ у Дольняго Дубняка. Селеніе Чуриково, по донесеніямъ разъѣздовъ, тоже занято турками».

Спустя нѣкоторое время, генералъ Крыловъ вновь подтвердилъ эти свѣдѣнія и предложилъ генералу Лашкареву дѣйствовать со стороны Ракиты къ Горнему Дубняку и Телишу.

Получивъ приказаніе генерала Крылова около $2^1/_2$ часовъ по полудни, генералъ Лашкаревъ, для исполненія онаго, долженъ былъ бы отходить влѣво подъ огнемъ противника, по мѣстности неудобной для движенія артиллеріи, въ то время, когда генералъ Крыловъ уже отходилъ отъ Горняго Дубняка; вслѣдствіе этого турки получили бы возможность перейдти въ наступленіе и совершенно отрѣзать Лашкарева отъ р. Вида, а также и отъ кавалерійской бригады отряда генерала Крылова. Въ виду этого, генералъ Лашкаревъ продолжалъ удерживать то положеніе, которое разъ уже было имъ принято. Перестрѣлка продолжалась до четырехъ часовъ, когда онъ получилъ отъ полковника Курнакова слѣдующее увѣдомленіе:

«Изъ Плевны появилась непріятельская пѣхота и кавалерія; по приказанію генерала Крылова, мы отступаемъ».

Въ это время кавалерія, дѣйствовавшая къ югу отъ Горняго Дубняка, уже отошла, такъ что весь дальнѣйшій огонь непріятеля пришлось принять на себя одному отряду Лашкарева, тылъ котораго ничѣмъ не былъ обезпеченъ отъ противника, выходящаго изъ Плевны. Въ силу этого обстоятельства, а также и въ виду довольно уже поздняго времени, генералъ Лашкаревъ началъ постепенно выходить изъ боя, причемъ турецкія гранаты провожали его до Крушевицы, а въ семь часовъ вечера прибылъ въ Медованъ, гдѣ получилъ свѣдѣніе отъ разъѣзда, что турки наступаютъ долиною рѣки Вида къ Медовану.

По провѣркѣ этого донесенія оказалось, что нѣсколько таборовъ турецкой пѣхоты дѣйствительно вышли въ долину рѣки Видъ и направились вверхъ по Виду къ Тренинѣ (она же Трнина), а оттуда двинулись въ Дольній Дубнякъ.

Отрядъ генерала Лашкарева уже въ потемкахъ, подъ сильнымъ вѣтромъ и дождемъ, переправился черезъ Видъ и въ два часа ночи, 11-го сентября, прибылъ на бивуакъ у с. Боготъ, сдѣлавъ въ сутки 60 верстъ, не разсѣдлывая и не кормя, и выдержавъ четырехчасовой бой.

Для того, чтобы выбить противника изъ лѣса и укрѣпленной позиціи, отрядъ генерала Лашкарева располагалъ штыками только одного драгунскаго полка, вслѣдствіе чего осуществленіе этой задачи, конечно, не могло быть успѣшнымъ.

Между тѣмъ турецкая пѣхота, вышедшая изъ Плевны въ тылъ, успѣла около пяти часовъ дня зайдти и въ лѣвый флангъ корпусу генерала Крылова, уже совершившаго отступленіе, и завязала сильный огонь съ арріергарднымъ отрядомъ полковника Курнакова. Благодаря этому обходному движенію, турки заслонили софійское шоссе и подъ прикрытіемъ своего огня успѣли провести въ Плевну транспортъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, вмѣстѣ съ конвоировавшими его силами, которыя наканунѣ были открыты полковникомъ Тутолминымъ въ укрѣпленной позиціи близь Телиша. Это было для турокъ тѣмъ удобнѣе, что проводъ обозовъ и подкрѣпленій совершался подъ прикрытіемъ вечерней темноты, и хотя наша 15-я донская батарея провожала ихъ выстрѣлами съ позиціи у Горняго Митрополья, тѣмъ не менѣе, благодаря потемкамъ, проливному дождю и сильному вѣтру, едва ли этотъ огонь могъ нанести существенный вредъ противнику. «Результатомъ дѣйствій корпуса съ 7-го по 11-е сентября—говорится въ донесеніи генерала Крылова—было задержаніе десяти тысячъ турокъ, шедшихъ изъ Софіи въ Плевну, на двое сутокъ».

По приходѣ въ Семеретъ-Трестеникъ, генералъ Крыловъ въ тотъ же вечеръ (10-го сентября) отдалъ слѣдующій приказъ по сводно-кавалерійскому отряду (приказъ за № 3):

«Ввѣренному мнѣ отряду расположиться:

1) Авангарду, подъ начальствомъ полковника Курнакова, въ составѣ донской бригады полковника Чернозубова (семь сотень) съ 15-ю донскою батареею и бригадѣ калалрашей (шесть эскадроновъ) стать бивуакомъ у Дольняго Митрополья, фронтомъ къ Дольнему Дубняку, выставивъ передовые посты къ софійскому шоссе.

2) 4-й кавалерійской дивизіи, 8-му драгунскому Астраханскому полку, 7-й и 8-й коннымъ батареямъ, бригадѣ рошіоровъ съ ихъ батареей, Кавказской бригадѣ полковника Тутолмина и 8-й донской батареѣ, подъ общею командою генералъ-маіора Макарова, стать бивуакомъ къ сѣверу отъ дер. Семеретъ-Трестеникъ, фронтомъ къ югу.

(Параграфъ 3-й заключаетъ въ себѣ распоряженія по внутреннимъ распорядкамъ корпуса и о караульной очереди).

4) Деревню Демиркіой занять эскадрономъ отъ 4-го драгунскаго Екатеринославскаго полка, которому своею цѣпью постовъ войдти въ связь слѣва съ румынами у дер. Кацымуница, а справа съ бригадою Чернозубова, для чего поставить промежуточный постъ. Эскадрону зорко наблюдать за теченіемъ р. Видъ и дорогою въ Плевну.

5) Дивизьону Астраханскаго полка, подъ начальствомъ маіора Радзишевскаго, перейдти завтра съ разсвѣтомъ, по прежнему, въ д. Магалета» *).

Въ этотъ же день (10-го) генералъ Крыловъ получилъ отъ начальника штаба Западнаго отряда отвѣтъ на приведенное выше извѣщеніе о переходѣ сводно-кавалерійскаго корпуса въ Семеретъ-Трестеникъ, помѣченное 9-мъ числомъ сентября. Отвѣтъ этотъ заключался въ изложеніи мнѣнія генерала Зотова о преимуществахъ расположенія въ Дольнемъ Дубнякѣ, для *наступательныхъ* дѣйствій на сообщенія непріятеля въ районѣ между софійскимъ и ловчинскимъ шоссе. «И потому— писалъ далѣе генералъ Зотовъ, — вамъ необходимо быть въ постоянной и тѣсной связи съ генераломъ Лашкаревымъ; положеніе же ваше въ Трестеникѣ удаляетъ васъ отъ него. Поэтому считаю необходимымъ: главныя силы ваши держать въ Дубнякѣ, а Крушевицу и Медованъ занимать не сотнею, а примѣрно казачьею бригадою, такъ какъ только этимъ путемъ вы можете держать связь съ генераломъ Лашкаревымъ, препятствовать проходу непріятельскихъ транспортовъ и обоюдно достигать указанной вамъ цѣли».

12-го же числа генералъ Крыловъ получилъ отъ князя

---

*) Этотъ дивизьонъ, вмѣстѣ со 2-мъ эскадрономъ рошіоровъ, былъ притянутъ къ отряду, на случай боя, въ виду результатовъ рекогносцировки полковника Тутолмина 9-го сентября.

Карла Румынскаго предписаніе (помѣченное 10/22-мъ числомъ сентября) охранять своимъ кавалерійскимъ корпусомъ правый флангъ румынской арміи, на высотѣ селенія Бреста (въ 10-ти верстахъ отъ берега Дуная), базируясь въ крайнемъ случаѣ (т. е. въ случаѣ напора превосходныхъ силъ противника) на селеніе Рибне, лежащее на правомъ берегу Вида *). Причиною такого распоряженія, очевидно, было желаніе прикрыть румынскіе батальоны, разбросанные въ Брестѣ, Кретѣ, Рыбне, Гуленци и проч. отъ появленія турокъ со стороны Виддина. Одновременно съ этимъ приказомъ генералъ Крыловъ получилъ обстоятельное донесеніе изъ своего магалетскаго отряда о томъ, что въ пространствѣ между Видомъ и Искеромъ и

---

*) Предписаніе это было слѣдующаго содержанія:

«Grand quartier général de l'armée d'Occident, Poradim, le 10/22 Septembre 1877.

«A Son Exellence M-r le lieutenant général Krilow.

«En cas, que vous soyez forcé de quitter vos positions sur la route de Sophie-Widdin devant les forces supérieures des ennemis, en infanterie et artillerie, le point de Riben vous est indiqué comme point général de retraite avec la mission de couvrir au loin le zone en avant du Vid jusqu'à la hauteur de Brest. A Goulentzi se trouve le 4-me régiment de calarachi de l'armée roumaine, avec lequel vous pouvez vous relier. Je désire, que cet espace soit tellement couvert, que personne ne puisse le traverser sans que vous en ayiez connaissanse. Votre situation a donc pour objet de couvrir l'armée contre toute tentative, venant de l'Ouest. A Riben se trouvent un battaillon et quatre pièces. Kreta et Goureni sont également occupés chacun par un bataillon roumain.

«Le commandant de l'armée d'Occident Charles.

«En absence du général Zotoff, son aide-chef d'état major, colonel Novitzky».

«Главная квартира Западной арміи, Порадимъ 10/22 сентября 1877.

«Генералъ-лейтенанту Крылову.

«Если въ виду превосходныхъ силъ непріятельской пѣхоты и артиллеріи, вы будете вынуждены оставить ваше расположеніе на софійско-виддинской дорогѣ, то селеніе Рибенъ назначается вамъ, какъ главный пунктъ на случай отступленія, съ порученіемъ прикрывать вдали пространство впереди Вида до Бреста. Въ Гуленци (Гилянъ) находится 4-й полкъ калярашей, съ которымъ вы можете войдти въ связь. Я желаю, чтобы это пространство было прикрыто такъ, что никто не могъ бы перейдти за его черту не замѣченнымъ вами. Ваше положеніе имѣетъ цѣлью прикрывать армію отъ всякихъ покушеній съ запада. Въ Рыбинѣ одинъ батальонъ и четыре орудія. Селенія Крета и Гурени также заняты, каждое однимъ румынскимъ батальономъ.

«Начальникъ Западной арміи Карлъ.

«За отсутствіемъ генерала Зотова, его помощникъ, генеральнаго штаба полковникъ Новицкій».

далѣе къ западу появились шайки черкесовъ, занимающіяся грабежемъ, вербовкою людей и реквизиціями подводъ для турецкихъ войскъ и транспортовъ. Вслѣдствіе этого генералъ Крыловъ, выдѣливъ изъ своего корпуса довольно значительный отрядъ *), предпринялъ съ нимъ 13-го сентября особую экспедицію къ городу Рахову. Эта экспедиція въ первый же день увѣнчалась успѣхомъ въ томъ отношеніи, что деревни Бѣлослатина, Старосельцы, Красносельцы и Островикъ были очищены отъ мелкихъ черкесскихъ шаекъ, а телеграфныя линіи, ведущія на Виддинъ и Плевну, испорчены.

14-го сентября, приблизясь къ Рахову, отрядъ генерала Крылова встрѣтилъ три редута, замыкавшіе подступы къ городу. Приказано было открыть по нимъ огонь, для чего батареи рошіоровъ и 15-я донская выдвинулись на командующія высоты. Для занятія этихъ высотъ пришлось означеннымъ батареямъ спускаться въ оврагъ и выбираться изъ него по крутому подъему, подъ сильнымъ гранатнымъ огнемъ, и эту трудную задачу обѣ батареи, а въ особенности румынская, на глазахъ у всего отряда исполнили самымъ блестящимъ образомъ. Лихо вскарабкавшись на кручу, они тотчасъ же открыли огонь и въ нѣсколько выстрѣловъ замѣтно ослабили огонь противника, причемъ одно орудіе у турокъ было подбито. Однако генералъ Крыловъ не счелъ нужнымъ овладѣть небольшою раховскою крѣпостью, потому что не видѣлъ возможности удержать ее за собою, «а сжечь ее не считалъ себя въ правѣ, такъ какъ Рахово скорѣе городъ болгарскій, нежели турецкій», и такимъ-то образомъ, «выказавъ присутствіе отряда тамъ, гдѣ турки не ожидали встрѣтить ни одного русскаго», генералъ 16-го сентября вернулся назадъ, и зайдя въ Рыбне, для полученія сухарей и пополненія снарядовъ, сталъ 18-го числа опять въ Семеретъ-Трестеникѣ.

Между тѣмъ во время отсутствія генерала Крылова полковникъ Курнаковъ, командовавшій митропольскимъ передовымъ отрядомъ, успѣлъ сдѣлать нападеніе на два транспорта и въ

---

*) Бригада Кавказская, бригада рошіоровъ, 1-я бригада 4-й кавалерійской дивизіи и Астраханскій драгунскій полкъ, съ тремя батареями.

первомъ изъ нихъ захватилъ двадцать, а во второмъ сто повозокъ съ мукою и ячменемъ; кромѣ того отбилъ нѣсколько подводъ съ сѣномъ, напавъ на нихъ въ то время какъ плевненскіе турки дѣлали фуражировку.

По возвращеніи въ Семеретъ-Трестеникъ 18-го числа, генералъ Крыловъ снарядилъ особый развѣдочный отрядъ *), поручивъ его полковнику Левизъ-офъ-Менару, съ тѣмъ чтобы онъ направился по софійскому шоссе, черезъ Телишъ на Рубцы, для осмотра поперечной мѣстности по линіи между селеніями Червеный-Брегъ, Рубцы и Радомирцы, и для открытія въ этой мѣстности непріятельскихъ транспортовъ. Означенный отрядъ выступилъ по назначенію того же числа, и на слѣдующій день, 19-го сентября, генераломъ Крыловымъ уже было получено отъ Левизъ-офъ-Менара донесеніе, что въ самый день своего выступленія отрядъ встрѣтилъ партію баши-бузуковъ, атаковалъ ее и преслѣдовалъ до селенія Луковицы (лежащаго на разстояніи около 15-ти верстъ по шоссе далѣе Телиша, къ юго-западу), отбивъ во время преслѣдованія свыше тысячи головъ скота и восемьдесятъ лошадей, а также нѣсколько повозокъ съ хиною, медикаментами и солью, которая была отдана въ пользу отряда. Кромѣ того, наши кавалеристы разрушили мостъ черезъ рѣчку Панегу, на шоссе у Радомирцевъ, и вновь испортили на пространствѣ отъ Телиша до Луковицы телеграфную линію на Софію, которую турки до ихъ появленія успѣли было возстановить. Затѣмъ, 20-го сентября, во время перехода изъ Радомирцевъ въ Чумаковцы **), былъ сожженъ мостъ на Панегѣ, близъ деревни Червеный-Брегъ; а 21-го числа утромъ, выступивъ съ бивуака у Чумаковцевъ двумя колоннами ***) на Луковицу, пол-

*) Четыре сотни Владикавказскаго полка, дивизьонъ харьковскихъ уланъ, дивизьонъ маріупольскихъ гусаръ и 8-я конная батарея.

**) Селеніе, лежащее къ сѣверо-западу отъ Радомирца, при устьѣ рѣчки Панеги, впадающей въ Искеръ.

***) Лѣвая колонна, подъ начальствомъ полковника Мацылевича, состояла изъ трехъ эскадроновъ астраханскихъ драгунъ, дивизьона гусаръ, дивизьона уланъ, двухъ взводовъ 8-й и одного взвода 7-й конныхъ батарей; правая же колонна, подъ начальствомъ полковника Левизъ-офъ-Менара, состояла изъ Владикавказскаго полка, эскадрона драгунъ и взвода 8-й конной батареи. Первая колонна направлялась на деревни Червеный-Брегъ, Рубце, Радомирце и Луковицу, а вторая на Луковицу же, чрезъ деревни Горникъ и Роселецъ.

ковникъ Левизъ, не доходя деревни Горникъ, былъ встрѣченъ выстрѣлами со стороны черкесовъ, засѣвшихъ въ ущельѣ и въ деревенскихъ хижинахъ. Здѣсь завязалась перестрѣлка, во время которой 1-я и 2-я сотни Владикавказскаго полка заскакали черкесамъ въ тылъ, а остальныя сотни, вмѣстѣ со спѣшенными драгунами, бросились на деревню Горникъ въ атаку. Въ виду этого натиска съ двухъ сторонъ, черкесы бросились бѣжать въ сосѣдніе кусты, а казаки и драгуны—за ними въ догонку, и положивъ на мѣстѣ шесть черкесовъ, захватили нѣсколько лошадей, много брошеннаго оружія и рогатаго скота, который былъ забранъ грабителями у болгаръ, но возвращенъ нами обратно потерпѣвшимъ хозяевамъ. Нашъ развѣдочный отрядъ не имѣлъ времени останавливаться долго надъ ничтожною и уже разбитою шайкой, а потому вскорѣ двинулся далѣе, къ деревнѣ Роселицѣ, лежащей по лѣвую сторону Искера, близь впаденія въ него рѣчки Каменопольской. Не доходя этой деревни, авангардъ нашего отряда опять былъ встрѣченъ выстрѣлами, которые однако не задержали ни на минуту его движенія, и потому черкесы, не дождавшись даже нашего приближенія, бѣжали изъ Роселицы. По прибытіи авангарда, жители этой деревни объяснили, что партія черкесовъ, въ числѣ которой находилось нѣсколько раненыхъ въ стычкѣ у Горника, сейчасъ только проскакала черезъ Роселицу въ видимомъ страхѣ и удалилась въ горы. Полковникъ Левизъ-офъ-Менаръ двинулся изъ Роселицы въ деревню Луковицу, и приближаясь къ этой послѣдней, увидѣлъ, что позиція впереди ея занята тремя сотнями черкесовъ. Въ центрѣ этой конницы развѣвался большой зеленый штандартъ. Не теряя ни минуты, одна изъ двухъ сотенъ осетинъ, составлявшихъ авангардъ нашего отряда, заскакала во флангъ позиціи противника, мигомъ спѣшилась, залегла между большими камнями и открыла изъ своихъ берданокъ огонь, пронизывавшій продольно фронтъ черкесовъ, а въ то же время другая авангардная сотня бросилась на нихъ лицомъ къ лицу въ шашки. Черкесы не выдержали и ускакали за деревню, гдѣ хотя и пріостановились на нѣкоторое время за кладбищемъ, но опять не выдержали новаго натиска нашихъ: едва лишь осетины, усилившись одною сотнею, прискакавшею къ нимъ изъ резерва, вступили въ деревню, какъ черкесы сор-

вали съ древка свой штандартъ и безъ оглядки помчались за деревню Петровень *), вплоть до которой и были преслѣдуемы нашими осетинами, оставивъ по пути до двадцати тѣлъ, нѣсколько лошадей и оружіе. Это послѣднее, равно какъ и лошади, пошло въ дѣлежъ между осетинами. Кромѣ того, въ этотъ же день часть нашего отряда разрушила мостъ на рѣчкѣ Панегѣ, у Луковицы, и отбила турецкую почту **).

Занявъ 21-го числа деревню Радомирцы главными силами своего отряда, полковникъ Левизъ-офъ-Менаръ въ оба послѣдующіе дня (22-го и 23-го сентября) посылалъ отсюда небольшія развѣдочныя части по разнымъ направленіямъ. 24-го числа одинъ изъ такихъ отрядовъ, высланный впередъ по софійскому шоссе, открылъ движеніе непріятельскихъ силъ, въ количествѣ отъ четырехъ до пяти тысячъ пѣхоты съ пятью орудіями и отъ двухъ до трехъ тысячъ черкесской конницы. Эти силы надвигались на легкій отрядъ Левизъ-офъ-Менара вдоль по шоссе, отъ деревни Яблоницы, и сойдясь съ нимъ на достаточную дистанцію, повели противъ него цѣлый рядъ атакъ. Нашъ отрядъ, отступая по шоссе, отбивался отъ этихъ нападеній до двухъ часовъ по полудни; онъ уже разсчитывалъ благополучно соединиться съ главными силами нашего наблюдательнаго корпуса, какъ вдругъ неожиданно былъ атакованъ въ тылъ другимъ отрядомъ, вышедшимъ того же числа утромъ изъ Плевны, на встрѣчу силамъ, наступавшимъ на Левизъ-офъ-Менара изъ Яблоницы. Надобно думать, что плевненскій гарнизонъ былъ заблаговременно предупрежденъ объ этомъ движеніи новыхъ своихъ подкрѣпленій и транспортовъ. Какъ бы то ни было, но эта нежданная атака въ тылъ, веденная совмѣстно съ фронтальною атакою со стороны яблоницкаго отряда, вынудила Левизъ-офъ-Менара отойдти, подъ прикрытіемъ драгунскаго и артиллерійскаго огня, чрезъ деревню Червеный-Брегъ на лѣвую сторону Искера къ Чумаковцамъ, вслѣдствіе чего софійско-плевненское шоссе было открыто для дальнѣйшаго движенія турокъ и ихъ транспортовъ къ Плевнѣ. Нашъ отрядъ вынужденъ былъ отойдти

---

*) На софійскомъ же шоссе, верстахъ въ шести далѣе Луковицы.

**) Эта почта была доставлена генералу Крылову, а отъ него отправлена съ нарочнымъ къ генералу Зотову.

въ этомъ направленіи, по причинѣ слишкомъ большой несоразмѣрности своихъ силъ сравнительно съ подавляющими силами противника, а 25-го сентября онъ поднялся лѣвымъ берегомъ, внизъ по теченію Искера, къ Магалетѣ, пославъ предварительно небольшую развѣдочную часть къ Телишу. Рекогносцировка этой послѣдней выяснила, что Дольній и Горній Дубняки заняты и уже укрѣплены турецкою пѣхотою *).

Такимъ образомъ рекогносцировка отряда полковника Левизъ-офъ-Менара въ общемъ дала намъ слѣдующіе результаты: 1) все пройденное имъ пространство очищено отъ мелкихъ шаекъ черкесовъ и баши-бузуковъ; 2) нѣкоторые мосты испорчены и телеграфное сообщеніе Плевны съ Софіею временно прервано, и наконецъ 3) обнаружено, что турки устроили на софійскомъ шоссе четыре укрѣпленные пункта, а именно: въ Горнемъ Дубнякѣ, Дольнемъ Дубнякѣ, Телишѣ и въ Луковицѣ, которыми они и пользуются не только при усиленныхъ фуражировкахъ, но и при проводѣ своихъ транспортовъ въ Плевну, а равно эти же укрѣпленныя позиціи могутъ служить опорными пунктами плевненскому гарнизону въ томъ случаѣ, если онъ будетъ вынужденъ нами къ отступленію изъ Плевны. Можно однако разсчитывать, что наша гвардія, уже сосредоточенная на софійскомъ шоссе, не позволитъ болѣе туркамъ пользоваться этими укрѣпленными пунктами ни въ какомъ случаѣ, хотя и есть свѣдѣнія, требующія однако дальнѣйшаго подтвержденія, что турки не ограничились только четырьмя укрѣпленными пунктами, а устроили десять подобныхъ же, въ естественно-сильныхъ позиціяхъ, вдоль по софійскому шоссе, до самаго города Орханіэ, и расположили эти пункты съ такимъ разсчетомъ, чтобы они находились одинъ отъ другаго на разстояніи отъ 8-ми до 10-ти верстъ, дабы каждый отрядъ, занимающій укрѣпленный лагерь, могъ своевременно подать помощь сосѣднему отряду. Турки разсчитываютъ, что при подобной системѣ небольшихъ укрѣпленныхъ

---

*) Лѣвая колонна отряда Левизъ-офъ-Менара, высланная 21-го сентября изъ Чумаковцевъ, подъ начальствомъ полковника Мацылевича, на Червеный-Брегъ, Рубцы и Радомирцы къ Луковицѣ, произвела рекогносцировку къ деревнѣ Ракитѣ, но нигдѣ не встрѣтивъ на своемъ пути непріятеля, присоединилась къ правой колоннѣ въ тотъ же день вечеромъ, на бивуакѣ у деревни Луковицы.

лагерей, ихъ транспорты безпрепятственно могутъ слѣдовать отъ этапа до этапа, подъ прикрытіемъ не болѣе какъ одного батальона при повозкахъ и не болѣе двухъ сотень черкесовъ по сторонамъ дороги. Они полагаютъ, что въ случаѣ внезапнаго нападенія, ихъ транспортъ всегда будетъ имѣть возможность либо отойдти назадъ, либо продвинуться впередъ — до ближайшаго укрѣпленнаго лагеря, откуда, при первой вѣсти объ опасности, на первый звукъ выстрѣла должны выходить достаточныя силы для поддержки атакованнаго обоза.

Между тѣмъ, пока отрядъ Левизъ-офъ-Менара производилъ свои рекогносцировки, главныя силы нашего наблюдательнаго корпуса не оставались въ бездѣйствіи на своей новой позиціи: 19-го сентября генералъ Чернатъ, командующій румынскою арміею (онъ же военный министръ Румыніи), пріѣхавъ къ генералу Крылову, сообщилъ ему, что онъ отдалъ приказъ одному румынскому батальону произвести 20-го сентября усиленную рекогносцировку въ направленіи на деревню Опонецъ, лежащую на правомъ берегу Вида, противъ зарѣчныхъ селеній Дольняго и Горняго Митропольевъ, а потому просилъ генерала Крылова оказать этому батальону демонстративное содѣйствіе нѣкоторыми частями его корпуса. Вслѣдствіе этой просьбы, генералъ Крыловъ предписалъ передовому своему отряду, занимавшему подъ командою полковника Курнакова деревню Горнее Митрополье, выдти для демонстраціи на Опонецъ съ лѣваго берега Вида. Но 20-го числа, когда это движеніе было уже исполнено, генералъ Крыловъ извѣстился, что турки въ значительныхъ силахъ, изъ всѣхъ родовъ оружія, сами вышли изъ Плевны черезъ каменный мостъ и заняли деревню Дольнее Митрополье. Это извѣстіе побудило генерала Крылова выступить со всѣми остальными силами своего корпуса на подкрѣпленіе передоваго отряда и завязать съ непріятелемъ артиллерійское дѣло, въ которомъ въ особенности отличилась своею лихостью и мѣткостью румынская конная батарея. Вообще, по отзыву генерала Крылова, дѣйствіе какъ нашихъ, такъ и румынскихъ батарей «было вполнѣ удачное: турецкое орудіе подбито, зарядный ящикъ взорванъ, селеніе Дольнее Митрополье зажжено». Спѣшенные драгуны оттѣснили турецкихъ стрѣлковъ, занимавшихъ окраину Дольняго Митрополья и сильно вредившихъ изъ этой по-

зиціи нашей 15-й донской батареѣ; двѣ сотни кубанцевъ ходили въ атаку для прикрытія спѣшенныхъ драгунъ, причемъ изрубили нѣсколькихъ черкесовъ и принудили ихъ въ безпорядкѣ отступить за пѣхоту; румынская батарея заставила замолчать одно турецкое орудіе; но въ половинѣ втораго часа дня генералъ Крыловъ получилъ увѣдомленіе, что рекогносцировка, предстоявшая румынскому батальону, отмѣнена. Вслѣдствіе этого генералъ счелъ безцѣльнымъ продолженіе дальнѣйшихъ дѣйствій и въ три часа по полудни приказалъ своему корпусу начать правильное отступленіе съ праваго фланга, что̀ и было исполнено въ полномъ порядкѣ. Это дѣло закончило собою дѣйствія генералъ-лейтенанта Крылова, который приказомъ Главнокомандующаго отъ 22-го сентября, за № 170, отданнымъ подъ Плевною, назначенъ состоять въ распоряженіи Его Высочества, по званію Генералъ-Инспектора всей кавалеріи, а начальство надъ всею кавалеріею Западнаго отряда ввѣрено генералъ-адъютанту Гурко *).

Противъ нашей кавалеріи и въ особенности противъ генерала Крылова раздается много порицательныхъ возгласовъ, слышится много обвиненій, изъ которыхъ почти всѣ безъ исключенія сводятся къ тому, что пропустили-де транспортъ,— «какъ могли пропустить его! хороша-де кавалерія!» и т. п.

Постараемся разсмотрѣть, что̀ это была за кавалерія, что̀ она могла бы сдѣлать и на сколько виноватъ собственно генералъ Крыловъ въ малоуспѣшности ея дѣйствій **).

Кавалерійскія силы, предназначенныя для дѣйствій на пути сообщенія плевненскаго гаризона, если и могли казаться грозными, то только номинально. Дѣйствительно, 69 эскадроновъ, столько-то полковъ, столько-то бригадъ, столько-то дивизій—все это чрезвычайно громко, внушительно, но увы!— на дѣлѣ это оказалось не болѣе, какъ «страшными словами», которыхъ, какъ извѣстно, очень боится замоскворѣцкая купчиха въ одной изъ комедій Островскаго.

На дѣлѣ было вотъ что:

У генерала Лашкарева три регулярныхъ полка его дивизіи, благодаря подоспѣвшимъ къ нимъ маршевымъ эскадронамъ,

*) Начальникомъ штаба всей этой кавалеріи назначенъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ *Нагловскій*.

**) Писано позднѣе, въ ноябрѣ 1877 года.

успѣли пополниться до десятиряднаго состава; 4-й донской казачій полкъ тоже получилъ нѣкоторое пополненіе изъ состава льготныхъ полковъ, прибывшихъ съ Дона; предположимъ, что онъ пополнился даже до боеваго комплекта, чего однако же далеко не было въ дѣйствительности, не превышавшей 7—8-миряднаго состава во взводахъ. Считая унтеръ-офицеровъ и урядниковъ на каждый эскадронъ и сотню, среднимъ числомъ, по 12-ти человѣкъ, мы увидимъ, что у генерала Лашкарева три регулярныхъ полка могли состоять изъ 1,104 строевыхъ нижнихъ чиновъ, а 4-й донской казачій полкъ изъ 846 человѣкъ, — и того, стало быть, 18 эскадроновъ и сотень = 1,950 чел.

У генерала Крылова въ русской части своднаго корпуса было:

Въ Кавказской бригадѣ, при 8-мирядномъ составѣ.	888 чел.
Въ бригадѣ Чернозубова семь сотень, 8-миряднаго состава	532 »
Въ четырехъ регулярныхъ полкахъ, считая ихъ въ 10-тирядномъ составѣ, хотя Маріупольскій гусарскій и Екатеринославскій драгунскій полки были далеко слабѣе этой нормы	1,448 »
Итого . . .	2,868 чел.
	въ 35-ти эскадронахъ.

Присоединивъ къ этому 13 эскадроновъ румынской кавалеріи *), находившихся въ 8-мирядномъ составѣ, получимъ: 988+2,868=3,856.

И такъ, 3,856 всадниковъ составляли всю боевую силу сводно-кавалерійскаго корпуса генерала Крылова. Изъ числа бывшихъ въ немъ 51 сотни и эскадрона, восемь эскадроновъ постоянно находились на аванпостахъ, другіе восемь стояли засѣдланными на бивуакахъ, въ качествѣ дежурныхъ частей, три эскадрона были откомандированы въ Магалету; да кромѣ того, надо прибавить ежедневныя рекогносцировки; стало быть половина всего корпуса находилась въ постоянномъ расходѣ по слу-

*) Семь эскадроновъ рошіоровъ и шесть эскадроновъ каларашей.

жебному наряду, а извѣстно изъ боевой практики, что кавалерія только при трехъ очередяхъ подобныхъ нарядовъ можетъ съ успѣхомъ и постоянною выносливостію, безъ излишняго напряженія нести свою службу. Но у насъ, при данномъ количествѣ силъ, нечего было и мечтать о томъ, чтобы лошадь и всадникъ могли имѣть по два дня подъ рядъ на отдыхъ. Почти всѣ эти части, за исключеніемъ румынскихъ полковъ, еще съ самаго начала кампаніи несли трудную, обременительную и разностороннюю службу, вслѣдствіе чего къ началу сентября лошади были уже заморены; оказывалось очень много сбитыхъ спинъ, разбитыхъ ногъ, треснувшихъ копытъ,—однимъ словомъ, я не погрѣшу въ сторону преувеличенія, если скажу, что конскій составъ этой кавалеріи въ данное время, по крайней мѣрѣ, на одну треть можно было считать калечью. Такимъ образомъ, въ сущности, вся «грозная» сила, которою могъ располагать генералъ Крыловъ, даже съ присовокупленіемъ румынской кавалеріи, оказывалась не много болѣе двухъ тысячъ исправныхъ всадниковъ.

Можно ли было при такихъ условіяхъ задаваться партизанскими дѣйствіями «въ самомъ обширномъ смыслѣ», какъ указывала инструкція, данная Крылову? И что̀ могла сдѣлать эта кавалерія, хотя бы даже въ полномъ своемъ составѣ, противъ десяти тысячъ отлично вооруженной пѣхоты, сидящей за окопами и вспомоществуемой дальнобойною артиллеріею, въ то время, какъ въ тылъ этой кавалеріи выходилъ пѣхотный отрядъ равной съ нею силы изъ Плевны? Надо было оставить надежный заслонъ противъ сего послѣдняго отряда, а для этого потребовалась почти половина наличныхъ силъ сводно-кавалерійскаго корпуса, другая же половина стала заслономъ противъ Шефкета-паши, который, какъ узналось впослѣдствіи — получилъ кружнымъ путемъ отъ Османа приказаніе не останавливаться въ движеніи на Плевну, во-первыхъ, потому, что передъ нимъ только одна кавалерія, а во-вторыхъ, потому что изъ Плевны выйдетъ на соединеніе съ нимъ особый отрядъ, который ударитъ въ тылъ русской кавалеріи. Если бы ея появленіе могло еще быть для Шефкета полною внезапностью, то мы могли бы, пожалуй, разсчитывать на панику. Но подъ Горнимъ Дубнякомъ 10-го сентября внезапности не

было, а стало быть не могло случиться и паники. За траншеями спокойно лежало 10,000 пѣхоты, ежечасно ожидавшей появленія стольких же турокъ изъ Плевны—и Шефкетъ-паша свободно могъ рисовать въ своемъ воображеніи картину истребленія гяуровъ. И дѣйствительно, пять сильныхъ турецкихъ таборовъ съ черкесскою конницею вышли изъ-за Вида; четыре направились на Дольній Дубнякъ, а пятый, спускавшійся отъ Опонца, на Митрополье; и тѣ, и другія силы противника были къ тому же снабжены дальнобойною артиллеріею, съ которою не могли состязаться наши четырехфунтовки.

Говорятъ, что въ виду такихъ силъ, кавалерія днемъ могла бы нѣсколько отойдти, но за то съ наступленіемъ вечера ей тотчасъ же слѣдовало воспользоваться темнотою и атаковать транспортъ во время его движенія изъ Горняго Дубняка въ Плевну; при этомъ доказываютъ, на сколько былъ бы важенъ внезапный налетъ даже одного эскадрона, который наскочилъ бы на обозъ, перестрѣлялъ хоть съ десятокъ буйволовъ, перерубилъ колеса, опрокинулъ нѣсколько подводъ, словомъ,—надѣлалъ бы переполоху, каши, загромоздилъ путь и тѣмъ самымъ опять замедлилъ бы слѣдованіе транспорта. Но, во-первыхъ, эта новая задержка продлилась бы не болѣе нѣсколькихъ часовъ, чтó, конечно, имѣло бы не малое значеніе въ томъ случаѣ, если бы къ мѣсту задержки могла подоспѣть наша пѣхота, въ такомъ количествѣ, чтобы не безъ успѣха помѣряться съ непріятелемъ; а во-вторыхъ, въ ночь съ 10-го на 11-е сентября невозможно было сдѣлать никакого *налета*, и тѣмъ болѣе *внезапнаго*, потому что шелъ проливной дождь, который, какъ уже извѣстно, въ нѣсколько часовъ растворяетъ здѣсь почву до такой степени, что лошади даже шагомъ поминутно вязнутъ, скользятъ и спотыкаются. Атаковать десятитысячный, хотя и растянутый на семь верстъ, отрядъ пѣхоты, въ ненастной темнотѣ, измученными эскадронами, на заморенныхъ лошадяхъ—не значило ли бы подвергать ихъ всѣмъ шансамъ безплоднаго уничтоженія? *Задержавъ на три дня движеніе турецкой пѣхоты съ транспортомъ къ Плевнѣ, кавалерія въ данныхъ условіяхъ сдѣлала все, что могла и должна была сдѣлать.*

Вообще, характеръ дѣйствій кавалеріи въ эту кампанію,

въ большинствѣ случаевъ вынужденный обстоятельствами, досихъ поръ состоялъ въ томъ, что на ея долю выпадали задачи, которыя были ей не по силамъ, благодаря постоянному недостатку ея численнаго состава. Полки четырехъ-эскадроннаго состава оказались положительно неудовлетворяющими боевымъ потребностямъ. Не говоря уже о боевой убыли, походной порчѣ и случайныхъ болѣзняхъ лошадей, четырехъ-эскадронные полки не мало ослабляются также многочисленными и безпрестанными выдѣлами изъ своего состава разныхъ мелкихъ командъ на всевозможныя потребности, начиная съ содержанія летучей почты до личныхъ ординарцевъ того или другаго начальника. Послѣ забалканской экспедиціи, изъ коей кавалерія возвратилась въ пятирядномъ составѣ, потребовалось дать ей болѣе чѣмъ мѣсячный отдыхъ, дабы имѣть возможность опять воспользоваться ею для военныхъ цѣлей. Настоятельная потребность въ усиленіи постояннаго состава кавалерійскихъ полковъ третьими дивизьонами начинаетъ очень живо ощущаться изъ боевой практики почти всѣми кавалерійскими офицерами. Тяжелую службу на аванпостахъ и въ развѣдкахъ кавалерія въ эту кампанію несла добросовѣстно. Далеко уходили впередъ ея смѣлые разъѣзды, но нигдѣ не могли отыскать сгруппированныхъ силъ турецкой конницы. Черкесы только изощрялись наводить наши эскадроны и сотни на кукурузныя поля, гдѣ ожидали ихъ залпы спрятанной въ засадѣ турецкой пѣхоты. Но вотъ, напримѣръ, въ сраженіи при Пелишатѣ кавалерія играла рѣшающую роль. Когда турки въ числѣ до 30-ти тысячъ атаковали 4-й корпусъ и стали сильно насѣдать на село Пелишатъ, генералъ Крыловъ бросилъ туда всю свою кавалерію *), съ приказаніемъ стремительно атаковать турецкую стрѣлковую цѣпь, что́ и было мгновенно исполнено. Бойкая атака нашей конницы на флангѣ ошеломила турокъ—они кинулись назадъ, а 16-я пѣхотная дивизія, воспользовавшись этою минутою, перешла въ наступленіе, отбросила противника отъ Пелишата и чрезъ это заставила его, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ у Сга-

*) Харьковскій уланскій и одинъ дивизьонъ Маріупольскаго гусарскаго полка съ 8-ю конною батареею.

луица, бросить эту деревню, куда турки уже ломились, и поспѣшно уйдти за окопы Гривицкаго редута. Здѣсь кавалерія была на своемъ мѣстѣ, въ свойственной себѣ сферѣ и честно выполнила данную ей задачу; но посланная за Видъ, для партизанскихъ дѣйствій въ широкихъ размѣрахъ, она съ разу стала въ такое положеніе, что ей невозможно было выполнить программу, указанную въ инструкціи.

Во-первыхъ, этому препятствовалъ самый пунктъ расположенія сводно-кавалерійскаго корпуса. Генералъ Крыловъ очень хорошо понималъ, что «воспрепятствованіе проходу транспортовъ возможно лишь на такомъ разстояніи отъ Плевны, на которомъ не могла бы во̀ время подоспѣть помощь отъ плевненскаго гарнизона» *) и потому имѣлъ въ виду «начать партизанскія дѣйствія за Телишемъ, въ районѣ, въ которомъ имѣлось наиболѣе вѣроятія встрѣтить транспорты, при возможности захвата ихъ». Такимъ образомъ, онъ предполагалъ основаться гдѣ нибудь въ районѣ селеній Радомирцы, Луковицы и дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, налетами или засадами, что̀ было бы весьма удобно при слѣдованіи транспортовъ въ дефилеяхъ около Яблоницы. Но инструкція предлагала ему стать въ Дубнякѣ, и хотя въ ней не сказано въ которомъ именно, но въ сущности это все равно, такъ какъ Горній отъ Дольняго удаленъ всего лишь на шесть верстъ. Иструкція, предлагая генералу Крылову расположиться въ Дубнякѣ, на мѣстѣ расположенія 9-й кавалерійской дивизіи, имѣла въ виду, главнѣйшимъ образомъ, вопросъ о продовольствіи и вообще о снабженіяхъ сводно - кавалерійскаго корпуса, а также озабочивалась и прикрытіемъ праваго фланга румынской арміи. Но возможно ли было развивать въ широкихъ размѣрахъ партизанскія дѣйствія на пути непріятельскихъ сообщеній, имѣя основной пунктъ всего лишь въ трехъ - четырехъ верстахъ отъ укрѣпленнаго лагеря 80-ти тысячной непріятельской арміи? Инструкція предлагала начинать партизанскія дѣйствія *«утвердившись»* въ данномъ пунктѣ. Что̀ такое значитъ «утвердиться» гдѣ-либо?—Безъ сомнѣнія, усилить свое расположеніе искусственными укрѣпленіями, окопами. Могла

*) Донесеніе о дѣйствіяхъ сводно-кавалерійскаго корпуса за Видомъ.

ли это сдѣлать кавалерія своими собственными силами и средствами? Но допустимъ, что могла; въ такомъ случаѣ, какую площадь мѣстности должны были занимать ея окопы, чтобы прикрыть обширный станъ 51-го эскадрона со всѣми его коновязями, складами фуража, обозами, лагеремъ, и откуда взялись бы у кавалеріи достаточныя силы, чтобы прикрыть стрѣлковымъ огнемъ фронтъ подобныхъ окоповъ, въ случаѣ нападенія на нихъ противника? Безъ пѣхоты, никакія укрѣпленія кавалерійскаго стана въ четырехъ верстахъ отъ непріятельскаго лагеря не могли быть цѣлесообразны. Но кромѣ того, самая близость опорнаго пункта ко вражескимъ позиціямъ налагала на генерала Крылова тяжкую и непрерывную заботу о его охраненіи, а для этого надо было постоянно держать на мѣстѣ стоянки половину всего корпуса. Стало быть, собственно для партизанскихъ дѣйствій оставалось всего лишь около двухъ тысячъ коней, изъ которыхъ половина принадлежала румынской арміи. Возможны ли при такихъ силахъ партизанскія дѣйствія «въ самомъ *обширномъ* смыслѣ этого слова», какъ предписывала инструкція? И при томъ, что̀ могли сдѣлать эти двѣ тысячи всадниковъ противъ цѣлаго ряда укрѣпленныхъ этапныхъ пунктовъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго maximum на 10 верстъ и защищаемыхъ пѣхотою съ артиллеріею? Рвать въ промежуткахъ телеграфную проволоку?—Рвали, но турки сейчасъ же возстановляли ее снова. Портить мосты?—Портили, но турки ихъ чинили болгарскими руками вслѣдъ за уходомъ летучаго отряда, и транспорты, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали себѣ двигаться отъ этапа къ этапу *). Портить и перекапывать шоссе?—Совершенно безполезно, такъ какъ оно проходитъ по ровной площади, и для любой повозки достаточно взять пять шаговъ въ сторону, чтобы обойдти перекопъ. Предпринимать отдаленные и продолжительные поиски?—Пытались, но самое положеніе опорнаго пункта обусловливало собою лишь извѣстныя разстоянія, далѣе которыхъ нельзя было заходить, по причинѣ существенныхъ затрудненій въ

---

*) Отъ Телиша до Дольняго Дубняка нѣтъ ни одного моста, если не считать за таковой бревенчатую кладку, настланную черезъ ничтожную мелкую канавку въ Телишевской лощинѣ.

снабженіяхъ *). Препятствовать непріятелю пользоваться продовольственными запасами изъ окрестныхъ селеній и для того жечь ихъ?—Но тутъ явился такой камень преткновенія, о которомъ надо объясниться нѣсколько подробнѣе. Выше было сказано, что генералъ Зотовъ еще въ первой половинѣ августа приказалъ оповѣстить окрестныхъ болгаръ, чтобы они свозили свои запасы за линіи русскаго расположенія, на что имъ давался двухнедѣльный срокъ, съ тѣмъ что по истеченіи онаго, всѣ не свезенные запасы будутъ уничтожаться, какъ непріятельскіе. Но какъ и куда свозить зерно и скирды сѣна да соломы со своего двора, если турки прежде всего постарались забрать рабочій скотъ болгарскій? Ужъ не знаю, по этой ли причинѣ, или потому, что предупреждающее извѣщеніе генерала Зотова не во всѣ мѣста дошло по назначенію, только всѣ болгарскіе запасы за Видомъ цѣликомъ остались на хозяйскихъ дворахъ. Вѣроятно и генералъ Крыловъ не зналъ или забылъ о распоряженіи генерала Зотова, только и онъ не рѣшился на истребленіе; по крайней мѣрѣ, въ одной изъ своихъ записокъ, которою я имѣлъ случай пользоваться, онъ пишетъ слѣдующее:

«Не подвозы провіанта кормили Плевну. Ее кормили окаймляющія ея деревни, которыя слѣдовало прежде всего сжечь. Но кавалерія оперировала не въ непріятельской, а въ дружеской странѣ, въ краю, который мы пришли спасать. Всѣ эти деревни были чисто болгарскія, и если въ нихъ и находилась часть турецкаго имущества, то болгары и то называли своимъ. Какой русскій начальникъ взялъ бы на себя истребленіе достоянія болгаръ, котораго при пожарѣ не мыслимо было отдѣлить отъ турецкаго!»

И такъ, партизанскія дѣйствія были парализованы. Кромѣ всѣхъ уже указанныхъ причинъ ихъ неуспѣха, надо еще назвать самую главную: это то, что они были начаты поздно

---

*) Кромѣ того, въ одной изъ находящихся у меня записокъ о дѣйствіяхъ завидской кавалеріи, говорится, что съ приближавшимся прибытіемъ гвардіи, генералъ Крыловъ «долженъ былъ ожидать со дня на день выступленія Османа-паши изъ Плевны на подготовленныя тыльныя позиціи. Османъ самъ говорилъ, что отступилъ бы своевременно, если бы не запрещеніе изъ Сераскеріата. Это предположеніе, хотя и не осуществившееся, но вполнѣ правильное, заставляло генерала Крылова держать корпусъ по возможности въ сборѣ, не удаляясь въ дальнія горныя ущелья со всѣми силами».

и начаты изъ такого опорнаго пункта, гдѣ, при всѣхъ вышеизложенныхъ условіяхъ, и не могли быть успѣшны. Если бы кавалерія приступила къ дѣйствіямъ на сообщенія Османа не съ 8-го, а со 2-го или даже съ 3-го сентября, то быть можетъ она еще успѣла бы раньше турокъ занять одинъ изъ дѣйствительно опорныхъ пунктовъ въ районѣ между Радомирцами и Яблоницею. Въ такомъ случаѣ заботу объ укрѣпленіи такого пункта пришлось бы взять на себя самой кавалеріи; по условіямъ же гористой дефилейной мѣстности въ томъ районѣ, насыпка нѣсколькихъ земляныхъ закрытій была бы легче, а потому самое количество окоповъ могло быть меньше, стало быть, взяло бы менѣе времени для работы и потребовало бы меньшаго количества гарнизона: весьма вѣроятно, что для защиты подобнаго опорнаго пункта пришлось бы употребить не болѣе двухъ полковъ драгунъ при двухъ батареяхъ, а не половину всего сводно-кавалерійскаго корпуса. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы базироваться, конечно, не на Рыбне, а на Ловчу, что̀ было бы и ближе, и безопаснѣе; сѣно же и солому доставила бы окрестная страна, представлявшая собою въ этомъ отношеніи совсѣмъ еще непочатый уголъ. Но... выше было уже выяснено, почему партизанскія дѣйствія, рѣшенныя въ принципѣ еще 1-го сентября, не могли открыться ранѣе 8-го: по слабосилію неукомплектованныхъ полковъ, не съ чѣмъ было бы и открывать ихъ. Да и то̀ сомнительно, чтобы два драгунскихъ полка могли долго держаться противъ десяти тысячъ непріятеля, сколь бы ни была сильна ихъ оборонительная позиція; они годились бы лишь на первое, самое горячее время, только для того чтобы *удержаться* до подхода подкрѣпленія, каковымъ только и могла быть достаточно сильная пѣхота, а ее у насъ не было. Партизанскія же дѣйствія безъ достаточной поддержки въ опорномъ пунктѣ пѣхотою, принимая во вниманіе количество силъ Шефкета-паши, не могли сами по себѣ привести къ желаемымъ результатамъ. И такъ, какъ ни кинь, все клинъ выходитъ. Въ чемъ же этотъ клинъ? — Можно смѣло отвѣтить, что единственно въ недостаточности силъ вообще, а кавалерійскихъ въ особенности въ нашей дѣйствующей арміи.

Но, быть можетъ, скажутъ, что если нельзя было партизанить, то слѣдовало бы попытаться запереть тылъ Плевны, дабы

хотя этимъ удовлетворить, на сколько возможно, требованіямъ блокады. Генералъ Крыловъ и попытался сдѣлать это 10-го сентября, — мы видѣли результатъ его попытки. Плевненскій тылъ могла запереть опять же только пѣхота. И дѣйствительно, съ утвержденіемъ на завидской зонѣ войскъ гвардіи и гренадеръ, онъ и заперся самымъ положительнымъ образомъ. Что же касается кавалеріи, то и съ прибытіемъ генерала Гурко, съ 27-го сентября характеръ ея дѣйствій не измѣнился. Это, кажется, довольно вѣское доказательство въ пользу того, что собственно одною кавалеріею ничего и нельзя было сдѣлать. Номинальная численность сводно-кавалерійскаго корпуса не должна бы была вводить въ заблужденіе кого-либо изъ лицъ знакомыхъ съ дѣломъ, а потому и надежды, которыя возлагались на завидскую кавалерію, не имѣли основанія заходить за предѣлы возможнаго.

Упрекаютъ еще генерала Крылова, зачѣмъ онъ пошелъ на Рахово, сознавая, что тѣхъ силъ, которыя состояли въ его распоряженіи, во всякомъ случаѣ, было не достаточно для прочнаго занятія этого пункта. Неужели же — говорятъ — вся задача сводилась на то, чтобы «выказать присутствіе отряда тамъ, гдѣ турки не ожидали встрѣтить ни одного русскаго» *) и не показать его тамъ, гдѣ турки *должны* были его ожидать и гдѣ онъ былъ *обязанъ* находиться въ силу даннаго ему предписанія?

Говорятъ, что если князя Карла смущали какія-то черкесскія шайки, грабившія за Искеромъ болгаръ и собиравшія ихъ подводы, то для ихъ уничтоженія генералу Крылову было достаточно послать въ ту мѣстность, положимъ, хотя Кавказскую бригаду, а не идти самому съ 30-ю эскадронами, при трехъ батареяхъ, оставляя для исполненія главной своей задачи на путяхъ сообщенія Османа съ Софіей лишь одну треть ввѣреннаго ему корпуса. Вотъ и говорятъ, что пока онъ ходилъ подъ Рахово, эта треть успѣла хотя отчасти исполнить то, ради чего онъ былъ посланъ за Видъ, т. е. перехватить два транспорта.

Хотя оба транспорта, по числу ихъ повозокъ, были вполнѣ ничтожны, такъ что для перехвата ихъ было бы

---

*) Слова реляціи генерала Крылова.

достаточно гораздо менѣе силъ, чѣмъ оставилъ Крыловъ въ Митропольѣ, но этотъ фактъ даетъ его порицателямъ аргументъ *кажущійся* довольно сильнымъ по своей, такъ сказать, фактической осязательности: 120 повозокъ все же болѣе, чѣмъ ничего.

Но почему генералъ Крыловъ пошелъ подъ Рахово?

Въ этомъ отношеніи для него было два руководящихъ начала: первое—приказъ князя Карла, какъ главноначальствующаго Западнымъ отрядомъ, прикрыть вдали правый флангъ этого отряда на пространствѣ около ста верстъ, «такъ, чтобы никто не могъ перейдти за его черту не замѣченнымъ»—значитъ, надо было выдвинуться впередъ верстъ на 80, т. е. какъ разъ къ Рахову, и второе:—грабежъ болгарскихъ деревень по рѣкѣ Искеру, вызывавшій необходимость налетѣть съ разу и истребить черкесовъ. Для генерала Крылова было ясно, что князь Карлъ имѣетъ основаніе ожидать появленія турокъ по тому направленію, которымъ Османъ прошелъ въ Плевну; значитъ, тамъ нужна была не простая развѣдка, а требовалось выказать присутствіе нѣкоторой внушительной силы, для чего одна бригада едва ли была бы достаточна. При этомъ, конечно, всю экспедицію должно было выполнить быстро *). Послѣдовательное преслѣдованіе и уничтоженіе черкесскихъ шаекъ въ Бѣлослатинѣ, Старосельцахъ, Новосельцахъ и другихъ деревняхъ, естественнымъ и даже невольнымъ образомъ привело отрядъ подъ Рахово. «Здѣсь — говоритъ генералъ Крыловъ въ одной изъ своихъ записокъ — внезапность нашего появленія, быть можетъ и отдала бы крѣпостцу въ наши руки; но невозможность сохранить за собою отдаленный пунктъ, не представлявшій въ ту пору большаго стратегическаго значенія, удержала насъ отъ серьозной попытки овладѣть имъ. Если бы румыны изъ Бекета переправили нѣсколько батальоновъ, то было бы основаніе Рахово взять и имъ передать; но они

*) Въ одной изъ записокъ генерала Крылова говорится:

«Могутъ справедливо сказать, что послѣ 10-го сентября турки меня не тѣснили; значитъ, можно было и не идти за Искеръ, въ виду этого «если», которымъ начинается приказъ князя Карла («Если въ виду превосходныхъ силъ непріятельской пѣхоты и артиллеріи, вы будете вынуждены оставить ваше расположеніе на софійско-виддинской дорогѣ, то и т. д.»). Повторяю, что рѣшающею причиною движенія были магалетскія извѣстія: я полагалъ, что вслѣдъ за черкесами могутъ идти отряды и сильнѣе, а приказъ принца Карла еще болѣе меня въ томъ убѣждалъ».

даже не открыли канонады, — и обстрѣлъ Рахова остался простою рекогносцировкой».

Впрочемъ, излагая всѣ эти доводы и обвиненія, которые слышатся противъ генерала Крылова, я хочу только показать, что и самое по видимому серьозное изъ нихъ, въ сущности, вовсе не такъ существенно, какъ, быть можетъ, оно кажется; потому что ходилъ ли, не ходилъ ли бы онъ подъ Рахово, было ли бы въ этой экспедиціи 30, или только 12 эскадроновъ, — это нисколько не измѣняло сущности нашихъ дѣлъ на завидской сторонѣ, подъ Плевной: маленькіе транспорты совершенно также были бы перехвачены и при немъ, какъ безъ него, а большой транспортъ, съ сильнымъ пѣхотнымъ прикрытіемъ, опять прошелъ бы въ Плевну, точно также, какъ и 10-го числа. За Видомъ нужна была *пѣхота вмѣстѣ съ кавалеріей*; одна же кавалерія, сама по себѣ — повторяю — не могла сдѣлать ничего существеннаго, ибо она появилась въ тылу Османа тогда, когда было уже поздно партизанить противъ укрѣпленныхъ этаповъ.

LXI

Дѣйствія сельви-ловчинскихъ партизановъ

Районъ дѣйствій сельви-ловчинскихъ партизановъ. — Поискъ войсковаго старшины Тарасова на с. Турскій Изворъ 21-го сентября. — Второй поискъ его же на Торосъ, Изворъ и Тетевень 23-го сентября. — Поискъ войсковаго старшины Антонова на Тетевень съ 27-го по 29-е сентября. — Неистовства турокъ надъ болгарскими женщинами и дѣтьми въ Торосѣ. — Третій поискъ Тарасова на Торосъ 28-го сентября. — Эсаулъ Сохрановъ. — Казакъ Буяновъ. — Турчанки-плѣнницы. — Показанія плѣнныхъ турокъ. — Освобожденіе плѣнныхъ болгарскихъ женщинъ и дѣтей. — Нѣчто по этому поводу о русскихъ сердобольницахъ. — Результаты поиска Тарасова.

Горный Студень, 9-го октября.

Послѣднее сообщеніе передавало свѣдѣнія о ходѣ партизанскихъ дѣйствій генералъ-лейтенанта Крылова въ тылу Плевны. Настоящая корреспонденція посвящается также партизанскимъ дѣйствіямъ, веденнымъ въ сельви-ловчинскомъ отрядѣ. Такимъ образомъ, можно будетъ составить довольно полное понятіе о малой войнѣ, имѣвшей мѣсто въ теченіи сентября мѣсяца на правомъ флангѣ нашей арміи.

Районъ дѣйствій ловчинскихъ партизановъ находился въ сосѣдствѣ съ райономъ генерала Крылова, ограничиваясь преимущественно линіею праваго берега Вида, хотя партизаны и переходили нѣсколько разъ на лѣвый берегъ въ селеніе Торосъ. Избирая мѣстечко Микре исходнымъ пунктомъ, партіи наши дѣйствовали въ западномъ направленіи съ одной стороны на Торосъ, съ другой на Тетевень и на Турскій Изворъ, лежащій между Торосомъ и Тетевенемъ почти на равномъ разстояніи *). Предварительно надо замѣтить, что по лѣвой сторонѣ Вида, начиная почти отъ Тетевеня, пріютившагося за ущеліемъ у подножія Балкановъ, пролегаетъ довольно удобная грунтовая прибрежная дорога, которая выходитъ на плевно-софійское шоссе у сел. Горняго Дубняка. По этой-то дорогѣ турки направляли изъ горныхъ и загорскихъ пунктовъ, лежащихъ правѣе Софіи, нѣкоторыя части войскъ и транспортовъ въ Орханіэ и въ Плевну. На высотѣ между деревнею Глошанъ и Торосомъ, софійское шоссе сближается мѣстами съ прибрежною дорогою на столько, что разстояніе между ними не превышаетъ шести-восьми верстъ; здѣсь шоссе проходитъ по такимъ горнымъ и нерѣдко лѣсистымъ трущобамъ, дающимъ полную возможность къ устройству засадъ и внезапныхъ нападеній, что будь только разрушены мосты и перекопана дорога, а мѣстами (въ особенности около Яблоницы) завалена камнями и деревьями, по ней не прошелъ бы безнаказанно никакой транспортъ. Въ такомъ характерѣ данной мѣстности удостовѣряютъ и карта, и свидѣтельства очевидцевъ. Партизанскіе наши отряды, дѣйствуя въ этомъ районѣ, были удалены отъ Плевны разстояніемъ отъ 50-ти до 75-ти и болѣе верстъ, а въ случаѣ отступленія могли базироваться на укрѣпленную Ловчу, въ то время уже прочно занятую нашими войсками.

20-го сентября начальникъ сельви-ловчинскаго отряда, генералъ-лейтенантъ Карцовъ получилъ отъ своихъ разъѣздовъ свѣдѣніе, что Турскій Изворъ занятъ партіею турецкихъ войскъ въ числѣ четырехсотъ человѣкъ, слѣдующихъ изъ Тетевеня къ Торосу, и что кромѣ того въ этихъ трехъ пунктахъ постоянно

*) Селеніе Торосъ лежитъ на лѣвомъ берегу Вида, а Тетевень на правомъ; Турскій Изворъ тоже на правомъ, но не на самомъ Видѣ, а верстахъ въ семи отъ него, при рѣчкѣ Кальчикѣ.

останавливаются проходящія изъ-за Балканъ партіи и обозы. Желая убѣдиться въ точности свѣдѣнія, а равно и въ томъ, сколько и какія именно силы находятся въ Турскомъ Изворѣ, генералъ Карцовъ усилилъ военный постъ въ местечкѣ Микре *) и приказалъ войсковому старшинѣ Тарасову взять полторы сотни 24-го донскаго казачьяго полка и сдѣлать съ ними развѣдку въ направленіи мѣстъ, указанныхъ донесеніями разъѣздовъ.

21-го числа войсковой старшина Тарасовъ, оставивъ полусотню казаковъ на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ у Микре**), пошелъ съ остальною своею частію, избѣгая дорогъ, напрямикъ по ущельямъ и горнымъ вершинамъ, и такимъ образомъ, къ вечеру совершенно скрытно подошелъ къ Турскому Извору. Здѣсь удалось ему незамѣтно выслѣдить, что селеніе это занято какими-то смѣшанными командами, въ разноформенныхъ одеждахъ. Тогда, пробравшись къ скалѣ, висящей надъ Изворомъ, Тарасовъ приказалъ спѣшиться тремъ взводамъ и съ вершины скалы открылъ учащенный огонь внизъ по командамъ, скученнымъ въ селеніи. Турки, не выдержавъ и пяти минутъ этого внезапнаго огня, въ полномъ безпорядкѣ бросились бѣжать въ горы, по направленію къ Тетевеню. Тарасовъ же, не теряя времени на дальнѣйшую стрѣльбу, поспѣшилъ со своею сотнею спуститься со скалы и занялъ селеніе Турскій Изворъ. Болгары, изъ числа мѣстныхъ и окрестныхъ жителей, бѣжавшіе предъ тѣмъ въ горы, услышавъ выстрѣлы, спустились съ вершинъ въ лощину, гдѣ залегаетъ Изворъ, и возбужденные чувствомъ мщенія къ ограбившимъ и выгнавшимъ ихъ туркамъ, прежде чѣмъ Тарасовъ успѣлъ принять какія-либо мѣры, зажгли съ разныхъ сторонъ турецкіе дома, причемъ сгорѣло много хлѣба и складъ сѣна, заготовленнаго турками для проходящихъ обозовъ и конныхъ партій. Впрочемъ, казаки успѣли отстоять для себя часть этого сѣна и хлѣба.

---

*) Промежуточный пунктъ между Ловчей, Турскимъ Изворомъ и Тетевенемъ.

**) У Микре сходятся частію проселочныя и частію грунтовыя доброѣзжія дороги: къ юго-востоку — на городъ Траянъ, къ юго-западу — на д. Голему-Желѣзну и изъ этой послѣдней правѣе на Тетевень, а лѣвѣе — черезъ горный перевалъ, на городъ Златицу; на западъ — къ Турскому Извору, рѣкѣ Виду и далѣе къ Яблоницѣ; на сѣверо-западъ — къ с. Торосу, на сѣверо - сѣверо - западъ — къ с. Огорчину, на сѣверъ — къ с. Колиникъ и на сѣверо-сѣверо-востокъ — къ городу Ловчѣ.

Вечеромъ, бѣжавшіе турки открыли было изъ противолежащаго лѣса ружейный огонь, но такъ какъ онъ оказался совершенно безвреднымъ, то казаки не отвѣчали на выстрѣлы. Турки пострѣляли, пострѣляли и скрылись.

Турскій Изворъ представляетъ изъ себя весьма большое селеніе, съ двумя иглообразными минаретами, лавками и нѣсколькими мощеными улицами. Дорога къ Извору отъ д. Големы-Желѣзны (Большая Желѣзня), пролегающая по широкому, пересохшему ложу рѣчки Кальчика, оказалась очень хорошею и весьма удобною для движенія транспортовъ. 22-го числа къ полудню старшина Тарасовъ благополучно возвратился въ Микре. Занимать Изворъ и укрѣпляться въ немъ съ бывшими въ его распоряженіи силами онъ не могъ, тѣмъ болѣе, что ему было приказано произвести только кавалерійскій поискъ, дабы убѣдиться въ количествѣ и качествѣ противника, занимающаго это селеніе. Тѣмъ не менѣе, цѣль поиска была болѣе чѣмъ достигнута, такъ какъ турки были не только открыты, но и выгнаны изъ Извора, а потому генералъ Карцовъ, заявляя начальству усердіе Тарасова, просилъ объ исходатайствованіи двухъ знаковъ отличія военнаго ордена на сотню, считая эту награду необходимою въ томъ отношеніи, что она послужила бы поощреніемъ для вновь сформированнаго 24-го казачьяго полка, только что прибывшаго изъ Россіи.

Послѣ этой стычки, генералъ Карцовъ приказалъ Тарасову вновь произвести поискъ между Торосомъ, Изворомъ и Тетевенемъ.

23-го сентября, утромъ, подойдя къ Торосу, Тарасовъ никого тамъ не встрѣтилъ; но Изворъ оказался вновь занятымъ турками. Тарасовъ опять выбилъ ихъ и самъ ночевалъ въ этомъ селеніи, а 24-го числа утромъ окружилъ деревню Галату, куда наканунѣ бѣжало до трехсотъ баши-бузуковъ, выбитыхъ изъ Извора. Въ восемь часовъ утра баши-бузуки открыли огонь по спѣшенной сотнѣ, которая вела наступленіе на деревню; но казаки выбили ихъ и, сѣвъ на коней, преслѣдовали по ущелью. Увидя, что часть турокъ бросилась къ Малкѣ-Желѣзнѣ (Малая Желѣзня), Тарасовъ пустился за нею, но она успѣла бѣжать къ Тетевеню. «Сильный дождь и утомленіе лошадей— говорится въ донесеніи—не позволили проникнуть за Тетевень». Поэтому Тарасовъ ночевалъ у дер. Сопота и 24-го числа къ

полудню возвратился въ Микре. Впрочемъ, онъ успѣлъ развѣдать, что горный проходъ къ Тетевеню уже занятъ четырьмя сотнями черкесовъ и тремя горными орудіями. Во время стычекъ у Извора и Галаты турки оставили до 12-ти тѣлъ и кромѣ того отбито у нихъ 11 ружей, 7 пистолетовъ, двѣ лошади съ вьюками, два ящика съ патронами и порохомъ. Такъ какъ оружіе оказалось частію пистонное и даже кремневое, то оно было роздано тѣмъ болгарамъ, которые служили проводниками по ущельямъ и помогали казакамъ держать коней, когда сотня спѣшивалась. Съ нашей стороны потери въ людяхъ и лошадяхъ не было.

Спустя шесть дней, по распоряженію генерала Карцова, были произведены одновременно два набѣга: одинъ на Тетевень, другой на Торосъ.

Получивъ свѣдѣніе, что Тетевень занятъ регулярною пѣхотою, генералъ Карцовъ, 27-го сентября, предписалъ 30-го донскаго казачьяго полка войсковому старшинѣ Антонову произвести рекогносцировку отъ Траяна къ Тетевеню и убѣдиться — какими силами занятъ тамъ выходъ изъ балканскаго ущелья. Антоновъ, съ сотнею казаковъ, выступилъ 27-го числа чрезъ дер. Шиповку, и не смотря на сильнѣйшую непогоду, слѣдовалъ безъ дорогъ, по рѣкѣ Бѣлому Виду. 28-го сентября разъѣзды его, не доходя 15-ти верстъ до Тетевеня, открыли непріятельскіе пикеты и перехватили болгарина съ письмомъ, написаннымъ по-болгарски, изъ котораго было узнано, что турки намѣреваются довольно сильно укрѣпить Тетевень, гдѣ теперь уже находится, кромѣ баши-бузуковъ, триста человѣкъ регулярной пѣхоты.

Въ строю у Антонова было только 116 казаковъ, тѣмъ не менѣе 29-го сентября, не смотря на проливной дождь, онъ рѣшился атаковать Тетевень. Въ половинѣ четвертаго по полудни онъ сбилъ передовые турецкіе пикеты, потомъ спѣшилъ половину своихъ людей и, подъ командою есаула Грузинова, велѣлъ имъ вести наступленіе на непріятельскую цѣпь, засѣвшую за ложементами и засѣками. Турки были выбиты, оставивъ на мѣстѣ 12 тѣлъ и 7 ружей, и перебѣжали за ложементы, окружающіе село съ восточной стороны. Но кромѣ этихъ ложементовъ, были еще другіе, на сѣверъ, къ сторонѣ Извора. Замѣтивъ, что наша атака ведется только съ одной стороны,

турки быстро стали перебѣгать изъ послѣднихъ ложементовъ къ атакуемымъ и открыли отсюда сильный ружейный огонь. Несоразмѣрность силъ и укрѣпленная позиція, атака которой неизбѣжно стоила бы слишкомъ большихъ потерь, заставили Антонова начать отступленіе. Въ это время увидѣлъ онъ, что неподалеку бродятъ турецкія стада. Быстро разсыпавъ лавою свою сотню, онъ съ гикомъ пустилъ ее на пасущійся скотъ. Казачья лава, слабо преслѣдуемая турками, успѣла отбить и угнать съ собою 100 головъ рогатаго скота, 1,500 овецъ и 27 лошадей. Съ нашей стороны потерь никакихъ не было, и войсковой старшина Антоновъ, возвратясь съ рекогносцировки, донесъ, что Тетевень оказался укрѣпленнымъ ложементами больше къ сторонѣ Извора, чѣмъ къ востоку, и тремя батареями, на которыхъ впрочемъ еще не были установлены орудія.

Другой поискъ 27-го сентября, произведенный изъ Микре на Торосъ, далъ еще болѣе значительные результаты.

Генералъ Карцовъ еще около 20-го сентября уже имѣлъ свѣдѣнія, что Торосъ занятъ какими-то командами и что партія баши-бузуковъ въ полтораста человѣкъ угнала оттуда и изъ окрестностей весь болгарскій скотъ въ Плевну и должна возвратиться назадъ, а на время ея отсутствія въ Торосѣ оставлено не болѣе трехсотъ человѣкъ. Эти послѣдніе выгнали изъ Тороса все мужское болгарское населеніе, запретивъ ему забрать съ собою женъ и дѣтей. Несчастныя женщины и дѣти, какъ оказалось впослѣдствіи, были согнаны въ особые дворы («ханы»—заѣзжіе дома), заперты тамъ подъ карауломъ, изнасилованы, подвергнуты всевозможнымъ истязаніямъ, лишеніямъ и найдены потомъ уже нашими казаками въ такомъ ужасномъ состояніи, которое трудно поддается какому бы то ни было описанію. Онѣ почти уже умирали отъ голода и жажды. Желая спасти эти несчастныя жертвы и въ то же время убѣдиться, сколько на самомъ дѣлѣ находится въ Торосѣ турецкихъ силъ, генералъ Карцовъ приказалъ тому же войсковому старшинѣ Тарасову сдѣлать развѣдку отъ Микре къ Торосу, и если только будетъ возможно, занять это селеніе и вывести изъ него задержанныя болгарскія семьи. Положеніе Тарасова было довольно затруднительно въ томъ отношеніи, что послѣ

набѣговъ 21-го и 23-го сентября кони его сильно утомились продолжительнымъ и быстрымъ движеніемъ по отвратительнымъ дорогамъ, а къ 27-му числу непрерывно продолжавшееся ненастье, холодъ, вѣтеръ и нескончаемый дождь, превратившій всѣ дороги въ массу глубокой, невылазной грязи, сдѣлали всякое движеніе, по видимому, невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе, собравъ кое-какъ три взвода изъ людей, владѣвшихъ наиболѣе сохранившимися конями, Тарасовъ выступилъ изъ Микре 28-го числа, въ 11 часовъ дня, и цѣликомъ, горами да лощинами, безъ всякихъ дорогъ, пошелъ напрямикъ къ Торосу. Переждавъ ночную тьму въ одномъ изъ ущелій, 29-го утромъ онъ напалъ на Торосъ, лежащій, какъ уже сказано, за Видомъ. Однако, прежде чѣмъ ворваться туда, казакамъ надо было перейдти рѣку въ бродъ; но вслѣдствіе дождей и обычныхъ въ этомъ краю осеннихъ разливовъ, вода оказалась такъ высока и теченіе столь быстро, что многимъ пришлось плыть, тогда какъ движеніе другихъ задерживалось свойствами самаго дна рѣчнаго, усѣяннаго крупнымъ булыжникомъ. Такимъ образомъ, неожиданная для насъ затруднительность переправы дала возможность туркамъ собраться въ значительномъ числѣ и занять кукурузныя полосы съ той стороны, противъ которой должны были выдти казаки. Не обращая вниманія на огонь, эсаулъ Сохрановъ, перешедшій первымъ съ двумя взводами, въ ту же минуту бросился на турокъ въ пики и въ шашки— тѣ не устояли и, настигнутые казаками, почти всѣ были изрублены и переколоты. Болгары, слѣдовавшіе за нашими донцами изъ горныхъ ущелій, насчитали въ кукурузѣ до 60-ти тѣлъ.

Между тѣмъ самъ Тарасовъ, съ оставшимся у него взводомъ, бросился въ селеніе. Многіе турки въ это время только еще выбѣгали изъ домовъ, и не успѣвъ сдѣлать даже ни одного выстрѣла, были уже переколоты. Кому удалось убѣжать изъ деревни, либо спастись изъ-подъ шашекъ Сохранова, тѣ скрылись въ ближайшемъ лѣсу, и только въ одномъ изъ домовъ осталось и заперлось нѣсколько турокъ, между которыми былъ и офицеръ, какъ оказалось потомъ— начальникъ отряда. Кучка казаковъ спѣшилась, выбила прикладами дверь—и первымъ вскочилъ въ горницу казакъ

Филиппъ Буяновъ. Турецкій офицеръ выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ пистолета и ранилъ въ плечо. Дала тоже выстрѣлъ по ворвавшимся казакамъ одна турчанка, но ни въ кого не попала. Офицеръ былъ тутъ же изрубленъ вмѣстѣ со всѣми остальными мужчинами, а четыре турецкія женщины, находившіяся здѣсь, пощажены и арестованы. Та, которая стрѣляла, оказалась пятидесятилѣтнею старухою, по имени *Айма*; другая, *Земетъ-Дури*—шестнадцатилѣтняя дѣвушка; остальныя двѣ, *Хама* и *Фатьме*—женщины 30-ти и 25-ти лѣтъ. Всѣ онѣ показали, что стояли съ обозомъ въ 400 подводъ въ деревнѣ Яблоницѣ, и услышавъ выстрѣлы, направились въ Торосъ, гдѣ и были арестованы за вооруженное сопротивленіе. Нѣкоторые изъ захваченныхъ въ плѣнъ мужчинъ дали небезъинтересныя показанія; такъ, напримѣръ, Магометъ-Оглы-Османъ, 25-ти лѣтъ, разсказываетъ, что служилъ въ низамѣ, находился подъ Плевною, откуда бѣжалъ, вынужденный на это голодомъ. Положеніе турецкой арміи въ Плевнѣ, по его словамъ, крайне бѣдственно, много самоубійствъ; люди питаются кукурузою, которая выдается скудными порціями—по полуфунту на три дня на каждаго человѣка; бѣжало въ теченіи десяти дней болѣе трехсотъ человѣкъ. Прибылъ онъ въ Плевну изъ Софіи 10-го сентября, а вышелъ изъ Софіи, подъ командою Шефкета-паши, съ 25-ю таборами пѣхоты, изъ коихъ 300 человѣкъ остались въ Плевнѣ, остальные же, проведя больщой транспортъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ, направились съ 30-ю орудіями за Видъ, на шоссейные этапы; въ Софіи же, какъ увѣряетъ онъ, находится только шесть таборовъ, которые расположены по батареямъ. Показанія другихъ плѣнныхъ относительно числа войскъ въ Софіи почти сходятся съ первымъ; всѣ они утверждаютъ, что войскъ въ Софіи пока еще немного, но въ Орханіэ сосредоточено уже отъ 15-ти до 20-ти тысячъ. На счетъ положенія въ Плевнѣ тоже всѣ согласны, что оно далеко не изъ легкихъ и удобныхъ, равно какъ удостовѣряютъ и въ томъ, что на протяженіи транспортныхъ дорогъ отъ Плевны до Софіи устроены недавно укрѣпленные этапные пункты въ достаточномъ количествѣ, съ цѣлію обезопасить слѣдованіе транспортовъ. Наиболѣе отличались, какъ звѣрскіе исполнители всяческихъ истязаній

надъ болгарскими женщинами, двое изъ захваченныхъ въ плѣнъ: 60-ти-лѣтній *помакъ* (потурченный болгаринъ) Али-Мустафа и 17-ти-лѣтній юноша, баши-бузукъ Комбергъ-Оглу-Махмедъ-Али, на котораго болгарки указали, какъ на одного изъ злѣйшихъ тирановъ и изнасилователей. Этотъ юноша между прочимъ показалъ, что войска, направляемыя въ Софію и на шоссейные этапы, высаживаются съ транспортныхъ судовъ въ Константинополѣ, и что провіантъ для Плевны собираютъ они повсюду и безразлично, какъ съ болгарскихъ, такъ и съ турецкихъ жителей.

Между тѣмъ турки, бѣжавшіе въ лѣсъ, стали собираться на опушкѣ и вскорѣ открыли пальбу, совершенно впрочемъ безвредную. Но Тарасовъ, имѣя въ виду главнѣйшую цѣль экспедиціи, т. е. спасеніе болгарскихъ семей, не позволилъ людямъ своимъ увлечься дальнѣйшимъ преслѣдованіемъ. Присутствіе женщинъ и дѣтей, запертыхъ въ «ханахъ», было обнаружено ихъ воплями, раздававшимися изъ домовъ и изъ глубины погребовъ и подваловъ. Когда этихъ несчастныхъ наконецъ освободили, онѣ въ первыя минуты были какъ ошалѣлыя и даже не хотѣли вѣрить своему спасенію; но увидѣвъ мужей и братьевъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ казаками, сейчасъ же поняли въ чемъ дѣло и со слезами радости стали бросаться нашимъ донцамъ въ ноги, обнимали ихъ колѣни и цѣловали руки. Невозможно было равнодушно глядѣть на этихъ окровавленныхъ, израненыхъ, избитыхъ и изнуренныхъ голодомъ дѣтей и женщинъ, на этихъ молодыхъ дѣвушекъ, подвергнутыхъ самымъ неистовымъ изнасилованіямъ...

И какъ подумаешь, что въ Россіи находятся женщины, подносящія этимъ самымъ баши-бузукамъ нѣжные букеты и конфекты, ухаживающія за этими самыми звѣрями!... Сердце обливается кровью у каждаго солдата, у каждаго казака, когда имъ приходится читать или слышать о подобныхъ мерзостяхъ. Сюда бы привести этихъ безпутныхъ сердобольницъ, да показать имъ этихъ израненыхъ дѣтей, этихъ обезчещенныхъ женщинъ,—тогда, быть можетъ, открылась бы ихъ глазамъ вся недостойная, безнравственная сторона и глупость ихъ поведенія. Нѣтъ того русскаго за Дунаемъ, который не возмущался бы до глубины негодующей души, читая въ газе-

тахъ разсказы о зазорномъ поведенiи съ плѣнными турками нашихъ легкомысленныхъ безстыдницъ.

Тарасовъ поспѣшилъ переправить за Видъ спасенныя имъ семейства, и окруживъ ихъ цѣпью, въ тотъ же день дошелъ до села Огорчина, гдѣ и расположился на ночлегъ, а 30-го сентября возвратился въ Микре.

Результатъ поиска заключается въ слѣдующемъ: оставлено турками на мѣстѣ болѣе 80-ти тѣлъ и въ числѣ ихъ начальникъ отряда; взято въ плѣнъ шесть баши-бузуковъ, одинъ регулярный солдатъ и четыре женщины; выведено изъ Тороса 700 женщинъ и дѣтей, между которыми нѣкоторыя были изранены турками уже въ самыя послѣднiя минуты предъ появленiямъ казаковъ, занятыхъ въ то время переправою черезъ бурливую рѣку; захвачено на возвратномъ пути 28 головъ турецкаго скота, 8 лошадей и болѣе сотни барановъ.

Этимъ наѣздомъ закончились въ сентябрѣ мѣсяцѣ наши партизанскiя дѣйствiя.

LXII

Высылка англiйскаго корреспондента

Условiя допущенiя корреспондентовъ въ армiю. — Г. Фредерикъ Бойль. — Его корреспонденцiя отъ 24-го августа, изъ Порадима. — Объясненiе полковника Газенкампфа съ г. Бойлемъ. — Высочайшiя награды русскимъ и иностраннымъ корреспондентамъ.

Горнiй Студень, 17-го сентября.

14-го сентября послѣдовалъ первый въ текущую войну примѣръ удаленiя изъ дѣйствующей армiи одного изъ иностранныхъ корреспондентовъ, нарушившихъ принятыя на себя, по отношенiю къ армiи, обязательства. Надо замѣтить, что по отношенiю ко всѣмъ вообще частнымъ корреспондентамъ, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, еще въ самомъ началѣ войны было рѣшено въ принципѣ совершенно свободное допущенiе ихъ въ армiю, не принимая ни въ малѣйшее соображенiе степень враждебности или добро-

желательства намъ той или другой газеты. Газета могла быть самымъ заклятымъ врагомъ Россіи и русскихъ — намъ до этого не было дѣла и корреспондентъ ея свободно могъ пріѣхать въ нашъ лагерь, при соблюденіи, конечно, извѣстныхъ условій. Но для допущенія въ армію какого бы то ни было корреспондента необходимо требовалась рекомендація *его личности* со стороны какого-либо учрежденія или лица офиціальнаго, или же такой особы, которая по своему положенію заслуживаетъ полнаго довѣрія. Такимъ образомъ, не газета съ ея направленіемъ, а личность самого корреспондента принималась въ соображеніе при допущеніи его въ армію, и это было сдѣлано въ томъ вниманіи, что честный человѣкъ, къ какой бы политической партіи онъ ни принадлежалъ, не будетъ ни уклоняться отъ истины, ни нарушать принятыя имъ на себя и легко выполнимыя обязательства, которыя заключаются въ слѣдующемъ:

1) Не сообщать никакихъ свѣдѣній о расположеніи, численности и передвиженіяхъ войскъ, а также о планахъ предстоящихъ нашихъ дѣйствій.

2) Пріѣзжая въ какой-либо отрядъ, испрашивать предварительно у старшаго начальника разрѣшеніе остаться при немъ, и немедленно удалиться, если начальникъ, по военнымъ соображеніямъ, признаетъ неудобнымъ присутствіе корреспондента при отрядѣ.

Никто изъ частныхъ корреспондентовъ не подвергался и не подвергается ни малѣйшей цензурѣ: сообщенія ихъ читаются лишь по напечатаніи въ газетѣ, причемъ не принимается въ соображеніе общій тонъ газеты по отношенію ея къ Россіи и къ русской арміи. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить четырехмѣсячное пребываніе при нашей арміи г. Фредерика Бойля (Boyle), корреспондента англійской газеты «Standard», которая по своей слѣпой ненависти къ Россіи можетъ сравниться развѣ съ вѣнскою «Neue freie Presse» и нѣкоторыми изъ венгерскихъ газетъ. Но разъ, что г. Бойль былъ допущенъ въ армію — а допущенъ онъ потому, что имѣлъ личную рекомендацію и слѣдовательно удовлетворялъ основному условію допущенія корреспондентовъ — никто не дѣлалъ никакого различія въ обращеніи съ нимъ и съ другими, дружественными намъ, корреспондентами. Самъ г. Бойль

сознавался, что онъ постоянно пользуется самымъ любезнымъ вниманіемъ и радушнымъ гостепріимствомъ въ средѣ нашей арміи.

Но случилось слѣдующее обстоятельство:

13-го сентября Великій Князь Главнокомандующій, призвавъ къ себѣ полковника Газенкампфа, въ вѣдѣніи котораго состоятъ корреспонденты, поручилъ ему лишить корреспондента англійской газеты «Standard», г. Фредерика Бойля, всѣхъ преимуществъ его званія и затѣмъ выслать его изъ арміи.

Поводомъ къ такой мѣрѣ послужила корреспонденція отъ 24-го августа изъ Порадима, въ которой г. Бойль, нарушивъ принятое имъ на себя *подъ честнымъ словомъ* обязательство, сообщилъ подробныя свѣдѣнія о расположеніи нашихъ войскъ и укрѣпленій подъ Плевною. Объ общемъ недоброжелательномъ тонѣ статьи, объ оскорбительныхъ отзывахъ на счетъ русской арміи и даже о клеветахъ на нее, нечего уже и говорить — статья была наполнена ими.

Г. Бойль, который находился въ постоянныхъ разъѣздахъ, какъ и всѣ корреспонденты, прибылъ въ Горній Студень, какъ нарочно, 13-го сентября, въ тотъ самый день, когда въ главной квартирѣ было обращено вниманіе на его корреспонденцію.

На слѣдующій день г. Бойль получилъ чрезъ коменданта приглашеніе пожаловать къ полковнику Газенкампфу. Въ палаткѣ сего послѣдняго произошло объясненіе, которое передается здѣсь съ дословною точностію. Оно происходило въ присутствіи помощника коменданта, полковника Поливанова.

Когда г. Бойль явился, полковникъ Газенкампфъ, по обыкновенію, любезно съ нимъ раскланявшись, указалъ ему въ нумерѣ «Standard'a» на столбцы корреспонденціи изъ Порадима.

— Великому Князю угодно знать, ваша ли эта статья? — спросилъ онъ по-французски (разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ).

Г. Бойль пробѣжалъ по столбцу глазами и немного сконфузился.

— Кажется, моя... Да, я думаю, что это писалъ я, отвѣтилъ онъ.

— Не кажется ли вамъ, что вотъ это мѣсто *), сказалъ полковникъ, указывая на строки, отчеркнутыя синимъ карандашемъ,—составляетъ прямое нарушеніе того обязательства, которое вы приняли на себя подъ честнымъ словомъ?

Г. Бойль снова пробѣжалъ глазами корреспонденцію.

— Да, да, согласился онъ; но... позвольте обратить ваше вниманіе на то, что вѣдь эта статья отъ 24-го августа, а съ тѣхъ поръ прошло столько времени, что...

— Объ этомъ позвольте уже судить намъ. Надѣюсь, вы согласитесь сами, что это *наше* право.

— О да, конечно, это ваше дѣло.

— Хорошо. Теперь не кажется ли вамъ, что вотъ въ этихъ строкахъ весьма ясно высказывается самое крайнее недоброжелательство (la malveillance la plus prononcée) къ нашей арміи.

Въ указанномъ мѣстѣ общее положеніе нашей арміи изображалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; говорилось также, что армія гибнетъ отъ болѣзней, и въ заключеніе сказано: «О, какъ бы я смѣялся надъ всѣмъ этимъ, если бы меня самого не трясла лихорадка!»

Прочитавъ эти строки, г. Бойль сильно смутился и, заикаясь, сталъ оправдываться тѣмъ, что онъ литераторъ, а не военный, что поэтому у него иногда могло «сорваться съ пера» что нибудь лишнее нечаянно, но онъ можетъ увѣрить, что не имѣлъ дурныхъ намѣреній.

— Великій Князь читалъ вашу статью, перебилъ его полковникъ Газенкампфъ,—и былъ крайне оскорбленъ тѣмъ враждебнымъ тономъ, которымъ вы говорите о нашей арміи. А такъ какъ вы къ тому же нарушили принятое вами на себя обязательство, то Его Высочество приказалъ мнѣ предложить вамъ немедленно удалиться какъ изъ арміи, такъ и изъ Румыніи.

— Какъ! — вырвалось восклицаніе у г. Бойля — такъ я не могу оставаться и въ Румыніи?!

— Нѣтъ, не можете. Великій Князь возложилъ на полковника Липояно обязанность проводить васъ до Бухареста, а оттуда васъ уже проводятъ далѣе, до границы. Теперь я

*) Всѣ надлежащія мѣста статьи были отчеркнуты синимъ карандашемъ.

васъ попропу возвратить мнѣ всѣ знаки вашего званія корреспондента (vos insignes de correspondant) и затѣмъ вотъ г. комендантъ (при этомъ г. Газенкампфъ указалъ на полковника Поливанова), который проводитъ васъ къ полковнику Липояно.

— Но... однако, вы позволите мнѣ увѣдомить обо всемъ этомъ мою газету? замѣтилъ г. Бойль.

— Объ этомъ не безпокойтесь, было ему отвѣтомъ:—мы немедленно будемъ телеграфировать въ Лондонъ о вашемъ удаленіи.

— Но... позвольте мнѣ нѣсколько времени, чтобы собраться: у меня здѣсь экипажъ, лошади, прислуга...

— Необходимое время вамъ будетъ дано; но вы сами понимаете, что срокъ этотъ не можетъ превышать нѣсколькихъ часовъ.

— Я думаю, прибавилъ полковникъ Поливановъ,—что вамъ самимъ послѣ этого будетъ пріятно поскорѣе уѣхать отсюда.

— О да, конечно, согласился г. Бойль, который во время этого разговора снялъ съ себя нарукавную повязку, вынулъ свой засвидѣтельствованный фотографическій портретъ, а также свидѣтельство на право содержанія экипажа, лошадей и прислуги, и все это положилъ на столъ.

— Прошу васъ, прибавилъ онъ,—передать Великому Князю, что я не имѣлъ дурныхъ намѣреній. Вы конечно понимаете, до какой степени все это для меня непріятно.

— Очень даже понимаю, согласился полковникъ Газенкампфъ,—и могу сказать вамъ только одно, что и мнѣ крайне непріятно разставаться съ вами при такихъ обстоятельствахъ. А касательно вашего заявленія, что вы не имѣли дурныхъ намѣреній, то желаніе ваше будетъ исполнено и я доложу объ этомъ Его Высочеству. Прощайте.

На этомъ разговоръ кончился, и г. Бойль ушелъ съ полковникомъ Поливановымъ, а въ два часа по полудни полковникъ Липояно уже везъ его къ Бухаресту.

Такъ какъ настоящее сообщеніе посвящено вопросу о корреспондентахъ, то кстати можно прибавить, что нѣкоторые изъ нихъ удостоены Высочайшихъ наградъ орденами, за достойное поведеніе, которое, по засвидѣтельствованію подлежащаго военнаго начальства, они обнаружили, при-

сутствуя въ различныхъ сраженіяхъ въ сферѣ непріятельскаго ружейнаго огня. Вотъ ихъ имена:

Корреспондентъ газеты «Новое Время», Вячеславъ Сильвестровичъ Россоловскій, и газеты «Daily News», Арчибальдъ Форбсъ — за сраженіе подъ Плевной, 18-го іюля; корреспондентъ газеты «Новое Время», Александръ Дмитріевичъ Ивановъ, и газеты «The Scotsman», докторъ Каррикъ — за сраженіе 18-го же іюля, при с. Джуранлы, при чемъ первый изъ нихъ (г. Ивановъ) принялъ на себя обязанности ординарца и передавалъ приказанія въ цѣпь, а второй добровольно взялся подавать первоначальное пособіе нашимъ раненымъ и дѣлалъ имъ перевязку подъ непріятельскими пулями съ блестящимъ спокойствіемъ и самоотверженіемъ. Всѣ четыре названныя лица Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами ордена св. Станислава 3-й степени съ мечами. Два нѣмецкіе корреспондента, присутствовавшіе въ сраженіяхъ подъ Никополемъ 3-го іюля и подъ Плевною 18-го іюля — награждены орденами св. Анны 3-й степени съ мечами, во вниманіе къ тому, что оба они отставные офицеры, раненые во время франко-германской войны и имѣющіе Желѣзные кресты. Одинъ изъ нихъ — капитанъ Даннгауэръ, корреспондентъ «National Zeitung», а другой — поручикъ фонъ-Марее, корреспондентъ «Über Land und Meer». Ордена эти было поручено передать по принадлежности состоящему въ распоряженіи Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, генеральнаго штаба полковнику Газенкампфу *).

---

*) Вообще, удостоились наградъ орденами слѣдующіе корресподенты русской и иностранной печати:

В. С. Россоловскій, «Новое Время», св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

А. Д. Ивановъ, «Новое Время», св. Станислава 3-й ст. съ мечами и св. Анны 3-й ст. съ мечами.

В. И. Немировичъ-Данченко, «Новое Время», знакъ отличія военнаго ордена 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

Н. В. Максимовъ, «Бирж. Вѣд.», св. Владиміра 4-й ст. съ мечами.

Князь Шаховской, «Моск. Вѣд.», св. Станислава 3-й ст. съ мечами и св. Анны 3-й ст. съ мечами.

LXIII

Преступленія въ арміи

Нѣчто о состояніи дисциплины въ дѣйствующей арміи. — Уголовныя преступленія. — Покушеніе, съ цѣлью грабежа, на жизнь корреспондента, г. Поньона. — Поднятіе оружія противъ начальника. — Побѣгъ къ непріятелю, съ принятіемъ участія въ его военныхъ дяйствіяхъ. — Болгарская разбойничья шайка и ея дѣянія.

Горній Студень, 24-го сентября.

Количество преступленій, повлекшихъ за собою высшую мѣру взысканія по полевымъ уголовнымъ законамъ, т. е. смертную казнь, было очень незначительно, всего только четыре случая (изъ нихъ одинъ въ Кишиневѣ). Принявъ въ соображеніе десятимѣсячный періодъ времени и свыше двухсоттысячное число нашей дѣйствующей арміи, эти четыре случая достаточно краснорѣчиво говорятъ въ пользу дисциплины и вообще нравственности нашихъ военно-служащихъ. Эти качества—слава Богу—стоятъ у насъ выше всякихъ нареканій, и даже самая односторонняя, самая придирчивая оцѣнка, основываясь на такихъ цифрахъ, не могла бы укорить нашу армію въ недостаткѣ дисциплины и нравственности. Поэтому

Даннгауеръ, «National Zeitung» и «Hamburger Nachrichten», св. Анны 3-й степени съ мечами.

Фонъ-Марее, «Augsburger Algem. Zeitung» и «Ueber Land und Meer», св. Анны 3-й ст. съ мечами.

Лихтенштадтъ, «Die Presse» (австрійская газета), св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

Дикъ-де-Лоне (Dick-de-Loneay), «Moniteur Universel» и «Monde Illustré», св. Станислава 3-й ст. съ мечами и св. Анны 3-й ст. съ мечами.

Пиньонъ (Pognon), «Agence Havas», св. Анны 3-й ст. съ мечами.

Фарбсъ, «Daily News», св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

Каррикъ, докторъ, «The Scolsman», св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

Макъ-Гаханъ, «Daily News» и «Голосъ», св. Анны 3-й ст. съ мечами.

Брэкенбери, «Times», св. Владиміра 4-й ст. съ мечами.

Миллетъ, «New-York Herald» и «Daily News», св. Станислава 3-й ст. съ мечами и св. Анны 3-й ст. съ мечами.

Канини, «Opinione», «Punholo di Napoli» и «Courrier du soir de Milan», св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

Ладзаро, «Roma di Napoli» и «Illustratione Italiana», св. Станислава 3-й степени съ мечами.

Донъ Хозе-Пеллисеръ, «La Illustraziona España y Americana», св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

нѣтъ и причины скрывать подобные случаи, тѣмъ болѣе, что нашъ военный судъ искони былъ судомъ гласнымъ, открытымъ, а въ нынѣшнюю кампанію одинъ изъ судебныхъ процессовъ совершился даже, такъ сказать, всенародно, среди лагеря, подъ открытымъ небомъ.

Въ настоящемъ сообщеніи приводятся три наиболѣе характерныхъ случая преступленій, повлекшихъ за собою смертную казнь: одинъ изъ нихъ—разбой, совершонный надъ корреспондентомъ «Агентства Гаваса» г. Поньономъ, другой—важное нарушеніе воинской дисциплины, сопряженное съ поднятіемъ оружія противъ начальника и, наконецъ, третій—побѣгъ къ непріятелю, при чемъ виновный принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ нашихъ войскъ.

Г. Поньонъ—французскій подданный, молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, успѣлъ пріобрѣсти себѣ большую извѣстность и большое сочувствіе въ средѣ нашихъ офицеровъ, а потому покушеніе, совершонное противъ его жизни и собственности, вызвало въ нихъ всеобщее негодованіе и много искреннихъ сожалѣній о потерпѣвшемъ. Еще съ 25-го іюля, за день до прискорбнаго случая, его видѣли въ деревнѣ Чаушка-Махала, гдѣ тогда находился штабъ Главнокомандующаго. Въ этотъ день, какъ сказываютъ, онъ уѣхалъ въ Зимницу, чтобы послать депеши о военныхъ событіяхъ. Покончивъ въ Зимницѣ свои дѣла, г. Поньонъ возвращался оттуда въ Систово 27-го іюля вечеромъ. Было уже около десяти часовъ, когда онъ, ведя въ поводу своего усталаго коня и направляясь къ пловучему мосту, шелъ по низменному, обширному и довольно пустынному острову, что̀ лежитъ между Зимницей и лѣвымъ протокомъ Дуная. Ночь стояла темная, а Поньонъ плохо зналъ данную мѣстность и боялся какъ бы не сбиться съ дороги. Тутъ попадается ему на встрѣчу какой-то солдатъ, который оказался потомъ ефрейторомъ 6-го сапернаго батальона, по имени Іосифъ Григорьевъ Лазнюкъ, 31-го года *). Поньонъ обратился къ нему съ просьбою указать дорогу къ мосту, и Лазнюкъ охотно согласился на это. Идя рядомъ съ г. Поньономъ и опираясь на большую, толстую палку, Лаз-

*) Изъ крестьянъ, въ службѣ состоялъ съ 1868 года и имѣлъ нашивку за шестилѣтнюю безпорочную службу.

нюкъ, не доходя моста, кинулся вдругъ на своего спутника и нанесъ ему палкою два весьма сильныхъ удара—одинъ по головѣ, такъ что разсѣкъ кожу до самой надкостной плевы, а другой по плечу, вслѣдствіе чего произошелъ переломъ ключицы. Ошеломленный болью, Поньонъ упалъ на землю, а Лазнюкъ бросился на него и началъ срывать съ него дорожную сумку. Завязалась борьба, среди которой Поньонъ успѣлъ сорвать у грабителя наплечный погонъ и сталъ кричать о помощи. Чтобы лишить его этой послѣдней возможности, Лазнюкъ старался засыпать ему ротъ пескомъ, но Поньону въ это время удалось нанести грабителю ударъ въ глазъ нагайкою, бывшею у него въ рукѣ. Сорвавъ наконецъ сумку, Лазнюкъ пустился съ нею бѣжать отъ своей жертвы. Но, къ счастію, отчаянный крикъ Поньона былъ во-время услышанъ присутствовавшими на берегу матросами, которые бросились къ нему на помощь, успѣли догнать Лазнюка и привели его съ поличнымъ въ лагерь. Поньонъ, послѣ перваго медицинскаго пособія, оказаннаго ему на мѣстѣ, былъ отвезенъ въ Зимницу и помѣщенъ тамъ на излеченіе въ военно-временный госпиталь, а грабитель арестованъ. 22-го августа, въ городѣ Систовѣ, состоялся надъ нимъ военный судъ, къ которому не могли приступить ранѣе, такъ какъ Поньонъ, по причинѣ своихъ страданій, былъ лишенъ возможности дать необходимыя показанія. По 279 ст. воен. уст. о наказ. 1875 г. и согласно 2, 10 и 11 статьямъ того же устава, Лазнюкъ за свое преступленіе, какъ совершонное въ военное время, приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, къ позорному лишенію воинской чести и къ смертной казни разстрѣляніемъ, что́ и исполнено надъ нимъ въ законный срокъ *на самомъ мѣстѣ преступленія*. Въ настоящее время здоровье г. Поньона, какъ слышно, уже достаточно поправилось; приговоръ же этотъ удовлетворилъ справедливому чувству негодованія всей арміи, которая сознаетъ, что г. Поньонъ, явившійся въ ея среду, безоружнымъ и съ полнымъ довѣріемъ, какъ другъ и какъ иностранецъ, естественно долженъ былъ пользоваться съ ея стороны полною охраною и покровительствомъ.

Второй, не менѣе прискорбный случай имѣлъ мѣсто въ 4-мъ резервномъ армейскомъ батальонѣ, и тоже въ іюлѣ мѣсяцѣ.

*

18-го августа предъ военно-полевымъ судомъ въ городѣ Систовѣ предстали двое рядовыхъ названнаго батальона: Александръ Евменьевъ Назаренко и Миронъ Мартыновъ Прочкинъ, оба 30-ти лѣтъ отъ роду, оба на службѣ съ 1871 года, изъ крестьянъ, и штрафамъ по суду и безъ онаго дотолѣ не подвергались. Обстоятельства дѣла, по обвинительному акту, заключались въ слѣдующемъ:

17-го іюля 4-й резервный батальонъ находился на походѣ въ Румыніи, слѣдуя къ мѣсту назначенія своего въ городъ Систово. День былъ жаркій. На пути между станціею Магалешти и деревнею Лешкиноки батальонъ значительно растянулся по дорогѣ, а нѣсколько солдатъ 3-й роты, человѣкъ около сорока, отдѣлясь отъ общей колонны, расположились отдыхать около рѣчки на мосту. Въ числѣ ихъ находились и Назаренко съ Прочкинымъ. Дежурнымъ по батальону въ этотъ день былъ поручикъ Богачевичъ, который по обязанности слѣдовалъ позади колонны, для наблюденія за общимъ порядкомъ. Видя, что отдѣлившіеся люди расположились на отдыхъ самовольно въ то время, какъ батальонъ уходитъ все дальше и дальше, поручикъ Богачевичъ приказалъ имъ встать и идти вмѣстѣ съ своею частію. Но никто изъ отдыхавшихъ не исполнилъ этого приказанія. Вынужденный по этому отдать его вторично, Богачевичъ подошелъ къ отдыхавшей группѣ. Тогда рядовой Назаренко, поднявшись съ земли, пошелъ впередъ, со словами: «Небойсь, ѣсть не даютъ, а идти впередъ приказываютъ!» Дерзость такого замѣчанія, высказаннаго вдобавокъ громко и вызывающимъ тономъ, не могла уже сама по себѣ пройдти безнаказанно. Желая задержать виновнаго, поручикъ Богачевичъ догналъ его и схватилъ за шинель, висѣвшую въ скатанномъ видѣ черезъ плечо, но Назаренко успѣлъ отъ него вырваться, сказавъ: «Завтра меня поймаешь!»—и тутъ же, обратясь къ остальнымъ солдатамъ, крикнулъ: «Нут-ка, ребята, покажемъ ему!» Вмѣстѣ съ этими словами, взявъ ружье «на руку», онъ съ крикомъ «ура» бросился на поручика Богачевича. Остальные, неразумно увлеченные дурнымъ примѣромъ, окружили этого офицера съ подобнымъ же крикомъ. Тогда Богачевичъ выхватилъ изъ кабуры револьверъ и предупредилъ людей, что дальнѣйшее неповиновеніе его приказанію вынудитъ его сейчасъ же стрѣлять по нарушителямъ

порядка. Угроза подѣйствовала, и люди стали расходиться. При этомъ рядовой Прочкинъ—по показанію дежурнаго унтеръ-офицера—будто бы сказалъ уходя: «Жаль, а надо бы хорошенько задать ему!» Оба названные рядовые были преданы суду батальоннымъ командиромъ. Полевой военный судъ, по соображеніи обвиненія, выведеннаго въ обвинительномъ актѣ и разъясненнаго какъ на судебномъ слѣдствіи, такъ и въ заключительныхъ преніяхъ, призналъ виновными обоихъ подсудимыхъ. Что касается Назаренки, то тутъ судомъ усмотрѣно два преступныхъ дѣянія: первое заключается въ неисполненіи общаго приказанія начальника, за что виновный подлежалъ бы одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ отъ одного до четырехъ мѣсяцевъ, или переводу въ разрядъ штрафованныхъ; второе же, какъ дѣйствіе противъ своего начальника въ высшей степени дерзкое и притомъ совершонное въ военное время, безусловно подлежитъ смертной казни, на основаніи послѣдней части 98 ст. воинск. уст. Этому же наказанію подлежалъ подсудимый и по совокупности преступленій (86 ст. воинск. уст.), а потому военный полевой судъ приговорилъ рядоваго Назаренку къ смертной казни разстрѣляніемъ, но безъ лишенія всѣхъ правъ состоянія и не подвергая его обряду позорнаго лишенія воинской чести. Рядовой же Прочкинъ признанъ виновнымъ только въ неисполненіи общаго приказанія начальника; всѣ же остальные факты его обвиненія судъ нашелъ недоказанными, и потому, согласно 1 пункту 834 ст. XXIV т. свод. воен. пост., 1869 г., Прочкинъ подлежалъ оправданію. За дознанную же вину опредѣлено выдержать его подъ арестомъ на хлѣбѣ и водѣ четыре недѣли и перевести въ разрядъ штрафованныхъ, увеличивъ ему обязательное въ ономъ пребываніе на два года и шесть мѣсяцевъ. Приговоръ надъ Назаренкой приведенъ въ исполненіе въ Систовѣ, причемъ актъ разстрѣлянія былъ совершенъ командою отъ 3-й роты 4-го резервнаго батальона. Но это былъ единственный за все время примѣръ столь дерзкаго нарушенія воинской дисциплины, и товарищъ прокурора, капитанъ Кессель, произнося обвинительную рѣчь, справедливо сказалъ въ заключеніе, что въ данномъ случаѣ смертная казнь должна послужить грознымъ напоминаніемъ, что штыкъ дается солдату для того, чтобы

колоть имъ въ честномъ бою непріятеля, а не затѣмъ, чтобы кидаться съ нимъ на своего офицера.

Третій случай, повлекшій за собою смертный приговоръ, заключается, какъ уже сказано, въ побѣгѣ къ непріятелю.

Рядовой 8-го пѣхотнаго Эстляндскаго полка Хасмудинъ-Хабидулинъ, родомъ татаринъ, изъ крестьянъ Казанской губерніи, по религіи мусульманинъ, находившійся на службѣ съ 1866 года, уже не въ первый разъ являлся предъ военнымъ судомъ: въ 1873 году онъ былъ присужденъ къ исправительнымъ ротамъ, гдѣ отбылъ назначенный ему срокъ и выпущенъ въ запасъ, а въ текущемъ году, 17-го апрѣля, вновь призванъ на дѣйствительную службу. Сущность преступленія, за которое нынѣ поплатился онъ жизнію, заключается въ томъ, что 10-го августа Хабидулинъ, находясь съ полкомъ подъ Плевною, самовольно отлучился изъ своей части и бѣжалъ въ турецкую армію, къ Осману-пашѣ. Преступленіе это сопровождалось обычнымъ при всѣхъ почти побѣгахъ, такъ называемымъ, «сносомъ казенныхъ вещей», т. е. того бѣлья и одежды, какія были надѣты на дезертирѣ въ моментъ совершенія преступнаго дѣянія, а въ данномъ случаѣ «сносъ» осложнялся еще и тѣмъ, что Хабидулинъ захватилъ съ собою ружье, аммуницію и пять пачекъ боевыхъ патроновъ. Пребываніе его въ турецкомъ лагерѣ продолжалось семнадцать сутокъ, до 27-го августа, когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ подъ Плевною, въ турецкой траншеѣ, солдатами своего же полка, которые съ разу признали въ немъ бывшаго сослуживца.

Судъ надъ Хабидулинымъ состоялся 7-го сентября, на бивуакѣ при сел. Горномъ Студнѣ. Подъ открытымъ небомъ поставленъ былъ столъ, на которомъ вмѣсто зерцала положены были двѣ скрещенныя сабли; за этимъ столомъ заняли мѣста предсѣдательствующій, генералъ-маіоръ Величковскій, и трое временныхъ членовъ, при помощникѣ военнаго прокурора, капитанѣ Кесселѣ. Подсудимый не имѣлъ защитника, да по свойству его преступленія и не могло быть въ военное время никакого смягченія. Масса офицеровъ и солдатъ окружала мѣсто судилища. Подсудимый—высокій, худощавый человѣкъ, отличался не столько фанатическимъ, сколько про-

сто безсмысленнымъ видомъ. Видно было, что онъ впалъ въ глубокую апатію. Со времени своего взятія, Хабидулинъ въ теченіи одиннадцати дней не принималъ пищи, желая уморить себя голодомъ: онъ изрѣдка пилъ одну лишь воду, и только это поддерживало нѣсколько его жизненныя силы. Замѣчательно было отношеніе солдатъ къ подсудимому. Извѣстно, что солдаты, какъ и весь вообще русскій народъ, склонны относиться къ преступнику сострадательно, какъ къ «несчастному». Въ данномъ случаѣ такого отношенія у нихъ вовсе не было, и обвинитель, выражаясь въ своей рѣчи, что для подобнаго преступника ему жаль пули, отъ которой теперь умираютъ тысячи честныхъ людей, и требуя вмѣсто нея веревки—служилъ только выразителемъ общаго отношенія къ данному преступленію. Полевой судъ, по разсмотрѣніи дѣла, призналъ, что дѣяніе, совершонное рядовымъ Хабидулинымъ, составляетъ, согласно 137 ст. воинск. уст. о наказ., 1875 г., побѣгъ къ непріятелю и потому подвергаетъ виновнаго наказанію какъ за государственную измѣну, т. е. по 253 и 254 ст. улож. о нак. угол. и исправит., къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни. Въ виду же «безнравственности дѣянія подсудимаго» судъ назначилъ ему, согласно 10 и 11 ст. воинск. уст. о наказ., 1875 г., лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертную казнь чрезъ повѣшеніе, съ позорнымъ лишеніемъ воинской чести. Приговоръ, выслушанный подсудимымъ съ полнымъ равнодушіемъ, былъ исполненъ надъ нимъ спустя нѣсколько дней, предъ рядами Эстляндскаго полка, для чего Хабидулинъ былъ отправленъ подъ Плевну.

Въ непродолжительномъ времени предстоитъ еще одинъ уголовный процессъ, который будетъ разбираться мѣстнымъ военнымъ судомъ въ гор. Систовѣ. Виновниками этого дѣла являются грабители-болгары. Обстановка и характеръ дѣйствій ихъ шайки настолько любопытны и характерны, что на нихъ стóитъ остановить вниманіе:

Окружному систовскому начальнику, подполковнику Михайлову, при объѣздѣ имъ своего района и по прибытіи въ село Карайсинъ (Карасень), одинъ изъ мѣстныхъ жителей сдѣлалъ тайное донесеніе, что на границѣ систовскаго и

тырновскаго округовъ нѣсколько человѣкъ болгаръ сформировали изъ себя шайку грабителей, подъ начальствомъ нѣкоего Ивана Гицева, который въ данную минуту (дѣло было 7-го іюля) находится здѣсь, въ Карайсинѣ, вмѣстѣ со своими товарищами. Подполковникъ Михайловъ тотчасъ же принялъ мѣры къ розыску, причемъ Гицевъ былъ немедленно указанъ въ толпѣ народа. Это на видъ коренастый и приземистый мужчина лѣтъ подъ сорокъ, брюнетъ, съ лицомъ довольно некрасивымъ, но энергическимъ.

На вопросъ: что̀ за человѣкъ?—онъ бойко и самоувѣренно назвался болгарскимъ ополченцемъ 4-й роты 4-го капральства Иваномъ Гицевымъ, и заявилъ, что командированъ сюда Его Высочествомъ Главнокомандующимъ, для сбора турецкаго хлѣба, скота и денегъ на продовольствіе русской арміи. Нелѣпость такого объясненія заставила подполковника Михайлова сейчасъ же отобрать у Гицева оружіе и арестовать его, послѣ чего карайсинскіе сельчане отыскали и указали всѣхъ его наличныхъ сотоварищей, между которыми были: бакалейщикъ изъ села Іяиджи Петръ Ивановъ, священникъ изъ села Мекишъ Іорданъ Хоризановъ, учитель изъ села Петрешъ Георгій Попрадевъ, житель села Горна-Турчета Мотю Начевъ и еще двое. На допросѣ, какъ сами заарестованные, такъ и сельчане подтвердили, что Иванъ Гицевъ дѣйствительно былъ «капитаномъ» шайки, т. е. предводителемъ; остальные пособники составляли нѣчто въ родѣ штаба этого капитана. Такъ, Мотю Начевъ былъ знаменосцемъ, священникъ Іорданъ Хоризановъ казначеемъ, учитель Георгій Попрадевъ письмоводителемъ. Деньги, документы, знамя и оружіе, найденные при этихъ личностяхъ, были тогда же отобраны и нынѣ находятся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ. Но кромѣ оружія, бывшаго на разбойникахъ, по указанію мѣстныхъ жителей, открытъ еще особый складъ оружія, отобраннаго ими у сельчанъ разныхъ деревень и хранившагося въ карайсинскихъ амбарахъ, вмѣстѣ съ разнымъ награбленнымъ имуществомъ. Вся шайка раздобыла себѣ лошадей, отобравъ ихъ у жителей, и разъѣзжала верхомъ и съ подводами въ окружности деревень Іяиджи, Тенчу, Горня и Дольня Липницы, Петрешъ, Неденъ, Дескутъ, Вербовка и Карайсинъ. Съ появленіемъ шайки въ какой-

либо деревнѣ, Гицевъ требовалъ къ себѣ «мухтара» (старосту) и приказывалъ ему немедленно же собрать всѣхъ жителей. По докладѣ мухтара, что толпа уже собралась, Гицевъ выходилъ къ ней на улицу и объявлялъ «русскій законъ», въ силу котораго требовалъ выдачи скота, лошадей, хлѣба и денегъ для продовольствія арміи, а за всякое возраженіе со стороны мухтара или жителей, безжалостно сѣкъ ихъ плетьми. По объявленіи «русскаго закона», мухтаръ съ кѣмъ-либо изъ шайки приступалъ къ реквизиціи, предметы которой принимались «казначеемъ» и записывались въ реэстръ «письмоводителемъ». Въ деревняхъ же съ турецкимъ или татарскимъ населеніемъ, Гицевъ, по сборѣ народа, начиналъ обыкновенно съ того, что приказывалъ всѣмъ цѣловать ему руку и ногу, а затѣмъ выбиралъ изъ толпы какого нибудь зажиточнаго мусульманина, шелъ къ нему въ домъ и забиралъ все что вздумается. Если же добытая такимъ образомъ сумма денегъ не соотвѣтствовала заранѣе собраннымъ свѣдѣніямъ или предположеніямъ шайки, то приспѣшники Гицева подвергали хозяина постыднымъ истязаніямъ и затѣмъ умерщвляли его. При такихъ операціяхъ въ особенности отличались священникъ Іорданъ и знаменосецъ Начевъ. Покончивъ съ однимъ хозяиномъ, Гицевъ приказывалъ привести къ себѣ изъ толпы другаго, потомъ третьяго, и съ ними послѣдовательно начиналъ продѣлывать тѣ же истязанія. Такимъ образомъ были умерщвлены: въ деревнѣ Батакъ одинъ, въ селеніи Неденъ четыре и въ селеніи Вербовка семь человѣкъ.

Деньги, отобранныя подполковникомъ Михайловымъ у шайки, составляли сборъ одного только дня и съ одного лишь Карайсина; остальныя же суммы гдѣ-то запрятаны, а гдѣ?— ни отъ кого изъ грабителей невозможно добиться. Но насколько велики были эти поборы—можно судить изъ того, напримѣръ, что въ селеніи Неденъ, до совершенія убійства четырехъ хозяевъ-турокъ, было получено отъ одного изъ нихъ 1,000 лиръ, отъ другаго 120 лиръ, отъ третьяго 70 лиръ и отъ четвертаго 150 лиръ; продано скота въ деревнѣ Петрешъ на сумму 2,000 піастровъ; а сколько забрано хлѣба въ селеніи Павлѣ и продано скота по другимъ деревнямъ—подполковникъ Михайловъ не могъ добиться точ-

ной цифры. Жители деревни Петрешъ заявили между прочимъ, что въ грабежѣ и въ дѣлежѣ добычи съ Гицевымъ участвовали попъ Пенчу и нѣкій Цоне Радевъ, проживающіе въ Петрешѣ; но ни тотъ, ни другой не могли быть арестованы, такъ какъ успѣли заблаговременно бѣжать куда-то.

Подполковнику Михайлову пришлось объѣздить много деревень, настигая въ нихъ части награбленнаго имущества, по большей части крупнаго скота, и раскрывая соучастниковъ шайки, которая имѣла много развѣтвленій въ систовскомъ и тырновскомъ округахъ, между деревенскими жителями, занимавшимися укрывательствомъ, переводомъ и сбытомъ награбленнаго. Такъ, напримѣръ, скотъ, собранный въ вышеупомянутыхъ деревняхъ, частію продавался въ ближайшихъ окрестностяхъ, а частію былъ переводимъ въ деревню Вербовку (Тырновскаго округа) къ старому священнику этого селенія, и въ деревню Тенчу къ бѣглому рядовому болгарскаго ополченія, Степану Стоянову, а этотъ, при помощи своихъ пособниковъ изъ мѣстныхъ лавочниковъ, перегонялъ награбленныя стада въ деревню Іяиджи, гдѣ тоже имѣлись «свои люди» — укрыватели и переводчики. Подполковнику Михайлову, кромѣ этого, удалось отыскать еще и во многихъ другихъ деревняхъ награбленный шайкою скотъ, который и переданъ имъ на храненіе мухтарамъ, а частію препровожденъ въ Систовъ и сданъ въ городскую полицію. Во всѣхъ почти деревняхъ, гдѣ лишь было обнаружено посѣщеніе Гицева, мѣстные жители представляли подполковнику Михайлову лицъ, израненыхъ его пособниками или наказанныхъ плетьми и нагайками, а въ селеніи Батакъ покорившіеся турки принесли жалобу, что Гицевъ съ шайкою изнасиловалъ у нихъ нѣсколько малолѣтнихъ дѣвочекъ. Вскорѣ въ селеніи Мекишъ былъ отысканъ и арестованъ бѣглый ополченецъ Степанъ Стояновъ, который при помощи четырехъ лавочниковъ занимался переводомъ скота, присылаемаго Гицевымъ. При этомъ жители деревень Тенча и Мекишъ принесли подполковнику Михайлову жалобу на то, что Стояновъ, имѣя при себѣ оружіе и нагайку, постоянно подвергалъ ихъ истязаніямъ, а жители магометанскихъ участковъ тѣхъ же деревень представили пятнадцать турецкихъ дѣвочекъ, отъ 12-ти до 15-ти-лѣтняго возраста, изнасилованныхъ Стояновымъ и

его четырьмя сотоварищами-лавочниками. Всѣ эти лавочники были разысканы и препровождены къ систовскому губернатору.

Но до чего простиралась безпримѣрная наглость всей этой шайки, лучше всего показываетъ слѣдующее обстоятельство:

Магометане—жители села Неденъ—видя родъ истязаній и убійствъ, совершонныхъ у нихъ Иваномъ Гицевымъ, рѣшились наконецъ оказать ему сопротивленіе и приняли мѣры къ самозащитѣ, вооружась камнями и кольями. Что же дѣлаетъ Гицевъ? Онъ посылаетъ своего письмоводителя, учителя Попрадева, въ селеніе Карайсинъ, гдѣ въ то время стояли на почтовомъ посту 15 человѣкъ драгунъ Казанскаго полка. Прибывъ къ посту, Попрадевъ вызываетъ унтеръ-офицера, завѣдывавшаго командою, и заявляетъ ему, что команда болгарскихъ ополченцевъ, командированная Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ для сбора хлѣба и скота, встрѣтила со стороны турецкихъ жителей села Неденъ вооруженное сопротивленіе, а потому начальникъ этой болгарской команды именемъ Великаго Князя требуетъ, чтобы драгуны оказали ему немедленную помощь. Унтеръ-офицеръ, не усмотрѣвъ въ этомъ заявленіи ничего особеннаго или страннаго, и встрѣчая со стороны Попрадева такой настойчивый, авторитетный тонъ, распорядился тотчасъ нарядить шесть конныхъ драгунъ съ оружіемъ и боевыми патронами, приказавъ имъ слѣдовать вмѣстѣ съ Попрадевымъ на помощь болгарской командѣ. Прибытіе такого подкрѣпленія придало Гицеву еще болѣе смѣлости и дерзости. Въ ихъ присутствіи онъ снова приступилъ къ истязанію турокъ и, на глазахъ у всѣхъ, лично зарѣзалъ двухъ хозяевъ, а затѣмъ приказалъ драгунамъ присоединиться къ его командѣ и составить личный его конвой. Такимъ образомъ, драгуны были вынуждены сопровождать всю эту шайку въ теченіи двухъ сутокъ, разъѣзжать съ нею по разнымъ деревнямъ и присутствовать при совершеніи возмутительныхъ экзекуцій надъ турками и болгарами. Гицевъ съ невѣроятною наглостью прикрывался повсюду именемъ Великаго Князя Главнокомандующаго, предъявляя при этомъ простодушнымъ жителямъ какія-то бумаги за красною и синею печатями, и тѣмъ же способомъ удерживалъ при себѣ драгунскую команду.

Вся эта шайка прибыла 7-го іюля въ село Карайсинъ, гдѣ была накрыта подполковникомъ Михайловымъ, и тѣмъ же самымъ шести драгунамъ пришлось конвоировать ее въ городъ Систово.

LXIV

День на Великокняжеской батареѣ

Выступленіе главной квартиры изъ Горняго Студня подъ Плевну. — Ночлегъ въ с. Лижанѣ. — Костелъ и церковь. — 11-е октября на позиціи передъ Плевной. — Бивуакъ на Великокняжеской батареѣ. — Юрта Главнокомандующаго.— Принцъ Арнульфъ Баварскій. — Пріѣздъ Великаго Князя на позицію. — Гороховый англичанинъ. — Утренніе и вечерніе залпы. — Видъ на турецкія позиціи. — Картина «прощальнаго» залпа. — Обѣдъ на воздухѣ. — Пріѣздъ генерала Тотлебена. – Что-то будетъ. — Вечеръ на позиціи.

С. Боготъ, въ ночь на 14-е октября.

9-го октября, лица принадлежащія къ главной квартирѣ, стали покидать Горній Студень, и отдѣльными партіями, а то и порознь направлялись къ нашей плевненской позиціи, куда въ этотъ же день выступилъ и обозъ Великаго Князя. Ночлегъ обоза, при которомъ слѣдовали часть адъютантовъ и ординарцевъ Главнокомандующаго, комендантъ главной квартиры и нѣкоторыя другія лица, былъ назначенъ въ болгарской деревнѣ Лижанъ. Населеніе этой деревни уже нѣсколько лѣтъ перешло въ римско-католическую вѣру и потому здѣсь находится прекрасный костелъ съ высокою башнею, одинъ видъ которой невольно наводитъ мысль на сравненіе костела съ мѣстными православными церквями: костельная башня гордо красуется на всю окрестность, еще издали заявляя себя каждому путнику; а православная церковь, безъ которой здѣсь нѣтъ почти ни одной деревни, стоитъ словно пришибленная къ землѣ, и ровно ничѣмъ не отличается отъ любаго хлѣбнаго амбара. Рѣдко-рѣдко гдѣ встрѣтишь на такой церковкѣ даже маленькій крестикъ. А что̀ за бѣдность внутри!.. Глинобитый полъ, досчатный, тесанный иконостасъ, шерстяныя или ситцевыя ризы, мѣдная или оловянная чаша... Можно смѣло сказать и не ошибиться, что въ Россіи нѣтъ того бѣднѣйшаго

села, церковь котораго не показалась бы благолѣпною и богатою въ сравненіи съ любою сельскою церковью въ Болгаріи.

И такъ, переночевавъ въ Лижанѣ, обозъ главной квартиры, подъ прикрытіемъ конвойнаго батальона и дивизьона лейбъказаковъ пришелъ въ с. Порадимъ, причемъ лейбъ-казаки и нѣкоторыя лица остановились болѣе впереди, въ д. Сгалевицѣ.

11-го октября, часовъ въ десять утра прибыли на позицію къ Плевнѣ. Погода стояла прекрасная; небо было совершенно ясное, какъ бываетъ на сѣверѣ въ іюнѣ, хотя въ ночь и пробибъ порядочный морозецъ, покрывшій всю траву обильнымъ инеемъ. Впереди, направо и налѣво, изрѣдка гремѣли отдѣльные пушечные выстрѣлы на земляныхъ батареяхъ, за которыми сѣрѣли линіи лагерей и бивуаковъ; костры тамъ и сямъ дымились; глухой смѣшанный гулъ людскаго говора стоялъ въ воздухѣ и доносился скрыпъ болгарскихъ колесъ. Бивуакъ главной квартиры раскинулся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Великій Князь останавливался и въ послѣднюю свою поѣздку подъ Плевну. Мѣсто это находится на бывшей нашей центральной батареѣ, съ которой двѣнадцать осадныхъ орудій въ августовскіе дни неумолчно громили турецкіе редуты. На батареѣ уже кипѣла работа: нѣсколько десятковъ пѣхотныхъ солдатъ, подъ руководствомъ инженеръ-капитана Александровскаго, копали землянки на 6 и 8 человѣкъ каждая; устанавливали по краямъ туры, насыпая ихъ до верху землею; на туры накладывались лиственные плетни, и все это сверху и съ боковъ засыпалось тоже землею. Такимъ образомъ, наскоро готовились помѣщенія для лицъ главной квартиры, а среди этихъ построекъ тѣ же солдаты, подъ руководствомъ казака-киргиза, устанавливали двѣ войлочныя юрты для Великаго Князя и для начальника штаба дѣйствующей арміи. Позади великокняжеской юрты копали довольно обширную столовую, рядомъ съ которою стояла карета подвижнаго телеграфа, а нѣсколько ниже расположилась на открытомъ воздухѣ походная кухня. Юрта Его Высочества довольно удобна, если вообще понятіе объ удобствѣ можетъ быть насколько нибудь примѣнимо къ осеннему бивуачному существованію. Здѣсь главное удобство въ осеннюю пору заключается въ погодѣ: сухо — значитъ удобно, а въ ненастье — такъ отвратительно, что и словъ нѣтъ для выраженія. Кромѣ того, въ послѣднее

время въ Горномъ Студнѣ одолѣвали еще змѣи, изъ породы виперъ и мѣдяницъ. Дня не проходило безъ того, чтобы ихъ не убивали по нѣскольку штукъ на бивуакѣ и въ селеніи; эти гадины не только забирались въ хаты и палатки, но иногда заползали даже въ постели, прячась отъ вечерняго холода подъ байковыя одѣяла.

Внутри юрты Великаго Князя поставили небольшую палатку и складную желѣзную печку; въ палаткѣ постлали войлочный коверъ, на которомъ раскинули желѣзную кровать, складной столикъ и два складныхъ же табурета. На этомъ столикѣ у Его Высочества всегда помѣщается походный образной складень и письменныя принадлежности.

Лѣвѣе бывшей центральной батареи расположился конвойный батальонъ, а еще лѣвѣе, по ту сторону проселочной дороги, ведущей въ д. Радишево, стали лейбъ-казаки, составивъ пирамидами свои красныя пики. Вправо отъ батареи въ нѣсколькихъ шагахъ бѣлѣютъ палатки артиллерійскаго осаднаго управленія, гдѣ временно расположился начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи, князь Масальскій, со своимъ штабомъ, и гдѣ постоянно живетъ генералъ-маіоръ Моллеръ, завѣдывающій осадною артиллеріею подъ Пленой.

Часовъ около трехъ по полудни на батарею пріѣхалъ принцъ Баварскій Арнульфъ, со своимъ адъютантомъ, препровожденный сюда флигель-адъютантомъ, ротмистромъ барономъ Унгернъ-фонъ-Штернбергомъ. Принцъ Арнульфъ — молодой человѣкъ, круглолицый блондинъ, ростомъ немного выше средняго и плотнаго сложенія, явно показывающаго въ немъ хорошо развитую физическую силу. Онъ носитъ постоянно свѣтло-голубой драгунскій мундиръ, съ серебряными петлицами на красномъ воротникѣ, и можетъ неутомимо проводить по нѣскольку часовъ сряду на конѣ; очень любитъ военное дѣло и при каждомъ боевомъ случаѣ стремится постоянно быть впереди, со стрѣлковою цѣпью. За отсутствіемъ Главнокомандующаго, начальника штаба и походнаго гофмаршала Его Высочества, молодой принцъ былъ принятъ комендантомъ главной квартиры, генералъ-маіоромъ Штейномъ, какъ временно-старшимъ лицомъ въ данномъ районѣ позиціи. Въ исходѣ пятаго часа далеко позади Великокняжескаго бивуака послышались привѣтственные крики, которые съ каждой минутой раздавались

все ближе и ближе. Это Великій Князь съ генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ приближался къ позиціи, слѣдуя мимо линій парковъ, обозовъ и резервовъ. Вскорѣ показалась открытая коляска Его Высочества, которая въ сопровожденіи нѣсколькихъ лейбъ-казаковъ, съ пиками на перевѣсъ, на быстрой рыси перерѣзывала лощину, приближаясь къ бывшей осадной батареѣ. Казаки, конвойные пѣхотинцы и всѣ лица главной квартиры высыпали на линію противъ своихъ бивуаковъ для встрѣчи Его Высочества. Поздоровавшись со всѣми и мелькомъ осмотрѣвъ бивуачное мѣсто и свою юрту, Великій Князь прошелъ впередъ и сѣлъ на брустверѣ осадной батареи. Вся свита нѣсколькими группами окружила здѣсь Главнокомандующаго. Съ этого пункта очень ясно виднѣлись на противолежащей высотѣ турецкіе ложементы и одинъ изъ центральныхъ редутовъ, извѣстный у насъ подъ именемъ *нумера перваго* (Ибрагимъ-бей-Табіе). Онъ лежитъ какъ разъ противъ одной изъ нашихъ батарей, придвинувшейся съ прежняго мѣста впередъ на 800 саженъ, такъ что теперь разстояніе между ними равняется лишь 1,000 саженямъ. Здѣсь же, на брустверѣ, рядомъ со свитою появился вдругъ какой-то англичанинъ въ пробковомъ шлемѣ и статскомъ пальто гороховаго цвѣта. Говорятъ, что онъ членъ парламента, пользующійся вакаціоннымъ временемъ для составленія корреспонденцій «съ мѣста военныхъ дѣйствій» въ одну изъ большихъ лондонскихъ газетъ (Times); другіе же увѣряютъ, что онъ просто любитель, а третьи, что онъ другъ Россіи. Пускай все оно такъ, но нельзя не замѣтить, что этотъ «другъ Россіи» ведетъ себя нѣсколько эксцентрично: сидитъ, напримѣръ, въ присутствіи Великаго Князя въ то время, когда стоятъ всѣ, не исключая даже и Его Высочества; за обѣдомъ встаетъ когда ему вздумается изъ-за стола, гдѣ сидитъ Великій Князь, а въ этотъ день обратился даже къ одному незнакомому офицеру съ предложеніемъ натянуть на него въ рукава гороховое пальто. Офицеръ окинулъ его съ ногъ до головы нѣсколько удивленнымъ взглядомъ, улыбнулся, слегка пожалъ плечами и безпрекословно помогъ надѣть пальто. Англичанинъ въ отвѣтъ слегка приложился рукою къ своему пробковому шлему *).

*) Это былъ извѣстный полковникъ Гавелокъ.

Надо сказать, что съ того времени, какъ генералъ Тотлебенъ взялъ на себя руководство осадою Плевны, мы каждое утро, ровно въ пять часовъ, посылаемъ туркамъ привѣтствіе сосредоточеннымъ залпомъ изъ девяноста осадныхъ и дальнобойныхъ орудій, выбирая для этого каждый разъ какой нибудь изъ редутовъ, но всегда такъ, что турки никакъ не могутъ разсчитывать заранѣе куда именно будемъ мы въ такой-то день направлять наши залпы. Точно такое же привѣтствіе прощальное посылается имъ и вечеромъ, между пятью и шестью часами, послѣ чего до пяти часовъ утра слѣдующаго дня съ батарей раздаются лишь одиночные и довольно рѣдкіе выстрѣлы, съ цѣлью мѣшать противнику исправлять поврежденія въ его редутахъ.

Великій Князь, сидя на брустверѣ, дожидался «прощальнаго» залпа, который, какъ говорили, долженъ былъ раздаться черезъ двѣ минуты. На протяженіи всей нашей позиціи въ эти приготовительныя мгновенія царствовала мертвая тишина. Замолкли даже звуки рожковъ и барабановъ, подъ музыку которыхъ гдѣ-то позади дѣлалось какой-то части «ученье». Впереди все болѣе и болѣе тускнѣла противолежащая возвышенность, принимая синевато-сѣрый колоритъ и все рѣзче выдѣляясь своими темными очерками на фонѣ яснаго неба, окрашеннаго пурпуромъ заката. Виденъ былъ на ней и редутъ, и ложементы; но все это какъ-то стушевывалось и на первый взглядъ вовсе не напоминало собою чего либо воинственнаго, смертоноснаго; напротивъ, грозная возвышенность казалась совершенно мирнымъ холмомъ и какъ нельзя болѣе гармонировала съ этимъ тихимъ вечеромъ и яснымъ закатомъ. И вотъ, вправо отъ насъ, съ ближайшей батареи разомъ сверкнуло нѣсколько молній, разомъ выкатилось кверху нѣсколько громадныхъ клубовъ лиловатаго дыма— и черезъ двѣ-три секунды вдругъ раздался потрясающій грохотъ. Въ то же мгновеніе подобный грохотъ повторился впереди насъ на новой нашей центральной батареѣ, затѣмъ лѣвѣе ея на слѣдующей, а тамъ еще лѣвѣе, и вотъ вся наша линія отъ праваго до лѣваго фланга, на полукружномъ протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, загремѣла на одно мгновеніе такъ, что земля задрожала и словно бы глухой стонъ дала. Весь воздухъ наполнился роковымъ, зловѣщимъ

шипѣніемъ и вслѣдъ за тѣмъ на противолежащей высотѣ, въ редутѣ № 1-го, поднялись исполинскіе букеты дымовъ и фонтаны девяноста гранатныхъ взрывовъ. Можно вообразить каково это тамъ, въ редутѣ, пережить минуту подобнаго ада!.. Большинство снарядовъ легло чрезвычайно удачно: они попопались въ редутѣ и въ ближайшихъ къ нему ложементахъ. На одномъ изъ послѣднихъ виднѣлась группа стоящихъ людей — человѣкъ въ двадцать. Снарядъ упалъ какъ разъ въ эту самую кучку — и въ одно мгновеніе она вся исчезла... Но первое, что̀ обратило на себя общее вниманіе непосредственно вслѣдъ за залпомъ — это гороховый англичанинъ, который, сидя за брустверомъ, хлопалъ въ ладоши и цѣдилъ сквозь зубы: «Oh, bravo, bravo, bravo!...»

Минуты двѣ мы ждали со стороны турокъ отвѣта — отвѣта не послѣдовало.

Вообще, съ 1-го сентября турки почти совсѣмъ не отвѣчаютъ ни на наши одиночные выстрѣлы, ни даже на самые ужасные залпы. Одни предполагаютъ, что имъ отвѣчать уже нечѣмъ, другіе же думаютъ, что они сберегаютъ снаряды для дѣйствительно-критической минуты. Послѣднее, кажется, вѣрнѣе.

Великій Князь сошелъ съ бруствера и отправился обѣдать. Небольшой продолговатый столъ былъ, по обыкновенію, скромно сервированъ на открытомъ воздухѣ. За недостаткомъ мѣста, обѣдали въ двѣ смѣны. Въ концѣ обѣда пріѣхалъ изъ Порадима генералъ Тотлебенъ, въ сопровожденіи небольшой свиты, и тотчасъ же удалился вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ въ юрту, для совѣщаній. Между лицами той и другой свиты шепотомъ и довольно смутно передавался слухъ, что, кажись, на завтра что-то такое готовится.... Что? Гдѣ? Когда именно? въ которомъ часу? — никому не было извѣстно, но общее убѣжденіе оставалось таково, что будетъ что-то, и скоро, и непремѣнно...

Между тѣмъ совсѣмъ уже стемнѣло и полная луна какъ бы пропитала своими лучами все ясное небо, а всю землю, какъ снѣгомъ, покрыла серебристо-бѣловатымъ свѣтомъ. Воздухъ былъ такъ тихъ и прозраченъ, что даже отдаленные предметы вырисовывались весьма отчетливо: каждое деревцо,

каждый отдѣльный часовой или конный казакъ съ пикой, каждый воловій возъ съ сѣномъ и рядомъ съ нимъ своеобразная фигура погонщика-болгарина съ кнутикомъ на плечѣ — все это совершенно отчетливо вырисовывалось черными силуэтами по гребнямъ окрестныхъ высотъ, на фонѣ темносиняго неба, насыщеннаго луннымъ свѣтомъ. Ближайшіе турецкіе ложементы и редутъ выказывали тоже довольно ясно свои насыпи и обсыпи глинисто-песчанаго цвѣта, которыя теперь стали даже какъ будто виднѣе, чѣмъ днемъ, когда ихъ отчасти заволакивала легкая, прозрачная дымка теплаго тумана. Позади давно уже смолкли пѣхотные рожки и барабаны, звучавшіе во время ученья *), и только время отъ времени съ той или другой батареи раздавался отдѣльный выстрѣлъ. Всѣ разошлись — кто по землянкамъ, кто по телѣгамъ и фургонамъ, кто по наскоро поставленнымъ палаткамъ. Всѣ предполагали, что на этой позиціи придется провести, по крайней мѣрѣ, нѣсколько сутокъ, но около девяти часовъ вечера было сообщено, что лейбъ-казачій конвой снимается съ бивуака въ три часа ночи и идетъ въ деревню Каракіой, гдѣ ожидаетъ прибытія Великаго Князя Главнокомандующаго, долженствующаго выѣхать туда же въ шесть часовъ утра; лицамъ главной квартиры было предоставлено отправиться вмѣстѣ съ лейбъ-казаками. На утро ожидался бой — и бой горячій — гдѣ-то въ тылу Плевны, за Видомъ. Гдѣ именно — у одного ли изъ Дубняковъ, или у Телиша — объ этомъ не было еще извѣстно. Знали только, что за Видомъ.

---

*) На позиціяхъ подъ Плевной, въ тѣ дни, когда нѣтъ никакихъ особенныхъ работъ и занятій, командиры стараются развлекать свои части обыкновенными ученьями, разсыпнымъ строемъ, гимнастикой, церемоніальнымъ маршемъ и т. п. Это практикуется какъ мѣра противъ скуки: все же люди чѣмъ нибудь заняты, дѣлаютъ достаточное движеніе и не забываютъ строеваго дѣла.

LXV

Бой подъ Горнимъ Дубнякомъ и Телишемъ

Ночное движеніе лейбъ-казаковъ къ Каракіою. — Каломанъ Ивановичъ. — Бивуакъ Бутскаго уланскаго полка. — Каракіойское ущелье. — Дорога до Медована. — Волынская позиція. — Медованскій курганъ. — Видъ на завидское плоскогорье и нѣсколько историческихъ воспоминаній. — Характеръ горно-дубняцкой укрѣпленной позиціи. — Диспозиція горно-дубняцкаго боя. — Бой 12-го октября. — Успѣхъ артиллерійскаго и безуспѣшность ружейнаго нашего огня. — Начало атаки и первыя наши потери. — Взятіе восточнаго редута. — Сближеніе артиллеріи къ непріятельской позиціи и призывъ подкрѣпленій. — Потери отъ своихъ гранатъ. — Необходимость окончить дѣло скорѣе. — Несостоявшіяся распоряженія для новаго штурма. — Недоразумѣніе съ тремя условными залпами. — Рядъ неудачныхъ отдѣльныхъ попытокъ штурма. — Недоразумѣніе съ бѣлымъ флагомъ. — Затишье предъ послѣднею попыткой. — Совѣщаніе генерала Гурко съ графамъ Шуваловымъ. — Взятіе главнаго редута. — Восторгъ войскъ. — Павловскій дѣтина. — Рядоеой Овчинниковъ. — Ахметъ-Хивзи-паша и его начальникъ штаба. — Трофеи и плѣнные. — Позиція предъ Дольнимъ Дубнякомъ. — Дѣло подъ Телишемъ и дѣйствія побочныхъ кавалерійскихъ отрядовъ. — Демонстрація противъ Плевны. — Попытка вылазки изъ Плевны на тренинскую позицію. — Отъѣздъ Великаго Князя съ Медованскаго кургана. — Ральевское ущелье. — Наши потери. — Ю. В. Любовицкій.

Боготъ, 15-го октября.

Тихо поднялись съ бивуака лейбъ-казаки. Ни генералъ-марша, ни сбора не играли. Надо было пройдти не на Боготъ, а напрямикъ, кратчайшимъ путемъ къ Каракіою (онъ же и Каригуй) и сдѣлать при этомъ часть пути какъ разъ мимо турецкихъ секретовъ и аванпостовъ. Проводникомъ назначенъ былъ генеральнаго штаба капитанъ Сухомлиновъ, заранѣе изучившій въ неоднократныхъ рекогносцировкахъ окрестности Плевны. Переходъ предстоялъ, какъ говорили, не изъ безопасныхъ, а потому казакамъ велѣли вынуть изъ чехловъ берданки и вообще каждую минуту быть наготовѣ. Дивизьонъ выдѣлилъ изъ себя одинъ взводъ въ авангардъ и выслалъ передовой и боковые патрули. Какъ кошки, беззвучно крались казаки: безъ всякаго лязга и звяканья, безъ разговоровъ— одинъ лишь топотъ копытъ глухо раздавался. Трубокъ не курили. Луна стояла высоко, почти надъ головою. Вершины холмовъ были ясны, но по низинамъ, въ лощинахъ, густой серебряный туманъ носился и обманывалъ зрѣніе: казалось, будто это рѣка съ нѣсколькими затонами, или какія-то озера

дремлютъ подъ луною. Прошли мимо табора бѣглецовъ-болгаръ изъ Плевны. Здѣсь мужчины, женщины и дѣти спали въ открытомъ полѣ, вокругъ гаснущихъ костерковъ, по видимому, нисколько не заботясь о томъ, что они находятся въ сферѣ самыхъ дѣйствительныхъ турецкихъ выстрѣловъ. Каждую минуту небо на горизонтѣ озарялось какъ будто слабою вспышкою зарницы, вслѣдъ за которою черезъ нѣсколько секундъ доносилось два раздѣльныхъ глухихъ гула—одинъ отъ выстрѣла, другой отъ разрыва, по звукъ послѣдняго отдавался гораздо глуше и дальше. По крайне неудобной, каменистой, идущей зигзагами и узкой дорогѣ спустились мы въ глубокій оврагъ, на днѣ котораго съ шумомъ стремится по камнямъ быстрая рѣчка и залегла, спавшая мертвымъ сномъ, деревня Тученица. Сторожевыя собаки оглашали всю окрестность нестерпимо-тоскливымъ воемъ и лаемъ. Въ бродъ перешли Тученицкую рѣчку и съ трудомъ поднялись на верхъ, по столь же неудобной, кремнистой тропинкѣ. Съ казаками слѣдовали двѣ троечныя подводы *), и по правдѣ надо изумляться, какъ это онѣ могли благополучно спуститься и выбраться изъ этой трущобы. Тученицкій оврагъ очень красивъ; извиваясь нѣсколькими изгибами, онъ доходитъ непосредственно до самой Плевны. Прошли мимо болгарскаго кладбища, которое въ лунномъ свѣтѣ можно было узнать по торчащимъ изъ земли бѣловатымъ осколкамъ плитняка, замѣняющимъ здѣсь намогильные кресты и памятники. Вправо, сквозь туманъ, виднѣлась на громадномъ пространствѣ настоящая иллюминація: цѣлыя линіи, цѣлыя улицы и проспекты большихъ и малыхъ огней вереницами мигали по гребнямъ и на склонахъ вершинъ. Это были костры нашихъ бивуаковъ. Миновавъ кладбище, лейбъ-казаки свернули съ боготской дороги вправо, на узкій проселокъ, пролегающій среди чащи обширныхъ кустарниковъ. Иглы терна и шиповника царапали ноги лошадей и руки всадниковъ. Кустарники эти растутъ здѣсь въ перемежку съ дубнякомъ и дикимъ лавромъ, котораго присутствіе можно узнать по его ароматическому запаху. За этимъ кустарникомъ, впереди, какъ говорили, начинается опасное мѣсто: вправо около деревень Кришина и Брестовца стоятъ турецкіе аван-

*) Одна изъ нихъ очередная почтовая «Военнаго Летучаго Листка».

посты, да и гребень Рыжей горы, по которому двигался конвойный дивизьонъ, вполнѣ доступенъ ружейному огню съ передовыхъ непріятельскихъ позицій. Но движеніе по сомнительному мѣсту совершилось однако безъ всякихъ приключеній. Иллюминація бивуаковъ осталась позади, а вскорѣ мы пересѣкли ловчинское шоссе, и когда проходили мимо Брестовца и деревушки Учинъ-долъ, то на востокѣ заалѣла первая полоса разсвѣта.

Съ казаками ѣхали нѣсколько лицъ главной квартиры, адъютанты и ординарцы Главнокомандующаго и, между прочимъ, австрійскій военный агентъ, генеральнаго штаба капитанъ Каломанъ Болла Чафордъ-де-Іобагаза, который участвовалъ во всѣхъ почти дѣлахъ подъ Плевной, присутствовалъ на батареяхъ, за личную храбрость награжденъ крестомъ св. Владиміра 4-й степени и за время пребыванія въ нашей средѣ успѣлъ пріобрѣсти себѣ расположеніе многихъ русскихъ; его зовутъ здѣсь Каломаномъ Ивановичемъ и говорятъ съ нимъ по русски, такъ какъ онъ вполнѣ понимаетъ и очень порядочно изъясняется на нашемъ языкѣ.

Мы приближались къ Каракіойскому ущелью, близъ котораго расположенъ на бивуакѣ Бугскій уланскій полкъ и батарея конной артиллеріи. Широкая и фантастическая картина развертывалась предъ нами съ того гребня, по которому шли лейбъ-казаки. Цѣлыя перспективы отдѣльныхъ тумановъ поднимались изъ низинъ, пронизанныя розовыми лучами восходящаго солнца, и сквозь эти туманы смутно вырисовывались прихотливыя верхушки рощицъ, садовъ, деревушекъ, и опять казалось, будто тамъ, среди этихъ какъ бы курящихся полосъ тумана, залегаютъ острова и затоны обширной рѣки,—и опять чрезъ нѣсколько минутъ все это измѣнялось, исчезало, или принимало новыя фантастическія формы; все это были призраки, создаваемые разнообразнымъ движеніемъ тумановъ. Лица главной квартиры остались на уланскомъ бивуакѣ дожидаться прибытія Великаго Князя. Бугскіе уланы расположились довольно удобно: вмѣсто палатокъ, они устроили себѣ уютные соломенные шалаши, на манеръ малороссійскихъ «куреней», и тамъ имъ тепло и сухо. Шалаши вытянуты поэскадронно, въ четыре линіи, образуя между собою правильныя улицы, гдѣ стоятъ въ коновязяхъ верховыя лошади и тор-

чатъ воткнутыя въ землю пики съ красно-бѣлыми флюгерами. Чистота и порядокъ на бивуакѣ—отмѣнные. Уланы пріютили насъ у своихъ костровъ и радушно согрѣли чаемъ. Вскорѣ дали знать, что «Его Высочество изволитъ ѣхать». Лица главной квартиры и конвойный дивизьонъ присоединились къ поѣзду Главнокомандующаго, проѣхавшаго нижнею (боготскою) дорогою, и спустились въ Каракіойское ущелье. Мѣсто это необычайно красиво: высокія, совершенно отвѣсныя глыбы каменныхъ скалъ стоятъ словно развалины какого-то исполинскаго замка; внизу, въ глубинѣ ущелья, струится рѣчка Черничка и лѣпятся по парапетамъ скалъ утонувшія въ зелени хаты деревеньки Каракіой; черепичныя кровли, бѣлыя стѣны, небольшія восточныя веранды у многихъ домиковъ и надъ ними бѣлая игла минарета—все это очень красиво, мирно, уютно... Дорога, пробитая по краю скалы и лишь въ послѣдніе дни разработанная русскими руками, идетъ надъ самымъ обрывомъ, отъ котораго ограждаютъ ее срубленныя изъ молодаго лѣса и наскоро приложенныя перила. Благодаря русскимъ саперамъ, спускъ въ глубину ущелья и подъемъ изъ него въ настоящее время довольно удобны не только для пѣшаго или верхоконнаго, но даже и для колеснаго движенія. За ущельемъ дорога идетъ кружно, въ объѣздъ сосѣднихъ овраговъ, по нѣсколькимъ пологимъ холмамъ,—сначала сквозь кукурузныя поля, а потомъ чрезъ колючіе кустарники, покрывающіе всѣ скаты и лощины въ такомъ изобиліи, что движеніе на два шага въ сторону отъ тропинки становится уже окончательно невозможнымъ: шиповникъ, тернъ, боярышникъ и розовые кусты, перепутанные побѣгами всевозможныхъ ползучихъ и вьющихся растеній, представляютъ изъ себя очень красивую, но непроторную преграду. Дорога, 12-го октября, была еще не разработана; но въ этотъ день для ея устройства уже пришла въ деревню Кебель часть одного изъ саперныхъ батальоновъ.

Часовъ около десяти утра Главнокомандующій прибылъ къ лагерю лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, расположенному укрыто отъ высотъ, находящихся еще въ рукахъ непріятеля, а именно на южномъ склонѣ одной изъ возвышенностей, неподалеку отъ рѣки Вида и близь села Медована, которое остается въ полутора верстахъ влѣво отъ лагернаго мѣста.

Бивуакъ волынцевъ былъ почти пустъ, такъ какъ весь полкъ находился впереди, на укрѣпленной наскоро позиціи, занимая возвышенность, прилегающую своею западною подошвою къ деревнѣ Тренинѣ (она же Трнина). Шагахъ въ полутораста впереди волынскаго лагеря, на гребнѣ возвышенности, стоитъ высокій курганъ, котораго искусственное, насыпное происхожденіе несомнѣнно уже по одному наружному его виду: онъ имѣетъ совершенно правильную форму круто приподнятаго полушарія и, по времени своего происхожденія, относится—надо полагать—къ эпохѣ великаго переселенія народовъ, если еще не ранѣе. Это—навѣрное могила какого-либо номаднаго царя, полководца, или воиновъ, погибшихъ въ какомъ нибудь сраженіи, происходившемъ на этомъ мѣстѣ. Курганъ очень высокъ и подняться на него стóитъ не малаго труда, потому что нога скользитъ по мелкой сухой травѣ, какъ по паркету. На самой вершинѣ поставленъ сторожевой постъ изъ двухъ часовыхъ; подобные же посты окружаютъ и весь волынскій лагерь, позади котораго стоитъ шатеръ и карета походнаго телеграфа *). Конвой съ развернутымъ значкомъ Главнокомандующагó остановился не доходя кургана, на вершину котораго взошелъ Великій Князь съ сопровождавшими его лицами. Трудно было бы найдти болѣе удобный наблюдательный пунктъ: отсюда хорошо былъ видѣнъ горячій артиллерійскій бой, уже кипѣвшій впереди, около деревни Горняго Дубняка. Общая картина завидскихъ и заплевненскихъ позицій была, въ своемъ родѣ, великолѣпна. Для уясненія ея нужно себѣ представить необозримую равнину, которая вдали, въ бѣлесоватой мглѣ, совсѣмъ сливается съ горизонтомъ. Но тусклая черта этого слитія отбросилась очень далеко... Сожженная солнцемъ трава придаетъ всему пространству впереди видъ желтѣющей нивы, по которой тамъ и сямъ разбросаны зеленовато-сѣрыми пятнами дубовые лѣски и деревни: Дольній Дубнякъ, оба Митрополья, Горній Дубнякъ и дру-

*) Со времени принятія генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ управленія ходомъ осады и блокады Плевны, всѣ русскія и румынскія позиціи соединены между собою телеграфною проволокой, и на каждой позиціи, смотря по ея важности и значенію, имѣется особая станція для немедленной передачи приказаній въ отрядъ и его сосѣднія части.

гія, а налѣво, почти уже на самой чертѣ горизонта, едва различаемое во мглѣ—селеніе Телишъ. Направо—одна за другою поднимаются и одна изъ-за другой выглядываютъ нѣсколько высотъ, замыкающихъ проѣздъ по лощинѣ въ Плевну. Изъ этой лощины выбѣгаетъ на степь нѣкоторою частію своихъ садовъ и нѣсколькими, очень красивенькими издали домиками—деревня Тренина, надъ которою красуется цѣлый рядъ пирамидальныхъ тополей. Налѣво отъ кургана, въ лощинѣ, залегло, тоже очень красивое съ виду, село Медованъ съ бѣлымъ минаретомъ. Мѣстами сверкаютъ на солнцѣ извилины Вида, густо опушенныя садами и дубовыми рощами. На первомъ планѣ, впереди предъ холмомъ, разбросались по откосу нѣсколько плодовыхъ деревьевъ: грецкій орѣхъ, шелковица, груша и слива, а въ перемежку съ ними, словно курчавое руно, разстилаются пространныя полосы, поросшія мелкимъ дубнякомъ и терновникомъ. На переднихъ склонахъ устроено нѣсколько нашихъ батарей, обстрѣливающихъ подступы къ Виду и часть шоссе, вмѣстѣ съ ближайшею къ берегу проѣзжею дорогой. Вся эта позиція была занята нашимъ гвардейскимъ Волынскимъ полкомъ, а высоты, прилегающія къ Тренинѣ—тремя батальонами и шестью орудіями отряда генералъ-маіора Бремзена. Мѣстность завидскаго плоскогорья играла уже въ классическія времена важную стратегическую роль; доказательствомъ тому служатъ многочисленныя римскія сооруженія, которыя встрѣчаются у Дубняка, Чирикова и Луковицы. Римляне должны были охранять большую дорогу, которая шла почти по тому же направленію, какъ и теперь, отъ Дуная черезъ Плевну къ Ѳракійской столицѣ Сердикѣ, нынѣ Софіи *). Передъ

---

*) Вотъ что говоритъ Каницъ:

«Во время посѣщенія мною въ 1871 году большаго селенія Дольній Дубнякъ, я насчиталъ въ немъ 230 болгарскихъ домовъ, 50 турецкихъ, 10 цыганскихъ и 24 черкесскихъ. Для постройки ихъ послужили отчасти остатки римскихъ сооруженій, но бо́льшая часть послѣднихъ и теперь разбросаны по дорогѣ. Мнѣ попадались капители колоннъ, пьедесталы, рельефы, остатки фронтоновъ и т. д., украшенные надписями и различными рисунками. При скудости древнихъ источниковъ, трудно опредѣлить, какая здѣсь находилась римская колонія. Изъ Дольняго Дубняка идетъ дорога, плотно прилегающая къ ручью того же имени, притоку Вида, въ Горній Дубнякъ. Послѣднее селеніе расположено въ прекрасно обработанной долинѣ, возвышающейся на 125 метровъ

Дольнимъ Дубнякомъ разъѣзжали, очень ясно видные въ бинокль, регулярные турецкіе кавалеристы и стояли парные аванпосты на сѣрыхъ коняхъ. Мѣстами, на желтыхъ пространствахъ равнины и около сѣроватыхъ пятенъ деревень виднѣются тоненькія черныя черточки и полоски; если бы онѣ не двигались и время отъ времени не закрывались клубами и полосами дыма, то наблюдатель, незнакомый съ дѣломъ, могъ бы скорѣе принять ихъ за какіе нибудь полевые рвы или заборы, чѣмъ за войска—до такой степени эти черточки, эти цѣпи, роты, эскадроны и цѣлыя колонны войскъ кажутся миніатюрными, въ сравненіи съ громадноширокимъ просторомъ общей картины этой мѣстности, носящей столь мирный, сельскій характеръ, что съ нимъ—на первый взглядъ—какъ-то не вяжется даже самое представленіе о войнѣ и боѣ. Въ началѣ трудно было опредѣлить гдѣ турки, гдѣ наши; черточки, виднѣвшіяся на равнинѣ, дѣйствовали, казалось, безъ всякой связи между собою: наши—въ тылу и на флангахъ турокъ, а турки у нашихъ... Но это только такъ *казалось*, да и то не долго. Дѣло 12-го октября явилось результатомъ обдуманнаго плана и заключалось въ слѣдующемъ: войска отряда, ввѣреннаго генералъ адъютанту Гурко *), должны были перейдти изъ мѣстъ своего расположенія на плевно-софійское шоссе, съ цѣлію овладѣть непрія-

---

надъ уровнемъ океана и на 45 метровъ надъ Видомъ. Въ селеніи находится красивая (?) церковь и школа; въ немъ живутъ 142 болгарскихъ семейства, 56 турецкихъ и 20 цыганскихъ. Въ числѣ селеній, расположенныхъ у Плевны, оба Дубняка пользуются наибольшимъ благосостояніемъ, и турки, и христіане здѣшніе жаловались не столько на высокія подати, сколько на сосѣдство черкесовъ. Послѣдніе живутъ въ селеніяхъ Азизіэ и Телишѣ вмѣстѣ со вновь поселенными здѣсь татарами, миролюбію которыхъ всѣ воздаютъ должную похвалу. У Горняго Дубняка большая дорога, ведущая въ Софію, раздѣляется. Южная вѣтвь ея направляется въ Чириково и идетъ далѣе по Виду, черезъ Торосъ, въ Тетевень. Главная же вѣтвь идетъ въ юго-западномъ направленіи мимо Телиша въ Радомирцы и Луковицу. Плоскогоріе между Плевною, Чириковымъ, Луковицею и Телишемъ чрезвычайно пригодно для дѣйствія большихъ массъ и въ особенности кавалеріи. Здѣсь рѣшена была участь Болгаріи пять столѣтій тому назадъ».

*) 1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи, съ ихъ артиллеріею, гвардейская стрѣлковая бригада, лейбъ-гвардіи саперный батальонъ, 2-я гвардейская кавалерійская дивизія и сводный кавалерійскій корпусъ (бывшій генералълейтенанта Крылова) съ ихъ артиллеріею.

тельскою укрѣпленною позиціею у Горняго Дубняка и утвердиться на ней, чтобы сомкнуть блокаду Плевны, лишивъ гарнизонъ ея всякой возможности получать изъ Софіи и Орханіэ новыя подкрѣпленія и запасы. Послѣ занятія обоихъ Дубняковъ, 10-го сентября, турки укрѣпили эти пункты весьма сильно, и въ особенности Горній Дубнякъ. Изъ предварительныхъ нашихъ рекогносцировокъ, произведенныхъ по распоряженію генерала Гурко, выяснилось, что на самомъ возвышенномъ мѣстѣ горно-дубняцкой позиціи турки построили довольно обширный редутъ съ высокимъ кавальеромъ внутри. Къ востоку отъ него находился другой редутъ, меньшихъ размѣровъ. Какъ тотъ, такъ и другой были окружены цѣлымъ рядомъ передовыхъ ложементовъ, вынесенныхъ довольно далеко впередъ. Къ сѣверу и востоку отъ укрѣпленій мѣстность совершенно ровная, открытая съ едва замѣтнымъ склономъ къ Виду. Къ юго-востоку, въ разстояніи около двухсотъ саженъ отъ восточнаго редута, растетъ молодой, очень густой лѣсокъ, и въ немъ находится довольно обширная поляна (въ разстояніи отъ вышесказаннаго редута около 800 саженъ), которую турки тоже укрѣпили фронтомъ къ Чирикову и Крушевицѣ. Къ югу и западу турецкая позиція спадаетъ крутымъ склономъ въ узкую лощину, не болѣе 250-ти шаговъ шириною. Эти результаты предварительныхъ рекогносцировокъ ясно свидѣтельствовали, что турки придавали горно-дубняцкой позиціи большую важность и готовили на ней упорное сопротивленіе. Но кромѣ сопротивленія, котораго слѣдовало ожидать на самой позиціи, операція выхода гвардейскаго корпуса на софійское шоссе усложнялась еще тѣмъ, что въ весьма близкомъ разстояніи отъ Горняго Дубняка, въ укрѣпленныхъ позиціяхъ при Телишѣ и Дольнемъ Дубнякѣ, были другіе турецкіе отряды, которые могли подать руку помощи горно-дубняцкому гарнизону. Хотя эти отряды были и немногочисленны, но въ весьма близкомъ разстояніи за ними находились: съ одной стороны—армія Османа, съ другой, къ югу отъ Телиша—армія Шефкета, которая, по слухамъ, предполагалась въ 25 таборовъ. Въ виду такой обстановки, необходимо было, во-первыхъ, выставить въ обѣ стороны довольно сильные заслоны и, во-вторыхъ, вести атаку горно-дубняцкой позиціи, по возможности, быстрѣе. Но для

того, чтобы еще болѣе отвлечь вниманіе противника отъ этой главной нашей цѣли, предположено было сдѣлать въ этотъ же день, одновременно съ боемъ, двѣ демонстраціи: одну непосредственно противъ Плевны, для чего огонь осадныхъ батарей долженъ былъ усилиться до высшей степени, войска же лѣваго и праваго фланговъ (т. е. Скобелевъ и Румыны) показывать полную готовность къ немедленной атакѣ, причемъ Скобелевъ долженъ былъ занять Рыжую гору; другая же демонстрація предполагалась противъ селенія Телишъ, лежащаго по софійскому шоссе, верстахъ въ десяти за Горнимъ Дубнякомъ. Для исполненія этой послѣдней демонстраціи предназначались: лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ и 2-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи *), съ ихъ батареями, всего 4 батальона, 8 эскадроновъ, 8 пѣшихъ и 6 конныхъ орудій. Войска эти должны были выступить со своихъ бивуаковъ въ $6^1/_4$ часовъ утра и двинуться въ промежутокъ между позиціями непріятеля у Горняго Дубняка и Телиша; на ихъ же обязанности, согласно диспозиціи, лежало охраненіе тыла и лѣваго фланга 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, т. е. полковъ Павловскаго и Финляндскаго.

Что касается Горняго Дубняка, какъ дѣйствительнаго пункта нашей атаки, то противъ него были сосредоточены слѣдующія части:

Гвардейская стрѣлковая бригада съ ея артиллеріею и казаками (4 батальона, 16 пѣшихъ орудій и 3 сотни) должна была атаковать Горній Дубнякъ съ востока, т. е. со стороны Плевны; полкамъ лейбъ-гвардіи Московскому и Гренадерскому, съ 16 пѣшими орудіями, предстояло—двинувшись правѣе лѣсовъ, лежащихъ между Горнимъ Дубнякомъ и селеніемъ Чуриковымъ (на р. Видѣ, оно же Чириково), атаковать со стороны этого послѣдняго селенія, т. е. съ юга; полкамъ же Павловскому и Финляндскому съ ихъ артиллерію (8 батальоновъ и 16 орудій) вести атаку со стороны Телиша, т. е. съ юго-запада. Три полка 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи: Преображенскій, Семеновскій и Измайловскій, съ ихъ батареями (32 орудія) и одною сотнею казаковъ, должны были, выступивъ съ бивуака въ половинѣ седьмаго часа утра, пе-

*) Полки лейбъ-гвардіи Драгунскій и Гусарскій Его Величества.

рейдти рѣку Видъ по двумъ бродамъ и расположиться въ резервномъ порядкѣ по дорогѣ изъ Чирикова къ Крушевицѣ, въ разстояніи около двухъ верстъ отъ Чирикова, фронтомъ къ сторонѣ Дубняка Дольняго. Полкамъ же лейбъ-гвардіи Уланскому Его Величества и Гродненскому гусарскому предназначено составить изъ себя кавалерійскій резервъ, и для этого расположиться между Горнимъ Дубнякомъ и Чириковымъ. Медованскій кавалерійской отрядъ *) имѣлъ задачею движеніе къ Дольнему Дубняку, съ цѣлію не допустить противника, занимающаго эту деревню, выдти изъ нея на помощь защитникамъ горно-дубняцкой позиціи. Точно такое же назначеніе относительно Дольняго Дубняка, только съ противоположной стороны, имѣлъ сводный кавалерійскій корпусъ, стоявшій на бивуакахъ при Семеретъ-Трестеникѣ. Кавказская же казачья бригада, съ шестью конными орудіями, ввѣренная флигель-адъютанту полковнику Черевину, должна была къ $7^1/_2$ часамъ утра прибыть къ позиціи у Горняго Дубняка и, дѣйствуя противъ нея съ запада, заполнить пространство между 2-ю бригадою 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и стрѣлковою бригадою, способствуя атакамъ этихъ частей, въ случаѣ надобности, своею поддержкою. Наконецъ, отрядъ генералъ-маіора Чернозубова (7 сотень и 6 конныхъ орудій), занимавшій селеніе Горнее Митрополье, долженъ былъ приблизиться къ софійскому шоссе, въ районѣ между Дольнимъ Дубнякомъ и р. Видомъ. Въ случаѣ, если бы турецкія войска вышли на помощь своимъ изъ Плевны, генералъ-маіоръ Чернозубовъ долженъ былъ стараться задержать или, по возможности, замедлить ихъ движеніе къ Горнему Дубняку.

Три полка 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи предполагалось держать въ резервѣ, пока не будетъ взята горно-дубняцкая позиція; но послѣ овладѣнія ею, полкамъ этимъ предстояло тотчасъ же двинуться впередъ на софійское шоссе, занять на немъ позицію фронтомъ къ Дольнему Дубняку и прикрыть собою войска въ Горнемъ Дубнякѣ, которыя немедленно же приступаютъ къ возведенію укрѣпленій.

---

*) Дивизьонъ Казанскаго драгунскаго полка и Кіевскій гусарскій полкъ, съ 16-ю конною батареею, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника барона Корфа.

Таково, въ главныхъ чертахъ, было предположеніе для предстоящаго боя. Обозы, за исключеніемъ патронныхъ ящиковъ и лазаретныхъ фургоновъ, равно какъ и солдатскіе ранцы были оставлены на мѣстахъ бивуачнаго расположенія войскъ; для скорости же въ передачѣ приказаній и донесеній между всѣми отрядами, а отъ нихъ къ деревнямъ Медовану и Чирикову, были устроены летучія почты.

Артиллерійскій бой съ трехъ сторонъ вокругъ Горняго Дубняка загорѣлся въ началѣ девятаго часа. На разстояніи въ 800 сажень отъ противника всѣ войска отряда генерала Гурко успѣли къ этому времени занять мѣста согласно диспозиціи. Вскорѣ послѣ этого подошла и колонна флигель-адъютанта полковника Черевина, которая открыла огонь по турецкимъ укрѣпленіямъ съ четвертой стороны, и такимъ образомъ около $9^1/_2$ часовъ утра вокругъ непріятельской позиціи образовалось кольцо артиллерійскаго огня, причемъ концентрическая стрѣльба сначала 54-хъ, а потомъ 60-ти орудій должна была наносить страшный уронъ непріятелю, у котораго имѣлись только три пушки. И дѣйствительно, дѣйствіе гвардейской артиллеріи по укрѣленіямъ было чрезвычайно удачно. Снаряды, послѣ двухъ-трехъ пробныхъ выстрѣловъ, ложились совершенно вѣрно по назначенію, но ружейный огонь нашъ почти вовсе не достигалъ цѣли и это потому, что укрѣпленія турокъ на этотъ разъ весьма удачно маскировались накиданными на нихъ кукурузными стеблями, а по гребню брустверовъ и ложементовъ были устроены изъ кукурузы же особые заслоны, въ видѣ невысокихъ плетней, сквозь которые просовывались въ щели одни лишь ружейные стволы, тогда какъ головы стрѣлковъ совершенно не были видны. Въ одномъ только мѣстѣ наши берданки успѣли нанести противнику самое существенное пораженіе; это именно—на одной изъ батарей, брустверъ которой турки не успѣли еще окончить, такъ что онъ прикрывалъ собою артиллерійскую прислугу едва лишь въ половину груди: всѣ, до одного, артиллеристы были здѣсь перебиты нашими пулями. Сосредоточенные залпы гвардейскихъ орудій, сыпавшіе массу разрывныхъ снарядовъ въ Горній Дубнякъ, вскорѣ успѣли на столько ослабить артиллерійскій огонь противника, что генералъ Гурко уже въ началѣ одиннадцатаго часа счелъ возможнымъ приступить къ

штурму. Стройно и бодро, какъ на простомъ красносельскомъ ученьи, двинулись впередъ молодцы гвардейцы, прикрытые своими густыми цѣпями. Командиры, отъ генераловъ до послѣдняго субалтернъ-офицера, были впереди, показывая солдатамъ первый примѣръ воинской доблести. Начальникъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ все время находился въ цѣпи, такъ что изъ лицъ его штаба и свиты только два человѣка къ концу боя остались цѣлыми. Первый приступъ увѣнчался частнымъ успѣхомъ: лейбъ-гренадерскій полкъ овладѣлъ восточнымъ редутомъ и всею линіею передовыхъ ложементовъ. Турки, не выдержавъ удара, бросились въ свой главный редутъ и оттуда отразили огнемъ лейбъ-гренадеровъ, преслѣдовавшихъ непріятеля по пятамъ. Лейбъ-гренадерамъ пришлось пока возвратиться во взятый ими восточный редутъ и въ передовые ложементы.

Одновременно съ лейбъ-гренадерами, другія части вели атаку на главный редутъ. Но во время этого движенія турки открыли вдругъ такой убійственный огонь, что держаться противъ него въ открытомъ полѣ не было никакой возможности. Вскорѣ всѣ лошади подъ начальствующими лицами были перебиты. Много офицеровъ тотчасъ же выбыло изъ строя. Около полудня, оба бригадные командира 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, свиты Его Величества генералъ-маіоры Зедделеръ и Розенбахъ были тяжело ранены, оба въ животъ пулями *). Пришлось пріостановиться, и такимъ образомъ финскіе стрѣлки съ батальономъ Императорской Фамиліи залегли въ ложементахъ, отбитыхъ лейбъ-гренадерами, въ разстояніи отъ 750 до 900 шаговъ отъ главнаго редута; Московскій полкъ залегъ за окопами вправо отъ восточнаго редута. Павловскій и Финляндскій полки, атаковавшіе главный редутъ съ юго-западной стороны изъ лощины, залегли — первый въ

---

*) Замѣчательна роковая случайность раны генерала Розенбаха. Въ 1863 году, во время усмиренія польскаго мятежа, въ первомъ же дѣлѣ, въ которомъ довелось тогда участвовать Розенбаху, онъ былъ раненъ пулею въ животъ; рана эта оказалась тѣмъ болѣе тяжелою, что пулю не удалось вынуть; она такъ и осталась въ тѣлѣ; но больной выздоровѣлъ. Прошло 14 лѣтъ, и вотъ въ первомъ же дѣлѣ, гдѣ довелось участвовать генералу Розенбаху, онъ опять раненъ въ животъ и, какъ говорятъ, почти въ то же самое мѣсто, куда попала первая пуля.

различныхъ мѣстныхъ укрытіяхъ съ юга, а второй въ мертвомъ пространствѣ на крутомъ скатѣ узкой лощины. Артиллерія продолжала усиленную канонаду со своихъ первоначальныхъ позицій; но такъ какъ съ занимаемыхъ ею мѣстъ линія передовыхъ окоповъ совершенно сливалась на взглядъ съ линіею главнаго редута, вслѣдствіе чего не только невозможно было слѣдить за правильностію цѣли, но случалось даже, что снаряды, попадая въ передовые ложементы, били своихъ, то генералъ Гурко, лично подъѣхавшій къ передовымъ ложементамъ, чтобы поближе разсмотрѣть главный редутъ, приказалъ нашимъ батареямъ придвинуться на ближайшее разстояніе. Вслѣдствіе этого, батареи, подъѣхавъ почти къ самой линіи занятыхъ нами окоповъ, открыли огонь съ разстоянія около 400 сажень отъ главнаго редута. Сверхъ того, найдя нужнымъ усилить боевую линію, въ особенности въ виду потерь, понесенныхъ среднею и лѣвою колоннами, генералъ Гурко послалъ Преображенскому и Семеновскому полкамъ приказаніе стать на шоссе заслономъ къ Дольнему Дубняку, на мѣсто 1-го и 2-го стрѣлковыхъ батальоновъ, которымъ двинуться въ боевую линію вмѣстѣ съ Измайловскимъ полкомъ. Два батальона сего послѣдняго были направлены на фронтъ, обращенный къ Плевнѣ, т. е. на восточный, а остальные два на поддержку средней и лѣвой колоннъ, т. е. на южный и западный фронты. Спустя нѣсколько времени была повторена попытка штурма, также не увѣнчавшаяся успѣхомъ, благодаря свинцовому дождю, которымъ турки начинали обдавать нашихъ гвардейцевъ, едва тѣ поднимались съ земли для движенія. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нашихъ частей и при второй попыткѣ успѣли выиграть небольшое пространство впереди своего фронта. Когда, около двухъ часовъ дня, генералъ Гурко подъѣхалъ къ артиллерійской позиціи средней колонны, то главный редутъ былъ уже со всѣхъ сторонъ окруженъ нашими войсками, которыя, большею частію, успѣли приблизиться къ нему на разстояніе отъ 400 до 100 шаговъ. Артиллерія со всѣхъ четырехъ сторонъ продолжала черезъ головы своихъ посылать къ туркамъ снаряды.

Во время вторичной попытки атаки, часть лейбъ-гвардіи Павловскаго полка успѣла взобраться на брустверъ, но была

отбита. Раздосадованные новою неудачею, павловцы не хотѣли отойдти назадъ и засѣли въ самомъ рву редута. Между тѣмъ, часть нашей артиллеріи, расположенная съ противоположной стороны селенія, не зная, что павловцы и лейбъ-гренадеры дѣлаютъ новую попытку, продолжала осыпать укрѣпленіе снарядами. Такимъ образомъ, наши гранаты нерѣдко попадали въ тотъ самый ровъ, гдѣ засѣли павловцы, и одна изъ нихъ смертельно ранила осколками флигель-адъютанта полковника Рунова и штабсъ-капитана Ширмана; причемъ и нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ также поплатились болѣе или менѣе серьезными ранами. Трудно было вынести изо рва на ближайшій перевязочный пунктъ этихъ офицеровъ, но молодцы солдаты, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, успѣли наконецъ преодолѣть всѣ затрудненія и, сами подвергаясь смертной опасности, доставили-таки къ санитарамъ обоихъ своихъ начальниковъ.

Около двухъ часовъ дня было получено свѣдѣніе, что лейбъ-Егерскій полкъ потерпѣлъ кровавую неудачу подъ Телишемъ. Опасаясь, что вслѣдствіе этого обстоятельства телишевскій гарнизонъ можетъ подоспѣть на выручку къ горно-дубняцкому, генералъ Гурко пришелъ къ необходимости кончать дѣло скорѣе. Поэтому онъ рѣшилъ двинуть всѣ войска на штурмъ, единовременно со всѣхъ сторонъ, чуть лишь успѣютъ подойдти измайловскіе батальоны, что̀ могло случиться около трехъ часовъ по полудни, а для того, чтобы штурмъ дѣйствительно могъ быть сдѣланъ всѣми частями одновременно, генералъ установилъ слѣдующій условный сигналъ: когда всѣ распоряженія будутъ отданы, онъ велитъ произвести три залпа съ батарей лѣвой колонны; послѣ этихъ залповъ произвести три залпа съ батарей средней колонны; наконецъ, послѣ этихъ залповъ произвести три залпа съ батарей правой колонны, послѣ чего всѣ войска должны броситься на штурмъ.

Не смотря на осеннюю пору, день былъ ясенъ и солнечные лучи припекали сильно; люди уже значительно утомились и потому въ половинѣ третьяго часа, въ ожиданіи скораго подхода измайловцевъ и гвардейскаго сапернаго батальона, тоже притянутаго изъ резерва къ участію въ предстоящемъ штурмѣ, войскамъ былъ данъ кратковременный отдыхъ, такъ сказать, передышка отъ перестрѣлки.

Сдѣлавъ эти распоряженія, генералъ Гурко поѣхалъ въ лѣвую колонну, чтобы передать ихъ графу Шувалову. Но далеко не успѣлъ еще пройдти условленный срокъ (три часа по полудни), такъ что графъ Шуваловъ даже не успѣлъ передать своимъ войскамъ надлежащія распоряженія, какъ вдругъ съ правой стороны раздались три залпа. Впослѣдствіи оказалось, что они были даны одною изъ батарей по недоразумѣнію. Гвардейская стрѣлковая бригада, составлявшая правую колонну, тотчасъ бросилась на штурмъ, между тѣмъ какъ до павловцевъ и финляндцевъ еще не успѣло даже дойдти распоряженіе объ условномъ сигналѣ штурма. Такимъ образомъ предположенія о единовременной атакѣ рушились.

Свинцовый дождь снова захлесталъ по стрѣлковой бригадѣ. Видя, что вмѣсто общаго штурма, теперь неминуемо послѣдуетъ рядъ отдѣльныхъ разновременныхъ попытокъ съ разныхъ сторонъ, и желая какъ нибудь поправить дѣло, дабы выручить стрѣлковъ, генералъ Гурко послалъ во всѣ колонны приказаніе идти на штурмъ, не дожидаясь условнаго сигнала. Но не смотря ни на что, одновременность удара уже не могла быть возстановлена.

Лейбъ-гренадеры наступали съ музыкою и распущенными знаменами. Въ это время съ противоположной стороны деревни, на одномъ изъ брустверовъ неожиданно появился бѣлый флагъ, какъ провозвѣстникъ того, что противникъ сдается. Понятно, что ни лейбъ-гренадеры, ни турки, бывшіе противъ нихъ, не могли видѣть этого знака, а потому здѣсь продолжался еще упорный бой и огонь, въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ, откуда флагъ хорошо былъ видѣнъ, пальба уже прекратилась. Между тѣмъ, слыша, что гдѣ-то позади и въ сторонѣ все еще дерутся, турки, не смотря на флагъ, открыли снова огонь. Это обстоятельство, бывшее простымъ недоразумѣніемъ—и послужило поводомъ, что между нашими войсками распространился слухъ, будто непріятель злоупотребилъ бѣлымъ флагомъ. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе этого вольнаго или невольнаго недоразумѣнія, штурмъ и на этотъ разъ оказался отбитымъ. Но войска наши, считая этотъ фактъ за измѣну основнымъ правиламъ воинской чести, пришли въ остервененіе и предпочитали лучше умереть на мѣстѣ, чѣмъ отступить хотя на шагъ.

То, что́ могло быть дѣломъ недоразумѣнія, казалось имъ умышленнымъ коварствомъ. И не мудрено, такъ какъ турки позволили себѣ на Шипкѣ злоупотребить бѣлымъ флагомъ, а это хорошо извѣстно каждому русскому солдату.

Ожиданія генерала Гурко вполнѣ оправдались: дѣйствительно, послѣдовалъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ, совершенно разобщенныхъ между собою атакъ, которыя были отбиваемы жесточайшимъ огнемъ противника. Ни одной части не удалось вскарабкаться на брустверъ, за исключеніемъ горсти павловцевъ, еще раньше засѣвшихъ во рву укрѣпленія; остальныя войска, продвинувшись впередъ, опять кое-какъ залегли за разными мѣстными закрытіями, причемъ нѣкоторыя приблизились даже на сорокъ шаговъ къ редуту. Одинъ лишь Финляндскій полкъ, встрѣтившій совершенно открытое мѣсто, вынужденъ былъ вернуться назадъ, въ мертвое пространство лощины, потерявъ во время этой атаки своего командира, генералъ-маіора Лаврова, который былъ смертельно раненъ.

Такимъ образомъ, къ четыремъ часамъ дня выяснилась неудача всѣхъ отдѣльныхъ попытокъ. Пришлось прекратить и артиллерійскій огонь, потому что снаряды, направляемые съ трехъ сторонъ на редутъ, при относительно близкомъ расположеніи батарей, иногда давали перелетъ и били своихъ болѣе, чѣмъ турокъ.

Генералъ Гурко послалъ ординарца просить къ себѣ графа Шувалова. Надо было рѣшить, что́ теперь дѣлать? Пытаться ли на новый штурмъ, или отвести войска, чтобы продолжать артиллерійское обстрѣливаніе редута? Но засвѣтло выводить людей изъ ихъ настоящаго расположенія было невозможно: это значило бы подвергнуть ихъ опять громаднымъ и совершенно напраснымъ потерямъ, да и самый фактъ отступленія дурно повліялъ бы на духъ частей. Оставалось — во всякомъ случаѣ, дождаться на мѣстѣ, пока стемнѣетъ, а потомъ, смотря по обстоятельствамъ, одно изъ двухъ: либо отступить, либо рискнуть еще разъ. Генералъ Гурко склонялся въ пользу этой послѣдней попытки.

Къ исходу пятаго часа вокругъ Горняго Дубняка наступило полное затишье. Ни мы не стрѣляли, ни турки. Вскорѣ

начало смеркаться, и пользуясь этимъ временемъ, два батальона Измайловскаго полка, со своимъ полковымъ командиромъ, свиты генералъ-маіоромъ Эллисомъ 2-мъ, проползли на животѣ еще шаговъ около полутораста и очутились саженяхъ въ двадцати отъ редута.

На совѣщаніи съ графомъ Шуваловымъ вопросъ былъ порѣшенъ въ пользу еще одной попытки въ сумерки, сообразно чему генералъ Гурко отдалъ надлежащія распоряженія и вернулся на холмъ, близъ Горняго Дубняка, гдѣ хотѣлъ дождаться вечера. Но не долго длилось его ожиданіе. Около шести часовъ вечера лейбъ-гренадеры, съ музыкою и распущенными знаменами, по собственному увлеченію, вдругъ отчаянно ринулись на новый приступъ. Удержать ихъ не было никакой возможности: доблестный полкъ, съ неумолкаемыми криками «ура», стремился впередъ, какъ неудержимый потокъ, какъ огненная лава. Не прошло и минуты, а передовые люди его уже карабкались на брустверъ, въ направленіи одного изъ исходящихъ угловъ редута. Еще мгновеніе—и они уже были тамъ, внутри. Турки опять выкинули бѣлый флагъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стрѣльбу продолжали: безпорядочный бѣглый огонь мѣстами мѣшался у нихъ съ совершенно правильными ружейными залпами. Здѣсь уже произошла какая-то путаница: одни изъ турецкихъ офицеровъ, кидаясь въ ряды и кучки, убѣждали своихъ солдатъ прекратить огонь и бросать оружіе, тогда какъ другіе настойчиво и грозно приказывали стрѣлять, и всѣ вообще грозили имъ за ослушаніе саблями и револьверами, били ихъ и плашмя, били и кулаками, рубили и лезвіемъ. Очевидно, это была уже паника и какое-то опьяненіе, угаръ. Всѣ они, что̀ называется, ошалѣли. А между тѣмъ внутри редута пошла отчаянная штыковая работа. Заслышавъ звуки «атаки» и крики «ура»,—со всѣхъ сторонъ разомъ, какъ одинъ человѣкъ, поднялись и всѣ остальныя штурмующія части. Почти одновременно съ лейбъ-гренадерами, ворвались въ редутъ измайловцы, павловцы и другіе. Бой холоднымъ оружіемъ былъ ужасенъ. Въ нѣсколько минутъ груды непріятельскихъ труповъ, одинъ на другомъ, валялись уже во рвахъ, на брустверахъ и внутри укрѣпленія. Запылали, зажженные выстрѣлами, соломенные шалаши турецкихъ солдатъ, расположенные внутри редута—и зарево большаго пожара

ярко и трепетно освѣтило всю эту ужасную кровавую картину. Раненые, убитые, лошади, овцы, буйволы, оружіе, всякаго рода припасы—все это горѣло. Пальба уже прекратилась, но воздухъ продолжалъ оглашаться трескомъ ружейнаго огня: это лопались раскалившіяся въ пламени массы разсыпанныхъ патроновъ. Черезъ нѣсколько времени лейбъ-гренадерское знамя побѣдоносно развѣвалось на гребнѣ взятаго укрѣпленія.

Начальствовавшій въ Горнемъ Дубнякѣ Ахметъ-Хивзи-паша, видя, что, вопреки его желанію сдаться, бой все еще продолжается, самъ взялъ въ руки бѣлый флагъ и вышелъ съ нимъ впередъ, на брустверъ. Когда это было усмотрѣно, съ нашей стороны тотчасъ же подали сигналъ *«слушайте всѣ»*, затѣмъ *«отбой»*—и послѣ этого дѣло немедленно прекратилось по всѣмъ линіямъ.

Какая радость, какое торжество охватило всѣ воинскія части, когда узнали онѣ, что Горній Дубнякъ взятъ и гарнизонъ его сдается военноплѣннымъ! Тысячи шапокъ полетѣли вверхъ, или очутились на штыкахъ высоко поднятыхъ ружей: «ура», какъ буря, носилось по всей окрестности; гвардейцы привѣтствовали, поздравляли другъ друга съ первымъ своимъ боемъ и первою гвардейскою побѣдою въ нынѣшнюю войну. Когда генералъ Гурко въѣхалъ въ толпу, кишившую въ редутѣ, солдаты, словно дѣти, въ радостномъ восторгѣ кинулись къ нему и хватали его стремя, колѣни, поводья.

— Скажите Государю, что мы сдержали свое слово!.. Пущай не сумлѣвается!.. Поддержимъ старую славу! —кричали они со всѣхъ сторонъ генералу.

Вдругъ появляется какой-то павловскій дѣтина, верхомъ на сѣрой маленькой турецкой лошадкѣ, ноги чуть не по землѣ волочатся, шапка на затылкѣ, курносая рожа осклаблена широчайшею улыбкою, мундиръ изорванъ въ клочья, въ рукѣ окровавленный штыкъ.

— Урра-а, ваши превосходительствы, ур-ра!—кричитъ онъ, потрясая своимъ штыкомъ, въ то время какъ маленькая лошаденька упрямится, брыкается подъ нимъ, бьетъ передомъ и задомъ, тщетно стараясь сбросить съ себя ражаго дѣтину.

— Ты чтò? Откуда? спрашиваютъ его.

— А я, ваши превосходительствы, я, значитъ, шабашевалъ!

— Какъ шабашевалъ?

— А все *его* же! Тѣхъ, значитъ, которые сдаваться не желали и стрѣлили въ нашихъ... Я ихъ сначала прикладомъ— ну, раскололся... сейчасъ эт-то отомкнулъ штыкъ и пошелъ имъ шабашевать... Осталися очень довольны!

Общій веселый смѣхъ и «ура» товарищей привѣтствовали этого молодчину.

Вотъ гурьба измайловцевъ, и впереди ихъ кучка офицеровъ— они подводятъ къ генералу какого-то рядоваго, въ рукахъ котораго развѣвается турецкое знамя—розовое съ бахрамою, кистями и золотыми надписями изъ Корана;—докладываютъ, что этотъ рядовой съ боя взялъ знамя у непріятеля.

— Какъ зовутъ? спрашиваетъ генералъ.

— Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, 2-й роты, рядовой Иванъ Овчинниковъ.

— Молодецъ!.. Спасибо!.. Доложу Главнокомандующему и Государю Императору.

И опять побѣдное «ура» гремитъ въ воздухѣ; и толпы гвардейцевъ заранѣе поздравляютъ будущаго георгіевскаго кавалера.

Когда подвели плѣннаго пашу, генералъ Гурко протянулъ ему руку и черезъ переводчика выразилъ, что ему пріятно пожать руку противника, который защищался столь рѣшительно и храбро. Въ отвѣтъ на это Ахметъ-Хивзи слегка развелъ руками и нѣсколько грустно улыбнулся. Онъ видимо былъ взволнованъ и подавленъ горемъ. Вслѣдъ за пашою былъ представленъ начальникъ его штаба, назвавшійся австрійцемъ. Но впослѣдствіи оказалось, что онъ вовсе не австріецъ, а только жилъ въ Вѣнѣ въ послѣднее время предъ войною, въ качествѣ одного изъ состоящихъ при военной турецкой агентурѣ; происхожденія же сомнительнаго, чуть ли не изъ евреевъ, хотя позднѣе и увѣрялъ, что онъ венгерецъ.

Вмѣстѣ съ пашою сдались 53 офицера (въ томъ числѣ одиннадцать регулярныхъ кавалерійскихъ, съ цѣлымъ кавалерійскимъ полкомъ) и 2,235 нижнихъ чиновъ. Взято четыре орудія, знамя, до пяти тысячъ ружей и множество патроновъ. Чтобы судить, до какой степени изобилія доходитъ у турокъ снабженіе патронами, достаточно сказать, что большія коробки и

ящики, наполненные ими, мы находили повсюду—и въ ложементахъ, и въ землянкахъ, въ домахъ, сараяхъ и на улицахъ; кромѣ того, по всѣмъ ближайшимъ дорогамъ они были растеряны или просыпаны цѣлыми кучами, словно щебень, такъ что двигаться между ними верхомъ было даже не безопасно, до нѣкоторой степени, для лошади. На всѣхъ патронахъ англійскія клейма. Большинство плѣнныхъ—народъ очень видный, бравый, одѣтый довольно порядочно, хотя и очень легко относительно осенняго времени; впрочемъ, въ средѣ ихъ является не малая смѣсь: есть шестнадцатилѣтніе мальчики, есть и старики чуть ли не шестидесяти лѣтъ, и таковыхъ не мало. Эскадронъ лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка окружилъ своимъ конвоемъ всю эту толпу и повелъ ее изъ Горняго Дубняка.

Какъ только штурмъ укрѣпленной позиціи увѣнчался успѣхомъ, полки Преображенскій и Семеновскій, еще раньше двинутые изъ резерва на софійское шоссе, окопались траншеями по обѣимъ его сторонамъ, верстахъ въ трехъ отъ взятой нами позиціи, фронтомъ къ Дольнему Дубняку, и возвели брустверы для полевыхъ орудій. Такимъ образомъ, обладаніе Горнимъ Дубнякомъ было еще болѣе обезпечено за нами со стороны Плевны. Оставалось узнать въ подробности результаты демонстративныхъ дѣйствій противъ Телиша, и потому генералъ Гурко отправился къ этому селенію.

Телишъ лежитъ при самомъ шоссе, верстахъ въ десяти позади Горняго Дубняка, въ юго-западномъ направленіи, и составляетъ одинъ изъ сильнѣйшихъ укрѣпленныхъ этаповъ на пути къ Орханіэ, устроенныхъ стараніями Шефкетъ-паши въ теченіи сентября мѣсяца. Назначеніе лейбъ-егерскаго полка и 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ ихъ артиллеріею, согласно диспозиціи—заключалось въ охраненіи тыла и лѣваго фланга Павловскаго и Финляндскаго полковъ. Флигель-адъютанту полковнику Челищеву, командовавшему этимъ отрядомъ, было приказано: *удерживать* непріятеля, могущаго оказать со стороны Телиша содѣйствіе турецкимъ войскамъ, занимавшимъ позицію у Горняго Дубняка, *а если возможно, то и овладѣть* Телишемъ.

Выславъ лейбъ-гвардіи Драгунскій полкъ съ двумя конными орудіями на Ракитскія высоты, для обезпеченія лѣваго фланга

и тыла своей колонны, полковникъ Челищевъ, въ девять часовъ утра, подъ прикрытіемъ лейбъ-гусаровъ, сталъ дебушировать изъ балки и строить боевой порядокъ, имѣя въ первой линіи 4-й и 3-й батальоны. Рекогносцировка позиціи обнаружила, что телишевскія укрѣпленія состоятъ изъ двухъ редутовъ и нѣсколькихъ ложементовъ, вынесенныхъ впередъ этихъ укрѣпленій. Шоссейная дорога проходила сквозь главный редутъ, раздѣляя его на двѣ почти равныя половины; второй редутъ находился западнѣе перваго, коего восточный фасъ былъ выбранъ пунктомъ атаки. Артиллерія наша, въ половинѣ десятаго часа утра, открыла огонь съ разстоянія въ 500 саженъ. На всемъ этомъ пространствѣ мѣстность предъ укрѣпленіемъ не представляла никакихъ закрытій, такъ что лейбъ-егеря съ первой же минуты стали терпѣть значительный уронъ отъ ружейнаго огня противника, направляемаго преимущественно изъ двухъ передовыхъ ложементовъ. Позиція турокъ далеко еще не была обстрѣлена нашими гранатами, какъ первая линія лейбъ-егерей, раньше десяти часовъ утра, уже двинулась въ атаку, побуждаемая къ тому желаніемъ избавиться отъ безполезныхъ потерь издали. Ложементы были взяты съ перваго натиска, но тутъ огонь противника сталъ наносить лейбъ-егерямъ еще бо́льшія потери, что̀ и побудило ихъ то̀тчасъ же броситься на штурмъ главнаго редута. Тогда батальоны второй линіи, желая поддержать товарищей, тоже бросились на штурмъ, безъ приказанія, по собственному своему почину, но не дойдя ста шаговъ отъ редута, вынуждены были залечь гдѣ попало, такъ какъ свинцовый дождь, бившій изъ редута въ полъ-человѣка, рѣшительно не позволялъ безнаказанно подняться на ноги. Это пассивное положеніе нѣсколько измѣнилось только въ ту минуту, когда турки вздумали сдѣлать вылазку. Тутъ наши поднялись и приняли ихъ въ залпы. Вылазка была отбита, и если бы въ эту минуту, не теряя мгновенія, лейбъ-егеря бросились на редутъ вслѣдъ за противникомъ, то быть можетъ дѣло увѣнчалось бы успѣхомъ, хотя по сравнительному количеству силъ разсчитывать на успѣхъ вообще было трудно. Къ сожалѣнію, въ это самое время было получено донесеніе отъ лейбъ-драгунскаго полка, что съ юга обнаружено движеніе нѣсколькихъ таборовъ пѣхоты вмѣстѣ съ артиллеріею. Тогда, опасаясь появленія свѣ-

жихъ непріятельскихъ силъ, полковникъ Челищевъ приказалъ лейбъ-егерямъ отойдти назадъ, что̀ и было исполнено не торопливо и въ полномъ порядкѣ. Атака лейбъ-егерскаго полка была стремительна, отважна, настойчива, но черезъ-чуръ запальчива и поспѣшна. Такимъ образомъ, если въ чемъ можно упрекнуть этотъ полкъ, то развѣ въ избыткѣ нетерпѣливаго порыва, который увлекъ его на штурмъ, раньше чѣмъ артиллерія могла хотя сколько нибудь подготовить самую возможность атаки. Семь убитыхъ, шестнадцать раненыхъ, трое контуженныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ и 935 человѣкъ нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя, достаточно свидѣтельствуютъ о беззавѣтной храбрости лейбъ-егерей, не считавшихъ количества вражескихъ силъ и не задумывавшихся предъ глубокими рвами и высокими брустверами телишевскихъ укрѣплений. Флигель-адъютантъ полковникъ Мебесъ, однимъ изъ первыхъ взобравшійся на брустверъ, былъ изрубленъ на мѣстѣ. Кровопролитный штурмъ былъ отбитъ, но главная цѣль достигнута; лейбъ-егеря, благодаря ихъ самоотверженію, окончательно лишили телишевскій гарнизонъ возможности выдти на помощь своимъ товарищамъ въ Горнемъ Дубнякѣ и ударить въ тылъ финляндцамъ и павловцамъ.

Точно такимъ же успѣхомъ и притомъ съ самыми ничтожными потерями сопровождались дѣйствія побочныхъ нашихъ кавалерійскихъ отрядовъ: медованскаго, митропольскаго и семеретъ-трестеникскаго. Ловкими маневрами и демонстраціями противъ Дольняго Дубняка они воспрепятствовали гарнизону сего послѣдняго, а равно и плевненскимъ силамъ подоспѣть на помощь атакованнымъ въ Горнемъ Дубнякѣ.

Другая демонстрація этого дня, какъ уже сказано, была предпринята противъ самой Плевны, или вѣрнѣе сказать, противъ укрѣпленныхъ турецкихъ позицій по предъ-видскую сторону Плевны. Со всѣхъ нашихъ батарей гремѣли страшные залпы девятидесяти орудій, засыпавшихъ разрывными снарядами турецкіе редуты. По телеграфу сообщалось на каждую батарею, когда и куда именно, т. е. во сколько минутъ такого-то часа и на который пунктъ должны быть направлены общіе залпы. Такимъ образомъ, орудія наши дѣйствовали сосредоточенно и сообща, какъ бы соединенныя механически однимъ электрическимъ токомъ. Потрясающій эффектъ этихъ

залповъ необходимо долженъ былъ держать въ постоянномъ страхѣ весь плевненскій гарнизонъ, такъ какъ на турецкихъ укрѣпленіяхъ не было того пункта, защитники коего могли бы хотя минуту быть увѣренными, что къ нимъ вотъ-вотъ сейчасъ не посыплется, въ буквальномъ смыслѣ, дождь гранатъ, который принесетъ съ собою цѣлый адъ смерти и разрушенія. Въ особенности много вреда наносила новая, въ одну ночь возведенная и вооруженная сорока орудіями батарея. Мѣсто расположенія ея—на правомъ берегу Тученицкаго оврага, какъ разъ противъ кришинскихъ редутовъ и ложементовъ, которые сплошь находятся подъ страшною анфиладою ея огня. Назначеніе этой батареи заключается спеціально въ дѣйствіи противъ кришинскихъ укрѣпленій, и точно: дѣйствительность и сила ея залповъ 12-го октября были таковы, что разрушая всѣ работы противника во вновь возводимомъ редутѣ, вынудили его наконецъ отказаться отъ всякаго продолженія этихъ работъ, заставили замолчать его батареи и, кромѣ одного укрѣпленія, совершенно очистить кришинскую позицію, за окончательною невозможностію держаться на ней. Буря залповъ гремѣла надъ Плевною съ полудня до четырехъ часовъ, прерываясь за все это время только дважды, и каждый разъ не болѣе, какъ на пятнадцать минутъ, а именно: въ часъ по полудни и въ половинѣ третьяго, а въ тоже время густыя колонны на лѣвомъ и правомъ флангахъ нашей позиціи показывали туркамъ полную готовность къ штурму. Такимъ образомъ, плевненскій гарнизонъ былъ парализованъ относительно возможности подать Горнему Дубняку своевременную помощь. Впрочемъ, часовъ около пяти по полудни, плевненскіе турки попытались-таки сдѣлать нѣкоторую рекогносцировку въ направленіи софійскаго шоссе. Въ означенное время, на гребнѣ высоты, лежащей противъ тренинской возвышенности, занятой тремя батальонами изъ отряда генерала Бремзена, появилась вдругъ колонна турецкой пѣхоты съ артиллеріею. Постоявъ нѣкоторое время на гребнѣ своей высоты, непріятель пустилъ двѣ-три гранаты въ направленіи медованскаго кургана, на которомъ присутствовалъ Великій Князь Главнокомандующій; неизвѣстно, что именно было ихъ цѣлію: медованскій ли курганъ, позиція ли волынцевъ, или же тренинская позиція трехъ батальоновъ Бремзеновскаго

отряда, такъ какъ гранаты ни до кургана, ни до волынцевъ не долетѣли, а легли на склонѣ тренинской возвышенности, позади позиціи трехъ батальоновъ, не причинивъ впрочемъ никакого ущерба. Наши послали въ отвѣтъ тоже одну или двѣ гранаты, но этимъ и ограничилось все дѣло: турки ушли обратно въ Плевну.

Въ началѣ шестаго часа Его Высочество оставилъ медованскій курганъ и отправился въ селеніе Боготъ, куда съ 12-го октября переведена главная квартира. Начиная отъ каракіойскаго спуска, мы возвращались уже по другой дорогѣ, а именно по Ральевскому ущелью, которое составляетъ собственно вѣтвь ущелья Каракіойскаго. Вѣтвь эта тянется на нѣсколько верстъ, и узкая дорога, пролегающая по дну ея, неудобна на столько, на сколько это возможно лишь въ Турціи: глубокія рытвины, ямы, обсыпи, бугры и провалы встрѣчаются чуть не на каждомъ шагу, да кромѣ того приходится разъ двѣнадцать, по крайней мѣрѣ, пересѣкать въ бродъ кремнистое русло рѣчки, которая, какъ змѣя, причудливо извивается по оврагу. .По обѣ стороны ущелья, какъ стѣны, высятся отвѣсныя каменныя глыбы, къ которымъ подступы обильно покрыты мѣстами кустарникомъ и деревьями, что̀ придаетъ много красоты суровому пейзажу. Когда мы втянулись въ ущелье, вечеръ совсѣмъ уже стемнѣлъ, а это еще болѣе затрудняло движеніе. Впрочемъ, ѣхали все время довольно крупною рысью. Эскадронъ лейбъ-казаковъ шелъ въ авангардѣ, часть за коляскою Главнокомандующаго, а остальные замыкали поѣздъ экипажей свиты. Луна уже взошла, но изъ глубины оврага не было ее видно, и о присутствіи ея можно лишь было догадываться по особенному свѣту темносиняго неба, на которомъ вырисовывались темныя очертанія каменныхъ глыбъ и деревьевъ, растущихъ на вершинахъ, по краямъ оврага. Но кромѣ вѣтвей и зубчатыхъ зигзаговъ скалъ, тамъ на верху иногда довольно явственно чернѣлись на фонѣ яснаго неба, насыщеннаго луннымъ свѣтомъ, своеобразные силуэты большихъ горныхъ совъ, которыя неподвижно сидѣли по карнизу съ обѣихъ сторонъ оврага и тоскливо оглашали его своимъ дикимъ непріятнымъ стономъ и гуканьемъ.

Во второй половинѣ ущелья, т. е. ближайшей къ Боготу, красиво залегаетъ довольно длинное село Ральево, надѣлен-

ное богатою растительностію. Здѣсь, благодаря потемкамъ и невозможной дорогѣ, скопились обозы 3-й гвардейской дивизіи, слѣдовавшіе къ своимъ частямъ изъ Богота. Эта масса фуръ, полуфурковъ, ящиковъ, телѣгъ и лазаретныхъ линеекъ до такой степени загромоздила узкую дорогу, что Великому Князю пришлось дожидаться почти полчаса, пока явилась какая нибудь возможность продвинуться нѣсколько впередъ и продолжать дальнѣйшій путь мимо безконечнаго ряда вытянутыхъ въ линію всевозможныхъ транспортовъ. Было уже безъ малаго десять часовъ вечера, когда Его Высочество пріѣхалъ въ Боготъ. Здѣсь, въ одномъ изъ крайнихъ дворовъ была уже поставлена юрта и около нея накрытъ на воздухѣ длинный обѣденный столъ. Великій Князь сообщилъ всѣмъ ожидавшимъ Его лицамъ объ успѣхахъ дня, и вѣсть о взятіи Горняго Дубняка была встрѣчена всеобщею радостію, какъ вѣроятное и очень возможное «начало конца» плевненской драмы.

Но не дешево обошелся намъ этотъ важный стратегическій успѣхъ. Масса турецкаго ружейнаго огня вывела у насъ изъ гвардейскаго строя 155 офицеровъ и 4,345 нижнихъ чиновъ убитыми, ранеными и контуженными *). Въ особенности

*) Считая въ этомъ числѣ общій итогъ убитыхъ и раненыхъ, также и лейбъ-гвардіи Егерскаго полка. Вотъ подробный разсчетъ убыли по каждой гвардейской воинской части:

	Убыль штабъ и оберъ-офицеровъ.				*Убыль нижнихъ чиновъ.*		
Названіе части.	Убито.	Ранено.	Контуж.	Всего.	Убито.	Ранено.	Всего.
Собственнаго Его Величества конвоя.	—	2	—	2	1	4	5
Лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка . .	1	—	—	1	—	—	—
Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка . .	—	1	—	1	1	12	13
Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.	1	6	1	8	47	235	282
Лейбъ-гвардіи Егерскаго полка . . .	7	16	3	26	?	?	935
Штаба 2-й гвард. пѣхотной дивизіи.	—	2	1	3	—	1 *)	1
Лейбъ-гвардіи Московскаго полка . .	3	13	2	18	148	545	693
Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка .	2	21	5	29	316	526	842
Лейбъ-гвардіи Павловскаго полка . .	6	13	—	19	173	551	724
Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка .	4	12	1	17	211	220	431
1-го стрѣлк. Его Величества батальона	1	3	—	4	16	71	87
2-го стрѣлковаго батальона.	—	1	—	1	17	53	70
3-го стрѣлковаго Финскаго батальона.	—	5	2	7	30	90	120

*) Топографъ штаба гвардейскаго корпуса.

чувствительна потеря начальствующихъ лицъ. Генералъ-маіоры баронъ Зеддлеръ и Розенбахъ получили тяжелыя раны въ животъ; командиръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, генералъ-маіоръ Лавровъ раненъ тоже въ животъ и на другой день къ вечеру скончался; начальникъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генеральнаго штаба полковникъ Скалонъ раненъ; командующій лейбъ-гренадерскимъ полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій получилъ двѣ раны, но не оставилъ строя; командиры отдѣльныхъ батальоновъ: гвардейскаго сапернаго, флигель-адъютантъ полковникъ Скалонъ, 1-го стрѣлковаго Его Величества, флигель-адъютантъ полковникъ Эбелингъ, 3-го стрѣлковаго Финскаго, флигель-адъютантъ полковникъ Рамзай—ранены; командиръ кубанскаго эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя, полковникъ Жуковъ раненъ пулею въ грудь навылетъ, но къ счастію не смертельно; командиры: 6-й батареи 1-й гвардейской артиллерійской бригады, полковникъ Семеновъ раненъ и 1-й батареи 2-й гвардейской бригады, полковникъ Арсеньевъ—контуженъ, причемъ послѣдній остался въ строю. Одна эта убыль начальниковъ отдѣльныхъ частей—не говоря уже объ убыли въ полкахъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ—сама по себѣ краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ о мужественной отвагѣ, съ какою командиры вели, а солдаты шли на штурмъ турецкихъ укрѣпленій. Разсказываютъ, напримѣръ, что когда подъ командующимъ лейбъ-гренадерскимъ полкомъ, Ю. В. Любовицкимъ, была убита лошадь, онъ, раненый двумя пулями, продолжалъ пѣшкомъ вести свой полкъ въ атаку. Тутъ былъ убитъ наповалъ шедшій рядомъ съ нимъ полковой барабанщикъ; тогда полковникъ Любовицкій сни-

4-го стрѣлк. Императорской Фамиліи.	1	2	2	5	6	19	25
Лейбъ-гвардіи сапернаго батальона .	—	2	3	5	4	67	71
1-й гвард. артиллерійской бригады .	—	2	—	2	2	7	9
2-й гвард. артиллерійской бригады	1	—	3	4	5	29	34
5-й гвардейской конной батареи . .	—	1	—	1	—	3	3
Итого . .	28	102	23	153	977	2,433	4,345
Кромѣ того, бригадныхъ генераловъ.	—	2	—	2			
А всего				155			
Общая убыль генералами, офицерами и нижними чинами				=4,500			

маетъ съ него барабанъ, надѣваетъ его на себя и, продолжая идти на приступъ впереди всего своего полка, самъ бьетъ ему «наступленіе»—и черезъ нѣсколько минутъ лейбъ-гренадерское знамя побѣдоносно развѣвалось уже на брустверѣ взятаго редута.

LXVI

Сдача Телиша и плѣнные въ Боготѣ

Великій Князь Главнокомандующій осматриваетъ мѣсто горно-дубняцкаго боя. — Каково было дѣйствіе нашихъ гранатъ. — Признаніе Ахмета-Хивзи-паши. — Тактика турокъ. — Турецкіе плѣнники въ Боготѣ. — Наружность Ахмета-Хивзи-паши и показанія, данныя имъ Главнокомандующему. — Интересный разговоръ Н. Д. Макѣева съ Ахметомъ-Хивзи о мусульманскихъ «добровольцахъ». — Государь Императоръ въ Боготѣ. — Новыя назначенія. — Артиллерійское дѣло 16-го октября подъ Телишемъ. — Сдача Телиша. — Лива Измаилъ-Хакки-паша. — Плѣнные турки и англичане. — Гг. Вечель и Дугласъ. — Неистовства турокъ въ Телишѣ. — Протоколъ на мѣстѣ преступленій. — Показанія гг. Вечеля и Дугласа. — Протоколъ о томъ же, составленный г. Нелидовымъ. — Турецкій имамъ. — Плѣнные офицеры въ Боготѣ. — Еще объ Измаилѣ-Хакки. — Али-эфенди, барашекъ бѣдный.

Боготъ, 20-го октября.

13-го октября, на слѣдующій день послѣ боя при Горнемъ Дубнякѣ, Главнокомандующій отправился осматривать поле сраженія и гвардейскія войска, участвовавшія въ дѣлѣ. Наши убитые большею частію были уже убраны съ поля и снесены къ нѣсколькимъ общимъ могиламъ, неподалеку отъ редута, внутри котораго похоронили всѣхъ офицеровъ, павшихъ при штурмѣ. На поляхъ оставалось еще нѣсколько неубранныхъ тѣлъ; носильщики небольшими кучками тамъ и сямъ бродили по равнинѣ, отыскивая одиночные трупы; повсюду валялись рваные подсумки, портупейные ремни, клочки одежды, пробитыя и изодранныя фуражки и множество пустыхъ патронныхъ коробокъ; иногда попадались попорченныя ружья, штыки; мѣста гранатныхъ взрывовъ обозначались опаленными яминами, въ которыхъ нерѣдко лежало по нѣскольку осколковъ; такіе же осколки и свинцовыя обливки попадались и по всему полю; мѣстами замѣтны были даже рикошетныя пу-

левыя борозды; кое-гдѣ черноватыя пятна запекшейся крови. Но вообще характеръ смерти и побоища, благодаря немедленно принятымъ мѣрамъ, успѣлъ уже на много сгладиться, такъ что собственно поле битвы не производило особенно тяжелаго впечатлѣнія. Не то было въ деревнѣ и внутри укрѣпленій. Нѣсколько обгорѣлыхъ, еще дымившихся остововъ домовъ, разрушенныя выстрѣлами стѣны, исковерканные плетни, деревья, разбитые возы и арбы, сбитый гранатою жестяной шпиль минарета, вздутые трупы лошадей и воловъ, массы разсыпанныхъ патроновъ, и цѣлые ящики съ патронами же, кучи всякаго оружія и человѣческіе трупы, трупы и трупы... Между прочимъ, въ сгорѣвшихъ шалашахъ валялось нѣсколько обугленныхъ тѣлъ, и между ними, вѣроятно, часть раненыхъ, которыхъ туркамъ некогда было убирать во время штурма. Во рвахъ валялось столько мертвыхъ, что, по мѣткому сравненію одного изъ присутствовавшихъ, груды ихъ напоминали переплетенныя между собою клубни червей-гусеницъ. Это были все турецкіе трупы, такъ какъ изъ редута, за исключеніемъ сдавшихся, ни одинъ человѣкъ не спасся бѣгствомъ. Въ громадномъ большинствѣ, на этихъ мертвыхъ замѣчались все смертельныя прикладныя и штыковыя раны. Тутъ же нѣсколько русскихъ врачей перевязывали турецкихъ раненыхъ, между которыми было сдѣлано двѣ резекціи и четыре ампутаціи. Всѣ ампутированные оказались пораженными исключительно осколками гранатъ, дѣйствіе которыхъ было таково, что—по сознанію самого Ахметъ-Хивзи-паши—*если бы мы продолжали артиллерійскій огонь еще одинъ часъ*, *то онъ вынужденъ былъ бы безусловно сдаться*, *не дожидаясь нашего штурма*, и даже въ то самое время какъ мы готовились къ приступу, онъ уже созвалъ было военный совѣтъ для рѣшенія вопроса — не положить ли оружіе.

Духъ войскъ найденъ былъ Великимъ Княземъ въ превосходномъ состояніи: люди смотрѣли бодро и весело; они были горды сознаніемъ не дешево доставшейся имъ побѣды и нетерпѣливо интересовались только однимъ: скоро ли опять пошлютъ ихъ въ дѣло. Разсказамъ объ отдѣльныхъ случаяхъ и частныхъ эпизодахъ не было конца, и между этими разсказами являлось не мало интересныхъ вещей, чѣмъ, конечно, со временемъ воспользуются полковые историки, благодаря ис-

правно и подневно ведущимся нынѣ полковымъ журналамъ. Вообще, на гвардейскихъ бивуакахъ замѣчалось общее одушевленіе. Почти всѣ офицеры запаслись, на память о боѣ 12-го октября, экземплярами взятыхъ ружей Пибоди-Мартини и магазинной системы. Но громадная масса всякаго оружія остается пока въ складахъ. Для насъ дѣйствительно важно обезоруживать турокъ какъ можно болѣе, потому что, по практикуемой ими тактической системѣ, отъ солдата вовсе не требуется ни обученія фронту, ни умѣнья правильно цѣлить и стрѣлять, и вообще ничего того, съ чѣмъ повсюду въ мірѣ привыкли соединять понятіе о настоящемъ регулярномъ солдатѣ. У турокъ совсѣмъ напротивъ: тамъ требуется *только стрѣлять* — какъ попало и куда попало — лишь бы выпускать возможно болѣе патроновъ. Въ ложементахъ турецкіе регулярные солдаты обыкновенно садятся либо спиною къ атакуемому фронту ихъ позиціи, либо же бокомъ къ своему ружью, и не цѣлясь, а часто даже и зажмуря глаза выпускаютъ себѣ патронъ за патрономъ, пока не опростается цѣлый ящикъ между каждыми двумя стрѣлками. И такъ какъ спеціально-солдатскаго обученія у нихъ нѣтъ, то и понятно, что въ ряды турецкой арміи волей-неволей загоняется всякій, могущій носить на себѣ ружье и патроны. Отъ этого-то между «регулярными» ихъ солдатами и попадается такой громадный процентъ чуть ли не пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ и шестидесятилѣтнихъ старцевъ. При такой системѣ конечно солдаты всегда и повсюду найдутся среди населенія, были бы только ружья да патроны, и вотъ потому-то намъ важнѣе всего отбирать именно огнестрѣльное турецкое оружіе и снаряды.

Въ день 13-го октября въ Боготѣ, который и безъ того всегда достаточно оживленъ, сказывалось нѣчто особенно одушевленное. Всѣ летучіе рестораны были переполнены посѣтителями, такъ какъ за маркитантскими столами сходятся люди изъ разныхъ мѣстъ, штабовъ, отрядовъ, управленій и учрежденій, и стало быть сюда стекаются источники всевозможныхъ новостей, слуховъ, боевыхъ и тыловыхъ разсказовъ. На этотъ разъ предметомъ общихъ разспросовъ и разговоровъ служило вчерашнее горно-дубняцкое дѣло. На бивуакѣ конвойнаго батальона велѣно было приготовить мѣсто для плѣнныхъ турецкихъ солдатъ, прибытіе которыхъ

ожидалось сегодня къ ночи или завтра утромъ. Для горно-дубняцкаго паши Ахмета-Хивзи была приготовлена особая киргизская юрта, а для офицеровъ—палатки и соломенные шалаши во дворѣ, занимаемомъ комендантскимъ управленіемъ.

Въ сумерки вдругъ раздались голоса: «Везутъ! везутъ!.. Плѣннаго пашу везутъ!»—и все, что̀ было въ маркитантскихъ палаткахъ и на ближайшихъ бивуакахъ, разомъ высыпало на улицу, къ воротамъ двора, занимаемаго Его Высочествомъ Главнокомандующимъ.

Дѣйствительно, отъ западнаго конца деревни приближался небольшой эскортъ гвардейскихъ уланъ Его Величества, съ пиками, взятыми на перевесъ черезъ сѣдло. Впереди ѣхалъ командиръ эскорта, поручикъ Дьяковъ, за нимъ верхомъ двое всадниковъ въ красныхъ фескахъ, горно-дубняцкій паша и его начальникъ штаба, а позади ихъ шагалъ молодой турокъ—какъ оказалось потомъ, слуга паши, слегка раненый въ руку.

Ахметъ-Хивзи-паша, одѣтый въ короткое теплое пальто изъ верблюжьяго сукна песчано-желтаго цвѣта, сидѣлъ на конѣ, что̀ называется, молодцомъ, сохраняя гордую и полную достоинства осанку. Красная феска его была сдвинута на затылокъ. На видъ это довольно плотно сложенный, средняго роста мужчина, лѣтъ около пятидесяти, съ весьма пріятными чертами лица, обрамленнаго русою бородою съ просѣдью. Типъ этого лица скорѣе славянскій, или вообще сѣверно-европейскій, но никакъ не турецкій, хотя паша и увѣряетъ, что онъ кровный и исконный турокъ. Манеры его плавны, даже довольно изящны и при общей ихъ скромности исполнены достоинства. Вообще, паша этотъ съ перваго же взгляда производитъ впечатлѣніе никакъ не отталкивающаго свойства и невольно возбуждаетъ участіе къ своему положенію военно-плѣннаго. Что же касается до̀ начальника его штаба, закутаннаго въ какую-то лисью шубейку полуженскаго покроя, то это—маленькая, черняваенькая, тщедушная личность, обращающая на себя вниманіе только своимъ положительно еврейскимъ типомъ, хотя, по увѣренію всѣхъ знающихъ его, онъ оказывается прирожденнымъ османлисомъ.

Паша Ахметъ-Хивзи не говоритъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ турецкаго. Онъ былъ очень любезно принятъ комендантомъ главной квартиры, генералъ-маіоромъ Штейномъ, проводившимъ пашу въ нарочно приготовленную для него юрту; слугѣ же его было немедленно оказано медицинское пособіе.

На слѣдующее утро, 14-го числа, паша былъ представленъ Великому Князю для необходимаго допроса, который шелъ чрезъ посредство состоящаго при Главнокомандующемъ драгомана, статскаго совѣтника Макѣева. По словамъ Ахметъ-Хивзи, у Османа-паши въ Плевнѣ находится до 60-ти тысячъ разнаго войска; большая часть черкесовъ и баши-бузуковъ уже нѣсколько недѣль выслана оттуда вонъ, какъ лишніе рты; равно высланы и жители турецкаго происхожденія, болгары же оставлены; въ началѣ сентября Ахметъ-Хивзи, въ качествѣ бригаднаго генерала, находился при войскахъ Шефкета, въ Орханіэ, а за удачный проводъ большаго транспорта въ Плевну (10-го сентября) произведенъ въ чинъ *ферика* (дивизьоннаго генерала) и назначенъ начальникомъ горно-дубнящкаго укрѣпленнаго этапа. По его словамъ, разные турецкіе транспорты, начиная съ 25-го августа, все время проходили въ Плевну партіями различной величины и послѣдній изъ нихъ, 260 повозокъ, прошелъ въ самый день боя 12-го октября, рано утромъ. Дабы уменьшить линію протяженія транспортныхъ колоннъ, турки соединяли вплотную по четыре повозки рядомъ и вели ихъ такимъ образомъ, подъ прикрытіемъ отрядовъ изъ всѣхъ родовъ оружія, отъ этапа къ этапу, избирая для одновременнаго слѣдованія двухъ параллельно идущихъ транспортовъ два пути: софійское шоссе и прибрежную видскую дорогу, выходящую на шоссе у Горняго Дубняка. Шли подводы также и со стороны Виддина. Конечно, на эти показанія не во всемъ можно полагаться и, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ относиться къ нимъ съ нѣкоторою критическою осторожностію, въ виду того, что каждому плѣнному почти всегда, болѣе или менѣе, свойственно преувеличить предъ врагомъ силы и средства своей стороны, прибавивъ къ этому иногда и нѣкоторую долю самохвальства, что̀ въ данномъ случаѣ, напримѣръ, замѣтно относительно *постояннаго* и *безпрепятственнаго* подвоза транспортовъ, какъ будто у насъ за Ви-

домъ не было ни одного кавалериста или всѣ до одного были слѣпые. Что̀ касается до злоупотребленія бѣлымъ флагомъ, то паша заявилъ, что онъ не знаетъ, было ли нѣчто подобное, а если и было, то это не болѣе какъ прискорбное недоразумѣніе; самъ же онъ не отдавалъ на это приказанія, и присовокупилъ, что вообще турецкимъ офицерамъ почти нѣтъ возможности сдерживать своихъ солдатъ при нынѣшнемъ смѣшанномъ ихъ составѣ, и особенно въ такія критическія минуты, какъ штурмъ, но что онъ, увидя продолженіе борьбы, не остановился предъ рискомъ броситься самому съ бѣлымъ флагомъ впередъ, въ самую свалку.

По окончаніи аудіенціи у Великаго Князя, паша Ахметъ-Хивзи высказалъ Н. Д. Макѣеву непритворное свое удивленіе, что «Братъ русскаго Падишаха» говорилъ съ нимъ такъ просто и ласково, и даже пригласилъ его сѣсть въ своемъ присутствіи. На вопросъ, что̀ же его въ этомъ такъ удивляетъ — паша объяснилъ, что у нихъ, въ Турціи, не только на братьевъ падишаха, но и на сердарь-экрема никто даже изъ старшихъ пашей не смѣетъ глазъ поднять, и при пріемѣ, подойдя къ сердарь-экрему для поклона, долженъ, не поворачиваясь назадъ, отпятиться къ дверямъ и отвѣчать на вопросы стоя, съ потупленною головою, а если сердарь-экремъ будетъ столь несказанно милостивъ, что пригласитъ пашу садиться, то паша можетъ присѣсть не иначе, какъ у двери, на самый кончикъ стула или табурета.

Паша провелъ въ главной квартирѣ около двухъ съ половиною сутокъ; въ это время Н. Д. Макѣевъ видѣлся съ нимъ довольно часто и, между прочимъ, имѣлъ одинъ очень интересный разговоръ. Дѣло коснулось войскъ Хедива, которыя участвовали въ войнѣ сербской и участвуютъ въ нынѣшней.

— Скажи, паша, спросилъ г. Макѣевъ, — сколько египтянъ было противъ сербовъ?

— Не менѣе девяти тысячъ, было ему отвѣтомъ.

— А теперь, у принца Гассана, въ Добруджѣ?

— Отъ восемнадцати до двадцати тысячъ, да ожидаются еще значительныя подкрѣпленія.

— Но, кромѣ того, мы знаемъ изъ своихъ источниковъ, а также изъ иностранныхъ газетъ, что есть египетскія войска

и противъ Шипки, и въ Софіи, и въ Солоникахъ, и въ Константинополѣ....

— Есть, есть, подтвердилъ паша.

— Но вѣдь Хедиву надо же еще держать наблюдательный корпусъ и противъ Абиссиніи?

— О, конечно! Это необходимо.

— А кромѣ того надо содержать гарнизоны и по крѣпостямъ, и вообще для внутренней службы?

— Да, и это необходимо.

— Но откуда же у Хедива берутся такія значительныя... даже болѣе чѣмъ значительныя силы?

Паша пожалъ плечами и отвѣчалъ уклончиво, что вамъ-де долженъ быть извѣстенъ контингентъ Египта.

— Вотъ потому-то я и спрашиваю, пояснилъ г. Макѣевъ.

Паша изподлобья посмотрѣлъ на него внимательнымъ, пытливымъ взглядомъ.

— То есть, кажется, ты хочешь спросить меня: ужъ не изъ Индіи ли они? спросилъ Ахметъ-Хивзи съ улыбкой.

— Нѣтъ, я желалъ бы только знать, откуда они берутся, отвѣчалъ Макѣевъ, — хотя, признаюсь, въ газетахъ уже не разъ приходилось наталкиваться на намеки, что, пожалуй, и изъ Индіи.

Паша улыбнулся и пожалъ плечами.

— Откуда они, я не знаю, сказалъ онъ, — знаю только, что ихъ привозятъ откуда-то въ Портъ-Саидъ и въ другія мѣста на пароходахъ какихъ-то частныхъ компаній; въ Египтѣ они получаютъ оружіе, обмундированіе и красные фесы, а затѣмъ ихъ перевозятъ въ Европу. Они по нашему не говорятъ, мы тоже не понимаемъ по ихнему, и потому не могу я сказать тебѣ, откуда они берутся. Мусульманскій міръ великъ, прибавилъ Ахметъ-Хивзи, и въ немъ, во имя пророка, тоже не мало найдется своихъ добровольцевъ, а кому нибудь и гдѣ нибудь, можетъ быть, и не безвыгодно избавиться отъ нѣсколькихъ лишнихъ тысячъ отчаянныхъ головъ, всегда готовыхъ на возстаніе.

Относительно патентованныхъ «друзей Турціи» паша не особенно выгоднаго мнѣнія, и думаетъ, что если бы не «друзья», то у Турціи никогда не дошло бы дѣло до войны съ Россіей, такъ какъ все здравомыслящее было еще до войны на сто-

ронѣ возможныхъ уступокъ русскимъ требованіямъ, которыя, по словамъ того же паши, были только требованіями справедливости и человѣколюбія. Англичане же, прибавилъ онъ, только потому и «друзья» намъ, что стерегутъ ближайшимъ образомъ, какъ бы захватить себѣ изъ турецкаго наслѣдства львиную долю *).

15-го октября главную квартиру посѣтилъ Государь Императоръ, пріѣхавшій въ Боготъ изъ Порадима, гдѣ нынѣ находится мѣсто пребыванія Его Величества. Послѣ завтрака у Великаго Князя Главнокомандующаго, Государь посѣтилъ здѣшніе госпитали, гдѣ разспрашивая лично каждаго раненаго, раздавалъ георгіевскіе кресты наиболѣе отличившимся и наиболѣе израненымъ нижнимъ чинамъ; а послѣ посѣщенія госпиталей, Его Величеству во дворѣ Главнокомандующаго былъ представленъ паша Ахметъ-Хивзи, удостоенный нѣсколькими вопросами со стороны Государя Императора, по окончаніи чего, по турецкому обычаю, онъ приблизился къ стремени Государя и почтительно коснулся края одежды Его Величества.

15-го же числа Его Высочеству Главнокомандующему угодно было назначить генеральнаго штаба полковника Паренсова начальникомъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, вмѣсто полковника Скалона, который по случаю болѣзни, происходящей отъ раны, полученной 12-го октября, отчисленъ отъ должности, съ назначеніемъ состоять при особѣ Главнокомандующаго. Въ этотъ же день полковнику барону Каульбарсу 1-му велѣно занять должность начальника штаба 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, вмѣсто полковника Шмидта, который назначенъ командующимъ лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ, вмѣсто генералъ-маіора Лаврова, умершаго отъ раны.

16-го октября наша армія подъ Плевной пріобрѣла еще одинъ, чрезвычайно важный стратегическій успѣхъ. Въ этотъ день взятъ Телишъ. Къ атакѣ этого укрѣпленнаго этапа назначены были: первыя бригады 2-й и 3-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій (полки лейбъ-гвардіи: Московскій, Гренадерскій, Литовскій и гренадерскій Императора Австрійскаго), 2-я гвардейская кавалерійская дивизія и Кавказская казачья бригада; кромѣ того, конечно, и вся артиллерія этихъ ча-

*) Кипрская конвенція краснорѣчиво подтвердила мнѣніе умнаго турка.

стей. Генералъ Гурко, основываясь на томъ, что тылъ атакующихъ будетъ теперь совершенно обезпеченъ со стороны Горняго Дубняка, и что поэтому нѣтъ надобности особенно спѣшить съ Телишемъ, рѣшилъ покончить съ нимъ исключительно посредствомъ артиллерійской канонады. Въ одиннадцать часовъ утра, 72 орудія *) охватили кольцомъ все пространство, въ которомъ лежатъ три телишевскіе редута. Фланги нашихъ батарей были прикрыты кавалерійскими частями, а полки Московскій и лейбъ-Гренадерскій заняли полукружную позицію впереди нашихъ пѣшихъ орудій (поставленныхъ на склонахъ отлогихъ возвышенностей, по которымъ проходитъ софійское шоссе), тыломъ къ Горнему Дубняку и Чирикову. Предварительно двѣ роты гвардейскихъ саперъ успѣли помочь имъ быстро выкопать ложементы, и этимъ позиція нашихъ пѣхотинцевъ была вполнѣ обезпечена. Лейбъ-гвардіи Литовскій и гренадерскій Императора Австрійскаго полки стали въ резервѣ. Правый флангъ занимала 5-я гвардейская конная батарея, подъ прикрытіемъ лейбъ-гусаровъ, имѣя назначеніе дѣйствовать по расположенному отдѣльно укрѣпленному лагерю; а съ юго-запада, т. е. со стороны Орханіэ, по сторонамъ шоссе расположилась Кавказская бригада, выдвинувъ впередъ свою артиллерію. Пространство же между кавказцами и пѣхотными ложементами занято было остальными гвардейскими кавалерійскими полками и ихъ батареями. Въ то же время, дабы отвлечь отъ Телиша вниманіе плевненскаго гарнизона, сводно-кавалерійскій корпусъ (изъ Семеретъ-Трестеника) и отрядъ генералъ-маіора Чернозубова (изъ Митрополья) предприняли демонстративныя дѣйствія противъ Дольняго Дубняка.

Въ началѣ 12-го часа наши орудія открыли сильный и сосредоточенный огонь по укрѣпленному Телишу. Турки отвѣчали. Для ихъ ружейнаго огня не было мѣста, такъ какъ пули не достигали до линіи нашей артиллеріи, къ тому же нѣкоторыя батареи и пѣхота успѣли наскоро окопаться, чтобы не терпѣть даже и отъ случайныхъ пуль. Между тѣмъ наши залпы безпрестанно посылали по 72 снаряда во внутрь турецкихъ редутовъ. Особенно губительно

---

*) 4 конныя и 6 пѣшихъ батарей.

было дѣйствіе шрапнели, хотя плѣнный Ахметъ-Хивзи-паша и увѣрялъ при допросѣ, что наиболѣе пораженій наносятъ наши обыкновенныя гранаты, а шрапнель будто бы дѣлаетъ много треску, много эффекта, но мало вреда. Практика надъ Телишемъ показала совсѣмъ противное: если губительна простая граната, то несравненно болѣе ея губительна удачно разорвавшаяся шрапнель. Къ полудню турецкій огонь ослабѣлъ уже весьма значительно, а съ часу дня умолкъ совершенно.

Около этого времени конные баши-бузуки и черкесы попытались было уйдти изъ Телиша по направленію къ Орханіэ, но лейбъ-уланы, замѣтивъ это, кинулись на нихъ въ атаку, настигли, набросились и изрубили болѣе полутораста всадниковъ; остальные, убѣгая далѣе, навели преслѣдующихъ улановъ на пѣхоту. Наши кавалеристы, встрѣченные ружейнымъ огнемъ, порубили и стрѣлковъ непріятельскихъ. При этомъ были ранены штабсъ-ротмистры: Сафоновъ, Яфимовичъ и корнетъ Жандръ. Корнету Ухову прострѣлена верхняя губа, но онъ остался во фронтѣ. Изъ нижнихъ чиновъ четверо убиты и десять ранены, большею частію штыками.

Убѣдясь, что турки прекратили огонь, генералъ Гурко подалъ и нашей артиллеріи отбой и послалъ въ Телишъ корнета князя Церетелева съ переводчикомъ и шестью плѣнными турками, изъ числа взятыхъ въ Горнемъ Дубнякѣ. Князь Церетелевъ былъ снабженъ письмомъ на турецкомъ и французскомъ языкахъ, въ которомъ заключалось предложеніе сдаться. На встрѣчу нашему парламентеру выѣхалъ изъ редута начальникъ штаба телишевскаго отряда и, переговоривъ съ нимъ, поскакалъ самъ къ генералу Гурко, стоявшему въ лощинѣ близъ шоссе. Цѣлью этого посѣщенія было желаніе узнать условія капитуляціи. Генералъ Гурко объявилъ, что если черезъ полчаса не будетъ положено оружіе, то онъ возобновитъ бомбардировку и не прекратитъ ее, пока въ Телишѣ ни насыпей, ни камня на камнѣ не останется, и тогда уже ни одного человѣка не выпуститъ оттуда; въ случаѣ же немедленной сдачи, обѣщаетъ всѣхъ желающихъ, по сложеніи оружія, отпустить на свободу. Послѣднее льготное условіе прибавлено потому, что для насъ важенъ былъ самый Телишъ, какъ стратегическій пунктъ, а вовсе не

тысяча-другая лишнихъ плѣнныхъ. Турецкій офицеръ тотчасъ же поскакалъ назадъ, и не прошло десяти минутъ послѣ того, что онъ скрылся за бруствером редута, какъ турки уже выкинули бѣлый флагъ. Въ отвѣтъ на это, поле огласилось побѣднымъ «ура» русскихъ войскъ, для которыхъ столь значительный успѣхъ стоилъ потери *одного* лишь человѣка убитымъ въ пѣхотѣ, и пятнадцати раненыхъ осколками.

Опытъ научилъ насъ теперь, какъ слѣдуетъ сражаться съ турками. Довольно уже русскіе солдаты гибли жертвами своей храбрости! Турки, сидя за своими укрѣпленіями, обсыпаютъ массами пуль все пространство боеваго поля, не рискуя сами ничѣмъ, пока надъ ихъ головами не сверкнутъ наши штыки съ высоты ихъ же собственныхъ брустверовъ; тогда они перебѣгаютъ въ слѣдующій ложементъ и опять начинаютъ лить свинцовый дождь на атакующихъ. Мы убѣдились, что противъ этого шальнаго, безшабашнаго огня надо дѣйствовать не пулями, а мѣткимъ сосредоточеннымъ огнемъ артиллеріи, въ которой, кстати сказать, мы имѣемъ значительное количественное превосходство надъ противникомъ. Первый опытъ такого дѣйствія былъ сдѣланъ надъ Телишемъ, и послѣ двухчасовой канонады далъ блистательные результаты.

Въ исходѣ условнаго получаса, начальникъ гвардейской артиллеріи, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Бревернъ подъѣхалъ къ телишевскому редуту. Турки въ это время внутри укрѣпленія слагали въ кучи свое оружіе и просили дать имъ отсрочку еще минутъ на двадцать, дабы успѣть управиться и разобраться съ людьми и оружіемъ. Отсрочка была дана, но прошло не болѣе четверти часа, какъ изъ редута выѣхали верхомъ на тощихъ кляченкахъ паша Измаилъ-Хакки, за нимъ начальникъ штаба и свита, потомъ, отступя шаговъ на сто, шла толпа турецкихъ офицеровъ, въ числѣ до ста человѣкъ, а за нею слѣдовали въ порядкѣ, длинною колонною солдаты—таборъ за таборомъ. Батальонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка вытянулся уже цѣпью вдоль по обѣимъ сторонамъ шоссе, готовый принять и конвоировать плѣнныхъ. Къ генералу Гурко подъѣхалъ верхомъ Измаилъ-Хакки, держа у фески свою пухленькую, короткопалую

и растопыренную ладонь. На видъ—это маленькая, толстенькая фигурка съ брюшкомъ, чтó называется, карапузикъ, съ заплывшими глазками, красными одутловатыми щечками и вздернутыми къ верху щетинистыми усиками. Измаилъ-Хакки уже пожилыхъ лѣтъ, но не производитъ впечатлѣніе солиднаго человѣка. Когда онъ подъѣзжалъ къ генералу Гурко, на его лицѣ—къ удивленію всѣхъ—сіяла самая пріятная улыбка, вовсе не соотвѣтствовавшая ни обстоятельствамъ минуты, ни его личному положенію, и эта улыбка не сходила съ его физіономіи во все время объясненія, впрочемъ весьма непродолжительнаго. Начальникъ штаба еще ранѣе предварилъ генерала Гурко, что лива (бригадный генералъ) не только понимаетъ, но и говоритъ по-французски.

— Сколько у васъ орудій?—сухо и даже нѣсколько сурово спросилъ генералъ Гурко.

— Три, excellence, отвѣчалъ паша, опять приложивъ ладонь къ фескѣ.

— Сколько у васъ таборовъ?

— Семь, excellence!

— Вы немедленно отправитесь въ Горній Дубнякъ.

— Avec plaisir, excellence!

— Вотъ офицеръ, который васъ будетъ сопровождать.

— Merci, excellence!

И въ послѣдній разъ приложивъ къ фескѣ растопыренную ладонь, паша отъѣхалъ отъ генерала все съ тою же удивительною улыбкой.

Надо сознаться, впечатлѣніе онъ дѣлаетъ совсѣмъ не военное.

Покончивъ съ нимъ, генералъ Гурко пропустилъ мимо себя всѣ семь турецкихъ таборовъ, а московскій батальонъ препроводилъ ихъ вслѣдъ за пашею въ Горній Дубнякъ, гдѣ имъ былъ назначенъ первый ночлегъ. Такимъ образомъ, въ сраженіяхъ 12-го и 16-го сентября мы взяли въ плѣнъ 13 таборовъ пѣхоты, 5 эскадроновъ, 7 орудій, множество ружей и патроновъ, двухъ пашей и до двухсотъ офицеровъ.

Когда сдавшимся въ Телишѣ была предложена свобода, то громадное большинство ихъ, въ томъ числѣ и самъ лива Измаилъ-Хакки со многими офицерами, предпочли остаться у насъ въ плѣну. Судя по этому, не сладка, должно быть, турецкая военная служба, да и «дымъ отечества» тоже, надо

думать, не особенно имъ «сладокъ и пріятенъ». Какъ бы, кажись, не воспользоваться свободой, если говорятъ—ступай себѣ на всѣ четыре стороны, и даже не связываютъ при этомъ честнымъ словомъ не подымать болѣе противъ насъ оружія? Во всякомъ случаѣ, этотъ фактъ добровольнаго предпочтенія плѣна свободѣ, плѣна, сопряженнаго съ отправкою въ дальній, чуждый, невѣдомый и враждебный край,—служитъ однимъ изъ яркихъ признаковъ внутренняго разложенія Турціи даже среди ея мусульманскаго элемента. Это значитъ, что даже и мусульмане больше не вѣрятъ въ нее какъ въ государственную силу.

17-го октября въ главную квартиру привезли Измаилъ-Хакки-пашу, съ начальникомъ его штаба и нѣсколькими старшими офицерами, между которыми находятся трое англичанъ, одинъ французъ и одинъ полякъ, въ чинѣ маіора. Послѣдній состоялъ на дѣйствительной службѣ въ султанской арміи, а французско-подданный житель Перы, Лорандо, и бывшій капитанъ англійской *), нынѣ же полковникъ турецкой службы Купъ (Coope) поступили на время войны волонтерами. Мистеръ Купъ надѣлъ было на себя повязку «Краснаго Полумѣсяца» и потребовалъ, чтобы его освободили на основаніи женевской конвенціи, не считая за военно-плѣннаго; но онъ былъ уличенъ самими турками, которые заявили, что мистеръ Купъ вовсе не врачъ и не санитаръ, а волонтеръ-полковникъ, дравшійся противъ насъ какъ и прочіе. Такимъ образомъ, увертка съ повязкою «Краснаго Полумѣсяца» не послужила ни къ чему мистеру Купу, который впрочемъ, будучи уличенъ, продолжалъ наперекоръ всѣмъ свидѣтельствамъ настаивать, что турки врутъ, врутъ всѣ поголовно, изъ ненависти къ нему, какъ къ христіанину и англичанину. Послѣдній аргументъ особенно хорошъ со стороны добровольнаго ратоборца ислама. Взятые вмѣстѣ съ нимъ двое молодыхъ людей, тоже съ нарукавными повязками «Краснаго Полумѣсяца», дѣйствительно оказались врачами, или если и не вполнѣ врачами, то все же людьми, умѣющими промывать раны, накладывать пластыри и повязки. Для удостовѣренія въ ихъ искусствѣ, имъ было предложено сдѣлать въ боготскомъ лазаретѣ, въ присутствіи нашихъ врачей, нѣсколько перевязокъ раненымъ туркамъ,—

*) 7-го стрѣлковаго полка.

и этотъ экзаменъ далъ удовлетворительные результаты, вслѣдствіе чего молодые люди, гг. Вечель (Wachell) и Дугласъ (Douglas), какъ служащіе дѣлу человѣколюбія, были оставлены на свободѣ, при главной квартирѣ, для пользованія раненыхъ турецкихъ плѣнныхъ. 18-го октября оба они были представлены Великому Князю и удостоились ежедневнаго приглашенія къ завтракамъ и обѣдамъ Его Высочества. Они проѣхали отъ Константинополя до Телиша и за весь этотъ путь, начиная отъ Стамбула, видѣли *только трехъ* русскихъ плѣнныхъ на турецкихъ этапахъ, и эти плѣнные, какъ сказывали имъ турки, были будто бы офицеры. Сверхъ этихъ трехъ несчастныхъ, они не только не встрѣчали, но свидѣтельствуютъ, что даже и не слыхали, чтобы были какіе-либо другіе наши плѣнные у турокъ. Трехъ же офицеровъ, перетитулованныхъ, для пущей важности, въ «русскихъ пашей», турки препровождали этапнымъ порядкомъ въ Стамбулъ на показъ, какъ диковинку; но остальныхъ, какъ говорятъ сами турки, они просто despatch прирѣзываютъ, чтобы избавить себя отъ лишней возни, а плѣнныхъ отъ лишней тоски и скуки. Тѣ же два англичанина говорятъ, что къ удивленію своему, вовсе не встрѣтили въ массѣ турокъ того сочувствія къ «дружественной имъ англійской націи», какого они въ правѣ были ожидать отъ этого «неблагодарнаго народа»; турецкія власти прямо-де и не однократно заявляли имъ, что турки не нуждаются въ англійскихъ медикахъ, а нужны имъ англійскія деньги и англійскіе солдаты. Между прочимъ, гг. Вечель и Дугласъ разсказываютъ, что снаряды, которыми снабжена наша гвардейская артиллерія, производятъ ужасающее дѣйствіе—они будто-бы разрывали на куски турецкихъ солдатъ, находившихся въ траншеяхъ, и что весь телишевскій штабъ удивлялся, зачѣмъ это намъ понадобилось штурмовать Горній Дубнякъ, неся чрезъ то громадныя и совершенно напрасныя потери въ рядахъ отборнѣйшихъ своихъ войскъ, когда мы могли преспокойно и гораздо короче покончить съ нимъ одною лишь канонадою, какъ покончили съ Телишемъ. На другой день по взятіи Телиша, 19-го октября утромъ, туда явились команды лейбъ-егерей съ нѣсколькими своими офицерами и священникомъ, для преданія землѣ, по православному обряду, товарищей, павшихъ здѣсь на штурмѣ 12-го числа. Тщательно

обыскавъ все селеніе, они нигдѣ не нашли въ немъ ни одного живаго раненаго; трупы же русскихъ оказались сложенными въ небольшіе ряды, около самаго редута, и слегка засыпаны землею. Когда ихъ отрыли для погребенія — ужасное, потрясающее зрѣлище предстало предъ глазами присутствовавшихъ: всѣ тѣла были звѣрски изуродованы. Вотъ протоколъ, составленный и подписанный тогда же, на мѣстѣ, нижеслѣдующими лицами:

«Мы, нижеподписавшіеся, прибывъ на поле битвы, для уборки тѣлъ убитыхъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка въ дѣлѣ 12-го октября, подъ деревнею Телишемъ, нашли: Всѣ тѣла обобраны до-нага, сняты даже металлическіе кресты. Многіе трупы были страшно обезображены; а когда отрыли трупы, слегка забросанные турками землею, то всѣ они оказались обезображенными еще хуже. Многіе, имѣвшіе во время дѣла не смертельныя раны, были послѣ сильно истязуемы и дорубливаемы, такъ что на многихъ было до десяти сабельныхъ ударовъ, или съ перерѣзанными горлами. Всѣ имѣвшіе галуны и считаемые турками за начальниковъ—замѣтно получали бóльшія истязанія: имъ вырубливали на головѣ крестъ и вырѣзывали ремни, вмѣсто галуна, и вообще, какъ видно, мучили еще живыхъ, что̀ свидѣтельствуетъ отпечатокъ страданій, оставшійся на лицахъ. Нѣтъ возможности описывать всѣ безобразія, произведенныя турками; довольно перечислить слѣдующіе факты:

1) Встрѣчались трупы съ отрубленными головами, руками и ушами.

2) На многихъ были вырѣзаны ремни, на груди сдѣланы турецкія надписи и даже вырублены цѣлые бока.

3) Сожженные бока, руки и ноги.

4) На головахъ у многихъ вырублены саблями кресты.

5) Многіе были съ перерѣзанными горлами, и большинство изсѣчено безчисленными сабельными и штыковыми ударами.

«О всемъ вышеизложенномъ свидѣтельствуемъ, какъ очевидцы, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка: поручикъ Мачихинъ, штабсъ-капитанъ Перепелицынъ 1-й, Австрійскаго полка поручикъ Семеновъ, командиръ 1-й бригады 3-й гвардейской дивизіи, генералъ-маіоръ Философовъ, лейбъ-гвардіи Уланскаго полка корнетъ Шильдбахъ, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка подпору-

чикъ Тигерстедтъ, флигель-адъютантъ капитанъ Богаевскій, поручикъ Демьяненковъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка священникъ Евстафій Крюковъ, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка младшій врачъ Ѳаворскій, художникъ В. В. Верещагинъ, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Струковъ. 17 октября 1878 года, с. Телишъ».

Первое извѣстіе объ этихъ ужасахъ привезъ въ главную квартиру ординарецъ Главнокомандующаго, лейбъ-уланскаго полка поручикъ Дерфельденъ 2-й, и указалъ на находившихся здѣсь же двухъ англійскихъ врачей, какъ на вѣроятныхъ свидѣтелей турецкой расправы съ ранеными. Тогда г-дъ Вечеля и Дугласа пригласили въ полевое комендантское управленіе, и здѣсь, 19-го октября, въ присутствіи коменданта генералъ-маіора Штейна и ординарцевъ Его Высочества поручика Дерфельдена и корнета Галла, директоръ дипломатической канцеляріи Главнокомандующаго, камергеръ Нелидовъ, по приказанію Великаго князя, предложилъ г-мъ Вечелю и Дугласу вопросъ: видѣли ли они лично въ Телишѣ обезображенные трупы русскихъ убитыхъ и раненыхъ, о которыхъ донесъ Великому Князю прибывшій изъ Телиша поручикъ Дерфельденъ?

Г-да Вечель и Дугласъ съ полною искренностію разсказали, что 12-го (24-го) октября они прибыли въ селеніе Луковицу, но далѣе—въ Телишъ слѣдовать не могли, такъ какъ въ этотъ день тамъ шло сраженіе. Пріѣхавъ туда на слѣдующее утро (13-го числа), они немедленно занялись перевязываніемъ турокъ, раненыхъ наканунѣ. Живыхъ раненыхъ изъ числа русскихъ не видѣли. Послѣ обѣда они хотѣли было обратиться къ пашѣ Измаилу-Хакки за позволеніемъ осмотрѣть поле битвы, но паша въ это время спалъ, а потому разрѣшеніе было имъ дано однимъ изъ старшихъ турецкихъ офицеровъ. Г-да Вечель и Дугласъ отправились на поле въ-пятеромъ, съ докторомъ Макъ-Келларомъ (врачомъ лондонскаго госпиталя св. Ѳомы), капитаномъ англійской службы Купомъ и французско-подданнымъ жителемъ Перы г. Лорандо. Они успѣли освидѣтельствовать не болѣе 50 или 60 русскихъ труповъ, но видѣли ихъ гораздо больше. Впрочемъ, г. Лорандо не хотѣлъ останавливаться надъ тѣлами, боясь навлечь на себя этимъ неудовольствіе турокъ. Почти всѣ русскія тѣла были раздѣты до-нага; лишь на весьма немногихъ оставались совершенно

разорванные остатки окровавленныхъ рубашекъ. Первое, что поразило г-дъ Вечеля и Дугласа съ товарищами, былъ видъ нашего солдата съ отрубленною головою. Далѣе были трупы съ изрубленными въ разныхъ мѣстахъ лицами; у многихъ были отрѣзаны носы, у другихъ уши, у пяти или шести головы совершенно отрублены. Болѣе прочихъ пощажены были только убитые наповалъ, т. е. такіе, раны которыхъ носили безусловно смертельный характеръ. Эти трупы, большею частію, оказались только обобранными и раздѣтыми. Получившіе же во время боя легкія не смертельныя раны, были почти всѣ до одного обезображены. Два трупа лежали съ выжженными животами. У многихъ виднѣлось по нѣскольку пистолѣтныхъ ранъ, нанесенныхъ очевидно въ упоръ, такъ какъ окраины каждой подобной раны явно были обожжены порохомъ. Докторъ Макъ-Келларъ былъ до такой степени пораженъ и возмущенъ этимъ зрѣлищемъ, что не захотѣлъ долѣе оставаться съ турками и уѣхалъ изъ Телиша, съ намѣреніемъ возвратиться въ Англію *). Г-да же Вечель и Дугласъ должны были остаться, такъ какъ имъ было приказано президентомъ общества «Краснаго Полумѣсяца» находиться въ Телишѣ для ухода за ранеными, ожидавшимися отъ слѣдующей атаки. Чрезъ посредство г. Лорандо, они обратились къ турецкому офицеру съ вопросомъ, какъ могли быть допущены подобные ужасы? Тотъ отвѣчалъ, что удержать отъ этого солдатъ нѣтъ никакой возможности, и что, кромѣ того, немедленно по окончаніи сраженія явились на поле черкесы и баши-бузуки, которые принялись обирать и уродовать раненыхъ. Г. Вечель говоритъ, что онъ дѣйствительно встрѣтилъ на пути въ Телишъ толпы черкесовъ и баши-бузуковъ, которые везли на нагруженныхъ до-нельзя лошадяхъ разное имущество, ограбленное съ нашихъ раненыхъ и убитыхъ. Между тѣмъ, всѣ эти ужасы несомнѣнно должны были происходить на глазахъ турецкихъ офицеровъ, потому что нѣкоторые обезображенные трупы лежали всего лишь шагахъ въ пятидесяти отъ батареи; впереди же ихъ находилась турецкая цѣпь. Начальникъ от-

*) Корреспондентъ газеты «Times» въ письмѣ изъ Татаръ-Базарджика отъ 11-го октября подтверждаетъ ужасающія подробности о жестокостяхъ, совершонныхъ турками въ Телишѣ, и свидѣтельствуетъ, что «сами турки не отвергаютъ подобныхъ звѣрствъ и даже не думаютъ оправдываться въ нихъ».

ряда «Краснаго Полумѣсяца», отправленнаго къ Плевнѣ, докторъ Саррель изъ Константинополя, привезшій въ Телишъ г-дъ Вечеля и Дугласа, говорилъ имъ, что онъ тоже былъ въ этотъ самый день (13-го) утромъ на полѣ битвы и видѣлъ русскихъ раненыхъ раздѣтыми. Что же касается обезображенныхъ труповъ, то на счетъ этого г. Саррель умалчиваетъ... Всѣ тѣла русскихъ, павшихъ 12-го октября, насколько извѣстно г-мъ Вечелю и Дугласу, были зарыты 14-го числа.

Составленный обо всемъ этомъ и переведенный на англійскій языкъ формальный актъ, подписанъ г-ми Вечелемъ и Дугласомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и камергеромъ Нелидовымъ, комендантомъ дѣйствующей арміи генералъ-маіоромъ Штейномъ, лейбъ-гвардіи Уланскаго полка поручикомъ Дерфельденомъ и лейбъ-гвардіи Коннаго полка корнетомъ Галломъ.

Между плѣнными находится одинъ имамъ, который, какъ правдивый человѣкъ, вполнѣ подтвердилъ телишевскія неистовства, и когда при этомъ у допрашивавшаго лица невольно вырвался упрекъ туркамъ за ихъ звѣрства, имамъ отвѣчалъ спокойно, съ видомъ глубокаго убѣжденія:

— Коранъ такъ повелѣваетъ.

— Но вѣдь вы должны соблюдать законы международнаго права, возразили ему.

— Коранъ не знаетъ ихъ, отвѣчалъ онъ.

— Однако же, вы присоединились къ женевской конвенціи?

— Коранъ ни слова не говоритъ объ этомъ.

Таковъ былъ послѣдній отвѣтъ имама, который, судя по его благодушному виду и спокойному характеру, даже вовсе не производитъ впечатлѣнія человѣка фанатическаго *).

---

*) Корреспондентъ «Daily News», описывая военныя дѣйствія, происходящія подъ Плевною, и упоминая объ истязаніяхъ, которымъ подвергаютъ турки русскихъ раненыхъ, и объ умерщвленіи ими плѣнныхъ въ то время, какъ съ турецкими плѣнными обращаются въ Россіи почти какъ съ собственными солдатами, задаетъ себѣ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ, на который самъ же и отвѣчаетъ: «Если бы во время франко-германской войны, французы убивали всѣхъ попавшихся въ ихъ руки раненыхъ и не раненыхъ нѣмцевъ, то какая участь постигла бы французскихъ офицеровъ и солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ нѣмцами? Всѣ офицеры были бы преданы военному суду и разстрѣляны, или можетъ быть повѣшены за убійство; та же участь постигла бы каждаго десятаго человѣка изъ солдатъ. Вся Европа, не исключая и

Плѣнные офицеры, все время, что они находились въ Боготѣ, получали пищу отъ стола Великаго Князя, и вообще ихъ старались содержать, по возможности, удобно. Если имъ приходилось спать въ палаткахъ, испытывая сырость и ночной холодъ, то и сами мы помѣщались не лучше: Великій Князь Главнокомандующій жилъ въ такой же юртѣ, какъ и его плѣнные паши и, стало быть, ни турки, ни ихъ друзья добровольцы-англичане не могли быть на насъ въ претензіи за нѣкоторыя неудобства, которыя имъ приходилось испытывать: á la guerre comme à la guerre! Англичане, впрочемъ, кажись, не особенно сѣтовали, такъ какъ у насъ имъ было несравненно лучше, чѣмъ у турокъ. Мистера Купа вмѣстѣ съ пашами, польскимъ маіоромъ и французскимъ волонтеромъ дня черезъ два-три отправили въ Россію, а господа Вечель съ Дугласомъ и нѣсколько турецкихъ офицеровъ, еще недѣли двѣ, если не больше, оставались въ Боготѣ. Не малое развлеченіе нашимъ боготскимъ конюхамъ, деньщикамъ и солдатамъ ежедневно доставляли эти два джентльмена. Каждое утро, возставъ отъ сна и умывшись, они выходили изъ своей палатки на воздухъ, въ шерстяныхъ фуфайкахъ и такихъ же нижнихъ панталонахъ, плотно облегавшихъ ихъ благородныя формы, становились одинъ противъ другаго въ гимнастическихъ позахъ и, по командѣ, подаваемой другъ другу, съ увлеченіемъ принимались продѣлывать разныя гимнастическія штуки: прыжки, выгибы, кувыркапія, вскакиванія одинъ другому на плечи и т. п.—словомъ, всѣ фокусы, какіе въ любомъ циркѣ изображаютъ ученые клоуны. И надо отдать имъ справедливость: они продѣлывали всѣ эти хитрыя, головоломныя штуки съ искусствомъ и ловкостью истинныхъ клоуновъ, ни мало не смущаясь толпой окружавшихъ ихъ зрителей, которые каждое утро сходились поглазѣть на эту «камедь» и, что̀ называется, животики надрывали со смѣху. Эти гимнастическія упражненія были причиною того, что почти во всемъ офицерскомъ населеніи Богота сложилось убѣжденіе, пущенное, первоначально какъ слухъ, кѣмъ-то изъ служащихъ въ комендантскомъ управленіи, что господа Вечель и Дугласъ соб-

---

туркофиловъ, рукоплескала бы подобному образу дѣйствій германскихъ властей, а главное—французы перестали бы убивать раненыхъ и плѣнныхъ».

ственно не медики, а бывшіе клоуны константинопольскаго цирка, которые въ началѣ войны были завербованы членами мѣстнаго англійскаго комитета въ общество «Краснаго Полумѣсяца», подучились кое-какъ дѣлать перевязки и затѣмъ, въ качествѣ фельдшеровъ, отправлены къ Осману въ Плевну, куда впрочемъ не попали, а остались въ Телишѣ. Такъ ли это, или не такъ, но во всякомъ случаѣ, оба они замѣчательные мастера въ клоунскомъ искусствѣ.

Измаилъ-Хакки-паша продолжаетъ быть все такимъ же счастливымъ смертнымъ, какъ и въ минуту своей сдачи. Онъ все также вѣчно улыбается, часто смѣется, иногда даже безъ всякаго къ тому повода; любитъ хорошо и много поѣсть, мягко и много поспать, а еще болѣе выпить, не смотря на запрещеніе Корана и, кажется, очень и очень доволенъ своею судьбою, что наконецъ-то попалъ въ плѣнъ къ русскимъ. «Если сдался мой начальникъ, Ахметъ-Хивзи-паша, говоритъ онъ въ свое оправданіе,—если ужъ онъ нашелъ нужнымъ сдаться вамъ въ Горнемъ Дубнякѣ, то я не знаю, почему же было и мнѣ не капитулировать?... Подчиненный всегда и во всемъ долженъ брать примѣръ съ хорошаго начальника, а Ахметъ-Хивзи (да хранитъ его Аллахъ!) самый достойный изъ достойнѣйшихъ! Мы, какъ подчиненные, обязаны были слѣдовать его разумному примѣру. Этого требовала даже самая дисциплина».

И кто его знаетъ, этого толстяка Измаила-Хакки,—не то онъ смѣется, не то серьезно говоритъ подобныя вещи. Но малый онъ себѣ на умѣ, и это по всему видно. Не въ обиду ему будь сказано,—онъ представляется мнѣ какою-то смѣсью Фальстафа съ гоголевскимъ помѣщикомъ Пѣтухомъ, на чисто турецкой закваскѣ. Вслѣдствіе кое-какого знанія французскаго языка, онъ считался въ Стамбулѣ «европейски» образованнымъ человѣкомъ и, въ качествѣ таковаго, занималъ почти исключительно «штатскія», но разумѣется, не безвыгодныя должности по гражданской администраціи и чуть ли не по таможенной части. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ помнится изъ пересказовъ людей, которые вели съ нимъ бесѣды.

Но между всѣми плѣнными турецкими офицерами нашелся одинъ особенно милый человѣкъ, котораго нельзя было не полюбить; и дѣйствительно, его полюбили всѣ, кто приходилъ

съ нимъ въ какое-либо соотношеніе. Это былъ почтенный старичекъ лѣтъ подъ семьдесятъ, съ чрезвычайно благодушнымъ выраженіемъ лица, въ которомъ просвѣчивалъ умъ, но такой безхитростный, беззлобный, какъ бы совершенно дѣтскій. Звали его Али-эфенди и носилъ онъ скромный чинъ «колъ-агасы», т. е. капитана. Я часто навѣщалъ его, вмѣстѣ съ Н. Д. Макѣевымъ или съ ротмистромъ Чайковскимъ, который отлично говоритъ по-турецки, бывши самъ нѣкогда маіоромъ турецкой службы *). Войдешь, бывало, согнувшись въ три погибели, въ его шалашикъ—Али-эфенди такъ и просіяетъ. Скучно ему, бѣднягѣ, сидитъ себѣ день-деньской на коврикѣ, поджавъ подъ себя ноги, и слова сказать ему не съ кѣмъ, такъ какъ двое товарищей его большую часть сутокъ проводятъ въ непробудномъ снѣ, а онъ между тѣмъ человѣкъ общительный, живой, поболтать любитъ—ну, и радъ случаю. Сейчасъ отдастъ «селямъ», приложивъ руку ко лбу, ко груди и къ губамъ—дескать, разумъ, сердце и уста—все благоухаетъ почтеніемъ и привѣтствіемъ входящему съ миромъ. Взяли его, несчастнаго, въ одномъ форменномъ мундирчикѣ; ни укрыться, ни одѣться чѣмъ нибудь теплымъ—ничего этого нѣтъ у него, а ночи сырыя, да холодныя.

— Али-эфенди, гдѣ же твой багажъ, барашекъ ты бѣдный? еще въ первый нашъ визитъ спросилъ его Н. Д. Макѣевъ.

— Былъ багажъ, былъ, мой паша; хотя и не большой, но былъ; фуфайка теплая была, кожушекъ, одѣяльце байковое—все это было... было, мой паша, было... и табакъ былъ, а теперь нѣтъ ничего... исчезло... Иншаллахъ!.. (Божья воля)!

— Куда же и какъ это могло исчезнуть?...

— Иншаллахъ, мой паша!... Стыдно сказать, какъ и когда это было... стыдно, совѣстно...

— Неужели изъ нашихъ кто нибудь покорыствовался! спросилъ я чрезъ посредство Николая Дмитріевича, самъ покраснѣвъ отъ одной мысли о возможности чего-либо подобнаго.

---

*) Ротмистръ 2-го лейбъ-уланскаго Курляндскаго полка Чайковскій—сынъ бывшаго польскаго эмигранта М. Чайковскаго (Садыкъ-паши), нѣкогда сформировавшаго въ Добруджѣ турецкую казачью бригаду. Раскаявшись, онъ просилъ у Государя помилованія, которое и получилъ, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ возвратиться въ Россію. М. Чайковскій извѣстенъ и въ нашей литературѣ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! рѣшительно возразилъ старикъ,—нѣтъ, мой паша! Передай этому цвѣтущему и достопочтенному моему гостю (т. е. мнѣ), что я и ни одной минуты не мыслилъ ничего дурнаго на русскаго аскера... Нѣтъ, русскій аскеръ—честный аскеръ, равно какъ и турецкій аскеръ—тоже честный аскеръ; но, къ стыду и несчастію, у насъ есть воры; это—черкесы. Я—Божьею волею—капитанъ артиллеріи и во время боя находился на батареѣ при моихъ орудіяхъ, гдѣ и оставался до конца дѣла... Тутъ лива Измаилъ-Хакки собралъ къ себѣ на совѣтъ офицеровъ, что надо, молъ, сдаваться, какъ быть? А въ это самое время черкесы, прослышавъ, что дѣло идетъ о сдачѣ, пустились шарить по нашимъ землянкамъ и шатрамъ и, пока мы совѣщались у Измаила-Хакки, эти негодяи все, какъ есть все, пограбили у насъ, даже изранивъ при этомъ кинжалами многихъ изъ нашихъ слугъ, и удрали... удрали вонъ изъ Телиша... Но, мы уже здѣсь, въ Боготѣ, слышали, что они получили достойное возмездіе отъ уланъ гвардіи вашего падишаха.

Мы, общими усиліями, кое-какъ справили для бѣднаго старичка-капитана теплую фуфайку, шерстяные чулки, коврикъ, да одѣяло, а кромѣ того подарили ему фунта три табаку и нѣсколько пачекъ папиросныхъ бумажекъ. И надо было видѣть, какъ онъ обрадовался, какъ былъ тронутъ до слезъ, и какъ искренно благодарилъ за всѣ эти бездѣлицы, которыя, однако, въ его положеніи, являлись вещами самой первой важности.

— О, благодарю, благодарю васъ! восклицалъ онъ, нервно пожимая всѣмъ намъ руки:—чудеса право!.. Мои враги—мои лучшіе друзья! Развѣ не чудеса это?!.. Подданные моего падишаха, мои боевые сотоварищи меня ограбили, а непріятели вдругъ снабжаютъ меня, бѣднаго старика, всѣмъ необходимымъ!.. Друзья—враги, враги—друзья! Дивныя вещи показуетъ намъ воля Аллаха! Дивныя вещи!.. И зачѣмъ, право, эта война между нами!? Зачѣмъ она?.. Міръ Божій великъ и пространенъ, и всѣмъ, всѣмъ-то есть въ немъ достаточно мѣста, не только человѣку, но и послѣдней маленькой букашкѣ, чтó ползаетъ, почти невидимая глазу, на нѣжномъ лепесткѣ розы—всѣмъ есть мѣсто, пріютъ и предназначеніе, а мы, люди, разумныя существа—мы, между тѣмъ,

воюемъ, убиваемъ другъ друга... Какая великая несправедливость! Какое ужасное зло и заблужденіе!.. Зачѣмъ все это?

Почтенному капитану возразили на это, что нашъ Государь не хотѣлъ войны, что Онъ до самаго ея объявленія изъявлялъ уступчивость до послѣдней мѣры и предѣла, отстаивая для христіанскихъ подданныхъ султана лишь ту скромную свободу существованія, какою, по его же, Али, словамъ, пользуется всякая микроскопическая букашка на лепесткѣ розы. И этой-то скудной доли свободы не хотѣли имъ дать въ Стамбулѣ, а когда букашки вздумали протестовать, то изъ Стамбула послали войска съ разными Шефкетами убивать ихъ, жечь и грабить.

Старичекъ грустно вздохнулъ и поникъ головою.

— Что до меня, проговорилъ онъ въ грустномъ раздумьи—то я никого не убивалъ и не грабилъ... Грабежъ и убійство — это не мое дѣло. Мой міръ иной. Мой міръ—поэзія и музыка... Риѳмы и звуки, звуки и риѳмы—вотъ мой міръ, господа!.. Другого я не знаю.

— О, да ты поэтъ, Али-ефенди! съ удивленіемъ воскликнулъ я.

— Да, поэтъ, а еще болѣе музыкантъ, отвѣчалъ онъ съ тихою улыбкой, когда ему перевели смыслъ моего восклицанія.

Оказалось, что нашъ старикъ—артистъ и композиторъ, что онъ умѣетъ играть на кларнетѣ, скрыпкѣ и фортепіано, и написалъ на своемъ вѣку не мало музыкальныхъ піесъ, молитвъ, романсовъ и маршей, за одинъ изъ которыхъ даже удостоился почетнаго отзыва со стороны покойнаго султана Абдулъ-Азиса. И онъ старчески-разбитымъ голосомъ началъ намъ напѣвать мотивъ этого послѣдняго марша, а потомъ сталъ декламировать какое-то стихотвореніе. Затѣмъ оказалось, что ему знакома отчасти и европейская музыка—нѣкоторыя произведенія Моцарта, Листа, Россини, Доницетти, Верди и прочихъ, преимущественно итальянскихъ композиторовъ. — «Но, отдавая всю дань достойнаго поклоненія ихъ талантамъ, говорилъ старичекъ,—я не мечталъ о подражаніи ихъ образцамъ. Напротивъ, я мечталъ о воспроизведеніи нашей собственной, народной турецкой музыки, въ которой есть, повѣрьте мнѣ, свои красоты и достоинства, которыхъ

впрочемъ Европа не знаетъ, да и знать не хочетъ... Силы мои, конечно, слабы, музыкальное образованіе далеко не достаточно—я самоучка,—но я чувствую сердцемъ, душою моею, что онѣ есть, эти красоты, и не сомнѣваюсь, что когда нибудь другой человѣкъ, несравненно болѣе меня сильный талантомъ, объяснитъ ихъ образованному міру, заставитъ понять и полюбить ихъ... Каждый народъ имѣетъ свою поэзію и музыку, и каждый народъ можетъ ими сказать міру что нибудь новое, а потому каждый народъ заслуживаетъ вниманія къ своей поэзіи и музыкѣ со стороны другихъ, болѣе образованныхъ народовъ».

Говоря это, нашъ старичекъ совсѣмъ какъ будто преобразился. Куда дѣвалась хилость и сгорбленность. Голова поднялась на плечахъ, жестъ получилъ вдругъ размашистость, голосъ окрѣпъ, зазвучалъ силою вѣры и убѣжденія, старческій взглядъ прояснѣлъ и загорѣлся, внутренняя мысль озарила собою каждый мускулъ лица; видно было, что онъ попалъ наконецъ въ свою настоящую стихію, какъ рыба въ воду, что въ этой стихіи ему просторно, привольно, что въ ней онъ *свой*, знающій и понимающій все что надо... Однимъ словомъ, въ немъ вдругъ пробудился поэтъ, сказалась чуткая артистическая натура. И какое удовольствіе бывало для него слушать музыку, когда оркестры лейбъ-казачьяго полка или 5-го сапернаго батальона играли на дворѣ во время завтраковъ и обѣдовъ у Великаго Князя!

Одинъ изъ насъ добылъ ему, кажется, у казачьяго капельмейстера, тетрадь чистой нотной бумаги и при этомъ подарилъ карандашъ и свирѣль. Старикъ былъ въ восторгѣ. Теперь онъ могъ писать свои ноты, сочинять новыя молитвы и марши, а для развлеченія играть на дудочкѣ.

— Али-эфенди, ты такъ чистъ и молодъ душою; скажи, пожалуйста, который тебѣ годъ?—спросили его однажды.

— О, вѣкъ мой дологъ подъ солнцемъ! Милостію Аллаха, уже скоро семьдесятъ.

— А сколько лѣтъ на службѣ?

— Пятьдесятъ-первый. Отъ самой юности и до сей минуты я служилъ моимъ падишахамъ (да будутъ благословенны ихъ имена!), ни разу не выходя въ отставку.

— И все въ военной службѣ?

— Все въ военной. Какой путь былъ указанъ мнѣ въ юности моимъ отцомъ (который тоже былъ воинъ), тѣмъ я и продолжалъ шествовать, не уклоняясь на другія житейскія дороги.

— Но отчего же на тебѣ такой маленькій чинъ? Ты всего только «колъ-агасы», капитанъ по нашему?

Старичекъ пожалъ плечами.

— Увы! я съ молоду никогда не былъ красивъ собою! слегка вздохнулъ онъ съ добродушною улыбкой.

На прощанье, передъ отправленіемъ въ Россію, Али-эфенди записалъ себѣ наши имена на память.

— Друзья — враги, враги — друзья! Могу ли я позабыть такое чудесное сопоставленіе! говорилъ онъ растроганнымъ голосомъ, прощаясь *).

LXVII

Дальнѣйшія дѣйствія на путяхъ сообщеній Османа

Мѣры генерала Тотлебена для полнаго обложенія Плевны. — Бѣгство Шефкета-паши и высылка изъ Плевны жителей, какъ результаты нашихъ успѣховъ 12-го и 16-го октября.— Взятіе Тетевеня 19-го октября. — Занятіе Дольняго Дубняка 20-го октября. — Осмотръ Главнокомандующимъ дольно-дубняцкой позиціи и устройство нашихъ оборонительныхъ линій за Видомъ. — 21-е октября въ главной квартирѣ и рекогносцировка лейбъ-драгунъ на врацской дорогѣ. — Посѣщеніе Государемъ Императоромъ завидскихъ позицій. — Пребываніе Государя въ Медованѣ, въ домѣ Дервишъ-эфенди. — Вѣсти изъ Плевны.—Дѣйствія 24-го октября въ Скобелевскомъ отрядѣ.—Занятіе Яблоницкаго ущелья Кавказскою бригадою и рекогносцировка лейбъ-уланъ на Рахово. — Осмотръ Государемъ Императоромъ и Главнокомандующимъ тренинской и волынской позицій 24-го октября.

Боготъ, 29-го октября.

Побѣда подъ Горнимъ Дубнякомъ, представляющая гро-

*) Гдѣ-то онъ теперь? возвратился ли по добру по здорову въ отечество, или гдѣ нибудь въ Россіи сложилъ старыя кости, унося съ собою въ могилу свои риѳмы и звуки, свои гимны и марши?..

мадную важность въ стратегическомъ смыслѣ, положила прочное начало безусловному обложенію Плевны. Осуществляя систему строгой блокады, генералъ Тотлебенъ постановилъ за непреложное правило, во-первыхъ, «неуклонно слѣдовать принятому образу дѣйствій, строго воздерживаясь отъ всякихъ частныхъ попытокъ штурма, которыя не могутъ повести къ рѣшительному результату, лишь напрасно увеличивая наши потери»; во-вторыхъ, «стѣснять по возможности линію обложенія, принимая въ то же время всѣ необходимыя мѣры для воспрепятствованія непріятелю прорвать гдѣ-либо расположеніе нашихъ войскъ». Мѣры, принятыя для сего генераломъ Тотлебеномъ, заключаются: 1) въ усиленіи всѣхъ позицій облегающихъ войскъ ложементами, траншеями, батареями, а на болѣе важныхъ пунктахъ люнетами и редутами; 2) въ сосредоточеніи артиллерійскаго огня противъ непріятельскихъ укрѣпленій, 3) въ постепенномъ приближеніи траншей и ложементовъ на такое разстояніе къ противнику, чтобы удалить, по возможности, его ружейный огонь отъ нашихъ батарей; 4) въ разработкѣ между позиціями удобныхъ дорогъ и въ постановкѣ на нихъ указателей и знаковъ, для облегченія движенія войскъ; 5) въ устройствѣ мостовъ и 6) въ проведеніи телеграфныхъ сообщеній вокругъ всей линіи обложенія. Кромѣ того, были приняты всѣ мѣры, чтобы, въ случаѣ прорыва, встрѣтить непріятеля возможно-большимъ числомъ войскъ, которыя могли бы своевременно сосредочиться на мѣстѣ, избранномъ турками для атаки; съ этою цѣлью позиціи вокругъ Плевны были раздѣлены на участки, для обороны коихъ назначено число войскъ, соотвѣтствующее протяженію и относительной важности каждаго, и всѣмъ начальникамъ участковъ заранѣе намѣчены какъ возможные случаи прорыва, такъ и соотвѣтственное стягиваніе войскъ къ угрожаемому пункту. Къ числу хорошихъ мѣръ относится также рѣшеніе не допускать болѣе на передовыя позиціи, въ особенности за Видомъ, иностранныхъ и преимущественно англійскихъ корреспондентовъ, изъ которыхъ *нѣкоторые* играли роль весьма подозрительнаго свойства, пересчитывая количество и составъ нашихъ войскъ, дѣлая кроки ихъ позицій и украдкой копируя изъ-подъ-тишка планы, во время отсутствія изъ палатки ихъ хозяевъ. Такъ случилось у Скобелева

съ полковникомъ Гавелокомъ, который и былъ накрытъ на этомъ невинномъ занятіи *).

18-го октября въ главной квартирѣ была получена телеграмма, извѣщавшая, что Шефкетъ-паша, который стоялъ съ двѣнадцатью таборами на пути въ Плевну, въ деревнѣ Радомірцахъ, бѣжалъ оттуда при видѣ показавшагося близь его сторожевыхъ постовъ сильнаго разъѣзда отъ лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго полка. Этотъ фактъ несомнѣнно былъ слѣдствіемъ нравственнаго впечатлѣнія, произведеннаго на турокъ нашими успѣхами 12-го и 16-го чиселъ. Кавалерія наша стала преслѣдовать Шефкета, и движеніе ея было настолько энергично, что турки не успѣли даже разрушить моста у Радомірцевъ, на Искерѣ, такъ что мы заняли его въ совершенной исправности.

Въ тотъ же день наши аванпосты, стоявшіе въ виду Дольняго Дубняка, замѣтили, что къ нимъ приближаются изъ Плевны какія-то пестрыя толпы, гдѣ смѣшанно двигались возы, нагруженные разнымъ скарбомъ, дѣтьми и женщинами, мужчины въ чалмахъ и фескахъ, собаки, лошади, овцы, буйволы, быки и коровы. Не доходя аванпостовъ, толпы были остановлены нашими часовыми. Оказалось, что это плевненскіе жители турецкаго происхожденія, высланные изъ города, въ качествѣ лишнихъ ртовъ, Османъ-пашою. Они не были пропущены чрезъ нашу линію и принуждены возвратиться въ Плевну. Этотъ фактъ тоже можно признать слѣдствіемъ двухъ предшествовавшихъ погромовъ, лишившихъ Плевну всякой

---

*) Вслѣдствіе этого, 29-го октября изъ полеваго штаба были отправлены слѣдующія депеши:

1) Генералу Гурко. «Объявите всѣмъ иностраннымъ корреспондентамъ, что Великій Князь не дозволяетъ имъ находиться на лѣвомъ берегу Вида; пусть немедленно вернутся оттуда. Прикажите прослѣдить за исполненіемъ этого распоряженія и сообщите для неуклоннаго руководства на будущее время всѣмъ частнымъ начальникамъ. Это запрещеніе вполнѣ относится и до англійскаго полковника Гавелока».

2) Князю Имеретинскому. «Прикажите слѣдить за англійскимъ полковникомъ Гавелокомъ, не дозволять ему осматривать наши позиціи и ни подъ какимъ предлогомъ не пускать на лѣвый берегъ Вида. Пусть живетъ въ Тученицѣ или Боготѣ; если изберетъ Тученицу, прикажите за нимъ слѣдить».

3) Генералу Карцову. «Иностранныхъ корреспондентовъ, и особенно англійскаго полковника Гавелока дальше Ловчи не пускайте и прикажите слѣдить, чтобы никто изъ нихъ не переходилъ на лѣвый берегъ Вида».

возможности новыхъ подвозовъ: пока было чѣмъ питаться, турецкихъ жителей не высылали, хотя Ахмѣтъ-Хивзи и увѣрялъ насъ въ противномъ, а чуть лишь прервали дѣйствительнымъ образомъ сношенія, они черезъ одинъ лишь день и потянулись вонъ изъ Плевны цѣлыми толпами. Но намъ, конечно, нѣтъ никакого разсчета пропускать ихъ и этимъ облегчать средства продовольствія арміи Османа, а тѣмъ болѣе, что турки въ то же время удерживаютъ въ Плевнѣ болгаръ, для производства работъ на укрѣпленіяхъ, подъ нашимъ огнемъ.

19-е октября ознаменовалось новымъ и весьма существеннымъ, въ стратегическомъ смыслѣ, успѣхомъ нашего оружія, благодаря дѣйствіямъ ловчинскихъ партизанскихъ отрядовъ, которые оперировали на Торосъ, Турскій-Изворъ и Тетевень. Послѣдняя рекогносцировка, произведенная казаками, показала, что Тетевень не только занятъ частію регулярныхъ турецкихъ войскъ, но и укрѣпленъ нѣсколькими батареями и ложементами. Между тѣмъ стратегическое его положеніе какъ пункта, прикрывающаго собою одинъ изъ важныхъ балканскихъ проходовъ, лежащихъ на пути къ Плевнѣ, необходимо требовало съ нашей стороны овладѣнія этимъ мѣстечкомъ. Генералъ Карцовъ, начальникъ сельви-ловчинскаго отряда, хорошо оцѣнилъ значеніе этого пункта, тѣмъ болѣе, что турки поспѣшили укрѣпить его; но, къ сожалѣнію, отсутствіе достаточно сильныхъ кавалерійскихъ частей лишало генерала Карцова на нѣкоторое время возможности занять Тетевень прочнымъ образомъ. Казачьи набѣги производились блистательно, но не приносили намъ никакихъ стратегическихъ выгодъ, а лишь обнаруживали съ каждымъ разомъ, что Тетевень имѣетъ для турокъ весьма немаловажное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ до генерала Карцова съ каждымъ днемъ доходили свѣдѣнія, что турецкія партіи, выходящія изъ Тетевеня въ Плевну, наполняютъ его окрестности грабежомъ болгаръ и убійствами; равнымъ образомъ новая рекогносцировка, произведенная 3-го ноября войсковымъ старшиною Антоновымъ, убѣдила, что отрядъ, охраняющій Тетевень, усилился (до 500 чел.) регулярными частями и что вокругъ мѣстечка, въ особенности съ сѣверной стороны, возведены еще новыя укрѣпленія. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ побу-

дила генерала Карцова взять, наконецъ, это мѣстечко, съ тѣмъ чтобы, занявъ его частію своего отряда, удержать за собою по возможности прочнымъ образомъ.

Съ этою цѣлію была снаряжена особая экспедиція, въ составъ которой вошли семь ротъ пѣхоты [1]), дивизьонъ казанскихъ драгунъ, пять казачьихъ сотень [2]) и взводъ донской № 19-го батареи, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Орлова [3]).

Нападеніе должно было дѣлаться съ двухъ сторонъ: отъ Траяна [4]) и отъ Ловчи [5]); но траянскій отрядъ 19-го октября въ восемь часовъ утра, подойдя къ Тетевеню съ восточной стороны, былъ нечаянно открытъ турецкимъ разъѣздомъ, который далъ знать о его приближеніи и повелъ на него непріятельскую пѣхоту, не только завязавшую съ нимъ дѣло, но и начавшую окружать его, что̀ и вынудило нашъ траянскій отрядъ къ отступленію.

Между тѣмъ ловчинскій отрядъ (флигель-адъютанта Орлова) еще наканунѣ (18-го числа) вечеромъ занялъ частью своихъ силъ гору Биволъ, въ пяти верстахъ отъ Тетевеня; 19-го октября, въ условленный часъ для одновременной атаки, туманъ былъ такъ силенъ, что даже въ десяти шагахъ ничего не было видно, и это обстоятельство вынудило флигель-адъютанта Орлова отсрочить свою атаку до полудня, а отвлеченіе части непріятельскихъ силъ на траянскій отрядъ облегчило ему нападеніе съ сѣвера. Около часу дня туманъ началъ разсѣеваться на столько, что Орловъ счелъ возможнымъ начать свое наступленіе. Впереди шли 40 охотниковъ изъ стрѣлковыхъ ротъ [6]). Всѣ передовыя пѣхотныя части

---

[1]) Роты: 1-я и 2-я стрѣлковыя и 5-я линейная 9-го пѣхотнаго Старо-Ингерманландскаго полка и 5-я, 6-я, 7-я линейныя и 2-я стрѣлковая 12-го пѣхотнаго Великолуцкаго полка.

[2]) № 24-го и № 30-го донскихъ полковъ.

[3]) Командира 2-й бригады 2-й донской дивизіи.

[4]) Чрезъ дер. Шибково, отрядомъ изъ одной сотни 30-го полка и 1-й стрѣлковой роты Старо-Ингерманландскаго полка, подъ начальствомъ войсковаго старшины Антонова.

[5]) Чрезъ м. Микре и д. Лиседру, отрядомъ изъ 6-ти ротъ, 2-хъ эскадроновъ, 4-хъ сотенъ и 2-хъ орудій, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Орлова.

[6]) Когда были вызваны охотники, то обѣ стрѣлковыя роты 9-го и 12-го пѣхотныхъ полковъ до единаго человѣка вышли впередъ.

были отданы подъ начальство Великолуцкаго полка маіора Беатера, который, не смущаясь сильнымъ огнемъ перваго укрѣпленія, мимо коего должно было ему проходить, съумѣлъ во время оцѣнить, что ключъ непріятельской позиціи составляетъ высокая гора, командующая всѣми укрѣпленіями, и двинулся въ обходъ этой позиціи. Около двухъ съ половиною часовъ солдаты его карабкались вверхъ, по страшной крутизнѣ, не останавливаясь ни на минуту и не имѣя отсталыхъ. Наконецъ, достигнувъ вершины, охотники открыли сильную перестрѣлку съ непріятелемъ, стрѣлявшимъ изъ-за бруствера редута, а стрѣлковыя роты, скрытыя туманомъ, который вновь окуталъ горы, подошли безъ выстрѣла на самое близкое разстояніе къ редуту и бросились на приступъ. 2-я стрѣлковая рота Старо-Ингерманландскаго полка въ одну минуту, совершенно неожиданно для турокъ, ворвалась въ укрѣпленіе, имѣя во главѣ своего командира, штабсъ-капитана Яковлева, который съ солдатскимъ ружьемъ въ рукахъ первымъ вскочилъ на брустверъ. Турки спѣшили бѣжать въ слѣдующій редутъ, но такъ какъ укрѣпленіе, взятое старо-ингерманландцами, господствовало надъ всѣми остальными, то наши выстрѣлы вскорѣ заставили противника бѣжать и отсюда, въ самое мѣстечко. Туманъ и сумерки лишили нашихъ стрѣлковъ возможности довершить пораженіе противника, который хотя и развелъ на своихъ позиціяхъ костры, но въ два часа ночи бѣжалъ по горнымъ тропинкамъ за Видъ, къ Карлову и Орханіэ, забравъ съ собою и всѣхъ своихъ раненыхъ, увезенныхъ—по словамъ тетевенскихъ жителей—на ста подводахъ. Рогатый скотъ, патронные ящики и шанцевый инструментъ были брошены. Это бѣгство было столь поспѣшно, что турки, противъ своего обыкновенія, не успѣли совершить надъ горожанами-болгарами ни одного звѣрства, ограничась только поджогомъ за Видомъ одной попутной деревни, которая и сгорѣла.

Стрѣлковыя роты, проведя ночь во взятыхъ укрѣпленіяхъ, окруженныхъ нашею сторожевою цѣпью, съ разсвѣтомъ двинулись впередъ, но уже не нашли непріятеля въ Тетеневѣ. Въ десять часовъ утра (20-го октября) отрядъ флигель-адъютанта Орлова вступилъ въ мѣстечко, при звонѣ чугунныхъ досокъ, замѣняющихъ колокола въ православныхъ церквяхъ

Болгаріи. Жители, съ духовенствомъ во главѣ, высыпали на встрѣчу войскамъ, вмѣстѣ съ которыми возвратились въ свои семьи нѣсколько болгаръ, находившихся въ изгнаніи, тогда какъ другіе были освобождены Орловымъ изъ темныхъ подваловъ турецкихъ тюремъ. Въ соборѣ былъ тотчасъ отслуженъ благодарственный молебенъ, и въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Тетевень, своды его храма огласились молитвою за Русскаго Царя и о дарованіи побѣды русскому войску.

Общая потеря наша заключалась въ одномъ убитомъ, 4-хъ раненыхъ и 17-ти контуженныхъ нижнихъ чинахъ. Столь ничтожную убыль полковникъ Орловъ объясняетъ тѣмъ, что, во-1-хъ, часть непріятеля была отвлечена преслѣдованіемъ траянскаго отряда, а во-2-хъ—сосредоточеніемъ турецкаго огня противъ сорока охотниковъ, которые, засѣвъ за камнями на вершинѣ горы, не понесли никакой потери; главнѣйшимъ же образомъ тѣмъ, что стрѣлковыя роты, благодаря туману, были замѣчены турками только тогда, когда безъ выстрѣла ворвались въ редутъ съ тыла. Кромѣ того, многіе обязаны спасеніемъ отъ ранъ еще и тому, что имѣли поверхъ скатанныхъ шинелей свои палатки, которыя вслѣдствіе дождя образовали собою столь плотную массу, что пули пробивали только холстъ и останавливались на шиненяхъ, или же скользили по упруго-мокрому полотну. У непріятеля убито болѣе ста человѣкъ; численность же тетевенскаго гарнизона, по точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ, простиралась до шестисотъ человѣкъ регулярной пѣхоты и полутораста регулярныхъ же кавалеристовъ. Въ настоящее время Тетевень занятъ нашимъ отрядомъ, подъ начальствомъ маіора Беатера. Занятіе этого мѣстечка важно для насъ въ томъ отношеніи, что, во-1-хъ, открываетъ намъ доступъ къ горному проходу за Балканы и, во-2-хъ, препятствуетъ туркамъ отправлять дальнѣйшія подкрѣпленія и транспорты по прибрежной видской дорогѣ къ Плевнѣ.

Между тѣмъ, послѣ взятія Телиша генералу Гурко было необходимо еще заручиться обладаніемъ ближайшаго къ Плевнѣ укрѣпленнаго пункта, какимъ является селеніе Дольній Дубнякъ, лежащее въ виду софійскаго шоссе, которое на значительномъ пространствѣ находится подъ дѣйствіемъ огня

дольне-дубняцкихъ укрѣпленій. Съ этою цѣлью гвардейская стрѣлковая бригада еще съ вечера 19-го числа была двинута впередъ, на позицію къ означенному селенію. Но передъ тѣмъ генералъ Гурко отправилъ въ Дольній Дубнякъ шесть турокъ, изъ числа взятыхъ въ плѣнъ 12-го и 16-го октября, которые сами пожелали воспользоваться дарованнымъ имъ правомъ свободы и возвратиться къ своимъ. 20-го числа утромъ, части гвардейскихъ войскъ, расположенныя за Видомъ, заняли назначенныя имъ по диспозиціи мѣста вокругъ Дольняго Дубняка и приготовились обстрѣливать его, по примѣру Телиша, артиллерійскимъ огнемъ, какъ вдругъ, по донесеніямъ передовыхъ разъѣздовъ, оказалось, что Дольній Дубнякъ и всѣ его укрѣпленія совершенно покинуты турками, которые въ виду приближенія стрѣлковой бригады, еще ночью, въ совершенной тишинѣ убрались въ Плевну. Такимъ образомъ и этотъ послѣдній изъ укрѣпленныхъ шоссейныхъ этаповъ достался намъ въ руки, и достался безъ выстрѣла, а между тѣмъ обладаніе имъ чрезвычайно для насъ важно, ибо владѣя Дольнимъ Дубнякомъ и имѣя на сосѣдней плевно-виддинской дорогѣ, уже пришедшія на мѣсто, войска гренадерскаго корпуса, мы тѣсно стягиваемъ вокругъ Плевны кольцо нашей блокады. Всѣ дни по укрѣпленіямъ противника идетъ теперь усиленная канонада, и нерѣдко сосредоточенными, громадными залпами. Повидимому, если только въ Плевнѣ не собрано громадныхъ запасовъ продовольствія и снарядовъ, то Осману-пашѣ не остается болѣе ничего, какъ только сдѣлать послѣднюю отчаянную попытку пробиться, выбивая насъ штыками изъ укрѣпленныхъ нашихъ позицій, или же положить оружіе. Недалекое будущее рѣшитъ, которому изъ этихъ двухъ исходовъ отдастъ онъ предпочтеніе.

20-го же числа, Великій Князь Главнокомандующій, выѣхавъ рано утромъ изъ Богота, отправился за Видъ и тамъ осматривалъ вновь занятую нами позицію у Дольняго Дубняка. Нѣкоторыя части гвардейской пѣхоты придвинулись еще ближе къ Плевнѣ и укрѣпились на новой позиціи, расположенной въ двухъ верстахъ впереди Дольняго Дубняка, къ которому въ этотъ же день подошла 1-я гвардейская пѣхотная дивизія. Укрѣпленія этого селенія еще болѣе приспособлены теперь къ оборонѣ, и въ особенности со стороны,

обращенной къ Плевнѣ. Но этимъ не ограничились еще успѣхи дня: нѣсколько пѣхотныхъ частей, направленныхъ къ сторонѣ Орханіэ, заняли и еще болѣе укрѣпили этапную позицію при деревнѣ Луковицѣ, причемъ Шефкетъ-паша отступилъ безъ боя, по направленію къ Орханіэ, сопровождаемый нашею кавалеріею, разъѣзды которой не упускаютъ его изъ виду. Великій Князь Главнокомандующій возвратился въ Боготъ только позднимъ вечеромъ.

21-го числа, въ главной квартирѣ Великаго Князя ожидали посѣщенія Государя Императора, но изъ главной Императорской квартиры послѣдовала телеграмма, что по случаю ненастнаго времени Высочайшій пріѣздъ отлагается. Во время завтрака пріѣхали Великіе Князья Сергѣй Александровичъ и Константинъ Константиновичъ, украшенные георгіевскими крестами 4-й степени, только что полученными Ихъ Высочествами. Великій Князь Главнокомандующій предложилъ тостъ: «въ честь новыхъ георгіевскихъ кавалеровъ», а послѣ завтрака Ихъ Высочества уѣхали обратно въ главную Императорскую квартиру, расположенную въ селѣ Порадимѣ. Въ этотъ же день многія лица изъ числа адъютантовъ и ординарцевъ Главнокомандующаго удостоились получить Высочайшія награды чинами, орденами и золотымъ оружіемъ за сраженіе 30-го августа подъ Плевной. 21-го же октября, лейбъ-драгуны, производя рекогносцировку завидскихъ окрестныхъ мѣстъ, прошли черезъ Комарово до Джурилова, лежащаго по дорогѣ на Врацу. Здѣсь они разбили партію черкесовъ и отняли у нихъ 100 повозокъ, 370 головъ рогатаго скота и 400 барановъ.

22-го октября, въ часъ дня, Великій Князь Главнокомандующій выѣхалъ на двое сутокъ въ село Медованъ, для встрѣчи Государя Императора, такъ какъ Его Императорское Величество изволилъ изъявить намѣреніе посѣтить Медованъ на 23-е число, для личнаго осмотра завидскихъ позицій и гвардейскихъ войскъ, участвовавшихъ въ сраженіяхъ при Горнемъ Дубнякѣ и Телишѣ.

Въ полдень 23-го октября Государь прибылъ на медованскую позицію и поднялся на курганъ, гдѣ былъ встрѣченъ заранѣе ожидавшимъ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ. Государя сопровождали: министръ Двора, генералъ-

адъютантъ Воейковъ, свиты генералъ-маіоръ Салтыковъ и дежурство. Проведя минутъ десять въ осмотрѣ завидскихъ позицій, Его Величество изволилъ проѣхать въ село Медованъ и, пересѣвъ здѣсь въ другой экипажъ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ отправился на позицію Дольняго Дубняка, гдѣ былъ встрѣченъ громкими привѣтственными криками «ура» первыхъ двухъ гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій и гвардейской стрѣлковой бригады. Всѣ эти части войскъ стояли на шоссе во вновь возведенныхъ ими окопахъ. По прибытіи Государя Императора съ передовой позиціи въ Дольній Дубнякъ, гвардейскія войска были уже построены колоннами въ большое каре, лицомъ во внутрь, и здѣсь въ присутствіи Его Величества и Главнокомандующаго отслужено благодарственное молебствіе за двѣ послѣднія побѣды и вознесена молитва за убіенныхъ на брани воиновъ, съ возглашеніемъ имъ «вѣчной памяти». Затѣмъ все каре огласилось новыми криками «ура». Большія толпы турокъ, вѣроятно услышавъ крики войскъ, еще раздававшіеся во время объѣзда окоповъ, покрыли собою гребни ближайшихъ плевненскихъ возвышенностей и смотрѣли оттуда на все происходящее въ Дольнемъ Дубнякѣ; но огня не открывали.

По окончаніи молебствія Государь Императоръ возвратился въ Медованъ, гдѣ для ночлега Его Величества былъ приготовленъ покинутый и менѣе прочихъ разоренный домикъ, принадлежащій довольно зажиточному турку Дервишъ-эфенди. Здѣсь были двѣ маленькія горенки и конюшня, прилегающая къ нимъ подъ одною кровлею. Конюшня рядомъ съ горницами, или же съ ея нижнимъ помѣщеніемъ (если строеніе двухъэтажное), равно какъ и небольшая открытая веранда составляютъ почти непремѣнную принадлежность каждаго нѣсколько зажиточнаго турецкаго дома не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ. Эти домики обыкновенно кроются либо черепицею, либо квадратными аспидными плитами. Въ домикѣ Дервишъ-эфенди не нашлось стекольчатыхъ рамъ, которыя, кстати сказать, здѣсь вообще рѣдко гдѣ въ употребленіи, и потому два маленькія оконца конвойные казаки наскоро залепили газетною бумагою; на дверь, во избѣжаніе сквознаго вѣтра, навѣсили коверъ, нашедшійся у кого-то изъ мѣстныхъ жителей, а глиняный полъ застлали мѣшками изъ-подъ зерноваго фу-

ража; походная кровать для Государя была взята съ поѣздомъ изъ Порадима, складной столикъ принесенъ отъ Великаго Князя Главнокомандующаго, два складныхъ стула нашлись у командира Астраханскаго драгунскаго полка полковника Мацылевича, и такимъ образомъ для Его Величества была устроена спальня и пріемная; бывшую же конюшню, вычистивъ и вывѣтривъ ее предварительно, по необходимости обратили въ столовую, гдѣ кое-какія доски и двери, снятыя съ петель, замѣнили собою столы и скамейки, а вмѣсто ковровъ натрушена была свѣжая солома. На бѣлыхъ глиняныхъ стѣнкахъ этого домика конвойные казаки начертили сажею православные кресты: «для того, что (какъ объясняли они) не подобаетъ Православному Царю ночевать въ невѣрномъ, некрещеномъ домѣ». Въ этомъ-то убогомъ домишкѣ помѣстился Государь Императоръ, а Великій Князь занялъ подъ себя еще худшую хату-землянку болгарскую, гдѣ огонь дымнаго очага, на которомъ кипятился походный чайникъ, составлялъ единственный комфортъ обстановки Его Высочества. Къ скромному обѣду Государя были приглашены офицеры конвоировавшихъ Его Величество эскадроновъ, а именно: 4-го лейбъ-уланскаго, 1-го лейбъ-гусарскаго и дежурнаго на медованской позиціи эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка. Въ Медованѣ, между прочимъ, собралось нѣсколько болгаръ, бѣжавшихъ изъ Плевны, которые ютились кое-какъ у очаговъ по хатамъ и близь костровъ на улицахъ. Драгоманъ Главнокомандующаго, Н. Д. Макѣевъ, вступилъ съ однимъ изъ такихъ бѣглецевъ въ разговоръ на счетъ Плевны. Оказалось, по словамъ болгарина, бѣжавшаго двѣ недѣли назадъ, что турки хранили свой пороховой запасъ въ двухъ православныхъ церквяхъ, а съ тѣхъ поръ, какъ по близости одной изъ нихъ стали въ городъ залетать иногда русскія гранаты, поспѣшили перенести порохъ въ другое, менѣе опасное мѣсто; что продовольствіемъ плевненскаго гарнизона распоряжается самъ Османъ-паша, и крайне скупится на выдачу, уменьшая чуть не съ каждымъ днемъ и безъ того уже скудную порцію хлѣба; что рогатаго скота есть еще достаточно въ Плевнѣ, но соли почти нѣтъ, а главное — хлѣба мало; что въ составѣ гарнизона есть разноплеменныя части, и даже бѣлые арапы встрѣчаются. На вопросъ, что это за «бѣлые

арапы», болгаринъ отвѣчалъ, что по одеждѣ — это то же почти что турки, и той же магометанской вѣры, только привезли-де ихъ *изъ Индіи*, и они не говорятъ по турецки, тѣмъ только-де и отличаются. Это уже не первые толки и слухи, которые приходится намъ здѣсь выслушивать то на счетъ египтянъ, то о «бѣлыхъ арапахъ»....

Въ ночь съ 23-го на 24-е октября съ нашей стороны была предпринята еще одна мѣра для наибольшаго стѣсненія плевненской блокады. Отрядъ генерала Бремзена, какъ уже извѣстно, еще съ 12-го ноября занималъ сильно выдающуюся къ туркамъ укрѣпленную позицію на высотахъ, впереди деревни Трнины, или Тренины. Для поддержки этого отряда, на всякій случай, генералъ Скобелевъ выдвинулъ часть своихъ войскъ на авангардную позицію, влѣво отъ селенія Брестовца. Расположеніе этой части выбрано было такъ, что она могла какъ нельзя удобнѣе обстрѣливать доступы къ позиціи генерала Бремзена, и обратно — Бремзенъ могъ оказывать подобную же поддержку скобелевской авангардной позиціи, гдѣ въ ночь на 24-е, пользуясь густою темнотою, наши саперы и пѣхотинцы тихо и незамѣтно устроили батареи и ложементы. На разсвѣтѣ 24-го числа, скобелевскій авангардъ послалъ туркамъ первое и неожиданное привѣтствіе залпомъ съ двухъ большихъ батарей, только что оконченныхъ постройкою. Въ то же время партія нашихъ охотниковъ, числомъ до полутораста человѣкъ, подкралась къ ближайшимъ турецкимъ ложементамъ, расположеніе которыхъ было неудобно для прикрытія нашихъ вновь сооруженныхъ батарей. Охотники внезапно атаковали ложементы и перекололи сидѣвшихъ тамъ турокъ. Этимъ и ограничились всѣ дѣйствія съ нашей стороны. Но непріятель, думая вѣроятно, что готовится приступъ, всполошился: въ турецкомъ лагерѣ произошла тревога, благодаря которой намъ удалось разсмотрѣть расположеніе непріятеля близъ новой нашей позиціи и опредѣлить его силы. Тутъ завязалась оживленная перестрѣлка, которая прекратилась только около полудня. Наша потеря ограничивается 15-ю убитыми и ранеными. Въ этотъ же день получено два извѣстія о дѣйствіяхъ нашихъ завидскихъ развѣдочныхъ отрядовъ; такъ, отрядъ флигель-адъютанта полковника Черевина (Кавказская казачья бригада) занялъ на со-

фійскомъ шоссе селеніе Петревень и Яблоницкое ущелье, имѣя за собою значительный резервъ у Радоміръцевъ, гдѣ находится важный мостъ черезъ р. Искеръ, обезпеченный сильнымъ тет-де-пономъ. Въ то же время лейбъ-уланы, занявъ 23-го числа дорогу изъ Рахова въ Виддинъ, испортили на ней телеграфъ и на слѣдующій день (24-го) произвели рекогносцировку раховскихъ укрѣпленій, удостовѣрясь при этомъ, что тамошній гарнизонъ не превышаетъ 1,500 человѣкъ, при трехъ орудіяхъ, такъ какъ часть турецкихъ войскъ уже отступила изъ Рахова къ Ломъ-Паланкѣ. Турецкое населеніе, при видѣ лейбъ-уланъ, бѣжало въ разныя стороны.

24-го же числа Государь Императоръ, проведя ночь въ Медованѣ, изволилъ въ девять часовъ утра выѣхать на позицію рѣки Вида, для осмотра 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, расположенной у Тренины, а затѣмъ издали осмотрѣлъ такъ называемую «волынскую позицію», на Тренинскихъ высотахъ. Послѣ этого Его Императорское Величество проѣхалъ въ Боготъ, гдѣ изволилъ завтракать въ столовой Великаго Князя, вмѣстѣ съ остававшеюся въ Боготѣ частію свиты Главнокомандующаго, а затѣмъ возвратился въ Порадимъ. Великій же Князь, по отъѣздѣ Государя Императора изъ Медована, отправился на волынскую позицію и, въ виду турецкой цѣпи, обошелъ всѣ траншеи, не смотря на то, что уговаривали Его Высочество не подвергать себя опасности. «Турки по мнѣ не стрѣляютъ», возразилъ на это Великій Князь, и не ошибся: по странной случайности, непріятель на это время дѣйствительно не стрѣлялъ, хотя между нимъ и волынцами идетъ ежедневная перестрѣлка, выводящая у насъ отъ пяти до десяти человѣкъ изъ строя. Волынцы и гренадеры Прусскаго полка привѣтствовали громкими криками «ура» появленіе Великаго Князя въ траншеяхъ. Осмотрѣвъ внимательно обѣ позиціи — нашу и турецкую — Его Высочество сѣлъ верхомъ и прослѣдовалъ шагомъ по всей линіи аванпостовъ Бугскаго уланскаго и Астраханскаго драгунскаго полковъ, соединяющихъ волынскія батареи съ осадными, близъ скобелевской позиціи. У турокъ было замѣтно нѣсколько стадъ, пасущихся за ихъ аванпостами. Полагаютъ, что по пастбищамъ вокругъ Плевны бродитъ еще до трехъ тысячъ головъ рогатаго скота, составляющаго порціонный запасъ арміи Осма-

на. Къ обѣду 24-го числа Главнокомандующій благополучно возвратился въ Боготъ.

LXVIII

Взятіе перваго гребня Зеленыхъ горъ и жизнь въ траншеяхъ

Скобелевскій бивуакъ. — Взятіе перваго гребня Зеленыхъ горъ 28-го октября. — Жизнь Скобелева въ траншеѣ.—Отраженіе имъ атаки турокъ въ ночь на 30-е октября. — Уцѣлѣвшій секретъ. — Жизнь въ траншеяхъ. — Невскій проспектъ, Большая Морская и „Belle-vue". — Отношенія Скобелева къ солдатамъ. — Случаи изъ траншейной жизни. — Заложеніе новыхъ траншей. — Цѣль занятія перваго гребня.

Боготъ, 31-го октября.

Лагерь 16-й пѣхотной дивизіи, которою нынѣ командуетъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 2-й, представляетъ собою цѣлый городокъ, съ правильно разбитыми кварталами, площадками, продольными и поперечными улицами. 14-го октября полки этой дивизіи, занявшіе позицію противъ Кришинскихъ высотъ, немедленно же приступили къ устройству землянокъ, по одной на каждыхъ 8—10 человѣкъ, гдѣ можно съ наибольшимъ въ военные дни удобствомъ существовать во время осеннихъ непогодъ и зимняго холода. Каждая землянка отопляется особою печуркою, вырытою въ землѣ, съ дымовымъ проводомъ, который выходитъ наружу, въ видѣ небольшой глиняной трубы. Землянки покрыты хворостомъ, поверхъ котораго наложены ряды кукурузныхъ стеблей, и все это засыпано сверху достаточно толстымъ слоемъ земли. Каждое такое жилище изобильно снабжено внутри свѣжею соломою, служащею для людей вмѣсто постели; свѣтъ проникаетъ сквозь входную дверь, которая на ночь заслоняется особымъ щитомъ, сплетеннымъ изъ кукурузы.

Но прежде устройства бивуака, начальство 16-й пѣхотной дивизіи озаботилось надлежащимъ укрѣпленіемъ своей боевой позиціи, и когда это наиважнѣйшее дѣло было исполнено, тогда, конечно, выступила на первый планъ забота объ удобствахъ солдата. По окончаніи солдатскихъ землянокъ, при-

ступили къ вырытію офицерскихъ помѣщеній и затѣмъ командирскихъ. Замѣчательнѣе всего, что вся сложная работа по возведенію укрѣпленій и устройству дивизьонныхъ бивуаковъ была исполнена въ трое сутокъ, такъ что къ вечеру 18-го числа во всемъ районѣ расположенія 16-й дивизіи оставались только два холщевыхъ намета: въ одномъ помѣщалась столовая генерала Скобелева, съ которымъ ежедневно раздѣляютъ его скромный обѣдъ всѣ лица его штаба, иногда командиры бригадъ и полковъ дивизіи, а также и посторонніа лица, пріѣзжающія съ какими-либо порученіями или же просто въ гости къ радушному генералу; другой шатеръ принадлежитъ тоже М. Д. Скобелеву, служа для него и спальней, и кабинетомъ. Не ранѣе, какъ по совершенномъ окончаніи устройства лагеря, генералъ позволилъ себѣ подумать о своихъ личныхъ удобствахъ: онъ былъ послѣднимъ человѣкомъ въ 16-й дивизіи, которому была вырыта послѣдняя землянка. Командиры полковъ озаботились, между прочимъ, и объ устройствѣ офицерскихъ столовыхъ, помѣщающихся въ довольно просторныхъ залахъ-землянкахъ. Такимъ образомъ «Скобелевскій бивуакъ» оказался вполнѣ приспособленнымъ къ продолжительной зимней стоянкѣ. При этомъ ничто не было забыто: и близость хорошихъ источниковъ для питья и водопоя, и устройство особыхъ ретирадныхъ мѣстъ, и особыя помѣщенія для лазарета, для кухонь, для скотобойни, и проч. Вслѣдствіе этого на всемъ бивуакѣ замѣчается рѣдкая и необыкновенная въ военное время чистота и опрятность, воздухъ постоянно чистъ, люди всегда имѣютъ горячую пищу, спятъ въ теплѣ и на свѣжей соломенной подстилкѣ—словомъ сказать, здѣсь заботливо соединены всѣ, какія лишь были возможны, условія для сохраненія бодрости, силъ и здоровья людей, и нѣтъ сомнѣнія, что санитарное состояніе 16-й дивизіи должно дать самые отрадные результаты.

Но недолго отрядъ генерала Скобелева пользовался на своемъ бивуакѣ боевымъ затишьемъ.

День 28-го октября съ утра былъ совершенно ясенъ и тепелъ, но около полудня надъ землею началъ сгущаться сильный туманъ, заволокшій вскорѣ всю окрестность до такой степени, что въ двадцати шагахъ съ трудомъ можно было различать движущіеся предметы. Къ пяти часамъ дня туманъ сгустился

еще болѣе, но дождя не было и даже не морозило. Такое состояніе атмосферы какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ всякаго рода внезапнымъ нападеніямъ—и имъ рѣшено было воспользоваться.

Генералъ Скобелевъ вызвалъ изъ 3-й роты 9-го стрѣлковаго батальона охотниковъ, которые явились въ числѣ 70-ти человѣкъ, и начальство надъ ними вручилъ той же роты подпоручику Тарасенкову. Затѣмъ велѣно было тотчасъ же снарядиться къ бою: двумъ сотнямъ 9-го донскаго (полковника Нагибина) полка, 61-му пѣхотному Владимірскому полку, 9-му стрѣлковому батальону, 1-й и 2-й стрѣлковымъ ротамъ 117-го пѣхотнаго Ярославскаго полка, тремъ ротамъ 3-го сапернаго батальона и четыремъ скорострѣльнымъ орудіямъ (картечницамъ). Общее начальство надъ этимъ отрядомъ было отдано адъютанту генерала Тотлебена, полковнику Мельницкому. Цѣлью предстоявшаго дѣла была атака перваго гребня Зеленыхъ горъ. Въ случаѣ успѣха, надлежало немедленно же окопаться въ турецкихъ ложементахъ, дабы прочно удержать за собою взятую съ боя позицію.

Въ началѣ шестаго часа по полудни, охотники, благословясь, тихо вышли изъ лагеря, незамѣтно подкрались къ передовымъ ложементамъ противника и съ разстоянія не болѣе какъ въ 40 — 50 шаговъ внезапно атаковали ихъ безъ выстрѣла. «Ура» грянуло лишь въ тотъ моментъ, когда молодцы стрѣлки взбѣжали уже на насыпь. Турки не успѣли и опомниться, какъ около 80-ти ихъ товарищей уже лежали въ траншеѣ, пронзенные нашими штыками. Остальные въ крайнемъ безпорядкѣ бѣжали въ слѣдующій рядъ ложементовъ, изъ которыхъ, по обыкновенію, полился свинцовый дождь на занятые нами окопы. Пока охотники поддерживали перестрѣлку, подошедшія части отряда, при помощи саперовъ, тотчасъ же занялись земляною работою, обращая къ сторонѣ непріятеля фронтъ отбитыхъ укрѣпленій. Загудѣли орудія, но турецкій огонь, благодаря туману, былъ почти безвреденъ. Частая перестрѣлка не прерывалась ни на минуту. Къ 10-ти часамъ вечера тумамъ разсѣялся. Послѣ этого спустя часъ, турки, въ количествѣ нѣсколькихъ таборовъ, выступили изъ своихъ окоповъ и повели было атаку, съ цѣлью выбить охотниковъ изъ занятаго ими ложемента. Но нѣсколько дружныхъ отчетли-

выхъ залповъ, данныхъ нѣкоторыми частями нашего отряда, тотчасъ же и съ большимъ урономъ отразили нападающихъ, послѣ чего изъ турецкихъ окоповъ опять началась перестрѣлка, которая длилась всю ночь, не умолкая. Охотники удерживали свою позицію до двухъ часовъ ночи, когда были смѣнены другою, свѣжею частію. Между тѣмъ въ теченіи всего этого времени, подъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ противника, на нашей новой позиціи шла усиленная земляная работа, благодаря которой къ разсвѣту 29-го числа саперы и владимірцы соорудили уже вдоль всего гребня длинную и достаточно просторную траншею, глубиною въ полный ростъ человѣка, и устроили въ ней приступки (банкеты) для стрѣлковъ, а также и ямки для укрытія людей и патроновъ. Къ этому же времени траншея была вооружена нѣсколькими скорострѣльными пушками (картечницами), которыя доставили ей не только фронтальную, но и прекрасную фланговую оборону. Общая потеря наша въ этомъ дѣлѣ не превышаетъ 80 человѣкъ, изъ которыхъ 64 раненыхъ. Въ числѣ послѣднихъ находится и подпоручикъ Тарасенковъ, раненый пулею въ ухо. Къ сожалѣнію, мы лишились замѣчательно храбраго офицера въ лицѣ командира 3-й роты 9-го стрѣлковаго батальона, штабсъ-капитана Домбровскаго, который, идя въ атаку впереди своей роты, былъ убитъ пулею наповалъ. Генералъ Скобелевъ очень сожалѣетъ объ этой потерѣ.

Въ теченіи дня 29-го числа отрядъ нашъ продолжалъ усиливать свои окопы и преимущественно озаботился объ устройствѣ для себя болѣе удобныхъ и безопасныхъ сообщеній съ тыломъ. Турки весь день поддерживали почти безвредную ружейную перестрѣлку, а снаряды ихъ большею частію ложились далеко позади, не только залетая иногда въ районъ лагернаго расположенія 16-й дивизіи, но даже и перелетая за него. Вообще, для нашего передоваго отряда дѣйствіе турецкихъ снарядовъ до сихъ поръ оставалось совершенно безвреднымъ.

Новая позиція наша, очевидно, весьма стѣсняетъ турокъ, поэтому въ ночь съ 29-го на 30-е октября они рѣшились сдѣлать попытку нечаяннаго нападенія, чтобы отбить у насъ свои бывшіе ложементы. Намѣреніе это было не трудно предвидѣть еще съ самаго начала, потому что постоянно имѣть

непріятеля, что̀ называется, «у себя на носу», въ какихъ нибудь двухстахъ-пятидесяти шагахъ—во всякомъ случаѣ невыносимо. Генералъ Скобелевъ, имѣя въ виду вѣроятность подобной атаки, съ разу же принялъ на такой случай всѣ надлежащія мѣры. Съ этой цѣлью онъ самъ безотлучно поселился въ передовой траншеѣ, вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба, капитаномъ Куропаткинымъ. Солдаты вырыли для генерала небольшую ямку, въ уровень со дномъ траншеи, и поставили тамъ санитарныя носилки, служащія ему постелью. Чуть только ничинается болѣе оживленная перестрѣлка, Скобелевъ выходитъ изъ своей ямки и начинаетъ прохаживаться по траншеѣ, не сгибая спины, такъ что часть его головы постоянно виднѣется надъ верхнимъ уровнемъ насыпи; во время подобныхъ прогулокъ, онъ невозмутимо спокойнымъ, ровнымъ голосомъ и всегда яснымъ взглядомъ ободряетъ стрѣлковъ, наблюдая, чтобы они цѣлили вѣрнѣе и не выпускали зря патроновъ. На всякій случай генералъ распорядился, чтобы значительно впереди траншеи залегъ особый секретъ, съ цѣлью слѣдить денно и нощно за всѣмъ, что̀ дѣлается у противника. Одинъ изъ людей этого секрета и предупредилъ заблаговременно генерала, что турки, кажись, сбираются ударить на насъ врасплохъ, для чего у нихъ въ траншеяхъ собрано уже отъ пяти до семи таборовъ. Въ совершенной тишинѣ весь нашъ передовой отрядъ былъ поднятъ на ноги. Не смотря на полныя потемки осенней полночи, порядокъ у насъ въ траншеяхъ былъ замѣчательный, образцовый. Приказанія и распоряженія, передаваемыя почти шопотомъ, принимались къ исполненію быстро и безъ малѣйшей суеты; людямъ велѣно приготовиться, осмотрѣть оружіе и внимательно выжидать условнаго знака. Настала мертвая тишина. Впереди ничего еще не было видно, когда послышался издали какой-то неопредѣленный, слабый шумъ, который съ каждою секундой все приближался и приближался: то былъ глухой звукъ легкихъ, сдержанныхъ и какъ бы крадущихся шаговъ, напоминающій шумъ движенія цѣлой отары овецъ. Идутъ.... Вотъ, шагахъ во ста впереди чуть-чуть обрисовалась какая-то темная, приникшая къ землѣ масса, она движется и, кажись, ползетъ... Вотъ эта масса приблизилась на шестьдесятъ шаговъ, какъ вдругъ въ это самое мгновеніе въ нашей траншеѣ

рѣзко раздается условный свистокъ: разомъ сверкнула во всю длину бруствера полоса молніи и какъ одинъ выстрѣлъ грянулъ громадный, оглушительный залпъ. Въ подступавшей темной массѣ раздались отчаянные вопли испуга, крики боли, стоны страданія... Она заколебалась и повернула назадъ. Вторичный залпъ ударилъ въ тылъ бѣжавшаго противника. Новые вопли раздались въ темнотѣ и къ нимъ присоединились теперь какія-то проклятія, брань и энергическіе крики, очевидно начальниковъ, старавшихся остановить общее бѣгство. Это имъ, наконецъ, удалось. Отбѣжавъ на значительное разстояніе, турки залегли и открыли лихорадочно-горячую, какъ бы судорожную перестрѣлку. Огонь ихъ былъ частъ, но неровенъ и безпорядоченъ. Судя по этому огню, можно было заключить, что нашъ неожиданный залпъ произвелъ сильное нравственное впечатлѣніе. Прошло по крайней мѣрѣ полчаса прежде чѣмъ огонь противника принялъ болѣе спокойное, равномѣрное теченіе, хотя выстрѣлы, по обыкновенію, были часты на подобіе барабанной дроби; но самая правильность этой дроби уже доказывала, что турки успѣли опомниться, придти въ себя и прибѣгнуть къ своей всегдашней системѣ обливанія безцѣльнымъ дождемъ свинца, который шлепался въ брустверъ, либо пролеталъ высоко надъ головами защитниковъ траншеи. Все это дѣло продолжалось около часа. Ровно въ часъ по полуночи данъ былъ нашъ первый убійственный залпъ, а безъ нѣсколькихъ минутъ въ два съ турецкой стороны протрубили въ рожокъ «отступленіе». Генералъ Скобелевъ, зная по опыту, что за этимъ сигналомъ нерѣдко слѣдуетъ у турокъ новая атака, думалъ, что и теперь они прибѣгаютъ къ той же хитрости, а потому приказалъ своимъ приготовиться къ дружной и достойной встрѣчѣ. Но противнику на этотъ разъ, какъ видно, было уже не до хитростей: употребивъ цѣлый часъ на безполезную въ потьмахъ перестрѣлку, поражаемые не рѣдко съ задней своей позиціи осколками своихъ же собственныхъ гранатъ, которыя теперь лопались большею частію значительно впереди нашей траншеи, турки послѣ сигнала тотчасъ же поспѣшили удалиться подъ прикрытіе своихъ ложементовъ. Когда все утихло, къ генералу Скобелеву явился начальникъ секрета, унтеръ-офицеръ 9-го стрѣлковаго батальона, и доложилъ, что въ секретѣ все благо-

получно, ни убитыхъ, ни раненыхъ нѣтъ. Генералъ не безъ удивленія встрѣтилъ этого унтеръ-офицера и сердечно обрадовался, когда услышалъ принесенную имъ вѣсть, такъ какъ секретъ, заложенный въ самомъ близкомъ разстояніи отъ турецкихъ ложементовъ, можно было считать почти навѣрное погибшимъ. Онъ, можно сказать, заранѣе обрекался на необходимую жертву. Между тѣмъ оказалось, что турки даже и не замѣтили его, хотя два раза проходили совсѣмъ-таки мимо: при наступленіи и при отступленіи. Секретъ все время лежалъ, притаившись въ своей засадѣ, и все видѣлъ, все слышалъ... Наша потеря въ эту ночь не превысила сорока человѣкъ, вообще выбывшихъ изъ строя, что̀ вмѣстѣ съ убылыми предшествовавшаго дѣла равняется 120, изъ коихъ 26 убитыхъ.

Утромъ 30-го числа наша траншея приняла уже вполнѣ благоустроенный видъ. Гребень насыпи былъ плотно коронованъ мѣшками, набитыми пескомъ; въ узенькихъ ложбинахъ между этими мѣшками лежали обращенныя къ непріятелю ружья, съ соотвѣтственно поставленными прицѣлами, за чѣмъ внимательно наблюдалъ самъ генералъ Скобелевъ, неоднократно подходившій къ солдатамъ для личной повѣрки прицѣловъ и внушенія молодымъ людямъ разныхъ сноровокъ въ вѣрной прицѣлкѣ и стрѣльбѣ по противнику, въ его закрытіяхъ. Въ этотъ день батальоны Владимірскаго полка, сплошь занимавшіе траншеи, были смѣнены 64 пѣхотнымъ Казанскимъ полкомъ, а въ резервѣ сталъ 63-й пѣхотный Угличскій полкъ. Люди, еще за сутки ранѣе, были разсчитаны на смѣны, причемъ очередные стояли на своихъ мѣстахъ у приступковъ, а остальные дремали, сидя на тѣхъ же приступкахъ, или лежали во рву траншеи; на случай ночной тревоги, унтеръ-офицерамъ велѣно было отнюдь не будить людей разомъ, а постепенно и осторожно, въ избѣжаніе шума, суеты и суматохи; каждому солдату заранѣе было твердо указано его мѣсто въ траншейномъ бою; каждый зналъ, гдѣ лежатъ запасные патроны его отдѣленія; назначены были очереди для отправленія за водою и на обѣдъ въ деревню Брестовецъ; перевязочный пунктъ помѣщенъ въ безопасномъ мѣстѣ на ловчинскомъ шоссе; однимъ словомъ, все заблаговременно было обдумано, разсчитано и приспособлено, сообразно съ данными обстоятельствами. Явилась умѣстною даже

и своего рода шутка, а именно: въ боковой и въ главной траншеяхъ поставлены были два небольшіе столбика, съ прибитыми къ нимъ дощечками, на которыхъ солдатики сдѣлали углемъ надписи—на столбикѣ главной траншеи значилось: *«Невскій проспектъ»*, а у входа въ боковую—*«Большая Морская»*, такъ что офицеры—защитники нашей позиціи, неоднократно предлагаютъ теперь пріѣзжающимъ ординарцамъ и посѣтителямъ: «не угодно ли, молъ, прогуляться по Большой Морской или по Невскому проспекту? Не угодно ли подняться на открытый балконъ гостинницы «Belle-vue» (такъ называется у нихъ центральное мѣсто на гребнѣ насыпи), отсюда, молъ, прекрасно видны турецкіе ложементы и даже красныя фески». И все это совершается подъ непрерывными ружейными выстрѣлали турокъ. Въ настоящее время мы отчасти помѣнялись съ ними ролями: защитники плевненскихъ позицій рѣдко отвѣчаютъ на нашъ артиллерійскій огонь, а мы, въ свою очередь, воздерживаемся отвѣчать имъ на Зеленой горѣ ружейными выстрѣлами. Здѣсь солдатамъ положительно воспрещено стрѣлять безъ толку, въ отвѣтъ на шальныя пули; люди наши могутъ посылать выстрѣлы не иначе, какъ по приказанію своихъ отдѣленныхъ офицеровъ, а эти послѣдніе отдаютъ подобное приказаніе только въ такихъ случаяхъ, если въ какомъ-либо мѣстѣ турецкихъ ложементовъ замѣчается особенное скопленіе людей или учащенный огонь; но всегда и при всѣхъ условіяхъ у генерала Скобелева неуклонно наблюдается, чтобы заряды не пускались на вѣтеръ: «стрѣляй рѣже, да мѣтче»—это неизмѣнное правило, военный законъ «бѣлаго генерала». Замѣчательно отношеніе М. Д. Скобелева къ солдатамъ: никогда ни малѣйшей вспыльчивости, ни малѣйшаго возвышенія голоса, ни малѣйшей брани или рѣзкости; подойдетъ, посмотритъ человѣку въ глаза, спроситъ о чемъ нибудь, поговоритъ или научитъ какой-либо сноровкѣ, обласкаетъ добрымъ словомъ и отходитъ далѣе, а солдатъ ободренъ, да и не одинъ онъ, а вмѣстѣ съ нимъ ободрено все отдѣленіе, слышавшее бесѣду «бѣлаго генерала» съ ихъ товарищемъ. Главное условіе его отношеній къ солдату—величайшая простота и искренность. Генералъ Скобелевъ, ежеминутно подставляя свой лобъ подъ пули, не скрываетъ отъ солдата, что и для него самого ино-

гда «тоже боязно», да ничего не подѣлаешь, потому что позади еще хуже, еще страшнѣе, а впереди, дастъ Богъ, полегче будетъ. И солдатъ, видя его постоянно въ огнѣ, въ передовой цѣпи, нерѣдко даже совершенно безоружнаго,— какъ напримѣръ, 28-го октября, когда онъ былъ безъ сабли,— пріучается любить и безусловно вѣрить въ начальника, раздѣляющаго съ нимъ всѣ солдатскія нужды и невзгоды. Скобелевъ не даромъ переселился въ траншею; двое сутокъ онъ прожилъ подъ открытымъ небомъ, въ ямкѣ, гдѣ все преимущество его заключалось только въ санитарныхъ носилкахъ; солдаты видѣли, что онъ здѣсь же, въ своей кавказской буркѣ, вмѣстѣ съ ними, подъ пулями и гранатами, всегда ясный, спокойный, дѣятельный, ходитъ, гуляетъ, работаетъ вмѣстѣ съ Куропаткинымъ надъ «плантами» (надъ картой), ѣстъ то же, что и они ѣдятъ, спитъ менѣе прочихъ и еще говоритъ, что ему «тоже боязно». Только 31-го октября солдаты могли накинуть древесный плетень на его ямку и сдѣлать изъ нея жалкое подобіе землянки: «все же суше будетъ, да авось-либо и пуля не такъ скоро достанетъ... Коли мы не позаботимся, онъ, какъ дитё, самъ о себѣ не подумаетъ». Но солдаты «подумали» еще и болѣе этого: позади его ямки они устроили небольшую траншейку, и въ ней помѣстился особый небольшой караулъ личныхъ охранителей генерала Скобелева— мѣра, дѣйствительно, на всякій случай вполнѣ необходимая. Рядомъ съ М. Д. Скобелевымъ помѣщаются капитанъ Куропаткинъ, ординарцы и корреспондентъ «Новаго Времени» г. Немировичъ-Данченко, безотлучно находящійся въ траншеѣ. Тутъ они всѣ и спятъ, и ѣдятъ, и чай пьютъ, и гуляютъ по «Невскому проспекту». Только огонь зажигать по ночамъ неудобно: разъ было генералу понадобилось справиться о чемъ-то по картѣ; онъ попросилъ зажечь фонарь, но только что усѣлся за работу, какъ турки открыли такой огонь на свѣтъ, что въ избѣжаніе напрасныхъ потерь пришлось погасить фонарь и до разсвѣта отказаться отъ работы. Вслѣдствіе неоднократныхъ опытовъ, кончавшихся усиленнымъ турецкимъ огнемъ, у насъ теперь въ траншеяхъ не только не разводятъ костровъ, но даже и папиросы закуриваютъ «съ опаской». Бываютъ и такіе случаи: замѣчаетъ однажды генералъ Скобелевъ, что въ траншею начали вдругъ падать пули, одна за

другою, но падаютъ какъ-то странно, какъ будто откуда-то сверху. Въ недоумѣніи, что̀ могло бы это значить, окружающіе генерала начинаютъ присматриваться—туда, сюда—и что̀ же вдругъ оказывается?—Какой-то смѣльчакъ турокъ взобрался на дерево и изъ-за густыхъ вѣтвей его шлетъ намъ пулю за пулей.—«Кто, братцы, хочетъ ссадить его?» обратился генералъ къ ближайшимъ солдатамъ. Охотникъ, конечно, тотчасъ же нашелся, прицѣлился, и—убитый наповалъ турокъ грохнулся съ вѣтви на землю. Послѣ этого случая, солдаты внимательно наблюдаютъ не только непріятельскія траншеи, но и деревья, такъ какъ уловка убитаго смѣльчака не осталась безъ подражанія. Холодныя, сырыя ночи особенно тяжки людямъ: дрогнутъ безъ огня и все время спятъ, что̀ называется, въ полглаза. Непріятельскій огонь не прекращается ни днемъ, ни ночью. Въ самой траншеѣ, относительно говоря, еще довольно безопасно; но резервы терпятъ: шальныя турецкія пули, перелетая черезъ брустверъ, падаютъ на склонъ занятой нами возвышенности и нерѣдко ложатся въ то мѣсто, гдѣ залегаютъ резервы. Общая убыль убитыми и ранеными въ траншеѣ не превышаетъ четырехъ, пяти человѣкъ, а резервъ теряетъ ихъ отъ 10-ти до 15-ти; 30-го же числа потеря его дошла даже до сорока человѣкъ. Въ особенности опасны смѣна частей въ траншеѣ и экспедиція за водою. Въ эту послѣднюю люди обыкновенно отправляются небольшими партіями, отъ 6 до 12 солдатъ, или около того, и на открытомъ проходѣ, шаговъ въ полтораста, турецкія пули очень ихъ безпокоятъ. 29-го октября, напримѣръ, два человѣка, изъ числа шедшихъ за водою, поплатились одинъ раною, другой—жизнію на мѣстѣ. Но наибольшею опастностію отличается мѣсто спуска въ лощину, на противномъ краѣ которой залегаютъ наши резервы: здѣсь поминутно поютъ и шлепаются турецкія пули.

29-го числа, днемъ, саперный унтеръ-офицеръ Курочкинъ, взявъ съ собою двухъ-трехъ товарищей, вышелъ изъ траншеи, перебѣжалъ пространство впереди около пятидесяти шаговъ, взобрался на одиночное дерево, хорошенько высмотрѣлъ оттуда мѣсто, лежащее между нашими и турецкими окопами, и соскочивъ на землю, намѣтилъ колышками направленіе новаго ложемента. Все это было совершено подъ непрерывными выстрѣлами турокъ.

Вечеромъ, въ девять часовъ, генералъ Скобелевъ отрядилъ часть людей для заложенія новой траншеи, по направленію намѣченному днемъ, и для вырубки нѣсколькихъ большихъ деревьевъ, изъ которыхъ предназначено было устроить особую засѣку. Люди въ полной тишинѣ приступили къ земляной работѣ, которая пошла очень успѣшно, но стукъ топоровъ о древесные стволы привлекъ на себя вниманіе турокъ, которые разомъ всполошились и открыли жестокій огонь. Не желая рисковать потерею людей изъ-за работы, не имѣвшей особенно существеннаго значенія, генералъ приказалъ прекратить рубку; траншея же была-таки выведена на протяженіи болѣе пятидесяти шаговъ. Турки пытались сдѣлать вылазку, но были прогнаны въ ложементы нашими залпами. Началась опять обычная перестрѣлка, не прекращавшаяся въ теченіи всей ночи. Занятіе перваго гребня Зеленой горы свело насъ съ противникомъ на ближайшее разстояніе, вслѣдствіе чего обѣ стороны находятся постоянно въ самомъ напряженномъ состояніи, и не мудрено: жизнь каждаго человѣка ежеминутно виситъ, что̀ называется, на волоскѣ, а при этомъ нервное напряженіе, естественно, должно быть весьма значительно. Упорство пяти турецкихъ атакъ 31-го августа наглядно показало намъ, въ какой мѣрѣ Османъ-паша дорожитъ именно этою позиціею *) и потому съ нашей стороны было вполнѣ естественно стремленіе отнять именно то, что̀ по какимъ бы то ни было причинамъ дорого противнику. Для насъ это было тѣмъ болѣе важно, что съ занятіемъ перваго гребня Зеленой горы отрядъ генерала Скобелева значительно сблизился съ отрядомъ генералъ-маіора Бремзена, который, еще 12-го октября, удачно занявъ Трнинскія высоты, находился до сихъ поръ въ нѣсколько уединенномъ положеніи, такъ какъ могъ считать обезпеченнымъ только свой лѣвый флангъ (послѣ занятія нами Дольняго Дубняка); теперь же Скобелевскій отрядъ достаточно обезпечиваетъ и правый его флангъ.

---

*) Кстати. Изъ разсказовъ плѣнныхъ нынѣ стало намъ извѣстно, что Османъ-паша поставилъ въ тылу своей атаковавшей пѣхоты два кавалерійскіе полка и батарею, которымъ было строго приказано стрѣлять картечью и губить каждаго турка, который осмѣлится бѣжать. Съ помощію этой суровой мѣры, редуты, взятые Скобелевымъ, были наконецъ отбиты.

LXIX

Взятіе Врацы

Рекогносцировка штабсъ-капитана Вилламова. — Движеніе двухъ кавалерійскихъ колоннъ на Врацу. — Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ во Врацѣ. — Атака конно-гренадеръ на городъ и уланъ Его Величества на ложементы. — Вступленіе войскъ въ городъ и добыча, найденная въ немъ.

Боготъ, 1-го ноября.

28-го же октября мы успѣшно пріобрѣли одинъ немаловажный пунктъ въ Западной Болгаріи, лежащій по дорогѣ изъ Рахова на Софію, минуя Орханіэ. Телеграфъ уже извѣстилъ вкратцѣ о взятіи тремя гвардейскими кавалерійскими полками города Врацы. Подробности этого дѣла заключались въ слѣдующемъ:

26-го октября вечеромъ, къ генералъ-маіору Леонову, командующему 2-ю гвардейскою кавалерійскою дивизіею, прибылъ изъ рекогносцировки штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго полка Вилламовъ и донесъ, что городъ Враца занятъ одною пѣхотою и что тамъ находятся большіе продовольственные запасы. Эти же свѣдѣнія подтверждались и показаніями мѣстныхъ жителей.

Тогда генералъ Леоновъ рѣшился овладѣть Врацею, и раздѣливъ свой отрядъ на двѣ колонны, выступилъ съ нимъ 27-го октября утромъ. Правую колонну составлялъ лейбъ-гвардіи Уланскій Его Величества полкъ, который двинулся на Врацу съ сѣвера, по раховской дорогѣ; въ составъ же лѣвой колонны вошли полки лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскій и Драгунскій съ четырьмя орудіями *), подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Клота. Эта послѣдняя колонна была направлена горами, по трудной дорогѣ, черезъ деревню Вробежницу. Къ вечеру того же дня, сдѣлавъ сорокаверстные переходы, обѣ колонны приблизились къ Врацѣ на разстояніе трехъ часовъ пути и уже въ сумерки расположились—правая у селенія Мраморени, а лѣвая у Вробежницы.

---

*) По одному взводу отъ 2-й и 5-й гвардейскихъ конныхъ батарей.

Здѣсь генералъ Леоновъ узналъ, что гарнизонъ Врацы состоитъ изъ 800 человѣкъ регулярной пѣхоты и 300 черкесовъ, но безъ артиллеріи; что городъ защищенъ лишь незначительными окопами, расположенными въ сѣверномъ направленіи, серьезныхъ же укрѣпленій не имѣетъ; что туда свезены большіе продовольственные запасы, собранные изъ четырехъ казъ (уѣздовъ) и ожидаютъ тамъ отправленія, не сегодня-завтра, въ Орханіэ; мѣстное же мусульманское населеніе все бѣжало въ горы, потому что его страшно напугали разсказы черкесовъ, раненыхъ въ стычкѣ съ лейбъ-гвардіи Гусарскимъ Его Величества полкомъ; эти разсказы повліяли на мусульманскихъ жителей въ такой мѣрѣ, что они, спѣша уходить изъ города, самовольно расхватали даже казенныя подводы, для вывоза своихъ женъ и имущества.

Не желая обнаруживать преждевременно присутствіе русской кавалеріи, генералъ Леоновъ распорядился, чтобы люди ночью отнюдь не смѣли разводить костровъ и вообще наблюдали бы строгую тишину.

Въ семь часовъ утра 28-го числа выступили уланы, а получасомъ позднѣе поднялась въ путь и лѣвая колонна; обѣ части двинулись съ такимъ разсчетомъ, что безъ четверти въ одиннадцать часовъ утра подошли къ Врацѣ — уланы съ сѣвера, а остальные полки съ артиллеріею съ юга. Движеніе лѣвой колонны, благодаря закрытой мѣстности, совершилось вполнѣ незамѣтно для турокъ, которые собрались въ окопахъ съ цѣлію отраженія лейбъ-уланъ Его Величества. Пока часть спѣшенныхъ уланъ развлекала противника перестрѣлкою, лейбъ-драгуны съ конно-гренадерами, какъ снѣгъ на голову, насѣли на Врацу съ юга. Четыре орудія открыли канонаду, которая однако не была продолжительна. Конно-Гренадерскій полкъ, быстро спѣшась, сразу кинулся впередъ и ворвался въ улицы. Между тѣмъ, турки, услышавъ у себя въ тылу нежданные пушечные выстрѣлы, пришли въ замѣшательство и стали бросать окопы, торопясь занимать городъ. Три эскадрона уланъ, въ конномъ строю, влетѣли въ ложементы и изрубили оставшуюся тамъ часть пѣхоты; 4-й эскадронъ ихъ, будучи спѣшенъ, бросился со своимъ командиромъ ротмистромъ Хрулевымъ на перерѣзъ непріятелю, чтобы преградить ему путь отступленія въ горы; одновременно съ этимъ, 3-й эскадронъ

лейбъ-драгунскаго полка, также въ пѣшемъ строю, сдѣлалъ то же самое съ противоположной, т.-е. южной стороны, и такимъ образомъ, спѣшенные уланы и драгуны дрались въ улицахъ, а тѣмъ временемъ конныя части занимали окраины и захватили транспортъ. Впрочемъ, турки, взятые почти въ расплохъ, не думали отстаивать городъ, а дрались только для того, чтобы прикрыть кое-какъ свое отступленіе, что́ и удалось имъ, благодаря трудно доступнымъ, горнымъ тропинкамъ, по которымъ они спасались въ разбродъ и даже поодиночкѣ.

Генералъ Леоновъ, имѣя въ виду главную цѣль, т. е. овладѣніе городомъ, не сталъ терять времени на преслѣдованіе разсыпавшагося непріятеля, ограничась одними проводами его ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, пока это было возможно. Бой въ городѣ продолжался до половины перваго часа по полудни, хотя съ первыхъ же минутъ, благодаря неожиданности нападенія, дѣло явно склонилось въ нашу пользу. Черкесы, въ числѣ около трехсотъ всадниковъ, бросились вонъ изъ Врацы на орханіэвскую дорогу; но 1-й дивизьонъ лейбъ-драгунскаго полка, направленный еще утромъ, прямо изъ Вробежницы влѣво, на деревню Дорманце, съ цѣлью перехватить эту дорогу, встрѣтилъ черкесовъ и оттѣснилъ ихъ къ деревнѣ Лютому Долу.

Въ половинѣ четвертаго часа дня, генералъ Леоновъ въѣхалъ въ городъ, гдѣ жители-болгары встрѣтили его съ живѣйшею радостію. Здѣсь были сведены итоги потерямъ и добычѣ. Къ общему удовольствію, первыя оказались весьма незначительны, а именно: въ Конно-Гренадерскомъ полку ранено семь человѣкъ нижнихъ чиновъ и шесть лошадей, да девять лошадей убито; въ остальныхъ же частяхъ все обошлось благополучно, и изъ офицеровъ никто не раненъ. Близь города захваченъ большой запряженный транспортъ (до тысячи пустыхъ повозокъ), въ которомъ привозилось продовольствіе изъ Виддина въ Орханіэ, въ самомъ же городѣ найдены большіе запасы хлѣба (зерномъ и мукою), ячменя и галетовъ. Бо́льшую часть этихъ запасовъ генералъ Леоновъ отправилъ, 30-го октября, на подводахъ захваченнаго транспорта въ Горній Дубнякъ, отрядивъ въ прикрытіе имъ весь Конно-Гренадерскій полкъ. Лейбъ-драгуны съ двумя орудіями, того же

30-го числа, двинулись далѣе, по назначенію въ особую экспедицію, а лейбъ-уланы Его Величества, тоже съ двумя орудіями, оставлены пока во Врацѣ, въ качествѣ гарнизона.

LXX

Нижне-дунайскій, Рущукскій, Елененскій и Шипкинскій отряды

(Обзоръ дѣйствій за первую половину ноября мѣсяца)

Задачи нашихъ силъ на восточномъ, южномъ и западномъ фронтахъ. — Дѣйствія нижне-дунайскаго отряда. — Рекогносцировки на Урумъ-Факи, Хаджи-Оглу-Базарджикъ, Бальчикъ, и схватки летучихъ отрядовъ у Орманъ-Куюса, Карасулара, Ирыджи и Герзамлы. — Результатъ этихъ дѣйствій. — Попытки турокъ къ переправѣ на румынскій берегъ. — Канонады подъ Журжевымъ. — Дѣйствія на восточномъ фронтѣ. — Аванпостныя схватки. — Кавалерійское дѣло 3-го ноября подъ Кацелевымъ и Острицею. — Дѣла 5-го ноября противъ фуражировъ. — Бой 7-го ноября у Пиргоса. — Мелкія дѣла и стычки съ 8-го по 12-е октября. — Наступленіе турокъ 13-го числа и дѣла у деревень Паломарце, Кропче и Ковачицы. — Польская кавалерія у турокъ. — Бой 14-го ноября у Мечки и Трестеника. — Дѣйствія елененскаго отряда. — Дѣла 4-го и 5-го ноября у Новосела и Златарицы. — Сборъ турецкихъ силъ противъ елененскаго отряда. — Положеніе дѣлъ на Шипкѣ.

Боготъ, 15-го ноября.

Съ начала ноября мѣсяца на всѣхъ фронтахъ нашей задунайской арміи происходятъ почти ежедневныя и довольно оживленныя стычки и дѣла; все это, впрочемъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ, не имѣетъ особеннаго значенія для главнѣйшихъ нашихъ стратегическихъ цѣлей. То тамъ, то здѣсь, или съ нашей, или съ турецкой стороны дѣлаются небольшія рекогносцировки и нѣкоторыя попытки отдѣльныхъ атакъ; при этомъ либо турки оттѣсняютъ наши посты, либо мы потомъ оттѣсняемъ ихъ и занимаемъ мѣста прежняго своего расположенія. Все это происходитъ преимущественно на нашемъ восточномъ фронтѣ, гдѣ стратегическія цѣли наши до поры до времени заключаются лишь въ томъ, чтобы, обезпечивъ себя сильно укрѣпленными позиціями, не дать арміи Сулеймана никакой возможности повредить нашимъ

операціямъ на западномъ фронтѣ и преимущественно подъ Плевной, такъ что въ сущности вся задача отрядовъ восточнаго фронта сводится къ тому, чтобы не допустить Сулеймана не только прорваться, но и оттѣснить насъ изъ нынѣшнихъ укрѣпленныхъ позицій на линіи р. Кара-Лома. Задача южнаго фронта въ главныхъ чертахъ своихъ вполнѣ сходится съ предъидущею, такъ какъ здѣсь намъ важно удержать за собою, для будущихъ наступательныхъ цѣлей, балканскіе проходы и въ особенности Шипкинскій. Что касается западнаго фронта, то тутъ задача раздвояется, а именно: намъ надо держать въ тѣсной блокадѣ Плевну и въ то же время совершать поступательное движеніе къ Орханіэ и Софіи, дабы впослѣдствіи, опираясь на эти пункты, проникнуть въ юго-восточную часть забалканской Болгаріи. На западныхъ отрядахъ нашей арміи и сосредоточивается въ настоящую минуту весь интересъ наблюдателя. Однако же, сколь ни малозначущи сами по себѣ небольшія дѣла на восточномъ и южномъ фронтахъ, тѣмъ не менѣе, для уясненія общей картины нашихъ военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи за первую половину ноября, не мѣшаетъ сдѣлать всѣмъ имъ общій обзоръ. Свѣдѣнія, сообщенныя уже телеграфнымъ путемъ, какъ и всегда, ограничиваются лишь самыми существеннѣйшими чертами и вдобавокъ, по необходимости, страдаютъ разбросанностію, такъ какъ нерѣдко въ одной и той же депешѣ передаются отрывочныя извѣстія о дѣлахъ нѣсколькихъ, совершенно независимыхъ отрядовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго и временемъ дѣйствія, и пространствомъ, и даже самыми цѣлями своихъ дѣйствій. Поэтому задача настоящаго письма заключается въ томъ, чтобы очертить общую картину нашихъ дѣйствій за истекшія двѣ недѣли ноября, для чего необходимо привести въ порядокъ свѣдѣнія о данныхъ дѣлахъ по каждому отдѣльному отряду и дополнить ихъ нѣкоторыми, иногда интересными подробностями.

Начнемъ съ отдѣльнаго нижне-дунайскаго отряда.

Передовымъ кавалерійскимъ частямъ этого отряда нерѣдко удается проникать въ глубь непріятельскаго расположенія, гдѣ онѣ производятъ рекогносцировки и набѣги, вѣнчающіеся хотя и не большимъ, но постояннымъ успѣхомъ, который

не остается, конечно, безъ нравственнаго воздѣйствія на обѣ стороны. 2-го ноября командиръ Бѣлорусскаго гусарскаго полка полковникъ Лауницъ двигался по дорогѣ на городъ Хаджи-Оглу-Базарджикъ съ двумя эскадронами своего полка. На пути, у деревни Орманъ-Куюса, онъ настигъ конную партію регулярныхъ турокъ и черкесовъ, которые гнали скотъ и лошадей, вѣроятно, награбленныхъ или взятыхъ реквизиціоннымъ путемъ у жителей. Полковникъ Лауницъ атаковалъ эту кавалерію, разсѣялъ бо́льшую часть ея и отбилъ 400 головъ скота и 200 лошадей.

Начальникъ нижнедунайскаго отряда, генералъ Циммерманъ, для повѣрки силъ и расположенія непріятеля, посылалъ въ первой половинѣ ноября нѣсколько летучихъ отрядовъ на Умуръ-Факи, Хаджи-Оглу-Базарджикъ и приморскій городъ Бальчикъ. Всѣ эти отряды имѣли 11-го ноября весьма удачныя схватки съ турками. Казаки, посланные на Умуръ-Факи, наткнулись у деревни Карасулара на небольшую партію и отбили у нея много оружія, 65 лошадей и 10 головъ скота.

Бѣлорусскіе гусары, которые составляли авангардъ отряда, шедшаго на Бальчикъ, встрѣтили у деревни Ирыджи пять эскадроновъ регулярной турецкой кавалеріи, въ числѣ свыше пятисотъ человѣкъ, и немедленно же атаковали противника. Турки, туго подаваясь назадъ, встрѣтили атаку гусаръ частымъ огнемъ изъ своихъ магазинныхъ ружей. Тогда кинбурнскіе драгуны, пошедшіе рысью на звукъ этихъ выстрѣловъ, подоспѣли какъ разъ во-время къ мѣсту боя, атаковали вмѣстѣ съ гусарами турецкую кавалерію, успѣшно опрокинули ее съ перваго же налета, изрубили и перекололи значительное число непріятельскихъ всадниковъ, а остальныхъ гнали предъ собою почти до самаго Бальчика, причемъ отбили 145 турецкихъ лошадей и 376 головъ рогатаго скота; вмѣстѣ съ тѣмъ они успѣли сдѣлать и рекогносцировку самаго Бальчика, которая удостовѣрила ихъ, что этотъ городъ сильно укрѣпленъ и занятъ нѣсколькими таборами пѣхоты, съ регулярною конницею и артиллеріею; въ гавани же усмотрѣли они два непріятельскіе броненосца, стоявшіе на якорѣ.

Третій летучій отрядъ, въ составѣ четырехъ сотенъ 18-го донскаго казачьяго полка, при двухъ конныхъ орудіяхъ, направлялся къ Хаджи-Оглу-Базарджику, имѣя въ агангардѣ

одну изъ своихъ сотенъ. Эта головная сотня подверглась внезапной атакѣ у деревни Герзаллы, неподалеку отъ Базарджика. Турецкій отрядъ состоялъ изъ пятисотъ регулярныхъ кавалеристовъ и двухъ ротъ пѣхоты. Остальныя три сотни нашего летучаго отряда, быстро подоспѣвъ со своими орудіями, своевременно дали дружную поддержку своему атакованному авангарду, нанесли противнику большой уронъ артиллерійскимъ огнемъ, а затѣмъ смяли и окончательно разбили его смѣлою атакою въ шашки и въ пики, отбивъ при этомъ много прекраснаго оружія, 40 лошадей и 20 головъ скота. Кромѣ того, отряду нашему удалось высмотрѣть, что Базарджикъ укрѣпленъ довольно сильно. Въ этомъ дѣлѣ казаки потеряли убитыми 5 человѣкъ и 9 лошадей, а ранеными 6 человѣкъ и 7 лошадей, да сверхъ того одинъ казакъ изъ авангардной сотни пропалъ безъ вѣсти. Въ другихъ двухъ нашихъ отрядахъ были убиты и ранены только нѣсколько лошадей, потерь же людьми не было. Благодаря этимъ налетамъ, все пространство на 70 верстъ впередъ отъ линіи Кюстенджи-Черноводы совершенно очищено отъ непріятеля.

Порою проявляются со стороны турокъ странныя попытки къ переправѣ на румынскій берегъ. Надо отдать имъ справедливость, до сихъ поръ это были не болѣе какъ ничтожные случаи, и хотя нѣкоторыя иностранныя туркофильскія газеты старались иногда раздуть ихъ въ серьезныя и крайне опасныя для нашей коммуникаціонной линіи предпріятія, тѣмъ не менѣе ни одна попытка турокъ противъ лѣваго берега Дуная не увѣнчалась ни малѣйшимъ успѣхомъ. Страннѣе всего въ этихъ предпріятіяхъ то, что почти всѣ они производятся въ такихъ размѣрахъ и съ такими малыми силами, что даже наибольшій успѣхъ ихъ можетъ заключаться въ подвигахъ въ родѣ сожженія какой нибудь караулки, вырѣзанія одиночнаго и удаленнаго румынскаго поста, или въ захватѣ нѣсколькихъ барановъ. Такъ точно и въ ночь на 1-е ноября восемь турецкихъ лодокъ отчалили отъ рущукской пристани и тихо подплыли къ устью рѣчки Кепаско, впадающей въ Дунай нѣсколько ниже Журжева. Нашъ небольшой постъ позволилъ имъ подплыть довольно близко, такъ, чтобы при слабомъ свѣтѣ безлунной ночи бить навѣрняка, и затѣмъ далъ по достаточно выяснившемуся силуету противника два—три залпа, отъ ко-

торыхъ лодки поспѣшили удалиться обратно. Однимъ словомъ, выходитъ по пословицѣ: «игра не стоитъ даже свѣчъ», а не то, что металлическихъ патроновъ.

Что же касается Журжева, то здѣсь до конца октября наиболѣе безпокойства причиняли намъ и румынамъ тѣ рущукскія батареи, которыя спеціально посылали свои гранаты на станцію желѣзной дороги. Станція эта, какъ извѣстно, довольна обширна, а въ военное время на ней зачастую бываетъ сосредоточено не мало различныхъ грузовъ и переходящихъ командъ. Хотя турецкія гранаты далеко не всѣ разрываются, тѣмъ не менѣе причиняютъ нѣкоторое безпокойство, мѣшаютъ служащимъ и рабочимъ исполнять свои обязанности, угрожаютъ иногда безопасности складовъ и подвижнаго состава. Все это надо было по возможности устранить и потому 1-го ноября въ Журжевѣ была открыта для дѣйствій вновь построенная дальнобойная батарея, назначеніе которой заключалось въ стрѣльбѣ по турецкимъ батареямъ, обстрѣливающимъ вокзалъ и вообще районъ журжевской станціи. Эта батарея, въ первый же день своего открытія, совмѣстно съ прочими нашими батареями стрѣляла до самаго вечера по своимъ спеціальнымъ цѣлямъ и, по видимому, дѣйствіе ея было довольно удачно, продолжая оставаться такимъ и до настоящаго времени: турецкія орудія уже значительно менѣе и рѣже пытаются вредить журжевскому дебаркадеру. По показаніямъ нѣкоторыхъ перебѣжчиковъ, въ Рущукѣ находится теперь 30,000 турецкихъ войскъ. 7-го ноября, по случаю взятія Карса, наши журжевскія батареи послали громоносный боевой салютъ Рущуку, на который турки тотчасъ же отвѣтили горячею канонадой. Все это продолжалось два часа—отъ 12-ти до 2-хъ по полудни, причемъ у насъ на городской батареѣ разбита одна орудійная платформа и контужено пять человѣкъ артиллерійской прислуги, но за это мы сбили у турокъ цѣлую батарею, построенную у казармъ; кромѣ того, одинъ изъ нашихъ снарядовъ чрезвычайно удачно попалъ въ какую-то пѣхотную часть, шедшую къ Пиргосу. Лопнувъ среди рядовъ, онъ мигомъ заставилъ разсѣяться всю колонну.

Послѣ рѣчи о Журжевѣ и Рущукѣ, самый естественный переходъ будетъ къ нашему рущукскому отряду и вообще къ дѣйствіямъ войскъ восточнаго фронта.

Начиная со второй половины октября, турецкіе отряды, различныхъ силъ и состава, постоянно безпокоятъ наши передовые посты на шумлянской и османбазарской дорогахъ, гдѣ нашимъ кавалеристамъ по нѣскольку разъ въ сутки приходится имѣть горячія и нерѣдко упорныя стычки. При одной изъ подобныхъ аванпостныхъ схватокъ съ черкесами и башибузуками, 2-го ноября, у насъ раненъ Чугуевскаго уланскаго полка корнетъ Терентьевъ и убиты двѣ лошади.

3-го ноября, утромъ, на пространствѣ между деревнями Кацелевымъ и Солеником происходило не большое, но лихое кавалерійское дѣло. Началось съ того, что въ виду передовыхъ постовъ, выставленныхъ отъ 39-го донскаго казачьяго полка, въ районѣ между двумя названными линіями, появились два эскадрона турецкой кавалеріи, выславшіе впередъ цѣпь своихъ наѣздниковъ; эти послѣдніе завязали съ казаками безвредную перепалку, стараясь, главнѣйшимъ образомъ, посредствомъ своего огня привлечь исключительно на себя вниманіе нашихъ аванпостовъ, которые по количеству силъ, надо замѣтить, были значительно слабѣе противника. Смекнувъ, что турки намѣрены воспользоваться завязавшеюся перестрѣлкой наѣздниковъ, для того чтобы охватить посредствомъ обхода наши аванпосты, казаки стали понемногу стягиваться и подаваться назадъ, а затѣмъ неожиданно ударили на противника, съ обычнымъ своимъ гикомъ, и не только успѣшно отразили, но даже прогнали съ поля турецкіе эскадроны, послѣ чего вновь заняли свою аванпостную линію. Впрочемъ, первая неудача не охладила турокъ: спустя нѣсколько времени, тѣ же эскадроны опять выдвинулись противъ казачьихъ постовъ, но на этотъ разъ уже при поддержкѣ своей пѣхоты, появившейся въ количествѣ двухъ таборовъ. Стрѣлковый огонь и настойчивый натискъ регулярныхъ кавалеристовъ заставилъ наконецъ казаковъ, отстрѣливаясь, отходить назадъ, и такимъ образомъ турки постепенно тѣснили ихъ до деревни Острицы. Услышавъ перепалку, сосѣдній казачій № 36-го полкъ незамѣтно подтянулся къ Острицѣ и разомъ ударилъ во флангъ напиравшему противнику. Эта атака остановила дальнѣйшій натискъ турокъ и заставила ихъ удалиться отъ Острицы. Но все же они не угомонились: потерпѣвъ здѣсь вторичную неудачу, турецкіе

эскадроны, за которыми слѣдовала ихъ пѣхота, стремительно бросились на посты Лубенскаго гусарскаго полка, стоявшіе впереди Кацелева, и благодаря неожиданности этого новаго натиска, сдѣланнаго вслѣдъ за понесенною неудачей, имъ удалось оттѣснить гусаръ за рѣку Ломъ, послѣ чего турецкая пѣхота тотчасъ же заняла восемью ротами высоты праваго берега. Какъ разъ въ это самое время прискакалъ на мѣсто дѣйствія командиръ Лубенскаго гусарскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Пащенко-Развадовскій, который привелъ съ собою наскоро собранные по тревогѣ три эскадрона своихъ гусаръ, полуэскадронъ уланъ и дивизьонъ ингушей. Оттѣсненные гусары примкнули къ своимъ однополчанамъ, и такимъ образомъ этотъ небольшой отрядецъ, силою въ шесть съ половиною эскадроновъ, быстро перейдя чрезъ Ломъ, атаковалъ съ налета турецкихъ пѣхотинцевъ. Ошеломленные турки, очистивъ высоты праваго берега, отбѣжали къ Кацелеву, а потомъ, когда наша кавалерія стала охватывать ихъ съ обоихъ фланговъ, очистили также эту деревню и отошли къ Соленику, на свою укрѣпленную позицію. Кавалерія продолжала преслѣдовать отступавшія роты, пока наконецъ огонь турецкихъ орудій не принудилъ ее остановиться. Результатомъ этого дѣла было полное возстановленіе всей прежней линіи нашихъ аванпостовъ. Турецкія потери не сосчитаны; сами же мы потеряли въ этомъ дѣлѣ 13 нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ одинъ убитъ, а прочіе ранены; конская убыль убитыми и ранеными — 25 лошадей.

5-го ноября въ рущукскомъ отрядѣ происходили незначительныя дѣла противъ нашихъ фуражировъ. Первое дѣло, въ общихъ чертахъ, заключалось въ слѣдующемъ: отрядъ, въ составѣ одного батальона, двухъ казачьихъ сотень и шести орудій, высланъ былъ на фуражировку въ деревню Церовце и, оцѣпивъ сторожевыми постами должное пространство вокругъ этого селенія, занялся сборомъ сѣна и соломы, какъ вдругъ появилось восемь таборовъ турецкой пѣхоты. Пришлось бросить работу и, въ виду столь несоразмѣрно сильнаго противника, отступить на позицію между деревнями Церовце и Кацелево. Одинъ таборъ двинулся было на перерѣзъ нашимъ фуражирамъ отъ Соленика къ Кацелеву, но сотня ингушей и одна рота пѣхоты успѣли во-время задержать его, пока къ

нимъ подоспѣли еще четыре наши роты съ ракетными станками. Въ непріятеля были пущены всего лишь двѣ пироксилиновыя ракеты — и эффектъ ихъ дѣйствія оказался вполнѣ удовлетворительнымъ: турки отступили съ крайнею поспѣшностью и въ полномъ безпорядкѣ. Вообще, наши артиллеристы имѣютъ теперь хорошіе случаи и полную возможность производить практическіе опыты надъ дѣйствіемъ пироксилиновыхъ ракетъ и, по отзывамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, для этого прекраснаго и губительнаго снаряда должно ожидать боеваго примѣненія въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Того же 5-го числа турки изъ трехъ мѣстъ двинули противъ нашихъ фуражирскихъ партій три отдѣльныя колонны: первую, въ составѣ трехъ таборовъ, отъ деревни Басарбово на Пиргосъ, вторую тоже въ три табора, съ двумя орудіями, отъ Иванъ-Чифтлика на рущукско-бѣльское шоссе и, наконецъ, третью, состоявшую изъ двухъ эскадроновъ съ частью пѣхоты, на Кошево. Наша кавалерія, въ составѣ четырехъ эскадроновъ, успѣла во-время остановить наступательное движеніе противника. Конная батарея, подъ прикрытіемъ этихъ эскадроновъ, лихо вынеслась противъ центральнаго турецкаго отряда и открыла по немъ жаркій огонь. Одновременно съ этимъ, двѣ роты, занявъ Кошевскій курганъ, встрѣтили съ его вершины мѣткими залпами наступавшіе турецкіе эскадроны, а полусотня 36-го донскаго казачьяго полка ударила изъ засады во флангъ басарбовскому отряду, и такимъ образомъ дружная и одновременная встрѣча, сдѣланная нами всѣмъ тремъ отрядамъ противника, съ разу принудила его отступить къ селеніямъ Далабу и Чифтлику, въ укрѣпленныя позиціи. У насъ одинъ офицеръ контуженъ, 5 нижнихъ чиновъ убиты, 11 ранены и двое контужены.

7-го ноября турки, по видимому, задумали довольно серьезное наступленіе на наши авангардныя позиціи, лежащія на линіи отъ Пиргоса къ Ханъ-Гюль-Чесмѣ и между Иванъ-Чифтликомъ и деревнею Трестеникъ. Около двадцати таборовъ пѣхоты, съ соотвѣтственнымъ числомъ орудій, надвигались на означенныя позиціи изъ трехъ исходныхъ пунктовъ: Рущука, Басарбова и Иванъ-Чифтлика. Бой завязался въ девять часовъ утра. Но кромѣ этихъ нашихъ позицій,

около трехъ часовъ по полудни были атакованы демонстративнымъ образомъ и прочіе передовые посты по всей нашей линіи, въ особенности же районы полковъ 36-го казачьяго и Лубенскаго гусарскаго. Впрочемъ, эти демонстративныя атаки не имѣли никакого успѣха, будучи совершенно отбиты въ самое непродолжительное время. За то весьма упорный бой завязался на позиціи у Пиргоса. Эту позицію защищали всего лишь двѣ роты полковъ 45-го пѣхотнаго Азовскаго и 46-го пѣхотнаго Днѣпровскаго *). Сюда главнѣйшимъ образомъ были направлены всѣ усилія турокъ, напиравшихъ на наши ложементы въ подавляющемъ превосходствѣ силъ. Долго и геройски защищались обѣ наши роты: около четырехсотъ турокъ убитыхъ и раненыхъ валялись впереди ихъ позицій; но наконецъ весьма значительныя потери вынудили эти двѣ роты отойдти отъ Пиргоса къ Мечкѣ. Турки, вслѣдъ за ихъ отступленіемъ, тотчасъ же заняли Пиргосъ и зажгли его, безъ всякой впрочемъ надобности. Увидѣвъ отступленіе двухъ храбрыхъ ротъ, полки 12-й драгунскій Стародубовскій и 12-й уланскій Бѣлгородскій, въ полномъ составѣ, двинулись изъ Мечки на встрѣчу туркамъ, выбили ихъ спѣшенными частями изъ Пиргоса и къ половинѣ пятаго часа дня успѣли совершенно отбросить за Ломъ турецкую пѣхоту. Девятичасовой бой длился почти до шести часовъ вечера, когда противникъ былъ окончательно отбитъ на всѣхъ пунктахъ его атакъ, и наши передовые посты заняли свои прежнія мѣста по всей линіи. Пиргосъ сожженъ совершенно, а надъ ранеными азовцами и днѣпровцами совершены разныя звѣрства, трупы ихъ обезображены и поруганы,—и это въ который уже разъ дѣлаютъ не дикія шайки черкесовъ, не сбродъ башибузучьей сволочи, а регулярныя войска турецкія! О пиргосскихъ звѣрствахъ составленъ актъ, который будетъ обнародованъ, по примѣру телишевскаго протокола. Отступленіе турокъ предъ напоромъ стародубовцевъ и бѣлгородцевъ было столь поспѣшно, что они покинули на мѣстѣ боя почти всѣ трупы своихъ убитыхъ. Бой 7-го ноября стоилъ намъ хотя и не слишкомъ большихъ, но чувствительныхъ потерь, въ особенности между офицерами: убитъ Днѣпровскаго полка поручикъ Брайковскій;

---

*) 12-й пѣхотной дивизіи.

начальникъ штаба 12-й кавалерійской дивизіи генеральнаго штаба полковникъ Штрикъ тяжело раненъ въ шею съ лѣвой стороны, причемъ пуля прошла подъ правую лопатку, откуда вырѣзана полевымъ хирургомъ; затѣмъ опасно раненъ двумя пулями въ оба плеча Азовскаго полка штабъ-капитанъ Чернецкій, контуженный кромѣ того въ ногу; Днѣпровскаго полка прапорщику Кржевецкому пуля попала въ крестецъ, такъ что рана его безусловно смертельна; Украинскаго полка поручику Юркевичу пуля раздробила кость праваго бедра — рана очень тяжелая; Азовскаго полка маіоръ князь Химшіевъ и Днѣпровскаго полка штабсъ-капитанъ Яновскій контужены довольно сильно, но остались въ строю. Потеря нижнихъ чиновъ простирается до 180 человѣкъ, и въ томъ числѣ около 50-ти убитыхъ. Въ этотъ день нашими хирургами замѣчено, что всѣ раны нанесены пулями Пибоди, тогда какъ до этого раза были исключительно пули Снайдера, — значитъ, турки арміи Сулеймана успѣли переоружиться. Перебѣжчики и плѣнные, между прочимъ, показываютъ, что у Сулеймана, кромѣ 30,000 рущукскихъ войскъ, находится еще 20,000 въ Разградѣ и часть въ Османъ-Базарѣ, а самъ онъ съ остальными силами своей арміи стоитъ пока въ Эски-Джумѣ.

Потерпѣвъ неудачу, турки однако же почти ежедневно продолжали тревожить наши войска по всей линіи восточнаго фронта. Такъ, 8-го ноября, небольшой отрядъ, въ составѣ одного табора и двухъ эскадроновъ, при двухъ орудіяхъ, оттѣснилъ наши аванпосты, расположенные впереди деревни Балджи-Омуркіой; но чуть лишь приблизился резервъ этихъ передовыхъ постовъ, турецкій отрядъ отступилъ сейчасъ же. 9-го ноября нѣсколько конныхъ партій черкесовъ, баши-бузуковъ и регулярной кавалеріи три раза пытались перейдти рѣчку Солепикъ, но мѣткій огонь спѣшеннаго казачьяго поста каждый разъ отражалъ ихъ съ урономъ.

Затѣмъ въ три послѣдующіе дня (10-го, 11-го и 12-го) происходили только мелкія аванпостныя стычки и перепалки; но 13-го утромъ противникъ снова двинулъ впередъ по всей линіи небольшіе отряды, а именно:

1) Два табора съ кавалерійскимъ полкомъ и артиллеріею стали было тѣснить наши передовые посты отъ селеній Опаки

и Паломарце. Услышавъ выстрѣлы, генералъ-маіоръ Гильдебрандтъ, взялъ съ ближайшей позиціи 4-й пѣхотный Копорскій полкъ и свою кавалерійскую бригаду *) съ четырьмя орудіями, отбилъ атаку турокъ и отбросилъ ихъ за Кара-Ломъ съ большимъ урономъ. Мы потеряли при этомъ въ 3-мъ донскомъ полку двухъ казаковъ убитыми и трехъ ранеными, да въ Копорскомъ полку одинъ человѣкъ контуженъ.

2) Двѣ турецкія роты и эскадронъ кавалеріи оттѣснили постъ лубенскихъ гусаръ у деревни Кропче и затѣмъ отступили. Турецкій эскадронъ былъ отлично и красиво одѣтъ, и видимо рисовался на своихъ рослыхъ, хорошо выѣзженныхъ коняхъ; изъ рядовъ его ясно были слышны обращенныя къ намъ со стороны отдѣльныхъ всадниковъ бранныя слова и крики на польскомъ языкѣ. По отходѣ турокъ и поляковъ, нашъ гусарскій разъѣздъ, составленный изъ четырехъ человѣкъ, былъ посланъ къ деревнѣ Кропче развѣдать—куда отошелъ непріятель. Пройдя эту деревню, разъѣздъ нашъ поднимался на одну изъ возвышенностей, какъ вдругъ былъ окруженъ турецкою пѣхотою и польскою кавалеріею. Гусары, не долго думая, бросились на нихъ въ сабли и пробились, потерявъ одного человѣка убитымъ; изъ остальныхъ же троихъ одинъ раненъ.

3) На шумлянской дорогѣ два табора съ тремя эскадронами атаковали нашу передовую позицію у деревни Ковачицы. Восемь ротъ Устюжскаго пѣхотнаго полка съ восемью орудіями и тремя эскадронами чугуевскихъ уланъ отбросили непріятеля съ большими потерями и преслѣдовали его чрезъ Паломарце и Габово за Кара-Ломъ, причемъ двѣ сотни сосѣдняго казачьяго полка также приняли участіе въ преслѣдованіи. Нашъ уронъ ограничился двумя убитыми и девятью ранеными, въ числѣ которыхъ — маіоръ Геништа.

Наконецъ, въ этотъ же день была сдѣлана попытка и на юго-восточномъ фронтѣ, противъ еленинскаго отряда. Изъ-за Балканъ, со стороны мѣстечка Твердицы, появилось около 5,000 регулярной турецкой пѣхоты и около тысячи конныхъ черкесовъ и баши-бузуковъ, но эти воины ограничились лишь

*) 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи, полки Рижскій драгунскій и Чугуевскій уланскій.

тѣмъ, что сожгли двѣ деревни — Игнатовцы и Миковцы, а затѣмъ отступили, въ виду приближенія нашего отряда.

Всѣ эти попытки, безпрестанно повторявшіяся, ясно указывали, что турки, такъ сказать, нащупываютъ, гдѣ бы можно имъ удобнѣе и легче прорвать нашъ восточный фронтъ, чтобы двинуться на выручку Плевны. Упорная попытка 7-го ноября у Пиргоса показала, что, при удачѣ, они не прочь были бы дѣйствовать даже и противъ Систова, сколь ни кажется рискованнымъ подобное предпріятіе. Но вотъ, 14-го ноября, т. е. на слѣдующій же день послѣ только что описанныхъ попытокъ по всей линіи, турки предприняли уже вполнѣ серьезное, рѣшительное нападеніе на укрѣпленныя позиціи 12-го армейскаго корпуса, т. е. опять-таки по направленію отъ Пиргоса къ Мечкѣ и у Трестеника. Дабы замаскировать отчасти дѣйствительныя свои намѣренія, непріятель, одновременно съ атакою позицій 12-го корпуса, предпринялъ еще двѣ, очевидно, демонстративныя атаки: на Кацелево и Паломарце. Въ первомъ изъ этихъ пунктовъ дѣло ограничилось только незначительною перестрѣлкою, послѣ которой дивизьонъ атаманцевъ съ дивизьономъ ингушей атаковали противника и принудили его къ отступленію. Что же касается попытки у Паломарце, то здѣсь турки даже и боя не приняли, а отступили, чуть лишь нашъ отрядъ пошелъ имъ на встрѣчу. Всѣ усилія ихъ, какъ и 7-го числа, сосредоточились на линіи Пиргосъ-Трестеникъ.

Въ девять часовъ утра весьма значительныя силы турокъ, наступая, какъ и въ прошлый разъ, отъ Рущука, Басарбова и Чифтлика, сбили наши аванпосты и немедленно же съ отчаянною стремительностію атаковали укрѣпленныя позиціи у Мечки и Трестеника. Самый жаркій бой упорно длился до четвертаго часа дня. Массы противника лѣзли однѣ за другими на русскіе окопы и отчаянно подбѣгали ближе, чѣмъ на сто шаговъ къ нашимъ батареямъ, которыя встрѣчали ихъ жестокою картечью. Гдѣ ни пытались онѣ прорваться, повсюду имъ былъ данъ сильнѣйшій отпоръ, такъ что въ началѣ четвертаго часа, обезсилѣвъ наконецъ въ столь многочисленныхъ и безплодныхъ попыткахъ, турки начали отступленіе, усѣявъ все поле сраженія множествомъ убитыхъ и раненыхъ и оставивъ въ нашихъ рукахъ значительное число плѣнныхъ. По-

тери противника были громадны, тѣмъ болѣе, что войска 12-го корпуса не ограничились однимъ отраженіемъ атаки, а чуть лишь непріятель началъ отступать, сами перешли въ весьма горячее наступленіе, и не смотря на сильный и мѣткій огонь турецкой артиллеріи, прикрывавшей отступленіе, продолжали преслѣдовать противника, пока совсѣмъ не стемнѣло. Особенно настойчивымъ преслѣдованіемъ отличились полки 47-й пѣхотный Украинскій (12-й пѣх. дивизіи) и 129-й пѣхотный Бессарабскій (33-й пѣх. дивизіи), которые и понесли наиболѣе чувствительныя потери. Вся наша убыль, говоря относительно, весьма не велика—около трехсотъ человѣкъ. Къ сожалѣнію, на долю Украинскаго полка пришлась наибольшая потеря офицерами, которые вели себя молодецки. За это дѣло Государь Императоръ пожаловалъ орденъ св. Георгія 3-й степени командиру 12-го корпуса Великому Князю Владиміру Александровичу. Знаки сего ордена, вмѣстѣ съ георгіевскими крестами для нижнихъ чиновъ, повезъ Его Высочеству Великій Князь Сергѣй Александровичъ, уже имѣющій тотъ же крестъ 4-й степени, за дѣло 12-го октября на Кара-Ломѣ, близъ Кошева.

Перейдемъ теперь къ дѣйствіямъ еленинскаго отряда, на юго-восточномъ фронтѣ. Еще со второй половины октября турки начали производить частыя и усиленныя рекогносцировки противъ нашей еленинской позиціи, у сел. Марены. 4-го ноября человѣкъ четыреста конныхъ баши-бузуковъ и черкесовъ, поддержанные нѣкоторою частію регулярной пѣхоты, напали на беззащитную дер. Новосело, зажгли въ ней нѣсколько домовъ и убили трехъ болгаръ, которые, какъ хозяева зажигаемыхъ домовъ, попытались тушить огонь; затѣмъ черкесы тяжело ранили одну женщину, не позволявшую изнасиловать себя, и—странный видъ злости и мщенія!—ни за что, ни про что отрубили голову десятилѣтней болгарской дѣвочкѣ... Всѣ эти безобразія въ беззащитномъ селѣ продолжались до тѣхъ поръ, пока рота Якутскаго полка, извѣщенная мѣстными жителями и поддержанная двумя ротами изъ Джулука и Златарицы, не выбила ихъ изъ Новосела и не отшвырнула къ Козлубеку.

На другой день, 5-го числа, около четырехсотъ турокъ (вѣроятно, изъ состава вчерашняго же отряда) опять попыта-

лись было сдѣлать нападеніе на Новосело, но на этотъ разъ четыре роты Охотскаго полка дали имъ достойный отпоръ раньше, чѣмъ они успѣли совершить какія-либо мерзости и безобразія. Въ этомъ стрѣлковомъ дѣлѣ у насъ раненъ только одинъ рядовой. Но одновременно съ послѣднимъ нападеніемъ на Новосело, полтораста черкесовъ и баши-бузуковъ показались въ виду мѣстечка Златарицы. Подъ прикрытіемъ этой конницы, турецкая пѣхота заняла высоту, командующую надъ мѣстечкомъ, и начала тамъ рыть ложементы и насыпать батареи. Находившаяся по близости наша артиллерія пустила въ нихъ нѣсколько гранатъ, разорвавшихся очень удачно. Дѣйствіе артиллерійскаго огня, послѣ первыхъ же выстрѣловъ, вынудило пѣхоту противника не отступать, а просто бѣжать съ занятой ею высоты. Стрѣлки же Якутскаго полка довершили остальное: мѣткій огонь ихъ винтовокъ окончательно разсѣялъ черкесовъ и баши-бузуковъ. Восемь тѣлъ и въ томъ числѣ одинъ офицеръ были оставлены турками на мѣстѣ; мы же потеряли только двоихъ солдатъ ранеными.

7-го ноября, въ день столькихъ попытокъ противъ восточнаго фронта, непріятель, въ количествѣ около трехъ таборовъ пѣхоты (приблизительно свыше тысячи человѣкъ) и одной сотни черкесовъ, развернулся въ боевомъ порядкѣ противъ нашей маренской позиціи. На встрѣчу ему двинулся Сѣвскій пѣхотный полкъ, въ виду котораго турки отступили безъ боя.

13-го ноября, въ 6 часовъ вечера, начальникъ еленинскаго отряда, генералъ-маіоръ Домбровскій, увѣдомилъ начальника 26-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта барона Деллингсгаузена, находящагося въ Тырновѣ, что турки наступаютъ на еленинскій отрядъ большими массами. На подкрѣпленіе генералу Домбровскому тотчасъ же были направлены пѣхота и кавалерія, съ соотвѣтственнымъ числомъ орудій. Результаты дѣла, если только столкновеніе совершится, пока еще ожидаются.

Что касается южнаго фронта, то здѣсь противъ горы св. Николая (на Шипкинскомъ перевалѣ) турки въ первыхъ числахъ ноября продолжали усиливать свои батареи и поддерживали ежедневную перестрѣлку. Надо сознаться, что все это становится довольно монотоннымъ какъ для насъ, такъ и для противника, судя по разсказамъ перебѣжчиковъ. Ничего турки съ нашею Шипкой не подѣлаютъ! Если они настойчивы, то

мы, судя по всѣмъ даннымъ, еще настойчивѣе и терпѣливѣе. Наше положеніе тамъ далеко не изъ легкихъ: хлесткіе осенніе дожди, перемежающіеся со снѣжными завирухами, порою глубокіе снѣга, почти постоянная грязь и лужи по щиколку въ траншеяхъ, липкое мѣсиво на всѣхъ дорогахъ, пронзительные студеные вѣтры, ночные морозы, густые, непроницаемые и пронизывающіе до костей туманы, облака, плавающія ниже нашихъ позицій, вѣчная перестрѣлка, вѣчное ожиданіе атаки, сонъ въ полъ-глаза, обѣдъ въ сухомятку,— слова нѣтъ, все это тяжело; но мы стараемся, по возможности, чаще смѣнять однѣ части другими, свѣжими, и всѣ, отъ генерала Радецкаго до послѣдняго обознаго рядоваго, готовы хоть всю зиму переносить всяческія лишенія, и всѣ глубоко убѣждены, что туркамъ не вырвать у насъ Шипкинскій перевалъ, иначе, какъ перешагнувъ черезъ трупъ послѣдняго изъ его защитниковъ. Таковы здѣсь общія убѣжденія, общая вѣра, общая рѣшимость. 9-го ноября, въ восемь часовъ вечера, шелъ сильный дождь и завывалъ по ущельямъ пронзительный, студеный вѣтеръ. Среди вечерней темноты, еще болѣе усиливаемой плотнымъ туманомъ, котораго не могъ разсѣять даже и этотъ порывистый вѣтеръ, турки вздумали вдругъ атаковать батарею № 3-й, на горѣ св. Николая. Имъ удалось подползти на очень близкое разстояніе къ русскимъ ложементамъ, но наши секреты не дремали: роты Иркутскаго полка, во-время предупрежденныя своими молодцами-дозорщиками, въ полной тишинѣ подпустили противника на самое близкое разстояніе, съ котораго каждый человѣкъ былъ уже ясно замѣтенъ—а слѣдовательно не могло быть и промаха—встрѣтили турокъ такими залпами, послѣ которыхъ непріятель быстро отступилъ къ своимъ ложементамъ и, по обыкновенію, открылъ изъ нихъ живой огонь, сопровождавшійся и артиллерійскою канонадой. Въ половинѣ десятаго стихла, наконецъ, ружейная, а въ одиннадцать часовъ ночи и артиллерійская пальба. При этой попыткѣ у насъ было убито 14 и ранено 40 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Каждыя сутки приносятъ намъ свою долю потерь, но отъ нихъ не избавлены и турки въ такой же, если еще не въ большей мѣрѣ. Затѣмъ относительно Шипки вопросъ въ томъ, кто изъ двухъ противниковъ зорче, чутче, дисциплинированнѣе, убѣжденнѣе въ своихъ силахъ,

кто изъ нихъ выносливѣе и привычнѣе къ перенесенію всяческихъ лишеній и невзгодъ суроваго времени года. Кто знаетъ русскій народъ и климатическія условія его жизни, и, въ особенности, кто хорошо знаетъ русскаго солдата—для того въ этомъ вопросѣ не можетъ быть сомнѣнія, и даже сами иностранцы, если только они желаютъ оставаться безпристрастными, ни мало не сомнѣваются въ благопріятномъ для насъ исходѣ этой по истинѣ каторжной борьбы и работы. Велики русскія силы, но еще болѣе велико историческое русское терпѣніе!

LXXI

Подъ Плевной

(Обзоръ дѣйствій за первую половину ноября мѣсяца)

Раздѣленіе нашихъ плевненскихъ позицій на шесть участковъ. — Протяженіе и количество войскъ каждаго участка. — Обыденныя перепалки у Скобелева. — Извѣстіе о взятіи Карса и распоряженіе по этому поводу Государя Императора. — Молебствіе у Царскаго редута. — Праздникъ въ траншеяхъ. — Скобелевъ извѣщаетъ турокъ о взятіи Карса. — Взятіе Рахова, 7-го ноября. — Доробанцы. — Еще одинъ мониторъ ко дну! — Вѣсти изъ Плевны. — Показаніе одного изъ слугъ Османа - паши. — Посѣщеніе Государемъ Императоромъ румынскаго редута и приказъ князя Карла по сему поводу. — Литовскіе офицеры въ гостяхъ у турокъ.

Боготъ, 17-го ноября.

4-го ноября гренадерскій корпусъ окончательно занялъ позиціи 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій за Видомъ, и такимъ образомъ 70-ти-верстная линія обложенія Плевны раздѣлилась на слѣдующіе шесть участковъ.

Первый участокъ, отъ позиціи у Биволара (Сусурлю) до Гривицкаго редута: румынскія войска, подъ начальствомъ командующаго дѣйствующимъ румынскимъ корпусомъ, генерала *Черната*.

Второй участокъ, отъ Гривицкаго до Галичскаго редута: 31-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею и 2-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи съ четырьмя батареями, подъ начальствомъ командира 9-го корпуса генералъ-лейтенанта *барона Криденера*.

Третій участокъ, отъ Галичскаго редута до Тученицкаго оврага: 2-я пѣхотная дивизія съ 30-ю артиллерійскою бригадою и 12-й стрѣлковый батальонъ, подъ начальствомъ командира 4-го корпуса генералъ-лейтенанта *Зотова*.

Четвертый участокъ, отъ Тученицкаго до Картужабенскаго оврага: 16-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею, 30-я пѣхотная дивизія со 2-ю артиллерійскою бригадою, 9-й, 10-й и 11-й стрѣлковые батальоны и 9-й казачій полкъ, подъ командою начальника 16-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта *Скобелева*.

Пятый участокъ, отъ Картужабенскаго оврага до праваго берега р. Вида, у дер. Трнины: 3-я гвардейская пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею, два эскадрона лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка и № 10-го донская казачья батарея, подъ командою начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта *Каталея*.

Шестой участокъ, по лѣвому берегу р. Вида, включая на правомъ берегу рѣки позиціи у Биволара (Сусурлю): гренадерскій корпусъ, 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи, съ двумя батареями, 4-я румынская дивизія съ ея артиллеріею, 9-й драгунскій Казанскій, 9-й уланскій Бугскій, 9-й гусарскій Кіевскій и донской № 4-го полки; 7-я конно-артиллерійская батарея, донская № 2-го батарея и полкъ каларашей; подъ начальствомъ командира гренадерскаго корпуса, генералъ-лейтенанта *Ганецкаго*.

Послѣ дѣла въ ночь на 4-е ноября, когда генералъ Скобелевъ получилъ вторую контузію,—подъ Плевной водворилась тишина. Но это послѣднее слово, коль скоро оно касается плевненскихъ дѣлъ и обстоятельствъ, надо всегда понимать лишь въ относительномъ смыслѣ. Это значитъ только, что не было ничего особеннаго, выдающагося; бомбардированіе продолжается своимъ чередомъ, такъ сказать, методически: каждый день въ разные часы утра и вечера посылается въ Плевну со всѣхъ батарей по одному залпу; турки по прежнему почти не отвѣчаютъ на артиллерійскій огонь; за то на Зеленой горѣ поддерживаютъ постоянную ружейную перестрѣлку со Скобелевскою траншеею. Каждый вечеръ и каждую ночь на этой послѣдней позиціи поднимается разъ или два ужасная трескотня, которую обыкно-

венно начинаютъ турки; наши окрестныя батареи, въ отвѣтъ на нее, открываютъ сосредоточенный огонь по зелено-горскимъ укрѣпленіямъ противника, и все это продолжается минутъ пятнадцать-двадцать, а затѣмъ наступаетъ опять тишина, прерываемая лишь одиночными пушечными выстрѣлами. Все это уже сдѣлалось у насъ зауряднымъ, обычнымъ явленіемъ, вошло, такъ сказать, въ повседневный обиходъ нашей жизни. Въ первое время, когда, бывало, поднималась вечерняя или ночная трескотня,—группы любопытствующихъ высыпали куда нибудь на открытое мѣсто любоваться на молніе-подобныя вспышки боевыхъ огней; теперь же это никого не интересуетъ, развѣ поутру кто нибудь скажетъ: «а нынче ночью у Скобелева опять была трескотня—слышались выстрѣлы»—этимъ и ограничивается все дѣло.

Нормальное теченіе жизни на плевненскихъ позиціяхъ внезапно нарушилось только въ день 7-го ноября. Наканунѣ, вечеромъ, въ обѣихъ нашихъ главныхъ квартирахъ получена была телеграмма о взятіи Карса. Излишне говорить о томъ радостномъ чувствѣ, какимъ было встрѣчено это важное извѣстіе. Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы на слѣдующій день, ровно въ полдень, во всѣхъ отдѣльныхъ отрядахъ и корпусахъ, находящихся за Дунаемъ, въ виду турецкихъ позицій было отслужено благодарственное молебствіе, во время котораго, при возглашеніи многолѣтія россійскому воинству и вѣчной памяти убіеннымъ, вся артиллерія должна салютовать боевыми залпами по непріятельскимъ позиціямъ. Такъ было у Наслѣдника Цесаревича, у Великаго Князя Владиміра Александровича, на Шипкѣ, и повсюду, гдѣ лишь находятся наши войска. Такъ было и подъ Плевной, гдѣ благодарственныя молебствія были совершены особо на каждой нашей позиціи. Близь Тученицы, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ бояхъ съ 26-го по 31-е августа стоялъ нашъ главный резервъ, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ воздвигъ въ прошломъ мѣсяцѣ, на случай обороны, большой редутъ, который и названъ Тученицкимъ. Здѣсь предстояло совершиться молебствію въ присутствіи Государя. 7-го ноября, еще съ десяти часовъ утра, къ Тученицкому редуту стали съѣзжаться верхомъ и въ экипажахъ разные военные и гражданскіе чины русской и румынской армій. Въ виду

одного изъ брустверовъ, внѣ укрѣпленія, былъ поставленъ на открытомъ воздухѣ походный аналой, передъ которымъ развѣвались знамена двухъ ближайше расположенныхъ полковъ, люди коихъ въ полномъ вооруженіи были выведены въ строй для предстоявшаго парада. Бригады пѣхоты, терскій эскадронъ и лейбъ-казачій конвой Главнокомандующаго, съ извѣстнымъ бѣлымъ значкомъ Его Высочества, составляли густое каре вокругъ аналоя. Внутри редута прислуга Императорской квартиры наскоро приготовляла завтракъ и разстилала по землѣ большія, длинныя скатерти. Для Государя и Высочайшихъ Особъ, а равно и для высшихъ чиновъ арміи, здѣсь накрытъ былъ особо небольшой столъ, окруженный походными табуретами. Погода, какъ нарочно, стояла прекрасная: яркое солнце грѣло по лѣтнему, но умѣренно, какъ у насъ на сѣверѣ въ іюлѣ или въ августѣ, и подъ вліяніемъ теплыхъ лучей, на порыжѣлыхъ поляхъ, мѣстами, какъ свѣжій бархатный коверъ, уже пробивалась новая изумрудно-зеленая травка и распустились только что вышедшіе изъ земли какіе-то лиловые цвѣточки, изъ породы луковичныхъ, съ виду похожіе на маленькіе тюльпаны. Все это скорѣе напоминало первые дни весны, чѣмъ послѣдніе вздохи южной осени. Къ полудню, предъ Тученицкимъ редутомъ уже собралась огромная и пестрая толпа въ разнообразныхъ военныхъ костюмахъ; у аналоя въ праздничныхъ ризахъ стояло духовенство и небольшой хоръ пѣвчихъ; ожидали только прибытія Государя. И вотъ, вскорѣ показалась головная часть кубанскаго конвоя, а минуту спустя подкатила и открытая коляска, гдѣ сидѣлъ Его Величество съ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ. За этою коляскою быстро слѣдовала остальная часть Императорскаго конвоя и рядъ придворныхъ экипажей, гдѣ находились министры Двора и военный, шефъ жандармовъ, свѣтлѣйшій князь Суворовъ, дежурство и прочія лица свиты. Прибытіе Государя сопровождалось обычнымъ отданіемъ воинской почести и звуками похода. Главнокомандующій и князь Карлъ Румынскій первыми встрѣтили и привѣтствовали Его Величество. Императоръ, сѣвъ на коня, прослѣдовалъ вдоль по фронту, здороваясь съ каждою частью отдѣльно. «Ура» всѣхъ войскъ и музыка народнаго гимна сопровождали Вы-

сочайшій объѣздъ, по окончаніи котораго, сойдя съ коня, Государь направился къ аналою. Во время молебствія, когда запѣли «Тебе, Бога, хвалимъ»—грянулъ первый салютаціонный залпъ со всѣхъ батарей по Плевнѣ, за нимъ чрезъ полминуты второй, и такимъ образомъ мѣрные залпы продолжались до конца молебна. При возглашеніи «вѣчной памяти» павшимъ на полѣ брани, Государь преклонилъ колѣна и положилъ земной поклонъ; это же было сдѣлано и всѣми присутствовавшими, не исключая и войскъ, находившихся въ парадѣ. Многолѣтіе Государю, Царствующему Дому и войскамъ сопровождалось такими же грозными залпами, какъ и хвалебная пѣснь. Протоіерей Императорской квартиры, осѣнивъ крестомъ на всѣ стороны наши войска, поднесъ Распятіе къ устамъ Государя. За Его Величествомъ приложился князь Карлъ, затѣмъ наслѣдный принцъ Баварскій Арнульфъ, Великій Князь Сергѣй Александровичъ и, наконецъ, Его Высочество Главнокомандующій. По окончаніи молебствія, Государь обратился къ войскамъ съ краткою рѣчью, въ которой возвѣстилъ имъ о взятіи Карса, количествѣ плѣнныхъ, орудій и прочихъ трофеевъ, пріобрѣтенныхъ при этомъ, и пожелалъ имъ скорѣйшаго и столь же побѣдоноснаго окончанія съ Плевной. Отвѣтное «ура» было подхвачено сосѣдними войсками и далеко-далеко прогремѣло по всѣмъ нашимъ позиціямъ. Войска, участвовавшія въ парадѣ, были пропущены мимо Государя церемоніальнымъ маршемъ, съ музыкою, а за тѣмъ всѣ ихъ офицеры, равно какъ и всѣ присутствовавшія лица были приглашены въ редутъ къ завтраку, во время котораго Его Величество провозгласилъ тостъ за Великаго Князя Михаила Николаевича и за его славную кавказскую армію. Послѣ завтрака, Государь подошелъ къ группѣ армейскихъ офицеровъ и довольно долго изволилъ разговаривать съ ними, разспрашивая, между прочимъ, про ихъ житье-бытье на позиціи и про боевыя дѣла, гдѣ довелось имъ участвовать. Давно уже мы, привыкшіе здѣсь видѣть лицо Государя постоянно серьезнымъ и глубоко озабоченнымъ, не встрѣчали такой свѣтлой и довольной улыбки, какая сіяла на Немъ въ этотъ день, въ эти минуты... Онъ радовался вмѣстѣ съ нами, вмѣстѣ съ цѣлою, далекою отъ насъ Россіей, и одною и тою же общею нашею

радостію. По окончаніи бесѣды съ офицерами, Его Величество взошелъ на брустверъ, откуда въ это время Августѣйшія Особы наблюдали въ бинокли непріятельскія позиціи и дѣйствіе нашихъ снарядовъ. Спустя же нѣкоторое время по отъѣздѣ Государя, разъѣхались въ началѣ третьяго часа и всѣ присутствовавшіе на молебствіи. Съ этого дня Тученицкій редутъ названъ Царскимъ.

Но этимъ не кончился нашъ военный праздникъ по случаю паденія Карса. Весь день на русско-румынскихъ позиціяхъ гремѣла музыка и раздавались пѣсни, а когда наступилъ ясный и тихій вечеръ, всѣ наши боевыя линіи озарились блескомъ своеобразной иллюминаціи: здѣсь пылали ряды костровъ и смоляныя вѣхи, свѣтились кое-гдѣ гирлянды изъ самодѣльныхъ фонарей, взвивались въ темносинее небо ракеты и яркія разноцвѣтныя звѣзды римскихъ свѣчей. Но особенно хорошо было у Скобелева. Михаилъ Дмитріевичъ устроилъ у себя вечеромъ цѣлый пикникъ; весь его «Невскій проспектъ» и «Большая Морская» были иллюминованы, въ траншеяхъ раздавались русскія пѣсни и знакомые мотивы полковыхъ оркестровъ; плясуны вытанцовывали трепака — все веселилось отъ души, какъ бы забывъ на время и непріятеля и всѣ невзгоды осенняго существованія въ сырыхъ траншеяхъ. И вдругъ, на томъ мѣстѣ передовой траншеи, гдѣ среди «Невскаго проспекта» находится «Belle-vue», поднялся иллюминованный транспарантъ съ турецкою надписью, которая лаконически, но многозначительно извѣщала Плевну, что «*Карсъ взятъ*» *). Бойкое, радо́стное «ура» огласило при этомъ всю скобелевскую позицію; генералъ, успѣвшій уже оправиться отъ своей контузіи, присутствовалъ здѣсь же, среди «Невскаго проспекта». Въ это же время былъ сожженъ фейерверкъ, устроенный артиллеристами. Вечеромъ мы вообще не безпокоили своимъ огнемъ турокъ. Въ началѣ и они, какъ бы недоумѣвая что̀ значатъ всѣ эти звуки веселой музыки, эти общіе клики радости, эти ракеты и иллюминованныя линіи — не стрѣляли по нашимъ ложементамъ. Но когда освѣтился транспарантъ,—надпись его очевидно разсердила противника, и изъ его траншей вдругъ поднялась

---

*) Турецкая надпись была составлена Н. Д. Макѣевымъ.

ужасная ружейная трескотня. Мы и вниманія не обращаемъ: у нихъ выстрѣлы, какъ горохъ, а у насъ музыка, да пѣсни. Это «*Карсъ взятъ*» — видимо было для турокъ очень досадно, потому что ихъ выстрѣлы направлялись преимущественно въ транспарантъ, который совершенно изрѣшетило пулями. Вся эта потѣха продолжалась минутъ двадцать. Между тѣмъ оркестры сыграли «Боже Царя храни», и съ послѣднимъ аккордомъ народнаго гимна вся Скобелевская траншея вразъ отвѣтила туркамъ однимъ дружнымъ залпомъ, и на томъ кончила. Этотъ залпъ, услышанный нашими батареями, послужилъ для нихъ какъ бы сигналомъ къ открытію огня, и вотъ, со всѣхъ нашихъ позицій сосредоточенно посыпался на турокъ цѣлый градъ снарядовъ, послѣ котораго противникъ прекратилъ свою ружейную трескотню и къ половинѣ двѣнадцатаго часа все и повсюду замолкло подъ Плевною. Такъ окончился нашъ своеобразный военный праздникъ по случаю взятія Карса. Впрочемъ, турецкая осерчалость стоила намъ потери одного офицера и двухъ рядовыхъ ранеными.

Въ этотъ же день (7-го) русско-румынскій отрядъ взялъ придунайскій городъ Рахово. Русско-румынская кавалерія (16 эскадроновъ) находилась подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора барона Мейендорфа, а румынскою пѣхотою командовалъ полковникъ Сланичеано. Бой вокругъ раховскихъ укрѣпленій начался съ утра, какъ только разсвѣло, и продолжался весь день, съ большою настойчивостью со стороны румынъ и съ неменьшимъ упорствомъ со стороны турокъ. Полковникъ Сланичеано вмѣстѣ съ барономъ Мейендорфомъ заранѣе приняли мѣры, чтобы отрѣзать раховскому гарнизону единственный его путь отступленія, пролегающій по прибрежной дунайской дорогѣ, чрезъ Цыбра-Паланку и городъ Ломъ на Виддинъ. Верстахъ въ семи-восьми выше Рахова протекаетъ рѣка Скитъ или Скитулъ (она же по-турецки Искидъ), на которой находится мостъ. Этотъ-то мостъ, по распоряженію Сланичеано, былъ заблаговременно занятъ батальономъ доробанцевъ. Дѣйствіе артиллерійскаго огня оказалось на столько губительнымъ, что къ вечеру турки сознали наконецъ невозможность удерживать долѣе раховскую позицію. Поддерживая отвѣтный огонь, они дожидались только темноты, съ наступленіемъ которой очистили редуты, ложе-

менты и самый городъ, и двинулись по дорогѣ къ искидскому мосту. По обоимъ берегамъ рѣки и въ особенности у самаго моста завязался горячій и упорный бой. Батальонъ доробанцевъ лихо отражалъ штыками всѣ попытки турокъ прорваться силою на ту сторону рѣки, а въ то же время стрѣлки, разсыпанные на лѣвомъ берегу Скита, поражали напиравшаго противника ружейнымъ огнемъ; не мало вреда въ этомъ мѣстѣ нанесла туркамъ и русско-румынская артиллерія. Но сопротивленіе доробанцевъ было, по истинѣ, достойно высокой похвалы. Вообще, надо замѣтить, что доробанцы, эти милиціонныя, невзрачнаго вида войска, на которыя, казалось, вовсе нельзя было разсчитывать какъ на дѣйствительно боевую силу, нынѣ, къ удивленію всѣхъ, оказываются очень стойкимъ и храбрымъ войскомъ: они несутъ всю службу подъ Плевной и въ другихъ мѣстахъ совершенно наравнѣ съ регулярными частями; они участвуютъ 30-го августа во взятіи Гривицкаго редута, одинъ изъ ихъ батальоновъ получаетъ георгіевскій крестъ и ленты на свое знамя; они зорко несутъ сторожевую службу на всемъ протяженіи Румыніи по лѣвому берегу Дуная и они же, наконецъ, оказываютъ 7-го ноября столь серьезный отпоръ туркамъ на искидскомъ мосту. Такая подготовка милиціонныхъ войскъ, по справедливости, приноситъ большую честь румынскимъ офицерамъ-инструкторамъ.

Русско-румынская кавалерія помогла доробанцамъ окончательно отразить всѣ отчаянныя попытки турокъ противъ моста. Послѣ очень большихъ усилій и убылей, потерявъ наконецъ всякую надежду пробиться, турки бросились черезъ рѣку въ бродъ и побѣжали по дорогѣ на Ломъ-Паланку, не думая уже о своихъ обозахъ и заботясь лишь о собственномъ личномъ спасеніи. Кавалерія бросилась было ихъ преслѣдовать, но, къ сожалѣнію, густой туманъ, застлавшій всю окрестность, помѣшалъ ей совершенно уничтожить бѣгущаго противника. Впрочемъ, усиліями кавалеристовъ, захваченъ весь провіантскій и артиллерійскій обозъ; послѣдній состоялъ изъ 150 зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ, а кромѣ того взято много плѣнныхъ. И однако же, не смотря на ночной туманъ, преслѣдованіе бѣгущихъ турокъ продолжалось съ трехъ часовъ по полуночи до десяти часовъ слѣдующаго (8-го нояб-

ря) утра, причемъ совмѣстно съ кавалеріею велъ преслѣдованіе и одинъ изъ румынскихъ батальоновъ. Румыны понесли довольно значительныя потери: у нихъ убито 4 офицера и 76 нижнихъ чиновъ, а ранено четыре же офицера и 139 нижнихъ чиновъ; наши потери во время преслѣдованія были ничтожны. Въ настоящее время городъ Рахово занятъ сильнымъ румынскимъ отрядомъ.

Слѣдующій день, 8-го ноября, тоже не мало порадовалъ румынъ: батареи ихъ, расположенныя противъ Виддина на лѣвомъ берегу Дуная, въ мѣстечкѣ Калафатѣ, пять часовъ стрѣляли по турецкимъ укрѣпленіямъ и по монитору, который, выдвинувшись впередъ, старался огнемъ своимъ вредить румынскимъ батареямъ и мѣстечку. Румыны постарались сосредоточить свои выстрѣлы на броненосцѣ и одинъ изъ ихъ снарядовъ чрезвычайно удачно попалъ въ крюйтъ-камеру. Въ то же мгновеніе съ трескомъ высоко взвился грибообразный столбъ дыма — и черезъ четверть часа мониторъ, постепенно погружаясь, затонулъ совершенно, оставивъ надъ поверхностію воды только двѣ верхушки своихъ дымовыхъ трубъ. Это уже не первый случай прекраснаго дѣйствія румынской полевой и береговой артиллеріи.

Что касается внутренняго положенія Плевны и ея гарнизона, то въ этомъ отношеніи у насъ имѣются нѣкоторыя весьма интересныя свѣдѣнія, полученныя чрезъ перебѣжчиковъ. Къ свѣдѣніямъ, заимствуемымъ изъ подобнаго источника, конечно, слѣдуетъ всегда относиться съ осторожностію и нѣкоторымъ недовѣріемъ, потому что дезертиръ долженъ же хотя чѣмъ нибудь оправдывать свой безнравственный и безчестный, съ военной точки зрѣнія, поступокъ побѣга. Вслѣдствіе этого, дезертиры несравненно болѣе, чѣмъ плѣнные, или захваченные почему-либо мирные жители, преувеличиваютъ въ мрачную сторону положеніе своей арміи. Тѣмъ не менѣе, между показаніями ихъ встрѣчаются иногда очень интересныя вещи. Такъ, напримѣръ, въ самые послѣдніе дни къ князю Имеретинскому былъ приведенъ одинъ перебѣжчикъ, который разсказывалъ, что онъ принадлежалъ къ числу личныхъ слугъ Османа-паши, но, надѣлавъ крупныхъ дерзостей одному изъ его офицеровъ, долженъ былъ бѣжать изъ страха казни. По словамъ этого перебѣжчика, 5-го ноября въ арміи

Османа все уже было готово къ тому, чтобы пробиваться изъ Плевны открытою силою: небольшой, остающійся еще въ наличности запасъ артиллерійскихъ снарядовъ уложенъ въ ящики, трехдневная полная дача галетъ раздана людямъ на руки, равно какъ и необходимый запасъ патроновъ, которыми пополнены также и зарядные ящики, а затѣмъ главная масса патроновъ, находящихся въ Плевнѣ въ громадномъ количествѣ, зарыта въ землю, чтобы не обременять собою движеніе войскъ при прорывѣ и не достаться въ руки русскимъ. Кромѣ того, вся казна, находящаяся въ распоряженіи Османа, раздѣлена между старшими начальниками, тоже для того, чтобы не досталась въ наши руки. Всѣ уже ожидали съ часу на часъ приказа выступать, какъ вдругъ на слѣдующій день послѣдовало распоряженіе — отобрать у людей трехдневную дачу довольствія и сложить ее по прежнему въ магазины, а артиллерійскіе снаряды вновь распредѣлить по батареямъ оборонительныхъ позицій. Далѣе, тотъ же дезертиръ показывалъ, что хлѣбъ получается людьми въ размѣрѣ одной четверти обыкновенной дачи, а мясо по $^3/_4$ фунта, и что въ последнее время стали кормить нѣсколько лучше и щедрѣе чѣмъ прежде, хотя въ городѣ ощущается большой недостатокъ въ соли, да и мясо не всегда бываетъ бойное, а зачастую, изъ экономіи, идетъ въ пищу и палый скотъ, отчего между людьми замѣтно усиленіе болѣзненности. Въ показаніяхъ этого рода сходятся между собою почти всѣ перебѣжчики *).

---

*) О положеніи, въ которомъ находилась Плевна еще въ концѣ минувшаго мѣсяца, корреспондентъ газеты «Times» сообщаетъ не лишенныя интереса свѣдѣнія. «Въ теченіе послѣдней недѣли, пишетъ онъ изъ Плевны отъ 4-го ноября, мы находились здѣсь въ глубокомъ уныніи. Всѣ свѣдѣнія, доходящія до насъ тѣмъ или другимъ способомъ, сводятся къ тому, что Плевна совершенно обложена непріятелемъ. Османъ-паша, считавшій себя до сихъ поръ непобѣдимымъ, начинаетъ безпокоиться касательно будущаго. Его можно видѣть прохаживающимся по нѣскольку часовъ взадъ и впередъ передъ своимъ домомъ и нарушающимъ постоянное молчаніе только для того, чтобы по временамъ отдавать отрывистымъ и повелительнымъ тономъ приказанія офицерамъ главнаго штаба или арміи, дѣлающимъ ему свои донесенія. Его главный штабъ находится въ крайнемъ безпокойствѣ, боясь, чтобы главнокомандующій, въ минуту отчаянія, не прибѣгнулъ къ какой-либо безразсудной мѣрѣ. Османъ-паша раздраженъ неискуссною тактикою Шефкета-паши, знаменитаго героя Батака, и неблагоразуміемъ министерства, которое поручаетъ столь важные посты лю-

15-го ноября Государь Императоръ посѣтилъ большой румынскій редутъ, посвященный Имени Его Императорскаго Величества. Князь Карлъ по этому поводу отдалъ слѣдующій приказъ по румынской арміи:

«Солдаты!

«Съ перваго дня вашей встрѣчи съ непріятелемъ, Императоръ Всероссійскій имѣлъ возможность убѣдиться въ вашей храбрости. Похвалы, выраженныя этимъ Августѣйшимъ Монархомъ, были для васъ столь же драгоцѣнны, какъ и чувствительны. Впослѣдствіи Его Императорское Величество изволилъ оказать вамъ высокую честь Своимъ присутствіемъ и Своимъ участіемъ въ геройскихъ опасностяхъ на полѣ битвы. Румынская армія сохранитъ память о тѣхъ дняхъ, когда она шла въ бой на глазахъ Императора Александра, и въ особенности о днѣ 27-го ноября, въ который Августѣйшій Предводитель могущественной Императорской арміи, союзниками коей мы состоимъ, обозрѣвая позиціи нашихъ храбрыхъ и мужественныхъ войскъ подъ огнемъ непріятеля, въ фортѣ, носящемъ Его имя, удостоилъ принять изъ моихъ

дямъ, подобнымъ Хакки-пашѣ. «Между тѣмъ какъ я—говоритъ Османъ-паша—употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сдѣлать эту позицію недоступною и имѣть возможность оборонять ее отъ непрестанныхъ атакъ грознаго непріятеля, въ то самое время жалкій пьяница, на столько же трусъ, на сколько и невѣжда, разрушаетъ всѣ мои планы и подвергаетъ опасности всѣ одержанные мною до сихъ поръ успѣхи. Можно подумать, что какой-либо злой духъ побуждаетъ наше министерство дѣлать ошибку за ошибкою». Османъ-паша ясно предчувствовалъ и предвидѣлъ событія, послѣдствіемъ которыхъ было обложеніе этого пункта. Укрѣпивъ Плевну, онъ немедленно сообщилъ военному министерству о необходимости устроить въ Софіи большой лагерь и сосредоточить въ немъ не только всѣ свободныя, находящіяся въ Константинополѣ войска, но и всѣ низамы (регулярныя войска), составляющіе гарнизоны сосѣднихъ со столицею вилайетовъ. Если бы эта мѣра была приведена въ исполненіе, то Софія сдѣлалась бы не только большимъ центральнымъ складомъ припасовъ, но и имѣла бы армію отъ 120,000 до 150,000 человѣкъ. Османъ-паша сильно возставалъ противъ всякой атаки на Шипку, утверждая, что отрядъ въ 10,000—15,000 человѣкъ, сильно окопавшихся, поставленный у Шипкинскаго прохода, былъ бы болѣе чѣмъ достаточенъ, чтобы удерживать русскихъ. Но военный министръ, вмѣсто того, чтобы послушаться совѣта Османа-паши, принесъ въ жертву болѣе 15,000 человѣкъ въ безразсудной экспедиціи къ Сухумъ-Кале и около 20,000 своихъ лучшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ въ необдуманныхъ и несвоевременныхъ атакахъ на грозныя позиціи Шипкинскаго перевала, сильно укрѣпленныя русскими, и наконецъ поручилъ Шефкету-пашѣ, во главѣ недо-

рукъ медаль за военное достоинство. Этотъ знакъ доблести на груди сего Августѣйшаго Монарха будетъ вѣчною честью для румынской арміи и побужденіемъ къ новымъ жертвамъ, то есть къ новымъ побѣдамъ».

Въ заключеніе—одинъ случай анекдотическаго характера. 8-го ноября, лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ чествуетъ день своего патрона, св. Архистратига Михаила. Въ нынѣшнемъ году литовцамъ довелось справлять свой полковой праздникъ на позиціи передъ Плевной. На полковомъ торжествѣ сошлась, конечно, вся полковая офицерская семья, пріѣхали и гости.

Послѣ праздника двое молодыхъ офицеровъ: одинъ—литовецъ, откомандированный въ качествѣ ординарца къ генералу Ганецкому, другой—волынецъ, собрались ѣхать домой, простились съ друзьями, сѣли на коней и въ сопровожденіи казака тронулись себѣ съ Богомъ. Погода была сильно туманная и потому офицеры вскорѣ сбились съ дороги, но ничего: ѣдутъ себѣ спокойно и не замѣчаютъ своего промаха, какъ вдругъ въ пяти шагахъ передъ ними вырисовывается сквозь туманъ какая-то воинственная конная фигура съ караби-

---

статочныхъ, наскоро собранныхъ силъ, установить рядъ укрѣпленныхъ постовъ вдоль дороги между Орханіэ и Плевной, чтобы поддерживать открытыя сообщенія между этими пунктами и прикрывать подвозъ къ намъ припасовъ, боевыхъ снарядовъ и проч. Извѣстно, къ чему привела эта система раздробленія войскъ на протяженіи около 85 миль. Большинство высшихъ офицеровъ того мнѣнія, что лучше было бы пробиться въ какомъ-либо слабо охраняемомъ пунктѣ сквозь линію обложенія, чѣмъ дождаться до полной невозможности вырваться, въ виду подходящихъ къ русскимъ подкрѣпленій. Османъ-паша началъ уже уменьшать ежедневные раціоны на одну третью часть. До 29-го числа минувшаго мѣсяца весьма многіе изъ нашихъ больныхъ и раненыхъ, находившіеся не только въ такъ называемыхъ госпиталяхъ, но большею частію и въ частныхъ домахъ въ Плевнѣ, были отправляемы въ Орханіэ; не смотря на это, ихъ еще очень много и каждый день люди умираютъ въ мучительной агоніи единственно по недостатку ухода за ними. Со времени отъѣзда англійскихъ хирурговъ Стафордъ-гоуза, въ Плевнѣ, какъ мнѣ извѣстно, не осталось ни одного европейскаго доктора: раненые умираютъ и никто нисколько не заботится о спасеніи ихъ жизни, такъ какъ нельзя же признать за радикальныя пособія тѣ дѣтскія средства, къ которымъ прибѣгаютъ турецкіе врачи; напримѣръ, въ случаѣ раны пулею въ бедро, они крѣпко перевязываютъ всю ногу отъ большаго пальца до верхней части бедра, останавливая такимъ образомъ обращеніе крови, вслѣдствіе чего паціентъ погибаетъ вовсе не отъ той болѣзни, отъ которой его лѣчатъ».

номъ на-изготовкѣ и раздается громкій окликъ «*Кимъ дыръ ô?**). Офицеры поняли, что забрели на турецкіе аванпосты, но уже было поздно... Молча переглянулись они между собою—какъ быть теперь? Удирать безполезно, потому что и дорога потеряна, да и турки, пожалуй, нагонятъ. Нечего дѣлать: остановились передъ цѣпью, но къ счастію—не растерялись. Одинъ изъ нихъ вынулъ платокъ изъ кармана и замахалъ имъ, давая знать, что онъ прибылъ парламентеромъ. Въ ту же минуту около нашихъ собралась группа всадниковъ и нѣсколько пѣшихъ турокъ. Получивъ заявленіе, что офицеры пріѣхали въ качествѣ парламентеровъ, турки, хотя и оглядѣли ихъ весьма подозрительно, съ видимымъ недовѣріемъ, тѣмъ не менѣе пригласили подождать нѣсколько времени на аванпостахъ. Одинъ изъ непріятельскихъ всадниковъ поскакалъ куда-то—очевидно, съ докладомъ. Минутъ черезъ двадцать этотъ всадникъ возвращается вмѣстѣ съ турецкимъ офицеромъ, который любезно приглашаетъ импровизованныхъ парламентеровъ послѣдовать за собою. Глазъ имъ не завязывали, такъ какъ по причинѣ тумана это было бы вполнѣ безполезно. Приводятъ ихъ къ главному караулу, просятъ слѣзть съ лошадей и пожаловать въ палатку. Здѣсь, при помощи одного изъ офицеровъ, говорящаго по-французски, парламентерамъ предлагаютъ вопросъ: ради какой цѣли пожаловали они на аванпосты? Наши, ни мало не смущаясь, объявляютъ, что въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку сегодня день полковаго праздника и такъ какъ офицеры желаютъ провести этотъ вечеръ въ своемъ кругу вполнѣ спокойно, а также доставить нѣсколько часовъ праздничнаго отдыха и своимъ солдатамъ, то поэтому полковое начальство отправило ихъ обоихъ парламентерами, съ просьбою, чтобы господа турки, въ уваженіе къ военному празднику, не безпокоили сегодня Литовскій полкъ перестрѣлкою. Турецкіе офицеры пригласили офицеровъ садиться, угостили ихъ шербетомъ, кофеемъ и папиросами и очень любезно принялись болтать съ ними о томъ о семъ, оказывая во время этой бесѣды полную предупредительность. Приняли ли они слова нашихъ «парламентеровъ» за наличную монету, или же, понявъ настоящую суть дѣла, не

---

*) «Кто идетъ», а буквально «кто есть».

пожелали воспользоваться столь легко и неожиданно доставшимся имъ призомъ, въ видѣ двухъ плѣнныхъ русскихъ офицеровъ,—неизвѣстно; но только чрезъ полчаса отпустили ихъ домой, простясь вполнѣ дружелюбно и проводивъ до линіи своихъ аванпостовъ. И въ этотъ день по линіи литовскихъ ложементовъ турки не стрѣляли.

LXXII

Дѣйствія отдѣльнаго западнаго отряда

Назначеніе отдѣльнаго западнаго отряда. — Его составъ и выступленіе изъ-подъ Плевны. — Ближайшая цѣль дѣйствій. — Движеніе на Правецъ. — Обходное движеніе генерала Рауха. — Дѣло 11-го ноября на правецкой позиціи. — Дѣйствія праваго демонстративнаго отряда генерала Клота. — Путь кавалеріи въ горахъ. — Рекогносцировка на селенія Рашково и Радотино. — Ночлегъ въ Рашковѣ. — Выборъ артиллерійской позиціи противъ Лютакова. — Распоряженія генерала Клота. — Непригодность артиллерійской позиціи. — Извѣстія отъ полковника Лихтанскаго. — Встрѣча съ отрядомъ Лихтанскаго и распоряженія по сему поводу генерала Клота. — Дѣйствія полковника Лихтанскаго 10-го ноября противъ новачинскихъ укрѣпленій. — Затрудненія въ пути при его отступленіи и гибель двухъ орудій. — Потери лейбъ-драгунъ. — Дѣйствія лѣваго демонстративнаго отряда генерала Дандевиля. — Цѣль дѣйствій. — Рекогносцировка этропольскихъ позицій. — Дѣйствія 10-го ноября отрядовъ Принца Ольденбургскаго и полковника Рыдзевскаго. — Взятіе редута преображенцами 11-го числа. — Атака преображенскихъ охотниковъ капитана Пищевича 12-го числа на главный редутъ. — Бой на этропольскихъ позиціяхъ. — Занятіе Этрополя. — Потери въ отрядѣ Дандевиля. — Преслѣдованіе турокъ 13-го числа въ Златицкомъ и Скрыгловскомъ ущельяхъ. — Занятіе Орханіэ. — Взятіе высоты Греота. — Турки на араба-конакской позиціи. — Дѣйствія отрядовъ Дандевиля и Эллиса противъ араба-конакской позиціи съ 17-го по 21-е ноября. — Наши потери. — Спускъ генералъ-маіора Курнакова и графа Комаровскаго съ Балканскаго хребта къ Златицѣ, 21-го ноября.

Боготъ, 23-го ноября.

Теперь остается перейдти къ дѣйствіямъ отдѣльнаго западнаго отряда, начальство надъ которымъ ввѣрено генералъ-адъютанту Гурко. Одна изъ ближайшихъ задачъ этого отряда— занятіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ балканскихъ проходахъ, съ цѣлію изолировать Орханіэ отъ прочихъ стратегическихъ пунктовъ, взявъ его, при случаѣ, такъ или иначе; другая, не менѣе важная задача заключается въ томъ, чтобы укрѣпив-

шись на занятыхъ позиціяхъ, препятствовать всякой попыткѣ со стороны забалканской турецкой арміи протянуть руку помощи Плевнѣ, съ паденіемъ которой дальнѣйшая цѣль отряда генерала Гурко будетъ заключаться въ движеніи на Софію, а потомъ на Филиппополь. Отдѣльный западный отрядъ представляетъ собою сильный, вполнѣ самостоятельный корпусъ, въ который входятъ нѣсколько дивизій частію гвардейской, частію армейской пѣхоты и кавалеріи, съ соотвѣтственнымъ числомъ орудій. Къ 1-му ноября въ этомъ отрядѣ все уже было готово къ выступленію. 2-го ноября 2-я гвардейская пѣхотная дивизія собралась въ селеніи Радомирцахъ; 3-го же вечеромъ должна была тронуться изъ Дольняго Дубняка и 1-я дивизія гвардейской пѣхоты, но ее задержало на мѣстѣ особое экстренное распоряженіе, отданное на основаніи извѣстія, полученнаго чрезъ перебѣжчиковъ, что Османъ-паша намѣревается на разсвѣтѣ 4-го числа форсировать свой выходъ изъ Плевны, для чего и будетъ сдѣлана общая вылазка всѣмъ гарнизономъ. Но такъ какъ намѣреніе это осталось безъ исполненія, то 4-го числа, въ десять часовъ утра, двинулись въ походъ и части 1-й дивизіи; стрѣлковая гвардейская бригада выступила къ Радомирцамъ еще наканунѣ.

9-го ноября началось дальнѣйшее передвиженіе войскъ генерала Гурко, съ тою цѣлію, чтобы сосредоточиться въ нѣсколько особыхъ отрядовъ, изъ коихъ каждому предстояло особое назначеніе въ исполненіи общей задачи, которая на первый разъ заключалась въ слѣдующемъ: надо было взять селеніе Правецъ, лежащее на полупути между Этрополемъ и Орханіэ и представляющее весьма крѣпкую отъ природы позицію, усиленную еще фортификаціонными сооруженіями. Овладѣніе Правцемъ составляетъ первый шагъ къ овладѣнію мѣстечкомъ Орханіэ. Для развлеченія непріятельскихъ силъ, дабы лишить ихъ возможности подать Правцу своевременную помощь, предстояло совершить, одновременно съ атакою правецкой позиціи, двѣ демонстративныя атаки—по ту и другую сторону отъ Орханіэ и Правца: первую — къ сѣверо-западу отъ Орханіэ, на укрѣпленныя селенія Новачинъ и Лютаково, а вторую—къ юго-востоку отъ Правца, на городъ Этрополь, причемъ, въ послѣднемъ случаѣ, при успѣхѣ, слѣдовало постараться овладѣть имъ, ибо Этрополь служитъ ключомъ къ

двумъ весьма важнымъ для насъ балканскимъ проходамъ на городъ Златицу и на деревню Стрыглъ [1]).

Главныя силы отряда, предназначеннаго къ атакѣ Правца, генералъ Гурко поручилъ начальнику 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, графу Шувалову. Эту атаку предстояло исполнить двумя отрядами: *фронтальнымъ* [2]), при которомъ находился и самъ графъ Шуваловъ, и *обходнымъ*, ввѣреннымъ генералъ-маіору Рауху, коему былъ предоставленъ главный, рѣшительный ударъ на правецкую позицію, съ лѣваго ея фланга, тогда какъ силы фронтальнаго отряда должны были только притягивать вниманіе непріятеля на его собственный фронтъ.

На селенія Новачинъ и Лютаково былъ направленъ изъ Врацы небольшой отрядъ, составленный изъ шести эскадроновъ гвардейской драгунской бригады, со 2-ю гвардейскою конною батареею, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Клота, а на Этрополь — два отряда, подъ общимъ начальствомъ генерала Дандевиля [3]). Оставляя пока отчетъ о дѣйствіяхъ обоихъ побочныхъ отрядовъ, генераловъ Клота и Дандевиля, останавливаемъ вниманіе на главномъ отрядѣ, ввѣренномъ графу Шувалову.

Часть этого отряда, предназначенная для фронтальной атаки на Правецъ, двинулась 10-го ноября, подъ начальствомъ генерала Эллиса 1-го, изъ Осикова [4]) и послѣ незначительнаго сопротивленія сбила турокъ съ передовой правецкой позиціи, а затѣмъ заняла рядъ холмовъ близь осиковскаго ханé (придорожный трактиръ, верстахъ въ 6-ти далѣе Осикова), по обѣ стороны шоссе неподалеку отъ правецкой позиціи. При этомъ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, находившійся на крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ, занялъ узелъ путей отъ Осикова въ Орханіэ. Весь этотъ день (10-е) и ночь (съ 10-го

---

[1]) Отъ Златицы лежитъ прямая дорога на Татаръ-Базарджикъ, который соединенъ съ Адріанополемъ желѣзнымъ путемъ, а отъ Стрыгла ведетъ по открытой мѣстности шоссейная дорога на Софію. Разстояніе между Стрыгломъ и Софіей — отъ 45 до 50 верстъ.

[2]) Подъ начальствомъ генерала Эллиса 1-го.

[3]) Одинъ изъ этихъ отрядовъ находился подъ начальствомъ Его Высочества принца Александра Ольденбургскаго, а другой — полковника Рыдзевскаго, командира 12-го пѣхотнаго Великолуцкаго полка.

[4]) Оно же и Усыковица, по картѣ полковника Арамонова.

на 11-е), а также и утро 11-го ноября войска генерала Эллиса 1-го употребили на укрѣпленіе своей позиціи; но кромѣ того имъ пришлось приложить тяжкій трудъ для встаскиванія своихъ орудій на страшныя кручи. Однако же этотъ трудъ не могъ быть совершенъ спокойно: день и ночь мы вели перестрѣлку съ непріятельскими ложементами и редутами, расположенными по ту сторону длиннаго и крутаго оврага, раздѣлявшаго обѣ стороны. Во все это время ружейная и артиллерійская пальба то ослабѣвала, то возгоралась съ новою силою.

Въ это же самое время обходный отрядъ генералъ-маіора Рауха *), направленный на лѣвый флангъ правецкой турецкой позиціи, двинулся изъ Яблоницы, въ четыре часа дня 9-го ноября, кружнымъ путемъ чрезъ селенія Видраръ и Калугерово, а оттуда, по теченію рѣчки Лукавицы, на селеніе Лукавицу. Этому отряду, въ теченіи 48-ми часовъ днемъ и ночью, безъ малѣйшаго перерыва въ своемъ движеніи, довелось испытать *невѣроятныя* (нарочно подчеркиваемъ это слово) труды и лишенія: пришлось идти не по дорогѣ, но по головоломнымъ тропинкамъ и даже безъ всякихъ путей, а просто по скалистымъ кручамъ, на которыя надо было встаскивать орудія и ящики. И можно представить себѣ, что̀ такое это было когда на эти недосягаемыя вершины люди встаскивали 9-ти-фунтовыя орудія *на рукахъ!* И это не разъ, не два, а безпрестанно, въ теченіи полныхъ двухъ сутокъ! И при такихъ-то трудахъ, люди проводили ночи безъ сна, иногда подъ дождемъ, въ холодномъ туманѣ, и по неволѣ питались одними лишь сухарями: варить было негдѣ, да и некогда. Надо было поспѣшать—торопиться, какъ бы не опоздать къ назначенному часу и пункту атаки. И вотъ, наконецъ, 11-го ноября, къ 12-ти часамъ дня, генералъ Раухъ, совершенно согласно диспозиціи, вышелъ на флангъ почти неприступной турецкой позиціи, и не медля ни одной минуты, вступилъ въ бой, хотя люди его и испытывали страшную усталость. Турки едва лишь за нѣсколько минутъ до

*) Въ составѣ л.-гв. Семеновскаго полка, двухъ гвардейскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ: 1-го Его Величества и 4-го Императорской Фамиліи, команды л.-гв. сапернаго батальона, трехъ сотень Кубанскаго казачьяго полка, дивизьона л.-гв. донской казачьей Наслѣдника Цесаревича батареи, взвода донской № 8-го и взвода конно-горной батарей. Всего 6 батальоновъ, 1 команда, 8 орудій и 3 сотни.

прихода Рауха успѣли занять высоту на лѣвомъ своемъ флангѣ. Но войска генерала Рауха не дали имъ времени окопаться и съ разу полѣзли на кручу. Къ четыремъ часамъ дня непріятель былъ сбитъ съ этой высоты, и генералъ Раухъ, пользуясь моментомъ его отступленія, сопряженнаго съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, повелъ безостановочное преслѣдованіе противника и гналъ его вдоль всей турецкой позиціи, пока не очистилъ окончательно всѣхъ ея окоповъ. Турки бѣжали, осыпаемые градомъ гранатъ съ батарей нашей фронтальной позиціи, гдѣ находились графъ Шуваловъ и генералъ Эллисъ 1-й. Въ пять часовъ по полудни густыя облака сползли ниже вершинъ и совершенно покрыли собою бѣжавшихъ турокъ; только благодаря этому случайному обстоятельству, отрядъ генерала Рауха не успѣлъ доконать ихъ до послѣдняго человѣка и расположился отдыхать на горныхъ вершинахъ — по выраженію генерала Гурко — «буквально, выше облака ходячаго». Къ этому же времени и остальныя войска графа Шувалова, перейдя оврагъ, заняли покинутыя турками позиціи и расположились въ разстояніи вѣрнаго ружейнаго выстрѣла отъ участка орханійскаго шоссе, пролегающаго между Правцемъ и деревнею Лажени. Наши потери—около 70-ти нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ, и два раненыхъ офицера: одинъ въ Кубанскомъ казачьемъ полку (имя не сообщено) и другой—лейбъ-гвардіи Финскаго стрѣлковаго батальона подпоручикъ Брунно, которому пробило обѣ ноги ниже колѣнъ. Плѣнныхъ турокъ къ 12-му ноября было приведено къ генералу Гурко 70 нижнихъ чиновъ и одинъ пѣхотный офицеръ.

Переходимъ къ дѣйствіямъ праваго демонстративнаго отряда. 9-го ноября, въ 7 часовъ утра, генералъ-маіоръ Клотъ выступилъ изъ города Врацы съ шестью эскадронами гвардейской драгунской бригады *) и 2-ю гвардейскою конною батареею. Онъ разсчитывалъ въ тотъ же день подойдти къ Новачину и Лютакову, а на слѣдующій—демонстрировать артиллерійскимъ огнемъ противъ обѣихъ укрѣпленныхъ позицій. Генералу Клоту было предписано открыть огонь въ 9 часовъ утра и продолжать его до трехъ по полудни. Пред-

*) Три эскадрона лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго и три эскадрона лейбъ-гвардіи Драгунскаго полковъ.

шествовавшія рекогносцировки удостовѣряли, что дорога отъ караулки до Новачина идетъ почти непрерывнымъ ущельемъ, тогда какъ около Лютакова мѣстность довольно открыта; сообщеніе же между Новачиномъ и Лютаковымъ можетъ происходить не иначе, какъ по дорогѣ на караулку, потому что горная мѣстность между этими тремя пунктами для кавалеріи окончательно непроходима. Принимая въ соображеніе свойства данной мѣстности, т. е. открытость ея у Лютакова и сжатость предъ Новачиномъ—генералъ Клотъ рѣшился направить противъ Лютакова главную часть своего отряда (три эскадрона) съ четырьмя орудіями, а на Новачинъ отрядилъ полтора эскадрона *) и два орудія, подъ начальствомъ полковника Лихтанскаго, которому было приказано преимущественно имѣть въ виду охраненіе ущелистой дороги, ведущей изъ Новачина къ караулкѣ и выходящей въ тылъ отряду дѣйствующему противъ Лютакова.

И такъ отрядъ генерала Клота, выступя изъ Врацы 9-го утромъ, слѣдовалъ къ Искеру, на Дорманце, и близъ этого послѣдняго селенія перешелъ рѣку въ бродъ, глубиною болѣе трехъ футовъ. Тутъ уже дорога сдѣлалась крайне затруднительною: справа—крутой, обрывистый берегъ, слѣва—отвѣсною стѣною возвышаются надъ самою тропинкою высокія каменныя скалы, навороченныя одна на другую гигантскими и какъ бы слоистыми глыбами; далѣе дорога втягивается въ узкое, мрачное ущелье и вьется все время, то поднимаясь вверхъ, по обрывистымъ краямъ скалистыхъ кручъ, то сбѣгая въ глубь лощины, по кремнистому руслу ручья, и кромѣ того, на всемъ почти пространствѣ отъ Искера до самой деревни Рашково, путь торчмя покрытъ большими острыми камнями, движеніе по которымъ въ высшей степени затруднительно не только для орудій, но и для кавалеріи, а нѣсколько крутыхъ подъемовъ и спусковъ съ совершенно неожиданными и рѣзко-крутыми поворотами крайне утомляли артиллерію. Эскадронамъ приходилось двигаться очень медленно, по два всадника въ рядъ, а гдѣ и въ одинъ конь, растягиваясь на нѣсколько верстъ непрерывною, вьющеюся лентой. Притомъ

*) Одинъ полуэскадронъ гвардейскихъ драгунъ былъ въ расходѣ для содержанія разъѣздовъ и связи съ отрядомъ, находящимся въ д. Сводъ.

же артиллерія еще болѣе затрудняла движеніе: то орудіе, то ящикъ опрокинется, то измученная лошадь, споткнувшись, грохнется со всѣхъ ногъ на острые кремневые осколки и чуть не срывается съ кручи.—«Стой!.. Стой! Не насовывайся!.. Поводъ на себя»!—раздаются досадливые крики по всему пути, передаваясь отъ взвода ко взводу, въ отдаленный хвостъ колонны. Происходитъ невольная суматоха, замѣшательство: то тамъ, то здѣсь скучиваются нѣсколько всадниковъ, тѣснятся, наѣзжаютъ, напираютъ одинъ на другого; спѣшенная артиллерійская прислуга бросается къ перевернувшемуся навзничь орудію, старается вытянуть его на уносахъ, суетится и такъ и сякъ вокругъ и около, дружно наваливается на хоботъ, на колеса, на самую пушку, помогаетъ и руками и плечами—и наконецъ кое-какъ ставитъ орудіе на колеса. —«Трогай, съ Богомъ! Готово!»—кричатъ артиллеристы, обтирая вспотѣвшіе лбы и отмахивая натруженныя руки.—«Шагомъ, маршъ!» протяжно несется опять отъ взвода ко взводу команда офицеровъ—и вотъ опять по ущелью гудитъ тяжелое громыханье артиллеріи вмѣстѣ съ сухимъ топотомъ нѣсколькихъ сотень подковъ о кремнистую почву. Артиллеристы уже не садятся на коней, а все время идутъ подлѣ орудій и ящиковъ, то и дѣло подпирая ихъ на сомнительныхъ или прямо опасныхъ мѣстахъ руками и плечами, а чрезъ нѣсколько минутъ опять гдѣ нибудь раздается отчаянное «стой!»—и опять пошла старая исторія...

Ночлегъ былъ назначенъ у деревни Рашково, но убѣдясь, что при такихъ затрудненіяхъ и безпрестанныхъ, продолжительныхъ остановкахъ засвѣтло никакъ не дойдти до мѣста, генералъ Клотъ выслалъ впередъ два эскадрона *), вмѣстѣ съ генеральнаго штаба капитаномъ Храповицкимъ, для того чтобы заблаговременно осмотрѣть мѣстность между Лютаковымъ и Рашковомъ. Оставивъ эскадронъ драгунъ у караулки для охраненія дороги на Новачинъ, капитанъ Храповицкій въ половинѣ пятаго часа прибылъ съ конно-гренадерами къ Рашкову. Не доходя этой деревни, ему встрѣтились мѣстные болгары, которые сказали, что селеніе ихъ занято черкесами; вслѣдствіе этого туда былъ направленъ для развѣдки одинъ

---

*) Одинъ драгунскій, другой конно-гренадерскій.

полуэскадронъ; но черкесы еще ранѣе его появленія поспѣшили очистить Рашково, гдѣ этотъ полуэскадронъ и остался, а другой пошелъ было занимать Радотино, но тамъ оказалась непріятельская пѣхота. Уже начинало смеркаться, да и проливной дождь къ тому же захлесталъ съ такою силой, что заволокнувъ, какъ прясломъ, своими косыми полосами всю окрестность, сдѣлалъ окончательно невозможнымъ на сегодня продолженіе рекогносцировки. Пришлось почти ни съ чѣмъ возвращаться въ Рашково, куда подтянулся къ этому времени и генералъ Клотъ съ остальными двумя эскадронами конно-гренадеръ и четырьмя орудіями. Отрядъ сталъ на бивуакъ у выхода изъ горъ, въ полуверстѣ отъ Рашкова, а цѣпь аванпостовъ вытянута была противъ Радотина. Едва успѣли разбить коновязи, какъ уже наступилъ ненастный вечеръ: тьма— хоть глазъ выколи, по полю порывистый сѣверо-западный вѣтеръ гуляетъ, а на неприглядномъ бивуакѣ грязь и цѣлыя лужи нагнало дождемъ, такъ что негдѣ выбрать мѣстечка, гдѣ бы можно пріютиться человѣку—и люди стоятъ, да переминаются съ ноги на ногу, молча и угрюмо. Дрожь пронимаетъ ихъ до костей; на платьѣ мѣста нѣтъ сухаго, а согрѣться негдѣ: сучья не загораются—разбухли отъ сырости; мокрыя лошади тоже дрожатъ подъ налетами вѣтра, который взметаетъ ихъ хвосты и гривы, и жмутся одна къ другой, уныло и тихо понурясь, а дождь все льетъ и льетъ безконечно... Не веселая ночь досталась на долю нашимъ гвардейцамъ.

Полтора эскадрона драгунъ съ двумя орудіями, подъ начальствомъ полковника Лихтанскаго, были оставлены у караулки, причемъ они выдѣлили изъ себя небольшую часть и выдвинули ее по дорогѣ въ Новачинъ. Въ девять часовъ утра на слѣдующій день надо было уже начинать канонаду по Лютакову, а между тѣмъ позицію, удобную для дѣйствія артиллеріи, не успѣли еще выбрать. Предшествовавшія рекогносцировки удостовѣрили, что на пространствѣ отъ Рашкова до Лютакова нѣтъ ни одной позиціи, откуда можно было бы успѣшно дѣйствовать фронтальнымъ огнемъ противъ лютаковскихъ укрѣпленій, которыя тутъ господствуютъ со всѣхъ сторонъ надъ совершенно открытою мѣстностію. Но по свѣдѣніямъ тѣхъ же рекогносцировокъ, къ востоку отъ Радотина на

высотахъ есть одна позиція, дающая возможность артиллеріи брать лютаковскія укрѣпленія во флангъ, только въ ней тò неудобство, что какъ отъ Рашкова, такъ и отъ Радотина и отъ Лютакова она отрѣзана трудно проходимыми оврагами, да и дорога, ведущая къ ней, крайне затруднительна. Желая убѣдиться точно ли дорога такъ плоха, генералъ Клотъ ночью же послалъ двухъ офицеровъ для ея осмотра, и тѣ привезли ему свѣдѣнія, что путь неизбѣжно требуетъ поправки. Послѣ этого, тотчасъ же было собрано сто человѣкъ болгаръ, которые еще до разсвѣта приступили къ работѣ и на утро коекакъ сдѣлали необходимыя исправленія. Въ шесть часовъ утра полковникъ Таль *), вмѣстѣ съ Храповицкимъ и драгунскимъ поручикомъ Глоба **), проѣхалъ было на предполагаемую артиллерійскую позицію, чтобы окончательно убѣдиться въ ея удобствѣ, но туманъ до такой степени былъ еще густъ, что разсмотрѣть чтò-либо не представилось ни малѣйшей возможности.

Между тѣмъ, положительное приказаніе предписывало открыть огонь въ девять часовъ; поэтому генералъ Клотъ отдалъ слѣдующія распоряженія: четыремъ орудіямъ, подъ прикрытіемъ драгунскаго эскадрона, выдвинуться на вышеупомянутую фланговую позицію, а тремъ эскадронамъ конно-гренадеръ—занять деревню Радотино и оттуда, не вдаваясь въ бой, рекогносцировать лютаковскія укрѣпленія посредствомъ мелкихъ разъѣздовъ; отряду же полковника Лихтанскаго дѣйствовать отдѣльно противъ Новачина, прикрывая дорогу, ведущую изъ селенія къ караулкѣ.

Въ силу этого приказанія, конно-гренадеры немедленно двинулись на Радотино, выбили оттуда турецкую пѣхоту, причемъ взяли въ плѣнъ одиннадцать человѣкъ, и выслали наѣздниковъ къ лютаковскимъ ложементамъ. Орудія же наши, съ громадными затрудненіями въ оврагахъ и на подъемахъ, успѣли наконецъ кое-какъ взобраться на позицію, но туманъ все еще былъ на столько густъ, что открывать огонь было бы безполезно, и едва лишь въ половинѣ 12-го часа дня явилась нѣкоторая возможность стрѣлять: густая мгла нѣсколько по-

*) Командиръ 2-й гвардейской конной батареи.

**) Еще прежде производившимъ рекогносцировку этой мѣстности.

рѣдѣла. Но тутъ оказалось, что артиллерійская позиція наша слишкомъ удалена отъ непріятеля, такъ что орудіямъ приходится стрѣлять съ разстоянія до 1,600 сажень. Нечего и говорить на сколько могъ быть дѣйствителенъ огонь четырехфунтовыхъ орудій на подобной дистанціи; но турки все-таки обмѣнялись съ полковникомъ Талемъ нѣсколькими выстрѣлами. Разсчитывая придать нашей стрѣльбѣ нѣсколько болѣе существеннаго значенія, генералъ Клотъ въ часъ дня, когда прояснѣло еще болѣе, распорядился, чтобы орудія спустились къ Рашкову и заняли другую позицію, на высотѣ Радотина, а самъ отправился впередъ къ конно-гренадерамъ. На пути попадается ординарецъ.—«Что такое?»—«Колонна пѣхоты направляется изъ Лютакова въ Новачинъ». Генералъ сейчасъ же отправилъ объ этомъ обстоятельствѣ къ Лихтанскому нѣсколько строкъ, наскоро набросанныхъ на клочкѣ бумажки, самъ же поѣхалъ далѣе и, прибывъ къ конно-гренадерамъ, получилъ, немного времени спустя, первое донесеніе отъ Лихтанскаго, гдѣ полковникъ, извѣщая, что непріятель сильно на него наступаетъ, просилъ о присылкѣ подкрѣпленія. Къ нему былъ сейчасъ же направленъ на полныхъ рысяхъ одинъ изъ конно-гренадерскихъ эскадроновъ, вслѣдъ за которымъ генералъ Клотъ повелъ къ караулкѣ и остальные эскадроны того же полка, вмѣстѣ съ орудіями Таля. Нѣсколько минутъ спустя, на пути его встрѣчаетъ всадникъ, ковыляющій на раненой лошади; блѣдное лицо его носитъ признаки сдержаннаго физическаго страданія. Это былъ корнетъ графъ Толстой, который, получивъ сильную контузію, долженъ былъ ѣхать на раненой лошади съ словеснымъ донесеніемъ къ генералу отъ Лихтанскаго, что непріятель насѣдаетъ сильно, такъ что при отвратительномъ состояніи дороги является серьезное опасеніе за наши орудія. Не успѣлъ еще генералъ обстоятельно разспросить графа Толстаго, какъ уже скачетъ во всю прыть новый всадникъ и привозитъ третье донесеніе, что два нашихъ орудія потеряны...

Помчавшись съ остальными своими силами къ караулкѣ, генералъ Клотъ нашелъ Лихтанскаго уже отступившимъ съ небольшою частью людей. Измученно понурыя раненыя лошади, нѣсколько окровавленныхъ блѣдныхъ лицъ—кто въ сѣдлѣ, кто сидя или лежа возлѣ дороги, мрачно молчаливыя

группы солдатъ и тутъ же нѣсколько полковыхъ санитаровъ за спѣшною работой надъ перевязками — вотъ какая картина представилась генералу Клоту въ нѣкоторомъ разстояніи за караулкою, на дорогѣ въ Дорманце. Некогда было разспрашивать — какъ и что? — Слѣдовало торопиться встрѣтить противника, который — какъ можно было ожидать съ минуты на минуту — вѣроятно опять насядетъ на отступившихъ, и потому четыре эскадрона *), остававшіеся еще въ распоряженіи Клота, были сейчасъ же двинуты на полныхъ рысяхъ впередъ, по новачинской дорогѣ, и пройдя версты три вмѣстѣ съ генераломъ, увидѣли хвостъ черкесовъ, уходившихъ къ Новачину. Генералъ Клотъ приказалъ выставить спѣшенную цѣпь, подъ прикрытіемъ которой было приступлено къ уборкѣ нашихъ убитыхъ и раненыхъ, а одинъ конно-гренадерскій полуэскадронъ на рысяхъ выслалъ впередъ, съ цѣлью задержать уходившихъ черкесовъ. Но противъ этого полуэскадрона, уже подъ самымъ Новачиномъ, опять повернули массы иррегулярной конницы противника, и въ то же время другія сильныя конныя партіи быстро пустились въ обходъ его справа и слѣва. Полуэскадронъ сталъ отходить назадъ, и въ виду этого обстоятельства генералъ Клотъ приказалъ спѣшеннымъ частямъ занять нѣсколько болѣе удобную позицію, но не тревожить непріятеля, а лишь прикрыть дѣло уборки труповъ и раненыхъ. По окончаніи уборки, отрядъ отступилъ къ деревнѣ Дорманце, куда и прибылъ въ восемь часовъ вечера.

Между тѣмъ, вотъ что̀ произошло въ этотъ день (10-го ноября) у полковника Лихтанскаго.

Получивъ отъ генерала Клота приказаніе отдѣлиться у караулки съ полутора эскадронами и двумя орудіями отъ летучаго отряда и дѣйствовать завтра (10-го) особо противъ новачинскихъ укрѣпленій артиллерійскимъ огнемъ, начавъ его по возможности въ 9 часовъ утра и продолжая до 3-хъ пополудни, — полковникъ Лихтанскій ночевалъ у караулки, а на утро, въ половинѣ восьмаго, двинулся по назначенію и прибылъ въ десятомъ часу къ Новачинской долинѣ. Численность его отрядца, не считая взвода артиллеріи, простира-

*) Три конно-гренадерскихъ и одинъ драгунскій.

лась только до 135 всадниковъ, при девяти офицерахъ *). Туманъ въ этотъ день, какъ сказано выше, былъ очень силенъ, а потому, желая высмотрѣть расположеніе новачинскихъ укрѣпленій, полковникъ Лихтанскій, вмѣстѣ съ капитаномъ Усовымъ и полковымъ адъютантомъ прапорщикомъ Данилевскимъ, выѣхалъ на версту впередъ, и постарался, насколько было возможно, познакомиться съ мѣстностью. Вернувшись къ своему отряду, онъ выслалъ впередъ два взвода, при трехъ офицерахъ, и поручилъ общее начальство надъ этимъ полуэскадрономъ барону Стемпелю **), который, разсыпавъ предъ собою цѣпь изъ нѣсколькихъ развѣдчиковъ, двинулся долиною въ направленіи къ деревнѣ Скривенъ, и прошелъ мимо укрѣпленной высоты, не замѣтивъ ее, по причинѣ тумана. Турки пропустили отрядецъ впередъ безпрепятственно, но по маленькому его резерву вдругъ открыли ружейный огонь изъ ложементовъ. Тѣмъ не менѣе баронъ Стемпель, слыша за собою выстрѣлы русскихъ орудій, продолжалъ свое движеніе и приближаясь къ Кривену атаковалъ около 60-ти турецкихъ всадниковъ, которые спѣшившись намѣривались было дать ему отпоръ огнемъ своихъ магазинокъ. Изрубивъ изъ нихъ до 30-ти человѣкъ, не успѣвшихъ сѣсть на коней, отрядецъ барона Стемпеля погнался за остальными и, увлекшись преслѣдованіемъ, неожиданно попалъ подъ выстрѣлы противника, занимавшаго окраину деревни Скривенъ.

Тѣмъ временемъ туманная атмосфера стала нѣсколько проясняться, что̀ и доставило полковнику Лихтанскому возможность выяснить себѣ расположеніе новачинскихъ ложементовъ. Капитанъ Усовъ установилъ на выбранной позиціи свои орудія и началъ обстрѣливать нагорное укрѣпленіе. Эти-то выстрѣлы и слышалъ въ тылу у себя баронъ Стемпель. Турки сначала не отвѣчали на нашъ артиллерійскій огонь, потому что четырехфунтовые снаряды не долетали до ихъ

*) Полуэскадронъ 2-го эскадрона, въ числѣ 47 нижнихъ чиновъ и четырехъ офицеровъ, подъ командою капитана барона Стемпеля, и 4-й эскадронъ, въ числѣ пяти офицеровъ и 88 нижнихъ чиновъ, подъ командою капитана Мейнандера. Взводъ же 2-й гвардейской конной артиллеріи находился подъ начальствомъ капитана Усова.

**) Взводъ 2-го эскадрона, при штабсъ-капитанѣ Гульковскомъ, и взводъ 4-го эскадрона, при поручикѣ Тудерусѣ и прапорщикѣ Зенкевичѣ.

батареи; тогда Лихтанскій приказалъ Усову выдвинуться въ долину, на версту ближе къ противнику. Эта мѣра подѣйствовала съ разу, и турки сейчасъ же стали стрѣлять по нашимъ изъ двухъ своихъ орудій и подняли ружейную трескотню въ ложементахъ. Былъ уже 12-й часъ въ исходѣ, когда изъ-за деревни Скривенъ показалась противъ барона Стемпеля конная толпа черкесовъ, человѣкъ въ четыреста, тянувшихся съ юга, изъ лагеря, расположеннаго по скривно-орханійской дорогѣ. Это обстоятельство побудило полковника Лихтанскаго послать на помощь Стемпелю полувзводъ драгунъ, подъ командою прапорщика Назимова. Вслѣдъ за этимъ прискакалъ одинъ изъ нашихъ дозорныхъ и донесъ полковнику, что два табора пѣхоты спускаются изъ укрѣпленнаго нагорнаго лагеря къ Новачину. Тутъ уже орудіямъ нашимъ пришлось занять новую позицію, на горкѣ, въ полуверстѣ къ западу отъ Новачина, откуда движеніе турецкой пѣхоты сдѣлалось видно, какъ на ладони. Одно изъ нашихъ орудій открыло по ней огонь шрапнелью, тогда какъ другое продолжало обстрѣливать нагорное укрѣпленіе.

Между тѣмъ баронъ Стемпель, разсыпавъ передъ Скривеномъ своихъ драгунъ, удерживалъ напоръ черкесской толпы. Опасаясь, однако же, чтобы спускавшаяся изъ лагеря пѣхота не отрѣзала его съ тылу, полковникъ приказалъ трубить въ слѣдъ ему «отступленіе». Невозможность держаться съ такими ничтожными силами, согласно диспозиціи, до 3-хъ часовъ по полудни,—съ каждою минутою становилась все болѣе очевидною, и потому полковникъ Лихтанскій рѣшился въ первомъ часу дня начать общее отступленіе всего своего отряда.

Тогда орудія наши, подъ прикрытіемъ полуэскадрона, отошли на версту назадъ и стали на дорогѣ, а десятокъ спѣшенныхъ драгунъ, разсыпавшись по лѣвой отлогости, прикрывалъ обратное движеніе коноводовъ, въ то время какъ капитанъ Мейнандеръ, со спѣшенными полутора взводами, дѣлалъ то же самое на правомъ нашемъ флангѣ. Капитанъ Усовъ продолжалъ посылать снаряды надъ головами драгунъ къ черкесамъ, надвигавшимся изъ Скривена. Баронъ Стемпель, на сколько могъ, молодецки задерживалъ эту конницу: во время перемѣны послѣдней артиллерійской позиціи, онъ

бросился на черкесовъ въ атаку, отогналъ ихъ версты на полторы назадъ и только послѣ этого сталъ продолжать свое отступленіе. Отдѣльныя кучки его людей время отъ времени спѣшивались, чтобы болѣе мѣткимъ огнемъ задерживать орду противника, осыпавшую драгунъ пулями изъ своихъ магазинокъ.

Нѣсколько гранатъ, пущенныхъ съ послѣдней нашей позиціи, не удержали однако черкесовъ: они, по прежнему, настойчивымъ роемъ продолжали насѣдать на Стемпеля, висѣли на его флангахъ... Тогда полковникъ Лихтанскій приказалъ поручику Тудерусу распорядиться, какъ можно скорѣе, отправкою патроннаго ящика по ущелью къ караулкѣ, а капитанъ Усовъ отошелъ опятъ на версту назадъ, за рѣчку, и занялъ новую позицію на покатости, причемъ драгуны капитана Мейнандера, уже контуженнаго въ ногу, сѣли на коней и присоединились къ прикрытію орудій. Во время передвиженія на новую позицію, случилась крайне досадная задержка: переѣзжая чрезъ плохой, дырявый мостъ, одно изъ орудій перекинулось, но къ счастію, прислуга, съ помощію драгунъ изъ прикрытія, успѣла черезъ нѣсколько минутъ поднять его. А черкесы все ближе и ближе... На новой позиціи прикрытіе еще разъ спѣшилось, между тѣмъ какъ разсыпанные конные взводы, уже сильно порѣдѣвшіе, продолжали ежеминутныя схватки со всадниками противника, не разъ бросаясь на нихъ въ шашки. Въ это время тяжело были ренены баронъ Стемпель (двумя пулями), а вслѣдъ за нимъ и прапорщикъ Зенкевичъ. Обоихъ отправили съ конвоемъ къ караулкѣ, а полуэскадронъ Стемпеля принялъ и водилъ въ дальнѣйшее дѣло штабсъ-капитанъ Гульковскій.

Полковникъ Лихтанскій еще съ предпослѣдней позиціи послалъ генералу Клоту два донесенія (одно чрезъ унтеръ-офицера, другое словесное, съ корнетомъ графомъ Толстымъ) о своемъ критическомъ положеніи. Въ то же время онъ озаботился, чтобы всѣ раненые, которые могли еще кое-какъ держаться въ сѣдлѣ, были отправлены на рысяхъ, вмѣстѣ съ сопровождавшими ихъ драгунами, докторомъ и частію санитаровъ, въ селеніе Ребриково, а самъ, собравъ оставшихся людей съ офицерами Свищевскимъ, Велинскимъ и Данилевскимъ, для непосредственнаго прикрытія орудій, приказалъ

артиллеріи уходить въ ущелье; Гульковскому же съ Назимовымъ на коняхъ, въ разсыпную, сдерживать натискъ черкесовъ.

Хотя это была уже одна лишь горсть людей, тѣмъ не менѣе, отступленіе совершалось въ полномъ порядкѣ, такъ что Лихтанскій нѣсколько разъ переводилъ свой отрядецъ изъ рыси въ шагъ, не смотря на рой шальныхъ пуль, осыпавшихъ его сзади. Отойдя такимъ образомъ еще версты на полторы, капитанъ Усовъ, по приказанію полковника, вновь занялъ позицію при входѣ въ ущелье, откуда нѣсколько удачныхъ шрапнелей задержали черкесовъ, навалившихъ на штабсъ-капитана Гульковскаго. Но это было лишь на двѣ—на три минуты, а люди наши, осыпаемые пулями, все-таки продолжали валиться одинъ за другимъ; прикрытіе рѣдѣло все больше и больше... Въ это время, къ несчастію, былъ сильно раненъ капитанъ Усовъ, замѣнить котораго, по его спеціальности, было некѣмъ. Драгуны вывезли его изъ огня, а полковникъ Лихтанскій приказалъ артиллерійскому взводу взять орудія на передки и рысью уходить въ ущелье. Это было исполнено, но, къ новому несчастію нашему, все ущелье оказалось загроможденнымъ. Здѣсь столпилась въ крайнемъ безпорядкѣ пестрая масса нагруженныхъ всякимъ пожиточнымъ хламомъ возовъ и каруццъ, съ апатично лѣнивыми волами и медлительными буйволами; промежъ этихъ неуклюжихъ, тяжелыхъ возовъ, съ невыносимо скрыпучими колесами, въ испугѣ скучились овцы и бараны, маленькія «турскія» лошадки подъ высокими сѣдлами, собаки, навьюченные «магары» (ослы), которые оглашали ущелье своимъ неистово-дикимъ ревомъ; на возахъ и на землѣ сидѣли, лежали и стояли кучки перепуганныхъ и плачущихъ дѣтей въ лохмотьяхъ, рыдающія и молящіяся женщины, убитые отчаяніемъ молчаливые старики, суетившіеся мужчины и юноши, которые тщетно старались продвинуть впередъ свои каруццы; иные изъ этихъ мужчинъ и женщинъ были окровавлены—очевидно ранены... Полная картина паники, воплей и отчаянія! То были окрестные болгары, убѣгавшіе подъ защиту русской арміи, въ виду кроваваго нашествія турецкихъ войскъ на ихъ села. Можно представить себѣ, насколько узкая дорога, вплотную загроможденная болгарскимъ

имуществомъ и пронизываемая черкесскими пулями, задержала нашу артиллерію, и какихъ невѣроятныхъ усилій стоило прислугѣ протащить наконецъ свои орудія сквозь всю эту запруду!..

Драгунамъ оставалось еще болѣе трехъ верстъ до караулки. Полковникъ Лихтанскій собралъ вокругъ себя все, что оставалось—человѣкъ около тридцати драгунъ и пять офицеровъ: штабсъ-капитана Гульковскаго, поручика Свищевскаго и прапорщиковъ Назимова, Велинскаго и Данилевскаго. Съ этою горстью онъ лично прикрывалъ отступленіе артиллеріи, приказавъ людямъ отстрѣливаться съ коня, такъ какъ спѣшиваться было уже опасно, въ виду ежеминутно наступавшихъ черкесовъ. Когда же они съ визгомъ пускались въ атаку—драгуны перекидывали берданки за плечо и вмѣстѣ съ офицерами бросались на встрѣчу противнику въ шашки.

Но вотъ опять новое несчастіе!—при переходѣ чрезъ слѣдующій мостъ, неогражденный перилами, одно орудіе вдругъ обрывается и виснетъ надъ пропастію.... Своею тяжестію оно тянетъ туда же и лошадей, напрягающихъ послѣднія, невѣроятныя усилія, чтобы удержаться на мостовой настилкѣ. Все тщетно: толпа черкесовъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ, спасать орудіе некогда—и оно съ грохотомъ стремглавъ летитъ въ бездну. Другое орудіе до сихъ поръ благополучно преодолѣвало всѣ трудности отступленія, но отъ крайней усталости лошадей стало наконецъ приставать, а тутъ еще, на бѣду, одна изъ дышловыхъ лошадей была смертельно ранена и упала. Орудіе стало. Пока прислуга бросилась отпрягать издыхавшую лошадь, прикрытіе наше таяло человѣкъ за человѣкомъ; въ числѣ другихъ, былъ раненъ прапорщикъ Данилевскій; но онъ не захотѣлъ въ столь критическій моментъ уѣзжать къ перевязочному пункту у караулки и самоотверженно продолжалъ отбиваться вмѣстѣ со своими товарищами. Между тѣмъ, черкесы, замѣтивъ суету вокругъ остановившагося орудія, съ пронзительнымъ визгомъ, стремительно бросились на него всею толпою. У лафета закипѣла отчаянная рукопашная свалка. Данилевскій, Велинскій, Назимовъ, ѣздовые, прислуга и многіе драгуны легли здѣсь подъ черкесскими шашками и кинжалами, защищая орудіе, спасти которое уже и раньше этого момента не было ника-

кой возмомности. Всѣ они честно, до послѣдняго издыханія, исполнили свой долгъ солдатскій. Гульковскій и Свищевскій здѣсь же были сильно контужены; у перваго въ сѣдлѣ сидѣло уже четыре пули, подъ вторымъ ранена лошадь и у обоихъ прострѣлены полушубки. Когда такимъ образомъ почти все прикрытіе было изрублено, черкесы всею гурьбою оттѣснили отъ него нѣсколько человѣкъ, остававшихся еще въ живыхъ—измученныхъ и израненныхъ—и продолжали еще преслѣдовать ихъ почти до самаго выхода изъ дефиле, осыпая ущелье пулями.

Не имѣя болѣе возможности дать какой-либо отпоръ противнику въ ущельи, полковникъ Лихтанскій поспѣшилъ занять караулку, чтобы по крайней мѣрѣ обезпечить хотя на нѣкоторое время путь отступленія отряду генерала Клота. Съ этою цѣлью онъ приказалъ поручику Свищевскому спѣшить все, что нашлось еще подъ рукою, собрать у караулки всѣхъ оставшихся въ цѣлости лошадей, сбатовать ихъ, дабы устроить изъ нихъ живой ложементъ, и положить за нимъ людей, могущихъ еще владѣть оружіемъ. Такихъ собралось пятнадцать человѣкъ. Ружейнымъ огнемъ своимъ они остановили черкесовъ, которые показались было изъ ущелья, но не отважились атаковать караулку, чтобы занять дорогу на Лютаково. Постоявъ нѣсколько минутъ, орда поворотила назадъ и скрылась между скалами. Это было въ три часа по полудни, а нѣсколько минутъ спустя подлетѣли къ караулкѣ эскадроны генерала Клота, но дѣло было уже кончено... Остальное—разсказано выше.

Стали считать потери. Изъ двѣнадцати офицеровъ, находившихся въ отрядѣ Лихтанскаго, убито было трое *), ранено тоже трое **), контужены четверо ***),—итого 10; нижнихъ чиновъ убито 43, ранено 24 и безъ вѣсти пропало два человѣка; конская убыль 75 лошадей убитыми и ранеными.

Дѣло это, по справедливости, можно назвать столько же несчастнымъ, сколько и геройскимъ. Не будь 10-го ноября такого глубокаго тумана, по всей вѣроятности, оборотъ дѣла

---

*) Прапорщики Данилевскій, Велинскій и Назимовъ.

**) Капитанъ Усовъ, баронъ Стемпель и прапорщикъ Зенкевичъ.

***) Капитанъ Мейнандеръ, штабсъ-капитанъ Гульковскій, поручикъ Свищевскій и корнетъ графъ Толстой.

былъ бы совершенно иной, не смотря даже на недостаточность знакомства съ новачинскою мѣстностью.—«Не прибавляя ничего къ описанію этого несчастнаго для драгунъ дѣла—говоритъ въ своемъ донесеніи полковникъ Лихтанскій—я смѣю только донести, что всѣ чины отряда отъ перваго до послѣдняго свято исполнили свой долгъ, отходя стойко на протяженіи восьми верстъ, подъ непрерывнымъ огнемъ. Доказательствомъ можетъ служить громадная убыль, которую понесли бывшіе въ дѣлѣ драгунскіе взводы, а также геройская смерть трехъ офицеровъ, которые, защищая послѣднее орудіе, были изрублены на его лафетѣ».

Цѣлью операцій втораго (лѣваго) демонстративнаго отряда былъ, какъ уже извѣстно, поставленъ городъ Этрополь. Къ укрѣпленной этропольской позиціи были направлены два отряда: первый—подъ начальствомъ Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго, второй—подъ начальствомъ полковника Рыдзевскаго, а общее начальствованіе надъ ними было ввѣрено генералъ-маіору Дандевилю. Обоимъ этимъ отрядамъ генералъ Гурко предписалъ произвести усиленныя рекогносцировки на Этрополь, позадержать непріятеля въ его позиціяхъ, чтобы лишить его возможности подать помощь атакованному Правцу, а въ случаѣ движенія турецкихъ этропольскихъ отрядовъ къ сему послѣднему пункту—воспрепятствовать таковому движенію, и наконецъ, если представится возможность, то непосредственно атаковать этропольскую позицію и взять самый городъ *).

*) Предварительная рекогносцировка этропольскихъ позицій была сдѣлана еще 31-го октября частями сельви-ловчинскаго отряда: небольшой отрядъ, составленный изъ двухъ батальоновъ 11-го пѣхотнаго Псковскаго полка, дивизьона казанскихъ драгунъ, двухъ сотень казаковъ и четырехъ орудій, подъ начальствомъ командира 1-го батальона Псковскаго полка, приблизясь къ этропольскимъ позиціямъ, завязалъ съ турками перестрѣлку, которая произвела у нихъ большой переполохъ, во время коего они сняли почти весь свой лагерь и начали увозить артиллерію, посылая при этомъ гонцовъ, одного вслѣдъ за другимъ, въ Орханіэ. Начальникъ нашего отряда, не смотря на всѣ эти признаки явной паники, не рѣшился однако атаковать этропольскую позицію, такъ какъ уже наступили сумерки и непріятель превосходилъ его числомъ, да и изъ Орханіэ могли прибыть къ туркамъ подкрѣпленія. Правда и то, что атака Этрополя не входила въ число пунктовъ его инструкціи, которая предписывала ему разсмотрѣть только количество силъ и расположеніе непріятеля. Исполнивъ въ точности предписанную задачу, онъ приказалъ своему отряду отсту-

Въ силу этого назначенія, отрядъ принца Ольденбургскаго *) двинулся 10-го ноября изъ села Осикова (Усыковица тожъ) двумя колоннами, по обоимъ берегамъ Искера. Того же числа отрядъ этотъ подошелъ къ сильно укрѣпленной позиціи противника, расположенной къ сѣверу отъ Этрополя, у трактира (хане́) Лога. Цѣлый день отрядъ Его Высочества провелъ въ тяжелой работѣ: надо было втаскивать орудія тяжелой артиллеріи на ужасныя крутизны, противолежащія фронту лого́вской позиціи. До какой степени былъ тяжелъ этотъ трудъ, можно судить по тому, что еле-еле къ четыремъ часамъ дня удало́сь поднять на вершину только два 9-ти-фунтовыя орудія,—и тогда начался у насъ артиллерійскій бой. Во все это время облака мѣшали пѣхотѣ заниматься перестрѣлкою, которая открывалась только изрѣдка, когда раздвигались на нѣсколько минутъ густыя тучи, покрывавшія горныя вершины.

Второй отрядъ **), ввѣренный полковнику Рыдзевскому,

пить къ д. Лукавицѣ. Турки, въ виду этого отступленія, съ разу же ободрились и пустили въ погоню за нашимъ отрядомъ около двухсотъ человѣкъ своей кавалеріи. Но начальникъ нашего отряда устроилъ имъ засаду изъ двухъ ротъ (2-й и 3-й) Псковскаго полка: пропустивъ свою отступающую цѣпь, эти двѣ роты дали противнику подскакать на двѣсти шаговъ и встрѣтили его залпомъ, который вышибъ много людей изъ турецкаго фронта, такъ что непріятель тутъ же поворотилъ коней и всею гурьбою бросился назадъ въ полномъ смятеніи. Наши двѣ роты позволили этой толпѣ доскакать до ущелья, и когда она скучилась у входа,—дали по ней вторичный залпъ, который и уничтожилъ почти всю эту кавалерію. Затѣмъ нашъ отрядъ уже совершенно спокойно отошелъ къ д. Лукавицѣ. Въ этомъ дѣлѣ у насъ были ранены: Псковскаго полка: капитанъ Тарновскій, штабсъ-капитанъ Люткевичъ и поручикъ Жуковъ, а нижнихъ чиновъ убито 9 и ранено 27 человѣкъ. Хотя рекогносцировка эта, при большей рѣшительности, т. е. при переходѣ въ непосредственную атаку, и могла бы, очень вѣроятно, окончиться взятіемъ Этрополя еще 31-го числа, но если этого и не случилось, то во всякомъ случаѣ начальникъ отряда буквально исполнилъ все предписанное ему инструкціею и кромѣ того устроилъ, уже по собственной иниціативѣ, губительную для турецкой конницы засаду и собралъ свѣдѣнія, вполнѣ необходимыя для насъ при демонстративныхъ дѣйствіяхъ 11-го и 12-го ноября отрядовъ генерала Дандевиля, которыя и увѣнчались взятіемъ Этрополя.

*) Въ составѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго и одного батальона 11-го пѣхотнаго Псковскаго полка (всего пять батальоновъ), четырехъ орудій 1-й батареи лейбъ-гвардіи артиллерійской бригады, двухъ орудій конно-горной батареи и трехъ сотень Кавказской казачьей бригады.

**) Въ составѣ 12-го пѣхотнаго Великолуцкаго полка, трехъ сотень кубанцевъ и роты гвардейскихъ саперъ. При отрядѣ этомъ артиллеріи не было.

былъ двинутъ отъ Хане-Брусена, чрезъ деревню Лупенъ, на Троицкій монастырь, въ обходъ вышепомянутой главной турецкой позиціи у Хане-Лога. Этому отряду довелось идти горами, по тропѣ, которая даже у мѣстныхъ жителей считается почти недоступною. Онъ атаковалъ правый флангъ турокъ, расположенный около Свято-Троицкаго монастыря, но былъ отбитъ, и, съ потерею 26 нижнихъ чиновъ, отступилъ по дорогѣ, лежащей между монастыремъ и Лупеномъ, гдѣ и окопался на избранной позиціи.

Общій резервъ этихъ отрядовъ *) оставался на позиціи у Хане-Брусена.

11-го ноября, правая (т. е. наступавшая по лѣвому берегу Искера) колонна отряда принца Ольденбургскаго повела наступленіе противъ лѣваго фланга непріятельской позиціи. Изъ рядовъ Преображенскаго полка вызваны были охотники, которыхъ явилось много, но для дѣла нужно было всего только сто человѣкъ, такъ что охочимъ людямъ въ ротахъ пришлось метать между собою жеребій. Команда эта, отданная подъ начальство штабсъ-капитана Рейтерна, выступила съ мѣста (съ позиціи у Хане-Лога) въ четыре часа утра и, съ тяжкимъ трудомъ вскарабкавшись на высокую крутину, безъ выстрѣла заняла редутъ (не главный), расположенный на ея вершинѣ. Здѣсь черезъ нѣсколько минутъ оказалось, что на ночь турки покидали это укрѣпленіе, уходя на отдыхъ въ лагерь, расположенный въ лощинѣ, а съ разсвѣтомъ вновь занимали его. Въ то самое время, какъ наши охотники подбирались къ нему съ одной стороны, турки всходили туда же по противному скату горы и опоздали только нѣсколькими минутами: наши уже распорядились въ немъ по своему, и занявъ брустверъ, внезапно встрѣтили горячимъ огнемъ подходившаго противника, который бросился назадъ, въ лощину. Отогнавъ этихъ турокъ, охотники наши продолжали стрѣлять изъ редута по передовымъ ложементамъ, беря ихъ во флангъ. Огонь ихъ оказался на столько удаченъ, что не прошло и часа, какъ непріятель долженъ былъ покинуть всю свою пе-

---

*) Полки: лейбъ-гвардіи Гренадерскій и Екатеринославскій драгунскій, съ соотвѣтственнымъ числомъ артиллеріи, за исключеніемъ одного батальона лейбъ-гренадеръ, который былъ направленъ на усиленіе колонны преображенцевъ, наступавшей по правому берегу Искера.

редовую позицію. Тотчасъ же вслѣдъ за отступившими турками преображенцы и батальонъ лейбъ-гренадеровъ двинулись впередъ по обоимъ берегамъ Искера и заняли оставленную позицію, перекопавъ ея фронтъ лицомъ къ непріятелю. Послѣ этого началась ружейная и артиллерійская перестрѣлка, которая продолжалась до вечера. Всѣ усилія преображенцевъ выбить непріятеля изъ главнаго редута, запиравшаго входъ въ ущелье рѣки Искера, были 11-го числа безуспѣшны.

Между тѣмъ положеніе отряда полковника Рыдзевскаго, отступившаго отъ Свято-Троицкаго монастыря, было не особенно покойно: турки обстрѣливали его и ружейнымъ, и артиллерійскимъ огнемъ, а отвѣчать на послѣдній Рыдзевскому было нечѣмъ. Чтобы помочь ему въ этомъ отношеніи, генералъ Дандевиль направилъ туда изъ резерва четыре орудія, вмѣстѣ съ однимъ изъ лейбъ-гренадерскихъ батальоновъ. Но шестиконныя запряжки не въ силахъ были вывезти пушки на кручу. Пришлось прибѣгнуть къ помощи болгарскихъ возовъ и буйволовъ, собранныхъ въ Лупенѣ. Каждое орудіе, каждый ящикъ и снаряды разбирали по частямъ, нагружали ими возы и съ помощію людей, тянувшихъ лямки и подпиравшихъ колеса, въ темную и туманную ночь, съ неимовѣрными усиліями втаскивали на вершину. Все это продѣлывалось у самыхъ высотъ, занятыхъ турками. Пространство между отрядами полковника Рыдзевскаго и принца Ольденбургскаго заполняла сотня кавказскихъ казаковъ, подъ начальствомъ полковника Штакельберга, которая очистила отъ непріятеля всю лѣвую сторону ущелья.

Ночь на 12-е ноября прошла въ безпрерывной почти перестрѣлкѣ. Надо было во что бы ни стало брать главный турецкій редутъ, чтобы достичь какихъ-либо существенныхъ результатовъ на этропольской позиціи. Время близилось къ разсвѣту. Изъ Преображенскаго полка опять была вызвана сотня охотниковъ, начальство надъ которою принялъ штабсъ-капитанъ Пищевичъ. Въ мертвомъ молчаніи двинулись охотники къ турецкой позиціи. Гдѣ ползкомъ, гдѣ на колѣняхъ, гдѣ лежа на животѣ и цѣпляясь руками за стебли растеній, подбирались они къ главному редуту. На востокѣ уже свѣтлѣло, когда передъ нашими молодцами обрисовался темною полосою первый передовой ложементъ. Разомъ поднявшись съ

земли, съ крикомъ «ура» кинулись на него охотники. Турки открыли было по нимъ бѣглый огонь, но для преображенцевъ было дѣломъ одной минуты вскочить на насыпь и обрушиться съ нея на плечи противника. Штыкъ былъ ужаснымъ оружіемъ въ могучихъ рукахъ этихъ отборныхъ силачей-великановъ!.. Черезъ минуту въ ложементѣ оставались одни только турецкіе трупы, а охотники, подъ свистомъ пуль, бѣгомъ пустились далѣе, на штурмъ главнаго редута. Но почва, разбухшая отъ продолжительныхъ дождей, скользила и кусками срывалась подъ ихъ ступнями, а бѣжать надо было въ гору. Тщетно старались охотники преодолѣть это препятствіе, но оказалось, что съ турками легче было имъ сладить, чѣмъ съ почвой. Измаявшись въ напрасныхъ усиліяхъ, они должны были съ полупути спуститься назадъ, причемъ потеряли шесть человѣкъ убитыми и ранеными. Это было въ началѣ восьмаго часа.

Когда утренній туманъ нѣсколько прояснился, наша артиллерія съ обѣихъ позицій (преображенской и великолуцкой) открыла учащенную канонаду по турецкимъ укрѣпленіямъ. Къ этому времени у принца Ольденбургскаго могли уже дѣйствовать восемъ орудій, а у Рыдзевскаго — четыре, только что собранныя и свинченныя на вершинѣ, подъ огнемъ непріятеля.

Обстрѣлявъ достаточно турецкую позицію и успѣвъ привлечь на свою батарею все вниманіе противника, отрядъ Его Высочества, усиленный однимъ батальономъ Псковскаго пѣхотнаго полка, началъ постепенное движеніе впередъ, стараясь охватить лѣвый флангъ турокъ. Отрядъ же полковника Рыдзевскаго, получивъ еще ночью въ подкрѣпленіе себѣ батальонъ лейбъ-гренадеровъ, тоже началъ наступленіе. Начальство надъ этимъ отрядомъ Рыдзевскій сдалъ, какъ старшему, командующему лейбъ-гвардіи Гренадерскимъ полкомъ, флигель-адъютанту, полковнику Любовицкому, который повелъ наступленіе участками, подвигаясь все болѣе и болѣе въ охватъ праваго фланга турокъ, при чемъ одна часть направилась даже въ тылъ противной позиціи. Во время этого наступленія, четыре орудія постепенно были скатываемы съ вершины и подвигались все ближе и ближе къ непріятельскимъ лагерямъ, бѣлѣвшимъ на мѣстности между турецкими позиціями

и Этрополемъ. Къ двумъ часамъ по полудни противникъ былъ уже совершенно охваченъ съ обоихъ своихъ фланговъ, а лѣвый отрядъ (полковника Любовицкаго) кромѣ того угрожалъ ему обходомъ и съ тыла: орудія его дѣйствовали уже въ тылъ турецкой позиціи, тогда какъ батарея праваго отряда (принца Ольденбургскаго) пронизывала ее продольными выстрѣлами. При такихъ условіяхъ турки не въ состояніи были держаться и вскорѣ начали отступленіе, такъ что въ три часа дня главный редутъ былъ уже занятъ ротою Его Величества лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Пріобрѣтя этотъ существенный успѣхъ, оба отряда дружно повели общее наступленіе. Турки, не дожидаясь схватки, бѣжали впереди ихъ и мимоходомъ зажгли свой лагерь, чтобы не доставался въ добычу «москову». Они удалялись по двумъ ущельямъ, изъ которыхъ одно ведетъ на городъ Златицу, а другое на селенія Скрыглъ и Араба-конакъ, лежащія уже по ту сторону хребта Балканскаго.

Въ шесть часовъ вечера части Преображенскаго полка побѣдоносно вступили въ городъ Этрополь и заняли его гарнизономъ. Вслѣдъ бѣгущему противнику было пущено лишь по нѣскольку снарядовъ, такъ какъ наступившая темнота поневолѣ заставила отложить преслѣдованіе до слѣдующаго утра.

Потери отряда генералъ-маіора Дандевиля за всѣ три дня (10-го, 11-го и 12-го ноября), говоря относительно, весьма не велики: всего лишь 48 убитыхъ и раненыхъ *); но какой тяжкій физическій трудъ пришлось испытать ему, безостановочно работая три дня и три ночи на кручахъ и вершинахъ Искерскаго ущелья! Турецкія позиціи, взятыя съ боя этими войсками, генералъ Гурко мѣтко и справедливо сравнилъ съ орлиными гнѣздами.

Съ разсвѣтомъ 13-го ноября въ оба ущелья — Златицкое и Скрыгловское — для преслѣдованія турокъ двинулись достаточно сильные отряды **). Екатеринославскіе драгуны взяли при этомъ, изъ числа полевыхъ турецкихъ батарей, три сталь-

*) Въ числѣ раненыхъ — лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка подпоручикъ Неовіусъ.

**) 4-й драгунскій Екатеринославскій полкъ, сотня Кавказской казачьей бригады, 16-я конная батарея, 12-й пѣхотный Великолуцкій полкъ и 4-й батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

ныя дальнобойныя орудія, два зарядные ящика и цѣлый транспортъ (свыше трехъ-сотъ подводъ, съ боевыми и продовольственными запасами. Все это было покинуто турками въ ущельѣ, во время бѣгства. Съ наступленіемъ темноты преслѣдованіе было прекращено; турки же остановились на горномъ перевалѣ, занявъ высоту, извѣстную подъ именемъ Греота (она же Грохотъ).

Ближайшимъ послѣдствіемъ взятія правецкой и этропольской позицій было то, что турки сами, безъ боя, поспѣшили очистить Орханіэ — этотъ «грозный пунктъ», въ которомъ туркофильскія газеты пророчили намъ «новую Плевну, только въ десять разъ сильнѣе».

Покинувъ Орханіэ, противникъ отошелъ въ укрѣпленную позицію у селенія Врачешъ. Надо было принудить его покинуть и этотъ пунктъ, а для сего генералу Дандевилю предписано — предпринять движеніе на Греоту, имѣя въ виду, что занятіе этой высоты нашими войсками будетъ угрожать непосредственно тылу врачешской позиціи.

Послѣ невѣроятныхъ трудовъ одного изъ самыхъ тяжкихъ походовъ, отрядъ генерала Дандевиля приблизился къ Греотѣ и въ тотъ же день овладѣлъ ею съ боя. Этотъ новый успѣхъ нашъ заставилъ противника немедленно же, и тоже безъ боя, очистить врачешскую позицію и уходить по шоссе къ Араба-конаку. Но не только Врачешъ, очищены были и Новачинъ, и Лютаково, и все, что лежитъ вокругъ Орханіэ, что собственно и должно было бы входить въ систему оборонительныхъ орханійскихъ позицій, если бы этому ничтожному мѣстечку суждено было сдѣлаться для насъ «второю Плевной». Побочные (лѣвофланговые) непріятельскіе отряды, стянувшись къ Лютакову изъ ближайшихъ окрестныхъ пунктовъ, спѣшно ушли отсюда по особой, прямой дорогѣ на Софію, а главныя орханійскія силы направились изъ Врачеша по шоссе, и въ тотъ же день (17-го) подошли къ Араба-конаку, гдѣ и окопались на новой позиціи, у выхода изъ горнаго хребта на долину. Но одновременно съ занятіемъ турками этой послѣдней позиціи, генералъ Дандевиль овладѣлъ съ боя другою высотой, которая находится въ сосѣдствѣ съ Греотой, только еще ближе къ шоссе, ведущему изъ Орханіэ къ Араба-конаку.

Отрядъ генерала Эллиса, двинувшись отъ Правца, еще въ самый день непріятельскаго ухода (17-го) занялъ своими частями всѣ покинутые противникомъ пункты около Орханіэ, а на слѣдующее утро (18-го) пошелъ преслѣдовать по шоссе главныя силы, отступившія собственно изъ Врачеша. 19-го ноября генералъ Эллисъ остановился по сторонамъ шоссе, въ виду араба-конакской позиціи, примкнувъ лѣвымъ флангомъ своимъ къ правому флангу Дандевиля, который прочно занялъ возвышенности, лежащія противъ араба-конакской позиціи турокъ.

Послѣ боя 17-го ноября, отрядъ генерала Дандевиля долженъ былъ употребить цѣлые два дня (18-е и 19-е) для втаскиванія орудій и ящиковъ на свою почти двухверстную, крутую высоту. Это была истинно гигантская работа, о которой трудно составить себѣ даже приблизительное понятіе, не видавъ ея. Въ подобной же работѣ провелъ все 20-е ноября и отрядъ генерала Эллиса. На слѣдующій день имѣлось въ виду бомбардировать араба-конакскую позицію, но для болѣе вѣрнаго успѣха бомбардировки генералъ Эллисъ рѣшился овладѣть со стороны шоссе ближайшими къ турецкой позиціи и командующими надъ нею высотами. Когда передовыя части его отряда поднялись на эти высоты, онѣ внезапно и стремительно были атакованы здѣсь двѣнадцатью таборами пѣхоты, противъ которыхъ съ нашей стороны въ первыя минуты находилось только два батальона лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Но тутъ подоспѣли вскорѣ 2-й гвардейскій стрѣлковый, двѣ роты 1-го Его Величества и двѣ роты 4-го Императорской Фамиліи стрѣлковыхъ батальоновъ. При помощи этихъ частей, упорный бой длился съ половины 11-го часа утра до 3-хъ по полудни, и въ теченіи этого времени турки три раза съ отчаянною храбростью кидались на нашихъ въ атаку. Былъ одинъ такой моментъ, когда весь успѣхъ дѣла висѣлъ уже на волоскѣ; но надо замѣтить при этомъ, что русскій отрядъ по числу людей былъ втрое слабѣе противника: четыре батальона противъ двѣнадцати. Спокойная распорядительность и храбрость флигель-адъютанта полковника Гриппенберга *) въ соединеніи съ мужественною стойкостью

*) Командующаго лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ.

гвардейцевъ превратили въ ничто всѣ отчаянныя попытки непріятеля, который послѣ третьей своей атаки былъ окончательно отброшенъ съ большимъ урономъ. Груды убитыхъ турокъ еще и въ слѣдующіе дни лежали на полѣ сраженія, а по увѣреніямъ плѣнныхъ, они въ этотъ разъ потеряли свыше 1,300 человѣкъ. Такимъ образомъ, высоты непосредственно командующія со стороны шоссе араба-конакскою позиціею были прочно заняты войсками генерала Эллиса, на подкрѣпленіе которому, по окончаніи боя, подошли войска графа Шувалова и часть, отправленная изъ отряда генерала Дандевиля. Утвердившись на взятыхъ высотахъ, артиллерія наша тотчасъ же приступила къ бомбардированію турецкой позиціи у Араба-конака и Шандорника.

Въ бою 21-го ноября мы потеряли убитыми двухъ офицеровъ и 46 нижнихъ чиновъ, а ранено офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 130 *). Въ отрядѣ же генерала Дандевиля за четыре дня боя (16-го, 17-го, 18-го и 19-го ноября) общая потеря не превышаетъ 350-ти человѣкъ, выбывшихъ изъ строя.

Взятые въ плѣнъ турки единогласно показали, что въ Араба-конакѣ находится самъ Мехмедъ-Али-паша, съ 20-ю или 25-ю таборами; Златица занята пятью, да въ Лютаковѣ было отъ пяти до десяти таборовъ; итого, стало быть, противъ войскъ генерала Гурко находятся отъ 30-ти до 40-ка таборовъ.

Въ этотъ же самый день (21-го ноября) происходило и еще одно дѣло. Колонна генералъ-маіора Курнакова спустилась къ городу Златицѣ, со стороны Этрополя, овладѣла подгородными селеніями Клисса и Челопечени и заставила противника отступить въ златицкій укрѣпленный лагерь. Одновремен-

---

*) Лейбъ-гвардіи Московскаго полка: умеръ отъ ранъ подпоручикъ Воиницкій, убитъ портупей-юнкеръ Метмежанъ; ранены: капитанъ Деляваль-Велькъ и поручикъ Димитріевъ. Нижнихъ чиновъ убито 30, ранено 81 человѣкъ.

Лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго батальона нижнихъ чиновъ убито 15, ранено 38.

Лейбъ-гвардіи 1-го стрѣлковаго Его Величества батальона ранено 4 нижнихъ чина.

Лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской Фамиліи батальона ранено 2 нижнихъ чина.

Лейбъ-гвардіи во 2-й артиллерійской бригадѣ убиты: поручикъ Типольдъ и одинъ канониръ; ранено 4 нижнихъ чина.

но съ этимъ спустилась къ Златицѣ съ восточной стороны, отъ Тетевеня, другая колонна, подъ начальствомъ командира 10-го пѣхотнаго Ново-Ингерманландскаго полка, графа Комаровскаго, и вечеромъ того же числа вошла въ связь съ колонною генерала Курнакова, для совмѣстныхъ дѣйствій противъ златицкой позиціи.

Генералъ Гурко въ послѣдней своей депешѣ къ Его Высочеству Главнокомандующему заявилъ, между прочимъ, что турки, отступая, раззоряютъ и жгутъ всѣ города и деревни, жителей-болгаръ убиваютъ, а болѣе зажиточныхъ уводятъ съ собою; надъ нашими же ранеными, которые случайно попадаютъ къ нимъ въ руки во время боя, совершаютъ страшныя неистовства.

LXXIII

Паденіе Плевны

Бой за Видомъ, 28-го ноября.

Куда долженъ былъ пробиваться Османъ. — Прекращеніе турецкаго огня. — Показаніе перебѣжчика и экспедиція особыхъ секретовъ. — Распоряженія генерала Тотлебена. — Ночныя донесенія *на слухъ* съ нашихъ аванпостовъ у Вида. — Что обнаружилось на разсвѣтѣ. — Первый огонь. — Сигнальная ракета и бой тревоги на гренадерскихъ линіяхъ. — Первыя распоряженія генерала Данилова. — Наступленіе турокъ и его исключительный характеръ. — Османъ-паша. — Атаки на Сибирскій полкъ и окопы № 3 и № 4. — Восемь нашихъ орудій въ рукахъ турокъ. — Малороссійцы выручаютъ. — Слова генерала Ганецкаго, обращенныя къ астраханскимъ гренадерамъ. — Генералъ Ганецкій въ боевой линіи. — Прибытіе 2-й бригады 2-й гренадерской дивизіи. — Наша атака и ея трофеи. — Отступленіе турокъ. — Османъ-паша раненъ. — Картина отступленія. — Артиллерія полковника Щеголева. — Бѣлый флагъ и присылка парламентеровъ. — Записка къ Осману-пашѣ. — Побѣдное «ура!»

Боготъ, ночь съ 28-го на 29-е ноября.

Плевна пала, Османъ-паша и вся его армія въ плѣну— вотъ событіе, предъ которымъ совершенно стушевалось пока все остальное: и Шипка, и Елена, и дѣйствія противъ Арабаконака.

Едва ли можно ошибиться, назвавъ это событіе «началомъ конца» нашей войны съ Турціею. Но для главной квартиры

оно не было неожиданностію: здѣсь приблизительно знали, что состояніе продовольственной части не позволитъ Осману держаться въ Плевнѣ далѣе 2-го или — maximum 4-го декабря. Весь вопросъ былъ въ томъ: сдастся ли плевненская армія просто, или же сдѣлаетъ попытку пробиться, и если будетъ пробиваться, то куда — на Ловчу (Скобелевъ), или на Виддинъ (Ганецкій)? Послѣднее направленіе казалось болѣе вѣроятнымъ, потому что завидское пространство въ районѣ обоихъ Митропольевъ считалось у насъ нѣсколько слабѣе остальныхъ позицій, гдѣ естественную помощь нашимъ войскамъ, уже помимо искусственныхъ укрѣпленій, представляла самая природа. Но направленіе на Виддинъ, даже въ случаѣ удачнаго прорыва, само по себѣ не могло имѣть никакого стратегически-важнаго значенія ни для насъ, ни для Османа, потому что, во-первыхъ, его армія, уже истощенная продолжительною блокадою, неизбѣжно встрѣчалась бы на пути съ нашими и румынскими войсками, занимающими съ одной стороны Врацу, съ другой—Рахово, Цибру и Ломъ-Паланку, да кромѣ того ее преслѣдовали бы по пятамъ наши главныя силы; во-вторыхъ, каждый шагъ къ Виддину отдалялъ бы Османа отъ Мехмета-Али, предполагавшаго двинуться изъ Софіи на выручку Плевны. Такимъ образомъ, удачный прорывъ, отдаляя нѣсколько лишь время и мѣсто сдачи, могъ бы поддержать только блескъ военной репутаціи самого Османа, но для Турціи не принесъ бы ни малѣйшей существенно стратегической выгоды. Надо однако сказать, что основываясь на личномъ характерѣ и воинской стойкости Османа, общее мнѣніе у насъ склонялось къ тому, что онъ непремѣнно будетъ пробиваться, — и мы не ошиблись.

Вечеромъ 27-го ноября ружейный огонь изъ турецкихъ траншей, обыкновенно не прекращавшійся ни днемъ, ни ночью противъ позиціи генерала Скобелева, вдругъ прекратился. Проходитъ полчаса, проходитъ часъ и болѣе, а не слыхать ни одного выстрѣла, ни одна пуля не пронеетъ надъ нашими окопами. Что это значитъ?... Ужь не готовятся ли къ новой атакѣ?... Тишина у непріятеля невольно наводила на разныя сомнѣнія, хотя уже и были раньше нѣкоторыя свѣдѣнія, заставлявшія предполагать, что Османъ-паша намѣревается въ скоромъ времени покинуть Плевну. Въ это время является

турецкій перебѣжчикъ и заявляетъ, что турки покидаютъ Кришинскій редутъ. Желая убѣдиться въ справедливости этого показанія, Скобелевъ поручилъ генералу Шнитникову командировать особые секреты изъ охотниковъ, чтобы высмотрѣть что̀ дѣлается у противника. Охотники отъ Коломенскаго и Ярославскаго полковъ тихонько отправились, заложивъ ружья за спину. Одна партія поползла къ траншеямъ на Зеленой горѣ, другая къ Кришинскому редуту. Подползаютъ коломенцы крадучись къ турецкой траншеѣ, прислушиваются—мертвая тишина... не слышно ни голоса людскаго, ни шаговъ, ни вообще какого-либо изъ тѣхъ случайныхъ звуковъ и шороховъ, которые всегда служатъ признакомъ хотя бы самаго осторожнаго, самаго сдержаннаго присутствія людей. Ползетъ секретъ далѣе на самый гребень траншеи, глянулъ за него по ту сторону — пусто! Соскочили наши во внутрь траншеи, прошли нѣсколько шаговъ, заглянули въ одну, другую, третью землянку — нигдѣ ни души. Очевидно, вся траншея была уже покинута. Ярославцы съ своей стороны подползли къ Кришинскому редуту. Тамъ — насколько можно судить на слухъ — люди еще копошатся, но уже покидаютъ укрѣпленіе; кажись, орудія увозятъ; слышны шаги и голоса по дорогѣ къ шоссе; немазанныя колеса гдѣ-то скрыпятъ; огней тоже не видать по всей линіи. Получивъ эти свѣдѣнія, генералъ Шнитниковъ немедленно послалъ части войскъ для занятія зеленогорскихъ и кришинскихъ укрѣпленій, о чемъ и донесъ генералу Скобелеву, который тотчасъ же извѣстилъ обо всемъ этомъ по телеграфу Великаго Князя Главнокомандующаго въ Боготѣ и генерала Тотлебена въ Тученицѣ *). Послѣдній не

*) По показаніямъ перебѣжчиковъ, являвшихся еще 26-го и въ утро 27-го числа, а также и по значительному ослабленію огня противника, генералъ Тотлебенъ предвидѣлъ, что дѣло должно окончиться не сегодня — завтра, и потому 27-го ноября вечеромъ отдалъ слѣдующія приказанія:

1) Одной бригадѣ 16-й пѣхотной дивизіи съ тремя батареями и бригадѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта *Скобелева*, перейдя 28-го ноября на лѣвый берегъ Вида, расположиться: бригадѣ 16-й пѣхотной дивизіи съ тремя батареями близь Дольняго Дубняка и быть готовою поддержать отрядъ генерала *Ганецкаго*; бригадѣ же 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи впредь до разъясненія обстоятельствъ — за двумя ближайшими къ р. Виду, на лѣвомъ берегу ея, редутами и быть готовой поддержать, смотря по дѣйствительной надобности, отрядъ генерала *Ганецкаго*, или отрядъ генерала *Каталея*.

замедлилъ сообщить тоже и генералу Ганецкому, командующему гренадерскимъ корпусомъ, и всѣмъ завидскимъ или «тыловымъ плевненскимъ» отрядамъ.

Генералъ Ганецкій, получивъ телеграмму изъ Тученицы, отдалъ распоряженіе по всему тыловому отряду — быть на-готовѣ.

Наши кавалерійскіе аванпосты окаймляли все передовое пространство завидской позиціи и часть изъ нихъ стояла не подалеку отъ самаго моста *). Ночь была такъ темна и туманна, что слѣдить глазомъ не представлялось ни малѣйшей возможности; тѣмъ не менѣе, сторожевые посты исполнили свою обязанность вполнѣ исправно: они слѣдили за непріятелемъ *на слухъ*, и замѣчательно, что по всей линіи нашихъ аванпостовъ въ эту ночь не было дано ни одного выстрѣла, хотя нѣкоторые посты приближались почти вплотную къ непріятелю; они не хотѣли безпокоить его преждевременною тревогой и только заботились о томъ, чтобы слушать какъ можно чутче и внимательнѣе. Время отъ времени они посылали донесенія къ генералу Ганецкому, и эти «донесенія на слухъ» сводились къ тому, что на непріятельскомъ берегу Вида, около моста, слышенъ скрыпъ громадныхъ обозовъ, что часть повозокъ спускается съ высотъ къ берегу и въ одномъ

---

2) Другой бригадѣ 16-й пѣхотной дивизіи съ тремя батареями оставаться на своихъ мѣстахъ, въ совершенной готовности къ выступленію.

3) Тремъ батальонамъ 3-й стрѣлковой бригады, входящимъ въ составъ войскъ 4-го участка, перейдти 28-го ноября рано утромъ къ дер. Гривицѣ, для усиленія войскъ 2-го участка, ввѣреннаго генералъ-лейтенанту *барону Криденеру*.

4) Передовую позицію на плевно-ловчинскомъ шоссе, отъ редута Мирковича до Тученицкаго оврага, занять бригадою 30-й пѣхотной дивизіи. Другой бригадѣ ея оставаться въ лагерѣ за Рыжей горой, въ полной готовности къ выступленію. Командованіе войсками 4-го участка поручить генералъ-маіору *Шнитникову*.

5) Четыре батальона румынъ съ тремя батареями направить, 28-го ноября, на разсвѣтѣ, изъ Вербицы къ Демиркіою. Въ Вербицѣ же еще четыремъ батальонамъ румынъ, съ двумя батареями, быть готовыми къ выступленію.

Означенное распредѣленіе войскъ, усиливая отрядъ генералъ-лейтенанта *Ганецкаго*, давало возможность подкрѣпить войска и прочихъ участковъ обложенія, въ случаѣ атаки турокъ въ другомъ направленіи, для отвлеченія вниманія нашего отъ истиннаго пункта прорыва.

*) По эскадрону отъ полковъ 9-й кавалерійской дивизіи (генерала Лашкарева), Кіевскаго гусарскаго (эскадронъ маіора Карѣева передъ мостомъ), Бугскаго уланскаго и Казанскаго драгунскаго.

мѣстѣ входитъ въ самую рѣку, но на противный берегъ не переправляется, а остается въ рѣкѣ; что вмѣстѣ съ тѣмъ слышенъ глухой шумъ отъ скопляющихся большихъ массъ людей и животныхъ, хотя огней нигдѣ не замѣтно. Генералъ Ганецкій высказывалъ полное удовольствіе по поводу этой прекрасной сторожевой дѣятельности нашихъ кавалеристовъ, и дѣйствительно: больше этого, при подобныхъ условіяхъ, невозможно требовать и ожидать ни отъ какой кавалеріи.

Поздній зимній разсвѣтъ и туманная мгла долго не позволяли разглядѣть, что̀ дѣлается за мостомъ; но вотъ легкій морозецъ, покрывшій обильнымъ инеемъ всю землю, ослабилъ туманъ и вскорѣ слегка заалѣло небо на востокѣ. Тогда предъ сторожевыми нашими постами открылась широкая низина, лежащая между Опонецкими и Тернинскими высотами и выходящая къ Виду. Вся эта низина и всѣ склоны предмостныхъ возвышенностей покрыты были сплошными массами людей и обозовъ. Неподалеку отъ каменнаго моста оказался другой, устроенный изъ составленныхъ попарно повозокъ, поверхъ которыхъ на̀скоро накинута была досчатая и фашинная настилка. Теперь уже сдѣлалось ясно, что тутъ собрана вся армія Османа, и дѣйствительно, въ $7^1/_2$ часовъ утра, быстро спускаясь съ высотъ, потянулись по обоимъ мостамъ на нашу сторону густыя массы турецкой пѣхоты. Онѣ выстраивались на нашей сторонѣ рѣки подъ прикрытіемъ длинной складки земли, что̀ тянется вдоль берега. Туманъ, застилавшій низменность надъ рѣкою, также способствовалъ скрытности переправы. Въ это же время непріятельскія полевыя батареи, поставленныя на высотахъ близъ каменнаго моста и ниже его, по теченію Вида, открыли огонь по нашей оборонительной линіи. Сторожевые наши посты медленно стали отходить на линію своихъ окоповъ, пославъ предварительно въ Дольній Дубнякъ къ генералу Ганецкому извѣстіе о выступленіи непріятеля. Какъ только генералъ прочелъ донесеніе, тотчасъ же, какъ бѣлая игла, взвилась въ небо сигнальная ракета и по всему длинному и широкому пространству нашей тыловой позиціи барабаны зарокотали тревогу. Какъ на простыхъ мирныхъ маневрахъ, спѣшно, но безъ малѣйшей суеты становились гренадеры въ ружье и строились поротно въ шеренги на линейкахъ предъ шалашами; фельдфе-

бели и «ротные» повѣряли своихъ людей и сводили ихъ въ батальоны. Не прошло и десяти минутъ, какъ все уже стояло на своихъ мѣстахъ, сплотившись въ столь же стройныя, сколько и грозныя колонны.

Но генералъ Ганецкій не сталъ дожидаться пока сберутся и построятся его батальоны: пяти минутъ не минуло еще съ того момента, какъ зашипѣла ракета и еще барабаны продолжали гремѣть по линіи, перенимая одинъ отъ другаго энергически быстрый бой «тревоги», а онъ, вскочивъ на коня, уже мчался въ карьеръ къ передовымъ траншеямъ, расположеннымъ въ разстояніи около трехъ верстъ отъ моста и занятымъ въ этотъ день, по очереди, Кіевскимъ и Сибирскимъ гренадерскими полками *). Между тѣмъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Даниловъ, командующій 3-ю гренадерскою дивизіею, еще при первыхъ артиллерійскихъ выстрѣлахъ противника, приказалъ Малороссійскому гренадерскому полку двигаться къ урочищу Копана Могила, а второй бригадѣ своей дивизіи послалъ сказать, чтобы шла скорѣй на позицію изъ Горняго Метрополья, вмѣстѣ съ 4-хъ-фунтовыми батареями; за тѣмъ, давъ время отступить нашей аванпостной цѣпи, онъ приказалъ открыть отвѣтный огонь съ позиціонной батареи № 3-го.

Турки бѣгомъ выстраивали свою боевую линію на обширной завидской равнинѣ и стремительно бросились въ наступленіе, не подумавъ даже о необходимости обстрѣлять предварительно артиллерійскимъ огнемъ нашу укрѣпленную позицію. Наступательное движеніе противника направлялось

---

*) Въ ночь съ 27-го на 28-е ноября дежурныя части на позиціи, занимаемой гренадерами, состояли: во 2-й гренадерской дивизіи—изъ 5-го гренадерскаго Кіевскаго полка, а въ 3-й гренадерской дивизіи—изъ 9-го гренадерскаго Сибирскаго полка. Войска эти занимали всѣ ложементы оборонительной линіи. Ближайшею поддержкою этихъ частей служили вторые полки бригадъ, т. е. 6-й гренадерскій Таврическій и 10-й гренадерскій Малороссійскій. Всѣ 9-тифунтовыя орудія обѣихъ артиллерійскихъ бригадъ размѣщены были по позиціоннымъ батареямъ оборонительной линіи, между тѣмъ какъ 4-хъ-фунтовыя батареи при вторыхъ бригадахъ своихъ дивизій, составлявшихъ резервъ, находились у Горняго Метрополья, и Дольняго Дубняка. Ложементы и люнетъ къ сѣверу отъ Горняго Метрополья, и самое селеніе заняты были 17-мъ Архангелогородскимъ полкомъ, 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, съ двумя румынскими батареями; 18-й Вологодскій полкъ, той же бригады, находился въ резервѣ, съ двумя батареями.

противъ окоповъ 3-й гренадерской дивизіи. Впереди шла густая сплошная цѣпь, за нею—поддержки въ разомкнутомъ строю и, наконецъ, резервы, тоже въ тонкихъ линіяхъ. Артиллерія двигалась на высотѣ своей цѣпи, останавливаясь не болѣе какъ для одного выстрѣла и за тѣмъ, нагнавъ линію цѣпи, перегоняла ее на нѣсколько десятковъ саженей—ровно на столько, чтобы успѣть дать новый выстрѣлъ, пока цѣпь снова не поровняется съ нею. Надо отдать туркамъ полную справедливость: если наши гренадеры приготовлялись къ бою по тревогѣ, какъ на маневрахъ, то и турки, тоже какъ на маневрахъ, вели на нихъ безъ выстрѣла свою стремительную атаку. Нужды нѣтъ, что изъ нашихъ траншей осыпали ихъ пулями, что губительныя шрапнели цѣлыми десятками рвались надъ ихъ головами—они шли со склоненными штыками молча и только старались учащать быстрый темпъ своего шага. Какъ видно, практика сильныхъ ощущеній нашего артиллерійскаго огня, которымъ угощали мы ихъ безпрерывно въ теченіи почти двухъ мѣсяцевъ, не прошла для нихъ даромъ: они вполнѣ пріучились и къ пулямъ, и къ гранатамъ, и шли теперь на насъ, какъ одно изъ самыхъ боевыхъ, самыхъ закаленныхъ войскъ въ мірѣ. Идти около трехъ верстъ подъ мѣткимъ—и замѣтьте, не по-турецки, а подъ дѣйствительно мѣткимъ огнемъ, и идти безъ единаго ружейнаго выстрѣла со своей стороны—это чего нибудь да стоитъ!.. Атаку велъ самъ Османъ-паша, красовавшійся предъ своими войсками на прекрасномъ рыжемъ жеребцѣ, который былъ присланъ ему въ подарокъ отъ Султана. Едва прошли какія нибудь три четверти часа, какъ турки были уже передъ нашими траншеями, и только тутъ ихъ цѣпь открыла на ходу сильнѣйшій ружейный огонь. Съ одушевленными криками «алла» кинулись они въ штыки на окопы и въ промежутки ложементовъ, гдѣ въ одно мгновеніе смѣшались съ сибирцами. Бóльшая часть нашихъ людей полегла въ штыковомъ бою; отступили къ Копаной Могилѣ только слабыя горсти, которыя были уже не въ силахъ держаться, и когда мы на другой день боя объѣзжали эти мѣста, то видѣли груды нашихъ и турокъ, застывшихъ вмѣстѣ въ предсмертной борьбѣ, словно бы въ братскихъ объятіяхъ. Овладѣвъ траншеею, турки бросились на нашу позиціонную земляную батарею № 3-го, гдѣ

3

№ (читат. билета) (дата)

Автор

Заглавие

Том выл./часть №№

Место и год изд.

ШИФРЫ

Подпись читателя (разборчиво)

час.

1285/I-600000

грена-
рислуги
керистъ
и, уло-
изъ не-
а отъ
дерской
№ 4-го,
на ста-
ая воз-
убылью
увезено
я были
овникъ

да на-
грена-
й дви-
ержалъ
Мало-

... дальнѣйшее наступленіе турокъ, но и сами понесли при этомъ большія потери. Достаточно сказать, что въ теченіи нѣсколькихъ минутъ у нихъ изъ строя выбыли три батальонныхъ и половина ротныхъ командировъ. Предвидя, что турки, притянувъ къ себѣ подкрѣпленія, могутъ возобновить атаку, генералъ Даниловъ послалъ 2-й бригадѣ своей дивизіи *) приказаніе спѣшить на помощь, вмѣстѣ съ ея артиллеріею. Генералъ Ганецкій прибылъ къ кургану Копана Могила, когда сибирцы и малороссійцы изнемогали отъ усилій удержаться на позиціи. Желая какъ можно скорѣе притянуть сюда свѣжія силы, онъ поѣхалъ на встрѣчу приближавшимся астраханцамъ и, поздоровавшись съ людьми, обратился къ нимъ со словами:

— Братцы! восемь нашихъ орудій въ рукахъ у турокъ... Я требую, чтобы пушки были отняты обратно!

---

*) Полки: 11-й гренадерскій Фанагорійскій генералиссимуса князя Суворова и 12-й гренадерскій Астраханскій Наслѣдника Цесаревича. Бригадный командиръ генералъ-маіоръ Квитницкій.

противъ
стая сп.
строю и
лерія д
болѣе к
цѣпи, п
на стол
снова н
справед.
по трев
маневра
атаку.
ихъ пу
ками р
штыкам
своего
шего а
прерыві
нихъ д
натамъ.
выхъ, самыхъ закаленныхъ войскъ въ мірѣ. Идти около трехъ верстъ подъ мѣткимъ—и замѣтьте, не по-турецки, а подъ дѣйствительно мѣткимъ огнемъ, и идти безъ единаго ружейнаго выстрѣла со своей стороны—это чего нибудь да стоитъ!.. Атаку велъ самъ Османъ-паша, красовавшійся предъ своими войсками на прекрасномъ рыжемъ жеребцѣ, который былъ присланъ ему въ подарокъ отъ Султана. Едва прошли какія нибудь три четверти часа, какъ турки были уже передъ нашими траншеями, и только тутъ ихъ цѣпь открыла на ходу сильнѣйшій ружейный огонь. Съ одушевленными криками «алла» кинулись они въ штыки на окопы и въ промежутки ложементовъ, гдѣ въ одно мгновеніе смѣшались съ сибирцами. Бóльшая часть нашихъ людей полегла въ штыковомъ бою; отступили къ Копаной Могилѣ только слабыя горсти, которыя были уже не въ силахъ держаться, и когда мы на другой день боя объѣзжали эти мѣста, то видѣли груды нашихъ и турокъ, застывшихъ вмѣстѣ въ предсмертной борьбѣ, словно бы въ братскихъ объятіяхъ. Овладѣвъ траншеею, турки бросились на нашу позиціонную земляную батарею № 3-го, гдѣ

стояли восемь 9-ти-фунтовыхъ орудій 2-й батареи 3-й гренадерской артиллерійской бригады. Бо́льшая часть прислуги была переколота. Долѣе прочихъ оборонялся артиллеристъ Карабановъ, который билъ враговъ своимъ банникомъ и, уложивъ имъ нѣсколько человѣкъ, вышелъ невредимо изъ неравной схватки. Два орудія прислуга успѣла свезти, а отъ остальныхъ унесла затворы. 3-й батареѣ 3-й гренадерской артиллерійской бригады, которая занимала окопъ № 4-го, непріятель угрожалъ обходомъ съ праваго фланга; она старалась держаться пока лишь была къ тому малѣйшая возможность, отстрѣливаясь картечью; но, за значительною убылью прислуги, вынуждена была наконецъ сняться, причемъ увезено только шесть орудій, такъ какъ подъ остальными двумя были перебиты всѣ лошади. Батарейный командиръ, полковникъ Квантенъ при этомъ тяжело раненъ.

Въ нѣсколько минутъ непріятель достигъ втораго ряда нашихъ траншей. Но здѣсь подоспѣлъ Малороссійскій гренадерскій графа Румянцева-Задунайскаго полкъ, который двинувшись въ промежутокъ окоповъ № 3-го и № 4-го, поддержалъ сибирцевъ, и тогда началось горячее стрѣлковое дѣло. Малороссійцы задержали пока дальнѣйшее наступленіе турокъ, но и сами понесли при этомъ большія потери. Достаточно сказать, что въ теченіи нѣсколькихъ минутъ у нихъ изъ строя выбыли три батальонныхъ и половина ротныхъ командировъ. Предвидя, что турки, притянувъ къ себѣ подкрѣпленія, могутъ возобновить атаку, генералъ Даниловъ послалъ 2-й бригадѣ своей дивизіи *) приказаніе спѣшить на помощь, вмѣстѣ съ ея артиллеріею. Генералъ Ганецкій прибылъ къ кургану Копана Могила, когда сибирцы и малороссійцы изнемогали отъ усилій удержаться на позиціи. Желая какъ можно скорѣе притянуть сюда свѣжія силы, онъ поѣхалъ на встрѣчу приближавшимся астраханцамъ и, поздоровавшись съ людьми, обратился къ нимъ со словами:

— Братцы! восемь нашихъ орудій въ рукахъ у турокъ... Я требую, чтобы пушки были отняты обратно!

---

*) Полки: 11-й гренадерскій Фанагорійскій генералиссимуса князя Суворова и 12-й гренадерскій Астраханскій Наслѣдника Цесаревича. Бригадный командиръ генералъ-маіоръ Квитницкій.

противъ окоповъ 3-й гренадерской дивизіи. Впереди шла густая сплошная цѣпь, за нею—поддержки въ разомкнутомъ строю и, наконецъ, резервы, тоже въ тонкихъ линіяхъ. Артиллерія двигалась на высотѣ своей цѣпи, останавливаясь не болѣе какъ для одного выстрѣла и за тѣмъ, нагнавъ линію цѣпи, перегоняла ее на нѣсколько десятковъ саженей—ровно на столько, чтобы успѣть дать новый выстрѣлъ, пока цѣпь снова не поровняется съ нею. Надо отдать туркамъ полную справедливость: если наши гренадеры приготовлялись къ бою по тревогѣ, какъ на маневрахъ, то и турки, тоже какъ на маневрахъ, вели на нихъ безъ выстрѣла свою стремительную атаку. Нужды нѣтъ, что изъ нашихъ траншей осыпали ихъ пулями, что губительныя шрапнели цѣлыми десятками рвались надъ ихъ головами—они шли со склоненными штыками молча и только старались учащать быстрый темпъ своего шага. Какъ видно, практика сильныхъ ощущеній нашего артиллерійскаго огня, которымъ угощали мы ихъ безпрерывно въ теченіи почти двухъ мѣсяцевъ, не прошла для нихъ даромъ: они вполнѣ пріучились и къ пулямъ, и къ гранатамъ, и шли теперь на насъ, какъ одно изъ самыхъ боевыхъ, самыхъ закаленныхъ войскъ въ мірѣ. Идти около трехъ верстъ подъ мѣткимъ—и замѣтьте, не по-турецки, а подъ дѣйствительно мѣткимъ огнемъ, и идти безъ единаго ружейнаго выстрѣла со своей стороны—это чего нибудь да стоитъ!.. Атаку велъ самъ Османъ-паша, красовавшійся предъ своими войсками на прекрасномъ рыжемъ жеребцѣ, который былъ присланъ ему въ подарокъ отъ Султана. Едва прошли какія нибудь три четверти часа, какъ турки были уже передъ нашими траншеями, и только тутъ ихъ цѣпь открыла на ходу сильнѣйшій ружейный огонь. Съ одушевленными криками «алла» кинулись они въ штыки на окопы и въ промежутки ложементовъ, гдѣ въ одно мгновеніе смѣшались съ сибирцами. Бо́льшая часть нашихъ людей полегла въ штыковомъ бою; отступили къ Копаной Могилѣ только слабыя горсти, которыя были уже не въ силахъ держаться, и когда мы на другой день боя объѣзжали эти мѣста, то видѣли груды нашихъ и турокъ, застывшихъ вмѣстѣ въ предсмертной борьбѣ, словно бы въ братскихъ объятіяхъ. Овладѣвъ траншеею, турки бросились на нашу позиціонную земляную батарею № 3-го, гдѣ

стояли восемь 9-ти-фунтовыхъ орудій 2-й батареи 3-й гренадерской артиллерійской бригады. Бо́льшая часть прислуги была переколота. Долѣе прочихъ оборонялся артиллеристъ Карабановъ, который билъ враговъ своимъ банникомъ и, уложивъ имъ нѣсколько человѣкъ, вышелъ невредимо изъ неравной схватки. Два орудія прислуга успѣла свезти, а отъ остальныхъ унесла затворы. 3-й батареѣ 3-й гренадерской артиллерійской бригады, которая занимала окопъ № 4-го, непріятель угрожалъ обходомъ съ праваго фланга; она старалась держаться пока лишь была къ тому малѣйшая возможность, отстрѣливаясь картечью; но, за значительною убылью прислуги, вынуждена была наконецъ сняться, причемъ увезено только шесть орудій, такъ какъ подъ остальными двумя были перебиты всѣ лошади. Батарейный командиръ, полковникъ Квантенъ при этомъ тяжело раненъ.

Въ нѣсколько минутъ непріятель достигъ втораго ряда нашихъ траншей. Но здѣсь подоспѣлъ Малороссійскій гренадерскій графа Румянцева-Задунайскаго полкъ, который двинувшись въ промежутокъ окоповъ № 3-го и № 4-го, поддержалъ сибирцевъ, и тогда началось горячее стрѣлковое дѣло. Малороссійцы задержали пока дальнѣйшее наступленіе турокъ, но и сами понесли при этомъ большія потери. Достаточно сказать, что въ теченіи нѣсколькихъ минутъ у нихъ изъ строя выбыли три батальонныхъ и половина ротныхъ командировъ. Предвидя, что турки, притянувъ къ себѣ подкрѣпленія, могутъ возобновить атаку, генералъ Даниловъ послалъ 2-й бригадѣ своей дивизіи *) приказаніе спѣшить на помощь, вмѣстѣ съ ея артиллеріею. Генералъ Ганецкій прибылъ къ кургану Копана Могила, когда сибирцы и малороссійцы изнемогали отъ усилій удержаться на позиціи. Желая какъ можно скорѣе притянуть сюда свѣжія силы, онъ поѣхалъ на встрѣчу приближавшимся астраханцамъ и, поздоровавшись съ людьми, обратился къ нимъ со словами:

— Братцы! восемь нашихъ орудій въ рукахъ у турокъ... Я требую, чтобы пушки были отняты обратно!

---

*) Полки: 11-й гренадерскій Фанагорійскій генералиссимуса князя Суворова и 12-й гренадерскій Астраханскій Наслѣдника Цесаревича. Бригадный командиръ генералъ-маіоръ Квитницкій.

— Отнимемъ, ваше превосходительство! громко отвѣтили ему гренадеры.

— Отнимите, братцы! На то вы и астраханцы! Помните, Чье имя вы носите!

Эти слова произвели свое впечатлѣніе. Астраханскій Наслѣдника Цесаревича полкъ быстрымъ, бойкимъ шагомъ и въ образцовой стройности двинулся впередъ, имѣя во главѣ своего командира полковника Крюкова и генерала Квитницкаго. Непосредственно за астраханцами, но нѣсколько правѣе ихъ, уступомъ, шелъ Фанагорійскій гренадерскій полкъ, также встрѣченный привѣтствіемъ своего корпуснаго командира.

Вскорѣ послѣ этого генералъ Ганецкій замѣтилъ, что турки видимо хотятъ пробиться къ Дунаю, потому что подъ прикрытіемъ своей атаки на наши ложементы спѣшно направляютъ на сѣверъ головы своихъ обозовъ. Понятно поэтому, что наибольшія усилія Османа были направлены на лѣвый флангъ сибирцевъ, который наконецъ и сталъ подаваться назадъ, послѣ упорнаго, но слишкомъ неравнаго боя. Были нѣкоторыя роты, которыя выводили изъ боя не болѣе какъ по пятнадцати человѣкъ, потерявъ всѣхъ офицеровъ. На помощь лѣвому флангу должна была подойдти 2-я бригада 3-й гренадерской дивизіи, но до ея прихода генералъ Лашкаревъ, находившійся тутъ съ 9-ю кавалерійскою дивизіею, выстроилъ свои полки въ боевой порядокъ и приготовился встрѣтить непріятеля въ случаѣ прорыва. Подъ Лашкаревымъ упала лошадь, пронзенная двумя пулями и въ то же время до пятнадцати коней и всадниковъ выбыли изъ строя. Турки между тѣмъ ломили на нашъ лѣвый флангъ, пока не наткнулись на 1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи, расположенную въ ложементахъ, идущихъ къ Виду подъ тупымъ угломъ отъ лѣваго фланга сибирцевъ. Полки этой бригады, Архангелогородскій и Вологодскій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рыкачева, приведенные сюда на смѣну румынъ дня за три до 28-го числа, неожиданно встрѣтили противника изъ-за окоповъ такимъ огнемъ, что турки съ разу оставили всякія дальнѣйшія покушенія противъ лѣваго фланга, но за то всѣ свои усилія сосредоточили противъ центра нашей позиціи. Генералъ Ганецкій все время разъѣзжалъ по войскамъ первой линіи и ободрялъ ихъ.

— Кукурузники, не отступать! и не смѣй думать объ этомъ! съ веселымъ видомъ, грозя кулакомъ, кричалъ онъ нѣсколькимъ сибирскимъ ротамъ, предъ которыми въ одномъ мѣстѣ разстилалось кукурузное поле.

— Ваше превосходительство, патроновъ нѣтъ! Разстрѣляли уже всѣ патроны,—отвѣчали ему солдаты, показывая пустые подсумки.

— Ну, и наплевать, коли нѣтъ! Такіе молодцы и безъ патроновъ, однимъ штыкомъ турнутъ непріятеля, да и батарею свою назадъ отберутъ!

— Ради стараться, ваше превосходительство! Прикажите впередъ идти!

— Не торопись, братцы, будетъ время—прикажу! Не бойсь, на заду не останетесь! А патроны вотъ уже подвозятъ!

Между тѣмъ семь турецкихъ орудій приблизились къ намъ настолько, что гранаты ихъ летѣли черезъ обѣ линіи нашихъ окоповъ и лопались около резервовъ. Все это, въ соединеніи съ отчаянными усиліями непріятеля противъ центра, побудило Ганецкаго воспользоваться совѣтомъ генеральнаго штаба полковника Фрезе, чтобы притянуть къ Копаной Могилѣ 2-ю бригаду 2-й гренадерской дивизіи *), для удара на противника въ его лѣвый флангъ. Эта бригада **) въ то время уже двигалась отъ Дольняго Дубняка къ мѣсту боя, вмѣстѣ съ начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи генералъ-лейтенантомъ Свѣчинымъ, къ которому Ганецкій отправилъ генеральнаго штаба капитана Волкова, съ порученіемъ указать означенной бригадѣ ея мѣсто въ боевой линіи и цѣль дѣйствій.

Между тѣмъ раненые у насъ все прибывали и прибывали: на носилкахъ, пѣшкомъ и ползкомъ тащились они кое-какъ къ перевязочному пункту, но не раздавалось въ средѣ ихъ ни громкаго стона, ни ропота. Всѣ они, отъ старшихъ офицеровъ до послѣдняго солдата, сознавали, что на этомъ полѣ идетъ теперь рѣшительное дѣло объ участи цѣлой войны, а тутъ уже не до личныхъ страданій того или другаго!..

---

*) 2-я гренадерская дивизія состоитъ изъ полковъ: Кіевскаго, Таврическаго, Самогитскаго и Московскаго; начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Свѣчинъ.

**) Командиръ бригады генералъ-маіоръ Гадонъ.

Ганецкій все еще продолжалъ разъѣзжать по боевымъ линіямъ и ободрять солдатъ. Его сопровождали начальникъ отряднаго штаба полковникъ Маныкинъ-Неуструевъ, Свиты генералъ-маіоръ Струковъ, генеральнаго штаба полковникъ Фрезе, адъютанты и ординарцы. Начальники обѣихъ гренадерскихъ дивизій, генералъ-лейтенанты Свѣчинъ и Даниловъ, съѣхались на нѣсколько минутъ съ генераломъ Ганецкимъ и, среди боя, держали съ нимъ непродолжительное совѣщаніе относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій.

Въ половинѣ одиннадцатаго часа впереди того мѣста, гдѣ стоялъ Ганецкій, вдругъ раздалось «ура», которое зашумѣло тѣмъ свѣжимъ, еще не надтреснутымъ, не хриплымъ звукомъ, какой раздается только въ части не утомленной боемъ и кидающейся въ свою первую атаку. Этотъ звукъ умѣетъ отличать привычное ухо среди боеваго шума. То была атака астраханцевъ и фанагорійцевъ. Оба полка, вспомнивъ боевую сноровку своихъ доблестныхъ суворовскихъ дѣдовъ, дружнымъ ударомъ въ штыки «на ура» насѣли на противника, поддержавъ изнемогавшихъ въ продолжительномъ и неравномъ бою сибирцевъ и малороссійцевъ. Вышвырнувъ изъ траншеи турокъ, они отбили у нихъ захваченныя русскія пушки. Но мало того, здѣсь же были взяты съ боя и семь турецкихъ орудій, вмѣстѣ съ ящиками, между которыми нашлись и наши русскіе (5-й артиллерійской бригады), захваченные подъ Плевною въ несчастливомъ для насъ дѣлѣ 8-го іюля, а рядовой Астраханскаго полка Егоръ Ждановъ, положивъ на мѣстѣ трехъ турокъ, съ боя взялъ турецкое знамя *). Въ это время подоспѣлъ 7-й гренадерскій Самогитскій полкъ, съ двумя батареями. Генералъ Свѣчинъ направилъ самогитцевъ въ промежутокъ между обоими Метропольями, что оказалось необходимымъ потому, что часть турокъ продолжала еще держаться въ нашихъ ложементахъ и траншеяхъ этого участка, не смотря на удачную атаку полковъ 3-й гренадерской дивизіи въ участкѣ между окопами № 3 и № 4. 10-я рота Самогитскаго полка, со штабсъ-капитаномъ Яньковымъ, безъ выстрѣла бросилась въ траншеи и не только выбила изъ

---

*) Рядовой Егоръ Ждановъ, уроженецъ Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда, Голомидовской волости, деревни Боярской.

нихъ противника штыками, но и захватила три турецкія пушки.

Съ отбитіемъ траншей успѣхъ сраженія склонился на нашу сторону. Турки заколыхались и, поддерживая перестрѣлку, отбѣжали на разстояніе ближняго ружейнаго выстрѣла, откуда открыли частый огонь по нашимъ ложементамъ. Тутъ завязался ожесточенный стрѣлковый бой, которому вторила артиллерійская канонада. Наши орудія стрѣляли изъ-за окоповъ, а турецкія съ высоты мостовыхъ укрѣпленій и съ опонецкихъ редутовъ. Гранаты противника рвались среди нашихъ войскъ, и такимъ образомъ ружейная и артиллерійская пальба безъ умолку гремѣла по всей линіи войскъ нашихъ и турецкихъ. Въ это время подъ Османомъ-пашею была убита его рыжая лошадь и самъ онъ раненъ пулею въ лѣвую икру, на вылетъ. Преувеличенная молвою вѣсть о ранѣ и (благодаря паденію коня) даже о смерти Османа быстро пронеслась по рядамъ его арміи. И вотъ что̀ значитъ подобная случайность тамъ, гдѣ все дѣло держится не на собственныхъ нравственно-боевыхъ качествахъ войска, а единственно лишь на волоскѣ личности и авторитета самого главнокомандующаго! Тѣ же самые батальоны, которые полчаса назадъ съ такою отчаянною рѣшимостію лѣзли на наши окопы и послѣ отбитаго штурма все еще осыпали насъ огнемъ съ совершенно открытаго поля—теперь, чуть лишь разнеслась между ними роковая вѣсть, шарахнулись назадъ, къ Виду, въ самомъ крайнемъ безпорядкѣ. Наши гренадеры, съ барабаннымъ боемъ, тотчасъ же по всей линіи перешли въ общее наступленіе. Турки съ каждой минутой разстраивались все болѣе и болѣе, такъ что въ полдень вся плевненская армія бѣжала уже въ разбродъ отовсюду, сплошь заполнивъ собою все раздольное пространство открытаго и широкаго поля. Представьте себѣ нещадно разоренную муравьиную кучу, изъ которой миріады ея обитателей поползли вдругъ въ одномъ направленіи, обгоняя, переползая одинъ черезъ другаго и опрокидывая другъ друга,—вотъ только съ чѣмъ можно сравнить это единственное въ своемъ родѣ бѣгство. Люди, казавшіеся издали сѣрыми и синими точками, именно какъ муравьи двигались по равнинѣ и сплошными темными массами толпились у обоихъ мостовъ на Видѣ, а въ это время наши гранаты

то и дѣло разрывались посреди ихъ въ разныхъ направленіяхъ. Здѣсь полегло множество турокъ... Но хуже всего было имъ у Вида. Въ крайнемъ безпорядкѣ кидались эти массы на мосты и прямо въ рѣку, сталкивая однѣ другихъ цѣлыми кучами; несчастные раненые, военные обозы, орудія, зарядные ящики, обывательскія арбы съ имуществомъ и хозяевами стремглавъ летѣли въ воду, послѣ того какъ перила на каменномъ мосту обломались. Наконецъ, большая часть всего этого успѣла кое-какъ перебраться на тотъ берегъ, столпилась на шоссе въ полугорьѣ и поползла въ разныхъ направленіяхъ на глинистыя вершины. Но множество турокъ оставалось еще около мостовъ и по нашу сторону Вида. Артиллерійская бригада *) флигель-адъютанта полковника Щеголева, памятнаго всей Россіи еще съ прошлой восточной войны по геройской оборонѣ Одессы, вынеслась далеко впередъ подъ гранатнымъ огнемъ турецкихъ редутовъ и сыпала картечью въ смятенныя толпы непріятеля. Генералъ Ганецкій счелъ умѣстнымъ даже пріостановить нѣсколько лихое наступленіе этой бригады, изъ опасенія, что если неравно турки вздумаютъ вдругъ воспользоваться ея черезчуръ изолированнымъ расположеніемъ и бросятся съ отчаянія на нее въ атаку, то орудія наши, пожалуй, и не успѣютъ уйдти, благодаря вязкой, разбухшей отъ дождей почвѣ.

Наконецъ, сквозь пороховой дымъ, замѣтили въ свитѣ генерала Ганецкаго, что на мосту, среди всей этой толчеи и сумятицы, широко машетъ кто-то бѣлымъ флагомъ. Вскорѣ послѣ этого изъ нашей передовой цѣпи доставили къ генералу турецкаго офицера съ завязанными глазами. Но Ганецкій, зная неоднократно уже испытанное нами вѣроломство въ этомъ отношеніи турокъ, отказался принять парламентера и приказалъ трубачу проводить его обратно къ мосту. Перестрѣлка между тѣмъ продолжалась. Но не прошло и четверти часа, какъ пріѣхалъ новый парламентеръ, не говорящій впрочемъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ турецкаго. Этотъ послѣдній точно также не былъ допущенъ къ переговорамъ нашимъ генераломъ, который, подозвавъ къ себѣ Струкова, просилъ его

*) 2-я гренадерская.

написать на французскомъ языкѣ записку къ самому Осману. «Ваше превосходительство,—писалъ карандашомъ на клочкѣ генералъ Струковъ—командующій отрядомъ генералъ Ганецкій поручилъ передать вамъ, что онъ приметъ для переговоровъ только лицо, замѣняющее вашу особу, такъ какъ генералу извѣстно, что сами вы ранены».

Вручивъ эту записку турецкому посланцу, Ганецкій приказалъ Струкову ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ мосту и тамъ ожидать отвѣта.

Въ недоумѣніи многія тысячи турокъ толпились на правомъ берегу Вида, томясь еще неизвѣстностію о своей участи, тогда какъ на нашей сторонѣ уже гремѣло могучими раскатами отъ батальона къ батальону побѣдное «ура», во славу Русскаго Государя.

LXXIV

Паденіе Плевны

Сдача Османа.

Встрѣча и переговоры генерала Струкова съ Тевфикъ-пашою у каменнаго моста. — Критическая минута послѣ «отбоя». — Генералъ Ганецкій отправляетъ Струкова къ Осману. — У шоссейнаго домика, среди турокъ. — Какъ нашелъ Струковъ Османа, его обстановку и наружность. — Объясненіе между ними. — Фатализмъ Османа. — Свиданіе генерала Ганецкаго съ Османомъ. — Тяжелая минута медлительности. — Османъ отдаетъ приказаніе о сдачѣ арміи и вручаетъ свою саблю Ганецкому. — Нѣмой протестъ турецкаго войска и его обезоруженіе. — Пріѣздъ обоихъ Скобелевыхъ, знакомство и разговоръ ихъ съ Османомъ. — Отправленіе Османа и его свиты въ Плевну.

Боготъ, 29-го ноября, вечеромъ.

Подъѣхавъ къ мосту, генералъ Струковъ увидѣлъ, что на встрѣчу ему, въ сопровожденіи двухъ кавалеристовъ, скачетъ какой-то бѣлокурый офицеръ, съ розовымъ лицомъ и небольшими рыжеватыми усами. Не смотря на красную феску, въ типѣ этого лица сказывалось гораздо болѣе европейскаго, чѣмъ турецкаго начала.

— Тевфикъ-паша, лива́ (бригадный генералъ), исполняющій должность начальника штаба арміи Османа-паши,—

рекомендовался онъ на французскомъ языкѣ, изящно приложивъ руку къ фескѣ.

Струковъ отрекомендовался взаимно и спросилъ, имѣетъ ли онъ какія-либо полномочія отъ Османа?

Тевфикъ-паша отвѣчалъ отрицательно.

— Въ такомъ случаѣ, генералъ, чего же вы желаете, приближаясь къ нашей цѣпи?

— Армія сдается, Османъ-паша тоже.

— Это мы знаемъ, но мы не видимъ пока лица, вполнѣ уполномоченнаго для переговоровъ. Намъ нужно лицо, которое вполнѣ замѣняло бы особу вашего главнокомандующаго; объ этомъ уже писано къ вамъ.

Тевфикъ-паша заявилъ, что такъ такъ раненый Османъ положительно лишенъ всякой возможности выѣхать самъ къ генералу Ганецкому, и такъ какъ ему не хотѣлось бы помимо самого себя вручать кому бы то ни было слишкомъ важную и отвѣтственную обязанность переговоровъ о сдачѣ цѣлой арміи, то онъ покорнѣйше проситъ, не будетъ ли генералъ Ганецкій столь любезенъ—пожаловать въ шоссейную караулку, гдѣ пріютился пока турецкій главнокомандующій.

Генералъ Струковъ послалъ ординарца передать это приглашеніе по принадлежности, а Тевфикъ-паша рысью воротился назадъ, къ Осману.

Не задолго предъ этимъ у насъ былъ поданъ сигналъ отбоя стрѣльбы. Турки не стрѣляли тоже. Но тутъ, среди томительнаго ожиданія обѣихъ сторонъ, наступила нравственно очень трудная минута: обѣ стороны были нервно напряжены до послѣдней крайности и каждый человѣкъ чувствовалъ, что если вдругъ сорвется откуда нибудь случайный выстрѣлъ—одинъ только ружейный, совершенно нечаянный выстрѣлъ,—кровопролитный бой, какъ порохъ, снова вспыхнетъ въ то же мгновеніе, еще съ бо̀льшею силою и ожесточеніемъ.

Генералъ Ганецкій, казалось, испытывалъ то̀ же самое опасеніе, а потому, подъѣхавъ къ мосту и указавъ рукой на караульный домикъ, онъ отрывисто сказалъ Струкову одно только: «ступайте!».

Струковъ далъ шпоры и поскакалъ въ гору по шоссе, около котораго валялись мертвые и раненые турки. Массы пока еще вооруженныхъ турецкихъ солдатъ въ нѣмомъ и непріязненномъ молчаніи стояли на мосту, на дорогѣ, на брустверахъ батарей и на горныхъ склонахъ.

Пробравшись сквозь тѣсныя толпы турецкихъ солдатъ и объѣхавъ нѣсколько группъ убитыхъ и раненыхъ, генералъ Струковъ приблизился къ шоссейной караулкѣ, около которой скучилась масса непріятельскихъ фронтовыхъ офицеровъ и нѣсколько пашей, беевъ, докторовъ съ повязкою «Краснаго Полумѣсяца» и личныхъ адъютантовъ Османа. Домикъ этотъ представляетъ изъ себя обыкновенную бѣлую мазанку подъ черепичною кровлей, прислоненную задомъ къ горному склону и укрытую спереди брустверомъ мостоваго укрѣпленія, которое извнутри было изрыто, словно ямами, безпорядочно-расположенными землянками. Бросивъ поводья вѣстовому казаку, Струковъ вошелъ въ сѣни караулки. Направо дверь, налѣво дверь, и прямо впереди тоже дверь, ведущая въ коровникъ, наполненный ранеными. Правая комната биткомъ набита была турецкими офицерами и наполнена облаками табачнаго дыма; на полу валялось нѣсколько мѣдныхъ, измятыхъ подъ ногами музыкальныхъ трубъ, разсыпанные патроны, разорванные патронташи, исковерканное оружіе. Толпа эта глухо и серьезно разговаривала между собою.

— Гдѣ здѣсь Османъ-паша? — спросилъ по французски Струковъ.

Одинъ изъ ближайшихъ къ выходу офицеровъ, окинувъ его апатически равнодушнымъ взглядомъ, молча кивнулъ головою на лѣвую дверь. Струковъ отворилъ ее и переступилъ порогъ.

Въ убогой, тѣсной горенкѣ, давно уже прокоптѣлой отъ дыма большаго очага, помѣщавшагося направо отъ входа, и едва освѣщаемой двумя маленькими оконцами, откинувшись нѣсколько назадъ, къ стѣнѣ, сидѣлъ Османъ на вбитой въ землю деревянной скамейкѣ. Нравственное и физическое утомленіе сказывалось во всей фигурѣ и отчасти въ лицѣ турецкаго главнокомандующаго. Впрочемъ, лицо его было хотя и блѣдно, но спокойно. Раненая лѣвая нога Османа, освобожденная отъ сапога, лежала на пустой жестяной ко-

робкѣ изъ-подъ патроновъ. Личный врачъ Османа, Хасибъ-бей, пожилой, высокій и широкоплечій мужчина, склонившись на одно колѣно, заботливо осматривалъ его рану, окруженный бинтами, медикаментами, инструментальнымъ наборомъ, металлическимъ тазомъ и восточнымъ кувшиномъ съ водою. Наружность паши съ перваго же взгляда производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. На видъ ему лѣтъ за сорокъ, и если вообразить себѣ вмѣстѣ съ этимъ сильную физически натуру, при среднемъ ростѣ и нѣкоторой дородности стана, характерный погибъ бровей, небольшіе каріе глаза съ очень умнымъ, но тихимъ выраженіемъ, широкое, здоровое лицо съ нѣсколько выдающимися верхними скулами, обрамленное небольшою темною бородою—это приблизительно будетъ портретъ Османа. Одѣтъ онъ былъ въ черный сюртукъ тонкаго сукна, съ расшитыми галуномъ рукавами; ни на шеѣ, ни въ петлицѣ ни одного ордена; съ одной стороны спускалось пальто-сакъ небрежно накинутое на плечи, сбоку висѣла кривая сабля, та самая, что была ему прислана въ подарокъ отъ Султана *). Вдоль стѣнъ этой горенки безмолвно стоялъ цѣлый рядъ старшихъ пашей, съ почтительно и грустно потупленными головами. Здѣсь между прочимъ присутствовали ферикъ (дивизьонный генералъ) Адиль-паша, участвовавшій еще въ прошлой Восточной войнѣ—большая, красивая, спокойная и почтенная фигура; Тевфикъ-паша, получившій образованіе въ Парижѣ; Атифъ-паша, Гуссейнъ-паша, Садыкъ-паша, Эдхемъ-паша и многіе другіе. При входѣ Струкова Османъ не безъ усилія поднялся со скамейки, сдѣлалъ по восточному обычный привѣтственный знакъ и первый протянулъ вошедшему руку.

— Вы ранены, прошу васъ сѣсть, генералъ! — предупредительно поспѣшилъ сказать Струковъ, помогая ему опуститься на скамейку, и затѣмъ отрекомендовался.

Османъ пригласилъ его знакомъ садиться, но генералъ Струковъ, въ силу военнаго этикета, продолжалъ объясненіе стоя, отдавая этимъ должную дань почтенія пашѣ, какъ

---

*) Осману-пашѣ было разновременно пожаловано за храбрость двѣ сабли: въ настоящую минуту на немъ была надѣта первая; вторая же, осыпанная бриллiантами, еще не успѣла дойдти по назначенію и осталась въ Софіи.

главнокомандующему. Вслѣдъ за генераломъ Струковымъ вошло сюда нѣсколько румынскихъ старшихъ офицеровъ, которые, только что покончивъ боевое дѣло съ турками на Опонецкихъ высотахъ, прошли со своими батальонами чрезъ непріятельскія батареи и спустились къ шоссе, въ долину.

Объясненіе между нашимъ парламентеромъ и Османомъ происходило на французскомъ языкѣ, который хотя и знакомъ отчасти турецкому полководцу, однако не на столько, чтобы можно было обойдтись безъ переводчика.

— Я сюда явился, сказалъ Струковъ, по приказанію генерала Ганецкаго, привѣтствовать ваше высокопревосходительство съ блестящею атакой и вмѣстѣ съ тѣмъ передать вамъ, что генералъ Ганецкій, не имѣя пока никакихъ приказаній отъ Его Высочества Главнокомандующаго, можетъ предложить вамъ только полную, безусловную сдачу, какъ васъ самихъ, такъ и всей вашей арміи.

Османъ выслушалъ внимательно эти слова и глубоко задумался....

Чрезъ минуту онъ тихо поднялъ голову и обращаясь къ своему врачу, съ какимъ-то покорно-фаталистическимъ выраженіемъ въ грустномъ лицѣ, проговорилъ медлительнымъ и ровнымъ тономъ:

— Дни не равны; день за днемъ слѣдуетъ, но нѣтъ двухъ сходныхъ: одинъ — счастливый, другой — несчастливый...

А затѣмъ, поднявъ спокойный взоръ на Струкова, прибавилъ съ подавленнымъ вздохомъ и слегка склоняя голову:

— Я вполнѣ покоряюсь желаніямъ Главнокомандующаго вашей арміи.

Эти тихо произнесенныя слова, очевидно стоившія Осману не малой внутренней борьбы, сопровождались нервнымъ подергиваніемъ его лица, внушавшаго невольное сочувствіе къ злополучному полководцу.

— Паша, на все воля Всевышняго, — столь же тихо проговорилъ ему Струковъ.

По всему было замѣтно, что испытавъ столько удачъ въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, Османъ-паша и на этотъ разъ надѣялся на свое умѣнье, энергію и счастіе. Первыя два качества сопровождали его до послѣдней минуты боя, но послѣднее измѣнило... Не демонстрацію ради оправданія своего

военнаго имени предпринималъ сегодня турецкій главнокомандующій; нѣтъ, онъ дѣйствительно вѣровалъ въ свою счастливую звѣзду, дѣйствительно былъ убѣжденъ въ удачѣ прорыва, иначе не зачѣмъ бы ему было отдавать приказаніе офицерамъ забирать весь ихъ багажъ, всѣ военные запасы и тащить съ собою громадные частные обозы плевненскихъ обывателей-турокъ. И притомъ ему ровно ничего не было еще извѣстно объ успѣхахъ генерала Гурко въ Балканахъ, о взятіи Врацы и Этрополя, о занятіи Орханіэ и Врачеша; онъ считалъ путь на Софію, равно какъ и путь на Виддинъ совершенно свободными въ тылу нашей линіи обложенія.

Получивъ отъ Османа изъявленіе полной покорности волѣ Его Высочества, Струковъ тотчасъ же послалъ за генераломъ Ганецкимъ. Хасибъ-бей между тѣмъ принялся доканчивать перевязку. Османъ въ глубокомъ раздумьи сидѣлъ молча и понуро; молча и серьезно продолжалъ стоять вдоль стѣнъ и рядъ почтительныхъ пашей, ловя изъ-подлобья внимательнымъ взглядомъ малѣйшее выраженіе мысли или оттѣнокъ чувства на спокойно-отуманенномъ лицѣ главнокомандующаго.

Черезъ полчаса пріѣхалъ начальникъ нашего завидскаго отряда. Переступя порогъ, почтенный генералъ, только что вышедшій побѣдителемъ изъ роковаго, рѣшительнаго боя, снялъ со своей сѣдой головы лейбъ-финляндскую фуражку *) и съ присущею ему простотою стараго солдата, открыто и радушно протянулъ руку вставшему съ мѣста Осману. Оба они крѣпко, какъ друзья, пожали руки другъ другу.

— Поздравляю васъ! — сказалъ Ганецкій, какъ всегда, отрывисто и громко, смотря въ глаза Осману яснымъ и привѣтливымъ взглядомъ. — Поздравляю! Вы чудно вели атаку!... Прикажите класть оружіе.

И проговоривъ это, онъ сѣлъ на широкую скамью рядомъ съ Османомъ. Прошло съ минуту въ полномъ молчаніи, въ теченіи котораго оба недавніе противника время отъ времени только искоса вскидывались другъ на друга пытливыми взгля-

*) Генералъ Ганецкій обыкновенно носитъ форму лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, которымъ нѣкогда онъ командовалъ и съ которымъ дѣлалъ кампанію 1863 года.

дами, какъ бы изучая одинъ другаго. Напряженное молчаніе становилось наконецъ тягостнымъ. Турецкіе паши хотя и слышали послѣднее приглашеніе генерала Ганецкаго, но никто изъ нихъ не тронулся отдать войскамъ приказаніе о сдачѣ оружія: видимо, никто не рѣшался произнести послѣднее роковое слово.

— Ваше превосходительство, — взглянувъ на карманные часы, обратился Струковъ къ генералу Ганецкому, — уже пятый часъ, будетъ поздно... Не благоволите ли подтвердить ваше приказаніе?

Тогда генералъ Ганецкій поручилъ ему повторить черезъ драгомана свое требованіе.

Османъ тяжело поднялъ руку и обратясь взглядомъ къ Адиль-пашѣ, повелительно махнулъ ему въ направленіи двери.

Адиль-паша почтительно и скорбно поклонился, сложивъ на груди ладони, и въ сопровожденіи генерала Струкова вышелъ изъ караулки для отдачи тягостнаго приказанія.

Затѣмъ Османъ, какъ-то встрепенувшись внутренно, быстрымъ движеніемъ снялъ съ себя саблю, раздумчиво поглядѣлъ на нее, какъ бы прощаясь, тихо вздохнулъ и молча подалъ завѣтное оружіе генералу Ганецкому.

Между тѣмъ Адиль-паша, взобравшись на пригорокъ, будто мулла съ высоты минарета, закричалъ что-то войскамъ и замахалъ руками, показывая жестомъ, чтобы люди снимали съ себя и клали на землю свое оружіе. Тутъ наступила крайне критическая минута нѣмаго протеста и сопротивленія. Толпы непріятельскихъ солдатъ стояли, словно бы на нихъ столбнякъ вдругъ нашелъ. Они ясно слышали крики настойчиваго приказанія сѣдобородаго, почтеннаго Адиля, но никто изъ нихъ и не подумалъ слагать оружіе. Потребовалось энергическое вмѣшательство офицеровъ, изъ которыхъ ближайшіе къ караулкѣ первыми побросали въ общую кучу свои сабли и револьверы и затѣмъ направились къ своимъ таборамъ понукать къ тому же аскеровъ. Съ явною неохотой и медлительными, лѣнивыми шагами стали наконецъ отовсюду сходиться къ шоссе солдаты и сваливать въ безпорядочныя кучи свои прекрасныя скорострѣлки, и въ этомъ рѣзкомъ звукѣ, съ которымъ стукались о камни падающія ружья, явно сказывалась глубокая досада, съ какою эти оборванные, истощенные дол-

гими трудами и голодомъ люди разставались со своимъ вооруженіемъ. Не только скорострѣлки, но и кожанные подсумки, и суконные патронташи, срывая съ себя, швыряли и разметывали они по всему полю и разсыпали цѣлыя массы металлическихъ патроновъ, втаптывая ихъ ногами въ размокшую почву. Множество ружей кидали не разряженными, отъ чего, при паденіи ихъ, нерѣдко раздавались, то тамъ, то сямъ, случайные выстрѣлы. Наши войска въ это время все ближе и ближе подходили со всѣхъ сторонъ и покрывали своими стройными рядами все окружающее пространство рѣчнаго берега, долину и возвышенности. Турки были оцѣплены полнымъ кольцомъ и ни одному изъ нихъ не было уже никакого выхода изъ этого роковаго круга.

Вскорѣ подъѣхали къ караулкѣ генералы Скобелевы — отецъ и сынъ — командированные сюда Великимъ Княземъ, чтобы принять въ свое распоряженіе городъ и сдавшуюся армію. Скобелевъ 2-й назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ Плевны и всего района ея укрѣпленій, а отцу его поручено ближайшее наблюденіе за порядкомъ сдачи войскъ, пріемъ оружія, обозовъ и снаряженія турецкой арміи, и вообще главное начальствованіе надъ всѣмъ пространствомъ поля послѣдней битвы. Оба они вошли въ караулку и познакомились съ Османомъ, которому нашъ «бѣлый генералъ» хорошо уже былъ извѣстенъ, если и не лично, то на дѣлѣ. Они разговорились, и М. Д. Скобелевъ между прочимъ высказалъ Осману черезъ переводчика:

— Скажите пашѣ, что каждый человѣкъ, по натурѣ, болѣе или менѣе завистливъ, и я, какъ военный, завидую Осману въ томъ, что онъ имѣлъ случай оказать своему отечеству важную услугу, задержавъ насъ четыре мѣсяца подъ Плевной.

Османъ поблагодарилъ его величаво-красивымъ турецкимъ жестомъ и отвѣтилъ со скромною улыбкой:

— Генералъ еще такъ молодъ годами и между тѣмъ успѣлъ уже такъ много и хорошо заявить себя на военномъ поприщѣ, что я не сомнѣваюсь — если и не я, то можетъ быть мои дѣти отдадутъ ему почтеніе, какъ фельдмаршалу русской арміи.

Пробывъ около получаса въ караулкѣ, генералы Скобелевы и Ганецкій простились съ Османомъ и, въ ожиданіи прибы-

тія Главнокомандующаго, направились за Видъ, къ войскамъ гренадерскаго корпуса, а генералъ Струковъ предложилъ Осману отправиться въ Плевну, предполагая, что Великій Князь поѣдетъ изъ города къ Виду по шоссе и такимъ образомъ турецкій главнокомандующій встрѣтится Его Высочеству на дорогѣ. Къ караулкѣ подкатила собственная коляска Османа, запряженная парою прекрасныхъ блѣдно-буланыхъ лошадей въ англійскихъ шорахъ, съ чалмоноснымъ, красиво одѣтымъ кучеромъ-арнаутомъ на козлахъ. Любопытныя толпы русскихъ и турокъ, перемѣшиваясь между собою, плотно окружали домикъ и коляску. Турецкіе офицеры на рукахъ вынесли изъ караулки своего раненаго предводителя и заботливо усадили его въ экипажъ. Врачъ Хасибъ-бей почтительно помѣстился противъ паши, на переднемъ сидѣньи. Османъ отдалъ прощальный поклонъ окружавшей его толпѣ соратниковъ, арнаутъ щелкнулъ бичемъ и ретивые кони красиво тронулись съ мѣста. Впереди шелъ конвойный взводъ румынскихъ калярашей, а позади — взводъ нашихъ бугскихъ уланъ, подъ командою корнета Бакунина. Генералъ Струковъ ѣхалъ верхомъ рядомъ съ экипажемъ, турецкая свита Османа, въ составѣ всего его штаба, слѣдовала тоже верхами вокругъ коляски. Здѣсь въ особенности выдавался красивымъ костюмомъ одинъ изъ пашей, гарцовавшій нѣсколько впереди прочихъ на кровномъ сѣромъ арабскомъ жеребцѣ, уборъ котораго разукрашенъ былъ золотыми бляхами, бирюзой и алыми шелковыми кистями. За этимъ пашою, тоже на хорошей лошади, слѣдовалъ мальчикъ - нукеръ, разряженный еще роскошнѣе, чѣмъ его господинъ и привлекавшій на себя общіе взоры своею замѣчательною, чисто женственною красотою, такъ что многіе предполагали—ужъ не армянка, или не гречанка ли, переодѣтая въ нукера. Позади многочисленной группы турецкаго штаба потянулись на славныхъ, крѣпкихъ лошакахъ офицерскіе вьючные багажи, негры, феллахи, арнауты, аскеры и всякая прислуга. Всѣмъ этимъ пестрымъ поѣздомъ командовалъ румынскій полковникъ Полизо. Увидя впереди себя конныхъ калярашей, Османъ нѣсколько поморщился и скромно заявилъ Струкову, что такъ какъ онъ сдался русскимъ, то ему было бы гораздо пріятнѣе, еслибы его конвоировали только русскіе.

— Это распоряженіе не отъ меня зависѣло, — отвѣчалъ генералъ Струковъ, — впрочемъ, позади въ конвоѣ слѣдуютъ русскіе уланы.

По видимому, сообщеніе о русскихъ уланахъ помирило нѣсколько знаменитаго плѣнника съ необходимостію слѣдовать подъ непріятнымъ ему румынскимъ конвоемъ.

Поѣздъ прошелъ по шоссе уже порядочное разстояніе, какъ вдругъ надъ Видомъ орлинымъ кличемъ прокатилось отъ края до края горъ и долины громоносное, побѣдно-радостное «ура» русской арміи. То Великій Князь Главнокомандующій примчался верхомъ изъ-за Вида къ русскимъ колоннамъ и поздравлялъ войска съ побѣдой.

Коляску Османа со всѣмъ его штабомъ повернули назадъ и повели на встрѣчу Великому Князю.

LXXV

Паденіе Плевны

Главнокомандующій на мѣстѣ дѣйствія.

Выѣздъ изъ Богота къ Плевнѣ. — Наши радишевскія траншеи. — Мертвецы въ лощинѣ. — Турецкій редутъ и неразорванныя гранаты. — Внутренность редута и турецкія землянки. — Видъ на Плевну. — Остановка Великаго Князя на плоскогорьи и донесенія изъ отрядовъ. — Свиданіе съ плевненскими болгарами и свѣдѣнія, сообщенныя ими.—Великій Князь въѣзжаетъ въ Плевну. — Турецкое кладбище. — Жалкій видъ разрушеннаго предмѣстья. — Мертвенность города. — Любовь турокъ къ деревьямъ. — Вѣсть о сдачѣ Османа. — Общая картина позицій и войскъ съ надвидской крутизны. — Спускъ къ Виду. — Великій Князь предъ Видскимъ мостомъ благодаритъ войска. — Раненые и умирающіе. — Дорога отъ моста къ Плевнѣ. — Оружіе, обозы и плѣнные. — Встрѣча Великаго Князя съ Османомъ. — Море красныхъ фесокъ. — Вступленіе Главнокомандующаго и войскъ въ Плевну.

Боготъ, 30 ноября, утромъ.

Рано разбудили свиту Главнокомандующаго въ утро 28-го ноября. Что такое? Въ чемъ дѣло?—Его Высочество въ восемь часовъ ѣдетъ подъ Плевну. — Зачѣмъ? Почему? Османъ сдается, что ли? — Никому ничего не извѣстно. Ужъ не прорываются ли турки? Не идетъ ли тамъ дѣло? — Но нѣтъ, не слыхать ни малѣйшаго звука выстрѣловъ, къ которымъ здѣсь

такъ привыкли за все время Плевненской блокады. — Въ чемъ же, наконецъ, дѣло? — Никто не знаетъ ничего положительнаго. Старшія лица главной квартиры, которымъ навѣрное должно быть что̀ нибудь извѣстно, молчатъ; но по ихъ серьезно-озабоченному виду не трудно догадаться, что подъ Плевною совершается что-то, выходящее изъ ряда обыденныхъ здѣшнихъ дѣлъ и обстоятельствъ.

Конвойный дивизьонъ лейбъ-казаковъ уже выстроенъ предъ воротами Великокняжескаго помѣщенія. Хоръ трубачей на правомъ флангѣ трубитъ «гвардейскій походъ»: это штандартъ подвозятъ къ фронту. Вотъ выѣхалъ и молодчина-казакъ со значкомъ Главнокомандующаго. Вся свита верхами толпится около воротъ, изъ которыхъ, нѣсколько минутъ спустя, вылетаетъ вороная четверня, выносящая открытую коляску. Великій Князь сидѣлъ вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ и, поздоровавшись съ казаками, быстро поѣхалъ по направленію къ Тученицѣ. Вслѣдъ за Его Высочествомъ выѣхали еще двѣ-три коляски со старшими лицами свиты.

Утро было облачное, но сухое, съ легкимъ морозцемъ. Конвой и свита потянулись за Главнокомандующимъ по глубокой боготской грязи, которую даже и здѣшній морозъ не пронимаетъ: чуть-чуть затянетъ сверху легкою корою, а ступишь — нога проваливается чуть не по колѣно.

Великій Князь заѣхалъ въ Тученицѣ къ генералу Тотлебену и, пробывъ у него минутъ около десяти, отправился вмѣстѣ съ нимъ и княземъ Имеретинскимъ далѣе. По дорогѣ сталъ ясно слышенъ гулъ большой канонады и частая ружейная пальба.

— Османъ-паша пробивается, сообщилъ кто-то извѣстіе, почерпнутое, какъ увѣряли, изъ самаго достовѣрнаго источника.

— Куда? Въ какомъ мѣстѣ? На чью позицію? посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

— На Ганецкаго, за Видомъ.

— Стало быть, ѣдемъ туда теперь?

— Туда. Гайда, ребята!

И масса всадниковъ тронулась крупною рысью, не заботясь о тягостяхъ убійственной дороги.

Вскорѣ достигли траншей нашей радишевской позиціи. Эти траншеи построены прекрасно: ровъ достаточно широкъ, просторенъ и углубленъ выше человѣческаго роста, а насыпь выведена круто, плотно и закрѣплена плетнемъ и фашинами. Мѣстами группировались въ траншеяхъ шалаши и землянки, служившія пріютомъ для солдатъ и офицеровъ, мѣстами тлѣли еще небольшіе костры, но въ окопахъ было пусто: занимавшія ихъ войска уже ушли впередъ, къ Плевнѣ. Только нѣсколько очередныхъ стрѣлковъ оставались еще на мѣстахъ при массивныхъ крѣпостныхъ ружьяхъ, лежавшихъ на бруствере. Спускаться и потомъ выбираться изъ траншей на коняхъ было довольно трудно, при глубинѣ ихъ спусковъ и крутизнѣ подъемовъ, тѣмъ не менѣе, добрые кони, не смотря на скользкую глинистую почву, благополучно преодолѣвали всѣ эти препятствія, — свалились только двѣ-три лошади со всадниками. Великій Князь, еще не доѣзжая траншей, пересѣлъ на верховую лошадь. Выбрались наконецъ за линію нашихъ укрѣпленій и большою гурьбой направились къ турецкимъ окопамъ, по тому пространству поля въ нѣсколько сотъ шаговъ, гдѣ еще наканунѣ ни намъ, ни туркамъ невозможно было показываться безнаказанно. Здѣсь между нашими и турецкими траншеями мѣстность идетъ пологою лощиной, легко спускаясь отъ насъ и столь же легко подымаясь къ противнику; середину лощины занимаетъ кукурузное поле. Свита спустилась неподалеку отъ нашей осадной батареи, противъ турецкаго редута Омаръ-бей-табіе. Это, какъ разъ, было то самое мѣсто, гдѣ 30-го августа сводная дивизія 4-го корпуса потерпѣла столь дорого стоившую намъ неудачу во время своего двукратно отбитаго штурма. И что за грустное, что за мрачное зрѣлище предстало здѣсь, когда Великій Князь переѣзжалъ лощину! На увядшемъ кукурузномъ полѣ и около него валялись русскіе трупы, закоченѣвшіе въ разныхъ положеніяхъ, изъ которыхъ многія носили явные признаки ужасныхъ предсмертныхъ страданій. Только убитые на повалъ сохраняли спокойныя позы. Эти мертвецы уже совершенно высохли и представлялись скелетами, обтянутыми почернѣвшею кожей; иные были въ мундирахъ, иные въ рубахахъ, уже истлѣвшихъ и расползшихся подъ вліяніемъ продолжительной непогоды. Тамъ и сямъ валялись шапки, подсумки, изломан-

ныя ружья, какое-то тряпье, клочки разной одежды, крышки отъ манерокъ, патронныя коробки — все это такъ и оставалось здѣсь съ 30-го августа: турки своимъ ружейнымъ огнемъ препятствовали намъ убирать нашихъ мертвыхъ, да и трудно было бы разыскивать ихъ въ кукурузѣ. Лошади, при видѣ мертвецовъ, косились и пугливо порывались шарахнуться въ сторону. На всемъ этомъ полѣ не было замѣтно ни голодныхъ собакъ, ни черныхъ стай прожорливыхъ воронъ, въ изобиліи покрывающихъ съ самаго начала войны придорожныя поля Болгаріи, гдѣ всегда готовъ для нихъ изобильный пиръ, въ видѣ палой скотины. Но въ этой лощинѣ, вѣроятно, не давали имъ пріюта безпрестанно жужжавшія пули. Жутко и тяжело становилось на сердцѣ при видѣ этого мѣста непокрытой смерти... Мимо!

Поднялись къ турецкому редуту, по сторонамъ котораго и вправо, и влѣво тянулись траншеи. Здѣсь тоже картина непригладная! На каждомъ шагу попадались осколки чугуна, сбитыя пули, черепки глиняной посуды и стеклà, очевидно переброшенные турками за брустверъ; траншейныя насыпи были изрыты опаленными ямами гранатныхъ взрывовъ и слѣдами пуль, глубоко засѣвшихъ въ глину.

— Ишь ихъ! Словно оспою источило! — мѣтко замѣтилъ кто-то изъ лейбъ-казаковъ.

— Осторожнѣе, граната! Объѣзжай лѣвѣе! — раздается впереди предупреждающій крикъ, и кто-то указываетъ нагайкою направо, внизъ на землю. Дѣйствительно, въ двухъ шагахъ, около самаго бруствера лежитъ неразорванная граната.

— Еще одна! Подъ ноги, братцы! Гляди внимательнѣй подъ ноги!

— Да тутъ ихъ много такихъ-то! — замѣчаютъ промежъ себя казаки: — вонъ и еще лежитъ, и тамъ-вонъ, и эна-гдѣ!...

И точно, около траншей и позади ихъ, да и по всему полю, вплоть до самой Плевны попадаются неразорванные снаряды; вѣроятно, есть и въ самомъ городѣ по какимъ нибудь задворкамъ и закоулкамъ, что — надо сознаться — дѣлаетъ ѣзду по этимъ мѣстамъ не особенно пріятною; не замѣтить гранату такъ легко, а наткнуться на нее и нечаянно взлетѣть клочками на воздухъ не найдется охотниковъ даже

и между самыми беззавѣтными храбрецами, а потому наши ѣздятъ по этимъ полямъ, осматриваясь очень внимательно (въ первые два дня по овладѣніи Плевной уже было два несчастныхъ случая съ подобными нечаянными взрывами).

Внутри редута и въ траншеяхъ оставались еще свѣжіе слѣды жизни ихъ защитниковъ, попадались маленькіе мѣдные кофейники съ черною гущей на дотлѣвающихъ костеркахъ, въ особо вырытыхъ ямкахъ; дубовыя баклаги съ водою, просыпанныя зерна кукурузы, опрокинутые котелки, ручные жернова для перемола хлѣбныхъ зеренъ, папиросные окурки, тряпки какія-то и клочки исписанной бумаги, оборвыши турецкихъ газетъ, солома примятая, испорченное и потому покинутое оружіе, деревянные ящики и жестяныя коробки съ патронами, которыхъ туркамъ, за великимъ множествомъ, очевидно, дѣвать было некуда—все это валялось по внутреннюю сторону окоповъ и около кукурузныхъ шалашей и землянокъ, построенныхъ весьма прочно, безопасно и даже не безъ нѣкотораго удобства во внутреннихъ отлогостяхъ траншей и бруствера; такъ, въ большинствѣ изъ нихъ находились глиняныя, а въ нѣкоторыхъ и маленькія желѣзныя печи. Въ такихъ шалашахъ не трудно было бы выжить цѣлую зиму, и не дойми турокъ голодъ,—Османъ, безъ сомнѣнія, долго еще позадержалъ бы насъ подъ Плевной...

Когда минули линію турецкихъ окоповъ и проѣхали съ версту по полю, изборожденному гранатами, Великій Князь остановился на плоскогорьѣ, съ котораго вдругъ открылся красивый видъ на цѣлую Плевну. Лежащая въ лощинѣ, какъ и всѣ почти турецкіе города, Плевна вся переполнена садами, изъ-за которыхъ выглядываютъ группы бѣлыхъ стѣнъ и черепичныхъ кровель, а надъ ними возвышаются два-три дома европейской архитектуры, нѣсколько тонкихъ минаретовъ, бѣлый круглый куполъ главной мечети, ряды пирамидальныхъ тополей и, правѣе, на сѣверо-западномъ концѣ города—окрашенный розоватою краскою, обширный, каменный православный соборъ съ двумя башенками на переднемъ фасадѣ и съ большимъ куполомъ изъ бѣлой жести. Въ соборѣ турки помѣстили главный складъ пороха и боевыхъ снарядовъ, а потому на этотъ пунктъ неоднократно направлялись цѣлые букеты нашихъ артиллерійскихъ залповъ. Какъ оказалось по-

томъ, гранаты въ пяти мѣстахъ пробили насквозь стѣны собора, но ка́къ и почему не произвели онѣ взрыва всего этого склада—намъ пока еще неизвѣстно. На южной сторонѣ, по ту сторону города, ловчинское шоссе поднималось въ гору, на вершинѣ которой обрисовывался темный профиль кришинскаго редута. Ряды отдѣльныхъ укрѣпленій виднѣлись по южнымъ и юго-западнымъ высотамъ, окружающимъ городъ.

— Вотъ она, Плевна!... Слава Тебѣ, Господи! Наконецъ-то, Плевна наша, Плевна очищена; занята уже нашими!— передавалось въ толпѣ, окружавшей Великаго Князя, который сошелъ съ коня и сѣлъ съ биноклемъ на небольшомъ бугорочкѣ. Вправо—спускались съ высотъ и шли въ боевомъ порядкѣ по долинѣ войска 9-го корпуса. Баронъ Криденеръ прислалъ донесеніе, что впереди идетъ Воронежскій полкъ, а за нимъ Козловскій и Галичскій. Части 9-го корпуса еще съ утра заняли редутъ № 1, а потомъ №№ 4 и 5-й; что же касается Кришинскихъ укрѣпленій, то они, какъ уже извѣстно, еще на разсвѣтѣ безъ боя заняты были войсками Скобелева 2-го. 1-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи вступила въ укрѣпленный турецкій лагерь, послѣ чего нѣсколько пріостановилась, чтобы дать время вытянуться 2-й бригадѣ. Генералъ Каталей доноситъ, что гвардейская бригада Философова, получивъ приказаніе Ганецкаго, наступаетъ по софійскому шоссе и тѣснитъ непріятеля съ его лѣваго фланга. Впереди раздавался неумолчный грохотъ большаго боя, котораго картина была однако заслонена ближайшими по ту сторону Плевны вершинами. Вскорѣ и отъ генерала Струкова получена депеша съ извѣщеніемъ, что наши траншеи были отняты турками у сибирцевъ, но снова заняты гренадерами, что бой идетъ горячій и клонится болѣе къ сторонѣ софійскаго шоссе, обозы же турецкіе направляются изъ города къ сторонѣ Дуная. Отъ барона Криденера пришло еще извѣстіе, что явившіеся къ нему перебѣжчики заявили, будто въ городѣ идетъ грабежъ, производимый въ турецкихъ домахъ болгарами, а потому, для водворенія порядка, онъ отправилъ въ Плевну жандармскую команду. Получивъ донесеніе объ окончательномъ занятіи города и редутовъ нашими войсками, Великій Князь здѣсь же, на бугоркѣ, закусывая просто кускомъ хлѣба съ сыромъ, подозвалъ къ себѣ генерала Левицкаго и про-

диктовалъ ему краткую программу новаго распредѣленія и дальнѣйшихъ стратегическихъ движеній нашихъ боевыхъ силъ, освобождаемыхъ теперь отъ необходимости блокировать Плевну.

Въ это время на плоскогорьѣ появились шесть болгаръ, пришедшихъ изъ города. На нихъ надѣты были красныя фески, такъ что сначала нѣкоторые приняли ихъ за партикулярныхъ турокъ. Костюмы европейскаго покроя обличали въ нихъ горожанъ довольно зажиточныхъ.

— Добре́ доше́лъ! Добре́ доше́лъ, братўшко! — радостно обращались они къ каждому съ обычнымъ ихъ привѣтствіемъ, протягивая и пожимая руки.—Турцы-ты вече (уже) уте́кли отъ Плевеня! Турцы-ты вече нѣма на Плевень! Ура, добрѝтѣ чѣляци (добрые люди)! Ура, братўшки!

На вопросъ: зачѣмъ пришли?—болгары отвѣчали, что пришли привѣтствовать насъ и посмотрѣть на Великаго Князя.

Когда къ нимъ приступили съ разспросами, каково имъ было въ Плевнѣ во время блокады, они только головой мотали, закрывъ глаза, да открещивались: «не гўбово (не вкусно), братушки, ой, не гўбово, не до̀бро было!»

— Однако же вы ничего себѣ, розовенькіе... Взглянуть на васъ—никакъ не подумаешь, что голодали.

— А ній же тукъ не гладны сидѣли-сме! (мы здѣсь не голодали)—заявили болгары и разсказали, что какъ только стало имъ извѣстно о нашей блокадѣ и какъ прошелъ промежъ нихъ слухъ, что турки вскорѣ произведутъ въ городѣ реквизицію, они позарывали въ землю, въ погребахъ, всѣ свои продовольственные запасы и ѣли только по ночамъ въ погребахъ же, гдѣ и пищу себѣ готовили, и зерно мололи на ручныхъ жерновахъ, такъ что «турцы не млого-то» (не больно-то много) съ нихъ поживились.

— Стало быть—спросили ихъ—у васъ въ городѣ можно добыть и ечмѝку (ячменю) и пшеницы?

— О, ѝма, ѝма, братушки, мло̀го (много) ѝма! За Турцы-ты не ѝмамы, ала́ за россійско-то войско ѝма!

Отъ нихъ же было узнано, что турки оставили въ Плевнѣ до двухъ тысячъ своихъ больныхъ и раненыхъ въ увѣренности, что русскіе окажутъ имъ полное покровительство и помощь; узнано также и то, что турки трое сутокъ сряду, вплоть до нынѣшняго утра, вытягивали ряды своихъ обозовъ изъ го-

рода къ Виду. Это послѣднее сообщеніе подало начальнику колонновожатыхъ справедливый поводъ отъ души выбранить заочно своихъ лазутчиковъ, которыми какъ у насъ, такъ и у турокъ, служатъ преимущественно «братушки» же, и которые, шатаясь къ намъ и получая очень порядочныя деньги, сообщали въ это время разныя мелочи, а главнаго-то и не сказали. Простой ли случай, или злонамѣренный умыселъ причиной этого—Богъ вѣсть; но есть основанія предполагать, что въ Плевнѣ нѣкоторые лазутчики служили одновременно и намъ, и туркамъ. Это, впрочемъ, вполнѣ естественно для людей подобной профессіи.

Пробывъ съ полчаса на плоскогорьѣ, Великій Князь приказалъ подать себѣ коня и направился въ городъ, гдѣ при самомъ въѣздѣ находится обширное кладбище, усѣянное торчащими изъ земли обломками плитняка, вмѣсто намогильныхъ памятниковъ. Здѣсь, направо отъ дороги и даже на самомъ пути, довольно обширный участокъ земли заполненъ теперь совершенно свѣжими могилами, гдѣ зарыты всѣ жертвы нашей бомбардировки и зарыты крайне небрежно: неглубокая могила обыкновенно облагается досчатою драныо, причемъ каждая дранка, не болѣе какъ въ аршинъ длины, ставится вертикально, съ нѣкоторымъ уклономъ къ наружнымъ краямъ могилы, въ разстояніи одна отъ другой на четверть, или нѣсколько болѣе; промежъ этихъ дранокъ кладется покойникъ и слегка засыпается землею, менѣе чѣмъ на одинъ футъ, такъ что верхніе концы дранокъ почти на четверть торчатъ изъподъ земли наружу, а голодныя собаки, которыхъ здѣсь, какъ и вообще въ турецкихъ городахъ, великое множество и которыхъ хозяева не имѣютъ обыкновенія кормить—бродятъ по свѣжему кладбищу днемъ и ночью и безъ труда разрываютъ могилы; поэтому нерѣдко видишь какъ изъ той или другой выглядываетъ наружу обглоданная рука, нога или черепъ. Не мало кладбищъ встрѣчается и внутри города, въ самомъ близкомъ, непосредственномъ сосѣдствѣ съ обывательскими домами, какъ и вездѣ, впрочемъ, въ здѣшнихъ городахъ и селеніяхъ. Таковъ уже исконный обычай, благодаря которому Плевна, небрежно похоронившая за послѣдніе четыре мѣсяца такое множество людей, въ особенности можетъ ожидать какой нибудь жестокой заразы.

*

Тутъ же, рядомъ съ кладбищемъ, начинается и городское предмѣстье, гдѣ почти всѣ домишки до основанія разнесены гранатами. Повсюду встрѣчаешь развалины и мусоръ, обломки разной домашней утвари, разщепенныя, перебитыя деревья, гніющіе трупы животныхъ и цѣлые остовы лошадей и буйволовъ; повсюду валяются облитые свинцомъ осколки губительнаго чугуна; на каждомъ шагу видны слѣды пороховыхъ опаловъ на бѣлыхъ стѣнахъ, либо широкія пробоины въ каменныхъ заборахъ, да копоть пожаровъ,—и надъ всѣмъ этимъ нерѣдко стоитъ тяжелый смрадъ разлагающихся труповъ. Печальная картина смерти и разрушенія!

Весь городъ имѣлъ совершенно мертвый видъ: ворота и калитки наглухо заколочены, стекла въ окнахъ бо̀льшею частію выбиты, лавки всѣ заперты или раззорены; въ домахъ по большей части пусто, и такая же мертвая пустота царитъ и въ узенькихъ, глубоко-грязныхъ, косыхъ и кривыхъ улицахъ. Изрѣдка увидишь развѣ какого нибудь болгарина, торопящагося начертить мѣломъ крестъ на своихъ дверяхъ, въ знакъ того, что это домъ христіанскій, да еще въ двухъ-трехъ мѣстахъ попались на встрѣчу маленькія группы болгарскихъ женщинъ и дѣвушекъ, стоявшихъ съ ведрами у фонтана, или выглядывавшихъ изъ-за плетней своихъ садиковъ. Старухи крестились и привѣтствовали Великаго Князя и свиту поклонами; изъ устъ ихъ нерѣдко раздавалось радостное «добрé дошéлъ»; молодыя же и дѣти по большей части встрѣчали и провожали молча, одними лишь любопытными взглядами. Въ центрѣ города было уже гораздо менѣе раззоренія, но та же мертвая пустота царила и здѣсь, какъ въ предмѣстьѣ.

Замѣчательно, какъ турки любятъ и уважаютъ деревья: нуждаясь въ топливѣ, они жгли у себя на позиціяхъ кизякъ, растаскивали на дрова деревянныя части разрушенныхъ построекъ, но не уничтожили около Плевны ни одного виноградника, не срубили въ самомъ городѣ ни одного дерева, не только фруктоваго, а даже и тополей пирамидальныхъ, которые служатъ только украшеніемъ, только ласкаютъ глазъ и чувство своею изящною стройностію.

Не то мы видимъ теперь на поляхъ въ окрестностяхъ Плевны, еще въ августѣ столь богатыхъ разнообразною фруктовою растительностію… Здѣсь теперь все голо, все вырублено, все

пошло на топливо нашимъ и румынскимъ бивуакамъ; великолѣпные, старые, драгоцѣнные экземпляры орѣховаго дерева срублены до корня. Но вѣдь не мерзнуть же и не сидѣть было людямъ безъ горячей пищи, щадя «красу полей» ради эстетическаго чувства, и не растаскивать же имъ болгарскія хижины, коль скоро дровъ достать рѣшительно было не откуда, кромѣ этихъ полевыхъ деревьевъ.

Великій Князь проѣхалъ по городу въ направленіи къ Плазивасскимъ высотамъ. Когда конвой Его Высочества выбрался на темя ближайшей возвышенности, увѣнчанной «Скобелевскими редутами»—вся Плевна очутилась подъ ногами и была видна съ птичьяго полета. По нѣкоторымъ улицамъ тянулась наша пѣхота, по другимъ рысили казачьи разъѣзды; тяжелая батарея громыхала колесами, перебираясь въ бродъ по каменистому руслу Тученицкаго ручья. Великій Князь ѣхалъ по направленію къ Виду. Верстахъ въ двухъ вправо, внизу по долинѣ чернѣли линіи войскъ, въ боевомъ порядкѣ выходившихъ мимо Плевны въ тылъ туркамъ. Вотъ на встрѣчу Великому Князю скачетъ ординарецъ и, приложивъ руку къ козырьку, докладываетъ что-то. Мигомъ проносится по свитѣ радостная вѣсть — «Османъ отброшенъ за Видъ, къ Плевнѣ, Османъ сдается»,—и восторженное «ура» несется по всей свитѣ, по всему конвою. Великій Князь отправляетъ своего ординарца, поручика Дерфельдена, съ радостною вѣстію къ Государю, на Императорскій редутъ, гдѣ въ это время присутствовалъ Его Величество. Но эту вѣсть пятью минутами ранѣе Дерфельдена, по собственному почину, привезъ Государю Императору помощникъ полеваго коменданта, полковникъ Моравскій, котораго Его Величество тутъ же милостиво поздравилъ флигель-адъютантомъ.

Между тѣмъ свита Великаго Князя тронулась далѣе крупною рысью. На пути встрѣтился одинъ изъ Скобелевскихъ батальоновъ, опривѣтствовавшій Главнокомандующаго криками «ура», по поводу сдачи Османа.

Вскорѣ открылись высоты, занятыя нашими войсками, и сверкнула, какъ бы стальная, полоса Вида: на одномъ берегу его тѣсно стояли наши батальонныя колонны, на другомъ противъ нихъ, синѣли турецкіе таборы, въ безпорядкѣ перемѣшавшіеся между собою. Они еще не были обезоружены, но

канонада уже прекратилась. Турки цѣлыми роями покрывали и долъ и вершины, а противъ нихъ со всѣхъ сторонъ на сосѣднихъ вершинахъ тихо и стройно стояли наши, опустивъ ружья «къ ногѣ».

Великій Князь подъѣхалъ къ Виду, который излучисто протекаетъ внизу, омывая страшную крутизну, на вершинѣ которой въ этотъ моментъ присутствовалъ Главнокомандующій. Съ этого пункта все поле сраженія было какъ на ладони. Многіе взялись за бинокли, съ помощію которыхъ можно было видѣть раскиданные по обширной равнинѣ печальные слѣды только что оконченнаго боя: тѣла, подбитые ящики, опрокинутые фургоны...

Съ надвидской крутизны можно было спуститься только пѣшкомъ, да и то съ трудомъ не малымъ. Всѣ спѣшились, и вслѣдъ за Великимъ Княземъ, ведя въ поводу лошадей, гуськомъ, по одиночкѣ стали сходить внизъ по обрыву, который на дѣлѣ оказался еще круче, чѣмъ на глазъ, такъ что идти можно было только на каблукахъ, а не всею ступнею, лошади же, скользя вытянутыми передними ногами, просто съѣзжали на крупахъ. Этотъ спускъ отнялъ около часа времени. Главнокомандующій, спустившійся во главѣ сопровождавшихъ его лицъ и конвоя, опять сѣлъ на лошадь, дважды пересѣкъ въ бродъ излучину рѣки и, выбравшись наконецъ на открытую плоскость, помчался къ войскамъ гренадерскаго корпуса. За Великимъ Княземъ развивалось его бѣлое знамя, по которому могли направляться замедлившіе на спускѣ. Вскорѣ все поле покрылось толпою отдѣльныхъ всадниковъ свиты, мчавшихся въ полный карьеръ къ каменному мосту, который виднѣлся верстахъ въ двухъ впереди, легко перекинутый черезъ Видъ на девяти высокихъ каменныхъ устояхъ *).

Тамъ уже шумѣло въ воздухѣ несмолкаемое «ура» гренадерскихъ полковъ, завидѣвшихъ приближеніе Главнокомандующаго, и въ это же время полковые оркестры стройно играли народный гимнъ. Великій Князь осадилъ коня предъ фронтомъ Своихъ сибирцевъ **), поздравилъ войска съ блестящею

*) Деревянная настилка моста имѣетъ 40 шаговъ въ ширину и 140 въ длину.

**) Сибирскій гренадерскій полкъ имѣетъ шефомъ Его Высочество Главнокомандующаго.

побѣдой, благодарилъ ихъ за всѣ труды, за ихъ геройское мужество и, наконецъ, высоко поднявъ надъ головою фуражку, провозгласилъ «ура» во славу Государя Императора. Затѣмъ Великій Князь объѣзжалъ всѣ части войскъ отдѣльно и каждую дарилъ особо задушевнымъ, милостивымъ словомъ.

Гренадерскіе полки, казанскіе драгуны, бугскіе уланы, кіевскіе гусары, артиллерія конная и пѣшая и орудія взятыя у турокъ—все это тѣсно стояло на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ разыгрался послѣдній эпизодъ, послѣдній моментъ блистательнаго боя. Тамъ и сямъ валялось нѣсколько турецкихъ тѣлъ и около десятка лошадиныхъ, воловьихъ и буйволовыхъ труповъ съ развороченными внутренностями; раненые турки, въ окровавленной одеждѣ, лежали во рву и ютились около арбъ или на подбитыхъ повозкахъ въ ожиданіи перевязки. Внизу у самой рѣки умиралъ раненый аскеръ, которому трое нашихъ солдатиковъ заботливо смачивали приподнятую голову и подносили ко рту манерку съ водою. Умирающій жадно прилипъ къ водѣ губами, напился и тотчасъ же отдалъ Богу душу. На самомъ мосту алѣло нѣсколько лужъ еще свѣжей крови; изъ-подъ прозрачной воды виднѣлись опрокинувшіеся съ моста, вмѣстѣ съ частію перилъ, животныя и люди, обломки арбъ и оружіе... Все это лежало на каменистомъ днѣ неглубокой рѣки. За мостомъ, уже на турецкой сторонѣ, наши и румынскіе санитары и медики накладывали перевязки раненымъ туркамъ и здѣсь же составлено было въ ряды у подошвы обрывистой горы, упирающейся въ самое шоссе, первое оружіе, сданное сегодня непріятелемъ. При съѣздѣ съ моста стояли уже наши часовые: по одну сторону дороги—сибирскій гренадеръ, по другую—румынъ-доробанецъ въ бараньей шапкѣ съ перьями.

Подъѣхавъ къ шоссейной караулкѣ и узнавъ, что Османа уже тамъ нѣтъ, Великій Князь отправился далѣе по дорогѣ къ Плевнѣ. Массы всякаго оружія, наваленныя кое-какъ, то порознь, то цѣлыми грудами на самой дорогѣ, крайне затрудняли проѣздъ. Кучи просыпанныхъ патроновъ, разнокалиберныя цѣльныя гранаты, картечь, конгревовы ракеты, жестяныя коробки, опрокинутые зарядные ящики и стальныя орудія, брошенныя кое-какъ и гдѣ попало, конская упряжь и солдатская аммуниція, ружья Мартини, ружья Пибоди, Снай-

дера и Крынка (взятыя, вѣроятно, у нашихъ плѣнныхъ или убитыхъ), магазинные карабины, старыя длинноствольныя турецкія винтовки, пистолеты и револьверы, ножи, ятаганы, сабли, штыки и кинжалы, и шанцевый инструментъ—все это почти сплошь устилало дорогу и прилегающія къ ней поля, въ особенности справа; лѣвая же сторона занята была преимущественно обозами—военными и обывательскими, между которыми виднѣлись иногда дѣти и закутанныя во что-то черное женскія фигуры въ таинственныхъ бѣлыхъ чадрахъ. Длинные поѣзды скрыпучихъ арбъ и возовъ, переполненныхъ ранеными турками, возвращались въ Плевну; но и кромѣ того, много раненыхъ встрѣчалось на шоссе, въ канавкахъ: одни изъ нихъ понурно сидѣли, другіе лежали, третьи плелись кое-какъ пѣшкомъ; были и умирающіе. Составъ турецкаго санитарнаго персонала такъ незначителенъ, что не могъ удовлетворить и одной сотой изъ этихъ несчастныхъ, а наши и румынскіе врачи просто разрывались на части, въ виду настоятельной необходимости оказывать первое пособіе и своимъ, и туркамъ.

Все пространство по сторонамъ шоссе было усѣяно обезоруженными аскерами. Время отъ времени то тамъ, то сямъ, раздавались ружейные выстрѣлы, что нерѣдко случалось и отъ того, если лошадь или человѣкъ неосторожно наступали на казенную часть заряженнаго ружья. Однимъ изъ такихъ случайныхъ выстрѣловъ, на нашихъ глазахъ, ранило въ ногу лошадь подъ вѣстовымъ уланомъ, а другимъ—и лошадь, и всадника-калараша. Говорятъ, что въ этотъ день произошло еще нѣсколько подобныхъ же несчастныхъ случаевъ. Большинство плѣнныхъ было одѣто весьма плохо и оборванно, большею частію безъ сапогъ, въ однихъ лишь изношенныхъ опанкахъ; лица видимо изнурены и угрюмы, но не замѣчалось въ нихъ ни особенной вражды, ни ненависти къ своимъ побѣдителямъ; болѣе всего можно было встрѣтить равнодушное выраженіе полнаго безчувствія.

На половинѣ пути отъ моста къ Плевнѣ Его Высочество повстрѣчалъ Османа. Коляска остановилась и плѣнный паша, поддерживаемый Хасибъ-беемъ, привсталъ въ ней на одной ногѣ, опираясь на кузовъ. Великій Князь благосклонно протянулъ Осману руку и въ лестныхъ выраженіяхъ отдалъ ему

данъ похвалы за славную защиту Плевны. Паша молча кланялся и благодарилъ обычнымъ на Востокѣ жестомъ. Въ это время подъѣхалъ князь Карлъ Румынскій и вмѣстѣ съ Его Высочествомъ отправился далѣе по дорогѣ въ городъ. Османа повезли туда же и помѣстили въ одномъ изъ удобныхъ болгарскихъ домовъ, гдѣ онъ провелъ ночь вмѣстѣ со своимъ врачемъ и прислугою.

Уже начинало смеркаться, когда Великій Князь подъѣзжалъ къ городу. Здѣсь все пространство долины и весь склонъ горы, полого возвышающейся вправо, до такой степени были переполнены плѣнными, что проѣздъ сквозь ихъ сплошную толпу оказался въ высшей степени затруднительнымъ. Мы подвигались впередъ крайне медленно, дѣлая на каждомъ шагу продолжительныя остановки. Тутъ скопилась главная масса плѣнныхъ, такъ что все обширное пространство вокругъ насъ представлялось колыхающимся моремъ красныхъ фесокъ. У въѣзда въ городъ торжественно раздавалась военная музыка, подъ звуки которой наши войска проходили по улицамъ. Новые и новые крики «ура» со стороны болгаръ, и нашихъ, и румынскихъ войскъ привѣтствовали въѣздъ Августѣйшаго Главнокомандующаго въ покоренную Плевну.

Было уже совершенно темно, когда главная квартира въ восемь часовъ вечера возвратилась въ Боготъ.

LXXVI

Государь Императоръ въ Плевнѣ

Сборъ къ молебствію въ редутѣ № 5. — Зеленогорскія траншеи. — Устройство ихъ у насъ и у турокъ. — Устье Тученицкаго оврага. — Русскіе трупы и кости. — Багажъ Османа-паши. — Прибытіе Великаго Князя и войскъ къ мѣсту укрѣпленнаго лагеря. — Пріѣздъ туда же Государя Императора. — Встрѣча Государя съ Главнокомандующимъ. — Высочайшія награды Главнокомандующему и прочимъ высшимъ чинамъ арміи. — Молебствіе на мѣстѣ ставки Османа. — Въѣздъ Государя въ городъ и встрѣча, сдѣланная духовенствомъ и горожанами. — Царскій завтракъ въ Плевнѣ. — Представленіе Османа-паши Его Величеству и разговоръ съ нимъ Государя Императора. — Возвращеніе Осману его оружія. — Миртовая вѣтка. — Благодарственный приказъ Главнокомандующаго по дѣйствующей арміи.

Боготъ, 30-го ноября, вечеромъ.

На другой день по занятіи Плевны, 29-го ноября утромъ Великій Князь Главнокомандующій отправился на турецкій

редутъ № 5-й (Ихтіабъ-табіе), за которымъ до паденія Плевны находился укрѣпленный лагерь противника. Лицамъ главной квартиры предоставлено было ѣхать туда, кто какою дорогою хочетъ. Мы избрали путь по ловчинскому шоссе, не только какъ ближайшій и удобнѣйшій, но и какъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ, потому что онъ пролегаетъ по Зеленымъ горамъ, мимо кришинскихъ укрѣпленій. Было очень интересно взглянуть и на эти редуты, и на окружащія ихъ траншеи, изъ которыхъ турки неоднократно предпринимали столь рѣшительныя попытки атакъ противъ Скобелева.

Проѣхавъ мимо красиваго Тученицкаго оврага и миновавъ укрѣпленную позицію 30-й пѣхотной позиціи, гдѣ, ради вчерашней побѣды, съ утра уже разливались пѣсни и гремѣла музыка,—мы выѣхали вскорѣ къ ловчинскому шоссе, близь позиціи генерала Скобелева. Во всѣхъ частяхъ облагающаго отряда были утромъ отслужены благодарственныя молебствія, но кромѣ того каждый полкъ высылалъ отъ себя по одному батальону со знаменами къ редуту № 5-й, гдѣ должно было совершиться торжественное молебствіе въ присутствіи Государя Императора. Щеголями, или—какъ говорится въ военномъ быту—«женихами» шли туда молодецкіе Скобелевскіе батальоны, которые мы повстрѣчали на дорогѣ.

Зеленыя высоты не даромъ заслужили это названіе: даже и въ послѣдній день ноября онѣ казались зеленѣе окрестностей—тамъ и сямъ пробивалась на ихъ пологихъ склонахъ молодая изумрудно-зеленая травка, да и утро къ тому же было солнечное, такъ что эта зелень дѣлала впечатлѣніе ранняго весенняго времени. Вотъ и траншеи. Онѣ перпендикулярно подходятъ къ самому шоссе, прерываясь лишь на полотнѣ дороги, и перпендикулярно же уходятъ далѣе, по другую его сторону, къ Тученицкому оврагу. Внутренніе рвы не особенно глубоки, такъ что не закрываютъ въ полный ростъ человѣка, а педантъ-спеціалистъ и самую работу ихъ назвалъ бы небрежною; но не надо забывать, что эти укрѣпленія были сдѣланы въ самое короткое время, гдѣ некогда было заботиться объ отчетливой чистотѣ работы. Ровно мѣсяцъ назадъ, 29-го октября, траншеи эти были оставлены, такъ какъ Скобелевъ почти на версту подвинулся ближе къ туркамъ и. выгнавъ ихъ изъ окоповъ, повернулъ фронтъ непріятельской

траншеи въ противную сторону. Тутъ работа была еще поспѣшнѣе и потому еще небрежнѣе, но тѣмъ болѣе чести исполнившимъ ее людямъ, которые, въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ своего закрытія, геройски высидѣли цѣлый мѣсяцъ въ 250-ти шагахъ отъ непріятеля. Нашъ «Невскій проспектъ» залагался такъ близко отъ турецкихъ окоповъ и на такой открытой мѣстности, что можно только удивляться безграничному самоотверженію и храбрости русскаго солдата. На короткомъ разстояніи между нашею и турецкою передовою траншеей находятся небольшіе стрѣлковые ровики человѣка на три - четыре каждый, расположенные частью уступами, частью въ шахматномъ порядкѣ, шагахъ въ 20—30-ти одинъ впереди другаго, а далѣе, т. е. еще болѣе впереди, уже до дерзости близко къ непріятелю, выкопаны ямки секретовъ. По правую сторону тоже къ нашимъ позиціямъ примыкаетъ большое укрѣпленіе очень сильнаго полеваго профиля, построенное Скобелевымъ не только прочно, но даже изящно. Оно защищено двумя достаточно глубокими рвами, изъ которыхъ стрѣлки могли дѣйствовать въ два яруса, такъ что собственно брустверная оборона являла собою уже третій ярусъ огня. Турецкія траншеи зеленогорской позиціи, точно также какъ и наши, подходятъ непосредственно къ самому шоссе, которое здѣсь было перекопано, и продолжаются по другую сторону дороги; онѣ сдѣланы очень хорошо и прочно; у нихъ два рва—наружный, служащій къ усиленію обороны, и внутренній, съ удобнымъ банкетомъ, достаточно углубленный. Въ этомъ послѣднемъ рву устроенъ цѣлый рядъ жилыхъ землянокъ, покрытыхъ плетнемъ и землею, такъ что пребываніе въ нихъ было вполнѣ обезпечено отъ непріятельской пули. Въ брустверѣ выкопаны небольшія печурки, въ которыхъ турецкіе солдаты варили себѣ кофе, рисъ и кукурузу, а на гребнѣ лежали клочки соломы, служившіе подстилкою для ружей. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ за первымъ тянется второй рядъ траншей, а за нимъ третій, направляющійся влѣво по склону возвышенности къ главному Кришинскому редуту. Этотъ послѣдній редутъ, вѣнчающій вершину горы, вмѣстѣ со всѣми своими побочными укрѣпленіями и амбразурными батареями, уже самъ по себѣ представляетъ цѣлую крѣпостцу весьма солидныхъ качествъ и размѣровъ. Командуя

всею кришинскою позиціею, онъ удобно и далеко обстрѣливаетъ подступы къ ней со всѣхъ сторонъ, амбразурная же батарея близь шоссе не только защищаетъ послѣднее, но и фланкируетъ все пространство сосѣдней радишевской позиціи, равно какъ и часть Тученицкаго оврага. Противъ кришинскихъ редутовъ почва усѣяна слѣдами взрывовъ и осколками, а на самомъ шоссе валяются двѣ неразорванныя гранаты.

Съ высоты втораго гребня открывается видъ на Плевну; шоссе по каменистому кряжу спускается въ устье утесистаго Тученицкаго оврага, дно котораго прорѣзывается быстрымъ, но мелкимъ ручьемъ и пересѣкается рядами ложементовъ. Въ самомъ устьѣ притаилась низенькая водяная мельница съ черепичною кровлею, осѣненная нѣсколькими ракитами, а неподалеку отъ нея стоитъ довольно обширный хане, на половину разрушенный нашими гранатами. Въ противоположномъ горномъ кряжѣ работа тысячелѣтняго времени выдолбила обширную и высокую сводчатую нишу, въ родѣ пещеры.

На шоссе и въ прилегающемъ къ нему кукурузномъ полѣ мы видѣли много изсохшихъ труповъ русскихъ, изъ которыхъ три валялись на самой дорогѣ, а отъ четвертаго во рву остались однѣ лишь разметанныя кости. Всѣ трупы лежали съ босыми ногами. Такъ какъ эти мертвые остались внутри района турецкихъ укрѣпленій, то воспользоваться ихъ сапогами, конечно, было вполнѣ безопасно, но непонятно, для чего это турки оставили ихъ гнить и распространять заразу, къ своему же ущербу, въ то время какъ находили возможность хоронить тутъ же своихъ собственныхъ убитыхъ.

По дорогѣ намъ встрѣтился багажъ Османа-паши, который на двухъ-трехъ вьюкахъ везли плѣнные турки, подъ конвоемъ двухъ нашихъ солдатъ. Багажъ этотъ очень скроменъ и вполнѣ наглядно даетъ понятіе о той суровой обстановкѣ, въ которой жилъ турецкій главнокомандующій.

Къ десяти часамъ утра Великій Князь Главнокомандующій прибылъ къ укрѣпленному турецкому лагерю, гдѣ собрались всѣ высшія лица арміи. Войска подходили сюда съ музыкою и строились батальонными ротными колоннами вокругъ лагерной площадки. Молебствіе должно было совершаться на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась ставка Османа.

Въ половинѣ одиннадцатаго, въ средину этой площадки въѣхала коляска, въ которой сидѣлъ Государь Императоръ съ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ. Главнокомандующій, во главѣ окружавшей его толпы, пошелъ на встрѣчу. Быстро сойдя на землю и поднявъ надъ головою фуражку, Государь, съ сіяющей улыбкой на лицѣ, скорыми шагами приближался къ Своему Августѣйшему Брату. При громкихъ кликахъ войскъ и толпы, сопровождавшей Главнокомандующаго съ непокрытыми головами, Они сошлись и бросились въ объятія другъ другу. Каждый изъ присутствовавшихъ глубоко раздѣлялъ то чувство радости, которое наполняло душу Главнокомандующаго при первой встрѣчѣ съ Государемъ послѣ вчерашняго событія. Горячо разцѣловавъ Великаго Князя, Его Величество вынулъ изъ рукава пальто футляръ съ орденскими знаками и собственноручно возложилъ на Августѣйшаго Главнокомандующаго ленту св. Георгія 1-й степени. Великій Князь былъ глубоко растроганъ и приникъ устами къ рукѣ Императора. Новые восторженные клики войскъ и свиты привѣтствовали новаго кавалера высшей степени военнаго русскаго ордена. Затѣмъ Его Величество удостоилъ изъ собственныхъ рукъ раздать награды: генералъ-адъютантамъ Тотлебену и Нейпокойчицкому—Георгія 2-й степени; генералъ-адъютанту князю Масальскому и генералъ-лейтенантамъ: князю Имеретинскому и Ганецкому—тотъ же орденъ 3-й степени и, наконецъ, свиты Его Величества генералъ-маіору Левицкому—4-й степени, а ординарца Главнокомандующаго, лейбъ-гвардіи Уланскаго полка поручика Дерфельдена, посланнаго вчера съ извѣстіемъ о сдачѣ Османа, пожаловалъ званіемъ флигель-адъютанта. Послѣ раздачи орденовъ, Государь Императоръ сѣлъ на коня и, въ сопровожденіи Великаго Князя Главнокомандующаго и дежурства, объѣхалъ собранныя войска, поздравляя ихъ съ побѣдой. Отличившіяся части были при этомъ удостоены особымъ вниманіемъ Его Величества. По окончаніи объѣзда, началось молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и возглашеніемъ «вѣчной памяти» павшимъ на полѣ въ день послѣдней брани. Во время многолѣтія окрестности Плевны опять огласились громомъ орудій, но на этотъ разъ уже безъ шипѣнія гранатъ: въ честь побѣды былъ сдѣланъ са-

лютъ сто-однимъ выстрѣломъ. Затѣмъ Государь Императоръ, во главѣ громадной свиты, верхомъ поѣхалъ въ Плевну, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ и княземъ Карломъ Румынскимъ. На пути повстрѣчалось нѣсколько батальоновъ, не успѣвшихъ еще подойдти къ мѣсту молебствія, по причинѣ отдаленности своихъ бивуаковъ. Его Величество останавливалъ каждый изъ нихъ и удостоивалъ милостивыми словами.

На нынѣшній разъ городъ казался уже значительно оживленнѣе. На балконахъ виднѣлись цвѣтныя драпировки, а перекрестки улицъ были покрыты толпами городскихъ жителей-болгаръ, которые кидали на пути Государя миртовыя вѣтви. У воротъ церкви ожидалъ цѣлый рядъ мѣстнаго духовенства, въ бѣдномъ облаченіи, съ крестами, свѣчами и хоругвями. Вся церковная утварь, находившаяся въ рукахъ духовныхъ лицъ, была украшена миртами. Государь приложился ко кресту и былъ окропленъ святою водою, принявъ поздравительное привѣтствіе отъ старшаго протоіерея. На церковной вышкѣ раздавалась частая дробь деревянной колотушки, замѣняющей здѣсь колокольный звонъ. Тутъ же на улицахъ, вдоль домовыхъ стѣнъ, стояли длинные ряды плѣнныхъ, вышедшихъ взглянуть на въѣздъ Русскаго Монарха и встрѣчавшихъ Его Величество восточными поклонами.

Въ одномъ изъ лучшихъ болгарскихъ домовъ былъ приготовленъ завтракъ. Государь, съ Особами Царской Фамиліи, княземъ Карломъ и высшими лицами Двора и арміи, имѣлъ столъ во внутреннемъ помѣщеніи, а для остальныхъ лицъ Императорской, Великокняжеской и румынской свитъ были раскинуты большіе столы на дворѣ подъ открытымъ небомъ. Радостенъ и говорливъ былъ этотъ изобильный завтракъ, которымъ угощалъ Государь Императоръ. Толпа болгаръ, со священникомъ во главѣ, подошла къ крыльцу, и попросивъ къ себѣ бывшаго нашего посла при оттоманской Портѣ, генералъ-адъютанта Игнатьева, горячо выражала ему свою признательность за постоянную и твердую поддержку христіанъ въ Турціи. Болгарскія дѣвушки, въ праздничныхъ уборахъ, привѣтливо раздавали офицерамъ и солдатамъ зеленыя вѣточки миртовъ. Вдругъ весь дворъ огласился привѣтственными восклицаніями: «Браво, Османъ-паша! браво!»—и гро-

мадная толпа почтительно разступилась на двѣ стороны, приложивъ къ козырькамъ руки, для отданія чести.

Опираясь слѣва на плечо Хасибъ-бея, а справа на корнета лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка, князя Дедашкеліани, раненый Османъ шелъ черезъ дворъ для представленія Его Императорскому Величеству. Тутъ же шелъ и драгоманъ Главнокомандующаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Макѣевъ, который во время блокады дважды былъ посылаемъ въ Плевну парламентеромъ. Плѣннаго полководца ввели въ комнату, гдѣ присутствовалъ Государь Императоръ.

Его Величество, подойдя къ Осману, обратился къ нему со слѣдующими словами (разговоръ происходилъ при посредствѣ Н. Д. Макѣева):

— Что васъ побудило прорываться?

— Какъ солдатъ, дорожащій своимъ честнымъ именемъ, я во всякомъ случаѣ считалъ своимъ долгомъ сдѣлать эту попытку; я не могъ, не имѣлъ права поступить иначе... Попытка не удалась, но мое несчастіе смягчается для меня лично тѣмъ, что неудача эта доставила мнѣ счастіе быть представленнымъ Вашему Величеству.

— Отдаю полную дань уваженія вашей доблестной храбрости, хотя она и была направлена противъ Моей арміи.

— Ваше Императорское Величество,—почтительно склоняясь, отвѣчалъ Османъ,—я исполнялъ лишь мой воинскій долгъ и надѣялся, что тѣмъ самымъ заслужу не только признательность моего отечества, но и милостивое вниманіе Вашего Величества и уваженіе Вашей арміи.

— Знали ли вы что нибудь о взятіи Врацы, Правца, Этрополя, о занятіи нами Орханіэ?

— Государь, я не зналъ ничего. Начиная съ несчастнаго для насъ дѣла при Горнемъ Дубнякѣ, въ теченіи сорока пяти дней никакая вѣсть извнѣ не проникала въ Плевну.

— Много ли у васъ оставалось продовольствія?

— Только на пять дней, и наканунѣ моей попытки оно было роздано на руки людямъ.

— Въ знакъ уваженія къ вашей храбрости, Я возвращаю вамъ вашу саблю, которую вы можете носить и у насъ въ Россіи, гдѣ—надѣюсь—вы не будете имѣть причинъ къ какому бы то ни было недовольству.

Османъ, съ видимымъ чувствомъ признательности, глубоко поклонился Государю и вышелъ, поддерживаемый тѣми же лицами.

На дворѣ ему подали стулъ, на которомъ раненый плѣнникъ отдохнулъ нѣсколько времени. Толпа офицеровъ почтительно окружила его и многія изъ высшихъ лицъ выражали при этомъ свое уваженіе храброму защитнику Плевны. Комендантъ главной квартиры, генералъ-маіоръ Штейнъ вручилъ Осману его оружіе, а командиръ пѣшаго конвоя Главнокомандующаго, полковникъ Ключаревъ подалъ ему полученную отъ болгаръ миртовую вѣтку, въ знакъ того, что сдавшаяся армія и ея доблестный предводитель отнынѣ находятся не между врагами.

Въ этотъ же день Великій Князь Главнокомандующій отдалъ слѣдующій приказъ по дѣйствующей арміи, за № 244:

«Главная квартира, селеніе Боготъ. 29-го ноября 1877 года.

«Доблестные воины Россіи и Румыніи!

«На штыкахъ гренадерскаго корпуса сломилось послѣднее усиліе врага. Отъ края до края разнеслась уже вѣсть о паденіи Плевны и плѣненіи Османа-паши со всею его арміею.

«Сорокъ тысячъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ десять пашей, 128 штабъ-офицеровъ, 2,000 оберъ-офицеровъ, 77 пушекъ, оружіе, знамена—вотъ краснорѣчивое доказательство вашего несравненнаго мужества.

«Старшій воинъ земли русской, неустанный свидѣтель доблести и трудовъ вашихъ, обожаемый нашъ Монархъ удостоилъ возложить на Меня знаки ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 1-й степени.

«Не Себѣ, а вамъ обязанъ Я этимъ высшимъ знакомъ воинскаго отличія; да пребудетъ онъ вамъ знаменіемъ того, что вы — храбрѣйшіе изъ храбрыхъ!

«Спасибо вамъ, богатыри, спасибо за все, что̀ вы дѣлали до сихъ поръ! Продолжайте такъ — и врагъ во вѣки не забудетъ ваше грозное ура!»

«*НИКОЛАЙ*».

Приказъ Его Высочества былъ прочтенъ во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ и батареяхъ.

LXXVII

Османъ и плѣнные паши въ Боготѣ

Юрта и почетный караулъ, приготовленные для Османа. — Итоги послѣдняго боя. — Поѣздъ Османа и встрѣча его на дорогѣ съ кришинскими таборами. — Юнусъ-бей, противникъ Скобелева. — Встрѣча Османа въ Боготѣ. — Обѣдъ плѣнныхъ пашей. — Радостная вѣсть изъ Рущукскаго отряда и мнѣніе по этому поводу одного изъ плѣнниковъ. — Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ разговоровъ съ пашами. — Мнѣнія одного изъ пашей о стратегической ошибкѣ Османа. — Стратегическій планъ кампаніи у турокъ. — Мнѣнія плѣнныхъ о самомъ Османѣ. — Посѣщеніе Османа Великимъ Княземъ и ихъ бесѣда. — Визитъ къ нему М. Д. Скобелева и разговоръ о турецкихъ жестокостяхъ. — Письмо Османа по поводу жестокостей къ Реуфу-пашѣ и телеграмма его къ секретарю верховнаго визиря. — Отъѣздъ Османа въ Россію. — Гуссейнъ-Вассфи-паша—революціонеръ турецкій и г. Оливье Пенъ — революціонеръ французскій. — Маіоръ Сулейманъ-Ага-Дурзіевъ. — Англо-индійскія рупіи.

Боготъ, 4-го декабря.

30-го ноября, утромъ, Великій Князь Главнокомандующій съ генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ уѣхали въ Порадимъ, гдѣ у Его Величества назначено было совѣщаніе относительно дальнѣйшихъ военныхъ плановъ и мѣропріятій. Въ этотъ день въ Боготѣ ожидали Османа-пашу, для котораго была приготовлена неподалеку отъ столовой палатки особая юрта, а рядомъ съ нею разбитъ холщевый шатеръ для личной прислуги турецкаго главнокомандующаго. У юрты былъ выставленъ почетный караулъ — взводъ отъ 63-го пѣхотнаго Угличскаго полка (16-й дивизіи), причемъ народъ былъ подобранъ — молодецъ къ молодцу, красавецъ къ красавцу. Однако же прибытіе Османа, предполагаемое къ полудню, замедлилось по случаю діагнозы его раны, производившейся въ Плевнѣ. За то къ этому времени неожиданно пріѣхалъ генералъ Ганецкій, который за завтракомъ громко прочиталъ краткій отчетъ о нашихъ потеряхъ и трофеяхъ за 28-е число. По этому отчету, который своевременно былъ переданъ въ Россію по телеграфу, оказалось, что мы потеряли двухъ штабъ-офицеровъ убитыми *) и пять ранеными; изъ оберъ-офицеровъ убито 8, ранено 40 и контужено 3, а изъ нижнихъ чиновъ убито 582, ранено 1,207, контужено 3; всего

*) Сибирскаго гренадерскаго полка маіоръ Лихачевъ и Малороссійскаго гренадерскаго полка маіоръ Манасеинъ.

же выбыло изъ строя 1,840 чел. Въ плѣнъ взято 10 пашей, 128 штабъ-офицеровъ, 2,000 оберъ-офицеровъ, а нижнихъ чиновъ 44,000 чел., въ числѣ которыхъ болѣе 4,000 раненыхъ, и кромѣ того 1,200 чел. кавалеріи. Артиллерія, въ числѣ 77 орудій, сполна досталась въ наши руки. Всѣ эти орудія, за исключеніемъ пяти или шести горныхъ, принадлежатъ къ разряду дальнобойныхъ стальныхъ, крупповскаго завода. Что касается знаменъ, то, по словамъ Гусейнъ-паши, въ частяхъ плевненской арміи ихъ было болѣе тридцати, но батальоны, владѣвшіе ими, по большей части ихъ сожгли, либо закопали въ землю, такъ что сначала намъ досталось только два знамени, а потомъ еще одно было найдено въ кучѣ убитыхъ и нѣсколько выкопано уже изъ земли. Надо думать, что въ непродолжительномъ времени будутъ открыты и остальныя изъ несожженныхъ знаменъ.

Около пяти часовъ дня, въ виду Богота показался довольно длинный и пестрый поѣздъ всадниковъ. Тутъ были и румынскіе калараши, и бугскіе уланы со своими красно-бѣлыми значками. За калараніами ѣхала коляска, а за нею тянулась верхами длинная вереница пашей, штабныхъ лицъ, адъютантовъ, штабъ и оберъ-офицеровъ плевненской арміи, оцѣпленныхъ нашими уланами. То привезли Османа и большую часть его офицеровъ. Конвойные сказывали, что во время слѣдованія по плевно-ловчинскому шоссе они обогнали большую партію плѣнныхъ турокъ, составлявшихъ гарнизонъ кришинской позиціи. Османъ выглянулъ изъ-подъ надвинутаго фордека своей коляски, но не опривѣтствовалъ эту партію ни единымъ словомъ, равно какъ и она совершенно молча разошлась со своимъ главнокомандующимъ. Пожилой Юнусъ-бей, начальникъ кришинской турецкой позиціи, раненый пулею въ руку, былъ оставленъ въ Плевнѣ, такъ какъ М. Д. Скобелевъ взялъ его подъ особое свое покровительство, какъ личнаго своего противника, и помѣстивъ его у себя въ квартирѣ, окружилъ вчерашняго врага всевозможнымъ уходомъ и заботливымъ попеченіемъ. «Бѣлый генералъ» говоритъ, что въ послѣдніе дни предъ паденіемъ Плевны онъ и Юнусъ-бей на столько присмотрѣлись другъ къ другу изъ траншей, что исподволь научились еще издали узнавать одинъ другаго; и такимъ образомъ, когда Юнусъ очутился въ плѣну, то узналъ

Скобелева съ разу; оба противника, пожавъ другъ другу руки, встрѣтились между собою какъ старые и хорошіе знакомые. М. Д. Скобелевъ отзывается съ большою похвалой и уваженіемъ о личной храбрости и хладнокровномъ мужествѣ Юнусъ-бея

Османъ-паша былъ встрѣченъ предъ своею юртою походнымъ гофмаршаломъ Его Высочества генералъ-лейтенантомъ Галломъ и комендантомъ дѣйствующей арміи, а почетный караулъ отдалъ ему воинскую почесть съ барабаннымъ боемъ, какъ главнокомандующему.

Великій князь возвратился изъ Порадима около шести часовъ и передъ обѣдомъ навѣстилъ на короткое время Османа, желая освѣдомиться удобно ли онъ помѣстился. Послѣ обѣда Его Высочества, который Великій Князь всегда раздѣляетъ со всѣми лицами главной квартиры, въ той же палаткѣ былъ приготовленъ столъ для плѣнныхъ пашей и турецкаго штаба. Османъ-паша, какъ раненый, обѣдалъ отдѣльно у себя въ юртѣ, которая, сказать мимоходомъ, была приготовлена для него со всѣми возможными здѣсь удобствами, а главное отапливалась небольшою желѣзною печью. Мы, обреченные пока на жизнь въ палаткахъ (не смотря на 10-ти и 15-ти-градусные морозы по ночамъ), или же на прозябаніе по сырымъ и темнымъ болгарскимъ землянкамъ, напоминающимъ болѣе могильные склепы, чѣмъ жилыя помѣщенія,—мы очень и очень цѣнимъ такое рѣдкое здѣсь удобство, какъ небольшая желѣзная печка.

Во время обѣда пашей, Великій Князь получилъ телеграмму о новомъ и блистательномъ отраженіи рѣшительной атаки Сулеймана-паши противъ нашего восточнаго фронта. Его Высочество тотчасъ же подѣлился этою радостною новостію съ лицами главной квартиры, которыя не успѣли еще расбрестись по своимъ угламъ со двора Великаго Князя. Восторженное «ура» было отвѣтомъ на прочтенную телеграмму. Въ ту же минуту извѣстіе о побѣдѣ перелетѣло на сосѣдніе бивуаки конвойнаго батальона и лейбъ-казаковъ, оттуда къ жандармамъ, въ артиллерійскіе парки, въ обозы, и не прошло пяти минутъ, какъ весь Боготъ гремѣлъ изъ конца въ конецъ восторженнымъ «ура», которому акомпанировали торжественные звуки народнаго гимна. Паши, конечно, поинте-

ресовались узнать, въ чемъ дѣло. Н. Д. Макѣевъ и ротмистръ Чайковскій, служившій прежде маіоромъ въ турецкой службѣ, объяснили имъ причину общей нашей радости.

— Увы, напрасная и поздняя попытка!—сказалъ одинъ изъ пашей, грустно покачавъ головою.—Вѣрно Сулейманъ не извѣщенъ еще о нашей участи; иначе не зачѣмъ бы ему было пробиваться на Цесаревича, а слѣдовало бы поскорѣе спѣшить за Балканы, чтобы тамъ предупредить, по возможности, вашего Гурко.

Нѣкоторые изъ разговоровъ, которые вели наши плѣнники, частію по французски, частію при посредствѣ Н. Д. Макѣева, далеко не лишены для насъ интереса. Такъ, напримѣръ, этимъ путемъ мы узнали, что 31-го августа, при атакѣ на генерала Скобелева, турки уложили свыше 1,500 чел. убитыми и 3,500 ранеными; наканунѣ же, т. е. во время взятія Скобелевымъ зеленогорской позиціи, потери ихъ относительно были ничтожны. По увѣренію адъютантовъ Османа, 31-го августа уже съ утра всѣ обозы турецкой арміи были выдвинуты по шоссе, къ каменному мосту на Видѣ, съ тѣмъ чтобы немедленно двинуться на Орханіэ, въ случаѣ если Османъ понесетъ неудачу въ попыткѣ отбить у насъ редуты, взятые наканунѣ Скобелевымъ. Четыре штурма, какъ извѣстно, не увѣнчались успѣхомъ; тогда Османъ рѣшился испытать послѣднее средство: къ пятой атакѣ стянуты были всѣ, какіе лишь оставались, резервы; для этого составъ гарнизоновъ въ редутахъ и траншеяхъ на всѣхъ остальныхъ позиціяхъ былъ уменьшенъ до послѣдней возможности, и все это двинуто противъ генерала Скобелева. Для бо̀льшаго возбужденія храбрости и фанатизма приказано было нести впереди наступающихъ частей большое зеленое знамя, равно какъ передъ каждымъ таборомъ шелъ особый мулла, громко возглашая молитву и напѣвая стихи корана: «Алла, Алла-га иль Алла», что̀ и дѣйствительно слышали наши, не смотря на непрерывную трескотню ружейнаго огня, и въ особенности когда этотъ напѣвъ подхваченъ былъ всѣми турецкими солдатами. Османъ объявилъ заранѣе, что отступленія не будетъ, а чтобы отбить всякую охоту бѣжать назадъ, выставилъ въ тылу наступающихъ батарею и разсыпалъ густую цѣпь изъ двухъ кавалерійскихъ полковъ, которымъ строго было прика-

зано стрѣлять въ каждаго, кто осмѣлится дать тылъ. «И не смотря на всѣ эти чрезвычайныя и суровыя мѣры—прибавляли разсказчики—у всѣхъ насъ надежда на успѣхъ была столь мала, что когда мы увидѣли отступленіе вашего «Акъ-паши», то мы просто собственнымъ своимъ глазамъ не вѣрили. Мы думали, что это со стороны «Акъ-паши» скорѣе какая нибудь тактическая хитрость, что вотъ-вотъ сію минуту невѣдомо откуда нагрянутъ на насъ громадные ваши резервы и мы всѣ погибнемъ съ нашимъ минутнымъ успѣхомъ. Мы слышали и были убѣждены, что у васъ подъ Плевною стянуты огромныя силы; но когда отступленіе Скобелева стало уже вполнѣ совершившимся фактомъ, наши паши сказали себѣ: «а! значитъ, эта линія обложенія только растянута, но вовсе не густа» — и мы вздохнули свободно; послѣ этого Османъ-паша рѣшился остаться въ Плевнѣ, съ цѣлію задержать подъ нею до послѣдней возможности главныя силы русской арміи. А если бы не удалась наша отчаянная попытка—Плевна еще 31-го августа была бы ваша».

Но рѣшеніе замкнуться въ Плевнѣ, по мнѣнію одного изъ пашей, было стратегическою ошибкой, хотя и принесло не мало пользы для Турціи. «Не то бы было, говорилъ этотъ паша, если бы послѣ 31-го августа Османъ позадержалъ васъ недѣли на четыре, на пять, однимъ словомъ, до подхода вашихъ подкрѣпленій, вашей гвардіи, и тогда, не дожидаясь взятія Дубняковъ и Телиша, ушелъ бы въ одну прекрасную ночь по софійскому шоссе, пока оно еще было свободно, на соединеніе съ Шефкетъ-пашею. Вы бы, конечно, преслѣдовали насъ по пятамъ, но тогда у насъ былъ уже цѣлый рядъ укрѣпленныхъ этаповъ, а въ Орханіэ или въ Этрополѣ мы устроили бы вамъ новую Плевну и, быть можетъ, избѣжали бы плѣна... Но—иншаллахъ (Божья воля)», заключилъ паша со вздохомъ.

Относительно стратегическаго плана всей кампаніи турки высказываются, что у нихъ планъ былъ, и честь его созданія приписываютъ Абдулъ-Кериму. По ихъ словамъ, этотъ планъ заключался въ томъ, чтобы почти безъ боя пропустить наши главныя силы за Балканы и потомъ запереть ихъ движеніемъ къ Еленѣ, Тырнову и Ловчѣ съ двухъ сторонъ двумя арміями: Абдулъ-Керима—отъ Разграда и Османъ-Базара,

а Османа-паши—отъ Виддина на Плевну и Ловчу, въ то время какъ Сулейманъ-паша въ одномъ изъ забалканскихъ городовъ устроилъ бы сильный укрѣпленный лагерь, который задержалъ бы насъ неменѣе Плевны. Но,—прибавляютъ плѣнные,—обстоятельства вынудили Османа слишкомъ преждевременно обнаружить предъ вами сущность этого плана, который такимъ образомъ, конечно, долженъ былъ рушиться».

Относительно самого Османа-паши плѣнные отзываются съ большимъ уваженіемъ. Можно сказать положительно, что если и не всѣ они сочувствовали ему, то всѣ безусловно уважали его, и это отношеніе явно сказалось для насъ въ моментъ сдачи раненаго полководца. Во все время плевненской блокады, онъ — говорятъ — былъ неутомимъ, и весь его генеральный штабъ въ сущности сосредоточивался въ его же собственной особѣ. Каждый день мѣнялъ онъ по шести лошадей, объѣзжая самолично буквально *всѣ* линіи своихъ укрѣпленій, редуты и батареи. Иногда ночь застигала его на какомъ нибудь редутѣ, и тогда онъ оставался тамъ до разсвѣта, довольствуясь для своего ночлега простою солдатскою землянкою и клочкомъ соломы. Не рѣдко выѣзжалъ онъ и впередъ, за свои линіи, и слѣдовалъ отъ одной позиціи къ другой просто съ какимъ нибудь аванпостнымъ разъѣздомъ.

Когда 1-го декабря утромъ Великій Князь навѣстилъ Османа въ его юртѣ, между Его Высочествомъ и плѣннымъ пашою возникъ, при посредствѣ Н. Д. Макѣева, довольно продолжительный разговоръ, въ которомъ Османъ высказывалъ свои личные взгляды по поводу разныхъ лицъ и обстоятельствъ своего отечества. Такъ, между прочимъ, когда бесѣда коснулась дѣйствій Мухтара-паши и сдачи Карса, Османъ выразился: «Я понимаю, что можно проиграть сраженіе въ открытомъ полѣ, но за стѣнами, и въ особенности за такими укрѣпленіями какъ въ Карсѣ, дозволить взять Карсъ, и притомъ въ столь короткое время — это.... это превыше моего пониманія». На счетъ одного изъ пашей *), дѣйствующаго противъ насъ на здѣшнемъ театрѣ войны, Османъ не особенно высокаго мнѣнія, какъ о способномъ военачальникѣ. «Онъ лично очень хорошій человѣкъ, выразился онъ,—имѣетъ много евро-

---

*) Реуфа-паши.

пейской бойкости и привычекъ; но недостаточно еще пожуировать въ Парижѣ и пошататься по Европѣ, чтобы быть хорошимъ боевымъ генераломъ».

Объясняя неудачу своего прорыва, Османъ обвиняетъ въ ней самого себя. «Я оставилъ подъ городомъ — говорилъ онъ — 20,000 пѣхоты, приказавъ ей двинуться съ мѣста не ранѣе какъ черезъ два часа послѣ начала боя. Если бы въ моемъ приказѣ я сократилъ это время на одинъ часъ, то эти двадцать тысячъ успѣли бы подойдти ко мнѣ на помощь, и тогда, съ Божьимъ произволеніемъ, весьма вѣроятно, что я и прорвался бы. Генералъ Ганецкій, если не ошибаюсь, предполагалъ, что я буду напирать на софійское шоссе, а я кинулся бы на Виддинъ, и не обочтись я съ резервами на одинъ лишь часъ, дѣло, быть можетъ, не разыгралось бы для меня столь печально».

Въ тотъ же день посѣтилъ Османа-пашу и М. Д. Скобелевъ. Разговоръ коснулся жестокостей, совершонныхъ съ нашими ранеными на Шипкѣ и въ Телишѣ. Османъ выразилъ крайнее свое прискорбіе по поводу этихъ фактовъ. «Что̀ до меня, сказалъ онъ, то ни вы, генералъ, ни кто̀-либо другой не можете упрекнуть меня или моихъ солдатъ въ подобныхъ безобразіяхъ (?). Я знаю, что наши баши-бузуки весьма способны на такіе поступки, а потому во избѣжаніе всякой прискорбной случайности распорядился съ ними по-своему: наиболѣе буйныхъ и недисциплинированныхъ просто выгналъ вонъ изъ Плевны, потому что они были бы самому мнѣ болѣе въ тягость, чѣмъ въ помощь, да и лишніе рты къ тому же; а остальныхъ я размѣстилъ по частямъ въ регулярные батальоны и заставилъ ихъ такимъ образомъ сражаться въ траншеяхъ. За мародерство въ Плевнѣ я самъ приказалъ пятерыхъ изъ нихъ повѣсить — и повѣсили. Съ тѣхъ поръ мародерства не было. Вы можете упрекнуть меня развѣ въ томъ, что я приказалъ стрѣлкамъ препятствовать уборкѣ вашихъ убитыхъ и тяжело раненыхъ. Но что̀ же дѣлать: они лежали такъ близко къ нашимъ укрѣпленіямъ, что допусти я уборку ихъ, для противника было бы большимъ соблазномъ высмотрѣть въ это время многія слабыя стороны моихъ укрѣпленій и съ успѣхомъ воспользоваться тѣмъ при слѣдующей атакѣ. Впрочемъ, отъ зараженнаго этими трупами воздуха терпѣли

не столько вы, сколько мы сами, благодаря столь близкому сосѣдству, которое безусловно свидѣтельствуетъ въ пользу отчаянной храбрости вашихъ солдатъ. Но чтобы кончить разъ навсегда съ жестокостями моихъ собратовъ, я сдѣлаю вотъ что:

И потребовавъ бумаги, турецкую чернильницу и тростинку, Османъ-паша написалъ на имя Реуфъ-паши слѣдующее:

«Ферикъ! Генералъ Скобелевъ сообщилъ мнѣ, что наши войска дѣлаютъ жестокости съ русскими ранеными. Я долженъ вамъ напомнить, что это противно и чувству человѣколюбія, и всѣмъ международнымъ законамъ, и наконецъ женевской конвенціи, къ которой мы просоединились въ числѣ прочихъ государствъ Европы. А потому предлагаю вамъ принять немедленныя мѣры къ окончательному прекращенію всякихъ жестокостей».

Кромѣ этихъ словъ настоящее письмо не заключало въ себѣ никакихъ обычно-условныхъ на Востокѣ вѣжливостей и комплиментовъ, а вмѣсто подписи Османъ приложилъ къ нему свою печать и, вручая бумагу генералу Скобелеву, сказалъ: «Найдите случай передать это письмо Реуфъ-пашѣ, и я убѣжденъ, всѣ жестокости прекратятся» *).

Предъ отправленіемъ своимъ изъ Богота въ Россію, Османъ-паша написалъ слѣдующую телеграмму на имя своего зятя Риза-бея, который служитъ секретаремъ у верховнаго визиря**):

«Вамъ не безъизвѣстно, что полтора мѣсяца мы находились въ осадномъ положеніи. Не получивъ съ тѣхъ поръ никакой помощи, я рѣшился пробиться со всею арміею сквозь ряды русскихъ войскъ. Не смотря на всѣ усилія, я не успѣлъ въ этомъ и теперь нахожусь военно-плѣннымъ, вмѣстѣ со всѣмъ плевненскимъ гарнизономъ. Оцѣняя храбрость моихъ

---

*) Были ли совершаемы жестокости надъ нашими плѣнными въ Плевнѣ, я лично не знаю; но вотъ свидѣтельство корреспондента вѣнской газеты «Presse», который телеграфируетъ изъ Систова отъ 8-го (20-го) декабря слѣдующее: «*Открытые въ Плевнѣ трупы русскихъ солдатъ* свидѣтельствуютъ, что раненые и плѣнные предавались истязаніямъ и затѣмъ умерщвлялись. Объ этомъ составленъ протоколъ въ присутствіи иностранныхъ военныхъ уполномоченныхъ. Въ погребахъ Плевны найдены незарытые трупы турецкихъ солдатъ».

**) Телеграмма эта переведена Н. Д. Макѣевымъ съ турецкаго на французскій языкъ, въ каковомъ видѣ и пущена кружнымъ путемъ по назначенію.

солдатъ, Его Императорское Величество и Его Августѣйшій Братъ удостоили меня самымъ благосклоннымъ пріемомъ. Не смотря на легкую рану, мною полученную, здоровье мое очень удовлетворительно. Не знаю еще, куда именно отправятъ меня въ Россію, но по прибытіи въ мѣсто моего будущаго пребыванія, напишу вамъ оттуда подробное письмо».

4-го декабря утромъ Османа увезли въ Россію въ очень удобномъ и покойномъ экипажѣ, принадлежащемъ обществу «Краснаго Креста». Съ нимъ отправился адъютантъ Его Высочества, капитанъ Бибиковъ.

Изъ числа другихъ пашей, кромѣ Тевфика и почтеннаго Адиля, о которыхъ уже упоминалось, должно сказать теперь о Гуссейнъ-Вассфи-пашѣ, который извѣстенъ въ Портѣ какъ «красный». Гуссейнъ-Вассфи — человѣкъ лѣтъ сорока, съ типическимъ полуармянскимъ, полутурецкимъ лицомъ, которое, благодаря большимъ красивымъ глазамъ, производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. Онъ очень бойко владѣетъ французскимъ языкомъ и въ разговорѣ успѣваетъ проявлять свою многостороннюю начитанность. Гуссейнъ былъ журналистомъ. Разойдясь съ Портою и сераскеріатомъ во взглядахъ на систему управленія и вообще на турецкіе порядки, онъ долженъ былъ выйдти въ отставку и уѣхалъ въ Женеву, гдѣ провелъ около десяти лѣтъ, издавая на турецкомъ языкѣ газету «Инкилябъ» («Реформа»), въ турецкомъ смыслѣ крайне революціонную, потому что въ ней, главнѣе всего, обличались закулисныя и подпольныя продѣлки «серальской камарильи», какъ выразился Гуссейнъ-Вассфи. Онъ называетъ себя «свободнымъ мыслителемъ» (un libre penseur) и говоритъ, что ему все равно, какое будетъ въ Турціи правительство: деспотическое, конституціонное или республиканское, — лишь бы не было «серальской камарильи» и безобразныхъ нынѣшнихъ порядковъ. Проживая въ Женевѣ, онъ нерѣдко сталкивался и съ нашими эмигрантами; сказываетъ, что знавалъ Бакунина, Нечаева, Утина и прочихъ. Но—если только паша не политикуетъ — русскіе революціонеры не особенно понравились ему, революціонеру турецкому, главнѣйшимъ образомъ потому, что займутъ деньги и не только не отдаютъ, но даже и не узнаютъ въ лицо при встрѣчѣ на улицѣ. Послѣдняя война

снова вызвала Гуссейнъ-Вассфи-пашу на военное поприще, которое нынѣ пока окончилось для него съ паденіемъ Плевны.

Но есть у насъ и еще одинъ революціонеръ, только этотъ уже дѣйствительно «красный», потому что онъ революціонеръ не турецкій, а парижскій, которому удалось бѣжать изъ Франціи послѣ майскихъ дней 1871 года. Это — Оливье́ Пенъ, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ рьяныхъ и безшабашныхъ дѣятелей послѣдней парижской коммуны, личный секретарь Рошфора, бѣжавшій изъ тюрьмы и приговоренный за это къ смертной казни. «Во имя гуманности, цивилизаціи и свободы» записался онъ передъ войною въ ряды турецкой арміи, «для борьбы съ варварскимъ московскимъ деспотизмомъ», состоялъ тамъ въ офицерскомъ рангѣ и въ качествѣ корреспондента какой-то газеты (кажись, «République française»), находился въ качествѣ чуть ли не ординарца или адъютанта при извѣстномъ палачѣ Шефкетъ-пашѣ, попалъ отъ Шефкета въ Плевну и раздѣлилъ тамъ участь ея защитниковъ. Удивительно, право, вяжется у подобныхъ французиковъ борьба съ варварскимъ московскимъ деспотизмомъ и служба турецкому правительству, именно ради сей пресловутой борьбы, гуманность, цивилизація, свобода и Шефкетъ - паша, съ его «болгарскими ужасами», которые въ маѣ 1876 года привели въ ужасъ даже англичанъ, патентованныхъ друзей Турціи. Какъ корреспонденту и французскому подданному, въ Боготѣ ему предложили препроводить его въ Петербургъ и передать съ рукъ на руки французскому посольству, доставивъ ему тѣмъ самымъ свободу и возможность возвратиться на родину; коммунаръ поблѣднѣлъ и не на шутку перетрусилъ, а въ особенности когда узналъ, что здѣсь находится полковникъ Гальяръ, французскій военный агентъ. Онъ умолялъ не оказывать ему этой любезности, краснорѣчиво увѣряя, что предпочитаетъ горечь русскаго плѣна всѣмъ сладостямъ французской свободы и что онъ имѣетъ право—законнѣйшее право считаться военноплѣннымъ, такъ какъ дѣйствительно числился на службѣ въ турецкой арміи, а потому проситъ, какъ особенной милости, не дарить ему свободу, если съ нею сопряжено знакомство съ французскимъ посольствомъ въ Петербургѣ.

Третья не безъинтересная личность — нѣкто маіоръ Сулейманъ-Ага-Дурзіевъ. Исторія его какая-то странная и запутан-

ная. Родомъ онъ изъ Водины, близъ Салоникъ, и служилъ съ-молоду въ военной службѣ. Однажды довелось ему оказать покровительство христіанамъ въ ущербъ турку, и это навлекло на него гоненія сильныхъ турецкаго міра, такъ что онъ наконецъ долженъ былъ бѣжать изъ Турціи. Нашъ тогдашній консулъ въ Битоліи М. А. Хитрово доставилъ ему возможность добраться въ Россію, гдѣ Сулейманъ-Ага поступилъ въ военную службу на Кавказѣ и, состоя по армейской кавалеріи, числился при штабѣ кавказской арміи. Въ теченіи четырехлѣтней службы, Дурзіевъ весьма порядочно выучился русскому языку, такъ что свободно можетъ не только говорить, но и писать по русски. По прошествіи четырехъ лѣтъ, отпросился онъ въ отпускъ, въ Турцію, для устройства своихъ семейныхъ дѣлъ, и тутъ уже — не то задержанъ, не то самъ добровольно остался, только дѣло въ томъ, что въ началѣ войны ему было поручено сформировать сотню волонтеровъ, въ которой между прочимъ находились и четверо христіанъ-болгаръ. Съ этою сотнею Дурзіевъ явился въ Плевну, а изъ Плевны — въ Боготъ, въ качествѣ военноплѣннаго. Онъ довольно уже пожилой (лѣтъ за пятьдесятъ), но еще бодрый и видный собою мужчина и, кажется, очень доволенъ, что опять отправляется въ Россію. Но пройдоха онъ, должно быть, не малый.

Замѣчательно, что съ паденіемъ Плевны, у насъ вдругъ появилось очень много индійскихъ серебряныхъ монетъ, рупій, чекана 1876 года, съ изображеніемъ королевы Викторіи. Рупій въ особенности много у маркитантовъ и на базарахъ, такъ какъ плѣнные турки расплачиваются за свои покупки преимущественно этою монетою.

LXXVIII

Отъѣздъ Государя Императора изъ арміи

Прощальный визитъ князя Карла Главнокомандующему и его приказъ по блокадному отряду. — Высочайшій смотръ русско-румынскихъ войскъ 2-го декабря, на мѣстѣ послѣдняго боя. — Наши трофеи и боевой призъ. — Милліарды патроновъ. — Высочайшія награды рядовымъ Карабанову и Егору Жданову. — Возвращеніе Государя въ Плевну. — Море черныхъ бараньихъ шапокъ. — Обѣдъ у Главнокомандующаго въ Плевнѣ. — Привѣтствіе Государю отъ болгарскихъ городскихъ дѣвушекъ и адресъ Его Величеству отъ плевненскихъ гражданъ. — Прощальный приказъ Государя Императора по дѣйствующей арміи.

Боготъ, 10-го декабря.

1-го числа, во время завтрака, къ Его Высочеству Главнокомандующему пріѣхалъ князь Карлъ Румынскій — откланяться, на канунѣ сложенія съ себя начальствованія надъ русско-румынскимъ блокаднымъ отрядомъ, расформированнымъ послѣ паденія Плевны. Возвращаясь въ Бухарестъ, Князь Карлъ отдалъ слѣдующій приказъ по блокадному отряду, громко прочтенный во время завтрака княземъ Имеретинскимъ:

«Офицеры и солдаты!

«Ваша стойкость и геройскія усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Плевна, которую непріятель мнилъ неприступною твердынею и непреоборимою преградою побѣдоносному шествію арміи Русскаго Царя, Плевна, которая стоила столькихъ потоковъ благородной крови христіанскаго воинства, наконецъ пала.

«Цѣль, для которой былъ сформированъ блокадный отрядъ — достигнута. Прощаясь нынѣ съ доблестными русскими войсками, начальство надъ которыми Его Величество Императоръ Всероссійскій удостоилъ ввѣрить мнѣ, я горячо благодарю всѣхъ, отъ генерала до солдата, за самоотверженное исполненіе каждымъ своего долга.

«Вы сражались на глазахъ вашего Августѣйшаго Монарха и вашего рыцаря — Главнокомандующаго, Великаго Князя Николая Николаевича, которые были все время свидѣтелями вашего геройскаго поведенія. Поэтому не мнѣ воздавать вамъ должную хвалу.

«Но я не могу не высказать вамъ, что вы служили примѣромъ доблести и военныхъ добродѣтелей моимъ юнымъ вой-

скамъ, которыя, впервые пріявъ въ союзѣ съ вами огненное крещеніе, навсегда соединились узами дружбы со славною русскою арміею. Я надѣюсь, что и вы сохраните о румынахъ, вашихъ братьяхъ по оружію, столь же доброе воспоминаніе, какое они сохранятъ о васъ.

«Съ глубокимъ сожалѣніемъ слагая сегодня съ себя начальство и прощаясь съ вами, я отъ души желаю вамъ и въ будущей борьбѣ за наше святое дѣло столь же блестящихъ успѣховъ, какъ и тѣ, которые вы уже столь доблестно завоевали.

«На прощанье, провозгласимъ еще разъ вмѣстѣ, единогласно и единодушно:

«Да здравствуетъ Его Величество Императоръ Всероссійскій! Ура!»

«Командующій блокаднымъ плевненскимъ отрядомъ

«Карлъ».

Приказъ этотъ, отданный въ с. Порадимѣ, предстояло возвѣстить войскамъ 2-го декабря, послѣ Высочайшаго смотра на полѣ послѣдней битвы. Чтеніе его въ столовой палаткѣ Великаго Князя было встрѣчено единодушнымъ «ура» всѣхъ присутствовавшихъ и сопровождалось звуками народныхъ гимновъ русскаго и румынскаго, исполненныхъ лейбъ-казачьимъ оркестромъ.

2-го декабря войска завидскаго отряда и часть румынскаго корпуса, тоже находившаяся за Видомъ, построились на полѣ сраженія, въ пространствѣ между Дольнимъ Дубнякомъ, Горнимъ Митрополъемъ и Видомъ.

Кавалерія въ полковыхъ эскадронныхъ колоннахъ расположилась вдоль софійскаго шоссе, а пѣхота подъ прямымъ угломъ къ фронту кавалеріи выстроилась по полю въ двѣ линіи, въ батальонныхъ колоннахъ изъ середины. Пѣшая артиллерія стала за пѣхотою. Лѣвый флангъ занятъ былъ двумя линіями румынскихъ войскъ: въ первой—пѣхота, во второй—артиллерія и кавалерія (рошіоры и калараши). Поле сраженія еще не совсѣмъ было прибрано: кое-гдѣ валялись мертвыя тѣла и лошадиные трупы; блеклая трава мѣстами еще хранила алые слѣды крови, но войска были построены такъ, что эти печальные остатки побоища находились позади

ихъ фронта или скрыты между колоннами. На правомъ флангѣ кавалеріи стояли: жандармская команда и 2-й дивизьонъ лейбъ-казаковъ, посланный за Видъ недѣли за двѣ до сдачи Плевны, для занятія аванпостовъ на медованской позиціи; за лейбъ-казаками—полки 9-й кавалерійской дивизіи. На правомъ флангѣ пѣхоты стояли полки 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, потомъ обѣ гренадерскія дивизіи (2-я и 3-я) и наконецъ румыны. Надъ батальонами развѣвались распущенныя знамена. Въ началѣ перваго часа къ войскамъ прибылъ Государь Императоръ. На пути Его Величества у моста были сложены нѣкоторые трофеи, которые успѣли пока собрать и привести въ порядокъ: массы патронныхъ жестянокъ, гранатъ, ракетъ и горы оружія, а на пути къ войскамъ, уже за Видомъ, вдоль дороги вытянуты были турецкія орудія. Но то, что собрано, не составляетъ и десятой части всего количества. Только теперь, когда пространство между мостомъ и Плевною освободилось отъ массы плѣнныхъ, можно видѣть, какіе громадные военные матеріалы достались въ наши руки: на обширной площадкѣ, лежащей около шоссейнаго домика, гдѣ стояла одна изъ главныхъ массъ турецкаго войска, буквально нѣтъ пяди земли, не покрытой всевозможнымъ оружіемъ и аммуниціей; патроновъ такое невообразимое множество, что усѣевая собою все пространство площадки, они кромѣ того ссыпаны еще въ нѣсколько большихъ высокихъ кучъ, которыя издали многими были приняты за кучи навоза. А сколько просыпано ихъ на всемъ протяженіи шоссе отъ моста до Плевны и сколько еще цѣльныхъ, нераскупоренныхъ ящиковъ и жестянокъ валяются по полямъ и высотамъ... Это цѣлые милліарды патроновъ, которые уже сами по себѣ, не говоря о прочемъ, составляютъ милліонное богатство. Надо думать, что работы хватитъ по крайней мѣрѣ недѣль на шесть для одной лишь разборки и сортировки нашихъ безчисленныхъ трофеевъ.

Парадъ 2-го декабря прошелъ безъ церемоніальнаго марша. Государь Императоръ только объѣхалъ войска и благодарилъ почти каждую часть отдѣльно за всѣ труды и мужество, оказанное въ послѣднемъ сраженіи. Проѣзжая мимо 3-й гренадерской артиллерійской бригады, Его Величество вызвалъ изъ фронта рядоваго Карабанова, вышедшаго къ Государю съ

тѣмъ самымъ банникомъ, которымъ онъ отбивался отъ турокъ. Милостиво разспросивъ его объ этомъ эпизодѣ и похваливъ за удальство, Его Величество взялъ отъ свиты генералъ-маіора Салтыкова *) знакъ отличія военнаго ордена и лично вручилъ его Карабанову. Затѣмъ, подъѣхавъ къ Астраханскому гренадерскому полку, Государь Императоръ вызвалъ рядоваго Егора Жданова, взявшаго турецкое знамя, и тоже наградилъ его знакомъ отличія.

По окончаніи смотра, Его Величество, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, княземъ Карломъ Румынскимъ и со всѣми свитами и начальствующими лицами, возвратился въ Плевну. На пути, около города, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ день сдачи волновалось море красныхъ фесокъ, теперь кишѣло такое же море черныхъ бараньихъ шапокъ. Это болгары изъ Плевны и со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ сошлись сюда привѣтствовать и благодарить своего Царственнаго Защитника. Они встрѣтили Его Величество громкими «да жіе» и рукоплесканіями, составляющими у нихъ исконный обычай для изъявленія общественной радости, привѣтствія и при провозглашеніи «здравицъ». Въ городѣ, въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ и въ прошлый разъ, былъ сервированъ обѣдъ, предложенный Его Величеству и всѣмъ присутствовавшимъ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ. При входѣ въ домъ, Государь Императоръ былъ встрѣченъ толпою дѣвушекъ-горожанокъ, одна изъ которыхъ произнесла слѣдующее привѣтствіе:

«Всемилостивѣйшій Государь! Велико Твое благодѣяніе къ намъ; Ты не только предпринялъ великую войну изъ любви и состраданія къ намъ, но и удостоилъ нашу убогую страну Твоимъ Царскимъ посѣщеніемъ, подвергнувъ себя всѣмъ трудностямъ походной жизни. Всемилостивѣйшій Государь! Наша признательность къ Тебѣ не имѣетъ предѣловъ, но извини, Великій Государь, нашей простотѣ, не умѣющей достойно встрѣтить Тебя и показать свою глубокую признательность.

*) Начальникъ походной канцеляріи, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Салтыковъ, постоянно сопровождая Государя Императора при объѣздахъ войскъ, позицій и госпиталей, всегда имѣетъ съ собою запасъ солдатскихъ георгіевскихъ крестовъ, которые Его Величество вручаетъ изъ собственныхъ рукъ наиболѣе отличившимся и израненымъ людямъ.

Болгары будутъ до конца міра благословлять Твое великое имя и имя Твоего Августѣйшаго Дома».

Затѣмъ Его Величеству былъ поднесенъ депутаціею болгарскихъ гражданъ города Плевны слѣдующій адресъ:

«Великій Государь!

«Прошли вѣка страданій болгарскаго народа. Они прошли безвозвратно, потому только, что Ты, Государь, положилъ Свой мечъ на вѣсы судьбы.

«Ты, Великій Государь, щитомъ Своимъ прикрылъ насъ отъ варварства невѣрныхъ.

«Ты далъ намъ новую жизнь.

«Какъ солнце, Ты озарилъ нашу землю Своимъ посѣщеніемъ, воскресивъ болгарскій народъ, и какъ снѣгъ таетъ отъ солнечныхъ лучей, такъ распаялись цѣпи, насъ отъ ряда вѣковъ отягощавшія!

«Можемъ ли мы оставаться равнодушными къ этому великому событію, плоды котораго должны вкусить не только мы, но наши дѣти и дальніе потомки. Своими страданіями во время пятимѣсячной осады мы, жители города Плевны, купили право стать во главѣ болгарскаго народа при стремленіи выразить Тебѣ, Государь, отъ имени этого народа свои живѣйшія чувства. Мы вѣруемъ: освобожденіе Плевны—заря освобожденія древней Болгаріи; Плевна нынѣ воскресла первая, какъ вѣка назадъ она умерла послѣдняя!

«Въ память нашимъ потомкамъ объ этомъ воскресеніи, въ видимое на будущіе вѣка воспоминаніе о томъ счастіи, какое Ты, Государь, даровалъ намъ Своимъ посѣщеніемъ нашего городка, мы просимъ позволенія устроить въ Плевнѣ мужскую гимназію, наименовавъ ее святымъ для каждаго болгарина Именемъ Вашего Императорскаго Величества, Царя-Освободителя.

«Осчастливленная Тобою, Государь, Болгарія въ Тебѣ, Вѣнценосный Стратигъ, видитъ свое спасеніе; Тебѣ она должна посвящать дѣтей своихъ, свою надежду и упованіе страны своей, залогъ ея преуспѣянія въ духѣ истинной цивилизаціи и братскаго единенія съ Россіею.

«Было время: на многія столѣтія померкло солнце Болгаріи, въ царствованіе Александра Георгіевича Страшиміра,

надъ тѣми же высотами Плевны, надъ которыми оно возсіяло нынѣ силою новаго Александра, Георгіемъ вѣнчаннаго, страхомъ міру рабства и тираніи по праву именуемаго!

«Душевно и вѣчно преданные и благодарные болгарскіе граждане и гражданки города Плевны».

Слѣдуютъ подписи: архимандрита Константина, 9 духовныхъ и 91 свѣтскихъ лицъ.

Во время обѣда гремѣла полковая музыка, и толпы болгаръ, мѣшаясь съ толпами военныхъ, тѣсно наполняли дворъ дома, гдѣ присутствовалъ Государь, и всѣ ближайшія къ нему улицы.

На слѣдующій день, 3-го декабря, Его Величество изволилъ отбыть изъ Порадима въ главную квартиру Наслѣдника Цесаревича, а оттуда, 4-го числа, въ Россію, отдавъ слѣдующій Высочайшій приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи *):

«Декабря, 5-го дня, въ Бухарестѣ.

«Возвращаясь въ Свою столицу послѣ болѣе шестимѣсячнаго пребыванія среди войскъ дѣйствующей арміи, Я обращаюсь съ чувствомъ естественной гордости и благоговѣнія къ воспоминаніямъ о высокихъ доблестяхъ русскихъ воиновъ, являющихся и въ нынѣшнюю кампанію тѣми же героями, коими всегда славилось наше оружіе. Безпредѣльная преданность къ Престолу и къ долгу чести и службы, неустраши-

*) Возвѣщеніе сего Высочайшаго приказа войскамъ дѣйствующей арміи сопровождалось слѣдующимъ приказомъ Великаго Князя Главнокомандующаго, отъ 10-го Декабря, за № 251:

«Государь Императоръ, раздѣлявшій съ нами труды, лишенія и опасности настоящаго похода болѣе полугода, призываемый важными государственными дѣлами, отъѣхалъ изъ арміи въ Петербургъ. Разставаясь съ арміею, Его Величество удостоилъ насъ въ прилагаемомъ при семъ приказѣ Своимъ высокимъ благоволеніемъ и милостиво благодаритъ насъ за нашу службу и возлагаетъ надежды и увѣренность на будущее.

«Войска ввѣренной Мнѣ арміи!

«Да будетъ приказъ сей для васъ новымъ знакомъ Монаршей милости! Да будетъ онъ служить для насъ новымъ побужденіемъ къ честному выполненію долга передъ Царемъ и Отечествомъ! Да не остановитъ насъ ни суровый климатъ, ни предстоящія преграды природы, ни упорство врага, и употребимъ всѣ наши усилія, чтобы довести великое дѣло до конца и оправдать надежды Монарха и всей Россіи!

«Высочайшій приказъ и приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, батареяхъ, эскадронахъ и сотняхъ».

«*НИКОЛАЙ*».

мость и стойкость въ бою, примѣрное самоотверженіе въ тяжелыхъ испытаніяхъ, неизбѣжныхъ въ военное время, искони отличавшія русскаго солдата, постоянно ему присущи и нынѣ. Мнѣ отрадно было быть личнымъ свидѣтелемъ неоднократныхъ доказательствъ таковыхъ достоинствъ горячо Мною любимыхъ войскъ Моихъ. Разставаясь съ ними нынѣ, въ твердомъ уповании на милосердіе Всевышняго, Его благословеніе на дарованіе новыхъ и окончательныхъ побѣдъ надъ врагомъ, Я твердо убѣжденъ, что для достиженія ихъ, подъ симъ благословеніемъ, войска Мои не знаютъ преградъ. Не сомнѣваюсь, что и впредь, какъ и нынѣ, они постоянно будутъ пріобрѣтать права на ту искреннюю признательность, которую сердцу Моему пріятно выразить нынѣ всѣмъ войскамъ дѣйствующей арміи, начиная съ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, начальникамъ частей, генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Военная лѣтопись наша украсилась въ нынѣшнемъ году блестящими страницами и незабвенными памятниками славы русскаго оружія, таковы: переправа чрезъ Дунай подъ Систовымъ, взятіе Тырнова, экспедиція за Балканы, безпримѣрная и удивленія достойная защита Шипкинскаго перевала, взятіе Ловчи, Горняго Дубняка, Телиша, Врацы и Этрополя, и наконецъ овладѣніе Плевною, потребовавшей столькихъ жертвъ и усилій, и покореніе значительной турецкой арміи, ее защищавшей. Не менѣе славы и признательности заслуживаютъ войска рущукскаго отряда, подъ личнымъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, на коихъ выпала трудная и тяжелая задача охраненія лѣваго фланга занятаго нами съ начала кампаніи огромнаго пространства. Задача эта выполнена блистательнѣйшимъ образомъ, не смотря на всѣ трудности удержанія значительно сильнѣйшаго непріятеля на большомъ протяженіи, при безпрестанныхъ, постоянно отраженныхъ попыткахъ сего послѣдняго прорвать наши линіи.

«Повторяю Мою искреннѣйшую признательность Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему дѣйствующею арміею, Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, начальнику рущукскаго отряда, всѣмъ начальствующимъ и служащимъ въ арміи лицамъ; благодарю всю армію

отъ всего сердца и молю Бога о низпосланіи намъ новыхъ побѣдъ и успѣховъ».

«*АЛЕКСАНДРЪ*».

LXXVIII

Жизнь въ Боготѣ

Предполагаемое передвиженіе главной квартиры. — Вьюги и морозы. — Жертвы мороза. — Болгарскія «кешты» (хаты), ихъ устройство и обстановка. — Обиходная жизнь болгарскихъ сельчанъ зимою. — Какъ живутъ офицеры въ кештахъ. — Отсутствіе конскаго корма. — Скудость съѣстныхъ припасовъ и здѣшнія цѣны на продукты первѣйшей необходимости. — Лишенія, переносимыя Великимъ Княземъ. — Иллюзіи и дѣйствительность боевой жизни. — Отсутствіе крупныхъ военныхъ новостей. — Одинъ изъ боевыхъ кавалерійскихъ эпизодовъ въ Этропольскомъ Балканѣ. — Письмо къ Великому Князю Главнокомандующему отъ московскихъ каменовскихъ баньщиковъ. — Отсрочка въ выступленіи главной квартиры изъ Богота.

Боготъ, 18-го декабря.

На этихъ дняхъ главная квартира покидаетъ Боготъ, направляясь пока въ Ловчу, потомъ въ Сельви, а потомъ—куда укажетъ ходъ дальнѣйшихъ военныхъ операцій. Всѣ рады этому передвиженію, потому что дальнѣйшее пребываніе въ Боготѣ становилось если не окончательно невозможнымъ, то тягостнымъ до послѣдней степени.

До 3-го декабря многіе еще кое-какъ жили здѣсь въ палаткахъ, мирясь поневолѣ съ ночными морозами. Приходилось, конечно, спать не раздѣваясь, но это все же казалось сноснѣе, нежели жить въ болгарскихъ подземельяхъ, которыя именно скорѣе подземелья, чѣмъ землянки. Но съ 3-го числа загудѣла вьюга, которая длилась безъ перерыва двое съ половиною сутокъ, и за это время намела страшные сугробы; снѣгъ на полъ-аршина покрылъ всѣ поля, ночные морозы доходили до 17-ти градусовъ, однимъ словомъ, зима стала съ разу и притомъ зима суровая, совершенно сѣверная.

Такая рѣзкая перемѣна, конечно, не обошлась безъ жертвъ: на пути отъ Систова къ Боготу замерзло въ полѣ 68 лошадей и шесть человѣкъ вольныхъ погонцевъ; погибло и нѣсколько одиночныхъ солдатъ, заблудившихся среди вьюги, ко-

торая перемела всѣ дороги. Около Богота, почти въ самомъ селеніи, нашли восемь закоченѣлыхъ труповъ, занесенныхъ снѣгомъ близъ своихъ повозокъ; замерзъ въ пути транспортъ раненыхъ и больныхъ; замерзла и цѣлая партія плѣнныхъ турокъ.

Обитателямъ палатокъ поневолѣ пришлось наконецъ переселиться въ болгарскія подземелья. Трудно представить себѣ что нибудь хуже, непригляднѣе и неудобнѣе здѣшнихъ хатъ-землянокъ. Какая нибудь литовская курная изба въ сравненіи съ ними является верхомъ комфорта и даже изящества— и это отнюдь не преувеличено. Чтобы попасть въ болгарскую «кешту» (жилище, хату) приходится спуститься по скользкимъ, грязнымъ или обледенѣлымъ и обыкновенно очень крутымъ ступенькамъ, аршина на два съ половиною или на три въ землю; здѣсь наталкиваешься на низенькую дверцу, какія у насъ въ Россіи можно встрѣтить развѣ въ самыхъ бѣдныхъ свиныхъ или овечьихъ хлѣвахъ. Это самое предательское мѣсто, гдѣ непривычные люди получаютъ ушибы въ темя, и нерѣдко весьма чувствительные, отъ которыхъ нѣсколько дней потомъ испытываются головныя боли. Болгарскія землянки всѣ почти на одинъ образецъ, и вотъ ихъ внутренность: перешагнувъ за порогъ двери, съ разу попадаешь въ какое-то темное и вонючее пространство, ощущая липкую грязь подъ ногами; надо, чтобы прошло съ минуту времени, пока глазъ привыкнетъ и пообглядится въ этихъ потемкахъ, и тогда сквозь дымъ тлѣющаго очага и паръ, неисходно стоящій здѣсь отъ ужасной сырости, начинаешь понемногу различать окружающіе предметы. Налѣво отъ входа нерѣдко стоитъ пара воловъ или буйволовъ на навозной подстилкѣ; направо—идутъ вдоль стѣны двѣ или три полки, гдѣ помѣщается скудная домашняя утварь, которая вся заключается въ мѣдномъ котлѣ, двухъ или трехъ глиняныхъ кувшинахъ и въ такомъ же количествѣ мисокъ; ни вилокъ, ни ложекъ сельскіе болгары въ своемъ обиходѣ не употребляютъ, а ѣдятъ руками, или же макая въ жижицу куски хлѣба, которые и замѣняютъ имъ ложки. Въ слѣдующей стѣнѣ, тоже вправо отъ входа, устроенъ очагъ; но не думайте, чтобы онъ былъ чѣмъ нибудь огороженъ: древесные сучья, а еще чаще кизякъ тлѣютъ просто себѣ на земляномъ полу; дымъ выходитъ въ широкую, прямую трубу, ни-

чѣмъ не прикрытую сверху; у основанія этой конусообразной трубы вдѣлана деревянная поперечина, на которой виситъ мѣдный котелъ, «казанъ», служащій для варки «чорбы», т. е. бобовой похлѣбки со стручковымъ перцемъ. Другихъ печей здѣсь не существуетъ, стало быть о теплѣ не можетъ быть и рѣчи. Болѣе зажиточные употребляютъ такъ называемый «мангалъ»—глиняную или желѣзную жаровню, въ родѣ миски, гдѣ тлѣютъ уголья. На очагѣ болгарскія хозяйки три или четыре раза въ день пекутъ себѣ кукурузныя лепешки, вмѣсто хлѣба, и пекутъ самымъ первобытнымъ способомъ, зарывая тѣсто въ горячую золу. До чего все это неопрятно—трудно даже и вообразить себѣ!.. Вокругъ очага обыкновенно ютится вся семья—старый и малый сидятъ на корточкахъ и грѣются. Стѣна противоположная входу имѣетъ по срединѣ небольшое углубленіе, въ родѣ печуры, гдѣ помѣщаются грубо намалеванные образа—обыкновенно св. Дмитрій, Козьма и Даміанъ, Пантелеймонъ Цѣлитель, Іоаннъ Креститель, Кириллъ и Меѳодій или Іоаннъ Рыльскій. У этой стѣны въ болѣе зажиточныхъ семьяхъ валяется большая камышевая цыновка, которую на ночь перетаскиваютъ поближе къ очагу и на ней укладывается спать вся семья въ повалку, вокругъ огня, который здѣсь никогда не угасаетъ. Спятъ не раздѣваясь, да и вообще болгары никогда не раздѣваются и никогда почти не моются—развѣ ужь предъ какимъ нибудь большимъ праздникомъ. Потолковъ въ такихъ землянкахъ не существуетъ; грубыя стропила образуютъ прямо кровлю, покрытую кукурузнымъ хворостомъ и засыпанную землею. Эта кровля—вѣчный пріютъ тарантуламъ, скорпіонамъ, мышамъ, крысамъ, ужамъ и змѣямъ; послѣднія въ особенности одолѣвали насъ въ Горнемъ Студнѣ *). У основанія крыши пролегаетъ поперечная балка, съ перпендикулярно вдолбленнымъ въ нее бревномъ, которое подпираетъ верхнюю балку, гдѣ сходятся стропила. Здѣсь

*) Въ Горнемъ Студнѣ, мы, въ числѣ восьми человѣкъ, помѣстились въ буйволовомъ хлѣвѣ и считали свое помѣщеніе, сравнительно со многими другими, весьма и весьма удобнымъ: мы, по крайней мѣрѣ, не испытывали такой сырости и грязи, какъ въ палаткахъ; за то змѣи безпокоили. Въ крышахъ буйволовыхъ хлѣвовъ и въ щеляхъ каменной кладки ихъ стѣнъ значительно углубленныхъ въ землю, змѣямъ было теплѣе и удобнѣе жить; но такъ какъ и палатки не были избавлены отъ посѣщеній этихъ пресмыкающихся гостей, то приходилось предпочитать жизнь въ хлѣвахъ и землянкахъ.

обыкновенно подвѣшиваются кочни капусты, лукъ, чеснокъ, вороха кукурузы и краснаго стручковаго перца, составляющаго излюбленнѣйшее лакомство болгаръ—отъ годовалаго ребенка до глубокаго старца. Здѣсь же висятъ для просушки и бараньи или воловьи шкуры, издающія, вмѣстѣ съ живыми волами и буйволами, убійственно смердящій запахъ. Въ цѣлой хатѣ нѣтъ ни малѣйшей мебели—ни стола, ни скамейки; весь житейскій обиходъ совершается на грязномъ, смокломъ полу; стѣны осенью покрыты потеками и узорами сырости, а зимою—серебристымъ налетомъ изморози. И вотъ въ подобной-то хатѣ, на пространствѣ двухъ, а много трехъ квадратныхъ сажень проводитъ всю свою жизнь болгарская семья, обыкновенно изобилующая малыми ребятами. Эти люди, не смотря на всю ихъ гнетущую, убійственную обстановку, замѣчательно плодливы, и удивительно то, что младенцы ихъ, бросаемые матерями у очага безъ всякаго призора и часто даже безъ всякихъ признаковъ одежды, умираютъ, относительно, весьма мало. Мясную пищу болгары употребляютъ въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ—развѣ ужъ на Рождество или на Свѣтлый праздникъ зарѣжутъ они барана, да и похлебку-то ѣдятъ только по праздничнымъ днямъ, а въ будни довольствуются кукурузными лепешками и перцемъ. Изъ этой хаты обыкновенно ведетъ низенькая дверь въ смежную горницу, служащую кладовою, гдѣ стоятъ разныя кадушки и плетенки съ запасами, хранятся высушенныя бараньи шкуры и лишнее платье. Въ каждой такой кладовой продѣлана на уровнѣ наружнаго грунта дыра, замѣняющая оконце; но о рамахъ, а тѣмъ болѣе о стеклахъ, здѣсь, кажись, и понятія не имѣютъ. Въ оконце валитъ снѣгъ, сочится дождевая вода или уличная жидкая грязь, и это помѣщеніе даже очагомъ не согрѣвается. Вонь тутъ точно также ужасная, потому что около этого оконца, снаружи, обыкновенно совершаются всею семьею всякія нечистоты. И вотъ эти-то кладовыя, напоминающія скорѣе могильные склепы чѣмъ жилье, вынуждены были занять подъ себя офицеры и чиновники главной квартиры. Самъ начальникъ штаба имѣетъ помѣщеніе немногимъ лучше и чище прочихъ, а Великій Князь предпочелъ остаться въ юртѣ, не смотря на всѣ ея неудобства. Можно представить себѣ, что за грязь въ этихъ темныхъ затхлыхъ конурахъ и какія ми-

ріады самыхъ отвратительныхъ насѣкомыхъ плодятся въ этой грязи и ползаютъ по стѣнамъ, чуть лишь мангалъ согрѣетъ воздухъ темныхъ склеповъ. Здѣсь отъ нихъ не избавляетъ ни какая шелковая рубаха, никакая баня. Сегодня вымылся, а завтра опять зудитъ все тѣло, препятствуя и сну, и работѣ. Да и каково работать, если пальцы стынутъ и ноютъ отъ холода, если пронзительный вѣтеръ порывами врывается въ оконную дыру, не смотря на то, что ее затыкаютъ и тряпьемъ и соломой. Здѣсь мы всѣ дни на пролетъ проводимъ при свѣчахъ; выйдешь на свѣтъ Божій подышать немного свѣжимъ воздухомъ—серебряный снѣгъ, особенно подъ солнечными лучами, ослѣпляетъ и до боли, до крупныхъ слезъ рѣжетъ глаза, такъ что надо зажмуриться и постепенно привыкать къ свѣту; а войдешь опять въ свою конуру, въ глазахъ становится до того темно, что въ первыя мгновенья нельзя даже различить огонь свѣчей. Въ каждой такой конурѣ обыкновенно ютится отъ двухъ до четырехъ и даже до пяти офицеровъ. Тѣснота такая, что буквально повернуться негдѣ. Но этимъ еще не исчерпываются наши неудобства и лишенія: лошади у насъ большею частью стоятъ на дворѣ, безъ конюшенъ; сѣна уже около двухъ мѣсяцевъ нѣтъ ни клочка; кормили соломою, но теперь въ Боготѣ и въ окрестныхъ плевненскихъ деревняхъ уже и вся солома съѣдена; за охапку платятъ отъ двухъ до четырехъ франковъ и рады-радехоньки, если только удастся достать. Сохранился у одного «чорбаджи» (богача) стожокъ соломы, пудовъ въ семьдесятъ; четыре офицера на дняхъ отправились къ нему поторговать этотъ стожокъ. Болгаринъ запросилъ за него *триста пятьдесятъ полуимперіаловъ*, и—если хотите—онъ правъ, потому что продавая послѣднюю свою солому, онъ тѣмъ самымъ обрекалъ на голодную смерть весь свой скотъ и, стало быть, въ соломѣ оцѣнялъ стоимость своего скота. Ячменя тоже нѣтъ въ послѣднія двѣ недѣли; вмѣсто него лошадей кормятъ кукурузою или пшеницею въ половинной и одно-третной дачѣ, и лошади уже начинаютъ падать. Но не всегда можно достать и кукурузу съ пшеницей; за эти продукты приходится платить полуимперіалами, и потому лошади гложатъ соломенныя и кукурузныя кровли сараевъ; этимъ способомъ уже съѣдена половина кровель въ Боготѣ. Объ услугахъ преслo-

вутаго «товарищества» забыли и думать; на дѣлѣ его не существуетъ, хотя, какъ говорятъ, Зимница и Систово наполнены этою саранчею, обдѣлывающею въ тылу свои безшабашные гешефты на счетъ государственнаго казначейства. Говорятъ, что вскорѣ всей арміи предстоитъ зимній переходъ черезъ Балканы. Если это такъ, то и слава Богу, потому что иначе здѣсь, коли не намъ, то нашимъ лошадямъ ужь навѣрное предстоитъ пропасть съ голоду. Придунайская Болгарія уже съѣдена, и голодъ, такъ или иначе, долженъ способствовать нашему перевалу черезъ хребетъ еще въ неистощенныя долины Румеліи. За окончательнымъ отсутствіемъ корма, уже въ началѣ декабря вывели изъ Богота въ Ловчу конвойный дивизьонъ лейбъ-казаковъ.

Чтобы судить о здѣшней дороговизнѣ, достаточно сказать, что черствый пшеничный хлѣбъ величиною съ нашу обыкновенную французскую трехъ-копѣечную булку продается у маркитантовъ по франку, фунтъ чая рублеваго достоинства стóитъ полуимперіалъ, фунтъ дряннаго сахара—четыре франка, фунтъ швейцарскаго сыра—три серебряныхъ рубля, бутылка румынскаго вина, за которое въ Плоэштахъ мы платили пять или семь галагановъ (отъ $12^1/_2$ до $17^1/_2$ коп. сер.) здѣсь идетъ за 10 и 12 франковъ; русской водки и въ поминѣ нѣтъ, а мѣстную ракію или мастику пить невозможно, до такой степени кажется она отвратительною; изъ живности, кромѣ баранины, ничего не достанешь; о коровьемъ маслѣ рѣдко кто изъ болгаръ имѣетъ понятіе, такъ что готовить кушанье надо на бараньемъ салѣ или на «свинскомъ маслѣ», какъ называютъ болгары топленое свиное сало. Молока и яицъ ни за какія деньги достать теперь невозможно, а потому приходится питаться всякою дрянью, и большею частью въ сухомятку. Въ довершеніе всего, когда поднялась морозная вьюга, маркитанты на двое сутокъ закрыли свои заведенія, пока наконецъ противъ нихъ не были приняты полицейскія мѣры.

Отъ множества почти такихъ же лишеній не избавленъ и самъ Великій Князь Главнокомандующій, справедливо вызывающій почтительное изумленіе и уваженіе иностранцевъ своимъ истинно спартанскимъ, солдатски-суровымъ образомъ жизни. Жестоко заблуждался бы тотъ, кто воображалъ бы

себѣ, что главная квартира пользуется какимъ либо комфортомъ и избыткомъ въ своей нынѣшней житейской обстановкѣ. Объ этихъ предметахъ здѣсь давно позабыли, да и некогда о нихъ думать. Если скверно было жить въ бивуачной или траншейной землянкѣ на позиціи, то и въ болгарскомъ подземельѣ, право, не лучше, не считая конечно отсутствія свиста пуль и шипѣнія снарядовъ.

Но еще болѣе заблуждаются тѣ, которые воображаютъ войну непрерывнымъ рядомъ красивыхъ эффектныхъ сраженій, побѣдъ, торжествъ, ликованій и проч. Многіе даже и теперь еще являются сюда изъ Россіи именно съ подобными представленіями о войнѣ, и за то какъ же разочаровываются они съ перваго шага на дѣйствительно военной почвѣ! Все это бываетъ эффектно на картинахъ и поэтично въ описаніяхъ, но въ дѣйствительности боевыя дѣла — это, можно сказать, только блестящія, хотя и тяжелыя, но относительно рѣдкія *мгновенія* военной жизни, а самая жизнь боевая, т. е. обыденная, постоянная ея сторона заключается не въ бояхъ, но въ непрерывномъ рядѣ всяческихъ лишеній, которыя закаляютъ или ломаютъ натуру и характеръ человѣка столько же, если еще не болѣе, какъ и сильныя ощущенія боя.

Послѣ паденія Плевны у насъ не было пока никакихъ крупныхъ военныхъ новостей; войска бывшаго блокаднаго отряда были заняты передвиженіями къ мѣстамъ новыхъ своихъ назначеній, и нѣкоторыя изъ этихъ передвиженій еще и до сихъ поръ не окончены. Вчера только, около четырехъ часовъ дня, генералъ Гурко прислалъ телеграмму о переходѣ части его войскъ за Балканы и о занятіи софійскаго шоссе кавалеріею, но подробности дѣла пока еще неизвѣстны. Извѣстіе это вызвало большую радость въ Боготѣ. Даже маленькіе болгарята кричали «уру» на улицахъ.

На дняхъ получено отъ генерала Гурко нѣсколько подробныхъ частныхъ реляцій о дѣлахъ при Правцѣ, Этрополѣ, Златицѣ и у Араба-конака. Донесенія эти отправлены въ Петербургъ къ Государю Императору. Всѣ эти военныя дѣйствія, какъ извѣстно, были сопряжены съ величайшими трудностями, о которыхъ было уже писано въ одномъ изъ предшествовавшихъ моихъ писемъ. Въ настоящее время есть возможность пополнить прежнія свѣдѣнія нѣкоторыми интерес-

ными подробностями. Такъ, напримѣръ, вотъ какимъ образомъ екатеринославскіе драгуны отбили турецкій обозъ и орудія, отступавшія изъ Этрополя послѣ взятія нами этого города.

13-го ноября, командиръ 4-го драгунскаго Екатеринославскаго полка полковникъ Ребиндеръ, по приказанію генерала Дандевиля, пустился съ 1-мъ дивизьономъ своего полка и двумя конными орудіями преслѣдовать турокъ, отступавшихъ къ Араба-конаку. Не доходя деревни Равно, онъ получилъ изъ своего авангарда донесеніе, что недалеко впереди двигается непріятельскій транспортъ съ небольшимъ прикрытіемъ. Полковникъ Ребиндеръ сейчасъ же приказалъ командиру 1-го эскадрона, маіору Вербѣ, поспѣшить впередъ и по возможности постараться овладѣть транспортомъ. 1-й эскадронъ уже настигалъ хвостъ обоза, когда противникъ пустилъ по немъ двѣ гранаты и открылъ огонь изъ ружей. Маіоръ Верба въ карьеръ и въ шашки атаковалъ прикрытіе, которое, не выждавъ удара, бросилось бѣжать въ горы. Драгуны захватили въ плѣнъ троихъ пѣхотинцевъ и взяли около сорока повозокъ, нагруженныхъ разными продовольственными припасами. Все это было отправлено въ Равно.

Между тѣмъ остальная часть отряда прибыла съ полковникомъ Ребиндеромъ на Этропольскій Балканъ. Здѣсь узкій проходъ оказался такъ запруженъ сломанными повозками съ грузомъ ружейныхъ патроновъ, что полковнику Ребиндеру пришлось отправить назадъ оба свои орудія, за невозможностью продвинуть ихъ далѣе. Въ это время разъѣзды, высланные впередъ, донесли, что около трехъ таборовъ низама прикрываютъ обозъ, который съ большимъ усиліемъ поднимается въ гору. Тогда Ребиндеръ спѣшилъ 1-й эскадронъ, прикрывъ его фланги наѣздниками 2-го эскадрона, и поспѣшилъ въ догонку за транспортомъ. Вскорѣ стрѣлки-драгуны завязали перестрѣлку. Лѣсистая и пересѣченная мѣстность помогала нашему маленькому отряду скрывать отъ наблюденій противника свою слабосильность, а чтобы еще болѣе ввести въ заблужденіе турокъ, полковникъ Ребиндеръ разослалъ въ разныя мѣста по лѣсу своихъ трубачей и приказалъ имъ трубить «наступленіе». Подъ эти звуки стрѣлковая цѣпь 1-го эскадрона бросилась въ штыковую атаку,

причемъ «ура» кричали не только атакующіе, но для пущаго грома даже и коноводы. Драгуны съ разу овладѣли однимъ орудіемъ и частію транспорта, а обманутые турки, подъ вліяніемъ паники, побросали ружья и пустились бѣжать въ полномъ безпорядкѣ. Не теряя времени и желая воспользоваться остальными эшелонами транспорта, Ребиндеръ посадилъ свою спѣшенную часть на коней и рысью пошелъ нагонять непріятеля, въ виду котораго драгуны опять спѣшились и атаковали въ штыки, и опять захватили нѣсколько повозокъ; этотъ способъ преслѣдованія примѣняли они къ дѣлу нѣсколько разъ въ теченіи дня, и такимъ образомъ транспортъ, растянутый на протяженіи всей горы, послѣдовательно, часть за частью, переходилъ въ ихъ руки. Турки хотя и довольно упорно защищали два свои орудія, а около нѣкоторыхъ повозокъ строили даже сомкнутый фронтъ для встрѣчи залпами приближавшейся кавалеріи, но каждый разъ, чуть лишь драгуны спѣшатся и ударятъ въ штыки, противникъ не выдерживалъ стремительнаго натиска и уступалъ часть транспорта. Третье орудіе слѣдовало въ головѣ всего обоза, но турки уже и не пытались защищать его; они разбѣжались по лѣсу, чуть лишь наши стали насѣдать на нихъ въ послѣдней изъ своихъ атакъ. Въ этомъ дѣлѣ и офицеры, и солдаты показали себя истинными драгунами, безпрестанно превращаясь то въ мѣткихъ стрѣлковъ, то въ линейныхъ пѣхотинцевъ, «чисто» работающихъ штыками, то въ лихихъ наѣздниковъ, страшныхъ врагу своимъ внезапнымъ налетомъ и своею ловкою шашкой. Но особенно отличился штабсъ-капитанъ Масляниковъ 2-й, который находясь все время въ цѣпи правильно руководилъ ею и первымъ бросался на орудія, послѣдовательно овладѣвая ими. Послѣ взятія третьяго орудія дальнѣйшее преслѣдованіе было прекращено, потому что сдѣлалось уже темно, да и непріятель отдѣльными кучами разсѣялся въ разныи стороны. Полковникъ Ребиндеръ выдвинулъ впередъ сторожевую цѣпь, и расположилъ дивизьонъ на горной площадкѣ, для ночлега. Съ тѣхъ поръ это мѣсто получило у насъ названіе «Драгунскаго бивуака», подъ какимъ встрѣчается и въ реляціяхъ. Сторожевые драгунскіе посты въ теченіи ночи замѣчали огни, горѣвшіе въ разныхъ мѣстахъ лѣса, изъ чего можно было

заключить, что турки провели ночь не успѣвъ собраться въ таборы, и это подтвердилось тѣмъ, что на зарѣ у нихъ послышались сигналы сбора.

Весь транспортъ, отбитый драгунами, состоитъ изъ трехъ стальныхъ полевыхъ крупповскихъ орудій дальняго боя, двухъ ящиковъ съ артиллерійскими снарядами, ящика съ ружейными патронами и, приблизительно, изъ трехсотъ болгарскихъ подводъ, нагруженныхъ разными пожитками, телеграфными принадлежностями, палатками, шанцевымъ инструментомъ, а болѣе всего патронами, герметически укупоренными въ жестяныя коробки. Кромѣ того подобрано до двухсотъ ружей, разбросанныхъ турками по лѣсу. Многое изъ отбитаго имущества и оружія было расхищено болгарами-подводчиками, которые ночью повыпрягали своихъ буйволовъ, позабирали съ возовъ, что болѣе пришлось по вкусу, и удрали тайкомъ съ бивуака — благо въ тылу не было сторожевой цѣпи. На утро подошли преображенцы и взяли на себя охраненіе отбитаго обоза, который былъ отправленъ ими въ Этрополь. Число убитыхъ турокъ до 40 человѣкъ, судя по валяющимся трупамъ въ разныхъ мѣстахъ и по словамъ болгаръ-подводчиковъ; съ нашей же стороны потеря ограничивается шестью лошадьми убитыми и ранеными.

На дняхъ Великій Князь Главнокомандующій получилъ изъ Москвы слѣдующее простодушно-искреннее посланіе:

«Его Императорскому Высочеству Великому Князю Главнокомандующему Николаю Николаевичу.

«Письмо

отъ прикащика бань въ Москвѣ, у Большаго Каменнаго моста, крестьянина Андрея Іевлева со служащими:

«Милый и незабвенный нашъ батюшка-благодѣтель Николай Николаевичъ! Мы сейчасъ получили отъ Вашей Милости, чрезъ Московскихъ Вѣдомостей редактора Каткова телеграмму о взятіи Плевны и Османа-паши. Мы съ радостію прочитали ее на томъ мѣстѣ, гдѣ милостію Божіею имѣли счастіе Васъ встрѣчать 1875 года, 12-го сентября, въ 10 часовъ вечера, на томъ самомъ подъѣздѣ, снаружи, съ обнаженными головами, и прочитавши, кричали отъ радости, какъ я и со мною всѣ служащіе, даже и женщины—«ура!».

«Въ такомъ случаѣ и спѣшимъ поздравить Ваше Императорское Высочество Николай Николаевичъ съ блистательной побѣдой. А то у насъ объ Вашемъ здоровьѣ было сомнительно. Но теперича—слава Господу Богу—наши ожиданія оправдались. Молимъ мы объ Васъ и Вашихъ сподвижникахъ Господа Бога, чтобы онъ Вамъ послалъ быть здоровымъ и невредимымъ, и покарать врага: какъ Господь послалъ св. великомученику и побѣдоносцу Георгію покарать змія подъ ногами, также и Вамъ пошли Господи одержать побѣды и возвратиться здоровымъ и невредимымъ въ нашу матушку Москву. А мы всѣ помолимся московскимъ угодникамъ.

«Ваше Императорское Высочество, извините насъ, что мы осмѣлились Вамъ написать письмо: мы очень рады и не знаемъ, какъ Васъ благодарить. Припадаемъ къ Вашимъ стопамъ, преданные Ваши

«Служители и прикащикъ Каменовскихъ бань, крестьянинъ Андрей Іевлевъ».

Его Императорское Высочество, 12-го декабря, изволилъ отвѣтить на это письмо слѣдующею телеграммой:

«Москва. Бани у Большаго Каменнаго моста. Крестьянину Андрею Іевлеву со служащими.

«Спасибо тебѣ и твоимъ товарищамъ за поздравительное письмо и за добрыя ваши пожеланія. Помолитесь святымъ московскимъ угодникамъ, чтобъ Богъ помогъ намъ довести святое дѣло до конца. Николай».

Выступленіе главной квартиры изъ Богота въ Сельви, предположенное на 20-е декабря, отсрочено до 24-го. День Рождества Христова Его Высочество проводитъ въ городѣ Ловчѣ.

LXXIX

Переходъ черезъ Траянъ

Ночная демонстрація на Траянѣ 23-го декабря.

Назначеніе и составъ траянскаго отряда. — Что̀ такое Траяновъ проходъ. — Невѣроятность успѣха на Траянѣ. — Въ чемъ кроются его опасности. — Необходимость жертвы. — Раздѣленіе отряда на три эшелона. — Задача 1-го эшелона. — Обходный отрядъ подполковника Сухомлинова. — Распоряженія генерала Карцова. — Путь отъ города Траяна до Княжевицкихъ колибъ. — Хлопоты съ артиллеріею. — Отецъ Макарій, Цеко Петковъ и Георгій. — Ночь на бивуакѣ въ Княжевицкихъ колибахъ. — Выступленіе 1-го эшелона въ утро 23-го декабря. — Путь въ Балканахъ и работа при подъемѣ орудій. — Горная тишь и фантастическія картины. — Встрѣча съ болгарами-четниками. — Въ царствѣ облаковъ. — Траянская овчарня—нашъ перевязочный пунктъ. — Необходимость демонстраціи въ ночь съ 23-го на 24-е декабря и соотвѣтственныя распоряженія подполковника Сосновскаго. — Траяновъ черепъ. — Баснословный путь стрѣлковъ 10-го батальона. — Проложеніе пути по черепу. — Движеніе къ турецкимъ укрѣпленіямъ. — Полковникъ Грековъ. — Сигнальный костеръ. — Ночная демонстрація и огонь турокъ. — Сонъ подъ пулями. — Раненые. — Ветеринарный врачъ Котлубай. — Капитанъ Шелеповъ и наши резервы. — Русскій крикъ изъ турецкаго укрѣпленія. — Конецъ демонстраціи. — Спускъ съ черепа. — Мы сбились съ пути. — Ужасы спуска. — 22 градуса мороза.

Траянскій отрядъ, д. Карнаре, въ „Долинѣ Розъ,“ 28-го декабря.

По повелѣнію Великаго Князя Главнокомандующаго, изъ сельви-ловчинскаго отряда былъ сформированъ 20-го декабря особый отрядъ, предназначавшійся къ перевалу черезъ главный центральный хребетъ Балканскихъ горъ, въ томъ мѣстѣ, которое носитъ названіе «Траянова прохода». Въ силу этого и самый отрядъ названъ «траянскимъ» *), а командованіе надъ нимъ ввѣрено начальнику 3-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Карцову. Въ случаѣ удачнаго перевала,

*) Въ составъ этого отряда вошли слѣдующія части: 9-й пѣхотный Старо-Ингерманландскій полкъ, въ полномъ составѣ (15 ротъ); 10-го пѣхотнаго Ново-Ингерманландскаго полка 2-я стрѣлковая, 5-я, 7-я линейныя роты и весь 3-й батальонъ (8 ротъ); 10-й стрѣлковый батальонъ (4 роты); 3-я рота 6-го саперного батальона, итого пѣхоты 28 ротъ; кавалеріи: донскаго казачьяго № 24-го полка $4^1/_2$ сотни, донскаго казачьяго № 30-го полка 6 сотень, итого $10^1/_2$ сотень; артиллеріи: 1-я, 3-я и 5-я батареи 3-й артиллерійской бригады (24 девятифунтовыхъ орудія). Начальникомъ отряднаго штаба назначенъ начальникъ штаба 3-й пѣхотной дивизіи, генеральнаго штаба подполковникъ Сосновскій, а генеральнаго штаба подполковнику Сухомлинову предписано состоять при начальникѣ траянскаго отряда для порученій.

траянскій отрядъ долженъ былъ послужить звѣномъ между генераломъ Гурко, спустившимся съ горъ еще 17-го декабря, и генераломъ Скобелевымъ 2-мъ, которому предстояло спуститься съ Шипки на Зелено-Древо и Иметли, въ обходъ лѣваго фланга Эюбъ-паши. На успѣхъ предпріятія разсчитывать было крайне трудно, чтобы не сказать «невозможно», потому что ни Этропольскій хребетъ, ни тѣмъ менѣе Шипкинскій перевалъ, не смотря на всѣ ихъ трудности, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ Траянскимъ Балканомъ, составляющимъ, послѣ Мара-Гайдука, высшую точку всѣхъ горъ Балканскихъ *). Мѣстные жители называютъ его «Дери-магаре» или «смертъ магарска» (гибель для ословъ), и одно уже это названіе показываетъ, какія мученія ожидаютъ здѣсь путника, если даже ослы и мулы, эти наиболѣе выносливыя, наиболѣе привычныя къ горному движенію животныя, не выдерживаютъ ужасныхъ трудностей траянскаго подъема и гибнутъ, не достигая его скалистой вершины. И географы, и военные европейскіе авторитеты нашего и прошлаго времени считаютъ Трояновъ проходъ невозможнымъ для военнаго движенія, а самую позицію, на которой расположены турецкія укрѣпленія, противники наши почитали по справедливости неприступною. Здѣсь тысячелѣтія назадъ безслѣдно гибли римскіе легіоны, здѣсь не могли пройдти и турки—покорители Византіи и царства Болгарскаго, однимъ словомъ, отъ сотворенія міра ни одна военная рать еще не перешагнула Траянскаго перевала. И эту-то преграду надлежало одолѣть небольшой горсти русскихъ... Пути, ведущаго на перевалъ—нѣтъ, да никогда и не бывало: старая римская дорога шла въ обходъ, а на вершину Траяна ведетъ одна лишь узенькая тропинка, то вьющаяся, то исчезающая между пропастями и разсѣлинами; но зимою она занесена глубокими снѣгами, а потому, можно сказать, не существуетъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ объ успѣхѣ можно было только мечтать, но отнюдь

*) Мара-Гайдукъ возвышается на 6,900, а Траянъ 6,600 фут. надъ уровнемъ моря, но такъ какъ держаться зимою на Мара-Гайдукѣ нѣтъ никакой возможности, то онъ, какъ показали развѣдки, оставленъ турками; мы со своей стороны тоже не дѣлали попытокъ къ переходу въ этомъ пунктѣ, тѣмъ болѣе, что Мара-Гайдукъ зимою непроходимъ окончательно ни въ ту, ни въ другую сторону.

не разсчитывать на него, какъ на нѣчто вѣрное, непреложное. Въ главной квартирѣ и не разсчитывали. Все, чего позволительно было желать—это, чтобы отряду удалось подняться на вершину Траянова перевала и показаться въ виду турецкихъ укрѣпленій: одно уже появленіе русскихъ силъ въ этомъ мѣстѣ должно было произвести свое впечатлѣніе на противника, никакъ не чаявшаго ничего подобнаго; наша демонстрація, по необходимости, заставила бы турокъ оттянуть къ Траянову перевалу часть своихъ силъ отъ Златицы съ одной и отъ Шипки съ другой стороны, что значительно облегчило бы операцію спуска какъ для части войскъ генерала Дандевиля, такъ и для генерала Скобелева.

Не противникъ страшенъ на Траянѣ и не грозныя его укрѣпленія ужасаютъ, но страшна борьба съ губительною природой: довольно подняться въ долинѣ легкому вѣтерку, чтобы на вершинѣ загудѣла цѣлая буря, съ мятелью, вьюгой и морозомъ, который здѣсь достигаетъ по инымъ ночамъ до 30 и болѣе градусовъ. А вершина представляетъ изъ себя совершенно голый черепъ: ни деревца, ни кустика, такъ что укрыться негдѣ, костеръ разложить не изъ чего; а переметы вьюга тропинку—весь отрядъ, до послѣдняго человѣка замерзъ бы въ снѣжныхъ сугробахъ. Вотъ что̀ страшило по преимуществу. Тѣмъ не менѣе, демонстрація на Траянѣ представлялась мѣрой на столько важною въ стратегическомъ отношеніи, что рѣшено было испытать все возможное для достиженія успѣха. «Жертвы необходимы, и если даже вы и всѣ тамъ погибнете, то и тѣмъ принесете громадную пользу для цѣлой арміи», было сказано генералу Карцову и подполковникамъ Сосновскому и Сухомлинову при отправленіи ихъ къ траянскому отряду.

Имѣя въ виду на первый разъ не столько рѣшительныя дѣйствія противъ траянскихъ укрѣпленій, сколько демонстрацію для привлеченія къ Траяну турецкихъ силъ отъ Златицы и Шипки, и желая, по возможности, болѣе сберечь силы отряда, генералъ Карцовъ не пустилъ его къ перевалу цѣликомъ, а раздѣлилъ на три эшелона *). Эта мѣра оказалась необхо-

*) Составъ эшелоновъ слѣдующій:

1-й эшелонъ, подъ начальствомъ командира 10-го стрѣлковаго батальона полковника Бородина: 10-й стрѣлковый батальонъ, 3-я рота 6-го саперного баталь-

димою еще и потому, что въ Княжевицкихъ колибахъ (пунктъ послѣдняго ночлега) не хватило бы мѣста для расквартированія всего отряда.

1-му эшелону предстояло преодолѣть всѣ трудности, проложить дорогу, перетащить тяжелыя орудія и сбить непріятеля, сдѣлавъ первую попытку противъ траянской позиціи, либо фронтальною атакой, либо обходомъ, смотря по обстоятельствамъ. При этомъ эшелонѣ находился начальникъ отряднаго штаба подполковникъ Сосновскій, на котораго была возложена вся операція по передвиженію отряда. Одновременно съ движеніемъ 1-го эшелона, былъ составленъ еще одинъ небольшой отрядъ, имѣвшій значеніе обходной колонны. Въ составъ его вошли двѣ роты и четыре сотни, подъ командою генеральнаго штаба подполковника Сухомлинова *). На случай, если бы 1-му эшелону удалось взять или обойдти непріятельскія укрѣпленія и затѣмъ спуститься по южному склону хребта въ деревню Текке, или въ Карнаре, Сухомлиновскій отрядецъ долженъ былъ служить ему поддержкой, занявшись преимущественно очищеніемъ турецкихъ селеній отъ непріятельскихъ партій. Этому послѣднему отрядцу надлежало собраться 22-го числа въ деревнѣ Шипково и на слѣдующій день пролагать особый путь черезъ хребетъ, по направленію къ Рахманлы.

Всѣ обозы и тяжести частей были оставлены въ мѣстахъ

она, 3-я и 4-я роты 9-го пѣхотнаго Старо-Ингерманландскаго полка, шесть орудій 3-й батареи 3-й артиллерійской бригады, 1-я, 2-я и 6-я сотни донскаго казачьяго № 30-го полка и болгарская чета горскихъ добровольцевъ — всего, вмѣстѣ съ четой, 8 ротъ, 3 сотни и 6 орудій. 1-й эшелонъ прибываетъ на перевалъ 23-го декабря. 2-й эшелонъ, подъ начальствомъ командира 9-го пѣхотнаго полка, флигель-адъютанта полковника графа Татищева: 1-я и 2-я линейная и 1-я стрѣлковая роты 9-го пѣхотнаго полка, 3-й батальонъ того же полка, 3-я, 4-я и 5-я сотни донскаго казачьяго № 30-го полка—всего 8 ротъ и 3 сотни, къ перевалу подступаютъ 24-го декабря. 3-й эшелонъ, подъ командою командира 2-го батальона 9-го пѣхотнаго полка маіора Духновскаго: 2-й батальонъ 9-го пѣхотнаго полка и 6-я рота 10-го пѣхотнаго Ново-Ингерманландскаго полка, 1-я сотня и двѣ полусотни 3-й и 6-й сотень донскаго казачьяго № 24-го полка, всего 6 ротъ и 2 сотни; на перевалъ приходятъ 25-го декабря. Начальникъ траянскаго отряда предоставлялъ себѣ слѣдовать съ 3-мъ эшелономъ.

*) Составъ 4-го или шипковскаго эшелона: 5-я и 7-я линейныя роты 10-го пѣхотнаго Ново-Ингерманландскаго полка и 4 сотни донскихъ казачьихъ № 24-го и № 30-го полковъ; на перевалѣ быть 23-го декабря.

расположенія ихъ штабовъ, а продовольственный складъ устроенъ въ Княжевицкихъ колибахъ, откуда провіантъ доставлялся къ перевалу уже на вьюкахъ. Врачи должны были слѣдовать при своихъ частяхъ; главный перевязочный пунктъ учрежденъ въ овчарнѣ, не доходя двухъ верстъ до подножія перевала, а госпиталь 3-й пѣхотной дивизіи расположенъ въ Траяновомъ Успенскомъ монастырѣ; для переноски же раненыхъ съ поля сраженія къ перевязочному пункту назначена команда санитаровъ, во сто человѣкъ, при командирѣ санитарной роты. Таковы были предварительныя распоряженія начальника траянскаго отряда.

Къ 11-ти часамъ утра 22-го декабря подполковникъ Сосновскій прибылъ въ Княжевицкія колибы, куда вскорѣ начали подтягиваться и части 1-го эшелона; но своевременный сборъ пѣхоты, а въ особенности артиллеріи крайне затрудняла дорога, которая, начиная отъ разрушеннаго города Траяна, тянется вплоть до колибъ по извилистому ущелью, то взбѣгая на карнизы скалъ, то спадая въ глубокія лощины, и дважды пересѣкаетъ въ бродъ кипучую и быструю Бѣлую Осму. Это совсѣмъ горная рѣка, прозрачная какъ кристалъ, съ изумруднымъ отсвѣтомъ воды, которая пѣнится, вьется, шумитъ и прядаетъ съ камня на камень, образуя множество красивыхъ каскадовъ. Мѣстность, наполненная скалами и роскошною растительностью, необычайно красива даже и зимою; виноградники, сады и плантаціи въ перемежку съ лѣсами покрываютъ горные склоны, по которымъ тамъ и сямъ разбросаны отдѣльные домики, дворы и хозяйства. Это-то и есть «колибы», а по нашему — хутора. Артиллерія подошла только къ вечеру, но тутъ, чтобы перевести ее на бивуачное мѣсто, встрѣтилась масса затрудненій: каждый передокъ, каждое орудіе, каждый зарядный ящикъ надо было перетаскивать отдѣльно на рукахъ, поднимаясь надъ пропастью, по узкой дорожкѣ не болѣе какъ въ два шага ширины; слѣва круча, справа — почти отвѣсный обрывъ, потомъ крутой спускъ къ броду и снова подъемъ къ бивуачному мѣсту. Обязанность переправить артиллерію черезъ эту трущобу была возложена на меня, какъ на офицера, уже успѣвшаго заранѣе познакомиться съ этой мѣстностью. Въ помощь измученнымъ артиллеристамъ пришлось придать цѣлую роту пѣхоты;

вся работа производилась при свѣтѣ костровъ и фонарей, и началась она въ семь часовъ вечера, а кончилась едва къ половинѣ 12-го ночи. Тутъ уже артиллеристамъ было не до сна: по приходѣ на бивуакъ, они тотчасъ же принялись разбирать по частямъ два девяти-фунтовыя орудія, предназначенныя къ подъему на вершину Траяна. Сосновскій не спалъ цѣлую ночь. Въ убогую хатку, которую онъ занялъ подъ свое помѣщеніе, безпрестанно входили то тотъ, то другой за приказаніями, либо съ отчетомъ или за совѣтомъ. Тутъ, вокругъ пылающаго очага, въ низенькой тѣсной горенкѣ сидѣло нѣсколько командировъ отдѣльныхъ частей и съ ними почтенный настоятель Траянова монастыря, о. Макарій — фигура совершенно иконописная, а также закутанный въ бурку, усатый воевода болгарскихъ четъ, старый Цеко Петковъ, по прозванію «Балканскій Орелъ», въ своемъ красивомъ фантастическомъ костюмѣ, увѣшанный богатымъ восточнымъ оружіемъ, и еще управитель траянскаго округа Георгій, украшенный георгіевскимъ крестомъ, какъ бывшій ратникъ Столѣтовскаго ополченія — личность очень скромная, умная и энергически дѣятельная: онъ и болгаръ собралъ въ горы для разработки пути, онъ и фуражъ доставилъ въ колибы, и вмѣстѣ съ Сухомлиновымъ снарядилъ четы болгарскія и продовольствіе собралъ. Съ каждымъ изъ этихъ гостей надлежало обстоятельно переговорить, у одного разспросить что̀ нужно, съ другимъ посовѣтоваться, съ третьимъ условиться, тому отдать приказаніе, этого послать съ порученіемъ — все это требовало времени и времени, а часы ночи летѣли... Стрѣлковый батальонъ долженъ былъ выступить въ четыре часа, съ тѣмъ чтобы къ девяти часамъ утра занять первый гребень траяновой высоты. Такъ необходимо было сдѣлать потому, что иначе гребень этотъ легко могли бы занять турки и тогда весь подъемъ эшелона пришлось бы совершать подъ ихъ выстрѣлами. Часъ спустя послѣ стрѣлковъ должна была тронуться артиллерія, за нею казачьи сотни, обѣ роты 9-го пѣхотнаго полка и наконецъ вьюки. Такова была словесная диспозиція, отданная начальникомъ отряднаго штаба. Но работа артиллеристовъ нѣсколько замѣшкалась. Они быстро сдѣлали разборку орудій на составныя части, уложили пушки на дубовые лубки, а передки, лафеты, колеса и прочія при-

надлежности распредѣлили по особымъ салазкамъ, но тутъ — на бѣду — оказался недостатокъ въ веревкахъ, для закрѣпленія всѣхъ этихъ частей и для устройства лямокъ. Пришлось наскоро посылать нарочныхъ въ городъ Траянъ за казачьими «фуражирками», которыя хотя и поздно подоспѣли на мѣсто, но все же выручили насъ изъ затруднительнаго положенія. Саперы помогали увязывать артиллерійскія принадлежности, и вся эта работа кипѣла ночью, при багровомъ освѣщеніи большихъ пылающихъ костровъ. Видъ бивуака въ горахъ былъ чрезвычайно своеобразенъ: на небольшой горной площадкѣ скучилась артиллерія и казачьи сотни, стрѣлки и болгарскіе «войники», въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, со своимъ краснымъ крестоноснымъ знаменемъ; сверкающіе при огнѣ отблески штыковъ и ружейной стали, металлическій лязгъ оружія; дымящіеся паромъ котлы съ кашицей, и вокругъ ихъ группы людей, которыхъ лица озаряются снизу яркимъ огнемъ; въ зубахъ у этихъ людей дымятся «носогрѣйки», разнося въ воздухѣ запахъ русской махорки, повсюду слышится разнообразный бойкій говоръ, «братушки»» балакаютъ съ солдатами и отлично понимаютъ другъ друга; изъ одной группы вдругъ выпалилъ цѣлый взрывъ разсыпчатаго беззавѣтнаго смѣха, тамъ и сямъ раздаются голоса офицеровъ, отдающихъ приказанія или распоряжающихся работами; чей-то оселъ изъ темноты реветъ благимъ матомъ, словно бы его нещадно вдругъ стали дубасить палками. А работа межъ тѣмъ кипитъ какъ въ котлѣ и на каждомъ шагу проявляется самая энергическая дѣятельность; тутъ же покойно лежатъ и жуютъ волы и зябкіе буйволы въ попонахъ, подъ неуклюжими ярмами; стоятъ и дремлютъ надъ ворохами сѣна вьючные мулы и верховыя лошади, а надъ ними торчитъ частоколъ казачьихъ пикъ. Вѣковые дубы, буки и яворы, отягченные изобильнымъ серебристымъ инеемъ, недвижно простираютъ надъ окраинами бивуака свои могучія широкія вѣтви; сѣдые туманы медлительно ползутъ по лѣсистымъ высямъ, а внизу гдѣ-то въ глубокой тьмѣ раздается громоподобный шумъ воды, которая своимъ неудержимымъ стремленіемъ ворочаетъ гальки каменистаго русла. Кто воочію видѣлъ всю эту картину, тотъ вѣрно никогда ее не забудетъ. Болгарскіе войники были въ восторгѣ, да и какъ

не восторгаться, какъ не радоваться! Русскіе — ихъ спасители и братья — переходятъ Балканы, а вмѣстѣ съ русскими и они, бѣглецы, опять возвращаются въ покинутыя мѣста своей родины, но возвращаются уже съ оружіемъ въ рукахъ, какъ свободные люди, а не турецкая райя.

Задержка съ фуражирками сдѣлала то, что артиллерія вмѣсто пяти часовъ могла двинуться едва лишь въ началѣ восьмаго часа, когда уже свѣтало. Стрѣлки выступили еще подъ ночною тьмой, а чтобы не сбились съ дороги, подполковникъ Сосновскій выслалъ предварительно на важнѣйшіе изгибы пути прапорщика Эрнрота съ особыми командами, которыя должны были зажечь по вершинамъ костры, служившіе стрѣлкамъ путеводными маяками.

Трудно представить себѣ, сколько отчаянныхъ хлопотъ было съ артиллеріею, когда пришлось поднимать ее на первую же кручу. Въ лубки и въ салазки, которыхъ всего было восемь, впрягалось по нѣскольку буйволовъ, но задача этихъ животныхъ состояла не въ томъ чтобы везти, а въ томъ чтобы только удерживать на мѣстѣ тяжести, не давая имъ скатываться внизъ, когда люди, запряженные въ лямки, выбившись изъ силъ, пріостанавливались минутку на подъемѣ. Къ каждымъ салазкамъ приставлено было по шестидесяти человѣкъ четниковъ-болгаръ, пѣхотинцевъ и казаковъ, которые, чередуясь между собою въ двѣ смѣны, тащили эти повозки спереди и подпирали ихъ плечами съ боковъ и сзади. Для этого потребовалось двѣ пѣхотныя роты и двѣ сотни, да кромѣ того саперную роту разбили на отдѣльныя команды, придавъ ихъ особо къ каждымъ салазкамъ, для разработки и уширенія дороги, если на ней встрѣчалось какое-либо препятствіе. А препятствій было множество, на каждомъ шагу, и притомъ самыя разнообразныя: то корни вѣковаго дерева переплетающимися лапами выползаютъ на тропинку, то цѣлый громадный стволъ, поваленный бурею, залегъ поперегъ, то глыба громаднаго камня высовывается съ боку, или острыя зубчатыя плиты торчкомъ и цѣлыми слоями наполняютъ всю дорогу, а затѣмъ — мелкій щебень, предательски обсыпающійся подъ ступнею, или глубокія ямины, наполненныя снѣгомъ, или аршинныя ступени — и чего, чего тутъ только не было! Поминутно приходилось пускать въ дѣло кирки, ломы,

мотыги, топоры и лопаты. Первая круча на протяженіи шаговъ полутораста представляетъ наклонъ почти въ 45 градусовъ, затѣмъ—небольшая площадка, и опять крутизна такого же наклона, но уже гораздо длиннѣе первой. Взобравшись сюда, тропинка втягивается въ лѣсъ и вьется между скалистыми глыбами, кустарникомъ и деревьями. Люди, собравъ всѣ силы, напрягаются, чтобы продвинуть орудіе на нѣсколько аршинъ впередъ: налягутъ они всею гурьбою на лямки, протащутъ пять-шесть шаговъ и станутъ для передышки, или ждутъ пока саперы кончаютъ впереди и вокругъ какую нибудь работу. Особенно затрудняли движеніе передки и зарядные ящики, съ которыхъ не было возможности снять оси, слишкомъ прочно и сложно прилаженныя въ арсеналахъ къ корпусамъ передковъ и ящиковъ; да и салазки къ тому же оказались на столько низки, что безпрестанно зарывались въ снѣжные сугробы. Наша русская «дубинушка» въ этотъ день впервые еще огласила своими размашисто-заунывными звуками пустынныя скалы и дебри центральнаго Балкана. Болгары тоже «гукали» и подпѣвали что-то. Гулъ и стукъ, трескъ и клики гулко раздавались по лѣсамъ балканскимъ и разносились горнымъ эхо во всѣ стороны. Начальникъ отряднаго штаба, пропустивъ мимо себя первое орудіе, поѣхалъ впередъ осматривать состояніе дороги, если только то, по чему мы двигались, можно назвать дорогою. Черезъ полчаса мы уже далеко оставили позади себя наши артиллерійскія тяжести, такъ что вскорѣ не слыхать уже было ни голосовъ, ни треска сучьевъ, ни «дубинушки». Насъ объяла поразительная, мертвая тишина, незнакомая въ населенныхъ долинахъ; подъемы были уже не столь круты, но путь шелъ все въ гору и въ гору, отчего воздухъ дѣлался все рѣже и рѣже, такъ что порою становилось даже трудно дышать. Холодъ тоже сталъ гораздо ощутительнѣе. Въ колибахъ, на высотѣ въ 2,000 футовъ, утромъ термометръ показывалъ 4 градуса мороза; здѣсь же было уже градусовъ 12 по крайней мѣрѣ, и весь воздухъ былъ пропитанъ миріадами плавающихъ въ немъ тонкихъ иглъ замороженнаго инея. Чудный и прелестно-фантастическій видъ представляли балканскіе хребты и склоны, роскошно покрытые изобильными, старорослыми лѣсами. На деревьяхъ держался еще изсохшій

прошлогодній листъ, и всѣ они, отъ корня до послѣдняго прутика, были сплошь запушены инеемъ; ползучія растенія оплетали ихъ вѣтви и висѣли въ неподвижномъ воздухѣ цѣлыми гирляндами, и все это представлялось взору какъ бы изваяннымъ изъ одной громадной глыбы серебра рукою дивнаго художника. Лѣсъ стоялъ какъ очарованный. Порою таинственная тишина его нарушалась слабыми мелодическими звуками, долетавшими сюда изъ глубины лощинъ и овраговъ: то были разнотонные звоны колокольцовъ и бубенчиковъ, которые здѣсь, у горныхъ жителей, подвязываются на шею овцамъ и козамъ. Иногда конвойный казакъ случайно задѣвалъ пикою какую нибудь вѣтку, и тогда воздухъ наполнялся особеннымъ рокотомъ, напоминающимъ звукъ просыпанной дроби. Этотъ рокотъ производили капли замороженной росы, падая на сухія листья. Узенькая тропинка, проложенная на свѣжемъ снѣгу только вчера и сегодня болгарами и стрѣлками, нерѣдко шла по самому краю лѣсистыхъ обрывовъ. Глянешь внизъ — и конца не видно этому крутому склону, исчезающему въ чащѣ кустовъ и деревьевъ. Можно было серьезно опасаться—удастся ли благополучно протащить нашу артиллерію. Здѣсь и горнымъ-то орудіямъ на вьюкахъ едва-едва можно пробираться, а мы тащили тяжелыя, дальнобойныя 9-ти-фунтовыя пушки со всѣми ихъ принадлежностями. Одинъ невѣрный шагъ, одинъ какой нибудь скользкій скатъ на косогорѣ,—и все это—тяжести и люди—мгновенно полетитъ стремглавъ въ ужасную пропасть... Было надъ чѣмъ призадуматься...

Передохнувъ около пяти минутъ на одномъ изъ гребней, у пастушьяго костра, мы двинулись далѣе, обгоняя по тропинкѣ небольшія партіи четниковъ, которые, по колѣно въ снѣгу, спѣшили къ перевалу, — видимо гордясь и любуясь своими превосходными мартинивскими ружьями.

— Добрый путь, братушки, куда Богъ несетъ?

— Э!.. ге... ге, братушко, на тà-такъ, горѣ! Мàлко турцы ты да пуцамы *),—добродушно отвѣчаютъ болгары, по обыкновенію производя сильную жестикуляцію головой и руками.

Вскорѣ клубящіяся облака стали окутывать горные скло-

*) Вотъ туда, на верхъ, немного пострѣлять турокъ.

ны; сначала они плавали далеко ниже той высоты, на которой мы находились, а потомъ стали подходить все выше и выше, пока не заволокли наконецъ весь Балканъ, отъ низу до верху, густою непроницаемою дымкой. Весь кругозоръ нашъ ограничивался пространствомъ не болѣе десяти шаговъ въ поперечникѣ: ѣдешь себѣ по карнизу глубокаго ската—вправо круча, влѣво стремнина, впереди ничего не видно,—все это производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе: кажется, будто весь міръ ограниченъ только этимъ клочкомъ снѣжной земли, за которымъ ничего уже нѣтъ, и будто самъ вовсе не двигаешься; хотя и чувствуешь ходъ лошади, но не замѣчаешь самаго движенія,—таково свойство этого плотнаго горнаго тумана.

Къ полудню мы достигли овчарни, гдѣ по диспозиціи долженъ былъ находиться перевязочный пунктъ. Овчарня—это четырехугольное зданіе безъ кровли, сложенное изъ плитъ и булыжнаго камня; стѣны ея довольно толсты и болѣе трехъ аршинъ вышиною; въ передней стѣнѣ продѣланъ входъ. Таковы здѣсь въ горахъ и всѣ вообще овчарни. Утромъ болгары настлали поверхъ стѣнъ нѣсколько жердей, досокъ и хворосту, устроивъ такимъ образомъ нѣкоторое подобіе крыши, съ широкимъ отверстіемъ по серединѣ для прохода дыма. Здѣсь мы нашли уже нѣсколько группъ вооруженныхъ болгаръ съ лошадьми и ослами, часть стрѣлковыхъ и казачьихъ санитаровъ и около десятка воловъ и буйволовъ, предназначенныхъ для перевозки раненыхъ съ этого пункта къ госпиталю. Болгары, присѣвъ на корточки и простирая надъ огнемъ растопыренныя руки, грѣлись около пылавшихъ костровъ; солдаты отдыхали на ворохахъ сѣна. Тутъ встрѣтили насъ—и вчерашній о. Макарій, съ баклагою добраго монастырскаго вина, и картинный Цеко, со своимъ арсеналомъ, за краснымъ широкимъ поясомъ, и Георгій верхомъ на неутомимой маленькой лошадкѣ. Тутъ же успѣлъ уже раскинуть на землѣ всѣ свои медицинскія и хирургическія принадлежности докторъ Заблудовскій, полковой врачъ 30-го казачьяго полка. Бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ развѣвался надъ входомъ. Въ ожиданіи подвоза орудій, мы слѣзли съ лошадей и вошли въ овчарню. Полъ ея въ изобиліи былъ устланъ свѣжею соломою и сѣномъ, а по срединѣ пылалъ

костеръ, наполняя всю ея внутренность ѣдкимъ дымомъ. Помѣщеніе для раненыхъ не особенно удобное, но... лучшаго найдти было негдѣ. Отъ безсонной ночи и утомительнаго пути въ горномъ воздухѣ страшно клонило ко сну, но спать было некогда. Подполковникъ Сосновскій отправилъ одного изъ ординарцевъ посмотрѣть, какъ далеко орудія, и поторопить ихъ волокъ. Посланный возвратился около часа спустя и доложилъ, что первое орудіе успѣло добраться только до пастушьяго костра, гдѣ мы имѣли маленькій отдыхъ, а это мѣсто находится по крайней мѣрѣ верстахъ въ пяти отъ овчарни. Обстоятельство это крайне озабочивало Сосновскаго: становилось очевиднымъ, что сегодня намъ нечего разсчитывать на помощь артиллерійскаго огня, а между тѣмъ демонстрацію противъ траянскихъ укрѣпленій необходимо было произвести во что бы то ни стало, не позже нынѣшняго вечера, потому что на завтра, т. е. на 24-е число, по первоначальному предположенію Великаго Князя Главнокомандующаго, предстояло произвести общее наступленіе на Балканы, и въ особенности со стороны Шипкинскаго перевала; стало быть, демонстрація наша, будучи произведена 23-го или въ ночь на 24-е, необходимо оттянула бы отъ Карлова къ траянской позиціи нѣкоторую, а быть можетъ и значительную часть боевыхъ силъ противника. Имѣя въ виду эти соображенія и желая кромѣ того выручить изъ крайне затруднительнаго положенія товарища своего Сухомлинова, если тотъ успѣлъ уже спуститься на Рахманлы, подполковникъ Сосновскій рѣшился, не дожидаясь орудій, идти впередъ и демонстрировать безъ артиллеріи, съ одною лишь пѣхотой и казаками. Тѣмъ не менѣе, батарейному командиру полковнику Потапчину предложено было продолжать движеніе волокомъ по возможности далѣе, а казачьимъ сотнямъ и двумъ ротамъ 9-го полка послано приказаніе обогнать артиллерійскій волокъ и поспѣшать какъ можно скорѣе къ перевалу.

Около двухъ часовъ дня передовая сотня, слѣдуя гуськомъ, въ одинъ конь, показалась на ближайшемъ склонѣ въ виду овчарни. Не дожидаясь ея, мы двинулись далѣе, вмѣстѣ съ болгарскими четами Цеко Петкова, и вскорѣ втянулись въ старорослый буковый лѣсъ, составляющій послѣдній граничный предѣлъ растительности на центральномъ Балканѣ. Здѣсь

дорога оказалась уже окончательно не разработанною: виденъ былъ на снѣгу только одинъ глубоко взрытый слѣдъ, по которому утромъ прошли гуськомъ роты стрѣлковаго батальона. Лошади наши грузли по брюхо и выбивались изъ послѣднихъ силъ. Пришлось слѣзть съ сѣдла и идти пѣшкомъ. Болгарскіе четники принялись за работу, разгребая снѣгъ кто лопатою, кто прикладомъ ружья, и утаптывая его ногами.

Въ четвертомъ часу по полудни мы достигли наконецъ подножія Траянскаго перевала. Страшно было и взглянуть на то, что намъ еще предстояло... Представьте себѣ громадный и совершенно голый черепъ крутѣйшей горы, съ подъемомъ отъ 60-ти и мѣстами даже до 70-ти градусовъ, весь занесенный глубокими снѣгами, изъ-подъ которыхъ мѣстами торчакомъ выглядывали черныя глыбы каменныхъ скалъ, покрытыя гололедицею. Вотъ она—«Смерть магарска»!.. Макушка и вообще верхняя половина этого черепа исчезала въ густомъ молочно-бѣломъ туманѣ. Времени осталось не много: черезъ два часа станетъ совсѣмъ уже темно, а намъ къ этой порѣ во что бы то ни стало необходимо надо быть уже на гребнѣ. Собравъ болгаръ, мы тотчасъ же принялись за разработку подъема. Имѣя въ виду слѣдованіе кавалеріи, орудій, снарядныхъ и патронныхъ вьюковъ, надо было, по возможности, облегчить для нихъ трудности этого невозможнаго подъема, а потому и пролагать путь надлежало не иначе какъ зигзагами. Тутъ естественно возникла мысль—воспользоваться путемъ стрѣлковъ; но представьте себѣ наше удивленіе, когда отыскивая его, мы вдругъ увидѣли по слѣду, что стрѣлки поднялись *цѣликомъ*, *по прямой линіи*. Потомъ оказалось, что въ полдень они были уже на вершинѣ и заняли весь гребень сторожевыми постами. По истинѣ изумительныя, не человѣческія усилія! Стало быть, воспользоваться стрѣлковымъ путемъ оказалось невозможно и слѣдовало поскорѣе проложить новый. Съ этою цѣлью надобно было предварительно намѣтить для работниковъ-болгаръ направленіе линій зигзаговъ. Этотъ неимовѣрно тяжелый трудъ приняли на себя подполковникъ Сосновскій, сотникъ Поцѣлуевъ и командированные сюда ординарцы начальника траянскаго отряда. По грудь утопая въ глубокихъ снѣгахъ, чуть не на каждомъ шагу проваливаясь въ незримыя, запушенныя снѣгомъ ями-

ны, скользя и падая на гололедицѣ, спотыкаясь о невидимыя подъ снѣгомъ камни, мы шли впереди рабочихъ, въ буквальномъ смыслѣ—собственною грудью пролагая дорогу и въ то же время поминутно возвращались назадъ, чтобы руководить работою болгаръ и слѣдить за ея исполненіемъ. До чего опасны эти предательскія скалы, можно судить, напримѣръ, изъ слѣдующаго: вы видите передъ собою высунувшійся изъ-подъ снѣга каменный кряжикъ, въ полъ-аршина шириною, который тянется впередъ на нѣсколько саженъ, и думаете—вотъ твердая почва, вотъ гдѣ удобно будетъ проложить дорогу. Но чуть оступилась нога, чуть сдѣланъ одинъ невѣрный шагъ въ сторону—вы проваливаетесь въ рыхлый снѣгъ едва не съ головою, откуда никакъ не выберешься безъ посторонней помощи. Это значитъ, что вы попали въ разсѣлину, въ какую нибудь щель, занесенную снѣгомъ; и хорошо еще, если разсѣлина не глубока, или снѣгъ въ глубинѣ ея достаточно упругъ, чтобы сдержать тяжесть человѣческаго тѣла. Съ весны до поздней осени эти скалы, какъ сказывали намъ болгары, большею частію совсѣмъ непроходимы; движеніе по нимъ, подобное тому, которое мы совершали, возможно только зимою, когда всѣ щели до верху наполнятся снѣгомъ и когда этотъ снѣгъ достаточно осядетъ и окрѣпнетъ. Но если упругость его простирается на столько, чтобы сдержать на извѣстной глубинѣ провалившагося человѣка, то тяжести орудій онъ все-таки не выдержитъ, и потому намъ приходилось, пролагая зигзаги, ощупью, съ помощью длинныхъ остроконечныхъ палицъ, отыскивать для нихъ подъ снѣгомъ совершенно твердую, надежную почву. Эта работа была столь тяжка и утомительна, что мы, какъ въ паровой ваннѣ, обливались потомъ, не смотря на 17-ти-градусный морозъ; мы задыхались отъ изнеможенія, а дышать было почти нечѣмъ; воздухъ, скованный стужею, на высотѣ въ 6,600 футовъ, былъ такъ разрѣженъ, что у нѣкоторыхъ людей кровь показывалась изъ ушей, изъ носу и шла горломъ. Какъ только успѣвали проложить одну линію зигзага, на нее тотчасъ же вступали казаки головной сотни, шедшіе вслѣдъ за болгарами, съ тою цѣлью, чтобы болѣе утаптывать путь конскими копытами. Такимъ образомъ и разработка дороги, и подъемъ по ней войскъ совершались одновременно. Болѣе трехъ часовъ сряду длился

нашъ подъемъ на черепъ Траяна, и когда мы достигли наконецъ вершины перваго гребня, было уже около половины седьмаго.

День совсѣмъ свечерѣлъ, и мутная бѣлесоватая мгла скрывала отъ насъ турецкія укрѣпленія, которыя находятся на разстояніи около полуторы версты отъ этого мѣста. Здѣсь, сквозь туманъ, различили мы двѣ темныя массы: одна изъ нихъ была стрѣлковый батальонъ, другая — болгарскія четы. На обледенѣлой вершинѣ морозъ былъ еще крѣпче, чѣмъ на подъемѣ, а намъ казалось жарко. Чтобы освѣжить пересохшую глотку и хоть сколько нибудь утолить невыносимую жажду, мы всѣ съ жадностью глотали комки обледенѣлаго снѣга, не заботясь о послѣдствіяхъ: впереди предстоитъ еще не мало труда — значитъ, успѣемъ опять согрѣться!.. Рубахи, мундиры, панталоны и высокіе сапоги, наполненные снѣгомъ — все это было мокро, хоть выжми! Но не прошло и десяти минутъ, какъ обувь и панталоны уже обледенѣли на людяхъ. Къ счастію еще, что на вершинѣ въ эту пору не было вѣтра — явленіе въ здѣшнихъ горахъ очень рѣдкое: на балканскихъ высяхъ всегда почти шумитъ и гуляетъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, и случись онъ теперь — немногіе изъ насъ вернулись бы отсюда живыми.

Необходимо было дать небольшой отдыхъ людямъ и время стянуться остальнымъ частямъ эшелона.

Переговоривъ съ командиромъ 10-го стрѣлковаго батальона полковникомъ Бородинымъ, Сосновскій предложилъ ему идти и брать укрѣпленіе, что называется «въ лобъ», врасплохъ и безъ выстрѣла; если же профиль укрѣпленія окажется на столько сильною, что фронтальная атака будетъ невозможна, то попытаться обойдти его съ какой либо стороны, но во всякомъ случаѣ не завязывать перестрѣлки, чтобы не нести напрасныхъ потерь и не обнаруживать предъ противникомъ протяженіе нашего фронта и количество отряда.

Изъ болгарской четы былъ вызванъ проводникъ, мѣстный житель, хорошо знающій дорогу къ укрѣпленію, а также ближайшій обходный путь и спуски на Текке и Карнари. Партія охотниковъ-болгаръ, человѣкъ въ пятьдесятъ, перемѣшан-

ная съ охотниками-стрѣлками, двинулась во главѣ батальона. Проводникъ шелъ впереди. Вмѣстѣ со стрѣлками была послана и казачья сотня *), которая сначала хотѣла было двигаться съ лѣваго фланга, но глубокіе снѣга, гдѣ лошади утопали по шею, заставили сотника Кудинцева отказаться отъ этого намѣренія, и тогда онъ, примкнувъ къ батальону, пошелъ во хвостѣ его, въ одинъ конь. Вскорѣ вся эта масса людей исчезла въ непроницаемой мглѣ и затихли ея шаги по скрыпучему, замороженному снѣгу.

Къ Сосновскому подошелъ командиръ 30-го казачьяго полка, полковникъ Грековъ. Человѣка этого можно охарактеризовать двумя чертами: огненный пылъ въ лихой атакѣ и невозмутимѣйшее хладнокровіе подъ пулями.

— Ваши всѣ уже здѣсь? спросилъ Сосновскій.

— Всѣ. Пѣхота тоже подтягивается; 3-я рота скоро вся уже будетъ на гребнѣ, а 4-я еще внизу пока.

Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ и капитанъ Шелеповъ, командиръ 3-й старо-ингерманландской роты, и доложилъ, что люди его уже собраны и построились позади казачьихъ сотенъ.

— Въ такомъ случаѣ намъ можно и двинуться. Пока что́ будетъ, пойдемте, господа, всѣ вмѣстѣ, впереди казаковъ, предложилъ Сосновскій: — а ваша рота, капитанъ, пусть идетъ сзади, въ резервѣ. Идемте по стрѣлковому слѣду!

Люди перекрестились и двинулись.

— Что́ это, господа?.. Смотрите, пожаръ, что́ ли? Какой странный огонь! замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

И дѣйствительно, впереди и нѣсколько влѣво отъ насъ, на сосѣдней высотѣ мгновенно вспыхнуло большое пламя. Не смотря на туманъ, было видно, какъ огненные языки, распространяясь все болѣе и болѣе по горизонтальной линіи, взвиваются къ верху. Неужели «братушки» вздумали костеръ раскладывать? Но нѣтъ, это пламя не похоже на костеръ, оно слишкомъ широко разметывается въ стороны, тогда какъ костеръ всегда горитъ сосредоточенно, да и откуда бы здѣсь взяться костру, если на всей вершинѣ нѣтъ ни сучка, а стрѣл-

*) 6-я сотня 30-го полка, сотника Кудинцева.

камъ или болгарамъ было не до того, чтобы тащить дрова съ собою. Пламя вспыхнуло такъ мгновенно, съ такою силою и сверкало такъ ярко, что можно было предположить, будто дрова политы какою нибудь горючею жидкостію.

— Вѣрно турки замѣтили приближеніе нашихъ, и убѣгая, зажгли свои шалаши — замѣтилъ кто-то, и нѣкоторое время почти всѣ мы оставались въ этомъ пріятномъ заблужденіи. Но вскорѣ явилось и сомнѣніе, что едва ли оно такъ, потому что тропа, по которой мы шли, уклонялась значительно вправо, да и самое пламя вскорѣ осталось позади насъ. А что, если это предупредительный сигналъ, поданный какимъ нибудь шпіономъ, или сторожевымъ турецкимъ постомъ, который легко могъ находиться на сосѣдней вершинѣ?.. Впослѣдствіи оказалось, что, именно предположеніе относительно поста было вполнѣ справедливо, но въ ту минуту, имѣя въ виду необходимость демонстраціи, намъ уже ничего болѣе не оставалось, какъ только идти впередъ, хотя, конечно, и очень было досадно, что, благодаря предупредительному сигналу, внезапность нашей атаки не можетъ состояться.

Мы шли по протоптанному, но все еще очень глубокому снѣгу, чуть не на каждомъ шагу спотыкаясь и падая. Впереди и по сторонамъ ничего не было видно—все только туманъ и туманъ безконечный, густой, зловѣщій... Такъ ли мы идемъ?—Надо быть такъ, потому что здѣсь глубоко только по колѣно, а свернешь одинъ шагъ вправо или влѣво и проваливаешься по грудь,—стало быть, направленіе наше вѣрное. Вдругъ впереди мигнула на нѣсколько мгновеній яркая голубоватая искра. Что это такое?

— Турецкое укрѣпленіе, господа! Этотъ огонекъ оттуда!— сказалъ подполковникъ Сосновскій, и онъ не ошибся въ направленіи, хотя ошибся въ значеніи искры: то была спичка, съ помощью которой одинъ изъ казаковъ попытался закурить свою «носогрѣйку». А что направленіе было вѣрное, мы убѣдились въ ту же минуту: какъ молнія сверкнулъ впереди огонь, черезъ секунду раздался выстрѣлъ и мимо насъ просвистала первая турецкая пуля. Достаточно было этого сигнала, чтобы турки тотчасъ же открыли огонь по всей своей линіи. Мы продолжали двигаться впередъ вдоль чего-то въ родѣ снѣжнаго рва, протоптаннаго стрѣлками, и края

этого рва достигали намъ по поясъ. Вскорѣ колонна наша уткнулась въ хвостъ 6-й казачьей сотни и здѣсь покуда остановилась, а Сосновскій съ полковникомъ Грековымъ, ординарцами, нѣсколькими казачьими офицерами и конвойными казаками продвинулись еще далѣе, миновали 6-ю сотню и, взобравшись на какой-то бугоръ, остановились перевести духъ. Здѣсь уже были стрѣлковыя роты и виднѣлась въ нѣсколькихъ шагахъ цѣпь, раскинувшаяся вправо и влѣво. Но не смотря на турецкіе выстрѣлы, наши, въ силу приказанія, не открывали огня. По недоразумѣнію, вмѣстѣ съ конвойными прошли впередъ и офицерскіе вьюки, которые такимъ образомъ очутились въ первой боевой линіи.

Противъ бугра, на которомъ мы усѣлись, въ нѣсколькихъ шагахъ начинался спускъ въ лѣсистую лощину. Опасаясь, чтобы турки не вздумали воспользоваться ею для обходнаго движенія, которое могло угрожать правой сторонѣ нашей резервной колонны, вытянувшейся гуськомъ, подполковникъ Сосновскій придвинулъ сюда 6-ю, 1-ю и 2-ю сотни и просилъ полковника Грекова распорядиться, чтобы люди его были наготовѣ со своими берданками. Отдохнувъ нѣсколько времени, офицерская группа вдоль бугра продвинулась еще болѣе впередъ, гдѣ подполковникъ Сосновскій предложилъ ей остановиться, а самъ, спустя нѣсколько времени, прошелъ дальше, къ цѣпи. Счастіе поблагопріятствовало какъ ему, такъ и части этой цѣпи отыскать небольшую выемку земли, представлявшую собою относительно вражескихъ пуль такъ называемое мертвое пространство, гдѣ онъ и засѣлъ вмѣстѣ съ командиромъ 10-го стрѣлковаго батальона, наблюдая, на сколько являлась возможность, за движеніями нашей цѣпи. Надъ головами этой небольшой группы свисталъ рой турецкихъ пуль, такъ что подняться здѣсь на ноги, во весь ростъ, значило бы обречь себя почти на вѣрную жертву; для необходимыхъ наблюденій можно было только высовывать отчасти голову, да и при этомъ пули свистали мимо самаго уха.

Разставшись съ подполковникомъ Сосновскимъ, группа офицеровъ, въ ожиданіи пока она потребуется къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, расположилась на бугрѣ, закутавшись въ бурки. Морозъ видимо крѣпчалъ все болѣе и болѣе, становясь по истинѣ лютымъ. Съ этого мѣста прекрасно можно

было наблюдать за огнемъ противника. Когда ночная тьма освѣщалась острыми огненными иглами, и при этомъ мы не слышали свиста пуль, то это значило, что огонь направленъ противъ нашего лѣваго фланга; когда же вспыхивала безформенная молнія и вслѣдъ затѣмъ воздухъ пронизывался занывающимъ свистомъ—мы знали, что эти пули пущены въ томъ направленіи, гдѣ находилась наша группа. Бо́льшая часть изъ нихъ свистала надъ головами, но нѣкоторыя шлепались рядомъ, и тогда намъ ясно было слышно, какъ шипѣлъ снѣгъ, словно масло на сковородѣ, когда въ него зарывалась горячая пуля. Здѣсь была ранена одна лошадь, заметавшаяся въ испугѣ по снѣгу; офицерская борзая собака взвизгнула, слегка задѣтая пулею, и отъ души выругался одинъ казакъ, остававшійся нѣсколько сзади. По счастію, рана его въ руку оказалась легкою. Ночная тьма довольно часто прорѣзывалась съ разу цѣлыми линіями огня, извивавшагося словно змѣйки, вслѣдъ за чѣмъ черезъ мгновенье слѣдовалъ рокотъ выстрѣловъ и рой зыунывныхъ свистовъ,—то были залпы. Въ это же время иногда удавалось наблюдать, что змѣйки извиваются по двѣ разомъ, одна ниже другой, а это ясно указывало на устройство противникомъ двухъ-ярусной обороны, и надо отдать справедливость туркамъ: вопреки ихъ всегдашнему обыкновенію пускать зря цѣлый дождь огня, уподобляя его непрерывной барабанной дроби, на этотъ разъ они вели стрѣльбу безупречно, съ замѣчательною выдержкой, и огонь ихъ былъ вполнѣ дисциплинированъ. Слышна была турецкая команда, по которой противникъ то усиливалъ огонь, то на минуту прекращалъ его, какъ бы прислушиваясь, и затѣмъ снова начиналъ свою пальбу. Наши не отвѣчали. Очевидно, туркамъ хотѣлось вызвать насъ на перестрѣлку: тогда для нихъ опредѣлилось бы отчасти и количество нашихъ силъ, и ихъ расположеніе, но этого-то имъ и не слѣдовало знать; а судя по силѣ ихъ огня, надобно думать, что они полагали насъ въ довольно значительныхъ силахъ. Благодаря ночной темнотѣ, пули причиняли намъ мало вреда; противникъ билъ на угадъ или на слухъ, если съ нашей стороны раздавался гдѣ нибудь громкій говоръ, или же наконецъ на свѣтъ. Такъ, напримѣръ, прапорщику Эрнроту вздумалось закурить папироску, потому

что ужъ больно жутко донималъ холодъ, и не успѣла еще потухнуть его спичка, какъ надъ нашими головами просвисталъ цѣлый рой пуль. Курить было опасно,—пришлось потушить папироску, и бѣдный прапорщикъ удовольствовался тѣмъ, что, растянувшись на снѣгу, заснулъ въ ту же минуту. Между тѣмъ сидѣть на снѣгу было такъ холодно... Теперь бы—глотокъ водки, или коньяку, чтобы хоть чуточку согрѣться, но, увы!—ни у кого изъ насъ не оказалось ни того, ни другаго. Пришлось покориться жестокой стужѣ и только пошевеливать ступнями, чтобы не отморозить ноги. Лежать было еще хуже, потому что леденящій холодъ мерзлаго снѣга даже и сквозь бурку очень давалъ себя чувствовать всему боку, всей сторонѣ тѣла, на которой вздумалось намъ улечься. Всѣ мы испытывали страшную усталость, да и не мудрено: предшествовавшая ночь была проведена безъ сна, а иные мало спали и наканунѣ ея, потомъ—цѣлый день въ движеніи, среди столь тяжкихъ физическихъ трудовъ, и наконецъ этотъ холодъ, который такъ и клонитъ ко сну... Нѣтъ силъ бороться противъ искушенія—и нѣкоторые изъ насъ заснули. Можно судить, какова была усталость, если люди могли спокойно спать подъ пулями, которыя въ теченіи нѣсколькихъ часовъ все жужжали надъ головами. Вскорѣ около насъ показалась конная фигура; конвойный казакъ велъ въ поводу лошадь, а всадникъ издавалъ глухіе, тяжелые стоны.

— Кто такой? спросилъ кто-то.

— Стрѣлокъ... раненый... отвѣтилъ всадникъ:—да ужь лучше бы совсѣмъ убили, чѣмъ такъ-то... Въ обѣ ноги ранило подъ колѣнами и въ руку... съ разу... Надо быть, разрывною пулею.

Вслѣдъ за тѣмъ прошелъ со стономъ болгаринъ. Оказалось, что это былъ раненый проводникъ стрѣлковаго батальона.

Потомъ четыре человѣка пронесли что-то черное... Носилки... За ними черезъ минуту—другія, третьи носилки... Затѣмъ, опираясь на ружья и тяжко стеня, проковыляло еще нѣсколько раненыхъ. Ветеринарный врачъ 30-го казачьяго полка, Котлубай, здѣсь же подавалъ имъ первую помощь и кое-какъ наскоро перевязывалъ въ потемкахъ. Какъ оказа-

лось, Котлубай никогда не отстаетъ отъ своего полка и въ подобныхъ критическихъ случаяхъ подаетъ раненымъ первую медицинскую помощь, исполняя эту не принадлежащую ему обязанность съ любовью и совершенно хладнокровно, какія бы пули тутъ ни свистали.

Можно было думать, что турки, не успѣвъ вызвать насъ на огонь, отважутся на вылазку, чтобы убѣдиться въ количествѣ нашихъ силъ, а потому на всякій случай потребовались впередъ наши резервы, которые, кстати, должны были прикрыть и отступленіе стрѣлковъ по окончаніи демонстраціи. Кромѣ того, хотѣлось попытать, нельзя ли обойдти который-либо изъ турецкихъ фланговъ.

Вскорѣ мимо насъ, впереди своей роты, спокойно и бодро прошелъ капитанъ Шелеповъ, заложивъ за спину руки. Старо-ингерманландцы шли гуськомъ быстро и совершенно бодро, стараясь даже попадать въ ногу, не смотря на ежесекундные предательскіе капканы почвы. За ними прослѣдовали спѣшенные казаки 1-й и 2-й сотень, съ сотникомъ Галдинымъ, подъ общимъ начальствомъ войсковаго старшины Грузинова. Они первоначально были направлены въ обходъ лѣваго фланга турецкихъ укрѣпленій; но тутъ пришлось идти по самому краю пропасти, куда передъ этимъ только что скатился одинъ изъ старшихъ унтеръ-офицеровъ роты Шелепова. Многіе изъ казаковъ тоже обрывались, но, по счастію, ихъ удавалось вытаскивать съ помощью протягиваемыхъ къ нимъ берданокъ, за которыя они хватались руками.

— «Куда вы, канальи, лѣзете?... Прочь, или и духу вашего не останется!»—раздался вдругъ съ высоты турецкаго бруствера чей-то громкій голосъ, съ совершенно чистымъ русскимъ выговоромъ.—Либо некрасовецъ, либо кто нибудь изъ нашихъ женевцевъ. Неодолимыя кручи, обрывы и всяческіе капканы этой мѣстности сдѣлали невозможнымъ казачій обходъ лѣваго фланга. Грузиновъ послалъ увѣдомить объ этомъ Сосновскаго, который приказалъ спѣшеннымъ казакамъ идти налѣво, чтобы охватить турецкія укрѣпленія съ праваго ихъ фланга. Какъ ни трудно было, но казаки исполнили это и вышли въ данномъ направленіи, приблизясь шаговъ на 50 къ самому укрѣпленію. Здѣсь ихъ встрѣтилъ противникъ тремя залпами, которые заставили казаковъ пріостановиться, тѣмъ

болѣе, что строго придерживаясь приказанія—они не открывали огня.

Скоро все это пишется, еще скорѣе читается, но на дѣлѣ, пока исполнилось все описанное, прошло нѣсколько часовъ. Взять укрѣпленіе «въ лобъ» оказалось невозможнымъ, въ виду того, что турки были предупреждены пламенемъ костра о нашемъ наступленіи и открыли огонь еще въ то время, когда стрѣлки только что развертывались. Казачьему обходу въ лѣвый флангъ воспрепятствовали условія непроходимой мѣстности, обходъ же праваго фланга былъ остановленъ залпами. Ночная тьма оказалась и нашимъ несчастіемъ, и нашимъ спасеніемъ въ одно и то же время: несчастіемъ потому, что мы должны были двигаться ощупью, на угадъ, въ особенности послѣ того, какъ проводникъ былъ раненъ, и спасеніемъ—потому, что турки изъ своей неприступной позиціи—будь это лунная ночь—легко могли бы перестрѣлять всѣхъ коноводовъ, вытянувшихся длинною лентою въ одинъ рядъ вдоль узкой тропинки, да и стрѣлкамъ не удалось бы выйдти такъ легко изъ-подъ разстрѣла. Было уже около половины третьяго часа ночи, когда туманъ сталъ разсѣяваться и въ небѣ проглянули звѣзды. Для простой демонстраціи мы успѣли уже сдѣлать слишкомъ достаточно, и такъ какъ ночной штурмъ не состоялся, то надлежало подумать о выводѣ отряда изъ огня, пока небо не прояснѣло еще болѣе. Подполковникъ Сосновскій послалъ приказаніе ротѣ Шелепова и казакамъ Грузинова прикрывать обратное движеніе отряда. Мы пропустили мимо себя коноводовъ, вьюки, еще двое носилокъ съ ранеными, потомъ весь стрѣлковый батальонъ, и уже послѣ того двинулись сами, такою же группою, какъ и при движеніи къ укрѣпленію. Турки провожали насъ выстрѣлами, по счастію, совершенно безвредными.

Черезъ часъ весь отрядъ стянулся на черепѣ перваго траянскаго гребня, съ котораго начато было наше наступательное движеніе. Здѣсь мы предполагали дождаться разсвѣта; небо совершенно прояснѣло и зажглось безчисленными звѣздами, которыя на столько озаряли своимъ слабымъ свѣтомъ всю окрестность, покрытую снѣгомъ, что мы могли различить вдали остроконечную вышку турецкаго укрѣпленія на крутой скалѣ, да и весь нашъ отрядъ, выстроившійся на макушкѣ

высоты, ясно чернѣлся своею темною массою. Но въ это время вдругъ подулъ рѣзкій, пронзительный вѣтеръ—самый опасный врагъ на вершинахъ центральнаго Балкана. Посовѣтовавшись по поводу этого послѣдняго обстоятельства съ Грековымъ и Бородинымъ, Сосновскій рѣшился спуститься съ отрядомъ къ опушкѣ буковаго лѣса, съ тѣмъ чтобы расположиться тамъ бивуакомъ, а на утро заняться прежде всего дальнѣйшею разработкою проложеннаго сегодня пути и подъемомъ орудій на Траяновъ перевалъ, дабы завтра демонстрировать противъ турокъ артиллерійскою канонадою. Было безъ малаго четыре часа ночи, когда отрядъ нашъ началъ спускаться. Но не прошли мы по спуску и трехсотъ шаговъ, какъ оказалось, что туманъ не разсѣялся, а только осѣлся, и мы опять попали въ густую бѣлесоватую мглу, которая подавляла своимъ сырымъ проницающимъ насквозь холодомъ и ужасно затрудняла дыханіе.

Ужасы спуска были еще горьше и труднѣе ужасовъ подъема. Въ туманѣ мы сбились съ дороги, проложенной собственною грудью давеча, передъ вечеромъ, и шли теперь по снѣжной цѣлинѣ, куда Богъ приведетъ, стараясь только держать направленіе къ сѣверу, опредѣляемое звѣздами. Утопая въ снѣгу, спотыкаясь объ острые камни, которые нерѣдко насквозь прорѣзывали обувь, скользя на крутизнахъ, и въ этомъ неудержимомъ стремленіи валясь съ размаху на снѣгъ, обгоняя другъ друга и кубаремъ перекидываясь сверху одинъ чрезъ другаго, люди наши цѣлыми вереницами скатывались внизъ, и никто изъ нихъ не видѣлъ и не зналъ куда онъ катится и мчится, въ силу инерціи, съ такою стремительностію. Ухватиться, удержаться было не за что—и человѣкъ съѣзжаетъ внизъ на собственной спинѣ, пока нога не запнется случайно о какой нибудь выдавшійся камень. Здѣсь онъ присядетъ, передохнетъ чуточку, жадно освѣжитъ ротъ и горло нѣсколькими горстями снѣга—и опять впередъ, и опять то же стремленіе внизъ на собственной спинѣ, какъ на салазкахъ... Раздался одинъ, и потомъ вскорѣ другой выстрѣлъ, произведенные нашими же собственными ружьями, при случайномъ паденіи на голые камни. Къ счастію, выстрѣлы были безвредны и не произвели между людьми никакого смятенія. Утомленіе было столь велико, что многіе, присѣвъ для

отдыха, тутъ же засыпали, и товарищамъ требовалось не мало усилій, чтобы ихъ расталкивать. По истинѣ, картина этого ужаснаго спуска цѣликомъ была страницею изъ Дантовскаго «Ада». Не нахожу словъ, чтобы иначе охарактеризовать ее, и только одинъ русскій солдатъ и казакъ могъ перенести такіе ужасы бодро и безропотно! Не считайте этого за преувеличеніе: у насъ есть, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи живыхъ свидѣтелей тому, что *это было такъ*, и притомъ свидѣтелей, испытавшихъ описанное на собственномъ жестокотяжкомъ опытѣ.

Долго мы спускались такимъ образомъ съ Траянова черепа: но вотъ сквозь туманную мглу показался наконецъ смутный красноватый отсвѣтъ нѣсколькихъ костровъ.—Слава Богу, это должны быть бивуаки двухъ нашихъ орудій, саперовъ и 4-й старо-ингерманландской роты. Мы пріободрились, удвоили послѣднія усилія, и черезъ полчаса были уже на опушкѣ буковаго лѣса, у подножія перевала, гдѣ дѣйствительно нашли костры артиллеристовъ и пѣхотинцевъ; было уже половина шестаго часа утра. Термометръ показывалъ здѣсь 22 градуса мороза.—Это здѣсь, въ лѣсу и въ лощинѣ,—а сколько же градусовъ было тамъ, на верху этого проклятаго черепа!...

Я упалъ на снѣгъ у перваго попавшагося костра и въ то же мгновеніе заснулъ какъ убитый.

LXXXI

Переходъ черезъ Траянъ

Сочельникъ и Рождество Христово на Траянѣ.

Утро въ балканскомъ лѣсу. — Наши вчерашнія потери. — Разрывныя пули.— Прибытіе 2-го эшелона.—Рекогносцировки турецкихъ укрѣпленій и установка нашего орудія на позиціи. — Пробные выстрѣлы. — Демонстрація кострами.— Результаты ночной демонстраціи 23-го декабря и совѣщаніе между старшими чинами отряда. —Канунъ и праздникъ Рождества Христова на вершинахъ Траяна.—Черты солдатскаго великодушія.—Прибытіе 3-го эшелона съ подполковникомъ Сухомлиновымъ. — Неудавшееся обходное движеніе Сухомлинова.— Подвозъ припасовъ.—Рекогносцировка обходнаго пути на Карнари и установка втораго орудія.—Диспозиція штурма на 26-е декабря.

Траянскій отрядъ, д. Карнари, 30-го декабря.

Свѣтило яркое солнце, когда деньщикъ мой разбудилъ меня, принеся кружку горячаго чаю. Испытывая нѣкоторую ло-

моту въ членахъ и легкій ознобъ, я осмотрѣлся вокругъ. Отрядъ нашъ находился въ лѣсу, который, начиная отъ гребня горы, густо разросся по всему ея скату. Лучи солнца прокрадывались между вѣтвями и стволами и рисовали на серебряномъ снѣгу ихъ легкія причудливыя тѣни. Повсюду дымились костры и стоялъ гулъ человѣческаго говора. Весь лѣсъ оглашался звуками топоровъ—то солдаты рубили дрова на топливо. Снѣжныя вершины были ослѣпительно залиты солнечными лучами; на небѣ—ни облачка, въ морозномъ воздухѣ—полная тишина и безвѣтріе. Это было прелестнѣйшее зимнее утро. У сосѣдняго костра я нашелъ Сосновскаго, Грекова, Бородина, Шелепова и нѣсколькихъ другихъ офицеровъ. Здѣсь сводились итоги вчерашнимъ нашимъ потерямъ. Оказалось, что мы оставили на мѣстѣ предъ укрѣпленіемъ восемь стрѣлковъ убитыми или по крайней мѣрѣ надо было думать, что они убиты, потому что, по свидѣльству ближайшихъ товарищей, они не подавали ни голоса, ни движенія, послѣ того какъ были хвачены пулями; ранены у насъ 10-го стрѣлковаго батальона поручикъ Кипайтуло, въ ногу, и 10 стрѣлковъ, а также одинъ рядовой роты Шелепова и одинъ казакъ, оставшійся во фронтѣ; контужены: 6 стрѣлковъ, стрѣлковаго же батальона прапорщикъ Бойно-Родзевичъ и мой деньщикъ Петръ Баль—оба въ голову. У командира 3-й роты стрѣлковаго батальона штабсъ-капитана Зайцева отморожены ноги; 9-го полка штабсъ-капитанъ Папковъ сильно ознобленъ; кромѣ того 48 человѣкъ нижнихъ чиновъ стрѣлковаго батальона тоже оказались обмороженными; итого выбыло изъ строя 4 офицера и 68 нижнихъ чиновъ. По свидѣтельству отряднаго хирурга Стелимаховича и врача Заблудовскаго, большая часть раненій принадлежитъ къ числу тяжелыхъ и нанесена преимущественно разрывными пулями, причемъ не рѣдко оказывалось по двѣ, по три и четыре раны на одномъ человѣкѣ, между тѣмъ какъ потерпѣвшіе свидѣтельствуютъ, что получили одинъ только ударъ пулею. Стелимаховичъ успѣлъ извлечь изъ подобныхъ ранъ нѣсколько свинцовыхъ осколковъ; одинъ изъ нихъ онъ показывалъ начальнику отряда и оставилъ у себя, какъ доказательство.

Въ полдень прибылъ командиръ Старо-Ингерманландскаго полка, флигель-адъютантъ графъ Татищевъ, со вторымъ эше-

лономъ нашего отряда *). Подполковникъ Сосновскій, собравъ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и ротныхъ командировъ, еще ранѣе прибытія графа Татищева, отправился съ ними на перевалъ, чтобы дать имъ случай заранѣе, при дневномъ свѣтѣ, ознакомиться съ условіями мѣстности и расположеніемъ турецкихъ укрѣпленій. Графъ тоже отправился вслѣдъ за ними, а между тѣмъ артиллеристы съ ранняго утра еще хлопотали около своихъ волоковъ. Саперная рота еще на разсвѣтѣ ушла на подъемъ разработывать проложенную нами вчера дорогу. Въ теченіи цѣлаго дня удалось втащить на черепъ одно только орудіе со всѣми его принадлежностями, и чтобы судить до какой степени это было трудно, достаточно сказать, что въ лубки, тащившіе пушку, было впряжено 48 буйволовъ, въ придачу къ которымъ тащили лямки двѣ пѣхотныя роты и всѣ наличные болгары. Къ пяти часамъ по полудни орудіе было уже собрано и установлено на избранной позиціи—тамъ, гдѣ вчера пылалъ сигнальный костеръ, а саперы къ этому времени успѣли уже сработать для него брустверъ и ложементы для прикрытія. Чтобы провѣрить установку орудія и его дѣйствіе, подполковникъ Сосновскій въ этотъ день вторично поднялся на вершину, и въ его присутствіи, въ началѣ шестаго часа, былъ сдѣланъ первый пробный выстрѣлъ. Снарядъ далъ перелетъ. Турки не отвѣчали, хотя изъ ихъ ложементовъ на нашу батарею легко могли бы досягать ружейныя пули. Черезъ пять минутъ былъ пущенъ второй снарядъ, разорвавшійся не долетя до укрѣпленія. Тогда съ высоты непріятельскаго люнета вдругъ взвилось бѣлое облако и черезъ нѣсколько секундъ граната горнаго орудія упала во ста шагахъ передъ нашимъ укрѣпленіемъ. Третій выстрѣлъ нашъ былъ очень удаченъ и попалъ въ брустверъ. Турки обмѣнялись вторымъ снарядомъ, который далъ громадный перелетъ, пронесся надъ головами артиллеристовъ и упалъ по нашу сторону, за горою, неподалеку отъ бивуака, но не разорвался. Этимъ и ограничились всѣ наши непріязненныя дѣйствія въ день 24-го декабря. Рота прикрытія, саперы и болгарскія четы остались на ночь при орудіи,

*) Три роты 1-го батальона, весь 3-й батальонъ Старо-Ингерманландскаго полка и полусотня 30-го казачьяго полка.

куда къ нимъ въ изобиліи доставлены были на вьюкахъ дрова, и яркіе костры всю ночь пылали на довольно значительномъ протяженіи предъ глазами турокъ. Это была тоже демонстрація въ своемъ родѣ—кострами. Вчерашняя же наша демонстрація раскрыла слѣдующія данныя: во-первыхъ, она совершенно опредѣлила силу турецкихъ укрѣпленій, состоящихъ изъ одного головнаго люнета, по бокамъ котораго, въ видѣ эполементовъ, спускаются въ обѣ стороны траншеи, и трехъ другихъ, дающихъ первому двухъ-ярусную фронтальную и фланговую оборону; во-вторыхъ, это расположеніе показало, что атака укрѣпленія открытою силою съ фронта стоила бы слишкомъ большихъ потерь, а потому надобно поискать обходныхъ путей, и, наконецъ, въ-третьихъ, мы убѣдились по выдержкѣ залповъ и въ высшей степени дисциплинированному огню, что траянскія укрѣпленія обороняются низамомъ и очень хорошимъ низамомъ, а не мустахфизами, какъ доносили было наши развѣдчики. Все это для дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій требовало числа силъ больше того, какимъ мы располагали въ данную минуту, а потому на совѣтѣ между старшими чинами отряда было рѣшено дождаться прибытія третьяго эшелона, въ ожиданіи чего завтрашній день употребить на встаскиваніе втораго орудія.

Весь этотъ день погода выстояла превосходная, морозно-ясная и тихая. Солдаты уже успѣли настроить себѣ шалаши и разныя закрытія, на случай непогоды, и варили въ котелкахъ сухарную похлебку съ чаемъ. Рождественскій сочельникъ всѣ мы провели истинно постнымъ образомъ, питаясь однимъ лишь чаемъ съ солдатскими сухарями, а такъ какъ по близости не было источника, то вмѣсто воды употребляли снѣгъ, кипятя его въ котелкахъ, и ничего-себѣ: чай выходилъ довольно вкусенъ. Лошадей поили тоже талымъ снѣгомъ, распуская его на кострахъ въ желѣзныхъ ведрахъ. За нѣсколько часовъ люди успѣли совершенно свыкнуться съ подобнымъ родомъ существованія и многіе преспокойно принялись уже, сидя предъ кострами, за починку платья и обуви. Подъ вечеръ старо-ингерманландцы смастерили изъ жердей, хвороста, сѣна и снѣга довольно просторный шалашъ для своего полковаго командира, гдѣ Сосновскій, Грековъ и я, благодаря любезному приглашенію графа Татищева, могли про-

вести ночь значительно удобнѣе, чѣмъ остатокъ вчерашней ночи.

Въ день Рождества Христова насъ довольно рано разбудилъ значительный утренній холодъ. Чтобы сколько нибудь согрѣться, мы разложили посреди шалаша костерокъ, но ѣдкій дымъ былъ еще хуже мороза. Вскорѣ восходящее багровымъ дискомъ солнце начало озлащать перламутровыми переливами верхніе края снѣжныхъ вершинъ, обѣщая день подобный вчерашнему; однако черезъ часъ небо заволоклось тучами и вмѣстѣ съ тѣмъ въ воздухѣ значительно потеплѣло, такъ что у насъ уже начали было опасаться, какъ бы не повалилъ снѣгъ, который легко могъ обратить въ ничто всѣ наши тяжкія усилія по проложенію уже оконченной дороги; а поднимись при этомъ вьюга—отрядъ нашъ былъ бы совершенно отдѣленъ отъ всего живаго міра, но главное—разлученъ со своимъ продовольственнымъ складомъ въ колибахъ. Сухарей у солдатъ оставалось уже немного, и они такъ дорожили ими, что когда одинъ изъ офицерскихъ денщиковъ, желая угодить голодному барину, предложилъ одному солдату продать ему за полуимперіалъ пару сухарей, тотъ отказался, говоря: «зачѣмъ мнѣ твой золотой, если завтра, можетъ быть, придется сидѣть безъ хлѣба». Но вотъ замѣчательная черта: тотъ же самый солдатъ, узнавъ, что денщикъ заботится не о себѣ, а о голодномъ офицерѣ, тотчасъ же охотно подѣлился съ нимъ своею порціею и ни за что̀ не хотѣлъ принять отъ офицера вознагражденія деньгами:—«помилуйте, ваше благородіе, за что̀ же тутъ деньги!.. Вы вѣдь свои же господа... Коли у насъ офицеровъ не будетъ, съ кѣмъ же въ дѣло идти, да и кто о насъ тогда позаботится?»—Такъ и не взялъ денегъ:—«на что̀, молъ, онѣ тутъ, въ этой трущобѣ!»

Часовъ въ десять утра пріѣхалъ подполковникъ Сухомлиновъ, съ которымъ прибыли на бивуакъ и части 3-го эшелона *), и привезъ словесное приказаніе генералъ-лейтенанта Карцова, чтобы графъ Татищевъ, впредь до его прибытія, принялъ начальство надъ всѣмъ отрядомъ, собраннымъ у подножія Траянскаго перевала, и, если окажется возможнымъ,

*) Двѣ стрѣлковыя роты (1-я и 3-я) 10-го пѣх. Ново-Ингерманландскаго полка, 2-й батальонъ 9-го пѣх. Старо-Ингерманландскаго полка и двѣ сотни (3-я и 4-я) 30-го полка.

приступилъ бы къ наступательнымъ дѣйствiямъ. Прибытiе Сухомлинова успокоило подполковника Сосновскаго, который крайне тревожился неизвѣстностiю о его участи. Оказалось, что 23-го числа Шипковскiй (4-й) эшелонъ не успѣлъ достичь предположенныхъ цѣлей, потому что самое обходное движенiе явилось окончательно невозможнымъ. Дѣло было такъ: прiѣхавъ 22-го въ деревню Шипково, Сухомлиновъ не нашелъ тамъ ни пѣхотной роты, ни казачьей сотни, долженствовавшихъ прибыть изъ Тетевеня. Тщетно дожидая ихъ прибытiя, онъ рѣшился наконецъ перевалить за Балканы хотя съ двумя сотнями, чтобы поспѣть 23-го на ту сторону. Мѣстные жители сказывали ему, что лѣтомъ отъ Шипкова до Рахманлы считается 9 часовъ ходу. Имѣя въ виду, что теперь, при большихъ снѣгахъ, придется идти гораздо дольше, Сухомлиновъ выступилъ 23-го декабря въ половинѣ шестаго часа утра. Въ горахъ не только дороги или тропы, о существованiи которыхъ разсказывали болгары, но даже и слѣда человѣческаго не оказалось. Тѣмъ не менѣе, Сухомлиновъ рѣшился пробиваться кое-какъ впередъ, въ ущельяхъ—по глубокимъ сугробамъ, на хребтахъ—по гололедицѣ. Шипково отдѣляется отъ главнаго Балканскаго хребта особымъ высокимъ кряжемъ, пройдя который, отрядецъ Сухомлинова долженъ былъ спуститься къ деревнѣ Рыбарцы и оттуда уже начать подъемъ на главный хребетъ. Разстоянiе, которое болгары опредѣляли двумя часами ходу, казаки проходили шесть часовъ сряду. Пролагая себѣ путь по снѣжной цѣлинѣ и оставляя много и много отсталыхъ, отрядецъ шелъ до тѣхъ поръ, пока не выбился изъ послѣднихъ силъ. Давъ людямъ необходимый отдыхъ, среди горной суровой пустыни, Сухомлиновъ поневолѣ вынужденъ былъ вернуться съ ними назадъ и едва-едва дотащился до Шипкова, куда почти одновременно съ нимъ прибылъ и маiоръ Кобордо съ двумя ротами изъ Тетевеня. Кобордо сообщилъ, что казачья сотня идетъ за нимъ и скоро должна быть въ Шипковѣ. Тяжелымъ опытомъ убѣдившись въ невозможности пройдти черезъ Балканы на Рахманлы, Сухомлиновъ рѣшилъ выступить съ отрядомъ изъ Шипкова 24-го, въ 7 часовъ утра, и идти на нашъ проходъ, къ Княжевицкимъ колибамъ, чтобы присоединиться тамъ ко 2-му эшелону. Но онъ поспѣлъ къ намъ уже не со 2-мъ, а съ 3-мъ

эшелономъ.—«И этотъ путь—разсказывалъ Сухомлиновъ—послѣ нашихъ скитаній по невообразимымъ трущобамъ, ей-Богу, показался намъ настоящимъ шоссе!» А 23-го числа и нашъ путь во второй своей половинѣ былъ точно такою же непрерывною, гигантскою трущобой. Маіоръ Кобордо не могъ поспѣть въ Шипково къ 22-му декабря, какъ слѣдовало по диспозиціи, тоже вслѣдствіе массы глубокихъ снѣговъ и полнаго бездорожія. Впрочемъ, все это оказалось къ лучшему, потому что удайся переходъ Сухомлинову, онъ очутился бы за Балканами съ горстью своего отрядца въ очень критическомъ положеніи: превосходныя силы противника сдавили бы его съ двухъ сторонъ—отъ Текке и Клиссуры, а путь отступленія въ Шипково немыслимъ по ужаснымъ кручамъ южнаго балканскаго склона; мы же, какъ уже извѣстно, 23-го числа не могли бы подать ему ни малѣйшей помощи. И такъ, все обошлось пока благополучно.

Вмѣстѣ съ 3-мъ эшелономъ пришли на бивуакъ и вьюки, на которыхъ было привезено вдоволь мяса, вина, крупы, сухарей, ячменя и сѣна. Пріободрились и люди, и лошади. Солдаты тотчасъ принялись за варку пищи, роспили по крышкѣ водки, поѣли до сыта, да и про запасъ осталось еще не мало говядины и хлѣба. Послѣ обѣда замѣтно повеселѣло на бивуакѣ, говоръ сталъ оживленнѣе, топоры еще ретивѣе застучали по лѣсу, костры запылали ярче и кое-гдѣ, ради праздника, затянулись пѣсни.

Вскорѣ по пріѣздѣ на бивуакъ Сухомлинова, подполковникъ Сосновскій поѣхалъ по дѣламъ службы къ генералу Карцову, а Сухомлиновъ остался при графѣ Татищевѣ, для исполненія обязанностей начальника отряднаго штаба. Не теряя времени, онъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ начальниками частей, поднялся на высоту Траянова черепа и сдѣлалъ подробную рекогносцировку турецкой позиціи и обходнаго пути на Карнари, о которомъ еще вчера сказывали Сосновскому болгарскіе четники. Къ шести часамъ вечера было встащено и второе орудіе, которое установлено на особой позиціи, шагахъ въ трехстахъ отъ перваго, такъ какъ оно предназначалось для дѣйствія противъ особаго укрѣпленія, прикрывавшаго обходную дорогу на Карнари.

Согласно распоряженію генерала Карцова, къ четыремъ часамъ дня была составлена диспозиція, по которой на завтра (26-го) предполагался бой на Траянѣ. Для этого всѣ части отряда должны были къ четыремъ часамъ утра быть на своихъ бивуакахъ готовыми къ выступленію. Одиннадцать ротъ и четыре сотни *), подъ общимъ начальствомъ полковника Грекова, выступаютъ въ четыре часа утра и, слѣдуя по карнарской дорогѣ, атакуютъ, а если окажется возможнымъ, то и совершенно обходятъ правый флангъ турецкой позиціи. 2-й и 3-й батальоны Старо-Ингерманландскаго полка, саперная рота и полторы сотни казаковъ **), подъ начальствомъ графа Татищева, составили резервъ и должны были выступить съ бивуака по приказанію графа. Всѣмъ частямъ велѣно запастись сухарями на три и мясомъ на два дня, а вьюкамъ — оставаться на бивуакѣ впредь до приказанія. Перевязочный пунктъ остался въ овчарнѣ, а санитарная рота раздѣлена пополамъ, причемъ 1-я полурота должна была слѣдовать при колоннѣ полковника Грекова, 2-я же находиться при резервѣ. Наблюденіе за лѣвымъ нашимъ флангомъ возлагалось на попеченіе Грекова, а за правымъ — на особо высланный постъ отъ 5-й сотни 30-го полка.

Въ пять часовъ графъ Татищевъ собралъ у себя въ шалашѣ всѣхъ командировъ частей и сообщилъ имъ диспозицію, причемъ объяснилъ и условился окончательно, ка́къ и что́ кому дѣлать. Такимъ образомъ, всѣ уже заранѣе знали ясно и опредѣленно свою роль въ предстоящемъ дѣлѣ. Знали ее и субалтернъ-офицеры, знали въ общихъ чертахъ и солдаты, которымъ ротными командирами было растолковано что́ нужно. Остатокъ дня и вечеръ были всецѣло отданы отдыху. Въ 9 часовъ вечера проиграли зорю, люди хоромъ пропѣли «Отче нашъ» — и вскорѣ на бивуакѣ водворилось полное спокойствіе. Что́-то Богъ дастъ завтра....

---

*) 1-й батальонъ 9-го полка, 10-й стрѣлковый батальонъ, двѣ стрѣлковыя роты (1-я и 3-я) 10-го полка, 1-я, 2-я, 3-я и 4-я сотни 30-го казачьяго полка и 1-й взводъ 3-й батареи 3-й артиллерійской бригады (т.-е. два орудія, уже расположенныя на позиціи за насыпями).

**) Полусотня 5-й сотни и вся 6-я сотня 30-го полка.

LXXXII

Переходъ черезъ Траянъ

Бой на Траянѣ 26-го декабря.

Движеніе обходной колонны полковника Грекова. — Минутный вихрь. — Движеніе колонны графа Татищева. — Канонада. — Штурмъ карнарскихъ укрѣпленій. — Наступленіе противъ главныхъ траянскихъ укрѣпленій. — Охотники. — Общій видъ на Траянѣ и характеръ турецкой позиціи. — Памятная пуля. — Психическій эффектъ пули и гранаты. — Передовой перевязочный пунктъ. — О. Іоаннъ Доброхотовъ. — Смерть штабсъ-капитана Швейбуцкаго. — Штурмъ «Орлинаго гнѣзда». — Нижніе чины, отличившіеся на штурмѣ.

Траянскій отрядъ, д. Карнари, 31-го декабря.

Темное небо дымилось разорванными тучами и въ ихъ просвѣтахъ мигали рѣдкія звѣзды, когда колонна полковника Грекова, ровно въ четыре часа, тронулась съ бивуака. Всѣ части ея, взобравшись на вершину и сосредоточась, подъ покровомъ ночной темноты, въ небольшой сѣдловинѣ, противъ главныхъ турецкихъ укрѣпленій, въ глубокой тишинѣ двинулись по вершинамъ влѣво. Ни одна трубка, ни одна папироса не курилась; ни одного слова не перекинуто промежъ людей. И говоръ, и куреніе были строго воспрещены. Въ головѣ шли стрѣлковыя части въ составѣ четырехъ ротъ [1]), предназначенныя въ цѣпь. Командованіе всею пѣхотою обходнаго отряда полковникъ Грековъ ввѣрилъ маіору Иванову [2]), который въ главныхъ силахъ обходной колонны сосредоточилъ шесть ротъ, слѣдовавшихъ за цѣпью [3]).

Къ половинѣ восьмаго часа утра всѣ эти части расположились уже въ разстояніи 1,500 саженъ передъ правофланговыми укрѣпленіями, преграждавшими путь на Карнари [4]).

---

[1]) 1-я стрѣлковая рота 9-го полка, 1-я и 3-я стрѣлковыя роты 10-го полка и 2-я рота 10-го стрѣлковаго батальона.

[2]) Командиру 1-го батальона 9-го полка.

[3]) 3-я и 4-я роты 9-го полка, 1-я и 3-я роты 10-го стрѣлковаго батальона (4-я рота этого батальона находилась на позиціи при орудіяхъ) и 1-я и 2-я роты 9-го полка.

[4]) Въ боевой линіи части эти стали въ слѣдующемъ порядкѣ: на правомъ флангѣ — 10-й стрѣлковый батальонъ, имѣя двѣ роты въ цѣпи и одну роту въ частномъ резервѣ; въ центрѣ — 1-я и 3-я стрѣлковыя роты 10-го полка; на лѣвомъ флангѣ — 1-я стрѣлковая рота 9-го полка, а въ частномъ резервѣ за

Резервныя части отряда, находившіяся подъ начальствомъ графа Татищева, еще не снимались съ бивуака, когда въ пять часовъ утра какъ бы могучій вздохъ или стонъ пронесся по лѣсу и вдругъ загудѣлъ вихрь, заставившій ёкнуть не одно сердце. Поднимись теперь вьюга — ничто не удалось бы: погибла бы задаромъ и обходная колонна, и все, что̀ было на бивуакѣ... По счастію, минутъ черезъ пять вихрь улегся и согналъ съ неба послѣднія тучи. Въ шесть часовъ утра двинулись на перевалъ резервы и расположились тамъ въ сѣдловинѣ *). Два орудія **) установлены были на двухъ сосѣднихъ высотахъ такимъ образомъ, что первое дѣйствовало противъ главнаго передоваго люнета и его ложементовъ, а второе — противъ укрѣпленій карнарской дороги ***). Оба они открыли огонь одновременно. У турокъ очутилось теперь въ обоихъ укрѣпленіяхъ по одному горному орудію, которыхъ не было еще въ ночномъ дѣлѣ 23-го декабря, а на слѣдующій день (24-го) на наши пробные выстрѣлы отвѣчало только одно, изъ люнета; стало быть, противникъ втаскивалъ на Траянъ свою артиллерію почти одновременно съ нами. Оба горныя орудія тотчасъ же очень бойко и задорно стали отвѣчать на огонь девяти-фунтовокъ, но̀ не смотря на задоръ, ни одинъ ихъ снарядъ не нанесъ намъ ни малѣйшаго вреда во все время боя. Въ началѣ дѣла горныя гранаты почти не разрывались, но за то потомъ лопались очень изрядно и ложились большею частію возлѣ перваго нашего орудія и нѣсколько лѣвѣе его, въ томъ направленіи, гдѣ находился графъ Татищевъ съ Сухомлиновымъ и конвоемъ. Казаки, каждый разъ, какъ только заслышатъ въ воздухѣ шипѣніе приближающейся гранаты, такъ и командуютъ сами себѣ: «вались!» — и вся полусотня разомъ припадетъ къ землѣ и выжидаетъ пока зловѣщій спиральный звукъ шипящаго сна-

лѣвымъ флангомъ — 3-я и 4-я роты 9-го полка, въ общемъ же резервѣ обходной колонны — 1-я и 2-я роты 9-го полка и четыре сотни 30-го казачьяго полка.

*) 2-й и 3-й батальоны 9-го полка, 3-я рота 6-го сапернаго батальона и 6-я сотня 30-го полка; полусотня 5-й сотни того же полка находилась въ конвоѣ начальника эшелона, графа Татищева, и стала лѣвѣе перваго орудія.

**) 1-го взвода 3-й батареи 3-й артиллерійской бригады.

***) При орудіяхъ находились 4-я рота 10-го стрѣлковаго батальона, которая смѣнена была 9-ю и 10-ю ротами 9-го полка и направлена вслѣдъ за своимъ батальономъ.

ряда не пронесется надъ ихъ головами и не разрѣшится либо взрывомъ и звономъ летящихъ осколковъ, либо же простымъ шлепаньемъ гранаты въ снѣгъ гдѣ нибудь по близости. Тогда всѣ какъ одинъ человѣкъ поднимаются уже безъ всякой команды. Черезъ часъ это «валисъ» и общіе земные поклоны уже вызывали смѣхъ и шутки между казаками.

Въ восемь часовъ утра карнарское укрѣпленіе открыло ружейный огонь почти съ полутора-верстнаго разстоянія по развернувшимся войскамъ колонны Грекова. Постепенно подвигаясь впередъ и обходя это укрѣпленіе съ обоихъ фланговъ, маіоръ Ивановъ по общему сигналу повелъ атаку. Турки изъ ложементовъ, находившихся противъ лѣваго фланга Иванова, пытались было встрѣтить наше наступленіе штыками и съ этою цѣлью густой гурьбою высыпали передъ траншею; но общее наше «ура» и штыковый штурмъ съ разу покончили дѣло: турки были выбиты изъ карнарскаго укрѣпленія и, понеся громадныя потери, бросились бѣжать по крутому спуску къ Карнари. Во слѣдъ бѣгущему противнику тотчасъ же были пущены четыре сотни 30-го полка. Хотѣли было казаки захватить орудіе, которое, прекративъ пальбу еще ранѣе штурма, уходило теперь внизъ, но это имъ не удалось: орудіе спускалось такъ поспѣшно и такъ неловко, что сверглось со скалы вмѣстѣ съ лошадью въ глубокую, почти отвѣсную пропасть, откуда нѣтъ никакой возможности его вытащить. Ужь на что четники Цеко Петкова—люди привыкшіе къ горнымъ движеніямъ, родившіеся и выросшіе въ Балканахъ, и тѣ ничего не могли подѣлать, не смотря на всѣ свои отчаянно-смѣлыя попытки,—такъ орудіе и остается на днѣ пропасти.

Во время преслѣдованія бѣгущихъ, казаки наткнулись на таборъ, пришедшій на помощь траянскимъ защитникамъ изъ Карлова. Передовая часть этого табора уже поспѣла было въ укрѣпленіе, но была обращена въ бѣгство вмѣстѣ съ другими силою нашего штыковаго штурма. Впрочемъ, подробности этого дѣла послѣ.

Въ десять часовъ утра Грековъ уже прислалъ донесеніе, что турки выбиты Ивановымъ изъ ихъ правофлангoваго укрѣпленія и бѣгутъ по спуску въ Карнари. Тогда на помощь обходной колоннѣ графъ Татищевъ отправилъ 3-й батальонъ своего полка, а 2-му батальону приказалъ наступать на глав-

ный передовой люнетъ съ фронта. Извѣстивъ объ этомъ генерала Карцова, графъ просилъ прислать къ нему поскорѣе 4-й эшелонъ, на усиленіе истощившагося резерва. Генералъ Карцовъ съ поля сраженія послалъ этому эшелону приказаніе двигаться со всею возможною поспѣшностію. Между тѣмъ графъ Татищевъ, отправляя на штурмъ 2-й батальонъ, далъ командиру его, маіору Духновскому, приказаніе «не зарываться».—«Колонна полковника Грекова обошла и выбила турокъ изъ правофланговыхъ укрѣпленій,—писалъ онъ,—не несите напрасныхъ потерь и захватите укрѣпленіе, какъ только противникъ станетъ оставлять его».

Получивъ это приказаніе, маіоръ Духновскій вызвалъ изъ 2-й стрѣлковой роты шесть охотниковъ, которые дожны были, такъ сказать, служить піонерами его атаки. На этотъ вызовъ откликнулись унтеръ-офицеры: Иванъ Гадаевъ, Назаръ Лексинъ, Сидоръ Кусакинъ и рядовые: Дмитрій Шалавинъ, Ѳедоръ Улитинъ и Григорій Иванычевъ. 2-й батальонъ двинулся молча и серьезно. Не было въ немъ человѣка, который не снялъ бы шапки и не перекрестился: всѣ понимали, на какое трудное дѣло ведутъ ихъ...

Вотъ каковъ былъ видъ этой позиціи, увѣнчанной грознымъ люнетомъ. Когда мы поднялись на высоту перваго гребня, предъ нами въ блескѣ великолѣпнаго зимняго утра какъ на ладони открылась вся макушка Траянова черепа. Влѣво были двѣ высоты, занятыя нашими орудіями; вправо тоже высота, гдѣ расположился наблюдательный постъ отъ 5-й сотни. Отсюда, если глянешь внизъ, виднѣлись впереди, въ глубокой долинѣ, черепичныя кровли и тонкій, бѣлый минаретъ мусульманской деревни Текке́, находящейся уже по ту сторону Балканскаго хребта. Тамъ, среди орѣховыхъ и дубовыхъ рощъ, среди роскошныхъ фруктовыхъ садовъ и правильно разбитыхъ плантацій, сверкали мѣстами подъ солнечнымъ лучемъ излучины не замерзшей рѣки Гіопса. То была поэтическая и не разъ уже воспѣтая «Долина Розъ»... И какъ близко къ намъ, казалось, была эта деревня и эта долина—просто, рукой подать! А между тѣмъ не такъ оно было на дѣлѣ: въ горахъ столь легко поддаешься на оптическіе обманы и такъ скрадываются здѣсь разстоянія.

Прямо впереди передъ нашими глазами шло ровное пространство, пересѣкаемое въ верстѣ разстоянія небольшою лощинкой, служившей началомъ лѣсистаго спуска—того самаго, къ которому въ ночной демонстраціи 23-го числа подполковникъ Сосновскій подвинулъ резервныя сотни, въ ожиданіи обхода со стороны турокъ. Въ этой лощинѣ залегли теперь резервы 2-го батальона. Противоположный подъемъ ея представлялъ бугоръ, на которомъ 23-го находилась офицерская группа. 2-я стрѣлковая и 5-я линейная роты раскинули цѣпь еще въ лощинкѣ, гдѣ вражескія пули пролетали надъ ихъ головами. Шесть охотниковъ первыми перебѣжали бугоръ, а за ними быстрымъ бѣгомъ миновали его и цѣпи обѣихъ ротъ. За бугромъ, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ сажень, шло опять совершенно ровное мѣсто, образуя по срединѣ себя лишь небольшую складку мертваго пространства, гдѣ 23-го числа находился Сосновскій съ полковникомъ Бородинымъ и куда придвинулись тогда же резервы стрѣлковаго батальона. Эта складка послужила теперь первымъ этапомъ цѣпи на пути ея къ люнету: въ ней на нѣкоторое время залегли наши звенья и открыли огонь вверхъ по укрѣпленію. Впереди складки, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, начинается крутой подъемъ на конусообразную скалистую высоту, вершина которой вѣнчалась люнетомъ. Высшая точка скалы составляла исходящій уголъ укрѣпленія, который чернѣлся передъ нами какимъ-то остроконечнымъ шпилемъ, въ родѣ шалаша или кровли. Двѣ-три такія же вышки, только нѣсколько меньшихъ размѣровъ, вырисовывались и по обоимъ фасамъ люнета. Отъ крайней изъ нихъ съ правой (а отъ противника съ лѣвой) стороны спускались внизъ, по гребню скалы, сложенные изъ камней ложементы; слѣва видна была торчащая гряда камней, тоже служившихъ ложементами, а позади люнета можно было различить какой-то скалистый утесъ, вышка котораго также курилась ружейными дымками: это было тыловое укрѣпленіе люнета, — родъ редюита, доставлявшаго всѣмъ вообще траянскимъ твердынямъ двухъ-ярусную оборону. Подъемъ къ люнету у исходящаго угла былъ столь крутъ, что и генералъ Карцовъ, и графъ Татищевъ справедливо сомнѣвались въ возможности взять его штурмомъ съ этого именно пункта, и разсчитывали на атаку фланговъ. Надо замѣтить, что все

передовое укрѣпленіе слыветъ у болгаръ и турокъ подъ характернымъ именемъ «Орлинаго гнѣзда»; наши же солдатики разжаловали его нѣсколькими степенями ниже и еще до штурма окрестили въ шутку «вороньимъ гнѣздомъ» и «вороньею стрехой». Впрочемъ, отъ этого едва ли оно сдѣлалось легче. Протяженіе всего турецкаго фронта курилось бѣлыми дымками ружейныхъ залповъ. Огонь противника направлялся не только на штурмующія части, но одновременно разсыпа́лся вѣеромъ и по̀ всей нашей линіи: пули достигали и 3-го батальона, шедшаго обходною дорогою на подкрѣпленіе полковника Грекова, и обѣихъ орудійныхъ позицій, и резервныхъ частей, стоявшихъ вмѣстѣ съ болгарскими четами на высотѣ перваго гребня; свистали и мимо ушей свиты генерала Карцова; стрѣляли турки специально и по ординарцамъ, направляемымъ съ приказаніями въ ту, или другую сторону. Все это какъ у насъ, такъ и у противника было на виду, какъ на ладони.

Одна изъ этихъ пуль навсегда будетъ памятна какъ для меня, такъ и для генерала Карцова, который находился впереди резервовъ. Желая отправить одно изъ приказаній къ графу Татищеву, онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и, положивъ ее на мое плечо, сталъ что-то писать карандашемъ; въ это время пуля рѣзко свиснула между его лицомъ и моимъ затылкомъ. Передвинься мы предъ этимъ моментомъ на полшага назадъ, или на полшага впередъ, и конечно—либо его, либо меня не существовало бы. Иные скажутъ, что это курьезный случай изъ разряда счастливыхъ; я же научился относить такіе «курьезные» случаи только къ Божьему промыслу, которой мы, къ сожалѣнію, не всегда склонны принять или постигнуть во всей его простой и каждому доступной очевидности. Впрочемъ, наши солдаты, «не мудрствуя лукаво», до глубины понимаютъ это дѣло и понимаютъ такъ ясно, во всей его простотѣ!.. Оттого-то они и крестятся столь набожно и усердно, когда идутъ въ атаку. Но странное дѣло: опытъ нынѣшней войны до̀зналъ, что пули наносятъ вредъ гораздо существеннѣе, чѣмъ гранаты, изъ которыхъ рѣдкія разрываются безусловно-безукоризненнымъ образомъ (и для этого надо, чтобы граната попала въ середину какой нибудь густой и плотной колонны)—и что̀ же? Сознавая это изъ опыта, тѣмъ не ме-

нѣе, все-таки спокойнѣе переносишь рѣзкій свистъ пули, пролетѣвшей мимо уха, чѣмъ заранѣе слышимое приближеніе артиллерійскаго снаряда. А при этомъ послѣднемъ душу охватываетъ безпокойное, ноющее чувство, въ которомъ откровенно сознается бо́льшая часть офицеровъ, испытавшихъ тотъ и другой огонь; быть можетъ, это происходитъ оттого, что пуля, летящая мимо уха, *напоминаетъ* смерть только одно мгновеніе, да и напоминаетъ его, собственно говоря, уже тогда, когда смерть пронеслась мимо; а спиральное шипѣніе гранаты *возвѣщаетъ* смерть еще за три-четыре секунды ранѣе чѣмъ она пронеслась надъ головою или разрѣшилась взрывомъ гдѣ нибудь по близости. Вотъ почему эффектъ артиллерійскаго огня, даже самаго недѣйствительнаго, *психически* дѣйствуетъ въ началѣ на всякія войска болѣе, чѣмъ самый существенный огонь ружейный. Впрочемъ, это бываетъ такъ только въ началѣ каждаго дѣла, а съ развитіемъ его это чувство постепенно притупляется.

Съ того мѣста впереди резервовъ, гдѣ находился генералъ Карцовъ, очень удобно было слѣдить за всѣмъ ходомъ атаки, которая, по близости ея разстоянія, даже и безъ биноклей, отлично была видна простымъ, невооруженнымъ глазомъ. Мы видѣли, какъ постепенно, словно цѣпкія кошки, все впередъ и впередъ подвигались шесть охотниковъ 2-й стрѣлковой роты и какъ вслѣдъ за ними перебѣгала цѣпь, какъ снялись изъ лощинки ея резервы, какъ наши солдаты, будто бульдоги, вцѣпились чуть не зубами въ подножіе люнета и не уступали ни шагу, не смотря на градъ ружейныхъ выстрѣловъ. Линія раненыхъ, спускавшихся съ бѣло-снѣжной горы, ясно обозначалась отдѣльными чернѣвшимися человѣчками. Тамъ и сямъ, словно маленькія черточки, были раскиданы на снѣгу убитые и тяжело раненые. Генералъ Карцовъ направилъ туда санитаровъ, которые подъ частыми пулями отлично исполняли свое дѣло. Между этими санитарами были сѣдобородые старики, украшенные еще кавказскими крестами и даже крымскими медалями. Они бодро шли въ самый кипень боя и выносили изъ него раненыхъ, первая помощь которымъ подавалась подъ выстрѣлами. Передовой перевязочный пунктъ расположился у насъ около резервовъ, и здѣсь младшій врачъ 9-го полка Кимбаръ, совсѣмъ еще розовый юноша, и диви-

зіонный докторъ Кунаховичъ, подъ пулями, перевязывали приносимыхъ страдальцевъ, а полковой священникъ 9-го же полка, отецъ Іоаннъ Доброхотовъ напутствовалъ желающихъ изъ «тяжелыхъ» послѣднимъ христіанскимъ обрядомъ. Умилительно было видѣть этихъ трехъ людей, съ такимъ самоотверженіемъ исполнявшихъ свои обязанности. Въ особенности пріятно было смотрѣть на отца Іоанна: съ его молодаго и широкаго великорусскаго лица, не смотря на зловѣщіе свисты, не сходила добрая, ободряющая улыбка. Да что̀ и говорить! — Здѣсь всѣ, отъ перваго до послѣдняго, военные и не военные добросовѣстно и честно исполняли свое святое дѣло. Но хорошо отбивались и наши противники! Надо отдать и имъ полную справедливость. Теперь уже дѣло шло на историческое самолюбіе: перешегнетъ ли въ первый разъ отъ созданія міра военная нога черезъ недоступный Траянъ и назоветъ ли исторія эту ногу *русскою ногою*?

Время шло уже къ полудню; ослѣпительный блескъ солнечныхъ лучей, отражаясь на снѣгѣ, жестоко рѣзалъ глаза; кромѣ того, солнце стояло какъ разъ передъ глазами нашей цѣпи и мѣшало ей вѣрно цѣлить. На вершинѣ оно пекло совершенно по лѣтнему и въ первомъ часу стало такъ жарко, что хоть скидай съ себя все, до сорочки! Мы обливались потомъ. Казалось, не только турки, но и самая природа соединилась съ ними, чтобы противостать нашему наступленію. Въ это время санитары приносятъ извѣстіе, что командиръ 5-й линейной роты 9-го полка, штабсъ-капитанъ Швейбуцкій, убитъ. Первая пуля попала ему въ ладонь лѣвой руки; онъ только что хотѣлъ обернуться къ своей ротѣ и крикнулъ ей «впередъ» — какъ вдругъ вторая пуля хватила его прямо въ грудь, выше сердца, и перебила аорту. Бѣдный Швейбуцкій, завертѣвшись нѣсколько на мѣстѣ, упалъ уже мертвымъ. Графъ Татищевъ считалъ его однимъ изъ лучшихъ своихъ ротныхъ командировъ. Этотъ офицеръ никогда не хотѣлъ носить ни полушубка, ни пальто, сшитаго изъ грубаго солдатскаго сукна, всегда вступалъ въ бой изящнымъ щеголемъ, въ чистенькомъ мундирчикѣ, на виду у всѣхъ, впереди своей роты, и оттого, безъ сомнѣнія, обращалъ на себя вниманіе непріятеля. За это онъ, бѣдный, и поплатился. Солдаты бережно отнесли его въ лощину, гдѣ на слѣдующій день похоронили.

Время шло, а между тѣмъ передовой люнетъ намъ не давался, не смотря на то, что мы имѣли уже извѣстіе о благополучномъ спускѣ Грекова въ «Долину Розъ» у Карнари. Взять укрѣпленіе «въ лобъ», прямо съ фронта, было крайне трудно, если даже не окончательно невозможно. Тѣмъ не менѣе, наши солдаты 2-го батальона впились въ скалу, какъ пьявки, и подвигаясь вслѣдъ за своими шестью піонерами, каждыя пять минутъ постепенно укорачивали на нѣсколько шаговъ разстояніе между своимъ фронтомъ и недоступнымъ брустверомъ. Послѣ полудня къ генералу Карцову пріѣхали графъ Татищевъ, Сухомлиновъ и Сосновскій, отправившійся еще въ началѣ дѣла на артиллерійскую позицію. Въ виду полученной наканунѣ депеши Великаго Князя, внушавшаго не увлекаться фронтальною атакой и не нести напрасныя потери, а также замѣчая теперь неодолимыя трудности штурма, всѣ эти лица уже начали было совѣщаться—что̀ предпринять далѣе, какъ вдругъ вокругъ вышки люнета, которую облѣпили наши солдаты, словно рой пчелъ, раздалось общимъ кличемъ побѣдное «ура!»—первое «ура» нынѣшняго дня. Всѣ взоры невольно обратились въ ту сторону, и мы увидѣли, что подъ напоромъ нашего настойчиваго, молодецкаго штурма, турки прекратили пальбу и бѣгутъ изъ укрѣпленія. Не прошло и двухъ минутъ, какъ наши уже перескочили за брустверъ и «ура» зашумѣло внутри укрѣпленія... Что̀ за торжественная была эта минута! Все, что̀ было вокругъ насъ, скинуло шапки, закидало ихъ къ верху и закричало «ура». Офицеры бросились къ Карцову поздравлять его съ побѣдою, кидались одинъ другому въ объятія, цѣловали и поздравляли другъ друга. Солдаты и казаки дѣлали то же. И такъ, невозможное, или почитавшееся до сихъ поръ невозможнымъ, достигнуто наконецъ русскою грудью! Непроходимый Траянъ побѣжденъ маленькимъ русскимъ отрядомъ и побѣжденъ въ ту самую минуту, когда уже явилось нѣкоторое сомнѣніе въ возможности преодолѣть эти твердыни, и все-таки надо сказать, что результатъ этотъ достигнутъ благодаря энергіи и настойчивости начальствующихъ лицъ, отъ генерала до послѣдняго унтеръ-офицера. Такъ, напримѣръ, унтеръ-офицеры 2-й стрѣлковой роты Семенъ Колесовъ, Исаія Куклевъ и Василій Кисловъ, вмѣстѣ съ шестью охотниками, первыми ворва-

лись въ люнетъ, причемъ Кисловъ захватилъ непріятельское орудіе, а рядовой 5-й роты Василій Лукановъ помогъ ему въ этомъ. Той же роты рядовой Шліома Шульцъ, про котораго товарищи дружелюбно говорятъ, что онъ «зъ нашихъ», не смотря на полученную имъ тяжкую рану въ плечо, продолжалъ наступать впередъ и тоже одинъ изъ первыхъ перескочилъ за непріятельскій брустверъ. Въ часъ и десять минутъ по полудни все уже было покончено въ Траянскомъ люнетѣ.

LXXXIII

Переходъ черезъ Траянъ

Занятіе Текке и Карнари.

Турецкія звѣрства на Траянѣ. — «Орлиное гнѣздо», его внутренность и устройство. — Дьяконы-добровольцы и дѣвушки-войнички. — Характеръ южнаго склона Траянскихъ Балкановъ. — Путь отступленія турокъ и наше преслѣдованіе. — На рубежѣ земли обѣтованной. — Salto mortale. — Вступленіе въ Текке. — Небезопасное положеніе нашего отряда. — Зажиточный турецкій домъ въ Текке. — Переходъ въ Карнари, 27-го декабря, и наши траянскія трофеи. — Показанія плѣнныхъ. — Дѣйствія обходной колонны Грекова 26-го числа, въ «Долинѣ Розъ». — Взятіе съ боя турецкаго обоза. — Атака кургана. — Наши потери. — Заслуга траянскаго отряда.

Траянскій отрядъ, г. Карлово, 2-го января 1878 года.

Тотчасъ по взятіи передоваго люнета, генералъ Карцовъ послалъ меня осмотрѣть турецкія укрѣпленія на Траянѣ. Не доѣзжая до нихъ шаговъ полтораста, я увидѣлъ влѣво отъ себя распростертое на снѣгу совершенно обнаженное человѣческое тѣло. —«Это наши, замѣтилъ одинъ изъ сопровождавшихъ меня казаковъ,—извольте посмотрѣть, ваше благородіе, тутъ ихъ нѣсколько». Я подъѣхалъ къ первому тѣлу и почувствовалъ невольное содроганіе ужаса: предо мною лежалъ голый трупъ русскаго солдата, раненаго въ ногу. Голова этого несчастнаго была совершенно отрѣзана и уткнута носомъ въ снѣгъ, а тѣло лежало навзничь съ поднятыми къ шеѣ и судорожно сведенными руками. Видно, что страдалецъ въ послѣднее мгновеніе жизни сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы защититься, да такъ и застылъ съ этимъ жестомъ...

Второй трупъ былъ не менѣе ужасенъ: грудь его исполосована крестообразными ранами, горло проткнуто штыкомъ, темя разрублено, и тоже крестообразно. У третьяго были отрублены ноги по щиколки, у четвертаго—по колѣни. Всѣхъ труповъ оказалось восемь, но остальные четыре не носили на себѣ никакихъ слѣдовъ истязаній, а только были ограблены до нага, даже и сорочекъ на нихъ не оставили. Невольно рождался вопросъ: почему же только четверо подвергнуты столь ужаснымъ истязаніямъ? Но вопросъ этотъ разрѣшался очень просто, стоило лишь обратить вниманіе на свойство раненій; у послѣднихъ четырехъ труповъ раны были безусловно смертельныя: въ грудь и въ голову, поэтому ихъ и не мучили; истязаніямъ же подверглись только раненые относительно довольно легкимъ образомъ и преимущественно въ ноги. Это были наши стрѣлки 10-го батальона, оставленные за невозможностію разыскать ихъ въ потемкахъ, послѣ ночной демонстраціи 23-го декабря. Нѣтъ силъ и словъ описать то чувство, которое испытываешь, видя во-очію подобныя звѣрства. Это совсѣмъ не то, что слышать или читать о нихъ съ чужаго разсказа. Нѣсколько солдатъ и казаковъ приблизились вслѣдъ за мною къ убитымъ и молча стояли надъ ними, видимо потрясенные и возмущенные до глубины души этимъ зрѣлищемъ. Лица ихъ были суровы и мрачны. Наконецъ одинъ изъ казаковъ, отходя прочь, перекрестился и промолвилъ: «Ну, Господи, прости же Ты меня, а только ни одному я больше не дамъ пощады». Этотъ казакъ случайно былъ выразителемъ общей и единой мысли всѣхъ присутствовавшихъ. Турки, когда ихъ упрекаютъ въ звѣрствахъ надъ ранеными, всегда сваливаютъ вину на черкесовъ и баши-бузуковъ. *Но ни тѣхъ, ни другихъ на Траянѣ не было.* Здѣсь дралась *исключительно регулярная* пѣхота, и стало быть исключительно *она* ограбила и изуродовала стрѣлковъ 10-го батальона.

По скалистой кручѣ взобрался я наконецъ на небольшую площадку, составлявшую внутренность люнета.

Да, турки, пожалуй, и правы, назвавъ его орлинымъ гнѣздомъ... Все укрѣпленіе, равно какъ и оба ряда ложементовъ, сложены изъ камня, а снаружи обсыпаны землею и покрыты дерномъ. Рва не имѣется, да онъ, пожалуй, тутъ и не ну-

женъ, такъ какъ подножіемъ люнета, и особенно у исходящаго угла, служитъ почти отвѣсная скала. То, что издали представлялось намъ черными конусообразными крышами, въ дѣйствительности оказалось шалашами, вѣнчающими исходящій уголъ и фасы люнета. Шалаши эти очень хорошо приспособлены къ безопасному помѣщенію въ нихъ солдатъ: съ основанія и до половины своей высоты они сложены изъ камня же, какъ и всѣ траянскія укрѣпленія, а снаружи покрыты достаточно толстымъ слоемъ земли и дерна. Въ каждомъ шалашѣ продѣлано по одному или по два небольшихъ окошка, изъ которыхъ турки могли стрѣлять, не подвергаясь сами ни малѣйшей опасности отъ выстрѣловъ противника. Здѣсь, около площадки, мы нашли восемь турецкихъ труповъ, въ числѣ которыхъ былъ и офицеръ, командовавшій люнетомъ. Онъ убитъ осколкомъ гранаты и притомъ очень замѣчательно: осколокъ, попавъ ему въ шею, совершенно срѣзалъ голову съ туловища. Вообще, здѣсь оказалось, что нашъ ружейный огонь, благодаря свойствамъ укрѣпленія, не причинилъ противнику ни малѣйшаго вреда: всѣ пораженія нанесены были исключительно осколками. Около стѣнокъ люнета и ложементовъ было разбросано множество изстрѣлянныхъ металлическихъ гильзъ и чуть ли еще не болѣе неизрасходованныхъ патроновъ. Валялось и нѣсколько оружія. Болгары, появившіеся тутъ вслѣдъ за штурмовавшими ротами, усердно подбирали то и другое, и шарили по обширнымъ, помѣстительнымъ землянкамъ, расположеннымъ позади люнета; тамъ они находили и кофе, не остывшій еще на тлѣющихъ очагахъ, и пшеничный хлѣбъ, и много баранины, а еще больше жестяныхъ коробокъ съ патронами.

Между сотнями болгаръ-четниковъ и окрестныхъ поселянъ въ особенности выдѣлялись пять типическихъ личностей: это сѣдокудрый старецъ-священникъ въ камилавкѣ и съ посохомъ, два молодые дьякона съ винтовками за спиной и патронташами вокругъ пояса, и двѣ прелестныя дѣвушки-болгарки, лѣтъ 17—19-ти, тоже съ ружьями и патронными сумами. Все это были бѣглецы изъ-подъ Филиппополя и вообще съ береговъ Марицы, возвращавшіеся теперь, вмѣстѣ съ русскими войсками, въ мѣста своей родины. Лица дѣвушекъ и обоихъ дьяконовъ пылали увлеченіемъ, восторгомъ, вдохнове-

ніемъ... И съ какимъ чувствомъ кричали они привѣтственное «ура» нашимъ казакамъ и солдатамъ, какъ стремительно и ловко, словно горныя газели, прыгали со скалы на скалу, преслѣдуя бѣгущихъ турокъ!.. Я заглядѣлся, залюбовался на этихъ красивыхъ и храбрыхъ амазонокъ, изъ которыхъ одну зовутъ Марицей, а другую Бойкой. Одинъ лишь священникъ, какъ лицо, приносящее безкровную жертву Господу, оставался безоружнымъ посреди всѣхъ этихъ юнаковъ-добровольцевъ; его оружіемъ былъ наперсный крестъ, которымъ онъ благословлялъ на бой и напутствовалъ умирающихъ четниковъ.

Надо было взглянуть на траянскія укрѣпленія извнутри, чтобы судить о ихъ силѣ и вполнѣ понять, какія невѣроятныя трудности пришлось преодолѣть штурмовымъ ротамъ. Не удайся намъ обходное движеніе, сопряженное со штурмомъ укрѣпленій, прикрывавшихъ карнарскій путь,—можно сказать почти навѣрное, что при атакѣ люнета «въ лобъ» едва ли не разбились бы усилія цѣлаго корпуса, а не то̀ что нашего маленькаго отряда! Дѣло въ томъ, что въ случаѣ фронтальной атаки, по взятіи люнета, намъ пришлось бы брать еще редюитъ, прикрывающій тылъ и расположенный на особой отвѣсной со всѣхъ сторонъ скалѣ, на которую ведетъ зигзагами только узенькая головоломная тропинка, сплошь находящаяся подъ выстрѣлами. Взбираться по ней возможно не иначе, какъ по одиночкѣ, да и то съ ужасными затрудненіями, а въ это время кучка непріятельскихъ стрѣлковъ могла бы съ полнымъ успѣхомъ бить любаго человѣка, на выборъ—и ни одинъ не ушелъ бы цѣлымъ изъ-подъ выстрѣловъ. Только обозрѣвъ вполнѣ всю траянскую позицію, я понялъ окончательно, почему здѣсь въ сѣдой древности гибли римскіе легіоны и почему военные авторитеты нашего времени считаютъ ее недоступною.

Мнѣ было приказано—по обозрѣніи укрѣпленій, спускаться на южную сторону Балкана, вмѣстѣ съ 6-ю сотнею 30-го полка и старо-ингерманландскими ротами, которыя, не медля ни одной минуты, начали преслѣдованіе бѣгущаго противника. 2-я стрѣлковая и 5-я линейная роты, вмѣстѣ съ охотниками отъ всѣхъ остальныхъ ротъ 2-го батальона, сбросивъ съ себя въ укрѣпленіяхъ все лишнее, въ родѣ сухарныхъ мѣшковъ

и палатокъ, и оставивъ при этихъ вещахъ особыхъ часовыхъ, пустились преслѣдовать турокъ налегкѣ, съ одними патронами.

На первомъ же уступѣ южнаго склона я нагналъ графа Татищева и подполковника Сухомлинова. Не льстя ни тому, ни другому, я тѣмъ не менѣе долженъ сказать, что бодрость и энергія графа и его помощника, не спавшихъ болѣе сутокъ и вынесшихъ наравнѣ съ солдатами массу трудностей, были изумительны.

Южный склонъ хребта еще хуже сѣвернаго: онъ гораздо круче, скалистѣе и пересѣченнѣе, а такъ какъ мы спускались на Текке, то въ этомъ направленіи даже и тропинки не существуетъ. Нерѣдко приходилось прыгать внизъ съ камня на камень, какъ бы по естественнымъ ступенямъ, изъ которыхъ многія были болѣе чѣмъ въ полтора аршина вышиною. Здѣсь наши добрыя русскія лошади просто поражали насъ своимъ умомъ и снаровистой ловкостію. А вѣдь это все по преимуществу степныя лошади, изъ которыхъ едва ли какая видала и испытала горные пути прежде Балкана! Передъ каждою такою ступенью лошадь вся осѣдаетъ назадъ, затѣмъ осторожно выноситъ впередъ и спускаетъ внизъ одну, потомъ другую ногу, плотно ставитъ ихъ рядомъ, и тогда уже, утвердясь передними копытами на новой ступени, плавно соскальзываетъ на нее поджатыми подъ себя задними ногами. Это была такая эквилибристика, какую не часто встрѣтишь и въ образцовомъ циркѣ, а здѣсь сама нужда выучила. На этомъ спускѣ множество солдатъ вконецъ изодрали свою обувь, нарѣзываясь на острые камни. Снѣгу на южномъ склонѣ было уже очень мало: онъ бѣлѣлся только во впадинахъ да въ глубинѣ затѣненныхъ овраговъ, но за то мѣстами глинистая почва, размякшая подъ стаявшимъ снѣгомъ, липла къ подошвамъ и усугубляла трудности движенія. Многіе выбивались изъ силъ, и однако же волей-неволей надо было спускаться, потому что, во-первыхъ, мы должны были преслѣдовать непріятеля, а во-вторыхъ—на склонѣ не имѣлось ни одного достаточно просторнаго мѣста, гдѣ можно бы провести ночь; да и не безопасно проводить ее зимою на Балканѣ, гдѣ погода такъ предательски измѣнчива. Потерпѣвъ значительное крушеніе въ своей обуви и утомясь до полнаго изне-

моженія, нѣкоторые офицеры и казаки—сколь ни жалко лошадей—вынуждены были сѣсть верхомъ; но спускъ мѣстами до того былъ крутъ, что имъ приходилось совершенно опрокидываться корпусомъ на заднюю луку, дабы сохранить на сѣдлѣ вертикальное положеніе. Пѣшіе люди въ подобныхъ обстоятельствахъ просто ложились на спину и скатывались внизъ.

Въ одномъ мѣстѣ, проходя мимо глубокой пропасти, мы замѣтили на ея противоположномъ и почти отвѣсномъ склонѣ узенькую тропинку, которая чернѣлась на снѣгу и стремилась въ глубину по совершенно прямой линіи. Въ началѣ намъ казалось непонятнымъ, какъ это можно взбираться или спускаться по такой тропинкѣ и притомъ безъ малѣйшихъ уклоновъ и зигзаговъ. Но когда вглядѣлись пристальнѣе въ дно пропасти у того мѣста, въ которое упиралась мудреная тропинка, для насъ объяснилось съ разу въ чемъ тутъ дѣло: это былъ путь, избранный большинствомъ турокъ, бѣжавшихъ съ Траянова черепа, въ виду нашего преслѣдованія. Тамъ, на днѣ пропасти, валялась груда мертвыхъ и умирающихъ аскеровъ, которые еще кое-какъ барахтались изъ-подъ налегшихъ на нихъ товарищей, а одинъ трупъ, съ размозженною головою, лежалъ по серединѣ тропинки, зацѣпясь за сучекъ терноваго кустарника. Это, вѣроятно, былъ послѣдній человѣкъ изъ тѣхъ, что̀ избрали такую буквально головоломную дорогу для своего спасенія. Очевидно, что турки просто скатывались внизъ, предпочтя это направленіе, какъ кратчайшее; но надо думать, что такой ужасный путь могли указать людямъ только ихъ смертное отчаяніе и жесточайшая паника. Тѣ, кому удалось болѣе или менѣе благополучно свергнуться внизъ, старались прятаться отъ взоровъ нашихъ солдатъ за большими камнями, или за объемистыми стволами старыхъ деревьевъ, либо же пробирались сквозь густой и колючій кустарникъ, покрывавшій дно пропасти. Солдаты и болгары, замѣтивъ гдѣ нибудь внизу кучку такихъ бѣглецовъ, начинали ихъ подстрѣливать; турки иногда отвѣчали на огонь, и тогда завязывалась тамъ и сямъ кратковременная перестрѣлка, въ результатѣ которой гдѣ нибудь на днѣ оказывалось нѣсколько турецкихъ труповъ. Наши стрѣлки большею частію укладывали всѣхъ до послѣдняго. Весь нашъ путь усѣянъ былъ

трупами. Это было дѣломъ двухъ ротъ—2-й стрѣлковой и 5-й линейной, вмѣстѣ съ охотниками, шедшими въ разбродъ по скаламъ, впереди преслѣдующей колонны.

Какъ я сказалъ уже, передовой люнетъ былъ взятъ 2-мъ батальономъ въ часъ и десять минутъ по полудни, причемъ преслѣдованіе началось немедленно же, а спустились мы въ Долину Розъ только въ семь часовъ вечера, когда стало уже совершенно темно и на ясное, темносинее небо выплылъ золотистый серпъ молодаго мѣсяца, сіявшій рядомъ съ «рождественскою» звѣздою. И такъ, чтобы пройдти пятиверстное разстояніе спуска отъ люнета до Текке *) намъ, при всей поспѣшности нашего марша, потребовалось шесть часовъ времени, и все это движеніе сопровождалось непрерывнымъ стрѣлковымъ боемъ. Такъ какъ бóльшею частію приходилось идти по карнизамъ пропастей, то изъ глубины послѣднихъ нерѣдко посылались вверхъ турецкія пули, которыя хотя и свистали мимо ушей, но, по счастію, не причиняли людямъ почти никакого вреда: снизу вверхъ вообще цѣлить весьма трудно, а тѣмъ болѣе при такихъ крутизнахъ. За то наши пули били на выборъ, и много, много правовѣрныхъ полегло въ этотъ день въ терновыхъ кустарникахъ, на днѣ пропастей, гдѣ отыщутъ ихъ развѣ одни вóроны…

Во время этого спуска одинъ чрезвычайно живописный моментъ особенно врѣзался въ мою память. На небольшой площадкѣ графъ Татищевъ далъ кратковременный отдыхъ саперамъ и тремъ ротамъ своего 2-го батальона. Пріостановились мы не болѣе какъ минутъ на пять, на шесть. Графъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы поблагодарить людей за совершонное ими сегодня гигантское дѣло. Отвѣтомъ ему было громкое «ура» въ честь Государя. Тутъ же кучка солдатъ 2-й стрѣлковой роты, вмѣстѣ со своимъ лихимъ командиромъ, штабсъ-капитаномъ Яковлевымъ, тащила на рукахъ свой призъ—горное орудіе съ лафетомъ и со всѣми принадлежностями, и ужь Богъ ихъ знаетъ, кáкъ это они ухитрялись протаскивать подобную тяжесть по такимъ трущобамъ… Пара муловъ, нагруженныхъ снарядами этого орудія, слѣ-

---

*) Эта мѣра разстоянія опредѣляется самими турками и мѣстными болгарами.

довала непосредственно за кучкой. Я обернулся назадъ и кинулъ взоръ на верхъ къ пройденному пространству. Съ этого мѣста снѣжный черепъ Траянскаго перевала уже не былъ видѣнъ, а являлась возможность охватить взглядомъ только нѣсколько террасообразныхъ и картинно очерченныхъ уступовъ, которые обширнымъ амфитеатромъ развертывались надъ нашими головами. Всѣ эти уступы покрыты были множествомъ пестрыхъ человѣческихъ группъ, спускавшихся къ низу; тутъ находились и наши отсталые, и цѣлыя массы болгаръ, мужчинъ и женщинъ, невѣдомо какъ и откуда вдругъ набравшихся въ хвостѣ нашей колонны. А впереди, внизу, развертывался прелѣстный и граціозный видъ на долину Гіопса, разграфленную полосами благодатныхъ пашень, усѣянную орѣховыми рощами, розовыми плантаціями и темными пятнами турецкихъ деревень, изъ которыхъ Текке была, казалось, такъ близко, совсѣмъ подъ ногами. Всю эту широкую картину дивной природы, эту долину, рисовавшуюся какъ на ландкартѣ, и эти суровыя сѣрыя скалы, окружавшія насъ, и эти сосѣднія снѣжныя вершины, и все это множество народа, унизывавшаго уступы, волшебно озаряло съ боку ярко-розовымъ свѣтомъ заходящее солнце.

— Взгляните на эти массы людей—сказалъ мнѣ одинъ изъ офицеровъ,—вѣдь это словно какое-то великое переселеніе... словно библейскій народъ на рубежѣ земли обѣтованной!

И дѣйствительно, общая картина въ эту минуту, при побѣдныхъ кликахъ войска и при этомъ багряномъ солнечномъ блескѣ, являла собою дивную декорацію, исполненную торжественнаго величія и высокаго драматизма. Тотъ народъ, что валилъ теперь по пятамъ русскаго солдата—народъ, угнетенный пятивѣковымъ рабствомъ, могъ смотрѣть на разстилавшіяся у ногъ его пространства, какъ на обѣтованную землю своей будущей свободы, искупленной цѣною русской крови!

А внизу межъ тѣмъ кипѣла горячая перестрѣлка.

Черезъ нѣсколько минутъ солнце скрылось за горами и наступили короткія сумерки, послѣ которыхъ насъ объяла прозрачная тьма, насыщенная слабыми лучами молодаго мѣсяца. До Текке оставалось еще съ версту; впрочемъ, движе-

ніе въ этой тьмѣ было еще кое-какъ возможно, тѣмъ болѣе, что тутъ появилось уже нѣкоторое подобіе тропинки. Мы шли мимо колючихъ кустарниковъ терна и шиповника, отъ которыхъ сильно доставалось нашему платью. Порою приходилось нагибаться, чтобы пройдти подъ древесными вѣтвями, загородившими тропинку. Но вдругъ передъ нами неожиданное препятствіе: поперекъ пути легла глубокая разсѣлина, около полутора аршина въ ширину, по которой прядаетъ сверху шумящій и пѣнистый водопадъ, обдавая насъ брызгами. При этомъ—ни малѣйшаго намека на какой бы ни было мостикъ. Надо прыгать черезъ разсѣлину и ухитряться попасть ногою на узенькое горизонтально лежащее пространство въ родѣ батарейной бермы, не болѣе какъ въ двѣ четверти шириною. Но главная трудность еще не въ прыжкѣ, а въ томъ, что тропинка съ разу, на томъ же шагу дѣлаетъ крутой заворотъ влѣво мимо терноваго куста и тутъ же круто начинаетъ спадать внизъ. Мой прыжокъ сбошелся мнѣ вполнѣ благополучно, если не считать кровавыхъ уколовъ терна, за который пришлось ухватиться рукою; но я съ ужасомъ подумалъ о моей верховой лошади: каково-то удастся ей совершить это мудрёное salto mortale,—и что же!—не только верховыя, но даже вьючныя лошади всего отряда прошли здѣсь въ потьмахъ безъ несчастныхъ случаевъ. Опять-таки ихъ выручили природныя качества, которыя, къ сожалѣнію, мы такъ мало цѣнимъ въ нашей русской лошади.

Въ долинѣ и въ самой деревнѣ то и дѣло вспыхивали огоньки ружейныхъ выстрѣловъ; но вотъ послѣдовательно, одинъ вслѣдъ за другимъ, раздались два отчетливые залпа, затѣмъ грянуло родное «ура», которое поглотило въ своемъ звукѣ какіе-то стоны и отчаянные вопли; этому крику, мгновенье спустя, словно эхо, откликнулось издали другое «ура», подхваченное нашими въ сосѣдней деревнѣ Карнари, и затѣмъ на нѣсколько минутъ все смолкло, какъ бы замерло... Мирно и, казалось даже, будто привѣтливо мигали огоньки въ окнахъ селеній; мирно покоилась долина, слегка заволакиваясь тонкимъ туманомъ; кротко обливалъ мѣсяцъ всю окрестность своими тихими серебристыми лучами. Какіе странные и рѣзкіе контрасты! Даже не вѣрилось какъ-то, что за минуту по этой самой долинѣ могли гремѣть боевые

выстрѣлы. Но вотъ опять молніеподобная вспышка, опять роковой звукъ, и вслѣдъ за нимъ, гдѣ-то, по близости, заунывно просвистала пуля. Этотъ выстрѣлъ раздался изъ какого-то дома въ Текке. Жители-турки стрѣляли по войскамъ, вступавшимъ въ деревню. Съ нашей стороны было пущено двѣ-три отвѣтныя пули. Спустя нѣсколько минутъ мы уже шли по одной изъ улицъ селенія. Порою тамъ и сямъ раздавались еще отдѣльные выстрѣлы, но звукъ ихъ уже замѣтно удалялся. Это—отстрѣливаясь отъ насъ, бѣжали изъ Текке, подъ покровомъ вечерней темноты, послѣдніе изъ жителей и аскеровъ, фанатически рискнувшись оставаться въ деревнѣ вплоть до занятія ея русскими силами. Уже въ самой улицѣ мы наткнулись на два трупа—казака и болгарина-добровольца, павшихъ жертвами послѣднихъ вражьихъ выстрѣловъ. Вскорѣ казаки донесли, что селеніе окончательно очищено жителями, и мы спокойно могли размѣститься по квартирамъ.

Положеніе нашего небольшаго отряда было далеко не изъ безопасныхъ. Мы перешагнули за Балканскій хребетъ и очутились безъ артиллеріи, безъ сухарей и съ самымъ ничтожнымъ количествомъ боевыхъ патроновъ, въ мѣстности, служившей пріютомъ исключительно турецкому населенію. Показанія захваченныхъ въ плѣнъ турецкихъ офицеровъ и солдатъ единогласно удостовѣряли, что справа и слѣва отъ насъ, не далѣе какъ въ пятнадцати верстахъ, въ Клиссурѣ и въ Карловѣ, находятся еще турецкія силы; можно было разсчитывать, что если не въ эту же ночь, то завтра утромъ противъ насъ будетъ сдѣлана ими какая-либо попытка, а потому, на всякій случай, изъ предосторожности, роты были расположены въ сосредоточенномъ порядкѣ по нѣсколькимъ сосѣднимъ дворамъ, селеніе окружено цѣпью довольно сильныхъ аванпостовъ, къ сторонѣ же Карлова и Клиссуры посланы значительные разъѣзды. Къ числу затруднительныхъ сторонъ нашего положенія надо отнести также и то обстоятельство, что пути отступленія у насъ не существовало. Если еще кое-какъ возможенъ былъ шестичасовой спускъ съ Трояна, то подъемъ на него съ боемъ являлся уже окончательно немыслимымъ. Нѣсколько нашихъ ротъ и казачьихъ сотенъ преслѣдовали турокъ вплоть до Малаго Балкана и окон-

чательно ихъ разсѣяли. Отъ той стороны порою все еще доносились звуки ружейныхъ выстрѣловъ.

Войдя въ занятый нами домъ, мы нашли очагъ, пылавшій еще полнымъ пламенемъ. Надъ нимъ висѣлъ на цѣпи мѣдный котелъ, въ которомъ варилась какая-то бобовая похлебка. Цыновки, коверъ, подушки, полная домашняя утварь—все это оставалось на своихъ обычныхъ мѣстахъ, какъ будто тутъ не случилось ничего особеннаго, какъ будто все «обстояло и обстоитъ благополучно». Основываясь на этихъ признакахъ, надо было думать, что хозяева покинули свое жилище въ числѣ самыхъ послѣднихъ, т. е. самыхъ неуступчивыхъ обитателей Текке, предъ самымъ вступленіемъ нашимъ въ деревню, и потому ничего не успѣли захватить съ собою. Домъ этотъ, судя по всему, принадлежалъ къ числу весьма зажиточныхъ и отнюдь не походилъ на тѣ несчастныя болгарскія землянки, какъ напримѣръ въ Боготѣ, жизнь въ которыхъ стала для насъ подъ конецъ совсѣмъ невыносимою. Здѣсь на каждомъ шагу являлась полная благосостоятельность, во всемъ проглядывало довольство, изобиліе. На дворѣ стояли большія скирды сѣна и соломы, въ хлѣвахъ тѣснился крупный и мелкій рогатый скотъ, домашняя птица сидѣла въ сараѣ на насѣстахъ, закромы полны были пшеницею, ячменемъ, овсомъ и кукурузою; въ кладовыхъ наша прислуга отыскала большіе запасы рису, бобовъ, муки, грецкихъ орѣховъ, сиропу, меду и цѣлыя бутыли прекрасной розовой воды. Но замѣчательно, что во всей деревнѣ не нашлось ни капли спирту, вина или водки. Это одно уже свидѣтельствуетъ, что тутъ обитало старозаконное, настоящее мусульманское населеніе, строго соблюдавшее постановленія корана. Не нашлось также и ни одной лошади, но это потому, что на лошадяхъ ускакали отъ насъ жители. Мы поужинали турецкимъ добромъ очень аппетитно, тѣмъ болѣе что цѣлый день рѣшительно ничего не ѣли, и не раздѣваясь отлично заснули, всѣ въ повалку, на ворохѣ ароматнаго сѣна.

На слѣдующее утро, 27-го числа, главныя силы отряда были передвинуты въ Карнари, гдѣ еще со вчерашняго дня находились части обходной колонны полковника Грекова. Штабъ нашъ, въ девятомъ часу, только что успѣлъ сѣсть на

коней и выѣхать въ одинъ изъ закоулковъ Текке, какъ повстрѣчался съ Грековымъ. Полковникъ ѣхалъ къ намъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ, конвоировавшихъ толпу плѣнныхъ аскеровъ. Позади его развѣвались два вчерашніе трофея: турецкое пѣхотное знамя—красное, съ бѣлыми надписями, и большой значекъ, съ огромнымъ краснымъ полотнищемъ, по срединѣ котораго красовался бѣлый полумѣсяцъ со звѣздою. Полковникъ Грековъ, представивъ свои трофеи, примкнулъ вмѣстѣ съ ними къ нашему штабу и поѣхалъ обратно въ Карнари, лежащее верстахъ въ пяти отъ Текке. Плѣнные были направлены туда же. Изъ ихъ показаній выяснилось, что противъ насъ было пять таборовъ, кромѣ того, который шелъ на подкрѣпленіе изъ Карлова. Три табора защищали передовой люнетъ, редюитъ и ложементы, одинъ находился въ право-фланговомъ укрѣпленіи и одинъ на спускѣ, въ резервѣ, а сотня черкесовъ занимала Карнари. Всѣмъ отрядомъ командовалъ Раффикъ-бей, успѣвшій бѣжать въ Малые Балканы.

Тутъ же на пути мы узнали слѣдующія подробности дальнѣйшихъ вчерашнихъ дѣйствій нашей обходной (карнарской) колонны.

Послѣ того какъ маіоръ Ивановъ со своимъ 1-мъ батальономъ 9-го полка успѣшно взялъ штурмомъ укрѣпленія, прикрывавшія спускъ на Карнари, полковнику Грекову было послано приказаніе атаковать главный люнетъ съ тылу, со стороны Текке. Въ силу этого приказанія, маіоръ Ивановъ направилъ по карнарскому спуску двѣ роты (2-ю и 3-ю) 9-го полка и часть казаковъ къ Текке, куда эти части должны были прослѣдовать по дорогѣ, лежащей въ долинѣ между подошвою Балканскаго хребта и Карнари. Между тѣмъ непріятель, выбитый изъ правофланговыхъ укрѣпленій маіоромъ Ивановымъ, успѣлъ, хотя и съ большими потерями, спуститься въ долину и занять Карнари. Тутъ присоединился къ туркамъ совершенно свѣжій таборъ пѣхоты, который только что пришелъ изъ Карлова на помощь защитникамъ Траянова перевала и теперь усѣялъ своими стрѣлками окраины деревни. Двѣ сотни 30-го полка, слѣдовавшія въ головѣ колонны Грекова, съ крикомъ «ура» бросились на селеніе, и лихо, въ одну минуту, такъ сказать, пронизали его на

сквозь своею атакою. Этотъ молодецкій налетъ былъ поддержанъ какъ разъ во-время четырьмя пѣхотными ротами *), которыя бѣгомъ или, вѣрнѣе говоря, кубаремъ скатились въ долину съ послѣдняго уступа Карнарскаго спуска и штыками выбили непріятельскихъ стрѣлковъ изъ-за каменныхъ оградъ, составляющихъ окраины деревни. Тутъ были взяты съ боя: турецкое знамя, штабъ-офицеръ, командовавшій карловскимъ таборомъ, и нѣсколько десятковъ аскеровъ, принадлежавшихъ къ аравійскому корпусу; остальные бѣжали къ Малымъ Балканамъ и на протяженіи пяти верстъ были настойчиво преслѣдуемы нашею пѣхотою и казаками. Большинство этихъ бѣглецовъ легло на пути—либо подъ пулями, либо отъ ударовъ пики. Пика работала здѣсь по преимуществу, и зіяющія сквозныя раны, наносимыя этимъ оружіемъ, безъ преувеличенія были ужасны... По крайней мѣрѣ, я никогда еще не видалъ подобныхъ.

Въ то самое время какъ Грековъ со своими донцами и четырьмя ротами атаковалъ Карнари, 2-я и 3-я роты 9-го полка съ частію казаковъ, направленныя на Текке для атаки въ тылъ передоваго люнета, едва успѣли миновать пространство между хребтомъ и Карнари, какъ наткнулись по дорогѣ на уходившій военный обозъ, прикрываемый частію аравійскаго низама и черкесскою сотней. Аскеры разсыпались за повозками и открыли огонь, а черкесы вздумали было встрѣтить нашихъ атакою, но не успѣли еще изготовиться къ ней, какъ казаки уже налетѣли на ихъ гурьбу и смяли ее въ одно мгновеніе ока. Тутъ въ происшедшей свалкѣ былъ отнятъ большой значекъ черкесской сотни, а между тѣмъ капитанъ Шелеповъ со своею 3-ю ротою штыками выбилъ пѣхотное прикрытіе изъ-за повозокъ, и овладѣлъ транспортомъ въ 80 повозокъ, наполненныхъ галетами, рисомъ, мукою, солью, патронами, овчинами и палатками. Передавъ все это казакамъ, капитанъ Шелеповъ двинулся далѣе.

На половинѣ пути между Карнари и Текке, шагахъ въ трехстахъ отъ дороги, съ лѣвой стороны находится древній

*) 1-ю стрѣлковою 9-го полка, 1-ю и 3-ю линейными 10-го полка и 2-ю ротою 10-го стрѣлковаго баталъона.

курганъ, покрытый густыми колючими кустами и фруктовыми деревьями. Съ высоты этого кургана раздался вдругъ бѣглый огонь въ лѣвый флангъ 3-й роты. Повернувъ свой фронтъ влѣво, Шелеповъ съ трехъ сторонъ охватилъ курганъ цѣпью и крикнулъ туркамъ: «Проси аманъ! Сдавайся!» Тѣ отвѣчали на это усиленіемъ бѣглаго огня. Тогда Шелеповъ, придвинувъ резервъ своей цѣпи, стянулъ въ сомкнутый строй всю роту, далъ по кустамъ два отчетливые залпа и затѣмъ бросился на штурмъ кургана. Рота, воодушевленная успѣхами этого дня, съ крикомъ «ура» дружно бросилась впередъ, менѣе чѣмъ въ полминуты взбѣжала на вершину и продралась сквозь кустарникъ... Турки, не прося пощады, защищались съ отчаяннымъ мужествомъ и всѣ до послѣдняго человѣка пали подъ нашими штыками. Штыковая «работа» была ужасна по своей силѣ и ожесточенію. На другой день, утромъ, я видѣлъ этотъ курганъ со всѣми безмолвно краснорѣчивыми свидѣтельствами послѣдняго боеваго эпизода. Трупы были буквально пропороты штыками; ударъ, нанесенный въ лобъ одному аравитянину, отличался такою силою, что штыкъ, пробивъ лобную кость, вышелъ наружу до половины длины своей сквозь темя; что это была рана штыковая, свидѣтельствуетъ ея трехгранное очертаніе. Впрочемъ, ожесточеніе нашихъ солдатъ имѣло свою причину: предъ самымъ штурмомъ кургана, въ виду всей роты, былъ убитъ любимый ею фельдфебель Дмитрій Александровъ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ фельдфебелей во всемъ полку. «Ура», грянутое этою ротою при штурмѣ кургана и подхваченное въ Карнари и было тѣмъ самымъ крикомъ, который слышали мы при спускѣ съ послѣдняго уступа.

Потери нашего отряда, сравнительно съ достигнутымъ, почти невѣроятнымъ успѣхомъ, были крайне ничтожны: убыло 155 человѣкъ *). Мы особенно обращаемъ вниманіе на эту ничтожную потерю, потому что у насъ за послѣдніе мѣсяцы проявляется ошибочный взглядъ на свойство нашихъ побѣдо-

*) Убито при демонстраціи и на штурмѣ: офицеръ 1, нижн. чиновъ 25, ранено: офицеровъ 2, нижн. чиновъ 61, контужено: офицеръ 1, нижн. чиновъ 6, деньщикъ 1, обморожено: офицеровъ 2, нижн. чиновъ 48, безъ вѣсти пропало нижнихъ чиновъ 8, и того 155 человѣкъ общей убыли въ отрядѣ.

*

носныхъ дѣйствій. Только тотъ успѣхъ и считается успѣхомъ, когда потери сраженія, удачнаго по своимъ результатамъ, насчитываются цѣлыми тысячами. О такихъ дѣлахъ кричатъ, ихъ прославляютъ въ газетахъ... Это взглядъ не только ошибочный, но и вовсе не военный. При исконныхъ качествахъ русскаго солдата и при умѣньи руководить имъ въ бою, скорѣе мудрено проиграть, чѣмъ выиграть сраженіе. Но важнѣйшая задача каждаго военачальника заключается въ томъ, чтобы выиграть дѣло при возможно-наименьшихъ потеряхъ. Конечно, это менѣе эффектно, за то болѣе существенно и полезно. Сыпать солдатами какъ горохомъ, если нѣтъ на то вопіющей необходимости, вовсе не заслуга, и тѣмъ болѣе чести тому военачальнику, который посредствомъ искусно соображеннаго плана съумѣлъ достигнуть желаемаго результата при наименьшихъ потеряхъ. Малая потеря при блестящемъ успѣхѣ свидѣтельствуетъ, что начальникъ велъ свое дѣло умно, обдуманно, жалѣя жизнь ввѣреннаго ему «пушечнаго мяса». Главный же результатъ успѣха траянскаго отряда заключается въ томъ, что появленіе его за Балканскимъ хребтомъ, разрѣзавшее линію расположенія турецкихъ силъ между Шипкой и Златицей, заставило турокъ очистить Карлово, Калоферъ, Чукурлу и Клиссуру, и уже 27-го декабря, т. е. на слѣдующій же день и наканунѣ сдачи шипкинской арміи, бѣжать къ югу со всего пространства между центральнымъ Балканомъ и Адріанополемъ. Плѣнные турки и карловскіе болгары говорили намъ, что паническое бѣгство это совершилось потому, что никто изъ нихъ не считалъ возможнымъ переходъ русскихъ черезъ Траяновъ перевалъ, а если ужъ черезъ Траянъ перешагнули-де, то гдѣ же послѣ этого не перейдутъ ихъ силы! И такъ, заслуга траянскаго отряда—въ первомъ нравственномъ впечатлѣніи паники, произведенномъ на противника за Балканами.

LXXXIV

Въ Долинѣ Розъ

Бѣглый взглядъ на военныя событія послѣдняго періода кампаніи. — Первая ночь по спускѣ съ Траяна. — Горная буря. — Долина Розъ и ея богатства. — Извѣстія, доставленныя нашими развѣдочными партіями 27-го и распоряженія генерала Карцова 28-го декабря. — Задержки артиллеріи на спускѣ. — Сигналъ изъ отряда графа Комаровскаго, 29-го декабря. — Дѣйствія 29-го и 30-го декабря. — Пріѣздъ турецкаго парламентера, Моизъ-эфенди, 31-го декабря. — Разговоръ съ нимъ генерала Карцова. — Извѣстіе о плѣненіи шипкинской арміи и, въ связи съ этимъ, дальнѣйшее движеніе отряда генерала Карцова. — Наши плѣнники. — Мѣропріятія генерала Карцова. — Отъ Карнари до Карлова. — Развалины Сопота. — Сопотскія монахини. — Неистовства и кощунства турокъ въ карловскихъ церквахъ. — Городъ Карлово. — Дѣйствія 1-го января.

Деде-Агачъ, портъ на Эгейскомъ морѣ, 22-го января.

Съ момента перевала русскихъ войскъ за Балканы, ходъ военныхъ событій и наступательныя движенія нашихъ передовыхъ отрядовъ совершались съ такою стремительною быстротою, что все, происшедшее въ промежутокъ времени отъ перехода черезъ хребетъ до заключенія перемирія, все перевидѣнное, переиспытанное, перечувствованное за эти немногіе дни—когда оглянешься мысленнымъ взоромъ назадъ—кажется скорѣе какимъ-то пестрымъ калейдоскопомъ и походитъ болѣе на дивную фантасмагорію, пригрезившуюся во снѣ, чѣмъ на дѣйствительность, во-очію промелькнувшую передъ глазами и взаправду пережитую. Быстрота безостановочнаго движенія и сопряженныя съ нимъ трудности, лишенія, неудобства, наконецъ каждодневная физическая, а нерѣдко и моральная усталость—все это не оставляло для пера ни одной свободной минуты, тѣмъ болѣе, что среди изжитыхъ впечатлѣній было не мало и такихъ, которыя всего ближе можно сравнить съ тяжелымъ кошмаромъ... Только теперь, когда отрядъ нашъ достигъ наконецъ береговъ Эгейскаго моря и здѣсь, благодаря перемирію, остановился,—является нѣкоторая возможность свести въ одинъ общій фокусъ всѣ свои впечатлѣнія, собрать въ одно цѣлое массу отрывочныхъ замѣтокъ, донесеній, разсказовъ, слуховъ, личныхъ наблюденій и приняться за ихъ литературную обработку.

Послѣ забалканскаго перехода, первенствующая роль въ военныхъ движеніяхъ и дѣлахъ принадлежала кавалеріи отря-

довъ Гурко, Карцова и Скобелева 2-го; а такъ какъ отрядъ генерала Карцова (при коемъ я имѣлъ честь находиться), былъ впослѣдствіи присоединенъ къ отряду генералъ-адъютанта Гурко, то мнѣ, отчасти какъ очевидцу, сподручнѣе будетъ разсказать сверва то, чему я самъ во многомъ былъ свидѣтелемъ, а потомъ перейдти къ дѣйствіямъ сосѣдней съ нами кавалеріи Скобелева 2-го, отданной на это время подъ начальство свиты генералъ-маіора Струкова, имя котораго соединено теперь съ лихимъ по быстротѣ исполненія и блистательнымъ по его послѣдствіямъ *набѣгомъ* (Raid) отъ Казанлыка на Адріанополь и далѣе, до Чаталджи, откуда остается только 45 верстъ до Царьграда. Такой порядокъ разсказа будетъ для меня тѣмъ удобнѣе, что онъ послужитъ прямымъ, непосредственно связаннымъ продолженіемъ моихъ предшествовавшихъ писемъ изъ траянскаго отряда.

Всю ночь съ 26-го на 27-е декабря, послѣ занятія нами Текке и Карнари, на Маломъ Балканѣ вспыхивали огоньки отдѣльныхъ ружейныхъ выстрѣловъ и мѣстами виднѣлись огни. Это были костры бѣжавшихъ вооруженныхъ жителей, которые перестрѣливались съ четниками Цеко Петкова и съ нашими передовыми постами. 27-го утромъ мы перешли въ Карнари, оставивъ въ Текке небольшой отрядъ пѣхоты и казаковъ *). На развѣдки къ Клиссурѣ, Чукурлу и Карлову были посланы надежные казачьи офицеры: Грузиновъ, Галдинъ, Кудинцевъ и Поцѣлуевъ. Между тѣмъ на Траянѣ шла дѣятельная и мучительно-трудная работа: тамъ спускали на нашу сторону 9-ти-фунтовыя орудія со всѣми ихъ принадлежностями. Но едва они тронулись въ путь, какъ на вершинахъ поднялась метель и вьюга. И кáкъ это кажется странно, когда смотришь на такое явленіе природы снизу, изъ глубины закрытой долины: здѣсь у насъ полная тишина и безвѣтріе, повсюду свѣтитъ солнце, а тамъ на верху быстро мчатся бѣлыя облака и горный вѣтеръ безпрестанно мѣняетъ ихъ видъ и формы. Представьте себѣ, напримѣръ, что по голубому фону громаднаго полотна картины сдѣланы гигантскою кистью

*) Двѣ роты 10-го пѣхотнаго Ново-Ингерманландскаго и сотня 24-го казачьяго полковъ, подъ начальствомъ маіора Кобордо.

мазки снизу вверхъ, имѣющіе форму запятыхъ, обращенныхъ хвостами кверху; эти мазки озаряются солнцемъ, лучи котораго тамъ и сямъ пробиваются между взметами облаковъ и снѣга и свѣтлыми пятнами ложатся на верхніе склоны и скалы. Взрывы и удары вѣтра, неслышнаго внизу, безпрестанно мѣняютъ формы мчащихся облаковъ, вмѣстѣ съ чѣмъ измѣняются и пятна солнечнаго свѣта, перебѣгая съ мѣста на мѣсто. Среди глубокаго и яснаго спокойствія окружающей природы внизу, видишь (но не слышишь), что тамъ, на верху, все полно хаотическаго движенія и происходитъ нѣчто бурное, тревожное, грозное... Болгары, указывая пальцемъ на горныя выси, опасливо покачивали головами. Между тѣмъ, не смотря на бурю, спускъ орудій продолжался, потому что безъ артиллеріи, окруженные частями непріятельскихъ войскъ и не войдя еще въ связь съ графомъ Комаровскимъ, мы были поставлены въ положеніе далеко не безопасное; буря же на столько препятствовала движенію, что орудія наши, при всѣхъ усиліяхъ и непрерывномъ трудѣ, были задержаны на перевалѣ двое сутокъ (27-е и 28-е декабря). Положеніе артиллеристовъ и рабочихъ становилось отчаяннымъ, такъ какъ метель отрѣзала имъ всякое сообщеніе и съ нами, и съ тыломъ. А въ это же время долина Гіопса, извѣстная здѣсь подъ поэтическимъ именемъ «Долины Розъ», не смотря даже на ея снѣжный покровъ, плѣняла взоръ и чувство своею тихою прелестью. Это одинъ изъ самыхъ благодатныхъ, богатыхъ и роскошныхъ уголковъ въ мірѣ. Простираясь въ ширину не болѣе какъ на пять—на семь верстъ, она со всѣхъ сторонъ заслонена горами отъ вліянія студеныхъ и непогожихъ вѣтровъ. Отъ этого здѣсь климатъ очень мягкій: мы ходили до поздняго вечера въ однихъ мундирахъ, не чувствуя ни холода, ни сырости; погода стояла совсѣмъ весенняя, да и снѣгъ въ долинѣ Гіопса выпадаетъ лишь въ рѣдкую зиму, и то на короткое время. По всему пространству долины струятся въ разныхъ направленіяхъ мелководные, но быстрые и удивительно прозрачные ручейки, спадающіе съ горъ, и это изобиліе воды умѣряетъ лѣтомъ зной и предохраняетъ почву отъ засухи. Что за гигантскія деревья тутъ, и какая могучая, роскошная растительность наполняетъ весь этотъ уютный уголокъ! Многовѣковые, пяти-

охватные дубы, буки и платаны массивно стоятъ цѣлыми рощами; орѣховое дерево, яблонь, груша и слива растутъ по полямъ, по видимому, въ совершенно дикомъ состояніи, какъ у насъ на сѣверѣ рябина; по сторонамъ дороги тянется непрерывный рядъ тутовыхъ и розовыхъ плантацій, горные склоны покрыты виноградниками; но изъ всѣхъ произрастеній—роза культивируется здѣсь по преимуществу: кусты ея тянутся длинными и стройно правильными рядами по грядкамъ плантацій. Покинутыя турецкія деревни, изобильно орошаемыя звонкими ручьями, являютъ слѣды высокаго благосостоянія и утопаютъ въ садахъ. Неувядающій плющъ покрываетъ своими прихотливыми побѣгами стѣны домовъ и мечетей, каменные заборы и нерѣдко отъ корня до вершины оплетаетъ громадныя, высокія деревья, которыя, такимъ образомъ, среди зимы представляются одѣтыми самою роскошною листвою, а свѣжая зелень миртовыхъ кустовъ еще увеличиваетъ обаяніе всей этой прелести. Чтобы дать понятіе о степени богатства и изобилія этой мѣстности, достаточно сказать, что въ пятишести ближайшихъ деревняхъ, въ теченіи двухъ сутокъ, мы успѣли собрать до тысячи головъ крупнаго и три тысячи мелкаго скота, покинутаго бѣжавшими хозяевами; сѣна было такъ много, что оно шло даже на подстилку лошадямъ,—и ѣли же онѣ его, ѣли до отвала, послѣ столь долгаго голоданья подъ Плевной и на Балканахъ!... Дворы были наполнены домашнею птицею; хлѣба зерноваго, кукурузы, овса и ячменя мы находили полные закромы въ каждомъ домѣ, равно какъ и запасы бобовъ, миндаля, орѣховъ, меду и сушеныхъ фруктовъ. Розовою водою солдаты опрыскивались какъ духами. Такъ какъ жители Текке и Карнари при занятіи этихъ селеній оказывали намъ вооруженное сопротивленіе, то на основаніи законовъ войны мы имѣли право сжечь обѣ деревни, но по истинѣ жаль стало истреблять такую прелесть, да и при томъ же онѣ пригодились для насъ самихъ, дали намъ удобный пріютъ послѣ бивуачныхъ невзгодъ на Балканѣ, и авось-либо будущіе ихъ обитатели, болгары, скажутъ намъ заочное спасибо за сохраненіе въ цѣлости покинутыхъ турецкихъ селеній. По праву войны мы воспользовались только ихъ запасами, тѣмъ болѣе, что на подходъ интендантскихъ транспортовъ приходилось надолго покинуть всякую

надежду. Въ карнарской мечети былъ найденъ цѣлый складъ патроновъ, пороха, палатокъ, одѣялъ, галетъ, и проч. Вообще, патроновъ у насъ было много, очень много — турецкихъ, но, къ сожалѣнію — мало своихъ. А тутъ еще эта метель въ Балканахъ на цѣлые двое сутокъ задержала подвозъ ихъ на вьюкахъ!...

Сотня, посланная къ Карлову, возвратилась къ вечеру 27-го и привезла съ собою турецкое кавалерійское знамя, вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что турецкая конница и часть пѣхоты, занимавшая Сопотъ и Карлово, въ виду приближенія казаковъ, бѣжала столь поспѣшно, что не успѣла или забыла захватить даже знамя, найденное нашими въ квартирѣ начальника. Эта же сотня сообщила намъ, что къ сторонѣ Шипки все время слышна сильная канонада. Другая сотня, высланная къ сторонѣ Златицы, для связи съ отрядомъ генерала Дандевиля и на встрѣчу поджидаемому къ намъ отряду графа Комаровскаго, открыла въ Клиссурѣ пѣхоту и конницу противника; по слухамъ, тамъ было четыре табора, и потому, для наблюденія за ними, мы выдвинули за Рахманлы двѣ сотни изъ состава 24-го казачьяго полка, который, не смотря на метель, успѣлъ кое-какъ перевалить черезъ Траянъ и расположился въ Текке. Всѣ турецкія деревни въ долинѣ Гіопса, по осмотрѣ ихъ, оказались покинутыми. Вооруженные жители удалились въ Малый Балканъ, на склонахъ котораго мы каждую ночь видѣли костры и слышали выстрѣлы, раздававшіеся впрочемъ во всѣ эти дни съ утра до утра: это «братушки» охотились за одиночными бродягами изъ разсѣянныхъ нами аскеровъ и учиняли на нихъ даже цѣлыя облавы.

Ни о томъ, гдѣ находится 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи, состоявшая до сего въ отрядѣ генерала Дандевиля, подъ начальствомъ графа Комаровскаго, ни о томъ, что̀ дѣлается на Шипкѣ — мы въ теченіи 27-го и 28-го декабря не имѣли никакихъ извѣстій; съ обѣихъ сторонъ въ оба эти дня слышались только артиллерійскіе выстрѣлы, въ особенности сильные въ направленіи Шипки. Между тѣмъ генералъ Карцовъ, собравъ подробности о дѣлѣ 26-го числа, послалъ начальника отряднаго штаба, подполковника Сосновскаго, съ донесеніемъ въ Ловчу, гдѣ въ то время находилась главная квартира, а затѣмъ, узнавъ, что Карлово очищено, направилъ туда 30-й

казачій полкъ; къ Клиссурѣ же, въ тылъ занимавшаго ее непріятеля, двинулъ двѣ сотни 24-го и батальонъ Ново-Ингерманландскаго полковъ.

29-го декабря орудія, тащимыя съ перевала вмѣстѣ съ частію снарядовъ, достигли только половины Карнарскаго спуска, гдѣ движеніе ихъ крайне затруднялось безпрестанными уступами, въ видѣ полутора-аршинныхъ ступеней, остальные же ящики, захваченные въ этотъ день оттепелью еще на сѣверной сторонѣ Балканскаго хребта, не успѣли взобраться даже и на половину сѣвернаго подъема.

Впрочемъ, не смотря на эти препятствія, положеніе наше уже можно было считать отчасти обезпеченнымъ: около полудня со стороны Клиссуры мѣрно раздались, одинъ вслѣдъ за другимъ, три пушечные выстрѣла. То графъ Комаровскій подавалъ намъ сигналъ о своемъ приближеніи. Что это были именно сигнальные, а не боевые выстрѣлы, не трудно было заключить уже изъ того, что въ этотъ день ни справа, ни слѣва не слышалось звуковъ канонады. Хотя клиссурская позиція противника очень сильна, но увидѣвъ приближеніе русскихъ отрядовъ съ фронта (графъ Комаровскій) и съ тыла (маіоръ Кобордо), турки поспѣшили очистить свои укрѣпленія и ушли въ ущелья Малаго Балкана. Получивъ объ этомъ донесеніе уже поздно вечеромъ 30-го числа, генералъ Карцовъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на утро два батальона 9-го полка двигались въ Карлово и во что бы ни стало очистили Калоферскій проходъ. О Шипкѣ намъ все еще ничего не было извѣстно. Вечеромъ 31-го числа графъ Татищевъ уже донесъ изъ Карлова, что двѣ сотни 30-го полка, двинутыя на Калоферъ, прогнали занимавшихъ его черкесовъ и заняли ущелье.

Въ этотъ же день (31-го), въ третьемъ часу по полудни, по улицамъ Карнари двигалась къ квартирѣ генерала Карцова небольшая, но оригинальная процессія: впереди два казака съ опущенными пиками, и въ рукахъ одного изъ нихъ развѣвался небольшой бѣлый флагъ; за ними—сотникъ Поздѣевъ, вслѣдъ за которымъ на высокомъ турецкомъ сѣдлѣ покачивалась фигура непріятельскаго офицера съ бѣлою повязкой на глазахъ; поводья его лошади держалъ казакъ, ѣхавшій рядомъ. Позади этого всадника слѣдовали, окруженные

небольшимъ казачьимъ конвоемъ, четыре подобныя же фигуры и тоже съ завязанными глазами. Это были турецкіе солдаты изъ регулярной кавалеріи и за спиною одного изъ нихъ болталась небольшая мѣдная труба. На дворѣ квартиры нашего генерала непріятельскимъ всадникамъ развязали глаза, и сотникъ Поздѣевъ объявилъ, что, по приказанію графа Татищева, привезъ изъ Карлова, прибывшаго туда наканунѣ вечеромъ, турецкаго парламентера, который посланъ изъ Филиппополя къ Великому Князю Главнокомандующему. Генералъ Карцовъ любезно принялъ турецкаго офицера, который отрекомендовался филиппопольскимъ врачомъ, призваннымъ на время войны въ военную службу, и заявилъ, что зовутъ его «monsieur Moïse». Это былъ голубоглазый блондинъ среднихъ лѣтъ, прекрасно владѣвшій французскимъ и нѣмецкимъ языками. Судя по фамиліи—еврей, по типу же лица—скорѣе всего полякъ, а по манерамъ и «грасированію» въ произношеніи буквы г—истый парижанинъ. На вопросъ генерала Карцова о свойствѣ его миссіи къ нашему Главнокомандующему, monsieur Moïse объявилъ, что онъ везетъ Его Высочеству открытое письмо отъ филиппопольскаго коменданта, и вмѣстѣ съ этимъ подалъ генералу незапечатанный пакетъ, предлагая прочитать вложенный въ него документъ. Письмо на имя Его Высочества, изложенное по французски, съ печатью вмѣсто подписи, извѣщало въ очень почтительныхъ выраженіяхъ, что такъ какъ между имперіями Оттоманской и Россійской съ 27-го декабря ст. стиля заключено перемиріе, то онъ, филиппопольскій комендантъ, проситъ Его Высочество остановить дальнѣйшее наступленіе русскихъ войскъ къ Филиппополю.

Весь смыслъ этого документа, конечно, не могъ не показаться крайне страннымъ. Генералъ Карцовъ, соблюдая возможно бо́льшую деликатность, все-таки выразилъ парламентеру сомнѣніе, что едва ли онъ, г-нъ Моисей, будетъ принятъ Великимъ Княземъ и едва ли получитъ какой-либо отвѣтъ на это посланіе. Парламентеръ очень удивился и пожелалъ узнать, на чемъ основывается такое предположеніе? Тогда ему было объяснено, во-первыхъ, что нашъ Главнокомандующій, который есть въ то же время Родной Братъ Русскаго Императора, можетъ входить въ сношенія по такимъ первостепенно-важнымъ вопросамъ, какъ перемиріе, только съ

главнокомандующимъ турецкой арміи или съ лицами, уполномоченными на то волею Султана, а не съ комендантами того или другаго города, тѣмъ болѣе, что изъ документа вовсе не видно, чтобы филиппопольскій комендантъ былъ уполномоченъ вступать въ подобныя сношенія съ Великимъ Княземъ; во-вторыхъ, если бы перемиріе между воюющими сторонами дѣйствительно состоялось, то, конечно, это не могло бы случиться помимо вѣдома Великаго Князя, и наконецъ, въ-третьихъ, если перемиріе дѣйствительно состоялось, то нѣтъ надобности просить Главнокомандующаго о пріостановкѣ дальнѣйшаго наступленія русскихъ войскъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ войска получатъ своевременно надлежащее распоряженіе изъ штаба дѣйствующей арміи; тѣмъ не менѣе, не считая себя въ правѣ задерживать письмо, адресованное на имя Его Высочества, генералъ Карцовъ охотно дастъ г-ну Моисею конвой, который доставитъ его въ главную квартиру, а пока—«вы, вѣроятно, и прозябли, и проголодались дорогой, а потому позвольте предложить вамъ и вашимъ людямъ закусить чѣмъ Богъ послалъ», сказалъ генералъ въ заключеніе.

M-r Moïse охотно принялъ послѣднее предложеніе, и ему былъ поданъ скромный, но вкусно приготовленный обѣдъ, который мы предъ этимъ только что кончили. За обѣдомъ m-r Moïse сдѣлался разговорчивѣе и высказалъ генералу, что—по правдѣ говоря—онъ и самъ отчасти недоумѣваетъ на счетъ перемирія.—«Надо вамъ сказать, началъ онъ, что еще не далѣе какъ семь дней тому назадъ мы жили въ Филиппополѣ совершенно спокойно, и даже отъ души плясали на нашихъ вечеринкахъ, какъ вдругъ—это извѣстіе... о переходѣ генерала Гурко... Вы понимаете, какое это сдѣлало впечатлѣніе. Затѣмъ опять новый ударъ: телеграфъ приноситъ вѣсть о переходѣ русскихъ черезъ Траянъ. Это всѣмъ показалось даже невѣроятнымъ. Черезъ Траянъ!? И притомъ еще зимою!? Откровенно говоря, мы этому извѣстію просто не повѣрили, сочли его за какое нибудь непонятное недоразумѣніе, но увы! На другой день пріѣзжаетъ въ Филиппополь Раффикъ-бей, командовавшій траянскимъ отрядомъ, который, говоря по правдѣ, былъ организованъ только недавно, и то потому лишь, что мы узнали о неоднократномъ появленіи на Траянѣ вашихъ небольшихъ развѣдочныхъ партій; мы хотя и считали

этотъ перевалъ непроходимымъ, но послали туда отрядъ изъ предосторожности, на всякій случай. И такъ, пріѣзжаетъ Раффикъ-бей въ Филиппополь, и прямо къ губернатору. Бѣдный, онъ рвалъ на себѣ волосы и плакалъ какъ ребенокъ, разсказывая про свое пораженіе, но онъ объяснялъ его тѣмъ, что русскіе нахлынули на Траянъ въ огромныхъ силахъ, противъ которыхъ онъ не могъ бороться со своею горстью. Такъ ли это—не знаю».

— Совершенно не такъ, сказалъ ему Карцовъ,—потому что мои силы, атаковавшія траянскія укрѣпленія, въ то время почти равнялись силамъ Раффикъ-бея, а положеніе обороняющагося, по свойствамъ мѣстности, какъ вамъ извѣстно, неизмѣримо было лучше, чѣмъ положеніе атакующаго.

— Но у васъ была артиллерія, возразилъ докторъ.

— Она была и у Раффикъ-бея.

— Но вы, безъ сомнѣнія, превосходили его числомъ вашихъ горныхъ орудій?

— У насъ не было ни одного горнаго орудія.

— То-есть, какъ же это?... Ни одного горнаго... Какія же пушки вы имѣли?

— Девяти-фунтовыя.

Г-нъ Моизъ вытаращилъ глаза отъ удивленія.

— Девяти-фунтовыя!?.. Но какимъ же образомъ?.. Развѣ возможно было втащить на подобную высоту орудія такой тяжести?

— Возможно. И мы не только втащили, но даже и спустили ихъ въ Карнари вмѣстѣ съ частью зарядныхъ ящиковъ.

На лицѣ доктора выразилось невольное сомнѣніе.

— Если угодно, предложилъ генералъ,—вы во-очію можете видѣть ихъ,—они здѣсь недалеко.

Наши орудія, дѣйствительно, успѣли спуститься въ этотъ день въ долину, не задолго до полудня.

Докторъ поблагодарилъ за предложеніе и, по видимому, увѣровалъ въ несомнѣнность факта.

— Да... Ну, если для русскихъ возможны даже и такія вещи, сказалъ онъ съ раздумчивымъ вздохомъ,—то послѣ этого я не удивляюсь, что вы и въ равныхъ силахъ могли выбить Раффикъ-бея изъ траянскихъ укрѣпленій. Но какъ онъ сокрушался, бѣдный!.. Откровенно говоря, появленіе его въ

Филиппополѣ, и въ особенности вскорѣ послѣ извѣстія о переходѣ русскихъ у Араба-конака и у Златицы, произвело такую сенсацію, которая близка была къ паникѣ. Въ ночь съ 28-го на 29-е декабря (продолжалъ докторъ), я получилъ вдругъ отъ коменданта приглашеніе явиться къ нему немедленно по дѣламъ службы. Являюсь.—Чтó прикажете? Въ чемъ дѣло?— Онъ объясняетъ мнѣ, что между Россіею и Блистательною Портой 27-го заключено перемиріе, и такъ какъ я владѣю хорошо языками, то онъ проситъ меня отправиться съ его письмомъ въ главную квартиру русскаго Главнокомандующаго. Мы еще не успѣли кончить разговоръ относительно моихъ инструкцій, какъ вдругъ подаютъ ему какую-то депешу. Комендантъ прочелъ и съ видомъ крайняго недоумѣнія объявляетъ мнѣ, чтó перемиріе не состоялось, а потому и въ моей миссіи нѣтъ болѣе надобности. Я откланялся и отправился домой, но едва успѣлъ улечься въ постель, какъ опять является посланный: «пожалуйте сейчасъ же къ коменданту». Въ крайнемъ удивленіи отправляюсь опять, а это было уже около трехъ часовъ ночи. Комендантъ встрѣчаетъ меня словами: «Перемиріе заключено! Сейчасъ объ этомъ получена новая депеша, а потому извольте сейчасъ же отправляться въ русскую главную квартиру».—И вотъ, какъ видите, я на пути къ моему назначенію. Но не могу скрыть, прибавилъ г-нъ Моизъ,—чтó всѣ эти колебанія, всѣ эти противорѣчащія одна другой депеши—все это и самому мнѣ кажется очень страннымъ и мало понятнымъ...

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ докторъ выразилъ почти несомнѣнную увѣренность, что во время его отсутствія русскіе уже займутъ Филиппополь, и это обстоятельство заставляетъ его крайне опасаться за участь своей молодой жены и оставленнаго семейства. Генералъ увѣрилъ его, что русскіе навѣрное не сдѣлаютъ ни малѣйшаго зла ни его семейству, ни его супругѣ.

— О, я опасаюсь не русскихъ!—съ живостью возразилъ докторъ,—неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что мы серьезнó вѣримъ въ возможность жестокостей со стороны русскихъ? Да никогда! Этому едва ли кто и изъ турокъ-то вѣритъ; но я опасаюсь насилій и грабежа со стороны башибузуковъ, которые навѣрное не упустятъ случая похозяйни-

чать въ городѣ вслѣдъ за выѣздомъ изъ него властей и до появленія русскаго авангарда—вотъ что̀ страшитъ меня!

Въ этихъ опасеніяхъ бѣднаго Моиза, конечно, была значительная доля безотрадной правды, но, къ сожалѣнію, намъ нечѣмъ было его утѣшить и успокоить.

Вскорѣ послѣ обѣда г. Моизъ сталъ собираться въ дальнѣйшую дорогу. Генералъ Карцовъ объявилъ ему, что до главной квартиры, которая теперь должна находиться, вѣроятно, въ Сельви или въ Габровѣ, его проводитъ подполковникъ генеральнаго штаба Сухомлиновъ, и что—если ему угодно, то можно провести его кратчайшимъ путемъ, черезъ Траянъ.

— Какъ! Черезъ Траянъ?—вскричалъ докторъ съ видомъ нѣкотораго ужаса,—нѣтъ, слуга покорный; черезъ Траянъ я ни за что не рискну ѣхать. Позвольте ужъ лучше слѣдовать мнѣ кружнымъ путемъ: обратно на Карлово и потомъ на Казанлыкъ и Шипку.

На послѣднее желаніе доктора генералъ охотно выразилъ свое согласіе—и черезъ нѣсколько минутъ онъ отправился вмѣстѣ съ Сухомлиновымъ и Поздѣевымъ, съ тѣмъ же конвоемъ и съ тѣми же предосторожностями. Впрочемъ, по выѣздѣ за аванпосты, ему и его людямъ развязали глаза, и накладывали вновь повязку лишь при появленіи въ виду мѣстностей, занятыхъ нашими войсками.

Миссія m-r Моиза не была успѣшна: онъ нашелъ Великаго Князя уже въ Казанлыкѣ, но Его Высочество не удостоилъ принять турецкаго парламентера. Сухомлиновъ нашелъ тамъ нѣсколько подобныхъ же парламентеровъ изъ разныхъ другихъ турецкихъ городовъ и отрядовъ; но рѣдкій изъ нихъ удостоился письменнаго отвѣта, за подписью начальника штаба или генерала Левицкаго... Monsieur Moïse, впрочемъ, попалъ въ число удостоившихся и, какъ говорятъ, выразилъ чрезвычайное удовольствіе по этому поводу.

Вечеромъ 31-го же числа генералъ Карцовъ получилъ донесеніе, что 2-я бригада его дивизіи дошла до Клиссуры, очищенной турками, и заняла Копривштицу. Въ это же время возвратился изъ главной квартиры подполковникъ Сосновскій, задержанный въ дорогѣ сильною вьюгою на Балканахъ. Онъ первый привезъ намъ извѣстіе, что Шипка пала и вся армія Реуфа-паши сдалась въ плѣнъ. Извѣстіе это вызвало общіе

крики радости и восторга. И такъ, теперь уже не существуетъ на Балканахъ ни одной преграды къ дальнѣйшему движенію нашей арміи! Генералъ Карцовъ, не смотря на то, что его 2-я бригада находилась еще въ 25-ти верстахъ, тотчасъ же назначилъ на завтрашнее утро 10-му стрѣлковому батальону и кавалерійскимъ частямъ движеніе къ Лыджакіою. При этомъ намъ было объявлено, что завтра съ разсвѣтомъ мы двигаемся въ Карлово. Болѣе всѣхъ о предстоящемъ нашемъ выходѣ изъ Карнари пожалѣли, какъ кажется, захваченные въ плѣнъ турецкіе офицеры, изъ которыхъ одинъ, капитанъ, былъ уже старикъ, а также и турецкія женщины, не успѣвшія выбраться изъ долины и являвшіяся къ намъ добровольно со своими малыми ребятами. Весь этотъ людъ былъ подавленъ духомъ, оборванъ, босъ и голоденъ. Казачьи офицеры 30-го полка преимущественно приняли живое участіе въ судьбѣ этихъ несчастныхъ, устроили имъ, по возможности, теплое помѣщеніе, снабдили припасами и одѣялами изъ захваченнаго склада, поили ихъ чаемъ, офицеровъ снабдили табакомъ, женщинамъ и дѣтямъ роздали по нѣскольку серебряныхъ монетъ, ласкали ребятъ, играли съ ними и приносили лакомства. Въ особенности полюбился имъ одинъ бойкій пятилѣтній турченокъ, Ахметка, брошенный родными на снѣгу, среди поля, гдѣ онъ и былъ найденъ однимъ изъ разъѣздовъ. Вся эта публика сначала очень дичилась, пугалась при появленіи къ ней офицеровъ, но черезъ день привыкла, освоилась съ ними и даже вступала въ разговоры при посредствѣ переводчика-солдата изъ касимовскихъ татаръ. Всѣхъ этихъ женщинъ и дѣтей мы передали подъ охрану войскъ, занявшихъ послѣ насъ Карнари.

1-го января прибыли сюда головныя части Казанскаго драгунскаго полка, перевалившія черезъ Траянъ, а также шесть ротъ 10-го и 1-й батальонъ 12-го пѣхотныхъ полковъ, вмѣстѣ съ которыми пришли и два орудія 16-й конной батареи.

Это были лишь остатки славныхъ полковъ 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи. Въ нѣкоторыхъ ротахъ осталось налицо отъ 50-ти до 60-ти человѣкъ. Наружный видъ ихъ для человѣка, знакомаго съ войсками лишь по мирному времени, показался бы просто ужасенъ: вмѣсто обуви—лапти или опанки, а то и просто тряпье какое-то, шинели въ дырьяхъ и лох-

мотьяхъ, закоптѣлыя, обросшія бородами лица носили слѣды морозныхъ обжоговъ. Но за то тутъ налицо были уже испытанные воины, закаленные между огнями костровъ и 20-тиградуснымъ морозомъ. Не видавъ 2-ю бригаду своей дивизіи цѣлые два съ половиною мѣсяца, генералъ Карцовъ, утромъ 1-го января, именемъ Главнокомандующаго поблагодарилъ ея остатки за славную службу въ отрядѣ Дандевиля, и приказалъ этимъ частямъ, въ ожиданіи прибытія слѣдующаго ихъ эшелона, оставаться пока въ Карнари, а самъ выступилъ въ Карлово, куда вмѣстѣ съ нимъ двинулись и оба конныя орудія. За всѣ эти дни генералъ имѣлъ множество самыхъ дѣятельныхъ и разнообразныхъ заботъ по сбору и охраненію огромныхъ запасовъ, по устройству складочныхъ пунктовъ и околотковъ для заболѣвающихъ и раненыхъ, по распоряженіямъ объ устройствѣ обозовъ, такъ какъ штатный обозъ 3-й дивизіи былъ оставленъ въ Ловчѣ, по принятію мѣръ къ хлѣбопеченію и по организаціи 2-й бригады, сильно разстроенной боевыми дѣлами и продолжительнымъ походнымъ движеніемъ и лишившейся какъ бригаднаго, такъ и полковыхъ своихъ командировъ. Къ 1-му января все это, по возможности, было уже устроено надлежащимъ образомъ.

Путь отъ Карнари до Карлова пролегаетъ все по той же благодатной и роскошной долинѣ Гіопса, красоту которой еще болѣе усиливаетъ сосѣдство скалистыхъ горъ, въ ихъ суровыхъ и величественныхъ очертаніяхъ. Населеніе здѣсь — исключительно турецкое, и потому прелестныя деревеньки съ зеленымъ плющемъ на заборахъ и съ бѣлыми минеретами были пусты; но въ каждой изъ нихъ то тамъ, то сямъ шарили по дворамъ «братушки» изъ окрестностей Карлова. Не смотря на всю массу запасовъ, собранныхъ войсками, здѣсь все еще оставалось вдоволь всякаго добра и потому болгары «намѣряли» себѣ кто пару буйволовъ, кто полную каруцу пшеницы, кукурузы или домашняго скарба. Имъ не препятствовали въ этомъ, такъ какъ они принадлежали къ жителямъ именно тѣхъ селеній, которыя были разграблены въ конецъ и выжжены до тла ближайшими сосѣдями-турками въ іюлѣ прошлаго года, послѣ отступленія за Балканы генерала Гурко. Люди эти цѣлые пять мѣсяцевъ, скитаясь по горнымъ трущобамъ, безъ всякаго пристанища, терпѣли ужасную нищету и массу все-

возможныхъ лишеній. Мы во-очію видѣли, что̀ сдѣлали турки съ однимъ изъ лучшихъ и богатѣйшихъ болгарскихъ селеній. Верстахъ въ четырехъ не доѣзжая Карлова, еще пять мѣсяцевъ назадъ процвѣталъ небольшой и красивый городокъ Сопотъ, населенный исключительно болгарами. Сопотъ справедливо славился своимъ превосходнымъ бѣлымъ мускатнымъ виномъ, своими табачными, розовыми и шелковичными плантаціями, а также своими тканями и мастерскими произведеніями искусныхъ рѣзчиковъ по дереву. Степень его благосостоянія сказывается даже въ развалинахъ: почти всѣ здѣшніе дома были каменные, очень прочной постройки, что̀ видно теперь по остаткамъ стѣнъ и фундаментовъ. Въ настоящее время— увы! — Сопотъ со своими двумя церквами представляетъ одну лишь сплошную груду закоптѣлыхъ развалинъ. Здѣсь буквально камня на камнѣ не осталось; большинство домовъ разрушено до основанія, виноградники, сады, плантаціи уничтожены; жители — мужчины и мальчики — кто не успѣлъ бѣжать — перерѣзаны, дѣвушки увезены для гаремовъ и на продажу въ Малую Азію: остались однѣ лишь старухи и тѣ изъ замужнихъ, которыя не отличались красотою. Лишь въ послѣдніе дни нѣкоторые изъ сопотскихъ бѣглецовъ, перевалившіе за Балканы вслѣдъ за русскими войсками, рѣшились возвратиться на старое свое пепелище. Они пока ютятся кое-какъ въ погребахъ, или въ наскоро прилаженныхъ деревянныхъ клѣтушкахъ, и тихо, понуро бродятъ по пожарищу, словно унылыя тѣни — олицетвореніе скорби и несчастія. Вся эта неистовая месть мусульманъ разразилась надъ Сопотомъ за то лишь, что въ него заглянулъ одинъ изъ русскихъ эскадроновъ. Вообще, во всей этой мѣстности турки повыжигали тѣ болгарскія селенія, гдѣ хотя бы на нѣсколько часовъ, хотя бы даже мимоходомъ появлялись русскія войска. Не видавъ этого раззоренія, трудно составить себѣ о немъ даже приблизительное понятіе.

Пройдя разрушенный городъ, генералъ Карцовъ сдѣлалъ привалъ на его окраинѣ. Не прошло и пяти минутъ, какъ къ намъ прибѣжала небольшая толпа «калугѐрокъ» — монахинь сопотскаго монастыря, пощаженныхъ ради ихъ старости. Между калугерками находилось и нѣсколько вдовъ, мужья которыхъ зарѣзаны лѣтомъ. Всѣ онѣ были одѣты въ убогія чер-

ныя платья. Калугерки нанесли намъ горячихъ, только что испеченныхъ пшеничныхъ лепешекъ, овечьяго сыра, жареныхъ курицъ и яблокъ. — «Добре́ дошле́! добре́ дошле́!» — лепетали онѣ всѣ вмѣстѣ и въ волненіи протягивали намъ руки, пожимали ихъ, кланялись, гладили нашихъ лошадей и какъ дѣти плакали и смѣялись отъ радости. Вдругъ одна старица, упавъ на колѣни, съ крестнымъ знаменіемъ и воздѣтыми къ небу глазами, произнесла отчетливо и ясно на чистѣйшемъ церковно-славянскомъ языкѣ: «Благодаримъ Тя, Господи, яко днесь видѣста очи наша спасеніе»! Въ дрожащемъ голосѣ этой женщины звучало глубокое, восторженно потрясенное чувство. Монахини стали разсказывать намъ про всѣ ужасы, понадѣланные въ Сопотѣ турками, про разграбленіе ихъ обители и церкви, про насильственный увозъ молодыхъ послушницъ, монахинь и «учителекъ», про безчинства и кощунства, совершонныя въ храмахъ, про трагическую смерть мужей и младенцевъ мужскаго пола, изъ которыхъ не были пощажены даже и тѣ, что́ едва успѣли родиться. Отъ этихъ искренникъ, безхитростно простыхъ разсказовъ морозъ подиралъ по кожѣ. И что́ за ужасное нравственное состояніе вѣчнаго страха, въ ежеминутномъ ожиданіи новой напасти, перенесли онѣ за всѣ эти пять мѣсяцевъ! Сколько настрадались и чего только не натерпѣлись несчастныя!.. Генералъ и офицеры роздали имъ нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ, и простились, напутствуемые теплыми молитвами и благословеніями страдалицъ. «Нѣтъ, эта прекрасная, многострадальная страна должна быть свободною, во что́ бы ни стало, разъ уже мы пошли на это дѣло!» Таково было общее наше убѣжденіе, и въ эту трогательную минуту мы сознавали его болѣе чѣмъ когда-либо.

Около полудня мы вступили въ Карлово. Этотъ городъ не былъ сожженъ только потому, что населеніе въ немъ смѣшанное болгаро-турецкое и греко-армянское; есть и нѣсколько европейцевъ, а также и консулы нѣкоторыхъ державъ временно имѣли здѣсь свое пребываніе. Эти-то обстоятельства и послужили, кажется, причиною того, что разгулъ турецкаго неистовства ограничился въ Карловѣ сожженіемъ только нѣкоторыхъ болгарскихъ домовъ, да рѣзнею и кощунствами, произведенными въ двухъ православныхъ храмахъ. Карловскія неистовства совершались въ день св. Иліи, 20-го іюля 1877 года. Разъя-

ренная толпа солдатъ и черкесовъ преслѣдовала по улицамъ толпу болгаръ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ успѣли укрыться въ соборномъ храмѣ Успенія Пресвятыя Богородицы. Турки ворвались въ ограду, вышибли оконныя стекла, выломали дверь и хлынули толпою въ церковь. Здѣсь были зарѣзаны десять мужчинъ и одна женщина; кромѣ того, вырѣзано почти все городское болгарское духовенство. На мраморномъ помостѣ церкви, передъ лѣвымъ придѣломъ, видна большая лужа запекшейся крови; другая кровь цѣлыми струями и потоками запеклась на площадкѣ и ступеняхъ лѣстницы, ведущей на хоры. Мраморный престолъ въ алтарѣ свергнутъ и столбъ, служившій ему основаніемъ, разрушенъ *), серебряныя ризы съ иконостасныхъ образовъ сорваны и похищены, вмѣстѣ со всею серебряною утварью. Въ иконостасныхъ же образахъ, на ликахъ Христа Спасителя, Богоматери, св. Николая и Даніила выколуплены глаза и выскоблены ятаганами тѣ мѣста, гдѣ были изображены носы и уста. Въ этой церкви стоитъ теперь красное болгарское знамя, съ которымъ четы Цеко Петкова перешли вмѣстѣ съ нами черезъ Трояновъ перевалъ. Въ другомъ карловскомъ храмѣ, во имя св. Николая Чудотворца, произведены въ тотъ же день еще бо̀льшія кощунства и грабежи: престолъ точно также разрушенъ, и церковный ктиторъ, показывавшій намъ этотъ храмъ, объяснилъ, что турки разсчитывали въ престольномъ столбѣ найдти церковныя суммы. Въ Никольской церкви не осталось ни одного образа, надъ которымъ не было бы совершено поруганіе; точно также встрѣчаются тутъ и выколотые глаза, и выскобленные носы, и губы перекрещенныя царапинами кинжаловъ. Образа Богоматери и Іоанна Крестителя изстрѣляны револьверными пулями. Эти священныя изображенія служили мишенями для кощунственной потѣхи — стрѣльбы въ цѣль. Распятіе, вѣнчавшее иконостасъ надъ царскими вратами, свергнуто на помостъ, расколото и поругано... Всѣ церковныя книги и

*) Въ Болгаріи престолы строятся не изъ дерева, а изъ мрамора, и представляютъ собою большую квадратную мраморную доску, утвержденную въ центрѣ на каменномъ столбѣ. Всѣ эти церкви по большей части замѣчательны чрезвычайно искусною рѣзьбою по дереву въ разныхъ орнаментахъ иконостаса, надпрестольнаго балдахина, епископскаго мѣста и проповѣднической каѳедры; но хоругви въ нихъ встрѣчаются очень рѣдко.

одежды изорваны въ клочки. Натѣшась въ волю и ограбивъ все, что было здѣсь серебра и золота, турки извнутри подожгли церковь; но огонь не распространился: обгорѣла только часть хоровъ и деревянныя подѣлки близь главнаго входа. Кромѣ того турки опустошили прекрасное зданіе болгарской гимназіи. Досталось отъ ихъ злобствованія даже и каменнымъ памятникамъ на могилахъ болгарскаго кладбища.

Мнѣ отвели квартиру, вмѣстѣ съ офицерами 30-го казачьяго полка, въ домѣ русскаго консульства. Здѣсь тоже изрядно похозяйничали черкесы, переломавъ и разграбивъ все, что было наиболѣе цѣннаго изъ вещей и мебели. Внутренній дворикъ этого дома, съ его узорчатыми деревянными галлерейками, мраморнымъ фонтаномъ, цвѣтникомъ, садикомъ и виноградным кіоскомъ очень изященъ, и лѣтомъ, въ жаркую пору, здѣсь должно быть очень хорошо, уютно и прохладно. Карлово—городокъ, вообще, довольно чистенькій: по улицамъ его, извиваясь, струятся прозрачные ручьи, стекающіе съ Балканскихъ горъ, которыя высятся въ небѣ какъ бы надъ самымъ городомъ, такъ что въ ясную погоду изборожденныя временемъ скалистыя вершины кажутся совсѣмъ близко—просто рукой подать!... Въ числѣ особенностей Карлова надо отмѣтить жердяныя рѣшетки, перекинутыя мѣстами черезъ улицу отъ балкона къ балкону, отъ кровли къ кровлѣ или надъ каменными заборами; эти рѣшетки изобильно опутаны вьющимися побѣгами винограда, и въ лѣтніе дни, служа чѣмъ-то въ родѣ бесѣдокъ, доставляютъ прохожимъ тѣнь и прохладу. Внизу, подъ сѣнью этихъ виноградныхъ навѣсовъ, въ широко открытыхъ снаружи лавкахъ идетъ дѣятельная торговля; тутъ же помѣщаются «питальницы» (болгарскіе трактиры) и кофейни въ совершенно восточномъ вкусѣ, но, къ сожалѣнію, мало опрятныя. До прихода нашихъ войскъ, карловскіе торговцы не отваживались открывать свои лавки; торговали одни лишь турецкіе купцы; но нашъ приходъ повернулъ это дѣло совершенно на оборотъ: болгарская торговля вдругъ закипѣла, а турецкіе хозяева поспѣшили закрыть свои торговыя заведенія, къ которымъ, во избѣжаніе всякихъ случайностей и отместки со стороны болгаръ, были приставлены нами вооруженные часовые. Такимъ образомъ, частная турецкая собственность осталась неприкосновенною. Увидѣвъ это,

бо́льшая часть мусульманскихъ торговцевъ на другой же день добровольно открыла свои лавки, въ которыхъ многіе офицеры запаслись превосходнымъ табакомъ, трубками-стамбулками и прекрасными длинными чубуками изъ жасминнаго дерева.

Къ вечеру 1-го января генералъ Карцовъ получилъ донесеніе, что Лыджакіой занятъ 10-мъ стрѣлковымъ батальономъ и что вьюки, благополучно спустясь съ южнаго склона, подвезли намъ патроновъ на столько, что люди всего отряда могли теперь пополнить свои подсумки до комплекта; но сухарей, привезенныхъ уже позднею ночью, едва хватило по $^{1}/_{2}$ фунта на человѣка, и потому генералъ приказалъ не тратить ихъ, а ѣсть лепешки изъ турецкой муки, которой у насъ пока было вдоволь. Въ этотъ же день два батальона 12-го пѣхотнаго полка имѣли перестрѣлку съ турками, отступившими изъ Клиссуры, на пространствѣ между Копривштицей и Стрѣльчей. Генералъ Карцовъ послалъ имъ приказаніе присоединиться къ своей бригадѣ, такъ какъ оставлять ихъ въ горахъ, не имѣя еще свѣдѣній ни о судьбѣ Ихтимана, ни о Трояновыхъ Воротахъ, или направить ущельями на Ново-Село *), не зная очищено ли Чукурлу, было бы крайне рискованно; генералъ справедливо считалъ, что теперь всякая неудача, хотя бы и съ двумя батальонами, могла повредить впечатлѣнію нашихъ переваловъ.

*) Ново-Село лежитъ въ промежуткѣ между Стрѣльчей и Чукурлу, на половинѣ пути между ними.

LXXXV

Отъ Карлова до Чирпана

Движенiе войскъ генерала Карцова 2-го января къ Филиппополю. — Распоряженiя генерала Карцова въ Карловѣ. — Генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 1-й принимаетъ начальство надъ кавалерiей траянскаго отряда. — Стычка въ Каратопракѣ. — Турецкiе продовольственные склады. — Каратопракъ и его школа. — Причины движенiя отряда Карцова на Чирпанъ. — Характеръ мѣстности. — Отголоски боя 5-го января. — Ночлегъ въ Караорманѣ. — Домъ болгарскаго священника. — Извѣстiя, полученныя въ ночь на 6-е января. — Необходимость дневки. — Городъ Чирпанъ и встрѣча, сдѣланная его жителями генералу Карцову. — Турецкiя депеши на чирпанской телеграфной станцiи. — Турецкiе запасы, найденные въ Чирпанѣ. — Гостепрiимство чирпанскихъ болгаръ. — Характеристика румелiйскихъ болгаръ. — Чирпанское винодѣлiе и экономическое положенiе жителей - христiанъ. — Предписанiе о подчиненiи траянскаго отряда генералу Гурко и результаты его дѣйствiй.

Демотика, 24-го января.

2-го января, не смотря на то, что нѣкоторыя части 2-й бригады должны были придти только къ полудню, генералъ Карцовъ рано утромъ двинулъ 10-й пѣхотный полкъ въ селенiе Войнягово, а стрѣлки въ это время заняли въ виду отступившихъ турокъ деревню Чукурлу—пунктъ весьма для насъ важный въ томъ отношенiи, что онъ лежитъ на карлово-филиппопольскомъ шоссе, по ту сторону Малыхъ Балканъ, замыкая собою ущелье, сквозь которое мы должны были дебушировать по горному перевалу; но послѣ Траяна Чукурлукскiй перевалъ черезъ Малый Балканъ показался нашимъ людямъ такимъ ничтожествомъ, что они его просто не замѣтили, въ особенности благодаря прекрасной и достаточно широкой шоссейной дорогѣ. 9-й пѣхотный полкъ въ этотъ день перешелъ въ Лыджакiой, казанскiе же драгуны, только что успѣвшiе стянуть свои части съ Траянова перевала, вступили въ Карлово, куда вернулся и генералъ Карцовъ, проводившiй до Чукурлу лѣвую колонну своего отряда.

Въ Карловѣ было еще не мало хлопотливаго дѣла: тамъ оказались большiе турецкiе запасы зерна и галетъ; слѣдовало все это привести въ извѣстность, распредѣлить по числу войскъ, собрать для перевозки ихъ достаточное число вьюковъ, назначить особыя команды для охраны складовъ и для сопровожденiя къ войскамъ галетныхъ вьюковъ. Сборъ вьюч-

ныхъ животныхъ былъ особенно затрунителенъ среди раззореннаго и обнищавшаго болгарскаго населенія, тѣмъ болѣе, что турки, бѣжавшіе изъ этихъ мѣстностей на легкѣ, оставляли рогатый скотъ и запасы, но за то забирали съ собою не только всѣхъ своихъ, а и бо̀льшую часть болгарскихъ лошадей, ословъ и муловъ. Правильныхъ собщеній между передовыми отрядами и главною квартирою посредствомъ летучей почты еще не было установлено, донесенія же и депеши пересылались чрезъ одиночныхъ посланцевъ-казаковъ, одинъ изъ которыхъ привезъ 2-го числа къ генералу Карцову приказаніе Великаго Князя Главнокомандующаго подвигаться къ Филиппополю; но генералъ Карцовъ еще ранѣе, по собственному почину предварилъ желаніе Его Высочества: 3-го числа войска, направленныя по филиппопольскому шоссе, дошли уже до Каратопрака, что̀ составляетъ нѣсколько болѣе половины пути между Филиппополемъ и Карловымъ. *)

2-го же января, послѣ обѣда, пріѣхалъ въ Карлово изъ главной квартиры генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 1-й, который, по волѣ Великаго Князя Главнокомандующаго, долженъ былъ принять начальство надъ кавалеріею траянскаго отряда и присоединить къ себѣ нѣкоторыя кавалерійскія части изъ другихъ отрядовъ. Возвратившійся въ этотъ день подполковникъ Сухомлиновъ назначенъ былъ на должность начальника штаба при генералѣ Скобелевѣ 1-мъ. Съ разсвѣ-

---

*) Извлеченіе изъ предписанія начальника штаба дѣйствующей арміи отъ 1-го Января 1878 г. за № 10,110:

«Ваше превосходительство, предшествуемые кавалеріею Скобелева, должны также взять направленіе на Филиппополь, чтобы угрожать пути отступленія турокъ, дѣйствующихъ противъ генерала Гурко. Въ этомъ отношеніи вы должны соображать свои движенія и дѣйствія съ отрядомъ генерала Гурко. Если бы, подходя къ Филиппополю, вы узнали, что турки уже прошли этотъ городъ и отрѣзать имъ отступленія не можете, то вы должны двинуться на Чирпанъ и вообще составлять промежуточный отрядъ между отрядомъ Гурко и главными силами арміи, которая направляется отъ Эски-Загры на Трново и Германлы».

Въ отвѣтъ на это предписаніе, того же 2-го января, генералъ Карцовъ отправилъ въ главную квартиру слѣдующее донесеніе:

«Указанія Вашего Императорскаго Высочества предупреждены. Стрѣлковый батальонъ и 10-й полкъ уже прошли Чукурлу, а завтра вся 1-я бригада будетъ у Каратопрака. Драгуны только что прибыли въ Карлово. 2-й моей бригадѣ необходимо дать шесть дней оправиться. Формирую изъ двухъ ея полковъ два батальона и буду вести ихъ въ резервѣ».

томъ 3-го января пять сотень 30-го казачьяго полка и Казанскій драгунскій полкъ выступили со Скобелевымъ изъ Карлова къ Филиппополю.

Дойдя до Каратопрака, передовые казаки встрѣтились съ непріятельскимъ разъѣздомъ, который былъ посланъ сюда со спеціальнымъ порученіемъ сжечь православную церковь, гдѣ помѣщался складъ турецкихъ запасовъ. Аскеры не только съ полнымъ успѣхомъ исполнили это порученіе, но еще успѣшнѣе стали стрѣлять и рѣзать на церковной площади болгарскій скотъ, безъ всякой впрочемъ надобности. Въ это время, на звукъ ихъ выстрѣловъ, влетѣлъ въ селеніе нашъ передовой казачій разъѣздъ, который перестрѣлялъ аскеровъ, всѣхъ до одного, у церковной ограды. Но спасти церковь не было уже никакой возможности: она пылала извнутри жаркимъ пламенемъ, которое въ нѣсколько минутъ обрушило кровлю.

По показаніямъ мѣстныхъ жителей, въ этой церкви были сложены большіе запасы овса, ячменя, пшеницы, галетъ, фасоли и луку. Вообще, надо отдать полную дань похвалы турецкому интендантству: на разстояніи каждаго военнаго перехода, по всѣмъ военнымъ путямъ, и даже въ сторонѣ отъ нихъ, гдѣ лишь можно было хотя бы гадательно предположить нѣкоторую возможность военныхъ дѣйствій или передвиженій, интендантство это самымъ обстоятельнымъ образомъ устроивало изобильные продовольственные склады, и мы тѣмъ болѣе должны отдать ему справедливую благодарность, что со дня перехода черезъ хребетъ и до самаго Эгейскаго моря оно было почти единственнымъ нашимъ кормильцемъ. Солдаты очень полюбили турецкія пшеничныя галеты и съ величайшимъ удовольствіемъ ѣдятъ ихъ, размачивая немного въ водѣ и размягчая надъ котелковымъ паромъ, отчего галета становится мягкой и хрусткой. И надо замѣтить еще, что дѣятельность этого интендантства проявлялась столь примѣрнымъ образомъ не лишь въ отношеніи одного продовольствія, но и по всѣмъ рѣшительно предметамъ вещеваго снабженія. Не было того вещеваго склада, гдѣ наши войска не находили бы рубахъ изъ довольно тонкаго холста, англійскихъ шерстяныхъ фуфаекъ, теплыхъ чулокъ и байковыхъ одѣялъ, суконныхъ панталонъ и мундировъ, башмаковъ и сапожнаго товара, овчинныхъ полушубковъ, ремней, превосход-

ныхъ англійской кожи ранцевъ и подсумковъ, палатокъ, табаку, папиросной бумаги, сахару, кофе, спирту и проч. и проч.—всего не перечислишь! Вообще, снабженіе турецкой арміи было таково, что съ нимъ поспорить могло бы развѣ снабженіе арміи англійской. Я потому говорю «англійской», что мнѣ самому неоднократно доводилось въ подобныхъ складахъ встрѣчать англійскія клейма на многихъ и многихъ вещахъ, даже на мучныхъ мѣшкахъ, уже не говоря о замѣчательномъ количествѣ индійско-англійскихъ «рупій», которыя турецкіе плѣнники, отправляясь изъ Плевны въ Россію, старались обмѣнивать на русскія деньги. Благодаря опять-таки этимъ турецкимъ складамъ, многіе и многіе изъ нашихъ пообтрепавшихся и обезсапоженныхъ солдатъ, по переходѣ за Балканы, получили возможность обзавестись теплою одеждою и обувью. Наши же собственные транспорты, вслѣдствіе чрезвычайно быстраго движенія впередъ всѣхъ вообще отрядовъ, не могли поспѣвать за войсками, а если они не всегда поспѣвали и прежде, т. е. въ періодъ до паденія Плевны, то, какъ извѣстно, причинъ этому много и между прочимъ, конечно, распутица. Надо думать, что условія шоссейныхъ путей и погоды въ Румеліи, вѣроятно, были совсѣмъ иныя, чѣмъ въ придунайской Болгаріи, а потому турецкое интендантство и разныя турецкія товарищества поспѣвали заблаговременно и въ изобиліи снабжать свои склады всѣмъ необходимымъ, даже до роскоши.

Каратопракскіе болгары встрѣтили насъ чрезвычайно радушно и гостепріимно. Здѣсь, на окраинѣ селенія, мы нашли довольно большія деревянныя казармы, недавно построенныя совершенно по такому же образцу, какъ у насъ въ Россіи строятся, въ большинствѣ случаевъ, кавалерійскія конюшни. Казармы эти не болѣе какъ за сутки до нашего прихода были очищены турецкими солдатами, которые, уже уходя, на прощанье повышибали каменьями стекла въ каратопракской школѣ, и это съ ихъ стороны было, конечно, очень милостиво, такъ какъ они только этимъ и ограничились; разъѣздъ, спалившій церковь, былъ присланъ уже потомъ, на слѣдующія сутки. Кстати о болгарскихъ школахъ: въ забалканской Болгаріи ихъ гораздо больше, чѣмъ въ придунайской, и я замѣтилъ, что школѣ здѣсь постоянно принад-

лежитъ наилучшее, наиболѣе видное и какъ бы почетное мѣсто; школа всегда помѣщается рядомъ съ церковью, не рѣдко въ одной и той же оградѣ, гдѣ трудно отличить ее даже и по наружности; лучшій и просторнѣйшій домъ въ селеніи—это навѣрное школа; также точно и въ городахъ,—признакъ весьма знаменательный, видимо, хотя быть можетъ и невольно, выказывающій степень уваженія болгарина къ школѣ и взглядъ его на школу, какъ на «дѣло Божье, святое»,—признакъ, много говорящій въ пользу будущаго развитія и образованія Болгаріи. Дайте ей только крылья свободныя!..

Въ Каратопракѣ, подъ утро 5-го января, генералу Карцову было доставлено извѣстіе, что Филиппополь уже занятъ частями войскъ генерала Гурко и кавалеріею нашего отряда, подъ начальствомъ Скобелева 1-го, и что Сулейманъ-паша, отступленіе котораго наша гвардія задерживаетъ боевыми дѣлами, намѣревается уходить на Адріанополь черезъ городъ Хаскіой. Таковы были свѣдѣнія, полученныя отъ плѣнныхъ, перебѣжчиковъ и лазутчиковъ въ Филиппополѣ. Намѣреніе Сулеймана заставило генерала Карцова, согласно предписанію изъ главной квартиры, измѣнить первоначальное направленіе своего отряда (на Филиппополь) и изъ Каратопрака и Чуперликіоя *) съ разу двинуть его съ разсвѣтомъ 5-го числа форсированнымъ маршемъ влѣво, на городъ Чирпанъ, съ тою цѣлью, чтобы, переправившись черезъ Марицу у желѣзно-дорожной станціи Іени-Магале, захватить въ свои руки желѣзный путь и выдти на филиппопольско-хаскіойское шоссе, въ тылъ Сулейману, предупредивъ, по возможности, появленіе его въ Хаскіоѣ. Предъ самымъ выступленіемъ изъ Каратопрака, была получена изъ главной квартиры слѣдующая записка отъ 2-го января, за № 10,111, которую привожу въ извлеченіи:

«Великій Князь приказалъ, чтобы вы, съ полученія сего, безотлагательно направились по долинѣ Гіопса на Филиппополь, а если получите свѣдѣніе, что противникъ оставилъ этотъ городъ или что онъ уже занятъ нашими, то возьмите направленіе на Чирпанъ. Это направленіе должна принять

*) Въ Чуперликіоѣ находилась колонна графа Комаровскаго.

и кавалерія Скобелева.... О вашихъ распоряженіяхъ увѣдомлять для доклада Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему».

Это было вторичное приказаніе сдѣлать то, что уже было исполнено; въ главной квартирѣ 2-го января считали отрядъ еще не выступившимъ изъ Карнари тогда какъ онъ былъ уже на полупути отъ Карлова къ Филиппополю.

И такъ, 5-го января, въ четыре часа утра, части отряда генерала Карцова, перемѣнивъ первоначальное направленіе на Филиппополь, двинулись форсированнымъ фланговымъ маршемъ влѣво, къ Чирпану. Мы вышли на проселочную дорогу, гдѣ пришлось пересѣкать въ бродъ нѣсколько притоковъ Марицы. Здѣсь характеръ мѣстности измѣнился довольно рѣзко: холмистая страна перешла въ совершенно открытую степную пустыню, гдѣ изрѣдка виднѣлись по сторонамъ небольшіе лѣски, но растительность совершенно уже утратила ту могучесть и великолѣпіе, которыми мы любовались въ горахъ и въ Долинѣ Розъ; дубнякъ здѣсь и малорослъ, и жидокъ, попадается много пустырей, заросшихъ терномъ и колючкой, которые, по видимому, оспориваютъ трудъ земледѣльца; здѣсь мы не встрѣчали уже ни фруктовыхъ садовъ, ни плантацій, ни даже кукурузныхъ полей. Соотвѣтственно пустынному характеру этой равнины и населеніе въ ней весьма рѣдкое; на пространствѣ 50-ти верстъ намъ попалось не болѣе трехъ небольшихъ селеній, изъ которыхъ одно, Абрасляръ, населено покатоличенными болгарами. Католицизмъ еще издали и съ разу заявляетъ себя присутствіемъ башни на костелѣ и колоколомъ, что̀ отнюдь не дозволялось православнымъ.

Въ 8 часовъ утра мы услышали вправо отъ себя первый пушечный выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ началась канонада, въ началѣ довольно рѣдкая, а потомъ все чаще и чаще. Казалось, будто батареи громятъ противника залпами. Вскорѣ къ артиллерійскому гулу присоединился и сухой звукъ частой ружейной перестрѣлки. Отголоски этого боя, судя на слухъ и благодаря полной тишинѣ воздуха, такъ обманывали ухо и казались такъ близко къ намъ, что генералъ Карцовъ послалъ въ Филиппополь гонцовъ, съ извѣщеніемъ, что онъ пока еще находится менѣе чѣмъ на половинѣ пути отъ

Каратопрака на Чирпанъ, а потому, если нужна его помощь, то онъ готовъ идти и дѣлать то, что́ ему будетъ указано *). По звуку выстрѣловъ казалось, что бой подвигается съ запада на востокъ, по одному направленію и на одной высотѣ вмѣстѣ съ нами, и что происходитъ онъ не болѣе какъ верстахъ въ семи или въ десяти вправо. Вслѣдствіе этого, независимо отъ гонцовъ, былъ посланъ еще войсковой старшина Грошевъ съ разъѣздомъ—узнать, гдѣ именно бой и въ какомъ положеніи дѣло. Грошевъ отправился крупною рысью по цѣлинѣ, прямо на звукъ, и пока мы находились на привалѣ въ Абраслярѣ, въ одинъ часъ съ четвертью слеталъ туда и обратно, сдѣлавъ въ совокупности 20 верстъ, и вернулся съ положительными свѣдѣніями: онъ доѣхалъ до колонны графа Комаровскаго, слѣдовавшаго на Чирпанъ почти параллельно съ нами, но въ 10-ти верстахъ южнѣе. Къ этому времени графъ Комаровскій успѣлъ уже самъ по себѣ узнать черезъ свой разъѣздъ, что бой идетъ далеко по ту (т. е. правую) сторону Марицы, болѣе чѣмъ въ 30-ти верстахъ отъ насъ. Такъ какъ на Марицѣ, находившейся въ полномъ разливѣ, былъ въ этотъ день сильный ледоходъ, вслѣдствіе чего переправа черезъ нее въ бродъ, по показаніямъ болгаръ, возможна была не ближе какъ противъ Іени-Магале, то генералъ Карцовъ, убѣдясь въ невозможности подоспѣть во́-время и съ пользою для дѣла на мѣсто боя, поторопился къ Чирпану, чтобы завтра же (6-го) съ разсвѣтомъ начать переправу и выдти на перерѣзъ пути арміи Сулеймана. Въ ожиданіи отвѣта, по необходимости оставаясь на привалѣ, мы потеряли болѣе трехъ часовъ времени. День былъ пасмурный и сырой. Въ пятомъ часу повалилъ снѣгъ съ метелью, а дорога, или лучше сказать тропа, по которой мы слѣдовали, была до такой степени сбивчива и не разработана, что если бы не проводникъ-священникъ, то мы при этомъ снѣгѣ почти навѣрное заблудились бы, тѣмъ болѣе, что ни впереди, ни по сторонамъ, куда хваталъ лишь

---

*) Генералъ Карцовъ писалъ генералу Гурко слѣдующее: «Хотя я имѣю положительное приказаніе Главнокомандующаго: въ случаѣ занятія нашими Филиппополя, идти на Чирпанъ, но слыша кананоду, прошу увѣдомить: не нужно ли мое содѣйствіе. Благоволите сообщить о вашемъ направленіи на 6-е и 7-е января.

глазъ, нигдѣ не замѣчалось ни малѣйшихъ признаковъ какого нибудь селенія. Это былъ одинъ изъ самыхъ длинныхъ и самыхъ скучныхъ нашихъ переходовъ; мы развлекались только тѣмъ, что прислушивались къ однообразной музыкѣ выстрѣловъ, стараясь угадывать по звуку, который выстрѣлъ нашъ и который турецкій. Послѣ трехъ часовъ дня отголоски боя стали долетать какъ будто все глуше и глуше; казалось, что бой удаляется къ югу, а въ половинѣ шестаго замолкли и послѣдніе выстрѣлы. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы пришли на ночлегъ въ болгарское селеніе Караорманъ, лежащее не доходя верстъ семи до Чирпана. Потеря времени на привалѣ и метель были причиною, что ни одна изъ колоннъ отряда генерала Карцова не могла дойдти въ этотъ день до назначеннаго пункта. Да и переходъ болѣе чѣмъ въ 50 верстъ, при такой погодѣ, былъ крайне утомителенъ. Впрочемъ, отъ Караормана было на нѣсколько верстъ ближе, чѣмъ изъ Чирпана, до мѣста предполагаемой переправы.

Мнѣ, въ числѣ трехъ офицеровъ, досталась на долю квартира у караорманскаго священника. Тутъ я впервые могъ увидѣть условія жизни и обстановки «поповъ» въ Болгаріи. Хата попа ничѣмъ не отличается отъ хаты любаго заурядняго сельчанина, а у каждаго «чорбаджія» (старосты или зажиточнаго человѣка) жилища несравненно лучше. Я писалъ уже однажды изъ Богота объ устройствѣ и обстановкѣ болгарскихъ хижинъ-землянокъ въ придунайской Болгаріи; здѣсь и устройство, и обстановка тѣ же самыя, за исключеніемъ того лишь, что хата строится изъ глины или сырцоваго кирпича поверхъ земли, не зарываясь въ почву; наружныя стѣны бѣлятся, а кровля покрывается черепицею. Внутри же все точно то же, что̀ и въ Боготѣ, и въ Порадимѣ, и въ Студнѣ, и въ тысячахъ подобныхъ селеній, т. е. ни малѣйшей мебели, цыновка на полу подлѣ очага, полки съ немногочисленною и убогою утварью, рядомъ дверь въ кладовую, лукъ, чеснокъ, бараньи шкуры, перецъ и кукуруза...

Въ «ке́штѣ» *) попа ничто не напоминало особенностей его званія, если не считать наклееннаго на стѣну образа св. Архистратига Михаила, лубочно отпечатаннаго на бумагѣ,

*) Кешта — квартира, жилище, комната.

совершенно въ томъ же родѣ и характерѣ, какъ и наши суздальскія священныя изображенія, разносимыя по всей Россіи офенями. Здѣшнія гравюры исходятъ изъ Аѳона, который снабжаетъ ими весь Балканскій полуостровъ, съ Греціею и Архипелагомъ, а также Румынію, и даже христіанскія мѣстности Малой Азіи и Египта. Кромѣ этого образа, здѣсь не было ни одной книжки, не только свѣтской, но и духовной. Одежда и внѣшность священника, за исключеніемъ длинныхъ волосъ, роскошно выбивавшихся жесткими и сухими кудрями изъ-подъ поярковаго клобука греческой формы, ничѣмъ не отличалась отъ одежды простаго сельчанина. Что̀ касается до интеллигентнаго начала, то оно отчасти сказывалось развѣ въ томъ, что разговоръ попа, благодаря церковно-славянскому языку, былъ для насъ доступенъ несрасненно болѣе, чѣмъ обыкновенный грубый и жесткій звуками языкъ болгарскаго простонародья.

Семья этого священника состояла исключительно изъ женщинъ: двухъ малютокъ-дочерей, старухи-тещи и жены, еще молодой годами, но уже увядшей физически, какъ и всѣ вообще женщины на Востокѣ, которымъ на 25-мъ году кажется на видъ ужь за̀ сорокъ. Здѣсь невѣроятно быстро совершается процесъ перерожденія 17-ти-лѣтней красавицы въ 20-тилѣтнюю пожилую особу, и зависитъ это не столько отъ климата, сколько отъ тяжелаго домашняго труда и отъ дурной привычки (въ среднемъ или городскомъ классѣ общества) втирать въ себя свинцовыя бѣлила и чуть не цѣлыми пластами накладывать на щеки румяна; красивыя же турчанки, составлявшія нѣкогда предметъ пѣснопѣній нашихъ и многихъ европейскихъ поэтовъ, въ дѣйствительности почти не встрѣчаются, за исключеніемъ развѣ маленькихъ дѣвочекъ, которыя по преимуществу отличаются огненно-рыжимъ цвѣтомъ своихъ волосъ. У дѣтей и молодыхъ женщинъ этотъ цвѣтъ дается природою; сѣдоволосыя же старухи превращаютъ переднюю часть своихъ волосъ въ оранжевый цвѣтъ съ помощію какой-то краски. Жена и теща священника относились къ нему со знаками нѣкотораго почтенія и называли его не по имени, а по званію, и не иначе какъ въ звательномъ падежѣ: «попе́»—не по́пе, а именно «попе́». Это была очень добрая и крайне радушная семья. Они намъ уступили свою цыновку

и, не смотря на всѣ наши отказы отъ этой любезности и увѣренья, что намъ гораздо удобнѣе будетъ спать на сѣнѣ или соломѣ, ни за что не соглашались воспользоваться ею сами, доказывая намъ, какъ гостямъ, что нашъ отказъ отъ цыновки нарушитъ условія здѣшняго гостепріимства и даже обидитъ ихъ. Нечего дѣлать, пришлось покориться и спать вмѣсто мягкой сѣнной подстилки на жесткой рогожѣ. Впрочемъ, мы такъ устали, что, едва успѣвъ поѣсть, заснули отлично и на цыновкѣ. Священникъ къ ужину принесъ намъ солонины, бобовъ, вина и меду, а на утро, когда мы хотѣли вознаградить его за всѣ хлопоты и убытки, онъ и женщины, не смотря на все убожество своей житейской обстановки, упорно отказывались принять вознагражденіе по серебряному рублю съ каждаго. Мы не безъ труда убѣдили ихъ взять наше серебро хотя бы въ подарокъ дѣтямъ, и бабушка тутъ же объявила, что «россійски-ты рубли» пойдутъ на украшеніе красныхъ фесокъ обѣихъ дѣвочекъ. Священникъ этотъ, между прочимъ, разсказывалъ намъ, что турецкое населеніе, уходя изъ окрестностей, позабирало у мѣстныхъ болгаръ всѣхъ лошадей и муловъ, а также и деньги, если гдѣ не успѣли заблаговременно зарыть ихъ въ землю, и кромѣ того разграбило караорманскую церковь, т. е. взяло изъ нея серебряную чашу, дискосъ, антиминсъ, серебряные вѣнчики съ образовъ и ризы, но слава Богу, не подвергло ни престолъ, ни самый храмъ никакому кощунственному оскверненію; вслѣдствіе же уноса чаши и дискоса съ антиминсомъ, прихожане на долго лишены теперь возможности слушать литургію, и вся праздничная служба ограничивается у нихъ лишь часами, заутреней, да вечерней. Бѣдный попъ вынужденъ пока отправлять богослуженіе безъ ризы, въ одной своей болгарской овчинной курткѣ, поверхъ которой надѣваетъ эпитрахиль, оставленную ему за крайнею ветхостію.

Наши разъѣзды, посланные съ вечера въ Чирпанъ и далѣе къ востоку, возвратясь на разсвѣтѣ, донесли, что они вошли въ связь съ разъѣздами 1-й кавалерійской дивизіи и что въ Чирпанѣ уже находится эскадронъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка. Ночью же генералъ Карцовъ получилъ извѣстіе, что вчера (5-го) генералъ Дандевиль со своею 3-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею имѣлъ удачное дѣло съ арміею Су-

леймана между Караагаджемъ и Станимакой (верстахъ въ 15-ти къ юго-западу отъ Филиппополя), что въ этомъ дѣлѣ участвовала и кавалерія нашего отряда и что разбитые турки отступаютъ уже не на Хаскіой, куда пошла теперь наша гвардейская кавалерія, а кинулись прямо на югъ, въ горы, гдѣ ихъ преслѣдуетъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 1-й. Вслѣдствіе этого уже не видѣлось надобности особенно торопиться съ переправою, которую тѣмъ часомъ можно бы устроить возможно удобнѣе, и потому генералъ Карцовъ, въ виду усиленнаго вчерашняго перехода, рѣшилъ сдѣлать своему отряду дневку въ Чирпанѣ, дабы дать возможность подтянуться отсталымъ людямъ, вьюкамъ, легкому обозу и порціонному скоту, тѣмъ болѣе что и солдатская обувь настоятельно требовала починки, да и кромѣ того, необходимо было выждать прибытія сводныхъ батальоновъ 11-го и 12-го полковъ, подъ начальствомъ маіора Федотова, собрать свѣдѣнія гдѣ возможнѣе переправиться черезъ Марицу и получить указанія о дальнѣйшемъ направленіи отряда.

6-го января, въ день Богоявленія, въ 8 часовъ утра мы выступили къ Чирпану. Это былъ первый изъ видѣнныхъ нами доселѣ городовъ Европейской Турціи, который не прячется въ лощинѣ, а открыто лежитъ по скатамъ незначительной и пологой возвышенности. Болгарское населеніе высыпало на встрѣчу отряду. У самаго въѣзда въ городъ стояла толпа вооруженныхъ мужчинъ, которые, немедленно вслѣдъ за уходомъ турокъ, организовали изъ своей среды городскую стражу для охраненія порядка и для защиты города отъ возможнаго нападенія баши-бузуковъ. Женщины и дѣвушки, по случаю дня св. Крещенія, всѣ были въ праздничныхъ нарядахъ, съ миртовыми и плющевыми вѣнками на головахъ и съ такими же букетами. Мѣховая кофта-душегрѣйка, крытая алою, желтою или голубою шелковою матеріею, составляетъ необходимую принадлежность праздничнаго костюма молодыхъ болгарскихъ горожанокъ (пожилыя и старухи носятъ исключительно черное), и эти костюмы, въ соединеніи съ флагами, коврами на балконахъ и зелеными гирляндами надъ входами въ дома придавали всему городу очень пестрый, веселый видъ. Улицы и площадь были запружены ликующими толпами; кто-то изъ болгаръ взобрался на городскую башню, безъ которой

здѣсь нѣтъ ни одного города и которая всегда имѣетъ назначеніе—звономъ въ колоколъ возвѣщать жителямъ часы дня и ночи, по турецкому времени; этотъ кто-то изо всей мочи трезвонилъ теперь въ турецкій колоколъ, въ честь нашего прихода. Старшій городской протоіерей вышелъ на встрѣчу генералу Карцову съ оловяннымъ подносомъ, на которомъ находился пшеничный коровай, солонка и стопа чирпанскаго вина. Выслушавъ отъ него привѣтствіе и отвѣдавъ хлѣба-соли, генералъ со своимъ штабомъ отправился въ церковь, предшествуемый поющимъ духовенствомъ. Литургія, которая въ Болгаріи вообще служится очень рано, была уже окончена, и потому мы отстояли одинъ только молебенъ съ возглашеніемъ многолѣтія «Освободителю Болгаріи, Царю и Императору нашему». Серебряныя ризы съ образовъ этого храма были ограблены турками, при ихъ бѣгствѣ изъ Чирпана, которое послѣдовало 27-го декабря; впрочемъ престолъ и иконы остались не поруганными, по недостатку для этого времени, такъ какъ самое бѣгство, подъ вліяніемъ панической вѣсти, что русскіе уже за Балканами, совершилось крайне поспѣшно.

Тотчасъ по вступленіи въ Чирпанъ я былъ посланъ начальникомъ отряда на телеграфную станцію—взять и разобрать всѣ оставшіяся за послѣдніе дни депеши турецкаго правительства. Особенно важнаго въ нихъ ничего не открыто, но за то эта корреспонденція явно свидѣтельствуетъ, сколь велика была паника турокъ и какой переполохъ произвелъ между ними нашъ переходъ черезъ Балканы. Привожу изъ этихъ депешъ наиболѣе характерныя:

25-е декабря. Вейсиль-паша, комендантъ Шипки, чирпанскому коменданту: Всѣ войска, находящіяся въ Чирпанѣ, какъ можно скорѣе выслать къ Шипкѣ *).

Отвѣтъ. По приказанію адріанопольскаго вали (генералъ-губернатора), всѣ находившіяся здѣсь войска уже отправлены въ Филиппополь. Они крайне нуждаются въ обуви и очень страдаютъ отъ морозовъ.

---

*) Рѣшительное форсированіе Шипкинскаго перевала съ нашей стороны началось только 27-го декабря; телеграмма же Вейсиль-паши отъ 25-го указываетъ на то, что туркамъ уже заблаговременно были извѣстны наши намѣренія. Вообще, ихъ лазутчики повсюду были гораздо лучше нашихъ.

26-е декабря. Саидъ, почетный гражданинъ чирпанскій, адріанопольскому губернатору: Наплывъ бѣглецовъ-жителей столь великъ, что они умираютъ съ голоду. Кормить нечѣмъ, на желѣзнодорожной станціи ихъ не принимаютъ. Торопитесь дать на это ваше приказаніе [1]).

Отвѣтъ [2]). Разрѣшаю забрать подъ бѣглецовъ всѣ болгарскія подводы, на которыхъ и отправить всѣ семейства; всѣмъ же мужчинамъ, способнымъ владѣть оружіемъ, приказываю раздать таковое, и пусть защищаютъ городъ вмѣстѣ съ мустегафизами. Вы пишете, чтобы всѣ правительственныя дѣла и бумаги, уложивъ въ ящики, отправить въ Филиппополь; я же приказываю оставить ихъ въ Чирпанѣ, гдѣ оставаться и всѣмъ служащимъ въ администраціи. Могущіе носить оружіе ни въ какомъ случаѣ не смѣютъ оставлять города.

Чирпанскій каймакамъ (уѣздный начальникъ) ко всѣмъ окрестнымъ агентамъ администраціи: Немедленно собрать всѣ болгарскія подводы для перевозки бѣглецовъ [3]).

27-го декабря. Чирпанскій каймакамъ, филиппопольскому мутесарифу (губернатору): Ни жители, ни мустегафизы рѣшительно не хотятъ разлучаться со своими семействами. Отправлять на Шипку фуражъ и продовольствіе мы не имѣемъ средствъ. Торопитесь прислать на помощь хотя сколько нибудь низама.

28-го декабря. Отъ Саида, почетнаго гражданина чирпанскаго, къ адріанопольскому вали: Высылайте немедленно какъ можно болѣе паровыхъ поѣздовъ, потому что все турецкое населеніе бѣжитъ поголовно. Чирпанскіе бѣгутъ на Каяджикъ и Іени-Магале [4]).

---

[1]) Подобнаго же смысла телеграмма была отправлена къ адріанопольскому вали и отъ чирпанскаго градоначальника, который испрашивалъ разрѣшенія забрать подъ бѣглецовъ подводы у болгаръ, какъ въ городѣ, такъ и во всѣхъ окрестностяхъ.

[2]) Этотъ отвѣтъ адресованъ обоимъ вышеназваннымъ лицамъ.

[3]) Приказъ этотъ при своемъ исполненіи, какъ извѣстно уже, послужилъ для исполнителей поводомъ отбирать вмѣстѣ съ подводами и деньги, и цѣнныя вещи, и церковную утварь съ серебряными образными ризами. Благодаря ему же, при реквизиціи не обошлось безъ самыхъ ужасныхъ насилій, послѣдствіемъ которыхъ во всей окрестной странѣ были новые пожары и убійства.

[4]) Станціи на желѣзной дорогѣ.

28-го же декабря. Казанлыкскій каймакамъ къ филиппопольскому мутесарифу: Громадныя силы русскихъ разбили нашихъ въ большомъ сраженіи. Казанлыкское населеніе бѣжитъ поголовно. Женщины и дѣти отправлены въ Эски-Загру и Чирпанъ. Къ вечеру сего числа въ Казанлыкѣ не осталось уже ни одной турецкой женщины. Учрежденія «Красной Луны» остаются на мѣстѣ. Приходится такъ плохо, что и администраціи надо выбираться. Состоявшіе при мнѣ офицеры, чиновники, писцы и телеграфисты сейчасъ ушли въ Чирпанъ. Сельскіе жители, какъ сообщаютъ изъ Чирпана, бѣгутъ на Карабунаръ *).

28-го же декабря. Отъ того же къ тому же: Я узналъ сію минуту, что заключено перемиріе. Прикажете ли чиновникамъ и жителямъ возвращаться назадъ?

Отвѣта не послѣдовало, и въ тотъ же день вечеромъ турки до послѣдняго человѣка, вмѣстѣ со всею своею администраціею, бѣжали изъ Чирпана. На этой телеграммѣ прерывается всякая дальнѣйшая корреспонденція. При этомъ бѣгствѣ оставлены въ городѣ большіе запасы галетъ, которыя изготовлялись здѣсь въ количествѣ 2,000 окъ ежесуточно, и цѣлый складъ металлическихъ патроновъ въ 395 ящиковъ, по 10,000 штукъ въ каждомъ, и того, стало быть—3,950,000 патроновъ. Чѣмъ далѣе слѣдуемъ мы впередъ, тѣмъ все болѣе и болѣе приходится изумляться этой неисчерпаемости всяческихъ богатствъ по военной части, напрасно потраченныхъ на Турцію ея англійскими попечителями и кредиторами, и только видя во-очію всѣ эти матеріальные слѣды англійскихъ заботъ и попеченій на поддержаніе турецкаго владычества, начинаешь понимать всю мѣру глубочайшей ненависти и отвращенія, питаемыхъ къ Англіи балканскими христіанами, къ числу которыхъ, впрочемъ, мы не относимъ торгашей-грековъ (но только торгашей) изъ подвластныхъ туркамъ южныхъ провинцій, потому что этимъ эксплуататорамъ греческаго и болгарскаго населеній отлично живется только при турецкомъ правительствѣ; изъ нихъ же по преимуществу вербуются и христіанскіе члены стамбульскаго «парламента», но за то они пользуются ненавистью и презрѣніемъ своего собственнаго со-

*) То же станція на желѣзной дорогѣ.

племеннаго народа въ равной степени съ турками и англичанами.

Тотчасъ же по выходѣ изъ чирпанской церкви весь штабъ генерала Карцова и почти всѣ наличные офицеры вступившаго въ городъ отряда буквально на расхватъ были разобраны зажиточными чирпанскими жителями къ себѣ въ дома, гдѣ для нихъ заранѣе уже готовились и чистыя, мягкія постели, и теплыя комнаты, и самое радушное, изобильное угощеніе. Это радушіе, съ непривычки, даже стѣсняло насъ; да и какъ не стѣсняться, когда вы видите, что и самъ хозяинъ, и вся его семья отъ мала до велика смотритъ вамъ въ глаза, стараясь не только предупредить, но предугадать малѣйшее ваше желаніе. Истопить ли комнату надо—вамъ ее истопятъ какъ баню, не жалѣя дровъ; ѣсть ли вы захотите—вамъ нанесутъ цѣлый столъ разнообразныхъ и очень вкусно приготовленныхъ «городскихъ» болгарскихъ блюдъ, сопровождая ихъ изобильнымъ количествомъ мѣстнаго вина и ракіи; спать ли захочется—несутъ цѣлый ворохъ тюфяковъ, ковровъ, простынь, одѣялъ и подушекъ, и все это дѣлаютъ сами, не допуская даже деньщика ни до малѣйшей услуги. А чуть заснете или уйдете вы со двора—начинается кормленіе и поеніе деньщиковъ и рейткнехтовъ, что въ концѣ концовъ даже вамъ непріятно, но ничего не подѣлаешь и снисходительно молчишь, памятуя тяжкіе труды и лишенія этихъ самыхъ деньщиковъ на Балканѣ и во все время суроваго, утомительнаго похода. Замѣчательнѣе всего то, что въ теченіи чирпанской дневки не вышло никакого недоразумѣнія между жителями и войсками, и ни съ той, ни съ другой стороны не послѣдовало ни малѣйшей жалобы; люди наши вели себя примѣрно, а это, въ сравненіи съ турками, еще усиливало степень уваженія и ласкъ, оказанныхъ имъ жителями.

Надо сказать, что еще съ самаго вступленія нашего въ сѣверныя предгорія Балканскаго хребта, начиная съ разрушеннаго города Траяна, мы начали уже замѣчать значительную разницу въ бытѣ и характерѣ мѣстнаго болгарскаго населенія, по сравненію его съ населеніемъ придунайскимъ. Послѣднее въ высшей степени равнодушно и апатично относится ко всему на свѣтѣ и нисколько не заботится объ улучше-

ніи своего собственнаго быта, довольствуясь кукурузой и убогими землянками. Оно слишкомъ забито, слишкомъ подавлено для подобныхъ заботъ и стремленій. Исключеніе составляетъ только нѣкоторая часть городской интеллигенціи, но далеко не вся интеллигенція, которая при политическомъ равнодушіи заботится преимущественно о личныхъ своихъ барышахъ и торговыхъ интересахъ. Здѣсь же, въ горахъ и въ загорьѣ, совершенно наоборотъ: въ цѣломъ населеніи еще живы завѣтныя преданія славной старины, сознаніе своей славянской сущности, ревность къ православной вѣрѣ, жаркое стремленіе къ освобожденію изъ-подъ турецкаго ига. Не потому ли и старались турки уничтожать и вырѣзывать населеніе преимущественно горскихъ и сосѣднихъ съ горскими мѣстностей? Это населеніе таитъ въ себѣ начала воинственнаго духа и изъ него-то преимущественно выходили добровольцы четъ Цеко Петкова и другихъ воеводъ болгарскихъ; въ немъ же, конечно, лежитъ и опора будущей независимой Болгаріи. У этого населенія и наружный видъ, и говоръ, и замашки какъ-то бойче, и походка быстрѣе, ловчѣе, энергичнѣе, и наконецъ, оно во всѣхъ отношеніяхъ значительно развитѣе населенія придунайскаго. Женскій типъ тоже красивѣе чѣмъ придунайскій, и особую оригинальность ему придаетъ прическа: здѣшнія болгарки подстригаютъ почти надъ самыми бровями волосы, падающіе въ видѣ чолки на лобъ, а всю остальную растительность своей головы пускаютъ вольными кудрями виться по плечамъ. Балканскіе и загорскіе мужчины—замѣчательные ходоки: во время похода наши проводники ежедневно изумляли насъ своею быстротою и неутомимостію. Лошадь подъ генераломъ Карцовымъ была замѣчательно ходастая, такъ что въ походѣ всей его свитѣ, на каждыхъ ста саженяхъ пути, приходилось нагонять его рысью, а между тѣмъ проводники-болгары шагаютъ себѣ впереди генерала своимъ ровнымъ, быстрымъ и широкимъ шагомъ безъ малѣйшихъ признаковъ утомленія, и такимъ образомъ проходятъ они 50-ти-верстные переходы. Эта замѣчательная способность къ ходьбѣ служитъ залогомъ того, что изъ болгаръ выработается впослѣдствіи превосходная пѣхота, и на это тѣмъ болѣе можно надѣяться, что ратники Столѣтовскаго ополченія вообще показали себя въ боевыхъ дѣлахъ весьма стойкими солдатами.

Городъ Чирпанъ по справедливости гордится своимъ краснымъ, или какъ здѣсь называютъ «чернымъ» виномъ. Это густое, мягкое и въ то же время сильное вино обладаетъ всѣми лучшими качествами винъ бургонскихъ, если даже не превосходитъ ихъ своими достоинствами. Бургонскія же вина напоминаетъ оно и своимъ вкусомъ. Мой хозяинъ, Иванчо Хаджи-Дековъ, съ большою любовію занимается винодѣліемъ и постоянно старается улучшать свое производство. Его выдержанныя пятилѣтнія вина превосходны, и будь этотъ человѣкъ поставленъ въ иныя условія гражданской жизни, при возможности свободнаго сбыта своихъ произведеній, онъ давнымъ давно сдѣлалъ бы себѣ громадное состояніе, а здѣсь, «въ Турціи», Иванчо Дековъ имѣетъ только маленькую возможность существовать безбѣдно со своимъ большимъ семействомъ. «Я бы могъ, разсказывалъ онъ мнѣ, свободно выдѣлывать въ годъ до двухъ милліоновъ окъ, но, во-первыхъ, сбытъ у насъ очень ограниченъ, а во-вторыхъ, если бы даже и нашелъ я настоящій сбытъ черезъ Стамбулъ англійскимъ купцамъ, которые и теперь закупаютъ у меня почти весь мой товаръ, то это было бы крайне рискованно: здѣсь не только собственность, но самая жизнь наша, какъ вамъ извѣстно, нисколько не обезпечена, а потому выказать свое состояніе, или хотя бы даже возможность къ пріобрѣтенію состоянія, было бы очень опасно; по прихоти перваго вали, или даже каймакама, который соблазнился бы моими деньгами, я навѣрное поплатился бы тюрьмою, если даже не жизнію, и все семейство мое было бы пущено по міру. Поэтому мы, болгары, и прозябаемъ; поэтому и энергія къ работѣ падаетъ у насъ... Все это, говорю, здѣсь не только безполезно, но даже опасно. Авось либо теперь настанутъ лучшія времена... Здравія, здравія Царю Александру!» крестясь, заключилъ свою рѣчь мой хозяинъ.

И дѣйствительно, экономическое положеніе каждаго производителя въ Болгаріи ужасно не тѣмъ, что ему не даютъ или запрещаютъ работать и пріобрѣтать—напротивъ, на это нѣтъ и не бывало запрету; но ужасно оно тѣмъ, что результаты его труда, его собственность и все достояніе нисколько не обезпечены какимъ-либо положительнымъ закономъ; они всецѣло висятъ на волоскѣ личной прихоти или алчности лю-

баго турецкаго чиновника: захотѣлъ и отнялъ, а для этого стоитъ только обвинить человѣка въ государственной измѣнѣ и упрятать его въ тюрьму, изъ которой обвиненный можетъ выкупить себя только цѣною своего достоянія. Произволъ власти—вотъ что ужасно было въ условіяхъ общественной и экономической жизни Болгаріи. И до какой степени, вслѣдствіе этого, простирается здѣсь дешевизна, или вѣрнѣе сказать безцѣнность продуктовъ, можно судить изъ того, что вино, за которое въ Петербургѣ надо было бы заплатить не менѣе двухъ съ полтиною или трехъ рублей за бутылку, Иванчо Дековъ продаетъ англійскимъ скупщикамъ по два галагана око, а галаганъ равняется двумъ съ половиною копѣйкамъ, въ окѣ же заключается почти двѣ нашихъ бутылки. Ко всѣмъ этимъ и многимъ другимъ разсказамъ у моего радушнаго хозяина неизмѣнно прибавляется одинъ только сопровождаемый крестнымъ знаменіемъ возгласъ: «здравія, здравія, многа лѣты здравія на Царь нашъ Александеръ!»

7-го января днемъ было получено въ Чирпанѣ приказаніе Главнокомандующаго о томъ, что траянскій отрядъ поступаетъ въ составъ отдѣльнаго западнаго отряда, подъ начальство генерала-отъ-кавалеріи Гурко, вслѣдствіе чего начальнику западнаго отряда немедленно же былъ отправленъ рапортъ о наличномъ составѣ и испрашивалось приказаніе о дальнѣйшемъ назначеніи 3-й пѣхотной дивизіи.

Такимъ образомъ, траянскій отрядъ прекратилъ свое самостоятельное существованіе,—остается подвести итоги его дѣйствій. Во-первыхъ, свѣдѣнія, собранныя на мѣстахъ этихъ дѣйствій, во-вторыхъ, ходъ послѣдующихъ событій, въ-третьихъ, показанія плѣнныхъ и, наконецъ, документы, захваченные у непріятеля, указываютъ, что взятіе Траянскаго перевала имѣло слѣдующія послѣдствія:

1) Привлеченіе къ перевалу отъ Шипки и Филиппополя шести непріятельскихъ таборовъ и полное разбитіе оныхъ, сопровождавшееся взятіемъ укрѣпленій, двухъ знаменъ, орудія, транспорта съ продовольствіемъ и плѣнныхъ.

2) Распространеніе общей паники по всей долинѣ Гіопса и въ Филиппополѣ, вслѣдствіе чего—поголовное бѣгство турецкаго населенія, вмѣстѣ съ отрядами, занимавшими Клиссуру, Карлово, Калоферъ, Чукурлу и Каратопракъ.

3) Захватъ громаднаго количества скота и запасовъ, что̀ дало возможность продовольствовать войска значительное время *) безъ интендантства и безъ расходовъ казны.

4) Немедленное оставленіе непріятелемъ двухъ сильно укрѣпленныхъ позицій въ Калоферскомъ и Клиссурскомъ ущельяхъ, откуда турки бѣжали, когда имъ еще не было извѣстно о пораженіи подъ Шипкою и Шейновымъ.

5) Соединеніе 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи съ 1-ю, что̀ не могло бы случиться, если бы изъ траянскаго отряда не были посланы войска въ тылъ клиссурскаго дефиле.

6) Полное обезпеченіе съ запада войскъ, спустившихся въ долину Тунджи.

7) Таковое же обезпеченіе тыла западнаго отряда, чего не было бы, если бы переходъ Траянскаго перевала не вынудилъ турокъ очистить Калоферъ и всю долину Гіопса.

Смѣю думать, эти результаты достаточно доказываютъ, что траянскій отрядъ исполнилъ свой долгъ и вполнѣ достигъ цѣли, указанной ему волею Великаго Князя Главнокомандующаго.

LXXXVI

Переправа черезъ Марицу у Іени-Магале.

Разливъ Марицы. — Трагическіе слѣды турецкой переправы. — Устройство переправы 3-ю ротою 6-го сапернаго батальона. — Выступленіе отряда къ переправѣ. — Свиньи, какъ предметъ мщенія турокъ. — Оставленіе колеснаго обоза. — Переправа пѣхоты и артиллеріи. — Поиски брода и случай съ казакомъ-охотникомъ. — Переправа конницы. — Станція Іени-Магале. — Продолженіе переправы вечеромъ, въ метель и бурю. — Мерзкій ночлегъ.

Демотика, 26-го января.

7-го января еще до разсвѣта подполковникъ Сосновскій отправился на мѣсто предполагаемой переправы. Но стоило лишь взглянуть на разлившуюся Марицу, чтобы убѣдиться въ полной невозможности этого предпріятія, безъ помощи какихъ-либо спеціальныхъ приспособленій. Рѣка разлилась въ ширину

*) До половины января.

на разстоянии болѣе 110-ти сажень отъ одного берега до другаго; масса воды, покрытая почти сплошь такъ называемымъ «саломъ» и группами отдѣльныхъ, сцѣпившихся между собою льдинъ, неслась впередъ со стремительностію быстраго потока. Скорость теченія равнялась почти 6-ти футамъ въ секунду. Незалитый берегъ мѣстами былъ изборожденъ рытвинами, что̀ заставляло предполагать подобныя же рытвины и въ залитомъ его пространствѣ. Но кромѣ этихъ, были еще и другіе признаки, слишкомъ печально подтверждавшіе намъ невозможность переправы въ бродъ. Въ ночь съ 28-го на 29-е декабря, когда разливъ и стремительность теченія Марицы еще далеко не достигали такой силы какъ 7-го января, здѣсь, въ этомъ самомъ мѣстѣ переправлялись бѣжавшіе жители Чирпана и окрестныхъ селеній. Мы видѣли только печальные слѣды этой ужасной, въ своемъ родѣ, переправы. Русло рѣки, съ одного берега до другаго, было загромождено каруццами и возами, изъ которыхъ иные были опрокинуты вверхъ дномъ, другіе повалены на бокъ, третьи, попавшіе въ подводную ямину, торчали надъ поверхностію чуть не стоймя дышломъ или задкомъ къ верху, нѣкоторые же сохранили нормальное положеніе на всѣхъ четырехъ колесахъ. Вмѣстѣ съ этими же экипажами высовывались изъ-подъ воды гдѣ рога, гдѣ ноги, гдѣ бока затонувшихъ воловъ и буйволовъ. Окоченѣлый трупъ какой-то женщины, съ тремя замерзшими ребятами, сидѣлъ посреди рѣки въ одной изъ повозокъ; нѣсколько труповъ людей и животныхъ успѣло уже прибить теченіемъ къ берегу, по которому бродили стада покинутаго голоднаго скота; одинъ трупъ годовалаго ребенка былъ брошенъ на льдину, гдѣ и замерзъ поджавши къ щекамъ рученки; у самаго спуска къ броду лежала мертвая женщина, съ явными слѣдами переѣхавшихъ чрезъ нея колесъ тяжелаго воза.... Довольно уже и этихъ признаковъ, чтобы представить себѣ, какія трагедіи разыгривались здѣсь во время переправы бѣглецовъ турецкихъ. 28-е декабря именно былъ тотъ день, когда на вершинахъ балканскихъ свирѣпствовала буря. Надо полагать, что въ тотъ самый день такая же буря гудѣла и здѣсь, въ широкой, совершенно открытой и доступной всѣмъ вѣтрамъ равнинѣ Марицы. Это вѣдь только въ закрытой со всѣхъ сторонъ Долинѣ Розъ мы могли видѣть ту бурю, даже

любоваться снизу вверхъ ея грандіозными взметами снѣговъ, но не испытывать на себѣ ея дѣйствія. Здѣсь же, очевидно, было не такъ. Переправа турецкаго населенія происходила въ темную, бурную ночь, оттого-то здѣсь и погибло столько всякаго добра, столько людей и животныхъ.

Берегъ съ нашей стороны около брода былъ загроможденъ покинутыми возами, которыми Сосновскій и рѣшилъ воспользоваться какъ матеріаломъ для скорѣйшаго устройства переправы. Кромѣ того, по указанію болгаръ, саженяхъ въ 400 ниже, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, обогнувъ полукругомъ лѣвый берегъ, принимаетъ теченіе къ сѣверу, мы отыскали паромъ, и около него были разметаны также ужасные слѣды трагической переправы. Этотъ паромъ точно также можно было приспособить къ перевозкѣ артиллерійскихъ орудій и ящиковъ. Подполковникъ Сосновскій распорядился о немедленной отправкѣ сюда саперной роты нашего отряда, которая, прибывъ къ рѣкѣ около десяти часовъ утра, тотчасъ же приступила къ устройству переправы. Въ помощь саперамъ была отряжена часть казаковъ и людей 10-го пѣхотнаго полка, расположившагося за лѣсомъ въ ближайшей деревнѣ Шакирджи. Сюда же, еще во время дневки 7-го января, былъ направленъ 10-й стрѣлковый батальонъ. Частью на рукахъ, частью же при помощи запряжекъ бродившаго по берегу скота, люди втаскивали въ воду возы и каруццы, продвигали ихъ до противоположнаго берега и, выпрягая въ водѣ животныхъ, ставили эти экипажи по дну, въ плотный рядъ, одинъ за другимъ, пока наконецъ уже къ вечеру не вытянулась длинная лента возовъ отъ нашего до противнаго берега. Тогда принялись за настилку лежней и досокъ поверхъ импровизованныхъ устоевъ. Для этого въ одной изъ сосѣднихъ покинутыхъ деревень были добыты всевозможныя бревенчатыя и досчатыя подѣлки: двери, косяки, балки, полки, закромы, и т. п., что̀ еще ранѣе въ теченіи цѣлаго дня успѣли натаскать сюда казаки и солдаты, разобравъ для этого два турецкіе дома. Устройствомъ всей этой переправы руководили саперные офицеры, поручики Папковъ и Цуриковъ и подпоручикъ Сахаровъ. И надо было видѣть, какими неутомимыми молодцами показали себя въ работѣ люди саперной роты, съ какимъ самоотверженіемъ лѣзли они въ рѣку при

9-ти-градусномъ морозѣ и по грудь въ водѣ устанавливали возы, вбивали бревна, устраивали кòзлы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глубина превышала вышину возовъ, и все это безропотно, покорно, охотно, съ вѣчною русскою шуткой-прибауткой, или въ крайнемъ случаѣ съ крѣпкимъ поощрительнымъ словцомъ. На берегу были разложены костры и устроенъ изъ лишнихъ досокъ родъ шалаша. Тутъ для рабочихъ кипѣла въ котелкахъ говяжья похлебка, заваривался чай, раздавалась водка, тутъ же они переодѣвались, сушились и обогрѣвались послѣ не въ мѣру холодной рѣчной ванны.

Къ утру 8-го января переправа наша окончательно была уже устроена, и подполковникъ Сосновскій возвратился въ Чирпанъ доложить объ этомъ генералу Карцову, который сообщилъ ему, что вчера (7-го) пришло предписаніе, въ силу коего бывшій траянскій отрядъ въ полномъ своемъ составѣ поступаетъ подъ главное начальство генерала Гурко и имѣетъ двигаться на Хаскіой, Херманлы и Мустафа-пашу къ Адріанополю. Вслѣдъ за донесеніемъ Сосновскаго о готовности переправы, генералъ Карцовъ двинулся къ ней со своимъ штабомъ; войска же направились туда еще ранѣе, какъ только взошло солнце.

Отъ Чирпана до переправы оказалось не семь (какъ было обозначено по картѣ), а и всѣ 14 верстъ. Впрочемъ, сюрпризы этого рòда для насъ уже не были новинкой. Утро стояло солнечное, но очень холодное, съ морозомъ градусовъ въ 12, при порывистомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ. Видъ Марицы закрывался отъ насъ старорослымъ дубовымъ и буковымъ лѣсомъ — единственнымъ, кажется, во всей этой мѣстности. Древніе великаны росли довольно рѣдко одинъ отъ другаго, и потому этотъ лѣсъ, вообще расчищенный и хорошо содержимый, походилъ скорѣе на большую рощу или паркъ. Не доходя этого лѣса, мы прослѣдовали чрезъ деревню Шакирджи, гдѣ на мѣсто выступившаго уже 10-го полка расположился на привалѣ только что втянувшійся въ нее 9-й полкъ. Здѣсь, на улицѣ, наше вниманіе невольно остановили на себѣ слѣды довольно страннаго мщенія убѣгавшихъ турокъ: не успѣвъ перебить укрывшихся жителей-болгаръ, они перестрѣляли всѣхъ попавшихся имъ на дорогѣ свиней болгарскихъ. Зачѣмъ? Для чего? Ради какой надобности?—Этого не поймешь... Изъ че-

ловѣческихъ труповъ по пути — и то уже въ лѣсу — намъ встрѣтились только два болгарина, вѣроятно случайно шедшіе на встрѣчу турецкимъ бѣглецамъ, которые здѣсь ихъ и покончили. Лѣсная дорога была запружена частями 10-го полка, спѣшившаго къ переправѣ. Стрѣлковый батальонъ былъ уже впереди, на мѣстѣ. Здѣсь нашимъ воинскимъ частямъ пришлось окончательно побросать свои обозы, хотя и доселѣ при нихъ находились только самыя легкія и самыя необходимыя повозки: генералъ Гурко еще вчера прислалъ предписаніе, чтобы въ виду предстоящихъ форсированныхъ маршей къ Адріанополю, войска отнюдь не обременяли себя никакими колесными обозами, ограничась лишь одними вьюками для самыхъ необходимыхъ предметовъ. Такимъ образомъ, лазаретный околотокъ оставили мы въ Чирпанѣ, патроны переложили на вьюки, порціонный скотъ каждая часть погнала гуртомъ позади своей колонны, а относительно хлѣба, — съ переходомъ за Балканы, мы пріучились разсчитывать преимущественно на турецкое интендантство и его богатые, многочисленные склады. Впрочемъ, часть того запаса галетъ, что найденъ былъ въ Чирпанѣ, люди несли на себѣ въ сухарныхъ мѣшкахъ, по разсчету трехдневной дачи.

Всѣмъ ходомъ переправы распоряжался непосредственно самъ генералъ Карцовъ. Люди подступали къ спуску по-ротно и шли по зыбкимъ мосткамъ въ одинъ человѣкъ, гуськомъ, сначала 10-й стрѣлковый батальонъ, потомъ 10-й полкъ по порядку нумеровъ своихъ батальоновъ. Артиллерію перевозили на паромѣ, и переправа каждаго орудія съ передкомъ занимала ³/₄ часа времени. Кавалеріи необходимо было перейдти въ бродъ, и для отысканія его генералъ вызвалъ пять казаковъ-охотниковъ. Ихъ переправили на паромѣ на ту сторону, чтобы предварительно высмотрѣть свойства противнаго берега, т. е. спускается ли онъ въ русло полого, или обрывомъ, такъ какъ, судя по внѣшности, надо было предполагать послѣднее.

Первымъ изъ охотниковъ сунулся въ воду молодой казакъ, украшенный знакомъ военнаго ордена; но не успѣлъ онъ пройдти и десяти шаговъ, какъ вдругъ въ одно мгновенье исчезъ съ лошадью подъ водою. Невольный крикъ испуга за участь этого удальца вырвался у всѣхъ слѣдившихъ за нимъ

съ нашего берега,—но, слава Богу, изъ-подъ воды показалось что-то черное, барахтающееся въ брызгахъ и всплескахъ—и казачій конь не безъ усилій выкарабкался наконецъ изъ глубокой подводной рытвины на вышележащую плоскость русла, а вслѣдъ за нимъ показался и отдѣльно плывущій всадникъ. Почувствовавъ подъ собою дно, казакъ сталъ на ноги, перекрестился и подошелъ къ своему коню, который, выбравшись изъ рытвины тоже остановился на мѣстѣ, какъ вкопанный. Вскочивъ въ сѣдло, казакъ, какъ ни въ чемъ не бывало, далъ шенкеля, хлестнулъ нагайкою лошадь и пошелъ далѣе по руслу на нашу сторону. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего берега оказался тоже провалъ въ рытвину, но уже менѣе глубокій—только по грудь лошади—и потому казакъ благополучно выбрался къ намъ. Его, конечно, раздѣли, вдосталь напоили водкой, завернули въ бурки и уложили около костра, гдѣ онъ и заснулъ очень крѣпко. Другіе охотники были счастливѣе: они взяли лѣвѣе и благополучно перебрались къ намъ, держась въ направленіи затонувшихъ возовъ. Такимъ образомъ бродъ былъ отысканъ и кавалерія наша (24-й казачій полкъ), имѣя во главѣ своего командира, подполковника Кузнецова, двинулась «справа по одному» въ рѣку. Быстрое теченіе, въ особенности около торчавшихъ изъ-подъ воды большихъ камней, хотя и сносило въ сторону нѣкоторыхъ лошадей, и хотя два-три человѣка свалились въ воду, но переправа конницы и артиллерійскихъ лошадей вообще прошла благополучно. Но въ пѣхотѣ нѣкоторымъ офицерамъ и солдатамъ пришлось-таки выкупаться; это произошло отъ того, что мостки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они переходили съ каруццъ на кѣзлы, дважды обламывались подъ напоромъ воды и сала. Къ счастію, эти двукратныя паденія людей обошлись безъ смертныхъ и увѣчныхъ случаевъ; но такъ какъ при этомъ каждый разъ требовалась починка моста съ участіемъ саперъ, то обстоятельство это на нѣсколько часовъ замедлило переправу отряда. Генералъ Карцовъ переправился уже подъ вечеръ и расположился пока на желѣзно-дорожной станціи Іени-Магале, которая находится въ полутора верстахъ отъ берега и въ пяти верстахъ отъ лежащаго ниже къ югу, на самомъ шоссе, селенія того же имени, гдѣ назначенъ былъ сборный пунктъ и ночлегъ нашему отряду.

Всю мѣстную желѣзно-дорожную администрацію, состоящую изъ французовъ, нѣмцевъ и грековъ, мы нашли на станціи, и начальникъ ея объявилъ генералу, что по распоряженію правленія Восточной желѣзно-дорожной компаніи, всѣмъ служащимъ велѣно оставаться на своихъ мѣстахъ и, въ случаѣ какихъ-либо требованій, относящихся до ихъ спеціальности, со стороны русскаго военнаго начальства—быть вполнѣ къ его услугамъ. Къ сожалѣнію, кромѣ одной дрезины, мы не нашли здѣсь ровно ничего изъ подвижнаго состава, а телеграфная линія оказалась прерванною гдѣ-то впереди. За то въ станціонныхъ амбарахъ нашлись склады казенной турецкой муки и продовольственныхъ припасовъ, что̀ и было, конечно, конфисковано нами. Едва мы успѣли закусить, какъ уже стемнѣло, и генералъ, готовясь ѣхать на ночлегъ въ селеніе Іени-Магале, отправилъ меня съ порученіемъ назадъ, на переправу.

Въ воздухѣ гудѣла полная буря, поднимая сильную метель; по небу мчались разорванныя тучи, между которыми мелькала на мгновеніе луна, и эти безпрестанные переходы отъ свѣта, хотя и слабаго, къ полной тьмѣ были тѣмъ непріятнѣе, что при нихъ ежеминутно рискуешь сбиться съ дороги, уже и безъ того переметенной снѣгомъ. Я съ казакомъ ѣхалъ полемъ, стараясь разглядывать впереди кое-какіе признаки дороги, какъ вдругъ лошадь моя шарахнулась въ сторону. Впереди, въ двухъ шагахъ отъ меня виднѣлось что-то черное, полузаметенное снѣгомъ. Лошадь дрожала всѣмъ тѣломъ, всхрапывала, упиралась и не хотѣла идти на испугавшій ее предметъ. Два-три удара нагайки заставили ее наконецъ покориться, и тутъ, при свѣтѣ луны, я разглядѣлъ черное африканское лицо съ осклабленными бѣлыми зубами. Этого мертвеца не было на дорогѣ давеча, когда мы ѣхали на станцію—стало быть, я сбился съ пути. Кинулись вправо, кинулись влѣво—не видать никакого слѣда. Что̀ тутъ дѣлать! Но раздумье—куда теперь взять направленіе,—по счастью, было непродолжительно, такъ какъ черезъ минуту смутно обрисовалось сквозь метель нѣсколько человѣческихъ фигуръ. Мы подъѣхали къ нимъ и окликнули. Это былъ командиръ 10-го полка, графъ Комаровскій, шедшій, пѣшкомъ, въ одномъ сюртукѣ, отогрѣвая въ карманахъ пан-

талонъ закоченѣвшія руки. Его сопровождали нѣсколько солдатъ. Графъ указалъ мнѣ направленіе къ переправѣ и сообщилъ, что два батальона его полка уже перешли на правый берегъ, но что переправа подъ бурею крайне затруднительна: людей чуть не срываетъ вѣтромъ съ мостковъ, снѣгъ бьетъ прямо въ лицо, залѣпляя глаза, холодъ пронимаетъ до костей, доски обледенѣли такъ, что двигаться по нимъ можно лишь съ крайнею осторожностію и что вслѣдствіе всего этого дай Богъ, если 3-й батальонъ успѣетъ переправиться къ полуночи, а о 9-мъ полкѣ ранѣе завтрашняго утра нечего и думать. Съ такими-то неутѣшительными свѣдѣніями я поскакалъ въ указанномъ мнѣ направленіи, но съ дороги уже не сбивался, такъ какъ на встрѣчу время отъ времени попадались то отдѣльные люди, то небольшія кучки солдатъ 10-го полка, шедшихъ отъ переправы къ станціи, и они-то служили мнѣ, такъ сказать, путеводными вѣхами. Вскорѣ показался свѣтъ костровъ и, держа на нихъ, я выѣхалъ къ переправѣ. Дѣйствительно, это было нѣчто если не ужасное, то крайне непріятное, хотя вся обстановка представляла очень своеобразную и даже поэтическую картину. Представьте себѣ безпрестанное мельканіе луны въ мутныхъ облакахъ; завываніе и какъ бы стоны вѣтра въ лѣсу противнаго берега; миріады крутящихся и смятенно несущихся въ воздухѣ искръ, срываемыхъ вѣтромъ съ костровъ; шумъ волнъ, бьющихъ въ берега и трескъ льдинъ, наплывающихъ на каруццы нашихъ зыбкихъ мостковъ, и скрыпъ этихъ мостковъ подъ тяжестью шаговъ солдатъ, которые, укутавъ головы въ остроконечные башлыки, съ ружьями на перевѣсъ, балансируютъ руками и корпусомъ, и тихо, осторожными шажками, подвигаются одинъ за другимъ по обледенѣлымъ доскамъ, проложеннымъ въ одинъ рядъ, безъ перилъ, надъ быстриною разлившейся бурной рѣки, въ то время какъ вѣтеръ неистовыми порывами рветъ на нихъ полы шинелей, а въ воздухѣ несутся и крутятся цѣлыя облака снѣжной завирухи.

Къ довершенію всѣхъ невзгодъ этой переправы, паромъ, на которомъ перевозились орудія, снесло на полторы версты внизъ по теченію. Болгары-перевозчики, работавшіе весь день безъ перерыва, попросили себѣ полчаса отдыха и сошли на берегъ поѣсть и погрѣться, привязавъ паромъ канатомъ къ

прибрежной ракитѣ; но въ то время какъ они обѣдали, напоръ волнъ и вѣтра оборвалъ канатъ — и паромъ понесся внизъ по Марицѣ; счастіе еще, что на новомъ колѣнѣ рѣки онъ уткнулся въ откосъ берега и тамъ былъ перенятъ бѣжавшими за нимъ перевозчиками; но все - таки и это случайное обстоятельство очень замедлило переправу артиллерійскихъ ящиковъ, такъ какъ направлять паромъ съ откоса и вести его противъ теченія въ бурю было крайне трудно и требовало много времени.

Исполнивъ данное мнѣ порученіе, я нагналъ генерала Карцова уже въ Іени-Магале. Это было болгарское селеніе, на половину разрушенное турками и почти покинутое жителями. Сюда еще днемъ былъ отправленъ старшій адъютантъ штаба 3-й пѣхотной дивизіи, капитанъ Ѳедоровъ, для отвода помѣщеній и бивуачныхъ мѣстъ.

— Мерзкій ночлегъ, ваше превосходительство, да дѣлать нечего и выбрать не изъ чего, сказалъ онъ, выѣхавъ къ генералу на встрѣчу:—столько здѣсь этого трупья всякаго — и человѣчьяго, и скотскаго, что... и не оберешься!

Но, благодаря потемкамъ бурнаго вечера, мы не видали труповъ, за исключеніемъ трехъ-четырехъ воловьихъ тушъ, на которыя случайно наткнулись посереди самой улицы. За то картина эта, во всемъ ея ужасающемъ безобразіи, открылась передъ нами на утро слѣдующаго дня, когда мы выступили къ Хаскіою.

LXXXVII

Отъ Іени-Магале до Адріанополя

Мертвые и умирающіе на дорогѣ. — Изумительныя звѣрства. — Городъ Хаскіой и обыватели-турки. — Отпѣваніе мучениковъ. — Ночная перестрѣлка на 10-е января въ д. Фертелю. — Взаимныя жалобы болгаръ на турокъ и турокъ на низамовъ. — Шальныя пули по улицамъ Хаскіоя. — Отъ Хаскіоя до Германлы. — Дорога смерти и крови. — Побоище 8-го января. — Божья кара. — Люди, уцѣлѣвшіе отъ побоища. — Въ ожиданіи смерти. — Ловкій гешефтъ Грегеровскаго агента. — «Артельныя дѣти». — Мѣстечко Германлы. — Пропажа двухъ батальоновъ. — Общій видъ долины рѣки Марицы. — Встрѣчные болгары и турки на дорогѣ. — Турецкая «чугунка». — Городъ Мустафа-паша-Кепри-су. — Дорога отъ Мустафа-паши до Адріанополя. — Гвардейская пѣхота на походѣ.

Демотика, 28-го января.

На разсвѣтѣ 9-го января, при выѣздѣ изъ Іени-Магале, мы, благодаря утреннему туману, все еще не вполнѣ отчетливо видѣли слѣды турецкихъ звѣрствъ; замѣтно было только, что въ переулкахъ и по задворкамъ валяется нѣсколько болгарскихъ труповъ; за то главная улица селенія представилась намъ въ видѣ проспекта, усѣяннаго застрѣленными свиньями, овцами, коровами, курицами и гусями — вообще всѣмъ, что составляло животное богатство деревенскаго болгарина. То же самое было и въ каждомъ послѣдующемъ селеніи и на протяженіи всего нашего пути до Адріанополя. Но истинные ужасы встрѣчались намъ не въ селеніяхъ, а на самой дорогѣ. Едва успѣли мы выѣхать изъ Іени-Магале, какъ первое, что́ намъ представилось на шоссе, былъ трупъ замерзшаго младенца, которому едва минуло нѣсколько мѣсяцевъ; онъ лежалъ голый и весь былъ какого-то сине-краснаго цвѣта. Нѣсколько шаговъ впередъ — и опять все трупы и трупы, взрослыхъ и дѣтей; послѣднихъ было въ особенности много, и иныя изъ нихъ лежали завернутыми въ какія-то лохмотья. Вообще, между тѣлами попадались преимущественно старики, женщины и дѣти, т. е. все, что́ было наиболѣе дряхлаго, слабаго и больнаго между турецкими бѣглецами, — все это покидалось на жертву морозу. На протяженіи всей дороги, словно оазисы смерти, встрѣчались слѣва и справа остатки ночлежныхъ бивуаковъ турецкаго населенія; здѣсь валялось всяческое тряпье, ковры, одѣяла, подушки, рваная одежда, утварь домашняя,

мѣшки съ просыпанною кукурузою, пшеницею и фасолью; но нигдѣ не замѣчалось ни малѣйшихъ слѣдовъ костра: мѣстность эта безлѣсна, безкустарна, и потому бѣглецамъ неоткуда было достать топлива. На бивуачныхъ мѣстахъ человѣческія тѣла попадались цѣлыми группами, и рядомъ съ ними валялось множество дохлаго или околѣвающаго скота. Иные волы были еще живы, но не могли подняться, потому что у нихъ отморожены ноги; другіе бродили еще кое-какъ по полю, тщетно отыскивая себѣ подъ снѣгомъ какого нибудь корма; нѣкоторые буйволы теребили рогожи, цыновки и пережовывали лознякъ, изъ котораго здѣсь плетутся каруццы. Утро было очень морозное. Вѣтеръ, дующій намъ въ тылъ, сметалъ съ дороги сухой снѣгъ и гналъ его по землѣ, обнажая обледенѣлыя поля и полотно шоссе, по которому, благодаря гололедицѣ, почти не было возможности ѣхать. Лошади, скользя и оступаясь, съ величайшимъ трудомъ тащились шагъ за шагомъ. Пальцы рукъ и ногъ коченѣли и ныли отъ холода...

Около одного изъ телеграфныхъ столбовъ вдругъ приподнялась фигура, закутанная съ головою въ бѣлое одѣяло, и стала дѣлать проходившимъ казакамъ какіе-то знаки. Я подъѣхалъ къ ней въ числѣ прочихъ. Это была не старая еще женщина-турчанка, съ лицомъ, выражавшимъ мольбу и отчаяніе. На колѣняхъ ея лежалъ замерзшій ребенокъ. Она указывала на свои босыя ноги, почернѣлыя ступни которыхъ были отморожены, указывала на мертваго ребенка и на берданки нашихъ казаковъ, а потомъ тыкала пальцемъ въ свою грудь и, бормоча что-то невнятнымъ голосомъ, повторяла послѣдовательно всѣ эти знаки. Что̀ она хотѣла ими выразить,—была ли то просьба, чтобы ее не убивали, потому что она и безъ того умретъ, какъ ея ребенокъ, да и уйдти ей некуда съ отмороженными ногами, или же, напротивъ того, просила чтобы «москóвъ» всадилъ ей пулю въ грудь и тѣмъ покончилъ бы поскорѣе всѣ ея мученія—ужъ Богъ-вѣсть! Мы не могли добраться, чего ей въ сущности хочется, да и помощи тоже никакой не могли подать... Два-три казака бросили ей по одной галетѣ, но несчастная, по видимому, не обратила на это подаяніе никакого вниманія и все продолжала свои знаки. Можетъ быть, помѣшалась... Въ другомъ мѣстѣ умирала цѣлая семья: отецъ, мать и

трое дѣтей, изъ которыхъ старшей дѣвочкѣ было уже лѣтъ четырнадцать. Когда имъ подали галетъ и флягу съ водкой, всѣ они отшатнулись съ тупымъ испугомъ, отказались отъ хлѣба и фляги съ явнымъ отвращеніемъ и злобно отвернулись въ сторону отъ казаковъ, по видимому желая только одного, чтобы тѣ оставили ихъ въ покоѣ. Тутъ, очевидно, оказалось проявленіе непримиримаго фанатизма, который не сдается ни предъ голодомъ, ни предъ холодомъ, ни даже предъ самою смертію. Остальные изъ попадавшихся намъ живыхъ турокъ выражали въ своихъ лицахъ одну лишь тупую апатію, окончательное равнодушіе ко всему на свѣтѣ—и къ хлѣбу, и къ помощи, и къ себѣ самимъ. По видимому, они ждали теперь только одного, чтобы имъ дали умереть покойно и чтобы смерть пришла поскорѣе. Время отъ времени попадались и болгарскіе трупы, но замѣчательно, что между ними не нашлось ни одного, погибшаго вслѣдствіе замерзанія, тогда какъ турки мерли исключительно отъ мороза; болгарскія же тѣла всѣ до послѣдняго носили на себѣ слѣды насильственной смерти: кровь, пулевыя раны, разсѣченныя головы, проткнутыя груди, изуродованныя лица, и т. п. На выѣздѣ изъ попутной болгарской деревни Каялы, выжженной турками и покинутой жителями, между многими трупами невольно останавливалъ на себѣ вниманіе убитый сельчанинъ, лежавшій въ объятіяхъ дѣвочки лѣтъ одиннадцати. Вѣроятнѣе всего, это—отецъ и дочь; и когда его смертельно ранили, дѣвочка должно быть бросилась къ нему на грудь, обхвативъ его ручонками, и въ это самое время ударъ сабли или ятагана раскроилъ ей черепъ поперегъ затылка. Но трудно представить себѣ нѣчто болѣе звѣрское, чѣмъ то, что̀ мы увидѣли нѣсколькими шагами далѣе этихъ двухъ труповъ: по серединѣ дороги лежала старуха-болгарка лѣтъ 70-ти, съ совершенно отсѣченными повыше щиколки ступнями. Ни словомъ, ни стономъ, ни движеніемъ она не могла уже выразить намъ своихъ мученій. Одни глаза только говорили еще въ этомъ живомъ полутрупѣ, выражая покорное страданіе. Ноги ея, или, вѣрнѣе сказать, обрубки ногъ, за нѣсколько студеныхъ дней и ночей успѣли порядочно пообморозиться и гангрена уже вполнѣ разъѣдала ихъ. Всѣ эти звѣрства совершались въ здѣшней мѣстности турецкимъ

населеніемъ, бѣжавшимъ изъ-подъ Чирпана и Филиппополя, въ періодъ времени между 29-мъ декабря прошлаго и 3-мъ января нынѣшняго года. За эти пять сутокъ совершено множество неимовѣрныхъ ужасовъ; но, по крайней мѣрѣ, съ тѣми несчастными, которыхъ мы встрѣчали ранѣе, было поступлено все же-таки человѣчнѣе: тѣ были хотя *убиты*, если и не каждый съ одного разу, то все же вскорѣ, послѣ недолгихъ предварительныхъ истязаній, но главное — они *убиты* (и это уже относительное благодѣяніе со стороны турокъ), тогда какъ надъ этою несчастною старухою умышленно совершено утонченное звѣрство, съ цѣлію заставить ее долго и много помучиться, прежде чѣмъ смерть низпошлетъ ей свою величайшую милость. И подумаешь, кому какое зло могло сдѣлать столь безпомощное, дряхлое существо?... Я позволю себѣ сказать, что все это напоминаетъ мучительства первыхъ вѣковъ христіанства. Прошло болѣе полуторы тысячи лѣтъ съ тѣхъ ужасныхъ временъ,—и нынѣ мы являемся свидѣтелями-очевидцами такой же самой утонченности въ звѣрствѣ, такихъ же самыхъ поголовныхъ избіеній, которымъ трудно, почти невозможно вѣрить, не видавъ ихъ воочію. Въ самомъ дѣлѣ, сила этого сатанински-неистоваго мстительнаго озлобленія являетъ въ себѣ колоссально-мрачныя черты чего-то неестественнаго, нечеловѣческаго. Вы представьте себѣ, что эти турки, пораженные величайшею паникою, поголовно, цѣлыми ордами и караванами бѣгутъ въ трепетѣ, сами не зная куда, при одномъ лишь слухѣ о приближеніи русскихъ, при чемъ во время бѣгства они замерзаютъ по ночамъ цѣлыми сотнями и тысячами на поляхъ, мрутъ отъ болѣзней, мрутъ отъ голода, отъ изнеможенія, и хотя терпятъ всяческія лишенія, но все-таки бросаютъ все обременяющее, лишь бы не замедлить своего бѣгства; бросаютъ не только одежду, пожитки и необходимые запасы продовольствія, но даже матери выбрасываютъ на дорогу полузамерзшихъ, не успѣвшихъ еще умереть грудныхъ младенцевъ; родители покидаютъ на произволъ судьбы на холодныхъ полевыхъ ночевкахъ и болѣе взрослыхъ, но все же вполнѣ безпомощныхъ своихъ дѣтей, которыхъ потомъ не мало подобрали и спасли отъ смерти наши солдаты. Казалось бы, всѣ эти орды слишкомъ достаточно уже угне-

тены, раздавлены, убиты своимъ великимъ несчастіемъ, своимъ скорбнымъ отчаяніемъ, чтобы не думать болѣе о мести, а заботиться лишь о собственномъ укрытіи и спасеніи.— И что же? При такихъ-то невѣроятно тяжкихъ обстоятельствахъ своего положенія, турки все-таки находятъ время и возможность жечь, безъ всякой пользы для себя, попутныя болгарскія деревни и звѣрски мучительствовать надъ каждымъ встрѣчнымъ христіаниномъ. Какъ видно, и величайшее несчастіе, постигшее этотъ народъ, не смирило его мстительности и злобы. Турки какъ будто чувствуютъ, что ужь имъ никогда болѣе не вернуться въ покидаемую нынѣ Болгарію и потому, какъ кажется, задались цѣлью, чтобы тамъ послѣ нихъ никого и ничего не осталось.

Хаскіой—городъ довольно большой, раздѣляемый извивами рѣчекъ на нѣсколько кварталовъ; подобно Чирпану, онъ лежитъ на открытой плоскости и заселенъ преимущественно болгарами. Нѣсколько турецкихъ домовладѣльцевъ имѣли мужество не бѣжать изъ Хаскіоя вмѣстѣ съ ордами своихъ соотчичей и отдались покровительству русскихъ военныхъ властей. Вслѣдствіе таковой рѣшимости, эти люди, конечно, не остались въ накладѣ, сохранивъ себѣ и жизнь, и имущество, и спокойствіе. На всемъ нашемъ пути это былъ еще первый примѣръ добровольнаго изъявленія покорности со стороны мусульманскихъ жителей; и здѣсь мы впервые увидѣли турокъ-горожанъ не въ отребьяхъ баши-бузуковъ и не въ одеждѣ аскеровъ. Ихъ степенный видъ и плавныя, исполненныя достоинства манеры, производили довольно пріятное впечатлѣніе. Когда мы вступили въ городъ, онъ на первый взглядъ показался намъ мертвымъ, запустѣлымъ. Ни откуда не слышалось обычнаго шума городской жизни, улицы были пусты и по нимъ какъ тѣни изрѣдка пробирались вдоль стѣнъ одинокіе прохожіе. Покидая Хаскіой, турки не успѣли разрушить его окончательно и удовольствовались только разграбленіемъ двухъ церквей, сожженіемъ всего торговаго квартала и, конечно, избіеніемъ захваченныхъ заранѣе или же встрѣчныхъ болгаръ. Мы поровнялись съ церковью и здѣсь вниманіе наше остановилось вскорѣ на совершенно особенныхъ звукахъ, въ которыхъ слышались и пѣніе, и женскія рыданія—совершенно въ томъ же родѣ, какъ у насъ въ деревняхъ

бабы «голосятъ» надъ покойниками; что же касается пѣнія, то это было тоже нѣчто весьма своеобразное: нѣсколько маленькихъ мальчиковъ, одѣтыхъ въ длинныя бѣлыя сорочки, подпоясанныя на-крестъ бѣлыми же лентами въ родѣ діаконскихъ орарей, съ нашитыми на нихъ черными крестами, монотонно тянули гнусливыми голосками все одну и ту же безконечную ноту, составляя этимъ какъ бы аккомпаниментъ для двухъ-трехъ взрослыхъ пѣвцовъ, выводившихъ своими голосами разные виртуозные узоры. Говорятъ, что это греческая манера, но мнѣ кажется, что въ ней гораздо болѣе восточнаго, чѣмъ греческаго, хотя нынѣ и сами греки поютъ точно также; по крайней мѣрѣ, эта манера поразительно напомнила мнѣ пѣніе ингушей и осетиновъ, слышанное мною годъ тому назадъ въ Гура-Галбинѣ, гдѣ тогда помѣщался штабъ «гулевыхъ полковъ» генерала Скобелева 1-го. Привлеченные пѣніемъ, мы вошли въ ограду разграбленной церкви и здѣсь прежде всего увидѣли толпу мужчинъ и плачущихъ женщинъ; толпа эта держала въ рукахъ горящія восковыя свѣчи и тѣснилась къ паперти, гдѣ на каменномъ помостѣ лежалъ безъ гробовъ цѣлый рядъ покойниковъ. Но, Боже, что̀ это было за зрѣлище! Выколотые глаза, отрубленные носы и уши, вырѣзанныя губы, скальпированные затылки... По разспросамъ оказалось, что это все хаскіойскіе граждане-болгары, изъ наиболѣе зажиточныхъ, посаженные турками въ тюрьму по обвиненію въ сочувствіи къ русскимъ, что̀ равнялось государственной измѣнѣ, и замученные заптіями въ послѣднія минуты предъ бѣгствомъ турокъ изъ города. Надъ мучениками совершался теперь обрядъ отпѣванія, по окончаніи котораго ихъ закопали въ рядъ могилъ, вырытыхъ тутъ же въ оградѣ. Мертвый видъ города, курево неутухшаго еще пожара, развалины многихъ домовъ, трупы людей и животныхъ, валяющіеся по закоулкамъ, вой женщинъ, и эти обезображенныя, изуродованныя лица отпѣваемыхъ мертвецовъ — все это производило впечатлѣніе крайне тяжелое.

Въ ночь съ 9-го на 10-е января, въ одной изъ сосѣднихъ деревень, по имени Фертелю, часть нашего отряда *), подъ

*) Два сводные батальона, составленные изъ 11-го и 12 пѣхотныхъ полковъ, почти уничтоженныхъ морозами во время продолжительнаго нахожденія ихъ на вершинахъ Этропольскаго Балкана.

начальствомъ маіора Ѳедотова, имѣла перестрѣлку съ баши-бузуками, прикрывавшими становище бѣглецовъ-жителей. Перестрѣлка впрочемъ длилась весьма немного времени, и когда Ѳедотовъ со всѣхъ сторонъ окружилъ деревню, то баши-бузуки и бѣглецы сдались, выдавъ ему все свое оружіе. Здѣсь, въ небольшой деревушкѣ, гдѣ едва ли наберется шесть — семь дворовъ, скопилось семь тысячъ эмигрантовъ. Полагаясь на милосердіе русскихъ, они просили позволенія возвратиться назадъ, къ своимъ покинутымъ жилищамъ, и жаловались на сопровождавшихъ ихъ баши-бузуковъ, которые гонятъ-де ихъ насильно и невѣдомо куда, по приказанію будто бы турецкаго правительства. Вообще, въ Хаскіоѣ приходилось намъ выслушивать безпрестанныя жалобы: то приходятъ турки и слезно жалуются на болгаръ — обижаютъ-де и грабятъ, то является депутація болгаръ съ жалобою, что бѣгущіе турки грабятъ и жгутъ сосѣднія деревни; то опять приходитъ вдругъ новая депутація отъ бѣгущихъ турокъ, и жалуется, что ихъ грабятъ собственные же ихъ низамы и баши-бузуки, данные имъ въ прикрытіе, и просятъ послать къ нимъ хотя бы казачій разъѣздъ, дабы избавить ихъ отъ такихъ защитниковъ. Но съ насъ достаточно было и однихъ болгаръ оберегать, а ужъ заботиться о туркахъ не было возможности, тѣмъ болѣе, что приходя къ намъ просить защиты отъ своихъ солдатъ-охранителей, эти же самые эмигранты производили въ то же самое время всяческія безчинства, грабежи и пожары въ селеніяхъ болгарскихъ, за что, конечно, и «братушки» въ долгу не оставались.

Даже въ самомъ городѣ, среди бѣлаго дня, ходить по улицамъ было далеко не безопасно: безпрестанно то тамъ, то здѣсь раздавались изъ-за заборовъ и закоулковъ ружейные выстрѣлы и въ воздухѣ поминутно свистали шальныя пули. Мѣстные жители-турки обвиняли въ этой пальбѣ болгаръ, которымъ роздано было въ полиціи отобранное у мусульманъ оружіе и которые на радостяхъ «пуцаютъ» теперь зря, ради пробы; болгары же, со своей стороны, обвиняли турокъ, доказывая, что при изъявленіи покорности они выдали русскимъ только дрянную часть своего оружія, а что было получше, то припрятали до сроку подальше, и теперь пускаютъ пули изъ-за угла, радуясь возможности свалить эту вину на болгаръ.

Кто правъ, кто виноватъ тутъ—этого не разберешь; вѣроятно, было и того и другаго въ доброй долѣ, а въ результатѣ оказалось два несчастныхъ случая, и это вынудило наконецъ генерала Карцова отдать болгарскому городскому управленію строгій приказъ, что если повторится еще хотя одинъ выстрѣлъ, то у всѣхъ безъ исключенія жителей будетъ сейчасъ же отобрано розданное имъ оружіе, а съ виновнымъ въ пальбѣ поступлено по всей строгости военныхъ законовъ; болгарскіе полицейскіе возвѣстили этотъ приказъ по всѣмъ базарамъ и площадямъ Хаскіоя — и «пуцанье» тотчасъ же прекратилось.

12-го января, съ разсвѣтомъ, отрядъ нашъ выступилъ изъ Хаскіоя на Германлы, запасшись наканунѣ галетами изъ склада, найденнаго нами на желѣзнодорожной станціи Каяджикъ. Опять начались картины ужасовъ и раззоренія, которыя своимъ отвратительнымъ и всю душу раздирающимъ видомъ превзошли все, доселѣ видѣнное нами въ этомъ родѣ. Трудно, почти невозможно описать то, чему мы были очевидцами, да и самое описаніе — чѣмъ оно будетъ ярче, тѣмъ *невѣроятнѣе* покажется невидавшему. Отъ Іени-Магале до Хаскіоя слѣды смерти и раззоренія по обѣимъ сторонамъ дороги представляли собою какъ бы отдѣльные острова или оазисы, разсѣянные впрочемъ весьма часто и близко одинъ къ другому; здѣсь же—отъ Хаскіоя до Германлы, вся дорога, на протяженіи 35-ти верстъ, является однимъ сплошнымъ позорищемъ смерти, крови и слѣдовъ безчеловѣчныхъ истязаній. Все шоссе сплошь завалено разметанными пожитками, разнымъ отребьемъ, домашнею рухлядью, съѣдомыми запасами, обломками возовъ и трупами... Куда ни кинешь взоръ— повсюду кровь, повсюду масса падали и трупы, трупы, трупы человѣческіе, со страшными зіяющими ранами... Ѣдешь по шоссе — и нѣтъ возможности выбирать себѣ дорогу между трупами и отребьемъ—она вся, буквально *вся* завалена ими— и конское копыто, по неволѣ, не разбирая, ступаетъ куда попало по чему-то мягкому, рыхлому, склизкому... Лучше и не глядѣть подъ ноги! А каково же тутъ идти пѣхотѣ!... По сторонамъ дороги то же самое. Вездѣ и повсюду—полверсты направо, полверсты налѣво — непрерывнымъ рядомъ тянутся эти слѣды крови, смерти и разрушенія. Дѣтскихъ труповъ

множество: въ одномъ мѣстѣ мы нашли раздѣтую до нага дѣвочку лѣтъ пяти, со слѣдами изнасилованія, послѣ котораго она, вѣроятно, съ глумленіемъ (такъ, по крайней мѣрѣ, надо думать, судя по ея позѣ, исполненной грубаго цинизма) была положена на тлѣющій костеръ и изжарена живою; лицо ея носитъ слѣды жесточайшаго страданія; на немъ какъ бы застылъ послѣдній крикъ ужаса, — таково выраженіе этихъ глазъ и устъ, широко раскрытыхъ. На землѣ, около ея обугленной шеи, мы нашли мѣдный крестикъ на перегорѣлой тесемкѣ. Далѣе лежало двое дѣтей съ размозженными головами. Мертвые турки и болгары валялись рядомъ, не рѣдко впившись одинъ въ другаго ногтями и зубами: — какъ были въ моментъ предсмертной борьбы, такъ и застыли. Тутъ уже меньше было замерзшихъ, за то множество убитыхъ какъ болгаръ, такъ и турокъ. Масса домашняго скота бродила около дороги; тутъ были цѣлыя стада буйволовъ, быковъ, коровъ, осликовъ, лошаковъ, козъ и барановъ, но еще бо́льшая масса ихъ успѣла уже переколѣть отъ голода, да отъ мороза и валялась въ быстрыхъ, журчащихъ ручьяхъ притоковъ Марицы и въ придорожныхъ канавахъ. Въ этотъ день (12-го января) настала вдругъ оттепель—и трупы оттаяли; струящаяся вода съ шумомъ обмывала всю эту падаль, увлекая своимъ теченіемъ трупы дѣтей, козлятъ и барашковъ, какъ болѣе легкіе. Каждый шагъ на этомъ шоссе свидѣтельствовалъ, что здѣсь недавно происходило лютое и нещадное побоище. Это дорога крови и смерти. Картины одна другой ужаснѣе, одна другой безобразнѣе, отвратительнѣе, преслѣдуютъ васъ подъ рядъ всѣ 35 верстъ — и некуда отъ нихъ укрыться, не на чемъ отдохнуть глазу! Всѣ мы въ теченіи нѣсколькихъ часовъ нашего пути испытывали нудное чувство тошноты и омерзѣнія; насъ невольно мутило при видѣ всей этой раскисшей рухляди и мертвечины, и впечатлѣніе до такой степени было сильно, что даже вечеромъ въ Германлы, когда подали обѣдъ, никто изъ насъ почти и не дотронулся до пищи,—противно было.

Здѣсь, на этомъ шоссе дѣйствительно происходило побоище. Въ ночь съ 7-го на 8-е января, генералу Скобелеву 2-му, уже занимавшему Германлы, разъѣзды 4-го эскадрона Петербургскаго уланскаго полка донесли, что по шоссе отъ

Хаскіоя тянутся какіе-то громадные обозы, подъ головнымъ прикрытіемъ нѣсколькихъ таборовъ пѣхоты, вѣроятно изъ разбитой арміи Сулеймана. Желая развѣдать, что̀ это такое, Скобелевъ на встрѣчу имъ послалъ полковника Панютина съ Угличскимъ полкомъ, 11-мъ стрѣлковымъ батальономъ, двумя орудіями и двумя сотнями казаковъ, приказавъ этому отряду произвести усиленную рекогносцировку, по направленію къ деревнѣ Девралы *) и, если окажется возможность, то разбить войска и скопища вооруженныхъ жителей. Мѣстность между Хаскіоемъ и Германлы, и въ особенности ближе къ послѣднему пункту, весьма холмиста. На одномъ изъ подъемовъ, при довольно крутомъ поворотѣ дороги, изъ-за гребня холма вдругъ раздался выстрѣлъ, который былъ настолько случайно удаченъ, что пуля, просвиставъ мимо казаковъ, освѣщавшихъ впереди мѣстность, повалила угличскаго унтеръ-офицера, шедшаго въ авангардѣ. Вслѣдъ за этимъ начальнымъ выстрѣломъ, турки первыми открыли огонь по нашему авангарду, остановившемуся на минуту въ недоумѣніи—что̀ это значитъ? Тутъ полковникъ Панютинъ направилъ два угличскіе батальона на высоты влѣво, а стрѣлковый батальонъ по долинѣ вправо отъ шоссе; орудія стали прямо на дорогѣ, казаки разбились по сотнѣ на оба фланга—и перестрѣлка завязалась. Бой продолжался болѣе двухъ часовъ и стоилъ намъ потери четырехъ офицеровъ и 46-ти нижнихъ чиновъ. Турки, подвергаясь съ фронта артиллерійскому огню, были наконецъ очень удачно атакованы съ обоихъ своихъ фланговъ и побѣжали. Между тѣмъ, обозы, шедшіе подъ ихъ прикрытіемъ, въ количествѣ около 20,000 повозокъ, и растянувшіеся по всей дорогѣ болѣе чѣмъ на 40 верстъ, хотя и слѣдовали въ двѣ, а мѣстами и въ три повозки рядомъ, обозы эти, съ началомъ дѣла, пришли въ крайнее замѣшательство, причемъ переднія повозки, подъ дѣйствіемъ гранатнаго огня поспѣшно повернули назадъ, увлекая за собою послѣдующія; тогда какъ заднія, ничего еще не зная о случившемся, продолжали идти впередъ, и такимъ образомъ между тѣми и другими произошло столкновеніе; напирали съ обѣихъ сторонъ—одни отъ невѣдѣнія, другіе стараясь поскорѣе выбраться изъ-

*) На шоссе, въ половинѣ пути между Хаскіоемъ и Германлы.

подъ выстрѣловъ.—Вслѣдствіе этого произошла, что́ называется, каша: повозки сталкивались, трещали, ломались, опрокидывались и вообще загромоздили дорогу, такъ что ни взадъ, ни впередъ нельзя уже было двинуться. Общая паника увеличила это смятеніе и довела его до крайнихъ предѣловъ. Аскеры и вооруженные жители, бывшіе впереди, побросавъ свои повозки, толпами повалили назадъ, на встрѣчу другимъ толпамъ, гдѣ пробираться въ общей кашѣ было крайне трудно, и тогда они, обезумѣвъ отъ страха, пустились пролагать себѣ дорогу оружіемъ и сворачивать въ канавы громоздкія повозки, нагруженныя дѣтьми и женщинами; мужья, отцы и братья этихъ послѣднихъ стали защищаться.—раздались выстрѣлы уже среди обоза—и пошла жестокая взаимная перепалка между своими. Къ этому присоединился и грабежъ аскеровъ, черкесовъ и баши-бузуковъ, тоже слѣдовавшихъ съ обозомъ. Надо сказать еще, что при обозѣ находилось до трехъ тысячъ болгаръ, изъ коихъ большая часть возвращалась домой, въ Филиппопольскій округъ, изъ Адріанополя, куда ихъ сгоняли для земляныхъ работъ надъ укрѣпленіями. Аскеры, конвоировавшіе обозъ, встрѣчая на пути болгарскія партіи, задерживали ихъ и вели съ собою назадъ, къ Адріанополю, руководствуясь въ этомъ случаѣ приказаніемъ Сулеймана-паши, отданнымъ на основаніи приказа Порты о сформированіи новой арміи «защитниковъ отечества», безъ различія національности и вѣроисповѣданія. Тутъ же силою было захвачено и нѣсколько болгарскихъ семействъ, еще съ лѣта бѣжавшихъ къ Филиппополю, Хаскіою и вообще въ эти мѣстности изъ Эски-Загры, Карлова, Сопота и Казанлыкскаго округа. Многимъ изъ болгаръ успѣли уже въ самомъ обозѣ раздать оружіе, и нѣкоторая часть ихъ, около сотни, при самомъ началѣ дѣла, открыто перебѣжала на нашу сторону, пристроясь къ стрѣлковому батальону, а остальные, когда между турками пошла взаимная рѣзня и перепалка, кинулись гвоздить ихъ прикладами, кирками, мотыгами, лопатами и рѣзать подколѣнными ножами *). Эти-то орудія и наносили тѣ ужасныя, зіяющія раны, на которыя мы не могли смотрѣть безъ содро-

*) Небольшой булатный ножъ, носимый скрытно въ постолахъ, подъ колѣномъ правой ноги, составляетъ обыкновенное оружіе сельскаго болгарина.

ганія. Побоище, на протяженіи всей дороги, длилось нѣсколько часовъ сряду, подъ покровомъ вечерней тьмы, что̀ еще болѣе усиливало панику, и во время его было совершено не мало вопіющихъ звѣрствъ: можжили дѣтямъ головы о камень, насиловали дѣвочекъ, уродовали мужчинъ,—и по истинѣ, изумляешься только одному: неужели во время такой ужасной всеобщей паники, въ этой кашѣ и сумятицѣ, въ этой взаимной истребительной бойнѣ у людей хватало еще духу и времени насиловать, утоляя своимъ скотскимъ инстинктамъ и изобрѣтать даже позы, въ которыхъ класть на огонь болгарскую малютку?! Все это невѣроятно для тѣхъ, кто не видѣлъ; мы же, видѣвшіе, отказываемся и объяснять, отказываемся и понимать подобныя проявленія и побужденія человѣческаго духа. Эта бойня со всѣми ея звѣрствами—это было какое-то повальное безуміе, ослѣпленіе, остервенѣніе дикаго звѣря, своего рода Содомъ и Гоморра.... Если народъ османовъ былъ достоинъ Божьей кары, то она разразилась надъ нимъ въ видѣ самоизбіенія именно въ этомъ мѣстѣ, на этой дорогѣ крови и истребленія. Да! это Божья кара за цѣлые вѣка неисчислимыхъ преступленій, за рѣки еще вчера пролитой крови христіанской.

На этой дорогѣ намъ изрѣдка попадались еще кое-гдѣ живые люди, уцѣлѣвшіе отъ побоища. Въ одномъ мѣстѣ, на возу, сдвинутомъ въ ручей, сидѣла старуха-турчанка, а передъ нею лежали два мертвеца: одинъ ничкомъ въ самой телѣгѣ, вѣроятно, мужъ ея, а другой—юноша, былъ перекинутъ навзничь черезъ оглобли, можетъ быть, сынъ этой старухи... Она какъ будто отупѣла отъ отчаянія и автоматически смотрѣла куда-то въ пространство, не обращая ни малѣйшаго вниманія на подъѣзжавшихъ къ ней казаковъ и офицеровъ, ни на болгарина-переводчика, обратившагося къ ней съ какимъ-то вопросомъ. Да и что̀ отвѣчать и на что̀ еще обращать вниманіе, если предъ глазами этой женщины лежало, въ видѣ двухъ труповъ, то, что̀ для нея было дороже всего на свѣтѣ! Нѣсколько дальше три турчанки сидѣли вокругъ костра, сложеннаго изъ обломковъ повозокъ, и варили на немъ кофе. Эти, по видимому, въ ожиданіи смерти отъ перваго ночнаго мороза, устроились себѣ на самой дорогѣ, по возможности, хозяйственнымъ образомъ. Недалеко отъ нихъ высовывалъ

изъ-подъ цыновки сѣдобородую голову какой-то старикъ, дрожавшій отъ лихорадки.

— Откуда вы? спросилъ я у этихъ женщинъ чрезъ переводчика.

— Изъ Чирпана, отвѣчала одна, старшая, равнодушно спокойнымъ голосомъ.

— Давно ли вы здѣсь?

— Пятые сутки.

— Куда идете?

— Никуда... Мы шли, а теперь здѣсь сидимъ.

— Такъ ступайте назадъ; въ Чирпанѣ ваши домы не разрушены.

— Это все равно, если и разрушены. Иншаллахъ. А только и назадъ нельзя намъ.

— Отчего нельзя?

— Ноги... ступни поморожены, ходить нельзя... Ужь лучше здѣсь останемся. Москòвъ, что впередъ прошелъ, былъ добрый, костеръ зажегъ намъ,—и другой зажжетъ, который сзади... Москòвъ добрый!

— Садитесь къ казакамъ на вьюки, предложилъ я:—васъ хотя до первой турецкой деревни довезутъ: все же вамъ въ домѣ удобнѣе будетъ.

— Не надо... Иншаллахъ!.. Не надо.

— Да чтò же вы здѣсь станете дѣлать?

— Ожидать смерти, было мнѣ лаконическимъ отвѣтомъ, произнесеннымъ вдобавокъ такъ спокойно и просто, какъ будто «ожидать смерти» среди поля, съ поморoженными ступнями—самое естественное, обыкновенное дѣло. Вѣроятно, и кофе заварили онѣ себѣ въ ожиданіи смерти же—Иншаллахъ! И старикъ, который улегся подъ цыновку, тоже «ожидаетъ смерти». Изумительное, чисто фаталистическое равнодушіе! «Иншаллахъ»—и все тутъ, и человѣкъ спокоенъ чтò бы съ нимъ ни случилось, чтò бы его ни ожидало.

Домашняго скота уцѣлѣло, сравнительно съ людьми, великое множество, но и онъ также находится «въ ожиданіи смерти», припадаетъ къ отравленнымъ падалью канавкамъ и ручьямъ, чтобы утолить жажду, или уныло пощипываетъ сухую травку, выглядывающую изъ-подъ снѣга. Нашелся однако охотникъ поживиться и этою скотинкой!

Настигаемъ мы по дорогѣ гуртъ, который гонятъ съ хворостинами въ рукахъ три-четыре солдата 10-го стрѣлковаго батальона.

— Что̀ это за гуртъ вы гоните? спросилъ одинъ изъ старшихъ офицеровъ.

— Батальонный, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ одинъ изъ солдатиковъ.

— Да неужтожь у васъ въ батальонѣ столько скота? Тутъ и на дивизію хватитъ!

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, тутъ батальоннаго скота самая малость—двѣнадцать головъ всего, а все прочее—это, значитъ, кампанскій.

— Какой такой кампанскій?

— А вонъ, изволите видѣть, агѐнтъ рыщетъ по полю—это все евойный.

Мы обратили взглядъ въ томъ направленіи, куда указывалъ солдатъ и увидѣли, что по по̀лю, на поджаромъ конькѣ, дѣйствительно рыщетъ ловчинскій «гасшпидинъ агэнтъ» знаменитой компаніи Грегера, съ нагайкой въ рукахъ, и загоняетъ въ свой гуртъ наиболѣе надежную скотину.

— Онъ намъ приказалъ гнать, ваше высокоблагородіе, продолжалъ солдатикъ:—сказываетъ, быдто̀ отъ начальства приказано. Вамъ, говоритъ, все равно гнать-то, за одно уже, что мой, что батальонный, а я вамъ, говоритъ, за то по хра̀нку на брата дамъ.

— Да куда же онъ го̀нитъ такую гибель? спросилъ я.

— Сказываетъ, въ Адринополь на поставку. Одначе-жь онъ ево и въ вольныя руки сбываетъ: утресь, этта, какъ изъ городу выходить, такъ онъ грекамъ тамъ, что ли, аль другимъ какимъ, восемь штукъ продалъ; съ кого по желтицѣ взялъ, а съ кого и по двѣ.

Не дурной «гешефтъ» выдумалъ!

Наши офицеры и солдаты 10-го полка подобрали на дорогѣ семь человѣкъ турецкихъ дѣтей, въ которыхъ были еще признаки жизни. Они ихъ кутали въ кое-какія одѣяла, изъ числа валявшихся по дорогѣ, и несли на рукахъ, чередуясь дѣтьми и ружьями сосѣдъ съ сосѣдомъ. Говорятъ, что возьмутъ съ собою въ Россію—«пущай ихъ будутъ артельныя дѣти!» Я слышалъ потомъ, что гвардейскіе уланы Его Вели-

чества и гродненскіе гусары тоже спасли такимъ образомъ нѣсколько ребятишекъ и пристроили ихъ къ себѣ въ «эскадронныя дѣти».

Все, что̀ уцѣлѣло отъ побоища и не сдѣлалось жертвою мороза,—все это̀ разсѣялось по окрестной странѣ и бредетъ теперь въ одиночку или отдѣльными кучками, пробираясь къ Адріанополю. Многіе изъ этого сброда вооружены и пострѣливаютъ гдѣ-то по близости. Всю дорогу, по сторонамъ, изъ-за кустовъ и камней, то и дѣло раздавались отдѣльные ружейные выстрѣлы и нерѣдко свистъ пули пересѣкалъ путь нашего отряда. Трупы и падаль встрѣчаются повсюду и ихъ такое множество, что если не будутъ *немедленно же* приняты самыя энергическія мѣры къ ихъ погребенію или уничтоженію посредствомъ огня, или какимъ-либо̀ другимъ быстрымъ способомъ, то съ наступленіемъ весны, здѣсь, вмѣстѣ съ жасминами и розами, разовьется чума—и чума неизбѣжная. Уже и теперь по всей этой мѣстности свирѣпствуютъ пятнистый тифъ и черная оспа. До сихъ поръ наши дезинфектирующія подспорья являются только въ видѣ стай воронъ и голодныхъ собакъ, усердно терзающихъ и пожирающихъ трупы—но этихъ средствъ далеко недостаточно.

Германлы—небольшое мѣстечко, прислонившееся къ горѣ такимъ образомъ, что среди холмовъ, окружающихъ его и съ запада и съ юга, замѣтишь строенія не раньше, какъ подойдешь къ мѣстечку версты на двѣ, если еще не ближе. Холмы, лежащіе по направленію къ дорогамъ Хаскіойской и Адріанопольской, были изрыты ложементами и траншеями, устроенными здѣсь генераломъ Струковымъ, при первоначальномъ занятіи этого мѣстечка, въ ожиданіи встрѣчи съ отступающими отъ Филиппополя войсками Сулеймана, или съ возможностію какого-либо наступленія отъ Адріанополя. Укрѣпленія эти занимали довольно значительное пространство на вершинахъ, и надо сказать, что устроены они были съ замѣчательною быстротою, ночью, въ пять—шесть часовъ времени.

Въ мѣстечкѣ существуютъ развалины какой-то очень древней постройки изъ мрамора, вѣроятно, дворца или храма. Въ этихъ развалинахъ замѣчательны окна изъ сплошныхъ мраморныхъ плитъ; по нимъ очень красиво разбѣгаются прорѣзныя насквозь узорчатыя арабески, чрезъ которыя и про-

никаетъ свѣтъ во внутренность зданія. Почти рядомъ съ этими развалинами стоитъ древняя, красивая, уютныхъ размѣровъ мечеть, въ мавританскомъ стилѣ, съ открытыми галлереями, фонтанами и намогильными памятниками.

Самое мѣстечко очень бѣдно постройками, ничтожно по своей промышленной дѣятельности, а въ настоящее время оно отвратительно, благодаря массамъ всякой падали, валяющейся и въ огородахъ, и во дворахъ, и на улицахъ. Въ болгарскомъ населеніи замѣтны были какъ бы нѣкоторая пугливость и недоумѣніе,—оно какъ будто не сообразило и не рѣшило еще, кого и чего ему держаться—турокъ ли, русскихъ ли—и что̀ будетъ, если турки вдругъ возвратятся?

Подъ вечеръ въ Германлы пріѣхали генералы Гурко и Скобелевъ 1-й, съ подполковникомъ Сухомлиновымъ, и тутъ мы впервые узнали подробности о кавалерійскомъ дѣлѣ 5-го января, гдѣ нашъ 30-й казачій полкъ отбилъ 40 орудій у отступавшей арміи Сулеймана.

Ночлегъ въ Германлы памятенъ намъ еще и потому, что у насъ пропали сводные батальоны 11-го и 12-го пѣхотныхъ полковъ, подъ начальствомъ маіора Ѳедотова, входившіе, какъ уже извѣстно, въ составъ нашего отряда. Произошло это потому, что въ дѣйствительности не оказалось тѣхъ мѣстъ ночлега, какія были имъ назначены по картѣ, такъ какъ селеній такихъ наименованій вовсе не существуетъ. И въ этомъ повинна не одна наша русская карта, но и карты австрійскаго генеральнаго штаба, и даже Каница. Чтобъ отыскать потерявшіеся батальоны, пришлось разослать казачьи разъѣзды, которые открыли ихъ лишь на другія сутки въ такихъ селеніяхъ, какія вовсе не обозначены на картахъ.

13-го января утромъ нашъ отрядъ выступилъ изъ Германлы по дорогѣ на городъ Мустафа-паша-Кепри-Су—мѣсто послѣдняго нашего ночлега предъ Адріанополемъ. Шоссе съ двумя рядами телеграфныхъ столбовъ все время идетъ почти параллельно желѣзной дорогѣ. Въ воздухѣ носятся стаи воронъ, отовсюду слетающихся къ мѣстностямъ, покрытымъ трупами; бездомныя, одичалыя собаки понуро̀ пробираются сторонкой по полямъ туда же. Не скоро дождаться имъ вновь такого изобильнаго пира, да и спасибо имъ за это.

Общій видъ долины Марицы очень напоминаетъ наши западно-русскіе виды, мѣстное же болгарское населеніе по характеру своихъ костюмовъ очень приближается къ туркамъ; многіе мужчины носятъ даже черную или темно-синюю чалму вмѣсто бараньей шапки. Намъ попадалось на встрѣчу много болгаръ, возвращавшихся цѣлыми партіями съ земляныхъ работъ, на которыя ихъ насильно сгоняли изъ Софійскаго, Филиппопольскаго, Сливненскаго и другихъ забалканскихъ округовъ, для возведенія укрѣпленій вокругъ Адріанополя и на оборонительной константинопольской линіи между озеромъ Деркосъ и мѣстечкомъ Буюкъ-Чекменджи. Много шло по дорогѣ и турокъ, которые относились къ намъ съ полною довѣрчивостью, очевидно, зная, что мы имъ ничего дурнаго не сдѣлаемъ. Но въ то же время эти самые турки не упускали случая продѣлывать разныя жестокости надъ встрѣчными болгарами, которые въ свой чередъ платили имъ тѣмъ же. По обѣимъ сторонамъ нашего пути виднѣлись вдали дымы пожаровъ болгарскихъ и турецкихъ селеній и какъ вчера, такъ и сегодня поминутно, то тамъ, то сямъ, раздавались ружейные выстрѣлы: турки охотились на болгаръ, болгары на турокъ; а между тѣмъ шальныя пули опять нерѣдко свистали и между рядами нашей колонны, но къ счастію, все обошлось благополучно, никто у насъ не былъ ни убитъ, ни раненъ,—одну только лошадь, какъ слышно, слегка задѣло за ухо. Въ нынѣшій переходъ дорога производила на насъ уже менѣе отвратительное впечатлѣніе: труповъ людскихъ нѣсколько поубавилось на ней, да и чувство уже притупляется... Все же, здѣсь явилась возможность выбрать для привала мѣсто не среди труповъ, и мы стали при дорогѣ, пройдя лежащее на половинѣ перехода селеніе Эбибдже, гдѣ сошлись съ 1-ю бригадою 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, шедшею въ авангардѣ гвардіи по одной дорогѣ съ нашимъ отрядомъ. Командиръ этой бригады Его Высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій нѣкоторое время слѣдовалъ вмѣстѣ съ генераломъ Карцовымъ, а на привалѣ прислалъ офицера съ извѣщеніемъ, что къ нему сейчасъ прибѣжали болгары, умоляя защитить ихъ, такъ какъ турки и черкесы творятъ въ сосѣднихъ селеніяхъ разныя жестокости. Генералъ Карцовъ сейчасъ же направилъ туда полусотню казаковъ съ хо-

рунжимъ Грошевымъ (сыномъ войсковаго старшины Грошева), и спустя часъ, полный порядокъ въ этихъ селеніяхъ былъ уже водворенъ, шайки грабителей прогнаны и разсѣяны. Поднявшись съ привала, мы вскорѣ вступили въ равнину, наполненную перелѣсками молодаго дубняка и бука, среди которыхъ проходитъ желѣзная дорога. Здѣсь обогналъ насъ поѣздъ, увозившій впередъ генерала Гурко. Преображенскіе солдаты, шедшіе вмѣстѣ съ нами, даже обрадовались, впервые услыша «въ Туретчинѣ» грохотъ поѣзда и свистъ локомотива. По рядамъ пошли восклицанія, смѣхъ и веселый говоръ.

— Ишь ты, братцы, и чугунка вдругъ явилась! Совсѣмъ, какъ у насъ въ Рассеѣ... Да и мѣста-то тутъ на наши русскія похожи.

— И есть въ Рассеѣ! Потому эту самую чугунку Рассея взяла! Теперь она наша!.. Заслужили!

Знакомые, но давно не слышанные звуки, сопровождающіе движеніе поѣзда, видимо оживили и развеселили весь отрядъ; въ какой-то ротѣ пѣсельники грянули даже бойкую плясовую пѣсню—и общій шагъ колонны сдѣлался бойче, размашистѣе.

Мустафа-Паша прячется весь въ садахъ и присутствіе города узнается издали лишь по нѣсколькимъ минаретамъ, которые высятся на ряду со множествомъ стройныхъ пирамидальныхъ тополей. Не доходя города, на протяженіи трехъ-четырехъ верстъ, по обѣимъ сторонамъ дороги раскинуты богатыя тутовыя плантанціи. Низенькія деревья всѣ коротко подстрижены и разсажены длинными правильными рядами, словно бы въ грядкахъ. Ихъ ежегодно подстригаютъ затѣмъ, чтобы ростъ дерева шелъ не въ стволъ, а въ вѣтви, чрезъ что доставляется большее количество корма шелковичнымъ червямъ, и потому видъ обнаженныхъ пока деревцовъ напоминаетъ болѣе наши лозняки, чѣмъ привольно растущія у насъ на югѣ шелковицы. Среди этихъ плантацій мы нагнали громадный обозъ турецкихъ эмигрантовъ изъ Систова, Ловчи и прочихъ городовъ и селъ придунайской Болгаріи. На вопросъ—куда и зачѣмъ они идутъ?—старшины ихъ отвѣчали, что и сами не знаютъ куда, но идутъ впередъ, потому что такъ приказано начальствомъ, что ихъ теперь гонятъ на югъ даже насильно.

*

Въ городъ ведетъ большой каменный мостъ черезъ Марицу, и это, кажись, единственная достопримѣчательность Мустафа-Паши, грязнаго и бѣднаго, какъ и всѣ вообще турецкіе городишки. Здѣсь, на желѣзно-дорожной станціи, Преображенскій полкъ посадили на поѣздъ и отправили въ Адріанополь. Нашъ отрядъ, пройдя часть города, расположился во дворахъ предмѣстья, гдѣ и для насъ былъ отведенъ ночлегъ въ зажиточномъ балгарскомъ домѣ, съ широкими стекольчатыми галлереями, на самомъ берегу Марицы, струи которой омываютъ стѣны каменнаго забора этого дома.

14-го января, въ семь часовъ утра, мы выступили на Адріанополь. Утро было туманное, сиверкое; шелъ не то мелкій дождикъ, не то изморозь моросила. Дорога, хотя и покрытая грязью, все же была несравненно чище, чѣмъ та, по которой мы шли отъ Іени-Магале до Мустафа-Паши: на ней менѣе валялось брошеннаго тряпья и рухляди, да и человѣческихъ труповъ попалось не болѣе тридцати — преимущественно женскихъ, погибшихъ отъ мороза или отъ тифа; изъ мужчинъ же валялись только убитые да зарѣзанные болгары.

Начиная отъ Іени-Магале, нашъ отрядъ совершалъ свое движеніе одновременно съ 1-ю бригадою 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, съ которою поэтому намъ ежедневно приходилось встрѣчаться то на привалахъ, то на ночлегахъ. На этотъ разъ мы стали на привалъ тоже по сосѣдству, близь одного высокаго древняго кургана, на вершинѣ котораго мы нашли много маленькихъ очень красивыхъ раковинъ.

— Который это батальонъ? спросилъ я знакомыхъ семеновскихъ офицеровъ, указавъ на часть ихъ полка, ставшую на склонѣ ближайшаго пригорка.

— Какъ батальонъ? возразили мнѣ: — тутъ у насъ весь полкъ налицо; остальное все бредетъ сзади, по всей дорогѣ отъ Филиппополя. Если бы три-четыре дня отдыха — успѣли бы подтянуться, а безъ того и сами не знаемъ, когда все это соберется...

Дѣйствительно, на долю гвардейскихъ войскъ, въ особенности пѣхоты, въ нынѣшнюю войну выпали страшные труды и лишенія. Послѣ продолжительныхъ балканскихъ бивуаковъ при Араба-конакѣ, пѣхота эта до самаго Адріанополя, въ

самую тяжкую пору года шла усиленными маршами, почти безъ дневокъ, безъ обозовъ, безъ всякихъ эвакуаціонныхъ и госпитальныхъ средствъ. Что̀ дѣлать!—Необходимо было жертво̀вать всѣмъ ради быстроты, съ которою соединялось достиженіе главнѣйшихъ цѣлей и плановъ всей кампаніи. Пообносилась и пообтрепалась гвардія страшно,—не менѣе, если даже не больше, чѣмъ армія. Множество людей шло безъ сапогъ, обернувъ ноги въ палатки, въ опанки, въ постолы, въ бараньи или бычьи шкуры, либо въ какое нибудь тряпье изъ валявшейся при дорогѣ турецкой рухляди; шинели на людяхъ были въ дырьяхъ, вслѣдствіе прожоговъ на ночевкахъ, или отъ соприкосновенія съ терновыми иглами — при движеніяхъ во время боя чрезъ поля, поросшія терномъ; а что до головныхъ уборовъ, то тутъ рядомъ съ истрепанными форменными фуражками, были турецкія фески, и болгарскія смушковыя шапки, и черкесскія папахи, и шапочки изъ верблюжьяго сукна, выкро̀енные въ родѣ гарибальдіекъ, и шерстяные платки, обмотанные въ видѣ чалмы или надѣтые по бабьи. Лица людей носили слѣды физическаго изнуренія; ихъ, что̀ называется, подвело и сильно подтянуло. Края придорожныхъ канавокъ были унизаны отсталыми, заболѣвшими или свалившимися отъ изнуренія; одни изъ нихъ подлаживали на себѣ размотавшуюся обувь, другіе отдыхали, тяжело дыша и провожая мутнымъ взглядомъ проходящія части, третьи стонали и дрожали въ лихорадочномъ ознобѣ, четвертые спали тяжелымъ, мертвымъ сномъ. Не разъ можно было видѣть какъ идетъ человѣкъ, шатаясь отъ усталости, словно пьяный, но все еще старается крѣпиться, чувствуя, что бодрость и силы все болѣе и болѣе оставляютъ его; глаза смотрятъ какъ-то безсмысленно, отяжелѣвшія вѣки слипаются, шагъ становится вялѣе, медлительнѣе... Нѣтъ силъ бороться съ искушеніемъ сна, къ которому неодолимо влечетъ физическая потребность, и вотъ отбивается несчастный отъ рядовъ, отходитъ къ канавкѣ, падаетъ въ изнеможеніи на мокрую грязную землю и въ то же мгновеніе засыпаетъ, какъ убитый. Но тѣмъ не менѣе, достаточно было взглянуть въ совокупности на любую роту, на любой взводъ, чтобы убѣдиться, что духъ этихъ людей не сломятъ никакіе труды, лишенія и невзгоды. Гвардейскій солдатъ въ своихъ почтенныхъ лохмотьяхъ былъ

тотъ же, что и въ блестящемъ мундирѣ на великолѣпныхъ парадахъ мирнаго времени. Теперь только въ немъ ясно сказывалось сознаніе, что эти лохмотья суть результатъ его геройскаго поведенія въ теченіе всей кампаніи, едва ли не труднѣйшей изъ войнъ новѣйшаго періода исторіи.

— Эхъ, вы!.. Воинство! Словно калики-перехожіе! подбодряетъ какой-то ундеръ свое размотавшееся на счетъ обуви капральство.

— Чтó жь что калики? Это ничего! лишь бы опять поскорѣй до *его* добраться! отвѣчаютъ солдаты, подразумѣвая подъ словомъ *его* — непріятеля. — Коли нужно, и босикомъ пойдемъ! Это безъ сумленія!

Вотъ позади одного изъ семеновскихъ батальоновъ усталый барабанщикъ присѣлъ по дамски на маленькаго ослика и ѣдетъ себѣ, посасывая трубочку-носогрѣйку, а рядомъ бравый, высокій дѣтина, въ опанкахъ и красной фескѣ (своя-то фуражка, надо быть, служить отказалась), заложивъ ружье за спину, гонитъ хворостиной штуки двѣ-три порціонныхъ воловъ и нѣсколькихъ барановъ.

— А что, братцы, кабы васъ въ эдакомъ-то видѣ на Гороховой питерскіе повстрѣчали? ласково шутитъ мимоходомъ одинъ изъ офицеровъ.

Солдаты оглядываютъ свои опанки, ослика, хворостину и добродушно смѣются.

— Любопытно было бы, ваше благородіе.

Вотъ попадаются на встрѣчу «братýшки», между которыми большинство составляютъ босоногія женщины и дѣти въ самомъ жалкомъ, нищенскомъ видѣ. Это все возвращающіеся назадъ лѣтніе бѣглецы изъ Казанлыкскаго, Эскизагрскаго и Карловскаго округовъ.

— Гей, тетки! Чáкай малко!.. (подожди немножко). Зимай по галаганчику!... Подѣлитесь промежъ себя, Христа ради.

И тѣ же самые безсапожные солдаты братски надѣляютъ бѣглецовъ своими мѣдными копѣйками.

Вотъ проходитъ одна изъ батарей 1-й гвардейской артиллерійской бригады. На одномъ изъ лафетовъ сидитъ дѣвочка лѣтъ пяти, закутанная въ одѣяло, которое очень заботливо поправляетъ около нея идущій рядомъ солдатъ.

— Гдѣ Богъ послалъ вамъ? спрашиваютъ его.

— Анадысь на шапе́ (шоссе) подобрали, ваше благородіе... Турецкое, значитъ, дитё... Помирало совсѣмъ — одначе вотъ ничего, выходили.

— Стало быть, батарейная дочка будетъ?

— Такъ точно, ваше благородіе! весело осклабляется солдатикъ: — въ Питеръ вернемся — въ пріютъ отдадимъ, а потомъ, дастъ Богъ, замужъ выдадимъ.

LXXXVIII

Адріанополь

Характеръ мѣстности отъ Мустафа-Паши до Адріанополя. — Панорама Адріанополя издали. — Предмѣстіе Ильдеримъ. — Каменный мостъ. — Главная улица, устройство лавокъ, торговля и промышленность. — Превращеніе лавокъ въ кабачки. — Собаки, мальчишки и нищіе. — Характеръ и пестрота уличнаго населенія. — Кто лучше? — Конакъ. — Женщины христіанки и турчанки. — Улица Хаджи-Шерифъ-бей и ея достопримѣчательности. — Домъ Хаджи-Шерифъбея и вообще устройство городскихъ турецкихъ домовъ стараго и новаго пошиба. — Аферы грековъ съ турецкою собственностію. — Въ ожиданіи пріѣзда Великаго Князя. — Почетный караулъ. — Лавочка для обновленія фесокъ. — Пушки и фортъ. — Въѣздъ Великаго Князя въ Адріанополь. — Внутреннее убранство конака. — Адріанопольскіе трактиры и рестораны. — Встрѣча съ соотечественницею. — Цирюльня и анекдотъ съ часами. — Турецкія бани. — Нѣчто о «восточной красотѣ» турецкихъ женщинъ. — Турецкая иллюминація. — Джамія Селима. — Турецкій пѣвецъ-духовный. — Внутренность джаміи Селима и ея освѣщеніе. — Адріанопольскій базаръ и его товары. — Характеристика купцовъ—турокъ, евреевъ, армянъ и грековъ. — Загородная роща и ея назначеніе. — Развалины стараго сераля. — Что̀ уцѣлѣло отъ пороховаго взрыва и слѣды ужаснаго пожара. — Небезопасность загородныхъ и ночныхъ прогулокъ. — Пожаръ въ казармахъ. — Адріанополь пять мѣсяцевъ спустя по занятіи его русскими войсками. — Отношеніе къ намъ мѣстныхъ турокъ. — Армяно-турецкій театръ. — Армянская ода въ честь русскихъ. — Какъ смотрятъ на насъ адріанопольскіе греки. — Общее заключеніе.

Адріанополь, 1-го февраля.

Мѣстность по сторонамъ дороги, ведущей отъ города Мустафа-Паша къ Адріанополю, напоминаетъ самые обыденные русскіе виды. Такъ и кажется, будто странствуешь гдѣ нибудь по Тверской губерніи, и одни лишь громадные обозы турецкихъ бѣглецовъ, не знающихъ куда имъ теперь идти, да иногда трупы на дорогѣ напоминаютъ, что это не Тверская губернія, а Турція.

Еще верстъ за десять до Адріанополя на горизонтѣ начинаютъ бѣлѣть четыре стройныя иглы минаретовъ при джаміи Селима. Затѣмъ вскорѣ открывается широкій видъ на обширные сады и рощи, наполненныя раскидистыми чинарами, кипарисами и пирамидальными тополями. Потомъ влѣво — громадный фортъ съ трехъярусною обороной; за нимъ — другой и третій форты сильныхъ профилей, и въ этихъ постройкахъ еще издали, на первый взглядъ, уже чувствуется прочность, разсчитанная на долговременность защиты. Справа тоже отдѣльныя укрѣпленія виднѣются изъ-за деревьевъ. Но вотъ, наконецъ, и панорама цѣлаго города.

Издали Адріанополь довольно красивъ, чему много способствуютъ его сады и многочисленные минареты. Городъ широко раскинулся по обширному пологому холму, на высшей точкѣ котораго величественно возвышается громадная джамія Селима I, съ ея трехъярусными минаретами и полусферическимъ главнымъ куполомъ, гдѣ ярко горитъ на солнцѣ золотой полумѣсяцъ. Эта мечеть принадлежитъ къ числу самыхъ великолѣпныхъ храмовъ мусульманскаго міра. По своему положенію на высшей точкѣ адріанопольскаго холма, она господствуетъ надъ всѣмъ городомъ, распростершимся у ея подножія, и придаетъ ему особенную характерность. Все остальное какъ бы склоняется ницъ предъ ея дивнымъ, стройнымъ величіемъ.

Въѣзжаемъ въ городъ—нищета и убожество. Впрочемъ, это еще не самый городъ, а только его окраина, которая называется Ильдеримъ. Домишки строены на живую руку, изъ деревяннаго драньи и глины; окна, крыши, балкончики, стѣны, ворота—все это въ крайнемъ и давнишнемъ запущеніи. Во дворахъ и на улицѣ ужасная грязь — глубокая, липкая, топкая—и въ ней валяются вздувшіеся трупы животныхъ. Смрадъ повсюду. Греки и отчасти болгары уже открыли въ самомъ предмѣстьѣ кое-какія лавченки, гдѣ продаютъ сахаръ, чай, табакъ, вино и свѣчи.

Вотъ большой каменный мостъ, на нѣсколькихъ аркахъ, и по срединѣ его, справа, кіоскъ или бесѣдка, изъ камня же, напоминающая по архитектурѣ нѣчто въ родѣ часовни, какія нерѣдко встрѣчаются на мостахъ и при дорогахъ въ католическихъ странахъ. Въ кіоскѣ — бѣлая мраморная доска

съ рельефною турецкою надписью — вѣроятно, имя строителя и годъ постройки, а можетъ быть и какой нибудь подходящій стихъ изъ Корана. На обоихъ концахъ моста стоятъ наши часовые отъ 16-й пѣхотной дивизіи. Генералъ Скобелевъ 2-й, сберегая силы и здоровье своихъ войскъ, не оставилъ ихъ бивуакировать подъ городомъ, а расположилъ полки въ предмѣстіяхъ и частію въ самомъ городѣ, на квартирахъ, гдѣ люди получили наконецъ на нѣсколько дней вполнѣ необходимый и возможно удобный отдыхъ.

Адріанополь—судя по первому впечатлѣнію—такая же азіатская мерзость, какъ и всѣ прочіе видѣнные нами турецкіе города. Надо сознаться, что и поживши въ немъ, мы не имѣли повода измѣнить къ лучшему наше общее, только что высказанное мною мнѣніе.

Втягиваемся въ главную улицу, которая, въ силу того, что она главная, нѣсколько шире и чище остальныхъ узкихъ и темныхъ закоулковъ. Здѣсь уже пошло, что̀ называется, бойкое мѣсто. По сторонамъ улицы — почти сплошной рядъ лавченокъ, напоминающихъ своею животрепещущею постройкою наши балаганныя «ряды» на ярмаркѣ уѣзднаго средней руки городишки. Многія изъ этихъ лавокъ носятъ громкое названіе «магазиновъ» и щеголяютъ вывѣсками на французскомъ языкѣ, хотя бо̀льшая часть этихъ надписей находится въ явномъ разладѣ съ французскою орѳографіей,—совершенно тоже, что и у насъ въ какомъ нибудь захолустьѣ. Въ Систовѣ въ настоящее время подобныя лавченки стали куда лучше и даже благообразнѣе!

Торговля здѣсь производится, можно сказать, совсѣмъ на улицѣ, потому что рѣдкое изъ торговыхъ помѣщеній имѣетъ переднюю стѣну и входную стекольчатую дверь. Передняя деревянная стѣна здѣсь, обыкновенно, либо раздвижная, либо створчатая, либо же, наконецъ, откидывается на петляхъ вверхъ и служитъ, въ теченіи торговаго времени дня, родомъ навѣса надъ входомъ. Предъ вами — небольшая лѣсенка въ двѣ-три ступеньки, ведущая на досчатый помостъ въ родѣ эстрады, служащій основаніемъ для небольшой клѣтушки, которая отгорожена отъ сосѣднихъ клѣтушекъ досчатыми стѣнками. Тутъ собственно и помѣщается лавка, снабженная иногда прилавкомъ и товарными полками. Тоже самое и въ

ремесленныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, все что дѣлается въ лавкахъ и мастерскихъ, всю ихъ торговлю и работу вы можете созерцать совершенно свободно, какъ если бы все это происходило предъ вами на театральной сценѣ. Замѣчательная особенность: съ приходомъ русскихъ, почти каждая лавка, за исключеніемъ истинно турецкихъ—будь это табачная, москательная, сапожная, посудная, парфюмерная или цирюльня — все равно обратилась въ маленькій кабачекъ. Пронырливые греки и армяне — чѣмъ бы они ни торговали— тотчасъ же сочли нужнымъ повыставлять въ своихъ лавченкахъ столы и столики, покрытые скатертями и заставленные бутылками съ виномъ, ракіей и мастикой, пряностями и фруктами, тортами, каймакомъ и яуртомъ *), слоеными медовыми пирожками и разными разностями съѣдобнаго свойства. Тутъ у нихъ и брѣются, и пьютъ кофе *«à la franca»* или *«à la turca»*, и закусываютъ, и курятъ, и читаютъ стамбульскія газеты, и торгуются, и коммиссіонерствуютъ, и деньги мѣняютъ — ибо каждая лавка, кромѣ своей коренной спеціальности, есть еще и мѣняльная. Все это гомонитъ, кричитъ, зазываетъ прохожихъ, ругается между собою и кипитъ—кипитъ жизнью, алчущею наживы, оборота, «гешефта», и потому какъ въ лавкахъ, такъ и на улицахъ съ утра до вечера народу—какъ говорится—нетолченая труба. Тутъ вѣчная толкотня, вѣчное снованіе взадъ и впередъ пѣшихъ и конныхъ—кто на ослѣ, кто на мулѣ, кто на маленькой турецкой лошадкѣ. Голодныя собаки и рѣзвыя уличныя дѣти, то и дѣло, тычутся подъ ноги, визжатъ, теребятъ другъ друга, а мальчишки кромѣ того и пристаютъ къ проходящимъ съ предложеніемъ почистить имъ сапоги, или вопятъ, простирая рученки: «капитанъ! давай галаганъ!...» При этомъ—множество нищихъ, калѣкъ и убогихъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, такъ что отъ нихъ отбоя нѣтъ. Эта толчея нерѣдко доходитъ до давки, въ особенности, если что нибудь «казусное» случайно привлечетъ любопытное вниманіе толпы и если еще при этомъ немилосердно заскрыпятъ несмазанными колесами неуклюжія арбы, запряженныя буйволами и обыкновенно слѣдующія цѣлою вереницей, или если въ узкомъ мѣстѣ улицы сцѣпятся колесами

---

*) Сливки, вареныя и сгущенныя до плотности масла.

двѣ встрѣчныя извозчичьи каруццы, которыя никакъ не могутъ разъѣхаться безъ того, чтобы «арабаджи» (извозчики) не переругались другъ съ другомъ всласть и не исхлестали одинъ другаго бичами. Улицы и площадки, особенно у лавокъ и фонтановъ, полны самаго разнообразнаго, разнохарактернаго и пестраго народа. Тутъ попадаются наши солдатики и казаки, какъ-то съ разу освоившіеся съ городомъ и его обстановкой; тутъ же на каждомъ шагу встрѣчаете вы представителей цѣлыхъ трехъ частей свѣта: Европы, Азіи и Африки. Вотъ, напримѣръ, типичныя рыжія бакенбарды клѣтчатаго англичанина, нахальная «люишка» француза, шествующаго непремѣнно съ розеткой «почетнаго легіона» въ петличкѣ сюртука; вотъ, горячо и страстно жестикулирующій итальянецъ, и флегматично сосущій грошевую сигарку бѣлокурый сынъ Германіи; бѣглый полякъ, съ полуаршинными усами, въ чамаркѣ и конфедераткѣ, и непремѣнно съ хлыстомъ; вотъ малоазійскія курды, арабъ изъ Іемена, съ воспаленными глазами; губастые, бѣлозубые негры изъ Нубіи, феллахъ изъ Египта, задумчивые сирійцы, медлительные персіяне, понурые болгары въ смушковыхъ шапкахъ, вертлявые греки въ бѣлыхъ «фустанеллахъ», ловкіе и статные албанцы, въ узорчатыхъ курткахъ—все это являетъ собою самую пеструю смѣсь роскоши и нищеты, гдѣ нерѣдко встрѣчаешь бархатныя лохмотья, нѣкогда расшитыя золотомъ и шелками, а нынѣ изодранныя, слинялыя, запачканныя грязью. Однако же, среди всей этой пестроты разноплеменныхъ типовъ и костюмовъ, какъ-то съ разу отличаешь истаго турка, будетъ ли онъ въ старозавѣтномъ лисьемъ халатѣ и чалмѣ, или въ европейскомъ костюмѣ и красной фескѣ; отличаешь турка по его прирожденной степенности и нѣкоторой медлительности манеръ и походки. Вообще, мусульмане и азіятцы, судя по внѣшности, кажутся какъ-то сдержаннѣе, спокойнѣе и солиднѣе, чѣмъ вся здѣшняя международная тля западной Европы. Но за то уже юркіе греки, жидки да армяне снуютъ и тычатся предъ глазами, словно неотвязныя іюльскія мухи надъ сахаромъ. На перебой другъ передъ другомъ лѣзутъ и пристаютъ они къ вамъ съ разными «секретными» и «не секретными» предложеніями и грошевыми товарами, такъ что, право, не знаешь, которому же наконецъ изъ представителей этихъ трехъ на-

родностей должно отдать преимущество въ юркости, назойливости, плутоватости и въ умѣньѣ ловко обдѣлывать свои темныя дѣлишки. Впрочемъ, греки въ этомъ отношенiи будутъ, кажись, «почище» всѣхъ, потому что надувая васъ на какомъ нибудь дрянномъ товаришкѣ, «грекосъ» дружелюбно, но безцеремонно похлопываетъ васъ по плечу, сладко улыбается, крестится и тыча въ вашу и свою грудь грязнымъ указательнымъ перстомъ, выразительно и якобы по русски приговариваетъ гнусливымъ голосомъ: «óндина религiонъ! óндина религiонъ!» (т. е. мы съ тобой, дескать, одной вѣры), вѣроятно, разсчитывая, что «варваръ московъ», задобренный такимъ аргументомъ, вѣрнѣе и легче подастся на удочку. «Ондина религiонъ» пускается въ ходъ даже при «секретныхъ» предложенiяхъ знакомства съ *«унъ золи фамъ тюркъ»* (une jolie femme turque).

На главной улицѣ, въ глубинѣ обширнаго двора, возвышается двухъ-этажное каменное зданiе конака, служившее мѣстомъ жительства адрiанопольскому вали. Всѣ канцелярiи и отдѣлы управленiя вилайэта, казначейство, конюшни, типографiя, тюрьма и караульная казарма помѣщались тутъ же, въ надворныхъ каменныхъ флигеляхъ, очищенныхъ теперь, равно какъ и самый конакъ, въ ожиданiи прiѣзда Великаго Князя, для расквартированiя Его Высочества, свиты и штаба дѣйствующей армiи. Этотъ прiѣздъ долженъ былъ состояться 14-го же января, въ день вступленiя въ Адрiанополь отряда генерала Карцова и пѣхотнаго авангарда генерала Гурко. Въ ожиданiи встрѣчи русскаго Главнокомандующаго, переднiя мѣста всѣхъ лавокъ, всѣ открытыя окна и балконы домовъ на главной улицѣ были переполнены женщинами, преимущественно гречанками и армянками, среди которыхъ попадались очень миловидныя и даже вполнѣ красивыя лица. Турчанки встрѣчались какъ очень рѣдкое исключенiе, и то не на балконахъ, а на улицѣ. Закутанныя въ бѣлыя кисейныя чадры и въ зеленые, либо черные шерстяные бурнусы, онѣ тихо, словно печальныя тѣни, пробирались сторонкой, у самыхъ стѣнъ, очевидно, идя куда-то по своимъ дѣламъ и не обращая ни малѣйшаго вниманiя на уличную толпу и на пришельцевъ—воиновъ вражеской армiи.

Пройдя мимо второй адрiанопольской джамiи, носящей имя Мурада I, мы свернули съ главной улицы на лѣво въ бо-

ковую, которая называется улицею Хаджи-Шерифъ-бей, по имени хозяина лучшаго изъ находящихся на ней домовъ. Эта улица въ началѣ столь же широка, какъ и главная, и столь же полна промышленнымъ, торговымъ элементомъ. По отношенію къ главной, она почти то же самое, что у насъ въ Петербургѣ Большая Морская по отношенію къ Невскому. Тутъ даже есть французскій магазинъ, торгующій колоніальными, парфюмерными и кондитерскими товарами, гдѣ въ разсчетѣ на гастрономическія приправы къ нашей скудной походной кухнѣ, мы купили, между прочимъ, двѣ банки трюфелей, которыя потомъ—увы!—оказались протухшими до окончательной гнилости, какъ и большая часть товаровъ этого магазина, не смотря на его разрисованныя этикетки и французскую фирму.

Въ улицѣ Хаджи-Шерифъ-бей останавливаетъ на себѣ вниманіе мраморный фонтанъ, пріютившійся подъ широкимъ куполообразнымъ навѣсомъ изящнаго кіоска, у входа въ узкій закоулокъ, ведущій къ одной изъ старыхъ мечетей, которая, въ свою очередь, представляетъ для художника богатѣйшій матеріалъ: нѣкоторыя части ея пристроекъ полуобрушились, штукатурка почти сплошь пообвалилась, и всѣ части этихъ стѣнъ, карнизовъ и террассъ заросли густыми прихотливо роскошными побѣгами плюща и другихъ ползучихъ растеній, которыя, не смотря на январь мѣсяцъ, ласкаютъ глазъ своею нѣжною, свѣжею зеленью. Эта мечеть находится по правую сторону улицы Хаджи-Шерифъ-бей, а по лѣвую высится обширное каменное зданіе стараго караванъ-серая, обращеннаго на время войны въ складъ военныхъ матеріаловъ и разграбленнаго мѣстными христіанами по уходѣ турокъ, еще до появленія кавалеріи генерала Струкова. Здѣсь же, почти рядомъ съ съ караванъ-сераемъ, помѣщаются мраморныя восточныя бани, съ которыми мы всѣ рѣшили познакомиться непосредственнымъ образомъ въ тотъ же вечеръ.

Генералу Карцову и его штабу была отведена квартира въ домѣ самого Хаджи-Шерифъ-бея, изъ оконъ котораго открывался съ одной стороны видъ на грандіозную джамію Селима, а съ другой — на весь южный и юго-западный конецъ города. Здѣсь мы въ первый разъ познакомились съ характеромъ неразореннаго богатаго турецкаго дома, устроеннаго впрочемъ на полуевропейскую ногу.

Старозавѣтные турецкіе дома, стоящіе въ глубинѣ дворовъ, или, лучше сказать, земельныхъ участковъ, огороженныхъ со всѣхъ сторонъ высокимъ каменнымъ заборомъ, строились обыкновенно въ одинъ этажъ, и у зажиточныхъ хозяевъ — судя по видѣннымъ нами образцамъ — надворныя постройки дѣлились на три отдѣльные флигеля, сообразно чему и весь земельный участокъ разбивался на три отдѣльные же двора. Первый дворъ и первый флигель — самая парадная, показная часть такого старозавѣтнаго дома, предназначался для помѣщенія самого хозяина и для пріема его гостей; второй дворъ и флигель составлялъ гаремную половину, а третій служилъ помѣщеніемъ для прислуги, кухонь, кладовыхъ, амбаровъ, конюшень и прочихъ принадлежностей благоустроеннаго хозяйства. Изящный же домъ Хаджи-Шерифъ-бея былъ выстроенъ по европейскому образцу, въ три этажа, причемъ въ нижнемъ этажѣ помѣщалась мужская часть прислуги, домочадцевъ и родственниковъ хозяина; въ среднемъ этажѣ самъ хозяинъ и парадныя пріемныя комнаты, а въ верхнемъ — гаремная половина съ женскою прислугой. Эта послѣдняя половина состояла изъ разныхъ отдѣльныхъ комнатокъ и чуланчиковъ, расположенныхъ очень удобно и уютно такимъ образомъ, что каждыя двѣ-три комнатки составляли какъ бы совершенно отдѣльную квартиру, соединенную посредствомъ одной общей, но не парадной внутренней лѣстницы съ помѣщеніемъ самого хозяина. Тутъ же въ двухъ или трехъ свѣтлыхъ конуркахъ были устроены маленькія бани, или мыльныя, съ мраморными ваннами и кранами для холодной и горячей воды. Каждая такая квартира служила отдѣльнымъ помѣщеніемъ для каждой изъ женъ Хаджи-Шерифъ-бея. Такимъ образомъ, въ случаѣ ссоры, ревности, или при потребности уединенія, если эти дамы не желали быть вмѣстѣ, то могли и вовсе не видѣться, даже почти не встрѣчаться одна съ другою. Въ нижнемъ этажѣ — обширныя, полутемныя мраморныя сѣни, изъ которыхъ нѣсколько дверей вели въ отдѣльныя помѣщенія мужскихъ домочадцевъ и слугъ, а широкая деревянная лѣстница, съ рѣзными деревянными же перилами, являлась лѣстницею парадною, для входа гостей, и подымалась только до средняго этажа, который представлялъ собою двѣ большія продольныя залы съ четырьмя боковыми гостинными. Въ одной изъ залъ помѣ-

щалась столовая, устроенная по европейски, т. е. съ обѣденнымъ столомъ на высокихъ ножкахъ, а въ одной изъ гостинныхъ былъ кабинетъ хозяина; другая гостинная снабжена европейскою мебелью, остальныя же двѣ отдѣланы по восточному, т. е. большіе сплошные диваны вдоль стѣнъ и низенькіе инкрустированные столики (софрà). Печи и камины, за исключеніемъ большаго кухоннаго очага внизу и маленькихъ печурокъ для варки кофе на женской половинѣ, совершенно отсутствовали во всемъ домѣ, гдѣ каждая комната согрѣвалась посредствомъ особаго «мангала», т. е. большой мѣдной жаровни, довольно изящнаго рисунка, стоявшей на полу посрединѣ комнаты. Паркетные полы были сплошь устланы тонкими, узорчато сплетенными цыновками, а потолки и стѣны росписаны масляными красками, живописью въ турецкомъ вкусѣ. Тутъ встрѣчались виды горъ, долинъ и дворцовъ, корабли и мечети, и кипарисовыя рощи, съ огромными розовыми букетами, большими райскими птицами, такими же яблоками, вишнями и маленькими человѣчками. Ни пропорціональности размѣровъ между всѣми этими изображеніями, ни перспективы вовсе не существовало: райская птица, напримѣръ, сидѣла на вѣткѣ розы, подъ которою стоялъ маленькій домикъ и гуляли маленькіе человѣчки. Но все вмѣстѣ выходило ничего-себѣ и даже не было лишено своеобразной, нѣсколько дѣтски-наивной прелести. Большія широкія окна, украшенныя кисейными занавѣсками, даютъ всѣмъ этимъ заламъ и гостиннымъ много свѣта, а благодаря высокимъ потолкамъ, здѣсь всегда есть достаточно свѣжаго, чистаго воздуха. При домѣ устроенъ прелестный садикъ съ кипарисами, лаврами, виноградными бесѣдками, цвѣточными клумбами и довольно глубокимъ каменнымъ бассейномъ, въ которомъ можно купаться въ жаркую пору. Словомъ сказать, домъ Хаджи-Шерифъ-бея, со всѣми его удобствами, представлялъ чуть не идеалъ турецкаго благоустроеннаго дома въ полуевропейскомъ, полуазіатскомъ вкусѣ, и мы всѣ почувствовали себя въ немъ особенно хорошо и привольно послѣ бивуачныхъ лишеній на снѣжныхъ вершинахъ Траяна и ночлеговъ въ раззоренныхъ турецкихъ хатахъ или въ убогихъ болгарскихъ «кештахъ». Въ первый разъ, послѣ долгихъ мѣсяцевъ грязи, нужды и лишеній попали мы въ такую обстановку, и только тотъ, кому

довелось самому переиспытать все это, пойметъ чувство того довольства, которое мы испытывали въ чистыхъ, свѣтлыхъ хоромахъ Хаджи-Шерифъ-бея.

Самъ Шерифъ-бей съ семействомъ уѣхалъ въ Стамбулъ, слѣдуя общему потоку мусульманскаго бѣгства. Вмѣсто него тутъ хозяйничаетъ теперь богатый грекъ Алеко Асекиляросъ, встрѣтившій нашего генерала на крыльцѣ дома. Этотъ Асекиляросъ говоритъ по французски и потому мы могли узнать отъ него много не безъинтересныхъ свѣдѣній о положеніи адріанопольскихъ дѣлъ въ послѣднее время. Онъ сообщилъ, между прочимъ, что этотъ домъ пріобрѣтенъ имъ только за тысячу лиръ, чтò на наши деньги составляетъ 5,579 руб. 26½ коп. металлическихъ (лира=5 руб. 67 коп.), но пріобрѣтенъ условнымъ образомъ, съ тѣмъ что становится полною его собственностію только въ томъ случаѣ если Шерифъ-бей не возвратится болѣе сюда на жительство, чтò впрочемъ можетъ послѣдовать только тогда, когда Адріанополь будетъ отторгнутъ отъ Турціи въ силу будущаго мирнаго договора; въ противнымъ же случаѣ, Шерифъ-бей возвращаетъ Асекиляросу тысячу лиръ съ извѣстными процентами, и домъ опять поступаетъ въ собственность прежняго хозяина. Не показываетъ ли эта сдѣлка, что сами турки плохо вѣрятъ въ возможность своего возвращенія въ Румелію, или, по крайней мѣрѣ, сильно въ ней сомнѣваются и потому спѣшатъ заблаговременно, хотя за ничтожную цѣну, продать свою недвижимую собственность?

Тотъ же Асекиляросъ, который, какъ и всѣ греки вообще, удивительно падокъ на всякія новости, умѣетъ узнать и пронюхать все что угодно и изображаетъ собою какое-то ходячее всевѣдѣніе, между прочимъ разсказалъ намъ, что 7-го января было сообщено по телеграфу изъ Порты въ Адріанополь, чтобы всѣмъ гражданскимъ и военнымъ управленіямъ, забравъ чтò можно изъ дѣлъ, военныхъ запасовъ и оружія, немедленно поспѣшить въ Стамбулъ, а городъ оставить русскимъ. Вслѣдствіе этого бѣжало все, чтò лишь могло или успѣло. Но въ силу самаго послѣдняго, такъ сказать, прощальнаго распоряженія адріанопольскихъ властей, въ городѣ было оставлено пятьсотъ молодыхъ охотниковъ изъ черкесовъ и разнаго турецкаго бездомнаго сброда, которые должны были, при пер-

вомъ извѣстіи о приближеніи русскихъ къ окрестностямъ Адріанополя, зажечь городъ и, насколько успѣютъ, перерѣзать христіанскихъ жителей, безъ различія народностей. Спасло христіанъ только внезапное появленіе кавалеріи генерала Струкова, 8-го января, послѣ полудня, вслѣдствіе чего оставленныя пять сотень охотниковъ тотчасъ же удрали. Но въ городѣ все же осталось еще достаточное число разныхъ бродягъ, бѣглыхъ и разсѣявшихся солдатъ изъ разныхъ отрядовъ и баши-бузуковъ, которые бродятъ по окрестностямъ да по городскимъ базарамъ, прося милостыню, а гдѣ можно, то и поворовываютъ; не прочь, конечно, при удобномъ случаѣ и пограбить. Оттого-то христіанское населеніе и радо такъ приходу русскихъ, въ надеждѣ, что русскіе водворятъ у нихъ порядокъ, обезпечатъ жизнь и имущество. За невозможностію вывезти массы оружія и снарядовъ, сложенныхъ въ арсеналѣ стараго сераля, одного изъ старѣйшихъ и монументальныхъ зданій Адріанополя, турецкія власти, предъ выѣздомъ своимъ изъ города, взорвали сераль на воздухъ. Орудія тоже не всѣ успѣли они увезти съ собою: шесть осадныхъ пушекъ и цѣлый понтонный паркъ остались на желѣзнодорожной станціи, 27 армстронговыхъ орудій затоплено въ Марицѣ, и изъ нихъ четыре орудія уже вытащены нашими солдатами.

Въ ожиданіи пріѣзда Великаго Князя мы переодѣлись и верхами отправились на станцію желѣзной дороги, которая расположена верстахъ въ четырехъ за городомъ. Здѣсь былъ выставленъ почетный караулъ отъ Преображенскаго полка. Глядимъ и просто глазамъ не вѣримъ: тѣ ли это солдаты?— Дѣйствительно, къ удивленію нашему, молодецкая рота предстала не только въ бодромъ, но, относительно говоря, даже въ щеголеватомъ видѣ. Вотъ что̀ значитъ одни лишь сутки отдыха! Люди пообчистились, помылись, побрились, а главное выспались въ мѣру. Говорятъ, будто солдатики, предназначенные въ почетный караулъ, снарядились сами, позаимствовавшись товарищъ отъ товарища, кто сапогами, кто шинелью, кто форменной фуражкой, кое-чѣмъ изъ аммуниціи—и вышло ничего-себѣ, все какъ слѣдуетъ, по формѣ, словно бы вчерашнихъ «каликъ перехожихъ» (какъ сами они себя въ шутку окрестили), и во вѣки не бывало! До прихода поѣзда еще оставалось около часа времени, которымъ мы и воспользо-

вались для обозрѣнія ближайшей окрестности. Вокругъ станціи, какъ и вездѣ въ мірѣ, возникъ маленькій барачный городокъ: гостинницы, таверны, лавченки. Одна изъ послѣднихъ, около которой стояла порядочная кучка мужчинъ въ европейскихъ костюмахъ и красныхъ фескахъ, остановила на себѣ болѣе прочихъ наше вниманіе. На ея открытомъ прилавкѣ было выставлено до полудюжины мѣдныхъ тумбочекъ, имѣвшихъ видъ усѣченныхъ конусовъ. Господа, стоявшіе у прилавка, подавали хозяину свои фески, а тотъ напяливалъ ихъ на тумбочки и покрывалъ мѣдными же кострюльками, форма и размѣры которыхъ соотвѣтствовали тумбочкамъ. Кострюльки предъ этою операціей нагрѣвались на особой раскаленной чугунной плитѣ, и чуть лишь феска, напяленная на тумбочку, покрывалась кострюлькой, изъ-подъ послѣдней начиналъ куриться паръ, а черезъ минуту владѣлецъ фески получалъ свой выпаренный и выглаженный головной уборъ въ совершенно свѣжемъ, обновленномъ видѣ, и все это удовольствіе стоило не болѣе одного піастра ($5^1/_2$ коп.). Оказалось, что всѣ эти господа—служащіе при желѣзной дорогѣ и прихорашиваются для встрѣчи Великаго Князя. Впослѣдствіи не мало подобныхъ же лавченокъ встрѣчали мы и въ самомъ городѣ, гдѣ около нихъ постоянно торчатъ кучки мужчинъ, въ ожиданіи обновленія своихъ фесокъ. Здѣсь же, не подалеку отъ вокзала увидѣли мы и орудія, и понтонный паркъ, о которыхъ повѣдалъ намъ Алеко Асекиляросъ. Дѣйствительно, орудія замѣчательныя и совсѣмъ новенькія, англійской работы и очень изящной отдѣлки; жаль только, что безъ затворовъ, которые увезены въ Константинополь. Тутъ же брошено множество разснаряженныхъ орудійныхъ передковъ и полевыхъ лафетовъ, тоже совершенно новенькихъ, какъ съ иголочки, если можно такъ выразиться. Самыя же пушки и снаряды увезены адріанопольскими властями. Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ станціонныхъ зданій въ открытомъ полѣ возвышается шестисторонній редутъ. Что за великолѣпная постройка!.. Это цѣлый фортъ, на 12 орудій, съ трехъярусною обороной, съ каменною обшивкой эскарпа, съ отличными траверсами и блиндированными помѣщеніями для гарнизона, и все это такъ хорошо приспособлено одно къ другому, такъ соображено съ условіями мѣстности, такъ прочно

построено и даже изящно отдѣлано (просто, хоть на выставку!), что этотъ редутъ нельзя не признать изящнѣйшимъ образцомъ сооруженій такого рода. И это укрѣпленіе, какъ и всѣ прочіе—сказываютъ—было насыпано болгарскими руками,—разумѣется, изъ-подъ неволи, по принужденію—только теперь, за нѣсколько дней до нашего прихода. Нельзя не отдать туркамъ полную справедливость въ отличномъ и толковомъ умѣніи возводить полевыя фортификаціонныя постройки, и хорошо, что они покинули ихъ безъ обороны, а то, вѣроятно, много и много пришлось бы намъ еще потрудиться надъ этими фортами.

Во второмъ часу по полудни подошелъ къ станціи великокняжескій поѣздъ и Его Высочество, выйдя изъ вагона, направился къ ротѣ почетнаго караула. Можно было замѣтить, что добрый молодецкій видъ людей даже пріятно удивилъ Главнокомандующаго, который, къ тому же, давно не видѣлъ гвардіи, ушедшей въ забалканскій походъ вскорѣ послѣ взятія Телиша.

— Спасибо, преображенцы! Вы дошли до Адріанополя, какъ словно на парадъ! весело привѣтствовалъ ихъ Великій Князь и, отпустивъ почетный караулъ, направился верхомъ къ городу. Мы примкнули къ свитѣ вмѣстѣ съ офицерами лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества и Гродненскаго гусарскаго полковъ, тоже выѣхавшихъ верхами для встрѣчи Главнокомандующаго, у котораго такимъ образомъ составилась огромная свита. Шоссейная дорога шла мимо обширныхъ тутовыхъ плантацій и садовъ, наполненныхъ громадными чинарами, орѣховыми деревьями и тополями. Вступивъ въ городское предмѣстіе, мы вскорѣ прослѣдовали по двумъ большимъ каменнымъ мостамъ, съ кіосками по серединѣ, изъ которыхъ одинъ распростерся надъ рѣкой Ардой, а другой надъ Марицей. Разливъ былъ въ полной силѣ, и обѣ рѣки, выступившія изъ береговъ, подъ самыя стѣны набережныхъ построекъ, шумно и быстро катили свои мутныя волны. При спускѣ со втораго моста, возвышалась арка, сплошь оплетенная миртовыми вѣтвями и украшенная преимущественно греческими флагами (голубыя и бѣлыя полосы); по серединѣ ея подъ зеленымъ миртовымъ крестомъ выставленъ былъ литографированный

портретъ Государя Императора, а по бокамъ его начертаны голубою краскою на бѣлыхъ лентахъ привѣтственныя надписи по гречески. Великаго Князя встрѣчало все городское духовенство, въ облаченіи, съ крестами, и городская депутація отъ мусульманскихъ и христіанскихъ жителей, съ хлѣбомъ-солью. Послѣ привѣтственной рѣчи, крестный ходъ и депутаты повернули въ городъ, предшествуя русскому Главнокомандующему и его свитѣ, позади которой слѣдовали кареты второстепенныхъ лицъ турецкаго посольства, пріѣхавшаго изъ Казанлыка вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ. На дверцахъ каждой кареты была нарисована роза—знакъ того, что это экипажъ придворный. Впрочемъ, сами послы Серверъ и Намыкъ остались еще позади, въ дорогѣ, и должны были пріѣхать въ Адріанополь только 16-го января, вмѣстѣ съ походнымъ гофмаршаломъ нашей главной квартиры генералъ-лейтенантомъ Галломъ. Сдѣлано это было затѣмъ, что Великій Князь не желалъ подвергать престарѣлыхъ пашей неудобствамъ быстрыхъ и длинныхъ переходовъ, какими слѣдовалъ Самъ отъ Казанлыка до Семенли-Трнова.

Толпы народа, скорѣе изъ любопытства, чѣмъ отъ радости, наполняли улицы и площади; иногда нѣкоторыя кучки тамъ и сямъ привѣтствовали появленіе кортежа криками, но вообще эта встрѣча далеко уже не была столь задушевна, неудержимо восторженна, какъ систовская и тырновская,—быть можетъ, потому, что здѣсь большинство населенія не болгарское. Можно сказать безошибочно, что привѣтственные крики раздавались только въ кучкахъ болгаръ и иногда армянъ; греки же, хотя и выставили арку, болѣе, кажись, для доказательства, что это городъ греческій, но встрѣчали молча, равнодушно, также какъ и турки. Вообще, въ большинствѣ населенія видимо проявлялась какая-то недовѣрчивая сдержанность,—дескать, посмотримъ напередъ, чѣмъ-то еще все это кончится—и чувство такого рода, насколько я могъ замѣтить, положительно преобладало. Главная улица изъ конца въ конецъ прорѣзываетъ весь Адріанополь, дѣлая одинъ лишь небольшой двухколѣнчатый загибъ около турецкаго кладбища, переполненнаго высокими деревьями и мраморными памятниками, которые наши солдаты очень характерно прозвали болванками. Начиная отъ этого кладбища

городъ уже принимаетъ преимущественно торговый, промышленный характеръ. Здѣсь на каждомъ шагу лавки, лавочки, лавченки, здѣсь же и главный крытый базаръ, и кромѣ того множество кабачковъ, кофеенъ и трактирчиковъ, между которыми красуется «Страннопріемница Ѳракія», и во всѣхъ этихъ заведеніяхъ открыто идетъ жесточайшая игра въ домино, карты и кости, причемъ главный контингентъ игроковъ составляютъ греки и армяне, которые вообще являются преобладающимъ элементомъ городскаго населенія.

Наконецъ, кортежъ Великаго Князя вступилъ въ обширный дворъ адріанопольскаго конака. Этотъ послѣдній представляетъ изъ себя довольно мрачное зданіе, благодаря своему запущенному, грязному виду. Ворота и главный подъѣздъ были украшены разными флагами, между которыми замѣчались и русскіе государственные цвѣта. Деревянная внутренняя лѣстница сплошь была устлана краснымъ сукномъ и «гарнирована» по бокамъ, въ видѣ непрерывной гирлянды, пучками миртовъ и кипарисными вѣтками. Эта лѣстница упирается непосредственно въ широкія стекольчатыя двери, ведущія въ какое-то полутемное, сараеобразное помѣщеніе—не то зала, не то громадный широкій корридоръ, проходящій вдоль всего верхняго этажа и освѣщенный только съ одного конца широкимъ окошкомъ съ нѣсколькими выбитыми стеклами. Здѣсь по угламъ стояло два—три небольшіе дивана съ подломанными ножками, нѣкогда крытые бархатомъ, нынѣ совершенно выцвѣтшимъ, потертымъ и пооборвавшимся. Этотъ сарай, какъ говорятъ, служилъ для адріанопольскихъ вали парадною пріемною залой. Въ немъ, какъ въ самой большой комнатѣ конака, была потомъ устроена столовая главной квартиры. Изъ сарая нѣсколько дверей, прикрытыхъ вмѣсто портьеръ какими-то грязными, стеганными суконными одѣялами темно-каштановаго цвѣта, ведутъ въ отдѣльные кабинеты и гостиныя, изъ которыхъ самая парадная являетъ удивительную смѣсь роскоши и неряшества: великолѣпный коверъ во весь полъ, и стѣны, кое-какъ закрашенныя охрой; на высокихъ окнахъ роскошнѣйшія длинныя драпировки изъ тяжелой, узорчатой шелковой матеріи, а по серединѣ комнаты маленькая переносная печка изъ листоваго желѣза, какія у насъ употребляются въ рабочихъ баракахъ, съ колѣнчатою

желѣзною трубою, обмазанною глиной; на потолкѣ трещины и копоть, по угламъ паутина; мебель крытая дорогимъ штофомъ, и при этомъ, вмѣсто портьеръ—все такія же грязныя одѣяла, какъ и въ сарайной пріемной залѣ.

Мы съ утра ничего еще не ѣли и потому направились на розыски какого нибудь порядочнаго ресторана. Какъ на лучшія заведенія этого рода, намъ указали на двѣ гостинницы «Америка» и «Румелія». Но увы!—жестоко обманулись наши разсчеты и надежды на адріанопольскихъ Дюссо и Борелей!.. Грязныя, чадныя столовыя комнаты были переполнены голоднымъ офицерствомъ. На столахъ, передъ каждымъ приборомъ, стояло жиденькое блѣдно-красное винцо, розлитое въ небольшія сткляницы—винцо очень плохое и кислое; салфетки грязныя, вилки и ножи—тоже; изъ кухни на весь домъ несетъ чадомъ жаренаго постнаго масла, отъ котораго даже подъ стекломъ закоптѣлъ висящій на стѣнѣ портретъ греческаго короля Георга. Здѣсь, по греческому обыкновенію, всѣ вообще блюда приготовляются на «барабанскомъ», какъ произносятъ греки, т. е. на прованскомъ маслѣ, а иногда, за неимѣніемъ его, и просто на деревянномъ, которое у насъ извѣстно подъ именемъ лампаднаго. Къ довершенію всего, нигдѣ на Балканскомъ полуостровѣ не умѣютъ дистилировать этотъ продуктъ, вслѣдствіе чего и оливковое, и деревянное масло отзываются особеннымъ, далеко не пріятнымъ запахомъ и вкусомъ, а потому ко всѣмъ этимъ котлетамъ и бифстексамъ на «барабанскомъ» маслѣ надо имѣть большую привычку, чтобы находить ихъ вкусными. Тутъ не помогаетъ даже и голодъ, служащій, какъ извѣстно, лучшею приправой хорошему апетиту. Но и содрали же съ насъ за обѣдъ такъ, какъ не драли даже и румыны въ Плоештахъ; а когда одинъ изъ насъ сталъ укорять хозяина-грека въ безбожномъ дневномъ грабежѣ, то увертливый грекъ пустилъ въ ходъ обычный аргументъ на счетъ «ондина религіонъ» и распространился на ломаномъ французскомъ языкѣ о своей симпатіи къ русскимъ, о нашей національной щедрости и богатствѣ—что, дескать, значитъ для васъ заплатить лишній золотой бѣдному греку, угнетенному турецкимъ игомъ и исповѣдующему съ вами «ондина религіонъ».—Ну, и конечно, заплатили. Ничего не подѣлаешь!

Но заплативши дорого, ушли мы все-таки полуголодными и, отъ нечего дѣлать, отправились гулять по главной улицѣ, къ конаку. Какъ разъ противъ самаго конака, надъ входомъ въ какой-то каменный домъ грязно-желтаго цвѣта, одинъ изъ насъ случайно прочелъ *русскую* вывѣску, на которой было написано: «С.-Петербургскій трактиръ». Это показалось и курьезно, и заманчиво. Рѣшили общимъ голосомъ—зайдти и посмотрѣть, что̀ за трактиръ, такой? неужели и въ самомъ дѣлѣ русскій? Не грекъ ли какой изъ Таганрога или Балаклавы, ради прихода нашихъ войскъ, вздумалъ щегольнуть передъ ними русскою вывѣской—авось-либо поддадутся на эту удочку?

Подымаемся во второй этажъ, и вдругъ—о, удивленіе!—съ верхней площадки на встрѣчу намъ раздается голосъ:

— Добро пожаловать, господа офицеры!... Милости просимъ!... Очинно ради гостямъ дорогимъ!.. Пожалуйте!

Глянули мы вверхъ—и просто глазамъ не вѣримъ. Соотечественница!—Самая настоящая, несомнѣнная соотечественница стоитъ, перегнувшись черезъ деревянныя перила, и осклабляется широкою русскою улыбкой. Широкія румяныя щеки, свѣтлорусые волосы, сѣрые глаза, носъ уточкой—однимъ словомъ, все какъ слѣдъ, т. е. самое заурядное, но не лишенное миловидности, лицо простой русской женщины изъ какихъ нибудь пригородныхъ мѣщанокъ.

— Вы здѣсь какими судьбами?! чуть не всѣ разомъ, невольно воскликнули мы въ одинъ голосъ.

— А мы, значитъ, тутошные... хозяева будемъ... Пожалуйте въ горницу-съ!

— Вы это какъ же? съ какимъ нибудь отрядомъ, что ли, пришли сюда? спросили мы, предполагая въ нашей хозяйкѣ жену какого нибудь маркитанта.

— Нѣ-ѣтъ-съ... Мы не съ отрядомъ; мы тутошные, говорю вамъ... адрипапольскіе, трахтиръ содержимъ.

— И давно вы здѣсь?

— Да вотъ, ужь одиннадцатый годъ пошелъ.

— И ничего? живете?

— Живемъ... Богъ грѣхамъ терпитъ... Грѣхъ пожаловаться.

— И турки не обижали?

— Нѣ-ѣтъ... Это зачѣмъ же? Слава тѣ Господи, обиды ни откуль не видѣли. Пожалуйте-съ!.. Чайку не прикажете ли?

Зашли мы; да и какъ не зайдти ради соотечественницы? Русская женщина въ Адріанополѣ, да еще адріанопольская жительница—явленіе не совсѣмъ-то заурядное. Но еще болѣе удивились мы, когда она представила намъ своего супруга—господина Розенберга, или Розенблюма, что-то въ этомъ родѣ. Супругъ оказался пожилымъ, невзрачнымъ человѣчкомъ несомнѣннѣйшаго еврейскаго происхожденія, и хотя по русски говоритъ довольно бойко, но съ сильнымъ польско-еврейскимъ произношеніемъ; бороду, впрочемъ, пробриваетъ и видомъ своимъ походитъ на какого нибудь отставнаго ротнаго цирюльника, или портнаго изъ полковой швальни. Потомъ изъ разговоровъ оказалось, что онъ «выхрестъ», пріѣхалъ въ Адріанополь такъ-себѣ, счастья искать—«затаво што зжить надо, гхлѣбы кусшить надо»—и что жену его зовутъ Аннушкой. Эта милая Аннушка подала намъ борщъ и битки, такъ что мы пообѣдали вторично, и хотя все это было далеко не изысканнаго приготовленія, но все же лучше, чѣмъ въ разныхъ «Америкахъ» и «Румеліяхъ», хотя бы уже и потому, что не на «барабанскомъ» маслѣ. Аннушка сама стряпала на кухнѣ. Какая причина, какая судьба толкнула ее, чистокровную русачку, выходить замужъ за этого Розенблюма и какимъ вѣтромъ занесло ихъ сюда, въ Адріанополь, тогда какъ, по ея словамъ, «мы-ста смоленскіе»,—это ужъ Богъ вѣсть... Оба они отвѣчали на это какъ-то уклончиво, да и мы не особенно любопытничали. Розенблюмъ предложилъ намъ замѣчательно хорошаго вина; мягкое, но крѣпкое и густое, золотистопрозрачное и ароматное, оно соотвѣтствовало лучшимъ сортамъ кипрскихъ винъ, и нашъ хозяинъ сообщилъ намъ «по закрету», что когда по выѣздѣ адріанопольскихъ властей, христіане, между прочимъ, разбили винный погребъ вали, то онъ, Розенблюмъ, пріобрѣлъ себѣ добрый запасецъ этого вина у одного сосѣда, и что у вали былъ прекрасный погребъ, для угощенія за парадными обѣдами господъ консуловъ и знатныхъ иностранцевъ. Въ Аннушкиномъ трактирѣ, сравнительно съ греческими «Америками», взяли съ насъ очень не дорого—съ виномъ, что-то около восьми франковъ съ каждаго, такъ что еврей Розенблюмъ оказался несравненно добросо-

вѣстнѣе и безкорыстнѣе здѣшнихъ потомковъ Ѳемистокловъ, Аристидовъ etc, etc.

Сговорившись отправиться въ турецкія бани, мы зашли передъ тѣмъ въ армяно-французскую цирюльню постричься. Французскою она слыветъ здѣсь только потому, что вывѣска на ней французская и что самъ хозяинъ кое-какъ изъясняется по французски, навязывая своимъ посѣтителямъ «французскія» духи и мыло константинопольскаго происхожденія. Здѣсь бритье и стрижка производятся посредствомъ особыхъ пріемовъ, причемъ вамъ моютъ голову теплою водою съ мыломъ и для просушки обертываютъ ее, какъ чалмой, длинными мохнатыми полотенцами, а брадобрѣй, приступая къ дѣйствію, подноситъ къ вашему горлу мѣдный тазъ, съ полукруглою, по размѣру шеи, вырѣзкой на одномъ краю, наполненный вспѣненнымъ мыломъ, которымъ и начинаетъ натирать ваши щеки, не кисточкой, а просто рукою, чтò, безъ сомнѣнія, весьма патріархально-просто, но для маломальски брезгливаго человѣка не особенно пріятно. Эта цирюльня памятна мнѣ по пропажѣ моихъ карманныхъ часовъ. Начиная стричься, я снялъ съ себя мундиръ, въ боковомъ карманѣ котораго остались часы. Къ сожалѣнію, я хватился ихъ уже выйдя на улицу, но почти тутъ же, съ разу, едва ли успѣвъ сдѣлать какихъ нибудь десять шаговъ. Тотчасъ же возвращаюсь и заявляю хозяину о пропажѣ, прося его поискать на полу—быть можетъ-де, какъ нибудь случайно выпали. Поиски однако ни къ чему не привели. Армянинъ-хозяинъ очень любезно и невозмутимо объявилъ мнѣ, что искать даже не для чего, потому что часы, по всей вѣроятности, пропали.

— Но при снятіи мундира, они были при мнѣ — я знаю, я это твердо помню, возразилъ я.

— Очень можетъ статься, что и были; не смѣю спорить, покорно согласился хозяинъ.

— Въ такомъ случаѣ, они пропали здѣсь, въ вашей цирюльнѣ.

— Очень можетъ быть, что и здѣсь... Мало ли тутъ ходитъ разнаго народа! За всѣми не углядишь!

— Но при насъ, кажется, никого посторонняго не было?

— За то *послѣ васъ* могли придти и уйдти посторонніе...

Что вы хотите! Это въ порядкѣ вещей: городъ, monsieur, большой, а потому и воровство большое.

Дѣйствительно, большое и притомъ очень наглое. На этомъ аргументѣ почтеннаго армянина и пришлось успокоиться.

Турецкія бани разочаровали насъ, какъ и все остальное въ этомъ городѣ, въ этой «турецкой Москвѣ», какъ его называютъ. Мнѣ уже довелось однажды быть въ турецкой банѣ, въ Ловчѣ, куда мы всѣ нарочно ѣздили мыться изъ-подъ Плевны. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь—одинаково мерзко. Это не бани, а какія-то насквозь прокоптѣлыя каменныя трущобы, съ неровнымъ плитнымъ поломъ и мраморными скамейками,—темныя, мрачныя. Слабый свѣтъ едва лишь проникаетъ туда сквозь нѣсколько маленькихъ круглыхъ отверстій въ потолкѣ, покрытыхъ стеклянными колпаками. Пару въ этихъ баняхъ нѣтъ никакого; дымъ ѣстъ глаза, смрадный керосиновый каганецъ безъ стекла, поставленный въ нишѣ, коптитъ и смердитъ невыносимо, на полу грязная слякоть и въ добавокъ ко всѣмъ этимъ удовольствіямъ — повсюду ходитъ сквозной вѣтеръ, такъ что нѣтъ ничего легче, какъ схватить себѣ тутъ простуду. О грязи въ предбанной залѣ, равно какъ на стѣнахъ и потолкахъ въ самой банѣ нечего и говорить. Отъ стѣнъ, вообще, надо здѣсь держаться подальше, такъ какъ по нимъ ползаютъ отвратительныя мокрицы и стоножки. Вообще, мы только удивлялись и разводили руками, вспоминая при этомъ разныя поэтическія описанія восточныхъ бань, которыя доводилось иногда читать во время оно у разныхъ путешествующихъ «баснописцевъ». Въ дѣйствительности ничего этого не существуетъ, да нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы и существовало когда-либо.

Это тоже самое, что и описанія «восточныхъ красавицъ» турецкаго происхожденія. Настигая безчисленные обозы турецкихъ бѣглецовъ, много и не разъ приходилось намъ видѣть турецкихъ женщинъ—и въ чадрахъ, и безъ оныхъ, хотя надо замѣтить, что чадра, точно также какъ нашъ вуаль, позволяетъ не только видѣть черты лица, но даже способствуетъ нѣкоторой иллюзіи въ ихъ пользу, — и однако же, миловидное женское личико встрѣчалось намъ, какъ

довольно рѣдкое исключеніе, да и то, по большей части, красивыя женщины оказывались женами и дочерьми помаковъ или черкешенками.

Нельзя сказать, чтобы черты лица турчанокъ были дурны; напротивъ, онѣ очень правильны (иногда развѣ вредятъ имъ черезъ-чуръ развитыя широкія верхнія скулы), а погибъ черныхъ, нѣсколько впрочемъ подмалеванныхъ бровей и каріе, либо сѣрые глаза, безъ сомнѣнія, могли бы сообщать этимъ чертамъ еще бо̀льшую прелесть, если бы цвѣтъ лица турчанокъ не былъ такъ мертвенно блѣденъ. Ихъ лица словно бы вылѣплены изъ воска. Будучи отъ природы преимущественно бѣлокурыми, съ рыжеватымъ отливомъ, турчанки большею частію безобразятъ себя окраскою своихъ волосъ въ неестественный желто̀-красный цвѣтъ, для чего у нихъ въ употребленіи какая-то краска, называемая кинна, которою они выкрашиваютъ себѣ также и ногти, а иногда даже и зубы. Отъ сидячей жизни, у нихъ является наклонность къ преждевременной чрезмѣрной полнотѣ (за исключеніемъ, конечно, сельскихъ рабочихъ женщинъ) и вѣроятно, тѣ же условія замкнутой, малоподвижной жизни вліяютъ даже на физическій складъ гаремныхъ женщинъ, разумѣя подъ этимъ именемъ не привозныхъ рабынь, купленныхъ на невольничьихъ рынкахъ, а женщинъ родившихся и выросшихъ въ гаремѣ. Онѣ, большею частію, малорослы, низкостанны, коротконоги и, въ добавокъ ко всему этому, почти всѣ безъ исключенія косолапы, что̀ является уже несомнѣннымъ послѣдствіемъ вѣчной привычки сидѣть, поджавъ подъ себя скрещенныя ноги. Примѣръ послѣдствій этой же причины мы легко можемъ наблюдать на нашихъ собственныхъ портныхъ подмастерьяхъ. Привитая съ дѣтства косолапость, особенно при низкомъ станѣ, дѣлаетъ походку гаремныхъ женщинъ весьма неграціозною, переналистою съ бока на бокъ, что называется, утиною. Да и кромѣ того, на отсутствіе граціи не мало вліяетъ самый уличный костюмъ турецкой женщины: какая-то безо̀бразно скроенная хламида, «*фередже*», въ родѣ широкаго бурнуса, доходящая только до щиколки и потому во все не прикрывающая косолапость. Неоднократно видѣвъ все это во-очію, пришлось по неволѣ придти къ заключенію, что пресловутая, не разъ воспѣтая «восточная красота» турец-

кихъ женщинъ тоже принадлежитъ къ области миѳовъ и богатой фантазіи досужихъ «баснописцевъ».

Было уже темно, когда мы возвращались изъ бани, и тутъ, къ немалому удивленію, увидѣли, что городъ иллюминованъ, какъ оказалось потомъ, въ честь пріѣзда Великаго Князя. Турецкая иллюминація состоитъ изъ точно такихъ же плошекъ и шкаликовъ, какъ и въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ не заведено еще газоваго освѣщенія. Но было и нѣчто такое, что̀ сообщало этой иллюминаціи особенную, своеобразную и—надо сказать—поэтическую прелесть, которую мы замѣтили только возвратившись домой. Какъ я сказалъ уже, изъ оконъ дома Хаджи-Шерифъ-бея открывались прелестные виды—съ одной стороны на мечеть Селима, съ другой—на весь южный и юго-западный концы города. Балкончики трехъярусныхъ минаретовъ Селима, равно какъ и всѣ остальные минареты многочисленныхъ мечетей, разбросанныхъ по широкому пространству всего города, были увѣнчаны огненными каемками искрящихся звѣздочекъ. На чудномъ фонѣ глубоко темносиняго неба, при отсутствіи луны, эти огненныя каемки, сверкавшія въ вышинѣ надъ темною массою городскихъ зданій, производили очаровательный эффектъ, тѣмъ болѣе, что контуры самыхъ минаретовъ совершенно исчезали во мракѣ, и такимъ образомъ казалось, будто огненные вѣнцы, ничѣмъ не поддержанные, висятъ въ самомъ воздухѣ. Здѣсь мы замѣтили, что мечеть Селима освѣщена не только снаружи, но и внутри. Вслѣдствіе этого, было рѣшено сейчасъ же отправиться и посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается.

— Иллюминація прелестна, замѣтилъ по дорогѣ одинъ изъ насъ:—но... все-таки это не хорошо, и признаюсь, до сихъ поръ я гораздо лучше думалъ о туркахъ.

— Что̀ не хорошо? спросили его.

— Да то, что̀ они зажгли эти огни на мечетяхъ.

— Почему же нѣтъ, если городъ празднуетъ пріѣздъ Великаго Князя?

— Такъ-то такъ, да все же... Вѣдь если бы нашъ врагъ, предположимъ, вступилъ въ Москву,—не зажгли-жъ бы мы иллюминацію на Иванѣ Великомъ и не освѣтили бы торжественнымъ образомъ кремлевскихъ соборовъ!

Мы всѣ поняли чувство, подсказавшее нашему товарищу такое мнѣніе, и всѣ согласились съ его взглядомъ.

Долго блуждали мы по мечетнымъ дворикамъ и площадкамъ, узорчато выложеннымъ разноцвѣтными мраморными плитами, и все не могли попасть куда слѣдуетъ. Фонтаны въ темнотѣ меланхолически плескали своими струйками, подъ навѣсами темныхъ кіосковъ; мраморныя колоннады, поддерживающія своды открытыхъ галлерей вокругъ мечети, казались рядомъ какихъ-то фантастическихъ великановъ; внутри храма одиноко раздавался чей-то высокій, сильный и чистый теноръ, выводившій протяжныя тоскливыя ноты, словно тяжкіе вздохи изъ глубины страдающей груди, мѣшая ихъ съ минорнымъ речетативомъ. Что̀ за своеобразный мотивъ! Онъ совершенно чуждъ европейскимъ звукамъ, но полонъ дикой силы и прелести. Онъ почти весь построенъ на полутонахъ. Въ немъ и тоска, и страстность, и мечтательность... Не знаю и самъ почему, только этотъ мотивъ вызвалъ въ моемъ вообраҗеніи широкую картину знойной азіатской пустыни, гдѣ, вѣроятно, и рождались когда-то эти заныващіе звуки.

Но какъ же, наконецъ, проникнуть въ джамію? Толкнулись въ одну дверь—заперто, въ другую—заперто. На наше счастіе, попадаются на встрѣчу какіе-то офицеры.

— Вы, вѣрно, входъ ищете, господа? спрашиваютъ.—Ступайте вотъ за уголъ направо, первая дверь по галлереѣ; тамъ отперто.

Мы поблагодарили и освѣдомились, что̀ тамъ такое происходитъ?

Оказалось, что нѣсколько генераловъ пожелали видѣть внутреннее освѣщеніе джаміи. Муллы согласились очень охотно, заявивъ, что это удовольствіе будетъ стоить сто франковъ, собственно, какъ плата за освѣтительный матеріалъ; и когда храмъ былъ освѣщенъ, то муллы простерли свою любезность еще далѣе и показали примѣрное богослуженіе.

Мы отыскали указанную дверь и, приподнявъ тяжелую завѣсу, вошли въ знаменитую джамію. Съ перваго же взгляда мусульманскій храмъ поражалъ громадностію своихъ размѣровъ. Онъ сіялъ безчисленнымъ множествомъ мерцающихъ лампадъ, которыя рядами и фестонами были подвѣшены подъ одинъ громадный желѣзный обручъ, спускавшійся изъ глуби-

ны купола на канатахъ; вокругъ него и въ разныхъ другихъ мѣстахъ храма сіяло нѣсколько подобныхъ же обручей, только меньшихъ размѣровъ; изъ-подъ каждой полукруглой арки, словно огнистыя поднизи ожерелья, мерцали, покачиваясь, ряды маленькихъ лампадокъ; въ вышинѣ, надъ мѣстомъ, которое соотвѣтствуетъ нашему алтарю, горѣлъ разноцвѣтными огнями цѣлый букетъ шаровидныхъ лампіоновъ, а надъ нимъ, на нѣсколько аршинъ еще выше, одиноко и томно свѣтилъ матовый полумѣсяцъ—эмблема мусульманства.

Всѣ внутреннія стѣны и карнизы джаміи испещрены вязью благочестивыхъ надписей и арабесками, частію мозаичными, частью кафельными; полъ мраморный, въ разноцвѣтную клѣтку, и мѣстами покрытъ цыновками очень тонкой изящной работы. По самой серединѣ храма журчитъ фонтанъ въ небольшомъ мраморномъ бассейнѣ, а надъ нимъ, на нѣсколькихъ колоннкахъ устроенъ родъ эстрады, окруженной рѣзными перилами, куда ведетъ особая лѣсенка. На этой эстрадѣ, поджавъ подъ себя ноги, возсѣдалъ пѣвецъ, въ бѣлой чалмѣ, молодой и красивый мужчина, а передъ нимъ, на низенькомъ створчатомъ пюпитрѣ, лежалъ коранъ—громадная книга, писанная на пергаментѣ. Въ восточной сторонѣ храма, которая соотвѣтствуетъ нашему алтарю, въ стѣнѣ находится большая мраморная ниша, *«мехрабъ»*, по бокамъ которой стоитъ пара громадныхъ канделябровъ; вдоль же самой стѣны, у оконъ, поставлены такіе же низенькіе пюпитры, какъ и на эстрадѣ передъ пѣвцомъ, и на нихъ покоятся такіе же развернутые кораны. Нѣсколько благочестивыхъ колѣнопреклоненныхъ мусульманъ сплотились тѣснымъ полукругомъ передъ «мехрабомъ» и, сидя на собственныхъ пяткахъ, безъ туфель, клали частые поклоны, склоняясь лбомъ на простертыя впередъ, ладонями книзу, руки. Въ этой молитвѣ, сопровождаемой одинокимъ пѣніемъ на эстрадѣ, и состояло все богослуженіе. Но болѣе всего удивило меня въ мусульманскомъ храмѣ то, что онъ построенъ совершенно по образцу храмовъ христіанскихъ, т. е. крестообразно. Почему это такъ?—я не съумѣю дать отвѣтъ надлежащій и точный.

На слѣдующій день утромъ, взявъ съ собою толмача-болгарина, мы отправились бродить по базару, который наши офицеры прозвали турецкимъ пассажемъ. Это длинное, въ нѣ-

сколько сотъ аршинъ, сводчатое зданіе, которое тянется вдоль главной улицы, облѣпленное снаружи всевозможными лавченками, а внутри представляющее собою крытый широкій коридоръ, куда свѣтъ проникаетъ только сверху, сквозь особыя, окрашенныя синькой, отверстія въ сводчатомъ потолкѣ, такъ что внутри базара всегда царитъ нѣкоторый голубоватый полусвѣтъ и прохлада. Полъ этого корридора вымощенъ булыжникомъ и щебенкой, такъ что по немъ можно ѣздить не только верхомъ, но даже и въ экипажахъ. Здѣсь постоянно толпится множество празднаго народа, такъ какъ базаръ служитъ мѣстомъ не одной только купли и продажи, но и главнымъ резервуаромъ всевозможныхъ новостей, слуховъ, извѣстій, замѣняя сообою для турокъ наши газеты. По обѣ стороны корридора тянутся тѣснымъ непрерывнымъ рядомъ лавки со всевозможными товарами, гдѣ торгуютъ преимущественно армяне. Собственно восточные товары являются тутъ въ образѣ мѣдныхъ кофейниковъ, кувшиновъ, тазовъ, разныхъ жестяныхъ и гончарныхъ издѣлій, да еще въ видѣ шелковыхъ и кисейныхъ матерій, суконныхъ салфетокъ, скатертей и подушекъ, очень красиво расшитыхъ разноцвѣтными шелками, сафьянныхъ туфлей весьма дубоватой работы, глиняныхъ трубокъ, кальяновъ, длинныхъ жасминовыхъ чубуковъ, разныхъ фесокъ и т. п. Попадаются также и бархатные, либо атласные костюмы, женскія куртки-арнаутки, платья и халаты, роскошно расшитые золотыми и серебряными узорами, къ которымъ, впрочемъ, по цѣнѣ и приступа нѣтъ. Одинъ изъ насъ, желая прицѣниться, спросилъ у купца-армянина, что̀ стоитъ подобный бархатный костюмъ, и получилъ отвѣтъ, что цѣна ему пятьсотъ полуимперіаловъ. Мы пожелали ему счастливой торговли и умнаго покупателя, но болѣе къ подобнымъ вещамъ уже не прицѣнялись. Тутъ же по базару шнырятъ всевозможные разносчики и продавцы воды, лимонадовъ, халвы, шербетовъ, громадныхъ яфскихъ апельсиновъ, каленыхъ фисташекъ и грецкихъ орѣховъ. Купцы турецкаго происхожденія, весьма, впрочемъ, немногочисленные, чинно сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, предъ своими лавками, на низенькихъ диванахъ и, на спросъ о цѣнѣ того или другаго товара, объявляютъ настоящую цѣну съ разу, не торгуясь, и не запрашивая ни одного лишняго піастра,—черта замѣча-

тельной коммерческой честности и прямодушія. И когда купецъ-турокъ видитъ, что дѣло съ покупателемъ идетъ у него на ладъ, онъ съ благодушною серьезностью самъ свертитъ ему папироску и угоститъ турецкимъ кофе въ маленькой фарфоровой чашечкѣ. Кофе тутъ у нихъ, вообще, какъ-то всегда подъ рукою. Кромѣ названныхъ восточныхъ товаровъ, все остальное—самая заурядная европейская дрянь, въ родѣ той, что продается въ нашихъ табачныхъ лавочкахъ: мундштучки, портмоне, портсигары, хлыстики, зонтики, томпаковыя серьги, кольца, стекляныя буссы и т. п. Базаръ открытъ только до трехъ часовъ дня—таковъ ужь обычай. За четверть часа до срока, изъ конца въ конецъ проходятъ два базарныхъ глашатая и громкимъ голосомъ на распѣвъ выкликаютъ, что время близится къ урочному часу,—тогда публика начинаетъ удаляться, а купцы запираютъ лавки; базарные же глашатаи становятся у входовъ, чтобы уже никого болѣе не впускать,—и ровно въ три часа тяжелыя, окованныя желѣзомъ ворота замыкаются желѣзными болтами, засовами, перекладинами и, кромѣ того, еще запираются громадными висячими замками до слѣдующаго утра. Торговля же уличная и лавочная внѣ базара продолжается до сумерекъ. Намъ пришлось сдѣлать нѣсколько необходимыхъ покупокъ, и надо сознаться, что благодаря грекамъ и армянамъ это было самое непріятное изо всего испытаннаго нами въ Адріанополѣ. Не дай Богъ, вообще, имѣть съ ними какое бы то ни было дѣло! Наши доморощенные жидки гораздо лучше и честнѣе. Я, вообще, не изъ ихъ поклонниковъ, но тутъ пришлось и жидка помянуть добрымъ словомъ. Армяне и греки имѣютъ обыкновеніе запрашивать и торговаться такъ, что куда передъ ними всѣ наши толкучники съ ихъ заламываніями, назойливыми зазывами и возвращеніями покупателя въ лавку! Но и кромѣ того, сторговавъ что нибудь, въ особенности у грека, гляди за нимъ, что̀ называется, *въ оба*, а то какъ разъ подмѣнитъ показную и уже сторгованную вами вещь на такую же, только низшаго сорта и наихудшаго качества, и учинитъ это такъ ловко, что замѣтишь обманъ только дома, когда развернешь покупку. Здѣсь не разъ пришлось мнѣ вспомнить одну очень мѣткую характеристику всѣхъ этихъ «восточныхъ человѣковъ», слышанную мною однажды въ Ростовѣ-на-Дону отъ одного

оченъ умнаго русскаго купца: «одинъ цыганъ — говорилъ онъ—двухъ русскихъ надуетъ, одинъ жидъ двухъ цыганъ надуетъ, одинъ армянинъ двухъ жидовъ надуетъ, одинъ грекъ... десятерыхъ армянъ надуетъ! Судите же по этому, сколькихъ русскихъ онъ надуть долженъ! Окончивъ покупки, мы наняли «арабаджи» и поѣхали за городъ, посмотрѣть на остатки стараго сераля, взорваннаго Ахметъ-Эюбомъ наканунѣ вступленія въ Адріанополь генерала Струкова, такъ какъ не было возможности вывезти громадные склады оружія, снарядовъ и пороха, помѣщавшіеся въ этомъ зданіи. Путь къ сералю лежитъ мимо прелестной платановой (по восточному—чинаровой) рощи, которая раскинулась своими великанами-деревьями по плоской низменной луговинѣ и служитъ мѣстомъ лѣтнихъ загородныхъ прогулокъ для мѣстныхъ жителей, преимущественно же, какъ говорятъ, для мусульманокъ, которыя, по извѣстнымъ днямъ, наѣзжали сюда цѣлыми гаремами погулять по шелковой муравѣ, полежать въ тѣни раскидистыхъ чинаровъ, покушать шашлыка, зажареннаго тутъ же на воздухѣ, отвѣдать мороженаго и шербетовъ, посмотрѣть на фокусниковъ и жонглеровъ, послушать военную музыку или бродячихъ артистовъ и насладиться занимательными разсказами бродячаго сказочника-импровизатора. Среди рощи есть и кофейный домъ, и эстрада для оркестра, и разныя бесѣдки, и обелиски какіе-то, и фонтанъ, и ручей, текущій неподалеку; но главное—эти чудные старорослые платаны, которые придаютъ всему этому уголку истинно поэтическую прелесть.

Старый сераль занимаетъ громадную площадь, сплошь обнесенную каменнымъ заборомъ. Надъ главными воротами этого забора построена казарма, въ которой теперь помѣщается нашъ караулъ; за заборомъ—первый дворъ, пустой и весьма обширный, а внутри его новая, нынѣ почти разрушенная стѣна, за которою находился второй дворъ, куда велъ особый проходъ, между двухъ павильоновъ, очень изящной архитектуры, на сколько можно судить по ихъ разрушеннымъ остаткамъ. Во второмъ дворѣ помѣщался домъ, или вѣрнѣе замокъ съ центральною круглою башней, которая послѣ взрыва уцѣлѣла только одною своею половиной. Въ нѣсколькихъ

шагахъ отъ зáмка стоятъ развалины особаго дворца, гдѣ во времена могущества и славы первыхъ султановъ помѣщались гаремъ и бани. Кое-гдѣ можно еще видѣть остатки мозаичныхъ кафельныхъ стѣнъ, слѣды стѣнной живописи, разныя надписи и арабески, шифры султанскіе, букеты и гирлянды. Болѣе всего уцѣлѣли бани съ мраморными полами, стѣнами и потолками, которыя, судя по остаткамъ, представляли нѣчто дѣйствительно изящное и говорящее въ пользу пресловутой «роскоши Востока». По странной случайности, на половину уцѣлѣла часть еще одного особаго зданія, вѣроятно серальскихъ службъ, гдѣ послѣднее время помѣщался одинъ изъ пороховыхъ складовъ, тоже уцѣлѣвшій. Мы заглянули туда и увидѣли ящики металлическихъ и бумажныхъ патроновъ, а также пороховые боченки. Крышка съ одного изъ нихъ на половину была сбита. Мы захватили пригоршню пороха, чтобы посмотрѣть, на сколько искуссны турки въ его производствѣ; но это оказался не турецкій, а чистѣйшій англійскій порохъ, мелкій, отлично полированный и не оставляющій на рукѣ ни малѣйшаго слѣда угольной пыли. Еслибы такой порохъ да въ наши боевые заряды!.. Въ бумажныхъ патронахъ онъ былъ точно такого же качества. На нѣкоторыхъ ящикахъ, рядомъ съ турецкими надписями, стоятъ какія-то англійскія помѣтки и годъ 1877-й. По всему видно, что «просвѣщенные мореплаватели» соблюдали свой нейтралитетъ какъ нельзя болѣе строго и отмѣнно честно. Кромѣ бань и этого, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшаго склада, все остальное представляетъ жалкія руины. Мѣстность вокругъ центральнаго зáмка сплошь засыпана кирпичнымъ щебнемъ; немного далѣе лежитъ цѣлый обломокъ стѣны въ нѣсколько сотъ пудовъ; ближайшія деревья опалены, расщеплены, изуродованы силою взрыва, а нѣкоторые и совсѣмъ сорваны съ корня. Повсюду валяются патронныя латунныя гильзы, пули, осколки полопавшихся гранатъ; свинецъ, облекавшій эти снаряды снаружи, разлился по землѣ цѣлыми лепешками; видно, какъ и куда онъ текъ въ расплавленномъ состояніи. Неснаряженныя гранаты и бомбы лежатъ громадными кучами; но за то ружья, преимущественно системы Снейдера, сложенныя въ правильныя четырехстороннія груды, каждая шаговъ двадцать въ длину, представляютъ

изъ себя безобразную массу перегорѣвшихъ, частію сплавившихся между собою стволовъ и штыковъ. Какова же должна была быть сила жара, чтобы сталь могла расплавиться до такой степени! Вообще, судя по этимъ остаткамъ, здѣсь погибло разнаго казеннаго имущества на нѣсколько милліоновъ франковъ. Но болѣе всего жаль самаго сераля, который являлъ собою одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древняго турецкаго зодчества.

Загородныя прогулки, однако, далеко не безопасны. По окрестнымъ полямъ рыщетъ не мало всякаго вооруженнаго сброда, черкесовъ, баши-бузуковъ и бѣглецовъ изъ регулярныхъ турецкихъ войскъ. Голодные и холодные, полные совершенно естественнаго чувства злобы и мести, они скитаются въ одиночку, какъ звѣри, по разнымъ пустырямъ, и далеко не прочь подстрѣлить, при удобномъ случаѣ, проклятаго гяура. Въ окрестностяхъ Адріанополя, то и дѣло, раздаются одиночные выстрѣлы и стонутъ пули, одна изъ которыхъ свиснула откуда-то и мимо нашей каруцццы. По ночамъ не совсѣмъ-то безопасно даже и въ самомъ городѣ, въ особенности по глухимъ закоулкамъ. Въ эту ночь стрѣляли изъ оконъ по двумъ нашимъ офицерамъ, которые громыхая саблями, безпечно возвращались изъ трактира къ себѣ домой, по пустынному и темному переулку, въ первомъ часу ночи, когда весь Адріанополь уже спитъ глубочайшимъ сномъ и только однѣ безчисленныя сабаки завываютъ на всю окрестность. 16-го января утромъ нашему отряду назначено было выступить на Демотику. Около шести часовъ утра мы были разбужены звуками ружейныхъ выстрѣловъ, раздававшихся тамъ и сямъ по улицамъ. Было еще совсѣмъ темно. Мы выглянули въ окно, чтобы узнать причину этой перестрѣлки, и вдругъ увидѣли, что цѣлая половина небосклона охвачена яркимъ заревомъ пожара. Отраженіе этого свѣта трепетно играло на минаретахъ Селима, окрашивая ихъ въ огненно-розовый цвѣтъ. Можно было предположить, что турки сдѣлали внезапное нападеніе на городъ и зажгли его. Мы стали быстро одѣваться, чтобы поспѣшить къ сборному пункту отряда; казачій конвой нашего генерала уже сѣдлалъ на сосѣднихъ дворахъ своихъ лошадей; спѣшно послали разъѣздъ на развѣдку—что̀ горитъ и гдѣ идетъ перестрѣлка? Но черезъ двѣ—три минуты къ намъ

прибѣжалъ въ халатѣ заспанный Алеко Асекиляросъ и объяснилъ, что̀ все это значитъ. Оказалось, что въ Адріанополѣ существуетъ обыкновеніе оповѣщать жителей о пожарѣ ружейными выстрѣлами: кто первый замѣтилъ огонь, тотъ и стрѣляетъ; сосѣдъ, услышавшій выстрѣлъ, выглянетъ въ окно узнать причину и тоже стрѣляетъ сію же минуту; отъ него перенимаетъ этотъ сигналъ другой, отъ другаго третій, и такимъ образомъ подымается по всѣмъ кварталамъ перестрѣлка, а черезъ пять—десять минутъ уже полгорода на ногахъ и спѣшитъ къ мѣсту пожара. На этотъ разъ оказалось, что горятъ за городомъ казармы, гдѣ былъ расположенъ на ночлегъ одинъ изъ батальоновъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Люди, послѣ длиннаго, тяжелаго перехода, пришли позднимъ вечеромъ, усталые, измученные, перезябшіе; затопили въ казармахъ камины и улеглись спать, а ночью вдругъ и загорѣлось. Мудренаго нѣтъ ничего, такъ какъ здѣсь повсюду очаги устраиваются на плоскости пола и горящія поленья никакою рѣшоткою не ограждаются отъ непосредственнаго съ нимъ соприкосновенія; да кромѣ того, глина, которою обмазывается внутренность очага, зачастую трескается отъ жара и чрезъ это огонь получаетъ возможность пробираться къ деревяннымъ брусьямъ, нерѣдко составляющимъ скелетъ каменныхъ стѣнокъ. За время нашего похода, въ деревняхъ случалось не мало пожаровъ именно вслѣдствіе этой причины. Къ несчастію, пожаръ адріанопольскихъ казармъ не дешево обошелся московцамъ: говорятъ, что нѣсколько человѣкъ задохлись въ дыму, не успѣвъ выскочить во-время; сгорѣло знамя, часть оружія и много вещей солдатскихъ.

Въ восемь часовъ утра нашъ отрядъ выступилъ по назначенію.

* *
*

Довелось мнѣ еще разъ посѣтить Адріанополь спустя пять мѣсяцевъ. По дѣламъ службы, я ѣхалъ въ Филиппополь, и такъ какъ стамбульскій поѣздъ приходитъ въ Адріанополь около шести часовъ вечера, а уходитъ далѣе только на слѣдующій день утромъ, то и пришлось—хочешь не хочешь—просидѣть на перепутьѣ болѣе полусутокъ. Смотрю—въ пассажирской залѣ виситъ театральная афишка, составленная по

русски. Читаю: «Армянскій театръ, Битъ-Базаръ № 31, 1878 года іюня 21 (3 іюля) въ среду. *Картежникъ*, комедія въ 1 дѣйствіе». Любопытно,—надо отправиться, тѣмъ болѣе, что нужно же какъ нибудь убить время до ночи. Въ городѣ нашлись знакомые,—свои же, конечно, русскіе—и такъ какъ въ афишѣ значилось, что начало въ 8 часовъ вечера «по адріанопольской врѣмени», то мы и отправились пока бродить по улицамъ. Въ виду большого спроса и расширившихся, съ приходомъ русскихъ, потребностей, торговля въ Адріанополѣ оживилась еще болѣе; многія лавки и магазины пріобрѣли благоприличный видъ, да и товары въ нихъ появились хорошаго качества, весьма разнообразные, а разныя увеселительныя заведенія расплодились, какъ грибы послѣ дождя; количество всевозможныхъ кабачковъ тоже не уменьшилось,—напротивъ, ихъ поразвелось тутъ, кажется, еще больше, чѣмъ въ первые дни по приходѣ арміи. Въ «Америкѣ» и въ «Румеліи» завелись не только сносные повара и свѣжіе продукты, но и цѣлые оркестры вѣнскихъ нѣмокъ, которыя поютъ «Caffe-Schwestern», «Постильона» и играютъ на скрыпицахъ, флейтахъ и на барабанѣ; появилась какая-то зала «Bysance», гдѣ поетъ и пляшетъ, въ числѣ прочихъ, нѣкая француженка, удивительно похожая на цаплю; смоленская наша соотечественница Аннушка, съ супругомъ своимъ Разенблюмомъ, тоже процвѣтаютъ и открыли цѣлый увеселительный садъ, съ куплетами, фокусами и иллюминаціями; отовсюду несутся и скрещиваются въ воздухѣ звуки скрыпокъ и роялей—ну, словомъ, Румынія, да и только! Букарестъ и Плоешты все это напоминаетъ, и какъ тамъ во время óно, такъ и здѣсь теперь золотой дождь нескончаемо льется и льется на городъ. Русскіе освоились съ Адріанополемъ такъ, словно бы совсѣмъ у себя дома; солдаты, ничтоже сумняся, объясняются по какóвски-то и съ турками, и съ греками, и съ армянами, называя всѣхъ ихъ за одно общимъ именемъ «братушекъ» и ужъ кто ихъ знаетъ, какъ только приснаровились понимать другъ друга. Населеніе видимо очень довольно чѣмъ-то и относится къ нашимъ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Но чтó всего замѣчательнѣе, такъ это отношенія къ намъ вчерашнихъ нашихъ враговъ турокъ (разумѣя тѣхъ, которые рѣшились, не взирая на нашъ приходъ, остаться въ Адріанополѣ);

эти чуть ли не дружелюбнѣе всѣхъ прочихъ мѣстныхъ жителей—ни тѣни вражды или недовѣрія, напротивъ: полное уваженіе, почтеніе и расположеніе.—Московъ бунъ... Гхарошь... ейи-адамъ! шерифъ-адамъ! джессуръ-юреклю»! *) нерѣдко приходится слышать отъ турецкихъ простолюдиновъ,—и дѣйствительно, дисциплиною, порядкомъ нашихъ войскъ и ихъ человѣчностію отношеній къ жителямъ мы смѣло можемъ гордиться.

Въ три четверти восьмаго часа мы уже сидѣли въ армянскомъ театрѣ. Партеръ помѣщается въ саду, на чистомъ воздухѣ; цѣна за входъ въ первыя мѣста —два франка, въ остальныя—франкъ, и садикъ полнешенекъ народа: тутъ налицо почти всѣ наши и офицеры, и чиновники, а наипаче интенданты, да «товарищи»; виднѣются на заднемъ планѣ и нѣсколько десятковъ казачковъ да солдатиковъ; тутъ же рядомъ и въ перемежку съ нашими сидятъ и курятъ турки, и армяне, и всѣ прочіе, какъ восточные, такъ и западные человѣки. Курьезный занавѣсъ въ этомъ театрѣ: судя по изображенной на немъ картинѣ, я думалъ было, что здѣсь даются представленія какихъ нибудь религіозныхъ мистерій; — но вдругъ, вмѣсто того, выпархиваетъ изъ-за кулисъ, въ видѣ пигалицы, почти раздѣтая носатенькая дѣвица и, дрыгая ножками, начинаетъ, подъ звуки оркестра, весьма развязно напѣвать «Chicot-chicot-gandon», да напѣвать не по французски, а—къ наивящему удивленію—по турецки! Преуморительно выходитъ это турецкое «шикò», въ особенности, какъ вспомнишь при томъ, что на занавѣси изображено жертвоприношеніе Исаака, съ румянымъ и толстымъ ангеломъ, удерживающимъ съ небесъ руку Авраама, готовую свершить закланіе. Причемъ ужъ тутъ Авраамъ съ его жертвоприношеніемъ—это, полагаю, едва ли извѣстно и самому создателю оной картины. Подвизаются на здѣшнемъ театрѣ преимущественно армяне, а женскій персоналъ—весь исключительно армянскаго происхожденія; играютъ же частію по турецки, частію по армянски, и больше все одно-актныя пьесы—комедійки да оперетки, переведенныя съ французскаго. Я сохранилъ пару афишекъ этого

---

*) Добрый человѣкъ, честный, храбрый.

театра и, ради курьеза, привожу ихъ теперь въ подлинникѣ, во всей, такъ сказать, ихъ неприкосновенности. Посмотрите, какая прелесть:

«Картежникъ», комедія въ 1 дѣйствіе.

Донъ Педро	г-нъ Сисагъ.
Луиза, невѣста Педра	д-ца Сиранушъ.
Цезарь, слуга Педра	г-нъ Чепраздъ.
Полицейскій	г-нъ Холасъ.
Воръ	г-нъ Берберъ.

«Чашка чаю», комедія въ 1 дѣйствіе.

Контъ Армандъ	г-нъ Сисагъ.
Контесса Каролина	д-ца Сиранушъ.
Фридерикъ, слуга	г-нъ Берберъ.
Этіенъ, газетопродаватель	г-нъ Чепраздъ.

Куплеты:

«Шико-шико», пропоетъ дѣвица Кохаригъ.

«Дѣвица недовольна своимъ носомъ», пропоетъ на русскомъ языкѣ госпожа Хряча.

«Шансонъ политикъ» пропоетъ дѣвица Асдхигъ.

«Насильная невѣста» пропоетъ дѣвица Сиранушъ.

«Куплета изъ «Прекрасной Елены» и дуета изъ «Мадамъ Анго» пропоютъ госпожа Хряча и дѣвица Аспругъ.

Танецъ «Рыфлиме» исполнитъ вся труппа.

Всѣ эти дѣвицы Хрячи и Сирануши довольно миловидны собою, хотя въ роли «контессъ» походятъ болѣе на перотскихъ кухарокъ; за то когда дѣло доходитъ до «дуэты» и до «куплеты», то тутъ ужъ онѣ взапуски стараются превзойдти другъ дружку развязностію тѣлодвиженій и елико-возможною откровенностію костюмовъ. Что же до мужскаго персонала, то первый любовникъ отмѣнно походитъ на прекраснаго прохвоста, а г-нъ Чепраздъ, дѣйствительно, не дурной комикъ.

Тутъ же, во время антракта, какой-то «газетопродаватель», вмѣстѣ съ афишами на завтрашній спектакаль, gratis раз-

давалъ публикѣ особые листки, на которыхъ была отпечатана армянская ода, съ переводомъ на русскій языкъ, слѣдующаго содержанія:

Честь и слава
Воинамъ русскимъ,
Устрашившимъ
Варваровъ гордыхъ
И спасавшимъ
Честь креста
Отъ несносныхъ
Тяжкихъ игъ.

Дѣти, внуки героевъ русскихъ,
Достойны вы чести—вѣнца,
Не щадили трудъ и кровь
За вѣру и отечество.

Честь и слава
Воинамъ русскимъ и т. д.

О! герои изъ героевъ!
Непобѣдимые воины
Не оставили варварамъ
Могилы святыхъ предковъ!

Честь и слава
Воинамъ русскимъ и т. д.

Здѣсь же, въ театрѣ я встрѣтился съ нашимъ бывшимъ квартирнымъ хозяиномъ, грекомъ Асекиляросомъ. Сѣли мы съ нимъ за пивной столикъ и разговорились. Алеко Асекиляросъ видимо недоволенъ, что Адріанополь остается за Турціей, но для такого недовольства у него есть достаточная, хотя чисто личная причина: ему придется разстаться со своею дешевою покупкой и возвратить домъ прежнему владѣльцу, Хаджи-Шерифъ-бею. По этой причинѣ онъ недоволенъ ни Санъ-Стефанскимъ договоромъ, ни берлинскимъ конгрессомъ, и такъ какъ турецкіе греки ставятъ выше всего свой личный интересъ, а въ Адріанополѣ есть не мало такихъ же, которые, подобно Асекиляросу, воспользовались удобнымъ слу-

чаемъ пріобрѣсти за ничто, хотя и условнымъ образомъ, весьма значительное турецкое имущество, то здѣсь въ большинствѣ наиболѣе состоятельнаго и, стало быть, вліятельнаго греческаго населенія существуетъ недовольство на предстоящее возвращеніе къ прежнимъ турецкимъ порядкамъ, тѣмъ болѣе, что за время пребыванія Адріанополя подъ русскою властью, его населеніе уже достаточно успѣло испытать на себѣ вліяніе русскихъ порядковъ.

— При васъ мы только стали дышать, говорилъ мнѣ Асекиляросъ,—дышать во всѣхъ отношеніяхъ: вы заставили очистить городъ отъ его нечистотъ и зловонія, вы предупредили развитіе заразы, которую мы всѣ, еще отъ прадѣдовъ привыкли считать неизбѣжнымъ послѣдствіемъ каждой войны и которую, признаюсь, и теперь ожидали съ ужасомъ; вы завели чистоту и порядокъ на улицахъ и базарахъ, освѣтили, какъ слѣдуетъ, по ночамъ наши улицы, завели хорошую военную полицію,—однимъ словомъ, сдѣлали какъ нельзя болѣе сносными условія жизни въ городѣ, о чемъ до вашего прихода никто и не мечталъ у насъ, при турецкихъ порядкахъ. Теперь нѣтъ ни воровства, ни разбоевъ, тогда какъ прежде рѣдкія сутки проходили безъ того и другаго, такъ что вечеромъ не безопасно было выдти изъ дома въ одиночку и безъ оружія, а теперь мы свободно гуляемъ съ семействами до двухъ, до трехъ часовъ ночи; прежде рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы не случилось гдѣ нибудь ночнаго убійства, а теперь объ этомъ даже забыли и думать. Кромѣ того, посмотрите сами, до какой степени присутствіе вашихъ войскъ подняло общее наше благосостояніе, какъ оно оживило торговлю и промышленность! Адріанополь прежде былъ очень скучнымъ, монотоннымъ городомъ, а теперь жизнь ключемъ кипитъ повсюду, веселье, звуки,—вотъ, армяне комедіи представляютъ, а вѣдь прежде объ этомъ и не мечталось. Но главное, при васъ мы забыли о томъ, что̀ значитъ взятка, бакшишъ; мы теперь избавлены отъ безчисленнаго множества мелкихъ и незаконныхъ поборовъ, въ пользу любаго околоточнаго администратора и его чаушей; мы съ довѣріемъ обращаемся къ суду вашихъ властей, потому что всегда находимъ у нихъ судъ скорый и справедливый, и неубыточный. Сами турки воздаютъ вамъ за это хвалу; не только христіа-

не, но и они почувствовали на самихъ себѣ, что̀ значитъ благо истиннаго и разумно свободнаго существованія и—признаться ли ужь до конца?—мы, греки, съ затаеннымъ неудовольствіемъ и недовѣріемъ встрѣчали ваше пришествіе въ Адріанополь, а теперь.... теперь мы съ сожалѣніемъ и страхомъ помышляемъ о томъ времени, когда вы должны будете насъ покинуть и думаемъ про себя: Господи, ка̀къ бы устроить такъ, чтобы этого не случилось!

Ужь не знаю, на сколько въ этомъ панегирикѣ моего почтеннаго бывшаго хозяина было сахарной лести—на которую греки тоже мастера не послѣдней руки—но что наше присутствіе, сопровождаемое потоками русскаго золота, сильно подняло благосостояніе города, что мы водворили въ немъ, по возможности, чистоту и полицейскій порядокъ, то это несомнѣнно, и чтобы убѣдиться въ томъ—достаточно пройдтись по базарамъ и улицамъ, такъ что, быть можетъ, Асекиляросъ и правъ, увѣряя, будто многіе и многіе пожалѣютъ, когда намъ придется наконецъ покинуть Адріанополь.

LXXXIX

Отъ Адріанополя до моря Эгейскаго

Выступленіе изъ Адріанополя. — Пустыня. — Ночлегъ въ Эмирли и нашъ хозяинъ-армянинъ. — Судъ не по турецки. — Отъ Эмирли до Демотики. — Общій видъ Демотики. — «Калимера-сасъ». — Наша квартира. — Архимандритъ Герасимъ, его дѣятельность и разсказы о мѣстныхъ отношеніяхъ. — Какъ была занята Демотика разъѣздомъ корнета Миллера. — Уличная жизнь въ Демотикѣ. — Городская мечеть и приходская церковь. — Прокламація великаго визиря къ болгарамъ. — Подземная тюрьма для государственныхъ преступниковъ. — Занятіе Деде-Агача. — Картинный видъ на Эгейское море.

Чаталджа, 12-го февраля.

16-го января, въ 8 часовъ утра, мы выступили изъ Адріанополя на Демотику. Предстоявшій намъ путь дѣлился на два перехода, съ ночлегомъ въ деревнѣ Эмирли. Дождь и слякоть. По главной адріанопольской улицѣ одновременно двигаются войска отрядовъ Скобелева и Карцова. Драгунскій эскадронъ попалъ не на ту дорогу, просунулся было впе-

редъ, потомъ вскачь поворотилъ назадъ. Это обстоятельство произвело нѣкоторое замѣшательство, что̀ называется, кавардакъ (слово, судя по его созвучіямъ, вѣроятно восточнаго происхожденія) въ тѣсной улицѣ, наполненной народомъ и двигающимися колоннами войскъ и обозовъ. На лицахъ жителей ясно изображалось недоумѣніе—впередъ или назадъ мы двигаемся? Впрочемъ, замѣшательство не продолжалось и десяти минутъ: драгунскій эскадронъ отыскалъ свою дорогу и движеніе колоннъ продолжалось въ стройномъ порядкѣ. На пути къ желѣзнодорожной станціи встрѣтились намъ двѣ придворныя турецкія кареты съ изображеніемъ на дверцахъ, вмѣсто герба, распустившейся розы; въ каретахъ сидѣли лица турецкаго посольства. Перейдя полотно желѣзной дороги и прослѣдовавъ мимо покинутаго форта, а за тѣмъ мимо развалинъ старинной мечети, мы вступили въ пустыню. Окружавшія насъ пространства полей были лишены всѣхъ признаковъ культуры; земля прекрасная, но невоздѣланная и если служитъ на пользу человѣку, то развѣ въ качествѣ пастбища. Эта безжизненная оголенная пустыня тянулась вплоть до Эмирли. Ни впереди, ни по сторонамъ не видать никакихъ признаковъ жилья; желѣзная дорога, со своими телеграфными столбами, осталась далеко влѣво, и въ той сторонѣ во все время нашего пути безпрестанно раздавались одиночные ружейные выстрѣлы. Такая безлюдная пустынность являлась весьма характерною, чисто турецкою особенностію: во всемъ свѣтѣ, чѣмъ ближе къ столицамъ или вообще къ большимъ городамъ, тѣмъ населеннѣе и воздѣланнѣе является окружающая мѣстность; здѣсь же совсѣмъ на оборотъ: жизнь процвѣтаетъ только въ отдаленныхъ, преимущественно горныхъ захолустьяхъ и трущобахъ, вдали не только отъ городовъ, но даже отъ проѣзжихъ дорогъ, — словомъ, тамъ, гдѣ есть возможность наиболѣе укрыться отъ мудировъ, мубашировъ, мухтаровъ, заптіевъ и вообще меэмуровъ *), являющихъ собою нѣчто въ родѣ саранчи среди христіанскихъ населеній. Какимъ раемъ земнымъ, какою житницею цѣлой Европы могла бы явиться эта страна при правильномъ экономическомъ развитіи, при увѣренности жителей въ своихъ граж-

*) Окружныхъ начальниковъ, нарочныхъ посланцевъ, сборщиковъ податей, полицейскихъ и вообще чиновниковъ.

данскихъ правахъ, въ обезпеченности своей жизни, труда и достоянія!...

Дождь лилъ не переставая; слякотная дорога обратилась въ какую-то квашню и вскорѣ совсѣмъ исчезла среди бурныхъ полей. Къ довершенію всѣхъ удовольствій нашего странствованія, проводники-греки, желавшіе провести насъ кратчайшимъ путемъ, сбились съ дороги и, такимъ образомъ, вмѣсто того чтобы быть въ Эмирли къ часу дня, мы едва-едва попали туда въ шестомъ часу по полудни, иззябшіе, измокшіе, усталые, голодные и потому злые.

Намъ отвели помѣщеніе въ особой усадебкѣ, расположенной на сѣверномъ концѣ селенія и арендуемой какимъ-то молодымъ, очень красивымъ армяниномъ, въ сѣромъ пиджакѣ «*à la franca*» и въ щегольской вишневаго цвѣта фескѣ. Стѣны нашей комнаты, которая служила селямликомъ, т. е. пріемною молодаго армянскаго джентльмена, были оклеены литографированными картинками и политипажами изъ какого-то сатирическаго итальянскаго журнальца, являвшими преимущественно сюжеты довольно скабрезнаго свойства, какъ въ изображеніяхъ, такъ и въ подписяхъ подъ ними. Самъ хозяинъ былъ очень любезенъ, предупредителенъ и разговорчивъ; онъ говоритъ по французски, какъ и всѣ почти жители Константинополя, т. е. плохо, но на столько, что понимать его можно; онъ, кромѣ того, добрый человѣкъ, потому что, не смотря на ближайшее сосѣдство турокъ, не стѣснился пріютить у себя бѣглянку изъ Іени-Загры, съ двумя дочерьми, которая за то стряпаетъ ему обѣдъ, прибираетъ комнаты, стережетъ гусей и вообще присматриваетъ за хозяйствомъ. Эта была вдова зарѣзаннаго лѣтомъ 1877 года іени-загрскаго болгарина; ея старшая дочь, пятнадцатилѣтняя «учителька» народной школы—замѣчательная красавица. Она говоритъ, что большинство іени-загрскихъ дѣвушекъ были учительками въ своемъ городѣ и округѣ; а послѣ разгрома, постигшаго ихъ городъ вслѣдъ за отступленіемъ генерала Гурко, бо̀льшая часть изъ нихъ попали въ плѣнъ и увезены для продажи на мало-азійскіе рынки.

«Меня Богъ спасъ, чудо Божіе», отвѣчала она, скромно потупивъ глаза, на вопросъ о томъ, какимъ образомъ удалось

ей избѣжать судьбы своихъ товарокъ; но намъ сдается, чуть ли не перекупилъ ее у черкесовъ нашъ хозяинъ-армянинъ, вмѣстѣ съ матерью и маленькою сестренкой. Впрочемъ, и за то ему спасибо, такъ какъ, по видимому, судьба этихъ трехъ несчастныхъ все же гораздо легче, чѣмъ тѣхъ, которыя попали на мало-азійскіе рынки.

Эмирли—деревня турецкая, одна изъ немногихъ, которыя не были покинуты жителями,—быть можетъ потому, что предъ ихъ глазами приходили караваны турецкихъ эмигрантовъ, причемъ они во-очію могли видѣть, въ какомъ положеніи находятся несчастные бѣглецы. Вскорѣ послѣ нашего прибытія, въ усадьбу явились, въ видѣ депутаціи, нѣсколько турокъ, съ жалобою, что христіане, пользуясь приходомъ русскихъ, отбиваютъ у нихъ въ полѣ табуны и стада. Одному изъ насъ было поручено разобрать это дѣло. Христіане-греки азартно и слезно доказывали, что лошади и коровы принадлежатъ имъ, но были-де отняты у нихъ турками; турки же не менѣе слезно утверждали противное; и тѣ и другіе требовали возвращенія спорнаго имущества, просили разсудить ихъ по справедливости, не представляя впрочемъ ни съ той, ни съ другой стороны никакихъ существенныхъ доказательствъ въ свою пользу, кромѣ голословныхъ увѣреній, сопровождаемыхъ божьбою. Предстояло творить въ нѣкоторомъ родѣ Саломоновъ судъ, а потому положеніе судьи и слѣдователя было довольно затруднительно. Вмѣстѣ съ хозяиномъ-армяниномъ и нашимъ отряднымъ переводчикомъ, онъ выбралъ одного изъ наиболѣе азартныхъ крикуновъ-грековъ и отведя его въ отдѣльный сарай, спросилъ—какимъ образомъ турки отбили у нихъ табунъ и стадо, разновременно или съ разу?

— О, съ разу! съ разу!.. Налетѣли на нашу деревню и съ разу все ограбили!

— А какъ давно это было?

— Давно было; еще лѣтомъ прошлаго года.

— И съ тѣхъ поръ больше не грабили?

— Постоянно грабили, всегда, каждый день, до самаго прихода русскихъ.

— Тогда какъ же ты говоришь, что они весь скотъ вашъ забрали съ разу?

Грекъ какъ бы оторопѣлъ, но лишь на одно мгновенье.

— Ну да! Скотъ взяли съ разу, а другое добро грабили постоянно!

Увели этого грека, разъединивъ его съ товарищами, и на мѣсто его привели въ сарай другаго, который показалъ почти то же самое; разница выходила только въ томъ, что турки забрали скотъ всего лишь двѣ недѣли назадъ, а до того времени жили-де мирно, согласно съ христіанами и никакого грабежа или обиды никто отъ нихъ не видѣлъ.

Этого было совершенно достаточно для полнаго убѣжденія въ неправотѣ грековъ. И табунъ, и стадо, очевидно, были турецкія и именно принадлежащія жителямъ Эмирли, такъ какъ эти жители оставались при своихъ хозяйствахъ. Поэтому было рѣшено весь скотъ возвратить туркамъ. Но надо было видѣть впечатлѣніе, произведенное на тѣхъ и другихъ такимъ рѣшеніемъ! Турки стояли словно ошеломленные, словно бы не вѣрили ни глазамъ, ни ушамъ своимъ, но вслѣдъ за тѣмъ почтительно приложивъ руки къ сердцу и ко лбу, ушли съ глубокимъ поклономъ, видимо удивленные рѣшеніемъ «гяура» и въ то же время проникнутые уваженіемъ къ чувству его справедливости; греки же подняли чисто жидовскій гвалтъ, орали всѣ вмѣстѣ, сильно жестикулировали руками, крестились и укоризненно качали головами, дескать, хороши же вы христіане, коли потворствуете туркамъ! Хозяинъ-армянинъ тоже казался отчасти озадаченнымъ.

— C'est bon, mais c'est ne pas à la turque, говорилъ онъ, ухмыляясь. — Не по турецки, совсѣмъ не по турецки!

— Но вѣдь скотъ-то былъ турецкій? спросили его:—скажите по совѣсти! Вѣдь вамъ, какъ мѣстному жителю, это, конечно, извѣстно ближе.

— Разумѣется, турецкій, подтвердилъ онъ:—греки только хотѣли воспользоваться присутствіемъ русскихъ, чтобы подъ ихъ покровительствомъ присвоить его себѣ.

— Такъ какъ же, по вашему, надо было рѣшать?

— О, я не говорю, что рѣшеніе дурно; я говорю только, что оно совсѣмъ не по турецки.

— То есть, что́ же это значитъ, объясните, пожалуйста? Какъ же, вы полагаете, на нашемъ мѣстѣ рѣшили бы турки?

— Какъ рѣшили бы турки? А очень просто: имущество спорное, формальныхъ доказательствъ нѣтъ—ну, и конфисковали бы его въ пользу казны, чтобы ни тѣмъ, ни другимъ не обидно было.

Послѣ этого мнѣ стало вполнѣ понятно, почему турецкіе поселяне были такъ поражены столь неожиданнымъ для нихъ рѣшеніемъ. Какъ оказалось изъ дальнѣйшаго объясненія съ хозяиномъ-армяниномъ, они только за тѣмъ и судиться къ намъ пришли, что рѣшили между собою—пускай-де наше добро лучше ужъ достается москову, чѣмъ грекамъ!

17-го января въ $8^1/_2$ часовъ утра выступили изъ Эмирли въ Демотику. Морозу нѣтъ, но пасмурно и вѣтрено: погода очень сиверкая, ноги зябнутъ.—Хуже всякаго мороза! Снѣгу нѣтъ уже вовсе; окрестныя поля рыже-зеленоватаго цвѣта столь же пустынны, какъ и вчера, и сто́ль же голы—полное отсутствіе культуры. Изрѣдка попадаются кое-какія деревца, но это уже далеко не та могучая растительность, какую встрѣчали мы на Балканахъ и особенно въ Долинѣ Розъ; тутъ, напротивъ, деревья какія-то малорослыя, жиденькія, такъ что глядя на нихъ, сдается, будто странствуешь не на югѣ, а гдѣ нибудь въ сѣверныхъ пустыняхъ. Общій видъ всей этой мѣстности отчасти напоминаетъ Бессарабію, къ югу отъ Кишинева: такія же волнисто всхолмленныя возвышенности, такая же чахлая и рѣдкая растительность, та же невоздѣланность громадныхъ, пустующихъ втунѣ пространствъ и то же самое безлюдье. На пути намъ попалось лишь одно небольшое селеніе Эльбургасъ, на рѣкѣ Бакча́. Моста не существуетъ, но такъ какъ глубина рѣки не превышаетъ трехъ-четырехъ футовъ, то мы съ казаками и частію пѣхоты перешли на тотъ берегъ въ бродъ, остальная же пѣхота переправлялась на возахъ мѣстныхъ жителей; арбы, запряженныя буйволами и нагруженныя солдатами, слѣдовали въ линію одна за другою и, высадивъ на томъ берегу своихъ пассажировъ, возвращались за новыми; такимъ образомъ круговая переправа шла быстро, безъ перерывовъ и задержекъ и была въ особенности выгодна тѣмъ, что избавляла пѣхотинцевъ отъ необходимости промокать въ водѣ, что́ при такой сиверкой погодѣ не для

каждаго сошло бы безъ простуды. На всемъ пространствѣ отъ Эмирли до Демотики дорога, можно сказать, не существуетъ, а то, чтò называется здѣсь дорогою, до такой степени топко и тяжело, что лошади наши, сдѣлавъ 25-ти-верстный переходъ, изморились болѣе, чѣмъ на иномъ 60-ти-верстномъ пути при маломальски сносной дорогѣ.

Поднявшись на одинъ изъ болѣе высокихъ холмовъ, мы увидѣли нашъ Старо-Ингерманландскій полкъ, расположившійся на привалѣ. Съ этого мѣста открывается широкій, красивый видъ на Демотику и ея окрестности. По склонамъ скалистой горы тянутся полуразрушенныя стѣны и башни древняго кремля, а самая вершина увѣнчана большою отдѣльно стоящею башнею. Остроконечная крыша главной городской мечети возвышается надъ кровлями всѣхъ остальныхъ построекъ и издали представляется совершенно въ видѣ египетской пирамиды. Самый городъ, захватывая своими зданіями лишь нѣкоторую часть кремля, лѣпится ниже его каменныхъ стѣнъ по склону скалистой горы, коей подошва, тоже украшенная частію древнихъ укрѣпленій и башнею, омывается рѣкою Кизылъ-дере, впадающею неподалеку въ Марицу. Разливъ обѣихъ рѣкъ широко затопилъ тутовыя плантаціи, которыя примыкаютъ къ самому городу. Полюбовавшись этою картиною, мы тронулись далѣе и черезъ часъ уже вступали въ Демотику. Строенія, улицы, лавки — все тотъ же обще-восточный типъ. Христіане смотрятъ прямо въ лицо, весело улыбаются, крестятся и снимаютъ шапки; турки, напротивъ, глядятъ мрачно или стараются казаться равнодушными, какъ бы не замѣчая нашего присутствія. Изъ оконъ и изъ-за приподнятыхъ рѣшотокъ восточныхъ бельведеровъ-фонариковъ выглядываетъ множество женщинъ и дѣвушекъ; иныя изъ нихъ кланяются и махаютъ платками; изъ одного окошка высунулась прелестная черноглазая малютка лѣтъ пяти и крестится, и смѣется, и кланяется, и кричитъ намъ своимъ звонкимъ голосенкомъ: «Калимѐра-сасъ! калимѐра-сасъ» *)!

Христіане видимо рады нашему приходу. Намъ отвели квартиру въ довольно обширномъ одноэтажномъ турецкомъ

---

*) По гречески—здравствуйте.

домѣ, который нѣсколько дней тому назадъ былъ покинутъ хозяевами, бѣжавшими въ Константинополь. Домъ зажиточный, съ тѣнистою открытою галлереею, выходящею въ садъ, наполненный зелеными миртами, молодыми кипарисами и розовыми кустами, на которыхъ не всѣ еще листья увяли; въ клумбахъ цвѣтутъ фіалки и душистый левкой—это въ январѣ-то мѣсяцѣ! Къ полудню появилось солнышко и разомъ пригрѣло землю такъ, что сдѣлалось даже нѣсколько жарко. Вскорѣ къ генералу Карцову явились съ визитомъ намѣстникъ демотійской митрополіи съ греческимъ архимандритомъ Герасимомъ, который, проживъ 18 лѣтъ въ Россіи, выучился говорить и писать по русски не только правильно, но даже литературно, причемъ ему далеко не чуждо знакомство съ нашею словесностію въ твореніяхъ Пушкина, Грибоѣдова, Кольцова, Лермонтова и Гоголя; что же касается до нашей духовной литературы, то она знакома ему очень близко. Отецъ Герасимъ живалъ и въ Кіевѣ, и въ Петербургѣ, но бо́льшую часть своей жизни въ Россіи провелъ въ Москвѣ, о которой вспоминаетъ съ теплымъ сердечнымъ восторгомъ. Вмѣстѣ съ этими духовными лицами явилось трое представителей городскаго греко-армяно-болгарскаго общества и старшій мулла, заявившій, что демотійскіе мусульмане, рѣшившіеся по его убѣжденію остаться въ городѣ, покорно отдаются покровительству русскаго войска. Съ содѣйствіемъ отца Герасима и подъ его предсѣдательствомъ еще до нашего прибытія было организовано городское управленіе, гдѣ онъ вообще сдѣлался для насъ самымъ полезнымъ, необходимымъ человѣкомъ по всякимъ сношеніямъ съ разноплеменными здѣшними жителями. Благодаря ему, отрядъ въ изобиліи былъ снабженъ фуражемъ, виномъ, хлѣбомъ и мясомъ; устроилось правильное хлѣбопеченіе, подъ лазаретъ отведено прекрасное помѣщеніе въ обширномъ зданіи греческой семинаріи; всѣ офицеры размѣщены по удобнымъ, чистымъ квартирамъ, солдаты тоже расположились по обывательскимъ домамъ безъ особеннаго обремененія хозяевъ, для войскъ открылись бани, являющіяся величайшимъ благодѣяніемъ въ военное время,—словомъ сказать, это былъ золотой человѣкъ, которому всѣ мы отъ души и не разъ выражали большое спасибо. Онъ часто посѣщалъ генерала Карцова и много разсказывалъ о мѣстномъ краѣ, о его

бытѣ, промышленности и отношеніяхъ къ туркамъ. По его свидѣтельству, турецкія безобразія продолжались въ Демотикѣ до 8-го января, а въ особенности свирѣпствовали они въ день Рождества Христова, когда турки здорово-живешь вѣшали христіанъ около православной церкви на стѣнахъ и балконахъ.

Поборы съ христіанъ на военныя издержки, гоньба ихъ на работы и подводная повинность превосходили всякую мѣру возможности; въ Демотикѣ нѣтъ никакихъ европейскихъ консуловъ и потому турки дѣйствовали, не стѣсняясь дипломатическою заботою, «que dira l'Europe». За одно только туркамъ спасибо, что они не впускали въ городъ черкесовъ, потому что черкесы, исключительно посвятившіе себя въ послѣднее время повальному грабежу, не давали спуска никому и ничему, раззоряя безразлично какъ христіанъ, такъ и турокъ. Поэтому на всѣхъ городскихъ выѣздахъ, до самой минуты удаленія мусульманъ изъ Демотики, стояли турецкіе военные караулы, спеціально съ тою цѣлью, чтобы силою препятствовать черкесамъ пробираться въ городъ. За то вся окрестная страна страдала отъ нихъ ужаснымъ образомъ: не только христіанскія, но и многія турецкія деревни были разграблены; той же участи подверглись монастыри, церкви и даже нѣкоторыя мечети. Черкесы, по словамъ отца Герасима, весьма плохіе мусульмане и потому мечеть вовсе не составляетъ для нихъ святыни, какъ скоро около нея можно погрѣть свои руки; если они и фанатики, то развѣ въ отношеніи грабежа и разбоя, который составляетъ единственный общественный и даже общеобязательный принципъ ихъ гражданскаго строя. Грабежъ — это, такъ сказать, ихъ религія, ихъ символъ вѣры, и потому это племя окончательно не способно къ культурѣ и промышленности. Нынѣ, благодаря грабежу, черкесы обогатились, но до сего времени, пока въ странѣ существовала хоть тѣнь гражданской власти и порядка, жизнь ихъ влачилась въ крайней нищетѣ и убожествѣ; они никогда не задавали себѣ труда воздѣлывать отведенныя имъ поля и огороды на лучшихъ земляхъ, а жили по преимуществу лишь тѣмъ, что удавалось имъ украсть у поселянъ турецкихъ и христіанскихъ. Поэтому и тѣ, и другіе равно ненавидѣли и презирали черкесовъ. 8-го января всѣ власти и зажиточные

мусульмане покинули Демотику; остались лишь тѣ, кто не имѣлъ средствъ и возможности выѣхать, и эти послѣдніе съ разу почувствовали, что съ той минуты роли ихъ и христіанъ вполнѣ перемѣнились. Старшій мулла рѣшившійся остаться, кажется, по причинѣ тяжкой болѣзни одного изъ своихъ сыновей, первымъ дѣломъ явился къ тому же митрополитальному намѣстнику и вручилъ себя, свою семью, свой домъ и все оставшееся въ городѣ мусульманство его христіанскому покровительству. И дѣйствительно, благодаря вліянію намѣстника и отца Герасима, христіане, въ періодъ времени съ 8-го января до появленія русскихъ, не посягнули ни на единаго турка. — «Да, роли перемѣнились, турки смирились духомъ, говорилъ намъ отецъ Герасимъ: — но чего стóитъ имъ это смиреніе! Оно куплено цѣною сознанія своего безсилія, цѣною униженія османской гордости и самолюбія предъ христіанскою райей, предъ гяурами; турки глубоко оскорблены этимъ въ душѣ, — и горе намъ, если они опять возвратятся сюда господами! Они никогда не простятъ намъ и страшно вымѣстятъ на насъ свое униженіе!...»

Городъ Демотика первоначально былъ занятъ небольшимъ разъѣздомъ гвардейскихъ драгунъ, подъ командою прикомандированнаго къ лейбъ-гвардіи Драгунскому полку корнета лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка Сергѣя Миллера. По моей личной просьбѣ, С. А. Миллеръ разсказалъ мнѣ объ этомъ эпизодѣ слѣдующее:

12-го января, въ 10 часовъ утра, изъ Адріанополя былъ отправленъ въ долину Нижней Марицы сборный драгунскій дивизьонъ, по эскадрону отъ полковъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго и Конно-Гренадерскаго, подъ командою полковника Дубовскаго. Этотъ дивизьонъ, двигаясь въ южномъ направленіи, долженъ былъ служить авангардомъ отряду генерала Карцова, имѣвшему цѣлью своего наступленія городъ Демотику и Деде-Агачъ, портъ на Эгейскомъ морѣ. — «Около одиннадцати часовъ утра — разсказывалъ корнетъ Миллеръ — мы прошли линію адріанопольскихъ укрѣпленій и ввѣрили себя проводнику. Вскорѣ стали раздаваться по сторонамъ отдѣльные ружейные выстрѣлы — результатъ взаимной охоты другъ на друга болгаръ и турокъ. Намъ пришлось пройдти рядъ деревень, населенныхъ исключительно турками. Чуть

лишь приближались мы къ какой-либо изъ подобныхъ деревень, какъ въ ней непремѣнно раздавался ружейный выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ моментально вспыхивалъ стогъ сѣна или соломы, что̀, очевидно, служило для обитателей условнымъ сигналомъ, предварявшимъ о приближенiи русскихъ. Можно думать, что это дѣлалось съ цѣлью дать жителямъ время припрятать свое оружiе, — и дѣйствительно, въ каждой деревнѣ не мало встрѣчалось намъ черкесовъ и баши-бузуковъ, вполнѣ безоружныхъ; но ихъ верховыя лошади, нерѣдко даже засѣдланныя, стояли тутъ же или паслись около. Нѣтъ сомнѣнiя, что если бы намъ пришлось отступить, то всѣ эти конники встрѣтили бы насъ уже не безоружными и далеко не такимъ мирнымъ образомъ. Около четырехъ часовъ дня мы остановились въ турецкой деревнѣ Клисели, гдѣ и расположились на ночлегъ, освѣтивъ разъѣздами впереди лежащую мѣстность верстъ на пятнадцать. — Судя по картѣ, вправо отъ дороги, т. е. къ западу отъ насъ должна протекать Марица, параллельно которой идетъ на югъ желѣзная дорога. И въ дѣйствительности на глазъ выходило такъ; правѣе дороги виднѣлась рѣка, которую проводникъ называлъ Марицею, а за нею — желѣзная дорога. Отъ Адрiанополя до Демотики нѣтъ въ Марицѣ ни одного брода; поэтому сводно-драгунскiй дивизьонъ считалъ свой правый флангъ совершенно обезпеченнымъ отъ отступающей армiи Сулеймана, которая, какъ предполагалось, должна спѣшить къ Демотикѣ и Кулели-Бургасу, чтобы раньше насъ захватить въ свои руки узелъ желѣзныхъ дорогъ демотико-деде-агачской и стамбуло-адрiанопольской. Но въ семь часовъ вечера полковнику Дубовскому пришлось убѣдиться, что проводникъ повелъ его дивизьонъ вовсе не тою дорогой, какою было нужно, что рѣка Марица, которую драгуны незамѣтно для себя перешли по мосту еще въ Адрiанополѣ, оказалась теперь влѣво отъ дороги, а правѣе, между драгунами и желѣзною дорогою, находился довольно длинный протокъ или рукавъ этой рѣки, извѣстный подъ именемъ Малой Марицы и всегда проходимый въ бродъ почти на всемъ своемъ протяженiи. Такимъ образомъ, драгуны, какъ говорится, повисли на воздухѣ, будучи отдѣлены отъ пѣхоты непроходимою Большою Марицею, въ 25-ти верстахъ отъ Адрiанополя и какъ разъ на пути возможнаго отступленiя армiи Сулеймана. Рѣ-

шено было исправить ошибку движеніемъ впередъ. Корнетъ Миллеръ со взводомъ лейбъ-драгунъ получилъ приказаніе сдѣлать рекогносцировку желѣзнодорожной станціи Демотика, которая значилась по картѣ узломъ дорогъ, занять ее и, по возможности, удержаться тамъ до утра, пока не подойдетъ сводный дивизьонъ, а въ случаѣ невозможности удержаться, взорвать желѣзнодорожный мостъ; самому же, сообразуясь съ обстоятельствами, либо вернуться къ дивизьону, либо перебраться на лѣвый берегъ Марицы, къ пѣхотѣ.

Ровно въ полночь Миллеръ выступилъ изъ деревни Клисели. Ночь была очень темна, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ люди уже не могли видѣть другъ друга. Впередъ саженъ на пятнадцать былъ высланъ проводникъ и съ нимъ четыре драгуна, въ видѣ авангарда; за ними гуськомъ слѣдовали еще четверо, для поддержанія связи разъѣзда съ авангардомъ, чтобы не потерять его изъ вида; связь эта поддерживалась частыми окликами другъ друга въ полголоса. Курить не позволялось. Проводникъ въ потьмахъ нѣсколько разъ сбивался съ дороги, и драгуны попадали въ болото, изъ котораго съ трудомъ выбирались на дорогу. Во избѣжаніе шума и лая собакъ, разъѣздъ обходилъ деревни, тѣмъ болѣе, что по дорогѣ лежали преимущественно турецкія селенія. Рискованное положеніе разъѣзда въ районѣ предполагаемаго отступленія Сулеймана заставляло крайне внимательно прислушиваться къ малѣйшему постороннему звуку и шуму, потому что зрѣніе окончательно отказывалось служить въ такую непроглядную темень. Послѣ двухъ съ половиною часовъ хода по мягко-грунтовому проселку, проводникъ вывелъ драгунъ на шоссейную дорогу, пролегавшую въ видѣ дамбы по болотистому пространству, и около трехъ часовъ ночи они подошли къ станціи Урли, которая была осмотрѣна Миллеромъ, съ нѣсколькими спѣшенными людьми изъ его разъѣзда. Одинъ изъ служащихъ при желѣзной дорогѣ сообщилъ Миллеру, что за день до его появленія, въ Урли пришелъ поѣздъ изъ Стамбула, на которомъ пріѣхалъ какой-то черкесскій полковникъ съ двадцатью отборными всадниками черкесской гвардіи Султана, съ цѣлью сдѣлать рекогносцировку на Адріанополь. Пока производилась эта рекогносцировка, поѣздъ подъ парами оставался въ ожиданіи на станціи, куда вскорѣ вернулся

въ большомъ волненіи черкесскій полковникъ, успѣвшій узнать, что русскіе разъѣзды уже испортили путь между Урли и Адріанополемъ; онъ тотчасъ же сѣлъ со своею свитою на поѣздъ и отправился обратно. Отъ того же чиновника желѣзнодорожной службы было узнано, что всѣ наши карты въ отношеніи даннаго района мѣстности не вѣрны, такъ какъ узелъ желѣзныхъ путей находится вовсе не въ Демотикѣ, а въ Кулели-Бургасѣ, Демотика же является первою станціею на деде-агачской вѣтви, въ 25-ти верстахъ отъ Кулели-Бургаса; онъ же сообщилъ, что на станціи Демотика накануне сошли съ рельсовъ два локомотива, вслѣдствіе чего путь былъ испорченъ и вѣроятно еще не исправленъ, а въ ожиданіи его исправленія, на станціи остаются 150 вагоновъ, переполненныхъ турецкими бѣглецами, что черкесскій полковникъ, отправившись на Константинополь, принужденъ былъ вернуться въ Кулели-Бургасъ, такъ какъ на пути онъ узналъ о появленіи русскихъ разъѣздовъ на станціи Павло, вслѣдствіе чего и рѣшился отправиться по деде-агачской вѣтви, въ надеждѣ пересѣсть въ Деде-Агачѣ на пароходъ и такимъ образомъ добраться чрезъ Дарданельскій проливъ въ Константинополь, но теперь, по всей вѣроятности, находится еще въ Демотикѣ.—«Надежда захватить подвижной составъ—разсказывалъ намъ корнетъ Миллеръ— была очень соблазнительна, хотя до Демотики оставалось еще 45 верстъ пути, да и черкесскій полковникъ съ его свитою въ плѣну у драгунскаго разъѣзда тоже не мало дразнилъ воображеніе, а потому, порвавъ телеграфную проволоку, мы немедленно же двинулись впередъ, прямо вдоль полотна желѣзной дороги, какъ по ближайшему пути». За невозможностію прохода по желѣзнодорожнымъ мостамъ, не имѣющимъ сплошной настилки, пришлось двѣ рѣчки переходить въ бродъ, глубиною по брюхо лошадямъ; наконецъ въ половинѣ седьмаго часа утра пришли на станцію Кулели-Бургасъ, гдѣ было узнано, что, по слухамъ, въ Демотикѣ не должно быть много войска. Порвавъ проволоку, двинулись впередъ, послѣ чего вскорѣ разъѣздъ донесъ, что по горному хребту замѣтно сильное движеніе пѣхоты и кавалеріи. Предполагая, что это Сулейманъ, который, вѣроятно, пришелъ уже въ Демотику и теперь спѣшитъ на Кулели-Бургасъ, къ узлу дорогъ, корнетъ

Миллеръ приказалъ взорвать большой мостъ на Марицѣ, но, къ счастію, взрывъ динамита оказался неудачнымъ и мостъ уцѣлѣлъ. Между тѣмъ колонны и цѣпь, усмотрѣнныя на хребтѣ, при звукѣ этого взрыва, раздавшемся подобно пушечному выстрѣлу, тотчасъ же пустились бѣжать въ разсыпную. Хотя узелъ дорогъ былъ теперь въ нашихъ рукахъ, такъ что задачу разъѣзда можно было считать оконченною, но корнетъ Миллеръ все-таки рѣшился продолжать рекогносцировку на Демотику и потому, оставивъ въ Кулели-Бургасѣ особый наблюдательный постъ, быстро двинулся далѣе. Дорогою объяснилось, что̀ такое были колонны, усмотрѣнныя давеча на горномъ хребтѣ. Вооруженные христіане—жители окрестныхъ деревень соединились для самозащиты противъ бродячихъ шаекъ баши-бузуковъ, за одну изъ коихъ былъ ими принятъ издали и разъѣздъ Миллера; съ этою цѣлью они заняли хребетъ, но когда услыхали гулъ взрыва, то подумали, что это гдѣ нибудь по близости находится турецкое войско съ пушками и бросились бѣжать куда попало. Въ одиннадцать часовъ утра Миллеръ прибылъ на станцію Демотика, гдѣ узналъ, что локомотивы были подняты и путь исправленъ еще вчера (12-го числа), что тогда же, въ три часа по полудни, два поѣзда съ эмигрантами ушли къ Деде-Агачу, что городъ Демотика не занятъ непріятелемъ, но что тамъ находится не мало бѣглецовъ изъ разбитыхъ таборовъ. Рѣшившись довести свою рекогносцировку до конца, Миллеръ подошелъ къ городу. На встрѣчу ему выѣхало нѣсколько жителей, которые просили его обождать немного вступленіемъ въ городъ, чтобы дать горожанамъ, только что узнавшимъ о прибытіи русскихъ, возможность сдѣлать гостямъ парадную, торжественную встрѣчу. Минутъ десять спустя, нѣсколько тысячъ жителей, христіанъ и турокъ, запрудили собою большую дорогу. Вскорѣ изъ среды этой, разступившейся на обѣ стороны, толпы выступила духовная процессія съ крестами, иконами и рипидами, и остановилась, не доходя нѣсколько шаговъ до русскаго разъѣзда. Тутъ изъ прецессіи выдвинулся впередъ мусульманскій мулла и съ глубокимъ поклономъ поднесъ корнету Миллеру ключъ отъ крѣпостныхъ воротъ, на серебряномъ блюдѣ, а депутація горожанъ всѣхъ сословій и исповѣданій вручила ему бѣлое знамя и просила принять отъ нея

хлѣбъ-соль, въ знакъ радушія и полнаго довѣрія къ русскимъ.

Намѣстникъ митрополита благословилъ крестомъ и окропилъ святою водою русскихъ воиновъ, затѣмъ сказалъ по гречески нѣсколько привѣтственныхъ словъ, переведенныхъ архимандритомъ Герасимомъ, и наконецъ провозгласилъ многолѣтіе Государю Императору, причемъ отецъ Герасимъ крикнулъ по русски «ура», дружно подхваченное всею массою народа. При этихъ крикахъ духовенство высоко поднимало надъ головами кресты, иконы и рипиды. Въ это время выступила изъ толпы, съ радостными слезами на глазахъ, молодая дѣвушка-болгарка, которая сказала привѣтственное слово и подала Миллеру лавровый вѣнокъ.—«Нашъ домашній очагъ, сказалъ отецъ Герасимъ, наше достояніе, наша честь, свобода и жизнь—въ опасности отъ произвола и насилія черкесскихъ шаекъ, проходящихъ черезъ нашъ городъ на пути своего бѣгства. Вы пришли насъ оградить и защитить,—привѣтствуемъ васъ. Не оставляйте же насъ! Добро пожаловать!»

«Тяжелое чувство подняли во мнѣ эти слова, разсказывалъ намъ Миллеръ.—Съ одной стороны сознаніе нравственной обязанности не оставлять безъ защиты городъ, отдающійся покровительству Русскаго Государя, съ другой—ничтожность силъ моего разъѣзда.—Что́ тутъ дѣлать!» Конечно, долгъ и честь оружія требовали не покидать этихъ несчастныхъ, на долю которыхъ выпало не мало страха, безпокойствъ и невзгодъ за послѣднее время. Миллеръ отвѣчалъ, что «нашъ Августѣйшій Монархъ еще въ самомъ началѣ войны повелѣлъ своей арміи ограждать спокойствіе и защищать права жителей; поэтому мы остаемся въ городѣ и, на сколько хватитъ силъ, будемъ въ случаѣ надобности защищать его, до прибытія дальнѣйшихъ нашихъ войскъ. Вашими молитвами, владыко, да поможетъ намъ Богъ исполнить свою обязанность».

Эти слова, тутъ же переведенныя архимандритомъ на греческій языкъ, произвели въ толпѣ радостное волненіе, сопровождавшееся громкими ликованіями, среди которыхъ, лейбъ-драгуны двинулись въ городъ, предшествуемые духовною процессіею. Проводивъ ее до митрополіи, Миллеръ пришелъ въ конакъ, гдѣ уже собрался, по его распоряженію, временный городской совѣтъ изъ представителей всѣхъ мѣстныхъ народ-

ностей. До прихода своихъ старшихъ начальниковъ, Миллеръ утвердилъ его въ качествѣ органа административной власти, а затѣмъ—первымъ дѣломъ озаботился сейчасъ же устроить гражданскую стражу изъ христіанъ и обезоружить находившихся въ городѣ бродячихъ аскеровъ. Но для послѣдняго дѣла надо было предварительно очистить улицы отъ запрудившей ихъ толпы, почему и были высланы глашатаи, прокричать по всему городу, чтобы жители расходились по домамъ и занимались своимъ дѣломъ, такъ какъ интересы мирнаго населенія, безъ различія народностей и вѣры, найдутъ себѣ защиту и огражденіе. Въ теченіи дня было обезоружено 220 человѣкъ и въ томъ числѣ 14 черкесовъ, которые, впрочемъ, завидя драгунъ, побросали свое оружіе и коней, а сами разбѣжались, пользуясь извилистыми закоулками города.

Въ виду усиленныхъ просьбъ жителей о защитѣ ихъ отъ возможнаго появленія новыхъ черкесскихъ шаекъ, Миллеръ послалъ донесеніе о занятіи имъ Демотики и о положеніи города какъ командиру дивизьона, такъ и на лѣвую сторону Марицы, гдѣ, по его предположенію, должна была находиться пѣхота, приблизительно въ такомъ же разстояніи, какъ и дивизьонъ, т. е. верстахъ въ 45-ти, а кромѣ того, отправилъ еще особое донесеніе и въ Адріанополь генералу Скобелеву 2-му, какъ начальнику авангарда. За тѣмъ, объѣхавъ окраины всего города, онъ избралъ на одномъ изъ городскихъ выѣздовъ удобное для обороны строеніе, которое предполагалъ занять спѣшенными драгунами, въ случаѣ появленія черкесовъ, и весь городъ оцѣпилъ постами вооруженной гражданской стражи; сверхъ сего, по всѣмъ дорогамъ, версты на полторы впередъ были выдвинуты четыре пары конныхъ часовыхъ. Всѣ эти распоряженія Миллера вызвали въ отношеніи его живую благодарность городскаго совѣта, причемъ старшій мулла выразилъ, что «слезы радости и благодарности тысячи огражденныхъ отъ насилій семействъ турецкихъ, при появленіи лучей, исходящихъ отъ солнца Россіи, суть драгоцѣнные и неподдѣльные алмазы ихъ общей признательности молодому представителю русской силы и порядка».

Въ полночь прибылъ въ городъ драгунскій разъѣздъ, посланный полковникомъ Дубовскимъ для отысканія Миллера. Полагали, что онъ со взводомъ незамѣтно прошелъ ночью

мимо черкесовъ, которые днемъ, конечно, его замѣтили, отрѣзали ему отступленіе и т. п., тѣмъ болѣе что отъ него не получалось пока никакого донесенія, которое между тѣмъ не дошло своевременно потому, что посланный провалился съ лошадью на плохомъ мосту и былъ принужденъ ночевать въ какой-то деревушкѣ, о чемъ узналось потомъ, лишь на третьи сутки. Отъ прибывшаго разъѣзда Миллеръ узналъ о рѣшеніи, принятомъ полковникомъ Дубовскимъ, что если къ утру о немъ, Миллерѣ, не будетъ никакихъ извѣстій, то дивизьонъ направится обратно въ Адріанополь, гдѣ перейдетъ на лѣвый берегъ Марицы, такъ какъ предполагалось, что Миллеръ, въ виду серьезной опасности, перешелъ вплавь черезъ рѣку.

14-го января, въ четвертомъ часу дня, городъ былъ обрадованъ вѣстью съ аванпостовъ о приближеніи дивизьона. Миллеръ, выѣхавъ на встрѣчу, передалъ полковнику Дубовскому бѣлое знамя и ключъ, которые были представлены 17-го числа генералу Карцову, при вступленіи въ городъ его отряда *).

Подъ вечеръ мы отправились осматривать городъ, который хотя и носитъ на себѣ все тотъ же обще-восточный типъ, но значительно чище прочихъ городовъ, видѣнныхъ нами доселѣ. Здѣсь и улицы вообще шире, и дома, за исключеніемъ двухъ-трехъ кварталовъ, менѣе скученны между собою; нерѣдко попадаются домики съ совершенно европейскою наружностію, осѣненные зеленью небольшихъ садиковъ, гдѣ раскидисто растутъ каштаны и чинары. Кое-гдѣ виднѣются даже французскія вывѣски портнаго, сапожника, часовщика; рядомъ—кофейни и цирюльни, изъ которыхъ однѣ посѣщаются исключительно мусульманами, а другія христіанами; первые неподвижно сидятъ съ поджатыми подъ себя ногами на низенькихъ диванахъ и безмятежно предаются кейфу, среди дыма и урчанія кальяновъ; вторые кучками сидятъ à la franca, т. е. по европейски, вокругъ небольшихъ столиковъ, попивая мѣстное винцо и кофе. Ресторации, снабжающія мѣстный людъ разными снѣдями, устроены по образцу всѣхъ восточныхъ лавокъ, гдѣ наружная деревянная стѣна откидывается на петляхъ вверхъ, служа навѣсомъ отъ дождя и солнца, а кухня помѣщается сполна на плитѣ, устроенной въ перед-

*) Корнетъ Миллеръ за занятіе Демотики награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.

немъ прилавкѣ; желающіе закусить, покупаютъ въ одной изъ сосѣднихъ лавокъ хлѣбъ, въ другой ракію или вино и ѣдятъ на улицѣ, стоя предъ прилавкомъ-кухнею. Здѣсь приготовляются преимущественно «кабачки», начиненные говядиной съ рисомъ, рыба жареная на оливковомъ маслѣ, артишоки, пилавъ, вареная баранина и говяжьи битки, въ видѣ маленькихъ шариковъ, съ сильною примѣсью лука и перца, жареные тоже на оливковомъ маслѣ. Мы попробовали кое-чего изъ произведеній этой кухни—и оказалось ничего, довольно вкусно. Побродивъ по улицамъ, мы посѣтили главную городскую мечеть и потомъ греческую приходскую церковь. Высокое квадратное зданіе мечети, съ пирамидальною крышей, не отличается никакими особенностями архитектурнаго стиля и производило бы самое прозаическое впечатлѣніе, если бы не громадный плющъ, роскошно покрывшій своею зеленью всю сѣверную стѣну и часть крыши. Не мало вѣковъ нужно было этому растенію, чтобы достигнуть нынѣшняго его состоянія. Никогда и нигдѣ не видалъ я подобнаго. Этотъ плющъ, какъ бы приросшій къ самой стѣнѣ, идетъ отъ земли вверхъ сажени на двѣ однимъ толстымъ, совершенно одеревенѣлымъ стволомъ болѣе фута въ поперечникѣ, и за тѣмъ начинаетъ развѣтвляться въ разныя стороны толстыми и тоже одеревенѣлыми сучьями, однимъ словомъ, это—цѣлое громадное дерево, которое не могло не показаться диковиннымъ для насъ, сѣверянъ, привыкшихъ видѣть плющъ не болѣе какъ жиденькимъ, комнатнымъ растеніемъ. Внутренность мечети совершенно пуста и лишена всякихъ украшеній, если не считать за таковыя черныхъ круговъ, намалеванныхъ на стѣнахъ, въ коихъ громадными бѣлыми буквами начертано по арабски имя Аллаха. Мечеть стоитъ посреди городской площади, приходская же греческая церковь прячется въ закоулкахъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ главной улицы; она окружена высокою каменною стѣною, окрашенною въ черный цвѣтъ, и покрыта черепичною кровлею, безъ куполовъ, даже безъ замѣтнаго креста, походя своею архитектурою на нѣчто въ родѣ нашихъ казенныхъ хлѣбныхъ амбаровъ, какъ впрочемъ и бо́льшая часть православныхъ церквей въ Европейской Турціи. Благодаря этой высокой черной стѣнѣ съ низенькою дубовою, окованною желѣзомъ, дверью, все это печальное сна-

ружи зданіе напоминаетъ скорѣе мрачный острогъ, чѣмъ храмъ христіанскій. Эта церковь — одна изъ немногихъ въ Турціи, не подвергшихся грабежу и оскверненію. На образахъ иконостаса сохранились серебряныя ризы и вѣнчики, на которые навѣшены бѣлыя кружевныя убрусы, въ родѣ нашихъ узорчатыхъ полотенецъ. Здѣсь были образа всѣхъ святыхъ, наиболѣе чтимыхъ греками, а именно: Царя Константина и Елены, Іоанна Предтечи, архидіакона Стефана, великомученика Георгія и Ѳеодора Стратилата, изъ коихъ послѣдній здѣсь всегда изображается верхомъ на бѣломъ конѣ, также какъ и Георгій.

По выходѣ изъ церкви, на одной изъ сосѣднихъ площадокъ у главной улицы, наше вниманіе случайно остановилось на приклеенномъ къ стѣнѣ печатномъ объявленіи. Оказалось, что это была прокламація великаго визиря Ибрагимъ-Эдгема-паши къ болгарамъ, отъ 15-го ноября 1877 года. Я сталъ громко читать ее—и около насъ тотчасъ же образовалась кучка слушателей болгаръ и грековъ. Въ прокламаціи говорилось о томъ благоденствіи, которымъ искони вѣковъ наслаждались болгары подъ кроткою отеческою властію Отоманскаго правительства, вслѣдствіе чего они приглашались оставаться подъ нею и впредь, для пользованія благами турецкой конституціи.

Слушатели-болгары при каждой подобнаго рода сантиментальной фразѣ, дружно разражались ироническимъ смѣхомъ и желчными замѣчаніями.

— О, да! благополучіе! благоденствіе! — говорили они, указывая на фонари и перила балконовъ,—вотъ тутъ, напримѣръ, какъ повѣсили разомъ трехъ человѣкъ на этой перекладинѣ, было одно благополучіе, а тамъ вонъ другое, а здѣсь вотъ третье,—много, много тутъ и благоденствія, и благополучія было, много!...

Мнѣ захотѣлось сохранить себѣ на память это курьезное произведеніе, и когда одинъ изъ нашихъ спутниковъ саблею сталъ срѣзывать прокламацію со стѣны, то надо было видѣть при этомъ чисто дѣтскій восторгъ и наивную радость всѣхъ этихъ болгаръ и грековъ, захлопавшихъ въ ладоши и вдругъ разразившихся громкими криками. Сами они, по собственному почину, никогда не дерзнули бы прикоснуться подоб-

нымъ образомъ къ манифесту, исходящему отъ «негова пресвѣтлаго высочества великыя визирь» *).

Затѣмъ насъ провели въ кремль, гдѣ рядомъ съ церковью и зданіями греческой митрополіи помѣщаются турецкія тюрьмы, устроенныя въ стѣнахъ и тайникахъ древней крѣпости. Тюрьмы для преступниковъ-мусульманъ находятся въ подвалахъ, гдѣ хотя и очень скверно, но въ сравненіи съ мѣстомъ заточенія христіанъ, все еще сносно; христіанская же тюрьма для «государственныхъ» преступниковъ являетъ собою нѣчто ужасное, въ прямомъ смыслѣ слова. Вмѣсто входа, въ эту послѣднюю тюрьму ведетъ слуховое окно, пробитое на высотѣ около аршина отъ земли, нынѣ заткнутое соломою и плотно заставленное деревяннымъ заслономъ; самая же тюрьма представляется въ видѣ темнаго колодца—какъ говорятъ, до 15-ти

---

*) Привожу, какъ курьезъ, этотъ документъ сполна, въ переводѣ, сдѣланномъ, по моей просьбѣ, штатнымъ переводчикомъ полеваго штаба, П. В. Оджаковымъ:

«Воззваніе его высочества великаго визиря ко всѣмъ болгарамъ, подданнымъ его императорскаго величества Султана. Болгаре! Уже много вѣковъ благоденствуете вы подъ отеческою властію отоманскаго правительства, наслаждаясь полною свободою и обезпеченіемъ вашей народности, вѣры и личныхъ правъ. Тѣ чисто братственныя отношенія, въ какихъ вы живете съ вашими соотечественниками-мусульманами и та свобода, которою вы пользуетесь въ занятіяхъ торговлею и хозяйствомъ, являютъ міру образецъ единой, совершенно благополучной, счастливой семьи. Міръ былъ свидѣтелемъ тѣхъ успѣховъ, которые, благодаря заботамъ и содѣйствію императорскаго правительства, вы дѣлали по общенародному просвѣщенію, земледѣлію, искусствамъ; міръ былъ свидѣтелемъ и того участія, которое въ принимали въ управленіи дѣлами вашей страны. Во всѣхъ вашихъ благонамѣренныхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ вамъ оказывалась вся помощь, дѣлались всяческія облегченія, какія лишь находились подъ руками и во власти правительства. Его величество Султанъ, августѣйшій вашъ государь, въ правѣ ожидать отъ васъ все болѣе и болѣе великихъ доказательствъ вашей вѣрности и преданности; между тѣмъ, нѣкоторые изъ васъ, повѣривъ словамъ зложелателей и мятежниковъ, уклонились отъ истинно-праваго, благоприличнаго пути и принялись за бунтъ и злодѣянія. Таковымъ поведеніемъ они привели въ содроганіе и удивленіе весь міръ и своими насильствами, противными чувству человѣчности, оскорбили и опечалили сердце его императорскаго величества Султана, вашего великодушнаго благодѣтеля. Впрочемъ, если бы эти простодушные люди только оглядѣлись вокругъ себя, то они увидѣли бы и поняли, что тѣ народы, которые кажутся имъ живущими въ совершенномъ благополучіи, на самомъ дѣлѣ, напротивъ того, претерпѣваютъ наибольшія страданія, будучи лишены притомъ всякой свободы. Да и кромѣ того, слова «*соплеменность*», «*народность*», которыми барабанятъ въ ихъ уши, суть ничто иное, какъ грязное надувательство. Если

аршинъ глубиною, куда преступниковъ опускали на веревкахъ. Тамъ они и умирали, если не удавалось откупиться. Намъ открыли слуховое окно и я попытался было заглянуть туда со свѣчею, но тотчасъ же долженъ былъ съ омерзенiемъ отшатнуться—до такой степени потянуло вдругъ изъ глубины отвратительнымъ смрадомъ. Сказываютъ, что тамъ на днѣ и до сихъ поръ лежатъ трупы, а послѣднiе изъ заключенныхъ были спасены жителями лишь по занятiи города корнетомъ Миллеромъ.

20-го января, еще не зная, что перемирiе уже заключено, генералъ Карцовъ направилъ 2-ю стрѣлковую роту Старо-Ингерманландскаго полка для занятiя Деде-Агача. Ради этой цѣли, еще наканунѣ, позднимъ вечеромъ, военный инженеръ штабсъ-капитанъ Ивановъ привелъ изъ Адрiанополя въ Де-

---

бы простодушные, заблудшiеся люди поняли это, то они, подобно прочимъ своимъ соотечественникамъ, сознали бы, сколь драгоцѣнно то отеческое управленiе, подъ коимъ они живутъ, и тогда, конечно, ни на волосъ не свернули бы съ пути вѣрности и правоты, не содѣлались бы причиною и орудiемъ раззорѣнiя своего края. Но слава Богу и хвала вамъ—объявляю это всѣмъ,—что количество подобныхъ зложелателей крайне ничтожно въ сравненiи съ громадною числительностiю народа вашего.

«Болгаре! Вѣрные подданные его величества! Да будетъ вамъ извѣстно, что вашъ августѣйшiй государь на столько милостивъ, на столько благъ и справедливъ, что не находитъ достойнымъ отнять свою царскую благость и милость отъ всего вообще вѣрноподданнаго ему народа болгарскаго, который онъ любитъ какъ своихъ дѣтей; не находитъ же этого достойнымъ по той простой причинѣ, что лишь самая ничтожная горсть сего народа, лишь изъ простоты и невѣжества, свернула съ праваго пути, ведущаго къ благоденствiю. Не только не сниметъ онъ, говорю, милость и любовь свою съ болгарскаго народа, но еще готовъ удостоить помилованiя всѣхъ преступниковъ, которые, сознавъ свое заблужденiе, бросятся просить милости. Поэтому всѣхъ тѣхъ изъ вашей среды, кто устрашась тяжести злодѣянiй, содѣянныхъ нѣкоторыми изъ вашихъ соотечественниковъ, покинули свои обиталища и бѣжали въ Балканы,—я, по высокой царской заповѣди, приглашаю возвратиться въ ихъ домы. Конституцiя, дарованная недавно, обезпечиваетъ каждому его настоящее и будущее. Нынѣ больше чѣмъ когда-либо всѣ вѣрные подданные его величества найдутъ и помощь, и защиту, и покровительство у правительственныхъ чиновниковъ, изъ коихъ каждый, кто позволилъ бы себѣ причинить какое-либо зло вѣрнымъ царскимъ подданнымъ, подвергнется карѣ закона. Болгаре! Вамъ надлежитъ нынѣ воспользоваться сими моими обѣщанiями, а которые не сдѣлаютъ этого и станутъ упорствовать, заставляя своихъ женъ и дѣтей мыкаться въ нищетѣ, то да будетъ грѣхъ на ихъ душѣ за тѣ тяготы и страданiя, отъ коихъ имъ предстоитъ погибель въ эту зимнюю пору!

«Царьградъ, 1877 г. ноября 15-го дня. Великiй визирь Ибрагимъ-Эдгемъ».

мотику небольшой желѣзно-дорожный поѣздъ. Деде-Агачъ представлялъ для насъ интересъ, во-первыхъ, какъ портъ на Эгейскомъ морѣ, какъ оконечный пунктъ особой желѣзно-дорожной вѣтви—пунктъ весьма важный въ стратегическомъ смыслѣ, особенно въ виду возможной войны съ англичанами, и, во-вторыхъ, потому что тамъ была сосредоточена значительная часть подвижнаго желѣзнодорожнаго состава съ нѣсколькими локомотивами, въ которыхъ мы крайне нуждались для передвиженія силъ и запасовъ нашей арміи. Отправить поѣздъ ночью было рискованно, такъ какъ состояніе пути не было намъ извѣстно; поэтому мы тронулись на разсвѣтѣ. При 2-й стрѣлковой ротѣ находились ея командиръ, штабсъ-капитанъ Яковлевъ и его субалтернъ-офицеръ, поручикъ Зубынинъ; штабсъ-капитанъ Ивановъ, съ двумя-тремя солдатами, все время слѣдовалъ на тендерѣ, управляя механизмомъ паровоза, за неимѣніемъ машиниста. Не доходя двухъ верстъ до станціи, поѣздъ остановился: впереди была видна пѣхотная турецкая цѣпь, а въ нѣкоторомъ разстояніи за нею, въ видѣ резервовъ, небольшія сомкнутыя части. Наши люди тотчасъ же высадились изъ вагоновъ. Штабсъ-капитанъ Яковлевъ разсыпалъ цѣпь въ обѣ стороны отъ полотна дороги и подалъ сигналъ наступленія. Цѣпь тронулась впередъ, а за нею, на высотѣ резерва, подвигался тихимъ ходомъ и нашъ поѣздъ. Мы не открывали огня, во-первыхъ, по дальности разстоянія, а во-вторыхъ потому, что рѣшили предоставить первый выстрѣлъ туркамъ. Противникъ, по видимому, приготовился къ дѣлу, даже усилилъ нѣсколько свою цѣпь, но когда мы приблизились почти на разстояніе вѣрнаго стрѣлковаго выстрѣла, непріятельская цѣпь по сигналу вдругъ повернула назадъ и медленно стала отходить къ порту, не открывая однако огня. Мы продолжали двигаться за нею и вскорѣ безъ выстрѣла заняли довольно обширный районъ желѣзно-дорожной станціи и самое зданіе оной, гдѣ была оставлена на всякій случай небольшая часть людей, остальная же часть роты продолжала наступленіе къ порту. Въ это время видно было, какъ турецкіе солдаты спѣшно удалялись въ лодкахъ на тунисскій пароходъ, который быстро развелъ пары и ушелъ въ море. Остальная часть деде-агачскаго гарнизона, вмѣстѣ съ его комендантомъ (какъ оказалось вскорѣ, маіоромъ), сѣ-

ла на другой пароходъ, стоявшій у берега и почему-то медлившій отплытіемъ. Между тѣмъ, портъ былъ уже занятъ нами и штабсъ-капитанъ Ивановъ послалъ сказать коменданту, чтобы онъ либо уходилъ съ пароходомъ въ море, либо сдавался, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы начнемъ непріязненныя дѣйствія. Не прошло и десяти минутъ послѣ этого предваренія, какъ и второй пароходъ ушелъ изъ порта. Такимъ образомъ Деде-Агачъ достался намъ безъ выстрѣла. Мѣстный гражданскій мюдиръ, въ полной парадной формѣ, тотчасъ же явился съ депутаціей отъ жителей и въ изъявленіе полной покорности поднесъ Иванову ключъ отъ порта. Европейскіе консулы почему-то сочли нужнымъ поднять надъ своими домами національные флаги, а англичанинъ съ австрійцемъ попытались даже протестовать противъ занятія нами порта, на томъ основаніи, что перемиріе-де уже заключено. На это имъ отвѣчали вѣжливо, но твердо и рѣшительно, что намъ о перемиріи ничего еще неизвѣстно, что мы дѣйствуемъ на основаніи распоряженій своего начальства, въ которыя и не можемъ допустить ничьего посторонняго вмѣшательства; что же касается до интересовъ иностранныхъ подданныхъ, находящихся подъ ихъ консульскимъ попеченіемъ, то эти интересы будутъ уважены и вполнѣ ограждены нашимъ оружіемъ, и что наконецъ, если господамъ консуламъ угодно, то мы приглашаемъ ихъ войдти въ качествѣ членовъ въ немедленно учреждаемый нами временный городской совѣтъ изъ представителей всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій. Консулы поблагодарили и воспользовались нашимъ предложеніемъ. Такимъ образомъ, и этотъ дипломатическій громъ оказался громомъ далеко не изъ тучи. Турецкій мюдиръ, о которомъ жители отозвались съ хорошей стороны, не заявивъ никакихъ жалобъ на его управленіе, былъ оставленъ нами временно исправлять свою должность.

Въ городкѣ найдены большіе хлѣбные запасы, а на станціи пять локомотивовъ и 170 вагоновъ, которые въ тотъ же день были постепенно отправлены въ Демотику и Адріанополь, съ необходимымъ комплектомъ машинистовъ, кочегаровъ и кондукторовъ, нашедшихся въ Деде-Агачѣ, а на слѣдующее утро сюда прибылъ весь 2-й батальонъ Старо-Ингерманландскаго полка, подъ начальствомъ маіора Духновскаго, съ частью ка-

заковъ, и окончательно утвердился въ портѣ. 22-го января къ намъ было прислано формальное извѣщеніе о перемиріи, заключенномъ 19-го числа—и деде-агачскій портъ, войдя въ районъ, отмежеванный для русской арміи, остался временно за нами.

Деде-Агачъ нельзя пока назвать городомъ въ настоящемъ смыслѣ слова; это—такъ сказать, зародышъ города, которому въ будущемъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ широкое развитіе, въ особенности если когда нибудь уничтожатся турецкіе порядки. Въ настоящее время въ немъ можно насчитать десятка три—четыре домовъ, по большей части сколоченныхъ на живую руку, изъ которыхъ нѣсколько лучшихъ и наиболѣе удобныхъ заняты разными европейскими консульствами, портовымъ начальствомъ, и желѣзнодорожными чиновниками; въ остальныхъ помѣщаются одинъ магазинъ tutti-frutti, со всевозможною дрянью европейской промышленности, и нѣсколько мелкихъ лавочекъ да кабачковъ, содержимыхъ исключительно греками. Затѣмъ, если упомянуть разныя станціонныя и портовыя строенія, техническія мастерскія, складочные сараи и рядъ хлѣбныхъ магазиновъ на пристани, то получится довольно полное представленіе о Деде-Агачѣ, построенномъ на плоскомъ низменномъ берегу Эгейскаго моря. Возвышенности отходятъ отъ берега на нѣсколько верстъ въ глубь страны, къ западу. Дома разбиты безъ всякаго плана, гдѣ кому казалось лучше; поэтому и улицъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, здѣсь почти нѣтъ. Въ разныхъ мѣстахъ передъ домами и въ кое-какихъ садикахъ попадается нѣсколько раскидистыхъ старорослыхъ деревьевъ, но растительности, вообще говоря, мало. За то видъ на Эгейское море представляетъ собою нѣчто вполнѣ достойное восхищенія, —прекрасную, единственную въ своемъ родѣ картину! Погода въ этотъ день была сухая, съ холоднымъ вѣтромъ, но воздухъ, при совершенно ясномъ небѣ, отличался замѣчательною чистотой и, такъ сказать, кристальною прозрачностію, благодаря чему не только разные кораблики, какъ предметы ближайшіе къ нашему глазу, но даже очертанія дальнихъ береговъ и острововъ совершенно ясно и отчетливо виднѣлись въ морѣ на громадныхъ разстояніяхъ. Шумно прядали на берегъ волны и разсыпались между крупными валунами, съ грохотомъ воро-

чая мелкую разноцвѣтную гальку, перемѣшанную съ массою миловидныхъ ракушекъ. Подъ безпрестанными налетами порывистаго вѣтра, море рябило сильною зыбью, и ходили по немъ, такъ называемые, барашки или зайчики: — то гребни волнъ игриво сверкали на солнцѣ жемчужно-бѣлою пѣною. Все море было окрашено какимъ-то особеннымъ зеленымъ цвѣтомъ, но не яркаго оттѣнка, который, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше переходилъ въ серебристую лазурь, почти незамѣтно сливавшуюся съ чертою горизонта. Изъ пространствъ этого моря въ разныхъ мѣстахъ вдали выдвигались, одни за другими, изящные силуэты гористыхъ архипелажскихъ островъ: къ западу видѣнъ былъ Тазосъ и смутнымъ, чуть замѣтнымъ очеркомъ обозначался Святой мысъ горы Аѳонской; прямо на югъ — сурово и гордо вздымался къ небу изъ водной черты ближайшій къ намъ островъ Самотраки, за нимъ, южнѣе—Имбро, еще далѣе — Лемносъ, миѳическое обиталище супруга Киприды, бога Вулкана; нѣсколько восточнѣе, почти на одной высотѣ съ Имбро и Самотраки, виднѣлась оконечность Галиполійскаго полуострова, спадавшая къ морю высокими террасообразными уступами. Всѣ эти берега казались окрашенными въ дымчато-лиловый цвѣтъ, который въ ближайшихъ изъ нихъ являлся съ бурымъ и синевато-фіолетовымъ оттѣнкомъ, а въ остальныхъ—чѣмъ далѣе и далѣе уходили они въ перспективу морскаго пространства, тѣмъ легкіе переливы ихъ лиловатыхъ тоновъ становились все мягче, свѣтлѣе, слабѣе.... Они какъ бы таяли и расплывались, подобно легкимъ облакамъ, въ прозрачномъ солнечномъ воздухѣ.

XC

Набѣгъ генерала Струкова

Заслуга кавалеріи. — Составъ летучаго отряда. — Ближайшая цѣль его дѣйствій. — Показанія плѣнныхъ. — Ночная рекогносцировка семенли-трновскаго моста 2-го января. — Занятіе этого моста 3-го числа. — Занятіе Іени-Загры. — Система дѣйствій летучаго отряда генерала Струкова. — Дѣло у Германлы въ ночь съ 4-го на 5-е января. — Встрѣча съ турецкимъ посольствомъ къ Великому Князю. — Укрѣпленіе Германлійской позиціи. — Занятіе города Мустафа-Паша - Кепри-Су. — Вѣсти изъ Адріанополя и занятіе этого города 8-го января. — Встрѣча со стороны населенія, депутаціи и выходка австрійскаго консула. — Занятіе адріанопольской станціи и находка 28-ми орудій. — Визитъ четырехъ консуловъ. — Прибытіе генерала Скобелева и его войскъ въ Адріанополь. — Занятіе городовъ Гефсу и Баба-Эски. — Казачьи схватки при Люле-Бургасѣ 13-го января. — Занятіе Люле-Бургаса и станціи Павло. — Становища турецкихъ бѣглецовъ у Люле-Бургаса. — Дѣло при Чорлу, 17-го января, и занятіе этого города. — Занятіе Силиври и Чаталджи. — Приказъ генерала Скобелева 2-го и его оцѣнка дѣйствій летучаго отряда.

Санъ-Стефано, 26-го марта.

Быстрымъ окончаніемъ войны главнѣйшимъ образомъ мы обязаны нашей кавалеріи, которая въ двѣ недѣли успѣваетъ пройдти пространство отъ южнаго склона Балканъ до Чаталджи, гдѣ ее захватываетъ извѣстіе о перемиріи, въ разстояніи одного кавалерійскаго перехода до Константинополя. Въ теченіи этого кратковременнаго періода кавалерія наша почти не разсѣдлываетъ, ѣстъ что̀ Богъ пошлетъ, а то за недосугомъ и совсѣмъ не ѣстъ, хотя и снабжаетъ пѣхоту громадными провіантскими запасами, спитъ, что̀ называется, въ полглаза и почти ежедневно дерется съ непріятелемъ, неся при этомъ сама ничтожныя потери.

Генералъ Струковъ еще съ самаго начала кампаніи успѣлъ зарекомендовать себя, какъ кавалерійскій начальникъ, преимущественно въ томъ родѣ дѣйствій, который по американски называется «reid», а по русски—набѣгомъ. Занятіе Барбошскаго моста на р. Прутѣ, которое обезпечило русской арміи всю операціонную линію отъ границъ Бессарабіи до Бухареста и Журжева, было исполнено полковникомъ Струковымъ; его же имя непосредственно связано и съ послѣднимъ блестящимъ набѣгомъ, который безъ сомнѣнія займетъ свое мѣсто на страницахъ русской военной исторіи.

*

1-го Января, по пріѣздѣ Великаго Князя Главнокомандующаго въ Казанлыкъ, генералъ Струковъ получилъ приказаніе Его Высочества отправляться въ отрядъ, собравшійся къ тому времени въ Эски-Загрѣ *). Главныя массы русской кавалеріи за Балканами находились въ отрядѣ генерала Гурко; на лѣвомъ же флангѣ русской забалканской арміи (ген. Радецкій) было всего лишь три полка 1-й кавалерійской дивизіи, въ числѣ коихъ казачій № 1-го полкъ. Съ такими-то незначительными силами предстояло генералу Струкову пуститься въ столь же блестящее, сколько и рискованное предпріятіе. Начальникъ 1-й кавалерійской дивизіи, генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ, по прибытіи генерала Струкова въ Эски-Загру, особымъ приказомъ назначилъ его командующимъ 1-ю бригадой **), за отсутствіемъ командира оной.

2-го января отрядъ генерала Струкова, въ составѣ 1-го лейбъ-драгунскаго Московскаго Его Величества, 1-го уланскаго Петербургскаго и сотни донскаго казачьяго № 1-го полковъ (всего 9 эскадроновъ), въ 11 часовъ утра выступилъ изъ Эски-Загры. При выходѣ изъ города генералъ Струковъ, собравъ къ себѣ начальниковъ частей и всѣхъ наличныхъ офицеровъ, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Господа, на вашу долю выпала большая честь—быть передовымъ отрядомъ авангарда арміи. На васъ будетъ смотрѣть вся армія, вся Россія. Прошу помнить мое требованіе относительно кавалерійскаго дѣла, а именно: безграничная предпріимчивость въ соединеніи съ величайшею осторожностію. Наша задача—достигнуть наибольшихъ результатовъ, при наименьшихъ потеряхъ. Мы идемъ въ набѣгъ, который вмѣ-

---

*) Составъ сего отряда слѣдующій: 1-й лейбъ-драгунскій Московскій Его Величества и 1-й уланскій Петербургскій полки, 1-я сотня 1-го казачьяго полка. Въ Адріанополѣ 10-го января къ этому отряду присоединился весь 1-й казачій полкъ и конная батарея № 1-го, а въ Чорлу лейбъ-гвардіи донская Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича батарея. Въ бытность летучаго отряда въ Германлы, къ нему на одинъ день былъ присоединенъ 9-й казачій полкъ, получившій потомъ другое назначеніе.

**) Впослѣдствіи, а именно 10-го января, въ Адріанополѣ, когда генералъ Дохтуровъ былъ назначенъ начальникомъ всей авангардной кавалеріи, въ составъ коей, кромѣ 9-го казачьяго полка и 1-й кавалерійской дивизіи, вошли еще двѣ бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, то генералъ Струковъ, приказомъ генерала Дохтурова, назначенъ былъ тогда же времено-командующимъ 1-ю кавалерійскою дивизіею.

стѣ съ тѣмъ долженъ носить характеръ общей, непрерывной рекогносцировки. Впереди предъ нами—полная неизвѣстность и что̀ намъ должно будетъ дѣлать—это укажутъ обстоятельства. Перекрестимся и пойдемъ». Рѣчь эта сдѣлала должное впечатлѣніе.

Ближайшею цѣлью движенія былъ захватъ обѣихъ линій желѣзныхъ дорогъ, филиппопольской и ямбольской, для чего надлежало главнѣйшимъ образомъ занять ихъ узелъ, станцію Трново. Направивъ уланскій полкъ, подъ начальствомъ его командира, полковника Балка, на Іени-Загру, для того чтобы овладѣть большою станціей этого города и отрѣзать телеграфную линію, связывающую Адріанополь съ Шумлою и вообще съ придунайскимъ восточнымъ краемъ Европейской Турціи, самъ генералъ Струковъ, съ Московскимъ драгунскимъ полкомъ и казачьею сотнею, двинулся къ рѣкѣ Марицѣ въ направленіи на деревню Семенли, лежащую по лѣвую сторону рѣки, противъ станціи Трново. Въ числѣ желѣзнодорожныхъ станцій между Трновымъ и Іени-Загрой находится Карабунаръ, служившій еще въ первую забалканскую экспедицію генерала Гурко пунктомъ особаго небольшаго набѣга, и сюда-то генералъ Струковъ направилъ теперь по одному взводу отъ обоихъ своихъ полковъ *) съ цѣлью, во 1-хъ, поддержанія связи между этими полками; во-2-хъ, для большей увѣренности, что телеграфъ во всякомъ случаѣ будетъ прерванъ либо въ Іени-Загрѣ, либо въ Карабунарѣ, и наконецъ въ 3-хъ, для того чтобы набѣгъ могъ быть совершонъ одновременно на три пункта, а это, въ случаѣ успѣха, конечно усилило бы панику непріятеля, не давая ему опомниться.

Всѣ три части отряда выступили въ 11 часовъ утра. День былъ морозный, послѣ оттепѣли, и потому путь покрывался сплошь гололедицею, а по сторонамъ дороги хотя и лежалъ снѣгъ, но рыхлость и глубина его не хуже гололедицы затрудняли быстроту лошадинаго хода. Боковые и дальніе разъѣзды заглядывали въ окрестныя деревни, покинутыя жителями, и между ними не было ни одной безъ слѣдовъ истребительнаго пожара. Къ счастію, огонь не вездѣ успѣвалъ уничто-

---

*) Московскаго драгунскаго, подъ начальствомъ прапорщика Живова, и Петербургскаго уланскаго, подъ начальствомъ корнета Померанцова.

жать склады ячменя, соломы и сѣна, и судя по оставшемуся количеству того и другаго, видно, что здѣсь повсюду были сосредоточены громадные запасы. Въ селеніяхъ и на дорогѣ порою встрѣчались лишь раненые турецкіе солдаты, бѣжавшіе съ Шипки; изъ мѣстнаго населенія не попадалось ни души, такъ что нашимъ разъѣздамъ не было возможности даже спрашивать дорогу. На пути они встрѣчали только покинутые обозы, скотъ, да еще стариковъ и старухъ, не могшихъ отъ безсилія слѣдовать вмѣстѣ съ бѣжавшимъ населеніемъ.

Въ семь часовъ вечера отрядъ Струкова прибылъ въ селеніе Аладагъ, отстоящее отъ Семенли верстъ на восемь. Здѣсь было приказано выкормить лошадей и сварить въ котелкахъ пищу людямъ. Начиная отъ Аладага, отрядъ вступалъ уже въ область непосредственнаго соприкосновенія съ непріятелемъ. Придя въ этотъ пунктъ, генералъ Струковъ рѣшительно не зналъ, чтó такое передъ нимъ впереди: ни мѣстность, ни силы противника не были ему извѣстны. Онъ и до сихъ-то поръ шелъ, такъ сказать, ощупью, потому что разъѣздамъ его нигдѣ не удалось добыть порядочнаго и свѣдущаго «языка», да и вообще, начиная отъ самаго спуска съ Балканъ, у него не имѣлось о непріятелѣ ровно никакихъ свѣдѣній. Но и кромѣ этого, невыгоды положенія его усиливались еще тѣмъ, что находясь въ Аладагѣ, онъ былъ значительно удаленъ отъ ближайшихъ своихъ пѣхотныхъ поддержекъ. По мѣрѣ приближенія къ Аладагу, отрядъ все болѣе и болѣе натыкался на партіи баши-бузуковъ и нагонялъ кучки вооруженныхъ бѣглецовъ и аскеровъ. Вслѣдствіе этихъ столкновеній, къ генералу безпрестанно приводили разныхъ лицъ, и хотя съ нихъ тотчасъ же снимались показанія, но все это не давало ему нужныхъ свѣдѣній, пока между прочими не былъ приведенъ одинъ арабъ, который своимъ громаднымъ ростомъ, звѣроподобнымъ лицомъ и оригинальнымъ костюмомъ вызвалъ смѣхъ цѣлаго отряда: на арабѣ была надѣта сборчатая суконная юпка, какія обыкновенно носятъ сельскія болгарки, и эта юпка преуморительно виляла на немъ изъ стороны въ сторону, почему солдаты и окрестили его «лисицей», а другіе, которые пограмотнѣе, прозвали «Юліей Пастраной». Отъ этого плѣнника и отъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, подтвердившихъ существенную сторону его показаній,

генералъ Струковъ узналъ, что большой желѣзнодорожный мостъ черезъ Марицу, ведущій къ станціи Трново, находится у самой деревни Семенли и защищается по сю сторону одною ротою, а по ту—цѣлымъ таборомъ пѣхоты и землянымъ укрѣпленіемъ на шесть орудій, что въ сосѣднее мѣстечко Германлы уже послано за двумя таборами для усиленія мостовой обороны и что, наконецъ, рѣка въ настоящую пору очень глубока, по случаю разлива. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что арабъ былъ присланъ на этотъ берегъ съ цѣлью провѣдать чифтликъ (ферму) одного изъ своихъ офицеровъ—все ли тамъ въ порядкѣ и цѣлы ли запасы. Узнавъ это, Струковъ приказалъ забрать съ фермы въ соразмѣрномъ количествѣ все годное на пищу лошадямъ и людямъ. Эта мѣра вызывалась крайнею необходимостію, такъ какъ при отрядѣ не было ровно никакихъ запасовъ на дальнѣйшее время. Всѣ эти развѣданные факты и обстоятельства невольно заставляли призадуматься: хотя драгунъ можно было бы спѣшить для атаки моста, и хотя всѣ они молодцы несомнѣнные, но какъ съ такими, сравнительно ничтожными силами брать мостъ, защищаемый болѣе чѣмъ таборомъ регулярной пѣхоты и укрѣпленіемъ, вооруженнымъ шестью орудіями?! Между тѣмъ уже совсѣмъ стемнѣло, и съ наступившею ночью стало еще холоднѣе. Все это побудило Струкова дать утомленному отряду необходимый отдыхъ, а къ мосту направить небольшую развѣдочную партію, и для этой цѣли онъ отрядилъ 2-й эскадронъ московцевъ подъ командою капитана Аммосова. Инструкція, данная при этомъ эскадронному командиру, заключалась въ слѣдующемъ: Пользуясь ночью, хорошенько развѣдать всѣ обстоятельства около моста и, если темнота позволитъ, захватить его въ свои руки, что̀ при извѣстной ловкости исполненія, по всей вѣроятности, должно бы увѣнчаться успѣхомъ: «на то̀ мы и предприняли кавалерійскій набѣгъ»; но при этомъ слѣдуетъ обойдтись по возможности безъ потерь—«потому что потери, если въ нихъ не настоитъ самой крайней нужды—вовсе не кавалерійское дѣло», и во всякомъ случаѣ дѣйствовать съ осторожностію, «не зарываясь». Съ этою инструкціею, благословясь на *первое* дѣло, капитанъ Аммосовъ выступилъ къ Семенли въ десять часовъ вечера.

Эскадронъ живо прошелъ восьми-верстное разстояніе и когда приблизился къ Семенли, то оказалось, что деревня эта до такой степени запружена безконечными обозами, что двигаться среди нихъ по извилистымъ болгарскимъ улицамъ и закоулкамъ, да еще ночью, было почти невозможно. Тѣмъ не менѣе, чтобы достичь моста, не оставалось ничего, какъ только пробиться черезъ деревню. Капитанъ Аммосовъ по неволѣ рѣшился на эту попытку и приказалъ своимъ драгунамъ спѣшиться для атаки. Тысячи эмигрантовъ-турокъ, защищавшихъ свои обозы, вздумали было оказать вооруженное сопротивленіе, но драгуны, работая штыками направо и налѣво, между арбами и каруццами, продвинулись наконецъ къ мосту, съ котораго встрѣтила ихъ регулярная пѣхота ружейнымъ залпомъ. Прогнавъ штыками около ста человѣкъ пѣхотинцевъ, отбѣжавшихъ до середины моста и тамъ остановившихся, капитанъ Аммосовъ овладѣлъ мостовымъ устьемъ и тотчасъ же приступилъ къ снятію рельсовъ и телеграфной проволоки, что̀ было исполнено прапорщикомъ Камсараканомъ. Между тѣмъ завязалась перестрѣлка, которая, судя по началу, обѣщала быть продолжительною и безцѣльною. Не видя въ ней пользы и не желая даромъ тратить время и патроны, капитанъ Аммосовъ вызвалъ охотниковъ для дальнѣйшей атаки моста, который простирается на 450 шаговъ (150 сажень) въ длину, при высотѣ въ 42 фута надъ рѣчнымъ уровнемъ. Когда, вышедшіе въ числѣ охотниковъ, прапорщики Веревкинъ и Рѣшетовъ бросились впередъ и, пролагая себѣ дорогу, принялись разворачивать арбы, загромождавшія нѣкоторое пространство настилки, турки замѣтивъ это отошли на свой берегъ, залегли тамъ и открыли огонь настолько сильный, что охотники, дойдя до середины моста, вынуждены были пріостановиться. Тутъ лежала какая-то опрокинутая повозка, послужившая для нихъ довольно удобнымъ закрытіемъ: охотники залегли за нее и стали отвѣчать хорошо выдержаннымъ огнемъ, который отразилъ всѣ попытки противника выбить ихъ изъ-за баррикады. Турки сыпали пули по направленію повозки, но наши, не неся отъ нихъ ни малѣйшаго ущерба, упорно продолжали удерживать свою позицію. Тогда къ ружейному огню присоединился и артиллерійскій, направляемый съ высоты, командующей надъ обоими

берегами. Этотъ послѣдній обнаружилъ присутствіе на высотѣ особой батареи, устроенной для защиты моста на шесть дальнобойныхъ орудій: два изъ нихъ обстрѣливали самый мостъ, другія два — деревню Семенли, и наконецъ остальныя дѣйствовали въ направленіи дороги, ведущей къ названному селенію. При этой канонадѣ легко былъ контуженъ капитанъ Аммосовъ, чѣмъ и ограничился вредъ, нанесенный намъ артиллерійскими снарядами. Видя, что охотниковъ никакъ не выбьешь изъ-за ихъ закрытія и вѣроятно опасаясь дальнѣйшаго наступленія, турки тоже начали на своей сторонѣ моста снимать настилку и рельсы. Поспѣшная работа ихъ слышна была по стуку топоровъ и молотовъ. Къ сожалѣнію, въ это время луна скрылась за тучи и наступившая тьма не дала намъ возможности слѣдить далѣе за всѣмъ, что дѣлалось на томъ берегу у противника. Между тѣмъ, кучки вооруженныхъ бѣглецовъ, занимавшихъ Семенли и его околицу, въ числѣ болѣе пяти тысячъ человѣкъ, опомнясь нѣсколько отъ перваго испуга, начали не только стрѣлять изъ своихъ «албанокъ», но и бросаться на драгунъ съ саблями и ятаганами, причемъ у насъ одинъ былъ раненъ въ руку холоднымъ оружіемъ. Такимъ образомъ наши очутились подъ двойнымъ огнемъ — съ того берега и изъ деревни. Помня приказаніе Струкова — быть крайне осторожнымъ и отнюдь не нести безцѣльныхъ потерь, тѣмъ болѣе что задача развѣдки была уже достигнута, капитанъ Аммосовъ приказалъ охотникамъ оставить мостъ, кликнулъ коноводовъ и отступилъ съ эскадрономъ на свой полкъ, прибывъ къ шести часамъ утра на мѣсто его расположенія.

Генералъ Струковъ уже въ часъ ночи получилъ отъ Аммосова первое донесеніе, доставленное вольноопредѣляющимся Щепкинымъ, котораго пытались было перехватить на дорогѣ баши-бузуки, но не успѣвъ въ этомъ, пустили по немъ нѣсколько выстрѣловъ въ догонку. Это донесеніе вполнѣ подтвердило показанія плѣннаго араба, какъ относительно числа орудій, такъ и о количествѣ низама и вооруженныхъ эмигрантовъ. Вторичное донесеніе о подробностяхъ дѣла было доставлено уже не задолго до разсвѣта прапорщикомъ графомъ Капнистомъ, за которымъ на пути тоже гонялись съ выстрѣлами баши-бузуки. Хотя капитану Аммосову и не уда-

лось захватить въ свои руки мостъ, тѣмъ не менѣе набѣгъ его былъ исполненъ какъ слѣдуетъ: часть ямбольской дороги разрушена, телеграфъ прерванъ, а главное — развѣдочная сторона предпріятія дала самые положительные результаты. Но эти-то результаты и наводили довольно серьезное раздумьѣ на счетъ того, какъ быть дальше? Соображая на ихъ основаніи свое положеніе относительно силъ противника, Струковъ не могъ не придти къ заключенію, что положеніе это довольно затруднительно: артиллеріи нѣтъ, пѣхоты тоже, да и ближайшая изъ пѣхотныхъ частей (отрядъ Скобелева 2-го), при самомъ усиленномъ маршѣ, могла быть въ данный моментъ не ближе какъ въ 60-ти верстахъ отъ Семенли; изъ наличныхъ же силъ — подъ рукою пока только четыре эскадрона, что̀ при спѣшеніи двухъ третей ихъ состава могло дать около 350-ти берданокъ, съ которыми надлежало разсѣять вооруженное пяти-тысячное скопище, взять мостъ и батарею — потому что иначе ее не заставишь молчать, — а для этого необходимо предварительно разбить таборъ низама, въ которомъ число штыковъ, конечно, превышало наши 350 берданокъ. Но не столько смущала въ данный моментъ пѣхота, сколько турецкая артиллерія, при полномъ отсутствіи у насъ этого рода оружія. А въ то же время и мостъ нельзя было оставлять дольше въ рукахъ турокъ, и еще менѣе — дозволить имъ уничтожить его, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ чрезвычайно затруднилась бы переправа всего лѣваго фланга нашей забалканской арміи, а чрезъ то замедлился бы и весь дальнѣйшій ходъ ея операцій, которыя послѣ перевала черезъ хребетъ прежде всего требовали быстроты, дабы успѣть предупредить противника на пути его отступленія къ Адріанополю. Но именно для этой-то цѣли и требовалось перехватить линію филиппопольскую, которая въ данномъ положеніи дѣлъ являлась гораздо важнѣе ямбольской, служа операціонною линіею для арміи Сулеймана — послѣдней, еще не уничтоженной арміи турокъ, — отрѣзать же эту линію возможно было не иначе, какъ овладѣвъ семенлійскимъ мостомъ и занявъ станцію Трново. Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, оставалось только поискать — нѣтъ ли какихъ выгодъ и въ пользу летучаго отряда, въ случаѣ если пришлось бы возобновить попытку противъ моста? Средство нашлось, но только одно,

и то гадательное: можно было думать, что неожиданность ночнаго набѣга навѣрное сдѣлала свое внушительное впечатлѣніе на турокъ, которые, принимая въ соображеніе всю *недавность* рѣшительныхъ событій 28-го декабря на Шипкѣ и у Шейнова, конечно не могли разсчитывать на такую быстроту появленія русскихъ силъ у Трнова, въ разстояніи всего лишь двухъ переходовъ отъ Адріанополя. Хотя эскадронъ Аммосова и отступилъ, но уже самая возможность его неожиданнаго появленія въ этомъ мѣстѣ навѣрное должна была озадачить противника, а на бѣгущее населеніе нагнать усиленную панику, потому что и безъ того уже, находясь подъ ея вліяніемъ, оно теперь ежеминутно могло ожидать повторенія нашихъ налетовъ. При томъ же, какъ извѣстно, «у страха глаза велики», отчего онъ и склоненъ всегда преувеличивать силы и способы врага, а тѣмъ болѣе ночью. Развѣдать въ точности наличныя силы летучаго отряда — турки, очевидно, пока еще не имѣли возможности, а потому самая неизвѣстность о его количествѣ могла послужить въ нашу пользу; слѣдовало только съ дерзкой, рѣшительной настойчивостью сейчасъ же повторить свою попытку, не давъ еще противнику опомниться отъ перваго ошеломляющаго впечатлѣнія. Таково было наше гадательное средство успѣха, основанное болѣе на психологіи, чѣмъ на тактикѣ, и генералъ Струковъ рѣшился попытать его.

Съ разсвѣтомъ онъ выѣхалъ къ выстроенному полку, поблагодарилъ 2-й эскадронъ за молодецкую рекогносцировку и тутъ же взялъ лейбъ-эскадронъ (капитана Касторскаго), съ однимъ взводомъ 4-го эскадрона (подъ начальствомъ прапорщика Червонецкаго), и самъ повелъ эту часть впередъ, сказавъ людямъ въ краткой рѣчи, что «Государевъ эскадронъ долженъ быть счастливый», а полковнику Языкову приказалъ слѣдовать за собою съ остальными тремя эскадронами и поддержать, въ случаѣ надобности, атаку. Еще не было восьми часовъ утра, когда головная часть, выбравшись на возвышенность, показалась въ виду турецкаго расположенія. Деревня Семенли все еще была загромождена обозами, народомъ и стадами, хотя значительныя массы каруццъ и людей уже успѣли переправиться на тотъ берегъ по мосту, на паромѣ, въ лодкахъ и даже въ бродъ; но почти всѣ избрав-

шіе этотъ послѣдній путь сдѣлались жертвами глубины и быстраго теченія: тонули люди, борясь со смертью, тонули повозки, лошади, скотъ; однихъ сносило внизъ водою, другіе прямо шли ко дну... Шумъ и вопль наполнялъ всю окрестность. Во всемъ замѣтно было страшное смятеніе, переполохъ, паника... Эта поспѣшная переправа, какъ объяснилось потомъ, началась тотчасъ же вслѣдъ за отступленіемъ 2-го эскадрона. Такимъ образомъ, разсчетъ на панику, судя по этому обстоятельству, оказался вѣренъ. На ту сторону велъ длинный изогнутый дугою мостъ на высокихъ каменныхъ устояхъ; въ полуверстѣ за нимъ виднѣлись зданія станціи, вокругъ которой огромное пространство, версты на двѣ, было точно также, какъ и въ Семенли, покрыто обозами, людьми и стадами; влѣво отъ моста возвышался бугоръ, увѣнчанный землянымъ брустверомъ, изъ-за котораго выглядывали шесть пушекъ. Замѣтивъ новое появленіе драгунъ на возвышенности нашего берега, турки поспѣшили зажечь, съ противоположнаго конца деревянныя балки, перекладины и настилку моста, и тогда, съ появленіемъ огня, ужасъ бѣглецовъ, остававшихся еще на нашей сторонѣ вокругъ Семенли, достигъ послѣдняго предѣла: этотъ пожаръ, отрѣзывая имъ путь, лишалъ ихъ всякой надежды на спасеніе; они были твердо увѣрены, что русскіе перебьютъ и перерѣжутъ ихъ до послѣдняго человѣка; но еще болѣе чѣмъ русскихъ опасались болгаръ, такъ какъ деревня Семенли была одна изъ тѣхъ, гдѣ въ августѣ 1877 года свирѣпствовалъ широкій разгулъ мусульманскихъ неистовствъ. По занятіи моста и станціи, Струковъ приказалъ торжественно, во имя Царя-Освободителя, повалить висѣлицу, постановленную турками на возвышенности у моста, и кромѣ того, въ присутствіи служащихъ на станціи иностранцевъ и болгарскаго священника, былъ составленъ протоколъ о числѣ августовскихъ жертвъ турецкаго звѣрства въ этой деревнѣ.

При появленіи драгунъ, таборъ низама вышелъ изъ-за батарейнаго бруствера и началъ спускаться къ берегу, на встрѣчу нашимъ. Дабы развлечь вниманіе противника и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать вѣрнѣе направленіе пути, по которому шелъ таборъ, Струковъ выслалъ влѣво отъ дороги усиленный взводъ, подъ начальствомъ прапорщика Раутсмана, а

самъ поспѣшно двинулся впередъ, спѣшилъ въ деревнѣ людей и объяснивъ имъ и капитану Касторскому, что̀ и какъ теперь дѣлать, бросился на мостъ безъ выстрѣла и не выжидая перваго огня со стороны турокъ. Положеніе было критическое и требовало немедленныхъ рѣшительныхъ мѣръ. Струковъ первый, во главѣ драгунъ, бросился на мостъ, и эта настойчивость, по видимому, повліяла на воображеніе турокъ: таборъ почти въ пятьсотъ человѣкъ вдругъ отшатнулся отъ берега и сталъ отступать къ станціи, но отступать тихо, шагъ за шагомъ, останавливаясь и слѣдя за всѣмъ, что дѣлаютъ наши. А нашимъ прежде всего надо было теперь спасать мостъ, и потому всѣ — отъ генерала до послѣдняго солдата—энергически принялись за тушеніе пожара, рубили шашками обгорѣлыя доски, на бечевкахъ спускали въ рѣку походные котелки, холщевыя ведра и посредствомъ ихъ заливали пылающія брусья и балки. Къ счастію, пожаръ не успѣлъ распространиться: мостъ обгорѣлъ на протяженіи менѣе десяти саженъ. Въ это время появленіе полковника Языкова, занявшаго Семенли, подѣйствовало на турокъ еще внушительнѣе, въ особенности когда они увидѣли, что драгуны лейбъ-эскадрона перебираются на ихъ сторону по уцѣлѣвшимъ рельсамъ и бревнамъ. Не дожидаясь удара, таборъ взялъ направленіе къ югу, на Германлы, и благоразумно ретировался. Но не смотря на это, мы еще не могли считать дѣло поконченнымъ: мѣстные болгары и одинъ захваченный въ плѣнъ аскеръ объяснили, что турки еще съ ночи, послѣ перепалки съ русскими, послали въ Германлы за двумя таборами, которые каждую минуту могли появиться и замедлить успѣхъ нашего дѣла. Поэтому генералъ Струковъ приказалъ одной части драгунъ какъ можно скорѣе чинить мостъ и класть настилку, для которой прекраснымъ подручнымъ матеріаломъ послужили грядки и поды покинутыхъ арбъ и повозокъ. Между тѣмъ лейбъ-эскадронъ успѣлъ же перейдти на правый берегъ Марицы, и здѣсь ему было приказано захватить шесть турецкихъ орудій, оставленныхъ на батареѣ, которая находилась въ разстояніи полуверсты отъ полотна желѣзной дороги. Мостъ легко могъ бы сдѣлаться еще разъ предметомъ боеваго спора, если бы на помощь пассивно отступавшему табору подошло достаточное подкрѣп-

леніе, которое придало бы ему хотя сколько нибудь энергіи, а потому заблаговременный захватъ орудій представлялся теперь самою настоятельною мѣрою. Люди лейбъ-эскадрона бѣгомъ пустились къ батареѣ и черезъ какія нибудь десять-пятнадцать минутъ уже тащили на рукахъ по глубокому снѣгу и съ крикомъ «ура» всѣ шесть орудій, у которыхъ впрочемъ турки вынули и унесли съ собою затворы. Въ это время успѣли кое-какъ уложить на мостъ первую настилку, по которой пушки и были переведены на лѣвый берегъ. Все это было сдѣлано на глазахъ арріергарда отступившаго низама, который продолжалъ еще стоять въ наблюдательномъ положеніи недалеко отъ станціи. Между тѣмъ, пока починка моста продолжалась болѣе прочнымъ образомъ, генералъ Струковъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Алексѣевымъ сѣли на дрезину и покатили на станцію, чтобы захватить телеграфъ, который, какъ оказалось на мѣстѣ, успѣлъ уже дать знать по всей линіи, что русскіе атакуютъ мостъ. Впрочемъ, впослѣдствіи было узнано, что это намъ же послужило на пользу. По прибытіи на станцію, генералъ Струковъ немедленно снялъ аппаратъ, прервавъ такимъ образомъ сообщеніе съ Филиппополемъ и Адріанополемъ, затѣмъ захватилъ корреспонденцію и бумаги, изъ которыхъ, равно какъ и изъ показаній служащихъ на станціи, обнаружилось, что изъ Ямболя переправлено было въ Филиппополь 29 экстренныхъ поѣздовъ, изъ 14-ти вагоновъ каждый, по требованію Сулеймана-паши, который перевезъ на нихъ 30,000 войска; что 24-го декабря прослѣдовалъ черезъ станцію Трново послѣдній изъ означенныхъ поѣздовъ, на которомъ находился и самъ Сулейманъ со своимъ штабомъ; что 1-го января была депеша отъ Сулеймана изъ Филиппополя, въ которой онъ настойчиво требовалъ отъ директора желѣзной дороги немедленной присылки всего подвижнаго состава для перевозки своей арміи изъ-подъ Филиппополя въ Адріанополь. Требованіе это осталось безъ исполненія, благодаря тому, что черезъ день, т. е. 3-го числа, станція Трново была уже въ нашихъ рукахъ. Изъ этой корреспонденціи теперь выясняется, почему Сулейманъ не хотѣлъ принимать боя отъ генерала Гурко 3-го января, а напротивъ вступилъ въ рѣшительныя дѣла 4-го и 5-го: онъ ежеминутно ожидалъ прибы-

тія всего подвижнаго состава, чтобы привезти свои 30,000 въ Адріанополь свѣжими, еще не тронутыми боемъ, а когда узналъ, что прямой путь ему уже отрѣзанъ, то конечно оставалось только вручить свою участь судьбѣ сраженія, которая и привела его къ несчастному отступленію въ горы, на Станимаку.

На станціи мы не нашли ничего изъ подвижнаго состава, который еще на разсвѣтѣ весь былъ отосланъ въ Адріанополь. Къ вечеру драгуны уже окончательно исправили мостъ, что̀ дало возможность перевести на правый берегъ 4-й эскадронъ съ конями и выставить аванпосты къ сторонѣ Германлы и въ направленіи филиппопольской дороги. Генералъ Струковъ не задался преслѣдованіемъ отступившаго табора, тѣмъ болѣе, что уже было поздно; главнѣйшею его цѣлью теперь было—удержать въ своихъ рукахъ станцію и мостъ, а это естественно вызывало на изысканіе подходящихъ мѣръ и средствъ къ оборонѣ, на случай возможнаго нападенія ночью. Трудно было допустить мысль, чтобы турки, не смотря даже на всю ихъ панику, такъ легко могли уступить намъ столь важный стратегическій узелъ, безъ всякой дальнѣйшей попытки возвратить его себѣ, во что бы ни стало; не могли же они, въ самомъ дѣлѣ, не сознавать, что разъ Трново въ русскихъ рукахъ, то это даетъ возможность громаднымъ силамъ русской арміи безостановочно двинуться на Адріанополь, отрѣзываетъ Сулейману его тылъ, уничтожаетъ всякое сообщеніе его съ Константинополемъ, прекращаетъ желѣзно-дорожное движеніе войскъ изъ Сливно, Котла, Карнабата и проч., вынуждая эти войска тянуться по грунтовымъ дорогамъ въ самое неудобное для сего время. Ясно, что турки должны были опомниться отъ своего ошеломленія и непремѣнно сдѣлать отчаянную попытку къ возврату себѣ моста и станціи; но къ нашему удивленію, паника все пересилила. Никакой попытки со стороны противника не сдѣлано, и ночь на станціи Трново прошла совершенно спокойно. Наша убыль: одна контузія (капитанъ Аммосовъ), одна рана холоднымъ оружіемъ и двѣ убитыя лошади; наша прибыль—спасенный мостъ, занятая станція со всѣми стратегическими отъ сего послѣдствіями, шесть дальнобойныхъ крупповскихъ орудій, громадное количество скота и всякаго провіанта. Драгуны, готовые

на все и бодрые до послѣдней минуты, не смотря на то, что двóе сутокъ не спали, все время вели себя истинными молодцами.

Генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 2-й увѣдомленный тотчасъ же Струковымъ о результатахъ дня, не замедлилъ воспользоваться успѣхомъ кавалеріи и поддержать его: на другой же день усиленнымъ маршемъ изъ Эски-Загры подоспѣлъ въ Трново батальонъ пѣхоты, а вскорѣ за тѣмъ и весь Скобелевскій отрядъ уже былъ на мѣстѣ.

Пока все описанное происходило въ Семенли и въ Трновѣ, Петербургскій уланскій полкъ, высланный для набѣга въ Іени-Загру, захватилъ этотъ городъ, вытѣснивъ изъ него непріятеля, причемъ воспользовался цѣлымъ лагеремъ, оставленнымъ турками, занялъ желѣзно-дорожную станцію и прервалъ всякое телеграфное сообщеніе съ мѣстностями, находившимися еще подъ властію непріятеля. Къ сожалѣнію, промежуточный отрядецъ изъ двухъ взводовъ Московскаго и Петербургскаго полковъ, посланный на станцію Карабунаръ, ошибся дорогою и вмѣсто Карабунара попалъ на станцію Магалесси, гдѣ наткнулся на большія партіи черкесовъ и потому не могъ произвести правильной порчи желѣзной дороги и телеграфа, а ограничился лишь тѣмъ, что прапорщикъ Живовъ, ворвавшись въ телеграфную комнату, сжегъ находившіяся тамъ бумаги. Какъ въ Іени-Загрѣ, такъ и въ Магалесси найдены были большіе склады галетъ и зерна, которыми отрядъ воспользовался на другой день, пославъ за ними особую команду.

5-го января, отрядъ Скобелева 2-го уже сосредоточился въ Трновѣ, а генералъ Струковъ еще въ ночь съ 4-го на 5-е число выслалъ 3-й эскадронъ московскихъ драгунъ, подъ начальствомъ маіора Чулкова, къ мѣстечку Германлы, съ цѣлью развѣдать о непріятелѣ, такъ какъ филиппопольско-адріанопольское шоссе—возможный путь отступленія Сулеймановой арміи—проходитъ черезъ это мѣстечко, да за одно уже—занять и желѣзно-дорожную станцію, чтобы прервать телеграфное сообщеніе Германлы съ Адріанополемъ. Будучи крайне бѣденъ кавалерійскими силами, генералъ Струковъ, дабы не обнаруживать свою малочисленность, рѣшился вообще избѣгать по возможности дѣйствій днемъ, и принялъ въ общихъ

чертахъ такую систему; быстрый неожиданный налетъ небольшой части туда, гдѣ ее менѣе всего ожидаютъ; и чѣмъ больше эта часть выдвинется впередъ, тѣмъ лучше (лишь бы только успѣла «удрать» во-время), потому что такіе нежданные наѣзды въ глубь страны болѣе всего распространяютъ въ населеніи панику; часть должна быть непремѣнно маленькая, увертливая, не болѣе эскадрона, чтобы могла удобнѣе скрыть себя какъ до нападенія, такъ и послѣ него; нападеніе производить не иначе какъ въ расплохъ, а потому лучше всего дѣлать его въ ночное время: ночь скрываетъ ничтожность силы нападающаго, въ громадной степени увеличиваетъ панику противника, заставляетъ его считать нападающаго несравненно сильнѣе, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. Когда ночное нападеніе сдѣлано (удачно, или не совсѣмъ—это почти все равно), тогда повторить его уже всѣмъ летучимъ отрядомъ, но повторить какъ можно скорѣе, чтобы не дать противнику времени опомниться и принять надлежащія мѣры. Такая система, при малочисленности летучаго отряда, безспорно является самою лучшею, самою цѣлесообразною.

Итакъ, маіоръ Чулковъ въ десять часовъ вечера выступилъ съ 3-мъ эскадрономъ изъ Трнова на Германлы и черезъ часъ уже былъ у цѣли своего набѣга. Обслѣдовавъ предварительно шоссе между Германлы и Хаскіоемъ, онъ подался къ горбатому каменному мосту черезъ Марицу, ведущему по шоссейной дорогѣ, въ мѣстечко, котораго крайніе дома находятся лишь въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ моста. Замѣтивъ здѣсь скопленіе громадныхъ обозовъ, подъ прикрытіемъ небольшой части пѣхоты, ушедшей вчера изъ Трнова, и до трехъ тысячъ вооруженныхъ бѣглецовъ изъ-подъ Филиппополя, маіоръ Чулковъ свернулъ съ шоссе на полотно желѣзнаго пути, пересѣкъ излучину Марицы по желѣзно-дорожному мосту и занялъ станцію, находящуюся въ двухъ верстахъ за мѣстечкомъ. Захватъ бумагъ и телеграфа былъ исполненъ, согласно приказанію, въ точности, и Чулковъ, пославъ прапорщика Горталова съ донесеніемъ объ этомъ къ генералу Струкову, уже готовился было возвратиться въ Трново, какъ вдругъ люди его замѣтили, что желѣзно-дорожный мостъ горитъ.

Какъ оказалось потомъ, подъ утро, это было дѣло турокъ, которые вознамѣрились легкимъ способомъ устроить «москову»

ловушку. Заниматься тушеніемъ огня драгунамъ было некогда, да и не безопасно, а между тѣмъ этотъ пожаръ отрѣзывалъ эскадрону прямой путь возвращенія къ своему полку. Чулкову теперь не оставалось ничего болѣе, какъ только идти въ мѣстечко, занять его и уже оттуда силою проложилъ себѣ дорогу къ шоссе черезъ горбатый каменный мостъ. Принявъ такое рѣшеніе, онъ на рысяхъ повелъ эскадронъ въ Германлы и проникъ по улицамъ къ берегу, но тутъ оказалось, что горбатый мостъ уже забаррикадированъ повозками и цѣлымъ гуртомъ рогатаго скота, причемъ турки, чтобы сдѣлать изъ быковъ и буйволовъ плотный заслонъ, связали ихъ между собою за хвосты, рога и ноги веревками. Прикрываясь этою оригинальною баррикадой, они съ моста и съ противнаго берега открыли по драгунамъ пальбу. Маіоръ Чулковъ спѣшилъ три взвода и засѣлъ съ ними въ домахъ, прилегающихъ къ мосту. Началась оживленная и продолжительная перестрѣлка, которая, къ сожалѣнію, стоила намъ довольно значительной потери: въ эскадронѣ убыло десять драгунъ, изъ коихъ двое убиты, прапорщикъ Протасьевъ раненъ и кромѣ того убито три лошади, да двѣ пристрѣлены за неизлѣчимостію ранъ. Положеніе становилось довольно критическимъ, тѣмъ болѣе, что извѣстить о немъ полкъ не было возможности. Но тутъ помогъ случай: прапорщикъ Горталовъ, ѣдучи съ донесеніемъ къ генералу, услышалъ на пути долетавшіе отъ Германлы звуки горячей перестрѣлки, прислушиваясь обернулся назадъ, увидѣлъ зарево и догадался, что тамъ у нашихъ должно быть не совсѣмъ-то ладно. Благодаря быстротѣ своей лошади, онъ къ полуночи прискакалъ въ Трново и доложилъ генералу о своихъ предположеніяхъ. Струковъ сейчасъ же направилъ въ Германлы подполковника Алексѣева, съ лейбъ-эскадрономъ, приказавъ ему очистить Германлы отъ скопищъ, во что бы то ни стало, и нагнать панику, которая распространилась бы вокругъ, а при этомъ предупредилъ Алексѣева, что въ случаѣ надобности поддержка ему будетъ сейчасъ же, силами всего отряда.

Между тѣмъ въ часъ ночи пришелъ изъ Адріанополя экстренный поѣздъ, въ которомъ слѣдовали Серверъ-паша и Намыкъ-паша, отправлявшіеся въ Казанлыкъ къ Великому Князю съ предложеніемъ о перемиріи. Пожаръ моста былъ причи-

ною задержки этого поѣзда на германлыйской станціи. Слыша выстрѣлы и узнавъ, что въ мѣстечкѣ идетъ бой, паши послали туда своего секретаря, съ порученіемъ отыскать русскаго начальника и предложить ему свои услуги къ тому, чтобы именемъ Сервера и Намыка огонь турокъ сейчасъ же былъ остановленъ. Маіоръ Чулковъ, выслушавъ секретаря, просилъ передать пашамъ, что онъ благодаритъ ихъ за столь любезное предложеніе, но воспользоваться имъ не можетъ, такъ какъ не получалъ отъ своего начальства никакихъ инструкцій на такой экстраординарный случай, и полагаетъ, что разъ уже онъ вызванъ на дѣло, то надо его кончить, причемъ разсчитываетъ, что управится и самъ своими собственными силами и средствами.

Паши еще сидѣли на станціи, когда въ началѣ третьяго часа ночи лейбъ-эскадронъ, какъ снѣгъ на голову, налетѣлъ на турокъ въ тылъ у горбатаго моста и пошелъ топтать ихъ копытами и крошить шашками. Заслышавъ на томъ берегу родное «ура», мѣшавшееся съ воплями ужаса, маіоръ Чулковъ сейчасъ же бросился на мостъ и штыками проложилъ себѣ по немъ дорогу на противную сторону. Атакованные съ тыла и фронта, турки, какъ шальные, въ испугѣ и переполохѣ замѣтались во всѣ стороны, и тутъ произошелъ разгромъ громаднаго обоза и его защитниковъ. Все, что уцѣлѣло (а уцѣлѣло не много), кинулось бѣжать въ разбродъ, куда глаза глядятъ, ища только спасенія своей жизни. Въ улицахъ мѣстечка на турокъ ожесточенно накинулись мѣстные болгары— и не многимъ удалось уйдти отъ ихъ мщенія. Хотя и трудно было нашимъ драгунамъ разбирать въ потьмахъ, кто мужчина, кто женщина, но послѣднихъ вообще старались щадить, за исключеніемъ конечно тѣхъ, которыя упорно оказывали въ этомъ разгромѣ вооруженное сопротивленіе. Надо отдать справедливость турецкимъ женщинамъ: многія изъ нихъ, при случаѣ, прекрасно и стойко дерутся, работая ружьемъ и ятаганомъ.

На другой день Серверъ и Намыкъ, которые, благодаря пожару моста, должны были доѣхать до Трнова въ экипажахъ, сами видѣли въ мѣстечкѣ слѣды ночнаго разгрома, и генералъ Струковъ, при встрѣчѣ съ ними, счелъ долгомъ объяснить причины этого обстоятельства: не мы начали дѣло; сами же турки вздумали устроить Чулкову ловушку и первые встрѣ-

тили его эскадронъ огнемъ изъ-за баррикады съ того берега, и не наша вина, если имъ такъ жестоко пришлось поплатиться за это; съ нами, къ сожалѣнію, дерется не только войско, но и вооруженный турецкій народъ. Намъ же горбатый мостъ былъ нуженъ, чтобы стать на пути отступленія Сулеймана по шоссе, а такъ какъ вооруженные жители и низамъ защищали его съ крайнимъ упорствомъ, которое стоило намъ довольно чувствительныхъ потерь, то и не оставалось ничего болѣе, какъ рѣшить дѣло силою оружія. Потери турокъ при разгромѣ свидѣтельствуютъ о ихъ замѣчательномъ и достойномъ похвалы упорствѣ. На глазахъ Серверъ-паши были слезы, когда онъ глядѣлъ на слѣды этого разгрома.—«Это пораженіе еще болѣе убѣждаетъ меня, сказалъ онъ, что намъ непремѣнно нужно перемиріе».—«Его Высочество, отвѣчалъ Струковъ, дастъ вамъ не перемиріе, а только миръ, и притомъ такой, какой Онъ хочетъ; за перемиріемъ же вы ѣдете напрасно—вы его не получите».

Предъ отъѣздомъ пашей съ германлыйской станціи, подошла къ мѣстечку часть пѣхоты и артиллеріи, поспѣшно присланная Скобелевымъ для скорѣйшаго занятія столь важнаго стратегическаго пункта, и надо замѣтить, что занимая Германлы съ цѣлью отрѣзать Сулейману отступленіе по шоссе на Адріанополь, ни Скобелевъ, ни Струковъ не знали еще, занятъ ли Филиппополь нашими войсками, а также и о судьбѣ, постигшей Сулеймана. Въ составѣ присланной части находились: Московскій драгунскій и Владимірскій пѣхотный полки, 11-й стрѣлковый батальонъ, команда саперъ, четыре орудія 16-й бригады (изъ батареи полковника Куропаткина) и сотня № 1-го донскаго полка, ввѣреннаго подъ начальство генерала Струкова. Встрѣтивъ подъѣзжающихъ пашей-парламентеровъ, Струковъ принялъ ихъ очень любезно, и бесѣдовалъ съ ними около получаса; паши много разспрашивали о дѣлѣ 28-го декабря на Шипкѣ и при Шейновѣ, о сдачѣ и судьбѣ плѣннаго Османа и о положеніи Сулеймана, о которомъ въ Константинополѣ со 2-го января ровно ничего не было извѣстно, благодаря прерванному Струковымъ телеграфу. Генералъ Струковъ, на сколько возможно и на сколько ему было самому извѣстно, удовлетворилъ своими отвѣтами вполнѣ понятному любопытству пашей, а между тѣмъ передалъ въ отрядъ приказаніе, чтобы всѣ части выстроились вдоль шоссе съ музы-

кою и пѣсенниками. Проѣзжая вдоль фронта, державшаго ружья «на плечо», паши, судя по выраженію ихъ лицъ, не ожидали со стороны русскихъ изъявленія столь почетнаго къ нимъ вниманія, но еще болѣе неожиданно показалось имъ присутствіе въ Германлы цѣлаго русскаго отряда, съ пѣхотою и артиллеріею. Великокняжескій кавасъ, болгаринъ Христовъ, находившійся при Струковѣ въ качествѣ переводчика, передавалъ потомъ ему, что когда паши проѣзжали мимо фронта, то на замѣчаніе секретаря — «неужели это авангардъ русской арміи?» — Серверъ-паша, не менѣе его удивленный, наклонясь къ нему, отвѣтилъ не безъ горечи: «Да; могъ ли ты себѣ это представить!...»

Съ пашами прибылъ въ Германлы и весь желѣзно-дорожный персоналъ правленія, начиная съ директора, который требовалъ, чтобы мы пропустили поѣздъ обратно въ Адріанополь; но генералъ Струковъ, въ виду того, что эти господа видѣли уже наши наличныя, весьма скромныя силы, не рѣшился отпустить ихъ безъ разрѣшенія Скобелева.

Распростясь съ пашами, генералъ Струковъ сталъ со своимъ отрядомъ предъ Германлы, на перекресткѣ филиппополи-адріанопольскаго шоссе и, въ силу приказанія Скобелева, тотчасъ же началъ окапываться, усиленно освѣщая въ то же время разъѣздами свой правый флангъ, въ направленіи Хаскіоя. По филиппопольской дорогѣ не переставали подтягиваться къ ночлегу громадные обозы турецкихъ эмигрантовъ, прикрываемые не только тысячами вооруженныхъ жителей, но и регулярными войсками, правильно выставившими къ нашей сторонѣ парные конные ведеты. Хотя уже и наступила вечерняя темнота, но позиція все-таки была выбрана очень удачно, и Владимірскій полкъ, при десятиградусномъ морозѣ, бодро и спѣшно принялся возводить траншеи и ложементы. Промерзлая земля была очень тверда и не поддавалась лопатѣ, такъ что пришлось рубить ее топорами, и не смотря на эти трудности, работа была вполнѣ окончена къ полуночи на всемъ, довольно значительномъ протяженіи оборонительной линіи. Лѣвый свой флангъ генералъ Струковъ обезпечилъ цѣпью отъ 11-го стрѣлковаго батальона, а бивуакъ расположилъ у горбатаго моста, при въѣздѣ въ мѣстечко. Ночная перестрѣлка на постахъ, выдвинутыхъ въ направленіи Хаскіоя,

наглядно показала непріятелю, что Германлы уже занято и, стало быть, путь отступленія по шоссе отрѣзанъ. Между тѣмъ изъ главной квартиры пришло извѣстіе, что часть Сулеймановой арміи идетъ на Хаскіой. Это вызвало немедленное движеніе части войскъ генерала Скобелева къ этому пункту, и тогда, въ ночь съ 7-го на 8-е, произошло то ужасное междоусобное побоище при Девралы, которое было мною описано въ одномъ изъ прежнихъ писемъ и невѣроятные слѣды коего видѣлъ на пути своего слѣдованія отрядъ генерала Карцова.

6-го января къ передовому отряду присоединился пришедшій въ Германлы Петербургскій уланскій полкъ, и въ этотъ же день былъ занятъ 4-мъ эскадрономъ Московскаго полка городокъ Мустафа-Паша-Кепри-Су. Означенный эскадронъ былъ высланъ въ набѣгъ къ этому городу еще 5-го числа, съ такимъ разсчетомъ во времени, чтобы поспѣть туда къ ночи, и цѣлую ночь капитанъ Ригеръ велъ упорную перестрѣлку съ многочисленными партіями баши-бузуковъ и черкесовъ, пытавшихся выбить его изъ удачно и внезапно занятаго города и станціи. Наши потеряли при этомъ одного лишь опасно раненаго драгуна и двухъ лошадей. 7-го января генералъ Струковъ съ девятью эскадронами *) вышелъ изъ Германлы на Мустафа-Пашу. Можно сказать, что движенію этого отряда повсюду предшествовала паника, которая разросталась все болѣе и болѣе съ каждымъ его дальнѣйшимъ шагомъ, въ особенности же послѣ разгрома турецкихъ скопищъ у германлыйскаго моста. Бѣжавшіе въ разбродъ жители, баши-бузуки, черкесы и аскеры были первыми провозвѣстниками «идущей бѣды», въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ они появлялись. Турецкія власти, бросая свои конаки и поджигая что̀ могли, поспѣшно уходили со своими архивами и канцеляріями, направляясь къ Адріанополю. На пути въ Мустафа-Пашу, пропуская мимо себя части отряда, генералъ Струковъ, въ ожиданіи пока подтянутся вьюки, отсталъ съ небольшимъ своимъ конвоемъ отъ хвоста колонны. Въ это время на томъ берегу Марицы показалась конная партія черкесовъ, человѣкъ до пятидесяти, и увидѣвъ группу изъ двѣнадцати всадниковъ, окружавшихъ

*) Полки: 1-й лейбъ-драгунскій Московскій Его Величества, 1-й уланскій Петербургскій и 1-я сотня донскаго казачьяго № 1-го полка.

Струкова, бросилась вплавь чрезъ рѣку, съ намѣреніемъ ее атаковать. Наши вскочили на ближайшій пригорокъ и взяли «на изготовку» револьверы и берданки, чтобы встрѣтить черкесовъ огнемъ, когда тѣ станутъ выходить на берегъ. Необходимо было сдѣлать это потому, что противникъ, если бы его допустили свободно переправиться, уничтожилъ бы оставшіеся позади вьюки, и перерѣзалъ бы безоружныхъ деньщиковъ и погонщиковъ. Замѣтивъ готовность къ сопротивленію, черкесы съ середины рѣки повернули назадъ, причемъ двое у нихъ утонули съ конями, а остальные крупною рысью скрылись вдали изъ вида. Потомъ оказалось, что это была партія изъ состава колонны Абдулъ-Керима-паши, который, утопая въ невылазной грязи, тащился почти параллельно нашему летучему отряду по боковой грунтовой дорогѣ, торопясь поспѣть прежде русскихъ къ Адріанополю, дабы въ его грозныхъ фортахъ оказать имъ сопротивленіе, которое надолго задержало бы дальнѣйшее движеніе къ конечному предѣлу всей кампаніи.

Во все время пути генералъ Струковъ, такъ сказать, *чувствовалъ* у себя слѣва близкое присутствіе сильной непріятельской колонны. Сознавая поэтому, что тутъ уже дорогъ каждый моментъ, и что важнѣйшій вопросъ сводится къ тому, кто раньше поспѣетъ занять Адріанополь, Струковъ приказалъ бригадѣ спѣшно выкормить лошадей и отдохнуть людямъ, съ тѣмъ чтобы двигаться дальше уже безостановочно. Находясь въ Мустафа-Пашѣ на разстояніи 50-ти-верстнаго перехода отъ Скобелевскаго отряда и въ 30-ти верстахъ отъ Адріанополя, и не имѣя при себѣ конной артиллеріи, можно было призадуматься: идти ли впередъ, или обождать подхода пѣхоты, тѣмъ болѣе, что Струковъ зналъ, что Адріанополь охраняется восемью тысячами низама, при 60-ти большихъ орудіяхъ. Что̀ могли бы сдѣлать при такомъ неравенствѣ силъ наши девять эскадроновъ?.. Но въ виду необходимости предупредить приходъ туда Абдулъ-Керима, который, вмѣстѣ съ ожидаемыми подкрѣпленіями изъ Стамбула, могъ бы значительно усилить адріанопольскій гарнизонъ, было очевидно, что *идти надобно*. Затруднительное положеніе летучаго отряда усиливалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Скобелевъ съ 7-го января былъ уже не въ Германлы, а ушелъ совсѣмъ въ

другую сторону—къ Хаскіою, съ цѣлью не пускать отступающія силы Сулеймана далѣе этого города *). Пославъ къ нему эстафету съ донесеніемъ о своемъ положеніи, Струковъ тѣмъ не менѣе понималъ, что изъ Хаскіоя отвѣтъ не можетъ придти скоро, а между тѣмъ Абдулъ-Кериму остается сдѣлать только около 30-ти верстъ, чтобы быть въ Адріанополѣ.

Онъ рѣшился наконецъ принять на себя весь рискъ дальнѣйшаго движенія и предупредить Абдулъ-Керима. Разсчетъ его на успѣхъ, точно также, какъ и предъ занятіемъ семенлійскаго моста, сводился на панику: разъ, что она есть,—она лучшій союзникъ, только дѣйствуй скорѣе и умѣй сочетать при этомъ осторожность съ рѣшительностью. Въ то время какъ Струковъ отдавалъ командирамъ полковъ распоряженія къ дальнѣйшему движенію на завтра, ночное небо вдругъ озарилось на нѣсколько мгновеній трепетнымъ свѣтомъ какъ бы молніи или зарева громаднаго пожара, и опять померкло столь же внезапно; затѣмъ черезъ нѣсколько секундъ донесся издали, въ направленіи отъ Адріанополя громоподобный звукъ громаднаго взрыва, послѣ котораго началась какъ бы канонада, продолжавшаяся то отдѣльными выстрѣлами, то цѣлыми залпами довольно продолжительное время. Звуки явно шли отъ Адріанополя. Недоумѣвая, что̀ это могло бы значить, Струковъ распорядился послать въ ту сторону развѣдочный разъѣздъ, и подъ утро къ нему привели съ аванпостовъ пятерыхъ человѣкъ, которые, назвавшись адріанопольскими жителями, объявили, что они нарочно шли на встрѣчу русскому отряду, въ качествѣ представителей отъ мѣстныхъ гражданъ разныхъ національностей, съ мольбою поспѣшить вступленіемъ въ ихъ городъ, чтобы охранить его отъ грозящаго раззоренія и грабежа башибузуковъ. Эти люди свидѣтельствовали, что паника, внесенная въ мусульманское населеніе нашимъ набѣгомъ, растетъ и распространяется повсюду съ неимовѣрною быстротою; что турецкіе чиновники, бѣжавшіе изъ Германлы и Мустафа-Паши, заставили дрогнуть и адріанопольскихъ властей, которыя тоже потеряли голову; онѣ спѣшно укладываются со всѣми

*) Скобелевъ, предпринимая это движеніе, не зналъ еще о томъ, что Сулейманъ послѣ дѣла 5-го января бросился не къ востоку, а на югъ, въ горы.

своими канцеляріями и готовы уходить, если уже не ушли, а нѣкоторыя бѣжали еще вчера и третьяго дня, вмѣстѣ съ толпами мусульманскаго населенія; что въ самомъ городѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ находится множество мелкихъ шаекъ баши-бузуковъ, черкесовъ, бѣглыхъ аскеровъ, которые прямо высказываются предъ христіанами, что ожидаютъ только удаленія властей, чтобы начать рѣзню и разграбленіе. Эти же самые депутаты объяснили, что взрывъ, слышанный ночью, произошелъ вслѣдствіе распоряженія Ахметъ-Эюба-паши, который первый распространилъ панику въ адріанопольскомъ гарнизонѣ, приказавъ ему оставлять городъ какъ можно скорѣе и, видя невозможность вывезти склады оружія и снарядовъ, велѣлъ взорвать пороховые погреба, находившіеся въ зданіи стараго сераля, гдѣ помѣщался и громадный арсеналъ. Все это взлетѣло на воздухъ, и когда депутаты оставляли городъ, то развалины стараго сераля уже были охвачены громаднымъ пламенемъ и внутри ихъ раздавались безпрестанные взрывы бомбъ, гранатъ, ракетъ и патроновъ. Изъ всего этого Струкову стало ясно, что для Адріанополя критическій моментъ уже насталъ, и что этимъ сейчасъ же надобно воспользоваться, тѣмъ болѣе, что городъ со 120-тысячнымъ населеніемъ находится въ крайней опасности *). Собравъ къ себѣ полковыхъ

---

*) Корреспондентъ газеты «Moniteur Universel» сообщаетъ изъ Константинополя, отъ 25-го января, слѣдующія *подробности объ очищеніи Адріанополя*, которыя, по его мнѣнію, «хорошо обрисовываютъ то состояніе умовъ, въ какое поставлены были побѣдоносным шествіемъ русскихъ войскъ всѣ эти оперные генералы, которыми во множествѣ обладаетъ Турція и которымъ Султанъ долженъ былъ поручить защиту Оттоманской имперіи».—«Еще за семь дней до наступившей для Адріанополя серьезной опасности,—говоритъ онъ—Мехмедъ-Али-паша (пруссакъ Детруа) и Ахмедъ-Эюбъ-паша рѣшили очистить городъ, признавая, что всякое сопротивленіе поведетъ только къ безполезному пролитію крови. Форты уже были въ значительной степени разоружены, такъ какъ бо́льшая часть самыхъ крупныхъ орудій была отправлена въ Татаръ-Базарджикъ и на Шипку. Оставалось около 300 пушекъ разнаго калибра. Газета «Бассиретъ» ошибочно предполагала, что Ахмедъ-Эюбу удалось спасти бо́льшую часть изъ нихъ. Онъ могъ бы это сдѣлать, при нѣсколько большей находчивости, такъ какъ располагалъ 400 парами воловъ, и ему легко было бы перевезти артиллерійскія орудія изъ фортовъ до желѣзнодорожной станціи, а оттуда въ столицу; въ испугѣ же онъ приказалъ только вынуть изъ орудій клинья. Вслѣдствіе этого гарнизонъ вывелъ заключеніе, что непріятель уже подступилъ,—произошла страшная паника и многочисленное дезертирство, между тѣмъ какъ русскіе должны были придти еще чрезъ пять дней. Затѣмъ Ахмедъ-Эюбъ отдалъ при-

командировъ, онъ объявилъ имъ, что принялъ твердое рѣшеніе идти немедленно въ Адріанополь, куда вмѣстѣ съ нимъ имѣетъ отправиться половина отряда, а другая половина остается пока въ Мустафа-Пашѣ, для охраненія тыла и связи съ отрядомъ Скобелева.

Въ шесть часовъ утра, поставивъ депутатовъ подъ особымъ конвоемъ впереди отряда, Струковъ двинулся съ наивозможною поспѣшностью. Въ продолженіи всей дороги на встрѣчу попадались толпы болгаръ, которые радостно привѣтствовали отрядъ поклонами и криками. Всѣ они были насильно захвачены въ поголовное ополченіе, объявленное противъ насъ по всей странѣ, а теперь, съ уходомъ турецкихъ властей, бѣжали изъ казармъ, на встрѣчу «своимъ освободителямъ». Не доходя пяти верстъ до Адріанополя, наши увидѣли нѣсколько грозныхъ редутовъ и батарей, изъ числа укрѣпленій, окаймляющихъ городъ. Остановивъ отрядъ, генералъ Струковъ приказалъ представителямъ ѣхать въ Адріанополь и объявить, что русское войско подходитъ; при этомъ онъ записалъ ихъ имена и предупредилъ, что если окажется, что они не были уполномоченными отъ города въ принятой на себя миссіи, а равно если разгласятъ о малочисленности отряда, то рано или поздно будутъ разстрѣляны.—«Пусть жители довѣрчиво выйдутъ къ намъ съ хлѣбомъ и солью, было имъ сказано,—пусть они бросятъ свое оружіе и всякіе замыслы касательно безпорядковъ; иначе мы не пойдемъ къ нимъ и предоставимъ городъ произволу башп-бузуковъ».

казаніе поджечь складъ ружей, не находя ни времени, ни средствъ спасти его. Огонь перешелъ въ пороховой погребъ, который взлетѣлъ на воздухъ и причинилъ большія опустошенія. Отдавъ всѣ эти важныя приказанія, Ахмедъ-Эюбъ заперся въ домѣ своего друга, Шерифъ-Бея, и снова занялся игрою въ шахматы, составлявшей его главное занятіе со времени пріѣзда въ Адріанополь. Въ пятницу, 19-го января онъ отступилъ по направленію къ Киркилиссѣ и занялся собираніемъ разсѣянныхъ войскъ, находившихся между этою мѣстностію и Адріанополемъ, съ цѣлью вести ихъ къ столицѣ. Въ промежутокъ времени 36-ти часовъ, между уходомъ оттоманскихъ войскъ и вступленіемъ русскихъ, разыграна была кровавая интермедія, дѣйствующими лицами которой были конечно грабители черкесы. Около 1,500 человѣкъ изъ нихъ признали настоящій моментъ удобнымъ, чтобы разграбить базаръ, и храбро принялись за дѣло; но тогда турки вооружились вмѣстѣ съ христіанами и напали на грабителей, нѣсколько сотенъ которыхъ были убиты на городскихъ улицахъ, а остальные, которымъ удалось спастись, должны были отказаться отъ своей добычи».

Съ этимъ напутствіемъ посланцы были отпущены.

На батареяхъ и редутахъ господствовали полная тишина и отсутствіе жизни. Это служило признакомъ, что адріанопольскія укрѣпленія уже оставлены. И дѣйствительно, весь гарнизонъ еще наканунѣ вечеромъ (7-го) вмѣстѣ съ Ахметъ-Эюбъ-пашою уѣхалъ на нѣсколькихъ поѣздахъ по желѣзной дорогѣ въ Чаталджу, увозя съ собою что возможно. Вскорѣ къ генералу Струкову привели добытаго «языка», который показалъ, что Гассанъ-паша, съ отрядомъ арабовъ отъ 2,000 до 2,500 человѣкъ идетъ въ авангардѣ Абдулъ-Керима, по ямбольско-адріанопольской дорогѣ; но—къ счастію города—нашъ летучій отрядъ успѣлъ предупредить его и Адріанополь избѣжалъ прохода чрезъ него и грабежа арабовъ.

Спустя около двухъ часовъ послѣ прибытія летучаго отряда, огромныя толпы городскаго населенія, узнавшаго, что русскіе стоятъ подъ самымъ городомъ, радостно хлынули къ нимъ на встрѣчу. Тогда Струковъ приказалъ играть музыкѣ и двинулся къ предмѣстью. Многія и многія тысячи народа съ криками восторга, со слезами и благословеніями Государю Русскому и Великому Князю, бросились къ отряду, цѣлуя солдатамъ руки и колѣни. Чтобы не потеряться въ массахъ этого народа, генералъ Струковъ круто повернулъ отрядъ съ дороги, ведущей въ городъ, влѣво на высоту, командующую надъ Адріанополемъ. Здѣсь онъ принялъ духовенство разныхъ исповѣданій, которое явилось съ хоругвями, крестами и образами, при звукахъ церковнаго пѣнія, и привѣтствовало русскихъ въ самыхъ искреннихъ и теплыхъ выраженіяхъ. Имена Государя Императора и Великаго Князя Главнокомандующаго неоднократно поминались съ благословеніемъ и благодарностію за своевременное спасеніе города отъ напасти. Струковъ обратился къ духовенству и представителямъ гражданъ съ предложеніемъ немедленно приступить, съ благословенія архіепископа, къ выбору довѣренныхъ лицъ отъ каждой народности, входящей въ составъ мѣстнаго населенія, и составить такимъ образомъ временное городское управленіе, которое будетъ дѣйствовать какъ законная власть, впредь до дальнѣйшаго распоряженія русскаго военнаго начальства. Затѣмъ генералъ приказалъ народу возвратиться въ свои дома и бдительно смотрѣть за

порядкомъ, въ предупрежденіе несчастій, а болѣе всего поджоговъ со стороны турецкихъ шаекъ.

Вслѣдъ за духовенствомъ выдвинулась новая депутація, во главѣ коей какой-то господинъ, съ орденомъ Меджидіе на груди, поднесъ городской ключъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ-солью и отрекомендовался въ качествѣ мѣстнаго губернатора, только что назначеннаго волею его величества Султана. Струковъ принялъ хлѣбъ-соль, но отвѣтилъ, что тамъ, гдѣ находятся войска Русскаго Императора, не можетъ быть губернатора назначеннаго Стамбуломъ, а потому и проситъ его не считать себя таковымъ и удалиться.

Между тѣмъ отрядъ построился въ каре, музыка заиграла русскій народный гимнъ и со стороны войска раздалось воодушевленное «ура» Государю Императору, Россіи и Главнокомандующему. Все городское населеніе единодушно присоединилось къ этому крику. Не малаго труда стоило избраннымъ представителямъ уговорить народъ возвратиться въ городъ. Пока все это происходило, баши-бузуки, черкесы и вообще разные злоумышленники уходили изъ города, который, не смотря на это, былъ далеко не спокоенъ: безпрестанная пальба раздавалась въ улицахъ; стрѣляли и уходившіе злодѣи, стрѣляли по нимъ и жители, успѣвшіе первымъ дѣломъ разграбить большіе склады казеннаго оружія.

Струковъ рѣшилъ расположиться бивуакомъ на горѣ у предмѣстія Ильдеримъ и выжидать дальнѣйшихъ событій.

Благодаря греческому архіерею и усердію духовенства другихъ исповѣданій, городъ довольно скоро началъ успокоиваться, и нашему маленькому отряду прислано было все необходимое для корма лошадямъ и людямъ.

Часъ спустя по удаленіи депутацій, на бивуакъ явился австрійскій консулъ, г. Саксъ, въ мундирѣ и при саблѣ, а съ нимъ и та личность, что называла себя турецкимъ губернаторомъ. Это былъ нѣкто г. Фасси, грекъ по происхожденію. Консулъ внушительнымъ тономъ объяснилъ генералу Струкову, что непризнаніе съ его стороны г. Фасси законнымъ губернаторомъ и назначеніе новаго «выборнаго» городскаго правленія неизбѣжно поведетъ къ затрудненіямъ и безпорядкамъ. Струковъ, соблюдая возможно вѣжливыя формы, не менѣе внушительно далъ понять консулу, что возстанов-

ленiе порядка, въ случаѣ надобности, беретъ онъ на себя и что г-нъ консулъ мѣшается не въ свое дѣло; но что мы будемъ очень ему благодарны, если въ случаѣ надобности онъ не оставитъ насъ совѣтами своей опытности касательно дѣлъ и интересовъ нацiональности, ввѣренной его попеченiямъ. Выслушавъ этотъ отвѣтъ, г. Саксъ откланялся и удалился вмѣстѣ съ г. Фасси.

Къ сторонѣ ямбольской дороги, откуда можно было ожидать появленiя Гассанъ-паши, были пущены усиленные разъѣзды; справа бивуакъ летучаго отряда обезпечивала Марица, непроходимая въ бродъ, а присутствiе Скобелева въ Хаскiоѣ позволяло быть спокойнымъ за весь тылъ отъ Адрiанополя до Германлы. Поручивъ бивуакъ командирамъ полковъ, генералъ Струковъ съ разъѣздомъ отъ драгунскаго полка отправился вечеромъ въ городъ, чтобы появленiемъ своимъ окончательно успокоить тревогу въ жителяхъ, посѣтить архiерея и мимоходомъ отдать визитъ австрiйскому консулу.

Вечеръ былъ ясный, лунный и теплый. Изъ приподнятыхъ на половину рѣшетчатыхъ оконъ, заслышавъ топотъ конскихъ копытъ по мостовой узенькихъ улицъ, выглядывали любопытныя и по преимуществу женскiя головы; огней въ городѣ было уже очень мало, на улицахъ попадались лишь рѣдкiе прохожiе, повсюду царствовалъ полный порядокъ и каждый кварталъ уже имѣлъ свою гражданскую вооруженную стражу, выставлявшую въ своемъ участкѣ патрули и караулы. Но общее возбужденiе и страхъ баши-бузучьяго грабежа все-таки были еще на столько велики, что, напримѣръ, когда Струковъ подъѣхалъ къ подъѣзду г. Сакса, то консульская прислуга бросилась было на генерала и на его конвой съ ружьями и револьверами, принявъ ихъ въ темнотѣ за черкесовъ. Но слава Богу, при этомъ не произошло никакой несчастной случайности, и недоразумѣнiе разъяснилось въ ту же минуту. Проѣхавъ на станцiю желѣзной дороги, Струковъ, съ цѣлью прервать сообщенiе съ Константинополемъ, снялъ телеграфный аппаратъ и затѣмъ наложилъ руку на двадцать-восемь большихъ крупповскихъ орудiй, совсѣмъ было приготовленныхъ къ отправкѣ на линiю чаталджiйскихъ турецкихъ укрѣпленiй. Ежеминутно ожидая нападенiя, онъ поспѣшилъ убрать

всѣ эти орудія къ себѣ на бивуакъ, куда они и были свезены къ разсвѣту.

На другой день (9-го) къ генералу Струкову явились на бивуакъ четыре консула—французскій, англійскій, греческій и австрійскій, и Струковъ, благодаря этихъ господъ за вниманіе, просилъ ихъ благосклоннаго содѣйствія если бы таковое понадобилось, во всемъ, что́ можетъ касаться собственно круга ихъ спеціальной дѣятельности и интересовъ жителей ихъ національностей; потомъ онъ кстати сообщилъ имъ, что генералъ Скобелевъ черезъ нѣсколько часовъ прибудетъ въ городъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. Господа консулы единогласно просили передать ихъ признательность генералу Скобелеву и не отказать послать ихъ глубокую благодарность Великому Князю Главнокомандующему за своевременную присылку отряда, спасшаго городъ отъ сценъ баши-бузучьяго грабежа, убійствъ и пожара. Въ Адріанополѣ отъ всей массы турецкихъ войскъ осталось 73 аскера при двухъ офицерахъ, которые были отданы Мехметъ - Эюбомъ въ распоряженіе европейскихъ консуловъ; послѣдніе воспользовались аскерами въ качествѣ полицейской стражи и изъ чувства самохраненія ходили вмѣстѣ съ ними въ ночныхъ патруляхъ по городу. Эти аскеры тоже явились къ генералу Струкову и заявили, что они безусловно покоряются волѣ и милосердію русскаго Монарха.

Такъ прошли дни 8-го и 9-го января, въ теченіи которыхъ отрядъ не разсѣдлывалъ. Къ вечеру же 9-го, генералъ Скобелевъ прибылъ по желѣзной дорогѣ въ Адріанополь и расположилъ части своей пѣхоты въ предмѣстьяхъ города. Благодаря благоразумію и опытности полковыхъ и эскадронныхъ командировъ, потери въ отрядѣ Струкова до сихъ поръ были незначительны: не смотря на бивуачную жизнь, при стужѣ до 10-ти градусовъ, при денной и ночной непрерывной службѣ, больныхъ было всего лишь два человѣка, отсталыхъ лошадей не было вовсе, и въ теченіи всего времени сохранялась образцовая дисциплина.

«Я искренно сожалѣю, писалъ въ штабъ Главнокомандующаго генералъ Струковъ, что у меня не было достаточныхъ силъ для исполненія моей задачи во всемъ ея объемѣ, т. е. спасеніе не одного нами пройденнаго пути и города Адріано-

поля, но и всѣхъ окрестностей отъ невѣроятныхъ ужасовъ, тамъ совершавшихся: села разграбливались, жители въ кандалахъ и цѣпяхъ угонялись; не только взрослыя женщины, но и малолѣтнія дѣвочки восьми и десяти лѣтъ подвергались позору и истязаніямъ; словомъ, страна систематически опустошалась, въ виду невозможности удержаться и властвовать въ ней на старыхъ правахъ».

Войска Гассана и Абдулъ-Керима пашей не пошли въ Адріанополь. Мехмедъ-Али-паша, проѣзжавшій по ямбольской дорогѣ еще 6-го января, нагнавъ эти войска, сообщилъ ихъ начальникамъ, что русскій авангардъ, двигаясь по шоссе, во всякомъ случаѣ предупредитъ ихъ въ Адріанополѣ, и такъ какъ они, благодаря вязкой грунтовой дорогѣ, въ сущности уже и теперь опоздали въ этотъ городъ, то лучше имъ свернуть на Киркилиссу. Они такъ и сдѣлали, бросая по дорогѣ почти всѣ военныя тяжести, замедлявшія ихъ трудное движеніе. 10-го января въ Адріанополь вступили: Шуйскій пѣхотный полкъ, 11-й стрѣлковый батальонъ и четыре 9-ти-фунтовыя орудія, а наканунѣ, передъ ночью, генералъ Струковъ вышелъ съ петербургскими уланами по дорогѣ къ югу, на городъ Гефсу (онъ же и Хавса).

Уланы все время гнали предъ собою небольшія партіи турецкихъ солдатъ, баши-бузуковъ, черкесовъ, зейбековъ и массы вооруженныхъ жителей, имѣя со всѣмъ этимъ сбродомъ ежечасныя стычки; но кромѣ того, въ сторонѣ отъ дороги справа и слѣва раздавались безпрестанные выстрѣлы: это партіи болгаръ и грековъ вели непрерывную малую войну съ турецкими бѣглецами, мародерами и жителями. То былъ одинъ изъ самыхъ истребительныхъ способовъ войны, гдѣ противники не давали другъ другу ни малѣйшей пощады: зайдутъ ли турки въ христіанскую деревню—деревня сейчасъ же горитъ, старики, женщины и дѣти вырѣзываются, скотъ пристрѣливается и турки убѣгаютъ далѣе. Настигнутъ ихъ вооруженные христіане—происходитъ новая рѣзня и бойня; и если попадется христіанамъ гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ большой дороги деревня турецкая, то ее также ожидаетъ участь пожара и разгрома въ отместку за истребленіе христіанскихъ селеній. Кавалерійскій отрядъ нашъ былъ слишкомъ малочисленъ,

чтобы помимо главнѣйшей своей цѣли—наступательнаго движенія къ Царьграду, принимать на себя еще и полицейскія обязанности въ стороны отъ своего прямаго пути; гдѣ было возможно, наши кавалеристы спасали отъ взаимнаго истребленія какъ христіанъ, такъ и турокъ; но далѣе въ стороны отъ дороги, куда отрядъ не имѣлъ возможности высылать разъѣзды, по всему краю свирѣпствовала ужасная бойня между христіанскимъ и мусульманскимъ населеніями. Зарево пожаровъ то справа, то слѣва, то впереди освѣщало ночной путь улановъ, которые на разсвѣтѣ 11-го января заняли Гефсу безъ боя и тамъ въ конакѣ нашли одну комнату, наполненную цѣпями и различными инструментами пытки. Комната эта очевидно служила мѣстомъ инквизиціонныхъ истязаній. Объ этомъ былъ составленъ протоколъ, который вмѣстѣ съ двумя образцами пыточныхъ инструментовъ препровожденъ генераломъ Струковымъ къ Великому Князю Главнокомандующему. Тутъ была освобождена масса болгаръ, захваченныхъ турками для поголовнаго ополченія и томившихся безъ пищи въ заключеніи во дворѣ и подвалахъ конака.

Въ ночь съ 11-го на 12-е января занятъ уланами городокъ Баба-Эски. Весь путь усѣянъ былъ трупами христіанъ, турокъ и животныхъ. Въ городкѣ догорали христіанскіе дома и баши-бузуки продолжали еще грабить и неистовствовать, когда налетѣли сюда наши всадники. Расправа съ злодѣями была коротка: ихъ перекрошили на самомъ мѣстѣ ихъ подвиговъ. Здѣсь въ числѣ зарѣзанныхъ жителей находился одинъ священникъ, котораго баши-бузуки подвергли мученической смерти, за то что онъ не выдалъ, гдѣ укрыты христіанскія дѣвушки. Замѣчательно, что при всѣхъ бѣдствіяхъ, обрушившихся на турокъ, при всемъ ихъ отчаяніи, проявлявшемъ себя въ этихъ мстительныхъ поджогахъ и убійствахъ, ихъ ни на минуту не оставляли инстинкты самой грубой чувственности, оргія которой безстыдно и всенародно совершалась среди крови и пожарищъ. Молодыя женщины, мальчики и малолѣтнія дѣвочки большею частію прирѣзывались ятаганами непосредственно вслѣдъ за изнасилованіемъ. Было что-то безумное и нечеловѣческое во всѣхъ этихъ кровожадныхъ чувственныхъ проявленіяхъ, о которыхъ безъ содраганія и ужаса не могутъ вспомнить свидѣтели-очевидцы.

12-го января, въ 10 часовъ вечера, командиръ № 1-го казачьяго полка, флигель-адъютантъ полковникъ Кутейниковъ получилъ отъ генерала Струкова приказанiе выступить съ двумя сотнями изъ Баба-Эски въ Люле-Бургасъ, для спасенiя этого города отъ турецкихъ хищниковъ. Собравъ 1-ю и 5-ю сотни своего полка, Кутейниковъ вышелъ съ ними въ 11 часовъ ночи и еще до разсвѣта подступилъ къ Люле-Бургасу. Онъ направилъ сильные разъѣзды въ самый городъ и одинъ взводъ 5-й сотни въ обходъ его. Послѣ небольшой перестрѣлки съ бѣжавшими черкесами, Люле-Бургасъ былъ занятъ; вся 5-я сотня проведена чрезъ него улицами и расположена впереди города, на кладбищѣ, которое представляло нѣкоторыя выгоды для обороны въ спѣшенномъ строю. Одновременно съ этимъ, 1-я сотня была придвинута къ городу и расположена, имѣя лошадей въ поводу, близь каменнаго моста, перекинутаго черезъ ручей, протекающiй у самаго города. Исполнивъ первую часть своего порученiя, полковникъ Кутейниковъ еще до разсвѣта отправился съ 1-ю сотнею на станцiю желѣзной дороги, чтобы, занявъ ее, прервать телеграфное сообщенiе съ Константинополемъ. На пути онъ захватилъ турецкую кавалерiйскую казарму съ четырьмя конными черкесами, находившимися при ней на посту. Пятый изъ числа караульныхъ попытался ускакать, но былъ настигнутъ казаками уже въ самомъ городѣ. Перестрѣлка, завязавшаяся при овладѣнiи казармою и вообще движенiе 1-й сотни вскорѣ привлекли на себя вниманiе непрiятеля, который началъ показываться съ разныхъ сторонъ мелкими партiями; но по мѣрѣ приближенiя казаковъ къ станцiи, конныя скопища противника стали значительно возрастать и вскорѣ открыли огонь по сотнѣ и ея разъѣздамъ, шедшимъ все время рысью. Не отвѣчая на огонь, казаки подъ выстрѣлами заняли станцiю и отогнали отъ нея на нѣкоторое разстоянiе турецкiя скопища, захвативъ при этомъ двухъ кавалеристовъ, не успѣвшихъ сѣсть на лошадей. Ординарцы Кутейникова сняли телеграфный аппаратъ, подъ сильнымъ огнемъ турокъ, препятствовавшихъ имъ издали, и доставили его въ цѣлости своему командиру, который послѣ этого приказалъ 1-й сотнѣ отходить къ городу. Съ началомъ обратнаго движенiя непрiятельскiе конники, держав-

шіеся все время на почтительномъ разстояніи, двинулись впередъ, а когда станція была окончательно оставлена, понеслись за казаками карьеромъ. Впрочемъ, наступленіе это было весьма непродолжительно: какъ только первая полусотня наша прошла топкое мѣсто у станціи, она построилась въ лаву и открыла огонь по несущимся конникамъ, и этого оказалось достаточно, чтобы остановить ихъ атаку. Когда же вся сотня, перейдя благополучно топь, кинулась впередъ съ обычнымъ казачьимъ гикомъ, то непріятель, не выждавъ удара, разсѣялся въ разныя стороны и вскорѣ изчезъ изъ вида. Съ нашей стороны при этомъ былъ смертельно раненъ одинъ казакъ и убита лошадь.

Одновременно съ нападеніемъ на 1-ю сотню, другая непріятельская партія, менѣе значительная, кинулась съ гикомъ и непрерывною стрѣльбою на 5-ю сотню, стоявшую на кладбищѣ впереди города. Не отвѣчая на огонь противника, эта сотня ударила въ пики и шашки и изрубила до десяти конныхъ аскеровъ, потерявъ сама при этомъ одного казака, убитаго на повалъ. Во время схватки обѣихъ сотень, вооруженные турецкіе жители, находившіеся въ обозахъ, стали собираться въ большія группы и внимательно слѣдили за дѣломъ; но увидѣвъ неблагопріятный для себя исходъ его, разошлись по своимъ повозкамъ; до рѣшительнаго момента многіе изъ нихъ выказывали большую наглость въ отношеніи караульныхъ казаковъ, находившихся на мосту и у спуска съ горы: турки приближались къ нимъ съ угрожающими и циническими жестами, сопровождая эти тѣлодвиженія какими-то ругательствами, прицѣливались въ нихъ издали и иногда пускали пули, по счастію, не нанесшія никакого вреда. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ нашей неудачи, вся эта масса вооруженнаго (хотя и плохо) народа обрушилась бы на слабосильныя сотни. На переходѣ отъ Баба-Эски и во время дѣла подъ Люле-Бургасомъ казаки взяли болѣе сорока человѣкъ плѣнныхъ.

Одновременно съ полковникомъ Кутейниковымъ былъ направленъ эскадронъ петербургскихъ уланъ (ротмистра Свѣта) на станцію Павло, лежащую между Люле-Бургасомъ и Бургасомъ-Кулели, отъ коего отдѣляется желѣзно-дорожная вѣтвь на Демотику и далѣе на Деде-Агачъ, до Эгейскаго

моря. Этотъ эскадронъ, сдѣлавъ 70 верстъ и захвативъ въ свои руки станцію Павло, возвратился къ своему отряду не ранѣе, какъ узнавъ, что обладаніе Люле-Бургасомъ вполнѣ обезпечено за нами. Удачные набѣги на оба эти желѣзнодорожные пункты принесли для всей нашей дѣйствующей арміи весьма чувствительную пользу въ томъ отношеніи, что занятіемъ Павло и Люле-Бургаса мы совершенно отрѣзали отъ Стамбула деде-агачскую вѣтвь въ то время, когда въ Деде-Агачѣ находилось 170 вагоновъ и пять локомотивовъ, которыми мы и воспользовались для скорѣйшаго передвиженія войскъ, артиллеріи, снарядовъ и запасовъ къ оконечнымъ предѣламъ нашего наступленія. Въ Люле-Бургасѣ были захвачены два поляка, находящіеся на турецкой службѣ въ качествѣ инженеровъ, которые на допросѣ показали, что они шли съ войсками Абдулъ-Керима, Гассана и Хаджи-Гуссейна пашей, слѣдовавшихъ въ числѣ 25,000 человѣкъ на Адріанополь; но 6-го января, подойдя къ селенію Ханлы-Энидше *), эти паши узнали отъ пріѣхавшаго туда Мехмеда-Али-паши, что авангардъ русскихъ войскъ долженъ на слѣдующій день (7-го) подойдти уже къ Адріанополю, а потому, по совѣту Мехмеда-Али, они свернули на Киркилиссу, дабы направиться оттуда на Константинополь. Такимъ образомъ, показаніями польскихъ инженеровъ вполнѣ подтвердились свѣдѣнія, уже раньше имѣвшіяся у генерала Струкова. 25-ти-тысячная армія, въ соединеніи съ 8-ми-тысячнымъ ардіанопольскимъ гарнизономъ и массами вооруженныхъ эмигрантовъ, при многочисленныхъ орудіяхъ и громадныхъ военныхъ запасахъ, сосредоточенныхъ въ арсеналѣ стараго сераля, конечно могла бы, не выходя изъ Адріанополя, оказать намъ очень серьезное сопротивленіе въ замѣчательно сильныхъ фортахъ этого города, а между тѣмъ Адріанополь достался намъ безъ выстрѣла. Этимъ важнымъ успѣхомъ мы, безъ сомнѣнія, обязаны быстрому и безостановочному движенію кавалеріи Струкова, за которою вслѣдъ повсюду поспѣвала баснословно-быстрая пѣхота Скобелева.

Поголовное переселеніе мусульманъ изъ Болгаріи началось

*) На карнабадо-адріанопольской грунтовой дорогѣ, въ разстояніи одного перехода отъ Адріанополя.

еще лѣтомъ; оно то усиливалось, то ослабѣвало, смотря по тому, какой оборотъ принимали дѣла кампаніи. Придя въ Люле-Бургасъ, генералъ Струковъ настигъ здѣсь громадныя массы переселявшихся турокъ, баши-бузуковъ, цыганъ и черкесовъ. Здѣсь въ теченіи нѣсколькихъ дней скапливалось все, что было враждебнаго болгарамъ и съ бо́льшимъ или меньшимъ основаніемъ страшилось мщенія мѣстныхъ христіанъ и боялось нашего приближенія. Бѣглецы, остановленные по распоряженію Порты у Люле-Бургаса, въ предупрежденіе того, чтобы они не наводнили собою безъ того уже переполненнаго Стамбула, громадными становищами располагались на окрестныхъ поляхъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій правительства о томъ, куда именно прикажутъ имъ двигаться далѣе. Число люда, настигнутаго въ Люле-Бургасѣ, приблизительно, надо опредѣлить въ 180—200,000 человѣкъ, при 20,000 повозокъ. Не бывши очевидцемъ, трудно вѣрить описанію того состоянія, въ какомъ эта масса оставила послѣ себя всѣ пройденные ею христіанскіе города, мѣстечки и селенія. Отрядъ генерала Струкова все время шелъ по свѣжимъ слѣдамъ пожаровъ, грабежей, убійствъ и насилій. Только паника, вызванная необыкновенно быстрымъ движеніемъ этого маленькаго отряда, а также разгромъ при Германлы и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ обезпечили самый отрядъ отъ опасности, угрожавшей ему скопленіемъ такого множества враждебнаго намъ и вооруженнаго населенія. Генералъ Струковъ первымъ дѣломъ приступилъ къ обезоруженію люле-бургасскаго скопища переселенцевъ. Это необходимо было сдѣлать и для того, чтобы хоть на сколько нибудь отнять у этихъ людей возможность къ дальнѣйшимъ грабежамъ и систематическому раззоренію окрестнаго христіанскаго населенія. Предложеніе добровольно сложить оружіе не повело ни къ чему, а потому пришлось обезоруживать съ помощію военной силы; но и при этомъ многое и многое осталось укрытымъ, такъ какъ, за недостаткомъ времени на обыскъ такой массы повозокъ, отобрано оружія всѣхъ родовъ лишь около 1,500 штукъ, а между тѣмъ во многихъ повозкахъ оказывалось по три, по четыре ружья, запрятанныхъ подъ разною рухлядью. Половина отобраннаго была тутъ же раздана жителямъ христіанамъ, а другая сложена въ одной изъ люле-бургасскихъ ме-

четей. Затѣмъ оставалось рѣшить — что дѣлать съ такимъ огромнымъ числомъ безпокойнаго, фанатическаго и полуголоднаго народа? Не будучи приготовленъ къ такому случаю и не имѣя на этотъ предметъ никакихъ инструкцій, генералъ Струковъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, рѣшилъ, что можно, во-первыхъ, либо отпустить всѣхъ ихъ по дорогѣ далѣе и такимъ образомъ лишить Болгарію значительной части ея населенія со всѣми награбленными въ ней богатствами; либо, во-вторыхъ, вернуть ихъ назадъ и черезъ то вторично подвергнуть Болгарію налету саранчи, которая окончательно оголила бы путь, по коему двигалась и двигается наша армія; либо, въ-третьихъ, держать скопища на мѣстѣ и этимъ поморить не только весь скотъ, воловъ и лошадей, уже въ конецъ изнуренныхъ путемъ и безкормицею, но и людей, безъ того умиравшихъ отъ болѣзней и недостатка пищи; либо же, наконецъ, въ-четвертыхъ — направить всѣхъ эмигрантовъ на Константинополь; это хотя и нагнало бы панику на столицу Турціи, но движеніе такой массы по грунтовой дорогѣ въ дождливое время сдѣлало бы ее совершенно непроходимою для арміи; конная батарея летучаго отряда едва-едва дотащилась до Люле-Бургаса по страшнымъ колеямъ глинистаго грунта. И такъ, сообразивъ всѣ эти обстоятельства, генералъ Струковъ предложилъ несчастному люду самому рѣшить свою дальнѣйшую участь. Нарочно объѣзжая весь громадный таборъ, генералъ предлагалъ черезъ переводчика: кто хочетъ возвратиться домой, пусть свободно возвращается сейчасъ же, а кто ищетъ своего спасенія въ Стамбулѣ, тотъ пускай немедленно направляется въ Родосто, къ Мраморному морю, гдѣ турецкія суда перевезутъ ихъ — куда укажетъ ихъ правительство, которому дадутъ знать объ этомъ телеграммою. Слыша это, турецкіе бѣглецы, въ большинствѣ быть можетъ болѣе введенные въ заблужденіе, чѣмъ дѣйствительно виновные, принимали съ благодарностію предложенія русскаго генерала и высказывали ему горькія жалобы на собственное свое правительство, внушавшее имъ, что приближающіяся русскія войска неизбѣжно внесутъ къ нимъ смерть и раззореніе, а потому спасеніе только одно — бѣжать какъ можно скорѣе, но бѣжать такъ, чтобы замедлять наступленіе непріятеля, для чего слѣдуетъ жечь и истреблять на его пути и

вообще по всей странѣ ея селенія и продовольственные запасы. Эти несчастные устами многихъ изъ своихъ старшинъ высказывали тяжелое разочарованіе, говоря: «Знай мы, что русскія войска таковы, какими мы теперь ихъ видимъ — мы ни за что не покинули бы нашихъ домовъ и земель, и не пошли бы сами не зная куда». При этомъ многими высказывалась благодарность Русскому Государю и Главнокомандующему за снисходительное и человѣчное обхожденіе съ ними нашего войска. Генералъ Струковъ, разсказывая о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ въ одномъ изъ своихъ писемъ на имя генералъ-адъютанта Непокойчицкаго, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «позволяю себѣ обратить вниманіе ваше на страшную вину и отвѣтственность, падающія въ этомъ дѣлѣ на турецкое правительство. Война сама по себѣ, безъ сомнѣнія, внесла много горя и бѣдъ въ долины и горы Болгаріи; но я, какъ очевидецъ, смѣю думать, что «переселеніе народовъ», подобное вышеописанному, не оправдываемое никакими поводами, болѣе серьезными, чѣмъ тѣ, что́ служили для константинопольскаго правительства, въ состояніи раззорить край сильнѣе нѣсколькихъ кровопролитныхъ войнъ». Болѣе благоразумная часть выселявшихся повернула назадъ, но большинство все-таки предпочло направиться въ Родосто, о чемъ и было телеграфировано изъ главной квартиры въ Стамбулъ, съ предупрежденіемъ о необходимости своевременно заготовить какъ провіантъ, такъ и средства для переѣзда эмигрантовъ въ Малую Азію.

16-го января генералъ Струковъ пропустилъ черезъ свои аванпосты ѣхавшаго изъ отряда Скобелева турецкаго парламентера, Моизъ-эфенди, о которомъ я писалъ уже въ одномъ изъ моихъ писемъ изъ траянскаго отряда. Моизъ-эфенди, послѣ долгихъ странствій, возвращался теперь изъ Филиппополя въ Константинополь, вмѣстѣ съ другимъ парламентеромъ, Чебарь-эфенди. Генералъ Струковъ показалъ обоимъ несчастныхъ ихъ соотечественниковъ, доведенныхъ до такого убійственнаго положенія формальными приказаніями властей «все жечь, все истреблять и двигаться», не опредѣляя куда именно.

На пути отъ Адріанополя до Люле-Бургаса нашъ летучій отрядъ перехватилъ не мало отдѣльныхъ партій солдатъ, баши-бузуковъ и черкесовъ, слѣдовавшихъ иногда при офице-

рахъ; въ солдатскихъ обозахъ было найдено два турецкія знамени, а у черкесовъ между разнымъ награбленнымъ у болгаръ добромъ, отыскалось не мало церковныхъ серебряныхъ вещей и сосудовъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что не смотря на трудность сохранить должную дисциплину въ солдатахъ, когда имъ приходится оберегать и даже обыскивать подобные громадные частные обозы, генералу Струкову не пришлось ни одного раза прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ для удержанія своихъ людей въ чести и вѣрности долгу службы; на солдатъ нашихъ не послѣдовало при обыскѣ ни одной жалобы со стороны турокъ, что̀ безъ сомнѣнія свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ образцовой дисциплины.

16-го января, утромъ, генералъ Струковъ выступилъ со своимъ отрядомъ изъ Люле-Бургаса, куда наканунѣ вступила бригада гвардейской кавалерійской дивизіи *). Для обезпеченія колонны Скобелева, а равно и своего тыла, онъ выслалъ къ городу Киркилиссѣ казачью сотню **), которая, найдя тамъ лишь ничтожныя партіи отсталыхъ турецкихъ солдатъ изъ состава войскъ, уже прошедшихъ черезъ этотъ городъ, догнала отрядъ генерала Струкова на пути его слѣдованія къ деревнѣ Кириштиранъ, назначенной на 16-е число пунктомъ отряднаго ночлега. Едва лишь авангардъ нашей кавалеріи показался въ виду этой деревни, какъ изъ нея вышла турецкая пѣхота, въ числѣ трехсотъ человѣкъ, и безъ выстрѣла отступила по направленію къ югу. Желая обезпечить свой ночлегъ и знать что̀ предстоитъ на завтра, генералъ Струковъ выслалъ съ вечера усиленный казачій разъѣздъ къ городу Чорлу. Разъѣздъ этотъ, приближаясь къ желѣзно-дорожной станціи, находящейся въ трехъ верстахъ отъ названнаго города, былъ встрѣченъ значительно превосходящими силами противника и вынужденъ удалиться. Поэтому, на разсвѣтѣ 17-го числа, Струковъ выдвинулъ туда 1-й эскадронъ петербургскихъ уланъ, подъ начальствомъ штабсъ-ротмистра князя Дондукова-Корсакова, поручивъ ему сдѣлать развѣдку мѣстности и непріятельскихъ силъ, а также захватить телеграфъ, дабы не дать про-

*) Полки лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскій и Драгунскій.

**) 4-ю сотню 1-го донскаго полка, подъ начальствомъ сотника Каргальскаго.

тивнику возможности извѣстить далѣе за Чорлу о приближеніи русскаго отряда. Благодаря неожиданности появленія этого эскадрона, захватъ желѣзно-дорожной станціи сдѣланъ былъ очень ловко и быстро, хотя предъ нею находится мостъ, чрезъ который пришлось уланамъ перебираться узкимъ фронтомъ. Едва князь Дондуковъ-Корсаковъ успѣлъ снять телеграфный аппаратъ, какъ изъ города выдвинулась турецкая кавалерія, въ числѣ тысячи всадниковъ, между которыми, кромѣ черкесскихъ сотенъ, было еще и нѣсколько гвардейскихъ эскадроновъ, такъ называемыхъ имаэтъ-аскеровъ. Кавалерія эта бросилась на нашихъ уланъ, которые, быстро отступя отъ станціи, спѣшились за мостомъ, занявъ его своими стрѣлками; это хотя и задержало турокъ, но не надолго: они стали переходить топкую и болотистую рѣчку въ бродъ, съ цѣлью отрѣзать нашему эскадрону путь отступленія, вслѣдствіе чего князь Дондуковъ-Корсаковъ, посадивъ людей въ сѣдло, отступилъ прежде чѣмъ турки успѣли исполнить свою переправу и далъ знать о своемъ положеніи генералу Струкову. Тогда на помощь уланамъ была двинута на рысяхъ 4-я сотня 1-го донскаго полка, которая должна была взять во флангъ два турецкіе эскадрона, успѣвшіе уже пройдти черезъ мостъ и завязавшіе съ коней перестрѣлку съ наѣздниками князя Дондукова-Корсакова. Вскорѣ дѣло дошло до схватки. Турки пытались нѣсколько разъ подскакивать къ нашему фронту, такъ что офицерамъ приходилось встрѣчать ихъ револьверами въ упоръ. Въ этихъ схваткахъ уланы потеряли четырехъ человѣкъ и пять лошадей убитыми, да десять человѣкъ и девять лошадей ранеными. Кромѣ того, подъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ лошадь была ранена, а подъ корнетомъ Лукутинымъ убита. Этотъ послѣдній офицеръ былъ спасенъ почти отъ вѣрной гибели однимъ изъ рядовыхъ, который, пренебрегая собственною опасностію, слѣзъ съ лошади и предложилъ ее своему офицеру. Остальные турецкіе эскадроны и сотни оставались по ту сторону рѣчки у брода въ выжидательно-угрожающемъ положеніи. Очевидно, они считали свои два эскадрона, пущенные уже въ дѣло, совершенно достаточною силою, чтобы уничтожить уланъ. Въ виду почти вдесятеро сильнѣйшаго противника, готоваго раздавить нашъ эскадронъ своею массою, положеніе уланъ становилось все болѣе и бо-

лѣе критическимъ, какъ вдругъ 4-я сотня подъ начальствомъ сотника Корелова и художника В. В. Верещагина *) неожиданно съ двухъ сторонъ налетѣла на турокъ и съ гикомъ приняла ихъ въ шашки и пики. Увидя подмогу, уланы тоже бросились въ атаку и вмѣстѣ съ казаками окончательно смяли оба турецкіе эскадрона, изрубивъ при этомъ до пятнадцати человѣкъ. Между тѣмъ на мѣсто боя стала постепенно прибывать и остальная кавалерія Струковскаго отряда. На подкрѣпленіе Дондукова-Корсакова и Корелова генералъ отправилъ еще одну сотню **) и лейбъ-эскадронъ московскихъ драгунъ, приказавъ флигель-адъютанту полковнику Кутейникову принять общее начальство надъ авангардомъ, съ тѣмъ чтобы рѣшительно наступать съ нимъ на Чорлу, пройдти городъ насквозь и заставить непріятеля очистить его. Между тѣмъ, пока Дондуковъ-Корсаковъ и Кореловъ дрались съ турками, подоспѣвшая 5-я сотня 1-го полка заняла станцію. Вскорѣ послѣ этого на мѣсто боя прибылъ полковникъ Кутейниковъ и, стянувъ къ себѣ всѣ части авангарда, далъ имъ десятиминутный отдыхъ, потому что уланамъ и казакамъ 4-й сотни необходимо было оправиться послѣ только что оконченной схватки, а затѣмъ отдалъ слѣдующее распоряженіе: уланскому эскадрону слѣдовать въ городъ по шоссе, 5-й сотнѣ лѣвѣе уланъ, безъ дороги, въ центръ города, 3-й сотнѣ лѣвѣе 5-й, въ обходъ города съ восточной стороны, 1-й сотнѣ оставаться въ резервѣ, съ тѣмъ чтобы оказать помощь тамъ гдѣ потребуется и затѣмъ вновь отойдти въ резервъ. Драгунскій лейбъ-эскадронъ въ то время еще не прибылъ на мѣсто, а потому относительно его не было сдѣлано никакихъ распоряженій. Сверхъ того, 3-й сотнѣ было поручено найдти удобные броды въ топкой рѣчкѣ Чорлу-дере и изслѣдовать спуски и подъемы къ городу, минуя шоссейную дорогу; полковникъ Кутейниковъ считалъ это весьма важнымъ, опасаясь скопленія людей на единственномъ мосту и на узкой дорогѣ въ случаѣ отступленія, если бы силы противника оказались несораз-

---

*) В. В. Верещагинъ, находившійся все время при отрядѣ, принималъ участіе почти во всѣхъ дѣлахъ и, по свидѣтельству генерала Струкова, постоянно былъ однимъ изъ лучшихъ и дѣятельнѣйшихъ его помощниковъ.

**) 3-ю сотню 1-го донскаго полка.

мѣрно велики и стойки. Всѣмъ частямъ авангарда было приказано перестроиться во взводныя колонны и выслать впередъ только дозорныхъ, такъ какъ въ это время многочисленные разъѣзды 5-й сотни (авангардной) съ разныхъ сторонъ уже приближались къ городу, и одинъ изъ нихъ былъ не далѣе двухсотъ шаговъ отъ городскаго въѣзда. Въ такомъ порядкѣ сотни и эскадронъ почти одновременно двинулись впередъ.

Непріятельская кавалерія начала отступать въ полномъ порядкѣ и втянулась въ гор. Чорлу, не рѣшаясь впрочемъ завязывать дѣло въ улицахъ, такъ какъ христіанское населеніе, увидя приближеніе русскихъ, выказало въ отношеніи турокъ явную враждебность. Дегаетъ-паша, командовавшій гарнизономъ Чорлу, все время наблюдалъ съ горы за ходомъ боя, но при приближеніи разъѣздовъ 5-й сотни, вдругъ ударился бѣжать, увлекая за собою свою кавалерію и оставя конакъ со всѣми бумагами. Въ городѣ, при видѣ этого бѣгства, поднялась суматоха: христіане толпами высыпали на улицы, а турецкое населеніе торопилось выбираться вслѣдъ за своими войсками. Впрочемъ, не смотря на суматоху, разъѣзды наши и уланскій эскадронъ прошли по улицамъ вполнѣ свободно, при радостныхъ крикахъ толпившихся христіанъ, и вскорѣ всѣ части нашего авангарда показались на противоположной сторонѣ города. Для преслѣдованія бѣгущаго противника назначена была 5-я сотня, которая гнала его на протяженіи пяти верстъ по константинопольской дорогѣ, захвативъ при этомъ въ плѣнъ двухъ всадниковъ и потерявъ одну лошадь убитою. Турецкая кавалерія отступила къ Силиври, а Чорлу осталось за нами. Тяжелый переходъ, но главное дорога, разбухшая отъ дождей, не давали возможности преслѣдовать противника далѣе; да и кромѣ того, день былъ уже близокъ къ сумеркамъ, надо было обезпечить ночлегъ отряда и снять рельсы, такъ какъ еще наканунѣ приходилъ сюда поѣздъ изъ Константинополя за турецкими эмигрантами, а три дня назадъ, т. е. 14-го числа, приняты были на особые поѣзды послѣднія войска, отступавшія отъ Адріанополя. День занятія Чорлу былъ праздникомъ для всего отряда. Въ минуту окончанія дѣла прибылъ изъ главной квартиры флигель-адъютантъ князь Васильчиковъ, присланный передать офицерамъ и нижнимъ чинамъ сердечное «спасибо» Государя и Главнокоман-

дующаго за все послѣднее время. Благодаря тому обстоятельству, что турки не успѣли раззорить Люле-Бургаса и Чорлу, въ обоихъ этихъ городахъ генералъ Струковъ собралъ весьма значительные запасы муки и зерна, приспособилъ къ дѣлу мѣстныя мукомольни, сдѣлалъ печи и открылъ хлѣбопеченіе не только для своей части, но и для Скобелевскаго отряда, а также устроилъ особый складъ, изъ котораго посылалъ продовольствіе и въ другія части подходившихъ войскъ. Кромѣ того телеграфное сообщеніе, систематически прерываемое при каждомъ движеніи впередъ, тотчасъ же возстановлялось въ тылу летучаго отряда, для сношеній съ главною квартирой, причемъ конечною станціей всегда былъ пунктъ расположенія генерала Струкова.

18-го января летучій отрядъ двинулся на городъ Силиври, занимаемый, кромѣ кавалеріи, отступившей изъ Чорлу, еще двумя таборами регулярной пѣхоты. На пути было получено изъ главной квартиры приказаніе не форсировать этого пункта, такъ какъ завтра, 19-го числа, будетъ подписано перемиріе. Въ силу этого отрядъ нашъ расположился въ виду города, не предпринимая противъ него никакихъ враждебныхъ дѣйствій. На слѣдующій день пришло приказаніе занять Силиври на основаніи условій перемирія. Генералъ Струковъ послалъ увѣдомить объ этомъ Дегаетъ-пашу, который отвѣчалъ нашему парламентеру отказомъ. Тогда Струковъ самъ поѣхалъ въ городъ, засталъ пашу въ конакѣ и показалъ ему полученное приказаніе. Паша отвѣчалъ, что онъ со своей стороны не получалъ подобнаго и не имѣетъ пока на этотъ счетъ никакихъ инструкцій, равно какъ и о перемиріи оффиціально еще ничего не знаетъ, а потому и не можетъ согласиться на предложеніе русскаго генерала. Выслушавъ этотъ отвѣтъ, Струковъ съ твердостію объявилъ Дегаетъ-пашѣ, что такъ какъ онъ, въ качествѣ начальника отряда, предназначеннаго къ занятію Силиври, обязанъ во всякомъ случаѣ исполнить Августѣйшую волю Главнокомандующаго, то отказъ паши ставитъ его въ прискорбную, но непреложную необходимость выдвинуть свою батарею и начать стрѣльбу по городу, которая будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Силиври не сдастся безусловно. Тогда Дегаетъ-паша предложилъ раздѣлить городъ пополамъ между русскими и турками, которые

останутся въ своей половинѣ на все время перемирія. Струковъ, вмѣсто всякаго отвѣта, рѣзко повернулся къ пашѣ спиною и, не простясь, вышелъ изъ комнаты; но не успѣлъ онъ еще сойдти съ лѣстницы, какъ слышитъ, что паша бѣжитъ вслѣдъ за нимъ и кличетъ: «mon général! mon général!»—прося его возвратиться и объясняя, что депеша изъ Порты получена, но только ее забыли подать ему, а теперь секретарь подалъ, и онъ убѣдился, что перемиріе точно заключено, а потому готовъ исполнить требованіе русскаго Главнокомандующаго. Струковъ вернулся въ комнату, гдѣ паша, попросивъ его обождать нѣкоторое время, удалился, будто бы для необходимыхъ распоряженій. Черезъ четверть часа Дегаетъ возвращается, держа въ рукахъ какую-то писанную бумагу и заявляетъ, что покоряясь угрозѣ, онъ хотя и покидаетъ городъ, но занятіе его русскими войсками по заключеніи перемирія считаетъ дѣйствіемъ насилія, а потому и составилъ по этому поводу письменный протестъ, который вручаетъ русскому генералу для передачи Главнокомандующему. Струковъ отказался принять бумагу и сейчасъ же послалъ ординарца къ войскамъ, съ приказаніемъ немедленно вступать въ городъ.

На другой день (20-го), едва отрядъ нашъ вытянулся для дальнѣйшаго движенія къ Чаталджѣ, которую надлежало ему занять на основаніи условій перемирія, какъ вдругъ въ виду Силиври появляется дивизьонъ турецкихъ драгунъ и останавливается, какъ бы въ ожиданіи ухода русскихъ, чтобы послѣ нихъ вновь занять городъ. Генералъ Струковъ подозвалъ къ себѣ командира этого дивизьона и объявилъ ему, что если онъ со своими драгунами не уйдетъ отсюда сію же минуту въ карьеръ, то по нимъ будутъ стрѣлять. Турецкій дивизьонеръ, выслушавъ этотъ ультиматумъ, подалъ команду—и его эскадроны тронулись было шагомъ, но Струковъ послалъ ему подтвержденіе, что онъ требуетъ удаленія въ маршъ-маршъ, какъ было сказано въ первомъ заявленіи,—и турки, volens-nolens, проскакали карьеромъ вдоль всего нашего фронта, по направленію къ Чаталджѣ, куда вслѣдъ за ними тронулся и генералъ Струковъ. При занятіи Чаталджи повторилась почти такая же исторія: турки, не смотря на условія перемирія уже извѣстныя имъ, не хотѣли очищать городъ. Пришлось выста-

вить орудія и грозить разносомъ всего въ прахъ. Только послѣ этого, увидя полную готовность отряда къ немедленной и самой рѣшительной атакѣ, они очистили Чаталджу и удалились къ Хадемкіою. Этимъ дѣломъ закончились дѣйствія летучаго отряда, и вотъ какую оцѣнку положилъ имъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 2-й, въ приказѣ отъ 29-го января, отданномъ въ Чаталджѣ по авангарду дѣйствующей арміи:

«Со дня назначенія трехъ полковъ 1-й кавалерійской дивизіи въ составъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ, я не могъ нахвалиться ея молодецкою службою и по истинѣ кавалерійскимъ духомъ, одушевлявшимъ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ дивизіи во всѣхъ ея предпріятіяхъ. Ровно мѣсяцъ тому назадъ, наканунѣ шейновскаго сраженія, генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ со своими частями присоединился къ бывшему тогда подъ моею командою иметлійскому отряду. Переходъ черезъ горныя тропы Балканъ въ суровую зиму, чрезъ глубокіе снѣговые сугробы, былъ тогда едва подъ силу нашей молодецкой пѣхотѣ... О содѣйствіи кавалеріи никто изъ насъ и не думалъ. Между тѣмъ 1-я кавалерійская дивизія пришла во-время *), принявъ славное участіе въ сраженіи подъ Шейновымъ, обезпеченіемъ нашего праваго фланга дала возможность рѣшительно атаковать шейновскій укрѣпленный лагерь, захватила казанлыкскую дорогу, уничтожила въ самомъ началѣ попытку непріятеля прорваться на югъ, взяла болѣе 6,000 плѣнныхъ, способствовала сдачѣ сорокатысячной турецкой арміи и взятію 104 орудій.

«Со дня шейновскаго сраженія 1-я кавалерійская дивизія вступаетъ въ періодъ для нея еще болѣе блистательный: она становится авангардомъ авангарда всей русской арміи, представительницею неудержимой отнынѣ силы наступленія Царскихъ дружинъ. Полки 1-й кавалерійской дивизіи и здѣсь показали себя не ниже выпавшаго имъ на долю славнаго жребія. Выступивъ изъ Казанлыка 2-го января, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова, московскіе драгуны, петербургскіе уланы и 1-й донской казачій полкъ, безъ артиллеріи, уже 5-го числа берутъ съ боя

---

*) Переходъ этой дивизіи былъ совершонъ ночью, въ шестнадцать часовъ времени, безъ малѣйшей потери въ лошадяхъ и людяхъ.

Примѣч. автора.

желѣзнодорожный мостъ у Семенли-Трново, обороняемый непріятельскою пѣхотою при шести орудіяхъ. Мостъ, редутъ и шесть стальныхъ крупповскихъ орудій были трофеями молодецкой рѣшимости нашей кавалеріи. Тотчасъ по прибытіи къ Трнову полковъ 16-й пѣхотной дивизіи и двухъ стрѣлковыхъ бригадъ, отрядъ свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова двигается къ Германлы, которое также занимаетъ съ боя. Въ то время, когда 16-я дивизія и стрѣлки, двинутые къ Хаскіою, отбросили части Сулеймановой арміи въ горы, генералъ-маіоръ Струковъ узнавъ о движеніи арміи Мехмеда-Али къ Адріанополю, стремится туда форсированнымъ маршемъ; пользуясь паникой—результатомъ молодецкихъ дѣйствій кавалеріи—предупреждаетъ вступленіе въ Адріанополь турецкой арміи, спѣшившей изъ Шумлы, захватываетъ городъ и растраиваетъ всѣ разсчеты турецкихъ вождей, уничтоживъ послѣднюю ихъ надежду сдержать напоръ нашей арміи. Не долго отдыхала славная 1-я дивизія во второй столицѣ турецкой имперіи. Двинутая къ Константинополю 9-го января, она, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова, неустанно гонитъ предъ собою турецкія полчища и занимаетъ съ боя Чорлу, гдѣ ее застаетъ извѣстіе о перемиріи, всего въ трехъ переходахъ отъ Константинополя. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, блестящее участіе полковъ 1-й кавалерійской дивизіи въ послѣднихъ сраженіяхъ и стычкахъ настоящей турецкой кампаніи.

«Отряду свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова мы обязаны, что арміи Сулеймана и Мехмедъ-Али не успѣли сосредоточиться для обороны Адріанополя, что паника—вслѣдствіе погрома турецкихъ вооруженныхъ силъ подъ Шейновымъ и Филиппополемъ—донеслась до столицы мусульманскаго міра еще болѣе ужасною. Наконецъ—смѣю это высказать—полкамъ 1-й кавалерійской дивизіи болѣе другихъ частей нашей арміи Россія обязана столь скорымъ заключеніемъ перемирія—предвѣстника славнаго мира. Дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали во ввѣренномъ мнѣ отрядѣ полки 1-й кавалерійской дивизіи, съумѣвшіе, не смотря на все, сохранить лошадей и матеріальную часть въ полной блистательной исправности, могутъ лишь части, осмыслившія свое боевое назначеніе долгою, добросовѣстною работою въ мирное время. Не

мнѣ оцѣнивать дѣятельность начальника дивизіи генералъ-лейтенанта Дохтурова, какъ воспитателя славныхъ полковъ 1-й кавалерійской дивизіи. Разставаясь со свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Струковымъ, получившимъ приказаніе возвратиться въ главную квартиру, отъ души благодарю этого генерала, съумѣвшаго во всѣ трудныя минуты послѣдняго періода кампаніи не только блистательно исполнять всѣ возложенныя на его лихой отрядъ порученія, но и доказавшаго мнѣ не разъ, что онъ обладаетъ высшимъ качествомъ начальника въ военное время—способностію къ отвѣтственной инціативѣ».

XCI

Набѣгъ на Гюмурджину

Назначеніе двухъ кавалерійскихъ отрядовъ, по разбитіи арміи Сулеймана-паши.—Распоряженія генерала Гурко о партизанскихъ дѣйствіяхъ.—Перестрѣлка казачьяго разъѣзда 19-го января въ д. Карамалы.—Движеніе отряда генерала Чернозубова на Местанлы и занятіе этого города.—Движеніе на Гюмурджину.—Утро въ Родопскихъ горахъ.—Первое появленіе въ Гюмурджинѣ четырехъ русскихъ воиновъ съ подполковникомъ Сухомлиновымъ.—Объясненіе Сухомлинова съ каймакамомъ.—Встрѣча, сдѣланная отряду и его торжественное вступленіе въ городъ.—Телеграфная корреспонденція Сухомлинова съ Галлиполи, Константинополемъ и Чорлу.—Объясненіе его со Скендеръ-пашою.—Переписка мушира Савфета-паши съ генераломъ Чернозубовымъ.—Оффиціальное извѣщеніе о перемиріи.—День въ Гюмурджинѣ и окончаніе экспедиціи летучаго отряда.

Санъ-Стефано, 15-го апрѣля.

Когда генералъ-адъютантъ Гурко обходомъ праваго фланга арміи Сулеймана оттѣснилъ ее отъ Татаръ-Базарджика и принудилъ принять бой у Караагаджа, тыломъ къ Деспото-Дагу, то Сулейманъ, разсчитывая спасти остатки своихъ силъ, двинулъ одну колонну съ артиллерію изъ Станимаки на Хаскіой, а съ другою частью и съ горными орудіями поспѣшно пошелъ въ горы, къ югу, на Местанлы. Кавалерія генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го настигла колонну, шедшую на Хаскіой, у селенія Карджиляра, отбила у нея всѣ орудія, и узнавъ, что хаскіойская дорога уже занята нашими войсками (Скобелева 2-го), повернула къ югу, по направленію къ

Эгейскому морю *). Части этого кавалерійскаго отряда получили различное назначеніе. Такъ, Кавказская бригада должна была наблюдать за турецкими войсками, отступившими къ югу отъ Станимаки на Нарѣченъ и Исмиланъ, а Казанскій драгунскій и 30-й казачій полки (бригада генералъ-маіора Чернозубова), съ двумя орудіями 19-й донской батареи, двинуты были для очистки отъ непріятеля мѣстности между селеніями Тахталы, Кетенлыкъ и Карджиларъ, и для преслѣдованія части турецкихъ войскъ, отступившей на Местанлы и Гюмурджину, дабы выяснить количество и состояніе силъ Сулеймана; остальныя же войска отряда Скобелева 1-го получили приказаніе двинуться на Адріанополь.

16-го января подполковнику Сухомлинову было приказано генераломъ Гурко отправиться изъ Адріанополя въ отрядъ генералъ-маіора Чернозубова, въ качествѣ начальника штаба онаго. Слѣдуя къ мѣсту назначенія въ городъ Хаскіой, Сухомлиновъ встрѣтилъ на пути казаковъ, ѣхавшихъ въ Адріанополь съ донесеніемъ Чернозубова изъ Каджилара о томъ, что эскадронъ драгунъ и сотня казаковъ выбили турокъ изъ деревни Кушъ-Алилеръ и что генералъ Чернозубовъ со всѣмъ своимъ отрядомъ предполагаетъ перейдти въ деревню Габрово. Рѣшившись вслѣдствіе этого идти на присоединеніе къ бригадѣ прямикомъ въ Габрово, Сухомлиновъ отправилъ съ казаками къ Чернозубову донесеніе какъ о своемъ намѣреніи, такъ и о томъ, что, согласно словесному приказанію генерала Гурко, конныя орудія слѣдуетъ отправить подъ конвоемъ полуэскадрона драгунъ въ Адріанополь, такъ какъ дѣйствія, предстоящія отряду, будутъ имѣть исключительно партизанскій характеръ на мѣстности крайне трудной для движенія.

19-го января, на пути въ Габрово, турки встрѣтили Сухомлинова ружейнымъ залпомъ, пущеннымъ въ него изъ деревни Сарныджъ; въѣхать въ эту деревню не было возмож-

---

*) Въ составъ кавалерійскаго отряда генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го (начальникъ штаба онаго, генеральнаго штаба подполковникъ Сухомлиновъ) входили полки: 4-й драгунскій Екатеринославскій, 8-й драгунскій Астраханскій, 9-й драгунскій Казанскій, Кавказская казачья бригада свиты генералъ-маіора Черевина, 30-й донской казачій, двѣ сотни 34-го и часть 24-го донскихъ казачьихъ полковъ, при четырехъ конныхъ орудіяхъ (взводъ 16-й конной и взводъ 19-й донской батарей).

ности, а объѣзжать ее кружнымъ путемъ далеко, и потому Сухомлиновъ былъ вынужденъ вернуться на ночлегъ въ деревню Эксюзкіой. На слѣдующій день, выступивъ снова къ Габрову, онъ встрѣтилъ въ селеніи Карамалы разъѣздъ 30-го казачьяго полка, въ числѣ 15-ти человѣкъ съ сотникомъ Поцѣлуевымъ, который сообщилъ, что турки вслѣдъ за его разъѣздомъ опять вошли въ деревню Сарныджъ и такимъ образомъ отрѣзали его отъ бригады. Сухомлиновъ вмѣстѣ съ Поцѣлуевымъ рѣшились прорваться на Габрово, и эта попытка стоила имъ одной убитой лошади, да кромѣ того контуженъ былъ казакъ. Турки перешли противъ нихъ въ наступленіе, выдвинувъ двѣ роты съ густою цѣпью впереди и около сорока всадниковъ. Это обстоятельство заставило нашихъ спѣшиться и занять деревню Карамалы, гдѣ они продержались до сумерекъ и затѣмъ должны были отойдти на ночлегъ опять въ Эксюзкіой. Турки очистили Сарныджъ не ранѣе какъ узнавъ, что вся Чернозубовская бригада уже перешла въ Габрово, и тогда подполковникъ Сухомлиновъ 21-го января соединился съ отрядомъ, лично передавъ Чернозубову приказаніе генерала Гурко о цѣли и образѣ дѣйствій сего отряда.

Съ разсвѣтомъ 22-го числа отрядъ генералъ-маіора Чернозубова, въ составѣ 5½ сотень и 3½ эскадроновъ, выступилъ изъ Габрова по направленію къ Местанлы. На все время движенія высылка авангарда и освѣщеніе праваго фланга колонны были возложены на 30-й казачій полкъ; выдѣленіе же арріергарда и наблюденіе за лѣвымъ флангомъ поручено было казанскимъ драгунамъ. Слѣдуя почти безостановочно, отрядъ къ пяти часамъ вечера дошелъ лишь до деревни Крджали-баши. Въ этотъ день пришлось сдѣлать три перевала по вязкой глинистой почвѣ въ низинахъ и по глубокимъ снѣгамъ на горахъ, проходя деревни, занятыя вооруженными жителями и имѣя перестрѣлки въ боковыхъ отрядахъ. Вооруженное населеніе могло бы поставить отрядъ въ крайне затруднительное положеніе, вслѣдствіе трудно доступной гористой мѣстности, если бы не паника, которую передали жителямъ отступавшія части войскъ Сулеймана. Только этимъ и можно объяснить то относительно слабое сопротивленіе, съ какимъ турки защищали на каждомъ шагу ущелья и горные проходы, ведущіе къ ихъ селеніямъ, залегающимъ въ глубо-

кихъ лощинахъ. Часть пути въ этотъ день отрядъ прошелъ по слѣду турецкой горной артиллеріи: по дорогѣ попадались снаряды горныхъ орудій. Изъ опроса захваченныхъ въ плѣнъ турецкихъ солдатъ можно было заключить, что до рѣки Арды турецкія войска отступали съ сѣвера по весьма широкому району. Такъ какъ съ прибытіемъ въ Крджали-баши отрядъ нашъ спустился уже въ долину Арды, гдѣ вслѣдствіе сильной прибыли воды отъ дождей предстояла весьма трудная переправа, то люди были расположены на ночлегъ въ Крджали-баши, гдѣ казаки отбили у турокъ нѣсколько молодыхъ болгарскихъ дѣвушекъ, захваченныхъ уже въ послѣднее время. Для охраненія отряда на отдыхѣ назначались обыкновенно сотня или эскадронъ, причемъ между всѣми частями, во избѣжаніе излишняго утомленія какой-либо одной изъ нихъ, была заведена строгая очередь.

Утромъ 23-го января былъ высланъ особый разъѣздъ, въ составѣ полуэскадрона драгунъ, которому приказано пройдти на Адріанополь вдоль по долинѣ Арды; остальной же отрядъ выступилъ на переправу черезъ Арду, для слѣдованія на Местанлы.

Высокая вода и быстрое теченіе сильно затруднили переправу: людей и лошадей уносило внизъ по рѣкѣ, такъ что многіе изъ 4-й сотни 30-го казачьяго полка добрались до другаго берега вплавь. Шли гуськомъ, въ одинъ конь. За рѣкою баши-бузуки и небольшія партіи турецкой регулярной пѣхоты отступали передъ фронтомъ и на флангахъ нашей колонны. Узкія дороги, или вѣрнѣе тропы въ горахъ, не давали отряду возможности ни развернуться, ни двинуться быстро впередъ. Задерживаемый на каждомъ шагу, онъ къ четыремъ часамъ дня дошелъ до Местанлы и занялъ этотъ городъ безъ выстрѣла, такъ какъ турки отступили на Дарыдере и на Мезадъ-Пашаларъ. Для преслѣдованія ихъ были отправлены отдѣльныя части, которыя вернулись въ Местанлы уже утромъ 24-го. При этомъ есаулъ Галдинъ, посланный съ сотнею на Мезадъ-Пашаларъ, настигъ въ деревнѣ Комфалы партію баши-бузуковъ и захватилъ въ числѣ прочихъ кассира, бѣжавшаго изъ Местанлы вмѣстѣ съ кассою, которая была у него отобрана и представлена сотникомъ Лаврухинымъ въ главную квартиру, откуда ее переслали потомъ

въ Константинополь. Оружіе, найденное въ местанлыйскомъ конакѣ, а также отнятое у плѣнныхъ, было немедленно приведено въ негодность. Отрядъ не имѣлъ возможности отсылать захваченныхъ въ плѣнъ турокъ, такъ какъ не былъ достаточно силенъ для выдѣленія конвоя. Поэтому всѣ плѣнные, взятые за день, приводились на мѣсто отряднаго ночлега и на слѣдующее утро, съ выступленіемъ бригады далѣе, оставлены на мѣстѣ. Организовать болгарскій конвой тоже не было возможности, такъ какъ деревни, окружающія Местанлы, заселены почти исключительно турками. Особенно тяжело пришлось въ этотъ день 2-й сотнѣ 30-го полка, посланной для преслѣдованія: метель и вьюга задержали ее въ горахъ до поздней ночи.

На другой день, 24-го января, отрядъ выступилъ изъ Местанлы къ селенію Узунъ-Химетлеръ. Съ каждымъ шагомъ мѣстность становилась все болѣе и болѣе неудобопроходимою. Повсюду только горы и горы, вздувшіяся рѣчки, узкій путь по карнизамъ скалъ, торчащіе пласты камня, природная щебёнка, обсыпающаяся подъ ногою, иногда вязкая и липкая глина, нигдѣ ни одного моста, словомъ—полное отсутствіе признаковъ даже сквернаго пути, къ какимъ мы уже привыкли въ Турціи, а часто горная тропа и совсѣмъ терялась безслѣдно. Но постепенно, хотя и съ тяжкимъ трудомъ подвигаясь впередъ, отрядъ сверхъ ожиданія дошелъ до Узунъ-Химетлера безъ особенныхъ приключеній и безъ всякаго сопротивленія со стороны турокъ. Здѣсь, какъ оказалось по нѣкоторымъ признакамъ, прослѣдовала недавно Кавказская казачья бригада генерала Черевина, который, пройдя на перерѣзъ пути наступленія Чернозубовскаго отряда, отъ Станимаки на Нарѣченъ и Дарыдере, южнѣе Местанлы на Адріанополь, очистилъ Чернозубову путь почти до самаго перевала, откуда уже начинается спускъ въ прибрежную равнину.

Съ разсвѣтомъ 25-го января отрядъ выступилъ на Гюмурджину. Восходъ солнца засталъ его въ снѣжныхъ горахъ, среди вершинъ, залитыхъ розовымъ свѣтомъ; лиловая мгла лежала въ затѣненныхъ ущельяхъ, откуда поднимались бѣлые дымы изъ трубъ горныхъ хуторовъ и деревушекъ, каждая не болѣе какъ въ три-четыре домика. На всей этой широкой картинѣ эффектно сочетались тѣ яркіе и прозрачные тоны,

которые считаются «знатоками», незнакомыми съ природою юга, столь «неестественными» въ прелестныхъ картинахъ Айвазовскаго. Горы Родопскія являются здѣсь въ видѣ нагроможденныхъ одна на другую глыбъ мрамора. Онѣ существенно отличаются отъ Балканъ не только формаціею, но и характеромъ своего расположенія: Балканы — хребетъ, который тянется непрерывнымъ кряжемъ, а это—горная площадь, гдѣ безпорядочно перепуталась между собою во всевозможныхъ направленіяхъ цѣлая масса хребтовъ и отдѣльныхъ горъ; это— какая-то каменная толчея, какъ-бы волны моря, застывшаго среди бури; видно, что все это произошло нѣкогда, въ доисторическія времена, вслѣдствіе какихъ-то ужасныхъ геологическихъ потрясеній. Спустя нѣсколько времени предъ глазами всего отряда открылся еще болѣе широкій видъ на обширную долину, простиравшуюся сѣроватыми пятнами деревень, рощъ и плантацій, съ голубоватыми ленточками ея рѣчекъ, и ограниченную съ юга совершенно бѣлою, на этотъ разъ, полосою Эгейскаго моря. Съ перевала начали сейчасъ же спускаться въ ущелье, по которому шли цѣлые пять часовъ, и чѣмъ ниже спускались, тѣмъ все чаще попадались группы, человѣкъ въ пять, въ десять, отсталыхъ турецкихъ солдатъ. Затѣмъ вдоль по ущелью, вправо и влѣво, стали появляться у костровъ цѣлыя массы пестрыхъ таборовъ турокъ и цыганъ, бѣжавшихъ изъ множества мѣстъ вмѣстѣ съ остатками арміи Сулеймана.—«Господи, опять эти русскіе!»—съ выраженіемъ скорби, отчаянія и испуга восклицали по турецки многія женщины, заламывая свои руки.

По показаніямъ мѣстныхъ жителей-грековъ и плѣнныхъ, захваченныхъ въ это утро, можно было предполагать, что въ Гюмурджинѣ рѣшительно не ожидаютъ даже возможности появленія русскихъ, что тамъ не существуетъ никакихъ мѣръ охраненія и нѣтъ никакихъ войскъ, за исключеніемъ массы отсталыхъ да больныхъ аскеровъ и вооруженныхъ бѣглецовъ-жителей. Въ виду этихъ свѣдѣній, дабы сохранить существовавшій въ городѣ порядокъ и не встревожить населеніе, генералъ Чернозубовъ, спустясь съ горъ въ первомъ часу дня и не доходя двухъ или трехъ верстъ до Гюмурджины, остановилъ свою бригаду при выходѣ изъ ущелья, за бугромъ, заслоняющимъ городъ, и послалъ Сухомлинова съ небольшимъ

конвоемъ — предложить городскимъ властямъ, чтобы онѣ содѣйствовали спокойному занятію Гюмурджины. Съ Сухомлиновымъ отправились трое казаковъ и, въ качествѣ переводчика, трубачъ Астраханскаго драгунскаго полка Дикацъ, родомъ армянинъ, прекрасно говорящій по турецки. Всѣ пять человѣкъ этого маленькаго отряда всадниковъ были георгіевскіе кавалеры. Быстрою рысью проѣхали они небольшое разстояніе до города и нѣсколько улицъ, разспрашивая встрѣчныхъ грековъ—гдѣ конакъ? На улицахъ было много турокъ, которые, слыша разспросы о конакѣ, по видимому, приходили въ крайнее удивленіе при появленіи нежданныхъ гостей, но тѣмъ не менѣе безпрекословно отвѣчали, указывая рукою: *«бурда»* (сюда).

Предъ конакомъ стояла, сидѣла и лежала на мостовой пестрая толпа всякаго восточнаго народа, а у воротъ—пара часовыхъ, брякнувшихъ ружьями «на-краулъ» при видѣ русскаго офицера. Въ обширномъ дворѣ конака направо помѣщался пѣхотный караулъ, отъ сорока до пятидесяти человѣкъ, а налѣво—двадцать конныхъ драгунъ султанской гвардіи. Пѣхотный караулъ поспѣшно сталъ въ ружье, но не проявилъ никакихъ враждебныхъ намѣреній при видѣ русскихъ,—напротивъ, даже отдалъ имъ воинскую почесть.

Оставивъ трехъ казаковъ съ лошадьми предъ крыльцомъ конака, Сухомлиновъ вмѣстѣ съ трубачемъ-переводчикомъ быстро поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ, растворилъ дверь, указанную ему какимъ-то служителемъ, и самоувѣренно вошелъ въ присутственную залу каймакама. Это была обширная и свѣтлая комната съ низенькими и мягкими турецкими диванами вдоль стѣнъ. На одномъ изъ нихъ, какъ разъ противъ входной двери, возсѣдалъ мужчина среднихъ лѣтъ, съ черною окладистою бородою, въ форменномъ сюртукѣ — типъ истаго турецкаго джентльмена новѣйшаго пошиба. Опустивъ нѣсколько апатически свои какъ бы отяжелѣвшія вѣки, онъ медленно, съ лѣнивымъ наслажденіемъ втягивалъ въ себя охлажденный дымъ изъ длинной змѣевидной кишки красиваго, урчащаго кальяна. Вокругъ этого джентльмена важно и безмолвно возсѣдали, поджавъ подъ себя ноги, съ чубуками или кручеными папиросами въ рукахъ, до 25-ти разнобородыхъ турокъ, въ зеленыхъ и бѣлыхъ

чалмахъ и въ фескахъ. Это были члены городскаго совѣта и начальники разныхъ отраслей управленія. Всѣ они какъ бы ошалѣли при внезапномъ появленіи среди нихъ русскаго офицера съ молодцоватымъ трубачемъ, а турецкій джентльменъ первымъ вскочилъ съ мѣста, видимо въ смущенномъ недоумѣніи, такъ что даже кальянная кишка выпала изъ его растопыренныхъ рукъ.

— Кто здѣсь каймакамъ? спросилъ Сухомлиновъ чрезъ своего переводчика.

Нѣсколько поблѣднѣвшій джентльменъ отвѣчалъ не безъ запинки, что это онъ состоитъ въ должности каймакама.

Тогда Сухомлиновъ отрекомендовался ему въ качествѣ начальника штаба русскаго отряда и присовокупилъ, что фактъ присутствія его здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, знаменуетъ собою занятіе города русскими.

— Я прошу васъ успокоиться, продолжалъ онъ, видя, что смущеніе каймакама возрастаетъ:—порядокъ не будетъ нарушенъ и мой начальникъ, генералъ Чернозубовъ, послалъ меня предупредить васъ, что онъ именно желаетъ занять городъ въ полномъ порядкѣ и спокойствіи, чтобы всѣ обыватели оставались смирно на своихъ мѣстахъ; а на счетъ того, какимъ образомъ это сдѣлать, онъ поручилъ мнѣ посовѣтоваться съ каймакамомъ.

— Разъ, что городъ занятъ, я весь къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ съ поклономъ градоначальникъ, успѣвшій нѣсколько оправиться отъ своего смущенія.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Сухомлиновъ,—въ избѣжаніе всякихъ столкновеній, во-первыхъ, военный вашъ караулъ долженъ сейчасъ же положить оружіе.

Произнося эти слова, онъ услышалъ на дворѣ конскій топотъ и взглянувъ въ окно, увидѣлъ, что гвардейскіе драгуны скачутъ куда-то, чуть не сломя голову.

— Во-вторыхъ, продолжалъ онъ,—сколько именно и какія войска находятся у васъ въ городѣ и въ окрестностяхъ?

— Въ казармахъ, заявилъ каймакамъ,—найдется человѣкъ до шестисотъ отсталыхъ и нѣсколько офицеровъ, да кромѣ того есть тысячъ до пятидесяти бѣглецовъ; въ городѣ же десять тысячъ жителей, и такъ какъ они всѣ вооружены, то ихъ можно считать баши-бузуками.

— Въ такомъ случаѣ вы распорядитесь, чтобы солдаты отнюдь не выходили изъ казармъ, а жители и бѣглецы положили бы оружіе, и кромѣ того предупредите всѣхъ, что если по нашимъ войскамъ будетъ сдѣланъ хотя одинъ выстрѣлъ, то городъ будетъ сожженъ немедленно.

Каймакамъ изъявилъ полное согласіе на это требованіе и присовокупилъ, что относительно сего тотчасъ же будутъ вывѣшаны на улицахъ особыя объявленія.

— Въ-третьихъ, продолжалъ Сухомлиновъ, — вамъ надо удовлетворить потребности нашего отряда. Для этого, въ избѣжаніе самовольства и непріятныхъ столкновеній, вы должны озаботиться, чтобы вашими чиновниками были отведены отряду приличныя помѣщенія въ самомъ городѣ, по возможности въ сосредоточенномъ расположеніи, по обширнымъ дворамъ съ конюшнями, и чтобы во дворъ конака немедленно были доставлены фуражъ и продовольствіе.

Со стороны каймакама и на это условіе послѣдовало полное согласіе; а надо замѣтить, что отрядъ въ теченіи семи сутокъ хотя и имѣлъ мясо, но у него за все это время не было ни куска хлѣба, ни сухаря, ни щепотки соли. Офицеры и люди съ отвращеніемъ утоляли голодъ лишь одною прѣсною и жирною бараниной, въ вареномъ или поджаренномъ видѣ.

Покончивъ свое объясненіе, Сухомлиновъ поскакалъ къ бригадѣ, чтобы ввести ее въ городъ.

Пока онъ ѣхалъ къ нашимъ войскамъ и пока тѣ шли къ городу, все мѣстное населеніе уже успѣло узнать о приходѣ русскихъ.

Отрядъ нашъ двинулся въ такомъ порядкѣ, что впереди шла авангардная сотня, за нею генералъ Чернозубовъ со штабомъ, затѣмъ хоръ музыки 30-го донскаго полка, за которымъ всѣ остальныя сотни казаковъ и, наконецъ, Казанскій драгунскій полкъ. Двигались впередъ съ музыкой, но все-таки вполнѣ были готовы ко внезапному нападенію и бою. Но вотъ передъ городомъ показалась густая толпа, въ которой замѣтны были и верховые. Когда отрядъ приблизился къ ней, то увидѣлъ, что это «депутація» совершенно мирнаго характера. Впереди всѣхъ, на бѣломъ арабскомъ конѣ, съ чепракомъ, расшитымъ шелками и золотомъ, ѣхалъ джентль-

менъ-каймакамъ, въ полной парадной формѣ и при саблѣ, окруженный полнымъ составомъ лицъ мѣстнаго греческаго духовенства, въ черныхъ мантіяхъ, и нѣсколькими представителями города и мѣстной греческой интеллигенціи. Какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица были тоже верхомъ. Остальная толпа валила пѣшкомъ, съ непокрытыми головами. Каймакамъ первый привѣтствовалъ генерала Чернозубова рѣчью на турецкомъ языкѣ, а за нимъ выступилъ мѣстный греческій митрополитъ Іеронимъ, который, чрезъ одного грека, долго жившаго въ Россіи и хорошо объясняющагося по русски, выразилъ, что въ его лицѣ мѣстное христіанское населеніе отъ души привѣтствуетъ русскаго вождя, съ торжествомъ вступающаго въ городъ, населенный большинствомъ православныхъ-единовѣрцевъ русскаго народа, и что городъ счастливъ этимъ вступленіемъ, провидя въ немъ спасеніе отъ баши-бузуковъ и черкесовъ, которые здѣсь уже сдѣлали и продолжаютъ дѣлать множество насилій и безпорядковъ. Приложившись къ св. Кресту, генералъ Чернозубовъ двинулся далѣе, въ предмѣстье Гюмурджины. Каймакамъ съ духовенствомъ и остальною толпою пѣшихъ и конныхъ примкнули къ его свитѣ. Всему этому поѣзду предшествовали конные и пѣшіе заптіи. Вступленіе совершилось въ три часа по полудни. Гюмурджина представилась нашимъ въ видѣ чистенькаго бѣлостѣннаго городка съ изобильною зеленью миртовъ, лавровъ, кипарисовъ, со вьющимся плющемъ и повоями на стѣнахъ, заборахъ, рѣшеткахъ, балконахъ и деревьяхъ; на каждомъ перекресткѣ—бѣломраморные фонтаны съ арабесками и разными надписями; яркое солнце; воздухъ теплый, совсѣмъ итальянскій — прелесть, какъ хорошо!... Наши прошли по лучшимъ улицамъ и остановились на площади. Здѣсь впервые съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Гюмурджина, загремѣли звуки русскаго народнаго гимна, сопровождавшіеся кликами всего отряда и населенія. Генералу со штабомъ было отведено прекрасное помѣщеніе, на площади, въ великолѣпномъ мраморномъ домѣ, принадлежащемъ одному изъ мѣстныхъ зажиточныхъ грековъ. Такъ какъ противникъ оказался теперь уже на западъ отъ нашего расположенія, въ ближайшемъ портѣ Карагачѣ, гдѣ садились на суда остатки арміи Сулеймана, то одна сотня казаковъ была вы-

слана въ направленіи на селеніе Яскіой, для содержанія аванпостовъ и освѣщенія мѣстности посредствомъ разъѣздовъ. Деревенскіе жители-греки сами просили чрезъ депутаціи о размѣщеніи у нихъ казаковъ постоемъ.

Между тѣмъ, пока генералъ Чернозубовъ принималъ визиты городскаго совѣта и разныхъ представителей, Сухомлиновъ поѣхалъ на телеграфную станцію, гдѣ предварилъ, что начальникъ отряда не желаетъ портить телеграфъ, но требуетъ, чтобы внѣ вѣдѣнія и разрѣшенія его, Сухомлинова, не прошла никуда ни одна телеграмма. Здѣсь начальникъ станціи заявилъ, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, Великій Князь Главнокомандующій находится уже въ Константинополѣ. Тогда Сухомлиновъ предложилъ ему подать сигналъ на центральную константинопольскую станцію, но тотъ отвѣтилъ, что прямаго сообщенія между Гюмурджиной и центральною станціею въ настоящее время не имѣется; поэтому была вызвана станція Галлиполи. Когда изъ Галлиполи получился отвѣтъ, что тамъ готовы къ принятію и передачѣ депеши, то Сухомлиновъ телеграфировалъ, что Гюмурджина занята русскими войсками. Едва успѣли передать это сообщеніе, какъ въ Галлиполи, судя по телеграфнымъ признакамъ, поднялся величайшій переполохъ: раздался спѣшный стукъ, посыпалась масса вопросовъ: «Какъ? что? какъ могло это случиться? Какія войска? Сколько ихъ? Пѣхота ли, кавалерія, или та и другая вмѣстѣ? Есть ли артиллерія? Сколько именно орудій? Извѣстно ли русскимъ о заключеніи перемирія? Какъ фамилія командующаго генерала? Кто начальникъ отряднаго штаба?» и т. п. Сухомлиновъ разрѣшилъ отвѣтить, что фамилія генерала—Чернозубовъ, а начальникомъ штаба состоитъ онъ, Сухомлиновъ, и что хотя русскимъ войскамъ извѣстно о перемиріи, но извѣстіе это идетъ изъ частныхъ источниковъ, офиціальнымъ же путемъ извѣщенія о томъ они еще не имѣютъ и просятъ освободить телеграфную линію на Константинополь, такъ какъ въ Гюмурджинѣ увѣряютъ, будто тамъ находится русскій Главнокомандующій. Въ отвѣтъ послѣдовала изъ Галлиполи на имя русскаго коменданта Гюмурджины слѣдующая телеграмма: «Перемиріе и миръ подписаны обѣими воюющими сторонами 31-го (19-го) сего января. Сулейманъ-паша предлагаетъ его превосходительству

генералу Чернозубову, если ему угодно имѣть какія-либо разъясненія относительно мира, то онъ, Сулейманъ, сообщитъ ихъ письменно; если же нѣтъ, то для удостовѣренія постарается получить линію изъ Константинополя или Адріанополя. Подписано: Решидъ-паша, мутесарифъ галлиполійскій».

На это Сухомлиновъ отвѣчалъ слѣдующее:

«Генералъ Чернозубовъ очень желалъ бы вѣрить въ дѣйствительность *перемирія*, но Сулейману-пашѣ должно быть извѣстно, что какъ о началѣ, такъ и о прекращеніи военныхъ дѣйствій можно получать приказанія только отъ своего собственнаго начальства, а никакъ не сообщенія со стороны непріятеля».

Черезъ полчаса стукъ аппарата возвѣстилъ, что прямое сообщеніе съ Константинополемъ получено. Тогда съ нашей стороны пошелъ туда запросъ: «дѣйствительно ли Великій Князь Главнокомандующій находится въ Константинополѣ?»

Отвѣтъ: «нѣтъ, не находится».

Послѣ этого было спрошено: «нѣтъ ли возможности передать изъ Константинополя телеграмму къ линіи нашихъ передовыхъ постовъ, двигающихся отъ Адріанополя на Константинополь?» Къ этому запросу каймакамъ прибавилъ еще и отъ своего лица просьбу объ отвѣтѣ и о непремѣнной доставкѣ настоящей депеши русскимъ войскамъ, потому что иначе русскій отрядъ, находящійся въ Гюмурджинѣ, прерветъ телеграфное сообщеніе, какъ заявлено о томъ подполковникомъ Сухомлиновымъ.

Въ отвѣтъ на это получена изъ Константинополя отъ министра почтъ и телеграфовъ депеша на имя каймакама, съ просьбою сдѣлать увѣщаніе начальнику штаба русскихъ войскъ въ Гюмурджинѣ, чтобы онъ оказалъ свое «просвѣщенное содѣйствіе» къ сохраненію телеграфа, такъ какъ онъ, министръ, ручается всѣмъ, чѣмъ угодно, что перемиріе уже заключено.

Телеграмма эта была получена уже ночью, и вскорѣ послѣ нея пришло съ передовыхъ нашихъ постовъ донесеніе, что селеніе Яскіой занято пятью или шестью сотнями турецкой конницы и что казаки замѣтили большой лагерь на берегу моря. Во второмъ часу ночи на станцію, гдѣ вмѣстѣ съ Сухомлиновымъ безотлучно присутствовалъ по своей доб-

рой волѣ и утомленный каймакамъ, явились заптіи съ докладомъ, что хлѣбъ, мясо и фуражъ уже розданы войскамъ, что все обстоитъ благополучно, въ большомъ порядкѣ, нѣтъ никакихъ жалобъ и городъ совершенно доволенъ и спокоенъ. Вскорѣ послѣ этого телеграфъ далъ знать, что сообщеніе съ городомъ Чорлу чрезъ Константинополь открыто и что Чорлу занятъ русскими войсками. Тогда Сухомлиновъ сдѣлалъ запросъ: «кто изъ русскихъ генераловъ находится въ Чорлу?»

Отвѣтъ: «двое русскихъ пашей».

— «Какъ ихъ фамиліи!»

— «Одного называютъ Скобелевъ».

— «Передадутъ ли ему мою телеграмму»?

— «Скобелевъ живетъ въ городѣ, сейчасъ пошлемъ къ нему узнать на квартиру?»

Спустя полчаса телеграфъ застучалъ продолженіе:

— «Скобелевъ утромъ уѣхалъ впередъ, а есть другой паша съ очень трудною фамиліею».

Вопросъ: «Нельзя ли сообщить ее?»

Отвѣчаютъ: «Невозможно».

— «Почему невозможно»?

— «Слишкомъ много непроизносимыхъ шипящихъ звуковъ».

— «Неужели даже и для турецкаго языка невозможно!»

— «Невозможно».

Послѣ такого рѣшительнаго отвѣта явилось подозрѣніе, что турки врутъ и что Чорлу не занятъ нашими; тѣмъ не менѣе Сухомлиновъ потребовалъ передачи «трудной» фамиліи русскаго генерала.

Телеграфъ началъ передавать массу дѣйствительно неудобосочетаемыхъ буквъ, изъ которыхъ началось слагаться: «Шнят... княт... тшник... тсчник... оф... ковъ...».

Догадавшись, въ чемъ дѣло, Сухомлиновъ просилъ сообщить, какою частію этотъ генералъ командуетъ?

Отвѣтъ: «Онъ командуетъ какою-то частію съ нумеромъ 30-мъ на погонахъ».

Тогда Сухомлиновъ призналъ окончательно вѣроятною свою первоначальную догадку, что шнят-княтъ и т. д. есть начальникъ 30-й пѣхотной дивизіи генералъ Шнитниковъ. И

дѣйствительно, на слѣдующее утро это подтвердилось телеграммою, но еще ранѣе ея Сухомлиновъ отправилъ на имя русскаго коменданта города Чорлу слѣдующую депешу: «Генералъ Чернозубовъ, занявъ Гюмурджину 25-го января, получилъ отъ каймакама заявленіе, что миръ уже заключенъ; но не имѣя относительно сего никакихъ приказаній русскаго начальства, не можетъ ему повѣрить и проситъ коменданта города Чорлу дать разъясненіе по этому предмету и испросить для него дальнѣйшихъ приказаній Его Высочества Главнокомандующаго». На это телеграфная станція Чорлу отвѣчала, что такъ какъ генералъ съ трудною фамиліею и мѣстный комендантъ живутъ очень далеко отъ станціи, и такъ какъ сообщеніе идетъ кружнымъ путемъ черезъ Константинополь, то отвѣтъ ихъ можетъ быть сообщенъ только утромъ. Тогда Сухомлиновъ запечаталъ станцію, прервавъ предварительно всѣ ея сообщенія, и приставивъ къ дверямъ часовыхъ, ушелъ спать въ три часа по полуночи. Ночь была очень темна и потому какъ нельзя болѣе удобна для внезапнаго нападенія, но наши патрули чутко слѣдили за малѣйшимъ звукомъ, обнаруживающимъ какое-либо движеніе. Шестьсотъ русскихъ всадниковъ, отдѣленные отъ ближайшихъ силъ своей арміи двумя сотнями верстъ и горами, гдѣ бродили еще тысячи черкесовъ и баши-бузуковъ, спятъ въ виду цѣлаго турецкаго лагеря въ городѣ, окрестности котораго переполнены массами вооруженныхъ бѣглецовъ, и спятъ въ полной неизвѣстности о перемиріи и вообще о томъ что̀ дѣлается на Божьемъ свѣтѣ. Положеніе было не изъ особенно спокойныхъ, но частямъ этого отряда, и особенно 30-му донскому полку, не впервой доводилось бывать и въ значительно болѣе опасныхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ онѣ всегда выходили съ честью.

На слѣдующій день (26-го), еще раннимъ утромъ, благодаря рекогносцировкамъ и показаніямъ мѣстныхъ жителей, выяснилось, что армія Сулеймана въ страшномъ безпорядкѣ отступила широкимъ фронтомъ, черезъ Истмиланъ и Местанлы, къ Карагачу, въ гавани коего остатки ея съ одними лишь горными орудіями перевозятся на турецкихъ пароходахъ въ Галлиполи, куда уже отправлено около двадцати тысячъ войска; а остальныя десять тысячъ остаются пока еще въ портѣ. Впрочемъ эти цифры можно было считать болѣе

или менѣе преувеличенными, потому что вмѣстѣ съ войсками въ Карагачѣ находилась масса баши-бузуковъ и вооруженныхъ жителей. Но о поспѣшности отступленія Сулеймановой арміи можно было судить по множеству людскихъ, конскихъ и иныхъ труповъ, встрѣчавшихся русскому отряду и его разъѣздамъ по всѣмъ горнымъ тропинкамъ.

Въ десять часовъ утра телеграфная станція была снова открыта и вызванъ туда каймакамъ, для переговоровъ на счетъ обезпеченія спокойствія въ городѣ, въ случаѣ если бы слухи о мирѣ или перемиріи не подтвердились. Вскорѣ изъ Чорлу была получена на имя генерала Чернозубова телеграмма слѣдующаго содержанія: «Перемиріе состоялось 31-го (19-го) января. Всѣ наши генералы, а также и турецкіе, находящіеся въ Гюмурджинѣ, объ этомъ уже увѣдомлены. Начальникъ 30-й дивизіи Шнитниковъ».

Телеграмма эта хотя и успокоила нашихъ, но все-таки не служила для нихъ прямымъ приказаніемъ, и къ тому же трудно было ее провѣрить, такъ какъ она была передана на турецкомъ языкѣ съ переводомъ на французскій, сдѣланнымъ уже на мѣстной станціи. Все это могло еще возбуждать нѣкоторыя сомнѣнія.

Почти одновременно съ этою телеграммою было получено съ аванпостовъ донесеніе, что какой-то турецкій паша съ 25-ю всадниками желаетъ проѣхать къ генералу Чернозубову для необходимыхъ переговоровъ. Казакамъ велѣно пропустить парламентера. Подполковникъ Сухомлиновъ встрѣтилъ его въ конакѣ, при чемъ пріѣхавшій отрекомендовался ему, назвавъ себя Скендеръ-пашою и сказалъ съ гордымъ видомъ:—«Вы знаете, что вы окружены?»

— Не знаю, ваше превосходительство, окружены ли *мы*, отвѣчалъ ему совершенно спокойно Сухомлиновъ:—но что *вы* мой военно-плѣнный—это я вижу, такъ какъ у васъ конвоя всего нѣсколько человѣкъ, среди большого русскаго отряда.

Паша понялъ неумѣстность своей выходки и съ разу перемѣнилъ тонъ. Онъ сухо заявилъ, что предварительно свиданія съ Чернозубовымъ, желалъ бы видѣть каймакама. Сухомлиновъ провелъ его къ послѣднему. Причиною этого свиданія Скендеръ-паша выставилъ необходимость справиться у каймакама на счетъ «грабежей и поджоговъ», будто бы про-

изводимыхъ русскими солдатами. Вчерашній день—какъ объяснилъ онъ,—двадцат гвардейскихъ драгунъ, ускакавшихъ со двора конака, вскорѣ по прибытіи русскаго офицера, явились въ карагачскій лагерь къ начальнику онаго Савфетъ-пашѣ и объявили, что они хотѣли было убить пріѣхавшаго офицера (Сухомлинова), но *чаушъ* (урядникъ) рѣшилъ, что если и убьешь одного, то на мѣсто его, все равно, явятся нѣсколько другихъ, а лучше скакать скорѣе въ лагерь и дать знать начальству. Въ лагерѣ эти драгуны заявили Савфетъ-пашѣ, что русскіе уже заняли городъ и занимаются тамъ грабежомъ и поджогами, а потому Савфетъ-паша прислалъ его, Скендеръ-пашу, съ тѣмъ чтобы потребовать отъ русскаго генерала прекращенія столь возмутительнаго поведенія его солдатъ; но прежде чѣмъ явиться къ нему съ такимъ требованіемъ, узнать у каймакама, правда ли все это?

Тотъ отвѣчалъ съ полною искренностію, что это не только неправда, но что городъ наслаждается спокойствіемъ и порядкомъ лишь съ той минуты, какъ его заняли русскіе, а до того дѣйствительно было нѣсколько случаевъ грабежа, которымъ занимались отсталыя партіи войскъ Сулеймана; русскіе же платятъ за каждое зерно, за каждый хлѣбъ наличными деньгами и притомъ золотомъ.

Скендеръ-паша, послѣ своей первой надменной выходки до этой минуты державшій себя въ отношеніи Сухомлинова въ высшей степени сухо, опять и при томъ сейчасъ же измѣнилъ свой тонъ на очень любезный и почтительный. Это былъ мужчина лѣтъ 45-ти, довольно высокаго роста, съ сухощавымъ, гладко выбритымъ лицомъ, которое украшалось большими сивыми усами, опущенными книзу, какъ носятъ венгерцы и поляки, желающіе придать себѣ болѣе воинственный видъ. На Скендерѣ надѣты были походный генеральскій пиджакъ безъ орденовъ и большіе ботфорты съ отворотами; изъ-за голенища торчала нагайка. Общій видъ его, манера держать себя и походка отличались польскою надменностію, но это не мѣшало ему въ то же время быть польски «гжечнымъ» и ласкательнымъ. Паша началъ свой разговоръ по французски съ вопроса о томъ, въ какомъ пунктѣ Сухомлиновъ перешелъ Балканы?

— Черезъ Трояновъ перевалъ—было ему отвѣтомъ.

— А! въ такомъ случаѣ мы съ вами старые знакомые! подхватилъ паша, протягивая руку, и пояснилъ, что самъ онъ находился въ Дербентѣ (Клиссурѣ), но что ему подчинялся также отрядъ, занимавшій перевалъ на Текке и Карнари.

Тутъ пошелъ обмѣнъ взаимныхъ любезностей. Сухомлиновъ замѣтилъ, что пашѣ дѣлаетъ честь, что его войска защищались такъ геройски.—«Геройская защита однако же уступила не менѣе геройской атакѣ; ваша атака была счастливѣе нашей защиты», съ легкимъ вздохомъ возразилъ Скендеръ-паша.

Начался разговоръ о военныхъ дѣлахъ и тягостяхъ зимней кампаніи.

— Вамъ, русскимъ, сказалъ между прочимъ паша,—въ долинѣ Этрополя было лучше, чѣмъ намъ на вершинахъ Арабаконака.

— За то на Шипкѣ было наоборотъ, возразилъ Сухомлиновъ, который въ дальнѣйшемъ разговорѣ замѣтилъ между прочимъ, что Скендеръ-паша, судя по всему, не природный турокъ, а вѣроятно полякъ или венгерецъ.

— Да, я по происхожденію венгерецъ, но съ 1848 года я турокъ, многозначительнымъ тономъ отчеканилъ паша, гордо вскинувъ голову.

Сухомлиновъ попросилъ объяснить цѣль его пріѣзда къ намъ.

— Помилуйте! заволновался вдругъ паша,—перемиріе заключено, а вы между тѣмъ занимаете нашъ городъ!.. Потому-то я и присланъ Савфетъ-пашею, отъ котораго имѣю къ вашему генералу письмо, съ предложеніемъ безусловно очистить городъ и не позже какъ черезъ два часа по полученіи нашего предложенія.

— Мы о перемиріи ничего не знаемъ, такъ какъ уже давно идемъ горами, гдѣ телеграфъ не можетъ за нами слѣдовать, отвѣчалъ Сухомлиновъ,—городъ же мы заняли въ силу данныхъ намъ инструкцій, а потому до полученія офиціальнаго извѣщенія о перемиріи и приказанія Главнокомандующаго объ очисткѣ Гюмурджины мы ее не очистимъ, и очень сожалѣемъ, что не можемъ удовлетворить вашему желанію.

— Но… мнѣ *приказано* занять этотъ городъ.

— Прекрасно. Въ такомъ случаѣ—попробуйте; мы—къ вашимъ услугамъ.

— Какъ? Развѣ вы станете съ нами драться? воскликнулъ озадаченный паша.

— А почему же бы и нѣтъ? Полагаю, ни для васъ, ни для насъ это давно уже не новость: дрались мы съ вами на Дунаѣ, дрались предъ Балканами, дрались и на Балканахъ, и въ румелійскихъ долинахъ,—подеремся и на берегу моря.

Въ отвѣтъ на это Скендеръ только выпучилъ большіе, опасливо-недоумѣвающіе глаза.

Сухомлиновъ предложилъ ему отправиться вмѣстѣ съ собою къ генералу Чернозубову, который принялъ Скендера весьма вѣжливо и взялъ отъ него письмо, изложенное по турецки. Посланіе это было слѣдующаго содержанія:

«Начальнику русской кавалеріи въ Гюмурджинѣ.

«Я только что узналъ, что значительныя силы русской кавалеріи заняли городъ Гюмурджину; телеграмма же, которую мы получили изъ сераскеріата и отъ Блистательной Порты, извѣщаетъ насъ, что протоколъ о перемиріи и мирѣ подписанъ Его Высочествомъ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ 31-го (19-го) сего января, и что объ этомъ уже извѣщены офиціально всѣ ваши войска. Въ данномъ же случаѣ я крайне удивляюсь, что вы ни съ того, ни съ сего вдругъ заняли Гюмурджину вашею кавалеріею. Быть можетъ это сильно встревожило жителей. Я очень желалъ бы знать, произошло ли это занятіе города согласно приказанію Великаго Князя, или же вопреки ему, такъ какъ во всякомъ случаѣ прошу васъ черезъ два часа по полученіи сего письма очистить городъ. Если же вы не согласны, то будете дѣйствовать вопреки волѣ вашего Главнокомандующаго, и тогда мы расправимся съ вами иначе.

«Начальникъ отряда муширъ Савфетъ-паша».

Генералъ Чернозубовъ, поддерживая любезный разговоръ со Скендеръ-пашою, поручилъ Сухомлинову составить отвѣтъ Савфету и присовокупилъ, что такъ какъ это письмо писано по турецки, то отвѣтить на него по русски—пускай его разбираетъ, какъ знаетъ!

Сухомлиновъ тутъ же сѣлъ за работу, а въ это время сквозь широко раскрытыя окна, вмѣстѣ съ солнечными лучами,

лись въ комнату веселые звуки хора пѣсенниковъ и
ьяго оркестра, который на площади наигрывалъ кадриль
-me Ango:

«C'est surtout en Turquie,
Q'elle eut un vrai succès».

ендеръ-паша хотя и старался сохранять крайне серьезный
, но веселая музыка видимо и даже какъ будто помимо
обственной воли подмывала его внутренно: машинальное
еніе лѣвой ступни, отбивавшей тактъ, предательски вы-
душевное настроеніе паши, вызванное этими звуками.
режде чѣмъ перейдти къ отвѣтному письму, надо еще
напомнить, что по собраннымъ свѣдѣніямъ, войска,
авшіяся въ карагачскомъ портѣ, были крайне деморали-
ваны: они, напримѣръ, разграбили въ портовыхъ складахъ
е 30,000 апельсиновъ, принадлежавшихъ турецкимъ же
овцамъ *). Впрочемъ, о степени деморализаціи можно
судить еще ранѣе, въ Местанлы, гдѣ наши казаки
ли избитаго въ кровь турецкаго маіора-доктора, который
овался генералу Чернозубову, что его ограбили, сорвавъ
шеи часы и кошель съ деньгами, избили и хотѣли даже
ь свои же собственные турецкіе аскеры. По одному уже
у образчику видно, каковы были дисциплина и повинове-
въ карагачскомъ отрядѣ.

отъ отвѣтное письмо генерала Чернозубова:

Его превосходительству Савфетъ-пашѣ.

Меня крайне удивило предположеніе вашего превосходи-
ства, что я поступаю вопреки приказаніямъ моего Главно-
андующаго. Не знаю, можетъ ли это быть допущено въ
ой-либо арміи, если только она окончательно не демора-
рована и не потеряла всякій строй и порядокъ. Отъ Его
очества Главнокомандующаго получаю приказанія и предъ
ъ отвѣчаю за мои дѣйствія».

о написаніи этихъ словъ работа Сухомлинова была пре-
а на нѣкоторое время неожиданнымъ приходомъ корнета

Наши казаки отбивали у нихъ эти апельсины на аванпостахъ, отправ-
ь съ явнымъ рискомъ къ турецкимъ постамъ на «охоту» за вкуснымъ ла-
вомъ.

— Прекрасно. Въ такомъ случаѣ—попробуйте; мы—къ в
шимъ услугамъ.

— Какъ? Развѣ вы станете съ нами драться? воскли
нулъ озадаченный паша.

— А почему же бы и нѣтъ? Полагаю, ни для васъ,
для насъ это давно уже не новость: дрались мы съ вами
Дунаѣ, дрались предъ Балканами, дрались и на Балканах
и въ румелійскихъ долинахъ,—подеремся и на берегу мор

Въ отвѣтъ на это Скендеръ только выпучилъ больші
опасливо-недоумѣвающіе глаза.

Сухомлиновъ предложилъ ему отправиться вмѣстѣ съ соб
къ генералу Чернозубову, который принялъ Скендера весь
вѣжливо и взялъ отъ него письмо, изложенное по турецк
Посланіе это было слѣдующаго содержанія:

«Начальнику русской кавалеріи въ Гюмурджинѣ.

«Я только что узналъ, что значительныя силы русск
кавалеріи заняли городъ Гюмурджину; телеграмма же, кот
рую мы получили изъ сераскеріата и отъ Блистательн
Порты, извѣщаетъ насъ, что протоколъ о перемиріи и мир
подписанъ Его Высочествомъ Великимъ Княземъ Главн
командующимъ 31-го (19-го) сего января, и что объ этом
уже извѣщены офиціально всѣ ваши войска. Въ данномъ я
случаѣ я крайне удивляюсь, что вы ни съ того, ни съ се
вдругъ заняли Гюмурджину вашею кавалеріею. Быть може
это сильно встревожило жителей. Я очень желалъ бы знат
произошло ли это занятіе города согласно приказанію Вел
каго Князя, или же вопреки ему, такъ какъ во всякомъ сл
чаѣ прошу васъ черезъ два часа по полученіи сего пись
очистить городъ. Если же вы не согласны, то будете дѣ
ствовать вопреки волѣ вашего Главнокомандующаго, и тогда м
расправимся съ вами иначе.

«Начальникъ отряда муширъ Савфетъ-паша».

Генералъ Чернозубовъ, поддерживая любезный разгово
со Скендеръ-пашою, поручилъ Сухомлинову составить отвѣ
Савфету и присовокупилъ, что такъ какъ это письмо писа
по турецки, то отвѣтить на него по русски—пускай его ра
бираетъ, какъ знаетъ!

Сухомлиновъ тутъ же сѣлъ за работу, а въ это вре
сквозь широко раскрытыя окна, вмѣстѣ съ солнечными луча

врывались въ комнату веселые звуки хора пѣсенниковъ и казачьяго оркестра, который на площади наигрывалъ кадриль изъ m-me Ango:

«C'est surtout en Turquie,
Q'elle eut un vrai succès».

Скендеръ-паша хотя и старался сохранять крайне серьезный видъ, но веселая музыка видимо и даже какъ будто помимо его собственной воли подмывала его внутренно: машинальное движенiе лѣвой ступни, отбивавшей тактъ, предательски выдало душевное настроенiе паши, вызванное этими звуками.

Прежде чѣмъ перейдти къ отвѣтному письму, надо еще разъ напомнить, что по собраннымъ свѣдѣнiямъ, войска, остававшiяся въ карагачскомъ портѣ, были крайне деморализированы: они, напримѣръ, разграбили въ портовыхъ складахъ болѣе 30,000 апельсиновъ, принадлежавшихъ турецкимъ же торговцамъ *). Впрочемъ, о степени деморализацiи можно было судить еще ранѣе, въ Местанлы, гдѣ наши казаки нашли избитаго въ кровь турецкаго маiора-доктора, который жаловался генералу Чернозубову, что его ограбили, сорвавъ съ шеи часы и кошель съ деньгами, избили и хотѣли даже убить свои же собственные турецкiе аскеры. По одному уже этому образчику видно, каковы были дисциплина и повиновенiе въ карагачскомъ отрядѣ.

Вотъ отвѣтное письмо генерала Чернозубова:

«Его превосходительству Савфетъ-пашѣ.

«Меня крайне удивило предположенiе вашего превосходительства, что я поступаю вопреки приказанiямъ моего Главнокомандующаго. Не знаю, можетъ ли это быть допущено въ какой-либо армiи, если только она окончательно не деморализирована и не потеряла всякiй строй и порядокъ. Отъ Его Высочества Главнокомандующаго получаю приказанiя и предъ Нимъ отвѣчаю за мои дѣйствiя».

По написанiи этихъ словъ работа Сухомлинова была прервана на нѣкоторое время неожиданнымъ приходомъ корнета

*) Наши казаки отбивали у нихъ эти апельсины на аванпостахъ, отправляясь съ явнымъ рискомъ къ турецкимъ постамъ на «охоту» за вкуснымъ лакомствомъ.

Бугскаго уланскаго полка Бакунина, который подалъ генералу адресованный на его имя пакетъ отъ генералъ-адъютанта Гурко, съ извѣщеніемъ о перемиріи и указаніемъ демаркаціонной линіи, по условіямъ которой Гюмурджина оставалась за турками. Поѣздка этого молодаго офицера замѣчательна по своимъ приключеніямъ. Будучи посланъ съ маленькимъ конвоемъ разыскать партизанскій отрядъ Чернозубова, для передачи означеннаго пакета, Бакунинъ все время шелъ безостановочно по слѣдамъ отряда и вынужденъ былъ постепенно побросать всѣхъ лошадей своего конвоя и свою собственную, не вынесшихъ безпрестанныхъ переправъ черезъ переполненныя рѣчки и продолжительнаго горнаго движенія. Послѣ этого ему пришлось путешествовать почти безъ отдыха то на ослахъ, то пѣшкомъ, то на плотахъ по Ардѣ, то на мулахъ, до самой Гюмурджины.—«Если бы не море, то я, кажись, никогда не догналъ бы васъ», говорилъ истомленный, измученный Бакунинъ, не чувствуя отъ усталости ногъ подъ собою.

Теперь, съ полученіемъ опредѣленно и ясно выраженнаго офиціальнаго приказанія, дѣло измѣнялось само собою, и генералъ Чернозубовъ сообщилъ Скендеръ-пашѣ о содержаніи полученной имъ бумаги, которая подала подполковнику Сухомлинову возможность закончить письмо къ Савфетъ-пашѣ слѣдующимъ образомъ:

«Не нуждаясь въ чьихъ-либо указаніяхъ и дѣйствуя согласно даннымъ мнѣ инструкціямъ, я занялъ городъ, и только сейчасъ, въ присутствіи Скендеръ-паши, получилъ приказаніе Великаго Князя о перемиріи, съ указаніемъ демаркаціонной линіи. Предложенныхъ вами мнѣ двухъ часовъ не могъ принять, такъ какъ срока этого недостаточно для отряда, занимающаго городъ и его окрестности, что вамъ, какъ начальнику, должно быть хорошо извѣстно. По приказанію Великаго Князя выступая завтра изъ Гюмурджины, крайне сожалѣю, что перемиріе не позволило войскамъ моимъ рѣшить вопросъ съ вашимъ храбрымъ и благоустроеннымъ отрядомъ, за кѣмъ осталось бы право владѣнія городомъ.

«Генералъ-маіоръ Чернозубовъ.

«Генеральнаго штаба подполковникъ Сухомлиновъ».

Скендеръ-паша разстался съ генераломъ, чтобы тотчасъ же отправить по назначенію его письмо, и на прощанье попросилъ позволенія провести этотъ вечеръ вмѣстѣ, такъ какъ онъ долженъ оставаться въ Гюмурджинѣ. На это, конечно, послѣдовало самое любезное согласіе, и за вечернимъ чаемъ Скендеръ много разспрашивалъ, какъ перенесли наши войска зимнюю кампанію, оказавшуюся для турокъ непосильною и совсѣмъ неожиданною; хвалилъ наши полушубки и высказалъ, что онъ еще въ началѣ кампаніи предрекалъ, что Турція останется одна, безъ союзниковъ, и будетъ раздавлена своимъ громаднымъ противникомъ. Затѣмъ Скендеръ-паша высказался, что подъ Софіею было около 80,000 турецкихъ войскъ и что часть изъ нихъ имѣлось въ виду направить на западныя границы, вслѣдствіе ожидаемой войны съ Греціею.

Казачья музыка, по просьбѣ горожанъ, играла на площади до поздней ночи, окруженная толпами прогуливающихся съ бумажными фонарями слушателей и слушательницъ. На утро 27-го числа отрядъ выступилъ изъ Гюмурджины обратно въ горы, для расположенія въ долинѣ Арды, а подполковникъ Сухомлиновъ тогда же посланъ былъ генераломъ Чернозубовымъ въ Адріанополь, для доклада о всѣхъ обстоятельствахъ набѣга генералъ-адъютанту Гурко и Великому Князю Главнокомандующему. Онъ выѣхалъ на Деде-Агачъ, куда еще наканунѣ былъ высланъ взводъ драгунъ для связи съ войсками генерала Карцова, и чрезъ Демотику прибылъ 30-го января въ главную квартиру *).

---

*) Въ примѣръ того, какія усиленныя движенія нерѣдко приходилось въ нынѣшнюю кампанію совершать офицерамъ генеральнаго штаба, привожу маршрутъ того же подполковника Сухомлинова, который съ 20-го декабря 1877 г. по 30-е января 1878 года сдѣлалъ 905 верстъ: изъ Богота въ Ловчу, Траянъ, Шипково на Рахманлы; обратно въ Траянъ, Княжевицкія-Колибы, Текке, Карнари, Карлово, Калоферъ, Казанлыкъ; обратно въ Карлово, Филиппополь, Карааґаджъ, Паша-Магала, Кетенлыкъ, Карджиляръ, Станимакъ; обратно въ Филиппополь, Германлы, Адріанополь, Хаскіой, Габрово, Местанлы, Гюмурджина, Деде-Агачъ, Суфлу, Демотика, Адріанополь. Изъ 40 дней онъ только десять оставался въ разныхъ мѣстахъ безъ движенія и кромѣ того за это же самое время участвовалъ: 26-го декабря въ штурмѣ Траянова перевала, 5-го января въ дѣлѣ подъ Караагаджемъ, 7-го и 8-го подъ Карджиляромъ, и 110 верстъ прошелъ въ партизанскомъ отрядѣ, съ боемъ, горами. Изъ числа 905-ти, только 105 верстъ сдѣланы по желѣзной дорогѣ, остальныя же 800 верхомъ.

XCII

Миръ

Проволочки турецкихъ дипломатовъ. — Домъ, гдѣ былъ подписанъ мирный договоръ. — Наша военная демонстрація 17-го февраля и толки по этому поводу. — Утро 19-го февраля въ Санъ-Стефано. — Предъ квартирой Главнокомандующаго. — Томительное ожиданіе. — На маячномъ полѣ. — Появленіе Великаго Князя въ виду маячнаго поля и пріѣздъ туда графа Игнатьева. — Первое «ура» этого дня. — Объѣздъ войскъ. — Объявленіе войскамъ о мирѣ. — Молебенъ. — Парадъ въ сумерки. — Обѣдъ у Великаго Князя.

Санъ-Стефано, 19-е февраля, 11 часовъ вечера.

Всѣ эти дни не безъ нѣкоторой внутренней тревоги и волненія ожидали мы исхода мирныхъ переговоровъ. Турки медлили, тянули и, что̀ называется, отлынивали отъ послѣдняго рѣшительнаго момента, который заключался въ росчеркѣ пера — но за то въ какомъ росчеркѣ!.. Взоры, мысли, ожиданія и упованія ихъ обращались къ красивой группѣ Принцевыхъ острововъ, за скалами которыхъ прячутся броненосцы англійской эскадры... По направленію къ этимъ же самымъ островамъ обращены и жерла 9-ти-фунтовыхъ батарей нашей гвардейской артиллеріи, выдвинутой на высокій мысокъ между Санъ-Стефано и маякомъ. Казалось, будто турки ждутъ послѣдняго рѣшающаго слова и дѣла оттуда, изъ-за этихъ скалъ; мы, съ своей стороны, тоже были готовы ко всякой случайности, какъ изъ Константинополя, такъ и отъ Принцевыхъ острововъ, и отъ послѣднихъ даже болѣе, чѣмъ изъ перваго. Но тщетно каждый день направлялись на эти острова съ набережной Санъ-Стефано бинокли нашихъ офицеровъ: оттуда не показывалась ни одна полоса пароходнаго дыма; англійскіе броненосцы, казалось, играютъ въ прятки, не выдвигаясь изъ-за скалъ ни впередъ — къ Босфору, ни назадъ — къ Дарданелламъ; они затаились за Принцевымъ архипелагомъ, какъ будто ихъ вовсе и не существуетъ въ Мраморномъ морѣ.

На набережной, недалеко̀ отъ пароходной пристани выдвигается въ самое море каменная терраса небольшаго палаццо, построеннаго въ простомъ итальянскомъ стилѣ, — терраса, опутанная зеленымъ плющемъ и другими вьющимися растеніями, а окна нижняго этажа этого палаццо прячутся въ гу-

стой темнозеленой и изобильной листвѣ лавровъ и миртовъ. У подъѣзда этого дома всегда стояла одна или двѣ кареты съ кучерами-арнаутами на козлахъ. Тутъ помѣстился нашъ бывшій стамбульскій посолъ, графъ Игнатьевъ, къ которому недавно пріѣхала сюда и его супруга. Кареты то отъѣзжали, то снова пріѣзжали, увозя или привозя въ себѣ джентльменовъ въ черныхъ сюртукахъ и темно-красныхъ фескахъ. То были турецкіе дипломаты, договаривавшіеся о разныхъ подробностяхъ мирнаго договора. Ихъ почти всегда сопровождалъ верхомъ на сѣрой турецкой лошадкѣ адъютантъ Великаго Князя Главнокомандующаго, полковникъ Орловъ, приставленный еще съ самаго Казанлыка къ турецкимъ уполномоченнымъ.

17-го числа, въ одиннадцатомъ часу утра, всѣ войска санъ-стефанскаго отряда были по тревогѣ вызваны въ строй и выведены на поле близъ маяка, откуда открывается одинъ изъ широкихъ и прелестнѣйшихъ видовъ на Константинополь, съ его минаретами и куполами Айи-Софіи, Мехмета и другихъ многочисленныхъ мечетей, съ его серальскимъ мысомъ, входомъ въ узкій Босфоръ, Скутарійскимъ кладбищемъ, представляющимся въ видѣ цѣлаго лѣса черныхъ кипарисовъ, и селеніемъ Кадыкіой на мало-азійскомъ возвышенномъ побережьѣ. Съ этого мѣста до Царьграда остается верстъ шесть не болѣе, а зданія предмѣстій его Барутъ-хане и Макрикіоя подходятъ почти къ самому мосту, переброшенному чрезъ какую-то рѣчонку, до которой отъ мѣста расположенія нашихъ выдвинутыхъ войскъ оставалось лишь около полуторы версты по скверной шоссейной дорогѣ. Намъ ясно были видны не только бѣлыя конусообразныя палатки, но и группы турецкихъ солдатъ, расположенныхъ лагеремъ около этихъ предмѣстій. Вскорѣ къ собраннымъ войскамъ выѣхалъ со свитою самъ Великій Князь и, произведя отрядное ученье, двинулъ ихъ къ самому мосту, а лейбъ-казаки и лейбъ-уланы очутились чрезъ нѣсколько минутъ и за мостомъ, почти въ самомъ предмѣстьи. Въ это время изъ Константинополя на всѣхъ парахъ выкатилъ небольшой желѣзно-дорожный поѣздъ, который остановился на станціи Санъ-Стефано. Въ началѣ втораго часа дня войска съ музыкою были отведены на свои бивуаки. Это отрядное ученье тотчасъ же вызвало въ нашемъ

маленькомъ городкѣ цѣлую массу толковъ. Говорили и русскіе, говорили и греки, и армяне, и итальянцы, и все вообще разноплеменное населеніе Санъ-Стефано. Всѣ эти толки сводились къ тому, что турки-де торгуются и рѣшительно не желаютъ подписывать мирныхъ условій, чая своего спасенія отъ Принцевыхъ острововъ, и что это-де упорство вынудило наконецъ Великаго Князя сдѣлать военную демонстрацію, въ видѣ наступательнаго движенія, хотя и безъ выстрѣла, къ самому Константинополю, и что тогда, при видѣ марша русскихъ войскъ, грозящаго вступленіемъ въ столицу, Порта поспѣшила отправить въ Санъ-Стефано съ экстреннымъ поѣздомъ одного изъ своихъ уполномоченныхъ, который будто бы привезъ графу Игнатьеву сообщеніе о полномъ и безусловномъ согласіи Порты на всѣ наши условія. Говорили также, будто миръ уже подписанъ сегодня, т. е. 17-го, но торжественное возвѣщеніе о немъ войскамъ отложено до знаменательнаго для Россіи дня 19-го февраля. Посвященныя въ суть политическихъ дѣлъ лица главной квартиры, конечно, хранили глубокое молчаніе на счетъ хода нашихъ переговоровъ, и отъ нихъ раньше времени никому ничего не удалось бы добиться, хотя иностранные и преимущественно англійскіе корреспонденты то и дѣло усердно шнырили около подъѣзда графа Игнатьева и у небольшаго домика рядомъ, занимаемаго его свитою и канцеляріею. Такимъ образомъ всѣ мы и оставались въ полномъ убѣжденіи, что миръ подписанъ уже 17-го и съ незыблемою надеждой ожидали 19-го числа. Наконецъ оно наступило.

Уже наканунѣ къ вечеру было извѣстно, что парадъ войскъ санъ-стефанскаго отряда назначается въ два часа по полудни, на маячномъ полѣ. Ровно въ полдень войска съ музыкою стали стягиваться къ назначенному пункту и черезъ часъ были уже выстроены въ три линіи массивныхъ колоннъ, протянувшихся отъ маяка до желѣзной дороги. День былъ теплый, но пасмурный и вѣтряный; поминутно начиналъ накрапывать мелкій дождикъ, словно бы не зная, разразиться ли ему ливнемъ, или зарядить по осеннему на цѣлыя сутки. На площади, передъ домомъ Великаго Князя, съ утра уже стояла громадная толпа красныхъ фесокъ, цилиндровъ и поярковыхъ шляпъ подъ распущенными дождевыми зонтика-

ми; женскія головки выглядывали изъ оконъ скучившихся каретъ; предъ подъѣздомъ верхами ожидала многочисленная свита и конвойные казаки; конюшій офицеръ и два рейткнехта держали подъ уздцы засѣдланнаго красавца-коня для Его Высочества. Весь городокъ былъ запруженъ пестрыми толпами народа, кипѣлъ лихорадочною жизнію и дѣятельностію; множество магазинчиковъ, лавокъ и лавченокъ порастворяли свои окна и двери и на перебой зазывали къ себѣ прохожихъ русскихъ. Всѣхъ этихъ торгашей и всю ихъ публику главнѣйшимъ образомъ интересовалъ все одинъ и тотъ же жгучій вопросъ: какъ и что̀? Точно ли подписанъ миръ, или же войска прямо съ парада двинутся на Константинополь? Вотъ прискакалъ къ подъѣзду полковникъ Орловъ съ явно озабоченнымъ видомъ, бросилъ поводья вѣстовому казаку, торопливо взбѣжалъ по лѣстницѣ и скрылся за стеклянною дверью. Бьетъ два часа—время, назначенное для начала парада. Минутъ десять спустя выходитъ изъ дворца опять Орловъ, спѣшно вскакиваетъ на коня и еще быстрѣе скачетъ назадъ, къ графу Игнатьеву, у подъѣзда котораго все еще стоятъ турецкія кареты съ дремлющими арнаутами на козлахъ. Вслѣдъ за Орловымъ появляется на площадкѣ великокняжескаго подъѣзда комендантъ главной квартиры и объявляетъ, что парадъ отлагается до трехъ часовъ по полудни. Ординарецъ скачетъ на поле извѣстить объ этомъ начальника отряда, графа Шувалова—и войскамъ дается команда «вольно». Проголодавшееся офицерство, не находящееся непосредственно въ строю, разбрелось по сосѣднимъ кабачкамъ и тавернамъ, которыя здѣсь, съ появленіемъ русскихъ, каждый день какъ грибы растутъ и множатся. Бьетъ три часа; вѣстовые и махальные, выставленные на каждомъ поворотѣ улицъ, ведущихъ отъ главной квартиры къ маячному полю, глядятъ, что̀ называется, «въ оба»,—но нѣтъ, не видать великокняжескаго поѣзда, а вмѣсто того скачетъ новый ординарецъ и докладываетъ графу Шувалову, что парадъ отлагается на неопредѣленное время, но съ тѣмъ однако, чтобы войска оставались на полѣ. Тутъ уже всѣхъ взяло сомнѣніе, что едва ли миръ былъ подписанъ 17-го, а не вѣрнѣе ли будетъ предположить, что онъ не подписанъ еще и въ данную минуту. Иные призадумались,

а молодежь большею частію даже обрадовалась, усматривая въ этомъ обстоятельствѣ возможность немедленнаго боеваго движенія въ Константинополь, а стало быть и возможность новыхъ подвиговъ и отличій. Опять устремляются иные бинокли на Принцевы острова, но тамъ все мертво по прежнему и нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ какого-либо движенія спрятаннаго флота... Проходитъ еще часъ, проходитъ два часа, а войска все стоятъ въ своихъ грозныхъ колоннахъ и глядятъ на Царьградъ, до котораго съ этого мѣста просто рукой подать! Одинъ шагъ—и готово. Впереди фронта, предъ аналоемъ, ожидаютъ въ полномъ облаченіи священникъ, діаконъ и пѣвчіе главной квартиры, еще съ двухъ часовъ дня готовые пѣть благодарственный молебенъ. По сторонамъ фронта, на соотвѣтственной дистанціи, стоятъ громадныя толпы самой разнообразной публики, собравшейся сюда и пѣшкомъ, и верхомъ, и въ экипажахъ изъ Константинополя, Санъ-Стефано и всѣхъ окрестныхъ деревень и мѣстечекъ поглазѣть на русскія войска и взглянуть на ихъ Августѣйшаго Главнокомандующаго. Турецкая полиція старается сдерживать на извѣстной линіи всю эту публику, напирающую впередъ, поближе къ невиданному еще русскому войску. Время между тѣмъ клонится къ сумеркамъ. Проголодавшіеся кавалеры и дамы начинаютъ мало по малу покидать маячное поле, съ разочарованнымъ и усталымъ выраженіемъ на лицахъ. Досадливая нетерпѣливость и озабоченность начинаетъ проявляться и на лицахъ начальниковъ, медленно разъѣзжающихъ по фронту; солдатики позѣвываютъ и скучая переминаются съ ноги на ногу, а дождикъ все краплетъ да краплетъ рѣдкими мелкими капельками, и западный вѣтеръ съ шумомъ треплетъ почтенныя лохмотья гвардейскихъ знаменъ; зеленыя пѣнистыя волны Мраморнаго моря прядаютъ одна на другую и съ грохотомъ разбиваются о каменистый берегъ. Этотъ непрерывный мѣрный шумъ тоже становится монотоненъ и какъ бы усыпляетъ.

— «Скоро ли же это кончится!?» досадливо вырываются восклицанія у иныхъ офицеровъ.

— «Тянутъ, проклятые!» отзываются на это другіе, посылая туркамъ эпитеты далеко не лѣстнаго свойства.

— «Ну, ужь теперича, братцы, — толкуютъ въ рядахъ промежь себя солдаты,—скажи только Николай Николаевичъ *): «ребята, гайда на Царьградъ!»—мигомъ, кажись, долетимъ, и ужь не жди турка пардону!... Экое время задаромъ ждать заставляетъ!»

Но вотъ, въ половинѣ шестаго часа Великій Князь, окруженный многолюдною свитою, показался верхомъ на выѣздѣ изъ Санъ-Стефано и остановился вдали отъ войскъ, какъ будто поджидая чего-то. Минутъ десять спустя прискакалъ полковникъ Орловъ и доложилъ Великому Князю, что мирный договоръ наконецъ-то подписанъ сію минуту и что графъ Игнатьевъ, который сейчасъ прибудетъ на поле, желаетъ лично объявить объ этомъ Его Высочеству. При этомъ Орловъ вынулъ изъ кармана и показалъ Великому Князю то перо, которымъ былъ подписанъ договоръ и которое онъ взялъ себѣ на память. Нѣсколько минутъ спустя, на поле примчалась открытая коляска, въ которой, держась за ободокъ козелъ, стоялъ графъ Игнатьевъ. Въ лѣвой рукѣ его былъ свертокъ какой-то бумаги—вѣроятно, самый трактатъ. Быстро соскочивъ съ подножки, онъ приблизился къ Главнокомандующему и съ довольнымъ, свѣтлымъ лицомъ объявилъ, что все кончено и поздравилъ Его Высочество съ миромъ. Великій Князь снялъ фуражку и, высоко держа ее надъ головою, крикнулъ первое «ура», которое въ тотъ же мигъ было подхвачено всею свитою, замахавшею въ воздухѣ снятыми шапками. Послѣ этого Его Высочество галопомъ подъѣхалъ къ правому флангу войскъ, отдававшихъ ему честь съ музыкою **), и здороваясь съ каждымъ батальономъ отдѣльно, шагомъ прослѣдовалъ по всѣмъ тремъ линіямъ отряда. Каждая часть, отвѣтя на привѣтствіе Главнокомандующаго, съ разу же подхватывала «ура» предшествовавшей части, и такимъ образомъ чѣмъ дальше слѣдовалъ Великій Князь, тѣмъ все больше и громче оглашались побѣдными кликами и поле, и берегъ, и море, усѣянное бѣлыми парусами... Эти клики, безъ сомнѣнія, были

---

*) Замѣчательно, что солдаты дѣйствующей арміи въ разговорахъ между собою почти никогда не называютъ своего Главнокомандующаго ни Великимъ Княземъ, ни Его Высочествомъ, а всегда по имени и отчеству—Николай Николаевичъ.

**) Каждый полкъ игралъ свой полковой маршъ.

слышны если не въ самомъ Царьградѣ, то ужь навѣрное въ его предмѣстьѣ, потому что турки, чуть лишь раздалось наше «ура», быстро выбѣжали изъ своихъ палатокъ и построились передъ лагеремъ въ пять большихъ массивныхъ колоннъ, казалось, готовыхъ ко встрѣчѣ противника. Впрочемъ, благодаря вѣтру, вѣявшему съ запада прямо на Царьградъ, русское «ура», вѣроятно, было слышно и въ городѣ. Турецкіе уполномоченные просили не салютовать, если можно, въ честь мира артиллерійскимъ огнемъ, потому что звукъ выстрѣловъ можетъ не на шутку переполошить стамбульское населеніе, и безъ того уже находящееся въ слишкомъ напряженномъ и возбужденномъ состояніи, близкомъ къ полному смятенію. Просьба эта была уважена. Объѣхавъ войска, Великій князь прослѣдовалъ прямо предъ середину фронта первой линіи, гдѣ стоялъ аналой съ духовенствомъ, и вызвалъ сюда всѣхъ офицеровъ отряда. Когда вокругъ Главнокомандующаго тѣсно сплотилась густая офицерская толпа, Онъ, обратясь къ войскамъ, голосомъ на столько громкимъ, что среди воцарившейся мертвой тишины его ясно можно было слышать во всѣхъ концахъ поля, сказалъ: «Поздравляю васъ, ребята! Господь благословилъ насъ миромъ!» Вслѣдъ за этими словами съ восторженнымъ одушевленіемъ раздалось новое «ура» войскъ, не смолкавшее долгое время и подхваченное толпами собравшагося народа, изъ среды котораго полетѣли вверхъ шапки. Между тѣмъ Великій Князь, обратясь къ собраннымъ офицерамъ, горячо поблагодарилъ ихъ за всѣ ихъ труды, лишенія и подвиги, и упомянулъ, что они на дѣлѣ оправдали подготовку свою и солдатъ въ мирное время и оправдали также тѣ надежды, которыя возлагали на русское войско Государь и Россія. Затѣмъ, скомандовавъ колоннамъ «на молитву», Главнокомандующій сошелъ съ коня и приблизился къ аналою. Молебствіе было отслужено съ колѣнопреклоненіемъ и возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Цесаревичу, обоимъ Великимъ Князьямъ Главнокомандующимъ и Царствующему Дому; затѣмъ была пропѣта «вѣчная память» воинамъ, павшимъ въ эту войну, и наконецъ—опять многолѣтіе «побѣдоносному россійскому воинству». Во время молебствія нѣсколько иностранныхъ корреспондентовъ и художниковъ, стоя на козлахъ каретъ и колясокъ, наскоро зано-

сили свои замѣтки и набрасывали кроки́ въ походные альбомы. Эти господа по преимуществу были англичане.

Уже наступили полныя сумерки, когда начался церемоніальный маршъ. Пѣхота проходила въ батальонныхъ колоннахъ изъ середины, кавалерія по-эскадронно, артиллерія побатарейно—рысью, съ посаженною на лафеты прислугою. Въ особенности были эффектны лейбъ-уланы, проходившіе мимо ихъ Августѣйшаго Шефа съ новыми своими длинными, гибкими и легкими бамбуковыми пиками, которыя подарилъ Своему полку Его Высочество Главнокомандующій. Невольно также обращалъ на себя вниманіе быстрый и широкій шагъ пѣхоты, въ которой, можетъ статься, и не было той безукоризненной стройности «въ струнку», какая достигается усиліями плацъ-парадной практики въ мирное время, но за то въ этихъ колоннахъ выработался теперь истинно боевой шагъ и боевая стройность.—«Прекрасно *вымахались*,—война выучила», очень мѣтко замѣтилъ объ этомъ молодецкомъ шагѣ одинъ изъ присутствовавшихъ генераловъ. Гвардейская стрѣлковая бригада и части 3-й и 4-й армейскихъ стрѣлковыхъ бригадъ проходили въ колоннахъ бѣглымъ шагомъ съ такою стройностью, какая сдѣлала бы честь и мирному времени, а здѣсь вѣдь во все время войны о церемоніальномъ маршѣ и помину не было! Все это говоритъ въ пользу прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ подготовки русскаго солдата, который и выучивается быстро, и ничего изъ выученнаго однако же не забываетъ. Еще не успѣли пропарадировать пѣхотныя колонны, какъ вечеръ стемнѣлъ уже окончательно, и можно сказать навѣрное, что до этого знаменательнаго дня никто и никогда изъ насъ военныхъ не участвовалъ въ столь восторженно-настроенномъ, молодецкомъ и оригинальномъ парадѣ—оригинальномъ потому, что онъ производился въ вечерней тьмѣ на исторической почвѣ прибрежья Мраморнаго моря, въ виду мерцавшаго вдали миріадами огоньковъ Цареграда и на томъ самомъ полѣ, гдѣ почти тысяча лѣтъ назадъ находился станъ русскихъ дружинъ Олега.

Въ девятомъ часу вечера столовая зала Его Высочества наполнилась служащими свиты, штаба и особо приглашенными лицами. Большіе длинные столы были накрыты въ трехъ комнатахъ, и во время обѣда Августѣйшій хозяинъ провозгла-

силъ тосты за Государя Императора, за русское войско, за Своего помощника (генералъ-адъютанта Непокойчицкаго) и за моряковъ, представителемъ которыхъ на этомъ обѣдѣ былъ генералъ-адъютантъ, вице-адмиралъ Поповъ, прибывшій недавно въ Санъ-Стефано съ пятью штабъ-офицерами флота. Теперь уже поздняя ночь, но по всему нашему городку и по всѣмъ окрестнымъ бивуакамъ горятъ огни, раздаются пѣсни, звуки веселой музыки и «ура» ликующаго войска.

XCIII

Свиданіе Великаго Князя съ Султаномъ

Причины, почему свиданіе откладывалось. — Мнѣнія и толки по поводу свиданія. — Составъ свиты Великаго Князя. — Прибытіе «Ливадіи» и «Константина» къ Долма-Бахче. — Встрѣча и свиданіе Великаго Князя съ Султаномъ. — Дворецъ Бейлербей. — Почетная гвардія Султана. — Внутреннее убранство Бейлербея. — Турецкій десертъ. — Отвѣтный визитъ Султана Великому Князю въ Бейлербеѣ. — Наружность Султана. — Османъ и Реуфъ-паши. — Адъютанты Султана. — Визитъ Великаго Князя къ германскому посланнику. — Русскіе въ Константинополѣ. — Галата, Пера и Стамбулъ. — Политическое настроеніе данной минуты. — Турецкій театръ и оффенбаховскія оперетки. — Парадный выѣздъ Султана въ мечеть Меджидіе. — Парадъ турецкой гвардіи.

Санъ-Стефано, 18-го марта.

Свиданіе Великаго Князя Главнокомандующаго съ Султаномъ, предположенное еще въ концѣ февраля, какъ извѣстно, въ то время не состоялось. Европейскіе корреспонденты, проживающіе въ Перѣ и въ Галатѣ, объясняли это обстоятельство различными причинами. Но вѣрнѣе всего будетъ предположеніе, что посѣщеніе въ концѣ февраля не состоялось просто потому, что турецкое правительство въ то время продолжало еще выказывать нѣкоторую шаткость въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи, колеблясь между искреннимъ примиреніемъ съ совершившимся фактомъ и тайными надеждами на правительства тѣхъ европейскихъ державъ, которыя имѣютъ причины очень злиться на результаты русскихъ военныхъ успѣховъ.

Состоявшееся наконецъ 14-го марта свиданіе объясняютъ въ разныхъ константинопольскихъ кружкахъ тѣмъ, что между

Россіею и Турціею не осталось болѣе мѣста недоразумѣніямъ, колебаніямъ, и проч., и что послѣдняя, искренно примиряясь съ совершившимся фактомъ, хочетъ вести свою дальнѣйшую европейскую политику не иначе, какъ въ прочномъ союзѣ со своею счастливою побѣдительницею. Такъ ли оно, или нѣтъ—судить трудно, но передаю только существующее на этотъ предметъ мнѣніе значительнаго большинства въ Константинополѣ.

14-го марта, въ половинѣ 9-го часа утра, на пристани Санъ-Стефано толпились въ походно-парадной формѣ лица, назначенныя сопровождать Великаго Князя въ Константинополь. Нѣсколько катеровъ и шлюпокъ-миноносокъ быстро перевозили отдѣльныя группы этихъ лицъ на два русскихъ военныхъ парохода. Генералъ-адъютанты, генералъ-лейтенанты и личные адъютанты Великаго Князя слѣдовали вмѣстѣ съ Его Высочествомъ на пароходѣ «Ливадія», остальные же всѣ на пароходѣ «Великій Князь Константинъ». Тутъ находились всѣ состоящіе при Главнокомандующемъ, полевой штабъ, представители отдѣловъ и управленій дѣйствующей арміи, свиты Его Величества генералъ-маіоры и флигель-адъютанты, а также почти всѣ командиры частей санъ-стефанскаго отряда. Все вмѣстѣ—это составляло довольно многочисленную и блестящую свиту русскаго Главнокомандующаго. На «Константинѣ» общее вниманіе привлекалъ къ себѣ капитанъ этого судна, флигель-адъютантъ Макаровъ и нѣсколько его субалтернъ-офицеровъ, въ числѣ которыхъ находился капитанъ-лейтенантъ Зацаренный: всѣмъ сухопутно-военнымъ лицамъ любопытно и пріятно было взглянуть на моряковъ—героевъ послѣдняго доблестнаго дѣла въ водахъ Чернаго моря.

Около половины одиннадцатаго часа оба судна тронулись къ Босфору. «Ливадія» шла впереди, подъ Великокняжескимъ брейдъ-вымпеломъ вмѣсто штандарта, потому что Его Высочество не желалъ вызывать салютовъ пушечными выстрѣлами. На морѣ было легкое, довольно плавное волненіе, и погода во весь этотъ день стояла дивная, совершенно весенняя, великолѣпный видъ на Босфоръ и Константинополь былъ щедро залитъ лучами солнца. Въ полдень оба парохода подошли на высоту дворца Долма-Бахче, противъ котораго стояло на якоряхъ нѣсколько турецкихъ броненосныхъ судовъ и одинъ

нашъ военный стаціонеръ. Турки выслали команды на реи, а отъ пристани отдѣлилось нѣсколько султанскихъ каиковъ, съ многочисленными гребцами, одѣтыми въ парадные бѣлые костюмы. Двое придворныхъ сановниковъ взошли на «Ливадію» привѣтствовать Его Высочество отъ имени Султана, и Великій Князь, вмѣстѣ съ Ихъ Высочествами Николаемъ Николаевичемъ младшимъ, Евгеніемъ Максиміліановичемъ Лейхтенбергскимъ и Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ, и съ генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ, размѣстясь въ первомъ, роскошно отдѣланномъ каикѣ, быстро помчались по волнамъ къ мраморной пристани, при звукахъ музыки, гремѣвшей на одномъ изъ военныхъ судовъ. Въ остальныхъ каикахъ переправилась немногочисленная свита, находившаяся на «Ливадіи». Султанъ спустился на крыльцо для встрѣчи Августѣйшаго гостя, и здѣсь Его Высочество представилъ Абдулъ-Гамиду прибывшихъ съ Нимъ принцевъ Императорскаго Дома. На Великомъ Князѣ Главнокомандующемъ была надѣта орденская лента и знаки Меджидіе, Султанъ былъ одѣтъ въ черномъ партикулярномъ сюртукѣ безъ всякихъ украшеній, и встрѣча съ его стороны отличалась самою изысканною и радушною любезностію. Его величество пригласилъ Августѣйшихъ гостей подняться на верхъ, въ комнаты втораго этажа, гдѣ по восточному обычаю были поданы фрукты, конфекты, сиропы съ водою и кофе. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ началось представленіе Султану нашихъ генералъ-адъютантовъ и генералъ-лейтенантовъ, которые представлялись каждый особо, входя поочередно въ комнату, причемъ слѣдующій появлялся не ранѣе, какъ предъидущій выходилъ въ другія двери. Въ числѣ представленныхъ находились генералы Гурко и оба Скобелевы; остальныя лица Великокняжеской свиты оставались внизу. По окончаніи визита, Султанъ любезно проводилъ Его Высочество до пристани, находящейся у воротъ Долма-Бахче, и здѣсь простился съ Великимъ Княземъ.

Между тѣмъ пароходъ «Великій Князь Константинъ», слѣдуя далѣе вдоль по Босфору, остановился противъ дворца Бейлербей, находящагося на мало-азійскомъ берегу. Это тотъ самый дворецъ, въ которомъ жила Евгенія, бывшая императрица французская, во время ея путешествія на Востокъ.

Наши паровые катера быстро перевезли на бѣломраморную пристань всю многочисленную свиту Главнокомандующаго и роту лейбъ-гвардіи морскаго экипажа, со знаменемъ и музыкою, составлявшую почетный караулъ для встрѣчи Султана, такъ какъ Абдулъ-Гамидъ долженъ былъ отдать визитъ Великому Князю въ Бейлербеѣ. Отъ пристани до воротъ стоялъ караулъ турецкихъ стрѣлковъ, въ черныхъ курткахъ съ зелеными басонами, а во дворѣ, украшенномъ клумбами зелени, цвѣтовъ и фонтанами, выстроена была рота почетной дворцовой гвардіи Султана, съ хоромъ ея музыки. Одежда этой роты напоминаетъ отчасти мундиръ нашихъ пажей, а ея мартинивскія ружья—это верхъ изящества отдѣлки и полировки: сталь ихъ сверкаетъ какъ зеркало. Въ рядахъ роты, не отличающейся впрочемъ особенно правильнымъ ранжиромъ, къ чему такъ привыкъ нашъ глазъ, находились исключительно молодые и очень красивые люди, почти мальчики, изъ которыхъ многимъ на видъ казалось лѣтъ 13 или 14. Это все, какъ намъ говорили, дѣти лучшихъ мусульманскихъ фамилій, замѣщающія потомъ значительную долю офицерскихъ вакансій въ турецкой арміи. По сторонамъ парадной двери, ведущей съ бѣлаго мраморнаго крыльца во внутренніе покои, стояли на часахъ двое солдатъ-кавалеристовъ, съ винчестерскими магазинками и въ свѣтлолиловыхъ гусарскихъ венгеркахъ, расшитыхъ малиновыми шнурками. Рота нашего гвардейскаго экипажа, составленная вся изъ рослыхъ красавцевъ, стала тоже внутри двора, по обѣимъ сторонамъ крыльца, противъ почетной турецкой гвардіи.

Внутренность дворца, его залы, гостинныя, пріемныя, проходныя и прочія комнаты, все это, можно сказать, верхъ ослѣпительной восточной роскоши. Трудно описать сочетаніе всѣхъ этихъ красокъ, рѣзьбы, арабессокъ, скульптуры, позолоты, мрамора, порфира, яшмы, бронзы, массивнаго серебра, роскошныхъ тканей, мягкихъ ковровъ, и проч. Все это проникнуто въ однѣхъ комнатахъ мягкимъ золотистымъ, въ другихъ серебристо-голубоватымъ, въ третьихъ—розовымъ полусвѣтомъ, проходящимъ сквозь большія окна, затянутыя шелковыми узорчатыми сторами названныхъ оттѣнковъ. Каждая комната вводитъ васъ въ отдѣльный фантастически-роскошный міръ, а все вмѣстѣ невольно переноситъ воображеніе въ ска-

зочную сферу тысячи и одной ночи. Въ особенности поэтически-хороша большая зала нижняго этажа, по серединѣ которой помѣщается обширный мраморный бассейнъ съ фонтаномъ, служащій, какъ говорятъ, купальней. Въ этой роскошной и изящной залѣ, съ золотистымъ полусвѣтомъ и тонкимъ ароматомъ какихъ-то духовъ, все полно и нѣги, и таинственности. Жаль только одно, что на стѣнахъ всѣхъ этихъ изумительно роскошныхъ залъ нѣтъ ни одной картины, въ нишахъ—ни одной статуи.

Около часа по полудни прибылъ на «Ливадіи» Великій Князь, и турецкій почетный караулъ встрѣтилъ его музыкой, съ отданіемъ чести. Наша музыка не играла. Его Высочество прослѣдовалъ вдоль фронта и затѣмъ былъ введенъ во дворецъ однимъ изъ церемоніймейстеровъ, на которомъ красовался нашъ орденъ св. Станислава 2-й степени. Въ одной изъ боковыхъ комнатъ приготовленъ былъ широкій и просторный столъ, наполненный хрустальными вазами, массивнымъ серебромъ и золотомъ, букетами розъ, камелій и какихъ-то еще болѣе рѣдкихъ цвѣтовъ, разными сластями и фруктами въ золотыхъ блюдахъ и прохладительными напитками. Здѣсь всей нашей свитѣ предложенъ былъ кофе и папиросы. Минутъ черезъ двадцат Великаго Князя извѣстили, что къ пристани причаливаетъ парадная яхта Султана. Его Высочество въ сопровожденіи нѣкоторыхъ высшихъ лицъ свиты вышелъ къ пристани на встрѣчу, а вся остальная наша свита расположилась тѣсною толпою по обѣ стороны мраморнаго крыльца. Султанъ, встрѣченный звуками «похода» и музыкой русскаго почетнаго караула, въ предшествіи церемоніймейстера, который, сообразно турецкому этикету, шелъ все время почтительно обратясь лицомъ къ своему высокому повелителю, прослѣдовалъ мимо нашего фронта, рядомъ съ Его Высочествомъ, во внутренніе покои средняго этажа. Обѣ свиты—русская и турецкая—поднялись на верхъ, вслѣдъ за Августѣйшими особами, и остановились въ пріемной залѣ; Великій же Князь Главнокомандующій вмѣстѣ съ Абдулъ-Гамидомъ, въ сопровожденіи перваго министра Ахметъ-Вефика-паши и перваго драгомана русскаго посольства г. Ону, вошли направо, въ особую, смежную гостинную, куда былъ поданъ, сообразно турецкому обычаю, кофе на роскошномъ серебряномъ подносѣ.

Султанъ во время своего визита, точно также какъ и при встрѣчѣ, былъ въ черномъ партикулярномъ сюртукѣ и въ фескѣ темно-малиноваго цвѣта. На видъ—это молодой мужчина, около 30-ти лѣтъ, средняго роста, довольно худощавый, съ привлекательными чертами лица, но безстрастными и какъ бы нѣсколько утомленными глазами, взоръ которыхъ у него постоянно остается устремленнымъ куда-то въ неопредѣленное пространство—мимо лицъ и головъ всѣхъ присутствующихъ. Впрочемъ, такое направленіе султанскаго взора, какъ передавали намъ, предписывается правилами мѣстнаго придворнаго этикета. Вообще же надо замѣтить, что наружность Абдулъ-Гамида ни мало не походитъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, на общеизвѣстные, благодаря иллюстрированнымъ изданіямъ, портреты этого государя, гдѣ онъ изображается совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, безъ бороды и со слегка пробивающимися усами. Въ дѣйствительности, Султанъ Абдулъ-Гамидъ носитъ хотя и небольшую, но довольно окладистую черную бороду и кажется значительно старше тѣхъ лѣтъ, какія можно ему дать, судя по портрету. О чемъ происходилъ разговоръ между Султаномъ и Его Высочествомъ—въ ту минуту конечно оставалось неизвѣстнымъ для всѣхъ, кромѣ турецкаго премьера и г. Ону, служившаго переводчикомъ. Пока длилось въ теченіи получаса это свиданіе, взаимное вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ въ прі[illegible] сосредоточивалось преимущественно на наиболѣе выдающихся лицахъ обѣихъ свитъ. Турки очень интересовались генералами Непокойчицкимъ, Гурко и Скобелевымъ, а наши Османомъ и Реуфомъ-пашами, только за день предъ тѣмъ возвратившимися изъ Россіи—одинъ въ качествѣ освобожденнаго плѣнника, другой въ качествѣ особо-уполномоченнаго посла. Османъ освѣдомился о генералѣ Скобелевѣ 2-мъ, и когда этотъ послѣдній подошелъ къ нему—они довольно долго и очень любезно бесѣдовали между собою. Кромѣ того, паша разговаривалъ тоже довольно продолжительное время со Скобелевымъ 1-мъ и съ комендантомъ главной квартиры, генералъ-маіоромъ Штейномъ, съ которыми познакомился еще во время своего пребыванія въ Боготѣ. Генералъ Гурко и оба Скобелевы бесѣдовали также нѣсколько времени и съ Реуфомъ-пашею, которому на видъ можно дать лѣтъ сорокъ съ не-

большимъ. Это высокій и сухощавый мужчина, съ тонкими, довольно привлекательными чертами лица и съ небольшими усами. Въ средѣ турецкой свиты находилось нѣсколько молодыхъ людей весьма изящной наружности, съ англійскими проборами на затылкахъ, съ парижскими манерами, въ ловко сшитой военной формѣ (чѣмъ далеко не всѣ паши могутъ щегольнуть), съ аксельбантами и штабъ-офицерскими эполетами. Въ нашей русской службѣ положительно не найдется ни одного столь юнаго штабъ-офицера, и эти полковничьи эполеты на столь молодыхъ плечахъ удивляли многихъ изъ насъ тѣмъ болѣе, что намъ не въ рѣдкость было встрѣчать между плѣнными пятидесятилѣтнихъ поручиковъ и шестидесятилѣтнихъ капитановъ. Какъ видно, здѣсь несравненно болѣе, чѣмъ гдѣ-либо примѣнима наша пословица: «кому служба—мать, а кому—мачиха».

Черезъ полчаса Султанъ простился съ Великимъ Княземъ, который проводилъ его до яхты. Оба наши парохода стояли въ виду пристани, иллюминованные множествомъ пестрыхъ флаговъ, съ людьми, высланными на реи, съ которыхъ раздавалось привѣтственное «ура». По окончаніи султанскаго визита, Великій Князь былъ намѣренъ посѣтить германскаго посланника, князя Рейса, и Абдулъ-Гамидъ любезно предложилъ Ему довезти Его черезъ Босфоръ къ дому германскаго посольства, который величественно красуется, со своими одноглавыми орлами по верхнимъ угламъ зданія, на одной изъ возвышенностей, откуда открывается прелестнѣйшій видъ на проливъ и Скутари. Его Высочество изъявилъ свое согласіе и перешагнулъ за бортъ яхты вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ младшимъ, Герцогомъ Лейхтенбергскимъ, Принцемъ Ольденбургскимъ и двумя Своими адъютантами. Вся остальная свита перебралась на оба наши парохода, гдѣ къ этому времени былъ уже приготовленъ обѣдъ, и пока мы сидѣли за столомъ, «Константинъ» и «Ливадія» бросили якорь въ устьѣ Золотаго Рога. Всѣмъ намъ было разрѣшено воспользоваться остальнымъ нашимъ днемъ, кто какъ знаетъ.

Мы переѣхали на берегъ, въ Галату, представляющую рядъ прибрежныхъ нечистыхъ улицъ, съ высокими каменными домами, гдѣ кипитъ всяческая меркантильно-торговая и про-

мышленная дѣятельность. Тутъ мы сѣли въ вагонъ «подземной» желѣзной дороги и поднялись въ немъ по тунелю на гору, гдѣ раскинулась Пера—такъ-называемый «цвѣтъ Константинополя». Воля ваша, но этотъ «цвѣтъ» далеко не показался намъ прекраснымъ. Правда, пріятно было очутиться въ большомъ городѣ съ европейскимъ пошибомъ, послѣ всѣхъ нашихъ долговременныхъ странствій по трущобамъ Болгаріи и Румеліи, пріятно было почувствовать себя хотя бы и слегка въ европейской обстановкѣ, но все-таки Пера и Галата съ ихъ узкими кривыми улицами, обстроенными то деревянными, то каменными пяти-этажными домами, съ ихъ лавченками, магазинчиками, кабачками, кафе-шантанами и рулетками, съ ихъ плохо мощеными улицами, грязью, вонью, нечистотами и собаками—все это напоминаетъ отчасти Бухарестъ, только въ худшемъ видѣ, а отчасти варшавское наше «Краковское предмѣстье» и улицы около «Старего мяста», въ томъ видѣ, какъ они были до 1865 года. Отъ каждаго изъ этихъ пяти-этажныхъ домовъ такъ и вѣетъ мелкою индустріею, которая не останавливается ни предъ какими средствами порока, обмана и обиранія ближняго для удовлетворенія своей алчной жажды къ золоту и наживѣ. Чуть вы показываетесь на улицѣ—васъ обступаетъ и буквально начинаетъ теребить пестрая толпа разныхъ нищихъ, большихъ и малыхъ, мужчинъ и женщинъ, которые не даютъ вамъ прохода. Въ надеждѣ избавиться отъ нихъ, вы садитесь въ коляску,—они толпою бѣгутъ за вами, лопочутъ на всевозможныхъ языкахъ, протягивая руки, даже вскакиваютъ на подножки, оттискивая и опрокидывая другъ друга. Попробуйте бросить имъ какую нибудь монету—еще хуже! Въ этихъ случаяхъ вы рискуете, что толпа окончательно уже отъ васъ не отстанетъ безъ помощи заптія. И не думайте, чтобы за вами бѣжала дѣйствительная нужда, лютый голодъ, вопіющая бѣдность; отнюдь нѣтъ:—здѣсь это дѣло чисто профессіональное, «амматёрское», это тунеядство и попрошайничество, возведенное въ принципъ, это—средство къ праздной жизни; а въ то же время изъ этой среды выходятъ и мелкія мошенничества и крупныя преступленія. Кромѣ того, вы не можете сдѣлать десяти шаговъ по главной улицѣ Перы безъ того, чтобы къ вамъ не подошелъ таинственно какой нибудь chevalier d'industrie, съ предложеніемъ неприличнаго свойства, либо съ

просьбою купить у него что нибудь въ родѣ томпаковыхъ часовъ, выдаваемыхъ за золотые, какой нибудь перстень съ фальшивымъ камнемъ, серебряныя ложки, неприличныя карточки и проч. Эта Пера съ Галатой—и въ особенности Пера—это cloaca maxima всей Европы, куда стекается всякое отребье рода человѣческаго: преступники и мошенники, бѣжавшіе отъ кары закона или изъ каторги, продажная красота, выдохшаяся предварительно на всякихъ подмосткахъ Парижа, Лондона, и проч., разные революціонныхъ и коммунарныхъ дѣлъ мастера, потерпѣвшіе фіаско въ своихъ отечествахъ, всевозможные антрепренеры, прожектеры, шуллера и искатели приключеній политическихъ и иныхъ,—однимъ словомъ, всяческая мерзость, отребье и всякая сволочь. И все это, конечно, преисполнено величайшаго самомнѣнія и цивилизованной ненависти къ варварской Россіи, скрежещетъ зубами отъ ея успѣховъ и въ то же время съ іудиною любезно-сладкою улыбкой предлагаетъ русскимъ офицерамъ всевозможныя гнусныя услуги, стараясь, какъ піявки, высосать изъ нихъ побольше серебра и золота. То же самое, впрочемъ, было и въ Бухарестѣ... Это тоже cloaca, но только меньшихъ размѣровъ.

Стамбулъ, т. е. почти исключительно турецкая часть Константинополя, дѣлаетъ впечатлѣніе гораздо привлекательнѣе Перы. Если хотите, здѣсь такая же грязь и вонь, какъ и тамъ, такое же нищенство, а закоулки еще болѣе узки и темны, дома и домишки со своими балкончиками и фонариками (*шахнишинъ*) какъ бы нагромождены одинъ на другомъ, а пестрая рыночная толпа еще тѣснѣе и гуще, чѣмъ въ Перѣ и Галатѣ, но это толпа почти исключительно восточная, мусульманская: она не нахальничаетъ, не тычется вамъ въ глаза со своими непрошенными предложеніями, она держитъ себя проще, степеннѣе, достойнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь, однимъ словомъ, вы чувствуете присутствіе *человѣка*, каковъ бы онъ ни былъ, при всей его своеобычности, при всѣхъ его недостаткахъ, тогда какъ тамъ — одна лишь налощенная внѣшнею «цивилизаціей» сволочь, выброшенная за бортъ всѣми странами Европы.

Вообще, на сколько Константинополь живописно и поэтически прелестенъ, когда любуешься на него издали съ Мра-

морнаго моря или съ Босфора, на столько же онъ непривлекателенъ, когда вступишь на берегъ и потеряешься въ лабиринтѣ его грязныхъ и зловонныхъ улицъ. Впрочемъ, это вообще свойство всѣхъ видѣнныхъ нами городовъ Турціи: они чрезвычайно красивы какъ пейзажъ, и отвратительны какъ города.

Мы провели въ Константинополѣ четверо сутокъ, отдавая почти все время осмотру разныхъ достопримѣчательностей. Но въ четыре дня успѣешь осмотрѣть то и другое лишь самымъ бѣглымъ поверхностнымъ образомъ, да и притомъ всѣ константинопольскія достопримѣчательности уже не однократно бывали описаны, болѣе или менѣе подробнымъ и обстоятельнымъ образомъ. Поэтому, оставляя ихъ въ сторонѣ, будетъ гораздо интереснѣе сообщить нѣсколько данныхъ относительно политическаго настроенія Константинополя въ настоящую минуту. Во-первыхъ, въ городѣ находится теперь масса русскихъ офицеровъ, пріѣзжающихъ туда и въ партикулярномъ платьѣ, и въ военной формѣ; но какъ ни одѣнься русскій офицеръ—всѣ узнаютъ его съ разу, а потому гораздо лучше ѣздить туда не мѣняя своего привычнаго форменнаго костюма, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ здѣсь не было еще примѣра, чтобы офицеръ подвергся какой-либо непріятности, благодаря своему мундиру. Напротивъ, каждый турецкій чиновникъ, гражданскій и военный, а также и полиція оказываютъ нашимъ при всякомъ случаѣ самое любезное вниманіе, укажутъ, напримѣръ, что спросишь, проведутъ куда нужно, при какомъ-либо публичномъ зрѣлищѣ или церемоніи поставятъ на наиболѣе удобное мѣсто, и т. п., а военные караулы и часовые всѣ безъ исключенія самымъ отчетливымъ образомъ отдаютъ воинскую почесть проходящимъ мимо русскимъ офицерамъ. Мы, со своей стороны, при встрѣчѣ съ офицерами турецкими, прикладываемъ руку къ козырьку, и такимъ образомъ между нами и ими неукоснительно происходитъ обмѣнъ военной вѣжливости. Со стороны простонародья точно также не было еще ни одного покушенія къ оскорбленію русскаго. Я бывалъ и въ Стамбулѣ, и въ мечетяхъ, и въ центральномъ базарѣ одинъ, съ проводникомъ-евреемъ, одѣтый въ форменное платье, и простонародье не выказывало даже особаго любопытства къ невидан-

ному костюму: вокругъ меня никто не толпился, если не считать конечно нищихъ, никто не разглядывалъ меня и ни одного нахальнаго, вызывающаго или враждебнаго взгляда я не подмѣтилъ среди этого простонародья, а о софтахъ, не смотря на все мое желаніе видѣть хотя одного изъ нихъ— до сихъ поръ просто никакого понятія не имѣю: убрали ли ихъ куда нибудь, или сами они еще не показываются, или же условный ихъ костюмъ запретили—не извѣстно, но фактъ тотъ, что на стамбульскихъ улицахъ за всѣ четыре дня я не видалъ ни одного софта, сколько ни просилъ моего коммиссіонера указать мнѣ на нихъ при встрѣчѣ. Любопытно же было, въ самомъ дѣлѣ, взглянуть на представителей «молодой Турціи», игравшихъ недавно такую роль въ политическихъ событіяхъ мусульманской столицы. Ни о какихъ сходбищахъ, демонстраціяхъ, прокламаціяхъ, и т. п., здѣсь, какъ кажется, вовсе теперь и не думаютъ: городъ носитъ самую мирную, обыденную физіономію, кипитъ базарною меркантильною дѣятельностію и ловитъ русскіе червонцы, которые льются теперь на него золотымъ дождемъ, благодаря массѣ офицерства. Даже странно видѣть, когда встрѣчаешь иногда среди бѣла дня военный патруль, тихо, апатически бредущій по улицѣ, но... говорятъ, будто это сдѣлано въ уступку нѣкоторымъ иностраннымъ дипломатическимъ представителямъ, яко бы опасающимся «взрыва». Все это величайшій вздоръ. По крайней мѣрѣ, судя по внѣшнимъ проявленіямъ городской жизни, здѣсь никто и не думаетъ ни о какихъ взрывахъ и безпорядкахъ. Что касается черкесовъ, то я видѣлъ только тѣхъ, которые составляютъ собственный конвой Султана, остальные же всѣ, вмѣстѣ съ зейбеками и баши-бузуками переправлены уже въ Малую Азію, такъ что и этотъ элементъ безпорядковъ удаленъ изъ столицы, и такимъ образомъ ни жизни, ни спокойствію, ни «интересамъ» христіанскаго и магометанскаго населенія въ Константинополѣ не угрожаетъ ничто, кромѣ... быть можетъ, англійскаго флота, стоящаго не вѣдомо зачѣмъ въ Измидской бухтѣ.

А вотъ еще любопытная черта, рисующая здѣшнее общественное настроеніе. Былъ я какъ-то въ турецкомъ театрѣ, который находится на главной улицѣ Перы, помѣщаясь въ довольно грязненькомъ зданіи, носящемъ громкое имя «Palais

de Crystal», гдѣ подъ одною кровлею ютятся и кафе-шантанъ, и игорный домъ съ рулеткой. Театръ со всею его обстановкой напоминаетъ наши провинціальные театришки третьей руки въ захолустныхъ губернскихъ городахъ. Играютъ здѣсь на турецкомъ языкѣ почти исключительно армяне и армянки, но въ числѣ публики бываютъ и турки, преимущественно изъ молодежи. Давали при мнѣ Оффенбаховскую оперетку: «Разбойники», гдѣ, какъ извѣстно, жандармы поютъ куплеты о томъ, что тамъ, гдѣ ихъ нужно, они всегда появляются слишкомъ поздно. Предводитель этихъ жандармовъ былъ гриммированъ типичнѣйшимъ англичаниномъ, и его куплеты, получившіе благодаря этой гриммировкѣ нѣкоторый оттѣнокъ политическаго памфлета, были приняты турецкою публикою съ величайшимъ удовольствіемъ. Турки хохотали, аплодировали и заставляли «инглиза» повторять его «toujour trop tard», передаваемое по турецки не безъ комизма.

Въ пятницу, 17-го марта, я, въ числѣ многихъ русскихъ офицеровъ, отправился въ окрестности дворца Долма-Бахче, чтобы видѣть выѣздъ Султана въ мечеть. На этотъ разъ Абдулъ-Гамидъ долженъ былъ посѣтить небольшую мечеть, извѣстную подъ именемъ Меджидіе. Морская пѣхота, линейный полкъ низама, арабскіе стрѣлки и батальонъ почетной дворцовой стражи были выстроены для парада по сторонамъ площадки, окружающей мечеть. Одинъ изъ турецкихъ офицеровъ въ адъютантской формѣ, замѣтивъ, что мы затрудняемся какимъ образомъ пробраться сквозь густую толпу народа, очень любезно провелъ насъ впередъ и указалъ мѣсто на ступеняхъ террасы какого-то зданія, въ родѣ кордегардіи, откуда мы наилучшимъ образомъ могли видѣть всю церемонію.

Въ началѣ перваго часа звукъ сигнальнаго рожка возвѣстилъ о приближеніи султанскаго поѣзда. Войска взяли «на краулъ» и музыка грянула встрѣчный маршъ. Черезъ минуту показалась процессія. Впереди, по три или по четыре человѣка въ рядъ, шли двѣ колонны, составленныя изъ адъютантовъ Султана. Офицеры эти маршировали очень стройно, въ тактъ играемаго марша. За этими колоннами, шедшими одна по правой, другая по лѣвой сторонѣ прохода, образовавшагося между двумя фронтами войскъ, слѣдовалъ Абдулъ-Гамидъ верхомъ на великолѣпномъ бѣломъ арабскомъ конѣ:

онъ былъ одѣтъ въ легкое черное пальто, съ откинутымъ на плечи капюшономъ. Позади Султана слѣдовала пѣшкомъ густая толпа расшитыхъ золотомъ и серебромъ пашей, министровъ, придворныхъ чиновъ, евнуховъ и служителей. Поравнявшись съ войсками, Султанъ съ ними поздоровался, и они привѣтствовали его громкими и продолжительными криками, а проѣзжая мимо группы русскихъ офицеровъ, державшихъ руки подъ козырекъ, сдѣлалъ имъ привѣтливый знакъ рукою. Когда онъ подъѣзжалъ къ мечети, предъ которой на встрѣчу ему стояли два чиновника съ серебряными курильницами,—музыка марша смѣнилась звуками чего-то въ родѣ гимна, замолкшаго лишь тогда, когда повелитель правовѣрныхъ вошелъ во внутрь храма и муеззинъ съ высоты минарета сдѣлалъ громогласное воззваніе къ молитвѣ. Вскорѣ къ группѣ нашихъ офицеровъ подошелъ одинъ изъ старшихъ адъютантовъ Абдулъ-Гамида и объявилъ, что его величество Султанъ поручилъ ему благодарить отъ его лица русскихъ офицеровъ за ихъ любезное вниманіе. Наши перемѣшались съ офицерами турецкими, любезно обмѣниваясь поклонами, папиросами и завязывая знакомства; между тѣми и другими тотчасъ же пошли довольно оживленные разговоры, турки показывали намъ разные предметы снаряженія своихъ войскъ, въ числѣ коихъ обращаютъ на себя вниманіе прекрасные большіе топоры съ золотыми узорчатыми насѣчками—принадлежность саперовъ, которые носятъ ихъ на плечѣ, слѣдуя особою небольшою командой во главѣ каждаго батальона. Тутъ же на площади находился и нашъ старый знакомецъ Османъ-паша, любезно разговаривавшій въ кружкѣ нашихъ. Вообще, въ отношеніяхъ турокъ къ русскимъ и здѣсь, какъ на базарѣ и повсюду, не пришлось мнѣ подмѣтить ничего враждебнаго. Напротивъ того—полное вниманіе и любезность. Англичане на этомъ выходѣ блистали своимъ отсутствіемъ. По крайней мѣрѣ, никто изъ насъ не замѣтилъ ни англійскаго морскаго мундира, ни извѣстныхъ своею типичностью британскихъ физіономій, тогда какъ и тѣ и другія нерѣдко попадаются въ городѣ. Молитва въ мечети продолжалась нѣсколько болѣе часа, послѣ чего Султанъ пропустилъ войска церемоніальнымъ маршемъ, который былъ исполненъ ими очень удовлетворительно, въ особенности если принять во

вниманіе, что въ строю находилось не мало новобранцевъ, лишь три недѣли назадъ поступившихъ въ военную службу. По окончаніи марша Абдулъ-Гамидъ возвратился въ свой дворецъ такимъ же торжественнымъ порядкомъ.

XCIV

Прощальный смотръ Великаго Князя

Слухи объ отъѣздѣ Великаго Князя въ Россію. — Пребываніе Его Высочества въ Константинополѣ и два концерта въ пользу турецкихъ бѣглецовъ. — Пріѣздъ генералъ-адъютанта Тотлебена. — Пасхальная заутреня въ Санъ-Стефано. — Болгарская депутація. — Прощаніе Великаго Князя со штабомъ и войсками. — Смотръ войскъ и объявленіе имъ о Высочайшихъ наградахъ гвардейскимъ частямъ. — Отъѣздъ Великаго Князя изъ Санъ-Стефано. — Перечень нашихъ боевыхъ призовъ за время войны въ Европейской Турціи.

Санъ-Стефано, 17-го апрѣля.

Около двухъ недѣль тому назадъ ходили слухи въ Санъ-Стефано, что Великій Князь Главнокомандующій, въ виду возвращающихся признаковъ болѣзни, которою страдалъ еще въ Кишиневѣ, оставляетъ свой постъ при дѣйствующей арміи. Говорили, что вмѣстѣ съ Главнокомандующимъ отъѣзжаютъ въ Россію также и высшія лица штаба: генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, свиты генералъ-маіоръ Левицкій и генералъ-маіоръ Кучевскій, а взамѣнъ ихъ пріѣзжаетъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, въ качествѣ главнокомандующаго, и генералъ-адъютантъ князь Имеретинскій, который займетъ должность начальника штаба арміи. Эти слухи оправдались только отчасти: генералъ Кучевскій уѣхалъ еще ранѣе Главнокомандующаго въ Варшаву и оттуда въ заграничный отпускъ, а генералъ Левицкій остается при арміи на прежнемъ своемъ мѣстѣ помощника начальника штаба.

Въ виду скораго отъѣзда Его Высочества предположенъ былъ большой парадъ, на которомъ долженствовали участвовать всѣ войска, сосредоточенныя вокругъ Константинополя, а также 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и нѣкоторые гвардейскіе кавалерійскіе полки, находящіеся въ окрестностяхъ Родосто. Ненастная дождливая погода заставила однако отка-

заться отъ мысли о большомъ парадѣ, дабы не подвергать расположенныя въ отдаленности части неудобствамъ бивуачнаго расположенія на глубоко разбухшей глинистой и болотистой почвѣ, что̀ безъ сомнѣнія вредно отразилось бы на ихъ санитарномъ состояніи. Парадъ былъ отмѣненъ.

Великій Князь за послѣднее время часто бывалъ въ Константинополѣ, имѣя пребываніе на Императорской яхтѣ «Ливадія», съ борта которой иногда съѣзжалъ на берегъ, для посѣщеній русскаго посольства и для прогулокъ въ окрестностяхъ города. При этомъ каждый разъ Его Высочество оказывалъ вниманіе и матеріальную помощь тысячамъ турецкихъ бѣглецовъ лишенныхъ пристанища и средствъ къ существованію. Ради помощи этимъ несчастнымъ, въ Константинополѣ было устроено два концерта, 11-го и 13-го апрѣля, исполненныхъ въ залѣ военной школы, въ Панкальди. На первомъ изъ нихъ обѣщалъ быть Султанъ и потому въ концертную залу собралось все высшее общество Перы и Стамбула. Русскихъ было немного, потому что афиши объ этомъ музыкальномъ празднествѣ не были заблаговременно и въ достаточномъ числѣ распространены въ Санъ-Стефано; были только тѣ, кто случайно успѣлъ узнать о концертѣ. Программа была уже исполнена почти на половину, а Султанъ все еще не показывался, какъ вдругъ въ залѣ появился, въ сопровожденіи нѣсколькихъ турецкихъ сановниковъ, Намыкъ-паша и объявилъ во всеуслышаніе, что его величество Падишахъ, по причинѣ нездоровья, не можетъ пріѣхать, но поручилъ ему, Намыку, благодарить его именемъ всѣхъ присутствующихъ, за сочувствіе и помощь несчастнымъ бѣглецамъ. Всѣ прибывшіе сановники, вмѣстѣ съ Намыкомъ, размѣстились на покрытыхъ краснымъ сукномъ ступеняхъ трона, который былъ нарочно приготовленъ здѣсь для Султана.

Узнавъ о второмъ концертѣ, который готовился на 13-е число, Великій Князь разрѣшилъ всѣмъ желающимъ офицерамъ присутствовать на немъ въ военной формѣ и самъ лично пожертвовалъ за свой билетъ около шести тысячъ франковъ. Не смотря на довольно высокую цѣну—27 франковъ за билетъ, что̀ на наши кредитки составляетъ по нынѣшнему курсу болѣе десяти рублей, концертная зала была полна преимущественно нашимъ офицерствомъ. Фасадъ и дворъ военной

школы были иллюминованы разноцвѣтными фонарями и лампіонами. Этотъ дворъ былъ переполненъ толпами любопытнаго простонародья, ради котораго тутъ же игралъ въ антрактахъ оркестръ турецкой военной музыки. Великій Князь на концертѣ не присутствовалъ, хотя турки почему-то были увѣрены, что Онъ непремѣнно будетъ. Распорядители концерта старались выказывать въ отношеніи русскихъ особенную любезность, за исключеніемъ впрочемъ одного лишь Фуада-паши, который все время угрюмо держался въ сторонѣ и усиленно кидалъ на нашихъ офицеровъ взгляды исполненные ненависти, видимо стараясь, чтобы это было замѣчено ими. Но такое поведеніе этого паши если и смущало кого-либо, то никакъ не офицеровъ, а самихъ распорядителей концерта *).

15-го апрѣля, наканунѣ Пасхи, русскій пароходъ «Цесаревна» привезъ въ Санъ-Стефано генералъ-адъютанта Тотлебена съ княземъ Имеретинскимъ, которые въ тотъ же день присутствовали на обѣдѣ у Его Высочества. Здѣсь стало извѣстно, что Великому Князю Высочайше пожалованъ фельдмаршалскій жезлъ и что Его Высочество не позже среды (19-го апрѣля) отъѣзжаетъ въ Россію.

Къ нашимъ войскамъ еще за нѣсколько дней особый пароходъ привезъ изъ Одессы массу куличей, пасокъ, красныхъ яицъ, окороковъ и прочаго, чтобы солдаты могли разговѣться на чужбинѣ такъ же, какъ и у себя на родинѣ. Заутреня совершалась полковыми священниками на мѣстахъ бивуачнаго расположенія войскъ, подъ открытымъ небомъ. Ночь была ясна, тепла и столь тиха, что свѣчи не гасли на воздухѣ и горѣли ровнымъ пламенемъ. Санъ-Стефано было переполнено народомъ, нарочно пришедшимъ изъ Константинополя и окрестныхъ деревень, причисленныхъ къ мѣстному приходу. Сюда же, въ ожиданіи заутрени, собралась масса русскаго офицерства верхами и въ экипажахъ. Всѣ дома мѣстечка были иллюминованы цвѣтными фонарями, свѣчами, шкаликами, и убраны надъ входами и по стѣнамъ гирляндами лавровъ и

*) Фуадъ-паша, будучи назначенъ на должность константинопольскаго коменданта, успѣлъ, вмѣстѣ съ пашою Мехмедомъ-Али, въ самое короткое время соорудить вокругъ столицы линію траншей, редутовъ и люнетовъ.

миртовъ. Суда стоявшія на рейдѣ тоже подняли цвѣтные фонари и флаги, а русскіе военные пароходы все время жгли цѣлые ряды бенгальскихъ огней и фальшфейеровъ, вслѣдствіе чего видъ на море, при чудномъ лунномъ освѣщеніи, былъ необыкновенно эффектенъ. Не задолго до заутрени, Савфетъ-паша, прибывшій въ Санъ-Стефано, былъ представленъ Великимъ Княземъ генералу Тотлебену, какъ новому главнокомандующему русской дѣйствующей арміи.

Минутъ за пять до полуночи, Его Высочество пришелъ въ санъ-стефанскую греческую церковь, а ровно въ полночь изъ дверей ея двинулся крестный ходъ, обошедшій вокругъ храма. Вся площадь, ближайшія улицы и морской берегъ были усѣяны мигающими звѣздочками разомъ зажегшихся свѣчекъ; толпы молящихся солдатъ и народа густо наполняли всю мѣстность, прилегающую къ церкви. Адъютанты и ординарцы Великаго Князя несли въ процессіи походные образа Его Высочества, а одинъ лейбъ-казакъ шелъ впереди съ великокняжескою хоругвію. Божественную службу совершало русское и греческое духовенство; на обоихъ клиросахъ пѣли два хора—одинъ изъ русскихъ любителей, другой—изъ походныхъ пѣвчихъ придворной капеллы. На внутренней церковной галлереѣ стояли русскія дамы и сестры милосердія; весь храмъ, залитый свѣтомъ, былъ переполненъ офицерами въ парадной походной формѣ. Служба продолжалась менѣе двухъ часовъ, послѣ чего всѣ присутствующіе были приглашены разговляться въ столовую залу Великаго Князя.

16-го, въ самый день свѣтлаго праздника, прибыла въ Санъ-Стефано болгарская депутація, въ числѣ болѣе семидесяти человѣкъ, отъ всѣхъ важнѣйшихъ городовъ и мѣстечекъ болгарскаго края. Во главѣ этой депутаціи находился митрополитъ софійскій, прибывшій сюда для поднесенія благодарственныхъ адресовъ отъ болгарскаго народа Великому Князю и, чрезъ посредство Его Высочества, Государю Императору. Эти адресы покрыты, каждый, болѣе чѣмъ двумя стами тысячъ подписей, и тотъ, который представляется на Высочайшее Имя заключаетъ въ себѣ горячую благодарность всего народа за освобожденіе и мольбу о дальнѣйшемъ покровительствѣ. Между прочимъ, въ немъ выражена мысль, что по древнему болгарскому обычаю, христіанинъ, спасенный отъ бѣды

и напасти, подносилъ своему избавителю наперсный крестъ, въ знакъ благодарности и духовнаго христіанскаго братства, а потому, возобновляя этотъ священный обычай, болгарскій народъ смиренно проситъ Его Величество принять и возложить на Себя его народное подношеніе—золотой крестъ, водруженный на серебряномъ полумѣсяцѣ, въ память избавленія Болгаріи отъ ига турецкаго. Этотъ крестъ сдѣланъ чрезвычайно изящно и виситъ на трехцвѣтной лентѣ національныхъ болгарскихъ цвѣтовъ, продѣтой въ золотую пряжку, на которой изображено: внизу *1393 годъ* (годъ паденія царства болгарскаго) и вверху—*1878 года 19-го февраля*. На оборотной сторонѣ креста надпись: *Освободителю Царю—болгарскій народъ*. Въ томъ же адресѣ испрашивается Высочайшее разрѣшеніе носить подобные же кресты всѣмъ русскимъ людямъ, потрудившимся въ пользу Болгаріи, какъ знакъ воспоминанія о великой войнѣ за правое дѣло и свободу братьевъ.

Въ тотъ же день (16-го), около семи часовъ вечера послѣдовало приказаніе, что всѣ части санъ-стефанскаго отряда, совмѣстно съ нѣкоторыми другими изъ ближайше расположенныхъ войскъ, имѣютъ участвовать завтрашній день (17-го) въ парадѣ, назначаемомъ въ 11 часовъ утра, на полѣ между Санъ-Стефано и чифтликомъ Ай-Мама.

17-го апрѣля, въ 9 часовъ утра, Великій Князь принималъ у себя въ саду всѣхъ лицъ штаба, отдѣловъ и управленій дѣйствующей арміи, причемъ въ теплыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ выразилъ имъ благодарность за усердную службу, съ пожеланіемъ продолжать ихъ труды столь же ревностно и при новомъ главнокомандующемъ. Непосредственно затѣмъ Его Высочество изволилъ присутствовать на церемоніи освященія и врученія знаменъ, пожалованныхъ за боевыя отличія 14-му и 15-му стрѣлковымъ батальонамъ. Эта церемонія происходила на площади передъ домомъ, занимаемымъ Великимъ Княземъ.

По окончаніи торжества, Главнокомандующій, въ сопровожденіи свиты, отправился на смотръ войскъ, собранныхъ на обширномъ полѣ. Въ свитѣ присутствовали генералъ-адъютанты Тотлебенъ и князь Имеретинскій, а также германскій посолъ князь Рейсъ.

Въ строю участвовали: 1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи, три батальона гвардейской стрѣлковой бригады (за исключеніемъ Финскаго батальона, уже отправленнаго на родину), лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ, гвардейскій Морской экипажъ, батальонъ пѣшаго конвоя Главнокомандующаго, 4-я стрѣлковая бригада, 16-я пѣхотная дивизія, вся пѣшая, горная и скорострѣльная артиллерія, принадлежащая къ этимъ частямъ, полки лейбъ-гвардіи: Уланскій, Драгунскій и Казачій, 8-й драгунскій Астраханскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича старшаго полкъ, уральская сотня и двѣ батареи гвардейской конной артиллеріи, изъ коихъ одна казачья. Объѣзжая фронтъ всѣхъ этихъ частей, выстроенныхъ въ четыре линіи, Его Высочество изволилъ остановиться предъ стрѣлковымъ батальономъ Императорской Фамиліи и, вызвавъ къ себѣ офицеровъ, поздравилъ ихъ и солдатъ съ Высочайшею милостію, выразившеюся въ пожалованіи батальону, за его храбрую боевую службу, георгіевскаго знамени. Затѣмъ Великій Князь, подъѣхавъ къ Своему конвойному батальону и лейбъ-казачьему полку, благодарилъ ихъ за службу и за то, что они, какъ конвойныя части, берегли Его въ теченіи всей кампаніи, и наконецъ, приблизясь къ лейбъ-гвардіи Драгунскому полку, а затѣмъ къ гвардейской донской батареѣ, поздравилъ, отъ Имени Государя Императора, первый—съ георгіевскимъ штандартомъ, а послѣднюю—съ правами старой гвардіи. Всѣхъ командировъ названныхъ частей Его Высочество удостоилъ пожатіемъ руки и прощальнымъ поцѣлуемъ. Послѣ этого, подъѣхавъ къ лейбъ-гвардіи Московскому полку, Великій Князь вызвалъ сюда всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей гвардіи, до батальонныхъ командировъ включительно, и объявилъ имъ о полученной отъ Государя Императора телеграммѣ, гдѣ Его Императорское Величество извѣщаетъ, что за боевыя отличія жалуетъ: всей гвардіи—надписи на головные уборы, лейбъ-Атаманскому полку, Финскому стрѣлковому батальону и донской гвардейской батареѣ—права старой гвардіи, а лейбъ-Драгунскому и лейбъ-гвардіи Гродненскому гусарскому полкамъ и стрѣлковому Императорской Фамиліи батальону—георгіевскіе штандарты и знамя. Въ заключеніе Его Высочество поблагодарилъ всѣ части, въ лицѣ ихъ командировъ, за лихую бое-

вую службу, въ трогательныхъ выраженіяхъ выразилъ сожалѣніе, что болѣзнь вынуждаетъ его разстаться съ ними, и заключилъ Свои слова надеждою, что если имъ придется сразиться съ новымъ врагомъ, то они покажутъ себя такими же молодцами, какъ и въ минувшую кампанію.

Послѣ этого войска прошли церемоніальнымъ маршемъ и были распущены по домамъ. Въ пять часовъ по полудни Его Высочество, въ сопровожденіи громадной толпы офицеровъ всѣхъ чиновъ, отправился на пристань, гдѣ еще разъ распростился съ ними и при кликахъ войскъ, построившихся вдоль набережной, отъѣхалъ въ паровомъ катерѣ на пароходъ «Ливадія», который тутъ же снялся съ якоря и отправился въ Константинополь. Сдѣлавъ прощальный визитъ Султану, Великій Князь на другой день отплылъ въ Россію.

Исчисляемъ результаты боевыхъ призовъ, взятыхъ нашими войсками на Балканскомъ полуостровѣ, въ теченіи минувшей кампаніи, подъ главнымъ командованіемъ Его Высочества:

Въ плѣнъ взято 15 пашей, 113,000 штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, отбито 606 орудій разныхъ калибровъ, 9,600 палатокъ и 140,200 ружей различныхъ англійскихъ системъ, 24,000 лошадей, 13,000 пикъ и до 200,000 прочаго оружія *).

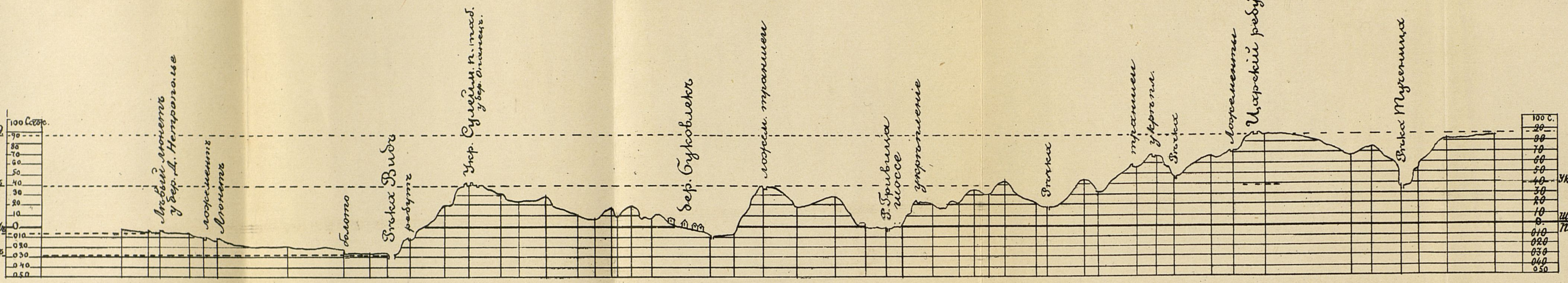
КОНЕЦЪ

*) Свѣдѣнія о ходѣ дипломатическихъ переговоровъ въ Адріанополѣ и Санъ-Стефано, событія за время стоянки войскъ предъ Константинополемъ, жизнь въ Санъ-Стефано, санитарныя, продовольственныя, криминальныя и иныя данныя по разнымъ частямъ управленія арміи, и разныя дополнительныя свѣдѣнія, очерки и разсказы войдутъ въ послѣдствіи, въ составъ особаго тома, который составитъ продолженіе писемъ изъ дѣйствующей арміи.

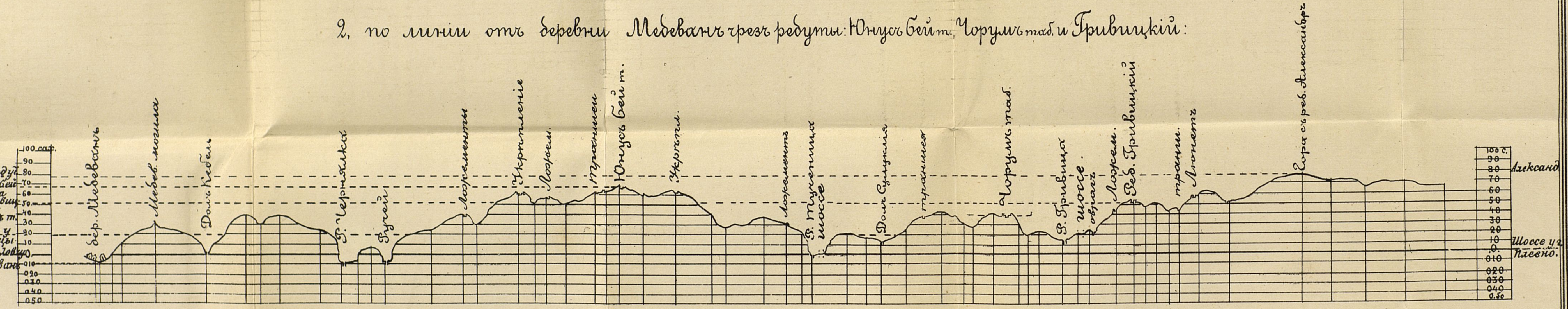
Глазомѣрная съемка
Шипкинскаго
перевала
и окрестностей деревни
Зелено Древо
Масштабъ въ 250 саж.
саж. 250 200 150 100 50 0 ½ 1 1½ вер.
Снято 18 и 19 Августа 1877 г.
Объясненіе знаковъ.
Фонтанъ
Батарея
Караулка
Мостъ
Дорога большая
——— проселочная
Тропинка
Лѣсъ
Деревня
Казармы
Исполнено въ Химиграфическомъ заведеніи М. Д. Рудометова Подольская ул. домъ № 6.
Топлишъ
Спасетъ
въ Габрово
Баювцы
Стаминецъ
Зелено Древо
Фонтанъ
Монастырь
р. Козлица
Г. Рашейска
Караульня
Батарея
Бывшая турецкая батарея
Батарея
Круглая батарея
Казармы
Турецкая батарея
Зеленыя горы
Батарея
Турецкая батарея
Г. Св. Николая
Стальная батарея
Тур. батарея
Дорога въ Шипку
Тур. батарея

Профили укрѣпленнаго лагеря при городѣ Плевно:

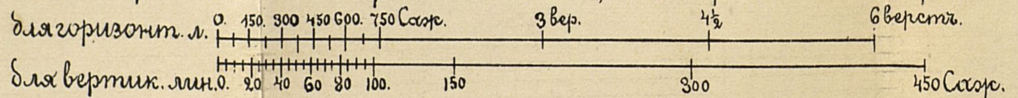
1, по ломанной линіи отъ Лѣваго люнета чрезъ укрѣпленіе на горѣ у дер. Опанецъ, Сулейманъ паша табіа, деревню Буковлекъ и Царскій редутъ:



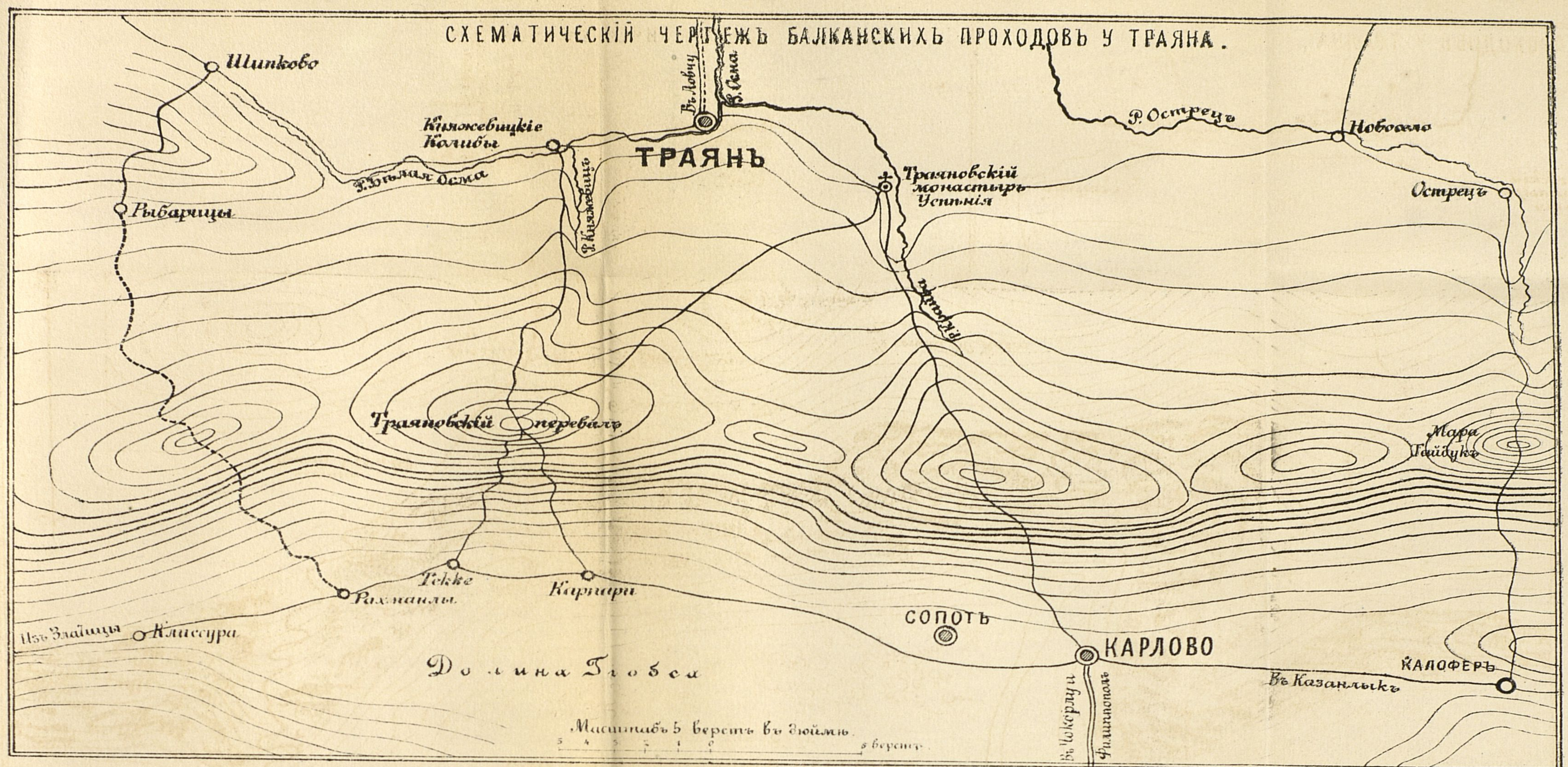
2, по линіи отъ деревни Медеванъ чрезъ редуты: Юнусъ бей т., Чорумъ таб. и Гривицкій:



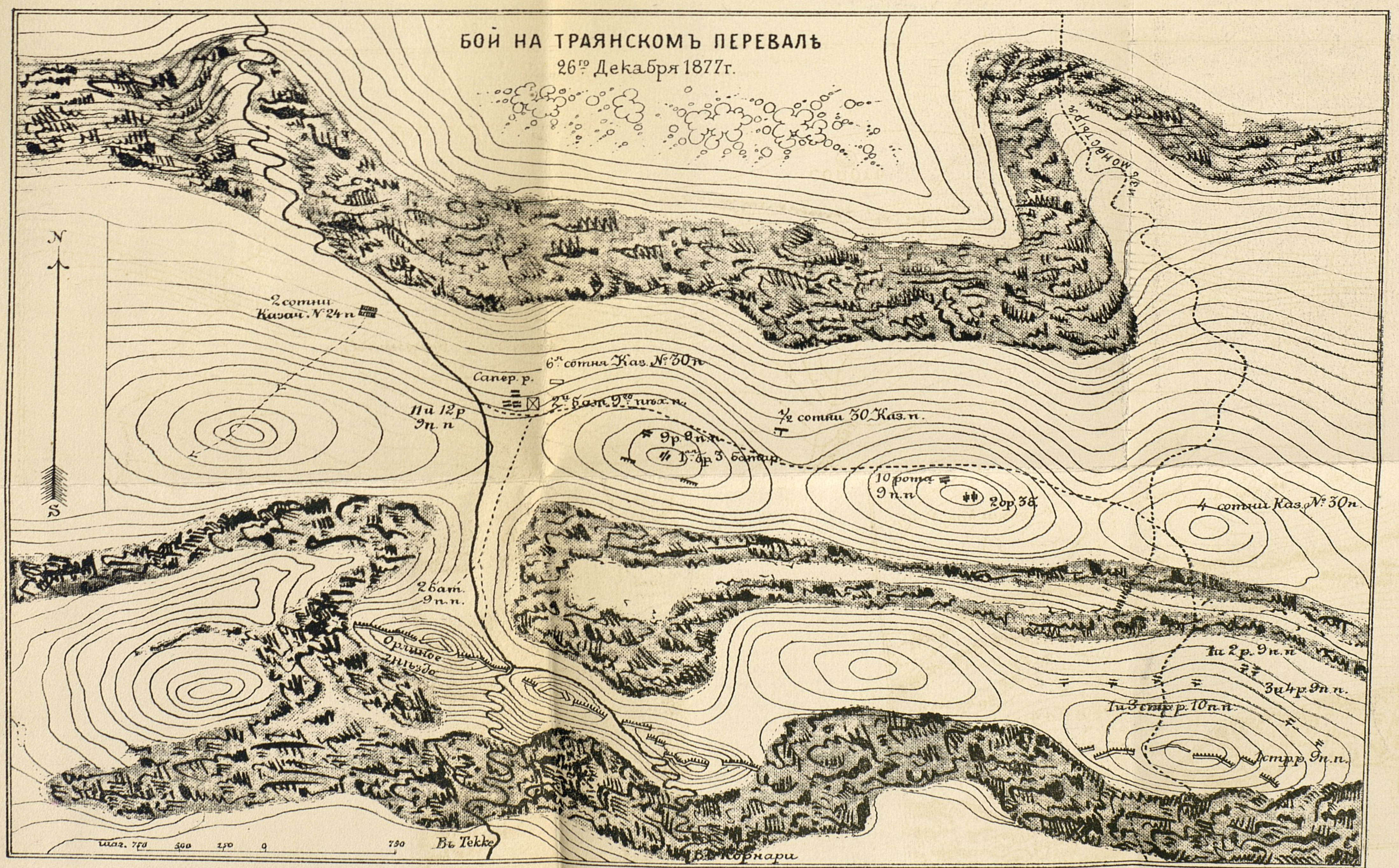
Масштабы: для горизонтальныхъ разстояній $\frac{1}{63000}$, - для вертикальныхъ разстояній $\frac{1}{8820}$.



Февраля 1879 г. В. С. Тяпинъ



СХЕМАТИЧЕСКІЙ ЧЕРТЕЖЪ БАЛКАНСКИХЪ ПРОХОДОВЪ У ТРАЯНА.



БОЙ НА ТРАЯНСКОМЪ ПЕРЕВАЛѢ
26-го Декабря 1877 г.

Химо-Литографія М. Рудометова подол. у. № 6.

2007052535